ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

Пирс

ЭНТОНИ

Заклинание для хамелеона

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

Чарльз

Диккенс

Захватывающие дух приключения

Пирс
ЭНТОНИ

Заклинание для хамелеона

•

Источник магии

•

Замок Ругна

ЭКСМО
Москва
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2009

Пирс
ЭНТОНИ

Заклинание для хамелеона

ЭКСМО
Москва
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2009

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Э 67

Piers ANTHONY

A SPELL FOR CHAMELEON
© 1977 by Piers Anthony

THE SOURCE OF MAGIC
© 1979 by Piers Anthony

CASTLE ROOGNA
© 1979 by Piers Anthony

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Энтони П.

Э 67 Заклинание для хамелеона : фантастические произведения / Пирс Энтони ; пер. с англ. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2009. — 1056 с. — (Шедевры фантастики).

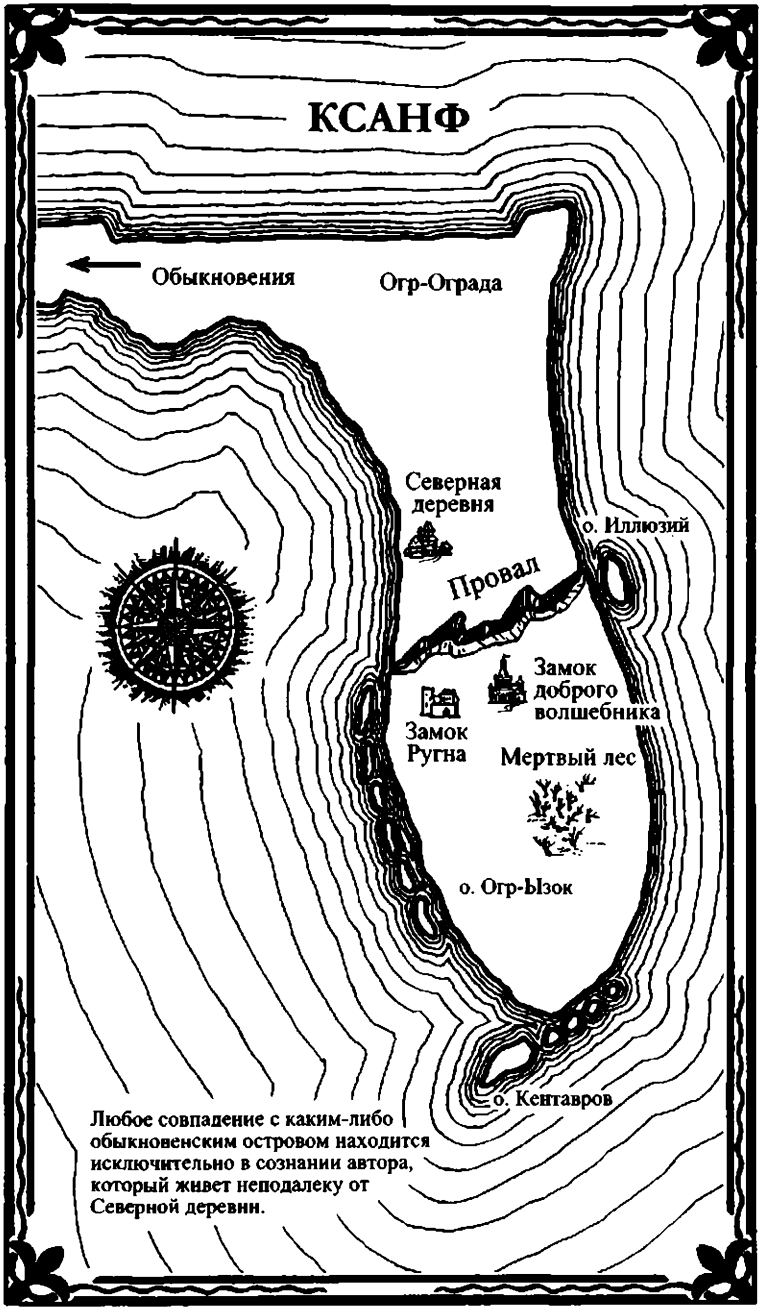
ISBN 978-5-699-37156-3

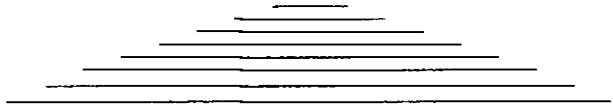
Цикл романов Пирса Энтони о Ксанфе — один из самых популярных сериалов в истории мировой фантастики. В мире Ксанфа каждый его обитатель наделен магическим даром, но вот только открыть этот дар в себе способен не каждый. Ну а если ты до наступления совершеннолетия не проявил себя на магическом поприще, тебя бессрочно ссылают в Обыкновению, некое подобие Страны дураков из известной сказки. Выбраться же оттуда чертовски сложно, но об этом вам лучше других поведает Бинк — один из тех неудачников, кого угораздило сменить волшебные небеса Ксанфа на серое небо Обыкновении.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. Д. Прияткин, С. Буренин, И. Трудолюбова, 2009
© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2009

ISBN 978-5-699-37156-3


КСАНФ
Обыкновения
Огр-Ограда
Северная деревня
о. Иллюзий
Провал
Замок доброго волшебника
Замок Ругна
Мертвый лес
о. Огр-Ызок
о. Кентавров
Любое совпадение с каким-либо обыкновенским островом находится исключительно в сознании автора, который живет неподалеку от Северной деревни.



Заклинание для хамелеона

Глава 1

КСАНФ

На буром камне пристроилась ящерка. Почувствовав угрозу — по тропинке приближались люди,— она превратилась в лучевика, потом в жука-дихлофоса, потом в огненную саламандру.

Бинк улыбнулся. Это были не настоящие превращения. Ящерка принимала облик отвратных монстриков, но не их суть. Ни поражать лучом, ни вонять, ни гореть она не могла, будучи просто-напросто хамелеоном. Хамелеоны прибегают к магии, принимая вид действительно опасных существ.

Но все же, когда ящерка преобразилась в василиска и уставилась на Бинка лютым взглядом, от его веселья не осталось и следа. Если бы такая злоба могла поразить, он умер бы ужасной смертью.

Но внезапно с неба спикировал стрекоястреб и схватил хамелеона клювом. Издав пронзительный визг, хамелеон забился в судорогах, потом тело ящерки обмякло, а стрекоястреб взмыл ввысь. Притворство не спасло хамелеона. В тот самый миг, когда он пытался напугать Бинка, его погубило другое существо.

Эта мысль не покидала сознания Бинка. Ящерка безвредна — в отличие от других представителей неодомашненного Ксанфа. Не была ли разыгравшаяся перед ним сценка своего рода знамением, легким намеком на уготованную ему участь? Знамения — дело серьезное; они всегда сбываются, только правильно их понять удается лишь тогда, когда уже слишком поздно. Неужели Бинк обречен на лютую погибель? А может, наоборот, кто-нибудь из его врагов?

© Перевод Д. Прияткина.

Но, насколько он знал, врагов у него не было. Сквозь магический щит сияло золотое солнце Ксанфа, выбивая из деревьев искорки. Каждое растение обладало своими чарами, но никакое волшебство не могло отменить потребности в свете, воде, доброй почве. Наоборот, волшебство употреблялось для того, чтобы все необходимое растениям стало доступнее. И чтобы спасти их от истребления — но лишь пока его не одолеет более сильная магия. Или невезение, как случилось с хамелеончиком.

Бинк посмотрел на свою спутницу, как раз оказавшуюся в наклонном луче света. Он, конечно, не растение, но и у него есть потребности — и даже самый беглый взгляд на девушку заставил его ощутить эти потребности особенно остро. Сабрина потрясающе красива, и при этом красота ее совершенно естественна. Другие девчонки улучшают внешность с помощью косметики, накладочек, специальных заклинаний, но рядом с Сабриной все они выглядят несколько искусственно. Она — не враг, это точно!

Они вышли к Обзорному камню. Сам по себе камень не сильно высок, но благодаря местной магии кажется много выше, чем есть на самом деле; с него можно обозревать почти четверть Ксанфа: разноцветную растительность, симпатичные озерца, обманчиво тихие цветочные и папоротниковые луга, желтеющие нивы. Прямо на глазах Бинка одно из озер чуточку увеличилось в размерах, желая казаться прохладнее и глубже — наилучшим местом для купания.

Это на мгновение обеспокоило Бинка. Такое нередко с ним случалось. Ум у него пытливый, непокорный, вечно досаждает вопросами, на которые не сразу ответишь. Еще ребенком он частенько доводил родителей и друзей до грани отчаяния вечными: «А почему солнце желтое?», «А почему огры-великаны гложут кости?», «А почему морские монстры не колдуют?» — и тому подобной младенческой ерундой. Неудивительно, что его очень скоро сдали кентаврам на обучение. Теперь-то он научился сдерживать если не ум, то язык, а потому молча пережевывал ненужные мысли.

Он еще мог понять магию живых существ, того же хамелеона, к примеру. Она обеспечивала им комфорт, выживание, престиж, наконец. Но неживой-то природе магия на кой сдалась?

Не все ли равно тому же озеру, кто в нем купается? Вообще-то, может, и не все равно, ведь озеро — экологическая система, и живущие в нем организмы заинтересованы в развитии этой системы. Или же это заманивает добычу пресноводный дракон? Драконы — самая многообразная и опасная форма жизни в Ксанфе, они водятся в воздухе, в земле, в воде, а некоторые дышат огнем. Общее у них только одно — хороший аппетит. И случается, им не хватает свежего мясца.

А как же тогда с Обзорным камнем? Он совсем голый, даже лишайники не растут, и ни капельки не красивый. К чему ему общество? А если уж оно так нужно, почему бы не причепуриться маленько, а не оставаться серым занудой? А то люди приходят сюда и любуются не камнем, а остальным Ксанфом. Что-то маловато толку в таких чарах.

Но тут Бинк налетел носком башмака на острый камешек. Он стоял на террасе из битого камня, которую сложили в незапамятные времена, когда расколотили огромный разноцветный валун и...

А, так вот оно что! Значит, второй камень, который, судя по всему, стоял поблизости от Обзорного и был примерно того же размера, разбили, чтобы проложить тропинку и террасу. А Обзорный камень уцелел. Никто не захотел расколотить его, потому что тропинка получилась бы уж очень неприглядная, а бескорыстная магия камня и так имела свою пользу. Вот, одна малая тайна раскрыта.

И все же, не отставал его неугомонный ум, остаются философские нестыковки. Разве неодушевленный предмет может думать или чувствовать? Что означает выживание для камня? Ведь валун — часть более древнего каменного массива, почему же тогда у валуна есть личные свойства, а у массива нет? Кстати, тот же вопрос уместен и по поводу человека — он состоит из тканей съеденных им растений и животных, но при этом имеет...

— О чем ты хотел поговорить со мной, Бинк? — скромно опустив глазки, спросила Сабрина.

Можно подумать, она не знает! В голове у Бинка выстраивались нужные слова, но язык не поворачивался произнести их. Он знал, какой ответ ему придется выслушать. Никто не имеет

права оставаться в Ксанфе после двадцати пяти лет, если до той поры не проявит магический талант. До рокового дня рождения Бинку оставался всего месяц. Он уже далеко не ребенок. Может ли она выйти замуж за того, кому так скоро предстоит изгнание?

Почему он не подумал об этом, прежде чем привести ее сюда? Срамотища, и только! Теперь непременно надо сказать ей что-нибудь, иначе он и ее поставит в неловкое положение.

— Я только хотел взглянуть на твою... твою...

— На мою — что? — осведомилась она, кокетливо приподнимая бровь.

Он почувствовал, как по горлу поднимается жаркая волна.

— Твою голограмму,— выпалил он.

Разумеется, ему хотелось увидеть да и потрогать не только ее голограмму, но это можно только после свадьбы — вот такая она девушка, и оттого только милее. Самым прелестным совсем не обязательно выставлять свои прелести напоказ...

Ну, оно не совсем так. Бинку вспомнилась Аврора, которая тоже не без прелестей, но тем не менее...

— Бинк, есть такой способ...— сказала Сабрина.

Он скользнул по ней взглядом и быстренько отвернулся в смятении. Уж не предлагает ли она?..

— Добрый волшебник Хамфри,— безмятежно продолжила Сабрина.

— Что?

Он-то подумал совсем о другом. Щас, размечтался!

— Хамфри знает сотню заклинаний. Может, какое-то из них... Уверена, он сумеет определить, в чем твой талант. И тогда все будет хорошо.

Вот так.

— Но за одно-единственное заклинание он требует год службы,— возразил Бинк.— А у меня только месяц.

Ну, это не совсем так; если волшебник определит, в чем талант Бинка, то и изгнание ему не грозит, а стало быть, год у него будет. Бинк был глубоко тронут верой Сабрины в него. Она не говорит того, что говорят все прочие: дескать, нет у него магии. Она предпочитает считать, что его магия просто еще не проявилась. Как мило с ее стороны!

Возможно, именно эта вера и привлекла его к Сабрине. Конечно же, она красива, умна, талантлива — подруга, завидная во всех отношениях. Даже будь она поплоше во всем, все равно для него нет никого желаннее...

— Год — это не так долго,— проговорила Сабрина.— Я буду ждать.

Бинк в задумчивости уставился на свои руки. С правой все нормально, а вот на левой он еще в детстве лишился среднего пальца. И злая магия здесь совершенно ни при чем. Просто баловался с тесачком, прижав к земле спиральку змей-травы и вообразив, будто рубит хвост дракону. А что, чем раньше мальчишка начнет готовиться к серьезной жизни, тем лучше. Как раз когда он замахивался, спиралька вырвалась у него из рук, он попытался ее схватить и со всей мочи заехал тесачком по пальцу.

Ох и больно было! А главное, не моги ни разораться, ни пожаловаться — ему ведь строго-настрого запретили играть с тесаком. Пришлось изо всех сил сдерживаться и страдать молча. Палец он похоронил, а потом несколько дней скрывал свое увечье, не разжимая ладонь. Когда же правда все-таки обнаружилась, восстановительная магия уже не могла помочь: палец сгнил и приставить его назад не было никакой возможности. Конечно, достаточно сильный морок мог бы и подействовать, но палец остался бы пальцем-зомби.

Бинка тогда не наказали. Мать его, Бьянка, решила, что он и так получил хороший урок. Не то слово! Когда в другой раз вздумает побаловаться с тесаком, уж не забудет последить за пальчиками. Отец, похоже, втайне гордился, что Бинк выказал столько мужества и выдержки, хоть и пострадал по собственной вине.

— Силы духа парню не занимать,— сказал тогда Роланд.— Ему б еще магии...

Бинк резко оторвал взгляд от ладони. Пальца он лишился пятнадцать лет назад. И вдруг год службы показался ему сроком недолгим. Всего год — а взамен целая жизнь с Сабриной! Неслабая сделка!

И все же, а если у него не обнаружится магии? Отдать год жизни за подтверждение неизбежности изгнания в жуткий мир

бездарей? Тогда не лучше ли примириться со ссылкой, сохранив пустую надежду, что у него все же имеется скрытый талант?

Сабрина, оставив Бинка наедине с его маловразумительными мыслями, начала выстраивать голограмму. Перед ней возникла голубая дымка. Она нависла над склоном, разрослась, густея посередине и разреживаясь по краям, пока не стала всего два локтя в диаметре. Дымка не рассеивалась и никуда не уплывала.

Сабрина запела без слов. У нее был хороший голос — несильный, но вполне подходящий для ее магии. При этих звуках дымка заколебалась и уплотнилась, превратившись в неровный шар. Потом Сабрина изменила тональность, и оболочка шара пожелтела. «Девушка»,— пропела Сабрина, и облачко обрело форму девушки в голубом платье с желтыми оборочками. Изображение получилось трехмерное, видимое со всех сторон под любым углом зрения.

Чудесный талант! Сабрина могла изваять что угодно — но бесплотные картинки пропадали, стоило ей чуточку ослабить внимание. Так что, строго говоря, талант ее был бесполезен. Он не мог сколько-нибудь существенно улучшить жизнь своей обладательнице.

С другой стороны, а много ли талантов вообще помогают своим носителям? Один может взглядом заставить листок завянуть и отвалиться. Другой способен вызвать запах прокисшего молока. Третий умеет извлечь прямо из земли пузырьки идиотического смеха. Все это, вне всякого сомнения, магия — но много ли в ней толку? Почему эти люди признаются полноправными гражданами Ксанфа, тогда как Бинк, умный, сильный, привлекательный, такого права лишен? И все же закон нерушим — всяк не обладающий магией должен покинуть Ксанф, когда ему стукнет четверть века.

Сабрина права: Бинку необходимо точно определить, в чем же именно состоит его талант. А поскольку он так и не сумел обнаружить это самостоятельно, придется заплатить доброму волшебнику положенную цену. Тогда он не только избежит ссылки — такая участь похуже смерти, ведь разве это жизнь, без магии? — но и получит Сабрину, а это уж всяко лучше, чем

смерть. К тому же тогда он наконец вернет себе самоуважение. Выбора нет.

— Ой! — вскрикнула Сабрина, хлопнув себя ладошками по роскошной попке. Голограмма растаяла, девушка в голубом платье, представ на мгновение искореженной страхолюдиной, исчезла.— Как кольнет!

Встревоженный Бинк шагнул к ней, и тут же раздался громкий подростковый смех. Сабрина, равно прекрасная во гневе и в радости, яростно развернулась:

— Дебилл, прекрати! Это не смешно!

Ну конечно же, умница Дебилл запустил ей в попу магическое шило. Кстати, о бесполезных талантах! Бинк, сжав кулаки так мощно, что большой палец уперся в обрубок среднего, устремился в сторону ухмыляющегося юнца, который стоял за Обзорным камнем. Пятнадцатилетний Дебилл нахален и дерзок, его следует проучить.

Но Бинк споткнулся о камень и потерял равновесие. Рука его дернулась вперед — и пальцы коснулись незримой стены.

И вновь послышался хохот. Бинк не треснулся башкой о стенку только потому, что очень своевременно споткнулся, но, видно, кое-кто решил, что он таки приложился.

— И ты, Щелк, тоже,— сказала Сабрина.

Невидимые стены — это по части Щелка. Его талант как бы дополнял талант Сабрины — невидимая вещественность взамен невещественной видимости. Стена была всего в шесть локтей длиной и весьма недолговечна, но в первые несколько мгновений по крепости не уступала стали.

Бинк мог, разумеется, обежать стену и догнать мальчишку, но тогда невидимая преграда еще несколько раз вырастет на его пути и ему достанется больше, чем наглому мальцу, когда он наконец его догонит. Так что не стоит и трудиться. Будь у него собственный талант вроде Дебиллова шила в заднице, вот тогда бы эти шутники получили по полной программе, несмотря на всякие там стены. Но таланта нет, и Щелк об этом прекрасно знает. Да все об этом знают. В том-то и беда Бинка. Всяк проказник норовит его обидеть — ведь он не может дать сдачи, в смысле магически. А физически считается полнейшим моветоном. Но сегодня Бинк готов даже на моветон.

— Пошли отсюда, Бинк,— сказала Сабрина.

В ее голосе сквозило отвращение, направленное преимущественно на малолетнее хулиганье, но, как подозревал Бинк, частично адресованное и ему. В нем начала вскипать бессильная ярость — он и раньше много раз испытывал ее, но так к ней и не привык. Отсутствие таланта мешало ему сделать Сабрине предложение, и по той же причине он не может оставаться здесь. Здесь — это и возле Обзорного камня, и в Ксанфе вообще. Потому что он не такой, как все.

Они стали спускаться по тропинке. Шутники, видя, что их добыча более ими не интересуется, отправились искать увеселения в другом месте. Пейзаж уже не казался Бинку таким красивым. Может, на чужбине ему будет даже лучше? Может, прямо сейчас и отправиться, не дожидаясь официального изгнания? Если Сабрина и вправду любит его, она последует за ним даже за пределы Ксанфа, в Обыкновению.

Нет, не стоит попусту обольщаться. Сабрина любит его — но и Ксанф она любит. У нее такая прелестная фигурка, такие поцелуйные губки, что ей куда как проще найти здесь другого парня, чем приспособиться к тяготам жизни без чудес. Уж если на то пошло, ему и самому легче найти себе другую девчонку, чем... чем то, что его ожидает. Так что, скорее всего, объективно говоря, лучше ему идти одному.

Только что-то сердце не согласно.

Они прошли мимо бурого камня, где совсем недавно сидел хамелеон, и Бинка передернуло.

— А может, у Джустина спросить? — предложила Сабрина, когда они подходили к деревне. Сумерки здесь опускались быстрее, чем на камне. В деревне зажигали огни.

Бинк посмотрел на необыкновенное дерево, о котором говорила Сабрина. В Ксанфе росло много деревьев, иные из них были незаменимы в хозяйстве. Так, из пивных качали пиво, из нефтяных — топливо, а сам Бинк носил башмаки с большого башмачного дерева, растущего к востоку от деревни. Но Джустин-дерево — это нечто особенное, выросшее не из семечка. Листья его напоминали формой человеческие ладони, а ствол

уподоблялся цветом загорелой человеческой коже. Ничего удивительного — ведь прежде это дерево было человеком.

На мгновение Бинку пришла на ум история этого дерева — частичка богатейшего фольклора Ксанфа. Двадцать лет назад жил да был один из величайших злых волшебников, молодой человек по имени Трент. Он обладал способностью мгновенно превращать любое живое существо в какое угодно другое. Не удовлетворенный званием волшебника, присужденным ему в знак признания его могучего таланта, Трент возжелал употребить свой талант на то, чтобы захватить престол Ксанфа. Действовал он без затей — всякого, кто ему противостоял, превращал в нечто такое, что уже не могло противостоять. Тех, кто представлял для него наибольшую угрозу, он превратил в рыб — на суше, предоставив им возможность трепыхаться, пока не околеют. Менее опасных он превращал в животных и растения. Так, некоторые разумные животные своим нынешним обличьем были обязаны ему; будучи драконами, двухголовыми волками и сухопутными осьминогами, они сохраняли человеческий разум и память о своем происхождении.

Теперь Трента не было — но плоды его трудов остались, ибо не существовало волшебника, способного вернуть его жертвам изначальный вид. Голограммы, шила в заднице, невидимые стены — конечно, все это признавалось за таланты, но превращения — явление совсем иного калибра. Такой мощный талант проявлялся раз в поколение, но почти никогда не повторялся. Джустин чем-то рассердил волшебника Трента — никто не мог вспомнить, чем именно,— а потому стал деревом. И никто не мог расколдовать его.

Джустин умел передавать голос на расстоянии. Это был не расхожий фокус с чревовещанием и не пустяковое умение вызывать идиотский смех, а настоящая членораздельная речь без использования голосовых связок. Став деревом, он сохранил свой талант, и, поскольку теперь у него было полно времени на размышления, жители деревни часто приходили к нему за советом. Часто эти советы оказывались дельными. Джустин не гений, но, будучи деревом, обрел более объективный взгляд на людские проблемы.

Бинку даже подумалось, что Джустину, пожалуй, сейчас лучше, чем когда он был человеком. Поговаривают, что в человеческом обличье он был хоть и добродушным, но довольно неказистым. Дерево же из него получилось симпатичное и совсем безвредное.

Они свернули к Джустину. Внезапно прямо перед ними раздался голос:

— Не приближайтесь, друзья. Здесь притаились злодеи.

Бинк и Сабрина застыли как вкопанные.

— Это ты, Джустин? — спросила Сабрина.— Кто, говоришь, притаился?

Но дерево слышало хуже, чем говорило, и ничего не ответило. Похоже, деревья вообще несколько туговаты на ухо.

Бинк рассердился и сделал шаг вперед.

— Джустин — общественное достояние,— начал он,— и никто не имеет права...

— Бинк, прошу тебя,— взмолилась Сабрина и потянула его за руку.— Нам не нужны неприятности.

Да, неприятностей она старалась избегать. Бинк, конечно, не осмелился бы назвать это недостатком, но временами это ее свойство становилось неуместным и неприятным. Сам-то Бинк всегда норовил лезть на рожон, из принципа. С другой стороны, она так прекрасна, а он сегодня и так уже доставил ей достаточно неприятностей. Он повернулся, намереваясь увести ее подальше от дерева.

— Эй, так нечестно! — послышался голос.— Они уходят.

— Наверное, Джустин наябедничал! — воскликнул второй.

— Давай-ка срубим Джустина.

Бинк снова замер.

— Не посмеют! — сказал он.

— Конечно же не посмеют,— согласилась Сабрина.— Джустин — деревенская достопримечательность. Не обращай внимания.

Но тут вновь раздался голос дерева, чуть в стороне от Бинка с Сабриной, что свидетельствовало об ослабленном внимании:

— Друзья, умоляю, побыстрее приведите короля. У этих негодяев топор. К тому же они наелись дурь-ягоды.

— Топор! — в ужасе вскрикнула Сабрина.

— Короля нет в деревне,— пробормотал Бинк.— Кроме того, он в маразме.

— Уж столько лет вызывал одни летние дождики,— подхватила Сабрина.— Раньше, когда он был в полной силе, мальчишки не смели так распускаться.

— Уж мы-то точно не распускались,— сказал Бинк.— Помнишь, какой он вызвал ураган с шестью торнадо по бокам, когда понадобилось уничтожить последний выводок вжиков? Тогда он был настоящий король Шторм. Он...

Послышался звон врезающегося в дерево железа, а вслед за ним — крик мучительной боли. Бинк с Сабриной подпрыгнули.

— Это Джустин! — сказала она.— Его рубят.

— Все равно за королем бежать поздно,— сказал Бинк и рванулся к дереву.

— Бинк, не надо! — крикнула ему вслед Сабрина.— Ты ж без магии!

Вот он, момент истины. Значит, на самом деле она не верит, что у него есть талант.

— Зато при мускулах! — крикнул он в ответ.— Беги за подмогой!

Джустин снова заорал — топор опустился во второй раз. Раздался жуткий деревянный звук, а потом смех. Веселый смех беззаботно резвящихся подростков, не сознающих, к каким последствиям могут привести их действия. Дурь-ягода? Да нет, обычное скотство.

И вот Бинк на месте. Но совсем один. Весельчаки разбежались. А он как раз настроился на добрую драку.

Он мог без труда догадаться, кто это был, но в этом не было нужды.

— Зяма, Пшик и Керогаз,— сказал Джустин-дерево.— О-ой, моя нога!

Бинк наклонился и рассмотрел порез. На фоне башмаковидной коры у основания ствола отчетливо проглядывала белая древесина. На ней проступали капельки красноватого сока, очень похожие на кровь. Не очень серьезная рана для такого большого дерева, но явно болезненная.

— Я сейчас компресс сделаю,— сказал Бинк.— В лесу неподалеку растет коралловая губка. Пойду нарву. Если кто будет приставать к тебе, ты кричи.

— Обязательно. Только ты побыстрее,— сказал Джустин и, подумав, добавил: — Ты отличный парень, Бинк. Лучше многих, у кого есть... э-э-э...

— У кого есть магия,— закончил за него Бинк.— Спасибо, что хотел пощадить мои чувства.

Джустин вовсе не собирался обидеть Бинка, но нередко говорил не подумавши. Такое бывает, когда мозги деревянные.

— Несправедливо, что подонки вроде Зямы именуются гражданами, а ты...

— Спасибо,— буркнул Бинк и отошел.

Он полностью согласен с деревом, да что об этом толковать? Он посмотрел, не прячется ли кто по кустам, чтобы напасть на Джустина, когда дерево останется без защиты, но никого не обнаружил. И впрямь убрались.

Зяма, Пшик и Керогаз, мрачно подумал он. Сволочье деревенское. Зяма умел наколдовать меч, этим-то самым мечом они и рубанули по Джустину. И ведь кому-то такое зверство кажется смешным!

Бинк вспомнил, как сам хлебнул от этой шайки несколько лет назад. Нажравшись дурь-ягод, эта троица засела в засаде возле тропки за деревней. Бинк с приятелем как раз и попались — очутились прямо в облаке ядовитого газа, которое напустил Керогаз. В это время Пшик бросал им прямо под ноги псевдоямы, а Зяма метал мечи, от которых приходилось уклоняться. Ни фига себе забава!

Бинков приятель тогда применил магию и смотался — сделал из палки голема, оживил и оставил взамен себя. Голема было не отличить от приятеля, так что шутников удалось околпачить. Бинк, конечно, заметил подмену, но приятеля не выдал. Голему было начхать на ядовитый газ, а вот Бинку нет. Он хватанул немного и отрубился. Тут как раз и подмога подоспела — приятель привел Бинковых родителей.

Бинк очнулся, почувствовал, что вокруг газ, задержал дыхание и увидел, как мать теребит отца за руку и показывает в его сторону. У Бьянки талант повторять события. Она могла отыг-

рать время на пять секунд назад на небольшом пространстве. Магия ограниченная, но очень мощная — позволяет исправить только что сделанную ошибку. Скажем, его вдох.

Тут он снова вдохнул и свел на нет усилия матери. Можно было повторять эту сцену до бесконечности — повторялось-то все, включая и его вдох. Но тут Роланд пристально посмотрел на сына — и тот оцепенел.

Роланд умел парализовывать взглядом. Взглянет разок — и все застывает, да так и стоит, пока Роланд не отпустит. Таким вот путем Бинку не дали второй раз вдохнуть, пока не вынесли, оцепенелого, из ядовитого облака.

Остолбенелость прошла, и Бинк увидел, что лежит в объятиях матери.

— Дитятко мое! — запричитала она, прижимая его голову к груди.— Они тебе больно сделали?

Бинк резко остановился у самой заросли губок. Он и сейчас еще краснеет, стоит вспомнить эту сцену. Неужели обязательно было такое говорить? Ну да, мать спасла его от безвременной кончины — зато сделала посмешищем для всей деревни. И надолго. Куда бы он ни пошел, ребятишки визгливо вопили: «Дитятко мое!» — и скалились. Да, жизнь сохранил, зато честь потерял. И все же он знал, что виноваты тут не родители.

Виноваты Зяма, Пшик и Керогаз.

Конечно, магии у Бинка нет, но, должно быть, как раз поэтому он самый крепкий парень на деревне. Сколько себя помнит, все время драться приходилось. Может, он не такой ловкий, зато уж силы не занимать. Подстерег Зяму в одиночку и очень наглядно доказал, что кулак будет поубедительней летающих мечей. Потом с Пшиком разобрался и Керогазом тоже — ткнул в его же газовое облачко, так что пришлось тому по-быстрому растворить это дело. С той поры вся троица на Бинка не скалилась, норовила на глаза не показываться. Потому и разбежались, когда он к дереву примчался. Вместе-то они бы его одолели, да, видно, хорошо запомнили встречи с глазу на глаз.

Бинк улыбнулся, смущение сменилось мрачной радостью. Может, он с этим делом разобрался и не по-взрослому. Зато очень приятственно. В душе он понимал, что двигала им оби-

да на мать. Но вылилась эта обида на Зяму и иже с ним. Ну и правильно! Мать-то он любит.

Но в конечном счете оставался лишь один способ заставить себя уважать — найти собственный магический талант. Крепкий, сильный, как у Роланда, его отца. Тогда уж никто больше не посмеет издеваться над ним, смеяться, дитятком называть. Но этого не случилось. И теперь вся деревня презрительно кличет его нечудью.

Он нагнулся и сорвал несколько больших спелых губок. Они облегчат страдания Джустина. Такая у них магия — впитывать боль, отдавая довольство и покой. Такими же свойствами обладают и некоторые другие растения и животные — Бинк точно не знал, к какому разряду отнести губки. Но преимущество губок заключается в том, что они способны передвигаться. Сорвать их вовсе не значит погубить. Они очень жизнестойки — вышли на сушу одновременно с кораллами и очень неплохо обосновались. Скорее всего, и волшебные целительные свойства приобрели, чтобы легче жилось в новой среде обитания. А может, еще в воде — коралл-то, он не тупой.

Таланты существуют группами, иногда перекрывая друг друга. Так, в животном и растительном царствах имеется множество разновидностей любого вида магии. Но среди людей магия поразительно разнообразна. Похоже, дело здесь больше в личности, чем в наследственности, хотя самая сильная магия имеет склонность проявляться в определенных семьях. Получается, что сила магии наследуется, а ее тип зависит от условий и обстоятельств. Но есть и другие факторы...

Бинк мог передумать уйму мыслей в одно мгновение. Будь мысли магией, он давно уже был бы волшебником. Но сейчас имеет смысл сосредоточиться, а то не миновать беды.

Сумерки сгущались. Из лесу поднимались жуткие тени, нависали, словно в поисках добычи. Безглазые, бесформенные, они деловито подползали к Бинку, и их целенаправленность была малоприятна. Далеко не вся магия занесена в каталог, сколько еще неизученного! Вот встревоженному взору Бинка явился манящий огонек. Он пошел было за мерцающей точечкой, но вовремя спохватился. Огонек манит из чистого озорства, заведет в чащобу да там и бросит — на милость ночной

магии, неведомой и злой. Вот так один из друзей детства пошел за огоньком, да и не вернулся. Серьезное предупреждение!

Ночью Ксанф преображается. Местечки вроде этого, мирные и безопасные днем, становятся ужасом нечеловеческим, едва солнышко спрячется. В погоне за своими потусторонними удовольствиями вылезают призраки и тени, а иногда и зомби выберется из могилы и начнет шастать в округе. Разумные люди по домам спят, и каждый дом в деревне чарами отворотными от нежити защищен. Бинк не решился возвращаться к Джустину напрямик. Придется идти вкруговую, по извилистой, но заговоренной тропке. И не в трусости дело, а так надо.

Бинк побежал — не от страха, поскольку на заговоренной тропке ничто ему не угрожало. Тем более тропки эти он знает как облупленные и ни в жизнь с них не собьется. Просто надо побыстрее добраться до Джустина. Джустиново тело, конечно, деревяшка, но болит не хуже настоящего. И ведь хватило же у людей хамства — Джустина мечом рубануть!..

Бинк миновал поле улетных курочек, послушал шелест их травяных крыльев. Курево из них получается улетное! Жаль только, трубки удается забить только до половины — остальное тут же улетает.

Он вспомнил лесных курочек, которых как-то высадил по малолетству. Улетные курочки — твари неспокойные, а уж лесные, так те вообще дикие! Все руки ему исклевали, пока он спелое перышко выискивал. Перышко-то он добыл, только выбрался с полянки весь поклеванный-поцарапанный.

Перышко он посадил за домом, на заветной деляночке, поливал каждый день как положено, из собственного хобота. Стебелечки стебанутые от всякой напасти оберегал. И все ждал, ждал... То-то приключение для подростка мужеска полу! Пока Бьянка, мать его, деляночку не обнаружила. И на беду тут же распознала, что за зверя он там растит.

Семейная разборка не заставила себя ждать.

— Да как ты посмел?! — выговаривала ему Бьянка, пылая лицом.

Но Роланд еле сдерживал восхищенную улыбку:

— Надо же, курочек насадил. Растет парнишка!

— Роланд, но ты же знаешь, что...

— Родная моя, ну никакого ж вреда в этом нет.

— Никакого вреда?! — возмущенно вскричала Бьянка.

— Совершенно естественное для молодого человека побуждение...— Но выражение ярости на лице жены заставило Бинкова отца замолчать. Он ничего во всем Ксанфе не боялся, но дома предпочитал жить мирно. Роланд вздохнул и обратился к Бинку: — Надеюсь, сынок, ты-то понимаешь, что делал?

Бинк принялся мучительно оправдываться:

— Ну... ну да... Куралесная нимфа...

— Бинк! — предостерегающе взвизгнула Бьянка. Такой сердитой он мать еще не видел.

Роланд поднял руки, призывая к миру:

— Родная, давай мы это дело меж собой обсудим. Как мужчина с мужчиной. Мальчик имеет на это право.

Ага, сам себя выдал. Как говорить, так мужчина с мужчиной, а как Бинк, так сразу мальчик.

Не сказав ни слова, Бьянка гордо удалилась.

Роланд обернулся к Бинку, качая головой. Но его жест выражал порицание сугубо формально. Роланд, мужчина сильный и привлекательный, использовал жесты по-своему.

— Настоящие лесные курочки, из перышка, взятого с бою, высаженного в полнолуние, увлажненного собственной мочой? — без обиняков спросил он, и Бинк, залившись краской, кивнул.— Чтобы, когда курочки созреют и появится куралесная нимфа, она была подчинена тебе, кумиру плодородия?

Бинк, насупившись, кивнул.

— Поверь мне, сынок, я понимаю, как это заманчиво. Я и сам в твои годы разводил лесных курочек. И нимфу вывел — с развевающимися зелеными волосами и телом, манящим, как лесной простор. Да только забыл я, что поливать надо особым образом, и нимфа от меня убежала. И больше я в жизни не видел ничего столь прелестного — за исключением твоей матери, естественно.

Роланд разводил лесных курочек? Такого Бинк и вообразить не мог. Он молчал, боясь того, что услышит дальше.

— Я совершил ошибку, рассказав Бьянке о курочках,— продолжал Роланд.— Боюсь, она стала к этой теме чересчур чувствительна, и тебе за это досталось. Такое случается.

Выходит, мать ревновала отца к прошлому, к событию, произошедшему еще до женитьбы. Надо же, в какую бездну чувств вляпался Бинк!

Лицо Роланда посерьезнело.

— Неискушенному молодому человеку сама мысль о прелестной обнаженной пленнице-нимфе представляется невероятно соблазнительной. Все физические свойства настоящей женщины — и полное отсутствие свойств умственных. Но, сынок, это лишь юношеская греза, вроде мечты о конфетном дереве. Действительность была бы очень далека от твоих ожиданий. Изобилие сластей быстро пресыщает — как и безмозглое женское тело. Человек не может любить нимфу. Это все равно что любить призрак. Страсть быстро переходит в скуку, а потом и в отвращение.

Бинк все еще не осмеливался подать голос. Он не сомневался, что уж ему-то нимфа никогда бы не прискучила.

Роланд понимал его, даже слишком хорошо.

— Тебе, сынок, нужна настоящая, живая девушка,— заключил он.— Не только личико, но и личность, с острым и вредным язычком. Водиться с настоящей женщиной куда как интереснее — и нередко очень мучительно.— Он со значением взглянул на дверь, в которую вышла Бьянка.— Но в конечном счете муки окупаются сторицей. То, что ты искал в куралесной нимфе,— это легкий путь, а в жизни легких путей не бывает.— Отец улыбнулся: — Хотя, если бы это зависело от меня, я бы не мешал тебе попробовать и такой путь. Ничего в этом плохого нет, решительно ничего. Но твоя мать... Да и общество у нас тут консервативное, и главные консерваторы — дамы, особенно хорошенькие. Деревня наша маленькая, меньше, чем бывало, и всяк просто не может не совать нос в дела соседа. Короче, нас обложили со всех сторон. Ты меня понимаешь?

Бинк неуверенно кивнул. Когда отец заговаривал об обычаях, не важно, с какой интонацией, спорить было бесполезно.

— Курочек больше не будет.

— Твоя мать... в общем, она не заметила, как ты повзрослел. С курочками покончено — должно быть, она их прямо сейчас выпалывает с корнем,— но впереди у тебя еще много хорошего. Бьянка может целую вечность считать тебя малым ди-

тем, но против природы и ей не устоять. Ну разве что пять минут, не больше. Так что придется ей смириться.

Роланд замолчал, но молчал и Бинк — он не мог понять, к чему клонит отец.

— Тут вот скоро из маленькой деревеньки приедет одна девушка,— продолжил Роланд.— Теоретически — на учебу, у нас *ведь лучший на весь Ксанф кентавр-учитель.* Но мне представляется, подспудный смысл совсем другой — просто в их деревушке не так уж много подходящих парней. Я так понимаю, что она тебе примерно ровесница и еще не раскрыла свой магический талант.— Он приумолк и многозначительно посмотрел на Бинка: — Сдается мне, что симпатичный, крепкий юноша, который познакомил бы ее с окрестностями и предостерег от местных напастей, ей совсем не помешает. И еще я слыхал, что она умненькая, хорошенькая и покладистая. Сочетание редкое.

И тут до Бинка стало доходить. Девушка, настоящая девушка! И он с ней познакомится. А она не станет смотреть на него свысока лишь потому, что у него нет магии. И Бьянка ничего не сможет возразить, пусть даже в душе и будет недовольна, что у сына появились мужские запросы. Чудесный вариант подсказал ему отец. И тут он понял, что вполне обойдется без лесных курочек.

— Ее зовут Сабрина,— сказал Роланд.

Увидев впереди свет, Бинк вернулся в настоящее. Кто-то стоял возле Джустин-дерева с волшебным фонарем в руках.

— Все хорошо, Бинк,— произнес воздух голосом Джустина.— Сабрина привела подмогу, но она не понадобилась. Губку принес?

— Принес,— сказал Бинк.

Так что его маленькое приключение оказалось совсем не приключением. И вот так всю жизнь. Пока Сабрина помогала ему наложить губку на рану Джустина, он понял, что принял решение. Он не намерен продолжать жизнь ничтожеством, он пойдет и встретится с добрым волшебником Хамфри и узнает, в чем же заключается его магический талант.

Он поднял голову. Взгляд его встретился со взглядом Сабрины. Ее глаза блестели в свете фонаря. Она улыбнулась. Сейчас она была еще прекраснее, чем в день их первой встречи. Тогда они были подростками, и Сабрина верна ему до сих пор. Несомненно, отец был прав, когда говорил о преимуществах настоящей девушки. И о муках тоже. Теперь все зависит от Бинка. Сделает *ли* он то, что обязан сделать? Станет ли настоящим мужчиной?

Глава 2

КЕНТАВР

Бинк отправился пешком. При нем был набитый рюкзак, хороший охотничий нож и самодельный посох. Мать просила, чтобы он позволил нанять для него проводника, но Бинку пришлось отказать ей — ведь на самом деле проводник будет его телохранителем. А как потом пережить такой позор? Однако Глухомань, начинающаяся *почти* сразу за деревней, таит для несведущего путешественника множество опасностей, и мало кто отважится пойти туда в одиночку. Так что вообще-то с проводником спокойнее.

Еще можно нанять в качестве транспорта крылатого коня, но это дорого и по-своему не менее рискованно. Грифоны ведь бывают раздражительны. Бинк предпочел идти один и по земле, хотя бы для того, чтобы доказать, что он на это способен, как бы ни ухмылялись деревенские юнцы. Положим, Зяме сейчас не до ухмылок — парится под штрафным заклятием, наведенным старейшинами за то, что он напал на Джустин-дерево. Но и без него найдется кому поскалиться.

Роланд, тот хотя бы понял.

— Когда-нибудь ты узнаешь, что мнения никчемных людей и сами никчемны,— прошептал он Бинку.— Но ты сам до этого дойдешь. Я тебя понимаю и желаю удачи. Добейся ее своими силами.

У Бинка была карта; он знал, какая тропа ведет к замку доброго волшебника Хамфри. Точнее сказать, знал, какая тропа *вела* туда. По правде говоря, Хамфри — старикан с причудами,

любит жить в Глухомани, подальше от людей, а потому время от времени перемещает свой замок или волшебным образом меняет подходы к нему, чтобы никто не мог с точностью определить, где его обитель. Но Бинк твердо решил выследить волшебника в его логове.

Первая часть пути была ему знакома — он всю жизнь прожил в Северянке и исходил почти все близлежащие тропки. Сомнительно, чтобы близ деревни обнаружилась опасная флора или фауна, а все, что может таить опасность, и так хорошо известно.

Бинк остановился попить из родничка близ громадного прикольного кактуса. Кактус зашевелился, желая приколоть приближающегося Бинка, но тот повелительно сказал:

— Стой, друг, я из Северянки.

Усмирительные слова подействовали — кактус отменил свой смертоносный залп. Ключевым здесь было слово «друг». Конечно, эта тварь никакой не друг, но она не может не повиноваться наложенному гейсу. Никто из чужаков этого не знает, а потому кактус — надежный страж от незваных гостей. Животных меньше определенного размера он попросту игнорирует. А поскольку у всех рано или поздно возникает нужда попить, получается взаимовыгодный компромисс. Кое-где время от времени свирепствуют дикие грифоны и другие крупные звери — но только не в Северянке. Одной встречи с сердитым приколистом вполне достаточно для любого. Ее не всякий-то и переживет.

Еще один часовой марш-бросок — и Бинк оказался на территории менее знакомой, а следовательно, и более опасной. Интересно, чем люди в этих местах охраняют свои колодцы? Единорогами, приученными насаживать чужаков на свой рог? Что ж, очень скоро он это узнает.

На смену пологим холмам и озерцам пришел ландшафт погрубее, появились незнакомые растения. Некоторые были снабжены усиками, поворачивавшимися в сторону Бинка, другие вкрадчиво ворковали, но на ветвях у них покачивались внушительные клешни. Чтобы не рисковать попусту, Бинк обходил их стороной. Раз он вроде бы увидел зверя размером с человека, но на восьми паучьих ногах. Бинк пошел дальше, молча и быстро.

Видел он и птичек, но последние его волновали мало. Поскольку они умеют летать, у них нет особой нужды в магической защите от человека, так что опасаться их нет резона. Кроме больших птиц, естественно,— те легко могут принять тебя за добычу. Один раз Бинк увидел в отдалении чудовищный силуэт птицы рок и поспешил спрятаться, пока она не пролетит мимо. Но в общем птицы, маленькие разумеется, были для Бинка самой желанной компанией, ведь насекомые нередко куда как агрессивны.

И вот у него над головой закружилось облако мошкары, всем скопом насылая на него потные чары, от которых ему стало совсем нехорошо. Есть у насекомых такое малоприятное свойство — безошибочно распознавать тех, кто не может зашититься магически. Возможно, они попросту действуют методом тыка и довольствуются тем, что удается урвать. Бинк поискал антикомариной травки, но не нашел. Ох уж эти травки — когда надо, их как раз и нет! Пот капал с носа, заливал глаза, уши, и Бинк начал злиться. Но тут прилетели два сосуна, всосали всю мошкару, и ему сразу полегчало. Нет, что ни говори, славный народ эти малые птахи.

За три часа он прошел около десяти миль и начал уставать. Вообще-то он был в хорошей форме, только не привык к затяжным переходам с тяжелым рюкзаком. К тому же постреливало в лодыжке, которую он подвернул накануне возле Обзорного камня. Болело, честно говоря, не сильно, а в самый раз, чтобы не утратить бдительность.

Он присел на бугорок, предварительно убедившись, что там нет чесотных муравьев. Зато там рос прикольный кактус. К нему Бинк приблизился очень осторожно — он не знал, подействует на приколиста волшебное слово или нет. «Друг»,— сказал он и для верности пролил несколько капелек воды из фляги прямо на корни. Видно, он все сделал правильно — кактус не пустил в ход иглы. Доброе слово и тигру приятно.

Бинк развернул завтрак, любовно собранный матерью. Еды у него было на два дня — вполне достаточно, чтобы добраться до замка волшебника при нормальных обстоятельствах. Да только в Ксанфе обстоятельства нормальными почти не бывают! Бинк надеялся растянуть запасы — можно, например, перено-

чевать у дружелюбно настроенного фермера. Еда понадобится и на обратный путь, к тому же Бинку вовсе не улыбалось спать под открытым небом. Ночь пробуждает особую магию, очень нехорошую. Не хотелось бы вступать в дискуссию с вампиром или людоедом, тем более что предметом дискуссии, скорее всего, будет вопрос о его косточках — то ли грызть их прямо сейчас, пока спинной мозг еще свеженький, то ли дать им потомиться недельку. У всякого хищника свой вкус.

Он вонзил зубы в бутерброд с кресс-томатом и встрепенулся — что-то хрустнуло на зубах. Нет, не кость, просто сочный стебелек. Кто-кто, а Бьянка-то знает, как делать бутерброды. Роланд обычно посмеивался над женой, утверждая, что этому искусству она обучилась у ведьмы с Бутырного Брода. Сейчас Бинку было не смешно — пока он не съест все, что приготовила мать, и не начнет добывать пропитание сам, он как бы остается ее иждивенцем.

С бутерброда упала крошка — и исчезла. Бинк посмотрел по сторонам и увидел мыша-крохобора. Мыш деловито жевал. Он побоялся приблизиться к Бинку и магическим образом притянул крошку на расстояние в десять шагов. Бинк улыбнулся:

— Я тебя не трону, малыш.

Потом он услышал тяжкий стук копыт. Приближался большой зверь или всадник. И то и другое могло быть чревато. Бинк сунул в рот кусок сыра из молока крылатой коровы и на миг представил себе, как корова, полегчав после дойки, пасется по верхушкам деревьев. Он завязал рюкзак и продел руки в лямки. Потом взял посох. Не исключено, что придется сражаться. Или убегать.

Появился кентавр — с телом коня, головой и торсом человека. Голый, как и положено кентавру, мускулистый, широкоплечий, судя по виду, задиристый.

Бинк выставил перед собой посох. Он был готов обороняться, но не нападать, не особенно веря, что сумеет справиться с этим могучим созданием или убежать. Может быть, несмотря на воинственный облик, кентавр настроен мирно — или не знает, что у Бинка нет магии.

Кентавр приблизился, держа наготове лук с наложенной стрелой. Вид у него был внушительный. Еще в школе Бинк

научился относиться к кентаврам с уважением. Но перед ним был не пожилой мудрец, а скорее молодой драчун.

— Ты нарушил границу наших владений,— сказал кентавр.— Поворачивай взад!

— Погоди,— резонно заметил Бинк.— Я иду по общественной дороге...

— Поворачивай! — повторил кентавр, зловеще взмахнув луком.

Как правило, Бинк был человеком спокойным, но в сложные моменты мог и вспылить. Путешествие было для него жизненно важно, он шел по общественной тропе, а всякими магическими угрозами уже сыт по горло. Кентавр — тоже существо явно магическое, в Обыкновении они не водятся. В Бинке взыграла застарелая нелюбовь к магии, и он сделал большую глупость.

— Сам иди в зад! — отрезал он.

Кентавр заморгал. Сейчас он казался еще массивнее, плечи и грудь — шире, лошадиное тело — подвижнее. Он явно не привык к подобному обращению и поначалу даже несколько растерялся. Однако сумел должным образом перестроиться умственно и эмоционально и весьма впечатляюще напряг невероятных размеров мускулы. Он побагровел начиная с голого живота и испещренной шрамами груди. Особенно ярко краска залила шею и некрасивое лицо. Когда багровая волна достигла ушей и просочилась в мозг, кентавр перешел к действию.

Он поднял лук, натянул тетиву и спустил ее, как только поймал в прицел Бинка.

Но Бинка, естественно, там уже не было — штормовое предупреждение он получил заблаговременно. Как только лук шевельнулся в руках кентавра, Бинк нырнул под стрелу, выпрямился перед самым носом соперника и взмахнул посохом. Удар пришелся кентавру по плечу, не причинив серьезного вреда. Но боль, похоже, была нешуточная.

Кентавр яростно взревел. Его левая рука вместе с луком описала широкую дугу, правая потянулась к висящему на плече колчану. Но посох Бинка зацепил лук, и кентавр отбросил его в сторону. Вместе с луком полетел и посох. Кентавр сжал мощный кулак. Уклоняясь от удара, Бинк забежал кентавру за спи-

ну. Но сзади не было безопаснее. Кентавр лягнул изо всех сил, каким-то чудом промазал и угодил копытом прямо в прикольный кактус.

Кактус ответил залпом колючек. В момент удара Бинк бросился оземь, иголки пролетели над ним и впились в импозантный кентавров тыл. Бинку повезло дважды — ни копыта, ни иглы его не задели.

Кентавр заржал дурным голосом — иголочки жалили-таки больно, каждая была с палец длиной и на конце имела крючок. Теперь блистательную задницу кентавра украшала сотня колючек, намертво пришпиливших хвост. Ему еще повезло — окажись он к кактусу лицом, лишился бы глаз или вообще погиб. Только в данный момент он не был настроен благодарить судьбу.

Гнев его не ведал границ. Мерзкая рожа исказилась нечестивой яростью. Он подпрыгнул с тяжеловесной грацией, извернулся, оказавшись к Бинку лицом, выбросил вперед мощные длани — и относительно тонкая шея Бинка оказалась в мозолистых ладонях кентавра. Тот постепенно, как удав, сжимал пальцы. Бинка оторвало от земли, ноги его беспомощно затрепыхались в воздухе. Он понимал, что сейчас его придушат, но даже не мог попросить пощады.

— Честер! — крикнул женский голос.

Кентавр застыл столбом, но Бинку от этого легче не стало.

— Честер, сию секунду поставь человека на место! — приказал голос.— Расового конфликта захотелось?

— Но, Чери,— несколько побледнев, возразил Честер,— он залез на нашу территорию и первый начал!

— Он на королевской тропе,— отрезала Чери.— Сам же прекрасно знаешь, что прохожих трогать нельзя. Ну-ка, отпусти его!

Кентаврица едва ли могла подкрепить свое требование силой, но Честер нехотя подчинился.

— Ну можно, я его совсем легонечко пожмакаю? — взмолился он, совсем легонечко жмакая. Глаза Бинка чуть не выскочили из орбит.

— Раз так, я с тобой больше не бегаю! Отпусти!

— Ну во-о-от...— Честер без всякой охоты ослабил хватку.

Бинк в полном одурении соскользнул на землю. Это ж каким надо быть придурком, чтоб с этаким мордоворотом связаться! Бинк пошатнулся, и кентаврица подхватила его.

— Бедненький! — воскликнула она, прижав его голову к какой-то мягкой, бархатистой подушке.— Очень больно?

Бинк открыл рот, захрипел, снова открыл, чувствуя, что горло раздавлено безвозвратно.

— Не-е,— просипел он.

— Ты кто? Что у тебя с рукой? Это Честер?..

— Нет, он мне палец не откусывал,— поспешно ответил Бинк.— Это у меня с детства. Видишь, давно зажило.

Она осторожно исследовала обрубок, проведя по нему на удивление изящными пальцами:

— Вижу. Но все-таки...

— Я... я Бинк из деревни Северянка,— сказал он, повернул голову и увидел, к какой такой подушечке прижимался.

«Ну вот опять,— подумал он.— И что, теперь всю жизнь женщины будут нянчиться со мной, как с дитем малым, к груди прижимать?!»

Кентаврицы уступают в росте своим мужикам, но все равно повыше людей. И все дамские выпуклости у них повыпуклей. Бинк резко отвернулся от обнаженного торса Чери. Мало того что матушка с ним нянькается, так еще и кентавриша туда же!

— Я иду на юг, к волшебнику Хамфри.

Чери кивнула. Она была очень красива — и как человек, и как лошадь, с лоснящимся шелковистым крупом и изящной фигуркой. У нее было очень милое лицо, только носик немного вытянут по-лошадиному. Каштановые человеческие волосы густой волной ниспадали до самого крупа, словно уравновешивая пышный гнедой хвост.

— Этот осел набросился на тебя?

— Ну...— Бинк посмотрел на Честера и вновь обратил внимание, как под блестящей кожей вздуваются мышцы. Что-то будет, когда кобылка уйдет? — Это... это просто недоразумение.

— Не сомневаюсь,— сказала Чери.

Но Честер несколько расслабил мышцы. Видно, ему очень не хотелось ссориться с подружкой. Бинк вполне понимал его.

Она или самая красивая и завлекательная кентаврица во всем табуне, или, в худшем случае, близко к тому.

— Пойду-ка я, пожалуй,— сказал Бинк. Мог бы и сразу так поступить, дал бы Честеру прогнать себя в южном направлении, и все тут. В стычке он виноват не меньше кентавра.— Извини за неприятность.— Он протянул Честеру руку.

Тот оскалил зубы, скорее лошадиные, нежели человеческие, и сжал пальцы в гигантский кулак.

— Честер! — одернула его Чери. Он с виноватым видом разжал кулак.— А что у тебя с крупом?

Тот вновь побагровел, на сей раз совсем не от гнева, и заплясал, спеша убрать пострадавший круп подальше от внимательных глаз подруги. Бинк почти забыл про иголки. Конечно, кентавру больно — и будет еще больнее, когда их станут выдирать. Стыд и срам! И место-то пострадало такое, о котором не говорят в приличном обществе. Бинку даже жалко стало сердитого кентавра.

Честер подавил переполнявшие его чувства и с завидной выдержкой взял руку Бинка.

— Ну ладно, держи хвост морковкой,— сказал Бинк, улыбнувшись несколько шире, чем намеревался. Он тут же испугался, что кентавр примет его улыбку за усмешку, и внезапно понял, что выбрал не самые подходящие слова.

Глаза кентавра убийственно потемнели.

— Всенепременно,— процедил он сквозь стиснутые зубы и начал сжимать руку Бинка. К счастью, его ярость оказалась не совсем слепой — он увидел, как сердито вспыхнули глаза Чери, и с большой неохотой ослабил хватку. Еще одно, последнее предупреждение — кентавр мог запросто раздавить Бинковы пальцы в лепешку.

— Я подвезу тебя,— объявила Чери.— Честер, посади его мне на спину.

Честер взял Бинка под локти и поднял словно пушинку. На мгновение Бинку стало страшно — вот швырнут его сейчас шагов на сорок... Но красотка Чери не сводила с них глаз, и Бинк аккуратно приземлился на ее изящную спину.

— Твой посох? — спросила она, увидев палку, застрявшую между луком и тетивой.

Честер без всяких указаний поднял посох и возвратил Бинку, а тот засунул его на спину, под рюкзак, наискосок, чтобы не мешал.

— Держи меня за талию, чтоб не упасть,— сказала Чери.

Хороший совет. У Бинка не было опыта верховой езды, тем более без седла. Обычных лошадей в Ксанфе почти не осталось, единороги не любят, когда на них садятся верхом, крылатых коней почти невозможно ни поймать, ни приручить. Однажды, еще в Бинковом детстве, один стрекоконь потерял оперение, спаленное драконом, и пришлось бедняге запродаться деревенским жителям на каботажные полеты в обмен на кров и жилье. Как только перья отросли, стрекоконь улетел. Помимо него, Бинку больше ни на ком ездить не доводилось.

Он пригнулся пониже, но мешала палка, не дающая как следует согнуть спину. Бинк вытащил ее — и уронил на землю. Честер фыркнул вроде как в насмешку, но посох поднял и вновь протянул его Бинку. Тот засунул его под мышку, вновь наклонился и обнял стройную талию Чери, не обращая внимания на зловещие искорки в глазах Честера. Есть в жизни вещи, стоящие любого риска,— например, побыстрей убраться отсюда.

— А ты ступай к ветеринару, пусть вытащит иголки из твоей...— глядя на Честера через плечо, начала Чери.

— Иду-иду! — поспешно прервал он, подождал, когда она тронется, и несколько неуклюже поскакал в том же направлении, откуда пришел. Должно быть, от движения круп болел еще сильнее.

Чери рысцой пустилась по тропе.

— В глубине души Честер добрый,— сказала она, словно извиняясь.— Но нередко бывает заносчив, а как что не по нему, вообще теряет голову. У нас тут совсем недавно хулиганы шкодили, ну и...

— Люди? — спросил Бинк.

— Ага. Подростки с севера, всякие магические пакости строили: скотину газом травили, мечи в деревья метали, ямы глубокие прямо под ноги нам совали, совсем как настоящие. Все в таком роде. Вот Честер и предположил...

— Знаю я этих гадов,— сказал Бинк.— Самому случалось с ними цапаться. Сейчас-то их окоротили маленько. Если бы я знал, что они сюда повадились, я бы...

— Просто порядку стало мало в наших местах, вот что,— сказала Чери.— Ведь по договору ваш король обязан порядок поддерживать. Только в последнее время...

— Стареет король,— пояснил Бинк.— Силу теряет, вот и пошли безобразия всякие. Раньше-то он настоящим волшебником был, бурю вызывать умел.

— Уж знаем,— подтвердила Чери.— Когда к нам в овсы огневики повадились, он такой ливень закатил — пятисуточный! Всех огневиков потопил. Овсы-то, конечно, тоже пропали, так огневик бы их все одно истребил. Это ж надо — каждый день пожары! А так-то мы хоть смогли заново овес посеять. И про помощь его не забываем. Так что не хочется нам из-за этих пацанов шум поднимать — только вот не знаю, надолго ли у наших жеребцов вроде Честера терпения хватит, на все эти выходки глядя. Я потому и хотела поговорить с тобой, может, когда домой вернешься, обратишь на эти дела внимание короля...

— Вряд ли будет толк. Нет, король, конечно, хочет, чтоб был порядок. Только у него теперь уже силы той нет.

— А не пора ли нового короля завести?

— Наш в маразме. Отречься ума не хватает, а признаться, что есть какие-то трудности,— тем более.

— Да, но трудности не исчезнут, если от них отмахиваться! — Она деликатно, по-женски фыркнула.— Надо же что-то делать.

— Может, волшебник Хамфри что присоветует,— сказал Бинк.— Короля сместить — дело серьезное. Вряд ли старейшины на такое пойдут. В лучшие-то годы он неплохо правил. Да и кого на его место посадить? Ты знаешь, что королем может быть только великий волшебник?

— Разумеется. Мы, кентавры, народ ученый, знаешь ли.

— Извини, забыл. У нас в деревне кентавр школой заведует. Я просто не подумал об этом здесь, в Глухомани.

— Понимаю... Хотя я бы сказала, это еще не Глухомань. Моя специальность — история человека, а Честер занимается прикладной механикой, лошадиные силы изучает. Другие занимаются юриспруденцией, естественными науками, философией...— Она замолчала.— Теперь держись. Впереди овражек, я через него буду прыгать.

Бинк, сидевший чуть развалясь, вновь пригнулся и крепко обхватил ее талию. Спина у Чери шелковистая, уютная, только с нее так легко соскользнуть. И все же, не будь Чери кентавричей, он никогда не посмел бы принять такую позу.

Чери набрала скорость, галопом промчавшись под горку. Бинк прыгал у нее на спине, замирая от страха. Заглянув ей под руку, он увидел овражек. Овражек ли? Навстречу им неслось целое урочище шириной шагов в десять. Тревога сменилась страхом. Ладони Бинка вспотели, он начал съезжать вбок. Чери мощно оттолкнулась и взлетела над оврагом.

Бинк соскользнул еще немного, краем глаза увидел каменистое дно оврага — и они приземлились на другой стороне. От удара Бинк совсем съехал набок, судорожно засучил руками в поисках опоры... и ухватился за не очень подходящее местечко. Но и отпустить было страшно...

Чери подцепила его за пояс и ловко поставила на землю.

— Спокойно,— сказала она.— Уже приземлились.

Бинк покраснел:

— Я... прости меня. Я начал падать и нечаянно ухватился...

— Знаю. Я заметила, что у тебя вес переместился, когда я прыгала. Если бы ты сделал это нарочно, я б тебя в канаву сбросила.

В это мгновение она до боли напомнила Бинку Честера. Да, она бы не задумываясь сбросила человека в овраг, если бы на то имелись причины. Крутые существа кентавры!

— Может, я теперь пешком пойду?

— Нет, впереди еще овражек. Что-то много их развелось в последнее время.

— Я мог бы спуститься и осторожненько подняться по другому склону. Это, конечно, будет подольше...

— Нет. На дне водятся полушки...

Бинк застонал. Полушки походят на обычные двушки, только поменьше, зато намного опаснее. Бесчисленными ножками они цепляются за вертикальные стенки, а клешнями рвут всякого, кто им попадется, на кружочки величиной с ноготь. Живут они в темных расщелинах, так как не выносят прямого солнечного света. Даже драконы не любят соваться в дырки, где, по слухам, обитают полушки,— и небезосновательно.

— Трещины стали появляться недавно,— продолжила Чери, опускаясь на колени, чтобы Бинк мог на нее взобраться, помогая себе посохом.— Боюсь, где-то копится сильная магия и просачивается по всему Ксанфу, вызывая разлад среди животных, растений и минералов. Через трещину я тебя переправлю, а дальше территория кентавров заканчивается.

Отправляясь в путь, Бинк и не думал, что возникнут такого рода препятствия. На карте никаких трещин не было. Предполагалось, что тропа ровна и относительно безопасна на всем протяжении. Но карту составляли много лет назад, а овраги, по словам Чери, появились недавно. В Ксанфе все непостоянно, и любое путешествие неизбежно сопряжено с риском. Счастливчик Бинк — заручился помощью кентаврицы!

Вокруг все изменилось, словно трещина пролегла между двумя разными мирами. До нее тянулись пологие холмы и поля, теперь начался лес. Тропа сузилась, с обеих сторон ее поджимали громадные ложные сосны, земля была сплошь покрыта красно-коричневым ковром из ложной хвои. Местами попадались заросли светло-зеленого папоротника, который прекрасно рос там, где не могла пробиться трава, и пятна темного мха. Порывистый холодный ветер теребил волосы Чери, ее грива обвивала Бинка. Здесь было тихо и приятно пахло сосной. Бинку захотелось спешиться, прилечь на мягкий мох и без затей наслаждаться покоем.

— Не надо,— сказала Чери.

Бинк так и подскочил:

— Вот не знал, что кентавры пользуются магией!

— Магией?

Бинк не видел ее лица, но почувствовал, что она нахмурилась.

— Ты прочла мои мысли.

Она рассмеялась:

— Это вряд ли. Магией мы не занимаемся, зато хорошо знаем, как этот лес действует на людей. Деревья защищаются от порубки, наводя покойный морок.

— Ну и что? — сказал Бинк.— Я так и так их рубить не собираюсь.

— Они не верят в твои добрые намерения. Гляди, что покажу.

Она осторожно сошла с нахоженной тропы, и копыта ее утонули в мягком хвойном ковре. Чери пролавировала между несколькими кинжальными елями, мимо тоненькой пальмы-змеевки, которая не удосужилась даже зашипеть на нее, и остановилась у ивы-путаны, правда, не слишком близко — каждый знает, что приближаться к таким деревьям нельзя.

— Смотри,— тихо сказала она.

Бинк посмотрел, куда она указывала. На земле лежал человеческий скелет.

— Убили? — с дрожью спросил он.

— Нет, просто поспать прилег. Решил отдохнуть, как ты только что, а встать духу не хватило. Полный покой — штука коварная.

— Да уж...— выдохнул Бинк.

Никакого насилия, никакой болезни — просто утрата воли. С какой стати трудиться, есть, пить, когда намного легче просто отдыхать? Если кому-то захочется покончить с собой, вот идеальный способ. Но Бинку покамест есть зачем жить.

— Вот чем мне мил Честер,— сказала Чери.— Уж он-то ничему такому не поддастся.

Это точно! Что-что, а покой Честеру даже не снился. Да и сама Чери никогда мороку не уступит, подумал Бинк, хотя нрав у нее куда как мягче Честерова. Даже вид скелета не нарушил сонной одури Бинка, но на Чери морок, похоже, не действовал. Может, у кентавров физиология другая, или просто в душе у нее дикость первозданная, прикрытая ангельским обликом и обходительной речью. А скорее всего, и того и другого помаленьку.

— Давай-ка выбираться отсюда.

Чери засмеялась:

— Не бойся, я провожу тебя через лес. Но один этой дорогой не возвращайся. Иди с врагом, если найдешь такого. Это лучше всего.

— Почему не с другом?

— С друзьями расслабляешься.

Так. Что ж, весьма разумно. С кем-нибудь вроде Зямы под сосной не прикорнешь, а то еще мечом в живот схлопочешь. Однако же какая ирония — отыскать врага, чтобы с ним пройти через мирный лес!

— Да, кого только магия не сведет вместе,— пробормотал он.

Покойным мороком объяснялось и отсутствие здесь другой магии. Личные защитные чары деревьям в этом лесу не нужны, никто на них не нападет. Даже путана показалась Бинку какой-то сонной, хотя, если дать ей такую возможность, непременно хапнет, раз уж путаны так кормятся. Любопытно, до чего быстро ослабевает магия, когда отпадает угроза выживанию. Хотя нет, магия-то тут есть, и сильная — совокупная магия всего леса, и каждое деревце вносит свою лепту. Знать бы, как преодолеть сонный морок — какими-нибудь контрчарами,— и можно жить здесь в полной безопасности. Стоит запомнить.

Они вернулись на тропу и продолжили путь. Дважды Бинк задремывал и чуть не падал со спины кентаврицы. В одиночку он бы из леса не вышел. К его радости, сосновый лес постепенно перешел в лиственный. Бинк почувствовал себя бодрее и даже злее. Это хорошо.

— Интересно, чей это был скелет?

— Знаю,— ответила Чери.— Он пришел с Последней волной, заблудился, забрел сюда, прилег отдохнуть. И не встал.

— Последняя волна — это ж варвары! — воскликнул Бинк.— Убивали всех без разбора!

— Все волны поначалу были варварскими, кроме одной,— сказала Чери.— Нам ли, кентаврам, этого не знать — мы здесь жили еще до Первой волны. Со всеми вами драться приходилось — аж до самого Договора. Магии у вас не было, зато было оружие, численное преимущество и звериная хитрость. Много наших головы сложили.

— Мои предки были из Первой волны,— с долей гордости сказал Бинк.— Магия у нас была всегда, а с кентаврами мы вообще не воевали.

— То, что я тебя из сонного леса вывела, еще не повод задирать нос, человек,— строго сказала Чери.— Мы знаем историю, а вы — нет.

Бинк понял: надо сбавить тон, если он хочет и дальше путешествовать верхом. А как не хотеть? Чери — славная компания, знает всю здешнюю магию, поможет избежать напастей,

а главное — с ней дорога бежит быстро, пока ножки усталые отдыхают. Уже миль десять проехали, не меньше.

— Извини,— сказал он.— Это во мне фамильная гордость заговорила.

— Фамильная гордость — дело хорошее,— сказала она, удовлетворившись его извинением, и осторожно перешла по наваленным бревнам через бурный ручей.

Вдруг Бинку захотелось пить.

— Давай остановимся, водички хлебнем,— предложил он.

Она фыркнула совсем по-лошадиному:

— Только не здесь! Кто этой водицы напьется, станет рыбой.

— Рыбой? — Бинк вдвойне порадовался, что у него такой проводник. А иначе он непременно попил бы. Но может, Чери попросту разыгрывает его или хочет отпугнуть от этих мест.— Но почему?

— Речка живностью сама себя пополняет. Двадцать один год назад злой волшебник Трент повывел здесь всю рыбу.

Бинку как-то не особенно верилось в магию неодушевленных предметов, особенно такую сильную. Как может речка чего-то хотеть? С другой стороны, он вспомнил, как Обзорный камень уберег себя от разрушения. На всякий случай лучше признать, что некоторые природные объекты способны сами творить чары.

А вот упоминание о Тренте его заинтересовало:

— Здесь был злой волшебник? Я-то думал, он только к нашей деревне имел касательство.

— Трент был везде,— сказала Чери.— Он хотел, чтобы мы, кентавры, выступили на его стороне, а когда мы отказались — мы по Договору не должны вмешиваться в людские дела,— показал нам, на что способен. Каждую рыбешку в этой речке превратил в электрожучка и исчез. Решил, наверное, что эти твари кусачие заставят нас передумать.

— А что же он не превратил рыб в человеческую армию и не попробовал победить вас с ее помощью?

— Пустое дело, Бинк. Они получили бы человеческие тела, но мозги-то остались бы рыбьими. Солдаты получились бы

жидковатые, а если бы даже и хорошие, то не стали бы воевать за него, а сами бы на него напали. Он же их заколдовал.

— Пожалуй. Я как-то не подумал. Значит, превратил в электрических жучков и смылся, чтоб они его не закоротили? И тогда они принялись за вас?

— Да. Скверное было время. Жучки носились тучами, дергали нас, электрогриль нам устраивали. У меня до сих пор шрамы на...— Она замолчала и поморщилась.— На хвосте.

Чистейший эвфемизм!

— И что же вы делали? — осведомился Бинк, вконец зачарованный рассказом. Он украдкой обернулся поглядеть, не видно ли шрамов. В том, что увидел, он никаких изъянов не усмотрел.

— Трента вскоре изгнали, и мы попросили Хамфри снять чары.

— Но добрый волшебник превращать не умеет.

— Да, но он подсказал нам, где взять отворотное средство. Мы им намазались, и жучки, лишившись нашего паленого мяса, вскоре вымерли. Ценная информация — это тоже средство, а уж информацией-то добрый волшебник располагает.

— Поэтому я к нему и иду,— сказал Бинк.— Только за один ответ он требует целый год службы.

— Кому ты это говоришь? Триста кентавров — и год службы с каждого. Ох и поработали!

— Что, он потребовал плату со всех? И что же вы для него делали?

— Нам запрещено рассказывать,— уклончиво ответила Чери.

Теперь Бинку стало любопытно вдвойне, но он понял, что переспрашивать не стоит. Слово, данное кентавром, нерушимо. Но что же такое могло понадобиться Хамфри, чего он сам не мог добиться сотней известных ему заклинаний или доступной ему надежной информацией? Хамфри ведь, в сущности, прорицатель, он может узнать все, чего не знает,— вот и весь секрет его колоссальной силы. Возможно, старейшины потому и не спрашивали доброго волшебника, что им делать с королем-маразматиком, что и сами прекрасно знали ответ: сместите старого короля и посадите на его место нового, свеженького волшебника. На это они явно не пойдут. Даже если бы знали, где найти подходящего молодого волшебника.

Да, в Ксанфе много тайн, много нерешенных проблем, и Бинку вряд ли дано познать их все или что-нибудь решить. Он давно уже приучился покоряться неизбежному. Хотя и со скрипом.

Они переправились через речку, и тропа пошла вверх. Ее поджимали густые деревья, поперек тропы дыбились толстые узловатые корни. Никакой враждебной магии Бинк не ощущал — то ли кентавры хорошенько вычистили эти места, как жители Северянки вычистили ближайшие окрестности, то ли Чери настолько изучила эту тропу, что избегала всех напастей чисто механически, даже не замечая их. Пожалуй, и то и другое.

Да, жизнь ставит много трудных вопросов и сама же предлагает множество вариантов ответов, и зачастую самое мудрое — выбрать понемножку из каждого варианта.

— Что ж это за история, которую ты знаешь, а я нет? — спросил немного заскучавший Бинк.

— О волнах людей-колонистов? Да, у нас есть данные о каждой волне. С тех пор как у нас есть щит и Договор, жить стало спокойнее. Волны — это был ужас и кошмар!

— Только не Первая волна! — патриотично заявил Бинк.— Мы были мирные.

— Вот-вот. Раз вы сейчас мирные, если не считать кучки бандитов-малолеток, то полагаете, что и предки ваши были мирные. Но мои-то предки думали иначе. Им было бы лучше, если бы человек вообще не ступал на землю Ксанфа.

— Мой учитель был кентавр,— сказал Бинк,— но он никогда не говорил нам о...

— За правду его бы враз уволили.

Бинк почувствовал себя неловко:

— А ты меня не подначиваешь? Знаешь, мне лишних неприятностей не надо. Я, конечно, любопытен, только мне своих забот хватает.

Она повернула голову и кротко посмотрела на него, изогнувшись при этом с феерическим изяществом — в талии Чери была много гибче любой человеческой девушки, вероятно потому, что кентаврам тяжелее развернуться всем телом. Если бы ее нижняя часть была под стать верхней... ах, какая из нее получилась бы девушка!

— Учитель не солгал тебе. Кентавры никогда не лгут. Просто он немного подредактировал информацию в соответствии с приказом короля, чтобы не заполнять впечатлительные детские умы тем, чего, по мнению их родителей, им знать не надо. Это и есть обучение.

— У меня и в мыслях не было в чем-то упрекнуть учителя,— поспешно проговорил Бинк.— Он мне даже нравился: ему единственному никогда не надоедали мои бесконечные вопросы. Я от него очень много узнал. Но по части истории я, пожалуй, не очень любопытствовал. Меня больше занимало другое, то, на что он не мог ответить... Но он хотя бы рассказал мне про доброго волшебника Хамфри.

— Позволь спросить, какой у тебя вопрос к Хамфри?

Отчего бы и впрямь не рассказать ей?

— У меня нет магии,— признался Бинк.— Во всяком случае, я ее не чувствую. И я все детство страдал от того, что не мог ею пользоваться. Скажем, бегал я быстрее всех, но в беге всегда побеждал парнишка, умеющий левитировать. И так во всем.

— Кентавры с магией не дружат,— заметила Чери.— Мы ее не взяли бы, даже если бы нам предложили.

Бинк этому не поверил, но спорить не стал:

— У людей на сей счет другое мнение. Когда я подрос, стало еще хуже. Если я не проявлю какой-нибудь магический талант, меня отправят в изгнание. Надеюсь, что волшебник Хамфри... В общем, если у меня откроется магия, я смогу остаться, жениться на моей девушке, наконец-то начать уважать себя.

Чери кивнула:

— Я подозревала что-то в этом роде. Пожалуй, на твоем месте я бы подавила желание непременно обзавестись магией. Но у вашей культуры искаженные ценности. Достоинство гражданина должно опираться на личные качества и достижения, а не на...

— Вот именно! — со страстью подтвердил Бинк.

Она улыбнулась.

— Тебе бы кентавром родиться.— Она тряхнула головой, красиво взметнув волосы.— Ты отправился в опасное путешествие.

— Иначе пришлось бы отправляться в Обыкновению. А это еще опаснее.

Она вновь кивнула:

— Что ж, ты удовлетворил мое любопытство. А я удовлетворю твое — расскажу тебе правду о том, как люди вторгались в Ксанф. Но предупреждаю, она тебе не очень понравится.

— Правда о самом себе мне тоже вряд ли понравится,— печально заметил Бинк.— Так что лучше уж выкладывай.

— Несколько тысячелетий Ксанф был сравнительно мирной страной,— начала она несколько педантичным тоном, так знакомым ему со школьных дней. Возможно, каждый кентавр в душе педагог.— Здесь существовала магия, сильная магия, но без ненужной жестокости. Главенствующим видом были мы, кентавры, но, как ты знаешь, магии у нас не было и нет. Мы сами по себе существа магические. Изначально, надо полагать, мы пришли сюда из Обыкновении, но это было так давно, что даже наши летописи об этом молчат.

У Бинка в мозгу что-то щелкнуло.

— Не знаю, так ли это — что магические существа не способны к магии. Я видел, как мыш-крохобор телепортировал крошку хлеба...

— А ты уверен, что это была не простая мышь? Мыши способны на магию, поскольку являются естественными существами — по нашей таксономии...

— Да точно мыш-крохобор, а не такса и тем более не номия какая-то! — горячо возразил Бинк.

— Таксономия,— со снисходительной улыбкой поправила Чери,— это классификация животных, еще одна специальность кентавров.

— Вот как,— смущенно проговорил Бинк.— Вообще-то сейчас я не совсем уверен, что это был мыш-крохобор.

— Честно говоря, мы тоже не вполне уверены,— признала она.— Вполне возможно, что некоторые магические создания и сами способны на магию. Но, как правило, можно либо быть чудом, либо творить чудеса. И это правильно. Сам подумай, какой кавардак мог бы устроить дракон-волшебник!

Бинк подумал и содрогнулся.

— Давай вернемся к уроку истории,— предложил он.

— Около тысячи лет назад первое человеческое племя обнаружило Ксанф. Они решили, что это обычный полуостров, влезли сюда, порубили деревья, поубивали животных. Чтобы победить их, здешней магии было более чем достаточно, но никогда раньше Ксанф не подвергался такому бессердечному, планомерному истреблению, и мы даже не могли в это поверить. Мы думали, что люди скоро уйдут. Но они поняли, что Ксанф — волшебная страна, увидели, как левитируют животные и шевелят ветвями деревья. Стали охотиться на грифонов и единорогов. Если тебя удивляет, что эти животные ненавидят людей, то уверяю тебя, у них на это есть все основания: будь их предки дружелюбны, их бы и в помине не осталось. Первопришельцы оказались существами без магии в волшебной стране, и, когда они справились с первым потрясением, им здесь понравилось.

— Но это не так! — воскликнул Бинк.— У людей самая сильная магия. Посмотри на всех великих волшебников. Сама же только что рассказывала, как злой волшебник Трент превратил всю рыбу в...

— Полегче, а то скину! — рявкнула Чери, свирепо свистнув хвостом под самым ухом Бинка.— Ты и четверти всего не знаешь. Разумеется, сейчас у людей магия есть. Им же на беду. Но изначально ее не было.

Бинк не стал спорить. Молчать — чего же проще? Эта кентаврица очень ему нравилась. Отвечала на вопросы, которые он еще и не додумался задать.

— Извини. Все это для меня так ново.

— Ты мне напоминаешь Честера. Бьюсь об заклад, ты тоже большой упрямец.

— Да,— смиренно пролепетал Бинк.

Она засмеялась, и смех ее отчасти напоминал ржание.

— Ты мне нравишься, человек. Желаю тебе обрести...— Она брезгливо поджала губы.— Свою магию.— Она лучезарно улыбнулась и тут же посерьезнела.— У этих, из Первой волны, не было никакой магии, но когда они узнали, чего можно добиться с ее помощью, то стали прямо бредить ею, хотя и боялись тоже. Многие из них утонули в озере с теплым мороком, других скушали драконы, а когда они увидели первого василиска...

— А василиски еще водятся? — встревоженно перебил кентаврицу Бинк, мгновенно вспомнив встречу с хамелеоном. Тот уставился на Бинка, прикинувшись василиском, да сам тут же и погиб, словно его магия против него и обернулась. Надо еще разобраться, что бы это все значило.

— Есть, но немного,— ответила Чери.— Над их истреблением потрудились и люди, и кентавры. Знаешь, их взгляд для нас тоже смертелен. И теперь они прячутся — знают, что стоит им таким образом убить хотя бы одно разумное существо, и на них обрушится целая армия мстителей в зеркальных масках. Василиск — не ровня предупрежденному человеку или кентавру, это всего лишь небольшая крылатая ящерица с головой и когтями курицы. И не очень умная. Да ум им и без надобности.

— Слушай, а может, разум и есть тот недостающий фактор? — воскликнул Бинк.— Существо может творить чудеса, быть чудом или иметь ум — или любые два из трех, но не все три вместе. Тогда мыш-крохобор может двигать предметы на расстоянии, а умный дракон не может.

Чери вновь повернула голову и посмотрела на Бинка:

— Мысль оригинальная. Ты и сам довольно умен. Мне надо над этим подумать. Но пока мы это не подтвердили, не стоит без защиты забираться в самую Глухомань — вдруг нарвешься на умного монстра, владеющего магией.

— В Глухомань я не полезу,— пообещал Бинк.— Во всяком случае, не сойду с проложенной тропы, пока не доберусь до замка волшебника. Не хочу, чтоб меня какие-то ящерицы насмерть засмотрели.

— Твои предки были более агрессивны,— заметила Чери.— Потому так много их и погибло. Но они покорили Ксанф и создали анклав, где магия была под запретом. Понимаешь, страна им понравилась и плоды магии пришлись по душе, но не на пороге же собственного дома. Поэтому они вырубили весь лес, убили всех магических животных и растения и построили огромную каменную стену.

— Руины! — воскликнул Бинк.— Я-то думал, это старые камни от вражеского лагеря.

— Они остались с Первой волны,— твердо повторила Чери.

— Но я же сам потомок...

— Я предупреждала, что тебе не понравится.

— Мне и не нравится,— согласился он.— Но выслушать я хочу. Каким образом мои предки...

— Они поселились в обнесенной стеной деревне, высадили обыкновенские семена, стали разводить обыкновенский скот. Бобы там, коров бескрылых... Переженились на женщинах, которых привели с собой или похитили в ближайших обыкновенских поселениях, детей завели. Ксанф оказался хорошей землей, даже в той немагической зоне. Но потом случилось нечто поразительное.

Чери снова повернула к нему лицо и посмотрела чуть искоса. У человеческих девушек такие взгляды получаются очень мило. Но и у девушки-кентавра вышло неплохо, особенно если прищуриться и видеть только ее человечью часть. Ну очень мила, хоть он и знает, что кентаврий век подольше человечьего и ей лет пятьдесят, не меньше. А выглядит на двадцать — и на какие двадцать! Людям и не мечталось. Да, такую красотку никакая уздечка не удержит!

— Что случилось? — спросил он, понимая, что она ждет от него вразумительной реакции. Кентавры — хорошие рассказчики и слушателей любят хороших.

— Их дети стали рождаться с магическими способностями.

— Ага! Значит, у Первой волны была магия!

— Не было! Магия — в самой земле Ксанфа. Эффект среды обитания. У детей он выражается сильнее — они податливей, а лучше всего — у младенцев, зачатых и рожденных здесь. Взрослые, даже живущие здесь давно, склонны подавлять в себе имеющиеся таланты, поскольку убеждены, что «этого не может быть». Но дети принимают все как есть. Поэтому у них не только больше врожденного таланта, но и более положительное его восприятие.

— Я ничего этого не знал,— сказал Бинк.— У родителей намного больше магии, чем у меня. Среди моих предков были волшебники. Но я...— Он помрачнел.— Боюсь, я сильно разочаровал родителей. По идее, у меня должна бы быть очень сильная магия, может, даже на уровне волшебника. А выходит...

Чери деликатно воздержалась от комментариев.

— Сначала люди приходили в ужас. Но вскоре смирились и даже стали поощрять развитие некоторых талантов. Один из мальчишек умел превращать свинец в золото. Так они все холмы перерыли, свинец искали, а потом пришлось посылать за ним экспедицию в Обыкновению. Будто свинец оказался ценнее золота.

— Но Ксанф не имеет дел с Обыкновением.

— Ты забываешь, что это древняя история.

— Прости еще раз. Я так часто перебиваю, потому что мне интересно.

— Ты отличный слушатель,— сказала Чери, и он обрадовался ее похвале.— Большинство людей вообще не стали бы слушать, потому что история для них не очень лестна.

— Может, и я не стал бы с такой охотой слушать, если бы мне не предстояло изгнание,— признался Бинк.— Я могу работать только головой и телом, поэтому лучше знать все, как оно есть.

— Похвальная философия. Кстати, я везу тебя дальше, чем собиралась, потому что ты так хорошо, внимательно слушаешь. В общем, свинец они получили, но заплатили за него страшную цену. В Обыкновении узнали про магию. Они там верны себе — алчные, завистливые. От мысли, что можно получить дешевое золото, совсем ошалели — вторглись в Ксанф, взяли стену штурмом и перебили всех мужчин и детей Первой волны.

— Но...— в ужасе возразил Бинк.

— То была Вторая волна,— участливо сказала Чери.— Женщин они убивать не стали: войско Второй волны состояло из одних мужчин. Они думали, что найдут машину, превращающую свинец в золото, или узнают тайную формулу для алхимического процесса. Они не особенно верили в магию — для них это было просто удобное слово для обозначения всего непонятного. Они слишком поздно поняли, что свинец превращала в золото магия ребенка. Они уничтожили то, за чем пришли.

— Какой ужас! — сказал Бинк.— Ты хочешь сказать, что я произошел от...

— От изнасилованной женщины Первой волны. Другими словами твою родословную не определить. Нам, кентаврам, люди Первой волны были малосимпатичны, но тогда нам ста-

ло их жалко. Вторая волна была намного хуже. Настоящие пираты, грабители. Если бы мы знали, то помогли бы людям Первой волны победить их. Наши лучники подстерегли бы их в засаде...— Она пожала плечами. Мастерство лучников-кентавров вошло в легенды, и заострять на нем внимание не было надобности.— Захватчики осели на наших землях,— продолжила Чери после паузы,— и разослали собственных стрелков по всему Ксанфу. Они убивали...— Она замолчала, и Бинк понял, как тяжело она переживает горькую иронию ситуации, когда ее родичи пали от стрел, пущенных неумелыми людскими руками. Чери содрогнулась, едва не сбросив Бинка, и заставила себя продолжать: — Отстреливали кентавров на мясо. Но потом мы организовались и напали на их лагерь, перебили половину, и только тогда они согласились оставить нас в покое. Но даже после этого не особенно соблюдали условия соглашения, ибо чувство чести им почти неведомо.

— А их дети рождались с магией,— подхватил Бинк, начиная понимать принцип.— А потом пришла Третья волна, перебила Вторую...

— Да, это случилось через несколько поколений и было не менее кровавым. К тому времени люди Второй волны стали относительно сносными соседями. И вновь уцелели только женщины, да и их немного. Эти женщины прожили в Ксанфе всю жизнь и обладали очень сильной магией. С ее помощью они поодиночке извели всех мужей-насильников и сумели отвести от себя все подозрения. Но их победа обернулась поражением — у них вовсе не осталось мужей. И тогда им самим пришлось пригласить обыкновенов...

— Какая мерзость! — воскликнул Бинк.— Я унаследовал тысячелетний позор!

— Не только. История человека в Ксанфе очень жестока, но в ней есть славные страницы, даже своего рода величие. Женщины Второй волны действовали обдуманно, они привели лучших мужчин, каких только сумели найти. Самых сильных, добрых, умных, справедливых, таких, кто понимал, куда идет, и шел по зову души, а не из жадности. Они поклялись хранить тайну и верность Ксанфу. Да, они были обыкновены, но благородные.

— Четвертая волна! — обрадовался Бинк.— Самая лучшая.

— Да. Женщины Ксанфа стали вдовами, жертвами насилия, наконец, убийцами. Иные из них состарились, война изувечила их тела и души. Но все они обладали сильной магией и железной волей; они пережили жесточайшее испытание, погубившее всех остальных людей в Ксанфе. Эти их качества были заметны любому. Когда прибывшие сюда мужчины узнали всю правду, некоторые из них сразу вернулись в Обыкновению. Но другим пришелся по вкусу брак с ведьмами. Они хотели, чтобы у их детей была сильная магия, и считали, что свойство это наследственное. Так что молодость и красота в расчет почти не принимались. Из них получились прекрасные мужья. Другие, экологи, хотели развить и защитить уникальный природный потенциал Ксанфа, а самым ценным богатством нашей земли они считали магию. К тому же Четвертая волна состояла не только из мужчин, были среди них и тщательно отобранные молодые женщины — будущие жены для подросших детей. Так удалось избежать ненужного кровосмешения. В общем, можно говорить не о захвате, а о мирной колонизации, основанной не на убийстве, а на разумных экономических и биологических принципах.

— Знаю,— сказал Бинк.— В той волне и появились первые великие волшебники.

— Именно так. Конечно, потом были и другие волны, но уже не столь значительные. Человек стал доминирующим видом в Ксанфе именно с Четвертой волны. В следующих нашествиях многие погибли, еще больше людей оказались вытеснены в самую глушь. Но цепь человеческих поколений больше не прерывалась. Почти каждый из вас, кто обладает умом или магией, ведет свой род от Четвертой волны. Убеждена, что и ты тоже.

— Да. У меня есть предки в каждой из шести первых волн. Но мне всегда казалось, что самая важная — Первая.

— Волны прекратились лишь с установкой щита. Он не пропускает обыкновенские существа в Ксанф, и наоборот. Ох, как его воспевали: спасение Ксанфа, гарант благоденствия! Только лучше отчего-то не стало. Словно поменяли одну беду на

другую. За последнее столетие нашествия полностью прекратились, зато появились другие напасти.

— Вроде электрожучков, вжиков и плохого волшебника Трента,— подхватил Бинк.— Магические напасти.

— Трент не был *плохим* волшебником,— поправила Чери.— Он был *злой* волшебник. Разница принципиальная.

— Ммм, да. Он был хороший злой волшебник. Какое счастье, что он не успел завоевать Ксанф.

— Разумеется. Но вдруг появится другой злой волшебник? Или снова вылезут вжики? Кто спасет Ксанф на этот раз?

— Не знаю,— честно ответил Бинк.

— Иногда я сомневаюсь, что щит — такое уж великое благо. Он создает своего рода парниковый эффект: усиливает магию в Ксанфе, не допуская рассеивания вовне. И магия будто накапливается до критической точки. С другой стороны, мне бы очень не хотелось вернуться во времена волн.

С подобной точкой зрения Бинк сталкивался впервые.

— Мне как-то не понять, что за беда, если магия в Ксанфе становится сильнее? — сказал он.— Лично мне хочется, чтобы ее было чуточку побольше. Чтоб хватило и на меня, на мой талант.

— Без него тебе было бы лучше,— отозвалась Чери.— Вот если бы король разрешил тебе остаться...

— Ха! По-твоему, выходит, мне лучше жить отшельником в самой Глухомани? В деревне-то не потерпят человека без таланта.

— Странная параллель,— пробормотала Чери.

— Что?

— Так, ничего. Просто вспомнился Герман-отшельник. Несколько лет назад его изгнали из нашего табуна за непристойность.

Бинк засмеялся:

— Что может быть непристойным для кентавра? Что он сделал?

— Дальше не поеду,— сухо сказала Чери, резко остановившись на самом краю симпатичной цветочной поляны.

Бинк понял, что сказал что-то не то:

— Я не хотел обидеть... Извини, если что...

Чери заметно смягчилась:

— Ну да, ты же не знаешь... От запаха этих цветов кентавры совсем дуреют. Приближаться к ним можно только в самых крайних случаях. По-моему, замок волшебника Хамфри милях в пяти на юг. Остерегайся злой магии. Надеюсь, ты найдешь свой талант.

— Спасибо! — с чувством сказал Бинк и соскользнул с ее спины.

От долгой езды ноги у него слегка задеревенели, но он знал, что Чери сэкономила ему целый день хода. Он обошел ее, встал лицом к лицу и протянул руку.

Чери пожала ее, а потом наклонила голову и поцеловала его — в лоб, по-матерински. Это она, конечно, зря... Но Бинк механически улыбнулся в ответ и пошел. За спиной он слышал удаляющийся стук ее копыт, и ему вдруг стало одиноко. К счастью, путь его подходил к концу.

Но любопытство не оставляло его: что же такое сотворил Герман-отшельник, что даже кентавры сочли непристойным?

Глава 3

ПРОВАЛ

Бинк в ужасе стоял на краю пропасти. Тропу пересекала еще одна трещина — нет, даже не трещина, а гигантский овраг шириной в полмили и немереной глубины. Кентаврица Чери, конечно же, не знала о нем, иначе предупредила бы Бинка. Значит, пропасть появилась совсем недавно, вероятнее всего, в последний месяц.

Такое громадное ущелье могло возникнуть только от мощного землетрясения — или катаклизмической магии. Поскольку Бинк не слыхал о таких землетрясениях, значит, тут не обошлось без магии. И поработал очень сильный волшебник.

Кто бы это? Такую пропасть мог бы сотворить король в свои лучшие годы, вызвав жестко управляемый ураган. Но это было ему совершенно ни к чему, к тому же сила у короля уже не та, ни на что такое он не способен. Злой волшебник Трент был превращателем и не умел двигать землю. Добрый волшебник владеет сотней всяких чар; наверное, есть среди них и такие,

с помощью которых можно сотворить и столь мощный провал, но трудно себе представить, с чего бы Хамфри стал этим заниматься. Добрый волшебник ничего не делает без пользы для себя. Неужели в Ксанфе появился еще один великий волшебник?

Стоп! Поговаривают еще о каком-то мастере иллюзий. А ведь сделать якобы пропасть гораздо легче, чем пропасть настоящую. Такой же талант, как у Пшика с его ложными ямами, только много сильнее. Пшик, конечно, никакой не волшебник, но если есть настоящий волшебник с талантом такого типа, то он вполне способен создать иллюзию такого рода. Может, если просто шагнуть в провал, нога ступит на тропинку?

Бинк посмотрел вниз. Под ним блаженно проплывало облачко. До облачка было локтей пятьсот. В лицо дохнул затхлый холодный ветерок. Бинк поежился — для иллюзии что-то больно реально.

— Ау-у-у! — крикнул он, и секунд через пять эхо откликнулось:

— У-у-у!

Бинк взял камешек и бросил его в пропасть. Он полетел в глубину. Звука падения Бинк не услышал. Тогда он опустился на колени и потрогал пальцем воздух за краем обрыва. Палец не встретил никакого сопротивления. Потрогал стенку — вполне материальна. И отвесна.

Хоть и неохотно, но пришлось поверить: провал настоящий.

Делать нечего, надо идти вкруговую. А это значит, что до места назначения не пять миль, а все пятьдесят, а то и сто — поди знай, насколько тянется эта расщелина?

Может, вернуться? Надо же сказать деревенским про новое чудо природы. А вдруг оно исчезнет до того, как он приведет сюда кого-нибудь взглянуть? Тогда его назовут не только нечудью, но и придурком вдобавок. А хуже того — трусом, который изобрел небылицу, чтобы не идти к волшебнику и не получить окончательного подтверждения собственной бездарности. То, что создано с помощью магии, можно и уничтожить с помощью магии. Так что лучше попытаться обойти Провал.

Бинк с некоторой опаской посмотрел на небо. Солнце клонилось к западу. До сумерек оставалось около часа. И лучше

бы за этот час отыскать дом, где можно переночевать. Меньше всего Бинку хотелось ночевать под открытым небом в незнакомой местности, отдавшись на милость неведомой магии. Пока что путешествие его протекало очень гладко благодаря Чери. Но теперь, с этим неожиданным препятствием, оно окажется куда сложнее.

Куда повернуть — на запад или на восток? Пропасть тянулась в обе стороны, насколько хватал глаз. Но к востоку местность была чуть поглаже и потихоньку уходила вниз. Может, тот путь приведет на дно оврага и тогда потребуется перейти на ту сторону? К тому же фермеры предпочитают селиться в долинах, а не на горах — и с водой попроще, и злая магия гор не досаждает. Надо идти на восток.

Правда, заселены эти края негусто. На тропе Бинку не встретилось ни одного человеческого поселения. Он двинулся через лес, все ускоряя и ускоряя шаг. Когда опустились сумерки, Бинк увидел, как из пропасти вздымаются громадные черные тени, распускают перепончатые крылья, поднимают хищные клювы, посверкивают глазками. То ли стервятники, то ли что похуже. Ему стало сильно не по себе.

Теперь надо беречь припасы — неизвестно, насколько придется их растягивать. Бинк заметил хлебное дерево, оттяпал от него буханочку, но та оказалась недозрелой. Съешь такую — долго будешь животом маяться. Нет, надо найти ферму.

Деревья стали больше и корявей, вид у них был зловещий. Их скрюченные ветви стонали на ветру. Ничего особенно страшного в этом нет, и магия тут ни при чем. Но сердце у Бинка застучало быстрее, и он начал поминутно оглядываться. Ведь с относительно безопасной тропы пришлось свернуть, и он все дальше углублялся в дебри, а там может произойти все, что угодно. Ночь — время запредельной магии, а она разнообразна и сильна. Сонный морок сосен тому пример, а есть ведь и страшильные мороки и еще много всякого. Эх, найти бы какой-нибудь домик!

Да, искатель приключений из него тот еще! Чуть-чуть отошел от тропы, чуть-чуть стемнело — и тут же навоображал себе с три короба. На самом-то деле это еще не настоящая Глухомань, и для осмотрительного путника опасностей тут не мно-

го. Доподлинная дичь и глушь начинается за замком доброго волшебника, по ту сторону пропасти.

Бинк заставил себя идти помедленней и смотреть только вперед. Просто иди себе и иди, да не забывай посохом махать и во все подозрительное тыкать, а не то...

Кончик палки ткнулся в пустоту. Пустота взмыла вверх, громко трепеща крыльями. Бинк попятился, шлепнулся на спину, прикрыв лицо руками.

— Кю-ю! — возмущенно курлыкнула пустота. Пустельга, догадался Бинк. На ночь прикинулась пустым местом, чтоб никто не доставал. Тварь совершенно безобидная, но, когда ткнут, может обидеться.

Если здесь гнездятся пустельги, стало быть, и для Бинка опасности нет. Всего-то дел — прилечь где-нибудь и заснуть. Почему бы так и не поступить?

Да потому, что ночью страшно одному, ответил он сам себе. Была бы хоть какая магия, тогда бы еще ничего. Ну хоть пустячный заговорчик на храбрость...

Впереди он заметил свет. Ура! Желтый квадратик, определенно там человеческое жилье. Бинк обрадовался аж до слез. Он, конечно, не ребенок, но здесь, в неведомом лесу, какая разница — взрослый ты или шкет какой-нибудь? Ох как без людей-то туго! Бинк поспешил на свет. Лишь бы это оказалась не иллюзия, не ловушка, поставленная какой-нибудь поганью.

Нет, настоящий. Из окошка фермерского дома на краю деревеньки. Такие же светлые квадратики виднелись и дальше в долине. Почти не сдерживая радости, Бинк постучал в дверь.

Она нехотя открылась. На пороге стояла некрасивая женщина в запачканном переднике и с подозрением глазела на Бинка.

— Что-то незнаком ты мне,— проворчала она, явно намереваясь закрыть дверь.

— Я Бинк из Северянки,— поспешно сказал он.— Шел весь день, а потом на ущелье наткнулся. Мне бы переночевать. За это готов отработать. Я сильный — могу дрова колоть, сено стоговать, камни перетаскивать...

— С этим делом мы и без магии справляемся,— сказала женщина.

— Так и я без магии! Голыми руками. Я...

— Почем мне знать, может, ты дух голодный?

Бинк сморщился и протянул левую ладонь:

— Уколи. Кровь пойдет.

Обычная в таких случаях проверка. У ночных нелюдей крови нет, разве что они недавно из кого-нибудь ее высосали. Но и тогда она из раны течь не будет.

— Кончай, Марта,— раздался из дома хрипатый мужской голос.— Духов-то в наших краях, почитай, лет десять не видывали, да они все одно безвредные. Впусти его, покорми. Будет жрать — значит, человек.

— Огры тоже жрут,— пробубнила она. Но дверь чуточку приоткрыла, и Бинк сумел протиснуться в дом.

Бинк увидел зверя, охраняющего жилище,— небольшой волколак, скорее всего, один из хозяйских детишек. Настоящих оборотней Бинку не встречалось, только люди, наделенные соответствующим талантом. Похоже, такие способности встречаются в последнее время все чаще. У волколака была типичная для этой семьи большая голова и плоская морда. Настоящего же оборотня от волка не отличить, пока человеком не обернется. Бинк протянул руку, которую юный волколак старательно обнюхал, и потрепал его по голове.

Звереныш превратился в мальчишку лет восьми.

— Классно напугал, скажи? — с мольбой в голосе спросил он.

— До жути,— отозвался Бинк.

Парнишка обернулся к отцу.

— Чистяк, батя. Магией и не пахнет,— заявил он.

— В том-то и беда,— пробормотал Бинк.— Будь у меня магия, черта с два поперся бы путешествовать. Но от своих слов я не отказываюсь. Работать руками я умею.

— Что ли, совсем нет магии? — осведомился мужчина, пока женщина наливала Бинку горячей похлебки в миску. Фермеру было за тридцать, такой же неказистый, как и жена, только морщинки вокруг рта и глаз выдают смешливый нрав. Худой, но жилистый — от физического труда люди крепнут. За разговором он то багровел, то зеленел, плавно меняя цвета всем телом,— такой у него талант.— Как же ты от самой Северянки за день дошагал?

— Кентаврица подвезла.

— Кобылка! Да, брат, подвезло тебе! Интересно, за что ты держался, когда она прыгала?

Бинк невесело улыбнулся.

— Пообещала в канаву вывалить, если еще раз подержусь,— сознался он.

— Ха! Ха! Ха! — заржал фермер.

Крестьяне — народ не слишком образованный, и юмор у них от сохи. Бинк заметил, что некрасивая жена не смеялась, а мальчишка недоуменно вылупил глаза.

Фермер перешел к делу:

— Значит, батраки мне сейчас вроде как без надобности. Но меня тут на одно разбирательство зовут, а я не хочу. Хозяйка против.

Бинк кивнул, хоть ничего и не понял. Он заметил, что жена фермера тоже хмуро кивнула. Что бы это такое значило?

— В общем, если хочешь стол и кров отработать, можешь за меня пойти,— продолжил фермер.— За часик управитесь, и делать ничего не надо, только соглашаться со всем, что пристав скажет. Непыльная работенка, а для тебя и вовсе пустяк, раз ты пришлый. Поиграешься насупротив хорошенькой...— Он поймал сердитый взгляд жены и договаривать фразу не стал.— Ну так как?

— Чем могу,— без особого чувства произнес Бинк. Что это такое, насчет поиграться с хорошенькой? Пока хозяйка здесь, он этого точно не узнает. А Сабрина — она была бы против?

— Ну и чудненько! На чердаке есть сено и горшок, чтоб на двор не бегать. Только сильно не храпи — хозяйка этого не любит.

Хозяйка, видать, много чего не любит. И как человека угораздило на такой жениться? Интересно, а Сабрина тоже после замужества остервенеет? От этой мысли ему стало не по себе.

— Храпеть не буду,— пообещал он.

Похлебка была не очень вкусная, но голод утолила.

Он славно выспался в сене, а рядом с ним свернулся калачиком мальчишка-оборотень. Правда, пришлось сходить на горшок, и, будучи без крышки, тот вовсю благоухал целую ночь — однако все лучше, чем оставаться один на один с ночной ма-

гией. Раз выразив недовольство похлебкой, кишки его успокоились. Так что жаловаться, в сущности, было не на что.

Завтракал он овсянкой, разогретой без огня,— такой был у жены фермера талант, в хозяйстве весьма полезный. Потом отправился вдоль ущелья в соседский дом на разбирательство.

Пристав оказался мужчиной крупным, медведистым. Когда он над чем-то сильно задумывался, у него над головой появлялось облачко.

— Что-нибудь о деле знаешь? — спросил он, когда Бинк представился.

— Ничего,— честно ответил Бинк.— Вы скажите мне, что делать надо.

— Ладно. Мы вроде как пьеску разыграем — чтобы и дело уладить, и никому репутацию не подмочить. Эрзац-магия по-научному. Смотри у меня, чтоб никакой настоящей магии!

— Никакой,— заверил Бинк.

— Просто отвечай «да» на любой мой вопрос. И все.

Бинк разволновался:

— Я, сударь, врать не привык.

— Это, мальчик мой, никакое не вранье. Только во благо, вот увидишь. Странно, что у вас в Северянке такого обычая нет.

Бинк нахохлился и замолчал. Уж не вляпался ли он в какую-нибудь гадость?

Пришли и остальные — двое мужчин и три девушки. Мужчины были самые обычные фермеры при бородах, один средних лет, другой помоложе; а из девушек одна невзрачная, одна так себе, зато третья — красоты неописуемой. Бинк с трудом отвел от нее взгляд. Никого прекраснее этой пышной, яркой, прелестной брюнетки он в жизни не видел. Ну чисто бриллиант посреди серой гальки.

— Теперь вы шестеро садитесь друг напротив друга за этот стол,— официальным тоном сказал пристав.— Когда придет судья, говорить буду только я. Помните, хоть это и игра, но все должно остаться в тайне. Как только приведу вас к присяге, все — до конца дней своих ничего не разглашать!

Все кивнули. Бинк вконец растерялся. Теперь он понял, что значит «поиграться насупротив хорошенькой», но что ж это за

игра такая — при свидетелях — и ни о чем потом рассказать нельзя? Ладно, будь что будет. Может, это и есть эр... ну, в общем, та специальная магия.

Трое мужчин уселись в рядок по одну сторону стола, а девушки — напротив них. Бинк оказался лицом к лицу с красавицей, а стол был такой узкий, что колени их соприкасались. Что за чудо ее коленочки — гладкие, шелковистые! Аж мурашки по ногам побежали.

«Помни про Сабрину!» — приказал себе Бинк. Вообще-то он не сильно падок на хорошенькие мордашки, но это личико — что-то особенное. И свитерок в обтяжку тоже не особо способствует душевному покою. А фигурка!

Вошел судья — важный, с внушительным брюшком и бакенбардами.

— Всем встать! — приказал пристав.

Все с почтением поднялись. Судья сел во главе стола, а пристав прошел на другой край. Все сели.

— Клянетесь ли вы, дамы, нигде и никогда не говорить правды об этом деле и вообще держать рот на замке? — сурово спросил пристав.

— Клянемся,— хором ответили девушки.

— А вы, мужичье сиволапое, клянетесь?

— Клянемся,— вместе с остальными сказал Бинк.

Если от него хотят, чтобы он лгал здесь, но потом никому об этом не рассказывал, то, может, это вовсе и не ложь? Пристав-то, похоже, знает, что правда, а что нет, так что в результате...

— Слушается дело об изнасиловании,— объявил пристав. Бинка слова эти оглушили, но он постарался не подать виду. Уж не предстоит ли разыгрывать соответствующую сценку? — Среди присутствуюших находится девушка, которая, по ее словам, подверглась насилию,— продолжил пристав,— а также мужчина, которого она обвиняет. Он не отрицает случившегося, но утверждает, что все произошло по доброй воле. Так, мужчины?

Бинк энергично кивнул одновременно с двумя другими. Ну и дела! Лучше бы за ночлег дров наколол, что ли! А то сидишь тут, признаешься в насилии, которого не совершал...

— Анонимность гарантирует сохранение репутации обеих сторон,— пояснил пристав,— и позволяет провести предвари-

тельное слушание в присутствии сторон, не трезвоня об этом на всю деревню.

Бинк начал понимать смысл происходящего. Доброе имя изнасилованной девушки может быть погублено, хоть и не по ее вине; после такого многие откажутся взять ее замуж. Дело-то она выиграет, а будущее потеряет. Насильника могут изгнать, а тот, кого только заподозрили в насилии, будет нести на себе это клеймо до конца дней. Преступление-то серьезное... почти как не иметь магии, с горечью думал Бинк. Узнать истину — дело деликатное, такое ни одна из сторон не захочет выносить на люди. Хоть выиграешь процесс, хоть проиграешь — репутация-то все равно пострадает. Но без суда какое может быть правосудие? Потому-то и устроили это закрытое, полуанонимное слушание. Может, им все и закончится?

— Она утверждает, что прогуливалась вдоль Провала,— сказал пристав, заглядывая в свои записи,— а он подкрался сзади, схватил ее и изнасиловал. Так, девушки?

Все трое кивнули, сердито и обиженно. От энергичного кивка колени красавицы дрогнули, и очередная волна мурашек пробежала по телу Бинка. Ай да «хорошенькая насупротив», ай да «поиграться»!

— Он утверждает, что стоял возле Провала, а она подошла и сама предложила, и он не отказался. Так, мужчины?

Бинк кивнул вместе с остальными. Хорошо бы, мужская сторона победила — дело-то нервное получается.

— Был ли поблизости какой-нибудь дом? — подал голос судья.

— Локтях в ста,— ответил пристав.

— Что же она не кричала?

— Он сказал, что столкнет ее в пропасть, если она только пикнет,— сказал пристав.— Ужас сковал ее. Так, девушки?

Они кивнули, и на каждом из трех лиц отразился ужас. Бинк задумался, которую же из трех изнасиловали на самом деле? Нет, не так — которая из трех выдвинула обвинение? Только бы не та, что напротив него.

— Эти двое знали друг друга до инцидента?

— Да, ваша честь.

— Тогда, я полагаю, она могла сразу убежать от него, если он был ей несимпатичен. А если она ему доверяла, ему не было надобности брать ее силой. В нашей маленькой общине все хорошо знают друг друга и неожиданности случаются редко. Я могу с большим основанием утверждать, что она вступила с ним в контакт без особого нежелания и вполне могла спровоцировать его на действия, о которых впоследствии пожалела. Вероятнее всего, если бы такое дело слушалось в настоящем суде, мужчина был бы признан невиновным за недоказанностью.

Трое мужчин перевели дух. Бинк почувствовал, как по лбу стекает пот, выступивший, пока судья произносил речь.

— Вот вам частное мнение судьи,— сказал пристав.— Вы, девушки, по-прежнему хотите открытого разбирательства?

С хмурыми и недовольными лицами девушки покачали головами. Бинку стало жалко свою визави. Куда ей, бедняжке, девать свою соблазнительность? Как специально создана, чтобы ее наси... в смысле, любили.

— Тогда проваливайте,— сказал пристав.— Помните, никаких разговоров, а то устроим вам *настоящий* процесс — за неуважение к суду.

Предупреждение, похоже, было излишним — девушки вряд ли проявят болтливость. Виновный — то есть, конечно, невиновный — тоже будет держать язык за зубами. Сам Бинк только и хочет поскорей умотать из этой деревни. Так что проболтаться может только третий, но если он хоть словцом обмолвится, все остальные поймут, кто именно распустил язык. Стало быть, все будет тихо.

Так оно и закончилось. Бинк встал и вышел вместе с остальными. На все это дело ушло даже меньше часа, так что он легко отделался. Славно переночевал, хорошо отдохнул, теперь осталось только найти дорожку через ущелье к замку доброго волшебника.

Из дому вышел пристав, и Бинк подошел к нему:

— Не скажете ли мне, сударь, есть отсюда дорога на юг?

— Ого! Уж не надумал ли ты перейти Провал? — Над головой у пристава образовалось облачко.— Может, летать умеешь?

— Нет, я пешком.

— Путь-то есть, да только провальный дракон... Ты такой славный мальчик, молодой, красивый. Нам с этим делом помог. Лучше не рискуй.

Ну каждый норовит высказаться насчет его молодости! Нет, без сильной личной магии не стать ему в глазах соплеменников мужчиной.

— Не могу не рискнуть.

Пристав вздохнул.

— Что ж, сынок, я тебе не отец и запретить не могу.— Он втянул животик, почти столь же внушительный, как у судьи, и пригляделся к зависшему над головой облачку. Из облачка словно выкатилось несколько слезинок. Бинк поморщился — мало того что женщины с ним нянчатся, так и мужики туда же.— Путь туда непрост. Лучше пусть тебя Синн проводит.

— Синн?

— Та, что напротив тебя сидела. Которую ты едва не завалил.— Пристав подмигнул и щелкнул пальцами. Облачко рассеялось.— Не подумай, что я в осуждение.

Девушка заметила жест пристава и подошла.

— Синн, лапушка, проводи этого парня на южный склон. Только держись подальше от дракона.

— А как же,— с улыбкой ответила она. Улыбка не добавила ей очарования лишь потому, что добавлять было уже некуда.

Бинк несколько растерялся. А если после этого слушания она и его обвинит в...

Пристав с пониманием посмотрел на него:

— Не волнуйся, сынок. Синн никогда не лжет. Просто веди себя прилично, хоть это и нелегко, и все будет в порядке.

Смущенный Бинк отправился с девушкой. Если она покажет ему короткий и безопасный путь через пропасть, скоро его путешествию конец.

Они пошли на восток. Солнце светило им прямо в лица.

— Далеко? — спросил Бинк, по-прежнему испытывая некоторую неловкость. Хорошо, что Сабрина сейчас его не видит.

— Недалеко,— ответила девушка.

От ее тихого голоса что-то в нем завибрировало. Может, это магия такая? Хотелось бы надеяться — как-то не хочется

думать, что он вибрирует просто от близости красотки. Он ведь даже не знаком с ней!

Некоторое время они шли молча, потом Бинк попробовал возобновить разговор:

— Какой у тебя талант?

Она посмотрела на него пустым взглядом.

М-да! Похоже, она поняла его сугубо превратно. Что ж, после сегодняшнего разбирательства это вполне естественно.

— Твой магический талант,— уточнил он.— Что ты умеешь? Заклинания там или...

Она равнодушно пожала плечами.

Что с ней такое, с этой девчонкой? При всей красоте она несколько... на головку слаба?

— Тебе здесь нравится?

Она вновь пожала плечами.

Теперь сомнений не осталось — Синн прелестна, но глупа. Жаль, а то могла бы украсить собой дом любого фермера. Неудивительно, что пристав так спокойно отправил ее с Бинком. Кому она нужна, такая?

Он замолчал. За поворотом они чуть не наступили на кролика, который жевал гриб прямо на дорожке. Зверек вздрогнул, подскочил и завис в воздухе, подрагивая розовым носиком. Бинк засмеялся.

— Мы, косой, тебя не тронем,— сказал он. Синн улыбнулась.

Они прошли под кроликом. Этот эпизод, при всей его незначительности, запал в душу Бинку и навел на прежние мысли. Почему какому-то заурядному кролику дано левитировать, а ему, Бинку, не дано ничего? Это просто нечестно.

Потом его мысли прервала сладкозвучная мелодия. Бинк оглянулся и увидел лирохвоста, который тренькал на собственном хвосте. Музыка разносилась по лесу, наполняя его иллюзорной радостью. Ха!

Молчание стало нестерпимым.

— Когда я был маленьким, все смеялись надо мной, потому что у меня нет магии,— начал он. Ему было все равно, понимает она или нет.— В беге я проигрывал другим, которые умели летать, строить стены на моем пути, проходить через деревья

или мгновенно перемещаться с места на место.— То же самое он говорил Чери. Хотя и не хотелось повторяться, но что-то в его сознании упорно внушало ему, что чем чаще он будет говорить о своей беде, тем быстрее найдет способ избавиться от нее.— Или тем, кто умел заговорить дорожку, чтобы она все время бежала под гору. А мне, как дураку, приходилось пилить по пересеченной местности.— Эти унизительные воспоминания душили его.

— А мне можно с тобой? — внезапно спросила Синн.

Ого! Решила, поди, что он всю дорогу станет развлекать ее историями. А что в дороге будет нелегко, ей в голову не приходит. Да через несколько миль ее роскошное тело, созданное явно не для тяжких трудов, устанет, и придется тащить ее на себе.

— Синн, идти мне неблизко. До волшебника Хамфри. Тебе со мной незачем.

— Незачем? — Ее прекрасное лицо помрачнело.

Помня об утреннем разбирательстве и стараясь, чтобы она правильно истолковала его слова, он подбирал их очень тщательно. Они начали спускаться на дно ущелья по извивающейся тропке, обходя кустики гром-травы и поросли липучек. Бинк шел первым. Он опирался на посох и готов был в любой момент подхватить Синн, если она споткнется и упадет. Оглядываясь на нее, он невольно сбивался с шагу — его взору открывались умопомрачительные бедра. Во всем ее теле не было ни малейшего изъяна. Только вот мозги подкачали.

— Здесь опасно. Много плохой магии. Я пойду один.

— Один?

Она все еще пребывала в замешательстве, но с тропой справлялась великолепно. Координация отменная! Бинк немного удивился, увидев, что такими ножками и впрямь можно ходить и даже лазать по горам.

— Мне нужна помощь. Магическая. А добрый волшебник требует плату. Год службы. Ты... ты ведь не захочешь платить.

Ну да, добрый волшебник как-никак мужчина, а Синн может расплатиться одним-единственным способом — ум-то ее никого не заинтересует.

Она посмотрела на него в полном недоумении, потом просияла и остановилась прямо над ним.

— Хочешь, чтобы я платила? — Она поднесла руку к застежке платья.

— Не-ет! — заорал Бинк, чуть не сорвавшись с крутого склона. Он во всех красках представил себе новое разбирательство с другим финалом. Кто поверит, что в забавс с красивой дурочкой инициатива принадлежала не ему? Но если она вздумает раздеться...— Нет! — повторил он не столько ей, сколько себе самому.

— Нет? — Она вновь помрачнела.

Спасло Бинка новое обстоятельство. Они добрались почти до дна ущелья, и Бинк уже видел более пологий южный склон. Взобраться по нему — пара пустяков. Он хотел было сказать Синн, что она может идти домой, но тут послышался неприятный звук, похожий на оползень. Звук повторился — громкий, бросающий в дрожь, но пока непонятный.

— Что это? — настороженно спросил Бинк.

Синн приложила руку к уху, прислушалась, хотя шум был изрядный. Центр тяжести у нее сместился, нога соскользнула, и девушка начала падать. Бинк успел подхватить ее и аккуратно опустить на дно ущелья. Ах, как приятно было подержаться за нее — такую мягкую, упругую, изящную, соразмерную...

Он поставил ее на ноги. Она повернула к нему лицо, поправила прическу и сказала:

— Провальный дракон.

Он не сразу сообразил, что минуту назад задал ей вопрос и теперь она на него отвечает со всей сосредоточенностью своего скудного ума.

— Он опасный?

— Да.

Ума у нее не хватило предупредить его, прежде чем он задал вопрос. А он сообразил его задать, только когда услышал шум. Может, если бы он так не засматривался на нее... А кто бы мог удержаться?

Он увидел, как с запада надвигается чудовище — змеиная голова в клубах пара, приспущенная к земле, большая. Очень большая.

— Беги! — крикнул он.

Она побежала — вперед, прямо в пропасть.

— Нет! — заорал он, припустил за ней, схватил за руку, развернул. Волосы ее взметнулись черным облачком.

— Хочешь получить плату? — спросила она.

Ну ва-аще!

— Беги туда! — прокричал он и подтолкнул ее к северному склону — ближайшему пути отхода. Оставалось надеяться, что дракон по горкам лазает плохо.

Она послушалась и понеслась стрелой.

Но за ней следили сверкающие глаза провального дракона, фиксируя ее движения. Тварь развернулась, пытаясь перехватить Синн. Бинк понял, что добежать до тропы она не успеет. Дракон шлепал за ней со скоростью галопирующего кентавра.

Бинк снова рванулся за девушкой, поймал ее, развернул лицом на юг. Даже в этот отчаянный момент ее гибкое притягательное тело отвлекало его, мутило разум.

— Туда! — крикнул Бинк.— Он приближается!

Он вел себя не умнее, чем она. Опасность приближается, а он все мечется туда-сюда, меняет решения.

Нужно как-то отвлечь монстра.

— Эй, рыло паровозное! — заорал он, размахивая руками.— Погляди на меня.

Дракон поглядел. И Синн тоже.

— Да не ты! — гаркнул на нее Бинк.— Ты беги на ту сторону! Прочь из Провала!

Она побежала. Даже у нее хватило ума понять, что здесь опасно.

Теперь все внимание дракона сосредоточилось на Бинке. Страшилище развернуло свое длинное гибкое тело и двинулось на него, перебирая тремя парами кряжистых лап. Лапы поднимали туловище и рывками двигали его на несколько локтей вперед. На вид получалось довольно неуклюже, но передвигалась тварь с тошнотворной быстротой.

Пора делать ноги! Бинк понесся по дну ущелья на восток — дракон уже отрезал его от северного склона, а увлекать чудище в ту сторону, куда побежала Синн, Бинку не хотелось. При всей нелепости своих движений дракон оказался много проворней Бинка. Тут явно не обошлось без магии — на то они и магические звери, драконы.

А как же его теория, что ни одно магическое существо не может одновременно обладать и умом, и магией? Если теория верна, то эта тварь должна быть не особо сообразительной. Хотелось бы надеяться — легче обхитрить глупого дракона, чем умного. Для Бинка это вопрос жизни.

И он побежал, хотя уже понял, что спасаться в этом направлении — дело дохлое. Тут у дракона охотничьи угодья, и на своих двоих здесь не пройти. Уже давно нужно было понять, что магически созданная пропасть без магической охраны не останется. Кому-то или чему-то сильно не хотелось, чтобы люди свободно ходили из северного Ксанфа в южный. Особенно люди без магии, такие, как он.

Бинк начал задыхаться, у него закололо в боку. Он явно просчитался — дракон не просто превосходит его в скорости, но превосходит значительно. Огромная башка вынырнула совсем рядом, и Бинка обдало клубами пара.

Бинк вдохнул. Пар оказался не такой горячий, как он опасался, и немного припахивал горящими дровами. Но дышать мешал. У Бинка перехватило дыхание, он распялил рот... и растянулся во весь рост, споткнувшись о камень. Посох вылетел из рук. А ведь отвлекся-то всего на секундочку!

Дракон шумно протопал над Бинком — мгновенно остановиться чудище не могло. Мимо пронеслось длинное, отблескивающее металлом туловище на коротких лапах, голова по инерции унеслась куда-то вдаль. Видно, чудище могло только ускоряться с помощью магии, но не тормозить. Что ж, слабое, но утешение.

Падение буквально вышибло дух из Бинка. Он отчаянно хватал ртом воздух, а все остальное вылетело у него из головы — даже необходимость спасать свою шкуру. Он лежал, практически парализованный, а прямо на него, как две кувалды, опускалась средняя пара драконьих лап. А он даже не мог откатиться в сторону. Вот сейчас-то его и расплющат!

Но мощные когти правой лапы приземлились прямо на тот камень, о который споткнулся Бинк. Из ямки, в которую он свалился, камень казался огромным. Когти дракона распластались по камню; один опустился слева от Бинка, другой — справа, а средний застыл прямо над ним. На эту лапку прихо-

дилось сейчас не меньше тонны драконьего веса, но на Бинка не давило ни грамма. Такое вот уникальное местоположение — нарочно не придумаешь!

Лапа, оттолкнувшись, пронеслась мимо, и Бинк чуть-чуть перевел дух. А ведь если бы он исхитрился откатиться вбок, то был бы несомненно раздавлен.

Да, один раз ему повезло невероятно — но это еще не означает, что все беды позади. Дракон, гибкий, как змея, вновь начал разворачиваться, обдавая струями пара собственное туловище. Со стороны это, должно быть, выглядело весьма эффектно — но то со стороны. Это змееподобное чудище могло, если надо, хоть кольцами свернуться, хоть в узелок завязаться. Неудивительно, что оно передвигалось таким причудливым образом — хребта-то настоящего у него нет.

Сознавая тщетность своих усилий, Бинк все же стремился убежать. Он поднырнул под хвост толщиной в доброе дерево. Туда же устремилась и драконья башка — нюх у твари оказался не хуже зрения.

Бинк вскочил на хвост и уцепился за чешую. Повезло — у иных драконов чешуйки острые, зазубренные, режут, что твой нож, а у этого ничего, скругленные. Скорее всего, как раз такие этому гаду ползучему и нужны — чтобы не цеплялись за что ни попадя, не тормозили.

Бинк перекатился через хвост — а башка уже тут как тут. Хорошо хоть пар придержал, должно быть, чтобы самого себя не обварить. Предвкушает, погань, победу, к пиру готовится, кошки-мышки затеял. Правда, здешние котофеи в такие игры не играют, а про обыкновенских котов это неизвестно — они в Ксанфе почти перевелись.

Ну вот, опять отвлекся не ко времени... А может, покружить немного туда-сюда, чтобы дракоша и в самом деле узелков из себя навязал? Вряд ли получится, но попробовать стоит. Все лучше, чем просто дать себя сожрать.

Бинк вновь очутился у камня, о который споткнулся. Должно быть, дракон своей лапищей своротил его: камень лежал не там, где прежде, а на его месте открылась дыра — глубокая, темная.

Дыр в земле Бинк не любил — как знать, что за дрянь там водится? Полушки, землевошки, глисты-гнилозубы, грязь хворобная. Брр! Но здесь, в объятиях провального дракона, и вовсе ловить нечего. И Бинк солдатиком прыгнул в дыру.

Земля под ним осыпалась. Он провалился по пояс и застрял.

Дракон, заметив, что жертва ускользает, пульнул паром. Пар был не горячий, просто теплый, как обычный выдох. Стало быть, это не дракон-огнемет, а всего лишь паровик. Однако вряд ли кто-то подходил к чудищу настолько близко, чтобы почувствовать разницу. Влажный пар окутал Бинка, насквозь промочил его и превратил сухую глину в жидкую грязь. Получилась как бы смазка, и Бинк проскочил поглубже. Дракон дернулся к нему, щелкнул зубами, но поймал лишь пустоту — земля, чмокнув, приняла Бинка в свои недра. Пролетев пару локтей, Бинк упал на каменное дно. Целый и невредимый, только немного побаливала подвернутая лодыжка. Он пригнулся и начал на ощупь выяснять, куда попал. В пещеру, в темную подземную пещеру.

Повезло! Но опасность еще не миновала. Дракон когтями рыл землю, выворачивая огромные пласты вместе с камнями, от его жаркого дыхания грязь потекла ручьями, липкие комья плюхались на дно пещеры. Дыра над головой расширялась, пропуская больше света. Скоро уже дракон сможет просунуть в нее голову. Выходит, Бинк получил только коротенькую отсрочку?

Теперь уж было не до осторожности. Бинк зашагал вперед, выставив перед собой руки и раздвинув локти. Шарахнется об стенку — заработает синяк. Но лучше в синяках ходить, чем у дракона в зубах болтаться.

В стенку он не влетел, зато влетел в скользкую грязь, потерял равновесие и шлепнулся задом в воду. Настоящую воду, не влагу от драконьего дыха — из-под Бинка куда-то вниз бежал ручеек.

Вниз? Но куда? Да в подземную речку! Потому-то ни с того ни с сего и образовался Провал. Река, должно быть, за сотни лет проточила здесь тоннель, земля наверху обрушилась, и получилось ущелье. Промоинка вышла феноменальная! Река и сейчас трудится, и, если попасть в нее, наверняка утонешь — кто

сказал, что течение в ней спокойное, а в тоннеле есть чем дышать? Но даже если не утонешь, речные твари скушают. В таких темных холодных водах селятся самые злобные и прожорливые.

Цепляясь за выступы, Бинк полез назад. Он увидел боковой ход наверх, не мешкая, направился по нему и вскоре увидел свет над головой. Спасен!

Ага, размечтался! Дракон-то все еще поблизости. И пока он не уйдет, выкапываться наружу не стоит. Придется ждать — и надеяться, что досюда этот гад не дороется. Бинк отыскал местечко посуше и присел.

Дракон еще немного порылся в земле и прекратил. Стало тихо — но Бинка тишина не обманула. Драконы, во всяком случае сухопутные, предпочитают охотиться из засады. Они способны передвигаться очень быстро, но надолго их не хватает. Скажем, оленя, даже не имеющего убегательной магии, дракону не загнать. А вот ждать драконы умеют. Так что придется сидеть и помалкивать, пока тварь зловредная и в самом деле не уберется.

Ждать было долго, холодно, темно, грязно, неуютно и сыро — дракон основательно обдышал Бинка. К тому же нет никакой уверенности, что дракон до сих пор караулит. Может, Бинк зря сидит здесь, а эта сволочь смылась втихаря — драконы умеют затихариться, когда захотят,— посмеиваясь самым гнусным образом, и теперь охотится еще где-нибудь.

Нет! Кровожадная тварь только и добивается, чтобы Бинк так подумал. Высовываться нельзя, даже шевельнуться нельзя — услышит, гад! Потому и тихо вокруг — прислушивается. Органы чувств у драконов потрясающие. Наверное, поэтому их в Глухомани так много и все их так боятся. Вымирание им не грозит. Должно быть, здесь все пропиталось запахом Бинка, который источается из каждой дырочки, и оттого дракону трудно определить его точное местонахождение. Дракон не собирался перекапывать всю пещеру — это слишком утомительно. Но стоит шелохнуться, издать звук — и пиши пропало.

От неподвижности Бинк начал замерзать. В Ксанфе стояло лето, да и зимой здесь не очень холодно, ведь многие растения умеют обогреваться магически, управлять погодой на своем

пятачке или поддерживать температуру иным способом. Но в ущелье растительности немного, солнце сюда почти не попадает, а холодный воздух опускается да здесь и остается. Поначалу Бинка поддерживало то тепло, которое в нем выработалось за время вынужденных физических упражнений, но оно рассеялось, и Бинк начал дрожать. Но тут и подрожать-то вволю нельзя! Стали затекать руки и ноги, в горле запершило. Простуда начинается. Обстановочка тут не самая здоровая, да и к доктору за лечебным заклинанием не сходишь.

Бинк хотел отвлечься, подумать о чем-то другом, но не очень-то приятно вновь мысленно переживать всевозможные унижения безрадостного детства, травить душу сознанием, что из-за собственной бесталанности он теряет Сабрину, милую, очаровательную Сабрину! Только подумал об очаровательной девушке — и тут же на ум пришла Синн. Да и кто устоит перед таким умопомрачительным личиком, фигуркой?! Но до чего ж непроходимо глупа! К тому же он помолвлен, и ему совершенно не пристало думать о всяких там Синн... В общем, хотел отвлечься, а вышло только хуже. Уж лучше страдать в безмолвии ума...

Но тут Бинк заметил нечто в высшей степени подозрительное. Оно появилось не сию минуту, но Бинк, озабоченный другими проблемами, обнаружил его присутствие только сейчас. И все из-за его бесплодных попыток отвлечься.

Новая угроза была бесплотна, почти неощутима — легкое мерцание, заметное лишь краешком глаза и исчезающее при взгляде в упор. Что же это? Природное оно или магическое? Безвредное или опасное?

Тут он сообразил: да это ж тень! Почти развоплощенный дух, призрак, неупокоенный покойник, обреченный таиться во мраке, пока не будет устранена несправедливость, жертвой которой он пал, или не найдет искупления зло, порожденное им. Поскольку тени днем не выходят, избегают света и людных мест, обычному человеку в обычных обстоятельствах они не страшны. Большинство теней привязано к месту кончины. Давным-давно Роланд советовал Бинку: «Если прицепится тень, просто уйди в другое место». Уйти от тени — дело нехитрое, это называется «натянуть тень».

Опасность возникает, только когда кто-нибудь по неведению заснет возле обители тени. В живое тело она может внедриться примерно за час, а за такое время любой сумеет передвинуться и освободиться от нее. Как-то Роланд, не на шутку разозлившись, а такое случалось с ним крайне редко, пригрозил одному нахальному типу, что остолбенит его и оставит поблизости от овражка с тенью. Нахал быстренько смылся.

Бинк не спал и не пребывал в остолбенении — но стоит шевельнуться, и дракон тут же набросится на него. А если замереть без движения, тень в конце концов завладеет его телом. Лучше уж помереть!

А все из-за того, что он хотел спасти от дракона прелестную глупышку. В сказках такого героя ждет весьма заманчивая награда. А в жизни героя и самого впору спасать. Что ж, вот вам справедливость по-ксанфски.

Тень осмелела — посчитала, должно быть, что он совсем беспомощен или невнимателен донельзя. Нет, она, конечно, не мерцает, просто сама чуть светлее, чем пещерный мрак. Теперь ее было хорошо видно: смутный мужской силуэт, источающий печаль.

Бинк хотел отскочить подальше, да стена не дала. Но если бы тут и было попросторнее, все равно не то что прыгать, а и шагу ступить нельзя, даже очень тихо — дракон услышит. Можно, конечно, пройти прямо сквозь тень, только холодок прошибет, как могильный. Такое с ним и раньше случалось — неприятно, но не смертельно. Да вот дракон-то не дремлет!

А если побежать во весь опор? Он успел перевести дух и может далеко убежать, пока дракон очухивается. Тварь, скорее всего, спит, силенок набирается, только уши свои поганые на добычу настроил.

Тень дотронулась до Бинка. Он отдернул руку — и сразу же наверху зашевелился дракон. Никуда он не делся, голубчик! Бинк застыл — и дракон опять его потерял. Стало быть, одним движением он окончательно себя не выдал.

Дракон кружил, вынюхивая. Огромное рыло проплыло над расщелиной, вниз хлынула струя пара. Встревоженная тень отодвинулась. Потом дракон успокоился, решив не спешить с по-

исками. Он знал, что добыча рано или поздно выдаст себя. Чем-чем, а терпением ни одному человеку с драконом не тягаться.

Гигантская рептилия дернулась, и в расщелину провалился кончик хвоста, свисая чуть не до самого дна. Теперь не убежишь, не задев этот чертов хвост. Шансы на спасение таяли на глазах.

И тут Бинка осенило. Дракон хоть и магическое, но все-таки животное. Так пусть тень овладеет *его* телом! У дракона, одержимого тенью, найдутся дела поважнее охоты на прячущегося в пещере человека. Только бы удалось переместиться так, чтобы хвост оказался между ним и тенью...

Мучительно медленно он попытался приподнять ногу и продвинуть ее вперед. И тут же ногу пронзила боль. Бинк пошатнулся. Дракон дернул хвостом, и Бинк замер, затаив дыхание. Поза была на редкость неудобной, с трудом удавалось удержать равновесие. Теперь боль обжигала обе ноги.

Тень придвинулась поближе. Бинк попробовал протащить ногу чуть вперед, чтобы стоять было поудобнее — и подальше от тени. И вновь острая боль прострелила лодыжку, и вновь дрогнул драконий хвост, и вновь Бинк застыл — в еще менее удобной позе. А тень приблизилась еще чуть ближе. Нет. Так не пойдет!

Тень тронула его за плечо. На этот раз Бинк, зажав волю в кулак, не шелохнулся — иначе потеряешь не только равновесие, но и жизнь. Прикосновение тени было противным и холодным. По коже мурашки побежали. Что же делать?

Бинк держал себя в руках — но давалось это ему с большим трудом. Чтобы полностью завладеть его телом, тени понадобится около часа. Пока процесс не завершился, его можно прервать в любой момент. Дракон-то сожрет вмиг. Как ни мерзко, а придется предпочесть тень. Та хоть не так быстро прикончит. А вдруг дракон через полчасика куда-нибудь уйдет?

Ага, или луна с неба свалится и раздавит эту гадину! Размечтался! Но если дракон не уйдет, что тогда? Без понятия. Выбор все одно небогатый.

Тень неумолимо входила в тело, пронизывая холодом плечо, грудь, спину. Бинк с трудом сдерживал омерзение. Легко ли снести вторжение мертвечины? Но приходится терпеть, а то

дракон в два счета превратит в тень его самого. А может, так будет лучше? По крайней мере, человеком помрешь.

Мертвящий холод медленно просачивался в голову. Бинк ужаснулся, но не шелохнулся, ощущая, как постепенно меркнет и уплывает сознание... А потом наступил запредельный покой.

«Спокойно»,— произнесла тень у него в голове.

Спокойно, как в Дремучем лесу, где спящий не проснется никогда? Опасаясь драконьих ушей, Бинк не посмел возразить вслух. Но он изготовился к решающему прыжку, который избавит его от этого жуткого подчинения воле призрака. Нужно только проскочить мимо хвоста, чтобы чудище не успело среагировать, а потом попытать счастья в подземной реке.

«Не надо! Друг, я могу помочь тебе!» — безмолвно закричала тень.

И Бинку почему-то захотелось поверить в искренность мертвяка. Возможно, оттого, что другие варианты совсем уж непривлекательны: быть сожранным драконом или утонуть в реке.

«Все будет честно,— настойчиво внушала тень.— Прими меня, всего на часик. Я спасу тебе жизнь, а потом исчезну, исполнив свой обет».

Складно излагает. Бинку так или иначе грозит гибель. Если тень и впрямь может его спасти, отчего бы не отдаться ей на часок? И ведь не врет — тени действительно растворяются, избавившись от того, что их гнетет.

Однако не все тени честны. Попадаются среди них и закоренелые рецидивисты, которые не сильно рвутся искупать совершенные при жизни преступления, а норовят добавить к ним новые, уже посмертные, попутно нанося непоправимый ущерб доброму имени того бедолаги, в коего удается вселиться. Тени-то терять нечего, она и так мертвехонька. Искупление грехов обречет ее либо на небытие, либо на пребывание в адских безднах — это уж кто во что верит. И ничего удивительного, что иные из теней предпочитают вообще не умирать окончательно.

«Моя жена, мой ребенок! — молила тень.— Они живут в голоде и горе, не зная, где я и что со мной. Я должен рассказать им, где растет серебряный дуб, поиски которого стоили мне жизни».

Серебряный дуб! Бинк слышал о таком дереве. У него листья из чистого серебра, ценности неописуемой: серебро — металл магический. Оберегает от злых чар, а доспехи из него никакое магическое оружие не прошибет. Его даже вместо денег использовать можно.

«Нет-нет, оно для моей семьи! — вскричала тень.— Чтобы навсегда от нужды избавились! Не смей его присваивать!»

И это окончательно убедило Бинка. Нечестная тень наобещала бы ему с три короба — а этот обещает только жизнь, но не богатство.

«По рукам!» — подумал Бинк, надеясь, что не совершает роковой ошибки. Излишняя доверчивость чревата...

«Подожди, пока я не войду в тебя полностью,— с благодарностью отозвалась тень.— Пока я не стану тобой, я бессилен тебе помочь».

Бинк надеялся, что его не обманут. А с другой стороны, что ему терять? А что выиграет тень, надув его? Если она не спасет Бинка, то на собственной шкуре почувствует, что значит быть драконьей пищей. А потом они оба станут тенями — причем Бинк будет тенью весьма сердитой. Интересно, а что одна тень может сделать другой тени? Размышляя подобным образом, Бинк ждал.

Ну вот и все. Теперь он — Дональд, старатель. Человек, который умел летать.

— Поехали! — радостно завопил Дональд устами Бинка, поднял руки, словно изготовился нырять, и рванул из расщелины прямо вверх с такой силой, что комья земли и камни разметались во все стороны.

Они вылетели из пещеры в ослепительно яркий свет дня. Дракон помедлил мгновение, пытаясь сориентироваться в этой нестандартной ситуации, а потом бросился в атаку. Но Дональд поднапрягся и взмыл столь стремительно, что драконовы зубищи лязгнули впустую, поймав только воздух. Дональд изо всех сил лягнул дракона в морду.

— Эй, щербатый, получай гостинец! — крикнул он и приложился еще разик.

Дракон раздвинул челюсти и выпустил облако пара. Но Дональд был уже высоко, так высоко, что дракону их не достать.

А они поднимались все выше — над ущельем, над деревьями и скалами. Усилия требовались только умственные — полет-то был магический. Набрав нужную высоту, они прекратили подъем и полетели вдоль Ксанфа в северном направлении.

И только сейчас Бинк с опозданием почувствовал, что стал обладателем волшебного таланта. Ненадолго и, так сказать, из вторых рук — но все равно он впервые ощутил то, что ощущал всякий другой гражданин Ксанфа. Он при деле!

Ощущение было великолепным.

Наступил полдень, и солнце светило прямо над головой. Они неслись среди облаков. У Бинка зазвенело в ушах, но его временное второе «я» автоматически сглотнуло, и неприятное ощущение ушло, не успев набрать силу. Бинк не понял, почему полет так действует ему на уши; уж не потому ли, что на такой высоте им больше делать нечего?

Он впервые увидел облака сверху. Снизу они обычно казались плоскими, но сверху выглядели изысканными, хоть и несколько абстрактными скульптурами. То, что с земли виделось крохотными клубочками дыма, при ближайшем знакомстве оказывалось огромными скоплениями тумана. Дональд пролетал сквозь них с завидным спокойствием, но Бинку было не по себе — он почти ничего не видел и очень боялся, как бы они во что-нибудь не впилились.

— Почему летим так высоко? — спросил он.— Мне земли не видно.

Бинк, конечно, преувеличивал — землю-то он видел, но без привычных подробностей. И еще было бы здорово, если бы кое-кто увидел, как он летает. Покружить бы над Северянкой, посрамить насмешников, доказать свое право на гражданство... Только это было бы нечестно. Как жаль, что самое притягательное — это то, чего делать нельзя...

— Не хочу себя рекламировать,— сказал Дональд.— Если люди решат, что я снова живой, могут возникнуть всякие сложности.

Вот как? Да, наверное. Воскреснут старые обязательства, может быть, всплывут прежние долги — из тех, которые никаким серебром не оплатишь. Тень обречена скрываться в тени, по крайней мере, не афишировать свое существование.

— Видишь, вон там сверкает? — Дональд указал вниз, в просвет между облаками.— Это серебряный дуб. Так спрятался, что его только сверху и разглядишь. Но парню своему я очень точно опишу, где его искать. А тогда можно будет и на покой.

— Жаль, что ты не можешь сказать мне, где найти магический талант,— с грустью заметил Бинк.

— А у тебя его нет, что ли? Так ведь он у каждого гражданина Ксанфа имеется.

— Поэтому-то я и не гражданин,— мрачно отозвался Бинк. Беседовали они, пользуясь одним ртом на двоих.— Я направляюсь к доброму волшебнику. Если и он не поможет, меня отправят в ссылку.

— Как я тебя понимаю! Сам два года в этой пещере как в ссылке проторчал.

— А что с тобой случилось?

— Летел домой, а тут буря. А я как раз серебряный дуб нашел. И так, понимаешь, о богатстве размечтался, что переждать терпения не хватило. И полетел прямо в самый ураган. Ну, меня и сдуло в Провал. Так шандарахнуло, что очнулся уже в пещере — мертвый.

— Никаких костей я не заметил.

— И дырки в земле ты тоже не заметил. Меня сразу завалило грязью, а потом тело смыло в реку.

— Но...

— Ты что, не знаешь? Тень прикована к месту смерти, а не к тому месту, где находится труп.

— Ой, прости, пожалуйста.

— С тех пор я там и околачивался, хотя и знал, что толку в этом никакого. А потом пришел ты...— Дональд помолчал.— Слушай, ты так меня выручил — я поделюсь с тобой серебром. На том дереве хватит и моему семейству, и тебе. Только поклянись, что больше никому не скажешь, где оно растет.

Предложение было заманчивым, но Бинк подумал и решил отказаться:

— Мне нужна магия, а не серебро. Без магии меня выдворят из Ксанфа, тогда и серебро будет ни к чему. А с магией мне никакого богатства не надо. Так что, если хочешь поделиться, поделись с самим деревом; не срывай с него все листья сразу, а изредка и по чуть-чуть. И серебряные желуди не рви, а бери по-

немногу тех, что опали. Тогда дерево не заболеет, а может, и потомство даст. И вообще, так оно для всех выгодней будет.

— В счастливый день ты в мою пещеру свалился,— сказал Дональд и, заложив вираж, пошел на снижение.

С потерей высоты у Бинка снова зазвенело в ушах. Они приземлились на лесную поляну, а потом прошли с полмили до уединенной запущенной фермы. К концу пути судороги в ногах Бинка прошли совершенно.

— Красиво здесь, да? — спросил Дональд.

Бинк поглядел на покосившийся заборчик и просевшую крышу. По заросшему сорняком двору прогуливались несколько кур. Но для того, у кого здесь осталась любовь, питавшая его силы целых два года после насильственной смерти, эта убогая ферма должна быть прекраснее королевских угодий.

— Угу,— отозвался он.

— Я знаю, это не бог весть что. Но после той пещеры здесь как в раю,— продолжал Дональд.— Конечно, у жены и сына есть магия, но небольшая. Жена умеет цыплячью паршу лечить, а сынишка вызывает маленькие смерчи. Ее заработков с трудом на прокорм хватает. Но она славная хозяйка, а уж пригожа — до невозможности.

Они вошли во двор. Семилетний мальчишка, что-то рисовавший в пыли, поднял голову и посмотрел на них. Бинку малыш напомнил маленького вервольфа, с которым он расстался... неужели прошло всего шесть часов? Но это впечатление начисто исчезло, когда мальчишка открыл рот.

— Проваливай! — завопил он.

— Пожалуй, не стану я ему признаваться,— протянул несколько обескураженный Дональд.— Два года в таком возрасте — срок немалый. Да и в этом теле он меня не узнает. Однако же как вырос!

Они постучали в дверь. Им открыла женщина — некрасивая, в поношенном платье и засаленном головном платке. Возможно, в лучшие свои годы она была всего лишь невзрачна, но, до поры состарившись от трудов и забот, стала просто страшна.

«Ни капельки не изменилась»,— с восхищением подумал Дональд, а вслух произнес:

— Салли!

Женщина посмотрела на него неприязненно и недоуменно.

— Ты не узнаешь меня, Салли? Я восстал из мертвых, чтобы привести в порядок кой-какие дела.

— Дон! — воскликнула она, и ее выцветшие глаза просияли.

И руки Бинка обняли ее, а его губы слились с ее губами. Бинк увидел ее сквозь призму чувств, обуревающих Дональда. Она была славная и пригожая до невозможности.

Дональд отступил на шаг, не сводя восхищенных глаз с ее преображенного любовью, прекрасного лица, и проговорил:

— Родная, запоминай хорошенько. В тринадцати милях на норд-норд-ост от запруды возле крутой горы растет серебряный дуб. Иди туда, собери с него урожай — только помногу не бери, по нескольку листочков зараз, чтоб дереву не повредить. Серебро продай где-нибудь подальше оттуда или надежного человека попроси. Никому не открывай, откуда взялось твое богатство. Выйди замуж еще раз — серебра на лучшее приданое хватит; я хочу, чтобы ты была счастлива, а мальчишка не рос без отца.

— Дон,— повторила она, в глазах ее сверкали слезы радости и горя.— Не нужно мне никакого серебра. Главное, что ты вернулся домой.

— Я не вернулся! Я мертв, а пришла только моя тень — пришла, чтобы рассказать о дереве. Найди его, пользуйся им. Иначе все мои труды пойдут насмарку. Поклянись!

— Но...— начала она, но, увидев выражение его лица, проговорила: — Да, Дон, я клянусь. Но никого другого я не полюблю никогда!

— Обет исполнен, дело сделано,— изрек Дональд.— Еще разок, любимая моя!

Он наклонился, прильнул губами к ее губам — и испарился. И в тот же миг Бинк ощутил в своих объятиях совершенно незнакомую женщину. Она тоже это почувствовала и резко отвернула лицо.

— Э-э, простите,— сконфуженно пробормотал Бинк.— Мне пора.

Она смерила его неожиданно суровым взглядом. От былой радости не осталось и следа — мимолетное появление мужа исчерпало все ее скудные запасы.

— Чем мы можем отблагодарить тебя, незнакомец?

— Ничем. Дональд спас мне жизнь, улетев вместе со мной от дракона из Провала. Все серебро ваше — твое и сына. Мы больше не увидимся.

Поняв, что он не претендует на серебро, она смягчилась.

— Спасибо, незнакомец.— И, повинуясь крику души, добавила: — Если хочешь, мы могли бы поделить серебро. Муж сказал, чтобы я снова вышла замуж...

Жениться на ней?!

— Я не обладаю никакой магией, и меня ждет изгнание,— сказал Бинк. Более деликатного способа отклонить ее предложение он придумать не мог. А принять его не согласился бы даже за все серебро Ксанфа — предложение не привлекало его ни с какой стороны.

— Перекусить не останешься?

Он, конечно, голоден, но не до такой же степени.

— Нет, мне пора двигаться. Только не рассказывай сыну про Дональда — мальчику это не принесет ничего, кроме страданий. Прощай.

— Прощай,— отозвалась она, и перед Бинком на мгновение мелькнул отблеск той красоты, которую видел в ней Дональд. Но видение тут же пропало.

Бинк развернулся и пошел прочь. На выходе с фермы он заметил, как к нему приближается маленький смерч — творение мальчишки и выражение его неприязни к незнакомцам. Бинк увернулся от смерча и поспешил дальше. Он был рад, что оказал такую услугу старателю, но вдвойне рад, что все это осталось позади. Прежде он не сумел бы понять, что значат для семьи смерть и нищета.

Глава 4

ИЛЛЮЗИЯ

Бинк возобновил свое путешествие — но опять к северу от ущелья. Вот бы ферма Дональда стояла южнее!

Странно, что о Провале здесь прекрасно знают все, а в Северянке про него и слыхом не слыхивали. Может, тут какой-то заговор молчания? Нет, вряд ли — ведь кентавры тоже о нем

ничегошеньки не знают, а с информацией у них все в порядке. Провал существует самое меньшее два года — именно столько провела там тень,— но, скорей всего, намного дольше. Дракон там, наверное, всю жизнь прожил.

Тут явно действуют какие-то чары... чары неведения. Чтобы о Провале знали только те, кто живет в непосредственной близости к нему. Но стоит отойти чуть подальше — и все забываешь. Пожалуй, нахоженной дороги из северного Ксанфа в южный просто не существует.

Но это не его забота. Ему просто надо перебраться на ту сторону. В обход. Пересекать пропасть во второй раз он не намерен. В прошлый раз его спасло лишь невероятное стечение обстоятельств. А Бинк знал, что случай — союзник ненадежный.

Земля пошла зеленая, холмистая. Высокие, в рост человека, побеги карамельного папоротника росли так густо, что за ними было почти ничего не видать. Проторенной тропки не было, и Бинк тут же заблудился — не иначе как отворотные чары подействовали. Так некоторые деревья защищают себя от порубок, отводя путника в сторону. Не потому ли так долго никто не мог обнаружить серебряный дуб? Если попасть в заросли таких деревьев, можно совсем сбиться с дороги или бесконечно плутать по кругу. И выбраться из такой ловушки бывает непросто, она совсем незаметная — путник продолжает думать, что идет куда надо.

А потом он вышел на великолепную тропинку, и шла она как раз в нужном направлении, так что естественная предосторожность заставила Бинка не ступать на нее. В лесу есть разные людоедские деревья, которые прокладывают к себе такие вот симпатичные дорожки. Идешь по ней, наслаждаешься, и вдруг — бац! — капкан захлопнулся.

Так что за три дня продвинулся он не шибко. С другой стороны, он в хорошей форме, только вот простыл. Очень кстати отыскались несколько носоглотных цветочков и кустик неболиголова. То и дело попадались фруктовые деревья, увешанные спелым черносливом, полосатыми арбузами, маковыми фигами и яркими баночками с компотом. Ночлег он находил без труда, будучи довольно безобидным на вид, но стол и кров

всякий раз приходилось отрабатывать. Люди в этой глуши особыми талантами не блистали, магия у них была плевая — тень на плетень навести или воду в решете носить. Так что жили они вполне обыкновенской жизнью, и лишние руки в хозяйстве им не мешали.

Потом путь пошел под уклон, к морю. Ксанф — полуостров, до сих пор толком не исследованный (и неудивительно — вспомнить хотя бы пресловутый Провал, не отмеченный ни на одной карте!), так что точные его очертания еще не познаны, а возможно, и вовсе не познаваемы. В целом он представляет собой нечто вроде вытянутого овала, простирающегося с севера на юг и на северо-западе соединенного с Обыкновением узеньким перешейком. Скорее всего, прежде он был островом, и жизнь в нем развивалась по своим законам, без всякого вмешательства извне. Теперь эта обособленность восстановлена благодаря магическому щиту, перегородившему смертоносной завесой и перешеек, и морские пределы Ксанфа. Но и это не все — говорят, что помимо щита подступ с моря охраняют лютые морские чудовища. Нет, теперь обыкновенским вторжениям положен конец!

Бинк надеялся обогнуть Провал морем. Провальный дракон вряд ли умеет плавать, а морские чудовища не станут приближаться к самому берегу. Непременно должна быть узкая полоска ничейной земли между сушей и морем, между земными чудищами и водными. Например, пологий берег, с которого можно нырнуть в воду, если покажется провальный дракон, или в глубь земли, если опасность придет с моря.

Кстати, вот и пляж — ниточка восхитительно белого песка, соединяющая оба края Провала. И никаких чудовищ. Бинк не сразу поверил своей удаче, но не стал дожидаться, пока она от него отвернется. Он помчался по песку. Через десяток шагов нога его внезапно ушла вниз, и он рухнул в соленую воду.

Пляж оказался иллюзией. Надо же, угодить в такую примитивную ловушку! Лучшего способа охоты для морских чудовищ и не придумаешь — добыча идет себе по бережку и вдруг оказывается в глубоком море.

Увидев вдали настоящий берег — голые скалы, о которые, шипя и пенясь, разбивались волны,— Бинк погреб туда. Вы-

бираться на такой берег небезопасно, но других вариантов не остается. Вернуться на «пляж» он не мог — тот перестал существовать даже в иллюзорном виде. Свои десять шагов над водой Бинк либо прошагал по волшебству, либо проплыл, сам того не замечая. В любом случае с такой магией он больше связываться не хотел. Куда лучше реально представлять свое положение.

Вдруг вокруг лодыжки обвилось что-то холодное, склизкое и очень сильное. Посох свой Бинк потерял, убегая от провального дракона, а нового вырезать не успел. При нем был только охотничий нож. Неважнецкое оружие против морского монстра, но уж какое есть.

Он выхватил нож из ножен, сделал глубокий вдох и со всей силы полоснул по тому, что его схватило. Однако у неведомого чудища оказалась толстая шкура, и Бинку пришлось пилить. Ох уж эти монстры! Одно слово — непрошибаемые...

Из глубины поднялось что-то громадное и темное, со свистом втянуло язык — оказывается, Бинк пилил язык! — блеснули зубы величиной с пол-Бинка, разжались колоссальные челюсти. Бинк окончательно потерял голову и заорал.

Голова его в это время была под водой, так что с криком получилось совсем худо — вода хлынула в рот, в горло...

Твердые ладони ритмично толкали его в спину, выкачивая воду и впихивая в легкие воздух. Бинк фыркал, кашлял, давился. Его спасли!

— Я... я цел! — прохрипел он.

Толчки ослабли. Бинк приподнялся, промаргиваясь.

Он находился на небольшой яхте с парусами из яркого шелка, палубой полированного красного дерева и золотой мачтой. Золото? Наверное, позолота. Чистое золото слишком тяжелое, яхта перевернулась бы.

Он с опозданием поднял глаза на своего спасителя — и вновь изумился. Перед ним была королева.

Во всяком случае выглядела она по-королевски — платиновая диадема, богато расшитое платье. А как хороша! Возможно, красотой и уступает Синн, да и летами постарше, зато величие, осанка, одеяние! Куда там Синн с ее наивными прелестями!

Таких ярко-рыжих волос, как у королевы, Бинк никогда еще не видел. И такого же редкого цвета глаза. Только непонятно, что здесь, в кишащих чудовищами прибрежных водах, делает такая женщина.

— Я чародейка Ирис,— сказала она.

— Я... это... Бинк,— неловко проговорил он.— Бинк из Северянки, Северной то есть деревни.

Никогда еще он не встречал чародеек. А гардеробчик-то у него того... Не соответствует случаю.

— К счастью, я совершенно случайно проплывала мимо,— заметила Ирис.— А то у тебя могли бы возникнуть проблемы.

Это еще мягко сказано! Да он, можно сказать, уже лишился жизни, а Ирис ему эту жизнь вернула.

— Я тонул и тебя не заметил. Только монстра,— промямлил Бинк, чувствуя себя законченным идиотом. А как прикажете благодарить это царственное создание, что не погнушалось о него руки вымарать?

— Не в том ты был положении, чтобы что-то видеть,— сказала она и выпрямилась, четко обозначив свой изящный стан. Нет, он был не прав — ни в чем она Синн не уступает. Просто совсем другая. А что умнее — это уж точно. Скорее уж под стать Сабрине. Ум женщину только красит. Вот так вот, оказывается! Век живи — век учись.

На яхте были и матросы, и слуги, но все они ненавязчиво держались в сторонке, предоставляя чародейке самой управляться с парусами. Да уж, лентяйкой ее не назовешь.

Яхта вышла в открытое море и вскоре приблизилась к острову. Прямо чудо-остров! Весь утопает в роскошной зелени, цветочки на любой вкус — тут и ромашки в горошек, каждая величиной с блюдце, и изысканно-пышные орхидеи, и тигровые лилии, которые, завидев судно, принялись позевывать и мурлыкать. На диво ухоженные дорожки вели с золотого причала к хрустальному дворцу, сверкающему на солнце, как бриллиант.

А почему как? Судя по тому, как преломляется свет на его бесчисленных гранях, это и есть бриллиант. Самый крупный, самый безукоризненный бриллиант в мире!

— Выходит, я тебе жизнью обязан,— сказал Бинк, не представляя, как вести себя в таком случае. Вызваться поколоть дро-

ва или навоз убрать, чтобы отработать ночлег? Чушь какая! На этом волшебном острове нет ничего столь низменного, как дрова и тем более навоз. Наверное, самая большая любезность, которую он может оказать хозяйке,— побыстрее убрать свою мокрую, замызганную персону с ее глаз.

— Выходит, обязан,— согласилась она с поразительной простотой. Он почему-то ожидал, что она будет держаться высокомерно, как и пристало столь царственной особе.

— Но моя жизнь вряд ли того стоит. Никаких магических способностей у меня нет, и мне предстоит изгнание из Ксанфа.

Она подвела яхту к пирсу, накинула на причальную тумбу изящную серебряную цепь и умело принайтовила ее.

Бинк думал, что его признание вызовет ее недовольство, но он с самого начала решил не опускаться до лжи. Наверное, она приняла его за какое-нибудь важное лицо. Но ответ Ирис поразил его:

— Бинк, я рада, что ты сказал это. Значит, ты хороший, честный парень. Магические таланты в большинстве своем выеденного яйца не стоят. Что толку, если, допустим, от твоих слов стены краснеют? Может, это и магия, только очень уж бестолковая. Твой ум, твоя сила куда ценнее заурядной магии большинства наших граждан.

Эта похвала, пусть и несколько преувеличенная, удивила и обрадовала Бинка настолько, что он не нашел нужных слов в ответ и просто промолчал. Конечно, насчет бестолковости иной магии она права. Его и самого часто посещала подобная мысль. Но не этими ли самыми словами обычно выражают пренебрежение к какому-либо человеку и его дару? Формулировочка-то расхожая. Так что никакой особой мудрости ее слова не содержали. И все равно ему стало как-то поспокойнее.

— Пойдем,— сказала Ирис и взяла его за руку.

Они сошли по трапу на пристань и по главной аллее направились к дворцу. Аромат цветов кружил голову. Благоухающие розы радовали глаз богатейшей палитрой оттенков. Но еще обильнее и разнообразнее были растения, чьи листья напоминали мечи, а цветки — упрощенный вариант орхидеи.

— Что это? — осведомился Бинк.

— Ирисы, само собой,— ответила она.

Оставалось только рассмеяться.

— Само собой! — И почему не придумали цветка под названием «бинк»?

Дорожка миновала цветущую живую изгородь, обогнула пруд с фонтаном и привела к роскошному парадному входу хрустального дворца. При ближайшем рассмотрении он оказался не бриллиантовым.

— Прошу в гостиную,— с улыбкой произнесла чародейка.

Ноги у Бинка подкосились прежде, чем до него дошел смысл сказанного. Сколько баек он слышал о пауках и мухах? Неужели она спасла его лишь для того, чтобы...

— Да что с тобой? — вскричала Ирис.— Веришь всяким россказням? Здесь тебя никто не тронет.

Если подумать, не сдуру ли он упорствует? Если бы она хотела полакомиться им, то с какой стати было его откачивать? Пусть бы спокойно задохнулся — мясо все равно бы не успело протухнуть. Или могла приказать матросам, чтобы связали его и доставили на берег. Ну не было у нее никакой надобности обманывать его — он же и так в ее власти... Или все-таки?..

— Вижу, ты мне не доверяешь,— сказала Ирис.— Чем же я могу убедить тебя?

Такой незамысловатый подход уверенности ему не прибавил. Но придется, видно, довериться судьбе — больше ничего не остается.

— Ты... ты чародейка,— пролепетал он.— У тебя вроде есть все, чего душа пожелает. А я... на что я тебе сдался?

Она рассмеялась:

— Уверяю, что не на съедение!

Но Бинку было не до смеха.

— Но есть такое вол... В общем, некоторых все же съедают.

В голове возникла малоприятная картинка: чудовищных размеров паучиха заманивает его в свои сети. Стоит только войти во дворец...

— Ладно, тогда сиди в саду,— сказала Ирис,— или где тебе угодно. Если я не сумею убедить тебя в своей искренности, можешь взять мою лодочку и уплыть. Так будет честно?

Даже слишком — от такого предложения он почувствовал себя свиньей неблагодарной. Но тут же до Бинка дошло, что

ловушкой вполне может оказаться весь остров. Вплавь ему до материка не добраться — в море полно чудищ. А если попытается отчалить на яхте, экипаж запросто с ним справится. Придется соглашаться.

Интересно, что она на это скажет.

— Ну так вот, Бинк,— решительно произнесла она, и так ей к лицу была эта решительность, что последующие ее слова прозвучали вдвойне убедительно: — Тебе известно, что каждый гражданин Ксанфа имеет свой магический дар и что у каждого талант этот крайне ограничен. У одних чуть больше магии, у других меньше, но у любого талант проявляется только в одной, очень узкой области. Этот закон природы распространяется даже на волшебников.

— Да.

Говорит она правильно, еще бы понять, куда клонит.

— Король Ксанфа — волшебник, но властен он только над погодой. Он может соорудить смерч, ураган, засуху, десятидневный ливень, но ни летать, ни превратить дерево в серебро, ни развести огонь магическим образом он не умеет. Он, можно сказать, специалист по метеорологии.

— Да,— вновь согласился Бинк.

Ему вспомнился сын Дональда-тени, умеющий делать смерчи. У мальчишки талант заурядный, у короля — выдающийся. Различие по степени, но не по виду. И при этом талант короля померк с годами. Не исключено, что сейчас он в состоянии сотворить разве только самый махонький смерч. Какое счастье, что Ксанф прикрыт щитом.

— Стало быть, если ты знаешь, в чем талант человека, ты знаешь и пределы его возможностей,— продолжала Ирис.— Если видишь, что он творит бурю, значит, можешь быть спокоен, что он не сунет тебе под ноги магическую яму и не превратит тебя в таракана. Нескольких талантов сразу нет ни у кого.

— Кроме, пожалуй, волшебника Хамфри,— заметил Бинк.

— Да, волшебник он сильный,— согласилась Ирис.— Но не безгранично. Его талант — прорицание, а вернее сказать, знание — сомневаюсь, что он и в самом деле способен заглянуть в будущее. А вот в настоящее — другое дело. И вся его пресло-

вутая сотня чар связана только с этим. Никакой активной магией он не владеет.

Бинк не настолько хорошо знал Хамфри, чтобы оспаривать ее слова, да и звучали они правдоподобно. Осведомленность чародейки о талантах своего коллеги произвела на него сильное впечатление. А нет ли среди сильных магов профессиональной конкуренции?

— Да, таланты можно разбить по группам. Но?..

— Мой талант — иллюзия,— моментально ответила она на еще не заданный вопрос.— Вот эта роза...— Она сорвала с куста прекрасную алую розу и поднесла ее к самому носу Бинка. Какой восхитительный аромат! — В действительности эта роза...

Роза вдруг исчезла, и в руке у чародейки оказался стебелек травы. И пахло от него травой.

Бинк с досадой огляделся:

— И все здесь — иллюзия?

— По большей части. Я могла бы показать тебе, каков этот сад на самом деле, только зрелище это неинтересное.— Травинка в ее руке замерцала и обернулась цветком ириса.— Это вполне убедит тебя. Я сильная чародейка и могу сделать так, чтобы все вокруг казалось не тем, что есть, и при этом было правдоподобно до последней мелочи. Розы мои пахнут розами, вкус моих яблочных пирогов — это вкус яблочных пирогов. Мое тело...— Она сделала многозначительную паузу, тонко улыбаясь.— Мое тело ощущает себя телом. Все кажется реальным, но при этом является иллюзией. Скажем так: каждая вещь в основе своей реальна, но моя магия ее видоизменяет. Вот такова совокупность моих талантов. Следовательно, никаких других талантов у меня нет. Следовательно, в этих пределах ты можешь мне доверять.

В последнем Бинк сильно сомневался. Чародейке-иллюзионистке доверять нельзя ни в каких пределах! Однако же теперь он понимал суть ее речей. Свою магию она ему продемонстрировала и вряд ли будет упражняться на нем в иных видах волшебства. Раньше он об этом как-то не задумывался, но ведь и в самом деле ни у кого в Ксанфе нет нескольких талантов сразу.

Стоп, а если она огресса, людоедка? С помощью иллюзии изменила внешность и... Нет. Огры — существа волшебные, а волшебные существа волшебных талантов не имеют. Скорее всего, их талант — в самом их существовании. Так что и кентавры, и драконы, и огры всегда кажутся именно тем, чем и являются, если только какой-нибудь человек, животное или растение не изменят их. Он просто обязан верить в это! Возможно, конечно, что Ирис состоит в сговоре с каким-нибудь огром... Хотя маловероятно — огры славятся своим дурным нравом и склонностью пожирать что ни попадя, невзирая на последствия. Они давным-давно слопали бы саму Ирис.

— Ладно, я тебе верю,— с сомнением в голосе проговорил Бинк.

— Прекрасно. Пошли в мой дворец, и я дам тебе все, что только пожелаешь.

Ой ли? Магического таланта ему никто не может дать. Если даже Хамфри, взыскав за это год службы, и отыщет его талант, то лишь раскроет уже имеющееся, но ничего нового не создаст.

Внутренне сжавшись, он позволил ввести себя во дворец. Внутри дворец тоже был великолепен. С призматических граней крыши падали, отражаясь в зеркалах хрустальных стен, столбы света, окрашенные всеми цветами радуги. Возможно, это тоже иллюзия, но в каждом зеркале Бинк видел собственное отражение, причем выглядел он несколько здоровее и мужественней, чем ощущал себя. И вовсе не таким уж оборванцем. Очередная иллюзия?

Вместо стульев и диванчиков по углам были разложены груды мягких, красивых подушечек. Внезапно на Бинка навалилась усталость; вот бы прилечь, хоть ненадолго! Но тут перед его мысленным взором предстал скелет в Дремучем лесу. Так что же делать?

— Давай-ка снимем мокрую одежку,— ласково предложила Ирис.

— И так высохнет,— пробубнил Бинк, не испытывая желания обнажаться в присутствии женщины.

— Уж не думаешь ли ты, что я позволю портить мои подушки? — спросила она тоном возмущенной домохозяйки.— Ты ж в соленой воде искупался, так надо соль смыть, пока кожу

не разъело. Ступай в ванную и переоденься. Там тебя ждет сухая одежда.

Одежда, да еще и сухая? Можно подумать, хозяйка готовилась к его прибытию. Что бы это значило?

Бинк с неохотой отправился в ванную комнату, тоже вполне царственную. Сама ванна походила на небольшой плавательный бассейн, а бельевой шкафчик блистал той элегантностью, до которой, по слухам, так падки в Обыкновении. Он зачарованно наблюдал, как вода спиралькой убегает в специальную трубу, приделанную к дну ванны. Вот это магия!

А еще там был душ. Вода, словно дождь, струилась из штуки наподобие чайникового носика и омывала тело. Это было занятно, хотя вряд ли он хотел бы пользоваться такой диковиной при каждом умывании. Определенно где-то наверху установлен огромный бак с водой — иначе все это не работало бы.

Вытерся он махровым полотенцем, расшитым ирисами.

Одежда виссла на полочке за дверью. Королевский камзол и бриджи. Бриджи? Ну ничего, главное — сухо. Да и кто его в этом дворце увидит? Он облачился в придворный наряд и просунул ноги в изысканно-затейливые сандалии. Пристегнул к поясу свой охотничий нож и прикрыл его полой камзола.

Самочувствие его заметно улучшилось, только простуда все не отставала. Раньше горло болело, а теперь вот нос потек. То есть заметил-то он это давно, да решил, что из него морская вода выходит — наглотался изрядно. Но нет, это само по себе течет. Не хотелось бы при хозяйке носом хлюпать, а платка с собой нет.

— Проголодался? — заботливо спросила Ирис, когда он появился в зале.— Сейчас подам угощение.

Разумеется, проголодался. Как пустился в обход Провала, так и начал припасы беречь, больше подножным кормом пробавлялся. Только зря берег — пища в рюкзаке вся размокла и вряд ли теперь на что сгодится.

Он разлегся на подушках, запрокинув голову, чтобы из носу текло поменьше. В самые тяжкие моменты он украдкой вытирал нос уголком подушки, а разик даже высморкался, пока Ирис возилась на кухне. Узнав, что вокруг сплошная иллюзия, он понял и почему чародейка собственноручно выполняет всю ра-

боту по хозяйству: слуги, матросы, садовники — тоже иллюзия, Ирис живет одна. Так что самой управляться приходится. Иллюзия придает всему вид и вкус, но спасти от голодной смерти бессильна.

Почему она не выйдет замуж? Или не наймет толковую прислугу, а расплачиваться будет тем, чем сама сильна. Ее-то талант пустячным не назовешь. Жить с чародейкой — это же во дворце хрустальном жить! Охотников много нашлось бы. Видимость, она ведь частенько важнее сущности. А если у хозяйки простая картошка получается вкуснее самых изысканных яств, а горькое лекарство слаще конфетки... С таким талантом нигде не пропадешь!

Ирис вернулась с блюдом, источающим из-под крышки пар. Она была в кухонном фартуке и без диадемы, отчего величия в ней несколько поубыло, зато добавилось женственности. Она поставила блюдо на невысокий столик и уселась на подушку напротив Бинка.

— Чего бы тебе хотелось отведать? — осведомилась она.

Бинку опять сделалось не по себе:

— А что у тебя там, под крышкой?

— Все, что пожелаешь.

— А... а на самом деле?

Она надула губы.

— Вареный рис, если тебе так уж любопытно. У меня в кладовке этого добра мешок трехпудовый, и надо все съесть вперед крыс, пока они не смекнули, что стережет его липовая кошка. Конечно, у меня бы и крысиные какашки за икру осетровую сошли, только как-то не хочется... Ты угощайся, выбирай, что хочешь,— все, что угодно.— Она глубоко вздохнула.

«Все, что угодно»! Похоже на то. И пожалуй, она говорит не только о еде. Естественно, ей на этом острове очень одиноко, и она любому гостю рада. Местные фермеры, скорее всего, ее сторонятся — жены бдят! — а монстры общительностью не отличаются.

— Драконью отбивную,— сказал он.— Под острым соусом.

— Решительный парень,— пробормотала она и сняла серебряную крышку. Поднялся густой аромат: на блюде лежали

две драконьи отбивные, залитые острым соусом. Одну из них Ирис ловко переложила на тарелку Бинка, а вторую — на свою.

Бинк с опаской отрезал кусочек и положил в рот. Лучшей драконьей котлетки он не едал, правда, это мало что значило: Бинку до этого случая довелось отведать драконятины лишь дважды. Охота на драконов — дело очень опасное, и даже неловко повторять банальную истину, что драконы съели больше людей, чем люди драконов. А соус... Бинку пришлось залпом осушить бокал вина, услужливо налитый Ирис, чтобы унять огонь во рту. Но это был восхитительный огонь, придающий мясу неповторимый привкус.

И все же сомнения не оставляли его:

— А... нельзя ли все-таки?..

Она недовольно поморщилась и сказала:

— Ну, если только на секундочку.

Отбивная превратилась в голый вареный рис и тут же вновь стала куском мяса.

— Спасибо,— сказал Бинк.— И все равно не верится.

— Еще вина?

— А я не опьянею?

— Увы, нет. Его можно пить весь день, и ничего не будет. Если только сам себе не внушишь, что накачался.

— Приятно слышать.

Она вновь наполнила его изящный бокал искрящейся жидкостью. Бинк пил не спеша — первый бокал он влил в себя слишком быстро и не успел почувствовать вкуса. Может, это и вода, но на вкус она как лучшее голубое вино той самой марки, которую полагается подавать к драконьему мясу, выдержанное, с тонким букетом. Чем-то похожее на саму чародейку.

На сладкое они угостились домашним шоколадным печеньем, самую чуточку пригоревшим. Последний штрих придал печенью такую реалистичность, что Бинку стоило немалых трудов убедить себя, что оно ненастоящее. Что ни говори, а эта женщина знает толк в кулинарии, пусть даже иллюзорной.

Ирис убрала со стола и примостилась рядом с Бинком на подушках. Теперь на ней было вечернее платье с глубоким вырезом, и он мог лицезреть некоторые приятные подробности ее

телосложения. Скорее всего, это тоже иллюзия, но если оно на ощупь не хуже, чем на взгляд, кто стал бы возражать?

Но тут с его носа чуть не капнуло прямо в соблазнительный вырез на платье, и он резко поднял голову. Увлекся, видно, наклонился чуть больше, чем следовало.

— Тебе плохо? — сочувственно спросила Ирис.

— Да нет. Вот только насморк...

— Возьми платочек.— Она протянула ему нечто ажурно-кружевное.

Ах, как не хотелось осквернять такую красоту содержимым собственного носа, но не сморкаться же опять в подушку!

— Может, мне перед уходом что-нибудь по хозяйству сделать? — запинаясь, спросил он.

— Мелко мыслишь,— с глубоким вздохом ответила Ирис, придвигаясь к нему.

Бинк почувствовал, что немилосердно краснеет. А Сабрина так далеко... Да и платья такого роскошного у нее не было и не будет.

— Я же говорил... Мне надо к доброму волшебнику Хамфри, чтобы открыть свой магический дар — или отправиться в изгнание. Только вряд ли у меня есть магия, поэтому...

— Даже если и нет, я могу устроить так, что ты останешься,— сказала она, придвигаясь еще ближе.

Она явно с ним заигрывает. Но с какой стати такой умной и талантливой женщине интересоваться таким ничтожеством, как он? Бинк снова вытер нос. Ничтожество, к тому же сопливое. А она... Может, и приукрасила свою внешность с помощью иллюзии, но талант и ум у нее явно подлинные. Зачем ей он? Да незачем!

— Ты сможешь творить волшебство на глазах у всех,— продолжала она с прежней обезоруживающей убедительностью, прижимаясь к нему. На ощупь она была вполне реальна и весьма аппетитна.— Я могу создать иллюзию волшебства, которую никто не раскусит.— Бинку стало совсем неловко: такое говорит и при этом трогает его за самые интимные места! — Я умею и на расстоянии работать, так что никто и не подумает, будто в этом замешана я. Но и это не все. Я могу дать тебе богатство, власть, безбедную жизнь — настоящие, не иллюзорные. Могу

подарить тебе красоту и любовь. Все, что только может пожелать житель Ксанфа...

Подозрительность Бинка усилилась. К чему она клонит?

— У меня есть невеста...

— И пусть будет,— кивнула Ирис.— Я не ревнива. Возьми ее в любовницы — только не слишком афишируй.

— Как это в любовницы?! — возмутился Бинк.

Но Ирис его вспышка ничуть не смутила:

— А вот так. Твоей женой буду я.

Бинк в смятении уставился на нее:

— Но зачем тебе муж без магии?

— Затем, чтобы стать королевой Ксанфа,— не моргнув глазом, ответила она.

— Королевой Ксанфа? Но для этого ты должна выйти за короля.

— Вот именно.

— Но...

— В Ксанфе есть нелепый, устаревший закон, гласящий, что номинальным владыкой Ксанфа может быть только мужчина. Так отсекли от власти всех женщин, даже самых способных. А нынешний король стар, дряхл и не имеет наследников. Пришло время королевы. Но сначала должен явиться новый король. И этим королем будешь ты.

— Я?! Да я править не умею!

— Согласна. Эти скучные материи ты предоставишь мне.

Наконец-то все стало ясно. Ирис рвется к власти. И чтобы воцариться, ей нужен болванчик, подставное лицо. Муж, желательно бездарный и наивный, чтобы можно было из него веревки вить. И чтобы не тешил себя иллюзиями насчет реальной власти. Если он согласится на предложение Ирис, то станет игрушкой в ее руках. Но в ее предложении есть резон. Фиктивный король — удел не хуже изгнания. И при этом вопрос о его личной магии отпадает сам собой.

Впервые в жизни он взглянул на свою магическую бездарность как на потенциальное преимущество. Человек самостоятельный, законный гражданин Ирис ни к чему — такого она недолго сможет удержать в повиновении. Ей-то нужна лич-

ность магически ущербная, как раз вроде него — без Ирис он будет никем, даже не гражданином Ксанфа.

Это соображение существенно умаляло романтизм ситуации. Что поделаешь, действительность всегда уступает иллюзии по части завлекательности. Но если он откажется, то ему останется только вернуться в Глухомань и продолжить путешествие, которое, скорее всего, окажется безрезультатным. До сих пор ему сопутствовала небывалая удача, и, наверное, он исчерпал ее лимит. Даже шансы просто добраться до замка волшебника Хамфри не слишком велики — теперь Бинку придется пробираться по краешку самой сердцевины Глухомани. Нет, дурак он будет, если не примет предложения чародейки.

Ирис пристально наблюдала за ним. Когда он поднял на нее глаза, ее платье замерцало и сделалось прозрачным. Пусть это и иллюзия, но от такого зрелища дух захватывает. Даже если эта плоть только кажется реальной — ну и что это меняет? Теперь у него не оставалось сомнений, *что именно* она прямо сейчас предлагает ему, так сказать, в личном плане. Она будет счастлива доказать ему, что и в этом деле она не меньшая мастерица, чем по части кулинарии. Ей ведь нужно его *добровольное* сотрудничество.

В самом деле, нужно соглашаться. Тогда он обретет гражданство и сохранит Сабрину. Королева-чародейка будет блюсти соглашение и не предаст огласке особенно этот его пункт...

Сабрина. А она-то как отнесется к такого рода договору?

И сомневаться нечего — она на такое не пойдет ни за что и никогда. В некоторых вопросах Сабрина очень щепетильна и ни за что не согласится оказаться в двусмысленном положении.

— Нет,— произнес он вслух.

Платье Ирис мгновенно утратило прозрачность.

— Нет?

Точь-в-точь как Синн, когда он велел той дурочке не идти за ним.

— Я не хочу быть королем.

Ирис заговорила тихо, сдержанно:

— Думаешь, у меня не получится?

— Получится. Но это не по мне.

— А что по тебе, Бинк?

— Я просто хочу жить своей собственной жизнью.

— Жить своей собственной жизнью,— повторила она, еле сдерживаясь.— А зачем?

— Ну, невесте моей не понравится, если...

— Не понравится, скажите на милость! — Ирис начала разводить пары, словно провальный дракон.— Да что такого она может тебе дать, чего я не могла бы перекрыть стократ?

— Ну, например, самоуважение,— ответил Бинк.— Ей я нужен сам по себе, а не для того, чтобы меня использовать.

— Чепуха. Помимо внешности и таланта, все женщины одинаковы. Все они используют мужчин.

— Возможно. Не сомневаюсь, ты в таких делах разбираешься куда лучше меня. Только мне пора.

Ирис протянула холеную ладошку и придержала Бинка. Платье исчезло вовсе.

— Останься хотя бы на ночь. Убедишься, на что я способна. А утром, если все же захочешь уйти...

Бинк покачал головой:

— Не сомневаюсь, что за ночь ты сумеешь меня убедить. Поэтому мне и придется уйти сейчас.

— Какая непосредственность! — скорбно вскричала она.— Ты бы со мной такое испытал, что тебе и не снилось!

Своей искусной наготой она и так уже воспламенила его воображение до неприличия. Однако он был непоколебим:

— Но честь мою ты восстановить не смогла бы.

— Идиот! — завопила она, жутко изменившись в лице.— Надо было тебя морским чудищам скормить!

— Они тоже были иллюзией,— сказал он.— Ты все подстроила, чтобы привязать меня к себе. Иллюзию морского берега, иллюзию страшных чудищ — все! Вокруг моей ноги заплелся твой кожаный ремень. И спасение мое не было счастливой случайностью, поскольку ничто мне не угрожало.

— А теперь угрожает! — проскрежетала она, и ее стройный обнаженный торс прикрыли боевые доспехи амазонки.

Бинк пожал плечами, встал и шумно высморкался:

— Прощай, чародейка.

Она окинула его внимательным взглядом:

— Я недооценила твой ум, Бинк. Разумеется, я могу предложить тебе и большее — ты только скажи, чего ты хочешь.

— Я хочу видеть доброго волшебника.

Ярость ее вспыхнула с новой силой:

— Я тебя уничтожу!

Бинк повернулся к ней спиной и зашагал прочь.

Оглушительно треснул хрустальный потолок, вокруг Бинка посыпались осколки. Он не стал обращать на них внимания, зная, что они ненастоящие, а просто продолжал идти, отчаянно подавляя страх.

Раздался зловещий скрежет, словно обрушился каменный свод. Бинк заставил себя не смотреть наверх. Стены содрогнулись и рухнули. Обвалилась крыша. Грохот стоял оглушительный. Бинка завалило обломками, но он шел сквозь них, ничего не ощущая. Несмотря на удушливую вонь пыли и штукатурки и грохочущую лавину обломков, дворец рушился только понарошку. Однако же Ирис была прямо-таки гением иллюзии! Ее творения обманывали все органы чувств, кроме осязания, потому что сейчас у нее под рукой не было ничего осязаемого, чему можно было бы придать свойства другого предмета. Этому разрушению недоставало основательности.

Он налетел на какую-то стену. Ошеломленный не только от толчка, он потер щеку и прищурился, всматриваясь. Дощатая стенка с облупившейся краской. Настоящая стенка от настоящего дома. Прежде ее скрывала иллюзия, но теперь реальность проступала четче. Конечно, Ирис могла сделать эту стенку хрустальной, золотой или даже склизко-слизняковой на ощупь. Но ее иллюзия рушилась. Теперь Бинк может найти выход.

Он ощупью передвигался вдоль стены, отключая внимание от жутких картин разрушения и не менее жуткого грохота и надеясь, что Ирис не придет в голову изменить ощущение стены и тем самым обмануть его, сбить с пути. А вдруг вместо шершавой поверхности его рука упрется в капкан или в колючки?

Бинк нащупал невидимую дверь и открыл ее. Ура, получилось! Он обернулся и увидел Ирис, та стояла во всем великолепии женской ярости — несколько полноватая дама второй свежести, в засаленном халате и папильотках. Все пышные прелести, которыми он налюбовался, когда она щеголяла перед ним в своем откровенном наряде, остались при ней, но у со-

рокалетней женщины они выглядели далеко не столь соблазнительно, как у юной красотки, пусть и ненастоящей.

Бинк шагнул за порог. Сверкали молнии, гремел гром — от этого он беспрерывно вздрагивал. Но он наполнил себе, что Ирис управляет иллюзиями, а не погодой, и смело ступил прямо в грозу.

На него обрушился ливень с градом. Он ощутил на теле холодные уколы капель и хлесткие укусы градин — но им не хватало вещественности; Бинк нисколько не промок, и синяков от ударов на нем не оставалось. Магия Ирис проявлялась во всем блеске, но у иллюзии есть свои границы, к тому же Бинк не верил собственным глазам, и это заметно ослабляло эффект.

Внезапно раздался рев дракона. Бинк снова вздрогнул. Прямо на него неслась крылатая огнедышащая страхолюдина — и не просто паровик вроде провального, а самый доподлинный огнемет. Якобы доподлинный. А может, не якобы? Скорее всего, это иллюзия, но рисковать не стоило. Бинк бросился искать укрытие.

Дракон спикировал и пронесся мимо. Бинк ощутил воздушную волну и жар драконьего пламени. Он так и не определил, что это за дракон, однако это можно установить по действиям самой твари. Среди драконов настоящие огнеметы славились непроходимой тупостью, поскольку от жара у них спекались мозги. Если эта тварь начнет действовать с умом...

Дракон незамедлительно развернулся и пошел на второй заход. Бинк крутанулся вправо и тут же прыгнул влево. Дракон на это не купился и тут же выправил курс. Здесь ощущался ум чародейки, а не тупого животного.

Сердце Бинка бешено колотилось, но он заставил себя выпрямиться и спокойно встретить надвигающуюся опасность лицом к лицу. Он поднял вверх руку и сложил пальцы в кукиш. Дракон разъявил пасть и выдохнул невероятных размеров облако из огня и дыма. Оно окутало Бинка, опалило ему волосы... и исчезло, не причинив ни малейшего вреда.

Он рискнул — и выиграл. В победе он почти не сомневался, но тело его неуемно дрожало, переживая случившееся: все органы чувств приняли иллюзию за чистую монету. Только мозг встал на сторону хозяина и не позволил ни превратить его в дро-

жащий комок страха, послушный воле чародейки, ни бросить навстречу настоящей опасности. Иллюзии способны убить — но только если принимать их всерьез.

Бинк двинулся дальше, уже более уверенно. Если бы поблизости водился настоящий дракон, в иллюзорных не было бы нужды. Так что все драконы здесь мнимые.

Он споткнулся. Иллюзии могут насолить ему и другим способом: скроют от взгляда опасные места, и тогда он рискует свалиться в пропасть или в колодец. Придется смотреть в оба, причем в буквальном смысле.

Глядя себе под ноги, он стал легче проницать иллюзию. Талант у Ирис поразительно сильный, но, распространяясь на целый остров, он ложится, так сказать, тонким слоем. На большой площади чародейке трудно сосредоточиться, и ее иллюзии блекнут. Дворец оказался убогой лачугой, каких он много повидал на своем пути. Да и зачем строить настоящий добротный дом, когда с помощью иллюзии можно запросто соорудить его из любого сарая?

Изменилась и одежда, предоставленная ему чародейкой. Оказалось, что он щеголяет в домотканой женской накидке и, как он с отвращением убедился, в дамских панталончиках. Шелковых, кокетливых, с кружавчиками. А вот изящный носовой платочек оказался подлинным. Должно быть, чародейка все же баловала себя кое-чем настоящим, и кружевные платочки были ей как раз по средствам. И панталончики.

Он остановился в сомнении. Не стоит ли вернуться и забрать свою одежду? Встречаться с Ирис не очень хотелось. Но путешествовать по Глухомани в *таком* наряде?! А если еще кого-нибудь повстречаешь?

И Бинк представил себе, как он является к доброму волшебнику Хамфри и просит удостоить его ответом.

БИНК. Господин мой, я прошел через весь Ксанф, подвергаясь бесчисленным опасностям, дабы попросить...

ВОЛШЕБНИК. Новое платье? Лифчик? Ха-ха-ха!

Бинк вздохнул, чувствуя, что опять краснеет, и повернул назад.

Ирис заметила его, едва он вошел в хижину. В ее лице блеснула искорка надежды — и это искреннее выражение чувства

показалось ему привлекательнее любых иллюзий. Подлинные проявления чувств не оставляли его равнодушным. В этот миг он почувствовал себя законченным мерзавцем.

— Передумал? — спросила она и внезапно вновь предстала перед ним во всем великолепии юности. Вокруг нее образовался кусочек блистающего дворца.

Это моментально отрезвило Бинка. Она — существо насквозь искусственное, а он предпочитает реальность, даже если это реальность жалкой хижины посреди бурьяна. В конце концов, большинство фермеров Ксанфа живут не лучше. Но когда иллюзия становится необходимой подпоркой в жизни, сама жизнь утрачивает ценность.

— Просто одежду свою забрать хочу,— сказал Бинк. Хотя решение его было твердо, он чувствовал себя негодяем — нарушил такие блистательные планы!

Он направился в ванную, которая предстала перед ним пристроенным к лачуге чуланом. Потрясший его воображение туалет оказался заурядным сортиром — доска с дыркой, а вокруг весело жужжат мухи. Ванна обернулась простым корытом, из которого поят лошадей. Как же он душ-то принимал? Вон стоит ведро. Может, он сам поливал из ведра себе на голову, не ведая о том? На полу кучей валялись его одежда и рюкзак.

Бинк начал переодеваться, но обнаружил, что никакой двери в чулане нет, а Ирис стоит и смотрит на него. Неужели и в тот раз подглядывала? Коли так, следует воспринять это как комплимент: после того ее действия стали значительно более откровенными и недвусмысленно плотскими.

Взгляд его вновь упал на ведро. Но ведь кто-то же лил на него воду во время купания, и теперь он был уверен, что делал это не сам. А кроме него это могла быть только... Ой-ой-ой!

Но еще раз демонстрировать ей свои стати он не собирался, хотя было ясно, что в этом смысле никаких тайн от чародейки у него не осталось. Он подобрал вещички и направился к двери.

— Бинк...

Дом был непригляден — дощатые стены с облупившейся краской, солома на полу, сквозь щели пробивается свет. Но

сама чародейка была великолепна. Роскошная дева лет восемнадцати и почти без одежды.

— Что ты желаешь видеть в женщине? — спросила она.— Пышность форм? — Ее фигура обрела невероятно соблазнительные формы, а талия сделалась восхитительно тоненькой.— Молодость? — Она мгновенно стала четырнадцатилетней, худенькой и невинной.— Зрелость? — Ирис сделалась сама собой, но в прекрасном платье.— Деловитость? — Она предстала двадцатипятилетней, в строгом костюме, миловидной, но деловой.— Боевитость? — И вновь амазонка, крепко сбитая, но симпатичная.

— Не знаю,— признался Бинк.— Да и не хотелось бы выбирать. Иногда одного хочется, иногда другого.

— Так можешь иметь все,— сказала Ирис, вновь обернувшись девочкой-подростком.— Ни одна другая женщина тебе такого не даст.

И вдруг Бинк ощутил сильнейшее желание остаться. Он понял, что частенько ему хотелось именно этого, хотя он никогда не смел признаться даже самому себе. У чародейки сильнейшая магия, ничего не скажешь, с такой он еще не сталкивался. Конечно, это иллюзия — ну и что? В Ксанфе иллюзий полным-полно, и на совершенно законных основаниях; поди разберись, что реально, а что нет. И более того, иллюзии — важная составная часть *реальности* Ксанфа. Ирис может дать ему отнюдь не иллюзорное богатство, власть, полноправное гражданство, а сама будет для него той женщиной, какую он только пожелает. Любой.

И более того, со временем при грамотном приложении своих иллюзий Ирис сможет творить объективную реальность. Сможет построить настоящий хрустальный дворец со всеми причиндалами — королевская власть обеспечит ей такую возможность. Если взглянуть на дело с такой стороны, она предлагает нечто отнюдь не иллюзорное, а ее магия — лишь средство для достижения вполне материальной цели.

Но что на самом деле таит ее коварный ум? Ее тайные помыслы могут оказаться совсем небезобидными. Бинк никогда не сумеет до конца понять ее, а стало быть, не сможет и доверять до конца. Кстати, нельзя быть уверенным, что из нее по-

лучится такая уж хорошая королева — блеск власти интересует ее куда больше, нежели благополучие Ксанфа.

— Прости меня,— сказал он и отвернулся.

Ирис не стала удерживать его. Не было ни рушащегося дворца, ни бушующей стихии. Она примирилась с его решением — и как раз поэтому Бинк вновь ощутил сильнейшее желание возвратиться к ней. Ее нельзя назвать воплощением зла, она просто женщина с яркой мечтой. И она предложила честную сделку. Едва улеглась буря в ее душе, она нашла в себе мудрость примириться с неизбежным. Но Бинк заставил себя идти не оборачиваясь, доверившись своей логике, а не переменчивым чувствам.

Он вышел к подгнившим мосткам, к которым была привязана лодка с веслами. На вид довольно утлая, но раз уж она доставила его сюда, то и отсюда вывезет.

Бинк шагнул в лодку и оказался в луже. Посудина протекала. Схватив ржавое ведро, он принялся вычерпывать воду, потом сел и взялся за весла.

Чтобы управляться с такой лодчонкой и одновременно разыгрывать из себя королеву, Ирис пришлось приложить немало изобретательности. Магия ее определенно дополнялась здравым смыслом и практической сметкой. Наверное, из нее все же могла бы получиться неплохая правительница Ксанфа. Ей нужно лишь отыскать подходящего мужчину, который согласился бы с ней сотрудничать.

Почему же все-таки он отказался? Работая веслами и глядя на удаляющийся остров иллюзий, Бинк тщательно осмыслял мотивы своего поступка. Кое-что лежало на поверхности, но, несомненно, имелись и более глубокие основания для такого решения, какие-то принципы, через которые он, сам того не сознавая, переступить не мог. Одной памяти о Сабрине было недостаточно — как женщина Ирис ни в чем Сабрине не уступает, а талантом превосходит многократно. Должно быть что-то еще, не вполне осознанное, но очень сильное. Что же это? Да любовь к Ксанфу!

Он не мог позволить себе стать орудием упадка своей родины. Хотя нынешний король слаб и немощен и от этого возникает множество проблем, Бинк все же хранит верность су-

ществующему порядку. Дни анархии и права сильного ушли в прошлое; сейчас есть установленные процедуры передачи власти, и их необходимо соблюдать. Да, он готов на все, чтобы остаться в Ксанфе,— на все, кроме измены.

Океан был безмятежен. Крутой скалистый берег оказался очередной иллюзией — перед Бинком возник вполне реальный пляжик, правда, совсем не там, где он плюхнулся в воду. У края Провала в море вдавалась длинная каменистая гряда, должно быть, по ней он и бежал перед своим вынужденным купанием.

Бинк пристал к берегу к югу от Провала. Теперь надо бы вернуть лодку чародейке, но как?

А никак! Если у нее нет запасной лодки, то за этой ей придется сплавать. Это прискорбно, но возвращаться на остров иллюзий у него не было ни малейшего желания. С ее-то талантами Ирис без труда распугает всех морских тварей, а пловчиха она хоть куда — в этом Бинк почему-то не сомневался.

Он переоделся в свою подсохшую, хоть и просоленную одежду, набросил на плечи рюкзак и повернулся лицом к закату.

Глава 5

ИСТОЧНИК

К югу от Провала местность оказалась куда более пересеченной, чем с северной стороны. Холмы сменились настоящими горами. Самые высокие вершины венчались белоснежными шапками. Узкие проходы были забиты почти непролазными зарослями, и Бинку то и дело приходилось пускаться в обход. Помимо обычных неприятностей, как от крапивы или щекотихи, неизвестные Бинку растения таили неведомые опасности — кто знает, какой магией они обладают? И одиноко растущую путану следует обходить за версту, а тут этих тварей целые роши. Рисковать ни к чему.

Так что, когда перед ним вырастал очередной клок джунглей, Бинк поворачивал назад и искал другую дорогу. Избегал он и самых проторенных тропок — они вызывали подозрения. Поэтому он старался держаться на границе джунглей и открытой местности, но нередко это оказывался самый труднопро-

ходимый путь — бесплодные, выжженные солнцем скалы, крутые горные склоны, высокие плато, продуваемые всеми ветрами. Места, презираемые даже магическими растениями, а уж люди туда и подавно не сунутся, разве что стремящийся избежать всяких напастей путник. Один такой участок оказался взлетно-посадочной полосой для громадного крылатого дракона; неудивительно, что других хищников в округе не водилось. Бинк продвигался очень медленно и не рассчитывал в ближайшие дни добраться до замка доброго волшебника.

Он подыскал себе ямку, защищенную от ветра грудой камней, набрал хворосту на подстилку и устроился на ночлег. Теперь он сожалел, что отказался от предложения чародейки провести в ее дворце хотя бы одну ночь. Там определенно было бы уютней.

Но он понимал, что остаться на острове не мог. После одной ночи он бы оттуда не ушел вообще. Во всяком случае, не ушел бы свободным человеком. И Сабрина бы его не простила. Уже то, что он сожалеет об упущенной возможности, и не только в связи с уютным ночлегом, означает, что эта ночь стала бы для него роковой.

Ему пришлось напомнить себе об этом не один раз, прежде чем он уснул, дрожа от холода. И приснился ему хрустальный дворец. Он моментально проснулся и во второй раз задремал не скоро. Преодоленное искушение не ахти какая радость, когда мерзнешь в одиночку под открытым небом. Завтра надо будет во что бы то ни стало отыскать одеяльное дерево и горлянок с горячим супом.

На третье утро своего путешествия по южному Ксанфу Бинк двинулся вдоль горного хребта. Это был единственный доступный путь на запад. После нескольких безуспешных попыток он срезал себе новый посох — первые выбранные им деревца отводили его прочь от себя с помощью отворотной магии. Наверняка были и другие, но тех он попросту не видел — они защищались непримечайными чарами. А одно воспользовалось отталкиванием — как только Бинк пытался рубануть ствол ножом, острие непременно уходило куда-то в сторону.

Он уже целый час шагал с новым посохом, а сам все раздумывал о природной избирательности магии. Лучше всех вы-

живают растения с самыми действенными чарами, и они становятся самыми распространенными. А с другой стороны, часто ли сюда заглядывают сбившиеся с пути странники с ножами? Потом Бинк сообразил, что мог бы с большой пользой употребить чары, которые не давали его ножу дотронуться до дерева. Если бы удалось вырезать из того дерева посох, разве не стал бы этот посох отражать все нападения на своего владельца? Судя по всему, эти чары предназначены для защиты от драконов, бобров и других животных, а не от ножей. А драконоотталкивающий посох совсем не помешал бы. Но нет, если бы он срезал посох, дерево бы погибло, а вместе с ним и чары. А вот семечко такого дерева...

Однако не стоит тратить время и возвращаться к тому дереву. По пути наверняка попадутся такие же. Нужно только попробовать срезать новый посох и посмотреть, какое дерево будет отталкивать нож. Возможно, удастся выкопать маленькое деревце и донести его до дома живым и не утратившим свою магию.

Бинк стал спускаться по горному склону, проверяя встречные деревья. Это оказалось опаснее, чем он предполагал. Когда нож приближался к нежной коре деревьев, это вызывало у них весьма бурную реакцию. Одно забросало Бинка тяжелыми плодами, едва не угодив по голове, другое брызнуло сонным зельем, чуть было не положившим конец его путешествию. Но ни одного деревца с отталкивающими чарами!

При одном крупном дереве жила дриада, очень миленькая лесная нимфа, похожая на Ирис в ее четырнадцатилетнем облике. Однако она весьма бойко обрушила на Бинка поток слов из весьма недамского лексикона.

— Если охота резать беззащитных, то режь своих! — голосила она.— Вон солдат полудохлый в канаве валяется, так поди и отрежь ему...

К счастью, она постеснялась завершить свой экспромт. Дриадам не полагается знать такие слова.

Раненый солдат? Бинк отыскал канаву и тщательно осмотрел ее. И точно — на дне лежал мужчина в военном мундире и жалобно стонал. На спине его запеклась кровь.

— Я пришел с миром,— проговорил Бинк.— Если позволишь, я помогу тебе.

В прежние времена Ксанф испытывал потребность в настоящей армии, но теперь солдаты по большей части служили королевскими посыльными. Но мундир и профессиональную гордость они сохранили.

— Помоги мне! — чуть слышно пролепетал мужчина.— Я в долгу не останусь... может быть.

Бинк понял, что теперь может без опаски подойти к раненому. Ранение было тяжелым, солдат потерял много крови. Он буквально горел в лихорадке.

— Сам я не могу тебе помочь. Я не лекарь, и если я хотя бы сдвину тебя с места, ты можешь умереть. Я принесу лекарство... Только одолжи мне свой меч.

Если солдат позволяет взять свой меч, значит, он совсем плох.

— Возвращайся поскорее... или не возвращайся вовсе,— прошептал раненый, пододвинув меч к Бинку рукоятью вперед.

Бинк взял тяжелый меч, выкарабкался из канавы и подошел к дриадиному дереву.

— Мне нужна магия,— сказал он.— Кроветворная, затягивающая раны, снимающая лихорадку — словом, целебная. Нука, быстро говори, где ее найти, а не то срублю твое дерево!

— Не смей! — в ужасе вскричала она.

Бинк с угрожающим видом замахнулся мечом. В этот миг он напомнил самому себе Зяму, деревенского заклинателя мечей, и содрогнулся от отвращения.

— Не надо! Я все скажу! — завизжала нимфа.

— Добро! Говори,— произнес Бинк с облегчением, на самом деле у него едва ли хватило бы жестокости завалить беззащитное дерево. Тогда погубил бы и дриаду и ничего при этом не добился. Дриады — существа безобидные и на вид симпатичные, так что вовсе ни к чему их изводить и дома их лесные рушить.

— Пройдешь на запад три мили. Там Целебный источник. Его вода исцеляет все.

Бинк призадумался.

— Ты не все сказала,— заявил он и вновь поднял меч.— В чем подвох?

— Мне запрещено говорить! — воскликнула дриада.— Всякий, кто проболтается... Проклятие...

Бинк размахнулся, сделав вид, что сейчас рубанет по стволу. Дриада вскрикнула с таким беспредельным отчаянием, что он опустил руку. Дома он сам полез в драку, защищая Джустина, так мог ли он теперь изувечить дерево?

— Ладно. Пусть будет проклятие, рискну,— сказал он и направился на запад.

Вскоре он нашел тропку, ведущую в том направлении. Похоже, никаких приворотных чар она не имела, а просто была протоптана животными. Поэтому он пошел по ней, хотя и не без опаски — не один же он знает путь к источнику. По мере приближения тревога возрастала. В чем же все-таки здесь подвох, о каком проклятии говорила нимфа? Эх, узнать бы, прежде чем рисковать собой или напоить раненого солдата!

Ксанф — страна магии, но у магии свои законы, свои условия. Играть с ней опасно, если не знаешь природу тех или иных чар. Если эта вода и вправду может исцелить солдата, значит, источник обладает исключительной силой. А помощь такого рода безвозмездной не бывает.

Он отыскал источник в низинке под огромным раскидистым желудевым деревом. Мощь дерева свидетельствовала в пользу воды — вряд ли она ядовитая. Но с ней может быть связана угроза иного свойства. Допустим, в источнике прячется речное чудище, используя целебную воду как приманку. Раненые или умирающие животные — легкая добыча. А слухи о целебной силе воды влекли бы их сюда со всей округи.

Но времени дождаться и проверить свои подозрения у Бинка не было. Солдату надо помочь немедленно, или станет слишком поздно. Так что риск неизбежен.

Бинк медленно и осторожно подошел к источнику. На вид вода была прохладной и чистой. Он опустил в нее фляжку, не снимая другой руки с рукоятки меча. Но ничего не случилось, не вылезло из глубин зловещее щупальце, стремясь схватить его.

Бинк поглядел на наполненную фляжку, и ему пришла в голову такая мысль: если вода не ядовита, это еще не значит,

что она целебная. Какой смысл нести ее солдату, если она ничем ему не поможет?

Ответить на вопрос можно было только одним путем. К тому же сильно хотелось пить. Бинк поднес флягу ко рту и глотнул.

Вода холодная, вкусная. Он глотнул еще. А как освежает! Нет, не может такая вода быть ядовитой.

Он вновь опустил флягу в источник и смотрел, как на поверхность поднимаются пузырьки. Из-за них он не видел своей левой руки, находящейся под водой. Точнее, видел, но как-то искаженно — отсюда казалось, что на ней есть все пальцы. Без пальца, потерянного еще в детстве, Бинк не сильно страдал, но вид якобы целой руки был ему неприятен, словно источник издевался над ним.

Бинк поднял флягу — и едва не выронил ее. Палец был на месте! Целый и невредимый, будто и не было в детстве никакого увечья.

Бинк изумленно пошевелил пальцем, пощупал его. Ущипнул — больно! Сомневаться нечего, палец самый настоящий.

Воистину магический источник! Так быстро, безболезненно, незаметно вернул то, что было отрублено пятнадцать лет назад,— значит, исцелит все, что угодно!

А простуду? Бинк шмыгнул носом — все чисто. Выходит, источник и насморк вылечил.

Этому источнику можно дать самые лучшие рекомендации. Сильная, мощная магия. Если бы источник был человеком, он получил бы звание волшебника первой гильдии.

Но тут в Бинке вновь взыграла природная осторожность. Он ведь до сих пор не разобрался, в чем тут подвох и что за проклятие связано с источником. Почему никто не имеет права раскрыть секрет источника? И в чем он заключается, этот секрет? Очевидно, не в его целебных свойствах — о них дриада без колебаний поведала Бинку, и он может рассказать кому захочет. А проклятие никак не связано с речным чудищем — никто на Бинка не напал, и теперь, испив из источника и преисполнившись здоровья и сил, он сумеет постоять за себя гораздо лучше, так что, по всей вероятности, никаких монстров здесь не водится.

Но это еще не значит, что нет никакой опасности — просто она не столь очевидна, как думалось. А потаенная опасность куда страшнее. Можно спастись от огненного дракона и тут же пасть жертвой сонного морока в Дремучем лесу.

Солдат умирал, каждое мгновение было на вес золота, и все же Бинк не спешил. Сначала надо разобраться с этим делом, иначе подвергнешь и себя, и солдата неизмеримо большей опасности. Хоть и гласит народная мудрость, что дареному единорогу в зубы не смотрят, но лучше все же посмотреть, а то неприятностей не оберешься.

Бинк опустился на колени перед источником и вгляделся в глубину. В самые, так сказать, зубы.

— О Целебный источник,— тихо проговорил он.— Я пришел сюда во имя спасения другого. Пользы для себя я не искал, хотя и получил ее. И я заклинаю тебя: открой мне свою тайну, дабы я ненароком не совершил ошибки.

В силу подобного заклинания Бинк верил слабо, зная, что никакой личной магией подкрепить его не может, но ничего другого придумать не получалось. Он просто не мог принять столь великий дар, не попытавшись хотя бы узнать, что с него причитается за это. А бесплатными бывают только гадости.

В глубине источника что-то заклубилось. Бинк ощутил силу его магии — будто через дырочку заглянул в другой мир. Да у этого источника есть и самосознание, и гордость. Духовное поле источника сомкнулось вокруг Бинка, погрузило его в себя и наполнило сознание безмолвными словами:

«Кто изопьет из меня, да не поступит мне во вред, зане лишится всех благ, дарованных мною».

Вот так! Самый обычный оберег, только и всего. Однако в исполнении ох как непрост! Кто возьмется определить, какие поступки будут во вред источнику, какие нет? Кто, кроме самого источника? Определенно, в этой округе не должно быть никаких порубок — они нарушат природное равновесие, изменят климат. Никаких шахт и раскопов — упадет водоносный горизонт, источник загрязнится. Даже запрет на разглашение тайны источника не лишен смысла, ведь, зная цену заранее, люди с незначительными травмами и хворями могут и не захотеть исцеляться водами источника. Шахтеры и лесорубы точно не

станут пить из него и тем самым избегнут ответственности за свои действия. Но каждый поступок — как камень, брошенный в воду, а его последствия — как круги на воде. Со временем распространятся во всему Ксанфу.

Допустим, источник решит, что его интересам косвенно угрожают какие-то действия короля, например введение налога на вырубки, что вынудит лесорубов валить больше леса. Тогда источник заставит тех, кто им пользовался, выступить против короля или даже убить его? Человек, обязанный источнику жизнью, вполне может пойти на такое.

Теоретически этот волшебный источник может в корне изменить все общественное устройство Ксанфа, даже стать фактическим правителем страны. Но интересы одного отдельно взятого источника не обязательно совпадают с интересами человеческого населения Ксанфа. И все же, скорее всего, магия источника столь далеко не простирается, ведь в таком случае она должна не уступать по силе всей остальной магии Ксанфа, вместе взятой. Но со временем она себя проявит. Следовательно, пользование источником становится вопросом этики.

— Я не могу пойти на такое соглашение,— сказал Бинк в глубину.— Я не испытываю к тебе никакой неприязни, но не могу дать обязательства действовать только в твоих интересах. Благо Ксанфа в целом для меня превыше всего. Так что забирай свои дары, а я пошел.

Источник разгневался, его темные глубины заклокотали. Вновь поднялось магическое поле, окутало Бинка. Сейчас он заплатит за свою дерзость.

Но поле опало, словно стихшая буря, оставив его целым и невредимым. Палец остался на месте, и простуда не вернулась. Бинк заставил источник раскрыть карты — и одержал победу.

Или нет? Может быть, источник отберет свои дары тогда, когда Бинк станет явно действовать ему во вред. Что ж, дары не так уж и велики, и такое наказание он сумеет пережить. И разумеется, страх за возможные последствия не заставит его пойти против совести и убеждений.

Бинк выпрямился, не выпуская из рук меча, перекинул через плечо ремешок фляги и обернулся.

К нему подползала химера.

Бинк замахнулся мечом, хотя и не умел толком им пользоваться. Химеры чрезвычайно опасны!

Но тут он увидел, что страшилище находится в весьма плачевном состоянии. Изо рта львиной головы свисал язык, козлиная была вовсе без сознания, а змеиная, расположенная на кончике хвоста, волочилась по земле. Тварь на брюхе ползла к источнику, оставляя за собой кровавый след.

Бинк посторонился, пропуская ее. В таком состоянии даже химера вызывала у него только жалость. Никогда еще ему не доводилось видеть живое существо в таких муках. Не считая раненого солдата.

Химера доползла до воды и, опустив в нее львиную голову, принялась судорожно лакать.

Изменения произошли мгновенно. Козлиная голова стремительно очнулась, встрепенулась, повернулась на тонкой шее, расположенной посередине спины, и злобно уставилась на Бинка. Змеиная голова зашипела.

Сомнений не оставалось — химера полностью выздоровела. И стала очень опасна. Этот тип чудовищ ненавидит все человеческое. Она шагнула к Бинку, который стоял, сжимая обеими руками меч и выставив его перед собой. Он знал, что сражаться бессмысленно. Однако, если он ранит монстра, у него появится шанс убежать, прежде чем химера вновь доползет до источника и во второй раз поправит пошатнувшееся здоровье.

Но тварь неожиданно отвернулась, так и не напав. Бинк вздохнул с облегчением. Да, он изобразил из себя бесстрашного героя, но меньше всего на свете ему хотелось ввязаться в драку с таким чудовищем в присутствии недружелюбно настроенного источника.

Бинк понял, что в окрестностях источника действует своего рода перемирие. Не в интересах источника было превращать это место в арену боевых схваток и засад хищников, поэтому охота и драки здесь под запретом. К счастью для Бинка!

Он вскарабкался по склону и направился на восток. Оставалось надеяться, что солдат еще жив.

Жив! Крепкий мужичок, как и подобает солдату, держался до последнего. Бинк напоил его из фляжки и полил водой на рану. И солдат резко исцелился.

— Что ты такое сотворил? — воскликнул он.— Меня как будто и не ранили в спину!

Они вдвоем поднялись на холм.

— Я принес воды из волшебного источника,— пояснил Бинк. Возле дерева дриады он замедлил шаг.— К нему меня любезно направила эта услужливая нимфа.

— Спасибо тебе, нимфа,— сказал солдат.— Если могу быть тебе чем-то полезен...

— Катись колбаской,— отрезала нимфа, косясь на меч в руках Бинка.

Они вняли ее совету.

— Теперь тебе нельзя делать ничего такого, что может повредить Целебному источнику,— сказал Бинк.— И никому не рассказывай, чего потребовал источник в обмен на свою помощь. А если расскажешь, снова окажешься в канаве с дыркой в спине. Я решил, что такая цена тебя устроит.

— Еще бы! Я стоял в карауле, охранял плантацию королевских офтальмологических папоротников, а тут кто-то... Слушай, а если король хлебнет этой водицы, то зрение у него выправится без всяких папоротников? Мне нужно принести ему...— Солдат резко замолчал.

— Я готов показать тебе, где находится источник,— предложил Бинк.— Насколько я знаю, пить его воду может всякий.

— Нет, не в этом дело. Мне просто вдруг подумалось... Пожалуй, не стоит давать эту воду королю.

Это замечание поразило Бинка. Уж не подтверждают ли слова солдата его мысль об обширности и эгоистичности магии источника? Восстановление королевского здоровья может оказаться не в интересах источника, и поэтому...

Но, с другой стороны, если воды источника исцелят короля, то интересам источника будет служит сам монарх. Что может источник иметь против этого?

И еще, почему сам Бинк остался при пальце и без простуды, поведав тайну источника солдату? Он нарушил волю источника, но не поплатился за это. Может, проклятие — всего лишь хитрая уловка?

Солдат протянул руку:

— Меня звать Кромби. Капрал Кромби. Ты спас мне жизнь. Как мне отблагодарить тебя?

— Я просто сделал то, что должен был сделать,— ответил Бинк.— Не мог же я оставить тебя умирать. Я направляюсь к волшебнику Хамфри, хочу узнать, есть у меня магический талант или нет.

Кромби погрузился в раздумье, теребя себя за бороду. Эта поза была ему очень к лицу.

— Я умею определять направление.— Он закрыл глаза, выставил вперед правую руку и принялся медленно вращаться. Когда его указующий перст остановился, солдат открыл глаза и произнес: — Волшебник вон там. Мой талант — определять направление. Могу показать, где находится что угодно.

— Направление я и без тебя знаю,— вздохнул Бинк.— На запад. Главная трудность — как пробраться через все эти джунгли. Тут так много враждебной магии.

— И не говори! — с чувством подхватил Кромби.— Почти столько же, сколько в населенных местах. Должно быть, разбойники меня сюда какими-то чарами перенесли, смекнули, что живым я отсюда не выберусь, а трупа моего так и не найдут. И тень моя, блуждая в джунглях, никому не смогла бы отомстить.

— Ну, не знаю,— отозвался Бинк, вспомнив Дональда-тень из Провала.

— Но теперь благодаря тебе я снова жив-здоров. Вот что я тебе скажу — пойду-ка я к тебе в телохранители, пока ты до волшебника не доберешься. Это по справедливости?

— Но тебе вовсе не обязательно...

— Обязательно! Честь солдата. Ты помог мне, я помогу тебе. Я настаиваю. Я тебе пригожусь. Вот увидишь.— Он вновь закрыл глаза, выставил вперед руку и закружился. Остановившись, он продолжил: — Вот с того направления тебе угрожает наибольшая опасность. Хочешь удостовериться?

— Нет,— сказал Бинк.

— А я хочу. Угрозу не отведешь, повернувшись к ней спиной. Нужно пойти и одолеть ее. Верни мне меч.

Бинк протянул ему меч, и Кромби пошел в указанном им самим направлении, на север.

Бинк без большой охоты последовал за ним. Приключений он не искал, но знал, что будет нечестно, если он позволит солдату подвергнуться опасности, предназначенной ему самому.

Может, она была явной, как, скажем, провальный дракон. Правда, тот ему не страшен, если только Бинк снова не сунется в Провал. А он туда и не собирался.

Когда Кромби преграждал дорогу густой кустарник, он, не мудрствуя лукаво, пускал в ход меч. Бинк заметил, что иногда растение отклонялось в сторону еще до того, как на него обрушивался удар. Если для выживания требовалось уступить дорогу, кусты, не колеблясь, так и поступали. А вдруг солдат наткнется на древопутану? Это и будет та опасность, на которую указал Кромби?

Нет, путана смертельно опасна для неосторожных, но она не способна передвигаться. И поскольку Бинк направлялся на запад, а не на север, ничто лишенное возможности передвигаться не является для него угрозой, если только не стоит прямо на пути.

Раздался истошный визг. Бинк подскочил, а Кромби выхватил меч. Но увидели они всего лишь девушку — съежившуюся, перепуганную.

— Говори, девчонка! — взревел Кромби, выставив напоказ зловещее лезвие.— Какое непотребство у тебя на уме?

— Не бейте меня! — воскликнула она.— Я просто Нуса, я совсем одна, заблудилась. Думала, вы мне на помощь пришли.

— Лжешь! — крикнул Кромби.— Ты умышляешь зло против этого человека, моего друга, спасшего мне жизнь. Признавайся! — Он вновь поднял меч.

— Отпусти ее ради всего святого! — завопил Бинк.— Ты ошибся. Она совсем безвредна, это ясно.

— Мой талант никогда прежде не ошибался,— сказал Кромби.— Он показал на нее как на величайшую для тебя угрозу.

— Возможно, угроза позади нее,— заметил Бинк,— а она просто оказалась на одной линии.

Кромби задумался.

— Вполне. Мне как-то в голову не пришло.— Несмотря на всю свирепость, он был, похоже, человек здравомыслящий.— Погоди. Я проверю.

Солдат отошел на несколько шагов, встал к востоку от девушки, закрыл глаза и закружился. Его палец остановился, указывая точно на Нусу. Девушка разрыдалась:

— Я ничего плохого не задумала, клянусь! Не бейте меня!

Она была невзрачна, с очень заурядным лицом и неприметельной фигурой, явно не красавица — в противоположность тем дамам, с которыми Бинк познакомился за последнее время. И все же было в ней что-то смутно знакомое. А женские слезы всегда огорчали его.

— Может быть, опасность не физическая,— заметил Бинк.— Твой талант способен различать?

— Нет,— несколько сварливо ответил Кромби.— Угроза может быть любой, и я допускаю, что девчонка ничего дурного не замыслила. Но будь уверен, что-то тут не то.

Бинк внимательно посмотрел на девушку. Слезы на ее лице высыхали. Все же до чего знакома, где он мог ее видеть? Она не из Северянки, а девушек из других мест он не знал. Может, недавно видел, уже во время путешествия?

И постепенно забрезжила мысль: а ведь чародейке-то, мастерице иллюзий, совсем не обязательно прикидываться писаной красавицей. Если уж она решила следить за ним, ей не составит никакого труда принять совершенно иную внешность, полагая, что он ничего не заподозрит. Но проще всего удержать такую иллюзию, которая отчасти совпадает с естественным видом. Убрать кое-где несколько лишних фунтов, изменить голос... А что, вполне реально. И если Бинк клюнет на эту уловку, он пропал — чародейка совратит его, собьет с пути истинного. И только особый дар Кромби сумел разоблачить ее коварный замысел.

Но можно ли говорить об этом с такой уверенностью? Даже если Нуса и представляет для него серьезную угрозу, следует выяснить, откуда именно исходит опасность. Можно обойти стороной кусачую мышь и при этом прозевать гарпию. Там, где замешана магия, не стоит доверять скоропалительным суждениям.

Ему пришла в голову великолепная мысль.

— Нуса, пить не хочешь? — спросил он.— Хлебни-ка водички.

И протянул ей фляжку. Она с благодарностью приняла ее.

Эта вода исцеляет от всех хворей. А ведь иллюзия — тоже своего рода хворь. Если Нуса хлебнет водички, то хоть на мгно-

вение покажется в своем истинном обличье. И тогда все станет ясно.

Нуса попила всласть. И ни капельки не изменилась.

— Какая отличная вода! — сказала она.— Мне так хорошо стало.

Мужчины переглянулись. Очередная гениальная идея не сработала. Либо Нуса — это не Ирис, либо Бинк недооценил мастерство чародейки. В чем тут дело, не понять.

— Теперь, девчонка, ступай себе,— хмуро проговорил Кромби.

— Я иду к доброму волшебнику Хамфри,— несколько строптиво сказала она.— Мне нужно одно волшебство, чтобы вылечиться.

Бинк и Кромби снова переглянулись. Нуса выпила волшебной воды, стало быть, она теперь здорова. Следовательно, ей нет никакой надобности в совете доброго волшебника по части здоровья. Значит, она лжет. А если лжет, то что она от них скрывает?

Скорее всего, она выбрала именно этот адрес, поскольку знала, что туда направляется Бинк. Но это лишь предположение. Возможно, здесь просто совпадение... или же она — огрессалюдоедка. Выдает себя за человека и ждет подходящего момента, чтобы наброситься на них и сожрать. А они-то ее целебной водичкой напоили, здоровье ей поправили!

Видя замешательство Бинка, Кромби принял самостоятельное решение:

— Если ты позволишь ей идти с тобой, тогда я тоже пойду. И меч буду наготове держать. И глаз с нее не сводить.

— Так вернее будет,— неохотно согласился Бинк.

— Но я же ничего дурного не замышляю! — воскликнула Нуса.— Даже если бы и могла вам навредить, все равно не стала бы. Почему вы мне не верите?

Объяснять было бы долго и сложно.

— Если хочешь, пошли с нами,— сказал он.

Нуса ответила ему благодарной улыбкой, а Кромби хмуро покачал головой и взялся за рукоятку меча.

Солдат и дальше держался настороженно, но Бинк вскорости обнаружил, что общество Нусы ему нравится. Она ничем не

походила на чародейку и держалась настолько просто и заурядно, что Бинк почувствовал в ней родственную душу. Никакого магического дара в ней не ощущалось, к тому же она старательно избегала разговоров на эту тему. Возможно, она тоже направляется к волшебнику в поисках своего таланта. Уж не на это ли она намекала, говоря, что ей нужно волшебство, чтобы вылечиться? Разве кто-нибудь в Ксанфе может считать себя здоровым, не имея никакой магии?

Но если она все-таки чародейка Ирис, проницательный Хамфри моментально разоблачит ее, и Бинк узнает правду.

Они остановились возле Целебного источника, наполнили фляги, шли еще полдня, а потом попали под разноцветный град, волшебный, разумеется. Это было ясно по его раскраске. Стало быть, мокрых луж после себя не оставит. Нужно только пересидеть в безопасном месте.

Но град застиг путешественников на голом гребне — вокруг ни деревца, ни пещеры, ни сарайчика, лишь рытвины и камни. Укрыться от непогоды совершенно негде.

А градины становились все крупнее. Наша троица устремилась туда, куда показал волшебный палец Кромби,— к самому надежному убежищу. Оно обнаружилось сразу за большим валуном — чудовищных размеров тенетная ива.

— Путана! — в ужасе воскликнул Бинк.— Туда нельзя!

Кромби резко остановился, приглядываясь сквозь пелену града.

— Надо же, действительно путана. А прежде мой талант никогда не подводил меня.

«Кроме того раза, когда ты набросился на Нусу»,— уточнил про себя Бинк. Вообще, насколько достоин доверия магический талант солдата? Скажем, почему он не указал на опасность самому своему владельцу, когда того ударили ножом в спину и бросили умирать? Но вслух Бинк ничего не сказал. В любой магии всегда полно всяких сложностей и непонятностей, а в благих намерениях Кромби он не сомневался.

— Там слонопотам недоеденный! — воскликнула Нуса.

И точно, у самого деревянного рта лежала огромная туша. Задняя ее часть была отъедена начисто, зато передняя не тронута вовсе. Дерево, очевидно, поймало зверя и съело сколько

могло; но слонопотамы так громадны, что даже путана не в состоянии уговорить его за один присест. Дерево налопалось так, что даже щупальцем не могло пошевелить.

— Значит, опасности все-таки нет,— сказал Бинк и поморщился: красная градина размером с куриное яйцо едва не угодила ему в голову. Градины были легкие и пушистые, но ожечь могли чувствительно.— Тенетник не скоро проспится. А потом первым делом примется за слоника.

Но Кромби под дерево не спешил:

— А эта туша часом не иллюзия? Ничему не верь — вот солдатский девиз. Вдруг путана капкан такой устроила, чтобы мы поверили, будто она нас не тронет. Как, по-твоему, она завлекла слонопотама?

Логично. Периодические бури с градом, добыча ищет, куда бы спрятаться, а тут вот оно, якобы идеальное укрытие. Система отличная.

— Но если мы сейчас же не спрячемся, град из нас последние мозги повышибает,— сказал Бинк.

— Я пойду! — вызвалась Нуса. Бинк не успел и рта раскрыть, как она уже устремилась к дереву.

Щупальца шевельнулись, дернулись по направлению к девушке, но для энергичных действий им не хватило стимула. Нуса пнула слонопотамью тушу — оказалось, не иллюзия!

— Настоящая! — крикнула она.— Идите сюда!

— А ты в зазывалы определилась! — пробурчал Кромби.— Бинк, еще раз говорю, опасна она, девчонка эта. Если она путане клиентов поставляет, то сколько ж народу они на пару извести успели!

Типичный параноик! Наверное, для солдата это полезное качество... хотя что же подозрительность капрала самого-то его от беды не уберегла?

— Не верю,— сказал Бинк.— А вот в град очень даже верю. Я пошел к ней.

И пошел. Внешнее кольцо щупалец он миновал, заметно нервничая, но они встретили его вяло и лениво. Голодная путана едва ли осилила бы подобное коварство. Она — дерево незамысловатое, сразу хватает все, что хватается.

Последним пришел Кромби. Дерево легонько дернулось, словно раздосадованное тем, что не в силах сожрать всю компанию,— и все.

— Что ж, я знал, что мой талант никогда не врет. Никогда,— заявил капрал, но получилось не очень убедительно.

Под сенью путаны оказалось даже уютно. Градины размером уже с кулак отскакивали от густой кроны и падали в ложбинку вокруг дерева. Хищные деревья обычно в таких ложбинках и растут — сначала выщипывают вокруг подлесок, камни убирают, создавая вокруг живописную полянку для привлечения проходящей живности; потом отбрасывают подальше от себя накопившиеся «пищевые отходы». С годами вокруг образуется возвышение, и дерево оказывается как бы в ямке. Путаны — вид крепкий, живучий, иные из них живут буквально в колодцах, такие высокие вокруг них стены образуются из захороненных костей съеденных животных. Вокруг Северянки путан повывели, и детей насчет них просвещают основательно. Теоретически говоря, человек, за которым гонится дракон, может увернуться от путаны и подставить под ее щупальца самого дракона. Только для этого сила нужна и смелость.

Дерн под ветвями вздымался пологими холмиками, чем-то напоминая фигуру лежащей женщины, от земли исходил сладкий аромат, воздух был свеж и приятен. Словом, идеальное убежище от бурь. Так оно и было задумано. На эти приятности определенно и купился слонопотам. Местечко тут удачное, о чем свидетельствовали исполинские размеры путаны. Но сейчас путешественники пользовались ее гостеприимством бесплатно.

— Моя магия никогда меня не подводит,— повторял Кромби.— И мне бы надо побольше доверять ей. Но отсюда следует...— Он многозначительно посмотрел на Нусу.

Бинк задумался. В искренности солдата он не сомневался, и указательная магия работала в целом без сбоев. Что же, с Нусой промашка вышла или все-таки девушка представляет собой серьезную угрозу, пусть пока и непонятную? Если так, в чем эта угроза состоит? У Бинка в голове не укладывалось, что она может лелеять на его счет какой-то злой умысел. Совсем недавно он подозревал ее в том, что она — переодетая чародей-

ка Ирис, но теперь он в это не верил. Нуса не проявила и намека на крутой норов, присущий владычице иллюзий, а темперамент — такая штука, что никакой магией не замаскируешь.

— Что ж тебя твоя магия не предупредила, когда тебя ножом пырнуть собрались? — спросил Бинк, в очередной раз пытаясь разобраться, что заслуживает доверия, а что не заслуживает.

— А я у нее не спрашивал,— отозвался Кромби.— Дурак был. Но вот доставлю тебя до твоего волшебника, непременно спрошу, кто меня в спину ткнул, а уж тогда...— Он со значением потеребил рукоятку меча.

Ответ хороший. Талант ведь не сигнал тревоги; он работает тогда, когда его попросят. У Кромби же тогда было не больше резона подозревать опасность, чем сейчас у Бинка. Так где же пролегает граница между здоровой осмотрительностью и паранойей?

А град не утихал. Спать никому не хотелось — нельзя же довериться путане до такой степени,— поэтому они просто сидели и разговаривали. Кромби поведал о битвах древности и героических временах Четвертой волны. Бинка, хоть он и лицо сугубо штатское, рассказ захватил своим боевым духом. Ему почти захотелось перенестись в те крутые времена, когда мужчине не требовалось никакой магии, чтобы считаться мужчиной.

К концу рассказа гроза поутихла, но граду вокруг навалило столько, что выбираться покамест не имело смысла. Обычно магический град таял, как только выглядывало солнце, так что стоило подождать.

— Где ты живешь? — спросил Бинк Нусу.

— Да я простая деревенская девчонка. В одиночку в Глухомань поперлась.

— Ты не ответила! — с подозрением буркнул Кромби.

Нуса пожала плечами:

— А что тут еще ответишь? Не могу же я себя изменить, как бы ни хотела.

— И я могу ответить почти теми же словами,— заметил Бинк.— Я и сам деревенщина, и ничего во мне особенного нет.

Надеюсь, что волшебник найдет во мне особенное, обнаружив какой-нибудь талант, который есть только у меня и о котором никто не догадывался. За это я готов на него работать целый год.

— Да,— вымолвила Нуса и сочувственно улыбнулась ему. И он неожиданно почувствовал, что она ему очень нравится. Она самая обыкновенная — точь-в-точь как он. У нее есть цель, почти такая же, как у него. У них много общего.

— Ты идешь за магией, чтобы твоя девчонка вышла за тебя? — с изрядным цинизмом спросил Кромби.

— Да,— признался Бинк, и перед его мысленным взором с необычайной яркостью предстала Сабрина. Нуса отвернулась.— И чтобы остаться в Ксанфе.

— Ты дурачок. Штафирка и дурачок,— ласково заметил Кромби.

— Другой возможности у меня нет,— отозвался Бинк.— Приходится идти на любой риск, если в случае проигрыша...

— Я не про магию говорю. Она штука полезная. И в Ксанфе остаться тоже мысль неглупая. Чего не скажешь насчет женитьбы.

— А что женитьба?

— Женщины — проклятие рода человеческого,— злобно изрек Кромби.— Они обманом завлекают мужчину, в точности как эта путана, склоняют его к браку, а потом глумятся над ним всю оставшуюся жизнь.

— А вот это нечестно! — возразила Нуса.— У тебя что, матери не было?

— Из-за нее мой славный папаша пристрастился к выпивке и дурь-ягоде,— убежденно ответил Кромби.— Превратила его жизнь в сущий ад, да и мою тоже. Она умела читать мысли — такой у нее был талант.

Женщина, способная читать мысли, воистину ад для любого мужчины! Если бы какая-то женщина смогла прочесть мысли Бинка... Бр-р!

— Наверное, у нее тоже жизнь была не сахар,— заметила Нуса.

Бинк с трудом сдержал улыбку, но Кромби сердито нахмурил лоб:

— Я убежал из дому и поступил в армию за два года до совершеннолетия. И никогда об этом не жалел.

Нуса без улыбки посмотрела на него:

— Ты и сам, похоже, для женщин не подарок. Мы все должны быть благодарны, что ты нас не трогаешь.

— Еще как трогаю! — Кромби хрипло рассмеялся.— Но жениться — это уж извините. Не родилась еще та баба, что меня заарканит.

— Какой ты противный! — процедила Нуса.

— Просто умный. А если Бинк тоже умный, он на твои заигрывания не клюнет.

— А я и не собиралась заигрывать! — гневно вскричала Нуса.

Кромби презрительно отвернулся:

— А-а, все вы одинаковы. И говорить с вами без толку. С тем же успехом можно с чертом о нравственности спорить.

— Ах, ты так! Тогда я пошла! — Нуса вскочила и решительно шагнула из-под кроны тенетника.

Бинк решил, что она просто придуривается. Буря, хоть и успокоилась маленько, не прекратилась. Порывами град хлестал очень внушительно. Разноцветные градины громоздились на два локтя и выше. А солнце еще не показалось.

Но Нуса устремилась прямо в бурю.

— Эй, погоди! — крикнул Бинк и побежал за ней. Но Нуса исчезла за пеленой града.

— Да пусть идет, скатертью дорожка,— заявил Кромби.— У нее были на тебя виды. Я этих баб насквозь вижу. Я с самого начала понял, что от нее добра не жди.

Бинк прикрыл руками голову и лицо от града и вышел из-под путаны. Он тут же поскользнулся на градинах и вверх ногами въехал в самую кучу. Градины сомкнулись над его головой. Бинк понял, куда делась Нуса. Барахтается где-то рядом, заваленная ворохом разноцветных градин.

Пришлось закрыть глаза — в них лезла пыль от раскрошившихся градин. Они состояли не из настоящего льда, а из сгущенного магического пара, поэтому были сухие и не очень холодные, зато скользкие.

Нога Бинка за что-то зацепилась. Мгновенно вспомнив про морское чудище у берегов острова Иллюзий, но упустив из виду,

что чудище-то было воображаемым, а к тому же морским тварям здесь вообще взяться неоткуда, он принялся яростно лягаться. Но то, что держало его за ногу, вцепилось крепко и тащило назад.

Потом резко отпустило; Бинк вскочил на ноги и кинулся на громадного тролля, чей силуэт смутно видел сквозь облако пыли.

И тут же полетел вверх тормашками и шмякнулся на обе лопатки. Злобный монстр тянул его за руку. Ну и силища у этих троллей! Бинк извернулся, пытаясь схватить тролля за ноги, но тварь повалилась прямо на него и накрепко пришпилила к земле.

— Эй, Бинк, полегче! — сказало чудовище.— Это ж я, Кромби.

Бинк, насколько мог, изогнул шею, пригляделся и узнал бравого капрала.

Кромби отпустил его:

— Я понял, что тебе самому из этой кучи не выбраться, и потянул тебя за ту часть, что торчала. Оказалось, нога. В глаза тебе пыль волшебная попала, вот ты меня и не узнал. Извини, что пришлось маленько помять.

Ну конечно же, все дело в волшебной пыли. Из-за нее со зрением странные вещи творятся — люди становятся как тролли, огры и еще что похуже, и наоборот. От этой пыли грозы с разноцветным градом становятся еще опаснее: совершенно не соображаешь, куда идти. Должно быть, многие несчастные, попав в грозу, принимали путану за безобидное одеяльное дерево.

— Ничего,— сказал Бинк.— Однако вы, служивые, мастера драться.

— Работа такая. А ты не бросайся на того, кто в рукопашной толк понимает.— Кромби наставительно поднял палец.— Хочешь, научу паре приемчиков? Талант немагический, но тебе пригодится.

— Нуса! — воскликнул Бинк.— Она там осталась!

Кромби поморщился:

— Ладно, раз уж она из-за меня отчалила, помогу разыскать ее. Если уж тебе это так важно.

Все же неплохой он парень, этот солдат. Даже когда дело касается женщины.

— Ты действительно всех их ненавидишь? — спросил Бинк, настраиваясь на новый раунд борьбы с градом.— И тех, кто не умеет мысли читать?

— Мысли читать они все умеют,— заверил Кромби.— Большинство без всякой магии управляется. Но зарекаться не стану, может, в Ксанфе и найдется для меня подходящая девчонка. Чтоб была хорошенькая и при этом не вредничала, не пилила, не врала...— Он покачал головой: — Даже если и отыщется такая, так ни за что за меня не пойдет.

Выходит, солдат не приемлет женщин потому, что они его не приемлют. Или ему так думается. Что ж, вполне резонно.

Гроза прекратилась. Они осторожно пробирались между разноцветных куч, стараясь больше не поскальзываться. Исчерпав запас магии, цветные облака стремительно таяли.

«Интересно, отчего происходят такие грозы?» — задумался Бинк. Они, конечно, неодушевленные, но в ходе путешествия Бинк убедился, что и неживое обладает магией, подчас очень сильной. Возможно, магия составляет самую сущность Ксанфа и постепенно пронизывает все живое и неживое, что есть на этой земле. Живое может распоряжаться своей магией, направлять ее, сосредоточивать, употреблять согласно своей воле. Чары неживого проявляются самопроизвольно, как, скажем, эта гроза. В ней заключена колоссальная магия, собранная с большой территории. Впустую изошедшая на бессмысленную кучу градин.

А так ли уж бессмысленную? Путана, например, извлекает из таких гроз массу пользы для себя. Скорее всего, они играют еще какую-то роль в местной экологии — возможно, град уничтожает самые слабые, наименее жизнеспособные особи, способствуя эволюции. А иногда магия неживого бывает очень целенаправленной — примером тому служит Обзорный камень или Целебный источник, чья магия как бы отфильтрована из подземных вод обширной территории. Может, именно благодаря магии неживые предметы начинают ощущать собственную индивидуальность. Магия воздействует на все стороны жизни Ксанфа и управляет ими. А без магии Ксанф стал бы...— при

одной этой мысли Бинк похолодел от ужаса,— Ксанф стал бы Обыкновением.

Из-за туч выглянуло солнце. Под его лучами градины лопались, превращаясь в разноцветный пар. Их магия была устроена так, что не переносила прямого солнечного света. Бинк снова задумался: а не является ли солнце врагом магии? Если магия исходит из земных глубин, поверхность земли должна представлять собой самый ее краешек. А если зарыться поглубже, не удастся ли приблизиться к самому источнику могущества? Заманчивая мысль.

Бинку даже захотелось отложить поиски собственной магии и заняться изысканиями сущности природы Ксанфа. Определенно там, глубоко под землей, хранятся ответы на все его вопросы.

Но нельзя. Прежде всего надо найти Нусу.

Через минуту град исчез бесследно. Но девушка тоже.

— Наверное, скатилась по склону прямо в лес,— сказал Кромби.— Она знает, где мы. Захочет — найдет.

— А вдруг с ней что случилось? — возразил Бинк.— Напряги свой талант, найди ее.

— Ладно,— вздохнул Кромби, закрыл глаза, завертелся волчком и показал на подножие южного склона.

Они трусцой сбежали вниз и обнаружили следы на мягком грунте на самой кромке джунглей. Пошли по следам и вскоре нагнали девушку.

— Нуса! — обрадованно закричал Бинк.— Прости нас! Не ходи в джунгли одна!

Не сбавляя шага, она бросила через плечо:

— Оставьте меня в покое. Я с вами не пойду.

— Но Кромби вовсе не хотел...— начал Бинк.

— Хотел! Вы мне не доверяете — так и держитесь подальше. Без вас обойдусь.

И все тут! Она была непоколебима. Волочить ее силком Бинк не собирался.

— Ну, если тебе помощь понадобится или что, ты только свистни... или...

Она не ответила и не обернулась.

— Сомневаюсь я, что она так уж опасна,— грустно сказал Бинк, глядя ей вслед.

— Еще как опасна! — долбил свое Кромби.— Но любая опасность не страшна, если держаться подальше.

Они снова поднялись на гребень и двинулись дальше. Через день, благодаря безошибочной указательной магии капрала и его умению избегать опасностей Глухомани, перед ними предстал замок волшебника. Без Кромби Бинк ни за что не добрался бы так быстро.

— Вот и все,— сказал Кромби.— Я доставил тебя в целости и сохранности, так что мы, считай, квиты. Мне надо одно личное дельце утрясти, а потом явиться к королю за новым назначением. Желаю тебе найти свою магию.

— Хорошо бы,— отозвался Бинк.— Спасибо, что приемчикам научил.

— Да это так, пустяки. Надо много тренироваться, чтобы они тебе в деле помогли. Прости, что девчонку от тебя отвадил. Может, мой талант маху дал насчет ее опасности...

Этот предмет Бинку обсуждать не хотелось, поэтому он молча пожал солдату руку и зашагал к замку доброго волшебника.

Глава 6

ВОЛШЕБНИК

Замок был внушителен — небольшой, но высокий и продуманный архитектурно. Его опоясывали глубокий ров и массивная стена, за которой виднелась высокая башня с парапетом и бойницами. Замок явно воздвигали с помощью магии, иначе на его строительство потребовались бы долгие годы кропотливого труда целой армии искуснейших умельцев.

Однако же Хамфри считается волшебником по части информации, а не строительства и тем паче не иллюзий. Как же ему удалось наколдовать такое сооружение?

Да не все ли равно? Замок-то вот он.

Бинк подошел ко рву и услышал жуткий ритмичный плеск; откуда-то из-за поворота показался конь, скачущий прямо по воде. И не просто конь, а морской конь гипподер — голова и

передние ноги лошадиные, хвост дельфиний. Дельфина Бинк видел только на картинке в старой книжке. Это такая волшебная рыба, которая дышит не водой, а воздухом.

Бинк попятился. Вид у гипподера был далеко не безобидный. На земле он Бинка, пожалуй, не догонит, зато в воде в порошок сотрет. Как же перебраться через ров? Никаких перекидных мостов что-то не видать.

Потом Бинк заметил на спине у гипподера седло. Взгромоздиться на морское чудовище? Ну уж нет!

И все же, очевидно, именно так и надлежит поступить. Волшебник готов уделить свое драгоценное время лишь тому, кто пришел с самыми серьезными намерениями. Если у Бинка не хватит духу прокатиться на морском коньке, значит, аудиенции у Хамфри он недостоин. Не очень гуманно, зато практично.

А так ли уж хочется получить ответ на вопрос? Заплатив за него годом службы?

Перед Бинком возник образ красавицы Сабрины, такой живой, такой притягательный, что все прочее отступило на задний план. Он решительно подошел к берегу, где его дожидался гипподер, и забрался в седло.

Скакун с громким ржанием припустил, но не через ров, а вдоль него. Он радостно несся по воде, словно по дорожке ипподрома, а Бинк отчаянно цеплялся за луку седла. Мощные передние ноги гипподера заканчивались ластами, а не копытами. Эти ласты шумно плюхали по воде, осыпая всадника тучей брызг. Хвост, который сворачивался петлей, когда его обладатель пребывал в покое, теперь распрямился и с такой силой лупил по воде, что седло ходуном ходило и Бинк рисковал свалиться в любой момент.

— И-и-го-го! И-го-го! — восторженно ржало чудище.

Добилось-таки своего, заполучило человечка прямо в седло, откуда его скинуть — пара пустяков. А как тот в водичку сверзится, тут уж можно развернуться и покушать в свое удовольствие. Ну и дурачина ты, Бинк!

Стоп! Пока он в седле, твари до него мордой не дотянуться. Надо только любыми силами удержаться, пока чертов конек не выбьется из сил.

Но придумать-то легко, а вот сделать... Гипподер подпрыгивал и нырял, то поднимая Бинка высоко над рвом, то погру-

жая во вспененную воду, орудуя хвостом, как кремовзбивалкой. Бинк опасался, что чудище уйдет под воду, и тогда придется ему или тонуть, или выбираться из седла, если оно само не отскочит. Но седло и не думало сваливаться со спины зверя, а надолго погрузиться в воду гипподер не мог, поскольку, как и Бинк, дышать под водой не умел. Чудище играло, Бинк же просто держался за него. Оно тратило больше сил, дышало чаще, следовательно, утопить седока не могло. Очень своевременно он это понял!

Оставалось только удержаться — тогда он победит. Правда, неизвестно, пригодится ли ему эта победа.

Наконец чудище выдохлось. Оно еле доплюхало до внутренних ворот и залегло неподвижно, так что Бинк спешился без приключений. Первый этап гонки он преодолел.

— Спасибо, гип,— с легким поклоном обернулся он к гипподеру.

Тот фыркнул и пошлепал прочь.

Бинк оказался перед гигантской деревянной дверью. Она была закрыта, и он постучал в нее кулаком. Дверь была сделана из толстого цельного куска дерева, поэтому звук получился слабый — плюх-плюх. Бинк колотил, пока рука не заболела. Потом достал нож и принялся стучать ручкой — свой новый посох он во рву потерял. Безуспешно. Это тебе не по полой стенке стучать. Такую дверь голыми руками не возьмешь.

А может, волшебника дома нет? Тогда должны остаться слуги.

Бинка стало разбирать — он такой долгий, опасный путь проделал, он готов заплатить непомерную цену за малюсенькую крупицу сведений, а этот невежа добрый волшебник даже дверь открыть не соизволит.

Тогда он проберется в замок против воли волшебника. Как-нибудь да проберется. И потребует аудиенции.

Бинк принялся изучать дверь. В высоту локтей десять, в ширину пять. Сколочена из бруса восемь на восемь. Весит, поди, не меньше тонны. Петель нет — значит, задвижная. Хотя нет, косяки сплошные, каменные. Что ли, наверх поднимается, на канатах? Только ни канатов не видать, ни талей. Может, какие-нибудь потайные рычажки вделаны? Тоже вряд ли, хлопотно это и ненадежно. Рычажки имеют свойство подводить в самый

неподходящий момент. Тогда, может, в пол уходит? Но пол тоже сплошной, каменный. Испаряется, что ли, вся эта громадина, когда надо войти-выйти?

Бред! Липовая это дверь, муляж, бутафория. Непременно должна быть настоящая дверь, материальная, а может, и волшебная. Остается отыскать ее. В камне? Нет, слишком тяжелая будет, не открыть; нетяжелой она быть не может — образовалось бы уязвимое место в укреплениях, через него мог бы прорваться враг. Не имело смысла строить такой мощный замок с такой слабиной...

Бинк провел пальцами по поверхности липовой двери — и нащупал щелку, прошелся по периметру, определил, что это квадрат. Ага! Прижал ладони к центру квадрата и надавил.

Квадрат сдвинулся, отъехал назад, упал внутрь. В образовавшееся отверстие можно было пролезть на карачках. Вот вам и вход.

Бинк не стал раздумывать и полез в дыру.

Он увидел тускло освещенный коридор. И второе чудовище.

Это был мантикора — существо величиной с лошадь, с головой человека, телом льва, крыльями дракона и хвостом скорпиона. Один из самых свирепых магических монстров.

— А-а, заходи, не стесняйся, закусочка! Как раз к обеду,— сказал мантикора, выгнув пупырчатый хвост. У него был необычный рот — зубы в три ряда, один над другим; но куда необычнее был голос, удивительно красивый, звучащий одновременно как флейта и как рожок и в силу этого не вполне внятный.

Бинк выхватил нож.

— Я тебе не закуска,— сказал он с решительностью, которой, честно говоря, совсем не ощущал.

Мантикора засмеялся и не без иронии заметил:

— А кому же ты закуска? Именно мне. Сам залез в мой капкан.

Это точно. Только Бинк был уже сыт по горло этими бессмысленными препятствиями, однако чувствовал, что они не так уж бессмысленны. Парадокс! Если бы монстры волшебника убивали всех посетителей, Хамфри оказался бы не у дел — и без гонораров. А судя по рассказам, добрый волшебник — че-

ловек корыстный и живет главным образом ради собственного процветания, дерет за услуги баснословную плату, чтобы богатство свое множить. Скорее всего, мантикора — очередная задачка, вроде гипподера и липовой двери. Надо только найти правильное решение.

— Я могу выйти из этой клетки, когда захочу,— отважно сказал Бинк, стараясь не шибко стучать коленками.— Дверка здесь такая, что я-то в нее пролезу, а вот ты — нет. Это ж для тебя клеточка, зубомордый.

— Зубомордый! — не веря своим ушам, повторил мантикора, показав при этом зубов шестьдесят.— Ты, козявка смертная, да я тебя на миллиард лет вперед накусаю!

Бинк рванулся к квадратному проему. Чудище бросилось за ним, взметнув над головой хвост. Оно оказалось проворным до омерзения.

Но бросок к двери был отвлекающим маневром. Бинк стремительно нырнул прямо под львиные когти. Движения в эту сторону чудище никак не ожидало, а развернуться в воздухе оно не могло. Смертоносный хвост вонзился в дверь, голова проскочила в квадратный проем, а львиные плечи накрепко застряли в нем — ни туда ни сюда. Мантикора беспомощно хлопал драконьими крыльями.

Бинк не смог удержаться — выпрямился, развернулся и заорал:

— Неужели ты, зверина безбашенный, решил, что я прошел такой путь, чтобы в последний момент повернуть назад? — Свои слова он подкрепил душевным пинком в мантикорину задницу, аккурат под застрявший хвост.

Ответом ему был мелодичный вопль ярости и боли. А Бинк уже несся по коридору, надеясь, что из него есть подходящий для человека выход. А не то...

Сзади с оглушительным треском разлетелась дверь, послышался тяжкий плюх — это мантикора вывалился из двери и шлепнулся на пол. Вот теперь он разозлился по-настоящему! Если здесь не найдется выхода...

Нашелся. Испытание заключалось в том, чтобы пройти мимо чудища, а не в том, чтобы убить его. Прикончить такую тварь ножом никому не под силу. Бинк протиснулся в решетчатые

ворота, как раз когда мантикора мчался по коридору, разбрызгивая щепки с хвоста. Поздно, голубчик!

Бинк оказался в самом замке, темном, сыром, без признаков человеческого присутствия. И где тут добрый волшебник?

Надо как-то объявить о себе — похоже, грохота от стычки с мантикорой глуховатый хозяин не услышал. Бинк огляделся и увидел свисающий сверху шнурок. Он хорошенько дернул за него и отскочил — не ровен час, что-нибудь на голову свалится. Как-то не внушает доверия этот чудной замок.

«Динь-динь-динь!» — прозвенел колокольчик, и показался старый сморщенный эльф:

— Как прикажете доложить?

— Бинк из Северянки.

— Какой еще Пинкис-Янки?

— Бинк из Северной деревни. Б-И-Н-К.

Эльф внимательно оглядел его с головы до ног:

— И какое дело у твоего хозяина Бинка?

— Я и есть Бинк. А дело у меня — отыскать мой магический талант.

— А что ты предлагаешь в уплату за драгоценное время доброго волшебника?

— Такса обычная: год службы.— Понизив голос, Бинк добавил: — Грабеж, конечно, но деваться мне некуда. Твой хозяин — просто кровосос.

Эльф подумал:

— Волшебник в данный момент занят. Не угодно ли пожаловать завтра?

— Завтра! — взорвался Бинк, наглядно представив себе, что с ним сделают гипподер с мантикорой, появись у них вновь такая возможность.— Так займется старый хрыч моим делом или нет?

Эльф нахмурился:

— Что ж, если ты так ставишь вопрос, тогда пошли наверх.

Бинк вслед за коротышкой поднялся по винтовой лестнице. Наверху было светлее, красивее, помещения выглядели обжитыми.

Наконец эльф ввел его в кабинет, заваленный бумагами, а сам уселся за громадный письменный стол:

— Итак, Бинк из Северной деревни, защитные приспособления замка ты преодолел. Теперь докажи, что твоя служба нужна старому хрычу-кровососу.

Бинк открыл рот, чтобы весьма эмоционально высказаться, да так и застыл — понял, что перед ним сидит хозяин замка собственной персоной. Во влип!

Теперь оставалось одно — дать откровенный ответ, прежде чем его вышибут отсюда.

— Я сильный и работы не боюсь. Сам решай, нужен тебе такой работник или нет.

— Ты упрям, и аппетит у тебя, видать, непомерный. Проешь больше, чем отработаешь.

Бинк пожал плечами — спорить с такими утверждениями бесполезно. Только еще больше настроишь волшебника против себя. Угодил все-таки в последний капкан — самомнение подвело.

— А ты мог бы книги таскать и страницы мне переворачивать. Читать умеешь?

— Немного.— У кентавра-учителя он ходил в учениках способных, но когда это было!

— И ругаться вроде силен. Может, сумеешь отбрехиваться от разных незваных гостей, чтоб не лезли ко мне со всякой ерундой.

— Может, и сумею,— мрачно согласился Бинк. Похоже, на этот раз он макнулся мордой в самую грязь. А ведь успех был так близок!

— Тогда пошли, нечего тут прохлаждаться! — рявкнул Хамфри и соскочил с кресла.

Теперь Бинк увидел, что волшебник никакой не эльф, а просто человек очень маленького роста. Ну разумеется, ведь эльф — существо волшебное, а стало быть, волшебником быть никак не может. Оттого-то Бинк так и оплошал вначале. Хотя чем дальше, тем больше он сомневался в правильности этого умозаключения — Ксанф открывал перед ним такие разновидности магии, о которых он прежде и не подозревал.

Похоже, волшебник все-таки принял его дело в производство. Бинк последовал за ним в соседнюю комнату. Это оказалась лаборатория. Не считая одного расчищенного пятачка,

вся она, включая и многочисленные полки, была загромождена всякими магическими приборами.

— Подвинься! — отрывисто пролаял Хамфри, хотя двигаться Бинку было особенно некуда. Да, симпатягой волшебника не назовешь. И работать на него целый год будет тяжеловато. Но может, оно того и стоит, если окажется, что магический талант у Бинка есть, и неплохой.

Хамфри снял с полки крохотный пузырек, встряхнул и поставил на пол в центре пентаграммы — это пятиугольник такой. Потом он что-то изобразил двумя руками и проговорил нараспев несколько слов на явно колдовском языке.

Из пузырька с хлопком выскочила пробка; повалил дым, сплелся в облачко, сгустился и обернулся демоном. Не особенно свирепым на вид — рожки чисто условные, на хвосте вместо острого шипа мягкая кисточка. Более того, он носил очки, завезенные, должно быть, из Обыкновении, где такие штучки широко применялись для улучшения зрения слабовидящим туземцам. Так, во всяком случае, гласят легенды. Бинк чуть не расхохотался — надо же, близорукий демон!

— О Борегар,— гнусил между тем Хамфри.— Властию, данною мне Хартией, заклинаю тебя — поведай нам, каким магическим талантом обладает сей отрок, Бинк из Северной деревни, что в королевстве Ксанф...

Так вот в чем секрет волшебника — он заклинатель демонов. А пентаграмма нужна ему для того, чтобы выпущенный из бутылки демон за ее пределы не совался. Ведь даже демон-интеллигент — создание адское.

Борегар навел очкастый взгляд на Бинка.

— Зайди в мои пределы, чтобы я мог хорошенько разглядеть тебя,— сказал он.

— Не-а,— ответствовал Бинк.

— Э, да ты крепкий орешек,— заметил демон.

— Его характеристика меня не интересует! — пролаял Хамфри.— В чем его магия?

Демон сосредоточился:

— Чую магию... сильную магию... но...

Сильную магию! Надежды Бинка вспыхнули с новой силой.

— Но мне ее не постичь,— закончил Борегар и кисло покосился на волшебника: — Прости, придурок. В этот раз ничего у меня не вышло.

— Тогда пошел вон, недоучка! — рявкнул Хамфри и громко хлопнул в ладоши. Должно быть, он привык к оскорблениям как к неотъемлемой части жизненного уклада. Тогда Бинку, можно считать, повезло.

Демон превратился в струйку дыма, дым всосался в бутылочку. Бинк вгляделся в пузырек, пытаясь разобрать, что там. Крохотная фигурка, склонившаяся над книгой? Или померещилось?

Теперь на Бинка глазел волшебник:

— Значит, сильная магия, которую не постичь... Ты знал про нее? Просто от нечего делать сюда притащился?

— Нет,— сказал Бинк.— Я вообще не замечал за собой никакой магии. Она ни в чем нигде не проявлялась. Надеялся, конечно... но боялся, что ее вовсе нет.

— И чем, по-твоему, можно объяснить такую скрытность? Наговором каким-нибудь?

Да, не всемогущ оказался волшебник! Но это Бинка уже не удивило: теперь он знал, что Хамфри — заклинатель демонов. Тогда все становится на места. Никто не станет вызывать демона, не имея на то серьезных оснований. Волшебник потому дерет с клиентов три шкуры, что здорово рискует шкурой собственной.

— Ничего я не знаю,— сказал Бинк.— Разве что хлебнул я тут намедни волшебной водицы, так, может, она как-нибудь...

— Это бы Борегара не обмануло. Демон он грамотный, крупный исследователь магии... У тебя с собой этой водицы случайно нет?

— Случайно есть.— Бинк протянул волшебнику фляжку.— Приберег немного. Заранее ведь не знаешь, когда пригодится.

Хамфри взял фляжку, вылил капельку целебной воды на ладонь, потрогал языком и состроил задумчивую гримасу.

— Состав обычный,— сказал он.— Познавательной магии не препятствует. У меня в погребе целый бочонок этого добра. Самолично изготовил. Только моя водица лучше, чем в источнике, без всяких там эгоистических выкрутасов. Ладно, дер-

жи, может пригодиться.— Волшебник взял указку, висящую на шнурке возле настенной картинки с изображениями улыбающегося херувима и хмурого дьявола.— Поиграем в вопросики-ответики.

Он начал водить руками, творя заклинание, и Бинк понял, что поторопился с выводами: Хамфри хоть и остается специалистом по информации, умеет не только демонов вызывать.

— Бинк из Северной деревни,— нараспев произнес волшебник.— Настроились на него.

Указка ткнула в херувима.

— Есть у него магия?

Снова херувим.

— Сильная магия?

Херувим.

— Ты можешь дать ей точное определение?

Херувим.

— Ты скажешь мне, в чем она заключается?

Указка развернулась к дьяволу.

— Это еще что такое?! — раздраженно крикнул Хамфри.— Погоди, идиотина,— это не вопрос, а восклицание. Не пойму я, с чего вы, духи, мнетесь.— Он закончил сеанс сердитыми пассами и обернулся к Бинку: — Что-то тут не то. Сильно не то. Но мне стало интересно. Применю-ка я к тебе чары правдивости. Глядишь, и до истины докопаемся.

Волшебник вновь взмахнул короткими ручонками, пробормотал какие-то неласковые вирши — и на Бинка накатило непонятное чувство. Такой чудной магии — с жестами, словами, устройствами всякими — ему еще не встречалось; он привык к врожденным талантам, которые работают, когда пожелает их обладатель. Добрый же волшебник смахивал на *ученого* — правда, смысл этого обыкновенного слова Бинк тоже не вполне понимал.

— Кто ты такой? — сурово вопросил волшебник.

— Бинк из деревни Северянка.

Это была сущая правда, но Бинк произнес ее не по своей воле, а находясь под воздействием чар.

— Зачем ты пришел сюда?

— Чтобы узнать, есть ли у меня магия, и если есть, то какая. Чтобы меня не изгнали из Ксанфа и позволили жениться на...

— Довольно. Меня не интересуют пикантные подробности.— Волшебник покачал головой.— Значит, ты с самого начала правду говорил... Так, загадок прибывает, интрига все крепчает. Теперь скажи мне — в чем твой талант?

Бинк открыл рот, поскольку чары принуждали его говорить. Но тут раздался оглушительный звериный рев. Волшебник недоуменно моргнул:

— А-а, это мантикора проголодался. Сеанс прерывается. Сиди здесь, а я пойду задам ему корму.

Надо же, в какой неподходящий момент проголодалось страшилище! Но Бинк не стал винить волшебника в излишней торопливости. Если чудище разнесет клетку и вырвется...

Бинк оказался предоставлен сам себе. Он прошелся по комнате, аккуратно обходя груды мусора, ни к чему не прикасаясь. Подошел к зеркалу.

— Свет мой, зеркальце, скажи да всю правду доложи,— балуясь, начал он.— Кто на свете всех милее, всех румяней и белее?

Зеркало затуманилось, потом прояснилось... На Бинка вылупился громадный краснорожий и пьяный в стельку сатир, весь извалянный в муке. На лбу сатира красовалась корявая татуировка «ВСЕХМЕЛЕИ». Бинк подскочил, но тут же понял, что зеркальце это — волшебное. Оно поняло просьбу Бинка излишне буквально.

— Нет, я имел в виду человека, женщину, самую красивую на свете,— пояснил он.

Теперь на него из зеркала смотрела Сабрина. Сначала Бинк обратился к зеркалу в шутку, но ему сразу следовало бы понять, что оно-то воспринимает его со всей серьезностью. Неужели Сабрина и вправду самая красивая на свете? Говоря объективно, пожалуй, нет. Зеркало показало ее потому, что таковой она была на необъективный взгляд Бинка. Будь на его месте другой...

Картинка тут же изменилась. В зеркале появилась красотка Синн. Вот уж действительно красавица, правда, глупа сверх всякой меры. Хотя кой-кому из мужчин это пришлось бы очень даже по душе. Но с другой стороны...

Зеркало показало чародейку Ирис — в самом соблазнительном из ее обличий.

— Ну что, Бинк, не пора ли возвращаться ко мне? — спросила чародейка.— Со мной ты мог бы...

— Нет! — воскликнул Бинк, и зеркало опустело.

Успокоившись, он вновь приблизился к зеркалу.

— Ты можешь отвечать на другие вопросы тоже? — Конечно может. А то с чего бы Хамфри его сюда повесил?

Зеркало затуманилось и вновь прояснилось. В нем появилось изображение херувима. Значит, «да».

— Почему мы никак не можем обнаружить мой талант?

Зеркало показало ногу, точнее лапу. Обезьянью лапу. Бинк долго глядел на нее, пытаясь сообразить, к чему бы это, но так и не понял. Наверное, зеркало запуталось в его вопросах и показало не ту картинку.

— В чем мой талант? — спросил он наконец.

И зеркало треснуло.

— Чем это ты тут занимаешься? — незаметно подойдя сзади, поинтересовался волшебник.

Бинк виновато вздрогнул:

— Я... кажется, я зеркало твое разбил... Я только...

— Ты только задавал ему идиотские лобовые вопросы. А этот прибор требует обращения деликатного,— недружелюбно сказал Хамфри.— С чего ты взял, что зеркало откроет тебе то, что не смог открыть даже Борегар?

— Я больше не буду...— смущенно пробубнил Бинк.

— Одни неприятности от тебя. Но случай твой интересный. Давай продолжим.— Волшебник повторил пассы и заклинания, восстанавливая чары правдивости.— В чем твой...

Дзынь! Из треснувшего зеркала вывалился кусок стекла.

— Не тебя спрашиваю! — заорал волшебник на зеркало и снова обратился к Бинку: — В чем...

Земля задрожала. Замок заходил ходуном.

— Землетрясение! — воскликнул волшебник.— Все зараз! — Он пересек лабораторию и выглянул в узкое окно: — Нет, это Йети прошел, только и всего.— Волшебник вернулся к Бинку и долго, прищурившись, разглядывал его.— Случайным совпадением тут и не пахнет. Что-то не позволяет ни тебе, ни чему

другому ответить на этот вопрос. Какая-то сильная и непонятная магия. Магия волшебникового уровня. Я думал, что из ныне живущих таким уровнем обладают только трое, но похоже, есть и четвертый.

— Трое?

— Хамфри, Ирис, Трент. Но у каждого из нас магия совершенно иного типа.

— Трент! Злой волшебник?

— Ты, пожалуй, можешь называть его злым. Я его таким не считаю. Мы были друзьями, в некотором роде. На нашем уровне существует такой особый вид дружбы...

— Но Трента изгнали двадцать лет назад!

Хамфри покосился на Бинка:

— По-твоему, изгнание и смерть — одно и то же? Трент живет в Обыкновении. Мои сведения за щит не простираются, но я не сомневаюсь, что Трент жив. Это выдающийся человек. Но сейчас он лишен магии.

— Ах вот как...

В душе изгнание для Бинка было равносильно смерти. Волшебник вовремя напомнил ему, что жизнь есть и за щитом. Ему все равно не хотелось отправляться туда, но мрачности у такой перспективы слегка поубавилось.

— Мне крайне досадно, но я не смею продолжать поиски твоего таланта. От столь сильных магических препон я не защищен должным образом.

— Но зачем кому-то понадобилось мешать мне узнать мой же талант? — недоуменно спросил Бинк.

— Да знаешь ты свой талант! Знаешь, только понять не можешь. Это знание запрятано в тебе, и очень глубоко запрятано. И похоже, там и останется. Я просто не готов пойти на подобный риск за жалкий год службы. Убыточная сделка получается.

— Но зачем какому-то могущественному волшебнику... То есть я хотел сказать, я же никто! Какая кому-то польза от того, что я не...

— Возможно, не кто-то, а что-то наложило на тебя заклятие. Заклятие неведения.

— Но зачем?

Хамфри поморщился:

— Вот заладил! Может, твой талант косвенно угрожает чьим-то интересам. Как серебряный меч дракону, даже если этот меч от дракона далеко. Так это могущественное нечто защищает себя, перекрывая тебе путь к познанию собственного таланта.

— Но...

— Знай мы, что это за нечто, мы бы узнали, в чем твой талант,— отрезал Хамфри, отвечая на незаданный вопрос.

Но Бинк не отставал:

— Тогда как мне доказать, что у меня есть талант? Без этого меня в Ксанфе не оставят.

— М-да, положение твое затруднительное,— заметил Хамфри, пожимая плечами. Судя по тону, данный вопрос представлял для него сугубо академический интерес.— Я бы тебе ответил, если мог. Само собой, плату за услуги я с тебя не возьму, поскольку оказал их не в полном объеме. Дам-ка я тебе записочку для короля. Возможно, он разрешит тебе остаться. Вроде бы в своде законов говорится, что каждый гражданин Ксанфа должен обладать магией, но ни слова не говорится, что он обязан эту магию демонстрировать публично. Иногда такие демонстрации даже запрещаются официально. Помню я, например, одного молодого человека, который мог произвольно изменять цвет собственной мочи. Так ему велели справку принести, а публичный показ отменили.

Потерпев неудачу, волшебник стал намного обходительнее. Даже угостил Бинка очень вкусным черным хлебом из личного сада и молоком коровьих мушек, а за едой завел чуть ли не светскую беседу:

— Ты не представляешь, сколько народу приходит сюда с совершенно пустяковыми вопросами. Часто загвоздка не в том, чтобы найти ответ, а в том, чтобы найти правильный вопрос. Твое дело — первое по-настоящему интересное за много лет. А перед этим было... дай-ка припомнить... ага, амарант, цветок неувядаемый. Фермер один захотел узнать, как вывести такое растение, чтоб круглый год урожай давало — и вершки, и корешки. Чтобы, значит, и семейство прокормить, и на прочие радости жизни денежки водились. Указал я ему, где найти волшебный амарант, так теперь цветочек этот по всему Ксанфу

выращивают и даже за пределами, вроде бы из него, кстати, и хлеб готовят, от настоящего не отличить.— Волшебник запустил руку в ящик стола и вытащил непривычной формы краюху.— Видишь, черенка нет. Этот хлеб в печке пекли, а не с дерева сняли.— Он отломил кусочек и протянул Бинку, который с удовольствием принял его.— Хороший был вопрос! От ответа выиграл и весь Ксанф, и тот, кто вопрос задал. А у многих желания, наоборот, вроде обезьяньей лапы.

— Обезьяньей лапы?! — воскликнул Бинк.— Когда я волшебное зеркало спрашивал, оно мне показало...

— А как же? В одной обыкновенной книжке про эту лапу написано. Там это за выдумку считают. Но у нас в Ксанфе такая магия существует.

— Но что...

— Ага, решил все-таки послужить у меня годик?

— Нет, только не за это.

Бинк принялся сосредоточенно жевать непривычный хлеб. Нет, все-таки обычный хлеб мягче.

— Тогда получай ответ бесплатно. Обезьянья лапа — это талисман такой, безотказно выполняет любое желание владельца, но так, что владельцу от этого одно горе. Нам такой магии лучше и не знать!

Может, и Бинку лучше не знать про свой талант? Не на это ли намекало зеркало? Но можно ли вообразить, чтобы ссылка, в которой он вообще лишится магии, оказалась предпочтительнее знания?

— А вообще много народу приходит с вопросами?

— Раньше много приходило. С тех пор как я замок построил и спрятал его, поменьше стало. Дорогу сюда находят только самые отважные. Вроде тебя.

— А как ты его построил? — спросил Бинк, пользуясь минутной словоохотливостью волшебника.

— Мне его кентавры построили. Блохи им житья не давали, а я научил, как блох этих извести, и они год на меня работали. Строители они отличные, справились неплохо. Время от времени я тут все дорожки путаю заблудными заклинаниями, чтоб гости приблудные не досаждали. Одним словом, славное местечко.

— А монстры! — воскликнул Бинк.— Гипподер, мантикора — они тоже годовой срок мотают, отпугивают лишних просителей?

— Разумеется. По-твоему, они стали бы торчать здесь из чистого любопытства?

Бинк не знал, как ответить. Вспомнился ему непотребный жеребячий восторг, с которым болтался по рву морской конь. И все же тот явно предпочел бы этой канаве открытое море.

Бинк дожевал хлеб, который и в самом деле не многим уступал настоящему.

— С твоими силами ты мог бы... мог бы стать королем!

Хамфри рассмеялся, весело, без всякой горечи:

— Кто, находясь в здравом уме, захочет быть королем, скажи на милость? Работа эта нудная и утомительная, а я ученый, не администратор. Сижу себе, шлифую магию, повышаю ее безопасность и прицельность, применимость расширяю. Работы невпроворот, а я старею. Некогда мне на всякие пустяки отвлекаться. А корону пусть носят те, кому этого хочется.

Озадаченный Бинк принялся соображать, кому бы хотелось стать королем:

— Чародейка Ирис...

— Когда работаешь с иллюзиями, невольно начинаешь иллюзиями жить,— серьезно заявил Хамфри.— Ирис нужна не власть, а хороший муж.

Этого Бинк оспаривать не стал бы.

— Почему же она не выйдет замуж?

— Она чародейка, и сильная. О ее истинных способностях ты и представления не имеешь. Ей нужен такой мужчина, которого она могла бы уважать, у кого магия еще сильнее, чем у меня. Во всем Ксанфе я один такой остался. Но я принадлежу к другому поколению и, даже если бы хотел жениться, для нее староват буду. К тому же из нашего брака все равно не вышло бы ничего путного: наши таланты противоположны друг другу. Я работаю с истиной, она — с иллюзией. Я слишком много знаю, она слишком много фантазирует. Вот она и высматривает себе пару среди тех, у кого талант послабее, и внушает себе, что из этого что-нибудь получится.— Хамфри покачал головой: — Жаль, честное слово. Король дряхл, официального пре-

смника нет, а тут еще этот закон, что королем может быть только настоящий волшебник... Отнюдь не исключено, что трон падет жертвой ее махинаций. Не все же молодые люди отличаются твоей порядочностью и преданностью Ксанфу.

Бинк похолодел. Хамфри знает о предложении Ирис, об их встрече. Волшебник не только отвечает на вопросы за определенную плату, он еще и все происходящее в Ксанфе отслеживает. Но вмешиваться вроде не жаждет. Просто наблюдает. Возможно, пока очередной посетитель разбирается с гипподером, с дверью, с мантикорой, он изучает его подноготную, чтобы быть готовым, когда тот прорвется в замок, преодолев все препятствия. Возможно, запасается информацией на тот случай, если кто-нибудь спросит: «Какая самая большая опасность угрожает Ксанфу?» Тогда-то он ответит и с чистой совестью заберет гонорар.

— Если король умрет, ты сядешь на трон? — спросил Бинк.— Ты же сам сказал, что королем может быть только волшебник, а ради блага Ксанфа...

— Ты задаешь вопрос немногим проще того, что привел тебя сюда,— со вздохом ответил волшебник.— Некая толика патриотизма есть и у меня, но я сторонник политики невмешательства в естественный ход событий. В этой истории про обезьянью лапу есть своя правда, за всякую магию приходится платить. Наверное, если совершенно не останется никаких других вариантов, мне придется принять корону, но прежде я не пожалею сил и разыщу толкового волшебника, чтобы принял эту обузу на себя. Таланта высшей пробы у нас не появлялось целое поколение. Давно пора.— Он задумчиво посмотрел на Бинка: — Магия такого уровня каким-то образом ощущается в тебе. Но раз мы не можем определить твой талант, то не можем и употребить его. Поэтому я сомневаюсь, что из тебя получится наследник престола.

От изумления Бинк хихикнул:

— Я? Ты же оскорбляешь престол.

— Нет. В тебе есть качества, которые сделают престолу честь. Жаль только, что магию твою не распознать и управлять ею ты не умеешь. Видно, чародейка, сама того не ведая, сделала весьма удачный выбор. Но определенно есть и контрмагия, кото-

рая препятствует тебе. Сомневаюсь, правда, что из обладателя этой контрмагии получился бы хороший король Ксанфа. Вообще, странное дело, очень, очень любопытное...

Бинку понравились слова Хамфри о том, что он, Бинк,— сильный волшебник, мог бы стать королем и править Ксанфом. Но пыл его тут же охладел. В глубине души он знал, что не обладает нужными для этого качествами, что бы там ни говорил волшебник. Дело же здесь не только в магии, а в жизненных ценностях — и в честолюбии. Он никогда не смог бы приговорить человека к смерти или к изгнанию, сколь бы обоснованным ни был такой приговор; встать во главе армии и повести ее в бой; весь день разбираться с жалобами граждан друг на друга. Такая непомерная ответственность очень скоро придавила бы его.

— Ты прав. Ни один разумный человек не захотел бы стать королем. Я хочу всего лишь жениться на Сабрине и жить своим умом.

— Чрезвычайно здравомыслящий юноша. Переночуй у меня, а завтра утром я покажу тебе прямую дорожку до дому, защищенную от всех напастей.

— И от полушек? — с надеждой спросил Бинк, припомнив все овражки, через которые перескакивала кентаврица Чери.

— Вот именно. Но все же голову держи при себе. Для дурака безопасных дорог не бывает. Пешком за два дня дойдешь.

Бинк остался на ночлег. Ему начали нравиться замок и его обитатели; даже мантикора, получив от волшебника соответствующие указания, вел себя очень любезно.

— Конечно, есть тебя по-настоящему я не стал бы, но, признаюсь, искушение было велико, особенно когда ты пнул меня в... в хвост,— поведало страшилище Бинку.— Работа у меня такая — пугать тех, кто пришел с несерьезными намерениями. Видишь, никто меня в клетке не держит.— Мантикора толкнул решетку внутренних ворот, и они широко распахнулись.— Все равно мой год скоро кончается. Мне даже жалко, что так скоро.

— А с каким вопросом ты пришел? — несколько напряженно спросил Бинк, стараясь ничем не выдать, что изготовился бежать со всех ног. На открытом пространстве ему с мантикорой не потягаться.

— Я спросил, есть ли у меня душа,— без всякого юмора ответило чудище.

И вновь Бинку пришлось напрячься, чтобы скрыть свою реакцию. Год службы за такой философский вопрос?

— И что он тебе сказал?

— Что о душе думают только те, у кого она есть.

— Но... получается, что тебе и спрашивать не надо было. Ты год заплатил ни за что.

— Ошибаешься, этот ответ значил для меня все. Если у меня есть душа, значит, я никогда не умру окончательно. Тело мое исчезнет, но я буду рождаться снова и снова, а если и нет, то останется моя тень и довершит все мои земные дела. Или же я буду вечно жить в раю или в аду. Будущее мое обеспечено, и меня не ждет забвение. Более важного вопроса и придумать нельзя. И ответил на него волшебник в самой подходящей форме. Простым «да» или «нет» я бы не удовлетворился, посчитал бы, что он просто наугад сказал или чтобы отделаться. Развернутого ответа с массой технических подробностей я бы просто не понял. А Хамфри построил свой ответ так, словно это само собой разумеется. Теперь у меня никогда не возникнет сомнений.

Рассказ мантикоры убедил Бинка. Если подойти с такой позиции, то ответ Хамфри имел и смысл, и ценность. Волшебник поведал мантикоре — и Бинку тоже — нечто очень важное о самой жизни в Ксанфе. Если у самых свирепых чудовищ, возникших от смешения нескольких видов, есть душа и все, что наличие души предполагает, то можно ли считать их порождениями зла?

Глава 7

ИЗГНАНИЕ

Дорожка была широкая и чистая — ни малейшего признака посторонней магии. И только при виде одного места Бинк не на шутку встревожился — деревья стояли все в дырочках, словно прогрызенные червями, и такие же дырки были в камнях. Сквозные. Здесь побывали вжики!

Но Бинк заставил себя успокоиться. Конечно же, ему повстречались старые следы пребывания вжиков — эту напасть извели давным-давно. Но те места, где они успели побывать, представляли собой ужасное зрелище. Эти маленькие летающие червяки магическим образом просверливали все, что попадалось им на пути, не исключая людей и животных. Дерево еще выживет с несколькими маленькими аккуратными дырочками, а вот человек умрет от потери крови, даже если вжики не пробьют какой-нибудь жизненно важный орган. От одной этой мысли Бинк содрогнулся. Он надеялся, что вжики никогда больше не появятся в Ксанфе, но полной уверенности не было. Если дело касается магии, полной уверенности не может быть никогда.

Он зашагал быстрее, растревоженный увиденным. Через полчаса он добрался до Провала — и точно, там оказался тот самый невероятный мост, о котором ему говорил добрый волшебник. В существовании моста Бинк убедился, бросив в пропасть пригоршню земли и понаблюдав за ее падением,— в одном месте она будто обогнула что-то. Эх, знать бы о таком мосте по пути сюда! Но конечно, все дело в информации. Без нее у человека возникают невероятные осложнения. Кто бы мог подумать, что существует невидимый мост через весь Провал?

Но долгая дорога в обход пропасти оказалась для Бинка вовсе не бесполезной. Он и в судебном разбирательстве поучаствовал, и тени помог, стал свидетелем потрясающих иллюзий, спас солдата Кромби и вообще узнал много нового о земле Ксанфа. Повторить этот путь он, естественно, не хотел бы, но пережитое многому его научило.

Он ступил на мост. Волшебник предупредил его, что при переходе надо соблюдать одно условие: оказавшись на мосту, ни в коем случае нельзя поворачивать назад, иначе мост дематериализуется, и полетишь в бездну вверх тормашками. Это переправа в одну сторону, и существует она только впереди идущего. Бинк смело пошел по мосту, а под ним раскрывалась мрачная пропасть. Но рука его крепко сжимала невидимый поручень.

Один раз он все же рискнул взглянуть вниз. В этом месте дно ущелья резко сужалось, практически превращаясь в рас-

щелину. Провальному дракону там не разбежаться, но и человеку оттуда не выбраться. Если насмерть не расшибешься, свалившись с отвесной стены, от голода и холода концы отдашь. А если и повезет преодолеть это ущелье и выйти на более удобное место, так там тебя дракон сцапает.

Бинк пересек Провал. В первую очередь для этого потребовались уверенность в себе и точная информация. Только уже прочно стоя на земле, он позволил себе оглянуться. Само собой, он не увидел никакого моста и никаких подходов к нему. Второй раз перейти Провал он, пожалуй, не рискнул бы.

Нервное напряжение отпустило его, и он тут же захотел пить. Невдалеке от тропки он увидел родник. От тропки? Мгновение назад не было здесь тропки! Бинк вновь оглянулся на Провал — и оттуда никакой тропки не тянулось. А, понятно — тропинка ведет от моста, а не к мосту. Обычная дорожка в один конец. Бинк подошел к роднику. Во фляжке у него была вода, но то была вода из Целебного источника, и он не пил ее, приберегая для будущих надобностей.

От родника по извилистому руслу прямо в Провал сбегал тоненький ручеек. По берегу густо произрастали виды, ранее Бинку не попадавшиеся: ясень с кленовыми листьями, калинка-малинка. Странновато, конечно, но вроде неопасно. Бинк внимательно осмотрелся — мало ли какое зверье может обретаться у водопоя? Потом он лег на живот, намереваясь припасть губами к манящей поверхности воды.

Но едва он опустил голову, наверху раздался переливчатый клекот. «Эй, пожале-е-ешь!» — послышалось ему в этом клекоте.

Бинк поглядел вверх и увидел среди ветвей что-то птицеобразное, должно быть, разновидность гарпии. У твари были полные женские груди и свернутый колечком змеиный хвост. Ничего страшного, если только очень близко не подпускать.

Он вновь наклонил голову к воде и тут услышал шорох, совсем близко. Бинк вскочил, выхватил нож, крадучись сделал несколько шагов и замер от изумления, разглядев сквозь ветви нечто невероятное: в отчаянной схватке сплелись два существа — грифон и единорог, самец и самка, и они... они не дрались, а...

Покраснев от стыда и возмущения, Бинк отступил на шаг. Срам какой! Они же относятся к разным видам!

Преисполненный отвращения, он вернулся к ручью и заметил свежие следы. И грифон, и единорог пришли на водопой не более часа назад. Наверное, перешли через мост, подобно ему самому, а тут как раз источник! Так что вряд ли вода здесь ядовитая...

И тут он сообразил: да это же источник любви! Каждый, кто попьет этой водички, моментально втрескается в первое попавшееся существо и...

Бинк покосился на грифона с единорогом. Они все так же самозабвенно предавались любви.

Он попятился от ручья. И подумать страшно, что было бы, если бы он попил... Он содрогнулся. Жажды как не бывало.

— Эй, а что не пьешь-то? — проворковала гарпия.

Бинк поднял камень и запустил в нее. Она каркнула и с хриплым смехом перелетела на ветку повыше, едва не окатив Бинка струей едкого помета. Нет на свете ничего противней гарпии.

Что ж, добрый волшебник предупреждал его, что на обратном пути тоже возможны неприятности. Одна из них и есть, должно быть, этот источник, который волшебник не счел достойным отдельного упоминания. А вот когда Бинк выйдет на тропу, по которой начал это памятное путешествие, тогда начнутся знакомые гадости вроде тех дремучих сосен...

Кстати, а как через них пройти? В Дремучий лес надо заходить в обществе врага, но где его взять, врага-то?

Бинку пришла в голову блестящая мысль.

— Эй, курья башка! — крикнул он в густую листву.— Держись от меня подальше, а то хвост твой вонючий в глотку тебе заткну!

Гарпия ответила фейерверком ругательств. Ах, какой богатый лексикон! Бинк швырнул в нее еще один камень:

— Предупреждаю — не смей лететь за мной!

— До самого щита от тебя не отстану! — проскрежетала она.— От меня не избавишься!

Бинк улыбнулся про себя. Он обзавелся подходящим попутчиком. Он зашагал дальше, время от времени уворачиваясь от дерьма, которым осыпала его гарпия, и уповая на то, что ее

ярость выведет его из Дремучего леса. Ну а потом... потом видно будет.

Вскоре Бинк вышел на дорогу, по которой он несколько дней назад двигался на юг. Ради интереса Бинк посмотрел вдоль дороги — видно в оба конца. А вот в том направлении, откуда он только что пришел, виднелся лишь густой лес, и никакой тропинки. Он шагнул туда, где проходил совсем недавно,— и оказался по колено в зарослях колючих фонариков. Кустики сразу принялись искрить и цапать его за ноги, и потребовалась немалая осторожность, чтобы выкарабкаться из них без царапин. Гарпия смеялась так, что чуть с ветки не бухнулась.

В этом направлении не было вообще никакой тропки. Но как только Бинк развернулся, она тут же появилась, перерезая по прямой заросли фонариков и сливаясь с главной тропой. Ну и ладно! Надо ли вообще забивать голову такими вещами? Магия — она магия и есть, и логика у нее своя. Это всем известно.

Бинк шел весь день, миновал рыбный ручей...

— Эй, гарпия, водички не желаешь?

Но она, похоже, знала о чарах ручья, превращающих каждого испившего в рыбу, и ответила на предложение Бинка удвоенным потоком грязной брани.

Дремучие сосны...

— Как насчет вздремнуть, гарпия?

Канава с полушками...

— Тебе перекусить не принести?

Самого-то Бинка защищал магический отворот, данный волшебником, так что ни одной полушки он и не увидел.

Ближе к ночи он остановился у фермерского домика на территории кентавров. Тут гарпия наконец-то отстала от него — не захотела, видно, под кентаврову стрелу подставляться. В домике обитала пожилая чета миролюбивого нрава, живо интересующаяся всякими новостями. Кентавры с жадностью выслушали рассказ Бинка о его приключениях в Провале и посчитали это достаточной платой за стол и кров. С ними жил резвый внучонок-жеребчик лет двадцати пяти, то есть ровесник Бинка, однако по человеческим меркам ему выходило от силы восемь. Бинк поиграл с малышом, показал стойку на руках — этот фо-

кус ни одному кентавру не под силу, так что парнишка остался в полном восторге.

Утром Бинк отправился дальше на север. Гарпия так и не показалась. Благодать! Эта тварь так ему осточертела, что он даже предпочел бы рискнуть пройти Дремучим лесом в одиночку. От ее брани у него до сих пор уши ныли. Он спокойно миновал земли кентавров и к вечеру оказался возле Северянки.

— Эй, нечудь приперся! — крикнул Пшик.

Под ногами у Бинка возникла яма, и он поневоле споткнулся. Да, из Пшика вышел бы замечательный попутчик в Дремучем лесу... Бинк не стал обращать внимания на другие ямы и двинулся к дому. Вот и вернулся. И куда торопился, спрашивается?

Испытание состоялось на следующее утро на центральной площади, на пятачке, огороженном полукругом королевских пальм. Скамейками служили узловатые горизонтальные стволы скамеечных кипарисов. По углам росли четыре медовых клена. Это место всегда нравилось Бинку. Но сегодня тут было неуютно. Сегодня тут судилище.

Председательствовал старый король. Это входило в его должностные обязанности. Он был облачен в расшитую самоцветами мантию и золотую корону. В руках он держал резной скипетр — символ королевской власти. При звуке фанфар все согнулись в глубоком поклоне. От такого великолепия Бинка прошибла благоговейная дрожь.

У короля была внушительная грива седых волос и длинная борода, но взгляд бессмысленно шарил по сторонам. Время от времени слуга почтительно подталкивал короля, чтобы его величество не заснул ненароком и не забывал о ритуале.

Для начала король исполнил церемониальный магический обряд и вызвал бурю — вознес вверх руки, усыпанные пигментными пятнами, и забормотал заклинания. Наступила полная тишина, и, когда уже все решили, что фокус не удался, по поляне пронесся ветерок и шевельнул несколько листочков на деревьях.

Все промолчали, хотя было ясно, что ветерок вполне мог примчаться и сам по себе. Бурей здесь и не пахло. Но иные из

дам верноподданно раскрыли зонтики, а церемониймейстер поспешил перейти ко второму этапу.

Роланд и Бьянка, родители Бинка, сидели в первом ряду. Там же находилась и Сабрина, столь же прекрасная, как и прежде. Роланд перехватил взгляд Бинка и ободряюще кивнул, у Бьянки в глазах стояли слезы. Сабрина не поднимала головы. Все они боялись за него. И не без оснований.

— Какой талант ты предъявишь нам, дабы подтвердить твое гражданство? — спросил Бинка церемониймейстер. Это был Манли, друг Роланда. Бинк знал, что Манли от души желает помочь ему, но обязан неукоснительно соблюдать ритуал.

Надо было отвечать.

— Я... я не могу предъявить его,— сказал Бинк.— Но у меня есть письмо доброго волшебника Хамфри, удостоверяющее наличие таланта.

Он дрожащей рукой протянул письмо. Церемониймейстер взял письмо, бегло проглядел и передал королю. Король прищурился, но глаза у него так слезились, что он не мог разобрать ни слова.

— Как видите, ваше величество,— тихо и почтительно проговорил Манли,— это послание от волшебника Хамфри, скрепленное магической печатью.— На печати изображалось неведомое ластоногое существо, жонглирующее на носу мячиком.— В нем говорится, что этот человек обладает неустановленным магическим талантом.

Мутные глаза старого монарха на мгновение прояснились, в них сверкнул былой огонь.

— Это ничего не значит,— пробубнил он.— Хамфри не король. Король я!

Он выронил бумажку. Она упала на землю.

— Но...— попытался возразить Бинк.

Церемониймейстер предостерегающе покосился на него, и Бинк понял, что дело безнадежно. Король глупейшим образом ревнует к волшебнику Хамфри, чья магия остается по-прежнему сильной, и к рекомендациям волшебника прислушиваться не намерен. Так или иначе, король свое слово сказал, и любые споры только ухудшат положение.

Но тут у Бинка возникла мысль.

— Я привез королю подарок,— сказал он.— Воду из Целебного источника.

Взор Манли просветлел.

— У тебя есть волшебная вода? — Перспектива обрести дееспособного короля его явно обрадовала.

— Во фляжке,— ответил Бинк.— Я сберег ее. Видите, у меня палец отрубленный вырос.— Он поднял левую руку.— Вода и простуду мою излечила, и еще я видел, как она другим помогает. Исцеляет все и сразу.— О сопутствующих обязательствах он предпочел умолчать.

Манли умел перемещать небольшие предметы.

— С твоего позволения...

— Разумеется,— поспешно заверил Бинк.

В руке церемониймейстера тут же появилась фляжка Бинка.

— Это она?

— Да.— У Бинка впервые появилась надежда.

Манли вновь приблизился к королю.

— Бинк принес подарок для вашего величества,— провозгласил он.— Волшебную воду.

Король взял фляжку.

— Волшебную воду? — переспросил он, явно ничего не поняв.

— Она вылечивает все болезни,— заверил его Манли.

Король поглядел на фляжку. Один глоток — и он сумеет самостоятельно прочесть письмо волшебника, сможет снова вызывать убедительные бури, принимать разумные решения. И тогда участь Бинка решится совсем иначе.

— Намекаешь, что я болен? — грозно спросил король.— Никакого лечения мне не надо! Я здоров как никогда!

Он перевернул флягу горлышком вниз, и драгоценная жидкость пролилась на землю.

Будто не вода пролилась, а кровь из жил Бинка. Последняя надежда погибла у него на глазах, погибла из-за королевского маразма, который он как раз и порывался излечить. Мало того, теперь у него не осталось воды и для собственных нужд. В случае чего он и исцелиться не сможет.

Уж не мстит ли ему источник за дерзость? Сначала подразнил победой, а потом увел ее из-под носа! Как бы там ни было, а Бинк все равно пропал.

Манли тоже понял это. Он нагнулся, подобрал фляжку, и она исчезла из его руки, переместившись в рюкзак Бинка.

— Прости меня,— шепнул он и тут же выкрикнул: — Покажи свой талант!

Бинк напрягся, сосредоточился, мысленно приказывая своей неведомой магии сломать заклятие и проявиться. Хоть как-нибудь! Но ничего не произошло.

Он явственно услышал всхлип. Сабрина? Нет, мать, Бьянка. Роланд сидел с каменным лицом, кодекс чести не позволял ему выказать личную заинтересованность. Сабрина так и не посмотрела на Бинка. А кое-кто, наоборот, пялился во все глаза, злорадно ухмыляясь. Пшик, Зяма и Керогаз. Теперь у них имелись все основания чувствовать собственное превосходство — они-то талантливы, не нечудь какая-нибудь.

— Не могу,— прошептал Бинк.

Это конец.

И опять он в пути — на сей раз направляясь на запад, к перешейку. С новым посохом, с топориком, с ножом. Во фляжке булькает вода, простая, не волшебная. Бьянка наготовила ему в дорогу своих восхитительных бутербродов, щедро приправленных слезами. От Сабрины он не получил ничего — после решения короля он вообще ее не видел. Закон Ксанфа позволял изгнаннику взять с собой лишь столько, сколько он может без труда унести. И никаких ценностей — чтобы не привлекать лишнего внимания обыкновенов. Хоть щит и защищает Ксанф, бдительность не помешает.

В сущности, жизнь кончена. От родины его оторвали, лишили всего, чем он жил, что знал. Можно сказать, он теперь сирота. И чудес магии ему больше не видать. Теперь он навсегда прикован к чужой земле, к бесцветной и безликой Обыкновении.

Наверное, надо было принять предложение чародейки Ирис. Хоть бы в Ксанфе остался. Эх, знать бы наперед... Нет, пожалуй, он не передумал бы, даже если бы и знал, как все обернется. Есть такие вещи, которых делать нельзя. Нельзя — и все тут.

Но вот что странно — Бинк вовсе не ощущал себя совсем пропащим. Казалось бы, все потерял — родину, семью, неве-

сту, впереди одна неизвестность. А глянь, как бодро вышагивает!

Может, какие-то неведомые силы организма дух его поддерживают, чтобы даже и мысли о самоубийстве не возникало? Или даже полегчало, когда судьба его решилась наконец. Среди людей, наделенных магией, он был как урод. А теперь будет жить среди себе подобных.

Нет, не то. Никакой он не урод. Магия у него есть. Сильная магия, на уровне волшебника. Так ему Хамфри сказал, и он поверил. Просто он не может ею пользоваться. Вроде как человек, который умеет наводить тень на плетень, когда поблизости плетня и в помине нет. Непонятно, почему у него такая *глухая* магия, но все равно прав-то он, а король не прав. Что ж, тем, кто не на его стороне, только лучше будет без него.

Нет, и это не то. Родители его не пожелали преступить закон Ксанфа. Они хорошие, честные люди, и Бинк полностью разделяет их моральные ценности. Он и сам отказался преступить закон, когда его чародейка искушала. Роланд и Бьянка не могли ни отправиться с ним в изгнание, которого не заслужили, ни пойти на обман, помогая ему остаться на родине. Они поступили так, как считали правильным, пожертвовав при этом многим,— и Бинк гордился ими. Он знал, что они его любили и продолжают любить, но при этом никогда не мешали идти своим путем, не вмешивались... Может быть, поэтому у него такое необъяснимо приподнятое настроение?

А Сабрина? Что же в таком случае она? Тоже не пошла на обман. Но все же в ней он не чувствовал такой приверженности принципам, как в родителях. Она вполне может и обмануть, если на то будет веская причина. Беда Бинка не особенно ее тронула, и неглубокой оказалась ее любовь. Она его и полюбила-то потому, что решила, будто у таких одаренных родителей не может быть бездарного сына. А как выяснилось, что таланта нет, так и любовь прошла. Как человек он оказался ей не нужен.

Да и его любовь к ней, как выясняется, не так уж и велика. Она красива, спору нет, но как личность явно уступает той же Нусе. Нуса ушла тогда, потому что ее обидели, и решения своего менять не стала. Сабрина поступила бы так же, но совсем по

другой причине. Нуса не притворялась, она действительно разозлилась, и сильно. А Сабрина устроила бы из этого целый спектакль, эффектный, но лишенный настоящего чувства, потому что нет в ней настоящих чувств. Для нее важнее видимость, а не сущность.

Эта мысль тут же напомнила Бинку о чародейке Ирис — вот уж кто живет одной видимостью. Ну и бурный же у нее темперамент! Достойный уважения, поскольку только он и позволяет разглядеть истину, когда всему остальному веры уже нет. Но все-таки Ирис чересчур уж неистова. Чего стоит одна сцена с разрушением дворца, бурей и драконом!

Даже эта глупышка, как ее... Синн, даже она способна на сильное чувство. Бинк очень надеялся, что с его помощью ей удалось выбраться из Провала. Такая бесхитростная, естественная. А Сабрина — она постоянно притворяется, постоянно играет роль, поэтому и в любви ее нельзя быть уверенным до конца. Скорее она была для Бинка такой мысленной картинкой, на которую приятно посмотреть в трудную минуту. А жениться на ней он, если честно, и не хотел никогда.

Но понимать все это он начал, только отправившись в изгнание. Понимать, что в Сабрине нет того, чего ему нужно в девушке больше всего. Она красива, незаурядна, и магия у нее симпатичная. Все это очень хорошо, просто здорово — потому-то Бинк и вбил себе в голову, будто влюблен в нее. Но пришла беда — и Сабрина от него отвернулась. Глазом не повела в его сторону. И все стало ясно. Нет, правильно сказал солдат Кромби: дурак бы он был, если бы женился на Сабрине.

Бинк улыбнулся. Интересно, а как бы ужились Сабрина и Кромби? Чрезвычайно подозрительный и своенравный мужчина и чрезвычайно хитрая и переменчивая женщина. А вдруг именно врожденная свирепость солдата привлекла бы ее как увлекательная в силу своей сложности проверка ее способности приспособиться к чему угодно? А вдруг у них возникло бы стойкое влечение друг к другу? Это казалось Бинку не столь уж невозможным. Либо моментальная лютая ссора, либо совсем наоборот. Жаль, что им не суждено встретиться, а ему не суждено стать свидетелем такой встречи.

Жизнь Бинка в Ксанфе подходила к концу и потому особенно ярко проносилась в его сознании. Он теперь свободен, впервые в жизни свободен. Ему больше не нужна магия. И любовь больше не нужна. И Ксанф больше не нужен.

Его бесцельно блуждающий взгляд наткнулся на крошечное темное пятно на одном из деревьев. Бинк невольно вздрогнул. Следы вжика? Нет, самое обычное пятно. Он испытал небывалое облегчение — и тут же понял, что занимался самообманом: если бы Ксанф был ему действительно больше не нужен, то его ничуть не волновали бы вжики и прочее в таком роде. Ксанф ему *нужен!* Здесь прошла вся его юность. Но... здесь ему не жить.

Он приблизился к посту стража щита в полном смятении чувств. Как только он пройдет через щит, Ксанф и все его чудеса останутся в прошлом навсегда.

— Тебе чего надо? — спросил страж щита, крупный, толстый бледный юнец. При всей несолидности облика страж был важным элементом в той магической сети, которая защищает Ксанф от внешней угрозы. Ничто живое не может пройти через щит ни с той, ни с другой стороны. Но поскольку ни один из жителей Ксанфа не испытывал желания покинуть страну, щит преимущественно препятствовал проникновению в Ксанф из Обыкновении. Соприкосновение со щитом означало смерть — мгновенную, безболезненную и верную. Бинк представления не имел, отчего действует щит. Впрочем, отчего действует любая другая магия, он тоже не знал. Действует — и все.

— Изгнали меня,— сказал Бинк.— Тебе нужно через щит меня пропустить.

На жульничество пускаться он не собирался, уйдет как положено. Даже если бы он постарался избежать изгнания, ничего бы из этого не вышло. У одного из деревенских был талант точно определять местонахождение любого человека, и сейчас этот талант наведен на Бинка. Если Бинк сегодня не перейдет за щит, об этом станет известно.

Юнец вздохнул:

— Ну почему всякие сложности происходят именно в мою смену? Знаешь, как трудно открыть такую дырку, чтоб человек

мог пройти и при этом весь щит не поломать, к чертовой матери?

— Я про щит вообще ничего не знаю,— признался Бинк.— Но меня сам король изгнал, так что...

— Ну ладно. Только, понимаешь, не могу я к щиту тебя проводить, пост оставить нельзя. Дам я тебе чудесину, которая одну секцию на пять секунд отключает. Будь на месте и шагай сразу же, потому что замешкаешься под щитом — и труп.

Бинк сглотнул. Хоть и много думал о смерти, об изгнании, а вот дошло до дела, и жить хочется.

— Знаю...

— И ладненько. Камню-то волшебному все равно, кто живой, а кто помер.— Юный страж со значением похлопал по валуну, к которому прислонялся.

— В смысле, этот вот грязный булыган и есть волшебный? — спросил Бинк.

— А как же? Щитовой камень. Его тут почти век назад волшебник Эбнез установил и так настроил, чтобы щит получился. А без него нас бы и посейчас обыкновены доставали.

Про волшебника Эбнеза, одного из великих исторических деятелей, Бинк слыхал. Более того, этот Эбнез в их генеалогическом древе фигурировал. Он умел магическим образом изготовлять всякие нужные предметы, например, из железки кувалду сделать, из деревяшки — оконную раму. Из чего-то, что просто есть, что-то, что в хозяйстве пользу имеет. Но в определенных пределах. Так, сделать пищу из воздуха он не мог или костюм из воды. Но и то, что мог,— было уже поразительно. Взял и переделал мощный Смертный камень в Щитовой, чтобы убивал не в непосредственной близости, а на определенном заданном расстоянии. Тем и спас Ксанф. Есть чем гордиться!

— В общем, так,— сказал юнец,— держи секундомер.— Он стукнул о большой валун красным камешком, и камешек раскололся надвое. Обе половинки мгновенно побелели. Одну половинку страж протянул Бинку: — Когда покраснеет, дуй через щит. Обе половинки синхронизированы. Вон тот грецкий бук видишь? Дырка прямо перед ним откроется, но только на пять секунд. Так что изготовься и беги — на красный.

— На красный,— повторил Бинк.

— Вот именно. Давай бегом туда. Бывает, эти секундомеры вмиг зарастают. Я буду за своим следить, чтобы вовремя заклинание кинуть, а ты со своего глаз не спускай.

И Бинк припустил по тропке прямо на запад. Обычно расположиненный секундомер зарастает примерно за полчаса, однако время меняется в зависимости от качества камня, температуры и множества неизвестных факторов. Но обе половинки всегда меняли цвет одновременно, даже если одна находилась на солнце, а другая — в глубоком колодце... Опять же, к чему искать логику в магии? Есть — и все тут.

Но не для него. Для него всякая магия закончится здесь и сейчас. В Обыкновении ее не бывает.

Вскоре он оказался возле щита, точнее, возле следов его деятельности. Сам щит невидим, но в том месте, где он соприкасается с землей, видна полоска мертвой растительности — и трупы животных, у которых не хватило ума держаться от щита подальше. Иногда олени-попрыгунчики теряли ориентировку и перепрыгивали на обыкновенскую сторону, только приземлялись они уже мертвыми. Щит неощутим, но абсолютно непроницаем.

Иногда на него натыкались и обыкновенские существа. Каждый день с ксанфской стороны проходил наряд стражей — искали трупы, вытаскивали из-под щита те, которые лежали на самой полоске, хоронили честь честью. Можно было зацепить багром и то, что оказывалось за щитом,— главное, живым до щита не дотрагиваться. Работенка не из приятных, иногда на нее назначали в качестве наказания. Пока что трупы людей из Обыкновении стражам не попадались, но страх, что когда-нибудь попадется и начнутся большие неприятности, не проходил.

Впереди показался раскидистый грецкий бук. Одна из его ветвей упиралась в щит, и кончик ее был мертв. Должно быть, ветер за щит качнул. По дереву Бинк определил место, где надо было переходить.

И еще близ этой полоски смерти стоял особый запах, вызванный, должно быть, разложением крошечных существ — червяков в земле, насекомых, пролетевших через щит и гниющих теперь там, где они упали. Здесь властвовала смерть.

Бинк посмотрел на камешек, который держал в руках,— и вздрогнул. Камешек покраснел! Только сейчас? Или время уже истекало? От ответа зависела его жизнь.

Бинк бросился к щиту, зная, что разумно было бы возвратиться к стражу и объяснить, почему он опоздал. Но ему хотелось покончить с этим раз и навсегда. Может быть, его внимание привлекла именно перемена цвета у камня. Тогда время еще есть. И Бинк принял рискованное решение.

Одна секунда. Две. Три. А он еще не перешел! Щит, похоже, совсем рядом, но Бинк потратил время, принимая решение, раскачиваясь, набирая скорость. Он во весь дух — как бы не испустить! — промчался мимо грецкого бука. Теперь уже не затормозить! Четыре секунды — Бинк летел над полосой смерти. Если щит закроется, а Бинк не успеет убрать ногу, он весь умрет или только нога? Пять... Звон в ушах. Шесть... Нет, время вышло, хватит считать, можно перевести дух. Он перешел, а вот жив ли?

Бинк покатился по земле, вздымая сухие листья и мелкие косточки. Конечно жив! Иначе как бы он мог тревожиться на сей счет? Вспомнился мантикора, озабоченный своей душой. Не будь души, не было бы и...

Бинк сел, вытряхнул из волос мертвый мусор. Успел, значит. Этот звон в ушах — наверное, так действует щит. Отключенный — он же не убил Бинка.

Вот и все. Теперь он навсегда свободен от Ксанфа. Волен жить собственной жизнью, не опасаясь насмешек, сочувствия, соблазнов. Волен быть собой.

Бинк закрыл лицо руками и разрыдался.

Глава 8

ТРЕНТ

Спустя некоторое время он встал и пошел. В ужасный мир обыкновенов. На вид этот мир не так уж сильно отличался от Ксанфа — такие же деревья, те же скалы, да и океанский берег, вдоль которого он шел, был берег как берег. И все же сердце Бинка щемила тоска. Приподнятое настроение, с которым

он подошел к щиту, улетучилось без следа. Уж лучше бы он умер, проходя сквозь щит.

Что ж, пока еще можно вернуться. Переступить через линию, и все. Смерть будет мгновенной, и похоронят его в Ксанфе. Может, другие изгнанники так и поступали.

Бинк с негодованием отверг эту мысль. К чему врать самому себе? Да, он любит Ксанф, тоскует по нему уже сейчас — но умирать-то не хочется. Придется устраиваться в обыкновенском мире. Другие, очевидно, так и поступали. Не исключено, что он еще обретет здесь счастье...

Перешеек оказался гористым. Карабкаясь по крутому склону, Бинк взмок. Интересно, этот хребет — своего рода антипод Провала? Здесь поднялся гребень, а там опустилось дно? А по горам тоже шатается дракон? Нет, вряд ли — здесь же Обыкновения. Но возможно, такая география все-таки связана с магией? Допустим, ее смывает с вершин и она оседает во впадинах... Нет, что-то не то. Тогда большая часть магии попала бы в океан и бесследно растворилась.

Тут Бинк впервые задумался: а что же на самом деле представляет собой Обыкновения? Действительно ли можно выжить совсем без магии? Конечно, жизнь здесь будет тяжелее, чем в Ксанфе. Но полное отсутствие волшебства наверняка здорово стимулирует развитие, заставляет шевелить мозгами; стало быть, здесь должны быть и вполне благоустроенные местечки, созданные с умом. И люди здесь, наверное, не такие уж плохие — ведь и предки самого Бинка родом отсюда. Можно предположить, что и в языке, и в обычаях есть определенное сходство.

Бинк перевалил через вершину гребня, остановился, чтобы впервые обозреть свой новый мир, и тут его окружили вооруженные люди. Засада!

Он развернулся, изготовившись бежать. Может, удастся подманить их к щиту и избавиться от них наивернейшим способом. Правда, не хотелось бы брать на душу их смерть. Но в любом случае надо постараться улизнуть от них.

Но тело его не поспевало за мыслью, и, обернувшись, он увидел, что за его спиной стоит человек с обнаженным мечом и преграждает ему путь.

Теперь разумнее всего будет сдаться. Их много, он окружен со всех сторон, и, если бы они хотели убить его, давно всадили бы ему стрелу в спину. Может, они хотят только ограбить его? Милости просим — у него ничегошеньки нет.

Но Бинк не всегда поступал разумно — особенно в критических ситуациях, требующих немедленного действия. Заднимто умом он был очень крепок, но тут от заднего ума толку мало. Вот будь у него талант вроде материнского, только посильнее, он мог бы вернуть время часика на два назад и переиграть все злоключения с большей пользой для себя...

Бинк бросился на человека с мечом, размахивая посохом, чтобы отразить удар клинка, но не успел и шагу ступить, как кто-то дал ему подножку, и он свалился прямо в грязь лицом. Его крепко держали; он извивался, стараясь вырваться. Потом они все навалились на него, вмиг связали и затолкали в рот кляп.

Двое рывком подняли его на ноги, а один приблизил к нему грубое лицо и сказал:

— Имей в виду, ксанфянин, попробуешь выкинуть что-нибудь магическое, мы из тебя дух вышибем.

Магическое? Они же не знают, что никакой магией он не располагает, да и в любом случае здесь, в Обыкновении, магия не действует. Но Бинк кивнул, показывая, что все понимает. Может, если они решат, что он вообще-то способен дать сдачи, то станут обращаться с ним получше?

Его повели вниз по противоположному склону. Там, за перешейком, расположился военный лагерь.

Только что здесь делают войска? Если готовят нападение на Ксанф, то ничего у них не выйдет: щиту все равно, сколько их убить — одного или тысячу.

Его подвели к самому большому шатру. Там в обнесенном ширмой алькове сидел представительный мужчина лет сорока в зеленом обыкновенском мундире с эмблемой командующего. Лицо его украшали аккуратные усики, на поясе висел короткий меч.

— Шпиона поймали, генерал,— почтительно сказал старший.

Генерал смерил Бинка оценивающим взглядом. В его цепких глазах светился ум. Это был явно не простой предводитель разбойников.

— Развязать,— тихим голосом распорядился генерал.— Он не опасен.

— Слушаюсь, сэр.— Старший развязал Бинка и вытащил из его рта кляп.

— Свободен,— негромко сказал генерал, и солдаты бесшумно вышли. С дисциплиной тут все в порядке.

Бинк, изумленный самоуверенностью генерала, принялся растирать затекшие от веревки запястья. Тот был крепко сбит, но невысок; Бинк моложе, выше, наверняка сильнее. Если действовать быстро, вполне можно улизнуть.

Бинк напружинился, готовый прыгнуть на соперника и сбить его с ног. Но в руке генерала мгновенно появился меч, нацеленный на Бинка. Как он его вытащил, уму непостижимо, меч прыгнул ему в руку, как по волшебству, но здесь-то ничего такого быть не могло.

— Я бы, молодой человек, не советовал,— сказал генерал таким тоном, словно предостерегал: не наступи, мол, на колючку.

Бинк попытался притормозить, чтобы не ткнуться грудью в кончик меча, но не сумел. Однако клинок не впился в грудь — меч молниеносно возвратился в ножны. Генерал, уже стоя, подхватил Бинка под локти и поставил прямо. В этом движении было столько силы и точности, что Бинк понял: он явно недооценил обыкновенного генерала. Такого ему и невооруженного не одолеть.

— Садись,— миролюбиво предложил генерал.

Усмиренный Бинк неловко подошел к деревянному стулу и сел. Он вдруг остро ощутил, насколько грязны его руки и лицо, как потрепана одежда. А генерал блистал безукоризненной опрятностью.

— Твое имя?

— Бинк.

Он не стал говорить, из какой он деревни; с Северянкой его больше ничто не связывало. И что толку вообще интересоваться его именем? Никто — он и есть никто, и звать никак.

— Я волшебник Трент. Должно быть, слыхал обо мне.

Бинк не сразу понял смысл сказанного. А понял — не поверил:

— Трент? Но его же нет. Его...

— Изгнали. Двадцать лет назад. Совершенно верно.

— Но Трент же был...

— Урод? Чудовище? Безумец? — Волшебник улыбнулся, демонстрируя, что никем из вышеназванных не является.— Какие небылицы рассказывают обо мне в нынешнем Ксанфе?

Бинк вспомнил Джустина-дерево. Рыб, превращенных в электрожучков, чтобы отомстить кентаврам. Противников, превращенных в рыб и оставленных умирать на суше.

— Ты... он был чародей, грезивший властью, пытавшийся узурпировать трон Ксанфа, когда я был совсем ребенком. Злой человек, зло которого живо и после него.

Трент кивнул:

— Побежденного в политической борьбе обычно называют куда круче. Когда меня изгнали, мне было примерно столько лет, сколько тебе сейчас. Возможно, наши случаи сходны и в других отношениях.

— Нет! Я никогда никого не убивал.

— Меня и в этом обвиняют? Да, я многих преобразовал — вместо того, чтобы убить. Мне не требовалось убивать, ведь я мог сделать врага безопасным и другими средствами.

— Но рыба на суше умирает, как ни крути.

— А-а, вот такая, значит, в ходу версия? В таком случае это действительно убийство. Сознаюсь, я превращал людей в рыб — но только в воде. На суше я работал исключительно с сухопутными видами. Возможно, некоторые и умерли впоследствии, но тут хищники постарались — так уж устроена природа. Я же никогда...

— А мне плевать! Ты употребил свою магию во зло. Я совсем не такой, как ты! Я... у меня вообще магии нет!

Генерал выразительно приподнял красивую бровь:

— Нет магии? Но в Ксанфе магия есть у каждого.

— Потому что всех, у кого ее нет, оттуда изгоняют,— сказал Бинк с некоторым ожесточением.

Трент улыбнулся на удивление доброй улыбкой:

— Тем не менее, Бинк, наши интересы могут совпадать. Тебе не хотелось бы вернуться со мной в Ксанф?

Вернуться! На мгновение в груди Бинка мощным огнем полыхнула надежда. Он тут же заставил ее угаснуть:

— Возврата нет.

— Я бы так не сказал. На каждое волшебство найдется противоположное. Дело лишь в том, как его найти. Мне, видишь ли, удалось разработать нейтрализатор щита.

И вновь Бинк с трудом погасил реакцию, вызванную словами Трента:

— Если бы это было так, ты был бы уже в Ксанфе.

— Понимаешь, есть небольшая проблема с применением этого нейтрализатора. Он представляет собой эликсир, полученный из одного растения, произрастающего на самом краешке зоны действия магии. Действие же это, да будет тебе известно, распространяется немножко за пределы, ограниченные щитом. Иначе сам щит просто не существовал бы — он ведь магический и вне зоны магии работать не может. Растение же это, изначально, скорее всего, обыкновенское, живет на пограничной полосе в постоянной борьбе с магическими растениями Ксанфа. С магией бороться трудно, и оно выработало одно особое свойство — подавлять магию. Представляешь, что это значит?

— Подавляет магию? Может, и с моей магией произошло что-то подобное.

Трент разглядывал его, что-то прикидывая в уме. Бинку сделалось не по себе.

— Значит, ты считаешь, что власти поступили с тобой несправедливо? Что ни говори, а у нас много общего.

Бинк не хотел иметь ничего общего со злым волшебником, сколь бы ни располагал к себе этот человек. Он знал, что зло способно принимать самые привлекательные формы. Иначе оно недолго просуществовало бы на земле.

— Это ты к чему говоришь?

— Щит — это магия. Следовательно, эликсир должен ее нейтрализовать. Но не может, поскольку до источника, питающего щит, не добраться. Нам необходим доступ к самому Щитовому камню. К сожалению, нам не известно точно, где теперь этот камень, а чтобы окропить весь Ксанф или хотя бы сколько-нибудь значительную его часть, никакого эликсира не хватит.

— А не все ли равно? — заметил Бинк.— Даже если ты узнаешь, где камень, тебе к нему не подойти.

— Ничего, справимся как-нибудь. У нас, видишь ли, есть катапульта, и достаточно дальнобойная. Мы установили ее на корабле, на котором можно обогнуть весь Ксанф. Так что я бы не исключал, что нам удастся сбросить бомбочку, начиненную эликсиром, на Щитовой камень. Нам бы только узнать точные координаты.

— И тогда щит рухнет! — догадался Бинк.

— И мое войско хлынет в Ксанф. Разумеется, эффект заглушки магии продлится недолго — эликсир быстро растворяется. Но основные силы я смогу перевести через щит всего минут за десять. Я неплохо натаскал своих людей на коротких марш-бросках. И тогда трон станет моим — это лишь дело времени.

— Ты принесешь на нашу землю смерть и запустение,— в ужасе сказал Бинк.— Тринадцатая волна. Она будет страшнее всех.

— Никоим образом. Армия у меня дисциплинированная, и силу мы будем применять лишь в той мере, в какой это окажется необходимо. К тому же моя магия в значительной мере устранит всякое сопротивление, так что большой нужды в кровопролитии не возникнет. Мне не хотелось бы разрушать королевство, которым я буду править.

— А ты нисколько не изменился,— заметил Бинк.— По-прежнему рвешься к власти незаконным путем.

— Ну нет, я очень даже изменился,— заверил его Трент.— Я подучился, стал искушенней, утратил наивность. Образование у обыкновенов поставлено отлично, и на вещи они смотрят пошире, да и в политике руководствуются отнюдь не сантиментами. На сей раз я не стану недооценивать противника и лучше позабочусь о собственной безопасности. Не сомневаюсь, что теперь из меня выйдет король получше, чем двадцать лет назад.

— Я тебе не помощник.

— Придется им стать, Бинк. Ты знаешь местоположение Щитового камня.— Злой волшебник приблизился к Бинку и доверительно продолжил: — Точное попадание для нас край-

не важно. Эликсира у нас всего четверть фунта, и это плод двухлетних трудов. Мы практически под корень извели нужное растение вдоль всей пограничной полосы; запас наш невосполним. Гадать, где находится камень, мы не имеем права. Нам нужна точная карта — а начертить ее можешь только ты.

Вот так. Трент устроил здесь засаду, чтобы отлавливать всех, кто покидает Ксанф, и добывать у них последние сведения о местоположении Щитового камня. Только эти данные и нужны злому волшебнику, чтобы начать вторжение. А Бинк случайно оказался первым изгнанником, угодившим в ловушку.

— Я ничего тебе не скажу. Я не стану участвовать в свержении законной власти Ксанфа.

— Законность, как правило, определяется задним числом,— заметил Трент.— Если бы двадцать лет назад я одержал победу, то был бы сейчас законным королем, а нынешний монарх — презренным изгнанником, повинным в массовом утоплении людей. Полагаю, у вас по-прежнему правит король Шторм?

— Да,— лаконично ответил Бинк. Как бы ни пытался злой волшебник убедить его, что все сводится к дворцовым интригам, Бинк знал, что дело обстоит не так.

— Я готов проявить щедрость, Бинк. Практически все, что ты пожелаешь. Богатство, власть, женщины...

Тут-то Трент и дал промашку. Бинк отвернулся. На таких условиях ему и Сабрина не нужна, к тому же он уже отверг сходное предложение со стороны чародейки Ирис.

Трент сложил пальцы домиком. Даже в этом незначительном жесте сквозила сила, расчетливая и не ведающая жалости. Слишком тщательно продуманы были планы злого волшебника, чтобы им воспрепятствовал какой-то своенравный изгнанник.

— Может, тебе интересно будет узнать, почему, прожив два десятка лет в Обыкновении и добившись здесь заметных успехов, я пожелал возвратиться в Ксанф. Я и сам над этим нередко задумывался.

— Нет,— сказал Бинк.— Мне неинтересно.

Но его собеседник только улыбнулся, не поддаваясь попыткам вывести его из равновесия. И вновь у Бинка возникло не-

приятное чувство, что им ловко манипулируют и, как бы ни сопротивлялся, он так или иначе сыграет на руку волшебнику.

— А следовало бы поинтересоваться, а то так и сохранишь узкий, провинциальный взгляд на жизнь. Впрочем, я и сам был такой, когда покинул Ксанф. Каждому молодому человеку следует на год-два съездить в Обыкновению, только тогда из него получится хороший гражданин Ксанфа. Путешествия расширяют кругозор.

С этим Бинк не мог не согласиться. За две недели своего путешествия по Ксанфу он узнал очень многое. Насколько же больше можно будет узнать, проведя год в Обыкновении...

— Более того,— продолжал волшебник,— когда я приду к власти, я начну проводить такую политику. Отрезанный от реального мира, Ксанф не может процветать. Изоляция приводит только к загниванию.

Бинк не мог сдержать болезненного любопытства. Волшебник обладал умом, опытом, что, вопреки желанию, сильно притягивало Бинка.

— И как оно там? — спросил он.

— Не говори с таким пренебрежением, молодой человек. Обыкновения — отнюдь не такое гадкое место, как ты воображаешь. Кстати, это еще одна причина, по которой жителям Ксанфа следует бывать в Обыкновении,— невежество, порожденное изоляцией, в свою очередь порождает необоснованную враждебность. Обыкновения во многих отношениях более развита и цивилизованна, нежели Ксанф. Лишенные даров магии, обыкновены вынуждены полагаться на собственную изобретательность. Они обратились к философии, медицине, науке. Теперь у них есть оружие, называемое пушкой. Так вот, эта самая пушка убивает куда вернее, чем стрела или даже смертоносное заклинание. Правда, в своей армии я пушек не держу, не хочу, чтобы они появились в Ксанфе. У них есть повозки, которые бегают куда проворнее единорога, лодки, переплывающие море быстрее, чем морской змей, воздушные шары, на которых они поднимаются в небо выше любого дракона. У них есть такие люди, называются врачами, которые исцеляют больных и раненых без единого заклинания. Есть устройство, состоящее из

нанизанных на стержни круглых косточек, с помощью которого можно поразительно быстро и точно перемножать числа.

— Чепуха! — воскликнул Бинк.— Даже магическое устройство не может считать за человека, разве что голем, а это почти человек.

— Вот о том я и толкую, Бинк. Магия великолепна, но в ней есть и свои недостатки. Может статься, у обыкновенской техники потенциал даже больше. А живут они всяко комфортнее большинства ксанфян.

— Должно быть, их совсем немного,— пробормотал Бинк.— Хорошей, стало быть, земли навалом.

— Напротив. Здесь живут несколько миллионов человек.

— Хочешь, чтобы я тебе поверил, а сам такие небылицы рассказываешь,— заметил Бинк.— В Северянке нашей, считая детей, живет аж пятьсот человек, а это у нас самое крупное поселение. Во всем королевстве вряд ли больше двух тысяч наберется. А ты говоришь о тысячах тысяч. Но обыкновенский мир явно ненамного больше Ксанфа. Уж я-то знаю!

Злой волшебник покачал головой, якобы сокрушенно:

— Бинк, Бинк, имеющий глаза да увидит.

— А если у них и в самом деле есть шары, на которых люди по небу летают, так что ж они над Ксанфом не показываются? — запальчиво спросил Бинк, чувствуя, что припер волшебника к стенке.

— Потому что они не знают, где находится Ксанф, и даже не верят в его существование. Они не верят в магию, следовательно...

— Не верят в магию! — Эта шуточка уже ни в какие ворота не лезет.

— Обыкновены никогда особенно в магии не разбирались,— серьезно заявил Трент.— В их литературе она появляется часто, но в обычной жизни — никогда. Щит замкнул границы, так что в Обыкновению за последнее время не попадало ни одно по-настоящему волшебное существо. Пусть они и дальше ничего не знают, это в наших интересах,— продолжил он, нахмурив лоб.— Если им придет в голову, что Ксанф представляет для них опасность, они возьмут гигантскую катапульту и закидают нас зажигательными бомбами...— Он замолчал и покачал голо-

вой, словно не веря в возможность такого ужаса. В этом движении, напомнившем Бинку отца, было столько искренности, что Бинк едва не поверил, что такая невероятная угроза действительно существует.— Нет,— закончил свою речь волшебник.— До поры местоположение Ксанфа должно оставаться тайной.

— Но если ты начнешь отправлять всю молодежь Ксанфа на два года в Обыкновению, тайна просуществует недолго.

— Ну, сначала мы наведем на них забудочные чары, а снимать их будем только по возвращении. Или хотя бы заклятие молчания, чтобы ни один обыкновен не вызнал у них про Ксанф. Таким образом они приобретут обыкновенский опыт в дополнение к магии Ксанфа. Нескольким особо доверенным мы сохраним память и свободу слова, они станут нашими агентами — будут отбирать для нас подходящих колонистов, держать нас в курсе всего. Ради нашей безопасности и прогресса. Но в целом...

— Снова Четвертая волна,— сказал Бинк.— Управляемая колонизация.

Трент улыбнулся:

— У тебя цепкий ум. Большинство наших граждан предпочитают не знать о том, как на самом деле происходила колонизация Ксанфа. Кстати, из Обыкновении не так-то просто определить, где находится Ксанф,— похоже, у него вообще нет определенного географического местоположения. На протяжении всей истории Ксанфа в него попадали люди со всего мира — переходили по перешейку прямо из своих стран. А потом каждый из них мог бы поклясться, что и прошел-то всего несколько миль. Более того, в Ксанфе все начинали без труда понимать речь друг друга, хотя изначально языки у них были совершенно разные. Поэтому представляется, что и подходы к Ксанфу каким-то образом заколдованы. Если бы я не вел подробнейшую запись маршрута, то никогда бы не нашел обратной дороги к щиту. Обыкновенские легенды о животных, которые приходили из Ксанфа в давние времена, свидетельствуют, что эти животные появлялись не в каком-то конкретном месте, а по всему миру. Значит, и из Ксанфа попадают куда угодно.

Волшебник покачал головой, словно изумляясь великой тайне. А Бинк приложил все силы, чтобы не поддаться очарова-

нию столь завлекательной загадки. Как так может быть, чтобы Ксанф находился повсюду одновременно? Неужели его магия все-таки проникает за пределы полуострова? Тогда как? От такой проблемочки недолго и свихнуться!

— Если тебе так нравится Обыкновения, почему же ты стремишься обратно в Ксанф? — спросил Бинк, стараясь отыскать в словах волшебника все возможные противоречия.

— Обыкновения мне не нравится,— нахмурившись, сказал Трент.— Я всего лишь говорю, что она не есть царство зла, что у нее большой потенциал и с ней надо считаться. Если мы не будем интересоваться ею, она сама может заинтересоваться нами — с катастрофическими последствиями. Как для Ксанфа, так и для себя самой. Ксанф — это уникальное явление, не сравнимое ни с чем. Страна, разумеется, провинциальная, отсталая, но, повторяю, единственная в своем роде. А я... я волшебник, и мое место — в моей стране, с моим народом. Только я могу защитить ее от грядущих кошмаров, какие ты даже вообразить не в состоянии...— Он замолчал.

— Никакие обыкновенские сказки не заставят меня сказать тебе, как попасть в Ксанф.

Волшебник сосредоточил взгляд на Бинке, будто только сейчас ощутил его присутствие.

— Мне бы не хотелось прибегать к принуждению,— задумчиво произнес он.— А талант мой ты знаешь.

Бинк вздрогнул, его охватило чрезвычайно неприятное предчувствие. Трент — превращатель, он умеет превращать людей в деревья и в кое-что похуже. Самый сильный волшебник своего поколения, которого было слишком опасно оставлять в Ксанфе. Но Бинк тут же вздохнул с облегчением.

— Блефуешь,— сказал он.— Твоя магия вне Ксанфа не работает, а в Ксанф я тебя не пущу.

— Не совсем блефую,— спокойно отозвался Трент.— Как я уже говорил, магия немножечко переливается за щит. Вот отведу тебя на границу и превращу в жабу. Если ты меня вынудишь.

У Бинка засосало под ложечкой. Превращение... Потеряешь тело, а сам не умрешь. Ужасно. Бинк съежился от страха.

Но он не мог предать родину.

— Нет,— пролепетал он, еле ворочая языком.

— Не пойму я тебя, Бинк. Ты же покинул Ксанф не по своей воле. А я предлагаю тебе возможность вернуться.

— Но не такой же ценой!

Трент вздохнул с неподдельным сожалением:

— Ты верен своим принципам, и за это тебя нельзя осуждать. Но я надеялся, что до превращения у нас с тобой не дойдет.

Бинк тоже надеялся на это. Но похоже, выбора уже нет. Теперь остается только искать малейшую возможность вырваться от Трента. Пусть даже ценой жизни. Лучше сложить голову в бою, чем стать жабой.

Вошел солдат, напомнивший Бинку Кромби — не столько лицом, сколько выправкой,— и замер по стойке «смирно».

— Что у тебя, Гастингс? — мягко осведомился Трент.

— Еще один прошел через щит, сэр.

Трент и бровью не повел:

— Вот как? Похоже, у нас появился еще один источник информации.

Бинк почувствовал себя совсем нехорошо. Если ими действительно пойман еще один изгнанник из Ксанфа, Трент сможет получить нужные сведения и без помощи Бинка. Отпустит он его в таком случае или все же, в качестве предметного урока, превратит в жабу? Припомнив прошлые подвиги Трента, Бинк слабо верил, что его спокойно отпустят. Любой, кто встанет поперек дороги злому волшебнику даже в самом мелком деле, может не рассчитывать на снисхождение.

Но если быстренько дать Тренту нужную информацию и оправдаться тем самым в его глазах? Поскольку на будущем Ксанфа это уже никак не скажется...

Он заметил, что Трент молчит и выжидательно смотрит на него. И Бинку все стало ясно. Подставка, блеф — чтобы он развязал язык. А он чуть не поддался на провокацию.

— Что ж, в таком случае я тебе больше не нужен.

Кстати, о жабах — в таком обличье он же вообще ничего не сможет рассказать волшебнику. Он представил себе их возможный диалог.

ВОЛШЕБНИК. Где находится Щитовой камень?

ЖАБА. Квак!

Бинк с трудом сдержал улыбку. Трент превратит его в жабу лишь в самом крайнем случае.

А тот говорил посыльному:

— Привести его сюда немедленно. Я допрошу его.

— Сэр... это женщина.

Женщина! На лице Трента возникло легкое удивление, Бинк же был потрясен. Такого поворота в игре волшебника он не ожидал. Никакой женщины из Ксанфа не изгоняли. Да и мужчины тоже, кроме него. Что задумал Трент?

Разве что... нет, только не это! Разве что Сабрина все-таки решила разделить с ним изгнание.

На него обрушилось отчаяние. Если Сабрина во власти злого волшебника...

Нет, это невозможно. Сабрина же не любит его, ее поведение на испытаниях и после них подтвердило это. Она не станет жертвовать всем, что у нее есть, чтобы последовать за ним. Да и он не так уж сильно любит ее — он уже решил это для себя. Так что здесь какая-то хитрая уловка волшебника.

— Отлично,— сказал Трент.— Давай ее сюда.

Значит, все-таки не блеф. Если и вправду приведут — точно не блеф. И если это окажется Сабрина... нет, невозможно, это совершенно исключено... или он приписывает ей то, чего на самом деле не было, и она его все же любит? Откуда ему знать, что у нее на сердце? Если она пошла за ним, он не имеет права допустить, чтобы ее превратили в жабу. С другой стороны, на кон поставлена судьба всего Ксанфа...

Бинк мысленно развел руками. Придется действовать по обстоятельствам. Если Сабрина у них, он пропал, если же они блефуют, тогда победа за ним. Не считая того, что он превратится в жабу... А может, не так уж оно и плохо быть жабой. Тогда мухи сразу станут очень вкусными, а какая-нибудь жабетта покажется краше любой девчонки. Вдруг там, в густой траве, ждет его неземная любовь, вся в бородавках...

Пришли солдаты, поставленные в засаде, и чуть не волоком втащили упирающуюся женщину. Бинк с облегчением увидел, что это не Сабрина, а какая-то совершенно незнакомая и

феерически страшная девица. Волосы торчат во все стороны, зубы кривые, фигуры никакой.

— Встань,— ласково сказал Трент, и она поднялась, подчиняясь властности его голоса.— Как твое имя?

— Ида,— огрызнулась она.— А твое?

— Волшебник Трент.

— Что-то не слыхала про тебя.

Бинку, застигнутому врасплох, пришлось закашляться, чтобы скрыть приступ смеха. Но Трент остался невозмутим:

— В этом смысле мы с тобой равны, Ида. Сожалею, что моим людям пришлось доставить тебе неудобства. Если ты любезно согласишься указать мне местоположение Щитового камня, я щедро вознагражу тебя и отпущу.

— Молчи! — крикнул Бинк.— Он хочет завоевать Ксанф.

Она наморщила нос картошкой.

— Какое мне дело до Ксанфа? — Она прищурилась и посмотрела на Трента.— Могу и указать. Только откуда мне знать, можно тебе доверять или нельзя? Я тебе все расскажу, а ты меня укокошишь.

Трент постучал длинными аристократическими пальцами по спинке стула:

— Беспокойство твое оправданно. Ты не можешь знать, держу ли я данное слово. Но тебе придется поверить, что я не держу зла на тех, кто помогает мне достичь намеченной цели.

— Ладно,— сказала она.— Годится. Щитовой камень находится...

— Изменница! — заорал Бинк.

— Убрать его,— отрывисто приказал Трент.

Вошедшие солдаты скрутили Бинка и выволокли из шатра. Ничего он не добился, только жизнь себе усложнил.

Но скоро его мысли потекли по иному руслу. А велика ли вероятность, что через час после него Ксанф покинул еще один изгнанник? Всего-то изгоняют одного человека в год, ну, может, двоих, не больше. Когда кого-то выдворяют из Ксанфа, об этом еще долго судачат все, кому не лень. А он же о втором изгнании ничего не слышал, да и о втором судилище тоже.

А следовательно, Ида — никакая не изгнанница. Скорей всего, она вообще не из Ксанфа. Она — подсадная утка Трента,

как Бинк и заподозрил вначале. И задача у нее одна: убедить Бинка, что она и в самом деле назовет Тренту местоположение камня, и тем самым обманом вытянуть из него подлинные сведения.

Но он этот план вычислил — и победил. Теперь Тренту Ксанфа не видать, как бы он ни старался.

И все же полной уверенности не было...

Глава 9

ПРЕВРАЩАТЕЛЬ

Бинка швырнули в яму. Падение смягчила куча сена, а от палящих лучей солнца спасал деревянный навес над ямой. Не считая этих местных особенностей, темница была пуста и мрачна. Отвесные стены, сложенные из какого-то камня — голыми руками не расковыряешь, наверх не выберешься,— утоптанный земляной пол.

Бинк обошел темницу, никакой слабины в стенах не обнаружил, да и высоковато. Он подпрыгнул и почти достал до края вытянутой рукой, но поверх наброшена тяжелая металлическая решетка, так что запакован он надежно. Если очень поднатужиться, можно, конечно, зацепиться за один из прутьев... Но чего ради? Ну повисит на ней, покачается, и только. Разомнется немного, но на волю не выберется, это точно. Нет, клетка добротная.

Не успел Бинк прийти к такому выводу, как наверху затопали солдаты, встали в тенечке от навеса у самой решетки, стряхивая ржавчину прямо на него. Один из солдат присел, отомкнул маленькую дверцу в решетке, откинул, и кого-то сбросили вниз. Ту самую бабу, Иду.

Бинк рванулся и поймал ее на лету. Оба шмякнулись в сено. Дверца закрылась, щелкнул замок.

— Неужто мои прелести головку вскружили? — осведомилась она, высвобождаясь из его объятий.

— Испугался, как бы ты ногу не сломала,— пробурчал он.— Я и сам чуть было не переломал себе все, когда меня сюда зафигачили.

Она оглядела свои мосластые коленки, выглядывающие из-под грязно-серой юбки:

— Если б и сломала, на красоте ножек это бы не отразилось.

Что верно, то верно. Таких уродин он еще не видывал.

Но зачем она здесь? С какой стати злому волшебнику бросать свою подхрячницу в одну темницу с пленником? Что ли хочет, чтобы он язык развязал? Так ведь это по-другому делается: надо было сказать Бинку, что она им все рассказала, и пообещать отпустить на волю, если он подтвердит ее слова. И даже если она на самом деле изгнанница из Ксанфа, ее следовало помещать не вместе с ним, а отдельно. А потом охранники сказали бы каждому из них, что другой выдал тайну Щитового камня.

Вот если бы она была красавица писаная, тогда они еще могли бы надеяться, что она своими завлекалочками вытянет из Бинка нужные сведения. А с такой кикиморой шансы у них нулевые. Глупо все у них получается. Глупо и непонятно.

— Что ж ты им про камень-то не рассказала? — поинтересовался Бинк, сам не понимая, задал он этот вопрос с сарказмом или нет. Если она «наседка» Трента, то ничего своему господину сказать не могла — но и сюда бы не угодила. Выходит, она ксанфянка и сохранила верность родине. Но тогда зачем она сказала, что выдаст Тренту местоположение камня?

— Я ему все рассказала,— заявила она, словно читая его мысли.

Рассказала, значит? Теперь остается только надеяться, что она все же человек Трента.

— Да,— подтвердила она, глядя ему прямо в глаза.— Я сказала ему, что Щитовой камень находится в Северной деревне, в королевском дворце, прямо под троном.

Бинк попытался понять глубинный смысл сказанного. Камень находится совсем не там — но знает ли она об этом? Или хочет, чтобы он начал возражать? Глядишь, да и выложит ей правду, а солдаты-то подслушивают! Или она настоящая изгнанница и знает, где в самом деле находится камень, а Тренту соврала? Тогда реакция злого волшебника вполне объяснима. Ведь если катапульта Трента выстрелит по дворцу бомбой с

эликсиром, камню это нисколько не повредит, зато предупредит короля о надвигающейся опасности. Ну, не столько короля, сколько приближенных, которые поумнее будут. Если поблизости исчезнет вся магия, они быстро сообразят, в чем дело.

Интересно, а что Трент, действительно метнул свою бомбу и тем самым лишился последней надежды проникнуть в Ксанф? Как только там поймут, что именно им угрожает, камень перенесут на новое место и надежно спрячут; и следующие изгнанники не смогут сказать на сей счет ничего вразумительного. Нет, если бы такое случилось, Трент превратил бы Иду в жабу и тут же раздавил ее ногой. И Бинка не стал бы держать под замком. Убил бы или отпустил, но не держал без толку. Следовательно, ничего такого выдающегося не произошло. Да и не успели бы — времени прошло совсем немного.

— Я вижу, ты мне не доверяешь,— сказала Ида.

Верно подмечено.

— Не могу. Слишком рискованно,— признался он.— Не хочу, чтобы с Ксанфом что-нибудь случилось.

— Да не все ли тебе равно? Тебя ж оттуда выперли.

— Со мной поступили по закону и по справедливости.

— По справедливости! — возмущенно хмыкнула Ида.— Король даже не удосужился прочитать письмо Хамфри и не пригубил воды из Целебного источника.

Бинк вновь замолчал. Это-то ей откуда известно?

— Да ладно тебе,— сказала она.— Я через твою деревню проходила всего через несколько часов после твоего испытания. Все об этом только и судачили. Будто бы волшебник Хамфри засвидетельствовал, что у тебя есть магия, но король...

— Довольно, довольно,— сказал Бинк.

Она явно пришла из Ксанфа, но он все еще не понял, насколько ей можно доверять. Однако же она не может не знать, где находится Щитовой камень,— но Тренту не сказала. А может, сказала, да он не поверил и хочет теперь получить подтверждение от Бинка? Но она назвала неправильное место, и даже если Бинк начнет ей возражать, то Трент все равно не узнает, где на самом деле находится камень. Он может быть где угодно. Так что, скорее всего, Ида сказала Бинку правду: она попыталась одурачить Трента, но у нее не вышло.

Теперь Бинк стал относиться к ней по-новому; он поверил, что она из Ксанфа и не предала свою страну. Судя по всему, так и есть. Но как сумел Трент так быстро изобличить ее? Может быть, у него имеется какая-то обыкновенская машинка, которая умеет собирать сведения из-за щита? А скорее всего, магическое зеркало, установленное на самой границе. Трент глядит в него и узнает все, что ему нужно... Но тогда он и сам бы определил, где находится Щитовой камень.

У Бинка даже голова закружилась. Он не знал, что и думать. Ясно одно: ни в коем случае нельзя даже вскользь упомянуть о подлинном местонахождении камня.

— Если хочешь знать, меня никто не изгонял,— сказала Ида.— Уродство — недостаточный повод для изгнания. Я эмигрировала добровольно.

— Добровольно? Но зачем?

— Ну, у меня на то было две причины.

— Какие две причины?

Она смерила его взглядом:

— Боюсь, ты ни одной из двух не поверишь.

— А ты попробуй.

— Во-первых, волшебник Хамфри сказал мне, что это самое простое решение моей проблемы.

— Какой проблемы? — Бинк явно пребывал в расстроенных чувствах.

Она посмотрела на него чуть пристальнее:

— Мне что, вслух о ней говорить?

Бинк почувствовал, что краснеет. Понятно же, что ее проблема — внешность. Ида — молодая девушка, но не просто дурнушка, а сущая уродина, живое доказательство, что молодость и здоровье — это еще не красота. Никакие наряды, никакие притирания не дадут ей даже намека на красоту. На это способна только магия. Но тогда ее уход из Ксанфа теряет всякий смысл. Или у нее с умом такой же непорядок, как с телом?

Приличия обязывали сменить тему, и он ухватился за свою последнюю мысль:

— Но в Обыкновении нет никакой магии.

— Вот именно.

Бинк вновь оказался в тупике. Не знаешь, что трудней — смотреть на нее или разговаривать с ней.

— В смысле, это... то есть ты из-за магии такая... ну такая, как есть...— Тактичности ну прям бездна!

Но Ида от упреков воздержалась:

— Да... более или менее.

— А почему же Хамфри не взял с тебя... обычную плату?

— От моего вида его с души воротило.

Час от часу не легче!

— Ну а вторая причина?

— О ней я тебе пока не скажу.

Все понятно. Она же сказала, что он не поверит, а он взял да и поверил первой из ее причин. И естественно, она не стала называть вторую. Типичная женская логика.

— Что ж, выходит, мы оба здесь пленники,— сказал Бинк, вновь обежав взглядом темницу. Менее мрачной она не стала.— Интересно, а кормить-то нас будут?

— Разумеется,— ответила Ида.— Явится Трент, начнет дразнить нас хлебом и водой, спрашивать, кто из нас готов расколоться. Того, дескать, и покормят. И с каждым разом будет все труднее отказаться от его предложения.

— Соображаешь ты быстро до омерзения.

— Я вообще омерзительно умна,— отозвалась Ида.— Справедливо будет сказать — столь же умна, сколь уродлива.

Тут уж не поспоришь.

— А хватит у тебя ума придумать, как нам отсюда выбраться?

— Нет, по-моему, выбраться отсюда невозможно,— сказала она, энергично кивая при этом.

— Ага,— сказал Бинк, ничего не понимая. Говорит «нет», а показывает «да». Свихнулась? Нет... она понимает, что охранники подслушивают, хоть на глаза и не показываются. Так что слова предназначены им, а жест — Бинку. Это значит, что она уже сообразила, как бежать отсюда.

День клонился к вечеру. Луч солнца, проникший под навес, просочился и через решетку. Это хорошо. Если бы солнышко сюда вовсе не заглядывало, сырость была бы невыносимая.

Над решеткой показался Трент.

— Ну что, познакомились? — дружелюбно осведомился он.— Может быть, и проголодались?

— Начинается,— пробормотала Ида.

— Приношу свои извинения за неудобства вашего нынешнего жилища,— сказал Трент, с достоинством присев на корточки, будто принимал их у себя в кабинете.— Если вы оба дадите слово, что не будете пытаться покинуть лагерь и каким-либо образом мешать нашей деятельности, я могу предоставить в ваше распоряжение уютный шатер.

— Начал обрабатывать,— сказала Ида Бинку.— Принимаешь одолжение и тут же станешь должником. Не соглашайся.

Разобралась моментально!

— Не пойдет,— сказал Бинк.

— Видишь ли,— не моргнув глазом, продолжил Трент,— если бы вы пребывали в шатре и попытались дать деру оттуда, моим солдатам пришлось бы продырявить вас стрелами, а мне этого не хочется. И вам было бы нехорошо, и я потерял бы источник информации. Посему мне необходимо, так сказать, держать вас в рамках. Посредством слов или посредством стен, как сейчас. Единственное достоинство этой ямы — надежность.

— С тем же успехом можешь нас отпустить,— сказал Бинк.— От нас ты все равно никаких сведений не получишь.

Если эти слова и не понравились злому волшебнику, виду он не подал.

— Здесь пироги и вино,— сказал он, опуская на веревке сверток.

Ни Бинк, ни Ида к свертку не кинулись, но Бинк вдруг резко почувствовал голод и жажду. Яму заполнили соблазнительные, пряные ароматы, в свертке явно находилось что-то вкусное.

— Берите, не стесняйтесь,— сказал Трент.— Не отравлено, заверяю вас. Вы оба нужны мне в добром здравии.

— Пока ты в жаб нас не превратишь? — громко спросил Бинк. А в самом деле, что терять-то?

— Нет, тут я слукавил. Жабы говорить не умеют, а мне важно, чтобы вы могли говорить.

А не может быть так, что злой волшебник за годы изгнания утратил свой талант? Бинк почувствовал себя несколько увереннее.

Сверток коснулся соломы. Ида пожала плечами и присела, чтобы отвязать его. И правда — пироги и вино.

— Пусть кто-то один поест,— сказала она.— Если через несколько часов с ним ничего не случится, поест второй.

— Сперва дамы,— сказал Бинк. Если пища отравлена, а Ида — шпионка, то она к еде не прикоснется.

— Благодарю.— Она разломила пирог пополам.— Выбирай,— сказала она.

Бинк показал на одну из половинок:

— Вот эту ешь.

— Очень мило,— сказал сверху Трент.— Не доверяете не только мне, но и друг другу. Изыскиваете, стало быть, принципы сосуществования во имя защиты собственных интересов? Только пустое все это. Если бы я и вправду хотел кого-то из вас отравить, то, не мудрствуя особо, вылил бы отраву вам на голову.

Ида надкусила пирог.

— Вкусно,— сказала она, откупорила вино и глотнула.— Это тоже ничего.

Но подозрения Бинка не рассеялись. Лучше не спешить.

— Я тут подумал, что же с вами делать,— сказал Трент.— Ида, скажу без экивоков. Я могу превратить тебя в любое живое существо, в том числе и в другого человека.— Он прищурился и внимательно посмотрел на нее: — Ты хотела бы оказаться красавицей?

Сильно! Если Ида не шпионка, это предложение для нее крайне соблазнительно. Уродина превращается в красавицу.

— Иди-ка ты подальше, пока грязью в тебя не запустила,— ответила Ида, но тут же сменила тему: — Если ты намерен держать нас здесь, обеспечь хотя бы минимальные удобства. Спусти сюда горшок и ширму. Я бы не настаивала на ширме, будь у меня задница красивая, а так... Приходится быть скромной.

— Убедительно,— сказал Трент, подозвал стражников, и они принесли требуемое и спустили через дверцу в решетке.

Ида поставила горшок в угол, извлекла из своих спутанных волос шпильки и прикрепила к двум стенам занавеску. Получился треугольный закуточек. Бинк не вполне понимал, зачем девушке с такой внешностью демонстрировать подобную

скромность, вряд ли кто станет по своей охоте глазеть на ее обнаженную плоть. Но вдруг она действительно остро переживает свое уродство и за шуточками скрывается истинное страдание? Тогда понятно — красотка возмущается и сокрушается, если кто-то увидит ее обнаженной, но в глубине души счастлива произведенным впечатлением. Иде же такое притворство ни к чему.

Бинку стало жаль ее — и себя тоже. Заточение было бы куда интереснее, будь его сокамерница посимпатичнее. Но он испытывал к Иде благодарность за созданную ее усилиями возможность уединиться. Иначе отправление естественных потребностей стало бы несколько неудобным.

Так мысли Бинка описали полный круг. Надо же, не успел он толком сформулировать проблему, а Ида уже решила ее. Да, надо признать, соображает она попроворней.

— А он ведь не врал, когда говорил, что может сделать тебя красавицей,— сказал Бинк.— Он может...

— Ничего бы не вышло.

— Вышло. Талант Трента...

— Я знаю про его талант. Но это только усугубило бы мою проблему. Даже если бы я захотела предать Ксанф.

Странно. Она не хочет стать красавицей? И при этом так чувствительна во всем, что касается ее внешности. А не очередная ли это хитрость, чтобы выудить у него сведения о местоположении камня? Сомнительно. Ида определенно из Ксанфа. За его пределами никто не мог бы знать о короле-маразматике, пролившем воду из Целебного источника.

День клонился к вечеру. Иде не стало хуже, и Бинк решил последовать ее примеру и подкрепился. Пошел дождь. Навес немного защищал от воды, но все же ее протекало достаточно, чтобы пленники вымокли до нитки. Но Ида улыбалась.

— Хорошо,— прошептала она.— Сегодня судьба на нашей стороне.

Чего ж хорошего? Бинк трясся в мокрой одежде и с удивлением наблюдал за Идой. Она скребла пальцами размякший земляной пол. Бинк приблизился, любопытствуя, чем это она занимается, но Ида замахала на него руками.

— Отойди,— зашептала она.— Лучше посмотри, не следят ли за нами стражники.

Этого опасаться не приходилось. Стражников ее действия не интересовали. Их вообще не было видно — спрятались, наверно, от дождя. Даже если бы они находились поблизости, в густеющей темноте много не разглядишь.

И что такого важного в ее занятии? Сгребает с пола грязь и смешивает с сеном, не обращая никакого внимания на дождь. Бинк ничего не мог понять. Это у нее такой способ отвлечься, что ли?

— Ты девушек в Ксанфе знал каких-нибудь? — спросила Ида. Дождь пошел на убыль, но темнота надежно скрывала тайну ее трудов — как от стражников, так и от понимания Бинка.

На эту тему Бинку говорить не хотелось.

— Не понимаю, зачем...

Она придвинулась к нему.

— Ты, идиот, я кирпичи делаю! — прошипела она.— Продолжай разговаривать и следи, не покажется ли фонарь. Если кто-то приблизится, скажи «хамелеон». Я быстренько все припрячу.— Она скользнула в свой угол.

Хамелеон. Что-то такое связано с этим словом... ага, вот. Хамелеончик, которого он видел перед началом похода к доброму волшебнику. Знамение будущего. Тот хамелеончик погиб. Не значит ли это, что пришло и его время?

— Говори! Нельзя, чтобы они слышали, что я делаю,— прошептала Ида и уже громко добавила: — Так ты знал там девушек?

— Ну знал...

Кирпичи? А зачем?

— Они красивые были?

Темнота скрывала ее руки, но Бинк слышал чавканье грязи и шорох соломы, наверное, в кирпичи сует, чтобы прочнее получились. Чепухой какой-то занимается! Кирпичный сортир строить собралась, что ли?

— Или не очень красивые? — настойчиво продолжала Ида.

— Да вообще-то красивые,— пробормотал он. Похоже, от этой темы никуда не деться. Если стражники подслушивают, то скорее обратят внимание на его рассказ о хорошеньких де-

вушках, чем на шелест соломы и чмоканье грязи. Ну, если она так хочет...— Моя невеста Сабрина была красивая... в смысле, и сейчас красивая, и чародейка Ирис тоже явилась красавицей, а другие... Другие не очень красивы. Они когда стареют или замуж выходят...

Дождь прекратился. Бинк увидел приближающийся огонек.

— Хамелеон,— тихо сказал он, снова ощутив внутреннее напряжение. Знамения — они всегда сбываются. Важно только правильно их понять.

— Чтобы стать уродиной, не обязательно выходить замуж,— сказала Ида. Шум ее возни сделался тише — она прятала улики.— Иные такими и рождаются.

Да, ее внешность доставляла ей нешуточные страдания. И Бинк вновь задумался: отчего же она отказалась, когда злой волшебник предложил сделать ее красавицей?

— По пути к волшебнику Хамфри я познакомился с кентавричей,— сказал Бинк. Он с трудом мог сосредоточиться даже на таком простом разговоре, по-прежнему смущенный нелепым положением, в котором оказался. Надо же, сидит в яме на пару со страхолюдной девицей, которой почему-то захотелось делать кирпичи! — Она по-своему очень красивая, ну как статуя... Конечно, в основе своей она лошадь.— Как-то он неудачно высказался.— Ну, то есть я хотел сказать, она сзади... В общем, я на спине у нее ездил...— Интересно, что подумали бы стражники, услыхав такой рассказ, хотя, с другой стороны, какая разница?.. Бинк посмотрел на приближающийся свет, который отражался на решетке.— То есть она наполовину лошадь. Она провезла меня через земли кентавров.

Свет потускнел. Должно быть, стражник совершал очередной обход.

— Ложная тревога,— прошептал Бинк, а затем продолжил обычным голосом: — Но в том же путешествии мне повстречалась одна удивительно красивая девушка. Она... ее звали...— Он задумался, пытаясь вспомнить имя.— Синн. Но она была непроходимо глупа. Надеюсь, она не досталась провальному дракону.

— Ты был в Провале?

— Провел там некоторое время. Пока не удрал от дракона. Потом пришлось идти в обход. Странно, что ты знаешь о Провале, я думал, на него наложены забудочные чары, потому что на карте его нет и я вообще о нем не слышал, пока на него не наткнулся. Правда, непонятно, почему я до сих пор о нем помню...

— Я жила рядом с Провалом,— сказала Ида.

— Ты там жила? Когда он образовался? В чем его тайна?

— Он всегда там был. И на нем забудочные чары... Кажется, их навел волшебник Хамфри. Но если у человека с ним связаны очень яркие воспоминания, тогда Провал не забывается. Во всяком случае, не сразу. У магии имеются границы.

— Наверное, так оно и есть. Встречу с драконом и с тенью я никогда не забуду.

Ида вновь занялась кирпичами.

— А еще девушки были?

Бинку показалось, что ее интерес к этой теме не случаен. Не оттого ли, что она хорошо знает людей, живущих возле Провала?

— Дай-ка припомнить... Да, встречал еще одну. Довольно невзрачную, Нусу. Она еще поругалась с Кромби, солдатом, попутчиком моим. Он женоненавистник, во всяком случае, так утверждает. В общем, она ушла от нас. Жаль. Она мне понравилась.

— Да? А мне показалось, что ты предпочитаешь хорошеньких.

— Слушай, кончай заводиться. Сама же первая начала... Нуса мне понравилась больше, чем... Ну, не важно. Лучше бы мы с тобой планы побега обсудили.

— Извини,— сказала Ида.— Я... я знала о твоем походе вокруг Провала. Синн и Нуса — это... это мои подруги. Поэтому мне, естественно, интересно.

— Твои подруги? Обе? — Разрозненные частицы головоломки начали, похоже, складываться в одно целое.— А как ты связана с чародейкой Ирис?

Ида рассмеялась:

— Да никак! Если бы я была чародейкой, неужели, по-твоему, я смирилась бы с такой внешностью?

— Да,— убежденно сказал Бинк.— Если твоя красота не сработала, а тебе по-прежнему хочется власти и ты рассчитываешь обрести ее с помощью случайного прохожего... Понятно, почему Трент не сумел соблазнить тебя посулами красоты. Тогда твоя маскировка исчезла бы — а красавицей ты и сама можешь сделаться в любой момент. Вот ты и решила отправиться за мной в таком образе, который ни у кого не вызовет подозрений. И разумеется, ты не намерена помогать другому волшебнику завоевать Ксанф...

— Поэтому я явилась прямо сюда, в Обыкновению, где нет никакой магии,— закончила она,— а следовательно, никаких иллюзий.

Стало быть, он в очередной раз лопухнулся. Или нет?

— Может, на самом деле ты именно так и выглядишь. Там, на острове, я ведь мог и не увидеть настоящую Ирис.

— А как мне вернуться обратно в Ксанф?

На это у Бинка ответа не было. Он сказал со злостью:

— А зачем ты сюда явилась? Похоже, тебе и без магии со своими проблемами не разобраться.

— Ну, на это нужно время...

— Чтобы магия выветрилась?

— А как же? Когда раньше, еще до щита, драконы залетали в Обыкновению, они исчезали не сразу, а через несколько дней, а то и недель. Может, и больше. Волшебник Хамфри говорит, что в обыкновенских книгах много картинок и описаний драконов и других магических зверей. Теперь обыкновены драконов не видят и считают, что в их старых книгах сплошные выдумки. Но это только доказывает, что магия в животном или человеке рассасывается не сразу.

— Так значит, чародейка все-таки может сохранять свои иллюзии несколько дней,— сказал Бинк.

Ида вздохнула:

— Может быть. Но я не Ирис, хотя и не отказалась бы быть ею. У меня были совсем другие причины покинуть Ксанф. И очень важные.

— Да, я помню. Одна — избавиться от своей магии, а вторую ты мне назвать не захотела.

— Наверное, ты заслуживаешь того, чтобы узнать ее. Все равно ты так или иначе вытянешь из меня правду. Я узнала от Синн и Нусы, что ты за человек, и...

— Так Синн все же спаслась от дракона?

— Да, благодаря тебе. Она...

Бинк заметил приближающийся огонек.

— Хамелеон.

Ида принялась поспешно прятать кирпичи. На этот раз огонек приблизился к самой яме.

— Надеюсь, вас там не затопило? — осведомился голос Трента.

— Мы бы тогда вплавь ушли,— ответил Бинк.— Слушай, волшебник, чем больше неудобств ты нам создашь, тем меньше у нас желания с тобой сотрудничать.

— Это, Бинк, я очень хорошо понимаю. Всей душой предпочел бы предоставить вам шатер со всеми удобствами...

— Нет.

— Бинк, мне трудно понять твою преданность режиму, который так по-свински с тобой обошелся.

— Ты-то откуда знаешь?

— Мои шпионы, естественно, прослушивали ваши разговоры. Но я вполне мог и сам догадаться, зная, насколько дряхл и упрям стал король Шторм. Магия проявляется в самых разнообразных формах, и когда ее определение становится слишком узким...

— Но здесь-то это никакой роли не играет.

Волшебник стоял на своем, противопоставляя логику ослиному упрямству Бинка:

— Возможно, Бинк, ты и в самом деле не обладаешь магией, хотя я с трудом представляю себе, чтобы Хамфри мог в таких делах ошибаться. Но у тебя много других отменных качеств, и из тебя получился бы отменный гражданин.

— Знаешь, он прав,— сказала Ида.— Ты заслуживаешь большего.

— На чьей ты стороне? — огрызнулся Бинк.

Она вздохнула в темноте. Очень душевный, искренний вздох. Бинку было как-то проще оценивать достоинства Иды в темноте, не видя ее.

— Я на твоей стороне, Бинк, и восхищаюсь твоей преданностью родине, только сомневаюсь, что родина этого заслуживает.

— Что ж ты тогда не расскажешь ему, где находится Щитовой камень, если, конечно, знаешь?

— Потому что, при всех своих недостатках, Ксанф остается замечательной страной. Король-маразматик не вечен; когда он умрет, им придется передать престол волшебнику Хамфри, а при нем порядки изменятся к лучшему, сколько бы он ни жаловался, что впустую тратит время. Может быть, уже родился новый волшебник, которому он передаст власть. Все получится — раньше-то получалось. Меньше всего на свете Ксанфу нужен жестокий тиран, злой волшебник, который всех несогласных превратит в брюкву.

Наверху раздался смешок:

— У тебя, радость моя, смышленая головка и острый язычок. Честно говоря, я предпочитаю превращать несогласных в деревья — они живут подольше брюквы. А не могла бы ты допустить, хотя бы чисто теоретически, что из меня получится правитель получше нынешнего короля?

— А знаешь, он прав,— с невидимой в темноте ухмылкой передразнил Бинк недавние слова Иды.

— А на чьей стороне ты? — мгновенно нашлась Ида, в свою очередь передразнив Бинка.

Но юмор оценил и засмеялся волшебник:

— А вы мне нравитесь, честное слово. Оба. Соображаете неплохо и принципами не поступаетесь. С такими-то достоинствами да на моей бы стороне — я бы в долгу не остался. Например, мог бы дать вам право вето на все мои превращения. Сами бы решали, кого в брюкву превратить, кого во что другое.

— Ага, чтобы на нас лежала ответственность за твои преступления,— заметила Ида.— От таких привилегий мы бы скоро стали ничем не лучше тебя.

— Если вы от природы лучше меня, то не стали бы,— возразил Трент.— А если не лучше, значит, и никогда лучше меня не были. Просто в такие ситуации не попадали. Лучше бы вам это уяснить, а то останетесь на всю жизнь лицемерами.

Бинк заколебался. Он вымок и продрог, и ему вовсе не улыбалось провести ночь в этой яме. Вот только можно ли доверять словам Трента? Нет, двадцать лет назад в погоне за властью он постоянно нарушал свое слово. Отчасти именно поэтому он потерпел поражение: никто уже не доверял ему, в том числе и соратники.

Обещания волшебника ничего не значили. Все его рассуждения имели одну цель — выудить из пленников, где находится Щитовой камень. Право вето на его превращения? Да он их первыми превратит в какую-нибудь гадость, как только у него пропадет в них нужда.

Бинк ничего не ответил. Промолчала и Ида. Трент подождал немного и ушел.

— Вот мы и преодолели искушение номер два,— заметила Ида.— Но он умен и беспринципен. Дальше будет хуже.

Бинк вынужден был с ней согласиться.

Наутро косые лучи солнца подсушили кирпичи. Они, конечно, еще не совсем затвердели, но начало положено. Ида сложила их за ширмой, чтобы не было видно сверху. Если все будет хорошо, днем она снова выставит их на солнышко.

Пришел Трент и принес еду — свежие фрукты и молоко.

— Не хотелось бы говорить в таком тоне, но терпение мое на пределе. В Ксанфе в любой момент могут перенести Щитовой камень на новое место — такой уж там порядок,— и ваши сведения окажутся никому не нужными. Если сегодня я не получу от одного из вас необходимую информацию, завтра превращу вас обоих. Из тебя, Бинк, я сделаю василиска, а ты, Ида, будешь василисочкой. И посажу вас в одну клетку.

Бинк с Идой в ужасе переглянулись. Василиск и василисочка — это одно и то же: крылатая рептилия, вылупившаяся из яйца без желтка, снесенного петухом и высиженного жабой в теплой навозной куче. От его смрадного дыхания вянут растения и рассыпаются камни, а при одном взгляде на его морду все живое падает замертво. Крошка василиск — король рептилий.

В посланном Бинку знамении в подобие василиска превратился хамелеон — и тут же погиб. А теперь ему напомнила о ха-

мелеоне та, которая ничего не могла знать о знамении; а другой человек угрожает превратить в... Да, видно, смерть не за горами.

— Блефует,— после долгого молчания сказала Ида.— Не станет он этого делать. Просто хочет напугать нас.

— И небезуспешно,— пробормотал Бинк.

— Видно, без показательного урока не обойтись,— сказал Трент.— Я никого не прошу принимать мой талант на веру, когда его так легко продемонстрировать, да и мне полезно будет поупражняться после долгого перерыва, связанного с пребыванием в Обыкновении.— Он щелкнул пальцами и обратился к подбежавшему стражнику: — Пусть наши пленники поедят, а затем поднимите их наверх.

С этими словами Трент удалился.

— Блефует он или нет, но, если стражники спустятся в яму и увидят кирпичи, нам конец,— мрачно проговорила Ида.

— Тогда нам нужно самим вылезти по первому требованию и не артачиться,— сказал Бинк.— Без нужды они сюда не полезут.

— Будем надеяться,— ответила Ида.

Едва пришедшие стражники спустили в яму веревочную лестницу, Бинк с Идой вскарабкались по ней наверх.

— Блефует ваш предводитель,— сказал Бинк.

Солдаты на его слова никак не отреагировали. Пленников повели на восток, к ксанфской границе.

Неподалеку от мертвой полосы щита стоял Трент, а рядом с ним — большая клетка. Вокруг плотным кольцом расположились солдаты, держа наготове луки. Все они были в темных очках. Картинка получалась мрачноватая.

— Предупреждаю вас,— сказал Трент, когда они подошли,— после превращения в лицо друг другу не смотреть. Я мертвых воскрешать не умею.

Если это тактика запугивания, то весьма эффективная. Может, Ида и сомневается в серьезности намерений Трента, но Бинк-то поверил безоговорочно. Он вспомнил Джустина-дерево, живой пример гнева злого волшебника. И знамение из головы не идет. Сначала превратиться в василиска, а потом умереть...

Смятенный вид Бинка не ускользнул от внимания волшебника.

— У тебя есть что сказать мне? — самым будничным тоном спросил он.

— Да. Как это они сумели тебя изгнать, не превратившись в жаб, в брюкву или во что похуже?

Трент нахмурился:

— Я ожидал несколько других слов, Бинк. Но в интересах всеобщей гармонии я отвечу. Они подкупили моего адъютанта, и тот наложил на меня сонное заклятие. Пока я спал, меня перенесли за щит.

— А ты уверен, что эта история не повторится? Нельзя же все время бодрствовать.

— Я подолгу обдумывал эту проблему в первые, самые тяжелые годы ссылки. И решил, что по мне ударило мое собственное вероломство. Я так часто обманывал других, что и другие стали платить мне той же монетой. Нет, какое-то понятие о чести у меня было; данное слово я нарушал лишь тогда, когда находил для этого достаточные основания, но все же...

— Это ничем не отличается от лжи.

— В то время я так не считал. Но, смею сказать, за время моего отсутствия моя репутация не улучшилась. Что ж, такова привилегия всех победителей — делать из побежденного вместилище всех пороков и тем самым оправдывать собственную победу. И тем не менее слово мое не являло собой образец незыблемой крепости, и со временем я понял, что этот мой недостаток и явился залогом моего падения. Единственный способ предотвратить повторение прошлого — в корне изменить собственный образ действий. И теперь я больше никогда не обманываю. И никто не обманывает меня.

Это был достойный ответ. Во многих отношениях злой волшебник являлся полной противоположностью сложившемуся образу. Он отнюдь не был противным и слабым уродцем (такому описанию куда больше соответствовал Хамфри), напротив, злой волшебник отличался силой, красотой и обаянием. И все же он злодей, и, зная об этом, Бинк не позволял красивым словам обмануть себя.

— Ида, шаг вперед! — приказал Трент.

Ида шагнула к нему с кривой усмешкой на губах. Трент не стал ни жестикулировать, ни произносить заклинаний. Он просто внимательно посмотрел на нее.

Она исчезла.

И тут же один из солдат взмахнул сачком и что-то поймал. Он поднял сачок — там трепыхалась злобная крылатая ящерица.

Действительно василиск! Бинк поспешно отвел глаза, чтобы не смотреть на уродливую морду и не встретить смертоносный взгляд.

Солдат опустил ящерицу в клетку, а второй, тоже в темных очках, поспешно задвинул крышку. Остальные с облегчением вздохнули. Ящерица скреблась в клетке, выискивая путь наружу, но пути не было. Она гневно вперила взгляд в прутья клетки, но он не действовал на металл. Третий солдат набросил на клетку тряпку, изолировав тварь от внешнего мира. Бинк перевел дух. Ясно, что все здесь тщательно подготовлено и отрепетировано, солдаты точно знали, что делать.

— Бинк, шаг вперед! — тем же тоном скомандовал Трент.

Бинк замер от ужаса. Но в сознании все еще билась мысль: «Все это блеф. И она тоже в нем участвует. Они специально все так подстроили, чтобы я решил, будто Трент превратил ее и теперь очередь за мной. А все ее речи против Трента — это просто чтобы я поверил в ее искренность».

Но он и сам почти не верил в это. Память о знамении придавала происходящему жуткую реальность. Смерть нависла над головой на бесшумных крыльях стрекоястреба...

Но родину он не предаст. На дрожащих ногах Бинк шагнул вперед.

Трент сосредоточил на нем взгляд — и мир опрокинулся. Перепуганный, ничего не соображающий Бинк рванулся к ближайшему кусту. Едва он приблизился, зеленые листья пожухли. А потом сверху упал сачок. Вспомнив, как он убегал от провального дракона, Бинк в последний момент сиганул в обратном направлении, и сачок опустился рядом. Бинк взглянул на солдата, у которого в пылу погони сползли очки. Взгляды их встретились — и человек рухнул замертво.

Сачок отлетел в сторону, но другой солдат тут же подхватил его. Бинк вновь рванулся к увядшему кусту, но на этот раз сачок накрыл его. Он беспомощно затрепыхался в сетке, молотя крыльями и хвостом, зазубрины которого застревали в ткани, растопырив когти и щелкая клювом в пустоту.

Потом его вывалили из сачка. Тряхнули раз-другой — и когти с хвостом отцепились от сетки. Растопырив крылья, Бинк навзничь приземлился на дно клетки. Он возмущенно каркнул и встал на ноги. Свет потускнел — клетку накрыли тряпкой, чтобы никто не видел его морды. Он стал василиском.

Вот тебе и показательный урок! Он не только видел, как Иду превратили в василиска, но и на себе это испытал. И одним взглядом убил солдата. Если до сего момента в армии Трента были скептики, то теперь их явно не останется.

Он увидел скрученный шипастый хвост другого василиска. Самки. Она стояла, повернувшись к нему спиной. В нем взыграла василисочья порода. Спутников ему не нужно. Он свирепо набросился на нее, кусая, царапая когтями. Она мгновенно развернулась, опираясь на мускулистый змеиный хвост. На какую-то долю секунды они оказались мордой к морде.

Она была отвратительна, страшна, мерзостна, ужасна и пакостна — ничего более отталкивающего он в жизни не видел. Но она была самкой, а значит, привлекательна по самой своей сути. Парадоксальное ощущение притяжения-отталкивания заполнило его сознание, и Бинк упал без чувств.

Когда он очнулся, дико болела голова. Он лежал в яме, на охапке сена. Вечерело.

— Похоже, мощь василисочьего взгляда сильно преувеличена,— сказала Ида.— Мы оба живы.

Значит, это ему не привиделось.

— Вроде того,— согласился Бинк.— Но я чувствую себя немножечко мертвым.

Тут Бинка посетила мысль, которая прежде возникала лишь очень смутно. Василиск — существо магическое, но при этом способное на магические действия. А он к тому же побывал разумным василиском, поразившим врага с помощью магии. И как это все согласуется с его теорией магии?

— Дрался ты неплохо,— говорила между тем Ида.— Того солдата уже похоронили. В лагере у них мертвая тишина.

Мертвая... Не в том ли заключался смысл знамения? Он не умер сам, но убил — убил ненамеренно, убил способом, совершенно чуждым его природе. Так что же, знамение можно считать исполнившимся?

Бинк выпрямился. Ему пришла в голову еще одна мысль.

— У Трента подлинный талант. Он превратил нас. По-настоящему.

— Подлинный,— мрачно согласилась Ида.— Признаюсь, раньше я сомневалась. Но теперь верю.

— Наверное, он превратил нас обратно, когда мы валялись без сознания.

— Ну да. Он провел показательный урок, и только.

— Очень даже показательный.

— Да уж! — Ида передернулась.— Бинк, я... я не знаю, смогу ли еще раз пережить такое. Дело не только в превращении. Это...

— Я понимаю. Из тебя получился на редкость уродливый василиск.

— Да я во всех обличьях уродиной останусь. Но такая злоба, тупость, мерзость — это невыносимо! Провести остаток жизни в таком виде...

— Я тебя не виню,— сказал Бинк. Но что-то никак не давало ему покоя. Они пережили нечто столь важное, что разбираться во всех нюансах придется еще долго.

— Я и подумать не могла, что кто-то сумеет заставить меня пойти против совести. Но это... это...— Ида закрыла лицо руками.

Бинк молча кивнул и тут же немного сменил тему:

— А ты заметила, что эти твари были самцом и самкой, василиском и василисочкой?

— Естественно,— сказала она, взяв себя в руки.— Мы ведь тоже самец и самка. Волшебник может изменить нашу форму, но не пол.

— Но василиски же бесполые. Они вылупляются из яиц, снесенных петухом. Он им вместо родителей.

Она задумчиво кивнула, вникая в суть проблемы:

— Ты прав. Если есть самцы и самки, то они должны спариваться и размножаться. Отсюда следует, что они не василиски. Парадокс!

— Должно быть, само определение неправильно,— сказал Бинк.— Или все, что нам известно о происхождении этих чудовищ,— сплошные выдумки, или мы были не настоящими василисками.

— Настоящими, будь уверен.— Она поморщилась от жутких воспоминаний.— Лично я нисколько не сомневаюсь. Впервые в жизни я рада своей человеческой внешности.— В ее устах это признание дорогого стоило.

— Это значит, что магия Трента насквозь реальна,— сказал Бинк.— Он не просто меняет внешний вид, он действительно превращает одно в другое. Понимаешь? — Но тут терзавшая его неясная мысль обрела наконец форму: — Но если магия исчезает за пределами Ксанфа, сохраняясь только на узкой полоске вдоль щита, то нам достаточно было бы...

— Бежать в Обыкновению! — подхватила Ида.— И со временем мы обрели бы свой изначальный вид. Так что изменить нас навсегда он не может.

— Выходит, хоть его умение настоящее, оно в то же время ненастоящее,— заметил Бинк.— И придется ему держать нас здесь, в яме, иначе мы убежим и окажемся вне его власти. А ему непременно надо прорваться в Ксанф — только там он сможет действовать в полную силу. Сейчас, правда, у него тоже достаточно силы, но только военной. И может он только убивать.

— А здесь он ощущает лишь дразнящий вкус настоящей силы,— добавила Ида.— И в Ксанф ему *очень* хочется!

— Но пока что мы в его власти.

Ида вытащила кирпичи на свет.

— И что ты намерен делать? — спросила она.

— Если он отпустит меня, пойду в Обыкновению. Я ведь туда и направлялся, пока не попал в засаду. От Трента я усвоил одно — что там вполне можно выжить. Но я постараюсь хорошенько запомнить маршрут: похоже, с той стороны Ксанф обнаружить трудно.

— Нет, я про Щитовой камень.

— Ничего.

— Ему не скажешь?

— Еще чего! Мы же теперь знаем, что его магия для нас не страшней его солдат, и прежнего страха уже нет. Но это не меняет дела. Если ты расскажешь ему, я сердиться не буду.

Ида посмотрела на него. Лицо ее не стало привлекательнее, но на нем появилось какое-то особенное выражение.

— Знаешь, Бинк, ты настоящий мужчина.

— Да брось ты! Я ничтожество. У меня нет магии.

— Есть. Ты просто не знаешь, в чем она.

— Это одно и то же.

— А я ведь пришла сюда за тобой.

Теперь он начал понимать. Она услышала о нем в Ксанфе, о человеке без магии. И поняла, что в Обыкновении это недостатком не будет. Чем не пара — мужчина, лишенный магии, и женщина, лишенная красоты. Союз ущербных. Со временем к ее внешности можно привыкнуть, а все прочие ее качества достойны только похвалы. Остается одна закавыка.

— Я тебя понимаю,— сказал он.— Но только если ты начнешь помогать злому волшебнику, я тебя знать не хочу, даже если он тебя красавицей писаной сделает. Конечно, для тебя это значения не имеет, ведь ты можешь получить свою награду и в Ксанфе, когда Трент его завоюет. Если, конечно, в этот раз он захочет сдержать слово.

— Твои речи вдохновляют на подвиг,— отозвалась она.— Давай-ка сбежим!

— Но как?

— Кирпичи, тупица. Они затвердели. Как только стемнеет, сложим их один на другой...

— А решетка? Дверца-то на ней закрыта. Ну, поднимемся мы, а что толку? Если бы дело было только в этом, я подсадил бы тебя...

— Толк есть,— тихо проговорила Ида.— Мы сложим кирпичи, заберемся на них и поднимем саму решетку. Она не закреплена, я разглядела, когда нас сюда привели. Ее удерживает только сила притяжения. Решетка тяжелая, но ты сильный...

Бинк с внезапной надеждой поднял голову:

— Я приподниму край, а ты что-нибудь подложишь. И так, постепенно...

— Тише! — сердито прошептала Ида.— Нас могут подслушивать.— Но одновременно она кивнула.— Ты правильно уловил мысль. Может и не получиться, но попробовать надо. А потом нужно выведать, где он хранит этот свой эликсир, и уничтожить запас, чтобы он не смог ничего сделать, даже если от кого-то еще узнает, где камень. Я все продумала.

Бинк улыбнулся. Ида начинала ему нравиться.

Глава 10

ПОГОНЯ

Ночью они уложили кирпичи лесенкой. Некоторые кирпичи раскрошились — скудного солнечного света не хватило, чтобы толком их просушить,— но в целом они оказались на удивление прочными. Бинк внимательно прислушивался к стражникам, ожидая, когда начнется так называемый перекур. Тогда он вскарабкался на самый верх кучи, уперся руками в решетку и толкнул.

Мышцы его напряглись, и тут он сообразил, почему Ида затребовала ширму для «гигиенического уголка». Прятать от посторонних глаз не свое незавидное тело, а кирпичи, чтобы сохранить их до самого момента побега. А он-то ничего не понял.

Это открытие прибавило ему сил. Он изо всех сил толкнул решетку, и она с невероятной легкостью поднялась. Ида забралась к нему и просунула под приподнявшийся край ночной горшок. Ох-х! Вот бы кто-нибудь изобрел такой горшок, чтобы от него розами пахло!

Но дело свое горшок сделал: поддерживал решетку, пока Бинк сдвигал ее. Наконец щель расширилась настолько, что в нее можно было пролезть. Бинк подсадил Иду, а потом вылез сам. Никто их не заметил. Они были свободны.

— Эликсир вон на том корабле,— прошептала Ида, показывая во тьму.

— А ты откуда знаешь? — спросил Бинк.

— Мы проходили мимо, когда нас вели на... превращение. Что еще можно так тщательно охранять? А на борту у него катапульта. Я видела.

Ничего не скажешь, смотрела в оба. Не красавица, конечно, но чертовски умна. Ему-то и в голову не пришло изучить обстановку столь... аналитически.

— А вот получить эликсир будет непросто,— продолжила Ида.— Придется, пожалуй, захватить весь товар. Под парусом ходить умеешь?

— Я только на шлюпке плавал. Ну, не считая яхты Ирис, но она была ненастоящая. Скорее всего, морская болезнь прихватит.

— Меня тоже,— сказала она.— Крысы мы с тобой сухопутные. Так что там нас искать не будут. Пошли.

Что ж, всяко лучше, чем в василисках ходить.

Они прокрались к берегу и зашли в воду. Бинк тревожно обернулся и увидел, что к их яме приближается огонек.

— Быстрее! — прошептал он.— Мы забыли положить решетку на место. Они сразу поймут, что мы сбежали.

Хорошо еще, что оба они оказались недурными пловцами. Сбросив одежду — кстати, интересно, куда она девалась во время превращения? вновь необъяснимые тайны магии? — они бесшумно поплыли к паруснику, стоящему в четверти мили от берега. Темные глубины, над которыми он проплывал, не на шутку беспокоили Бинка: кто знает, какие в обыкновенских морях чудища водятся?

Вода была не очень холодной, и Бинк поначалу разогрелся интенсивными гребками, но вскоре устал и замерз. Тем же страдала и Ида. С земли корабль казался совсем близко — но это если идти пешком. Проплыть такое расстояние — дело нешуточное.

Потом возле ямы, где их держали в заточении, поднялась суматоха. Огненными жучками мелькали огни, ничего, однако, не поджигая. Эта картина подстегнула Бинка.

— Надо побыстрей доплыть,— прохрипел он.

Ида не отвечала — плавание поглощало все ее силы.

Их заплыв все не кончался, вместе с силами уходила надежда. Но наконец они добрались до парусника. На палубе, выделяясь черным силуэтом в свете луны, стоял матрос и внимательно вглядывался в берег.

Ида подплыла вплотную к Бинку.

— Ты... на ту сторону,— с трудом прошептала она.— Я... отвлеку.

Смелая девчонка! Ведь матрос может запросто подстрелить ее. Бинк поспешно обогнул киль. По ксанфским меркам это был большой корабль — локтей сорок в длину. Но если Трент не врал насчет Обыкновении, там имеются корабли и побольше.

Бинк вытянул руку и вцепился в край корпуса, усиленно пытаясь вспомнить, как же правильно называется эта часть корабельного хозяйства, но так и не вспомнил. Главное, чтобы другие матросы не заметили его. Он осторожно перевалился через планшир — во, кстати и вспомнил! — стараясь не раскачивать судно.

В самый подходящий момент подняла шум Ида — утопающей прикинулась. Матросы — всего четверо — подбежали к поручням. Бинк старался двигаться как можно тише. Перемещался он с большим трудом, ноги словно налились свинцом и не желали ему повиноваться. Ступив на палубу, он тут же упал, и судно слегка накренилось. Но матросы этого не заметили, все их внимание было приковано к спектаклю, который разыгрывала перед ними Ида.

Бинк поднялся на ноги и прокрался к мачте. Паруса были спущены и прикрытия никакого не давали. Как только матросы со своими фонарями повернутся, они его тут же обнаружат.

Значит, надо действовать первым. Бинк не чувствовал себя готовым к бою, отяжелевшие ноги и руки плохо слушались его, но драка была неизбежна. Бесшумно, с бешено колотящимся сердцем он приблизился к четверке и встал у них за спинами. Матросы, перегнувшись через поручень, пытались разглядеть Иду, которая по-прежнему производила изрядный шум. Левой рукой Бинк схватил ближайшего матроса за шиворот, а правой — за штанину, резко дернул, и парень с криком полетел за борт. Второй обернулся на крик товарища, но поздно и тем же манером был отправлен за борт. Однако он успел одной рукой ухватиться за поручень и повис. Бинк ударил его по пальцам. Матрос разжал руку и упал в море.

Но Бинк потерял несколько драгоценных секунд. Двое оставшихся набросились на Бинка. Один схватил его за плечо, собираясь провести удушающий прием, а второй зашел сзади. Как же советовал поступать в такой ситуации Кромби? Бинк на-

прятся и вспомнил. Он зацепил нападавшего рукой, согнул ноги в коленях, наклонился вперед и дернул. Получилось! Матрос перелетел через плечо Бинка и шлепнулся спиной на палубу.

Но надвигался четвертый противник, размахивая кулаками. Скользящий удар в висок оглушил Бинка. Он упал, и матрос навалился на него. Хуже того, Бинк увидел, как через планшир перебирается один из тех, кого он сбросил в море. Бинк взбрыкнул ногами, стараясь сбросить противника, но прием не сработал. Крепкий морячок вжал Бинка в доски палубы, а второй стоял уже совсем рядом.

Стоящий занес ногу для удара. А Бинк не мог даже шелохнуться — он был накрепко припечатан к палубе. Нога взметнулась... и опустилась на голову соперника Бинка. Тот со стоном откатился в сторону. Получить ногой по голове — радости мало. Но как же тот, второй, мог промахнуться с такого близкого расстояния? Наверное, не разобрал в темноте. Фонари-то попадали в воду вместе с владельцами...

— Помоги мне перекинуть его за борт,— сказала Ида.— Надо корабль очистить.

А он принял ее за матроса, даже без одежды. Что, опять плохое освещение виновато? Лунный свет — это, конечно, очень мило, но не в такой же ситуации!

А двое оставшихся матросов уже карабкались на борт. Не сговариваясь, Бинк подхватил оглушенного противника под мышки, а Ида — за ноги.

— Раз-два, взяли! — скомандовала она.

Матрос полетел за борт, увлекая за собой двух своих товарищей. Вся троица с шумом плюхнулась в воду. Бинк надеялся, что купание приведет их в чувство и у них хватит сил доплыть до берега. Четвертый бездыханным лежал на палубе.

— Поднять якорь! — распорядилась Ида.— А я пойду за багром.

Она поспешила к каюте. Луна освещала ее худощавую фигурку.

Бинк отыскал якорную цепь и принялся тянуть. Он не умел с ней обращаться, поэтому цепь постоянно клинило, но наконец ему удалось поднять якорь.

— Что ты с парнем сделал? — спросила Ида, опускаясь на колени перед поверженным матросом.

— Бросок через себя. Меня Кромби научил.

— Кромби? Не припомню...

— Солдат, с которым я в Ксанфе познакомился. Мы попали в разноцветный град, а потом я вернулся за Нусой, но... в общем, запутанная история...

— Да-да, ты что-то говорил про солдата.— Она немного помолчала.— Нуса? Ты пошел за ней? А зачем?

— Она убежала в самую бурю и... короче, она мне понравилась.— Тут он сообразил, что, возможно, допустил бестактность, и поспешил сменить тему: — Куда девались остальные матросы? Утонули?

— Я им вот это показала.— Она подняла зловещего вида багор.— Они предпочли поплыть к берегу.

— И нам пора двигать. Только знать бы, как паруса поднять.

— Это ни к чему. Течение несет нас в море. А ветер дует к берегу. Начнем с парусами разбираться — только испортим все.

Бинк посмотрел на второй корабль. Там зажглись огни.

— А матросы-то не к берегу поплыли, а к соседям. Сейчас за нами погонятся. Под парусом, между прочим.

— Не выйдет,— сказала она.— Ветер не тот, я же говорила.

Но на втором корабле поднимали парус. Должно быть, умеют ходить и при встречном ветре.

— Надо бы эликсир найти побыстрее,— сказала Ида.

— Точно.— Бинк совсем забыл про эликсир. Но если бы не это, они ушли бы сушей и давным-давно были в Обыкновении. Но как можно жить, зная, что купил свою свободу, оставив Ксанф на милость злого волшебника? — Мы его за борт выплеснем.

— Нет!

— Но я думал...

— Он останется у нас вместо заложника. Пока эликсир при нас, они нас не тронут. Будем по очереди стоять на палубе и держать сосуд над морем, чтобы они видели. Если что-то случится...

— Отлично! — воскликнул он.— Сам бы я ни за что не додумался.

— Сначала пойдем отыщем нашего заложника. Если мы ошиблись с кораблем, если здесь только катапульта, а эликсир на другом...

— Тогда они за нами не погонятся.

— Еще как погонятся! Им же нужна катапульта. А еще больше нужны мы.

Они обыскали корабль. В каюте на цепи сидело чудовище, подобного которому Бинк еще не видывал. Оно было некрупное, но очень страшное. Тело сплошь покрыто густой шерстью, бслой с черными пятнами. У чудовища был тонкий хвост, черные висячие уши, небольшой черный нос и сверкающие белые зубы, а на четырех лапах — крепкие когти. Завидев Бинка, оно сердито зарычало. Но оно было за шею приковано к стене, и цепь сдерживала его безумные прыжки.

— Что это? — в ужасе спросил Бинк.

Ида задумалась:

— По-моему, волколак.

Теперь и Бинку привиделось что-то знакомое в облике чудища. Оно и в самом деле походило на волколака в волчьей фазе.

— Здесь, в Обыкновении?

— Ну, может, родственник какой. Голов бы побольше — был бы вылитый цербер. А раз голова одна, получается, что это... собака.

Бинк открыл рот от изумления:

— Собака! Наверное, ты права. Я-то никогда прежде живых собак не видел. Только на картинке.

— В Ксанфе они теперь не водятся. Раньше были, но, наверное, сюда перекочевали.

— Через щит? — с сомнением спросил Бинк.

— Разумеется, еще до щита... Правда, мне попадались упоминания о собаках, кошках и лошадях, относящиеся к прошлому веку. Впрочем, я могла даты перепутать.

— Да, похоже, это собака. Вид у нее злобный. Наверное, эликсир охраняет.

— Обучена нападать на чужих,— кивнула Ида.— Боюсь, нам придется ее убить.

— Но это очень редкий вид. Может, одна во всем мире осталась.

— Этого мы не знаем. Не исключено, что в Обыкновении собак как волколаков нерезаных. Но она довольно милая, если приглядеться.

Собака успокоилась, хотя и поглядывала на них настороженно. Бинк подумал, что такой взгляд бывает у маленького дракона, когда он смотрит на кого-то, кого ему не достать. И выжидает — а вдруг повезет, и этот кто-то подойдет поближе...

— Давай попробуем привести в чувство матроса, пусть он ее приструнит,— предложил Бинк.— Зверина явно приучена слушаться членов команды. Иначе она бы и их до эликсира не допускала.

— Мысль правильная,— согласилась Ида.

Матрос пришел в себя, хоть и не сразу. Драться он был явно не в состоянии.

— Мы отпустим тебя,— сказала Ида,— только скажи нам, как укротить собаку. Не хотелось бы ее убивать.

— Кого, Дженнифер? — обалдело спросил матрос.— Просто назовите ее по имени, по головке потреплите, дайте покушать.— Он опустился на спину.— По-моему, ключица сломана.

Ида посмотрела на Бинка.

— Значит, плыть он не сможет. Мы же, в отличие от Трента, не чудовища.— Она обратилась к матросу: — Если дашь слово, что не будешь нам мешать, мы поможем тебе. Договорились?

— Договорились,— мгновенно отозвался матрос.— Как же я вам помешаю? Мне и не встать.

Бинку этот разговор не понравился. Они с Идой повели себя ничуть не лучше Трента — предлагают пленному помощь в обмен на сотрудничество.

Ида прощупала плечи матроса.

— Ой! — вскрикнул он.

— Я не лекарь, но, по-моему, ты не ошибся,— сказала Ида.— Кость сломана. Есть у вас на судне полушки?

Она принялась хлопотать над матросом.

— Слушайте,— сказал матрос, явно стараясь отвлечься от боли.— Трент никакое не чудовище. Зря вы его так называете. Он отличный командир.

— Обещал отдать весь Ксанф вам на разграбление? — с издевкой спросила Ида.

— Нет. Только обеспечить всех землей и работой.

— И что, никаких убийств, насилия, грабежа? — В ее голосе отчетливо слышалось недоверие.

— Ничего такого. Сейчас ведь не прежние времена. Наше дело — охранять его и поддерживать порядок на новых землях, а он даст каждому из нас по пустующему участку земли. Он говорит, что Ксанф малонаселен. И еще... он обещал принять меры, чтобы местные девушки выходили за нас замуж и у нас были семьи. Если их там не хватит, он привезет баб из реального мира. А до той поры будет превращать в баб каких-нибудь умных животных. Сначала я думал, что это он так шутит, но когда услышал про этих васей... в смысле, лисов...— Он тряхнул головой и скривился от боли.

— Не верти головой,— с некоторым опозданием сказала Ида.— Про василисков все правда. Мы ими побывали. Но вот невесты из животного мира...

— Ничего в том ужасного нет, барышня. Сугубо временно, пока не прибудут настоящие бабы. А так, если она и на вид, и на ощупь как баба, то не все ли равно, какой сукой она была раньше. Да многие бабы и так-то суки...

— А что такое «сука»? — спросил Бинк.

— Не знаешь, что ли? — Матрос вновь скривился.— Собака женского пола. Как Дженнифер. Да если бы Дженнифер была в человеческом облике...

— Довольно,— пробормотала Ида.

— В общем, мы получим наделы и на них поселимся. А дети у нас будут с магией. Знаете, я ведь из-за этого самого к Тренту и завербовался. Поймите правильно, я не верю в магию — точнее, не верил,— но еще совсем мальцом крепко запомнил сказки волшебные, про царевну-лягушку, про хрустальную гору, про три желания... Понимаете, здесь-то я в одной левой конторе пасся, и осточертела мне вся эта крысиная гонка...

Бинк молча покачал головой. Из слов матроса он понял только половину, и из этой половины выходило, что Обыкновения — местечко малосимпатичное. Люди пасутся, как скот, да не в полях, а в конторах, к тому же почему-то левых, а крысы участвуют в гонках? М-да, от таких обычаев Бинк тоже убежал бы куда подальше.

— А так появилась возможность честно крестьянствовать на своей земле,— продолжал матрос, и голос его не оставлял сомнений в верности этой мечте.— Представляете, что это значит — владеть землей, выращивать урожай? А дети мои будут магами, настоящими магами... В это мне до сих пор как-то не верится, но даже если это неправда, в нее так сладко верить.

— Но вторгаться в чужую страну, брать то, что тебе не принадлежит...— Ида замолчала, уверенная, по всей видимости, что обсуждать такие вещи с моряком бесполезно.— Он предаст вас, как только вы перестанете быть ему нужны. Он же злой волшебник, изгнанный из Ксанфа.

— Значит, он и вправду может превращать? — радостно спросил матрос, словно не веря своим ушам.— Я-то думал, это просто ловкие фокусы. То есть я, конечно, иногда верил в его волшебство, но когда задумывался хорошенько...

— Что-что, а превращать он умеет, будь уверен,— сказал Бинк.— Мы ж рассказывали, как он нас превратил в...

— Может, хватит об этом? — попросила Ида.

— И все равно он отличный командир,— настаивал матрос.— Он рассказывал нам, как двадцать лет назад его выгнали с родины, потому что он хотел стать королем, как он потерял свою магию, женился на здешней девушке и у них родился мальчик.

— У Трента есть семья в Обыкновении? — удивленно спросил Бинк.

— Мы свою страну по-другому называем,— заметил матрос.— Да, у него была семья. Пока не пошла эта непонятная зараза, то ли грипп, то ли пищевое отравление... В общем, жена и сын заразились и умерли. Он сказал, что наука не смогла спасти их, а вот магия справилась бы с болезнью, и именно тогда он решил вернуться в волшебную страну, Ксанф по-вашему. Но если бы он просто пришел один, его бы там убили, даже сумей он пройти через этот, как его... щит. Поэтому он собрал войско и... О-ой!

Это Ида, перемотав плечо матроса тряпицами, подоткнула ему подушку под руку.

Они устроили матроса со всеми возможными при таких обстоятельствах удобствами. Бинку хотелось бы еще поговорить

с этим человеком, слушать его невероятные рассказы. Но они теряли время — второй корабль догонял их. Это было видно по парусу. Судно шло зигзагами против ветра и приближалось с каждым маневром. Они с Идой ошиблись в расчетах — парусники *могли* идти против ветра. А в чем еще они ошиблись?

Бинк спустился в каюту. Его одолевала морская болезнь, но пока что ему удавалось побороть тошноту.

— Дженнифер,— опасливо сказал он, протягивая собаке найденную ими еду. Пятнистое чудище завиляло хвостом. Только и всего — теперь они друзья. Бинк набрался храбрости и погладил чудище по голове. И оно его не укусило! Пока собака ела, Бинк отворил столь усердно охраняемый ею сундук и извлек оттуда ящичек, набитый ватой, а из ящичка — пузырек с зеленоватой жидкостью. Победа!

Держа в руках пузырек, Бинк вышел на палубу и тут же услышал тревожный голос матроса:

— Барышня! Щит...

Ида с беспокойством осмотрелась:

— Течение несет нас *туда?*

— Да, барышня. Я обещал не вмешиваться, но, если вы скоренько не развернете наше корыто, мы все погибнем. Щит работает четко. Я сам видел, как звери лезли через него — и поджаривались.

— Как нам определить, где он? — спросила Ида.

— Вон там мерцает, видите? — С трудом подняв руку, матрос показал вперед.

Бинк пригляделся и тоже заметил мерцание. Их неумолимо сносило к мертвенно-белой, слабо светящейся завесе. Щит!

— Нам не остановиться! — крикнула Ида.— Идем прямо на щит!

— Бросайте якорь! — рявкнул матрос.

А что еще оставалось делать? Щит — это верная смерть. А остановка — плен. Даже угроза уничтожить эликсир их не спасет — куда они денутся с корабля-то?

— Попробуем уйти на шлюпке,— сказала Ида.— Дай-ка мне бутылочку.

Бинк передал ей эликсир и перебросил якорь через планшир. Якорь достал до дна, и корабль медленно развернулся.

Щит маячил совсем близко, но и до вражеского корабля было недалеко. Теперь Бинк понял, почему там шли под парусом. Судно не потеряло управления, и ему не грозило врезаться в щит.

Они спустили шлюпку, но в тот же миг их залило светом прожектора. Ида подняла руку с бутылочкой.

— Я выброшу эликсир! — крикнула она преследователям.— Если застрелите меня, он утонет вместе со мной!

— Верни его,— раздался голос Трента.— Даю слово, что отпущу вас обоих.

— Ага, разбежалась,— пробормотала Ида.— Бинк, можешь грести в одиночку? Боюсь выпускать эту штуку из рук, пока они еще могут достать нас стрелами. Что бы с нами ни случилось, главное, чтобы эликсир не достался им.

— Попробую,— сказал Бинк. Он уселся поудобней, схватил весла и навалился. Одно весло ударилось о борт судна и треснуло, второе погрузилось в воду. Шлюпку развернуло.

— Оттолкнись веслом! — закричала Ида.— Ты меня чуть не сбросил!

Бинк попытался оттолкнуться веслом от борта корабля, но ничего не получалось — весло упорно не хотело вылезать из уключины. Лодку подхватило течением, пронесло вдоль судна, и она оказалась за кормой.

— Прямо на щит плывем! — завопила Ида, размахивая пузырьком.— Греби! Греби же! Разверни лодку!

Бинк принялся грести изо всех сил. Беда была в том, что сидел он задом наперед и не мог видеть, куда направляет шлюпку. Ида пристроилась на корме, держа на весу пузырек и вглядываясь вперед. Бинк совладал с веслами и развернул лодку. Теперь мерцающая завеса оказалась сбоку. Она была по-своему красива — ее призрачное сияние прорезало ночную тьму. Но Бинк, исполненный ужаса, налегал на весла, стремясь отгрести подальше.

— Иди параллельно завесе! — распорядилась Ида.— Чем ближе к ней мы будем держаться, тем труднее им будет подойти к нам. Может, вообще прекратят погоню.

Бинк с удвоенной силой налег на весла. Шлюпка рванулась вперед. Но к гребле он был непривычен, к тому же еще не оправился после заплыва и понимал, что долго не продержится.

— К щиту приближаемся! — крикнула Ида.

Бинк поднял голову. Щит заметно приблизился. Но он же греб совсем не туда!

— Течение,— сказал он.— Вбок нас сносит.

А он-то по своей наивности предположил, что коли уж начал грести, то все прочие силы действовать перестанут.

— Греби прочь от щита! — воскликнула Ида.— Быстрее!

Бинк развернул шлюпку, но щит не отдалялся. Течение несло их с той же скоростью, с какой он мог грести. Хуже того, ветер начал меняться. И крепчать. Пока Бинку удавалось оставаться на месте, но он быстро выбивался из сил.

— Я... больше... не могу...— пропыхтел он, не сводя глаз с сияющей завесы.

— Вижу остров,— сказала Ида.— Давай туда!

Бинк огляделся и увидел сбоку что-то черное. Об это черное, пенясь, разбивались волны. Остров? Скорее просто скала. Но если получится к ней причалить...

Он напрягся до предела, но этого оказалось недостаточно. Начинался шторм. Они пролетят мимо скалы. А жуткий щит все ближе...

— Дай-ка я! — крикнула Ида, поставила бутылочку, сползла с кормы, села напротив Бинка и тоже схватилась за весла и принялась грести, мгновенно подстроившись под его ритм.

Дело пошло лучше. Усталый Бинк чуточку ослабил внимание. В неверном свете луны, то и дело закрываемом густеющими стремительными тучами, обнаженное тело Иды представлялось не столь уж бесформенным, его контуры приобрели женственность. Сумрак и воображение делали ее почти привлекательной — и это смущало Бинка, потому что он не имел права думать о таких вещах. Ах, какой славной подругой была бы Ида, если бы только...

Шлюпка врезалась в скалу и накренилась — а может, качнулась скала?

— Держись! — крикнула Ида, когда через борт хлынула вода.

Бинк выставил вперед руки и попытался зацепиться за камень. Камень был шершавый и скользкий одновременно. Бинка накрыло волной, рот наполнился соленой пеной. Вокруг почернело — тучи полностью закрыли луну.

— Эликсир! — воскликнула Ида.— Я оставила его в...

Она кинулась на корму, уже ушедшую под воду. Бинк не мог даже окликнуть ее, поскольку еще не успел отплеваться. Он цеплялся за скалу, пальцами нащупывая неровности для упора, а согнутыми ногами удерживая лодку. Его посетила совершенно нелепая мысль — если бы какой-нибудь тонущий великан ухватился за землю Ксанфа, его пальцы нащупали бы Провал. Уж не для того ли и создан этот самый Провал? Должно быть, крошечным обитателям скалы тоже не сильно нравится та трещина, за которую уцепились гигантские пальцы Бинка. А есть ли у них забудочные чары, чтобы не думать об этой жуткой пропасти?

Вдалеке сверкнула молния. Бинк разглядел мрачную громаду камня, но никаких крохотных людей на нем не заметил. Зато увидел непонятный блик, словно свет молнии отразился от чего-то. Он сосредоточил взгляд на этом месте, но молний больше не было, и он не сумел ничего разглядеть. Но почувствовал, что отблеск шел от чего-то крупного.

Вновь сверкнула молния, на сей раз ближе, и Бинк на мгновение вполне отчетливо разглядел...

Громадную зубастую рептилию. А отблеск исходил от злобных глаз твари.

— Морское чудище! — в ужасе закричал Бинк.

Ида судорожно дернула весло и, вырвав его из уключины, прицелилась. Шмяк! Конец весла угодил по зеленой, покрытой броней морде. Чудовище отступило.

— Надо убираться отсюда! — крикнул Бинк.

Не успел он произнести эти слова, как их вновь накрыло волной. Лодку приподняло и выбило из-под ног Бинка. Он успел обхватить одной рукой тощую талию Иды. Ему казалось, что пальцы второй руки не выдержат напряжения и сломаются, но они по-прежнему крепко цеплялись за трещину, и Бинк удержался на месте.

Снова вспыхнула молния, и Бинк увидел небольшие треугольные выступы, похожие на несушиеся над волнами паруса. Что это?

Но тут совсем рядом из воды высунулось еще одно чудище. В полной темноте Бинк начал различать легкое свечение мор-

ской воды и сумел разглядеть единственный громадный глаз в самом центре круглой выпуклой хари и длинные толстые усы по обе стороны. Бинк остолбенел от ужаса, прекрасно понимая, что большая часть жутких деталей нарисована его воображением. Но он не в силах был отвести взгляд от кошмарной твари.

Очередная вспышка молнии подтвердила созданную воображением картину. Это был *очень* страшный монстр!

Преодолевая ужас, Бинк отчаянно старался придумать какой-нибудь способ избавления. Но одной рукой он цеплялся за скалу, другой поддерживал Иду. Он ничего не мог предпринять. А вот Ида...

— Весло! — прохрипел он.

Но чудище их опередило. Оно поднесло лапы к морде... и сняло ее. Под зверским рылом оказалось лицо злого волшебника Трента.

— Вы, идиоты, устроили нам веселую жизнь! Отдавайте эликсир, а я велю сбросить с корабля веревку.

Бинк заколебался. Он изнемогал от усталости и холода и понимал, что долго бороться со штормом и течением не сможет. Оставаться здесь равносильно смерти.

— Тут поблизости крокодил ошивается,— продолжил Трент.— И парочка акул. Они ничуть не лучше тех мифических чудовищ, с которыми ты знаком. У меня с собой есть репеллентная жидкость, но она не успеет толком раствориться — течением сносит. А кроме того, у этих скал иногда образуются водовороты, особенно в шторм. Вам без помощи не обойтись, а оказать ее могу только я. Отдайте мне пузырек!

— Никогда! — воскликнула Ида и бросилась в черную пучину.

Трент рывком нацепил маску и нырнул за Идой. Бинк успел заметить, что из одежды на волшебнике только узкая перевязь, на которой висит длинный меч. Совершенно не соображая, что делает, Бинк нырнул следом.

Встретились они под водой, в темных бурляших струях, где могли только мешать друг другу. Бинк пытался всплыть на поверхность, не понимая, за каким лешим он сюда сунулся, зато прекрасно отдавая себе отчет, что здесь-то утонет наверняка.

Но кто-то вцепился в него мертвой хваткой. А так надо выбраться, глотнуть хоть немного воздуха! Но вода крепко держала всех троих, волоча по кругу, по кругу...

Это был водоворот, неодушевленное чудовище глубин. Оно всасывало их все глубже и глубже, в ненасытную черную дыру своей утробы. Второй раз в жизни Бинк почувствовал, что тонет, но теперь никакая чародейка ему на помощь не придет.

Глава 11

ГЛУХОМАНЬ

Бинк очнулся лицом в песке, окруженный безжизненными щупальцами какого-то зеленого монстра.

Он застонал и сел.

— Бинк! — радостно воскликнула Ида и по песку устремилась к нему.

— Я думал, еще ночь,— сказал он.

— Ты был без сознания. В этой пещере есть магическое свечение, а может быть, обыкновенское, потому что на том камне оно тоже было. Но здесь светит ярче. Трент выкачал из тебя воду, но я боялась...

— А это что? — прервал ее Бинк, изумленно глядя на щупальца.

— Это морской кряк,— сказал Трент.— Он вытащил нас из водоворота, собираясь сожрать, но эликсир из разбитого пузырька убил его. Это и спасло нам жизнь. Если бы бутылочка разбилась раньше, эликсир помешал бы кряку поймать нас и мы бы преспокойно утонули. А позже он бы нас слопал. С такими счастливыми совпадениями я еще не сталкивался.

— Кряк! — воскликнул Бинк.— Но он же магический!

— Мы вернулись в Ксанф,— сказала Ида.

— Но...

— Я могу сделать только один вывод: водоворот затянул нас ниже зоны действия щита,— сказал Трент.— Мы просто под ним проплыли. Возможно, помог и эликсир. Невероятный случай, и повторить этот путь в обратную сторону мне что-то не хочется. В этом водовороте я потерял свой дыхательный аппа-

рат; хорошо еще, успел набрать полные легкие воздуха. Нет уж, в Ксанф мы вернулись надолго.

— Похоже на то,— ошеломленно проговорил Бинк. Он-то ведь уже начал свыкаться с мыслью, что остаток жизни ему придется провести в Обыкновении, и распроститься с этой неприятной перспективой в одночасье было непросто.— Но почему ты спас меня? Ведь эликсир пропал...

— Поступить иначе было бы непорядочно,— сказал волшебник.— Понимаю, что ты с недоверием воспринимаешь такие слова из моих уст, но более убедительных доводов я в данный момент привести не могу. Против тебя лично у меня ничего нет и не было. Более того, признаюсь, мне симпатичны твои сила духа и верность нравственным принципам. Теперь можешь идти своей дорогой, а я своей.

Бинк погрузился в раздумья. Жизнь вновь сделала крутой поворот. Он снова в Ксанфе, и злой волшебник больше ему не лютый враг. Чем дотошней он перебирал в уме все подробности, тем нелепее казалась ситуация. Их всосал водоворот, протащил через воды, кишащие монстрами, под невидимым смертоносным щитом, а вытащило их растение-людоед, случайно убитое в тот самый момент, когда они оказались здесь?..

— Нет,— сказал Бинк.— Не верю. Так не бывает.

— Похоже, подействовал какой-то оберег,— заметила Ида.— Только при чем здесь злой волшебник?

Трент улыбнулся. Обнаженный, он выглядел ничуть не менее импозантно, чем в генеральском мундире. Несмотря на возраст, он оставался мужчиной стройным и крепким.

— Зло спасается вместе с добром. Какая ирония! Возможно, природа не всегда внимает человеческим воззрениям. Но, подобно вам, я реалист. Не стану притворяться, будто знаю, как мы попали сюда, но в том, что мы здесь, не сомневаюсь нисколько. А вот добраться до земли может оказаться проблемой. Нельзя сказать, что опасность уже позади.

Бинк оглядел пещеру. Здесь уже было душно, хотя это могло быть лишь игрой воображения. Выхода отсюда, похоже, нет, не считая подводного — того, которым они попали сюда. В одном уголке валялись дочиста обглоданные кости. Работа кряка.

Отнюдь не все было чистой случайностью. Морскому чудищу не найти более подходящего места для охоты, чем устье водоворота. Пищу для него добывало само море, большую ее часть по пути убивал щит, и кряку оставалось лишь извлекать из воды свеженькие трупики. А уединенная пещера — идеальное место, чтобы неспешно подкармливаться живностью. Держать ее на этом пляжике, откармливать по мере надобности, чтоб пребывала в добром здравии, когда кряк аппетит нагуляет. Такая вот кладовочка для свежей, вкусной и здоровой пищи. А если кому вздумается бежать отсюда, то ведь придется проплывать мимо щупальцев кряка, а тогда — уж извините! Так что кряк вполне мог сначала притащить сюда всю троицу, а потом помереть от действия эликсира. И совпадение было не в доли секунды, а в несколько минут. Конечно, тоже совпадение, но уже не столь невероятное.

Ида сидела на корточках у кромки воды, бросая в нее сухие листья. Должно быть, эти листья каждый год сбрасывал с себя кряк; только непонятно, зачем они ему понадобились здесь, куда не проникает солнечный свет. Может, сначала кряк был простым растением, а потом стал магическим и еще не успел адаптироваться? Или же листья выполняли какую-то задачу? Да, в природе еще много тайн. Как бы там ни было, Ида пускала листья по воде, а зачем — тоже непонятно.

Она заметила, что Бинк смотрит на нее.

— Течение отслеживаю,— пояснила она.— Видишь, вода течет вон туда. Под той стеной должен быть выход.

Бинк в который раз поразился ее сообразительности. Всякий раз, когда он застигал ее за каким-нибудь якобы бессмысленным занятием, оказывалось, что занятие это, наоборот, очень осмысленное. Девчонка она невидная, даже страшненькая, но котелок у нее варит что надо. Это ведь она придумала, как им выбраться из ямы и что делать дальше; она сумела нарушить все планы Трента относительно вторжения в Ксанф. И теперь снова что-то замышляет. Эх, до чего хороша, жаль только, портрет подкачал.

— Определенно,— согласился Трент.— Кряк в стоячей воде не живет, ему нужна проточная: пищу приносит, отбросы уно-

сит. Есть у нас выход. Хорошо бы он сразу вывел на поверхность и не пролегал через щит.

Бинку это не понравилось:

— Ну нырнем мы, допустим. А течение нас с милю под водой протащит. Наружу кверху брюхом всплывем.

— Друг мой,— сказал Трент,— именно над этим я и размышлял. Мои матросы нам на помощь не придут, мы ведь явно за щитом. Не хотелось бы мне доверяться течению, к тому же мы не знаем, что там за твари обитают. Но похоже, довериться все-таки придется, поскольку сидеть здесь до бесконечности мы не можем.

Что-то шевельнулось. Заметивший это Бинк обернулся, пригляделся. Одно из зеленых щупалец дернулось.

— Кряк оживает! — крикнул он.— Не подох!

— Угу,— согласился Трент.— Эликсир растворился в воде и улетучился. Магия возвращается. Я полагал, что такая концентрация способна убить магическое чудище, но, видимо, ошибался.

Ида внимательно следила за щупальцами. Начали дергаться и другие.

— Пожалуй, пора уносить отсюда ноги,— сказала она.— Да поживее.

— Но нельзя же соваться в воду, не зная, куда она нас вынесет,— возразил Бинк.— Мы же определенно на хорошей глубине. Чем тонуть, я бы остался и померился силами с кряком.

— Пока мы не выбрались на волю, предлагаю заключить перемирие,— сказал Трент.— Эликсир пропал, а вернуться в Обыкновению тем путем, которым попали сюда, мы не можем. Чтобы выйти отсюда, придется, по всей видимости, действовать сообща. К тому же в нынешней ситуации нам нет никакой надобности ссориться.

Ида ему не поверила:

— Значит, мы поможем тебе выбраться, а тогда перемирие закончится и ты превратишь нас в комаров. Раз мы снова в Ксанфе, возможности снова стать людьми у нас не будет.

Трент щелкнул пальцами.

— А я-то, дурак, забыл. Спасибо, что напомнила. Я же теперь могу употребить магию и вытащить нас отсюда.— Он бро-

сил взгляд на содрогающиеся зеленые щупальца.— Конечно, придется подождать, пока действие эликсира не прекратится совсем, поскольку он препятствует и моей магии. Это означает, что кряк будет в полном здравии. Превратить его я не могу — ведь основная часть его тела далеко отсюда.

Щупальца приподнялись.

— Бинк, ныряй! — крикнула Ида.— А то придется выбирать между кряком и злым волшебником.— Она бросилась в воду.

Вопрос решился сам собой. Она права: либо их сожрет кряк, либо превратит злой волшебник. А сейчас, пока остатки эликсира несколько притупляют обе угрозы, самое время убираться. И все же, если бы Ида не предприняла решительных действий, сам Бинк все еще раздумывал бы. Теперь, если она утонет, союзников у него не останется.

Бинк побежал по песку, споткнулся о щупальце и растянулся. Повинуясь инстинкту, щупальце обмоталось вокруг его ноги. Листья с тихим чмоканьем приклеились к его плоти. Трент обнажил меч и бросился к ним.

Бинк сгреб горсть песка и швырнул в волшебника, но это не помогло. Потом меч Трента со свистом опустился — и отрубил щупальце.

— Меня, Бинк, можешь не опасаться,— сказал волшебник.— Плыви, если желаешь.

Бинк вскочил и, вдохнув как можно глубже, бросился в воду. Перед собой он увидел дрыгающие ноги Иды, которая погружалась в глубину, увидел и зияющую темную дыру — единственный выход отсюда. Дыра испугала Бинка, и он остановился.

Его голова тут же вынырнула из воды. На песчаной площадке с мечом в руках стоял Трент и отбивался от наползающих на него щупалец. В это мгновение, сражаясь с монстром, волшебник служил живым олицетворением героизма. Но как только бой закончится, Трент сам станет чудовищем поопаснее кряка.

Бинк решился, вдохнул поглубже и вновь погрузился в воду. На этот раз он подплыл к мрачной дыре, а дальше его подхватило течение. Пути назад теперь не было.

Тоннель закончился, едва начавшись. В пути Бинк догнал Иду, и на поверхность они вынырнули вместе. Должно быть, Ида не так безоглядно рвалась сюда.

Они оказались в мерцающем гроте, точной копии только что покинутого ими. И в их сторону повернулось несколько голов — человеческих голов на человеческих телах, женских и весьма недурных собой. Лица напоминали эльфийские, волшебно сияющие густые косы падали на изящные обнаженные плечи и девичьи груди. Но ниже пояса тела переходили в хвосты. Русалки.

— Что вы делаете в нашей пещере? — возмущенно воскликнула одна из них.

— Мимо проплываем,— ответил Бинк. Русалки, само собой, говорили на общексанфском. Бинк не придал бы этому факту никакого значения, если бы Трент не обратил его внимания на то, как ксанфский сливается со всеми обыкновенскими языками. Да уж, широко простирает магия руки свои...— Где быстрей всего подняться на поверхность?

— Здесь,— сказала одна и показала налево.

— Здесь,— сказала вторая, показывая направо.

— Здесь,— вскричала третья, показывая прямо вверх.

Раздался взрыв мелодичного смеха.

Несколько русалок, блистая хвостиками, нырнули в воду, подплыли к Бинку и моментально окружили его. Вблизи они оказались еще привлекательней, чем издали. У каждой был восхитительный цвет лица — естественное следствие постоянного пребывания в воде,— а груди их приподнимала вода, отчего они казались еще пышнее. Наверное, Бинк слишком много времени провел в обществе дурнушки Иды — глядя на окружившие его прелести, он испытал приступ вожделения и тоски. Вот взять бы их всех сразу... Нет! Они же русалки. Не его тип.

На Иду они не обращали никакого внимания.

— Мужчина! — завопила одна из них, имея в виду, что Бинк — человек, а не русал.— Смотрите, у него две ноги! И нет хвоста!

Русалки разом ушли под воду и принялись разглядывать нижнюю часть тела Бинка. Будучи голым, Бинк почувствовал себя весьма неловко. Они принялись ощупывать его, поглаживать ноги — вещь для них непривычную, а потому очень любопытную. Но почему они даже не смотрят на ноги Иды? Похоже, здесь не столько любопытство, сколько... хулиганские побуждения.

Позади Бинка и Иды из воды высунулась голова Трента.

— Русалки,— заметил он.— От них мы ничего не узнаем.

Похоже на то. И еще похоже, что от волшебника им не отделаться.

— Думаю, есть смысл заключить перемирие,— сказал Бинк Иде.— Иногда ничего не остается, кроме как доверять.

Она поглядела сначала на русалок, потом на Трента и без особой любезности проговорила:

— Ладно уж. За неимением лучшего...

— Разумное решение,— сказал Трент.— При всем различии долгосрочных задач наши сиюминутные интересы совпадают. А вот и тритоны.

И тут же из соседнего тоннеля показалась группа русалов. Похоже, здесь целый лабиринт пещер и подводных тоннелей.

— Ого! — крикнул один русал, помахивая трезубцем.— На вертел их!

Русалки игриво завизжали и нырнули поглубже от греха. Бинк старался не глядеть на Иду — дамы все же позволили себе с ним слишком много вольностей... и не только из-за его ног.

— Драться бессмысленно, их слишком много,— пробормотал Трент.— Эликсира нет. Коли уж у нас перемирие, я с вашего позволения превращу вас в рыб или рептилий, чтобы вы смогли спастись. Однако же...

— А как мы превратимся обратно? — не без ехидства осведомилась Ида.

— В том-то все и дело. Себя я превратить не могу. Поэтому придется вам меня выручать — или оставаться превращенными. Нам предстоит либо выживать вместе, либо страдать врозь. Согласны?

Ида посмотрела на тритонов, которые решительно подплывали к ним с поднятыми трезубцами. Вид у тех был отнюдь не игривый. Явная шпана, выделываются перед восторженными зрителями в лице русалок, которые уже заняли места на бережочке. Сейчас покажут им представление по полной программе.

— А не превратить ли в рыб их? — спросила Ида.

— Это могло бы избавить нас от непосредственной угрозы,— согласился Трент,— только мне не взять их всех зараз. Да

и из пещеры нам будет не выбраться. Рано или поздно нам все равно придется применить магию на самих себе. А в их пещеру мы явились без приглашения. Есть же определенные права собственности...

Тритон замахнулся трезубцем.

— Хорошо! — поспешно закричала Ида.— Делай как знаешь.

И внезапно она обернулась чудищем, страшней которого Бинку видеть не доводилось. Вокруг торса вырос гигантский зеленый панцирь, из-под которого торчали руки, ноги, голова и хвост. Конечности ее стали перепончатыми, а голова змеиной.

Трезубец русала ударился в панцирь Иды-монстра... и отлетел в сторону. Бинк понял смысл такого превращения. Это чудище неуязвимо.

— Морская черепаха,— тихо проговорил Трент.— Обыкновенский зверь. Как правило, безвреден, только русалочье племя этого не знает. Я неплохо изучил немагических животных и ко многим из них проникся уважением. Оп-ля!

В них полетел еще один трезубец. И в тот же миг Бинк стал черепахой. В воде оказалось чрезвычайно комфортно, а зазубренные наконечники были совсем не страшными. Если один из них полетит ему в лицо, он просто спрячет голову. Броня так крепка, что и оружие пострашней трезубца ей нипочем.

Тут что-то ухватилось за краешек его панциря. Бинк начал погружаться, надеясь стряхнуть с себя это инородное нечто, но даже его черепаший мозг осознал, что это нужно перетерпеть. Нечто — не друг, но временный союзник. Бинк все же нырнул, но не стал стряхивать с себя того, кто к нему прицепился.

Бинк мощно греб к подводному тоннелю. Вторая черепаха была уже там. Дыхание его не беспокоило, он мог сдерживать его очень долго.

Но долго и не понадобилось. Тоннель вывел прямо на поверхность. Всплывая, Бинк увидел луну. Шторм прекратился.

Внезапно он вновь превратился в человека, и плыть стало труднее.

— Зачем ты превратил меня? — спросил он.— До берега еще не доплыли.

— Когда ты был черепахой, у тебя и мозги были черепашьи, и инстинкты,— пояснил Трент.— Иначе бы ты и минуты не выжил в облике черепахи. Но чуть дольше — и ты бы вовсе забыл, что прежде был человеком. Сиганул бы в море, и мне за тобой было бы не угнаться, а значит, и не превратить обратно.

— Но Джустин-дерево сохранил человеческий разум,— возразил Бинк.

— Джустин-дерево?

— Он из Северянки, один из тех, кого ты превратил в деревья. Он умел говорить на расстоянии.

— А-а, припоминаю. Это случай особый. Я превратил его в разумное дерево, точнее говоря, не в дерево, а в человека в форме дерева. Я на такое способен, если хорошенько постараться. С деревом такое возможно. Но черепахе, чтобы жить в океане, нужны черепашьи рефлексы.

Бинк не все понял, но углубляться не хотел. Случаи бывают разные.

Тут подплыла Ида, тоже в человеческом виде.

— Что ж, ты соблюдаешь перемирие,— неохотно признала она.— А мне как-то не верилось.

— Иногда приходится принимать в расчет реальность.

— Это ты о чем? — недоуменно спросила она.

— О том, что мы еще не в безопасности. По-моему, с нами жаждет познакомиться морской змей.

Бинк увидел огромную голову и понял: чудище их заметило. Ну и огромное — башка с пивной котел.

— Может, к скалам?! — воскликнул Бинк, разворачиваясь к выступу у входа в пещеру тритонов.

— Змеюка-то огромная,— заметила Ида.— И в пещеру просунется, и со скалы слизнет. В таком виде нам от нее не уйти.

— Могу, конечно, превратить вас в ядовитых медуз, которых змей есть не станет,— сказал Трент.— Но тогда вы потеряетесь в суматохе. И еще, возможно, вредно превращаться чаще раза в день. Понятно, что проверить это в ссылке я не мог, но боюсь, превращение — слишком сильная встряска для организма.

— К тому же нас ты превратишь, а тебя монстр съест,— добавила Ида.

— Быстро соображаешь,— смиренно согласился Трент.— Поэтому придется сделать то, чего делать не хочется. Превратить самого монстра.

— Не хочешь превращать морского змея? — изумился Бинк.

А тварь была ужс совсем близко, не сводила с них красных глазок. С гигантских зубов капала слюна.

— Это всего лишь невинное создание, занятое своими делами,— сказал Трент.— На его территории действуют его законы, и если мы их не принимаем, то и нечего было сюда соваться. В природе, магической ли, обыкновенской ли, существует равновесие, нарушать которое весьма предосудительно.

— Шуточки у тебя...— Ида поморщилась.— Но всех нюансов злого волшебства мне все равно не понять. Если так уж хочется защитить это «невинное создание», так преврати его в маленькую рыбку, а когда до берега доберемся — расколдуй.

— И побыстрее! — крикнул Бинк. Чудище уже нависло над ними, выбирая, с кого начать.

— Так не пойдет,— сказал Трент.— Рыба уплывет и потеряется. А я должен видеть именно то существо, которое намерен превратить, и быть от него не дальше шести локтей. Но в твоем предложении есть рациональное зерно.

— Шесть локтей,— сказал Бинк.— Аккурат посреди пасти.

Он не шутил — тут не до шуток. Пасть у чудища громадная. Если оно ее разззявит во всю ширь, от нижних зубов до верхних как раз и будет дюжина локтей.

— И все же я вынужден действовать в пределах своих возможностей,— невозмутимо заявил Трент.— Главная зона — голова, вместилище, так сказать, личности. Когда я ее превращу, остальное заколдуется само собой. А если начну, скажем, с хвоста, только все дело испорчу. Так что, как только змей попытается взять меня в рот, он окажется в моей власти.

— А если он сначала цапнет кого-то из нас? — спросила Ида.— А мы окажемся от тебя дальше шести локтей?

— Так держитесь поближе,— сухо посоветовал Трент.

Бинк и Ида поспешно подгребли поближе к волшебнику. У Бинка все чаще возникало впечатление, что, если бы Трент и не был волшебником, они все равно рано или поздно оказа-

лись бы в его власти. Он так уверен в себе, в своих словах и поступках. Что-что, а управлять людьми он умеет.

Тело змея содрогнулось, голова резко пошла вниз, пастью вперед. Непристойными струйками брызгала во все стороны слюна. Ида истерически завизжала. Бинка охватил беспредельный ужас. Увы, за последнее время это ощущение сделалось почти привычным — ну не герой он, рылом не вышел в герои-то.

Змей начал смыкать челюсти — и исчез. На его месте бил сверкающими крылышками маленький жучок яркой расцветки. Трент аккуратно поймал его ладонью и посадил себе на голову. Дрожащий жучок забился в густую шевелюру волшебника и притих.

— Пляжный жук, сокращенно пляжук,— пояснил Трент.— Летает плохо и воды не любит. Пока из моря не выйдем, никуда не денется.

И они поплыли к берегу. На это ушло немало времени — море оставалось неспокойным, а они изрядно устали. Но морские твари их больше не беспокоили. Должно быть, мелкие хищники предпочитали не соваться в охотничьи угодья морского змея. Что ж, разумная позиция. Но если чудище не вернется через несколько часов, разнообразные малоприятные твари сплывутся сюда со всех сторон. Как справедливо заметил Трент, в природе всегда существует равновесие.

На мелководье свечение сделалось интенсивнее. Частично оно исходило от мерцающих рыб, общающихся друг с другом с помощью цветовых переливов оперения, но главным образом — от самой воды. Бледно-зеленые, желтые, оранжевые оттенки — магия, конечно, но в чем ее смысл? Где бы ни оказывался Бинк, везде его взору открывалось столько непонятного. Так, на морском дне он разглядел раковины, то подсвеченные по краям, то расписанные яркими узорами. Когда он проплывал над ними, некоторые раковины исчезали; действительно они исчезали или просто на время тушили свой свет — кто знает? Так или иначе, здесь присутствовала магия, старая добрая магия. Бинк с некоторым опозданием осознал, насколько он счастлив вновь оказаться в Ксанфе, где даже опасности исполнены милой сердцу привычностью.

Когда они достигли берега, уже рассвело. Солнце, вырвавшись из-за облаков над джунглями, заиграло на водной глади веселыми бликами. Красота волшебная! Бинк сосредоточился на этом ощущении, чтобы отключиться от онемевшего от усталости тела, от рассудка, из последних сил заставляющего конечности двигаться.

Наконец он выкарабкался на прибрежный песок. Рядом рухнула Ида.

— Еще немного,— сказала она.— Надо найти укрытие, а то придут другие монстры, из моря или из джунглей.

Трент же стоял по колено в воде, и прибой слегка колыхал его меч, свисающий с перевязи на красивом, сильном теле. У волшебника явно осталось больше сил, чем у Бинка с Идой.

— Плыви домой, дружок,— сказал он, бросив что-то в море.

Тут же материализовался морской змей, выглядевший особенно внушительно здесь, на мелководье. Тренту пришлось припустить к берегу, высоко задирая ноги, чтобы гигантское извивающееся тело змея не придавило его.

Но чудищу, пребывавшему в состоянии крайней растерянности, было не до приключений. Испустив рев, полный не то ярости, не то раздражения, не то просто сильного удивления, оно ринулось на глубину.

Трент вышел на берег.

— Невесело оказаться беззащитным пляжуком, когда привык быть царем морей,— сказал он.— Надеюсь, у бедняжки не случилось нервного расстройства.

Произнося эти слова, он даже не улыбнулся.

«Страннос дело,— подумал Бинк,— как это человек может до такой степени любить чудовищ?»

С другой стороны, Трент не просто человек, а злой волшебник. Пусть он хорош собой, воспитан, эрудирован, силен, ловок и смел, все равно он ближе к монстрам, чем к людям. И нельзя ни на миг забывать об этом, иначе случится непоправимое.

Как странно, Хамфри, добрый волшебник,— уродливый старый гном, живущий в негостеприимном замке и без зазрения совести использующий свой талант для личного обогащения, тогда как Трент, волшебник *злой*, являет собой живое воплощение героизма. Чародейка Ирис предстала перед Бинком рос-

кошной красавицей, на деле будучи весьма невзрачной; хорошие качества Хамфри проявлялись в его поступках, но для этого надо было близко с ним сойтись. Трент же великолепен и внешностью, и делами. Если бы Бинк впервые встретил его в пещере кряка и не знал о злой сущности этого человека, он бы никогда о ней не догадался.

Трент шел по берегу решительным широким шагом; похоже, изнурительный заплыв ничуть не утомил его. Рассветное солнце отливало в его волосах пронзительной желтизной. В это мгновение он казался богом — олицетворением человеческого идеала. И вновь Бинк запутался, тщетно пытаясь совместить внешность и поступки этого человека с его общеизвестной порочной сутью. Но, по всей логике, это невозможно. Что ж, придется принять на веру...

— Мне надо отдохнуть, выспаться хорошенько,— пробормотал Бинк.— А то уже добро от зла не отличаю.

Ида посмотрела в сторону Трента.

— Я тебя очень хорошо понимаю,— сказала она, тряхнув мокрыми бесцветными косичками.— Зло коварно и лукаво, в каждом есть частичка зла, стремящаяся покорить всего человека. И надо с ним бороться, хотя часто оно выглядит очень привлекательно.

Подошел Трент.

— Похоже, у нас все получилось,— весело проговорил он.— До чего же здорово оказаться в Ксанфе, даже если попал сюда по невероятной случайности! Но какая ирония — вы, которые так старались помешать мне попасть в Ксанф, помогли мне добраться сюда.

— Да уж, обхохочешься,— мрачно отозвалась Ида.

— Полагаю, мы попали на побережье в самом центре Глухомани, граничащей на севере с большим Провалом. Никогда бы не подумал, что нас могло отнести так далеко на юг, но, судя по рельефу, это так. А значит, наши неприятности не кончились.

— Бинк — изгнанник, ты преступник, отправленный в ссылку, а я уродина. Наши неприятности не кончатся никогда,— пробормотала Ида.

— И все же считаю разумным продлить перемирие, пока мы не выберемся из Глухомани,— сказал волшебник.

Должно быть, он знает что-то такое, чего не знает Бинк. Никакой магии у Бинка нет, стало быть, ему никак не защититься от злых лесных мороков. Да и Ида никаких магических способностей не проявляла — странно, а ведь утверждает, что покинула Ксанф добровольно, тогда как, если бы у нее не было магии, ее бы тоже изгнали... В общем, у Иды тоже здесь будут проблемы. Но Трент, с его умением работать мечом и волшебством,— ему-то чего бояться Глухомани?

Аналогичные сомнения одолевали Иду:

— Пока ты с нами, опасность нам грозит постоянно. Ты в любой момент можешь превратить нас в жаб. Не пойму, чем Глухомань опаснее тебя.

Трент развел руками:

— Понимаю, что вы мне не верите, и, надо думать, не без оснований. Но и мне, и вам будет лучше, если мы еще ненадолго объединим усилия. Однако навязывать свое общество я не намерен.

Он пошел по берегу в южном направлении.

— Он что-то знает,— сказал Бинк.— И бросает нас на верную смерть. Хочет избавиться от нас, не нарушив при этом слова.

— А что для него может значить его слово? — спросила Ида.— Уж не хочешь ли сказать, что он — человек чести?

Ответа Бинк не знал. Он отполз в тень ближайшего дерева и развалился на мягком дерне. Да, кусочек прошедшей ночи он провел в беспамятстве, но это отнюдь не то же самое, что сон. А ему нужно отдохнуть по-настоящему.

Проснулся он за полдень — и не мог сдвинуться с места. Ничего не болело, только кое-где немного чесалось, но ни рукой, ни ногой он пошевелить не мог. Миллионы ниточек накрепко привязали его к земле, будто сама лужайка...

Ой, беда! В своем крайнем утомлении он даже не заметил, что улегся прямо на заросли мясоедки! Теперь ее стебельки проросли прямо в тело, так медленно и незаметно, что он даже не проснулся. Так он и попался. Однажды Бинк набрел на пучок этой гадской травки возле Северянки, и в самой середине валялся скелет какого-то животного. А всю плоть сожрала трава. Он тогда еще удивился, как можно быть таким идиотом, чтобы дать себя поймать такой дряни. Теперь он знал как.

Но дышать он еще мог. Стало быть, мог орать, что немедленно и продемонстрировал, причем с большим чувством:

— Спаси-ите!

Ответа не последовало.

— Ида! — завопил он.— Я привязан! Меня мясоедка жрет!

Ну тут он преувеличил. Пока еще никто его не ел, только готовился. Но стебельки продолжали врастать в него и скоро начнут трапезу, высасывая из него жизненные соки.

Молчание. Бинк понял, что Ида либо не хочет, либо не может ему помочь. Уж не на сонный ли морок нарвалась? Теперь-то, задним умом, он понимал, что уж здесь, на самом краю земли, полным-полно смертельных ловушек. Он попал в одну из них, она определенно в другую. Может, ее и в живых-то нет?

— Помогите! Кто-нибудь! — отчаянно взвыл он.

Это тоже было ошибкой. Со всех сторон — и в лесу, и на берегу — началось шевеление. Он сам во всеуслышание заявил о своей беспомощности, и теперь все, кому не лень, поспешат этим обстоятельством воспользоваться. А надо было бороться молча, тогда удалось бы постепенно освободиться, ведь, по счастью, он проснулся до того, как мясоедка начала всерьез убивать его. Наверное, он ворочался во сне, и тело его сбросило бездвижные чары, которые наводит мясоедка. И если бы его борьба закончилась неудачей, ему, по крайней мере, была бы обеспечена мирная кончина, медленное погружение в вечный сон. А теперь он поднял шум и привлек тварей покруче. Их хоть и не видно пока, зато слышно превосходно.

В ближайшем дереве шуршало — такой звук производят саблезубые белки. На берегу скреблись крабы-кислотники. С моря слышалось омерзительное плюханье — видимо, небольшой морской монстр втихаря пробирался по территории монстра крупного, того самого, которого превратил Трент. И теперь этот малыш старается выбраться на берег и первым добраться до аппетитной добычи. Но самым жутким звуком был доносящийся из лесу мерный топот чего-то большого. Оно было далеко, но приближалось с чрезвычайной быстротой.

На Бинка упала тень, и пронзительный голос провизжал: «Приветик!» Это была гарпия, точная копия той, которую он встретил, возвращаясь в Северянку,— такая же противная, во-

нючая и непристойная, к тому же очень опасная в его нынешнем положении. Она медленно опускалась на него, выпустив когти. Та, другая гарпия повстречалась ему, когда он был полон сил, а потому держалась на приличном расстоянии. Конечно, если бы он выпил из Источника любви, она оказалась бы тут как тут. Бр-р! А нынешняя застигла его совсем беспомощным.

У гарпий человеческое лицо и женская грудь, поэтому их, как и русалок, можно считать до некоторой степени женщинами. Но вместо рук у них огромные засаленные крылья, а тело — как у большой некрасивой птицы. На редкость грязной птицы. У этой подруги толстая корка грязи покрывала даже лицо и грудь. Удивительно, как она вообще летает. Бинк не имел возможности — да и желания! — рассмотреть предыдущую гарпию вблизи, зато теперь вид открывался отменный. Дважды бр-р! Русалки олицетворяли все самое приятное, что может явить себя в женском облике, гарпии — самое неприятное. По сравнению с ней даже Ида казалась красавицей. Та хоть по крайней мере опрятна.

Гарпия начала пикировать на него, сжимая и разжимая щербатые когти в сладостном предвкушении того мгновения, когда она запустит их в распоротое брюхо и вырвет оттуда кишки. На Бинка пахнуло несравненным ароматом гарпии.

— Ах ты, мой сладенький! — верещала гарпия.— Прям так бы всего и съела. Даже не знаю, с какого местечка начать.— И разразилась маниакальным смехом.

Бинк, охваченный лютым ужасом, собрал все силы, которые у него остались, и вырвал одну руку из смертельных объятий мясоедки. Было больно, с кожи свисали корешки. Бинк перевернулся на бок, поскольку щека накрепко приросла к траве и видеть он мог немногим больше прежнего, зато хорошо слышал,— правда, ничего отрадного его слух не сообщил. Бинк взмахнул свободной рукой и немного спугнул гарпию. Разумеется, она отличалась трусостью — характер полностью соответствовал внешности.

Гарпия тяжко взмахнула крыльями, уронив грязное перо.

— Ах, скверный мальчишка! — пронзительно завопила она. Поскольку изъясняться иначе гарпии не умеют, слова ее мож-

но было разобрать с большим трудом.— Да я тебе за это все кишки выпущу! — И вновь мерзко захохотала.

И тут на Бинка упала чья-то тень. Самой твари Бинк не видел, но и тень выглядела достаточно гадко. Он слышал тяжелое дыхание крупного зверя, его обдало густым запахом падали, на миг заглушившим исходящую от гарпии вонь. Это была та тварь, что плюхала в море; она передвигалась по песку, волоча лапы. Чудище принялось обнюхивать Бинка, а другие твари замерли, не решаясь помешать этому хищнику.

Все, но только не гарпия. В воздухе, где ничто ей не угрожало, она могла осыпать отборной бранью кого угодно.

— Аргус, пшел вон! — заверещала она.— Он мой, мой, особенно кишки!

Она вновь вошла в пике, забыв, что у Бинка свободна рука. Сейчас Бинк не имел ничего против вмешательства этой неопрятной птички. С ней-то он справится, а вот аргус...

Невидимая тварь воинственно засопела и прыгнула, с поразительным проворством перелетев через Бинка. Теперь он ее видел: тело и хвост рыбы, четыре короткие толстые лапы, заканчивающиеся ластами, кабанья башка с клыками и без шеи. Туловище украшали три глаза, расположенные треугольником. Рыба-амфибия. Такого чудища Бинк еще не видывал.

Гарпия вовремя отпорхнула в сторону — еще чуть-чуть, и рыбина насадила бы ее на свои крутые клыки. Еще одно вонючее перо упало на землю. Гарпия разразилась непечатной бранью и выпустила струю жидкого помета, но монстр ее проигнорировал, сосредоточив внимание на Бинке. Он раскрыл пасть. Бинк сжал руку в кулак, намереваясь двинуть этому скоту по рылу, хоть и понимал, что толку от этого будет чуть. Но аргус вдруг остановился, злобно вперив взгляд куда-то поверх плеча Бинка.

— Достанется тебе на орехи, щучий сын! — злорадно завопила гарпия.— Власоглав шутить не любит!

Про власоглава, равно как и про аргуса, Бинк прежде не слыхал, но на него вновь накатило недоброе предчувствие. Он почувствовал прикосновение рыла нового, пока невидимого ему чудища. Рыло оказалось на удивление мягким, но сила толчка была такой, что едва не вырвала Бинка из объятий мясоедки.

Тут аргус, обозленный тем, что у него отбирают еду, перешел к атакующим действиям. Бинк снова прижался к земле, по нему прошлись склизкие ласты, чуть-чуть задели его — и он оказался почти свободен!

Два чудища схлестнулись.

— Валяй его во все корки! — завизжала сверху гарпия, обращаясь, должно быть, к обоим монстрам одновременно. От возбуждения она в очередной раз обделалась, едва не угодив Бинку какашкой в голову. Эх, сейчас по ней бы да камешком!

Ему удалось сесть. Одна нога оставалась прикованной к дерну, но теперь у Бинка был рычаг, чтобы вырвать из плена мясоедки и ее. Даже и не больно получилось. Он поглядел на сражающихся чудищ и увидел, как змееподобные волосы власоглава обвивают голову аргуса, цепляясь за клыки, уши, чешую, глаза,— словом, за все, за что можно зацепиться. Тело самого власоглава от горгонистой башки до копыт было покрыто панцирем, как у броненосца, и совершенно неуязвимо для наскоков аргуса. В целом власоглав был довольно заурядным четвероногим чудищем, но эти волосы — цепкие, проворные, смертоносные... Громкий ужас!

Неужели ему и вправду так хотелось обратно в Ксанф? Как быстро вылетели из головы все мерзости здешней жизни. А ведь зла в магии не меньше, чем добра. Может, и в самом деле в Обыкновении-то лучше...

— Кр-р-ретины! — затрещала гарпия, увидев, что Бинк освободился.— Уходит! Уходит! Дер-р-ржи его!

Но чудища настолько увлеклись друг дружкой, что им ни до кого не было дела. Вне всякого сомнения, победитель скушает побежденного, и Бинк будет уже не нужен.

Забыв всякую осторожность, гарпия стрелой метнулась к Бинку. Но теперь он был на ногах и вполне мог постоять за себя. Он протянул руку и схватил тварь за крыло, норовя добраться до тощей шеи. С каким удовольствием он придушил бы ее, тем самым как бы придушив все зло Ксанфа! Но она так яростно заквохтала и забилась, что ему досталась лишь пригоршня липких перьев.

Не тратя времени даром, он припустил подальше от поля битвы. Гарпия рванулась за ним, поливая его такой отборной

бранью, что уши запылали, но вскоре отстала. В одиночку ей с ним не справиться. Гарпии по преимуществу трупоеды и воровки, но не охотницы. Вырывать пищу из чужих ртов — вот это для них самое то. Да и других тварей, которые шуршали и плюхали вокруг Бинка, след простыл: такие охотятся только на беззащитных.

Но где же Ида? Почему не пришла к нему на помощь? Наверняка ведь слышала, как он кричал. Если, конечно, еще жива. Не услышать шум потасовки, затеянной аргусом и власоглавом, было просто невозможно. Отсюда следует...

Нет! Она где-то здесь. Может, пошла к морю рыбку половить, потому ничего и не слыхала. За эти два дня она проявила себя бесценной помощницей и настоящей патриоткой Ксанфа. Без нее он никогда не выбрался бы из-под власти злого волшебника. Сильная, умная, надежная — не чета другим девчонкам. Жаль только, что...

И тут он увидел ее. Она отдыхала, привалившись к дереву.

— Ида! — радостно воскликнул он.

— Привет, Бинк,— отозвалась она.

Его тревога за нее сменилась гневом:

— Ты что, не видела, что на меня монстры напали? Не слышала?

— Видела и слышала,— спокойно сказала Ида.

Бинк ничего не мог понять и распалился еще больше:

— Так что ж ты не помогла мне? Могла хотя бы палку или камень бросить. Меня чуть живьем не сожрали!

— Очень жаль.

Он приблизился к ней еще на шаг.

— Ей, видите ли, жаль! Разлеглась тут, балдеешь, а я...— Он замолчал: у него не было слов.

— Вот если б ты меня из-под дерева вытащил...

— И в море утопил! — крикнул он, подскочил к ней, грубо потянул за руку... и от слабости у него в глазах потемнело.

Он все понял. Дерево навело сонный морок на Иду, а теперь и на него. Как и чары мясоедки, морок действовал постепенно. Наверное, Ида прикорнула здесь, от усталости потеряв всякую осторожность, как и он сам, и теперь дерево имело над ней полную власть. Никаких ощутимых неудобств, могу-

щих отпугнуть жертву, просто тихая, незаметная утечка жизненных сил, воли... Все как у мясоедки, только тоньше, неощутимее.

Он стряхнул с себя морок, присел на корточки возле Иды, просунул руки под спину, под коленки. Сил-то у него хватит, надо только действовать быстро.

Бинк начал поднимать Иду и обнаружил, что подниматься ему совсем не хочется. Сидеть так хорошо! Ему не поднять ее, самому-то не встать. Прилечь бы, передохнуть минуточку!

Нет. Тогда конец. Нельзя, нельзя поддаваться мороку.

— Прости, что накричал на тебя,— сказал он.— Я не знал, в какую переделку ты попала.

— Ничего, Бинк. Я не обиделась.— Ида закрыла глаза.

Он выпустил ее и на четвереньках отполз от дерева.

— Прощай,— бесчувственно прошептала она, чуть приоткрыв один глаз. Она была на грани смерти.

Он взял ее за ноги и поташил. Накатила новая волна слабости, ушла сила, ушло желание что-то делать. Она такая тяжелая, ему все равно не справиться. Но он сделал еще попытку, противопоставляя магии свое упорство. Ничего не вышло. Слишком тяжелая.

Бинк попятился от дерева — и силы вернулись к нему. Но теперь Ида была далеко. Он поднялся, шагнул к ней. И тут же упал, обессиленный. Нет, так ничего не выйдет.

Он вновь выполз из морочного круга, изрядно вспотев от напряжения. Если бы не его упорство, второй раз не выбрался бы, это точно.

— Мне тебя не вытащить, только впустую время трачу,— виновато сказал он.— Может, получится веревкой тебя обвязать.

Но никакой веревки не было. Он прошелся вдоль деревьев на краю чащи и заметил свисающую лиану. Если удастся оторвать, вполне сгодится.

Одной рукой Бинк схватился за лиану. И заорал. Эта погань вывернулась и захлестнула его запястье петлей. С дерева, раскачиваясь, опустились другие лианы и потянулись к нему. Сухопутный кряк, разновидность древопутаны. Опять проявил

роковую неосторожность, опять угодил в ловушку, которую должен был бы заметить.

Он бросился наземь, изо всех сил дергая за лиану. Но она спокойно растянулась и лишь плотнее обхватила его руку. Тут Бинк заметил на земле заостренный осколок кости. Должно быть, от предыдущей жертвы остался. Сгреб кость свободной рукой и ткнул в лиану. Потек густой оранжевый сок. Дерево содрогнулось и глухо взвыло. Хватка ослабла, и Бинк высвободил руку. Очередное последнее предупреждение.

Он побежал по берегу, разыскивая хоть что-нибудь, способное облегчить ему задачу. Камень острый, чтоб лиану срезать? А другие лианы? Так они ему и дали! Может, палку подлиннее? Нет, те же проблемы. Этот якобы мирный бережок — прямо поле чудес, одно чудо другого гнуснее! Здесь ничему веры нет!

Тут он увидел человека: на песке, скрестив ноги, сидел Трент и пристально смотрел на что-то. Похоже, на пеструю тыкву-горлянку. Закусывает, что ли?

Бинк остановился. Трент — вот кто мог бы ему помочь. Превратит дремучее дерево в саламандру, чтобы само себя спалило. Или как-нибудь иначе обезвредит. Правда, в конечном счете сам-то Трент поопасней любого дерева будет. Что же выбрать?

Ничего не поделаешь, придется вступать в переговоры. Пусть в Тренте больше зла, чем в простой дремучке, зато та уже сейчас Иду убивает.

— Трент,— робко позвал он.

Ноль внимания. Волшебник продолжал глазеть на тыкву. Но есть, похоже, не собирался. Что ж он там высмотрел?

Провоцировать волшебника не хотелось, но неизвестно ведь, сколько времени осталось в распоряжении. Ида умирает. Может, скоро ее и не спасти уже будет, даже если от дерева оттащить. Нет, придется рисковать.

— Волшебник Трент,— громко и твердо сказал Бинк,— думаю, нам нужно продлить перемирие. Ида попалась и...

Он замолчал, поскольку Трент по-прежнему не обращал на него никакого внимания.

Страх перед волшебником резко сменился злостью, как тогда, когда Бинк увидел лежащую Иду и решил, что она попросту прохлаждается. Как будто нужно было разрядить эмоциональный заряд любым способом и любой ценой.

— Слушай, ты! — рявкнул он.— Ида в беде! Поможешь или как?!

Но Трент оставался совершенно безучастным.

У Бинка, уставшего от ночных трудов и не пришедшего в себя после недавних приключений, помутился рассудок.

— Отвечай мне, черт тебя возьми! — взревел он и выбил тыкву из рук волшебника. Она взлетела, приземлилась в песок и покатилась.

Трент посмотрел на Бинка. В его взгляде не было ни малейших признаков гнева, лишь легкое удивление.

— А, Бинк,— сказал он.— Что у тебя?

— У меня?! — воскликнул Бинк.— Я ж тебе три раза повторял.

Трент озадаченно посмотрел на него.

— А я не слышал.— Волшебник задумался.— Честно говоря, даже не видел, как ты подошел. Задремал, должно быть, хотя вроде не собирался.

— Ты сидел и смотрел на тыкву,— сердито сказал Бинк.

— Да-да, припоминаю. Увидел, как она лежит тут, подошел, чем-то она меня заинтересовала...— Он резко замолчал и посмотрел на собственную тень.— Судя по солнцу, прошел целый час! И куда же он девался?

Бинк почувствовал, что что-то здесь не то. Он подошел к тыкве, собираясь поднять ее.

— Стоять! — гаркнул Трент.— Она гипнотическая.

Бинк замер:

— Какая-какая?

— Гипнотическая. Это обыкновенское слово означает, что она погружает тебя в транс, в полусон. Но на погружение нужно время... хотя, конечно, гипнотические чары могут срабатывать мгновенно. Не смотри на тыкву. Ее приятный окрас, наверное, для того и существует, чтобы привлекать взгляд. И еще в ней есть этот, как его?.. Глазок. Раз заглянешь посмотреть, что там внутри — больше не отлепишься. Очень хитроумно.

— Но зачем? Какой смысл? — отводя взгляд от тыквы, спросил Бинк.— Ведь тыкве же человека не съесть...

— Тыкве не съесть, а вот побегу тыквенному — за милую душу,— заметил Трент.— Или же в неподвижное живое тело

семена запустить, чтоб им кормились. В Обыкновении есть такие осы, которые жалят других тварей, парализуют и откладывают в телах яйца. Раз тыква такое вытворяет, будь уверен, смысл найдется.

И все же Бинк недоумевал:

— Но как же ты, волшебник...

— Волшебники, Бинк, тоже люди. Мы едим, спим, любим, ненавидим — и ошибаемся. Для магии я столь же уязвим, как ты, как любой другой, просто у меня есть более сильное оружие для защиты. Если бы я хотел совсем обезопасить себя, заперся бы в каменном замке, подобно моему другу Хамфри. Мои шансы выжить в Глухомани намного возросли бы, имей я двух проворных, надежных спутников. Потому я и предложил продлить перемирие — и по-прежнему считаю это неплохим предложением. Ясно же, что мне пригодится помощь, даже если вам она без надобности.— Он посмотрел на Бинка: — Вот сейчас почему ты мне помог?

— Я...— Бинку стыдно было признаться, что помог он по чистой случайности.— Я считаю, что нам... нам надо продлить перемирие.

— Отлично. Ида согласна?

— Ей нужна немедленная помощь. Она в лапах... ну, во власти дремучего дерева.

— Вот как? Что ж, отплачу тебе за услугу, спасу прекрасную деву. Тогда и поговорим о перемирии.— Трент вскочил на ноги.

По пути Бинк показал на кряка. Трент достал меч и аккуратно отсек длинный кусок лианы. И вновь Бинк подивился искусству, с каким этот человек владеет оружием. Даже если у Трента отобрать всю его магию, он останется очень опасным. Не случайно же в Обыкновении он дослужился до генерала.

Лиана забилась в судорогах, словно умирающая змея, испуская из раны оранжевый сок. Но теперь она была безвредна. Дерево вновь протяжно завыло и съежилось от страха. Бинку даже стало его немножечко жалко.

Они донесли лиану до Иды, накрутили той на ногу и без особых церемоний оттащили от дерева. До чего все просто, когда под рукой есть нужная вещь!

— Ну вот,— энергично проговорил Трент, в то время как Ида постепенно приходила в себя.— Предлагаю длительное пе-

ремирие — пока мы втроем не выберемся из Глухомани. Похоже, поодиночке у нас возникают проблемы.

На этот раз Ида спорить не стала.

Глава 12

ХАМЕЛЕОША

Придя в себя, Ида первым делом подобрала волшебную тыкву, о которой ей рассказал Бинк.

— Может, пригодится,— сказала она, заворачивая тыкву в громадный лист одеяльного дерева.

— Теперь надо определить наилучший путь отсюда,— сказал Трент.— Полагаю, мы находимся к югу от Провала, так что, если пойдем на север, скоро в него упремся. Остается держаться берега. Но это, по-моему, неразумно.

Бинк вспомнил, как пересекал Провал с другой стороны.

— Нет, берегом идти не надо,— согласился он. В тот раз там пакостила чародейка Ирис, сейчас тоже могут возникнуть осложнения.

— Другой вариант — двинуться в глубь материка,— сказал Трент.— С данной местностью я не знаком, но, сдается мне, Хамфри строил замок на восток отсюда.

— Достроил,— добавила Ида.

— Прекрасно,— сказал Бинк.— Ты превратишь нас в больших птиц, ну там, в роков, и мы тебя отнесем туда.

Трент покачал головой:

— Невозможно.

— Но раньше ты нас превращал, и мы тебе помогали. Мы же заключили перемирие. Мы тебя не уроним.

Трент улыбнулся:

— Дело, Бинк, не в доверии. Я тебе доверяю. Ни в твоей порядочности, ни в порядочности Иды нисколько не сомневаюсь. Но обстоятельства наши неординарны...

— Представляю себе картинку: злой волшебник пожаловал в гости к доброму. Обхохочешься,— заметила Ида.

— Боюсь, вас постигло бы разочарование,— сказал Трент.— Мы с Хамфри всегда неплохо ладили. В профессиональном смысле мы друг другу не конкуренты. Я был бы рад увидеться

с ним. Но он обязан будет оповестить короля о моем прибытии в Ксанф. А зная, где я нахожусь, он сможет следить за мной с помощью своей магии.

— Да, понятно,— сказала Ида.— Не хочешь облегчать жизнь врагу. Но можно ведь полететь и в другое место.

— Полететь никуда не можно! — отрезал Трент.— Я не могу афишировать свое присутствие в Ксанфе. И вы тоже.

— Верно,— согласился Бинк.— Мы ведь изгнанники. А наказание за самовольное возвращение...

— Смертная казнь,— закончила за него Ида.— Надо же, я и не подумала... Да, влипли мы.

— Если бы ты забыла об этом обстоятельстве два дня назад, мы бы сейчас здесь не сидели,— сухо заметил Трент.

Ида нехарактерно помрачнела. Должно быть, в этом замечании Трента был какой-то особый смысл. Как ни странно, это выражение заметно смягчило ее некрасивость.

«Наверное, привыкаю к ее внешности»,— подумал Бинк.

— Что же мы будем делать? — спросил он.— Водоворот протащил нас под щитом, мы уже решили, что вернуться тем же путем не можем. Оставаться на берегу тоже нельзя. И нельзя дать знать жителям Ксанфа, что мы вернулись, пусть даже из-за невероятной случайности.

— Придется скрывать, кто мы такие,— решила Ида.— В Ксанфе есть места, где никто нас не узнает.

— Разве это жизнь? — отозвался Бинк.— Все время скрываться... А если кто-то спросит доброго волшебника, где мы...

— А кто спросит? — запальчиво возразила Ида.— Целый год службы за выяснение местонахождения каких-то там изгнанников.

— Да, Хамфри бесплатно палец о палец не ударит. И это единственная гарантия нашей безопасности,— сказал Трент.— Однако об этом будем думать, когда выберемся из Глухомани. Может быть, к тому времени какой-нибудь выход образуется. Если понадобится, могу превратить вас в нечто неузнаваемое и сам как-нибудь замаскируюсь. Но скорей всего, не понадобится.

«Потому что из Глухомани нам ни в жизнь не выбраться»,— мысленно закончил за него Бинк.

Они шли вдоль берега, пока не увидели редкий лесок, на вид менее опасный, чем все прочее. Обычно, заприметив что-нибудь подозрительное, путники рассредоточивались, чтобы их не накрыли всех разом. Маршрут они, похоже, выбрали правильный: поначалу им попадалась только самая безобидная магия, будто самые крутые ее разновидности сгрудились на побережье. Иные растения использовали отвороты, чтобы проходящие животные возле них не задерживались, встречались еще какие-то разноцветные сполохи, назначение которых было непонятно. На пути к замку доброго волшебника Бинк видал и худшее. Может, народ и впрямь несколько преувеличивал ужасы Глухомани?

Ида приметила текстильщика и из его широких листьев соорудила всем тоги. Мужчины, уже привыкшие к наготе, приняли это благосклонно. Будь Ида сложена пособлазнительней, для сокрытия тела имелось бы больше оснований — и меньше охоты. Но Бинк не забывал, как лихо она прикинулась скромницей там, в яме, чтобы получить отгороженный уголок и прятать кирпичи. Должно быть, и сейчас у нее были на то причины.

Кое-где попадались участки магического мороза и, напротив, жары. Одежда способна защитить от того и от другого, но ведь такие участки очень легко обойти стороной. Путники без труда распознавали и обходили разнообразные хищные деревья. Взяв за правило держаться подальше от самых привлекательных тропок, они делали это автоматически.

Но на один весьма своеобразный участок они все же напоролись — сухая песчаная проплешина, на которой, по идее, ничего расти не должно. Однако росло — высокая и пышная трава с широкими листьями. На вид здесь было безопасно, и путешественники пошли прямо через траву. И тут же у всех разом прихватило животы, еле разбежаться успели.

Бинк моментально понял, что травка-то оказалась весьма здравомыслящей. Ее магия заставляла проходящих животных отдавать земле питательные вещества, тем самым способствуя росту. Удобрительная магия!

Чуть дальше им повстречался зверек, который не стал ни кидаться на них, ни прятаться,— небольшой пушистик с очень вытянутой мордочкой. Зверек вперевалочку направился к ним. Трент обнажил меч, но Ида его остановила.

— Этого я знаю,— сказала она.— Магический нюхач.

— Нюхает с помощью магии? — спросил Бинк.

— Нет, вынюхивает магию. У нас такого на ферме держали, чтобы травки магические вынюхивал и все такое. Чем сильней магия, тем активней он реагирует. Безобидный совершенно.

— Чем же он кормится? — спросил Трент, не снимая руки с рукоятки меча.

— Волшебными ягодами. Никакая магия нюхача не берет, и любопытен он страшно. По видам он магию не различает, только по силе.

Они остановились посмотреть. Ближе всех к нюхачу стояла Ида, к ней первой он и подошел. Зафырчал симпатично — будто флейта заиграла.

— Видите, я ему понравилась. Немного магии у меня есть.

«Какой это магии?» — мысленно спросил себя Бинк. Никаких талантов она до сих пор не проявляла, да и ему ничего не говорила о том, что умеет делать. Да, он еще многого о ней не знает.

Удовлетворенный нюхач подковылял к Тренту. На этот раз его реакция была много сильнее. Он так и запрыгал вокруг волшебника, издавая целый каскад звуков.

— А как же? — с обоснованной гордостью заметил Трент.— Чует животина настоящего волшебника.

А потом нюхач подошел к Бинку — и заскакал почти так же, как возле волшебника.

— Вот вам и хваленый нюх! — Бинк принужденно рассмеялся.

Но Трент смеяться не стал.

— Этот стервец считает, что ты не многим уступаешь мне по силе волшебства,— сказал он, многозначительно постукивая пальцами по рукояти меча. Впрочем, он быстро спохватился и принял самый беззаботный вид.

— Хотелось бы,— сказал Бинк.— Только ведь меня как раз за отсутствие магии и выгнали.

Но ведь волшебник Хамфри заявил ему, что он обладает очень сильной магией, только выявить ее невозможно. Эпизод с нюхачом всколыхнул и любопытство, и отчаяние Бинка. Что

же это за талант такой, который столь тщательно прячется? Или же ему не дает проявиться какая-то сторонняя магия?

Они пошлепали дальше. Срезали себе по палке, ворошили этими палками землю перед собой, а то стена невидимая попадется, или яма, или еще какая-нибудь гадость, замаскированная под самое рядовое явление лесной природы. От этого движение замедлилось, но поспешность была здесь неуместна. Да честно говоря, и причин для спешки не имелось. Цель-то у них — запрятаться куда подальше и жить себе помаленьку, не высовываясь.

С пропитанием проблем не возникало. Разнообразные фруктовые и конфетные деревья, то и дело попадавшиеся нашим путникам, доверия не внушали — среди них могли попасться и магические, работающие на свой интерес, а не на прохожего. На вид их от обычных не отличишь. Трент не стал долго мудрствовать и превратил злобного чертополошника в раскидистое тутти-фрутти, и вся троица до отвала наелась яблоками, грушами, бананами, огурбузами и помидынями. Что напомнило Бинку, сколь велик талант истинного волшебника. Ведь умение произвести на свет пищу — только вторичный побочный эффект Трентова таланта. При правильной эксплуатации возможности его магии просто безграничны.

Но пока что они шли не из Глухомани, а, напротив, все больше углублялись в нее. Иллюзии стали наглее, упорнее, убедительнее. И звуки сделались громкими, разнообразными, зловещими. Время от времени земля содрогалась, слышался мощный и, увы, не очень далекий рев. Деревья тянули к ним ветки, от жадности подрагивая листьями.

— Кажется, мы даже не начали сознавать всю силу этого леса,— сказала Ида.— Он так легко впустил нас — уж не для того ли, чтобы заманить в самую чащобу?

Бинк, нервно зыркнув по сторонам, согласился:

— Мы выбрали путь, показавшийся самым безопасным. А если в этом и была наша ошибка? Нужно было идти по самому угрожающему.

— И угодить на обед путане,— прибавила Ида.

— Попробуем пойти обратно,— предложил Бинк. Остальные заколебались, и он поспешил пояснить: — Для проверки.

Попробовали. И почти сразу лес потемнел и сделался гуще. Появились новые деревья, преграждая путь, которым странники только что шли сюда. Иллюзии? Или раньше они были невидимками? Это напомнило Бинку одностороннюю тропку, по которой он возвращался из замка доброго волшебника, но тогда было не так страшно. Ничего милого в этих деревцах не было — колоссы с шершавыми, искореженными стволами, покрытые шипами, обросшие дергающимися лианами. Ветви их переплетались, моментально покрываясь листвой, мешая пройти. В отдалении гремел гром.

— Сомневаться не приходится,— сказал Трент.— Мы за деревьями леса не увидели. Я могу превратить все, что прямо перед нами, но, если нас начнут обстреливать колючками, мы все равно влипли.

— Если бы мы решились пойти в ту сторону, всяко не успели бы до берега добраться,— сказала Ида, поглядев на запад.— При таком-то сопротивлении до ночи точно не выйдем.

До ночи. Самое неприятное время. Ночью злая магия разворачивается вовсю.

— Но тогда остается только идти туда, куда хочет лес,— с тревогой произнес Бинк.— Сейчас-то это легко, но ничего хорошего не жди.

— Глухомань нас еще плохо знает,— с мрачной улыбкой заявил Трент.— У меня, уж поверьте, хватит сил совладать с ее угрозами, если надежные люди прикрывают меня с тыла и дежурят, когда я отдыхаю.

Бинк подумал о магической силе волшебника и его фехтовальном искусстве и вынужден был согласиться с Трентом. Да, этот лес — гигантская паутина, но не окажется ли вдруг паук жалким комариком?

— Да, положимся на то, что нам удастся справиться. Хотя бы узнаем, что тут за гадость таится.— Впервые Бинк испытал радость от того, что с ними идет злой волшебник.

— Узнаем, будьте уверены,— кисло согласилась Ида.

Теперь, приняв решение, идти стало намного легче. Лес попрежнему производил всякие угрожающие эффекты, но уже, так сказать, в превентивном порядке. Когда опустились сумер-

ки, тропа вывела путников на поляну, посреди которой стояла старая, полуразрушенная каменная крепость.

— О-ой! — взвыла Ида.— Только не замок с привидениями!

За их спинами громыхнул гром. Внезапный холодный ветер проник под тоги. Бинк вздрогнул.

— Наверное, придется ночевать там... или под дождем,— сказал он.— А ты не мог бы превратить замок в безвредную избушку?

— Мой талант действует только на живое,— сказал Трент.— А это исключает здания — и бури тоже.

В лесу, оставшемся позади, показались светящиеся глаза.

— Если эти твари нападут на нас, ты успеешь превратить от силы парочку, прежде чем они разорвут нас в клочья. На расстоянии-то ты чикнуть их не можешь.

— А ночью и вовсе не могу,— уточнил Трент.— Не забывай, мне ведь еще надо хорошо видеть объект. В общем и целом, полагаю, ничего нам не остается, кроме как подчиниться местным, так сказать, властям и войти в замок. Только осторожно. И спать предлагаю по очереди. Ночка, скорей всего, предстоит нескучная.

Бинк содрогнулся. Худшего места для ночлега и придумать нельзя, но раз уж забрели в эту ловушку, назад выбраться тяжеленько. Слишком здесь сильная магия — шутка ли, все окрестности ей подчинены. Напрямую с ней не потягаешься. А сейчас тем более.

Короче, они подчинились, да и шквальный ветер подгонял более чем убедительно. Бастионы крепости были внушительны, но все поросли мхом и лианами, на опущенном подъемном мосту кое-где подгнили кондовые доски. Во всем ощущалось грубоватое величие, древнее и неподвластное времени.

— Как все запущено,— высказался Трент,— глаза б мои не видели. А ведь какой был замок! Явно заброшен уже не одно десятилетие.

— А то и столетие,— добавил Бинк.

— Только с чего бы лесу загонять нас в развалины? — задалась вопросом Ида.— Допустим, здесь затаилось страшное-престрашное чудище — но лесу-то от нашей смерти никакой

пользы. Мы ведь только мимо шли и прошли бы давно, если бы лес нам не мешал. Ничего худого мы не замышляем...

— Причина всегда есть,— сказал Трент.— Магия без цели — это магия без силы, а силы тут ой-ой-ой.

Они подошли к воротам, и тут, как по заказу, разразилась буря, вдохновившая их на вход к замок, где было темно, как у черного дракона в...

— Попробуем-ка найти факел,— предложила Ида.— Пощупайте вдоль стен. Обычно в каждом замке у входа есть...

Но тут поднятая решетка ворот, казалось намертво приржавевшая к запорам, с жутким грохотом опустилась. Поднять такую тяжесть втроем невозможно. Попались, стало быть.

— Вот и челюсти сомкнулись,— внешне невозмутимо заметил Трент. Но Бинк обратил внимание на меч в руке волшебника.

Ида тихонько взвизгнула и вцепилась в руку Бинка. Он посмотрел вперед и увидел призрака. Сомневаться, что это именно призрак, не приходилось — вздыбленная белая простыня и чернущие прорези для глаз. Призрак издал глухой стон.

Трент сделал шаг вперед, во тьме просвистел его меч. Лезвие рассекло простыню — не оставив никакого следа. Призрак поплыл прочь прямо сквозь стену.

— Замок с привидениями, уж будьте уверены,— как ни в чем не бывало заметил Трент.

— А сам-то уверен? — сварливо осведомилась Ида.— Что-то ты больно спокойный.

— Потому и спокойный, что уверен,— ответил Трент.— Я боюсь только угрозы материальной. А про призраков надо понимать, что физической материальности они не имеют и, в отличие от теней, просачиваться в живые существа не могут. Следовательно, прямого вреда нормальным людям от них быть не может, разве что через страх, который они внушают. А потому достаточно просто их не бояться. А кроме того, этот призрак был не меньше нашего удивлен встречей. Пришел, должно быть, разобраться, отчего тут решетка упала. Ничего дурного у него и в мыслях не было.

Трент не боялся — это ясно. И мечом он рубанул вовсе не от страха, а чтобы удостовериться, что перед ним настоящий при-

зрак. Такого рода смелость была Бинку несвойственна. Вновь переживая только что увиденное, он дрожал от страха. Ида, разрядившись визгом, держалась куда лучше.

— Если мы начнем в темноте местные достопримечательности осматривать, навернемся во вполне материальную яму или в какой-нибудь капкан попадем. Над нами не каплет — давайте тут и заночуем. Только спать будем по очереди.

— Твое здравомыслие, милочка, достойно всяческих похвал,— сказал Трент.— Что, потянем соломинки, кому первому сторожить?

— Я посторожу,— вызвался Бинк.— Все равно от страха не заснуть.

— Мне тоже,— сказала Ида, и за эту откровенность Бинк был ей очень признателен.— К призракам я как-то еще не притерпелась.

— Просто в тебе зла маловато.— Трент хмыкнул.— Ладно, посплю первым.— Он сделал движение, и Бинк почувствовал прикосновение чего-то холодного к руке.— А ты, Бинк, возьми мой меч и тыкай им во все, что появится. Если упрешься в пустоту — можешь быть спокоен, это настоящий призрак, если же попадется что-то материальное, считай, что врага прибил. Только смотри не проткни кого не надо.

Несмотря на тьму, Бинк почувствовал, что волшебник улыбнулся.

В руку изумленного Бинка лег тяжелый меч.

— Я...— начал он.

— Особо не терзайся, что не умеешь управляться с оружием. Прямой сильный удар сделает свое дело в любом случае,— ободрил его Трент.— Закончишь вахту, передай клинок даме. А после нее подежурю я, к тому времени уже хорошенько отдохнув.— Бинк услышал, что волшебник прилег.— И помни,— донесся уже снизу голос Трента,— в темноте мой талант не действует, поскольку мне надо видеть предмет. Так что без нужды прошу не будить. Наша жизнь зависит от твоей бдительности и здравомыслия.— Трент замолчал.

Ида взяла Бинка за руку, не занятую мечом.

— Можно лечь позади тебя? — попросила она.— А то еще продырявишь ненароком.

Бинку было приятно, что она рядом. Он стоял, тщетно вглядываясь в темноту, в одной потной ладони сжимая рукоять меча, в другой — палку. Стук дождя сделался громче, потом Бинк услышал негромкий храп Трента.

— Бинк,— прошептала через некоторое время Ида.

— А?

— Что он за человек такой? Отдал противнику меч и спокойно улегся спать.

Бинк задавал себе тот же вопрос. И не находил удовлетворительного ответа.

— Человек с железными нервами,— помолчав, сказал он, зная, что это далеко не все.

— Когда человек оказывает другому такое доверие,— задумчиво произнесла Ида,— он вправе рассчитывать на то же самое.

— Ну... если ему доверять нельзя, то нам-то можно. И он это знает.

— Нет, Бинк, так не бывает. Не доверяет другим как раз тот, кто сам недостоин доверия, потому что обо всех судит по себе. И я не понимаю, как такой заведомый лжец, интриган и негодяй, как злой волшебник, может вести себя подобным образом.

— А может, это не тот Трент, о котором рассказывают предания, а другой... ну там, самозванец?

— Самозванец — тот же лжец. К тому же мы видели его в деле. А магический талант не повторяется. Нет, он точно Трент-превращатель и никто другой.

— Но что-то тут не так...

— Все слишком уж так, потому и не так. Он доверяет нам, хоть и не должен. Ты можешь его прямо сейчас зарубить, во сне. Даже если первым ударом промахнешься, в темноте он с тобой ничего не сделает.

— Ты что несешь, даже и не подумаю! — ужаснувшись, воскликнул Бинк.

— О том и речь. У тебя есть честь. И у меня. Приходится сделать вывод, что у него она тоже есть. Но мы же знаем, что он злой волшебник.

— Наверное, он тогда правду сказал,— решил Бинк.— В одиночку ему из Глухомани не выбраться, и из замка этого он хочет выйти целым и невредимым, а без нашей помощи не получится. Но и нам без него не обойтись. И получается, что все мы на одной стороне. Выходит, насчет перемирия он не шутил.

— А когда мы выберемся отсюда и перемирие закончится — что тогда?

Бинк не ответил, и воцарилась тишина. Но неспокойные мысли одолевали его. Если они переживут ночь в этом страшном замке, то и день, по всей вероятности, пережить смогут. А если утром Трент посчитает перемирие законченным? Значит, Бинк с Идой всю ночь его охранять будут, а утречком он их обоих сонными прирежет? Вот если бы Трент первым встал в караул, ему было бы труднее осуществить свой злодейский замысел — пришлось бы убивать тех, кто мог бы обеспечить ему безопасность ночью. Так что не случайно он согласился дежурить последним.

Нет, что-то в этих рассуждениях хромает. Ведь Бинк сам вызвался караулить первым. Нужно верить в нерушимость перемирия. Если эта вера окажется обманутой — что ж, тогда они погибли. Но лучше поражение и смерть, чем победа ценой бесчестья. Приняв такое решение, Бинк успокоился.

В эту ночь Бинк больше не увидел ни одного призрака. Потом он передал меч Иде и, к своему удивлению, немедленно заснул.

Проснулся он на рассвете. Рядом с ним спала Ида, и во сне она выглядела очень мило. Уж никак не уродиной и даже не дурнушкой.

«Должно быть, привыкаю к ее обществу,— подумал Бинк.— Интересно, скоро ли дойдет до того, что Трент покажется мне воплощением благородства, а Ида — первой красавицей?»

— Прекрасно,— сказал Трент, вновь при мече.— Теперь ты можешь присмотреть за ней, а я схожу осмотрю помещение.— Он пошел по сумеречному коридору.

Ночь пережили. Теперь, задним числом, Бинк пытался понять, что внушало ему бóльшую тревогу — привидения или волшебник? Какими мотивами руководствуются те — или этот?

А Ида? Светало, и Бинк все больше убеждался, что в ее внешности действительно произошли перемены к лучшему. Красавицей ее не назовешь, но она явно не та страшила, с которой он познакомился четыре дня назад. Более того, она теперь определенно кого-то напоминает...

— Нуса! — воскликнул он.

Она проснулась:

— Да?

Ее ответ изумил его не меньше, чем только что отмеченное сходство. Он назвал ее Нусой — но Нуса-то теперь далеко, неведомо где. Тогда почему она отозвалась на это имя, как на свое собственное?

— Я... Мне показалось, будто ты...

Она села:

— Да, ты не ошибся, Бинк. Я знала, что долго скрывать мне не удастся.

— То есть ты в самом деле?..

— Я хамелеон,— сказала она.

Теперь Бинк вообще ничего не понимал:

— Но это же был только пароль, сигнал, чтобы...

И еще знамение...

— Я уродина Ида,— сказала она.— И неприметная Нуса. И красотка Синн — тоже я. Каждый день я понемногу меняюсь, замыкая круг в течение месяца. Лунного месяца. Женский цикл...

Теперь он вспомнил, что и Нуса при встрече напомнила ему кого-то.

— Но ведь Синн — дурочка! А ты...

— Умственные способности тоже меняются, только в обратном порядке. Такой вот нюанс моего проклятия. Если умная, то уродина, а если красавица, то идиотка. Я все ищу какие-нибудь чары, чтобы стать обыкновенной.

— Чары для Хамелеоши,— задумчиво проговорил Бинк.

Невероятное, поразительное свойство. Но это действительно так, ведь он чуть не узнал Синн в Нусе, встретив ее совсем недалеко от места, где потерял Синн, а теперь, на его глазах, день ото дня меняется Ида. Хамелеон, Хамелеоша... Нет у нее

магического таланта, она сама волшебное существо, вроде кентавров и драконов.

— Но почему ты пошла за мной в ссылку?

— За пределами Ксанфа магия не работает. Хамфри сказал мне, что если я отправлюсь в Обыкновению, то скоро приобрету свое нормальное состояние и навсегда останусь Нусой — обыкновенной, средней во всем. Для меня это самый лучший вариант.

— Но ты сказала, что пошла за мной.

— Так и есть. Ты был очень благороден с Синн. Разум мой подвержен изменениям, но память остается. Рискуя собой, ты спас ее от провального дракона и не воспользовался ее слабостью, когда она... ну ты понимаешь.— Бинк вспомнил, с какой готовностью принялась разоблачаться красотка Синн. Ума у нее не хватило подумать о возможных последствиях. Но Нуса и Ида не преминули бы вспомнить.— А теперь я понимаю, что ты хотел помочь и Нусе. Ей... мне... не следовало тогда отталкивать тебя, но это мы... я поняла уже позже, будучи Идой. И тогда мы тебя еще плохо знали. А ты...— Она осеклась.— Ладно, проехали.

Ну уж нет, не проехали! Она была не одна девчонка, а целых три. И одна из этих трех умопомрачительно прекрасна. И непроходимо глупа. Как прикажете относиться к этакой... этакой Хамелеоше?

Опять он вспомнил о хамелеоне — волшебной ящерке, способной произвольно менять цвет и форму, подражая другим существам. Забыть бы наконец об этом знамении — или понять, что оно значит. Определенно Хамелеоша не желает ему зла, но может невольно погубить его. Да, ее магия работает помимо ее воли, но именно эта магия стала определяющей в судьбе девушки. Выходит, проблема у нее нешуточная... Впрочем, как и у него.

Значит, она узнала, что он отправляется в изгнание из-за отсутствия магии, и приняла решение. Нуса без магии, Бинк без магии — два обыкновенных человека с необыкновенным прошлым, с общими воспоминаниями о волшебной стране — единственным, что могло дать им силы жить в кошмарной Обыкновении. Конечно, она все это рассчитала в умной фазе.

Какая была бы подходящая пара — две нечуди, две обездоленные души... В общем, она поступила в соответствии со своим решением. Откуда ей было знать о засаде, устроенной злым волшебником?

Думать об этом было приятно. Бинку очень нравилась Нуса. Не настолько некрасива, чтобы отпугнуть, но и не красавица писаная — а после общения с Сабриной и с чародейкой Ирис женская красота вызывала у него недоверие. И почему это красивые женщины так непостоянны?.. К тому же отнюдь не глупа. Так, разумный компромисс, лапушка-крошка — всего понемножку. Такую можно любить... особенно в Обыкновении.

Но теперь они вернулись в Ксанф, и ее проклятая магия работает на всю катушку. Она теперь не простая Нуса, а куда как непростая Хамелеоша, скачущая по месячной амплитуде от крайности до крайности. Ах, как хочется чего-то средненького, заурядного!

— Я пока еще не совсем отупела и понимаю, что у тебя в голове творится,— сказала Хамелеоша.— В Обыкновении мне было бы лучше.

Бинк не стал спорить. Он даже начал жалеть, что у них не получилось остаться в Обыкновении. Женился бы на Нусе, завел детишек... А что, тоже своего рода магия.

Послышался оглушительный треск. Бинк резко развернулся на звук. Грохнуло где-то наверху.

— Трент влип! — сказал Бинк, сжал покрепче палку и устремился по коридору.— Тут должна быть лестница...

Подспудно он понимал, что такая его реакция вызвана глубинным переломом в его отношении к волшебнику... Та ночь, когда он сидел с мечом рядом со спящим... Если зло есть совокупность злых деяний, *злодеяний,* то зло Трента, пожалуй, не столь уж велико. А доверие чревато доверием. Конечно, волшебник мог попросту манипулировать сознанием Бинка. Но как бы то ни было, от его былой неприязни к Тренту не осталось почти ни следа.

Хамелеоша спешила за ним. Теперь, при свете, они уже не боялись ям в полу, хотя, разумеется, ямы могли быть и волшебными. В глубине величественного зала они увидели витую каменную лестницу, явно парадную, и устремились к ней.

Внезапно перед ними появился призрак.

— У-у-у-у! — застонал он, чернея глазницами, похожими на дыры в гробу.

— Да пошел ты! — Бинк размахнулся палкой.

Обескураженный призрак растаял. Пробежав прямо по тому месту, где только что стоял призрак, Бинк ощутил легкий холодок — и только. Да, прав Трент: нематериального бояться не стоит.

Под ногами у Бинка был твердый каменный пол. Похоже, в этом старом замке иллюзий нет, одни только безобидные привидения. Учитывая, как их сюда загнали прошлой ночью, вариант не из худших.

Наверху было тихо. Бинк и Хамелеоша осторожно пробирались по богатым, на удивление хорошо сохранившимся покоям в поисках своего попутчика. В другое время Бинк не преминул бы остановиться и полюбоваться пышным убранством комнат, роскошными гобеленами, порадовался бы на прочную крышу, защитившую помещения от сырости, непогоды и гнили. Но сейчас его волновало совсем другое. Что стряслось с Трентом? А если в этом замке затаился какой-нибудь монстр, завлекающий сюда жертв с помощью магии?..

И тут они набрели на что-то вроде библиотеки. Полки, тянущиеся вдоль стен, забиты толстенными старыми фолиантами и свитками. В центре, за полированным столом, восседал Трент, уткнувшись в открытый том.

— Опять гипноз его достал! — заорал Бинк.

Но Трент поднял голову:

— Всего лишь жажда знаний, Бинк. Захватывающее, скажу я тебе, дело.

Бинк с Хамелеошей смущенно замерли.

— Но мы слышали треск...— начал Бинк.

Трент улыбнулся.

— Виноват. Старый стул не выдержал моего веса.— Он показал на груду щепок.— Мебель здесь по большей части хрупковата. Меня так увлекла библиотека, что об этом я и не подумал.— Он потер поясницу: — За что и поплатился.

— А что может быть такого увлекательного в книгах? — спросила Хамелеоша.

— Вот эта книга — история замка, в котором мы находимся,— пояснил Трент.— Похоже, это не просто так себе развалина, а замок Ругна.

— Ругна! — воскликнул Бинк.— Короля-волшебника из Четвертой волны?

— Его самого. Отсюда он правил страной. Когда восемьсот лет назад он умер и Ксанф захватила Пятая волна, замок был брошен, а потом и вовсе забыт. Но сооружение это весьма примечательное. Здесь во всем запечатлелась незаурядная личность короля, и он словно продолжает жить в камне.

— Помню,— сказал Бинк.— Ведь талант Ругна...

— Заключался в умении преобразовать магию по собственному усмотрению,— закончил за него Трент.— Дар неброский, но мощный. Ругн укрощал любые магические силы, окружавшие его. Он разводил здесь волшебные деревья, построил этот замечательный замок. Во время его правления земля Ксанфа существовала в гармонии с ее обитателями. Своего рода Золотой век.

— Да,— согласился Бинк.— Я и подумать не мог, что когда-нибудь увижу эту историческую достопримечательность.

— Нам бы еще из этой достопримечательности выбраться без всяких историй,— заметил Трент.— Не забывай, как нас сюда доставили.

— Будто вчера было,— без улыбки пошутил Бинк.

— А зачем нас сюда загнали? — озабоченно спросила Хамелеоша.

Трент посмотрел на нее — сначала бегло, потом повнимательнее:

— А тебе, Ида, обстановка замка очень к лицу.

— Да не в обстановке дело,— отмахнулась она.— К сожалению, скоро я буду еще красивее.

— Она — хамелеон,— пояснил Бинк.— Меняется по синусоиде — от полной уродины до несказанной красавицы, и наоборот. А ум изменяется в противофазе. Она и из Ксанфа ушла, чтобы от этого проклятия избавиться.

— Ну я бы это проклятием не назвал,— заметил волшебник.— Едина во всех лицах. А мужчины любят разнообразие.

— Я-то не мужчина,— отрезала Хамелеоша.— А ты не женщина. Ты давай про замок рассказывай.

Трент кивнул:

— Так вот. Замку нужен новый хозяин. Волшебник. В этом вопросе замок очень разборчив, оттого и простоял столько веков заброшенным. Он хочет возродить свою былую славу. А потому в нем должен жить новый король Ксанфа.

— А ты — волшебник! — догадался Бинк.— И когда ты оказался поблизости, все начало толкать тебя сюда.

— Похоже на то. Здесь сработал не злой умысел, а насущная необходимость. Для замка Ругна и для Ксанфа в целом. Чтобы земля эта вновь стала такой, какой может быть — истинно великим, процветающим королевством.

— Но ты не король,— возразила Хамелеоша.

— Пока нет.— Это утверждение прозвучало весьма уверенно.

Бинк и Хамелеоша переглянулись. Все становится на свои места. Злой волшебник показал коготки, временно упрятанные. А они-то всерьез обсуждали его человеческие достоинства, его якобы благородство. Обманулись. Он ведь давно уже намеревался покорить Ксанф, а теперь...

— Никогда! — запальчиво выкрикнула Хамелеоша.— Народ не потерпит такого преступника, как ты! Никто не забыл...

— Так ты имеешь представление о моей репутации,— смиренно заметил Трент.— А помнится, говорила, будто слыхом обо мне не слыхивала.— Он пожал плечами и спокойно продолжил: — Однако вполне возможно, что у почтенных граждан Ксанфа не будет особого выбора, а потом, преступники на троне — не такая уж редкость. Когда я соединю свою силу с весьма значительной силой этого замка, армия мне может и не понадобиться.

— Мы тебя остановим,— с мрачной решимостью пообещала Хамелеоша.

Трент смерил ее изучающим взглядом:

— Так ты прерываешь перемирие?

Она осеклась. Нарушить перемирие сейчас — значит оказаться во власти Трента, если он, конечно, не соврал про замок.

— Нет,— сказала она.— Но потом, когда оно закончится...

В улыбке Трента не было и намека на злорадство.

— Да, похоже, нам придется договариваться. Я-то грешным делом думал, что, позволив вам идти своей дорогой, вправе рассчитывать на ответную любезность. Но когда я говорил, что у жителей Ксанфа может не быть выбора, я имел в виду не совсем то, о чем подумали вы. Не исключено, что этот замок заставит нас действовать исключительно по его воле. Много веков он простоял здесь, перенося губительное воздействие стихий, и терпеливо ждал достойного волшебника. Может, и нюхач, которого мы повстречали в лесу, был его агентом. И обнаружил он не одного волшебника, а сразу двух. Без борьбы замок нас не отдаст. И нас ждет слава — или гибель, в зависимости от того, какое решение мы примем.

— Два волшебника? — изумилась Хамелеоша.

— Не забывай, у Бинка почти столько же магии, что и у меня. Так определил нюхач, и я не уверен, что он ошибся. Из чего следует, что наш Бинк вполне проходит по разряду волшебников.

— Но у меня вообще нет таланта,— горячо возразил Бинк.

— Поправочка,— сказал Трент.— Не иметь таланта и иметь неустановленный талант — отнюдь не одно и то же. Но даже если сам ты и бездарен, с тобой связана очень сильная магия. Может быть, ты сам магическое существо, как Ида.

— Хамелеоша,— поправила она.— Это мое настоящее имя. Остальные — лишь обозначения фаз.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что я тоже буду изменяться? — спросил Бинк отчасти с надеждой, отчасти с ужасом.

— Может быть. Возьмешь да и перейдешь в высшую форму, как пешка становится ферзем.— Трент помолчал.— Извините за очередную обыкновенную метафору: в Ксанфе шахматы вроде бы неизвестны. Слишком долго я пробыл в изгнании.

— И все же я не стану помогать тебе украсть корону,— отважно заявил Бинк.

— Естественно, не станешь. Цели у нас разные. Не исключено, что мы окажемся соперниками.

— Я-то не стремлюсь завоевать Ксанф!

— Сознательно — нет. Но ради того, чтобы помешать злому волшебнику...

— Чушь какая! — растерянно произнес Бинк. Сама мысль была абсолютно нелепа, но... соблазнительна. Если только так можно помешать Тренту занять... Нет!

— Наверное, нам действительно пришла пора прощаться,— сказал Трент.— Я в восторге от твоего общества, но ситуация меняется. Я бы на твоем месте попытался уйти из замка прямо сейчас. Удерживать я не намерен. Если нам удастся разделиться, будем считать перемирие аннулированным. Справедливо?

— Очень мило! — брякнула Хамелеоша.— Ты будешь тут с книжечками прохлаждаться, а нас чащоба на куски порвет!

— Едва ли что-то станет вам всерьез угрожать,— сказал Трент.— Лейтмотив замка Ругна — гармония с человеком, а не вражда.— Он вновь улыбнулся: — Но вот разрешат ли вам уйти? Сомневаюсь я, однако.

Бинк решил, что с него довольно:

— Готов рискнуть. Пойдем.

— Как, ты хочешь, чтобы я пошла с тобой? — растерянно спросила Хамелеоша.

— Если хочешь, оставайся с ним. Через пару недель из тебя получится прехорошенькая королева.

Трент расхохотался. Хамелеоша решительно направилась вслед за Бинком к лестнице. Волшебник вновь уткнулся носом в книгу.

Путь им преградил новый призрак, покрупней остальных и как будто поматериальней.

— Опа-а-сность! — простонал он.

Бинк остановился:

— Эге, да ты разговариваешь?! И в чем же заключается опасность?

— Впереди сме-е-рть. Сто-о-йте.

— Ах, так? Что ж, мы уже решили рискнуть,— сказал Бинк.— Потому что мы верны Ксанфу.

— Кса-а-нфу! — с чувством повторил призрак.

— Да, именно Ксанфу. Поэтому нам нужно уйти.

Озадаченный призрак растаял.

— Можно подумать, что они на нашей стороне,— заметила Хамелеоша.— Или просто очень уж хотят, чтобы мы здесь остались.

— Можно ли доверять призракам? — Вопрос Бинка был сугубо риторическим.

Выйти через главные ворота невозможно — их по-прежнему перекрывала тяжелая решетка, а как ее поднять, Бинк с Хамелеошей не знали. Поэтому они принялись ходить по комнатам первого этажа в поисках запасного выхода.

Бинк открыл одну вроде бы перспективную дверь — и тут же поспешил захлопнуть. Там шевелилась свора длиннозубых крылатых тварей, очень похожих на летучих мышей-вампиров. Вторую дверь он приотворил уже осторожней. Оттуда вопросительным знаком свесилась веревка, до отвращения похожая на хищную лиану.

— Попробуем подвал,— предложила Хамелеоша, завидев ведущие вниз ступени.

Попробовали. И тут же у ног образовался отряд громадных злобных крыс, причем мордами к пришельцам. Вид у грызунов был голодный и решительный. Определенно они расправлялись со всяким забравшимся на их территорию с помощью магии.

Бинк в порядке эксперимента ткнул ближайшую крысу палкой и сказал: «Брысь!» Крыса прыгнула на палку и вскарабкалась к самым рукам; Бинк попытался стряхнуть ее, но тварь вцепилась крепко, а по палке уже ползла вторая. Бинк со всей силы хряпнул палкой о каменный пол — крысы все так же цеплялись и карабкались. Наверное, у них такая магия — цепляльная.

— Бинк! Сверху! — крикнула Хамелеоша.

Наверху пищало. Крысы взобрались на балку и приготовились прыгнуть на Бинка.

Бинк отшвырнул палку и попятился вверх по ступенькам, держась за Хамелеошу, поскольку развернуться не мог. Крысы за ними не последовали.

— Организация здесь капитальная,— сказал Бинк, выбравшись из подвала.— Что-то не похоже, чтобы замок хотел отпустить нас с миром. Но сдаваться нельзя. Может, окно?

Но на первом этаже окон не было — стены сплошные, построенные с таким расчетом, чтобы выдержать осаду. Из башни прыгать бессмысленно — только кости переломаешь. Бинк с Хамелеошей двинулись дальше и вскоре оказались в хозяйствен-

но-кухонной части замка. Здесь обнаружился черный ход, через него когда-то шныряли слуги — вносили провизию, выносили мусор. Беглецы проскользнули в дверь и оказались перед небольшим мостиком, перекинутым через ров. Отличный путь отхода.

Но на мосту уже началось шевеление. Из-под прогнивших досок выползали змеи. Да не простые, а какие-то лохматые, выцветшие, дырявые — сквозь сочащиеся слизью дыры аж хорды видно!

— Зомби-змеи! — с неподдельным ужасом завопила Хамелеоша.— Из мертвых восстали!

— Логично,— мрачно отозвался Бинк.— Весь замок восстает из мертвых. Крысы-то, они где хочешь выживут, а вот остальные... Вымерли, должно быть, вместе с замком или же и посейчас сюда помирать ходят. Но у зомби не та сила, что у живых; может, удастся их палками забить.— Только вот палку он в подвале оставил.

Тут его обдало таким запашком — куда там гарпии! Благоухание гниющих змей плюс миазмы застойного рва. К горлу подступила тошнота, едва не перешедшая в рвоту. С добротным, продвинутым разложением Бинк сталкивался не особенно часто — попадались все больше либо живые твари, либо чистенькие косточки. От лицезрения же промежуточных стадий природного цикла — гниения, червивости и прочих прелестей переходного периода — он благоразумно воздерживался. До сей минуты.

— Не пойду через этот мост! — заявила Хамелеоша.— Навернемся, а в воде зомби-кроки.

Истину глаголет отроковица: гигантские рептилии знай себе гремят костями по зеленой ряске, выеденными глазками постреливают.

— А если лодку? — предложил Бинк.— Или плот?

— Фиг тебе! Найдем разве что гнилушку какую-нибудь, всю в жуках зомбированных, а если и целая попадется... Эй, глядика, на том берегу...

Он поглядел. Там дерганой походочкой брела самая погань — зомби-люди. Одни походили на мумий, другие и вовсе на ходячих скелетов.

Бинк не сводил глаз с этих кошмарных тварей, зачарованный самой их нездешней мерзостью. С них на ходу валились лохмотья и шматки гнилой плоти, кое с кого сыпалась могильная грязь — видать, в спешке из гробов повылазили. Прямо парад жмуриков!

Бинк представил себе, каково будет сразиться с этой пестрой публикой — рвать в клочья уже расчлененные тела, чувствовать на своих ладонях их гнилую, червивую плоть, окунуться в их склизкую вонь. Ах, какую заразу, какую гангрену сулят их мимолетные объятия! Чем же этих мертвячков-бодрячков по второму разу утихомирить?

А нежить все приближалась, вот уже и на мост ступила. Конечно, для зомби в этих экзерсисах большой радости тоже не было — не своей волей поднялись. И в замок, надежный, уютный замок, им путь заказан. Да уж, вместо сладкого забвения нести вечную службу — и в таком состоянии...

— Я... я, пожалуй, еще повременю с уходом,— сказал Бинк.

— Я тоже,— подхватила Хамелеоша, сильно позеленевшая лицом.— А этим путем — и подавно!

Зомби тут же остановились, позволив Бинку и Хамелеоше беспрепятственно возвратиться в замок Ругна.

Глава 13

ЛОГИЧЕСКИЕ ДОВОДЫ

Хамелеоша завершала нормальную фазу, известную Бинку под именем Нуса, и стремительно превращалась в красавицу, не во всем совпадающую с прежней Синн — волосы были светлее и черты лица несколько иные. Значит, внешность Хамелеоши менялась не только внутри цикла, но и с каждым циклом, никогда не повторяясь в точности, но неизменно колеблясь от крайности к крайности. Увы, параллельно она столь же резко глупела, и никакой помощи при бегстве из замка от нее ждать не приходилось. Теперь ее куда больше интересовало углубление личных контактов с Бинком. А в данной ситуации это было ему не нужней проказы.

Во-первых, самое главное для него — выбраться отсюда. Во-вторых, он отнюдь не был уверен, что хочет связать свою судьбу со столь переменчивым созданием. Вот если бы она была красива и умна одновременно... Нет, тоже не пойдет. Теперь он понял, почему девушку не соблазнило предложение Трента сделать ее прекрасной, когда они оба оказались в плену у волшебника. Переменились бы фазы — и только. Если бы она стала умной красавицей, то периодически превращалась бы в глупую уродину, а общая картина нисколько не улучшилась бы. Ей нужно было напрочь избавиться от своего проклятия. Но даже если бы ей удалось закрепиться в фазе наивысшей красоты и ума, Бинк не мог бы доверять ей. Как раз такая девушка и предала его. Сабрина... Он с трудом отбросил тягостное воспоминание. С другой стороны, самая обыкновенная девушка, наделенная очень средним умом и магией, со временем нестерпимо наскучит...

Они перестали активно сопротивляться замку Ругна — и он оказался весьма приятным местом. Очень старался им понравиться. Окружающие замок сады в изобилии поставляли фрукты, овощи, злаки, мелкую дичь. Трент упражнялся в стрельбе по кроликам из высоких замковых амбразур, используя для этого превосходный лук, которых в оружейной нашлось великое множество. Иногда попадались ложные кролики, которые проецировали свое изображение чуть в стороне от действительного местонахождения, и Трент лишь впустую тратил стрелы. Но ему это даже нравилось, ибо добавляло в охоту азарта. Один из подстреленных им кроликов оказался преображенным скунсом, испустившим такой магический аромат, что оставалось лишь закопать его побыстрей и поглубже. А другой обернулся съежиком — уже пробитый стрелой, он съежился до размеров мелкой полевки и в пищу не годился. Да, магия на выдумки хитра... Впрочем, иные выдумки были куда как хороши.

Определенного внимания требовала и кухня — слишком уж большое стремление заняться кулинарией проявляли зомби. Чтобы этого не допустить, стряпухой пришлось сделаться Хамелеоше. Руководствуясь советами призрачных дам, весьма щепетильных по части меню замка Ругна, она готовила вполне сносную шамовку. С мытьем посуды трудностей не возника-

ло — на кухне работал неиссякаемый магический фонтанчик антисептической воды. Раз сполоснешь — и сверкает. Кстати, ванна из такой водички чрезвычайно приятственна — шипит, пенится и пощипывает.

Внутренние стены замка прочностью не уступали крыше. Похоже, здесь не обошлось без погодонепроницаемых чар. У каждого обитателя имелась роскошная спальня — с дорогой драпировкой на стенах, самоходными ковриками на полу, виброподушками на гусином пуху, ночными вазами из чистого серебра. Жили по-королевски. Бинк обнаружил, что расшитый гобелен, висящий напротив его кровати, на самом деле является волшебной картиной: изображенные на нем крошечные фигурки двигались, разыгрывая свои маленькие драмы во всех завлекательных подробностях. Миниатюрные рыцари убивали драконов, крохотные дамы сидели за пяльцами, а в якобы укромных внутренних покоях рыцари и дамы сжимали друг друга в объятиях. Поначалу Бинк отводил глаза от подобных сцен, но вскоре природная любознательность победила, и он уже не пропускал ни одной. Эх, самому бы... Нельзя, неприлично... Хотя Хамелеоша явно не против.

С призраками никаких проблем не возникало, Бинк даже успел познакомиться с каждым из них. С привратником — тем самым, который вышел поглядеть на них в ту ночь, когда упала решетка,— с горничной, с поваренком. Всего привидений было шесть, каждый когда-то умер не своей смертью и не был должным образом похоронен. В сущности, это были те же тени, но без сильной мотивации. Освободить их от заклятия мог только король Ксанфа, а покидать замок им нельзя. Вот они и обречены служить замку, причем не имея физической возможности исполнять привычные при жизни обязанности. Народ был в целом неплохой, но над замком никакой власти не имевший — ведь и составной частью магии замка они стали практически случайно. Очень старались, помогали чем могли — могли, правда, не много: подсказать Хамелеоше, где провизией разжиться, рассказать Бинку о здешней жизни в добрые старые времена. Поначалу вторжение живых озадачило и расстроило призраков — ведь столько веков провели в уединении, отвыкли. Но потом они поняли, что такова воля самого замка, и приспособились.

Трент почти не вылезал из библиотеки, словно поставил задачу овладеть всеми хранящимися там знаниями. Сначала там засиживалась и Хамелеоша, увлеченная разными умностями. Но потом поглупела и потеряла интерес. Сфера ее изысканий конкретизировалась: она жадно искала какое-нибудь волшебство, которое помогло бы ей стать нормальной. Не найдя ничего подходящего в библиотеке, она теперь рыскала по замку и его окрестностям. Если она была одна, ничто ей не мешало, не появлялось ни крыс, ни хищных лиан, ни зомби. В отличие от обоих мужчин, она не была здесь пленницей и свободно предавалась поискам магии — тянула в рот все подряд, немало пугая этим Бинка, знающего, как ядовиты подчас волшебные плоды. Но ничего с ней не случалось, словно ее оберегал сам замок.

Ей посчастливилось сделать одно открытие: маленькие красные ягодки, в изобилии росшие на садовых деревьях. Хамелеоша захотела надкусить одну такую ягодку, но кожура оказалась очень твердой, и она отнесла на кухню целую горсть, чтобы разрубить ножиком. Призраков в тот момент рядом не было, обычно они появляются лишь тогда, когда в том возникает необходимость. Поэтому никто не предупредил Хамелеошу, что это за ягодки такие. По неосторожности она уронила одну ягоду на пол.

Бинк услышал взрыв и тут же прибежал. Хамелеоша, уже очень миловидная, съежившись, пряталась в самом дальнем углу.

— Что случилось? — спросил Бинк, озираясь в поисках злой магии.

— Ой, Бинк! — с явным облегчением воскликнула она. Ее домотканое платье порвалось, открывая взору грудь идеальной формы и круглые, упругие бедра. Какие перемены всего за несколько дней! До чего мила — а ведь еще не достигла пика красоты.

Да что происходит?! Бинк вдруг обнаружил, что крепко держит ее в объятиях, а она покорно прижимается к нему, готовая исполнить любое его желание. А не желать было невозможно, тем более что в ее облике оставалось очень многое от Нусы, полюбившейся Бинку еще до того, как он узнал, что такое Хамелеоша. Ему хотелось тут же овладеть ею — и ни глупая Синн, ни умная Ида не осудили бы его.

Но к таким делам он относился с большой ответственностью и не хотел в данной ситуации брать на себя столь серьезные обязательства. Он очень деликатно отстранил Хамелеошу, стараясь не показать, что это действие потребовало от него огромных усилий.

— Что случилось? — повторил он.

— Как... как бабахнет! — пролепетала Хамелеоша.

Бинку пришлось напомнить себе, что непременной спутницей ее красоты является глупость, и теперь ему стало легче держать это роскошное тело на расстоянии. Тело без мозгов не особенно его привлекало.

— Что бабахнуло?

— Вишня.

— Вишня? — Чем-то это слово было ему знакомо, но лишь после терпеливых расспросов он понял, что случилось.— Да это же бамбух, бамбуховая вишня! — воскликнул он.— Если бы ты ее съела...

Она еще не совсем отупела и поняла его:

— Ой, губы!..

— Ой, голова! Это очень мощные бомбочки. Разве Милли тебя не предупредила?

Милли — это горничная-призрак.

— У нее дела были.

Интересно, какие могут быть дела у привидения? Впрочем, раздумывать над этим некогда.

— Ничего не ешь без разрешения призрака, поняла?

Хамелеоша послушно кивнула.

Бинк осторожно взял вишенку и принялся ее разглядывать. Твердый красный шарик с темным пятнышком на месте черенка.

— Должно быть, старый волшебник Ругн использовал такие бомбы в бою. Насколько я понимаю, он не очень любил воевать, но с боеспособностью у него было все в порядке. Если бы кто-то вздумал напасть на замок... Да один воин с пращой на крепостной стене мог бы изничтожить целое войско, обстреливая врагов бомбочками. И неизвестно, какие еще деревья у него в арсенале. Если ты не прекратишь баловаться с неизвестными фруктами...

— ...то взорву весь замок,— подхватила она, глядя сквозь рассеивающийся дым на обгоревший пол и кухонный стол, охромевший на одну ножку.

— Взорвешь весь замок,— повторил Бинк, внезапно осененный новой мыслью: — Хамелеоша, а не принесешь ли еще бомбочек? Хочу с ними поэкспериментировать. Только осторожнее, прошу тебя. Не наступай на них и не роняй.

— Понятно,— сказала она, услужливая, что твой призрак.— Осторожнее.

— И есть их не надо.— Он и сам не понял, в шутку сказал или всерьез.

Из подручных тряпок и веревочек Бинк соорудил несколько мешочков. Скоро у него были «бомбы в мешочек» разной убойной силы. Он разместил их в стратегических точках вокруг замка, а один оставил себе.

— По-моему, мы готовы покинуть замок Ругна,— сказал он.— Только сначала мне надо переговорить с Трентом. Ты постой здесь, у кухонных дверей. Если покажутся зомби, кидай в них вишни.— Он не сомневался, что у зомби недостанет ловкости поймать такую бомбочку и бросить ее обратно. Мускулы третьей свежести и глаза с червоточиной не способствуют хорошей координации. Стало быть, бамбухи их остановят.— А если увидишь, что спускаюсь не я, а Трент, кидай вишню вот сюда. И побыстрее, пока он к тебе на шесть локтей не приблизился.— Бинк показал на мешок с бамбухами, подвешенный на мачту.— Поняла?

Ничегошеньки она не поняла, и ему пришлось повторить еще не раз, пока до нее наконец не дошло: что надо бросать бомбу во все, что попадется на глаза, за исключением Бинка.

Теперь все готово. Он поднялся в библиотеку, чтобы поговорить со злым волшебником. Настал решающий момент. Сердце бешено стучало в груди, но Бинк знал, что нужно делать.

На его пути повстречался призрак — Милли, горничная. Она так подоткнула свой белый саван, что он напоминал платье камеристки, а черные дыры глазниц каким-то чудом походили на темно-карие глаза. Много веков призраки существовали, позабытые всеми, махнули на себя рукой и буквально утратили форму. Но теперь, оказавшись уже не одни, они взяли себя

в руки и постепенно приобретали надлежащий облик. Еще через неделю своим видом и цветом они будут совсем похожи на людей, хотя, конечно, останутся призраками. Бинк подозревал, что Милли окажется довольно хорошенькой девушкой. Интересно, как она умерла? Интрижка с каким-нибудь гостем замка, а потом удар кинжалом от ревнивой жены, застукавшей их вместе?

— Что, Милли? — остановившись, спросил Бинк.

Он хоть и заминировал замок, но никакого зла на его несчастных обитателей не держал и надеялся, что сработает его хитрость и не придется уничтожать жилище тех, кто никаким боком не причастен к номерам, которые это самое жилище откалывает.

— Король... частная аудиенция,— сказала она.

Речь ее пока была несколько расплывчатой, да и трудно существу почти нематериальному — эктоплазмы и той с гулькин нос! — четко выговаривать звуки. Но Бинк понял.

— Аудиенция? С кем? Здесь же никого нет, кроме нас... Ага, ты, наверное, хочешь сказать, что он на горшке?

Милли покраснела, насколько это было возможно. Как горничная, она имела навык в обращении с ночными горшками, но считала всякое упоминание о прямом их использовании кем-либо совершенно неприличным. Словно вещество существовало отдельно от процесса. Возможно, она привыкла думать, что свежее гуано еженощно возникает в ночных горшках само собой, вне всякой связи с кишечником. Этакое магическое удобрение!

— Н-нет...— пролепетала она.

— Что ж, сожалею, но мне придется прервать его уединение,— сказал Бинк.— Я, видишь ли, королем его не признаю и намерен незамедлительно покинуть замок.

— А-а...— Чисто женским движением она поднесла нечетко очерченную руку к туманному лицу.— Но погляди-и...

— Погляжу.

Бинк пошел за Милли в небольшую келейку, примыкающую к библиотеке. На самом деле это был альков парадной спальни, и непосредственного выхода в библиотеку он не имел. Но оказалось, что там есть окошко, выходящее в библиотеку. По-

скольку в неосвещенном алькове было темнее, чем в библиотеке, оттуда можно смотреть, не опасаясь, что тебя увидят.

Трент был не один. Перед ним стояла красивая, не очень молодая женщина. Волосы ее были собраны в аккуратный, строгий пучок, но в тонких морщинках вокруг рта и глаз светилась улыбка. Рядом с ней стоял мальчик лет десяти, судя по сходству с женщиной — ее сын.

Женщина и мальчик молчали, но по их дыханию и позам было видно, что они не призраки, а люди, живые и материальные. Как и зачем они попали сюда? Почему ни Бинк, ни Хамелеоша не видели, как они вошли? Незамеченным подойти к замку практически невозможно — он построен так, чтобы наилучшим образом отбить любое нападение. К тому же главный вход по-прежнему перекрыт опущенной решеткой. А возле черного хода Бинк крутился все утро, занимаясь своими бомбами.

Но, как бы то ни было, они проникли сюда — тогда почему молчат? Почему молчит Трент? Застыли в жутковатом молчании и только глазеют друг на друга. Нелепая какая-то сцена...

Бинк принялся рассматривать странную безмолвную парочку. Чем-то они смутно напоминали вдову и сына Дональдатени, тех самых, которым он рассказал о серебряном дубе, что избавит их от бедности. Сходство было не во внешности — эти двое куда привлекательнее, и никаких следов бедности не заметно,— а скорее в таком же настроении тихой и безмерной грусти. Неужели и эти потеряли отца и кормильца? И пришли к Тренту за помощью? Если так, то не того волшебника они выбрали.

Бинк отошел от окошка — подглядывать было неприятно. Даже злые волшебники имеют право на личную жизнь. Бинк вышел в коридор, затем на лестницу. Милли, сделав свое дело и предупредив его, исчезла. Должно быть, призраки тратят много сил на материализацию и членораздельную речь и после каждого появления должны восстанавливать силы в своем вакууме... или где там они пребывают в свободное время?

Бинк вновь направился в библиотеку, на сей раз нарочито громко топая, чтобы его приближение не осталось незамеченным. Тогда Тренту придется представить его посетителям.

Но когда Бинк толкнул дверь, он увидел одного Трента. Тот сидел за столом, погруженный в чтение, и поднял голову при появлении Бинка:

— Почитать что-нибудь решил?

Бинк не выдержал:

— Где люди?! Куда ты дел людей?!

Трент нахмурился:

— Каких людей, Бинк?

— Женщину и мальчика. Я их видел. Они были прямо здесь...— Бинк запнулся.— То есть я не хотел подсматривать, но когда Милли сказала, что у тебя аудиенция, пошел в ту комнатку и поглядел в окошко.

Трент кивнул:

— Значит, видел. Я не хотел бы обременять тебя моими личными проблемами.

— Кто они такие? Как попали сюда? Что ты с ними сделал?

— Это моя жена и сын,— печально сказал Трент.— Они умерли.

Бинк вспомнил, как матрос рассказывал об обыкновенской семье злого волшебника, погибшей от какой-то обыкновенской болезни.

— Но они были здесь. Я же собственными глазами видел.

— А увидел — тут же поверил.— Трент вздохнул.— Бинк, это были два таракана, превращенные в подобия моих любимых. Кроме них двоих, я никого не любил и никого уже не полюблю. Я тоскую по ним, жизнь без них не в жизнь. Но могу лишь время от времени смотреть на их подобия. Когда я потерял их, уже ничто не могло удержать меня в Обыкновении.— Он поднес к лицу кружевной платочек с монограммой замка Ругна, и потрясенный Бинк увидел, что в глазах злого волшебника блеснули слезы. Но Трент мгновенно взял себя в руки.— Однако тебя это все не касается, и я предпочел бы воздержаться от обсуждения... Что привело тебя сюда, Бинк?

Ах да, он же принял твердое решение, и надо его держаться. Хотя его замысел и казался почему-то уже не столь привлекательным, Бинк твердо сказал:

— Мы с Хамелеошей уходим из замка Ругна.

Трент поднял красивую бровь:

— Опять?

— На этот раз все серьезно,— сказал Бинк, уязвленный такой реакцией.— Зомби нас не остановят.

— И ты счел нужным сообщить об этом мне? Мы ведь уже пришли к взаимопониманию по этому вопросу. Не сомневайся, рано или поздно я обратил бы внимание на ваше отсутствие. Если ты боишься, что я буду противиться вашим планам, не разумнее ли было уйти, не ставя меня в известность?

— Но по условиям нашего перемирия я считаю себя обязанным...— начал Бинк без улыбки.

Трент махнул рукой:

— Что ж, не стану утверждать, что рад вашему уходу. Я научился ценить твои достоинства, нравственные принципы, позволившие поставить меня в известность о твоих намерениях. Хамелеоша тоже превосходная девушка — верная, надежная и хорошеет не по дням, а по часам. Очень хотелось бы видеть вас в стане моих союзников, но коли это невозможно, остается пожелать вам всяческих удач.

Бинку стало совсем неловко.

— Извини, но это не просто расставание добрых знакомых.— Лучше бы он не видел жену и сына Трента, не знал, кто это такие. Ясно же, что они были хорошими людьми, не заслужившими такой злой судьбы. Бинк всем сердцем сочувствовал горю волшебника.— Замок не отпустит нас добровольно. Придется заставить его. Поэтому мы заложили бомбы...

— Бомбы! — воскликнул Трент.— Это же обыкновенская пакость. В Ксанфе их нет и не будет. Пока я король.

— А вот раньше бомбы были,— упрямо возразил Бинк.— Во дворе растет дерево с бамбуховыми вишнями. Каждая такая вишенка при ударе взрывается — и сильно.

— Бамбуховые вишни,— повторил Трент.— Ясно. И что вы сделали с вишнями?

— Заложили под укрепления замка. Если он попытается остановить нас, мы его уничтожим. Так что всем будет лучше, если он... отпустит нас с миром. И сказать тебе об этом я должен, чтобы после нашего ухода ты разминировал замок.

— А смысл? Разве ты не противник моих планов — и планов замка? Уничтожив и замок, и волшебника, ты одержал бы чистую победу.

— Чистую? Грязную! И такая победа мне не нужна,— заявил Бинк.— Я... Слушай, ты мог бы принести Ксанфу столько добра, если бы только...— Бессмысленно продолжать: злой волшебник по природе своей не может служить добру.— Вот список мест, где заложены бомбы,— продолжил он, кладя на стол листок бумаги.— Тебе нужно будет очень осторожно собрать все мешочки и отнести куда-нибудь подальше.

Трент покачал головой:

— Сомневаюсь, что бомбы помогут тебе уйти, Бинк. Замок ведь не является разумным существом. Он просто реагирует на определенные раздражители. Хамелеошу он, пожалуй, отпустит, но тебя — нет. Ты в его восприятии — волшебник, а потому должен остаться здесь. Да, ты перехитрил замок, но он-то о твоей хитрости не догадывается. И в этот раз зомби снова встанут на твоем пути.

— Тогда придется взрывать.

— Вот именно. Взорвешь свои вишенки, и мы погибнем все вместе.

— Но мы можем выйти и метнуть вишню за спину. Если замок нельзя перехитрить...

— Перехитрить его нельзя, потому что он не умеет мыслить, а просто реагирует. Ты будешь вынужден уничтожить его, а этого я допустить не могу, замок Ругна мне очень нужен.

Разговор принимал крутой оборот, но Бинк был к этому готов.

— Если превратишь меня, Хамелеоша взорвет бомбы,— сказал он, чувствуя холодящий азарт противостояния. Такого рода силовые игры были ему не по нраву, но он знал, что до этого не могло не дойти.— И если ты вздумаешь мешать мне...

— Нет, перемирия я не нарушу. Но...

— А ты и не можешь его нарушить. Или я возвращаюсь к Хамелеоше, или она бросит вишенку в мешок с бомбами. Она настолько глупа, что способна лишь слепо выполнять приказы.

— Послушай меня, Бинк. Хранить перемирие меня заставляет данное мною слово, но никак не твои тактические ухищрения. Я мог бы превратить тебя в блоху, а твой облик придать какому-нибудь таракану и отправить его к Хамелеоше. И как только она выпустит из руки вишню...

На лице Бинка отразилась полнейшая растерянность. Злой волшебник действительно может без труда расстроить все его планы. Глупая Хамелеоша начнет что-то понимать, когда будет уже поздно. Да, глупость ближнего — вещь обоюдоострая.

— Я не стану этого делать,— продолжил Трент,— и излагаю тебе такой вариант, только чтобы ты понял, что у меня тоже есть представления о морали. Цель никогда не оправдывает средств. Мне кажется, что ты позволил себе на какое-то время забыть об этом, но очень скоро ты поймешь свою ошибку и исправишь ее. Я не могу позволить тебе бессмысленно уничтожить такое замечательное и исторически ценное сооружение.

Бинку уже стало стыдно. Неужели он позволит убедить себя, что избранный им курс ошибочен?

— Ты, разумеется, понимаешь,— убежденно проговорил волшебник,— что, если ты это сделаешь, вся округа обрушит на тебя свой гнев. Из замка ты выйдешь, но далеко тебе не уйти. Ты погибнешь страшной смертью. И Хамелеоша тоже.

И Хамелеоша... Подумать страшно. Такую красивую девушку пожирает древопутана, рвут на части зомби...

— Придется рискнуть,— мрачно заявил Бинк, хотя прекрасно понимал, что волшебник прав. Достаточно вспомнить, как их загнали в этот замок. От свирепого леса никуда не деться.— Но может, ты сумеешь убедить замок отпустить нас, чтобы избежать всех этих ужасов?

— А ты упорный!

— Какой есть.

— Хотя бы дослушай меня до конца; если я не смогу убедить тебя, то будь что будет, хотя мне страшно даже подумать об этом.

— Только покороче! — отрезал Бинк, удивляясь собственной наглости. Но что делать, когда иного выхода нет? Если Трент приблизится к нему на шесть локтей, придется бежать, чтобы злой волшебник не превратил его. Может, и удастся оторваться от соперника. Но в любом случае долго тянуть нельзя — Хамелеоша может устать от ожидания и сотворить какую-нибудь глупость.

— Честно говоря, я не хочу ни твоей, ни Хамелеошиной гибели, да и своя жизнь мне тоже дорога,— сказал Трент.— Хоть я и не люблю никого из ныне здравствующих, вы двое стали

для меня самыми близкими людьми. Словно сама судьба отторгает от косного ксанфского общества людей, похожих друг на друга. Мы...

— Похожих! — возмущенно воскликнул Бинк.

— Извини за неуместное сравнение. За короткий срок мы вместе многое пережили, и будет только справедливо сказать, что мы не раз спасали друг другу жизнь. Возможно, и в Ксанф я вернулся, чтобы найти таких, как вы.

— Может быть,— нехотя согласился Бинк, подавляя противоречивые чувства.— Но это не оправдывает твоего намерения захватить Ксанф и, скорее всего, погубить множество народу.

Трента эти слова явно задели, но он постарался не подавать виду:

— Не стану притворяться, что это не так. Смерть моей обыкновенской семьи послужила толчком для моего возвращения, но никак не его оправданием. В Обыкновении у меня не осталось ничего, ради чего стоило бы жить, и естественно, что мои стремления обратились на Ксанф, мою родину. У меня нет ни малейшего намерения нанести Ксанфу вред. Напротив, я хочу принести ему огромную пользу, открыв его для современной действительности, пока еще не поздно. Даже если кто-то и погибнет, это приемлемая цена за спасение всего Ксанфа.

— Ты считаешь, что Ксанф погибнет, если ты его не завоюешь?

Бинк попытался произнести эти слова с издевкой, но не получилось. Ах, почему он не так мастерски владеет словом — и собой,— как злой волшебник!

— Да, считаю. Ксанфу давно уже нужна новая волна колонизации, которая, как и предыдущие, обернется для него только благом.

— Но волны — это убийства, насилие, разрушения! Это самая страшная беда для Ксанфа!

Трент покачал головой:

— Не совсем так. Некоторые волны такими и были, но не все. Например, благодатная Четвертая волна, в которую был построен этот замок. Беды принесли не сами волны, а отсутствие должной их организации. В целом они были необходимы для прогресса Ксанфа... Я и не жду, что ты этому поверишь, я

просто пытаюсь убедить тебя пощадить замок и себя самого, а не обращаю в свою веру.

Что-то в этом разговоре все больше настораживало Бинка. Слишком уж мудрым получается злой волшебник, слишком прозорливым, уверенным в себе. Конечно же, он не говорит правду — злые волшебники на правду не способны,— но речи его столь красноречивы и убедительны, что Бинк никак не мог понять, где начинается ложь, вольная или невольная.

— Попробуй обрати,— сказал Бинк.

— Я рад это слышать, Бинк. Попытаюсь изложить тебе мои логические доводы и готов выслушать конструктивную критику.

Это походило на какую-то замысловатую умственную игру, и Бинку послышалась в словах волшебника издевка, но тут же он вынужден был признать, что издевкой тут и не пахло. И еще Бинк готов признать, что волшебник умней его самого, зато он, в противоположность Тренту, защищает правое дело.

— Может, и покритикую,— осторожно сказал он.

У него было такое ощущение, будто он брел в густом лесу, выбирая самые вроде бы подходящие тропки, но что-то неотвратимо влекло его в западню, устроенную в самой глуши. В замок Ругна — западню как физическую, так и умственную. Восемьсот лет замок стоял безгласным, но теперь обрел голос. И что Бинк мог противопоставить этому голосу? Не больше, чем острому мечу в умелых руках волшебника. Но бороться он обязан.

— Логика моя двояка, ибо соотносится и с Обыкновением, и с Ксанфом. Видишь ли, несмотря на определенные пробелы по части этики и политики, за последние несколько веков Обыкновения добилась значительного прогресса благодаря росту числа людей, делающих открытия и распространяющих информацию. Во многих отношениях Обыкновения — более цивилизованная страна по сравнению с Ксанфом. Увы, прогресс затронул и военную область. Это тебе придется принять на веру, поскольку доказать это прямо здесь я не смогу. Обыкновения располагает оружием, способным стереть с лица земли все живое в Ксанфе, и щит этому не помешает.

— Лжешь! — воскликнул Бинк.— Ничто не может проникнуть сквозь щит!

— Не считая, конечно, нашу троицу,— не преминул вставить Трент.— Но щит не пропускает только живое. Его можно проскочить; тело легко пройдет через щит, только на другой стороне оно будет уже мертвым.

— А я про то и говорю!

— Про то, да не про то. Есть, знаешь ли, такие штуки, называются пушками, и стреляют эти пушки снарядами, бомбами, вроде бамбуховых вишен, только намного мощнее — как с чем соприкоснутся, так и взрываются. И снарядам этим, заметь, щит не страшен, поскольку они и так неживые. А Ксанф по сравнению с Обыкновенией — страна маленькая. Если обыкновены захотят, они смогут весь Ксанф забросать снарядами. При такой атаке никакой щит не устоит, ведь от Щитового камня ничего не останется. Народ Ксанфа не может больше игнорировать Обыкновению. Обыкновенов слишком много, и рано или поздно они откроют нашу страну, захотят стереть нас в порошок — и сотрут. Если мы прежде не установим с ними нормальные отношения.

Бинк покачал головой — он ничего не понимал и ничему не верил. Но Трент, не теряя спокойствия, продолжал:

— Сам по себе Ксанф, так сказать изнутри,— совсем иное дело. Обыкновении он не несет никакой угрозы, поскольку магия там не действует. Но от него исходит угроза жизни в самом Ксанфе, скрытая и потому очень коварная.

— Ксанф угрожает Ксанфу? Явная чушь, абсурд!

Улыбка Трента сделалась чуть снисходительной.

— Да, современная научная логика Обыкновении для тебя, пожалуй, сложновата.— И прежде чем Бинк успел спросить, что это за логика такая, волшебник с серьезным видом продолжил: — А может, и не сложновата, просто непривычна. Я и сам узнал про угрозу Ксанфу самому себе лишь несколько дней назад, копаясь в этой библиотеке, но это очень важно. Хотя бы поэтому настоятельно требуется сохранить этот замок — собранные здесь богатейшие знания многих веков жизненно необходимы современному Ксанфу.

Сомнений Бинка эти слова не рассеяли.

— Жили же мы без этой библиотеки восемь веков, проживем и дальше.

— Да, но как! — Трент затряс головой, не находя слов, поднялся, обернулся к полке, расположенной у него за спиной, снял книгу и бережно перелистнул ветхие страницы. Найдя желаемое, он положил раскрытую книгу перед Бинком: — Что на картинке?

— Дракон,— тут же ответил Бинк.

Трент перевернул страницу:

— А это?

— Мантикора.

К чему все это? Картинки были очень красивые, хотя изображенные на них существа некоторыми деталями и пропорциями отличались от настоящих.

— А это?

Четвероногое с человеческой головой, лошадиными задними ногами и хвостом, а передние лапы как у кошки.

— Ламия.

— А это?

— Кентавр. Слушай... картинками можно весь день любоваться, но...

— Что общего у всех этих существ? — спросил Трент.

— У них человеческие головы или передние конечности. Кроме дракона, хотя вот у этого, в книжке, морда не очень вытянутая и немножко похожа на человечье лицо. У некоторых ум как у людей. Но...

— Вот именно. Обрати внимание на хронологию. Сравни, как выглядели драконы и им подобные тогда. Больше сходства с человеком. Это тебе ни о чем не говорит?

— Говорит. Что одни твари больше похожи на человека, а другие меньше. Но не понимаю, как это может угрожать Ксанфу. Да и картинки эти изрядно устарели, нынешние звери выглядят совсем иначе.

— Тебя кентавры истории эволюции учили?

— Естественно. Все животные произошли от более примитивных, приспособленных к выживанию. Если забраться в самую глубокую древность, у всех найдется общий предок.

— Верно. Но вот в Обыкновении не появилось ни ламии, ни мантикоры, ни дракона.

— Понятное дело! Они ж магические и эволюционировали путем магического отбора. А только в Ксанфе...

— И все же ксанфские животные произошли от обыкновенских. Так много родственных черт...

— Ладно-ладно,— зло сказал Бинк, которому эти премудрости до чертиков надоели.— Все они произошли от обыкновенских. И какова здесь связь с тем, что ты собираешься завоевать Ксанф?

— Если верить официальной истории, составленной кентаврами, человек появился в Ксанфе всего тысячу лет назад,— сказал Трент.— За это время прошло десять значительных волн переселений из Обыкновении.

— Двенадцать,— поправил Бинк.

— Смотря как считать. Во всяком случае, продолжалось это девять веков, пока щит не преградил дорогу этим переселениям. И в то же время многие виды животных, имеющие человеческую составляющую, существовали здесь задолго до официально признанного появления человека. Не странно ли?

А Бинка все больше беспокоило, как там Хамелеоша, не натворит ли чего и не додумается ли замок как-нибудь нейтрализовать бамбухи. Слова Трента, что замок будто бы самостоятельно мыслить не может, доверия не внушали. Уж не заговаривает ли ему зубы злой волшебник, не тянет ли время, пока до замка дойдет,— мозги-то каменные.

— Даю тебе еще минуту на закругление. А потом мы уходим, так и знай.

— Откуда здесь могли развиться существа с человеческими компонентами, если у них не было человеческих предков? Конвергентная эволюция не может создать тех жутких гибридных монстров, которых мы здесь имеем. Она создает существа, приспособленные к своим экологическим нишам, а человеческие характеристики подходят к ничтожно малому числу таких ниш. Отсюда с неизбежностью следует, что люди появились в Ксанфе много тысячелетий назад.

— Ясно,— кивнул Бинк.— Тридцать секунд.

— Эти люди, очевидно, спаривались с животными, отчего и получились известные нам гибриды — кентавры, мантикоры, русалки, гарпии и тому подобное. А эти существа, в свою очередь, скрещивались с другими, и получались твари типа химеры и...

Бинк развернулся, намереваясь идти.

— По-моему, твоя минута истекла,— сказал он и вдруг застыл.— Они... они *что делали?*

— Одни виды спаривались с другими, и получались гибриды. Звери с человеческими головами, люди с головами зверей...

— Не может быть! Человек может спариваться только с женщиной... в смысле, с человеком другого пола. Неестественно, чтобы...

— Ксанф — это страна неестественного. Магия творит такие чудеса!

М-да, похоже, логика опять побеждает эмоции.

— Даже если все так и было,— с трудом выговорил Бинк,— это еще не оправдывает твоих планов подчинить себе Ксанф. Что было, то было, и никакая смена правительства...

— А я считаю, что это обстоятельство как раз оправдывает мои притязания на власть. Ускоренная эволюция и мутации, порождаемые магией и смешением видов, изменяют саму суть Ксанфа. Если мы останемся отрезанными от обыкновенского мира, со временем здесь вообще не останется людей, только гибриды. Лишь постоянный приток свежей крови за последнее тысячелетие позволил человеку сохраниться как виду; кстати, людей здесь не так и много осталось. Наша численность убывает, и не от голода, болезней или войн, а из-за гибридизации. Когда человек совокупляется с гарпией, в результате рождается никак не человеческое дитя.

— Ну уж нет! — в ужасе закричал Бинк.— Никто не станет... совокупляться с грязной, вонючей гарпией!

— С грязной и вонючей, пожалуй, не станет. А если гарпия чистенькая и хорошенькая? — осведомился Трент, приподняв бровь.— Они, знаешь ли, не все одинаковые. Нам-то попадаются только опустившиеся, деклассированные карги, а не свеженькие, ласковые...

— Нет!

— Ну а если человек случайно выпьет из Источника любви, а рядом окажется гарпия?

— Нет, он...— Бинк спохватился и замолк, не желая говорить неправду. Сила любовных чар непреодолима. Он вспомнил собственные приключения возле Источника любви непо-

далеку от Провала, когда чуть не испил тамошней водицы, да вовремя увидел страстные объятия грифона и единорога. И гарпия была рядом. От такого воспоминания он содрогнулся.

— И тебя никогда не влекла хорошенькая русалочка? Или, скажем, кентаврица?

— Нет! — Но коварная память услужливо нарисовала перед его взором тугие русалочьи груди. А Чери, кентаврица, которая подвезла его на пути к доброму волшебнику Хамфри,— действительно ли он потрогал ее по чистой случайности? Она тогда еще пообещала сбросить его в канаву, но сказано это было как-то несерьезно. Ах, до чего милая кобылка. Или девушка? Честность заставила его внести поправку: — Ну, может быть.

— Такой щепетильностью отличаются явно далеко не все,— неумолимо продолжал Трент,— и при определенных обстоятельствах кое-кто может поддаться минутной страсти. Или желанию испытать разнообразие. Разве парни из твоей деревни не бегают втихаря к кентаврам? В мое время они частенько так поступали.

Парни вроде Зямы, Пшика и Керогаза, подонки, хулиганы, так разозлившие кентавров. Бинк прекрасно помнил и это, но только сейчас понял, что к чему. Бегали поглазеть на голые груди молоденьких кентавриц, а если повезет отловить одну такую наедине...

Бинк понял, что жутко краснеет.

— К чему ты клонишь? — резко спросил он, маскируя смущение решительным тоном.

— Только к одному: Ксанф определенно имел сношения — нет, это не очень удачное слово! — имел контакт с Обыкновением гораздо раньше, чем о том пишут в наших летописях. Задолго до Первой волны. Ведь человек как чистый биологический вид присущ только Обыкновении. Но едва он попадает в Ксанф, с ним происходят изменения. Он начинает обладать магическими свойствами, а у его детей магии становится еще больше, и некоторые из них становятся полноценными волшебниками. Далее, продолжая оставаться в Ксанфе, люди сами начинают исподволь становиться магическими существами. Либо нарушая естественные барьеры между биологическими

видами, либо эволюционируя в бесов, эльфов, гоблинов, огров, троллей... Ты хорошо разглядел Хамфри?

— Он старый гном,— не задумываясь, ляпнул Бинк и тут же спохватился: — Нет, конечно, не гном...

— Он человек, и неплохой человек. Но на грани перехода в какое-то новое существо. У него это выражается в феноменальных магических способностях, но его дети, если он ими обзаведется, вполне могут оказаться уже гномами в буквальном смысле. Рискну предположить, что он об этом знает, потому и остается холостяком. Посмотри на Хамелеошу — она не обладает явной магией, потому что сама стала существом магическим. И вот таким образом неминуемо исчезнет все человеческое население Ксанфа — если не будет притока свежей крови из Обыкновении. Щит должен быть уничтожен! Нужно позволить магическим существам Ксанфа свободно уходить во внешний мир и там, постепенно и естественно, возвращаться в свой изначальный вид. А к нам должны приходить новые животные.

— Но...— Бинк беспомощно барахтался в пучине этих новых идей, захватывающих и жутких.— Но если такой... такой взаимообмен существовал раньше, то что же стало с людьми, которые пришли несколько тысячелетий назад?

— Должно быть, на какое-то время возникло препятствие, мешающее миграции. Примерно на тысячу лет Ксанф мог превратиться в остров, и доисторические поселенцы оказались отсечены от материка, смешались с существующими здесь видами, породили кентавров и прочих чудиков. А теперь, когда поставлен щит, начинает повторяться то же самое. Люди должны...

— Довольно,— прошептал вконец потрясенный Бинк.— Не могу больше слушать.

— Бамбухи уберешь?

Наваждение отступило с быстротой молнии.

— Нет. Забираю Хамелеошу и ухожу немедленно!

— Но ты должен понимать...

— Нет! — Речи злого волшебника очень убедительны. И если Бинк будет слушать дальше, они собьют его с пути истинного. Тогда Ксанфу конец.— То, что ты говоришь,— чудовищно! Это неправда! Я не могу принять...

Трент вздохнул якобы с искренним сожалением:

— Что ж, попытаться все равно стоило, хоть я и боялся, что ты отвергнешь мои доводы. И все же я не могу допустить, чтобы ты разрушил замок...

Бинк изготовился бежать, чтобы не попасть в зону превращения. Шесть локтей...

Трент покачал головой:

— Не убегай, Бинк, ни к чему — я перемирия не нарушу. Я мог бы это сделать, когда ты рассматривал картинки, но я дорожу данным словом. Поэтому придется пойти на компромисс. Если ты не остаешься со мной, тогда я иду с тобой.

— Что?

Такой резкий поворот в логике злого волшебника застиг Бинка врасплох.

— Пощади замок Ругна. Убери бомбы. Я же помогу тебе беспрепятственно покинуть окрестности замка.

И всего-то?

— Даешь слово?

— Даю,— торжественно проговорил Трент.

— Ты можешь сделать так, чтобы замок отпустил нас?

— Могу. Это я тоже узнал здесь, в библиотеке. Нужно лишь сказать правильные слова — и замок не только не станет мешать нам, но и поможет.

— Твое слово...— с некоторым сомнением произнес Бинк. Пока что злой волшебник ни разу не нарушил слова, но где гарантии...— И никаких уверток, никаких «я передумал»?

— Слово чести, Бинк.

Что тут остается делать? Если волшебник захочет нарушить перемирие, что помешает ему хоть сейчас превратить Бинка в жабу рогатую, а потом подкрасться к Хамелеоше и тоже во что-нибудь ее превратить. К тому же... отчего-то очень хочется верить ему.

— Ладно.

— Иди убери бомбы. А я улажу все с замком.

И Бинк пошел. Хамелеоша встретила его восторженным вскриком. На этот раз он принял ее объятия с большой радостью.

— Трент согласился вывести нас отсюда,— сказал он.

— Ой, Бинк, я так рада! — воскликнула она и поцеловала его. Ему пришлось схватить ее за руку, чтобы она ненароком не выронила вишенку, которую так и держала в ладошке.

Она хорошела с каждым часом. Никаких особых изменений в ее характере Бинк не обнаруживал, разве что, теряя в сообразительности, она становилась все более открытой и доверчивой. В целом ее характер давно нравился Бинку. А теперь он не мог не признаться себе, что и красота Хамелеоши не оставляет его равнодушным. Она — волшебное творение Ксанфа и уж ни за что не станет манипулировать им, Бинком, в корыстных целях. Короче, девчонка что надо!

Но Бинк знал, что скоро ее глупость начнет отталкивать его, как прежде отталкивало уродство. Ни с идиоткой, даже небесной красоты, ни с девой-ягой, даже великого ума, ему не ужиться. Хамелеоша мила ему именно сейчас, когда еще свежа память о ее уме, а ее красота видна и осязаема. И думать как-то иначе было бы заблуждением.

Бинк высвободился из ее объятий:

— Надо убрать бомбы. Только аккуратно.

Но кто уберет бомбы, заложенные в его душе?

Глава 14

ВЖИКИ

Втроем они беспрепятственно вышли из замка Ругна. Решетку удалось поднять — Трент отыскал лебедку, смазал ее и привел в действие с помощью магии, встроенной в ее механизм. Призраки явились пожелать им доброго пути. Хамелеоша всплакнула, прощаясь с ними, и даже Бинку немного взгрустнулось. Он знал, как одиноко будет призракам после этих дней, проведенных в обществе живых, и даже несокрушимый замок внушал сейчас уважение. Если подумать, в своих поступках замок мало чем отличался от самого Бинка — тоже делал то, что считал правильным.

С собой они несли мешки с фруктами из сада, а на себе — удобную и практичную одежду из замковых кладовых, ничуть не обветшавшую за восемь веков: за ее сохранность отвечали

мощные древние обереги. Теперь вся троица выглядела как минимум членами королевской семьи, да и чувствовала себя соответственно. Спасибо замку Ругна!

Сады были великолепны. На сей раз буря не грянула, деревья воздерживались от угрожающих движений — напротив, протягивали ветви и ласково дотрагивались до странников, словно говоря: «До свидания, родные!» Не было видно ни хищных зверей, ни зомби.

Замок исчез из виду поразительно быстро.

— Мы вышли из зоны влияния замка,— объявил Трент.— Теперь нам надо держать ухо востро — с настоящей Глухоманью перемирия не заключишь.

— Нам? — переспросил Бинк.— Разве ты не возвращаешься в замок?

— Погожу пока.

Подозрения Бинка разгорелись с новой силой.

— Слушай, а что именно ты сказал замку?

— Сказал: «Я вернусь, но вернусь королем. И вернутся славные времена Ругна».

— И он поверил?

— А почему бы не поверить, если это правда? — спокойно отозвался волшебник.— Сидя взаперти посреди Глухомани, корону не добудешь.

Бинк не ответил. В конце концов, злой волшебник никогда не утверждал, что отказался от своих намерений захватить власть в Ксанфе. Он просто согласился вывести Бинка и Хамелеошу из замка — и слово свое сдержал. Одним словом, они вернулись к тому, с чего начали: перемирие, действующее до тех пор, пока все они благополучно не выберутся из Глухомани. А дальше... Бинк не представлял себе, что будет дальше.

Дикий лес дал о себе знать сразу. Путешественники вышли на симпатичную полянку, поросшую мелкими желтыми цветочками, и тут же поднялся сердитый рой пчел. Пчелы не садились на кожу, не жалили, даже особенно близко не подлетали — просто обжужжали нашу троицу.

Хамелеоша чихнула. Потом еще раз, сильнее. Потом чихнул Бинк. И Трент.

— Пчелки-чихалки! — в перерывах между чихами выпалил волшебник.

— Преврати их! — крикнул Бинк.

— Не могу... а-апчхи... глаза слезятся. Апчхи! Да и твари они невинные, а... ПЧХИ!

— Бегите, дурни! — прокричала Хамелеоша.

Они побежали. На краю полянки пчелы отстали, и приступы чиханья прекратились.

— Хорошо еще чихалки, а не задыхалки! — сказал волшебник, вытирая покрасневшие глаза.

Бинк согласился. Чихнуть раз-другой — это еще туда-сюда, но можно ведь так расчихаться, что и вздохнуть некогда будет. Они, пожалуй, легко отделались.

Шум, который они подняли, привлек внимание и других обитателей джунглей, от которых не приходилось ждать ничего хорошего. Послышался рев, топот громадных лап — и тотчас показался крупный огнедышащий дракон. Он ломился прямо через поляну с пчелами, но те благоразумно держались от него подальше. Огненные чихи, которые спалят их цветочки, им без надобности.

— Преврати его! Преврати! — закричала Хамелеоша, почувствовав на себе мутный взгляд дракона. Похоже, у этих тварей особая любовь к прекрасным девам.

— Не могу,— пробормотал Трент.— Когда он подойдет на шесть локтей, от нас одно жаркое останется. Огнемет у него бьет шагов на двадцать.

— Не много же от тебя проку,— буркнула Хамелеоша.

— Преврати меня! — вдруг осенило Бинка.

— Отлично придумано.

И Бинк стал сфинксом. Сохранил собственную голову, но приобрел тело быка, крылья орла и ноги льва. И вырос неимоверно, горой возвышаясь даже над драконом.

— А я и не знал, что бывают такие огромные сфинксы! — оглушительно бухнул он.

— Ой, прости, опять забыл,— сказал Трент.— Подумал о легендарном обыкновенском сфинксе.

— Но в Обыкновении магии нет.

— Этот сфинкс, должно быть, забрел туда из Ксанфа в незапамятные времена. Он уже несколько тысяч лет стоит окаменелый.

— Окаменелый? Что ж могло так напугать этакую громадину? — изумилась Хамелеоша, глядя в колоссальное лицо Бинка.

Но объясняться было некогда.

— Проваливай, букашка! — пророкотал Бинк.

Дракон не сразу врубился в ситуацию. Он пульнул в Бинка струю оранжевого пламени, подпалив перья. Было не больно, но неприятно. Бинк поднял свою львиную лапу и шлепнул дракона. Совсем легонько — но дракоша отлетел в сторону и с маху врезался в дерево. Оно разозлилось и забросало дракона острыми ореховыми леденцами. Испустив страдальческий вопль, дракон проглотил свое пламя и дал стрекача.

Бинк аккуратно обошел место происшествия, надеясь, что ни на кого ненароком не наступил.

— Что ж мы раньше об этом не подумали? — проревел он.— Я же могу отвезти вас хоть на край джунглей. Нас никто не узнает, и никто нам не станет мешать!

Он нагнулся как можно ниже, и Хамелеоша с Трентом вскарабкались по хвосту ему на спину. Бинк двинулся неторопливо, но получалось быстрее, чем бег даже самого проворного человека.

Но далеко они не ушли. Хамелеоша, протрясясь на шершавой сфинксовой спине, изъявила желание «помыть руки». Ничего не оставалось, как спустить ее на землю. Бинк пригнулся, давая ей соскользнуть с него.

Трент воспользовался остановкой, чтобы немного размять ноги. Он обошел Бинка кругом и остановился напротив его гигантского лица:

— Я бы превратил тебя обратно, но, пожалуй, лучше сохранить этот вид, пока мы еще здесь. У меня нет конкретных подтверждений, что частые превращения вредны для организма, но лучше зря не рисковать. Сфинкс ведь разумная форма жизни, так что никаких неудобств интеллектуального свойства ты не испытываешь?

— Верно,— согласился Бинк.— Лучше не бывает. Отгадайка загадочку: кто утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех?

— Не буду отвечать,— сказал Трент с совершенно изумленным видом.— В легендах сфинксы, получив правильный ответ на свои загадки, кончают с собой. Там, кажется, говорится о мелких сфинксах, другой породы, но утверждать не берусь и делать ставку на различия не стану.

— Ну не знаю,— проговорил огорченный Бинк.— Загадка-то, пожалуй, возникла в мозгу сфинкса, не в моем. Определенно все сфинксы произошли от одного, и никакой разницы между видами я не знаю.

— Странно. Но не то, что ты не знаешь обыкновенских легенд, а что знаешь такую загадку. Ты и есть сфинкс. Я же не пересадил твое сознание в чужое тело, ведь настоящие сфинксы уже тысячу лет как вымерли или окаменели. Я превратил тебя в аналогичного монстра, в Бинка-сфинкса. Но у тебя сохранилась родовая память настоящего сфинкса...

— Наверное, в твоей магии есть такие тонкости, которых ты сам не понимаешь,— сказал Бинк.— Эх, мне бы понимать магию. Хоть самую завалящую...

— Да, это большая тайна. Магия существует только в Ксанфе и больше нигде. Почему? Каков ее механизм? Почему создается такое впечатление, что по географии, языку, культуре Ксанф примыкает к *любой* обыкновенской стране? Каким образом магия — на всех уровнях — передается от земли к ее обитателям?

— Я тоже думал об этом,— сказал Бинк.— Может, от камней какая-нибудь радиация или питательные вещества в почве?..

— Когда стану королем, я прикажу открыть исследовательскую программу по изучению истинной истории Ксанфа.

Когда Трент станет королем... Да, истинная история Ксанфа — штука достойная и даже весьма интересная, но не такой же ценой! Бинк с трудом переборол искушение легким движением мощной лапы раздавить волшебника в лепешку и избавиться от этой напасти навсегда.

Но нет. Хоть Трент ему и не друг, нарушать перемирие таким вот образом нельзя. Кроме того, не очень хочется на всю жизнь остаться монстром, как в физическом смысле, так и в моральном.

— Однако же наша дама не спешит,— пробормотал Трент.

Бинк повернул монументальную голову, высматривая Хамелеошу.

— Обычно она эти дела быстро делает. Не любит оставаться одна.— Тут он кое-что вспомнил: — Но она могла отправиться волшебство свое искать, ну, чтобы нормальной стать. Она и из Ксанфа ушла, чтобы магию в себе загасить, а теперь снова в Ксанфе застряла и очень хочет расколдоваться. Понимаешь, она сейчас не очень умная...

Трент почесал подбородок:

— Это же джунгли. Не хотелось бы нарушать ее уединение, но...

— Может, поищем ее?

— Гм-м. Хотелось бы верить, что еще одно превращение ты переживешь,— решил Трент.— Сделаю-ка я из тебя ищейку легавую. Это обыкновенское животное вроде собаки. Очень хорошо берет след. Если наткнешься на свою Хамелеошу за... за интимным делом, так ты ж только животное, а не соглядатай какой-нибудь.

И Бинк мгновенно перевоплотился в остроносое вислоухое существо с потрясающим нюхом. Не было такого запаха, который он не мог бы различить, уж будьте уверены. Надо же, а прежде никогда не осознавал, насколько важно в жизни обоняние. Странно, что вообще есть нужда в каких-то других чувствах.

Трент запрятал их припасы в ветвях ложной путаны и обернулся:

— Ну, Бинк, бери след.

Бинк прекрасно понимал его слова, но ответить не мог: ищейки даром речи не обладают.

След Хамелеоши был настолько заметен, что Бинк недоумевал, зачем это волшебнику вообще понадобилась его помощь. Он опустил нос к земле — надо держать голову как можно ближе к главному источнику информации, а не задирать ее, как глупый Трент,— и решительно потрусил вперед.

След огибал куст и вел дальше, в самую глушь. Хамелеошу явно заманили туда. При нынешнем отливе умственных способностей ее могло одурачить все, что угодно. Но Бинк не чувствовал никакого определенного запаха животного или расте-

ния, за которыми могла бы пойти Хамелеоша. Следовательно, тут не без магии. Бинк обеспокоенно тявкнул и поспешил дальше. Волшебник шел следом. Где магия, там жди беды.

Но Хамелеошин след не оборвался ни возле путаны, ни в зубной топи, ни у гнезда виверна. Он весьма извилисто обошел эти явные напасти и тянулся дальше в южном направлении, туда, где джунгли были особенно густы. Очевидно, что-то благополучно провело ее через все опасности. Но что, куда и почему?

В общих чертах Бинк мог ответить на первый вопрос: Хамелеошу увел волшебный манящий огонек — летает всегда где-то рядом, а в руки не дается. Может, соблазнил ее каким-нибудь эликсиром или наговором, могущим снять проклятие, вот она и пошла. Огонек заведет ее в глушь, откуда ни в жизнь не выбраться, и оставит. Там она долго не протянет.

Бинк остановился. Нет, следа он не потерял, это просто невозможно, дело было совсем в другом.

— Что такое, Бинк? — спросил Трент.— Я знаю, что она пошла за огоньком, но раз след совсем свежий, мы сможем...— Тут он замолчал, почувствовав, как дрожит земля, словно по ней ударяет что-то массивное. Очень массивное, многотонное. Трент осмотрелся: — Ничего не вижу. Принюхайся, Бинк, может, учуешь, что это.

Бинк не отвечал. Ветер дует не в ту сторону. С такого расстояния не определить, что производит такой шум.

— А не превратить ли тебя во что-нибудь помощнее? — предложил Трент.— Не уверен, что мне эта ситуация нравится. Сначала дракон, а теперь вот этот поход за Хамелеошей.

Если бы Бинк сейчас превратился, он не мог бы держать след Хамелеоши. Он промолчал.

— Будь по-твоему, Бинк. Только от меня не отходи. Я могу превратить тебя в любое существо сообразно с ситуацией, но ты не должен покидать зоны действия моей магии. Боюсь, что мы приближаемся к большой опасности — или она приближается к нам.— Трент дотронулся до своего меча.

Они двинулись дальше. Земля содрогалась все сильнее, постепенно в ее содроганиях установился ритм, словно топало

какое-то невообразимо громадное животное. Топот доносился сзади и делался все отчетливей.

— Пожалуй, нам лучше спрятаться,— безрадостно произнес Трент.— Осторожность — часть доблести.

Мысль своевременная. Они обошли рослый пивной бочонок и спрятались за ним.

Топот стал оглушительным. Дерево ритмично затряслось. БУМ-БУМ-БУМ! На землю полетели небольшие ветки, а по стволу побежала трещина. Тоненькая струйка пива брызнула прямо Бинку под нос — самую чувствительную часть организма. Бинк отшатнулся — он и в человеческом-то облике не сильно западал на этот напиток. Осторожно выглянул из-за ствола — никого.

Потом увидел: от пикового дерева с треском отвалилась ветвь и упала, разлетевшись в щепки. Яростно затрепетали пригибающиеся кусты. Вмялся в глубину изрядный пласт земли. Из новых трещин забило пиво, заливая укрытие, наполняя воздух солодовыми ароматами. Но то, что вызвало этот непорядок, по-прежнему скрывалось из виду.

— Невидимка,— прошептал Трент, обтирая руку, залитую пивом.— Невидимый великан. Его еще Йети называют, потому что следы многие видели, а его самого — никто.

Невидимка! Это значит, что Трент не может его заколдовать. Он должен видеть то, что превращает.

Молча, окутанные сгущающимися пивными парами, они смотрели, как мимо них проходит великан. Проступили гигантские следы человеческих ступней — глубокие, каждый длиной локтей в десять. БУМ! — и деревья подпрыгнули, роняя плоды, листья, ветки. БУМ! — и исчез мороженовый куст, оставив от себя лишь липкое пятно в центре плоской вмятины. БУМ! — и в страхе сжалась путана, подобрав свои щупальца. БУМ! — и хрустнул поперек гигантского следа поваленный ствол.

Поднялась удушающая волна нестерпимой вони, как от скунсова гриба или от выгребной ямы в летнюю жару. У Бинка заболел его чувствительный нос.

— Я не трус,— пробормотал Трент,— но я боюсь. Когда врага не берет ни меч, ни заклинание...— Он поморщился.— Од-

ним запашком убить может. Не иначе как гнилым рокфором позавтракал.

Такой еды Бинк не знал. Если рокфоры — это фрукты, растущие на обыкновенских деревьях, то ему лично таких фруктов не надо.

Бинк почувствовал, что у него на загривке шерсть встала дыбом. Да, он слыхал про такого монстра, но думал, что это шутка. Надо же, невидимый — зато куда как обоняемый! — великан!

— Если этот гигант сложен соразмерно, росту в нем локтей шестьдесят,— заметил Трент.— В Обыкновении такое было бы невозможно по чисто физическим причинам — ну там, квадратичная зависимость и всякое такое. Но здесь — кто ж устоит против магии? Этот великан, он лес видит не как мы, а сверху.— Волшебник призадумался.— Он явно идет не за нами. А куда, интересно?

«Туда же, куда и Хамелеоша»,— подумал Бинк и злобно зарычал.

— Точно, Бинк! Надо отыскать ее побыстрее, пока на нее не наступили!

И они пустились дальше по тропе, ставшей очень даже нахоженной. Там, где следы Йети перекрывали следы Хамелеоши, вонь делалась настолько сильной, что чувствительный нос Бинка готов был взбунтоваться. Бинк описал широкую дугу вокруг следов великана и вновь взял нежный запах Хамелеоши.

Сверху, прямо над тропой, раздался свист. Бинк настороженно поднял голову и увидел грифона, аккуратно лавирующего между ветвями.

Трент выхватил меч и отступил к черному стволу танкерного дерева, не сводя глаз с монстра. Бинк, хоть и не особо годился для сражения, оскалил зубы и попятился туда же. Хорошо, что им попался не дракон: один хороший язык пламени, и дерево полыхнет взрывом — даже костей не останется. А так нависающие ветви помешают грифону напасть с воздуха, и придется ему драться на земле. Тоже, конечно, предприятие рискованное, но зверюга не сможет толком использовать третье измерение, а это Бинку и Тренту однозначно на руку. Может

быть, если Бинку удастся отвлечь грифона, волшебник сумеет подобраться к нему поближе и заколдовать.

А грифон опустился на землю, сложив широкие лоснящиеся крылья. Подергивая скрученным львиным хвостом, он нетерпеливо рыл землю мощными орлиными когтями.

— Куапп? — спросил он.

Бинк очень наглядно представил себе, как этот мощный клюв разбирает его тело. Здоровый грифон мог один на один заломать средней величины дракона, а этот был *очень* здоров. Он потихоньку вдвинулся в зону действия магии Трента.

— Лети вдоль гигантских следов вон туда,— сказал Трент чудищу.— Ошибиться тут невозможно.

— Буапп! — ответил грифон, развернулся, поглядел на следы великана, напружинил львиные мускулы, расправил крылья и взмыл в воздух. На бреющем полете грифон устремился вдоль коридора, проложенного в джунглях невидимым великаном.

Трент с Бинком обменялись недоуменными взглядами. Пронесло, иначе и не скажешь — грифоны в бою куда как неслабы, и Трент мог просто не успеть со своей магией.

— Он только хотел дорогу узнать! — сказал Трент.— Должно быть, там, впереди, действительно происходит что-то особенное. Надо бы и нам поспешать. Худо, если это окажется какое-нибудь ритуальное жертвоприношение получеловеков.

Ритуальное жертвоприношение? Бинк выказал свое недоумение легким рычанием.

— Да знаешь ты! — досадливо сказал Трент.— Алтарь окровавленный, прекрасная дева...

— Рр-р! — Бинк рванулся по следу.

Вскоре они услышали несусветный гам — рев, топот, писк, звуки шлепков и ударов.

— Похоже, тут не праздник, а драка,— заметил Трент.— Не понимаю, что...

Тут они дошли до места, откуда доносились жуткие звуки, и замерли в изумлении.

Зрелище открылось небывалое. Широким кругом, лицами внутрь, стояли самые разнообразные твари: драконы, грифоны, мантикоры, гарпии, змеи, тролли, гоблины, феи и еще всякие,

сразу и не узнаешь. Среди них имелось даже несколько людей. Не было только праздных зрителей, каждый занимался делом: топал ногами, молотил воздух, стучал копытами, бил камнем о камень. Внутри круга лежало несколько существ, мертвых и умирающих; остальные не обращали на них внимания. Бинк видел и чуял кровь и слышал предсмертные стоны. Здесь явно идет битва — но где неприятель? Это точно не невидимый великан — его следы сосредоточены на одном участке и на территорию соседей не вылезают.

— Я думал, что кое-что понимаю в магии,— качая головой, сказал Трент.— Но тут я не понимаю ничего. Эти существа — натуральные враги, и все же они не обращают друг на друга никакого внимания и не кидаются на добычу. На деляночку дурь-ягоды нарвались, что ли?

— Гав! — сказал Бинк.

Он увидел Хамелеошу. В руках она держала два больших плоских камня, разведя их примерно на один локоть и сосредоточенно уставившись в пространство между ними. Внезапно она с такой силой стукнула камнями один о другой, что выронила сразу оба, потом посмотрела на землю, загадочно улыбнулась, подняла камни и повторила процедуру.

Трент поглядел туда, куда смотрел Бинк.

— И точно дурь! — сказал он. Но запаха дурь-ягоды Бинк не чувствовал.— Она тоже накушалась. Или магия здесь такая балдежная. Пошли-ка отсюда, а то и сами заторчим.

Они тихо попятились, хоть Бинку очень не хотелось оставлять здесь Хамелеошу. К ним подскакал седой старый кентавр.

— Что вы тут околачиваетесь! — сердито рявкнул он.— Идите-ка на северный участок.— Он показал направление.— У нас там большие потери, а Йети одному не справиться. Ему даже не разглядеть врага. Они могут прорваться в любой момент. Камней набери и не вздумай мечом рубить, ты, придурок!

— Интересно, что́ мне нельзя мечом рубить? — неласково, как и следовало ожидать, спросил Трент.

— Вжиков, понятное дело. Одного разрубишь — двое получатся. Ты...

— Вжики! — выдохнул Трент, а Бинк гневно зарычал.

Кентавр повел носом.

— Пьянствовали? — спросил он.

— Когда этот ваш Йети мимо проходил, лопнуло пивное дерево, за которым мы прятались,— пояснил Трент.— Я-то думал, что со вжиками давно покончено!

— Мы тоже так думали,— сказал кентавр.— Но тут оказался здоровенный рой. Нужно всех давить, жевать, жечь или топить. Ни один не должен уйти. Ну, пошевеливайтесь.

Трент огляделся по сторонам:

— Где взять камни?

— Там. Я целую кучу собрал. Понял, что одному не справиться, и отправил манящие огоньки за помощью.

Тут Бинк узнал кентавра — Герман-отшельник. Почти десять лет назад изгнан из кентавровой общины за непристойность. Удивительно, как он выжил здесь, в самой чащобе Глухомани. Но вообще-то кентавры — народ крепкий.

Трент Германа-отшельника не узнал, да и не мог узнать — эта история произошла уже после его изгнания. Зато он прекрасно знал, как смертельно опасны вжики. Взяв два увесистых каменюги из запасов Германа, волшебник решительно направился на северный участок.

Бинк потрусил следом. Он тоже обязан помочь. Если ускользнет хотя бы один вжик, позднее где-нибудь возникнет целый рой, который не сумеют уничтожить вовремя. Он догнал волшебника и озабоченно произнес:

— Гав-гав!

— Бинк, если я превращу тебя прямо сейчас, остальные это увидят и поймут, кто я такой. Не исключено, что тогда все обрушатся на меня и вжики прорвут блокаду. Думаю, совместными усилиями мы сможем перебить рой — кентавр хорошо организовал операцию. Твой естественный облик для ведения этой войны не многим лучше нынешнего. Давай лучше переждем.

Бинка эти аргументы не убедили, но выбора, похоже, не было. И он решил сделать все, что позволит нынешнее его состояние. Может, он сумеет вынюхивать вжиков.

Когда они вышли на отведенный им участок, громко каркнув, опрокинулся на спину грифон, очень похожий на того, ко-

торого они сюда направили,— должно быть, потерял из виду посланный за ним манящий огонек. Но по виду, да и по запаху все грифоны были для Бинка на одно лицо, и, строго говоря, не имело значения, тот это грифон или не тот,— здесь все заняты общим делом. И все же Бинк почувствовал в этом грифоне что-то знакомое. Он подбежал к поверженному монстру, надеясь, что ранение не смертельно. Но тот истекал кровью, и никакой надежды не было — вжик пробил львиное сердце.

Вжики рывками перемещаются по созданным ими магическим тоннелям. Время от времени они замирают, чтобы набраться сил, а может, предаться философским размышлениям,— поди знай, чем руководствуются вжики. Стало быть, вжик, убивший грифона, где-то совсем рядом. Бинк понюхал воздух и уловил чуть заметный запах гнильцы. Сосредоточившись на этом запахе, он увидел своего первого живого вжика.

Это был загнутый в спираль червяк величиной с мизинец, неподвижно висящий в воздухе. Выглядел он совершенно невинно, но это было не так. Бинк залаял, указывая носом на червяка.

Трент услышал его и подбежал с двумя камнями.

— Молодец, Бинк! — крикнул он и прихлопнул вжика. Когда он развел камни, на землю упал раздавленный дохлый вжик. Одним гадом меньше!

Вж-жик!

— Еще один! — закричал Трент.— Они роют все, даже воздух, поэтому на их пути он шипит. Этот должен быть здесь... вот! — Он вновь стукнул камнем о камень и пришиб вжика.

Потом начался сущий кавардак. Вжики решительно рвались наружу, каждый по каким-то своим каналам. Невозможно было предсказать, надолго ли они застывают на месте — на несколько минут или секунд — и на сколько рванут — на палец или на несколько локтей. Но каждый вжик двигался в изначально строго заданном направлении, не отклоняясь ни на миллиметр, поэтому линию перемещения можно было проследить без труда. Но окажись невовремя на пути вжика — пробьет насквозь, и если заденет жизненно важный орган, то прости-прощай. Но встать позади вжика практически невозможно, по-

скольку тогда надо приблизиться к рою, а там вжики кишмя кишат. Одного прихлопнешь, а другой тебя продырявит. Так что нужно стоять с краешку и выбивать самых смелых.

Вжики, скорее всего, твари безмозглые или, по крайней мере, к внешнему миру индифферентные. Идя по заранее заданной траектории, они пробивают на своем пути все — буквально все. Если вжика не заметишь сразу, будет поздно — как вжикнет! Но и неподвижного вжика разглядеть не так просто: в фас он похож на веточку скрученную, в профиль — на веточку скрюченную. Чтобы привлечь к себе внимание, он должен двинуться. Но тогда будет уже поздно...

— Все равно что стоять на стрельбище и ловить пролетающие пули,— пробормотал Трент. Опять обыкновенские словечки! Должно быть, вжиков в Обыкновении пулями кличут.

Справа от Бинка работал невидимый великан — запах не даст ошибиться. БУМ! — и от вжика даже мокрого места не осталось. А может, и от сотни вжиков. Как, впрочем, и от всего, что Йети под ножку подвернулось. Высматривать вжиков для великана Бинку не хотелось — верная смерть. Похоже, Йети топал наугад. Что ж, способ не хуже других.

Слева орудовал единорог. Обнаружив вжика, он либо давил его между рогом и копытом, либо ловил пастью и крошил своими лошадиными зубами. Это показалось Бинку довольно безвкусным способом сражаться, да и небезопасным — стоит немного не рассчитать...

Вж-жик! В челюсти единорога появилась дыра. Потекла кровь. Зверь страдальчески заржал и тут же припустил по следу вжика. Нашел и здоровой половиной хрупнул подлеца.

Отвага единорога восхитила Бинка. Но и о своей работе забывать нельзя. Тут как раз появилась парочка вжиков. Бинк показал Тренту на ближайшего, а сам поспешил ко второму, боясь, что волшебник не успеет. Собачьи зубы приспособлены, чтобы прокусывать и рвать, а не чтобы жевать, но может, что и получится. Бинк сжал вжика челюстями.

Раздался неприятный хруст. Оболочка вжика была твердой, но не очень, из-под нее брызнула жидкость. О, какая мерзость! Кис-с-слота! Но Бинк старательно сжал челюсти еще несколь-

ко раз — надо было удостовериться, что вжика он раскусил основательно. Он знал, что любой нераздавленный кусок вжика может продолжить путь по своему тоннелю, словно целый маленький вжик, ничуть не менее опасный, чем его предшественник. Бинк выплюнул остатки. Похоже, вкус этой мерзости останется во рту навсегда.

Вж-жик! Вж-жик! Вот и еще два вжика показались. Одного услышал Трент и бросился за ним, Бинк стал выслеживать второго. Но не успели они толком прицелиться, как между ними вжикнуло третий раз. Плотность вжиков возрастала, на периметр выдвигалась их основная масса. Не успеть, их слишком много. Целый миллион запросто!

Сверху послышался оглушительный рев:

— АХР-Р-РА!

Мимо проскакал Герман. Из рваной раны в боку хлестала кровь.

— Йети подбили! — крикнул он.— Быстрей в сторонку!

— Вжики прорываются,— сказал Трент.

— Знаю. У нас большие потери по всему периметру. Рой оказался больше, чем я думал, гораздо плотнее в центре. Нам их никак не удержать. Надо бы новый круг построить и надеяться, что подойдет подкрепление. Спасайтесь, пока великан не рухнул.

Ценный совет. Йети, видимо, пошатнулся — на территории Бинка появился гигантский отпечаток ступни. Они устремились подальше отсюда.

— А-О-О-АРРХ! — ревел гигант-невидимка. Проступил еще один след, на сей раз ближе к центру круга. Йети упал, подняв мощную волну вонючего воздуха.— ГУ-АРРР-О-О-О-А-АРХ...

Начавшись на высоте локтей пятьдесят, звук рухнул в самую сердцевину роя. Треск был такой, будто магический топор завалил каменную сосну.

Герман, спрятавшийся за тем же толстым стволом кисельного дерева, где притаились Трент с Бинком, стер с глаза комок киселя и печально покачал головой:

— Вот и не стало большого человека! Теперь сдержать этих тварей надежды мало. Мы неорганизованны, бойцов не хвата-

ет, а силы врага просачиваются на нашу территорию. Накрыть их мог бы только ураган, но — сухо! — Он вновь посмотрел на Трента: — Что-то личность твоя мне знакома. Уж не ты ли?.. Точно, двадцать лет назад...

Трент поднял руку:

— Сожалею, но вынужден...

— Эй, волшебник, погоди,— сказал Герман.— Не превращай меня. Я тебя не выдам. Тоже мог бы, знаешь ли, проломить тебе башку копытом, только зла на тебя не держу. Знаешь, за что меня свои же выгнали?

Трент задумался:

— Не знаю. Я ведь и тебя не знаю.

— Я Герман-отшельник, изгнанный за непристойность. А непристойность эта — магия. Я умею вызывать манящие огоньки. Ни одному кентавру не полагается...

— Ты хочешь сказать, что кентавры могут заниматься магией?

— Могли б, если бы захотели. Мы, кентавры, так давно живем в Ксанфе, что стали уже натуральным видом. Но магия у нас считается...

— Непристойной,— закончил Трент, озвучив мысль Бинка. Стало быть, магические и при этом разумные существа способны заниматься магией, а их якобы неспособность имеет не генетический характер, а культурный.— Тогда ты стал отшельником в пустыне.

— Вот именно. Как и ты, я испытал унижение ссылки. Но сейчас положение требует, чтобы ты открылся перед нами. Воспользуйся своим талантом, уничтожь вжиков!

— Всех мне не превратить. Я должен сосредоточиться на каждом по очереди, а их так много...

— Да я не о том. Их всех надо спалить. Я надеялся, что мои огоньки приведут к нам саламандру...

— Саламандру! — воскликнул Трент.— Конечно же! Но и саламандра не сумеет так быстро раскидать огонь, чтобы выжечь всех вжиков, а если у нее и получится, тогда будет не унять сам огонь. А это похуже всяких вжиков. Просто заменим одну напасть другой.

— Ошибаешься. И на саламандру есть управа, коли с умом подойти. Я вот думал...

Вж-жик! В стволе появилась дырка. Алой кровью хлынул кисель. Бинк подпрыгнул и куснул вжика, который, по счастью, проскочил между ними, никого не задев. Бю-ю! — ну и вкус!

— В деревьях засели,— сказал Трент.— Тех, которые во что-то воткнулись, вообще не поймаешь.

Кентавр подскакал к невзрачному кусту и выдернул несколько прутиков.

— Саламандрова трава,— пояснил он.— За годы изгнания я сделался неплохим натуралистом. Единственное, чего не может сжечь саламандра. Трава создает естественный барьер на пути огня, не пускает его дальше. Если я сплету из этой травы сетку и обнесу в ней саламандру вокруг очага вжиков...

— Но как остановить огонь, пока он не уничтожит половину Ксанфа? — спросил Трент.— Надеяться только на траву мы не можем. Пока она остановит огонь, вся Глухомань выгорит. И просеку быстро не сделать.— Он немного помолчал.— Знаешь, я, кажется, понимаю, почему твои огоньки не привели ни одной саламандры. У этого густого леса определенно есть отворот от саламандр. Ведь их огонь уничтожит здесь все. И все же, если мы устроим пожар...

Герман поднял мускулистую руку. Старый кентавр, но мощный.

— А знаешь ли ты, что огонь саламандры выжигает все только в том направлении, в котором начался? Если мы пустим волшебный огонь внутрь круга...

— Все, я понял! — воскликнул Трент.— В центре пламя сожрет само себя.— Он осмотрелся.— Бинк?

А кто же еще? Бинку не очень-то хотелось превращаться в саламандру, но не отдавать же Ксанф вжикам. Ни человеку, ни зверю покоя не будет, если они начнут роиться повсюду. Он подошел к волшебнику.

И мгновенно стал маленьким пестрым земноводным с палец величиной. Бинку вновь вспомнилось знамение, явившееся ему в начале этого приключения: хамелеончик тоже обернулся саламандрой — а потом его заглотил стрекоястреб. Что, и его час пробил?

Земля, на которой он стоял, вспыхнула и загорелась. Подпочвенный песок, конечно, не горел, зато все, что находилось на нем...

— Поди сюда,— сказал Герман, выставив перед собой искусно сплетенную из прутиков сетку.— Я понесу тебя по кругу. Смотри направляй свой огонь только внутрь круга. Только влево.

Только влево — какое тут веселье? Но все лучше, чем ничего...

Бинк забрался в сетку. Кентавр держал ее на отлете. И неудивительно, ибо Бинк был, мягко выражаясь, горяч. Только эта чертова саламандрова трава не дает толком разгуляться!

Герман перешел на галоп.

— С дороги! С дороги! — кричал он на удивление громко усталым, израненным тварям, все еще продолжавшим сражаться со вжиками.— Мы выжжем их! Саламандра! — И Бинку: — Влево! Влево давай!

А Бинк-то так надеялся, что Герман забыл про это условие. Ну ладно, пол-огня лучше, чем никакой. Он испустил струю пламени. Все, чего оно коснулось, яростно заполыхало. Листья, ветки, целые деревья, даже трупы погибших животных — огонь пожирал все. Такова уж природа саламандрового пламени — горит магическим образом, и на все ему начхать. Никакой ливень его не погасит — он зажигает даже воду. Все горит, кроме камней и земли... и еще саламандровой травы. Черт бы ее побрал!

Началось стремительное бегство. Драконы, грифоны, гарпии, гоблины, люди — все сломя голову мчались от ужасного огня. Убежало все, что могло двигаться. Кроме вжиков, которые столь же бездумно продолжали свое дело.

Пламя жадно лизало стволы громадных деревьев, пожирая их с удручающей быстротой. Вот корчится в агонии испепеляемая путана, вот поднялся мерзкий дух горящего пива с киселем. Проявился клочок выжженной земли, путь, пройденный Германом и Бинком, обозначился песком и пеплом. Вот здорово!

Вж-жик! Бинк плюхнулся на землю. Какой-то вжик с везением идиота впилился Герману в правую руку. Теперь можно

выбраться из сетки и взяться за дело по-настоящему, устроить величайший в истории саламандр фейерверк!

Но кентавр изогнулся и подхватил сетку левой рукой. Пламя лизнуло его пальцы, оставив от кончиков только пепел, но Герман не выпустил сетку. Будь проклята его стойкость!

— Вперед! — крикнул Герман, вновь набирая скорость.— Влево давай!

Пришлось подчиниться. Бинк злобно выплюнул особенно жаркую струю, надеясь, что Герман снова выронит его, но не тут-то было. Кентавр галопом несся дальше, чуть расширяя круг, поскольку вырос и радиус роя. Поджигать там, где только что были вжики или где вот-вот будут, совершенно без толку — только туда, где они сейчас. Каждый вжик, проскочивший стену огня и зависший над уже выжженным участком, уцелеет. Так что дело оказалось куда как непростым. Но это был единственный шанс.

Круг почти замкнулся. Что-что, а бегать кентавр умеет. Вот показалась полоска горящей земли — место, где они начинали. Кентавр слегка замедлил бег, чтобы каждая животина из оставшихся в кругу могла выбраться наружу. Последней выползла здоровенная змея — живой канатик локтей на сто.

Неподалеку Трент организовывал из выбравшихся из пламени зверей нечто вроде заградотряда для перехвата тех немногих вжиков, которым удалось выскочить из огненного круга. Когда большинство вжиков будет уничтожено, оставшихся можно вылавливать индивидуально. Истребить надлежало всех до одного!

Огонь замкнулся на гнезде вжиков. Раздался оглушительный стон: «А-АГАХРР!» — и зашевелилось что-то невидимое.

— Йети! — закричал Трент.— Он еще жив.

— Я думал, что погиб,— в ужасе сказал Герман.— А мы уже круг замкнули. Теперь нам его не вытащить.

— Ему ноги пробило, вот он и упал. Но не умер,— сказал Трент.— Должно быть, от падения он вырубился ненадолго.— Волшебник вгляделся в бушующее пламя, где сейчас проступали очертания гигантского человека, лежащего на спине. Пахло горящей помойкой.— Слишком поздно.

Обреченный гигант метался, раскидывая горящие ветви. Некоторые из них летели в джунгли за пределами круга.

— Гаси огонь! — крикнул кентавр.— Пожар начнется!

Но никто не мог ни погасить, ни сдержать пламени. Никто, кроме самого Германа с его сеткой из саламандровой травы. Он вытряхнул Бинка и поскакал к ближайшему огню, вспыхнувшему в опасной близости от танкерного дерева.

Трент замахал руками, и Бинк вновь обрел человеческий облик. Он поспешно соскочил с дымящейся земли, где только что стоял, будучи саламандрой. Какой же все-таки силой обладает злой волшебник: может в один миг уничтожить весь Ксанф. Стоит только сотворить десяток-другой саламандр.

Бинк зажмурился — и тут же увидел Хамелеошу, которая гонялась за вжиком между языками магического пламени, вызванного разбросанными ветками. Она была слишком сосредоточена — или слишком глупа! — и совсем не замечала опасности. Бинк побежал к ней:

— Хамелеоша! Вернись!

Она продолжала выполнять задание, не поведя и бровью. Бинк подбежал к ней и развернул лицом к себе:

— Вжиков добьет огонь. Нам надо уносить ноги.

— Ой,— тихо сказала она.

Ее когда-то симпатичное платьице висело лохмотьями, лицо перепачкалось в грязи, но она была душераздирающе прелестна.

— Пошли.— Он взял ее за руку и повел за собой.

Но дорогу им преградил какой-то особенно наглый язык огня. Они оказались отсечены от большой земли.

Знамение! Жахнуло все-таки — и его накрыло, и Хамелеошу.

Через пламя перепрыгнул великолепный Герман.

— Прыгайте мне на спину! — крикнул он.

Обхватив Хамелеошу, Бинк закинул ее на спину кентавру. Какое у нее потрясающе гибкое тело, талия тонкая, бедра пышные... Да что это он о таких вещах в такой момент! Но подобные мысли неизбежны, когда помогаешь девушке пристроиться на кентавре. Весьма неграциозно подтолкнув ее грациозную попку и тем самым придав Хамелеоше равновесие, он и сам вскарабкался следом за ней.

Герман перешел с шага на бег, изготовившись перемахнуть стену огня вместе со своим грузом.

Вж-жик! Совсем рядом...

— Я ранен! — крикнул Герман и пошатнулся, но тут же выправился, напрягся и прыгнул.

Недопрыгнул. Его передние ноги подкосились, задние охватило пламя. Бинка и Хамелеошу подбросило, швырнуло вперед, по обе стороны кентаврова торса. Герман подхватил их обеими руками и мощным толчком выкинул из опасной зоны.

Подбежал Трент.

— Ты горишь, отшельник! — закричал он.— Я превращу тебя...

— Нет,— сказал Герман.— Я не жилец. Дырка в печени. Пусть чистое пламя возьмет меня.— Он поморщился.— Только... только избавь меня от агонии... Твой меч.— Герман показал на свою шею.

Бинк стал бы медлить, делать вид, что не понял кентавра, оттягивать неизбежное. Злой волшебник был решительней.

— Как скажешь,— произнес он.

В его руке молнией сверкнул меч — и благородная голова кентавра отделилась от тела и упала на землю чуть в стороне от бушующего пламени.

Бинк окаменел от ужаса, не в силах отвести взгляда от головы. Никогда прежде не видел он столь хладнокровного убийства.

— Благодарю,— сказала голова.— Ты избавил меня от мучений. Твоя тайна умрет со мной.— Глаза кентавра закрылись.

Герман-отшельник хотел, чтобы было именно так. Трент принял правильное решение и мгновенно выполнил его. А вот Бинк на его месте только бы испортил все дело.

— Вот это существо я с гордостью назвал бы другом,— печально сказал Трент.— Если бы только мог, я бы спас его.

Подлетели маленькие огоньки, закружили возле отрубленной головы. Поначалу Бинк принял их за искры, но они только светились, а не горели.

— Манящие огоньки,— тихо сказал Трент.— Прощаются.

Огоньки рассеялись, унося с собой смутное томление по почти невиданным чудесам и почти не испытанным радостям.

Огонь охватил тело, а потом и голову кентавра и выплеснулся на уже выжженную землю. Теперь остатки огня сосредоточились в самом центре круга, где уже не метался невидимый гигант.

Трент возвысил голос:

— Сограждане, почтим молчанием память Германа-отшельника, непонятого сородичами, отдавшего жизнь, защищая Ксанф. И память Йети и других благородных существ, павших в борьбе.

Толпа мгновенно смолкла. Воцарилась полная тишина, не было слышно даже гудения насекомых. Прошла минута, вторая, третья... Невообразимое сборище монстров молчало, опустив головы, отдавая дань уважения тем, кто пал в героической битве с общим врагом. Это зрелище тронуло Бинка до глубины души — отныне он не будет считать магических обитателей Глухомани неразумным зверьем.

Трент поднял голову.

— Ксанф спасен — благодаря Герману и всем вам! — провозгласил он.— Вжики уничтожены. Благодарность наша безмерна. Ступайте с честью! Вы сослужили Ксанфу бесценную службу. Приветствую вас!

— Но некоторые вжики могли ускользнуть,— прошептал ему Бинк.

— Нет. Не ушел ни один. Дело сделано на славу.

— Откуда такая уверенность?

— Когда все молчали, я не услышал ни одного вжика. А больше трех минут они тихо высидеть не могут.

У Бинка челюсть отвисла. Минута молчания, при всей своей искренности, послужила одновременно проверкой, действительно ли угроза устранена. Сам Бинк до такого в жизни бы не додумался. А с какой уверенностью после гибели кентавра Трент принял на себя куда как непростое командование! Не выдав при этом своей тайны.

Разношерстные монстры мирно разошлись, повинуясь негласному перемирию, вступившему в силу во время битвы со вжиками. Многие были ранены, но переносили боль с той же стойкостью и достоинством, как Герман, и даже не думали ска-

лить зубы друг на друга. Мимо проползла гигантская змея, и Бинк насчитал на ее длинном теле не меньше десятка дыр, но змея не обращала на них никакого внимания. Подобно другим, она явилась сюда, чтобы выполнить свой долг. Однако это еще не означает, что будущие встречи с этой змеей станут менее опасны.

— Продолжим наш путь? — предложил Трент, в последний раз взглянув на круг выжженной земли.

— Надо бы,— сказал Бинк.— Огонь, похоже, затухает.

И вновь обернулся сфинксом, ростом с половину Йети, но вдвое массивней. Судя по всему, Трент решил, что многократные превращения безопасны. Волшебник и Хамелеоша вскарабкались ему на спину, и все направились к месту, где был припрятан их скарб.

— И никакого больше «руки помыть»! — тихо пробасил Бинк.

Кто-то хихикнул.

Глава 15

ДУЭЛЬ

Они перевалили через лесистый хребет — и Глухомань резко кончилась. Перед ними расстилались голубые поля джинсовой плантации. Цивилизация!

Трент с Хамелеошей спешились. Бинк всю ночь трусил без устали, даже во сне его громадные ноги шли сами по себе. Ничто путников не беспокоило — некоторая осмотрительность присуща даже самым безбашенным обитателям Глухомани. Стояло чудное солнечное утро. Бинку было хорошо.

Внезапно он стал человеком — но хуже ему не стало.

— Здесь, пожалуй, и попрощаемся,— сказал он.

— Жаль, что мы не во всем достигли согласия,— сказал Трент, протягивая руку.— Но думаю, что разлука наши разногласия сгладит. Рад был с вами обоими познакомиться.

Бинк пожал протянутую руку, и ему отчего-то стало грустно.

— По определению да и по дару своему ты злой волшебник, но ты помог избавить Ксанф от вжиков и лично с нами

вел себя как друг. Я не могу одобрить твои планы, но...— Он пожал плечами.— Прощай, волшебник.

— Наше вам с кисточкой,— сказала Хамелеоша, одарив Трента улыбкой столь лучезарной, что она с лихвой компенсировала некоторую простоватость ее слов.

— Ах, как мило! — произнес новый голос.

Все трое, мгновенно насторожившись, обернулись — но никого не увидели. Только зреющие джинсы на зеленых стеблях да грозная полоска джунглей на горизонте.

Потом образовался дымный вихрь, начавший быстро сгущаться.

— Джинн,— сказала Хамелеоша.

Но Бинк узнал проступающую из тумана фигуру:

— Держи карман шире. Это чародейка Ирис, мастерица иллюзий.

— Спасибо, что столь любезно представил меня, Бинк,— сказала женщина, постепенно обретая плоть. Она была прекрасна, стоя посреди джинсов в роскошном вечернем платье с глубоким вырезом. Но никакого соблазна Бинк не почувствовал. Хамелеоша в расцвете своей красоты обладала естественной, пусть и порожденной магией, привлекательностью, воспроизвести которую Ирис при всех своих ухищрениях не могла.

— Так это и есть Ирис? — проговорил Трент.— Я слыхал о ней до того, как покинул Ксанф, поскольку мы принадлежим к одному поколению. Но лично с ней не встречался. Она определенно большая мастерица.

— Так уж вышло, что превращения меня не прельщали,— сказала Ирис, бросив на него дерзкий взгляд.— Ты устлал свой путь жабами, деревьями, жуками и прочей гадостью. Но я слыхала, что тебя изгнали.

— Времена меняются, Ирис. Уж не приметила ли ты нас в Глухомани?

— Честно говоря, нет. Джунгли — место малоприятное, там множество антииллюзионной магии; так что я и представления не имела, что вы вернулись. Подозреваю, что об этом не знает никто, даже Хамфри. Мое внимание привлек громадный сфинкс, но у меня не было уверенности, что ты к этому руку

приложил, пока я не увидела, как ты превратил сфинкса в Бинка. А ведь он, насколько мне известно, был недавно изгнан, так что я сразу поняла: что-то тут не так. Как вы прошли через щит?

— Времена меняются,— загадочно повторил Трент.

— Меняются,— раздраженно согласилась она, недовольная его скрытностью. Бинк и не подозревал, что она способна так сильно и далеко проецировать свои иллюзии, воспринимать информацию на таком расстоянии. Да, велика и непостижима мощь настоящих волшебников и чародеек.— Может, перейдем к делу?

— К делу? — недоуменно переспросил Бинк.

— Не будь наивным,— вполголоса сказал Трент.— Эта стерва намерена нас шантажировать.

Выходит, здесь столкнулись две сильные магии. Может быть, они нейтрализуют друг друга и Ксанф будет спасен. Такого поворота событий Бинк предвидеть не мог.

Ирис посмотрела на него.

— Бинк, ты уверен, что не хочешь вернуться к моему предложению? — спросила она.— Я могла бы устроить так, чтобы решение о твоей ссылке было отменено. Ты еще можешь стать королем. Время самое подходящее. Ну а если ты предпочитаешь простушек...— Перед Бинком вдруг предстала вторая Хамелеоша, столь же прекрасная, как и первая.— Все для тебя, любимый. Эта к тому же при мозгах.

Подколка на предмет глупой фазы Хамелеоши разозлила Бинка.

— Шла бы ты в Провал,— посоветовал он.

Фигура вновь превратилась в красавицу Ирис. Чародейка обратилась к Хамелеоше:

— С тобой, милочка, я не знакома, но будет очень обидно, если тебя скушает дракон.

— Дракон! — испуганно пискнула Хамелеоша.

— Обычное наказание для тех, кто самовольно вернулся из ссылки. Когда я извещу власти, и они пустят по вашему следу нюхачей, и статус ваш подтвердится...

— Оставь ее в покое! — резко сказал Бинк.

Ирис сделала вид, что не слышит его.

— Но если бы ты убедила своего дружка проявить побольше сговорчивости,— продолжила она, обращаясь исключительно к Хамелеоше,— ты избежала бы такой страшной участи. А ведь драконы так любят полакомиться хорошенькими ручками-ножками... Так вот, ты сохранила бы и жизнь, и красоту, причем красоту неизменную.— Ирис утверждала, что совсем не знает Хамелеошу, а вот поди ж ты, все выведала.— Я могу сделать так, чтобы ты выглядела красавицей в любой твоей фазе.

— Неужели можешь? — восхищенно спросила Хамелеоша.

— По части обманов чародейке нет равных,— негромко сказал Бинку Трент, явно вкладывая в свои слова двойной смысл.

— Зато по части правды она слаба,— отозвался Бинк.— Одна видимость.

— Женщина такова, какой кажется,— внушала Ирис Хамелеоше.— Если она радует глаз и приятна на ощупь, значит, она воистину прекрасна. Ничего другого мужчинам и не надо.

— Не слушай ее,— сказал Бинк.— Чародейка просто хочет тебя использовать.

— Уточнение,— тут же заявила чародейка.— *Использовать* я намерена тебя, Бинк. Ничего плохого я твоей подружке не сделаю — если будешь слушаться. Я женщина не ревнивая. Кроме власти, мне ничего не нужно.

— Нет! — воскликнул Бинк.

— Нет,— неуверенно вторила ему Хамелеоша.

— Теперь ты, волшебник Трент,— сказала Ирис.— За тобой я наблюдаю недавно, но ты представляешься мне человеком слова, во всяком случае, когда это тебе выгодно. Я могла бы стать тебе великолепной королевой. Или напустить на тебя королевских стражников, и через пять минут ты — труп.

— Стражников я превращу,— сказал Трент.

— На расстоянии полета стрелы? — осведомилась она, скептически приподняв красивую бровь.— К тому же я сомневаюсь, чтобы после подобного инцидента у тебя остались шансы стать королем Ксанфа. Да вся страна против тебя поднимется. Конечно, многих ты сумеешь превратить — а спать-то когда?

Классный удар! Ведь в тот раз злого волшебника поймали, именно когда он спал. Так что, если его разоблачат прежде, чем

он сумеет окружить себя верным войском, не сносить ему головы.

Но Бинк-то с чего распереживался? Если чародейка выдаст злого волшебника, Ксанф вздохнет спокойно... и Бинк будет как бы ни при чем. Сохранит чистые руки. Не предаст ни родину, ни товарища. Главное — не встревать.

— Ну, я мог бы превратить животных или людей в собственное подобие,— сказал Трент.— Тогда патриотам будет нелегко понять, кого именно надо убить.

— Без толку,— сказала Ирис.— Никакая подделка не обманет нюхача, взявшего след.

Трент призадумался:

— Да, в таких обстоятельствах трудновато мне будет одержать победу. Учитывая это, я склоняюсь к тому, чтобы принять твое предложение, чародейка. Разумеется, следует оговорить некоторые детали...

— Не смей! — воскликнул Бинк, уязвленный до глубины души.

Трент поглядел на него, изобразив легкое удивление:

— Но, Бинк, мне это представляется разумным. Я желаю стать королем. Ирис желает стать королевой. При таком раскладе власти с лихвой хватит на двоих. Возможно, мы поделим сферы влияния. Это будет чистый брак по расчету. Но узы иного рода меня в данный момент не привлекают.

— Ну-с? — изрекла Ирис, победно улыбаясь.

— В рот вам гнус! — крикнул Бинк, понимая, что его мудрое решение не встревать разлетается в клочья.— Вы оба — предатели! Не потерплю!

— Не потерпишь? — Ирис грубо расхохоталась.— Да кем ты себя вообразил, нечудь пузатая?

Вот тут-то и проявилось ее истинное отношение к нему. А что, нашла себе новый объект приложения интересов, притворяться больше ни к чему.

— Не стоит его недооценивать,— сказал Трент.— Бинк тоже в своем роде волшебник.

И эти слова поддержки вызвали в Бинке мощный прилив благодарности, который он преодолел с огромным трудом, зная, что не может допустить, чтобы лесть или насмешки сбили его

с пути истинного. Ведь из одних только слов злой волшебник мог сплести такую сеть иллюзий, что куда там чародейке со всей ее магией.

— Я не волшебник,— сказал он.— Я просто верен Ксанфу. И законному королю.

— Дряхлому маразматику, изгнавшему тебя? — язвительно спросила Ирис.— Да он даже смерча пустячного сотворить не может, больной насквозь, все равно скоро копыта отбросит. Действовать надо именно сейчас. Трон должен достаться волшебнику.

— *Доброму* волшебнику! — горячо возразил Бинк.— Не злобному превращателю и не рвущейся к власти обсосанной ириске...

— А ты меня сосал?! — совсем как гарпия заквохтала Ирис. Она так разозлилась, что образ ее начал расплываться в дыму.— Трент, преврати его в клопа и раздави.

Трент покачал головой, пряча улыбку. Большой симпатии к чародейке он явно не испытывал и, судя по всему, отдавал должное мужскому острословию Бинка. Чародейка только что выказала полную готовность предоставить свою подслащенную иллюзией персону в распоряжение любому, кто взамен одарит ее властью.

— У нас с ним перемирие,— спокойно заявил волшебник.

— Перемирие? Чушь какая! — Дым превратился в огненный столб, символизирующий, должно быть, праведный гнев чародейки.— Он же тебе больше не нужен. Давай от него избавимся.

И Бинк с новой силой почувствовал, как она обошлась бы с ним, едва он помог бы ей заполучить корону и оказался более не нужен.

Трент был непреклонен:

— Ирис, если я нарушу слово, данное ему, как ты сможешь доверять слову, данному тебе?

Эти слова остудили ее. И произвели неизгладимое впечатление на Бинка. Да, между этими двумя мастерами магии чувствуется разница, тонкая, но существенная. Трент — настоящий мужчина, в лучшем смысле этого слова.

Ирис это удовлетворить не могло.

— Я думала, ваше перемирие оставалось в силе, только пока вы из Глухомани выбирались.

— Глухомань — это не только джунгли,— пробормотал Трент.

— Чего? — не поняла чародейка.

— Грош цена такому перемирию, которое можно прервать вот так, с бухты-барахты. Мы мирно простимся с Бинком и Хамелеошей и, если повезет, больше не встретимся.

По меньшей мере справедливо, и Бинк знал, что нужно согласиться с этим предложением. Но не мог преодолеть собственного упрямства, которое толкало его в пропасть:

— Нет, я не могу так просто уйти, когда тут плетется заговор против Ксанфа.

— Ну же, Бинк,— резонно заметил волшебник.— Насчет своей конечной цели я никогда тебя не обманывал. Мы с самого начала знали, что цели наши различны. Перемирие касалось только наших личных отношений на период, чреватый опасностями для всех нас, но никак не долгосрочных планов. У меня есть определенные обязательства перед моей обыкновенской армией, перед замком Ругна, а теперь еще и перед Ирис. Мне жаль, что ты моих планов не одобряешь, ибо я очень дорожу твоим мнением, но моей задачей было и есть завоевание Ксанфа. Потому прошу тебя: расстанемся, сколь возможно, по-доброму, ибо я уважаю твою позицию, но полагаю, что с точки зрения общей перспективы ты заблуждаешься.

И вновь Бинк ощутил губительное обаяние речей волшебника. Никаких изъянов в рассуждениях Трента он найти не мог. Не имея ни малейшей возможности одолеть волшебника магически он, похоже, безнадежно проигрывает и в интеллектуальном плане. Но морально... нет, здесь он не может быть не прав.

— Твое уважение ничего не стоит, если ты не уважаешь законы и обычаи Ксанфа.

— Достойный ответ, Бинк. Законы и обычаи я как раз уважаю, но государственная система зашла в тупик и нуждается в смене курса, иначе нас ждут большие беды.

— Ты говоришь о бедах, которые исходят от Обыкновении, я же боюсь тех бед, которые принесет извращение наших куль-

турных ценностей. Я должен бороться с тобой всеми доступными мне способами.

Похоже, эти слова озадачили волшебника.

— Сомневаюсь, Бинк, что ты сможешь со мной бороться. Сколь бы сильна ни была твоя магия, она никак не проявляется наглядно. Как только ты выступишь против меня, мне придется превратить тебя. А мне этого очень не хочется.

— Тебе придется приблизиться ко мне на шесть локтей,— сказал Бинк.— А я кину в тебя камень и уложу на месте.

— Вот видишь,— встряла Ирис,— Трент, он сейчас близко. Ну-ка жахни его!

Но волшебник не спешил:

— Ты действительно хочешь сразиться со мной, Бинк? Непосредственно, физически?

— Не хочу. Но должен.

Трент вздохнул:

— Тогда остается только один выход, не требующий поступиться честью. Придется прекратить наше перемирие поединком по всем правилам. Предлагаю оговорить место и условия дуэли. Тебе нужен секундант?

— Это чтоб секунды считать? Да хоть минутант, хоть часант! Сколько потребуется! — запальчиво выкрикнул Бинк, пытаясь унять дрожь в ногах. Он боялся и понимал, что ведет себя как последний дурак, но отступить уже не мог.

— Нет, секундант — это твой помощник, который будет следить за соблюдением условий поединка. Может, Хамелеоша?

— Я за Бинка! — немедленно отозвалась Хамелеоша. Ситуацию она понимала весьма частично, но в ее преданности сомневаться не приходилось.

— Да, как видно, понятие «секундант» здесь неведомо,— сказал Трент.— Допустим, мы выберем место на краю Глухомани, примерно на милю в глубь леса и столько же в ширину, получится приблизительно одна квадратная миля, человек в состоянии пройти ее минут за пятнадцать. И все должно решиться сегодня до заката. До той поры ни один из нас не может выйти из этого квадрата, и, если к тому времени исход останется неясен, объявим ничью и разойдемся с миром. Справедливо?

Злой волшебник говорил очень разумно — и поэтому Бинк сделался абсолютно неразумным.

— До смерти! — крикнул он и тут же пожалел об этом. Он знал, что волшебник не станет убивать его, если не будет к этому принужден. Просто превратит в дерево или еще во что-нибудь безобидное и оставит в покое. Есть Джустин-дерево, появится еще Бинк-дерево. Может, люди будут приходить отдохнуть под его сенью, пикники устраивать, любиться... А вот теперь этому не бывать. Только смерть. Перед его глазами возник образ поваленного дерева.

— До смерти,— печально повторил Трент.— Или пока один из нас не попросит пощады.

Так он погасил излишнюю горячность Бинка, не уязвив при этом его гордости. Сформулировал все таким образом, будто нашел лазейку для себя, не для Бинка. Как это возможно, чтобы такой плохой человек был таким хорошим?

— Ладно,— сказал Бинк.— Ты иди на юг, я пойду на север, в лес. Через пять минут оба разворачиваемся и начинаем.

— Справедливо,— согласился волшебник и протянул руку. Бинк пожал ее.

— А ты в зону поединка не суйся,— сказал Бинк Хамелеоше.

— Не, я с тобой,— заявила она.

Глупа — да, но как преданна! И как осудить ее? Как осудить Трента за стремление к власти? Но надо как-то разубедить ее.

— Это будет нечестно,— сказал Бинк, понимая, что бесполезно пугать Хамелеошу возможными последствиями.— Двое на одного. Так что уходи.

— Куда я пойду, такая дурочка? — не сдавалась она.

М-да, а ведь она права.

— Пусть идет с тобой,— сказал Трент.— Разницы никакой.

И это правильно.

Бинк с Хамелеошей углубились в джунгли, двигаясь в северо-западном направлении. Трент пошел на юго-запад. В считанные секунды волшебник исчез из виду.

— Надо разработать план атаки,— сказал Бинк.— Трент проявил себя настоящим джентльменом, но перемирие закончилось, и теперь он обрушится на нас всей своей силой. Нам нужно ударить по нему, прежде чем он ударит по нам.

— Да.

— Нужно насобирать камней, палок, может, выкопать яму, чтобы он в нее свалился.

— Да.

— Нужно сделать так, чтобы он не подобрался к нам близко и не превратил нас.

— Да.

— Кончай дакать! — прикрикнул он.— Дело-то нешуточное. На карту поставлена наша жизнь.

— Прости. Я сейчас такая дурная.

Бинку тут же стало совестно. Конечно же, она сейчас дура дурой. Такая вот планида. И не исключено, что он преувеличивает опасность,— Трент может попросту уклониться от схватки, уйти. Тогда Бинк окажется в моральном плане победителем — и решительно ничего не изменит. Если так, то в дураках окажется сам Бинк.

Он повернулся к Хамелеоше, намереваясь просить прощения,— и обнаружил, что она несказанно прекрасна. Она и раньше казалась очень хорошенькой по сравнению с Идой и Нусой, но сейчас она была столь же роскошна, как и в тот день, когда он впервые встретил ее в фазе Синн. Неужели это было всего месяц назад? Но теперь-то она не незнакомка.

— Ты великолепна такая, какая есть, Хамелеоша.

— Но помочь тебе не могу. Вообще ничего не могу. Кто любит дур?

— Я люблю красивых девушек,— сказал он.— И умных люблю. Но не доверяю тем, кто красив и умен одновременно. Меня устроила бы самая заурядная девчонка, да только с ней очень скоро станет скучно. Иногда так хочется поговорить с кем-то умным, а иногда хочется...

Он резко замолчал. Ум у нее сейчас как у ребенка. Стоит ли загружать ее такими сложными материями?

— Чего хочется? — спросила она, обратив на него взор ясных очей. При первой встрече они у нее были черные, а сейчас темно-зеленые. Да она, лапушка, с глазами любого цвета неотразима!

Бинк знал, что его шанс пережить этот день ниже среднего, а шанс спасти Ксанф и вовсе близок к нулевому. Он боялся, но

одновременно у него обострилось чувство жизни. Справедливости. Красоты. Зачем скрывать то, что долгое время томилось в подсознании и наконец вырвалось наружу?

— Любить,— ответил он.

— Это я могу,— сказала она, просияв оттого, что хоть что-то поняла. Но вот насколько поняла и что именно — Бинк страшился даже подумать.

Зато он поцеловал ее. И это было чудесно.

— Но, Бинк,— сказала она, как только представилась возможность,— я ведь недолго буду красивой.

— В том-то и дело,— сказал он.— Обожаю разнообразие. Мне трудно было бы все время жить с дурочкой, но ведь ты не всегда глупая. И с некрасивой жить все время несладко, но ты не всегда некрасивая. Ты — само разнообразие. И вот этого я жажду больше всего, это хочу иметь всю жизнь. А ты — единственная девушка, способная дать мне это.

— Но мне нужны чары...

— Нет! Никаких чар тебе не нужно, Хамелеоша. Ты хороша такая, какая есть. Я люблю тебя.

— Ой, Бинк! — сказала она.

И они совсем забыли о дуэли.

Но действительность напомнила о себе слишком скоро.

— Вот и вы! — воскликнула Ирис, заглядывая в их импровизированный будуар.— А чем это вы тут занимаетесь? Ай-яй-яй!

Хамелеоша поспешно одернула платье.

— Тебе этого не понять,— сказала она с истинно женской прозорливостью.

— Не понять? Подумаешь, велика важность. Секс — он секс и есть.— Сложив ладони рупором, чародейка прокричала: — Трент! Они здесь!

Бинк бросился на нее — и, пролетев сквозь бесплотный образ, плюхнулся на лесной мох.

— Глупый,— сказала Ирис.— Тебе меня не достать.

Они услышали, как пробирается сквозь лес злой волшебник. Бинк принялся лихорадочно искать хоть какое-нибудь оружие, но видел только громадные стволы деревьев. Острые камни в недобрых руках могли бы повредить деревьям, следовательно, все камни здесь были магическим образом устранены. В дру-

гом месте еще можно было бы сыскать какое-нибудь оружие, но только не здесь, в джунглях, живущих по законам джунглей, особенно на краю, рядом с фермами, остро нуждающимися в расширении земельных угодий.

— Я тебя погубила! — крикнула Хамелеоша.— Нам не надо было...

Чего не надо было? Любить? В каком-то смысле, конечно, правильно. Потратили жизненно важное время, занимаясь любовью вместо войны. Но другой-то возможности могло и не представиться.

— Оно того стоило,— сказал Бинк.— Теперь надо бежать.

Они побежали. Но перед ними появился образ чародейки.

— Трент, они здесь! — опять закричала она.— Руби их в капусту, пока не сбежали!

Бинк понял: пока чародейка висит у них на хвосте, никуда им не деться. Негде спрятаться, никакой неожиданности для неприятеля не подготовить, не найти стратегически выгодной позиции. Трент их настигнет, сомнения нет.

И тут взгляд Бинка упал на предмет, который Хамелеоша упорно таскала с собой. Гипнотыква. Вот бы устроить так, чтобы Трент невольно заглянул в глазок...

Показался волшебник. Бинк осторожно отобрал у Хамелеоши тыкву.

— Попробуй отвлечь его, а я подберусь к нему поближе и ткну ему в рожу вот этим.

Тыкву он спрятал за спину. Вероятно, Ирис не придаст этому овощу значения и ничего не станет делать, пока Трент не будет обезврежен.

— Ирис! — прокричал волшебник.— Это же должен быть честный поединок. Если опять вмешаешься, я буду считать наше соглашение расторгнутым.

Чародейка раздулась от ярости, но сочла за благо не возникать и исчезла.

Трент остановился в десятке шагов от Бинка:

— Извини за недоразумение. Начнем заново?

— Пожалуй,— согласился Бинк.

До чего же самоуверен этот тип, не хочет воспользоваться преимуществом. Может, желает кончить дело с совершенно

чистой совестью. Быть по сему. Но, поступая таким образом, Трент невольно спас себя от вполне реального поражения. Вряд ли у Бинка появится другая возможность воспользоваться гипнотыквой.

Они вновь разошлись. Бинк и Хамелеоша побежали дальше в лес — и чуть не угодили в жадные лапы древопутаны.

— Эх, как бы нам его путане скормить,— сказал Бинк, но вдруг почувствовал, что совсем этого не хочет. Угораздило же нарваться на дуэль, победить в которой он совсем не хочет, а проиграть не имеет права. Он оказался глупее Хамелеоши — только еще философию развел вокруг этого дела.

Они заметили арканный куст. Петли достигали трех локтей в диаметре, но когда неосторожный зверь просовывал туда лапу или голову, моментально сжимались почти вплотную. Волокна у них были такие крепкие, что брал их только нож — или соответствующее заклинание. Даже если отодрать их от куста, петли сохраняли силу в течение нескольких дней, постепенно затвердевая. Неосмотрительные или невезучие твари теряли конечности и даже жизнь, и дважды никто в арканник не совался.

Хамелеоша боязливо отодвинулась от куста, но Бинк остановился перед ним.

— Можно набрать петель и прихватить с собой,— сказал он.— В Северянке мы ими тюки перевязывали. Весь фокус в том, чтобы прикасаться к ним только с внешней стороны. Возьмем несколько штучек, положим на дорогу, где пойдет Трент. Или кинем в него. Вряд ли он сможет превратить их, когда они отрезаны от куста. Аркан кидать умеешь?

— Да.

Бинк подошел к кусту. И заметил еще одну глухоманскую напасть.

— Смотри, гнездо муральвов! — крикнул он.— Вот бы их на Трентов запах навести...

Хамелеоша поглядела на гигантских мурашей с львиными головами и содрогнулась:

— Это обязательно?

— Да не хотелось бы,— сказал Бинк.— Они ведь и съесть-то его не съедят, он их прежде заколдует. Но внимание отвлекут,

тут-то мы его и повяжем. Если его не остановить, он запросто завладеет Ксанфом.

— А это плохо?

Очередной глупый вопрос. В умной или нормальной фазе она никогда такого не спросила бы. Но вопрос Хамелеоши смутил его. Разве злой волшебник будет худшим королем, чем нынешний? Дать ответ на этот вопрос Бинк не захотел.

— Это не нам решать. Нового короля избирает Совет старейшин. Если корону начнут надевать захватчики или заговорщики, мы снова окажемся во временах волн, и покоя не будет никому. Обладателя престола должен определять только закон Ксанфа.

— Да,— согласилась она.

Бинк сам удивился, выдав столь четкий анализ ситуации, но ей в нынешнем ее состоянии такого не осилить. И все же мысль бросить Трента на съедение муральвам Бинку не понравилась, и он принялся обдумывать другие варианты. В глубине сознания выстраивалась параллельная линия рассуждений, и касалась она нравственности нынешней власти в Ксанфе. А если Трент прав насчет необходимости открыть Ксанф для новой иммиграции? Если верить кентаврам, человеческое поголовье за последнее столетие постепенно снижалось. Куда подевались люди? И появляются ли сейчас новые монстры с человеческой составляющей путем магического скрещивания? Думать об этом — все равно что запутаться в арканнике, а о последствиях и тем более. И все же Трент-то, получается, прав. Став королем, он такое положение дел изменит. Зло, сопряженное с волнами, предпочтительнее ли оно другому варианту? Бинк не мог прийти к определенному выводу.

Они вышли к большой реке. Будучи сфинксом, Бинк перешел ее вброд, даже не заметив, но теперь она оказалась непреодолимым препятствием. Пузырьки на поверхности выдавали присутствие затаившихся хищников, над гладью реки курились призрачные дымки. Бинк кинул в реку комок земли, но тот до воды не долетел — по пути его перехватила здоровенная клешня. Остальная часть монстра осталась под водой, и Бинк не смог определить, был то русалочий краб, рак-свистунец или

просто так клешня. Но одно он знал твердо: искупаться в этой речке его не тянет.

На бережку он увидел несколько увесистых, обточенных водой камней. У реки в отличие от леса не было оснований бояться камней, но осторожность не помешает. Бинк аккуратно потрогал камни палкой, желая удостовериться, что это не магические ловушки. Повезло — оказалось, не ловушки. Для сравнения он коснулся симпатичной водяной лилии — и цветочек моментально отхватил конец палки. Осмотрительность никогда не помешает.

— Годится,— сказал он, набрав изрядный запас камней.— Попробуем устроить засаду. На возможных путях отступления разложим арканники и прикроем листьями. Ты начнешь метать в него петли, а я — камни. Он будет уклоняться, ему придется следить за нами обоими и при этом пятиться — как раз в арканник и угодит. Петля схватит его за ногу, он начнет от нее освобождаться — тут-то мы и нападем. Накидаем ему на голову одеял с одеяльного дерева, чтобы он нас не видел и превратить не мог, или ткнем в лицо гипнотыкву. Тогда ему придется сдаться.

— Да,— сказала Хамелеоша.

Так они и поступили. Перекрыли арканами пространство от голодной путаны до гнезда муральвов, а сами спрятались за кустом-невидимкой, обнаруженным по чистой случайности. Кстати, иначе такой куст и не обнаружить. Растения эти безвредны, но если ступишь в них — жди неприятностей. Спрятавшись за ним, они тоже стали невидимы; надо только, чтобы куст находился между тобой и тем, кто смотрит. Присели и стали ждать.

Но Трент застиг их врасплох. Пока они устраивали западню, он сделал круг, ориентируясь на их голоса, и зашел с севера. Хамелеоша была вынуждена частенько отлучаться по зову природы, как и свойственно девчонкам, особенно если они возбуждены. Она зашла за безобидную, ложную путану, чуть слышно вскрикнула и исчезла. Бинк обернулся и увидел, как взмыла в небо прекрасная юная крылатая лань.

В бой! Бинк кинулся на дерево, сжимая в одной руке камень, в другой — палку. Он надеялся сбить волшебника с ног, преж-

де чем тот успеет применить свою магию. Но Трента за деревом не было.

Поспешил с выводами? Возможно, Хамелеоша просто спугнула трепетную лань...

— Эй! — крикнул сверху злой волшебник.

Он сидел на дереве. Бинк поднял голову и увидел, как Трент протягивает руку,— это еще не магический пасс, просто волшебник тянется поближе к Бинку, чтобы произвести нужное действо правильно. Бинк отпрыгнул, но поздно. Он почувствовал знакомое покалывание и покатился по земле. Поджал под себя руки и ноги... и обнаружил, что ни в кого не превратился! Не сработало хваленое волшебство! Наверное, он успел все-таки выскочить из зоны действия магии Трента. Так что до головы волшебник не достал.

Он посмотрел на дерево и ахнул. Злой волшебник висел, запутавшись в полосатых леденцовых сосульках.

— Что случилось? — спросил Бинк, на мгновение забыв об опасности.

— Да вот ветка подвернулась некстати,— сказал Трент, недоуменно тряся головой. Видно, крепко его тряхнуло! — Мои чары вместо тебя ветку превратили!

Бинк посмеялся бы над таким ляпсусом, но вовремя вспомнил, где он и в каком положении. Выходит, волшебник пытался превратить его в леденцовый куст. Он поднял камень.

— Прошу прощения,— сказал он и швырнул камень в красивую голову.

Но камень отскочил от панциря лиловой черепахи. Трент превратил леденцовый куст в непробиваемую рептилию, а сам спрятался за ней.

Бинк не раздумывал. Он перехватил палку наподобие копья, обежал вокруг черепахи и метнул палку в волшебника. Но тот уклонился, и вновь Бинк ощутил зловещее покалывание.

По инерции он пролетел мимо соперника — и остался человеком. Только отступив за куст-невидимку, он с изумлением сообразил: еще раз пронесло! Магия Трента угодила в черепаху, превратив ее в провода — помесь пробки и овода. Провод противно зажужжал, но нападать не стал, а тут же слинял.

Тренту не составило труда определить, где скрывается Бинк. Куст превратился в женщину-змею, которая мгновенно уползла, паскудно шипя. Оставшись без прикрытия, Бинк бросился бежать, но магия Трента в третий раз накрыла его.

Рядом с ним появилась желтая жаба.

— Это еще что такое?! — не веря своим глазам, воскликнул Трент.— Вместо тебя попал в пролетавшего комарика. Три раза моя магия промахнулась. Ну не настолько же я никудышный стрелок!

Бинк потянулся к оброненной палке. Трент вновь наставил на него руку, и Бинк понял, что не успеет ни выскочить из зоны действия магии злого волшебника, ни воспользоваться своим оружием. Несмотря на все стратегические ухищрения, он пропал.

Но сбоку на Трента налетела крылатая лань. Трент услышал ее приближение и переключился на нее. Не успев долететь до волшебника, лань превратилась в прелестную переливчатую бабочку, а потом в чрезвычайно фотогеничного виверна.

— Никаких проблем,— заметил Трент.— Во всех ты, душечка, нарядах хороша... На нее мои чары действуют безотказно.

Дракончик с шипением бросился на него, но тут же вновь обернулся крылатой ланью.

— Брысь! — хлопнув в ладоши, сказал Трент.

Лань испуганно отпрянула. Большим умом она не отличалась.

Тем временем Бинк, воспользовавшись заминкой, отступил. Но при этом вплотную приблизился к им же подготовленной ловушке. Он не мог припомнить, где именно спрятал арканники. Может, попробовать пересечь эту тропку? Но тогда либо угодишь в петлю, либо выдашь западню Тренту, если, конечно, он о ней еще не знает.

К нему широким шагом приближался Трент. Деваться некуда — Бинк пал жертвой собственных ухищрений. Он застыл, зная, что стоит ему шелохнуться, и волшебник обрушит на него всю мощь своей магии. Бинк ругал себя за нерешительность, но при этом понятия не имел, что делать. Дуэлянт из него тот еще — с самого начала поединка позволил себя обдурить и за-

гнать в самое невыгодное положение. Давно следовало оставить злого волшебника в покое. Но не мог же он отойти в сторонку и отдать Ксанф на милость врага, не оказав хотя бы символического сопротивления. Она-то, символика, и довела его до края.

— На сей раз не промахнусь,— сказал Трент, бесстрашно приближаясь к Бинку.— Я же знаю, что могу превратить тебя, уж сколько раз это делал. Должно быть, я сегодня слишком спешил.— Он вошел в активную зону и остановился.

Бинк не шелохнулся — бесполезно. Трент сосредоточился, и магия мощно ударила в Бинка.

Вокруг него материализовалась стайка гигиенических прокладок. Издевательски насвистывая, они упорхнули, помахивая крылышками.

— Микробы превратились! — завопил Трент.— Опять мой разряд не сработал. Теперь я точно знаю, что дело нечисто!

— Может, тебе просто не хочется убивать меня? — предположил Бинк.

— Да не собирался я тебя убивать — только превратить во что-нибудь безвредное, чтобы ты мне палки в колеса не вставлял. Я никогда не убиваю без причины,— рассуждал волшебник.— Что-то тут очень непонятное. Не верю я, что мой талант дал промашку; что-то ему противостоит. Определенно действует какая-то контрмагия. Знаешь ли, жизнь у тебя заговоренная. Я-то думал, что это просто совпадение, но сейчас...— Трент помолчал и вдруг шелкнул пальцами: — Твой талант! Твой магический талант. В нем-то все и дело. Никакая магия не может тебе повредить!

— Но мне столько раз крепко доставалось,— возразил Бинк.

— Доставалось — но не от магии, уверен. Твой талант отводит от тебя всю недобрую магию.

— Но многие чары на меня действуют. Ты же сам превращал меня...

— Для твоей же пользы. Ты сам мог мне не доверять, но твой талант чуял правду. До сих пор я никогда не хотел сделать тебе плохо, и поэтому мои чары допускались. Теперь же у нас дуэль, и я хочу, что называется, понизить твой статус, но мой талант не срабатывает. В этом смысле твоя магия сильнее моей. Тому и прежде было несколько косвенных подтверждений.

Бинк был потрясен.

— Тогда... тогда получается, что я победил. Ты ничего не можешь мне сделать.

— Ошибаешься, Бинк. Моя магия вынудила твою раскрыться и, следовательно, сделала ее уязвимой.— Злой волшебник извлек из ножен сияющий меч: — У меня есть таланты и помимо магии. Защищайся — физически!

Бинк поднял палку и еле успел отразить молниеносный выпад Трента.

Физически он был уязвим. Но все, что так смущало его в прошлом, вдруг прояснилось. Магия никогда не причиняла ему непосредственного вреда. Да, он нередко испытывал стыд, унижение, особенно в детстве, но от непосредственной физической угрозы он был защищен. Когда он состязался в беге с мальчишкой, который умел проходить прямо сквозь деревья и другие преграды и, естественно, выигрывал, никакого физического ущерба он от проигрыша не получал, только досаду. А когда он сам себе отсек палец, магия была совсем ни при чем. Наоборот, потом он с помощью магии исцелился. Да, магия много раз угрожала ему, пугала до полусмерти — но угрозы эти ни разу не материализовались. Даже когда он вдохнул полные легкие ядовитого газа, напущенного Керогазом, его очень вовремя спасли. Воистину, у него заговоренная жизнь, как ни крути.

— Очень любопытная у тебя магия,— светским тоном заметил волшебник, изготовившись для очередной атаки.— Если о ней все будут знать, ее полезность резко уменьшится. И поэтому она не дает себя выявить и действует окольными путями. Все твои чудесные спасения казались чисто случайными.

Точно, например, когда он спасся от провального дракона. Наоборот, его будто случайно выручала чужая магия — скажем, когда он впустил в себя Дональда-тень и спокойно улетел из Провала.

— Страдала только твоя гордость, но тело — никогда,— продолжал Трент, явно не торопясь в бой, пока не уяснил себе все детали. В этом плане он был большой педант.— Возможно, тебе пришлось испытать некоторые неудобства, как, например, при нашем возвращении в Ксанф, но исключительно, чтобы скрыть

тот факт, что ничего серьезного с тобой произойти не может. Ради этого твой талант допустил даже, чтобы тебя отправили в изгнание, поскольку вопрос был скорее юридический, нежели магический. Щит тебе не повредил...

А ведь точно — он почувствовал электрическое прикосновение щита, когда проходил через него, и еще решил, что благополучно выбрался через открытую для него брешь. И только теперь понял, что принял на себя полновесный удар щита — и остался жив. Он мог бы пройти сквозь щит когда угодно. Но если бы он знал об этом, то так бы и поступил, разоблачив тем самым свой талант. Выходит, дар его был скрыт от него самого.

Но теперь талант его раскрыт. А потому уязвим.

— Но тебя щит тоже пропустил! — крикнул Бинк, нанося удар палкой.

— Я тогда находился с тобой в непосредственном контакте,— сказал Трент.— И Хамелеоша тоже. Ты был без сознания, но талант твой работал. И он бы выдал себя, если бы мы оба погибли, а ты остался цел и невредим. Или тебя окружает небольшое поле, защищающее и тех, кто находится рядом, или же твой талант предвидел, что, если бы магия шита убила нас тогда, ты оказался бы в логове кряка в одиночестве, не смог бы выбраться и погиб. Чтобы ты выжил, требовались мои способности превращателя — поэтому и меня твой талант пощадил. И Хамелеошу — ведь без нее ты не стал бы сотрудничать со мной. Мы уцелели лишь для того, чтобы уцелел ты, и об истинной причине догадаться не могли. Точно так же твоя магия защищала нас при переходе через Глухомань. Я-то думал, что всех нас защищает мой талант, но было как раз наоборот. Мой дар оказался лишь функциональным приложением к твоему. Когда тебе угрожали вжики и невидимый великан, именно твоя магия устроила так, чтобы я превратил тебя и тем самым защитил от опасности, но при этом не раскрыл твой секрет...— Трент покачал головой, с легкостью отражая неуклюжие атаки Бинка.— Но вдруг все стало ясно, и талант твой проявился во всем блеске. Ты — настоящий волшебник, обладающий не только большим набором магических качеств, но и способностью их совершенствовать. Волшебники — это ведь не просто люди с сильными таланта-

ми. Наша магия отличается от других не только количественно, но и качественно, и рядовым жителям Ксанфа этого почти не дано понять. Ты наравне с Хамфри, Ирис и со мной. Мне бы очень хотелось знать природу твоего таланта и предел его возможностей.

— Мне тоже,— задыхаясь, выговорил Бинк. Сопротивление изрядно утомило его, не оказав на волшебника никакого заметного воздействия. От бессилия и ярости выть хотелось.

— Печально, что я не могу стать королем, пока мне противостоит такой талант. Я искренне сожалею о необходимости пожертвовать твоей жизнью и хочу, чтобы ты знал, что в начале нашего поединка я подобных намерений не имел. Поверь, мне бы очень хотелось превратить тебя, не причинив никаких страданий. Но меч уступает магии в разносторонности — он может только убить или покалечить.

Бинк вспомнил, как слетела с плеч голова кентавра Германа. Если Трент решил, что убить необходимо...

Трент сделал стремительный выпад. Бинк метнулся вбок. Кончик меча задел руку. Хлынула кровь. С криком боли Бинк выронил палку. От обыкновенского оружия его талант защитить не мог. Трент ведь и метил в руку, чтобы отпали последние сомнения.

Когда Бинк понял это, с него мгновенно слетела оторопь. Да, он уязвим — но это еще не значит, что в схватке один на один у него нет никаких шансов. На Бинка давила немыслимая магическая мощь Трента. Но теперь Трент противостоит ему как обычный человек. И его можно захватить врасплох.

Трент изготовился нанести решающий удар. Бинк — откуда что взялось? — действовал молниеносно и собранно. Подныряув сопернику под руку, он схватился за нее окровавленной ладонью, развернулся, согнул колени и дернул. Этому броску его научил служивый Кромби — полезный прием, когда на тебя нападают с оружием.

Но волшебник был наготове. Когда Бинк рванул его за руку, он ловко шагнул в сторону, удержался на ногах, высвободил руку с мечом, отбросил Бинка и наставил на него меч:

— Славный маневр, Бинк. К сожалению, в Обыкновении этот прием тоже известен.

С убийственной решимостью и силой Трент взмахнул мечом. Бинк, потерявший равновесие, не мог быстро отодвинуться и обреченно наблюдал, как зловещий клинок стремительно приближается к лицу. На сей раз спасения нет!

Между ними метнулась крылатая лань. Меч погрузился в ее тело, пробив его насквозь. Острие застыло рядом со взмокшим носом Бинка.

— Сука! — заорал Трент, хотя этот термин никак не подходил к самке оленя — крылатого или обычного. Волшебник вытащил окровавленное лезвие.— Я ж не в тебя целил!

Лань упала, истекая кровью. Меч пробил живот.

— Да я тебя в медузу превращу! — бушевал волшебник.— Засохнешь тут без воды!

— Она и так умирает,— сказал Бинк, схватившись за живот: боль Хамелеоши передалась и ему. От таких ран умирают не сразу, долго мучаются дикой болью и все равно не выживают. Хамелеошу ждала смерть, мучительная, как пытка.

Знамение! Вот оно и сбылось. Тот хамелеончик погиб. А эта...

Бинк кинулся на противника, в нем бушевала такая ярость, которой он прежде не знал. Да он этого гада голыми руками...

Трент проворно отпрыгнул в сторону, на лету перехватив левой рукой Бинка за шею. Бинк упал, теряя сознание. Слепая ярость не заменит опыта и холодного расчета. Он видел, как Трент подходит к нему, высоко подняв меч обеими руками, чтобы нанести последний, сокрушительный удар.

Бинк закрыл глаза, более не в силах сопротивляться. Он сделал все что мог — и проиграл.

— Только убей и ее тоже,— взмолился он.— Чтоб не мучилась.

Он покорно ждал. Но меч все не опускался. Бинк открыл глаза. И увидел, как волшебник отвел ужасный меч в сторону.

— Не могу,— тихо сказал Трент.

Появилась чародейка Ирис.

— Ты что это?! — резко спросила она.— Кишка тонка? Кончай обоих — и все дела. Корона ждать не будет.

— Не хочу я брать корону таким образом,— сказал ей Трент.— Раньше я бы не задумался, но за двадцать лет я изменился. И за

последние полмесяца тоже. Я узнал подлинную историю Ксанфа, изведал горе безвременной смерти. Я поздно познал, что такое честь, но усвоил это твердо. Она не позволит мне убить человека, который спас мне жизнь и настолько предан своему недостойному монарху, что готов пожертвовать собой ради того, кто отправил его в изгнание.— Он посмотрел на умирающую лань: — И я никогда по своей воле не убью бесхитростную и простодушную девушку, которая отдает свою жизнь, чтобы спасти этого человека. Вот истинная любовь, такую и я изведал когда-то. Свою любовь я спасти не смог, но губить любовь чужую не намерен. Ни один трон не стоит того.

— Идиот! — взвизгнула Ирис.— Жизнью собственной разбрасываешься!

— Пожалуй, что и так,— сказал Трент.— Но этим я рисковал изначально, когда решил вернуться в Ксанф. Лучше умереть достойно, чем жить с нечистой совестью, пусть и на троне. Возможно, я и стремился не к королевской власти, а к совершенству в себе самом.— Он склонился над ланью, дотронулся до нее, и она стала Хамелеошей. Из ужасной раны в животе сочилась кровь.— Мне ее не спасти,— грустно сказал он,— как не спасти было мою жену и сына. Я не врач. Любое существо, в которое я могу превратить ее, будет страдать, как и она. Ей способна помочь только магия.— Волшебник поднял голову: — Ирис, ты можешь помочь нам. Пошли свой образ в замок доброго волшебника Хамфри. Расскажи ему, что здесь произошло, и попроси целебной воды. Надеюсь, что власти Ксанфа помогут этой славной девушке и пощадят молодого человека, которого несправедливо изгнали.

— И не подумаю! — заверещала чародейка.— Опомнись, ты! У тебя в руках королевство!

Трент обернулся к Бинку:

— Чародейка не испытала того, что испытал я, и не может пересмотреть своих убеждений. Она нам не поможет. Блеск власти ослепил ее — и чуть не ослепил меня. За помощью придется отправиться тебе.

— Да,— согласился Бинк. Он не мог смотреть на истекающую кровью Хамелеошу.

— Я обработаю рану, как сумею,— сказал Трент.— Думаю, час она продержится. Поспеши.

— Конечно,— сказал Бинк. Если она умрет...

И Бинк стал птицей. Фениксом с ярким оперением и огненными крыльями, очень приметным — ведь такие птицы появляются на публике раз в пятьсот лет. Он расправил крылья и взмыл в небо. Описав круг, он увидел далеко на востоке магическое сияние шпиля на замке доброго волшебника. Бинк полетел туда.

Глава 16

КОРОЛЬ

Появился крылатый дракон.

— Птичка, птичка, я тебя съем,— сказал он.

Бинк повернул в сторону, но чудище вновь появилось перед ним.

— Не уйдешь! — сказал дракон и разинул зубастую пасть.

Неужели его спасательная миссия закончится, когда успех так близок? Бинк доблестно захлопал крыльями, забирая вверх и надеясь, что тяжелому дракону такая высота окажется не под силу. Но раненое крыло — та самая рука, которую порезал меч Трента,— мешала набрать высоту и держать равновесие, принуждая погасить скорость. Монстр без труда поравнялся с Бинком и преградил путь к далекому замку.

— Сдавайся, дурачок,— предложил дракон.— Все равно скушаю.

И тут до Бинка дошло: драконы так не разговаривают. А уж летающие огнеметы и подавно — мозги у них скукожены от жара, и говорить им вовсе не дано. Это не дракон, а видимость, посланная чародейкой. Она все еще пытается остановить его, рассудив, что, если он исчезнет, а Хамелеоша умрет, Трент вернется к своим завоевательным планам. А что остается? Сделал все что мог, ну не вышло, так по уму теперь надо снова двигаться к заветной цели. Тогда Ирис осуществит свою мечту и получит через волшебника власть над страной.

Уж лучше бы это оказался настоящий дракон. Злой умысел чародейки может сработать. Поскольку Бинк — феникс, а не

говорящая птица, он не сможет рассказать о происшедшем никому, кроме Хамфри, остальные его просто не поймут. Если он сейчас вернется к Тренту, будет потеряно драгоценное время, к тому же чародейка его и там остановит. Нет, это будет его личный бой, дуэль с чародейкой, и победить он должен сам.

Он резко изменил курс и спикировал прямо на дракона. Если не угадал, в чреве огнемета вспыхнет огонь — и пиши пропало. Но он пролетел прямо сквозь дракона, не почувствовав ни малейшего сопротивления. Победа!

Вслед ему понеслись вопли, смысл которых никак не вязался с его представлениями о благородной даме. Да, если что-то не по ней, Ирис превращается в сущую хабалку. Даже не обернувшись, Бинк продолжил полет.

Перед ним показалась туча. Гроза? О-хо-хо... Надо бы поторапливаться.

Туча стремительно разрасталась, бурля клубами черного пара, испуская черные вихри. За считанные мгновения темная масса закрыла замок. Вокруг громадной тучи сновали мелкие черные облака, противные, как гоблинские хари. В центре облака обозначилось вращение. Все это хозяйство выглядело довольно зловеще.

Нечего и думать о том, чтобы подняться над тучей. Болело поврежденное крыло, а гроза громоздилась в небе, словно колоссальный джинн. С треском плясали зазубренные молнии. Пахло горячим металлом. Бушующее нутро тучи переливалось спутанными цветами радуги и мутными бесовскими личинами. Магическая буря с цветным градом — самая опустошительная.

Бинк опустился пониже — и туча свилась вокруг него серым штопором. Суперторнадо! Размолотит в два счета, и перышка не останется!

Тут Бинка осенило, да так, что он чуть не шмякнулся оземь от изумления. Магия не может причинить ему никакого вреда! А гроза эта определенно магическая, следовательно, для него неопасна. Путь ему преградило ложное препятствие.

Более того, не было никакого ветра. Стало быть, очередная иллюзия. Надо только держать курс на замок и не обращать внимания на спецэффекты. Он ринулся прямо в тучу.

И вновь не ошибся. Эффекты, конечно, впечатляли, но никакой грозы не было, только мутная дымка да ощущение сырости на перьях. Вскоре он пролетит сквозь эту обманную тучу, и уже ничто не остановит его на пути к замку доброго волшебника.

Но серый туман все не кончался. Как же добраться до замка, если его даже не видно? Одурачить Бинка Ирис не в состоянии, но лишить зрения — запросто. Может, лично ему магия никакого вреда причинить не способна, но, похоже, его таланту глубоко плевать на благополучие других людей и на то, что чувствует по этому поводу сам Бинк. Пусть Хамелеоша умрет, зато Бинк останется цел. И пусть такое избавление не доставит ему никакой радости, с формальной точки зрения его магия сработает идеально.

«Будь ты проклят, талант! — в ярости думал Бинк.— Плюнь ты на формальности, подумай лучше о том, чтобы мне было по-настоящему хорошо. Ведь если я пойму, что жить дальше бессмысленно, я убью себя без всякой магии. Хамелеоша нужна мне. Так что, если ты допустишь, чтобы враждебная магия помешала мне спасти ее, ты и меня не спасешь. И что тогда будет с тобой?»

Но туман не рассеивался. Ясно, что его пресловутый талант — штука безмозглая. А значит, в конечном счете бесполезная. Все равно что тень на плетень наводить. Такая же бестолковая, бесцельная магия.

Бинк внимательно вглядывался в окружающее марево, намереваясь одолеть его своими силами. До сих пор он жил, знать не зная ни о каком своем таланте. Ну и дальше как-нибудь проживет таким макаром.

Кстати, а точно ли он летел к замку? Вроде бы так, но наверняка сказать нельзя. Сначала его отвлекла туча, потом — борьба с ней. Не исключено, что он потерял ориентацию. Лучше бы Трент превратил его в голубя-почтаря: те с курса не сбиваются никогда. С другой стороны, добрый волшебник на такую невзрачную птичку и внимания не обратит. И вообще, что толку рассусоливать — если бы да кабы. Он такой, какой есть, и таким должен преодолеть все препятствия. Если он летит не

в ту сторону, то, может, и замка никогда не найдет. Но все равно надо продолжать полет.

Бинк опустился пониже, надеясь разглядеть какие-нибудь наземные ориентиры. Но туча не выпускала его из своих недр. Ни черта не разобрать! Если опуститься еще ниже, запросто в дерево впилишься. Так неужели Ирис победила?

И вдруг он вынырнул из тучи. Вот он, замок! Бинк устремился к нему — и замер в полной прострации. Это же не замок доброго волшебника, а замок Ругна! Получается, что его развернуло в противоположную сторону и он пролетел через всю Глухомань на запад, вместо того чтобы лететь на восток. Чародейка определенно знала это и держала вокруг него густой туман, чтобы он не обнаружил своей ошибки раньше времени. Пока не станет уже поздно что-то предпринимать. Сколько же драгоценного времени он потерял? Если прямо сейчас развернуться и полететь к правильному замку — допустим, что в этом тумане он сумеет найти его,— то уложится ли он в отпущенный час, успеет ли помочь Хамелеоше? Или из-за этой проволочки она умрет, не дождавшись помощи?

Он услышал негромкий всхрап. И тут же подобные звуки донеслись со всех сторон. Туча опустилась и опять закрыла обзор.

Что-то тут не то! На звуки он не обратил бы никакого внимания, если бы не столь очевидные попытки сбить его с курса. Но с какой стати чародейке мешать ему приземлиться в замке Ругна? Неужели там есть целебная вода? Чтобы зомби пользовать, что ли? Сомнительно.

Значит, эти всхрапы или похрюкивания что-то означают. Но что? Откуда они взялись? Дракона, обитающего во рву, в замке Ругна нет, зомби ни храпеть, ни хрюкать не умеют. Но что-то же издавало эти звуки, что-то живое. Вроде крылатого коня или...

Так вот оно что! Никакой это не замок Ругна, а самый что ни на есть замок Хамфри! Просто чародейка придала ему вид другого замка, чтобы сбить Бинка с толку. Она же мастерица иллюзий и опять успешно обвела бы Бинка вокруг пальца, если бы во рву не захрюкал гипподер и не выдал тем самым обмана. А Бинк, стало быть, летел все же в правильном направлении,

и не исключено, что вел его талант. Да, его талант всегда действовал тонко, исподволь. И сейчас остался верен себе.

Бинк устремился туда, откуда донесся самый первый всхрап, отсеивая прочие звуки. Туман стремительно растворился. Судя по всему, чародейка не могла практиковать свои иллюзии в такой близости от волшебника-конкурента, к тому же специализирующегося на истине.

— Я до тебя еще доберусь! — закричал воздух за спиной голосом Ирис. Потом все ее эффекты исчезли без следа. Над всем Ксанфом безоблачное небо...

Бинк по кругу пролетел над замком, имевшим теперь надлежащий вид. Отток нервного напряжения сказался лютой дрожью. Надо же, чуть не проиграл поединок с чародейкой! Если бы он повернул...

Увидев открытое окно в самой верхней башенке, Бинк влетел в него. Феникс — летун классный, настоящего дракона обгонит, пожалуй, и с раненым крылом.

К полумраку его глазки-бусинки приспособились быстро. Хлопая крыльями, он перелетал из комнаты в комнату, пока не увидел волшебника, склонившегося над толстенным фолиантом. На мгновение коротышка напомнил ему Трента в библиотеке замка Ругна — обоих до неприличия интересуют книги. Неужели двадцать лет назад эти двое дружили меж собой? Или просто общались по службе?

Хамфри поднял голову.

— Бинк, что ты тут делаешь? — удивленно спросил он. Похоже, даже не заметил, в каком виде его гость.

Бинк попытался заговорить, но не получилось. Фениксы не говорят. Их магия — выживать в огне, а не болтать по-человечески.

— Подойди-ка к зеркалу,— сказал Хамфри, поднимаясь.

Бинк подошел. В зеркале появилась картинка. Скорее всего, это зеркало было двойником того, что Бинк разбил,— никаких трещин, свидетельствующих о починке, он не увидел.

Картинка изображала глухоманский лес и Хамелеошу, обнаженную, прекрасную, истекающую кровью, несмотря на тугую повязку из листьев и мха на животе. Перед ней стоял Трент с обнаженным мечом, глядя на приближающегося песиглавца.

— А-а, ясно,— сказал Хамфри.— Злой волшебник вернулся. Очень глупо с его стороны — на этот раз его не изгонят, а казнят. Хорошо, что ты предупредил меня: этот тип опасен. Вижу, он пырнул девчонку мечом, а тебя превратил, но ты сумел улизнуть. Замечательно, что у тебя хватило ума прилететь именно сюда.

Бинк вновь попытался заговорить и вновь тщетно. Тогда он остервенело затанцевал по комнате.

— Еще что-то сказать хочешь? Тогда сюда.— Похожий на гнома волшебник снял с полки какую-то книжку, раскрыл и положил поверх предыдущего тома. Страницы были пусты.— Говори,— сказал он.

Бинк попытался еще раз. Ни звука из себя не выдавил, но увидел, как на странице появляются аккуратные строчки:

«Хамелеоша умирает. Мы должны ее спасти».

— Ну разумеется,— согласился волшебник.— Несколько капелек целебной воды — и все дела. Такса, естественно, обычная. Но сначала надо разобраться со злым волшебником, а значит, нам предстоит сделать крюк до Северянки и прихватить оцепенителя. Моя магия с Трентом не справится!

«Нет! Трент старается спасти Хамелеошу. Он не...»

Хамфри наморщил лоб.

— Говоришь, злой волшебник помогал вам? — удивленно спросил он.— Что-то не верится, Бинк.

Бинк по возможности быстро изложил, какая перемена произошла с Трентом.

— Ладно,— нехотя произнес Хамфри.— Поверю тебе на слово, что в этом случае он действует в твоих интересах. Боюсь, правда, что ты несколько наивен, к тому же не знаю, кто теперь мне заплатит. Пока будем летать в Северянку, Трент так или иначе улизнет. Надо попытаться поймать его, чтобы он предстал перед судом. Он нарушил закон Ксанфа, и заняться им нужно немедленно. Мы ничего не выиграем, если спасем Хамелеошу, но при этом оставим Ксанф на милость рвущегося к власти превращателя.

Бинк хотел объяснить еще многое, но Хамфри не дал. Наверное, он, Бинк, действительно наивен. Как только у злого вол-

шебника выдастся время подумать, он вернется к своей истинной сути. Трент представляет собой большую опасность для Ксанфа. Но он выиграл дуэль, и Бинк, как проигравший, больше не имеет права вмешиваться в его дела. Мысль была коварная, но убедительная. Хорошо бы Тренту удалось скрыться.

Хамфри отвел Бинка в подвал замка, где нацедил из бочонка какой-то жидкости и капельку уронил Бинку на крыло, которое мгновенно исцелилось. Остальное волшебник слил в пузырек и спрятал в жилетный карман.

Потом добрый волшебник залез в чулан и вытащил оттуда ворсистый ковер. Развернул его и уселся, скрестив ноги.

— Забирайся, птичья башка! — сердито бросил он.— Сам-то мигом заблудишься, а тут еще Ирис с ее метеорологическими штучками.

Озадаченный Бинк ступил на ковер, который тут же поднялся в воздух. Бинк, совершенно ошалев, расправил крылья и когтями вцепился в пушистый ворс, чтобы удержаться. Это был ковер-самолет.

Аккуратно вылетев в окно, чудо-коврик взмыл в небо, выровнялся и начал набирать скорость. Бинку, стоящему затылком вперед, пришлось сложить крылья и изо всей силы впиться когтями в ковер — иначе его снесло бы ветром. Он увидел, как в отдалении исчезает из виду замок.

— Сей артефакт я принял несколько лет назад взамен года службы,— светским тоном поведал Хамфри и чихнул.— Прежде он был мне как-то ни к чему, только пыль собирал. Но похоже, пришел его час.— Он посмотрел на Бинка и в сомнении покачал головой: — Значит, говоришь, злой волшебник превратил тебя, чтобы помочь побыстрей добраться до меня? Если да, опусти клюв один раз, если нет — два.

Бинк опустил клюв один раз.

— Но он ранил Хамелеошу?

Еще один кивок. Но все ведь не так просто.

— Но он не хотел убивать ее. На самом деле он хотел прикончить тебя, но подвернулась она?

И вновь Бинку пришлось наклонить клюв. А что еще оставалось делать?

Хамфри покачал головой:

— Легко сожалеть, когда ошибка уже сделана. Но все же до ссылки, насколько помню, сострадание было ему не чуждо. С другой стороны, я сомневаюсь, что он успокоится, пока не добьется своего. Во всяком случае, пока он жив и находится в Ксанфе, ни в чем нельзя быть уверенным. М-да, дело непростое. Следствие должно самым скрупулезным образом изучить все факты.

Следствие. Такое следствие будет для Трента равносильно смерти. Старый король не преминет с корнем вырвать самую страшную угрозу своей хиреющей власти.

— А Трент знает, что с ним будет, когда власти его поймают?

Определенно знает. Бинк снова наклонил клюв.

— А ты? Ты хочешь его погибели?

Бинк энергично клюнул воздух. Дважды.

— А повторного изгнания?

Бинк на секунду задумался и вновь дал отрицательный ответ.

— Ну да, конечно. Без него тебе человеческий облик не вернуть. И этим он будет козырять, затеет торг. В обмен на такую услугу ему, возможно, сохранят жизнь. Но потом отправят в изгнание. Или ослепят.

Ослепят! Что ж, в этом есть своя жестокая логика. Слепой Трент никого превратить не сможет, ему нужно видеть объект. Но какая ужасная участь!

— Вижу, тебя эта мысль тоже не приводит в восторг. Но увы, слишком много поставлено на карту.— Хамфри принялся рассуждать вслух: — И твою-то жизнь отстоять будет непросто: ты у нас тоже нелегальный иммигрант. Но здесь-то мое мнение учтут, надеюсь.— Он нахмурился.— Честно говоря, мне жаль, что Трент попал в такую переделку. Он воистину великий волшебник, и мы с ним всегда ладили, друг другу дорожку не перебегали. Но благо Ксанфа превыше всего.— Он чуть заметно улыбнулся: — После моего гонорара, разумеется.

Ничего особо смешного Бинк не заметил.

— К счастью, мы передаем решение другим. А там будь что будет.

После этих слов волшебник замолчал. А Бинк смотрел на тучи, на сей раз абсолютно реальные. Чем дальше на север летел ковер-самолет, тем гуще и темней они становились. Вот они пролетели над Провалом, и Бинку стало не по себе, даже про крылья забыл — ох и глубоко тут падать! Пролетая через облако, ковер нырнул, вызвав смятение. Похоже, в воздушную яму угодил. Но Хамфри был на вид спокоен — глаза прикрыты, физиономия задумчивая.

Скоро совсем поплохело. Коврик, тварь безмозглая, тупо несся по заданному курсу, даже не стараясь облетать скопища туч. А они выстраивались в грозные черные бастионы и угрожающего вида долины. Сквозняки пробирали до костей. Гроза надвигалась нешуточная, уж точно неиллюзорная. Хоть и не было в ней цветовых переливов и жуткого бурления, как в приснопамятной Ирисовой тучке, эта мрачная простота вселяла не меньший ужас.

Ковер нырнул под тучу — и вот она, Северянка!

Окна королевского дворца были затянуты черным.

— По-моему, свершилось,— заметил Хамфри, когда они приземлились у дворцовых ворот.

Навстречу им вышел деревенский старейшина.

— Волшебник! — воскликнул он.— А мы уж собирались посылать за тобой. Король умер!

— Что ж, тогда надо бы вам избрать преемника,— с кислой миной сказал Хамфри.

— Но никого нет... кроме тебя,— ответил старейшина.

— Дубина! Что значит «никого нет»? Это что, достаточное основание? — возмутился Хамфри.— На кой мне сдался ваш трон? Занудная должность, отнимающая время. Только помешает моим изысканиям.

Но старейшина не сдавался:

— Закон требует, чтобы ты принял должность. Если только не предъявишь нам другого квалифицированного волшебника.

— Да пошел бы ты со своим законом...— Хамфри вдруг призадумался.— У нас есть дело поважнее. Кто тут у вас местоблюститель?

— Роланд. Он занят организацией похорон.

Бинк подскочил. Отец! Но он знал, что отец ни на йоту не отклонится от закона и обычая. Лучше даже и не говорить ему, что его сын вернулся в Ксанф.

Хамфри покосился на Бинка — должно быть, ему пришла в голову та же мысль.

— Кажется, есть у меня для этого дела подходящий фраерок,— сказал добрый волшебник.— Только прежде ему надо разобраться с одной проблемкой.

Бинка передернуло от чрезвычайно неприятного предчувствия.

«Только не я! — порывался крикнуть он, забыв, что лишен дара речи.— Я и не волшебник даже. В делах королевских ничего не смыслю. Мне бы только Хамелеошу спасти».

И еще сделать так, чтобы Трент не попался.

— Однако для начала нужно решить пару других вопросов,— продолжал Хамфри.— Злой волшебник Трент, превращатель, снова в Ксанфе. И одна девушка находится при смерти. Если поторопимся, достанем обоих.

— Трент! — Старейшина был в шоке.— Нашел времечко!

Он побежал во дворец. С рекордной скоростью собрали группу захвата. Местному телепортатору дали точные координаты места, и он принялся по одному перебрасывать туда людей. Первым отправился сам Роланд. Если повезет, он застигнет злого волшебника врасплох, оцепенит его и тем самым обезвредит. Тогда смогут спокойно действовать остальные. Вторым отправился добрый волшебник с пузырьком целебной воды для Хамелеоши. Если еще жива, конечно.

Бинк понял, что, если этот план удастся, Тренту больше никого никогда не превратить. Если злого волшебника по недомыслию казнят прежде, чем он расколдует Бинка, тот навсегда останется фениксом. Хамелеоша будет хоть и здорова, но одна-одинешенька. И вина за все ляжет на его отца. Как избежать такой беды?

Ну, во-первых, план может и провалиться. Трент сумеет превратить и Роланда, и Хамфри. Тогда Бинк, возможно, вернет себе человеческий облик, но Хамелеоша погибнет. Это тоже никуда не годится. А если Трент убежит до появления Ролан-

да? Тогда Хамелеошу излечат, Трент спасет шкуру — но Бинк навсегда останется птицей.

Как бы оно ни обернулось, пострадает кто-то очень дорогой Бинку. А вдруг Хамфри как-нибудь исхитрится и устроит так, чтобы все закончилось благополучно? Но как?

Старейшины исчезали один за другим. Настала очередь Бинка. Телепортатор поднял руку...

Первым делом Бинк увидел труп песиглавца. Должно быть, тварь напала на Трента и нарвалась на его шустрый меч. Повсюду ползали гусеницы, которых раньше здесь не было. Сам Трент замер в сосредоточенной позе, словно чары наводил. А Хамелеоша...

Радостный Бинк подлетел к ней. Она была жива и здорова! Ужасная рана исчезла. Девушка стояла с недоуменным видом.

— Это Бинк,— сказал ей Хамфри.— Он летал тебе за помощью. Едва успел.

— Ой, Бинк! — воскликнула она, взяла его на руки и попыталась прижать к обнаженной груди. Будучи птицей с нежным оперением, Бинк воспринял эту ласку менее восторженно, чем если бы был человеком.— Только ты перемени́сь.

— Боюсь, только превращатель может вернуть ему человеческий облик,— сказал Хамфри.— А превращателю сначала надо предстать перед судом.

И каков будет приговор этого суда? Эх, ну почему Трент не убежал, пока была возможность!

Суд вершился скоро и споро. Старейшины задавали вопросы оцепеневшему волшебнику, который, естественно, не мог ни отвечать на них, ни приводить аргументы в свое оправдание. Хамфри попросил телепортатора принести волшебное зеркало... нет, это был Манли, церемониймейстер на процессе Бинка. Но он же сам старейшина... Птичьих мозгов не хватало разобраться в этих тонкостях. Своим талантом Манли перенес этот небольшой предмет из замка Хамфри прямо себе в руки и теперь держал зеркало так, чтобы всем было видно.

В зеркале отражались сцены из путешествий нашей троицы по Ксанфу. Постепенно события прояснились, хотя талант Бинка остался необнаруженным. Зеркало показало, как каж-

дый помогал остальным уцелеть в Глухомани, как они очутились в замке Ругна — в этом месте присутствующие разразились удивленными восклицаниями, поскольку никто не подозревал, что это древнее, легендарное, почти мифическое сооружение сохранилось по сей день. Как они сражались с роем вжиков — это вызвало совсем иную реакцию. Наконец, как Бинк сражался с Трентом на дуэли. Как вмешалась в дело чародейка Ирис. И — тут уж Бинк не знал, куда деваться от стыда и гнева,— как они любились с Хамелеошей. Зеркало не ведало пощады.

В целом эти картинки создавали не самое выгодное представление о Тренте, поскольку были бессловесны.

«Но все было совсем не так! — пытался выкрикнуть Бинк.— Он превосходный человек. И очень правильно все понимает. Если бы он не пожалел Хамелеошу и меня, он бы уже покорил Ксанф».

Картина замерла на последнем эпизоде дуэли: вот Трент наносит Бинку рану и готов нанести смертельный удар, но замирает на месте.

«Вот видите?! Он не стал добивать меня. Он не злой. Теперь уже не злой!»

Но никто его не слышал. Старейшины обменялись взглядами, мрачно кивая. Были среди них отец Бинка Роланд и друг семьи Манли. Никто не проронил ни слова.

А зеркало уже показывало, что произошло после того, как Бинк улетел. Монстры Глухомани, почуяв свежую кровь, слетелись, словно мухи на мед. Трент едва успел наложить Хамелеоше повязку, как угрозы эти сделались вполне ощутимыми. Он встал перед ней с мечом в руках, отпугивал одних хищников, а других, что понаглее, превращал в гусениц. Два песиглавца напали одновременно; первый стал гусеницей, а второго настиг меч Трента. Волшебник, верный себе, убивал только по необходимости.

«Он уже тогда мог убежать,— безмолвно закричал Бинк.— Оставил бы Хамелеошу на растерзание монстрам и ушел в волшебную чащу. Никто бы его там не достал — а он любого достал бы первым! Он стал хорошим».

Но Бинк знал, что не в состоянии заступиться за этого хорошего человека. Хамелеоша, увы, была для этого слишком глупа, а Хамфри многого не знал.

Потом зеркало показало, как появился Роланд, по-своему столь же сильный и красивый, как злой волшебник, только чуть постарше. Он появился спиной к волшебнику — и к наползающему исполинскому змею о двух головах. Вглядываясь в раскинувшиеся перед ним джунгли и остерегаясь близрастущей путаны, Роланд не видел ни волшебника, ни змея.

В зеркале Трент кинулся на хвост чудища, схватил змея голыми руками, заставив яростно выгнуться и напасть. И резко превратиться в гусеницу. Двуглавую.

Роланд стремительно развернулся. Какое-то мгновение оба мужчины смотрели в глаза друг другу. На таком расстоянии их мощные таланты были равносильны. Как же они похожи! Роланд прищурился, и Трент замер на месте. Оцепенитель опередил превращателя.

Или как?

«Трент ведь и не пытался сопротивляться,— терзаясь от бессилия, думал Бинк.— Вместо змея он мог бы превратить отца. Или просто не мешать змею».

— Старейшины, вы все видели? — почтительно осведомился Хамфри.

«Если бы мне пришлось заплатить за корону жизнью Трента, я бы отказался»,— лихорадочно думал Бинк. Это же не суд, а фарс какой-то. Тренту так и не дали слова, возможности высказать очень убедительный тезис о вреде, который причиняет магия человеческому населению Ксанфа, или об угрозе нападения со стороны Обыкновении. Не намерены ли они избавиться от него тем же манером, как когда-то отправили в изгнание самого Бинка,— бездумно, тупо следуя букве закона, не вдаваясь в смысл, скрытый за фактами?

Старейшины с серьезным видом переглянулись. Каждый медленно, со значением кивнул.

«Дайте ему хотя бы высказаться!» — беззвучно кричал Бинк.

— Тогда я рекомендовал бы снять с него чары,— сказал Хамфри.— Согласно нашему обычаю, на момент оглашения при-

говора подсудимый должен быть свободен от магических воздействий.

Слава богу!

Роланд щелкнул пальцами. Трент пошевелился.

— Благодарю вас, почтенные старейшины Ксанфа,— учтиво сказал он.— Ваш суд был справедлив, и я готов принять ваше решение.

Трент и не думает защищаться. Это омерзительно пристрастное, бессловесное разбирательство, пустой ритуал, чтобы придать видимость законности приговору, вынесенному в кулуарах,— да как он может смиряться с решениями такого судилища?!

— Мы признаем тебя виновным в самовольном возвращении из изгнания,— сказал Роланд.— За это тяжкое преступление закон предусматривает смертную казнь. Но мы оказались в непредвиденной ситуации. Да и ты уже не тот, каким мы тебя знали. Смелости, ума и сильной магии тебе и тогда было не занимать, теперь же к ним прибавились верность, честь и милосердие. Я не забыл и того, что ты пощадил моего сына, который по неразумию бросил тебе вызов, и защитил его избранницу от диких зверей. Да, во всем этом есть и твоя вина, но ты искупил ее. И посему мы отменяем установленное законом наказание и позволяем тебе остаться в Ксанфе, но на двух условиях.

Они не намерены убивать Трента! Бинк от радости чуть не пустился в пляс. Но тут же понял, что старейшины введут самые жесткие меры, чтобы пресечь малейшую возможность захвата престола злым волшебником. Хамфри ведь говорил, что его могут ослепить, чтобы он не мог пользоваться своей магией. Уж кто-кто, а Бинк имел представление, что это такое — жить без магии. Тренту придется зарабатывать на жизнь каким-нибудь простым ручным трудом, влача остаток дней в нищете и безвестности. Большинство старейшин — люди пожилые, но это еще не означает, что они снисходительны. Ни один гражданин Ксанфа, если он не законченный идиот, не рискнет вызвать их неудовольствие дважды.

Трент склонил голову:

— От души благодарю вас, старейшины, и смиренно принимаю ваши условия. В чем они заключаются?

И это все, что он может сказать?! С выдающимся человеком обращаются как с заурядным преступником, вынуждают согласиться на самые жестокие условия — а он даже не протестует!

— Во-первых, ты должен жениться,— сказал Роланд.

Трент в изумлении поднял взгляд:

— Я еще могу понять требование аннулировать все прошлые превращения и впредь не практиковать свою магию. Но при чем здесь брак?

— Дерзишь,— мрачно заметил Роланд.

А Бинк подумал: «Трент ничего не понял. Им и не понадобится ограничивать его магию — если они лишат его зрения. Он будет беспомощен».

— Прошу извинения, старейшина. Я женюсь. Каково второе условие?

Вот оно! Как Бинку хотелось заткнуть уши, будто неуслышанный приговор силы не имеет. Но увы, его магический талант заключался не в этом.

— Чтобы ты принял корону Ксанфа.

От изумления у Бинка клюв отвис. А у Хамелеоши — челюсть. Трент застыл, будто его снова оцепенили.

Роланд преклонил колено и медленно опустился на землю. Его примеру молча последовали остальные старейшины.

— Старый король, видишь ли, склеил ласты,— пояснил Хамфри.— Крайне важно, чтобы вакантную должность занял сильный маг и хороший человек, который умеет повелевать, но при этом не зарывается, способен видеть перспективу и может жестко и беспощадно защищать интересы Ксанфа, если случится нашествие вжиков или еще какая беда. И чтобы мог подарить Ксанфу наследника престола, чтобы отечество не оказалось в том трудном положении, из которого мы только что вышли. Любить такого монарха не обязательно, но иметь его необходимо. Я для этой должности никак не подхожу, ибо не могу уделять должного внимания государственным делам. Чародейка Ирис не годится, потому что, во-первых, женщина, а во-вторых, совсем безбашенная. Есть и еще один человечек, имеющий уровень волшебника, но ни по складу личности, ни по направ-

ленности таланта он в короли Ксанфа не годится. Стало быть, волшебник, Ксанфу нужен именно ты. Отказаться ты не можешь.

И Хамфри тоже преклонил колено.

Злой волшебник — нет, уже не злой! — склонил голову, молча принимая второе условие. Он все-таки покорил Ксанф.

Его короновали роскошно и пышно. Парадом — с феерической четкостью — промаршировал эскадрон кентавров. Со всего Ксанфа собрались люди и разумные животные. Волшебник Трент, а ныне король-превращатель принял одновременно и корону, и невесту. Сияли обе.

Не обошлось, разумеется, без язвительных шепотков в толпе зрителей. Но большинство граждан одобрили королевский выбор:

— Даже если она окажется слишком стара для деторождения, они могут усыновить мальчика с задатками волшебника...

— А кто еще с этой оторвой справится? Да и ему неплохо будет, по крайней мере, от однообразия не свихнется...

— И для Ксанфа польза — теперь уж ничто нам не грозит...

О других опасностях, внешних и внутренних, они и не подозревали.

Бинк, вновь обретший человеческий облик, держался особняком, глядя на то место, где совсем недавно стоял Джустин-дерево. Он был рад за Трента и не сомневался, что из того получится замечательный король. И все же его терзало разочарование, неизбежное после столь бурных событий. Куда теперь податься?

Понуро, с опущенными головами прошли трое юнцов: Пшик, Зяма и Керогаз. Понимают, что дни лихих забав умчались безвозвратно. При новом-то короле придется вести себя смирно — не ровен час, превратит в кого-нибудь.

Подтрусили два кентавра.

— Как я рада тебя видеть, Бинк! — воскликнула Чери.— Правда, здорово, что тебя не изгнали! — Она подтолкнула своего спутника: — Да, Честер?

Тот изобразил на физиономии натужную улыбочку.

— А то,— промямлил он.

— Ты бы как-нибудь заглянул в гости,— жизнерадостно продолжила Чери.— Честер так часто о тебе вспоминает.

Честер свел мощные ладони, будто душил кого-то, и бряк-нул уже повеселей:

— А то!

Бинк сменил тему:

— А знаете, я в Глухомани повстречал Германа-отшельника. Он погиб героически. С помощью своей магии...— Бинк осекся, вспомнив, что у кентавров магия считается непристойной. Скорей всего, это изменится, когда Трент предаст огласке то, что узнал в архивах замка Ругна.— Он организовал битву, в которой был уничтожен целый рой вжиков, не успевший заполонить весь Ксанф. Надеюсь, имя Германа будет почитаться в вашем народе.

Честер, как ни странно, улыбнулся.

— Герман был моим дядей,— сказал он.— Выдающаяся личность. Помнится, в жеребячестве меня все подкалывали насчет его изгнания. Так, говоришь, он теперь герой?

Чери поджала губы.

— В присутствии кобылок о неприличных вещах не говорят,— заметила она Честеру.— Пойдем.

И пришлось ему отправиться с ней. Но на прощание он оглянулся.

— А то! — сказал он.— Ты давай, в натуре, заруливай к нам. Расскажешь всем, как там дядя Герман Ксанф спасал.

Они ушли, а Бинку вдруг стало очень хорошо. Вот уж никак не ожидал, что у него с Честером окажется что-то общее. Но он был рад, что все так получилось. Он и сам прекрасно знал, каково это, когда тебя дразнят за недостаток, который и недостатком-то является только в чьем-то воображении. И ему очень хотелось рассказать благодарной публике о Германе, магическом кентавре-отшельнике.

К нему подошла Сабрина, прекрасная, как и раньше.

— Бинк, прости меня за то, что было,— сказала она.— Но теперь, когда все выяснилось...

До чего она похожа на Хамелеошу в ее красивой фазе. К тому же умна. Завидная невеста для любого. Почти любого. Те-

перь-то Бинк знает ей цену. Его талант не дал ему жениться на ней — тем, что не проявился. Ай да умница талант!

Он огляделся и увидел нового телохранителя, нанятого Трентом по рекомендации Бинка. Этот человек мог точно указать местоположение чего бы то ни было, включая еще не проявившуюся опасность. В роскошном парадном мундире, с потрясающей выправкой, солдат выглядел чрезвычайно импозантно.

— Кромби! — окликнул Бинк.

Тот подошел, печатая шаг:

— Бинк, здорово! Я при исполнении, так что поболтать не получится. А в чем дело?

— Просто хотел познакомить тебя с этой очаровательной дамой, Сабриной,— сказал Бинк.— Она делает очень милые голограммы прямо в воздухе.— Он обернулся к Сабрине: — А это Кромби, славный малый и отличный солдат, отмеченный самим королем. Правда, он не особо доверяет женщинам. По-моему, он просто не с теми водился. Думаю, вам следует получше узнать друг друга.

— Но мне казалось...— начала она.

Кромби глядел на нее с несколько циничным интересом. Она ответила ему таким же взглядом. Он оценивал ее физические данные, и правда превосходные, а она прикидывала, каково его положение при дворе, тоже превосходное. Бинк не знал, то ли он сейчас совершил благородный поступок, то ли подбросил мешок с бамбуховыми вишнями в очко сортира. Время покажет.

— Прошай, Сабрина,— сказал Бинк и отвернулся.

Король Трент вызвал Бинка на аудиенцию.

— Извини, что долго не посылал за тобой,— сказал он, когда они остались одни.— Прежде нужно было решить кой-какие вопросы.

— Коронация. Свадьба,— подхватил Бинк.

— И это тоже. Но главное, нужно было самому внутренне перестроиться. Сам же знаешь, корона свалилась мне на голову несколько неожиданно.

Еще бы не знать!

— Позволь спросить, государь...

— Почему я не бросил Хамелеошу и не убежал в лес? Только тебе, Бинк, я отвечу откровенно. Помимо моральной стороны дела, о которой, кстати, я ни на секунду не забывал, я произвел кой-какие расчеты, просчитал вероятность, как это называется в Обыкновении. Когда ты улетел в замок доброго волшебника, я оценил твои шансы на успех как три к одному в твою пользу. Если бы у тебя ничего не вышло, бросать Хамелеошу мне все равно смысла не было — мне же в этом случае ничего не грозило. Я знал, что Ксанфу нужен новый король, поскольку Шторм был уже не жилец. Вероятность, что старейшины найдут волшебника, более подходящего на эту должность, чем я, составляла, наоборот, один против трех. И так далее. В целом мои шансы получить корону, просто оставаясь на месте, были девять из шестнадцати, тогда как вероятность казни — всего три шестнадцатых. Шансы чуть более благоприятные, чем шансы в одиночку выжить в Глухомани, составлявшие примерно один к одному. Понял?

Бинк покачал головой:

— Все эти числа... что-то мне...

— Тогда просто поверь на слово, что решение мое было логически оправданным. Так сказать, разумный риск. Хамфри был моим другом, и я не сомневался, что он меня не предаст. Он знал, что я просчитал все варианты, но ничего против не имел, потому что Ксанфу как раз и нужен такой расчетливый делец на троне, и он отдавал себе в этом полный отчет и принял мою игру. На суде, правда, я пережил несколько крайне тревожных минут. Этот Роланд вогнал-таки меня в пот.

— Меня тоже,— признался Бинк.

— Однако и при неблагоприятных шансах я поступил бы точно так же.— Трент нахмурился: — Но я повелеваю тебе хранить молчание об этой моей слабости. Народу не нужен король, способный поддаться личным чувствам и переживаниям.

— Слушаюсь и повинуюсь,— сказал Бинк, хотя в душе и не считал это большим недостатком. В конце концов, волшебник спас не кого-то там, а Хамелеошу.

— А теперь к делу,— сухо произнес король.— Само собой разумеется, я дарую тебе и Хамелеоше королевское соизволение проживать в Ксанфе и освобождаю от наказания за само-

вольное возвращение из ссылки. Нет, твой отец тут ни при чем. Я и представления не имел, что ты сын Роланда, пока не пригляделся и не обнаружил явного семейного сходства. О тебе он и словом не обмолвился. Не стал пользоваться служебным положением в личных целях. Что ж, похвально. Уверяю тебя, в новом правительстве он получит ответственный пост. Но я отвлекся. Отныне не будет ни изгнаний, ни ограничений на иммиграцию из Обыкновении — разумеется, если эта иммиграция не будет осуществляться вооруженным путем. Это означает, что ты освобождаешься от обязанности публично продемонстрировать свой талант. Кроме нас с тобой, никто в Ксанфе не знает, в чем он заключается. Правда, свое открытие я сделал в присутствии Хамелеоши, но что-то усвоить она тогда не могла. Хамфри же знает только, что твоя магия на уровне волшебника. Так что это останется нашей с тобой тайной.

— Ну, я не возражал бы...

— Бинк, ты недопонимаешь. Необходимо, чтобы сущность твоего таланта оставалась для всех неведомой. Такова уж его природа — он должен быть тайным. Раскрыть его — значит существенно ослабить. Поэтому он так тщательно себя оберегает. Верно, и мне было позволено раскрыть его лишь для того, чтобы надежнее сберечь тайну от других, что, собственно, я и намерен делать. Больше никто ничего не узнает.

— Да, но...

— Вижу, ты еще не понял. Твой талант замечателен и очень тонок. В целом это дар класса волшебника, равносильный самой мощной ксанфской магии. Все прочие жители Ксанфа, будь то волшебники или мастера наводить тень на плетень или вялить чужие уши, уязвимы для той магии, которую не практикуют сами. Ирис можно превратить, меня можно оцепенить, Хамфри — устрашить иллюзией. И только ты надежно защищен от любого вида магии. Тебя можно одурачить, устыдить, поставить в чрезвычайно неловкое положение, но нанести реальный физический урон — никогда. Тотальная защита.

— Да, но...

— Более того, мы даже не знаем, где ее предел. К примеру, ты возвратился в Ксанф и при этом не раскрыл свой талант никому из тех, кто мог бы сказать о нем другим. Да все наше при-

ключение вполне может оказаться всего-навсего проявлением одной только грани твоего таланта. А мы с Хамелеошей были только инструментами твоей безопасной доставки в Ксанф. В одиночку ты застрял бы в замке Ругна или позволил вжикам себя продырявить. Поэтому понадобился я — чтобы, так сказать, выстелить тебе дорожку. Не исключено, что твой талант защитил тебя даже от моего обыкновенного меча, подведя под удар Хамелеошу. Я обнаружил твой талант во многом благодаря своему — через его воздействие на мою собственную магию. Поскольку я первоклассный волшебник, он не мог совсем погасить ее, но сумел тебя защитить. Он не смог помешать мне ранить тебя и тогда начал помогать мне: стараясь притушить нашу ссору, он сделал меня королем Ксанфа, причем таким способом, чтобы ты не мог с этим не согласиться. Не исключено, что именно твой талант переменил мой образ мыслей и тем самым не дал убить тебя. Отсюда и мой вывод, что он намеренно позволил мне познать его природу, чтобы это знание глубочайшим образом изменило мое отношение к тебе и к твоей личной безопасности.

Трент сделал паузу, но Бинк промолчал. Король так его загрузил — сразу и не переваришь. Сам-то он считал свой талант ограниченным, никак не затрагивающим тех, кто небезразличен ему самому. Похоже, недооценил.

— Вот видишь,— продолжил Трент.— Даже мое воцарение может оказаться всего лишь наиболее удобной формой обеспечения *твоего* благополучия. А вдруг и ссылка твоя, и столь своевременная кончина короля Шторма — лишь составные части твоего магического ребуса? Если бы тебя не изгнали, я не попал бы в Ксанф — причем без армии, но в твоем обществе. Ни за что не взялся бы утверждать, что попал в такой переплет по чистой случайности: твой талант умеет весьма изящно воспользоваться любым случаем. Я не хочу что-либо предпринимать против тебя и уподобляться моему предшественнику, который, не исключено, заболел и умер как раз оттого, что поступил вопреки твоим интересам. Нет, Бинк, если бы я уже не был твоим другом, то даже и не помыслил бы становиться твоим врагом. Поэтому я стану сознательным хранителем твоей тайны и, насколько смогу, гарантом твоего благополучия. Зная твои чув-

ства к Ксанфу, я приложу все силы, чтобы стать выдающимся королем, привести страну к Золотому веку, чтобы ты прямо или косвенно не страдал от моих промахов. Теперь-то понял?

Бинк кивнул.

— Похоже на то, государь.

Трент встал и сердечно похлопал его по спине.

— Отлично! Пусть все устроится наилучшим образом.— Он помолчал, видимо подумав о чем-то другом.— Бинк, а ты уже решил, чем будешь заниматься? Готов предложить тебе все, кроме короны, хотя и она в свое время достанется тебе, если только...

— Нет! — воскликнул Бинк. Но, увидев широкую ухмылку на лице Трента, быстро дал задний ход: — В смысле, да... Я подумал о работе. Я... ты как-то говорил...

— Да ты, похоже, слушал невнимательно. Ты получишь все, что пожелаешь, если только это в моей власти. Но мой талант — превращения, а не прорицания. Поэтому давай выкладывай!

— Ну, тогда, в Глухомани, когда мы ждали, пока Хамелеоша... В общем, до вжиков... Мы говорили о тайне...

Трент поднял царственную длань:

— Все, молчи. Сим назначаю тебя, Бинк из Северной деревни, главным исследователем Ксанфа. Твоей обязанностью будет изучение всех тайн магии в любое время, в любом месте и в той степени, в коей ты сам сочтешь нужным. Свои отчеты ты будешь направлять непосредственно мне для последующей передачи в королевский архив. Твой скрытый талант дает тебе уникальную возможность проникать в самые запретные уголки Ксанфа. Тайный волшебник в охране не нуждается. Давно пора закрасить белые пятна на лике Ксанфа. И твоим первым заданием будет открытие истинного источника магии Ксанфа.

— Я... в смысле, благодарю тебя, о государь,— искренне сказал Бинк.— Честно говоря, мне эта должность нравится куда больше, чем должность короля.

— Ты и представить себе не можешь, как приятно мне это слышать,— с улыбкой сказал Трент.— А теперь пошли по бабам.

Телепортатор мгновенно перенес их к главным воротам замка Ругна. Подъемный мост был отремонтирован и теперь блистал надраенной бронзой и полированным деревом. Ров очи-

стили, наполнили водой и чудищами отборных кровей. Решетка ворот блистала зубцами, на бастионах реяли вымпелы. Замок предстал во всем своем воскрешенном величии.

Бинк поглядел на нечто не вполне ему знакомое, вон там, сбоку от моста. Уж не кладбище ли? Там ползло что-то белое, как кость, влача за собой лохмотья. Ой!

Земля разверзлась. Весело помахав им на прощание, зомби исчез в могиле.

— Покойся с миром,— тихо проговорил Трент.— Я свое слово сдержал.

А если бы не сдержал? Тогда зомби пришли бы к замку требовать выполнения обещанного? Но как раз эту тайну Бинк исследовать не хотел.

Они вошли в замок. Все шестеро призраков встречали их в главном зале, имея при этом вполне человеческий вид. Милли по-быстрому испарилась, дабы известить королеву о прибытии венценосного супруга.

Ирис и Хамелеоша появились одновременно, в лучших нарядах из гардеробных замка. Чародейка была в своем натуральном облике, но одета и причесана с таким вкусом, что казалась очень миленькой. Хамелеоша же приближалась к средней фазе, а потому была весьма заурядна физически и умственно.

Королева даже не изображала нежных чувств к супругу. Как и планировалось, это был чистый брак по расчету. Но ее радость от своего нового положения и от чудесного замка были неподдельны.

— Как здесь замечательно! — воскликнула Ирис.— Хамелеоша мне все тут показала, а призраки помогли с туалетами. Ах, какие объемы, какие интерьеры! Всю жизнь мечтала о таком великолепии! А главное — все настоящее! Замок так хочет нам понравиться! Не сомневаюсь, жить здесь будет удобно.

— Вот и славно,— без улыбки отозвался Трент.— А теперь сделай милое лицо: у нас гости.

Женщину средних лет мгновенно сменила умопомрачительная юная красотка в глубоком декольте.

— Мне просто не хотелось смущать Хамелеошу... средняя фаза, понимаешь ли.

— Ты, душа моя, не смутишь Хамелеошу ни в какой фазе. А теперь извинись перед Бинком.

Ирис отколола такой книксен, что у Бинка дух захватило. Она была готова на все, лишь бы только остаться королевой. И человеком. Трент мог запросто превратить ее в жабу рогатую... или в то божественное создание, каким она казалась сейчас. Он даже мог сделать ее молодой и зачать с ней ребенка, наследника престола. Трент был *хозяином,* а у Ирис, судя по всему, не имелось ни малейшего намерения оспаривать это.

— Бинк, прости меня, умоляю. Ох и занесло меня тогда, во время дуэли... и после. Но я же не знала, что ты приведешь старейшин, а они провозгласят Трента королем.

Бинк тоже этого не знал.

— Да ладно тебе, государыня,— смущенно проговорил он. Поглядел на Хамелеошу. Как она сейчас похожа на Нусу, ту самую Нусу, которая ему сразу приглянулась, несмотря на все предостережения Кромби! И вдруг он застеснялся до обморока.

— Ну давай, смелее! — шепнул ему на ухо Трент.— Сейчас она все поймет как надо.

А Бинк задумался о том, насколько же тесно его приключение сплелось с поиском Хамелеоши — поиском чар, которые избавили бы ее от вечной синусоиды обликов и состояний. Хотя она исключительно хороша и своеобразна такая, какая есть. А сколько людей вот так вот тратят целую жизнь в поисках собственного, личного чуда, чего-то приятного и выгодного: серебряного дуба, политической власти, незаслуженной славы, когда на самом деле им нужно всего-то по достоинству оценить то, что у них уже есть, и этим удовлетвориться. Иногда то, что у них есть, намного лучше того, к чему они так рвутся. Хамелеоша вот думала, что хочет быть обыкновенной; Трент думал, что хочет силой захватить трон; а сам Бинк думал, что очень хочет получить магический талант, который можно было бы выставить на всеобщее обозрение. Каждый думает, что чего-то хочет. Но оказалось, что истинная миссия Бинка заключалась в том, чтобы сохранить и Хамелеошу, и Трента, и себя самого такими, какие они есть,— и заставить весь Ксанф принять их такими.

Он не захотел воспользоваться глупой фазой Хамелеоши. Он хотел точно знать, что она понимает все последствия того, что он... что он...

Немилосердно зачесалось в носу. И Бинк, к своему великому стыду, оглушительно чихнул.

Ирис подтолкнула Хамелеошу локтем.

— Да, Бинк, я согласна стать твоей женой,— сказала Хамелеоша.

Трент расхохотался. А потом Бинк целовал ее — свою обыкновенную необыкновенную девчонку. Она все-таки нашла свои чары — и околдовала ими Бинка. Имя этим чарам — любовь.

И тут Бинк понял смысл знамения: он сам и есть тот стрекоястреб, что унес Хамелеошу. И теперь уж ей век свободы не видать!

Источник магии

Глава 1

СКЕЛЕТ В ЧУЛАНЕ

Нюхач магии бросился к Бинку, непрерывно пошевеливая своим тоненьким гибким носом. Подбежав к нему, зверек впал в неистовый восторг — он стал издавать звуки, напоминающие флейту, вилять своим пушистым хвостом и скакать вокруг Бинка кругами.

— Ну-ну, я тоже тебя люблю,— сказал Бинк, присаживаясь на корточки и обнимая зверушку. Зверек ткнулся ему в лицо влажным носом.— Ты ведь первый поверил в мою магию, когда...

Бинк умолк на полуслове, потому что зверек вдруг начал очень странно себя вести. Он перестал резвиться и насторожился, будто чего-то испугался.

— Что случилось, дружище? — заботливо поинтересовался Бинк.— Я что, обидел тебя? Тогда, брат, извини!

Но нюхач поджал хвост и засеменил в сторону. Бинк озадаченно посмотрел ему вслед. Складывалось впечатление, что его магия исчезла и потому зверек потерял к нему всякий интерес. Но магический талант Бинка, как, впрочем, и у всех остальных, был прирожденным и не мог исчезнуть сам по себе, пока Бинк жив. Должно быть, зверушку просто что-то напугало.

Бинк настороженно огляделся по сторонам. На востоке простирался сад замка Ругна, где росли всякие экзотические фрукты и овощи, а заодно и всевозможные штуки, такие как бамбуковые вишни и дверные ручки. К югу лежала необжитая Глухомань Ксанфа. Бинк вспомнил, как в прошлом эти джунгли

© Перевод С. Буренина.

подгоняли его быстрее добраться до замка,— тогда они казались ему такими опасными. Теперь почти все деревья выглядели очень дружелюбными. Они хотели, чтобы волшебник остался и сделал замок Ругна опять великим. Король Трент осуществил это. И теперь силы этих мест служили на пользу королевству. Казалось, ничто не нарушает заведенный порядок.

Ну ладно, пора и за дело. Сегодня вечером будет бал, а у Бинка совсем износились башмаки. Он направился на окраину сада, где росло раскидистое башмачное дерево. Туфли по своей природе любят странствовать и часто оседают в самых непредсказуемых местах.

На дереве отыскалось несколько пар спелых башмаков. Бинк, не срывая с веток, осмотрел башмаки и выбрал подходящую пару. Потом он сорвал с дерева выбранные башмаки, вытряхнул из них семечки и надел их. Они оказались очень удобными и, как и положено свежим вещам, прекрасно выглядели.

Осторожно ступая, чтобы разносить, но не попортить башмаки, Бинк направился к дому. Странное происшествие с нюхачом не выходило у него из головы. Было ли это предзнаменованием? Здесь, в Ксанфе, предзнаменования всегда сбывались, вот только редко удавалось их заблаговременно правильно понять. Может, ему грозит какая-то неприятность? Маловероятно. Бинк твердо знал, что можно без преувеличения считать: какая-нибудь неприятность с ним может случиться, только если серьезная беда обрушится на весь Ксанф. Так что, скорее всего, он что-то не так понял. Может, у зверушки просто расстройство желудка, вот она и бросилась искать подходящий кустик.

Вскоре показался и дом Бинка. Это был великолепный сырный коттедж, расположенный на самой границе владений замка. Бинк переехал сюда сразу же после свадьбы. Корочка сыра давно затвердела и потеряла большую часть своего былого аромата. Стены дома были из окаменевшего мелкозернистого сыра желтовато-сливочного цвета. Внутри дом отличался большим вкусом и был, наверное, лучшим из всех существующих жилищ, но так как Бинк не сам выедал дом, то считал, что бахвалиться этим он не вправе.

Бинк глубоко вздохнул, собрался с духом и открыл корочку-дверь своего дома. Вместе с ударившим в нос сладковатым ароматом выдержанного сыра его встретили яростные вопли:

— Это ты, что ли, Бинк! Наконец-то! Где тебя носит, когда дома дел невпроворот? Совсем уже на все наплевал!

— Мне нужны были башмаки,— коротко отозвался он.

— Башмаки! — иронически воскликнула она.— Да у тебя же они и так есть, идиот!

В данный момент его жена была намного умнее его. Умственные способности Хамелеоши, так же как и ее внешность, менялись в течение месяца. Будучи прекрасной, она была глупой, причем и то и другое доходило до крайности. Когда же она была умной, то становилась полным уродом. В данный момент Хамелеоша была на пике своего уродливого периода. Это было одной из причин, по которой она не высовывала носа из дома, буквально заточившись в своей комнате.

— Для сегодняшнего вечера мне нужны красивые,— возразил Бинк, с трудом сохраняя терпение.

Он тут же пожалел о сказанном — в данный момент любое упоминание о красоте приводило жену в ярость.

— С чего это, дурень ты безмозглый?

Бинку очень не хотелось, чтобы она подчеркивала свое умственное превосходство. Обычно у нее хватало ума не делать этого. Бинк был согласен, что он не гений, но полным тупицей он себя тоже не считал. Вот *она-то* как раз и являлась тем и другим попеременно.

— Мне надо быть на юбилейном балу,— пояснил он, подумав, что она это и так знает.— Если я появлюсь там неряхой, это оскорбит королеву.

— Полный придурок! — взвыла Хамелеоша из своего убежища.— Ты же там должен быть в маскарадном костюме! Никто и не заметит твоих вонючих башмаков!

Опа! А ведь она права! Все его старания были совершенно напрасны!

— Ты, как всегда, думаешь только о себе,— продолжала она, распаляясь праведным гневом.— Болтаешься по всяким вечеринкам, в то время как я должна сидеть дома и грызть стены.

Последнее замечание было буквальным — сыр, из которого были сделаны стены коттеджа, состарился и затвердел, но в злости она его грызла, а на данный момент злость почти не покидала ее.

И все же он старался смотреть на вещи непредвзято. Они были женаты около года, и он любил Хамелеошу. И Бинк с самого начала знал, что будут счастливые времена, будут и тяжелые. Сейчас наступили тяжелые. Очень тяжелые!

— Почему бы тебе не пойти вместе со мной, дорогая?

Последовала необузданная вспышка гнева.

— Мне?! В таком-то виде! Прибереги свое остроумие для кого-нибудь другого!

— Но ты же только что сама напомнила мне, что это маскарад! Каждого гостя королева нарядит по своему вкусу. Так что никто не увидит...

— Да ты и впрямь пустой пузырь! — взвизгнула она за стеной, и Бинк услышал, как что-то разбилось. Теперь она уже в полной ярости швыряла все, что попадет под руку.— Да какой бы ни был костюм! Как я могу пойти на бал, когда я на девятом месяце?!

Вот это-то и злило ее по-настоящему. Не период умной уродины, с которым за свою жизнь она уже свыклась, а неудобства и ограничения, вызванные беременностью, выводили ее из себя. Бинк научился гасить такие вспышки гнева, когда она была в фазе глупой красавицы, но, становясь умной, она и слышать не хотела никаких увещеваний. Она очень боялась, что ребенок уродится в нее... или в него. Ей очень хотелось найти заклинание, которое обеспечило бы ее ребенку какой-нибудь хороший или, в крайнем случае, нормальный талант. А на данный момент это было делом случая. Она очень болезненно воспринимала такое положение дел и никак не могла простить это Бинку. Чем умнее она становилась и чем больше становился срок ее беременности, тем труднее ей было справиться со своим гневом.

Ну ничего, скоро она минует пик своего безобразия и с каждым днем, приближаясь к родам, будет становиться все красивей. Роды должны произойти где-нибудь через недельку. Возможно, ребенок родится нормальным, а может, у него будет очень сильный и полезный талант, тогда страхи Хамелеоши бесследно исчезнут. И она тут же прекратит вымещать на нем свою злость.

А вот если ребенок окажется ненормальным... Но об этом лучше и не думать.

— Извини, я совсем забыл,— пробормотал он.

— Ты забыл! — Прозвучавшая в ее голосе ирония пронзила его, как волшебный меч — стены коттеджа.— Идиот! Конечно, тебе очень хотелось бы это забыть! А почему ты не думал об этом в прошлом году, когда...

— Слушай, Хамелеоша, мне пора идти,— пробормотал он, поспешно отступая к двери.— Королева очень не любит, когда к ней в гости опаздывают.

На самом деле, похоже, сама женская природа заставляет женщин сердиться на мужчин и обрушивать на них свой гнев. Именно это и отличает их от нимф, которые выглядят вполне как женщины, но очень терпимы ко всем беспечным мужским прихотям. Бинк подумал, что его еще можно считать счастливчиком, ведь его жена не обладает каким-нибудь опасным талантом, как, например, извергать на людей пламя или обрушивать гром и молнии.

— С чего вдруг королева вздумала нынче устроить эту свою глупую, занудную, никому не нужную вечеринку? Именно теперь, когда она прекрасно знает, что я не смогу на нее пойти? — вопрошала Хамелеоша.

Ох уж эта женская логика! Стоит ли даже пытаться постичь ее? Вся мудрость Ксанфа не сможет найти смысла там, где его никогда и не было. Бинк закрыл за собой дверь.

В сущности, все вопросы Хамелеоши были чисто риторическими. Они оба прекрасно знали ответы на них. Королева Ирис не упускала случая напомнить о своем нынешнем положении, а сегодня как раз и была первая годовщина этого ее нового положения. Официально бал устраивался в честь короля Трента, но тот не любил показухи и наверняка пропустит это торжество. На самом же деле бал предназначался для королевы, и горе тому царедворцу, который вздумает улизнуть и пренебречь торжеством. А Бинк как раз и был одним из царедворцев.

И почему все так получается? — спрашивал себя Бинк, угрюмо тащась в сторону дворца. Он должен бы быть очень важной персоной, королевским исследователем Ксанфа, ему полагается разгадывать загадки магии и докладывать о своих изысканиях лично королю. Но из-за беременности Хамелеоши и необходимости устроить свои домашние дела у него не доходи-

ли руки до каких-нибудь мало-мальски важных исследований. В действительности винить за это ему следовало только самого себя. Он должен был предвидеть, к каким последствиям приведет беременность Хамелеоши. На данный момент грядущее отцовство занимало его меньше всего. Но Хамелеоша в своей прекрасно-глупой фазе способна вскружить голову любому мужчине и довести его до... Да какое это теперь имеет значение!

Эх, тоска о прошедших временах! Ах, времена, когда любовь была в новинку, была беззаботной и бесхитростной, когда от него не требовалось никакой ответственности! В своей прекрасно-глупой фазе Хамелеоша была совсем как нимфа...

Нет, это заблуждение. Его жизнь, до того как он встретил Хамелеошу, вовсе не была такой уж простой. А Хамелеоша трижды попадалась ему на пути, прежде чем он узнал ее по-настоящему. В те дни он боялся, что у него нет никакого магического таланта...

Он начал мерцать... Внезапно его внешность совершенно преобразилась. Это появился присланный королевой маскарадный костюм. Как в душе, так и физически Бинк оставался тем, кем и был на самом деле, но со стороны он выглядел кентавром. Иллюзии королевы. Теперь ему придется принять правила игры, навязанной ему королевой, которая обладала неистощимой способностью устраивать мелкие пакости. Прежде чем попасть на бал, каждый приглашенный должен был под личиной маскарадного костюма определить как можно больше других приглашенных. Победителя в этой игре ожидал приз.

В довершение к этому она создала вокруг замка Ругна видимость хитроумного лабиринта. Теперь, даже если у него и нет никакого желания играть в «угадайку», ему все равно придется найти путь в этом хитросплетении проходов. Чтоб этой королеве ни дна ни покрышки!

Однако ему, как, впрочем, и всем остальным, придется пройти этот путь до конца. Король достаточно мудр, чтобы не вмешиваться в домашние дела, и снисходительно спускает королеве все ее причуды. Тяжело вздохнув, Бинк вошел в лабиринт и начал отыскивать путь к замку среди множества запутанных дорожек.

Бóльшая часть преград лабиринта являлась иллюзорной, но в них было вплетено достаточно реальных препятствий, по-

этому безопасней отыскать дорогу в лабиринте, чем ломиться сквозь перегородки. Надо дать королеве вволю развлечься, особенно в такой важный день, как первая годовщина коронации. Уж если она не получит того, что хочет, то сделается еще невыносимее, чем жена Бинка в ее нынешнем положении.

Бинк свернул за угол и... чуть не столкнулся с зомби. С изъеденного червями лица зомби сыпались комочки земли и капала гниль, а большие квадратные глазницы, как окна, открывались в мир разложения. От него разило чудовищной вонью.

Бинк с отвращением и удивлением уставился в эти пустые глазницы. В их глубине ему почудилось слабое свечение, напоминающее лунную ночь в долине призраков или мерцание светящихся грибов, пирующих на мозге гниющего трупа. Казалось, через два тоннеля пустых глазниц виделся сам источник этой зловещей картины или даже корни всей магии Ксанфа. И все же это только ночной кошмар, просто живой покойник, ужас, который надо быстро отогнать и забыть. Но почему этот зомби бродит на воле, оставив свою потревоженную могилу? Зомби обычно покидали могилы, когда требовалось защитить замок Ругна, и с того момента, как к власти пришел король Трент, они не показывались.

Открыв смердящий рот, зомби шагнул навстречу Бинку.

— У-у-уп! — Он выдохнул изрядную порцию трупного газа.

Бинк почувствовал тошноту и попятился. Он мало чего боялся в Ксанфе — телосложение и магический талант делали его одним из самых неуязвимых людей королевства. Но определенное неудобство и отвращение, вызванные общением с зомби, действовали ему на нервы. Бинк повернулся и побежал по боковой дорожке, оставив позади живого мертвеца. Со своим рассыпающимся скелетом и сгнившей плотью зомби не мог тягаться в скорости с человеком, да он и не пытался.

Неожиданно перед Бинком возник сверкающий меч. Бинк застыл на месте, с удивлением разглядывая новое препятствие. Он не видел ни владельца меча, ни какого-нибудь устройства, поддерживающего меч в воздухе. Просто меч. А какой смысл в этой иллюзии?

Наверное, это очередная выходка королевы. Ей нравилось вносить в свои вечеринки бодрящий дух соперничества. Надо

только пройти сквозь этот меч и, кстати, доказать его иллюзорность.

И все же он колебался. Лезвие меча выглядело слишком правдоподобно. Бинк вспомнил свой юношеский опыт общения с Зямой. Талант Зямы заключался в умении создавать летающие мечи, которые в течение нескольких минут своего существования были прочными, острыми и опасными. Зяма постоянно стремился расширить возможности своего таланта. Он не был дружен с Бинком, а если находится где-то поблизости...

Бинк выхватил свой меч.

— Защищайся! — крикнул он и ударил своим оружием по летающему мечу, надеясь, что удара не последует и его оружие беспрепятственно просвистит в воздухе.

Королева будет довольна, что ее шутка удалась, а он при этом ничем не рискует — так, на всякий случай...

Но летающий меч оказался настоящим. Сталь звякнула о сталь. Нападающее оружие парировало удар, вывернулось и устремилось к груди Бинка.

Бинк парировал удар и отступил на шаг. Эта штука совсем не была временным явлением и висела тут отнюдь не бесцельно! Оружие направляла невидимая рука, а значит, за всем этим кто-то скрывается.

Меч наносил удар за ударом, Бинк парировал. Похоже, меч всерьез взялся за дело!

— Кто ты? — крикнул Бинк.

Ответа не последовало.

Последний год Бинк упражнялся в искусстве владения мечом, и его учитель утверждал, что у него есть к этому способности. Бинк был смел, проворен и обладал вполне подходящими физическими данными. Конечно, он не мастер в этом деле, но и новичком его не назовешь. А схватка, пусть даже с невидимым соперником, доставляла ему удовольствие.

Но серьезная схватка... это нечто особое. Почему на него напали, да еще во время дворцового торжества? Кто этот немой тайный враг? Бинку еще повезло, что заклинание, сделавшее противника невидимым, не подействовало на сам меч, а то бы ему пришлось несладко. Но любая магия в Ксанфе обладала разовым действием: меч не мог сохранить наложенные на него

чары твердости и остроты да еще и быть при этом невидимым. Конечно, и такое возможно, в магии все возможно, но все же это маловероятно. Во всяком случае, Бинку было вполне достаточно вида самого оружия.

— Прекрати! — крикнул Бинк.— Прекрати, не то я возьмусь за тебя по-настоящему!

И опять враждебный меч попытался яростно рубануть его. Бинк уже понял, что имеет дело не с мастером,— меч действовал скорее нахально, чем умело. Бинк парировал очередной удар и сделал вялый выпад, намереваясь попасть в незащищенный участок груди противника. Грудь противника могла находиться только в одном месте, так как в схватке на мечах очень важны равновесие и стойка. Удар Бинка был не настолько мощным, чтобы убить, но достаточно сильным, чтобы...

Клинок пронзил место, где должна была быть невидимая грудь противника, без всякого сопротивления. Там ничего не было.

Изумленный Бинк отвлекся и чуть не потерял равновесие. Вражеский меч сделал выпад ему в лицо. Он еле успел уклониться от этого удара. Его учитель, солдат Кромби, учил его таким приемам, но в данном случае отчасти сказалась простая удача — не имей Бинк своего таланта, он был бы уже мертв.

Бинк не любил зависеть от своего таланта. Поэтому-то он и стал обучаться искусству боя на мечах. Он хотел уметь защитить себя открыто, с честью и не страдать от насмешек тех, кто не без основания считал, что ему помогает случай. Его талант мог остановить или помешать нападению, заставить нападавшего поскользнуться, например, на фруктовой кожуре. Талант совершенно не задумывался о его чести. А вот когда он побеждает в честном бою, полагаясь только на свой меч, уже никто не посмеет насмехаться. Сейчас над ним никто не смеялся, но ему все равно не нравилось, что на него напали... Но кто?

Это, должно быть, волшебное оружие из личного арсенала короля. И кто-то очень целенаправленно его использует. Однако явно не король. Король Трент никогда не любил шуток, которые могут привести к серьезным последствиям, и никому не позволял вольно обращаться со своим оружием. Кто-то сумел воспользоваться королевским оружием и направить его про-

тив Бинка, и этот кто-то скоро узнает на собственной шкуре, что такое настоящий королевский гнев.

Но в данный момент это мало успокаивало. Бинку не хотелось прятаться за спину короля. Это его сражение, и он должен его выиграть. Правда, здесь есть одна трудность: надо добраться до того, кого здесь нет.

Поразмыслив, Бинк отбросил возможность того, что кто-то управляет мечом, находясь в отдалении. Магически такое вполне возможно, но, насколько он знал, у него не было врагов, которые хотели бы на него напасть как магически, так и обычным способом, да еще с помощью королевского оружия и в самом замке Ругна.

Бинк опять схватился с вражеским мечом и, умело маневрируя, вынудил его занять неудобную позицию, после чего рубанул по невидимой руке. Как он и ожидал, никакой руки там не оказалось. Теперь не оставалось никаких сомнений: меч действовал сам по себе. Бинку никогда раньше не доводилось сражаться с подобным оружием — король Трент не доверял безмозглым вещам,— так что такой опыт был для него в новинку. Но в этом, конечно, не было ничего такого уж странного — почему бы и не сразиться с заколдованным мечом?

И все-таки почему этот меч желает его смерти, коли он действует сам по себе? К холодному оружию Бинк не испытывал ничего, кроме уважения. О своем мече он усердно заботился, следил, чтобы чары, поддерживающие остроту, продолжали действовать, и уж точно никогда не оскорблял его. Клинки любого вида и назначения не могли искать с ним ссоры.

Может, он как-нибудь, и сам того не заметив, оскорбил именно этот меч?

— Меч, если я тебя обидел или что не так сделал, ты уж меня извини и давай помиримся,— сказал он.— Я не хочу сражаться с тобой без всякого повода.

И это безуспешно! Меч попытался яростно рубануть Бинка по ногам.

— Да хоть назови причину! — воскликнул Бинк, в последний момент отскочив в сторону.

Но меч, не останавливаясь, продолжил свою атаку.

— Тогда мне придется тебя обезвредить,— заявил Бинк со смешанным чувством сожаления, гнева и раздражения.

Получался настоящий поединок! Впервые за все это время Бинк встал в настоящую защитную стойку и вложил в бой все свое мастерство. Он уже знал, что в искусстве боя на мечах он превосходит своего противника.

Но он не мог ничего поделать с тем, кто управлял мечом, потому что такового просто не было. Некого ударить мечом, некому отрубить держащую меч руку. Меч не проявлял никаких признаков усталости — им управляли магические силы. Тогда как же с ним справиться?

Выходит, поединок намного серьезней, чем Бинк предположил сначала! Он пока не волновался — нет смысла волноваться, когда противник слабее тебя. Но если противник неуязвим...

И все же его талант не позволит мечу причинить ему вред. Меч в руках человека в обычном поединке мог бы добиться успеха, но когда в дело замешана магия, Бинк в полной безопасности. В Ксанфе практически невозможно найти предмет, совершенно лишенный магии, так что Бинк обладал исключительно надежной защитой. Вопрос состоял лишь в том, сможет ли он одолеть меч с честью, при помощи только своей отваги и умения, или же сделает это с помощью на первый взгляд фантастического случайного совпадения, призванного его талантом. Если он не добьется успеха первым способом, то вмешается его талант и победа достанется ему вторым.

Бинк опять заставил меч занять невыгодную позицию и сильно ударил по плоскости клинка, надеясь сломать его. Не получилось — металл оказался слишком крепким. Он и не ожидал особого успеха от этого маневра: заклинание на прочность — одно из основных при изготовлении современных мечей. И что же теперь?

Он услышал топот и понял, что кто-то приближается. Надо побыстрее кончать с этим поединком, иначе он попадет в неловкое положение из-за того, что его кто-то спасет. Его талант совершенно не заботился о его гордости — его талант беспокоился только о его теле.

Тут Бинк заметил, что стоит, прижавшись спиной к дереву — настоящему, а не иллюзорному. Иллюзорные перегородки лабиринта переплетались с реальными тропками сада и вме-

сте образовывали путаницу проходов. Дерево оказалось клейстерником — любой предмет, нарушив кору такого дерева, намертво приклеивался к нему с помощью магии. Затем клейстерник начинал медленно обрастать вокруг попавшегося предмета и полностью его поглощал. Но до тех пор, пока кора дерева оставалась неповрежденной, оно было безопасным. Дети могли спокойно забираться на такие деревья и играть в их ветвях, если не пускали в ход что-нибудь острое. А вот дятлы держались подальше от клейстерников. Так что Бинк мог прислониться к дереву, но осторожно, чтобы не...

Враждебный меч попытался нанести Бинку удар в лицо. Бинк так до конца и не понял, когда его озарила эта мысль, до или уже после того, как все произошло. Скорее всего, после, а это означало, что, несмотря на все попытки избежать вмешательства таланта, тот опять пришел ему на помощь. Как бы то ни было, на этот раз он не стал парировать удар, а просто присел.

Меч просвистел у него над головой и врезался в клейстерник, глубоко прорубив кору. В тот же миг сработала магия дерева, намертво приклеив меч. Меч начал изгибаться и дергаться, но тщетно. Ничто не могло преодолеть свойственную какому-то предмету магию! Бинк вышел из поединка победителем.

— Пока, меч,— сказал Бинк, вкладывая свое оружие в ножны.— Сожалею, но задерживаться дольше мы просто не можем.

Но за этой шутливостью скрывались мрачные думы: кто или что заставило заколдованный меч напасть на него? Как бы то ни было, похоже, где-то у него есть враг, а это Бинку не нравилось. И дело вовсе не в том, что он испугался нового нападения, а в неприятном чувстве досады на то, что, несмотря на его старания со всеми ладить, у него появился враг, который так сильно ненавидел его, что пошел на такие ухищрения, чтобы разделаться с ним.

Бинк в очередной раз свернул в боковой проход и... столкнулся с прикольным кактусом. Конечно, не с настоящим, а то он превратился бы в подушечку для иголок, а с иллюзорным.

Кактус протянул утыканную иголками ветку и схватил Бинка за горло.

— Деревенщина! — взревел он.— Тебя что, мордой в грязь ткнуть?

Бинк сразу узнал и голос, и хватку.

— Честер! — прохрипел он, несмотря на сдавленное горло.— Кентавр Честер!

— Чтоб тебя слепни посли! — выругался Честер.— Подловил меня так, что я себя выдал! — Он несколько ослабил хватку.— А теперь лучше скажи-ка мне, кто ты такой, а то ведь я могу сжать и покрепче.

С этими словами он так сжал горло Бинка, что у того чуть голова не отскочила от туловища. А вот где, интересно, теперь его талант?

— Финк! Хинк! — шипел Бинк, стараясь произнести свое имя, в то время как его губы не могли полностью сомкнуться.— Вон...

— Это от меня-то вонь? — возмутился Честер, злясь еще больше.— Да ты не только уродлив, как горгулья, ты еще и нахал.— Но тут он заметил еще одно оскорбление в свой адрес.— Эге... да ты и мое лицо на себя напялил!

Бинк совсем забыл, что он в маскарадном костюме. От удивления кентавр немного ослабил хватку, и Бинк воспользовался случаем:

— Я Бинк! Твой друг! В маскарадном костюме!

Честер задумался. Кентавры вообще-то глупыми не бывают, просто этот сначала думал мускулами.

— Если ты собираешься меня надуть...

— Помнишь Германа-отшельника? Как я встретил его в Глухомани и он спас Ксанф от вжиков при помощи своих блуждающих огоньков? Это был лучший из всех кентавров!

Наконец-то Честер опустил Бинка на землю.

— Дядя Герман,— сказал он, улыбаясь. Улыбка на лице кактуса выглядела просто чудовищно.— Похоже, с тобой все в порядке. Но что ты делаешь в моем облике?

— То же, что и ты в облике кактуса,— ответил Бинк, потирая горло.— Иду на бал-маскарад.

Похоже, горло не пострадало, поэтому-то талант Бинка и допустил эту стычку.

— Это точно,— согласился Честер, красноречиво растопырив иголки.— Пакость нашей королевы Ирис. Сука-волшебница! Ты уже нашел путь во дворец?

— Нет. Я тут столкнулся с...— Но Бинк был не уверен, что ему сейчас хочется говорить о своей схватке с мечом.— С зомби.

— Зомби! — засмеялся Честер.— Жаль придурка, которого нарядили в такой костюм!

Костюм! Конечно же! Зомби-то был ненастоящий — просто очередной маскарадный костюм, придуманный королевой. Бинк повел себя так же недальновидно, как и Честер, когда убежал от зомби, предварительно не разгадав, кто скрывается под этой маской. А потом он натолкнулся на меч, который уж точно не был ни маской, ни иллюзией.

— Ох, не больно-то мне нравится эта игра,— сказал он.

— Да и я не в восторге,— согласился Честер.— Но вот приз... Это целый год моей жизни.

— А как же,— хмуро согласился Бинк,— один вопрос, на который бесплатно ответит добрый волшебник Хамфри. Но все борются за это, кто-нибудь да и выиграет.

— Можем и мы, если пошевелим копытами! — сказал Честер.— Давай-ка выясним, кто это наряжен зомби, пока он не смотался!

— Давай,— согласился Бинк, испытывая смущение от своего поведения при первой встрече с зомби.

Их путь пролегал мимо меча, все еще торчащего из дерева.

— Кто нашел, тому приз,— радостно объявил Честер, хватаясь за меч.

— Это клейстерник, он его не отпустит.

Но кентавр уже схватился за меч и дернул. Рывок был так силен, что их обдало градом листьев и осыпавшейся коры. Но меч остался на месте.

— Гм,— буркнул кентавр.— Слушай, дерево... у нас в Кентавровке растет такой же клейстерник. И вот во время засухи я поливал его каждый день, и он выжил. И все, что я за это хочу, так это меч, который тебе все равно ни к чему.

Меч освободился. Честер сунул его в колчан со стрелами и привязал веревочной петлей. Точнее, так подумал Бинк, наблюдая за изгибающимися ветками кактуса. Бинк на всякий случай положил руку на рукоять меча, опасаясь нового нападения своего недавнего противника, но меч в руках кентавра теперь

не обращал на него никакого внимания. То, что еще совсем недавно оживляло меч, исчезло.

Честер заметил удивленный взгляд Бинка.

— Надо просто уметь понимать деревья,— сказал он, зашагав дальше.— Я, разумеется, не соврал, кентавры никогда не врут. Я поливал то дерево. Когда до сортира было лень добежать.

Итак, клейстерник отдал свою добычу. Что ж, а почему бы и нет? Кентавры обычно очень хорошо относятся к деревьям, хотя к прикольным кактусам Честер особой любви не питал. Без сомнения, именно поэтому королева, в соответствии со своим представлением о юморе, и нарядила его в этот костюм.

Они подошли к тому месту, где Бинк встретил зомби, но жуткое создание уже исчезло. От него остался только липкий комок грязи. Честер пнул его своим передним копытом.

— Настоящая грязь... это от иллюзорного-то зомби? — озадаченно сказал он.— Иллюзии королевы становятся с каждым разом все натуральней.

Бинк согласно кивнул. Это замечание вызвало у него беспокойство. Очевидно, королева основательно расширила свои возможности в области иллюзий, но ради чего так стараться? Ее магия сильна и намного превосходит способности обычных людей: королева — одна из трех жителей Ксанфа, которые входят в разряд волшебников. Но даже ей требуются значительные усилия, чтобы создать каждую деталь каждого костюма каждого приглашенного на бал. У Честера и Бинка костюмы были всего лишь видимостью, в противном случае они не могли бы общаться.

— А вот свежая кучка грязи,— заметил Честер,— настоящей грязи, а не иллюзорной.— Он придавил ее своей кактусовой ногой, которая все равно оставила отпечаток копыта.— А не мог ли этот друг уйти здесь обратно под землю?

Любопытный Бинк тоже поковырял холмик ногой. Но кроме земли, там больше ничего не было. Никаких следов зомби.

— Ну ладно, мы его упустили,— заключил Бинк, расстроившись по причине, которую и сам не смог бы назвать. А зомби казался таким настоящим! — Давай-ка лучше найдем дорогу во дворец, вместо того чтобы болтаться здесь как два дурака.

Честер кивнул, и его кактусовая голова смешно закачалась.

— Во всяком случае, я не больно-то умею угадывать, кто есть кто,— признался он.— А единственный вопрос, который я мог бы задать доброму волшебнику, не имеет ответа.

— Не имеет ответа? — переспросил Бинк, когда они повернули в очередной проход.

— С тех пор как у Чери появился жеребенок, заметь, прекрасный маленький кентаврик с пушистым хвостиком, у нее, похоже, вовсе не осталось времени для меня. Я как пятое копыто в стойле. И что я могу...

— Ты тоже! — воскликнул Бинк, узрев в этом корни собственного дурного настроения.— Хамелеоша еще и не родила, а уже...— Он пожал плечами.

— Не волнуйся... у нее же не будет жеребенка.

Бинк фыркнул, хотя находил в этом мало смешного.

— Эх, кобылы...— печально заметил Честер.— С ними далеко не убежишь, но и без них никуда не денешься.

Внезапно из-за угла выскочил гарпий. И опять вспыхнула перепалка, ведь все трое чуть не столкнулись.

— Ты что, клюв, ослеп? — рявкнул Честер.— Порхай-ка с дороги, куриные мозги!

— А у тебя что, и впрямь кочан, а не голова? — писклявым голоском возмутился гарпий.— Убирайся-ка с дороги, пока я не сделал из тебя вонючий шарик с помощью твоих же тупых иголок.

— Тупых иголок! — Честер и в прекрасном настроении был чересчур задирист, а уж от такого оскорбления набычился прямо на глазах. Будь он настоящим кактусом, уже произвел бы залп своими иголками — а на вид они не такие уж и тупые.— Хочешь, чтобы я твои засаленные перышки запихал в твою жалкую глотку?

Тут уж гарпий, в свою очередь, надулся от злости. Большинство гарпий относилось к женской половине общества, но этот был из мужской — еще один пример проявления своеобразного юмора королевы.

— Как же! — пропищал пернатый противник.— Только после того, как я выжму сок из твоего кочана, зеленая морда!

— Ах вот ты как! — взревел Честер, совсем забыв, что кентавры обычно не склонны к склоке.

И гарпий сцепился с кактусом. Под видом гарпия явно скрывалось более крупное существо, не привыкшее спускать оскорбления незнакомцам. А этот странный музыкальный голосок...

— Мантикора! — воскликнул Бинк.

Гарпий застыл:

— Очко в твою пользу, кентавр. Мне знаком твой голос, но...

Бинк удивился было, но тут же вспомнил, что он сейчас пребывает в облике кентавра, так что гарпий обращается к нему, а не к Честеру.

— Я Бинк. Я встречался с тобой у доброго волшебника, еще тогда, когда...

— Точно! Ты еще разбил его волшебное зеркало. К счастью, у него было в запасе другое. Ну, как твои дела?

— Для меня настали тяжелые времена — я женился.

Мантикора музыкально засмеялся:

— Надеюсь, не на этом кактусе.

— Послушай, ты,— предупреждающе начал Честер.

— Это мой друг, кентавр Честер,— поспешил вмешаться Бинк,— он племянник Германа-отшельника, который спас Ксанф от...

— Германа я знал! — сказал мантикора.— Это была величайшая личность среди кентавров, даже до того, как он отдал жизнь за свою страну. Единственный из всех известных мне кентавров, кто не стыдился своего волшебного таланта. Его манящие огоньки как-то вывели меня из логова дракона. Когда я узнал о его смерти, я так расстроился, что пошел и ужалил до смерти маленькую древопутану. Он был намного лучше всего этого стада копытоголовых, которые его изгнали...— Он осекся.— Не обижайся, кактус, ты его племянник и все такое. Пусть я и собирался тебя ужалить, но я никогда не оскверню память великого отшельника.

Более верного способа обрести расположение Честера, чем воздать должное его герою-дяде, не существовало. И мантикора об этом, должно быть, знал.

— Никаких обид! — тут же воскликнул Честер.— Все до последнего слова сущая правда! Мое племя изгнало Германа, по-

тому что считало непристойным для кентавра обладать магией. Большинство из них и до сих пор так думают. Даже моя собственная кобылица, прекрасный образец кобыльей плоти, если хочешь знать...— Он покачал кактусовой головой, почувствовав неуместность своего примера.— Они и есть копытоголовые.

— Времена меняются,— заметил мантикора,— настанет день, и все кентавры будут гордиться своими магическими талантами, а не поносить их.— Он шевельнул крылом гарпии.— Ну, мне надо пойти узнать еще кого-нибудь. Не то что мне нужен приз, но просто так, ради победы.

И мантикора отправился дальше. Бинк опять подивился юмору королевы — нарядить такое грозное создание, как мантикора, у которого человеческая голова с тремя челюстями, тело льва, крылья дракона и хвост огромного скорпиона, гарпией! Воистину, один из самых смертоносных монстров Ксанфа получил внешность самого омерзительного. И все же мантикора принял это с достоинством и даже включился в игру с отгадыванием и лабиринтом. Возможно, он ощущал уверенность от сознания того, что у него есть душа, и внешность для него не играла никакой роли.

— Я вот все думаю, а вдруг и у меня есть магический талант? — задумчиво, с виноватыми нотками в голосе произнес Честер.

Переход от склочности к достоинству воистину очень труден!

— Ты можешь это узнать, если выиграешь приз,— заметил Бинк.

Кактус прямо расцвел:

— Правильно! — Очевидно, это и был не имевший ответа вопрос, засевший в голове у Честера, о котором он не говорил вслух. Кактус вдруг нахмурился: — Но Чери не допустит, чтобы у меня был талант, даже самый маленький. Она ужасно щепетильна в этом вопросе.

Бинк вспомнил бескомпромиссность кобылицы и кивнул. Чери была прекрасной кобылицей и прекрасно освоилась с обычным волшебством Ксанфа, но в ком-то из кентавров она магии не потерпит. Это напомнило Бинку о взглядах его матери на молодежный секс. Для животных все было нормально, но

когда дело доходило до куралесной нимфы... гм... у Честера действительно могли возникнуть трудности в этом вопросе.

Они опять повернули за угол — в этом нескончаемом лабиринте поворотов было более чем достаточно. И тут они увидели ворота замка, сверкавшие за подъемным мостом, переброшенным через ров.

— Давай быстрее туда, пока лабиринт не успел измениться! — закричал Бинк.

Они бросились к воротам, но как раз в этот момент все вокруг замерцало и начало расплываться. Самым ужасным в этом лабиринте было его непостоянство — время от времени он менялся, поэтому его методичное изучение было невозможно. Они опоздали.

— Теперь я уже не остановлюсь! — крикнул Честер. Цокот копыт мчащегося кактуса стал громче.— Прыгай мне на спину!

Бинк не стал спорить. Он прыгнул на самый колючий участок кактуса и сморщился в ожидании вонзающихся колючек. Но безболезненно приземлился на вполне лошадиную спину Честера. Уф!

Почуяв седока, Честер прибавил ходу. Бинк ездил на кентаврах и раньше, когда Чери любезно соглашалась его подвезти, но мчаться на таком лихом скакуне ему еще не доводилось. Честер был довольно крепок даже по понятиям кентавров, а тут он еще и торопился. Огромные мускулы ходили ходуном и толкали кентавра вперед с такой силой, что Бинк испугался, как бы ему не свалиться с кентавра с такой же скоростью, с какой он на него запрыгнул. Он обеими руками вцепился в гриву Честера, уверенный, что его талант поможет ему удержаться и убережет от падения.

Очень мало кто из жителей Ксанфа знал про талант Бинка, он и сам-то его не замечал первые двадцать пять лет своей жизни. Так случилось потому, что талант Бинка скрывал себя, избегая огласки. Талант Бинка защищал его от всех магических сил, но любой, кто знал это, мог попытаться одолеть его, не прибегая к помощи магии. Поэтому-то талант Бинка и маскировался, изображая случайности. Кроме самого Бинка всю правду о его таланте знал король Трент; добрый волшебник Хамфри кое о чем, возможно, догадывался, какие-то мысли на этот счет должны бы быть и у Хамелеоши.

Между ними и воротами образовалась новая перегородка. Возможно, это была просто иллюзия, ведь они только что видели ворота. Честер бросился на эту зеленую изгородь, и во все стороны полетели сломанные ветки. Эта преграда оказалась не иллюзорной, скорее всего, иллюзорными были ворота. Королева-волшебница могла заставить исчезать предметы, создавая иллюзию свободного пространства, Бинк должен был вспомнить об этом раньше.

Ну и скакуном же оказался этот кентавр! Невидимые ветви хлестали Бинка, как порывы бури, но он крепко вцепился в гриву. Появился еще один барьер. Честер повернул, стараясь держаться нужного направления, и опять врезался в изгородь. Коли уж кентавр ринулся вперед, то горе человеку, зверю или растению, попавшемуся ему на пути!

Внезапно они вырвались из лабиринта и оказались перед самым рвом. Меняя направление, Честер не рассчитал, и они оказались шагах в двадцати в стороне от подъемного моста, но места, чтобы повернуть, уже не осталось.

— Держись! — крикнул Честер и прыгнул.

На сей раз толчок был настолько силен, что Бинк вырвал два клока из гривы кентавра и начал сползать назад. Он перевернулся через голову и рухнул в ров.

И тут же, с готовностью раскрыв пасти, вокруг него начали собираться обитатели рвов. Они были постоянно начеку, иначе бы их просто уволили. Сверкая зубами, каждый из которых был величиной с палец Бинка, извивался кольцами огромный змей. С другой стороны, разинув длинную шишковатую пасть и демонстрируя еще бо́льшие зубы, подбирался алый крок. А прямо под Бинком из взбаламученной тины поднимался левиафан, спина которого была так широка, что, казалось, заполняла весь ров.

Бинк начал отчаянно барахтаться, стараясь доплыть до безопасного места и прекрасно зная, что ни одному человеку не ускользнуть от любого из этих монстров, не то что от всех троих сразу. Левиафан всплыл, наполовину приподняв Бинка над водой, крок подплыл сбоку — его пасть напоминала пещеру,— змей со скоростью молнии ринулся вверх, чтобы нависнуть над Бинком.

И... змей и крок столкнулись, от удара от их зубов разлетелись искры. Поднимающаяся туша левиафана разбросала обоих монстров в разные стороны, и Бинк, словно на саночках, съехал по покатой спине левиафана подальше от зубов, прямо к безопасному каменному краю внутренней стороны рва. Поразительная случайность...

Ха! Вновь сработал талант, спасая его от последствий очередной глупости. Мчаться галопом на кентавре в образе кактуса... Ему надо было самому найти выход из лабиринта, как это сделали остальные гости. Ему еще повезло, что и кентавр, и чудища из рва были магическими существами, поэтому-то его талант и встал на его защиту.

Честер вполне удачно приземлился и был готов помочь Бинку выбраться из рва. Одной рукой, без всяких видимых усилий он спокойно поднял Бинка, но голос его дрожал:

— Я подумал... когда ты свалился к этим монстрам... в жизни не видел ничего подобного...

— Просто они не были по-настоящему голодны,— сказал Бинк, стараясь скрыть значимость случившегося.— Хотели поиграть с обедом и перестарались. Пойдем-ка лучше в замок. Закусками уже, наверно, обносили.

— Ага, силос,— согласился Честер.

Как и все крупные существа, он страдал хроническим аппетитом.

— Ага, силос,— тихонько передразнил его Бинк.

В действительности каламбур получился не очень удачным — на самом деле кентавры не едят сена, что бы ни говорили на сей счет злопыхатели.

Они направились к замку, и... иллюзии растаяли. Чары кончили действовать, теперь Бинк с Честером снова превратились в человека и кентавра.

— Знаешь, я никогда раньше не задумывался о том, какое у меня некрасивое лицо, пока не увидел его на тебе,— задумчиво сказал Честер.

— Но у тебя необыкновенно красивый зад,— заметил Бинк.

— Верно, верно,— согласился кентавр.— Я всегда говорил, что Чери стала моей супругой не ради моего личика.

Бинк хотел рассмеяться, но вовремя сообразил, что его товарищ говорит совершенно серьезно. К тому же они были уже у входа, и их разговор могли услышать.

Страж у входа во дворец нахмурился.

— Скольких ты угадал, Бинк? — вопросил он, держа наготове блокнот для записи ответа.

— Вот, одного,— ответил Бинк, указывая на Честера, потом вспомнил мантикору и поправился: — Нет, Кромби, даже двоих.

— Тогда ты выбываешь из состязания,— сказал Кромби,— главный претендент угадал двенадцать.— Он взглянул на Честера: — А ты скольких?

— А мне вообще не нужен этот приз,— грубовато заявил Честер.

— Вы, ребята, даже не постарались,— сказал Кромби.— Вот если бы я был там, а не торчал здесь на побегушках у королевы...

— А мне казалось, что тебе нравится служба во дворце,— заметил Бинк. Впервые Бинк встретился с Кромби, когда тот был еще на службе у старого короля.

— Нравится... но я больше люблю приключения. Король-то у нас нормальный, а вот...— Он скривил физиономию.— Да вы сами знаете нашу королеву.

— Со всеми кобылицами трудно,— согласился Честер,— такова уж их природа, и с этим они ничего не смогут поделать, даже если и захотят.

— Как ты прав! — радостно подхватил Кромби, который был прирожденным женоненавистником.— А если они еще и обладают сильной магией... Ну кому еще могла прийти в голову идея этого идиотского маскарада? Ей просто хотелось выставить напоказ свою магию.

— А ей и показывать-то больше нечего,— сказал Честер.— Король не обращает на нее никакого внимания.

— Король у нас мудрый волшебник,— согласился Кромби.— Когда королева не устраивает своих пакостей, дворцовая служба становится скучной до безобразия. Хотелось бы мне отправиться куда-нибудь с поручением, достойным настоящего мужчины, как в те времена, когда мы с Бинком...

Вспомнив те времена, Бинк расплылся в улыбке:

— Помнишь, под какой разноцветный град мы тогда попали! И спрятались под утихшей древопутаной...

— А девушка тогда убежала,— вторил Кромби.— Да, были денечки!

К собственному удивлению, Бинк обнаружил, что полностью разделяет мнение солдата. В те времена их приключения не казались им такими уж забавными, но со временем они обрели некую притягательность.

— Ты говорил, что эта девушка представляет для меня угрозу.

— Так оно и было,— сказал Кромби.— Женила же она тебя на себе.

Бинк рассмеялся, но смех получился натянутым.

— Пожалуй, мы пойдем, пока еще не кончились закуски.— Он повернулся и... чуть не споткнулся об очередной свежий холмик земли.— У вас что, кроты по всему замку? — раздраженно поинтересовался он.

Кромби краем глаза взглянул на холмик:

— Только что его здесь не было. Может быть, бал привлек какого-нибудь волшебного крота? Я скажу об этом хранителю сада, как только сменюсь с поста.

Бинк и Честер вошли в замок. Бальный зал, естественно, был украшен самой королевой Ирис. Зал превратился в подводное царство — из скалистых глубин поднимались ленты водорослей, повсюду плавали разноцветные рыбки, а стены были облеплены ракушками. Тут и там виднелись подводные лужайки из прекрасного белого песка, и все это временами магически перемещалось — даже если стоять на месте, очередной пейзаж придвинется сам. Огромнейший морской змей окружал весь зал, и его пульсирующие переплетенные кольца виднелись в просветах стен.

Честер осмотрелся:

— Пусть она порядочная сука и все это устроено ради бахвальства, но надо признать, что ее магия впечатляет. Впрочем, меня больше интересует количество закусок — если их будет недостаточно...

Но оказалось, что недостатка в закусках можно не опасаться. Кругом высились горы закусок, и они находились под лич-

ной охраной королевы Ирис. Королева держала на короткой сворке маринадную кошку. Как только кто-нибудь соблазнялся каким-нибудь деликатесом и пытался его взять, маринадник тут же спрыскивал его своим едким маринадом.

— Никто ничего не ест, пока не будет вручен главный приз,— объявила Ирис, обводя собравшихся взглядом. Она нарядилась в костюм воинственной королевы русалок, с остроконечной короной, трезубцем и мощным хвостом,— зубья трезубца поблескивали комками слизи, которая, возможно, была тоже иллюзорной, но вполне могла оказаться и настоящим ядом, так что Ирис легко могла пресечь непослушание даже без помощи маринадника.

Бинк и Честер, смешавшись с прочими гостями, разошлись в разные стороны. Почти все более или менее известные граждане Ксанфа присутствовали здесь, за исключением разве что кобылицы Чери, без сомнения занятой своим жеребенком, и Хамелеоши, погруженной в свои беды. Да еще доброго волшебника Хамфри, которого ни на какие приемы не заманишь.

Бинк заметил своего отца Роланда, жившего в Северянке. Роланд постарался не смущать Бинка чрезмерной демонстрацией родительских чувств. Они пожали друг другу руки.

— Симпатичные башмаки, сынок.

После сцены с Хамелеошей начало разговора оказалось не самым удачным.

— Только что с дерева,— хмуро заметил Бинк.

— Что поделывал последнее время?

Когда Роланд говорил, из его рта появлялись пузырьки, которые, подрагивая, поднимались к поверхности океана. Если уж королева Ирис устраивала иллюзию, то это была действительно иллюзия! Обычные жители Ксанфа с их разнообразными личными магическими талантами могли лишь безнадежно завидовать работе чародейки. Поэтому-то, конечно, королева и устроила такую демонстрацию.

— Да вот упражнялся с мечом, ковырялся в саду, в общем, обычные дела,— ответил Бинк.

— Насколько я знаю, Хамелеоша должна на днях родить.

— И это тоже,— ответил Бинк, вновь расстраиваясь от сложившейся ситуации.

— Сын придаст жизни смысл.

При условии, что это будет нормальный, талантливый сын. Бинк поспешил сменить тему:

— У нас только что зацвели венерины башмачки. Скоро появятся первые пары.

— Дамы будут очень довольны,— серьезно заметил Роланд, будто услышал очень важную весть.

Внезапно Бинк осознал, что он очень мало чем может похвастаться за последний год. Чего он достиг? Считай, ничего! Неудивительно, что на него напала хандра.

Вокруг потемнело. Казалось, наступили сумерки, отчего в подводном мире тоже все потемнело. При этом рассеянный дневной свет сменился ночным фосфоресцирующим свечением. Плавающие коробочки водорослей вспыхнули, словно крошечные фонарики, а неоновые кораллы ярко выделились, засветившись всевозможными красками. Даже пухлые губки начали испускать слабый свет. Животные светились еще ярче: электрические угри испускали лучи света и стали похожи на прожектора, а многочисленные рыбки превратились в полупрозрачные лампочки. Все это вместе создавало восхитительный эффект.

— Вот бы ее характер был так же хорош, как и ее вкус,— пробормотал Роланд, имея в виду королеву.

— А сейчас мы присудим поощрительный приз,— объявила королева Ирис.

Сама она была освещена лучше всего — ее корона и трезубец испускали лучи света, падающие на обнаженный русалочий торс. Она была мастерицей иллюзий и могла на свой вкус выбрать для себя облик, а вкус у нее есть.

— Насколько я понимаю, это брак по расчету,— продолжил Роланд. Не являясь волшебником, он был наместником короля к северу от Провала, а потому не взирал на королевских особ с почтением провинциала.— Должно быть, временами этот расчет с лихвой окупается.

Бинк кивнул, несколько смущенный тем, с каким открытым восхищением его отец рассматривал выставленные напоказ иллюзорные прелести королевы. В конце концов, ему ведь уже под шестьдесят! И все же отец прав. Король не выказывал люб-

ви к королеве и держал ее в ежовых рукавицах, что несказанно удивляло тех, кто знал Ирис до замужества. И все же она процветала, несмотря на эти строгости. Те, кто хорошо знал короля, прекрасно понимали, что Трент не только более могущественный волшебник, чем королева, но и более сильная личность. На самом деле, похоже, волшебные земли Ксанфа обрели самого подходящего короля со времен Четвертой волны, когда и был построен этот замок-дворец. Уже произошли значительные изменения: магический щит, который препятствовал проникновению в Ксанф чужаков, снят, и жителям Обыкновении позволено пересекать границу. Первыми, кто перешел границу, оказались отставные солдаты бывшей королевской армии Обыкновении. Они поселились на пустынных землях Ксанфа и стали его законопослушными гражданами. Обязательное требование, чтобы каждый житель Ксанфа проявил магический талант, было отменено, и, к великому удивлению консерваторов, это не привело к всеобщему хаосу. Людей стали ценить и уважать за их поступки, а не за случайный магический талант. Несколько экспедиций провели изучение прилегающих к Ксанфу земель Обыкновении, где не существовало магии, а вдоль границы с Обыкновением была расставлена цепь постов, чтобы предупредить неожиданное вторжение. Король не уничтожил камня, управляющего магическим щитом, и при необходимости мог вновь установить щит.

Бинк, во всяком случае, не сомневался: король не упускает из виду ничего, что может оказаться приятным или полезным, в том числе и плоть хорошеньких женщин, а королева у него в полном подчинении. Королева могла стать и становилась такой, какой пожелает король, и король не был бы человеком, если бы время от времени не пользовался этой ее особенностью. Вопрос состоял лишь в том, чего он хочет. Эта тема постоянно муссировалась во дворце, и большинство при этом склонялось к мнению, что королю хочется разнообразия. Ведь королева редко появлялась дважды в одном и том же облике.

— Пусть страж ворот доложит нам результаты соревнования! — повелительно объявила королева.

Солдат Кромби не спеша выступил вперед. В своей дворцовой форме он выглядел великолепно, с ног до головы сол-

дат — в королевстве, которое в солдатах вовсе не нуждалось. Он мог прекрасно и отчаянно сражаться как с мечом в руках, так и голыми руками, но играть роль лакея при женщине ему совершенно не нравилось, что он и демонстрировал всем своим видом. Именно потому-то королева так и наслаждалась, помыкая им. Однако она не заходила слишком далеко, так как Кромби присягал на верность королю, а король был к нему благосклонен.

— Победителем...— начал было Кромби, заглянув в свой список.

— Да не так же, идиот! — воскликнула королева и закрыла солдата пестрым расплывающимся облаком краски. Очередная иллюзия, конечно, но весьма эффектная.— Сначала объяви второе место, а потом уж победителя.

Из рассеивающегося облака краски выплыло недовольное лицо Кромби.

— Бабы! — язвительно проворчал он.

Королева улыбнулась, наслаждаясь его бессильной злостью.

— На втором месте после девяти правильных ответов,— он снова нахмурился,— Бьянка из Северянки.

— Мама! — удивленно ахнул Бинк.

— Ей всегда нравилось что-нибудь отгадывать,— с гордостью сказал Роланд.— Я думаю, это от нее ты унаследовал и ум, и красоту.

— А от тебя — храбрость и силу,— сказал Бинк, оценив комплимент отца.

Бьянка степенно выступила на середину зала. Она была интересной женщиной, а в молодости так просто красавицей, и, в отличие от королевы настоящей, ее талант заключался в зубрежке, а не в каких-то иллюзиях.

— Выходит, женская половина опять на высоте,— объявила Ирис, ухмыльнувшись женоненавистнику Кромби.— А приз...— Она выжидающе помолчала.— Швейцар, принеси поощрительный приз, ты его уже должен был приготовить.

Раздражение Кромби перешло почти в ярость, но он все же покорно подошел к наполовину скрытому водорослями шкафчику и извлек оттуда накрытый салфеткой предмет.

— А приз...— повторила королева,— львиный зев в горшочке!

Когда несколько покачивающихся на стебле львиных пастей яростно защелкали зубами, среди собравшихся приглашенных дам прокатился шепоток одобрения и зависти. Львиные зевы очень полезны против домашних насекомых и паразитов у животных, а также прекрасно выполняют обязанности стражей дома. И горе пришельцу, который окажется рядом с таким растением! Но вот расти в неволе они очень не любили, и для этого существовало очень сильное и сложное заклинание. Поэтому, хотя львиные зевы довольно распространены, комнатные экземпляры ценились очень высоко.

Принимая горшочек с призом, Бьянка не скрывала своей радости и с улыбкой отворачивалась, в то время как львиный зев пытался цапнуть ее за нос. Чары для выращивания таких растений в горшочках включали в себя и их безопасность для владельцев, но для того, чтобы растение привыкло к своему хозяину, требовалось время.

— Оно восхитительно,— сказала Бьянка.— Спасибо, королева Ирис.— И дипломатично добавила: — Ты тоже восхитительна, но в другом смысле.

Королева щелкнула зубами, шутливо изображая львиный зев, и обворожительно улыбнулась. Ей всегда хотелось признания и уважения таких достойных и респектабельных граждан Ксанфа, как Бьянка, потому что до того, как принять корону, Ирис жила, можно считать, в настоящем изгнании.

— А вот теперь, лакей, назови настоящего победителя,— обратилась королева к Кромби,— и постарайся сделать это с изяществом, если ты в состоянии его проявить.

— Победительницей, угадавшей тринадцать приглашенных,— начал завывать Кромби, даже не пытаясь изобразить торжественность,— стала Милли-дух.— И он пожал плечами, словно выражая свое недоумение еще одной женской победой. Он сам вел подсчет и потому знал, что никакой подтасовки здесь нет. Однако все и так понимали, что мужчины сегодня просто не очень-то и старались.

К королеве подплыло привидение прелестной юной девушки. Оно было одновременно и самым молодым, и самым старым обитателем замка Ругна. В момент своей смерти, восемьсот лет назад, Милли, можно сказать, была еще подростком.

Бинк впервые увидел ее всего лишь туманным облачком, но, с тех пор как в замке Ругна поселились люди, она начала меняться, пока ее облик не стал таким же осязаемым и видимым, как и у любой живой женщины. Милли была очень милым, всеми любимым привидением, и ее победа вызвала бурю аплодисментов.

— А главным призом является...— Королева театрально воздела руки.— Вот этот сертификат на получение одного бесплатного ответа от доброго волшебника Хамфри!

Когда она вручала главный приз победительнице, послышались звуки фанфар, а аплодисменты магическим образом усилились.

Милли замешкалась. Будучи привидением, она не обладала живой плотью и не могла взять сертификат в руки.

— Ничего страшного,— сказала королева,— я напишу на нем твое имя, и волшебник Хамфри будет знать, что это твой сертификат. Вообще-то он наверняка наблюдает за нами в свое волшебное зеркальце. Может, ты прямо сейчас и задашь ему свой вопрос?

Ответ Милли прозвучал неразборчиво: она, как и положено привидениям, могла говорить лишь тихим шепотом.

— Не беспокойся,— сказала королева,— я уверена, что любой с радостью придет тебе на помощь. Вот что, мы напишем твой вопрос на магической доске, а волшебник ответит нам таким же образом.— Она повернулась к Кромби: — Прислуга, доску!

Кромби застыл было на месте, но все же любопытство взяло верх над обидой. Он сходил за доской. Королева подозвала к себе ближайшего кентавра, которым оказался Честер,— все это время он безуспешно пытался стащить со стола пирожное, чтобы его при этом не полили маринадом,— и велела ему записать на доске еле различимые слова Милли. Все кентавры владели грамотой, многие из них были учителями, так что всю писанину обычно возлагали на них.

Манеры королевы Честеру нравились не больше, чем Кромби, но и он не стал артачиться. Какой вопрос мог быть у привидения к волшебнику? И вот он записал флюоресцирующими буквами: «КАК МИЛЛИ ОПЯТЬ СТАТЬ ЖИВОЙ?»

Вновь раздались аплодисменты. В вопросе таился вызов, а ответ, данный публично, мог оказаться полезным и для многих других. Обычно волшебник Хамфри требовал за свой ответ год службы и давал его один на один вопрошавшему. Вечер становился интересней!

Написанные на доске слова исчезли, будто их стерла невидимая губка. Затем появился ответ волшебника: «ДЛЯ ЭТОГО НАДО ВЫПОЛНИТЬ ТРИ УСЛОВИЯ. ПЕРВОЕ: ТЫ ДОЛЖНА ИСКРЕННЕ ХОТЕТЬ ОПЯТЬ СТАТЬ СМЕРТНОЙ».

То, что такое желание у Милли есть, сомнений не вызывало. Она нетерпеливо махнула рукой в сторону доски, ожидая продолжения, чтобы поскорее узнать, будут ли оставшиеся два условия столь же просты, как первое, или окажутся невыполнимыми. С точки зрения здравого смысла для магии нет ничего невыполнимого, но в действительности некоторые чары являлись невыполнимо сложными. Бинку не меньше Милли не терпелось поскорее узнать условия: было время, когда он так же пылко стремился узнать про свой магический талант, от которого зависели его гражданство, благополучие и самоутверждение. А какие страстные надежды может вселить возможность вернуть себе жизнь в тех, кто преждевременно умер, но не угас окончательно! Конечно, если Милли оживет, она должна будет, как и положено, умереть. Но в действительности она просто завершит жизнь, которую начала несколько столетий назад. Как привидению ей недоставало многого, что свойственно живому существу,— она не могла любить, бояться и вообще что-либо чувствовать.

Ну нет, поправил себя Бинк. Наверное, она все-таки что-то чувствует, просто не так, как обычные люди. Ведь ей недоступны плотские удовольствия и даже боль.

«ВТОРОЕ,— появилось на доске,— ЗНАХАРЬ МАГИИ ДОЛЖЕН ВОССТАНОВИТЬ ТВОЙ МАГИЧЕСКИЙ ТАЛАНТ ДО НОРМАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ».

— Есть здесь знахарь магии? — спросила королева, оглядывая присутствующих и поблескивая всеми остроконечными частями своего наряда.— Нет? Посыльный! Укажи, в каком направлении находится ближайший знахарь магии!

Кромби чуть не взвыл от негодования, но любопытство и на этот раз взяло верх. Он закрыл глаза, завертелся волчком и вытянул правую руку. Рука показывала на север.

— Это, должно быть, в Проваловке,— сказала королева.

На Провале, глубокой впадине, разделявшей Ксанф на южную и северную части, лежало заклятие, в результате чего никто не помнил о его существовании, но на замок Ругна и его окрестности были наложены контрчары, позволяющие обитателям и гостям замка вспоминать о нем. Королю было бы очень трудно управлять своими владениями, если бы он не помнил о такой важной особенности ландшафта, как Провал.

— Где наш телепортатор? — продолжала королева.

— Уже здесь, ваше величество,— ответил тот.

Он взглянул в направлении, указанном Кромби, сосредоточился, и... внезапно перед ними появилась старушка. Она осмотрелась и пришла в изумление, увидев людей и подводное царство, так как зал все еще находился в иллюзорной декорации.

— Ты знахарка магии? — властно спросила королева.

— Да,— подтвердила старуха,— но я не лечу глупцов, утонувших в океане. Да еще когда меня отрывают от корыта с бельем без всякого...

— Это торжественный юбилейный бал по случаю годовщины коронации короля Трента,— надменно объявила королева.— Тебе, старая карга, предоставлен выбор. Восстанови одни чары — и останешься на балу, отведаешь угощений и повеселишься...— Внезапно старуха благодаря магии королевы превратилась в пожилую матрону.— Если же ты не восстановишь чары, вот этот зверек как следует промаринует тебя.— Королева приподняла маринадника, и тот с готовностью зашипел.

У старухи, как перед этим у Кромби и Честера, был возмущенный вид, но она тоже предпочла вести себя разумно.

— Что за чары?

— Чары, наложенные на Милли,— ответила королева, указывая на привидение.

Знахарка оглядела Милли и хихикнула.

— Уже готово.— Она широко улыбнулась, показав все свои четыре зуба.

— Интересно, что ее так развеселило,— пробормотал Роланд.— Ты не знаешь, в чем заключался талант Милли?

— У привидений нет талантов,— возразил Бинк.

— Я о заклинании, которое лежало на ней при жизни. Это, наверно, было что-то особенное.

— Может быть. Я думаю, мы скоро это узнаем, если она сумеет выполнить третье условие.

«И В-ТРЕТЬИХ,— появилось на волшебной доске,— ОКУНИТЕ ЕЕ СКЕЛЕТ В ЦЕЛИТЕЛЬНУЮ ВОДУ».

— Ну, этого добра у нас хоть отбавляй,— сказала королева.— Лакей...

Но солдат уже умчался. Через минуту он вернулся с ведром целительной воды.

— Теперь... а где твой скелет? — нетерпеливо спросила у Милли королева.

И тут Милли замялась. Она, казалось, хотела что-то сказать, но никак не могла этого сделать.

— Чары молчания! — воскликнула королева.— Тебе запрещено говорить об этом! Так вот почему все эти столетия он оставался спрятанным!

Милли печально кивнула.

— Тем лучше! — воскликнула королева.— Начинаем охоту за сокровищем! В каком чулане спрятан скелет Милли? Тот, кто первым найдет скелет, получит специальный приз! — Она немного подумала.— Обычные призы у меня кончились... Знаю! Это будет первое свидание с живой Милли!

— А что, если скелет найдет женщина? — поинтересовался кто-то.

— Тогда я попрошу моего мужа короля для такого случая превратить ее в мужчину,— ответила королева.

Кто-то натянуто хихикнул. Королева шутит или... это серьезно? Насколько Бинк знал, король мог превратить любое живое существо в другое, но пол при этом не менялся. К тому же король никогда не пользовался своим талантом ради чьих-то капризов, так что королева, скорее всего, шутит.

— А как же закуски? — поинтересовался Честер.

— Вот что! — решила королева.— Женщины уже доказали свое превосходство, поэтому я освобождаю их от поисков. Они

могут приступить к закускам, а мужчины отправятся на поиски.— Но тут она заметила выражение лица разъяренного Честера и поняла, что в этом вопросе зашла слишком далеко.— Вообще-то ладно, пусть мужчины тоже перекусят, даже те, у кого лошадиный аппетит. Но юбилейный торт не трогать! Его разрежет сам король... когда закончатся поиски.

Ирис на мгновение задумалась, такое с ней бывало редко — может, она не была уверена, что король на это согласится?

Торт был великолепен — блестящие слои мороженого, украшенные цифрой один, и возвышающийся над всем этим бюст короля Трента — как живой. Королева всегда подчеркивала величие короля, потому что ее собственное величие состояло в отражении его высокого положения. Да, повару пришлось изрядно потрудиться, подбирая магию для такого роскошного блюда!

— Маринадник, охранять торт! И маринуй любого, кто посмеет к нему притронуться! — приказала королева и привязала маринадника к ножке стола, на котором стоял торт.— А теперь, мужички... на поиски сокровища!

Роланд покачал головой.

— Скелеты, скрытые в чуланах, лучше не доставать на свет,— заметил он.— Я думаю, мне надо пойти поздравить твою мать.— Он взглянул на Бинка: — А ты представишь нашу семью в поисках. Только не слишком старайся.— Он махнул рукой на прощание и начал пробираться сквозь светящиеся потоки воды.

Бинк немного постоял на месте, раздумывая над происходящим. Отец явно знал, что здесь что-то не так, но не сказал об этом прямо.

Но вот *что* не так? Бинк понимал, что сейчас его жизнь прекрасна,— у него великолепная, пусть и переменчивая, жена, над ним простирается благосклонность короля. С чего же он вдруг начал мечтать о приключениях в далеких землях, о схватках на мечах, к которым готовился, овладевая этим искусством, об опасностях и даже смерти, хотя прекрасно знал, что его талант защитит его от любой серьезной угрозы? Что с ним случилось? Похоже, он чувствовал себя счастливее, когда его будущее было неопределенно... а это уж совсем любопытно.

И почему здесь нет Хамелеоши! Она вот-вот должна родить, но все равно вполне могла бы появиться на балу, если бы захотела. Ведь есть же во дворце магическая повитуха.

И Бинк решился. Он отправится на поиски! Может, он сумеет отличиться, отыскав в чулане сокровище.

Глава 2

ПОИСКИ СОКРОВИЩА

Это был вызов, пусть мелочный, но вызов. Для начала надо обдумать ситуацию. Скелет Милли вовсе не обязательно находится в чулане в буквальном смысле. Ее кости спрятаны где-нибудь в пределах дворца, потому что ее призрак бродит именно здесь, в этой части замка. Но возможно, они в саду. И надо иметь в виду, что они не могли постоянно попадаться под ноги. Если, конечно, кости не замурованы где-нибудь под полом или в стене. Но это маловероятно, потому что на всем замке лежит заклятие долговечности, в связи с этим переделка стены или пола должна была вызвать серьезные трудности. Если предположить, что Милли умерла внезапно, при подозрительных обстоятельствах (а иначе она не стала бы привидением), то убийце требовалось быстро и незаметно для окружающих спрятать тело. Никаких перестроек! Старый король Ругн такого бы не потерпел.

Где можно спрятать тело за несколько минут, да так хорошо, что его не нашли за несколько столетий? Модернизация дворца, которую провел король Трент, превращая замок Ругна в нынешний королевский дворец, затронула каждый уголок, и реставраторы не пропустили бы такого. Получается, что чисто механически сделать это было невозможно. Здесь, в чуланах, скелета быть не может.

Бинк увидел, что остальные мужчины уже занялись осмотром чуланов. Соревноваться с ними в этом не имело никакого смысла, даже если скелет находится именно там.

Механически невозможно... Здесь-то и кроется ключ к разгадке! Механически, но не магически! Значит, кости во что-то превратили. Во что-то такое, что не вызывало никаких подо-

зрений и отвлекало внимание. Вопрос в том, во *что*. Во дворце тысячи всевозможных вещей, и каждая могла оказаться преобразованным скелетом. Волшебное преобразование скелета — дело серьезное, а какой волшебник будет возиться с обычной горничной? Значит, не исключена возможность, что кости остались в своем естественном состоянии, но были чем-то растворены или перемолоты в порошок. Во всяком случае, должен быть какой-то намек на действительное состояние дел, вот только удастся ли его правильно понять. Да, загадка не из легких!

Бинк подошел к столу с закусками. Там были и пирожные, и кексы, и орехи, и пироги, и всевозможные напитки. Честер уже набивал живот. Бинк двинулся вокруг стола, выискивая что-нибудь интересное. Когда он приблизился к юбилейному торту, маринадник предупреждающе зашипел. У маринадника было кошачье тело с острой, как маринад, зеленой мордочкой и влажные от рассола глаза. Бинк чуть не поддался искушению подойти к юбилейному торту и помериться своей магией с магией маринадника. Магия не должна повредить Бинку, и в то же время маринадник должен обдать его маринадом. И что тогда случится?

Нет, он уже не сорвиголова, способный на идиотские эксперименты. К чему бессмысленно утруждать свой талант?

Бинк увидел печенье в виде улыбающегося лица и взял его. Но едва он поднес печенье ко рту, как улыбка превратилась в гримасу ужаса. Бинк задумался, прекрасно понимая, что это очередная иллюзия королевы, но откусить все же не решился. Лицо на печенье оставалось сморщенным в предвкушении страшного конца, но, поняв, что этот конец еще не наступил, медленно приоткрыло один глаз из глазури.

— На, киска... попробуй.— И Бинк протянул печенье сидящему на привязи маринаднику.

Последовало глухое «чпок», и печенье оказалось изрядно сдобрено маринадом, один его глаз так и оставался открытым, другой закрылся. С печенья закапал маринад. Бинк бросил печенье на пол. Маринадник бросился вперед и схватил добычу. У Бинка пропал всякий аппетит.

— Твоя магия немного ослабла,— послышался рядом женский голос. Это оказалась знахарка магии, наслаждавшаяся не-

ожиданным приглашением на королевское торжество. Вообще-то бал был объявлен для всех, но мало у кого из простых жителей хватило духу явиться.— Но оно слишком сильное, чтобы я смогла его исправить. Ты волшебник?

— Нет, просто ничтожество с сильным талантом,— ответил Бинк, надеясь, что его шутка прозвучит настолько удачно, как ему хотелось.

Старуха задумалась:

— Нет, я ошиблась. Твое заклинание не ослабло, оно просто застоялось. Ему, наверное, не хватает деятельности. Ты часто пользовался своим талантом в последний год?

— Время от времени,— ответил Бинк, подумав о недавнем спасении от монстров во рву замка.— Но не то чтобы часто.

— Ты должен пользоваться своей магией, а то утратишь ее,— мудро заметила знахарка.

— А что делать, если не подворачивается случая?

— В Ксанфе всегда можно найти случай для магии.

Но здесь, во дворце, этот совет ему, похоже, не подходил. Талант Бинка защищал его от любой опасности, но то же самое делала и благосклонность короля. Поэтому его талант действительно редко имел возможность проявить себя и вполне мог ослабнуть. За последнее время одной из настоящих возможностей проявить свой талант была недавняя схватка с волшебным мечом в саду, но и тут он старался избежать его участия. Вот разве что купание во рву. Бинк до сих пор еще не обсох, но на фоне иллюзорного морского дна это было незаметно. Неужели ему надо искать опасностей, чтобы поддерживать свой талант в форме? Забавная ситуация!

Старуха пожала плечами и пошла вдоль стола, пробуя деликатесы. Бинк осмотрелся и... встретился взглядом с призрачными глазами Милли.

Бинк подошел к ней.

— Ну, как дела? — вежливо поинтересовался он.

Стоя рядом, можно было понять, что говорит привидение. Возможно, помогало и движение белых губ Милли.

— Я так волнуюсь! — тихо воскликнула она.— Снова, как когда-то, стать живой!

— Ты считаешь, что есть смысл снова стать смертной? — спросил он.— Иногда, когда человек добивается исполнения своей мечты, он очень разочаровывается.— Он это говорит для нее... или в большей степени для себя?

Милли сочувственно взглянула на него. Сквозь ее прозрачное тело он видел, как в зале мельтешат гости. Мельтешат сквозь Милли! Смотреть на нее было довольно трудно. Она по-своему прекрасна, и не только из-за красивого лица и фигуры, но и благодаря приветливости и заботе о других. В свое время Милли очень помогла Хамелеоше: объясняла ей, где что найти, какие фрукты можно есть, а какие ядовиты, познакомила ее с дворцовым этикетом. И именно Милли неожиданно открыла Бинку другую ипостась волшебника Трента, как раз в то время, когда он считал этого человека способным лишь на зло.

— Было бы очень мило, если бы ты нашел мой скелет,— сказала Милли.

Бинк смущенно засмеялся:

— Милли, я женатый человек!

— Конечно! — согласилась она.— С женатыми оно лучше — они уже объезжены, имеют опыт, нежны, надежны и не болтают зря. Для моего возвращения к жизни на первый раз было бы очень мило...

— Ты меня не поняла,— сказал Бинк.— Я люблю свою жену, Хамелеошу.

— Ну конечно,— согласилась Милли,— ты ей верен. Но сейчас она находится в своей безобразной фазе, да еще и на девятом месяце, а ее язычок ныне остер, как жало мантикоры. Как раз теперь-то тебе и нужно немного расслабиться, и если ко мне вернется жизнь...

— Пожалуйста, перестань! — воскликнул Бинк. Привидение попало в самую точку.

— Знаешь, я ведь тебя тоже люблю. Ты мне напоминаешь человека... человека, которого я по-настоящему любила, когда была живой. Но он уже восемьсот лет как мертв.— Милли печально взглянула на свои прозрачные пальцы.— Я не могла выйти за тебя замуж, когда мы впервые встретились, Бинк. Я могла тогда только смотреть и мечтать. Знаешь ли ты, каково

это — все видеть и не иметь возможности ничего предпринять? Я была бы для тебя такой хорошей, если бы...

Она умолкла и закрыла лицо руками. Ее голова туманным облачком висела перед Бинком.

Бинк был смущен и тронут.

— Извини, Милли, я этого не знал.— Он попытался положить руку на ее вздрагивающее плечо, но рука, конечно, прошла сквозь него.— Мне никогда и в голову не приходило, что можно вернуть тебя к жизни. Если бы я...

— Да, конечно,— всхлипнула она.

— Я уверен, ты будешь очень хорошенькой девушкой и найдется много молодых парней, которые...

— Конечно, конечно,— согласилась она.

Ее тело начало вздрагивать еще сильнее. Его контуры сделались неясными. Гости стали бросать в их сторону удивленные взгляды. Положение складывалось неловкое.

— Если я могу как-то...— начал Бинк.

Милли просияла, и ее контуры сразу стали более четкими.

— Найди мой скелет!

К счастью, это было не так-то просто сделать.

— Я попробую,— согласился Бинк,— но у меня не больше шансов, чем у остальных.

— У тебя получится. Ты догадаешься, как это можно сделать, если только приложишь свой восхитительный ум. Я не могу сказать тебе, где находится мой скелет, но если ты постараешься...— Она взглянула на него с пылким нетерпением.— Прошло так много веков. Обещай, что постараешься.

— Но я... Что скажет Хамелеоша, если я...

Милли закрыла лицо руками. Взгляды гостей посуровели, когда очертания Милли вновь начали расплываться.

— Хорошо, я попробую,— пообещал Бинк.

Почему талант не защитил его в этой ситуации? Но он и сам прекрасно знал ответ: талант защищал от физического вреда, наносимого магией. Милли была магической, но не физической, а то, что она собиралась с ним сделать, когда снова станет физической, по обычным стандартам трудно отнести к вреду. Его талант никогда не утруждал себя эмоциональной стороной вопроса. Проблему этого треугольника Бинку придется решать самому.

Милли улыбнулась.

— Не задерживайся,— попросила она и уплыла по воздуху, не касаясь ногами пола.

Бинк заметил Кромби и подошел к нему.

— Я начинаю понимать твой взгляд на женщин,— сказал он Кромби.

— Да, я заметил, как она тебя обрабатывала,— отозвался солдат.— Она давно положила на тебя глаз. А когда одно из таких похотливых созданий принимается за мужчину, у того, считай, нет никаких шансов уцелеть.

— Она уверена, что я смогу первым отыскать ее скелет... и теперь мне придется попробовать это сделать. По-настоящему попробовать, а не просто делать вид.

— Детские игрушки,— заметил Кромби.— Он вон там.— Он закрыл глаза и показал под небольшим углом наверх.

— Я не просил тебя о помощи,— огрызнулся Бинк.

— Извини. Я уже забыл, куда показал.

— Зато я не забыл. Теперь мне придется порыскать в том направлении, и я больше чем уверен, что кости именно там и окажутся. Милли, наверно, догадывалась, что я посоветуюсь с тобой. Может, в этом и заключается ее талант — предвидеть события.

— Тогда почему она не убежала от убийцы?

Хороший вопрос.

— Может, она спала, когда...

— Но ты-то не спишь и мог бы избежать этого. И кто-нибудь другой найдет ее косточки, особенно если я ему намекну, где их искать.

— А почему бы тебе самому их не отыскать? — спросил Бинк.— Тебе достаточно просто идти туда, куда указывает твой палец. Секундное дело.

— Не могу. Я при исполнении,— хитро ухмыльнулся Кромби.— К тому же у меня и без того достаточно проблем с женщинами, так что спасибо.

В свое время Бинк познакомил Кромби со своей бывшей невестой, хорошенькой и талантливой девушкой Сабриной, которую, как Бинк понял, он не любил. Возможно, знакомство переросло в нечто большее. А теперь Кромби пользуется случаем и мстит.

Бинк расправил плечи и пошел в указанном направлении. Скелет должен быть где-то наверху. Возможно, он не лежит там так просто, на виду. Если Бинк сделает все, что в его силах, и все равно не найдет его...

К тому же что уж такого плохого в свидании с Милли? Все, что она сказала, сущая правда: для Хамелеоши настали тяжкие времена, и лучшее, что можно сделать, так это оставить ее в покое. Пока она не войдет в свою прекрасную фазу и не станет опять милой, а к тому времени она уже и ребенка родит.

Нет, такой оборот дела все испортит. Он прекрасно знал, что собой представляет Хамелеоша, когда женился на ней. И знал, что времена будут как хорошие, так и тяжкие. Надо просто набраться терпения и переждать это время, зная, что оно обязательно пройдет. Он уже не раз переживал такое. Когда наваливались трудности, умная фаза его жены была для них большим подспорьем, иногда они даже откладывали решение некоторых вопросов, чтобы в этот период она могла спокойно обдумать их. Он не мог себе позволить заигрывать с Милли или какой-нибудь другой женщиной.

Бинк нашел комнату, находившуюся в указанном Кромби направлении. Это была королевская библиотека, в которой хранилась мудрость многих веков. Неужели скелет привидения спрятан там?

Бинк вошел в библиотеку... Там сидел король.

— Прошу прощения, государь. Я и не подозревал...

— Заходи, Бинк,— сказал король Трент, тепло улыбнувшись. Король до кончиков ногтей выглядел настоящим монархом, даже сейчас, когда сидел, навалившись на стол.— Я тут раздумывал над своими личными делами; возможно, ты ниспослан мне свыше, чтобы ответить на мои вопросы.

— У меня нет ответа на мою собственную дилемму,— слегка смущенно сказал Бинк,— вряд ли я смогу разобраться в твоих.

— У тебя проблемы?

— У Хамелеоши сейчас трудное время, и я не нахожу себе места, кто-то хотел меня убить, а Милли-дух хочет моей любви.

Король расхохотался, но быстро умолк.

— До меня вдруг дошло, что ты не шутишь,— сказал он.— Хамелеоша изменится в лучшую сторону, и твои волнения пре-

кратятся. А вот остальное... Кому потребовалась твоя жизнь? Уверяю тебя, что королевской санкции на это не было.

Бинк описал происшествие с мечом. Теперь король задумался:

— Мы с тобой знаем, что только волшебник может причинить тебе вред таким способом, Бинк, а во всем Ксанфе нам известны всего три волшебника, и ни один из них не желает тебе зла, и ни у одного из них нет таланта оживлять мечи. Так что настоящей опасности нет. Но согласен, это действует на нервы. Я проведу расследование. Так как ты заманил меч в ловушку, мы сможем проследить, откуда тянется ниточка такого его поведения. Если кто-то воспользовался оружием из моего арсенала...

— Угу, я думаю, что он именно оттуда. Но кентавр Честер высвободил его и взял себе...

— Вот как. Ну, тогда оставим это — союз с кентаврами очень важен для меня, как во все времена для всех правителей Ксанфа. Честер может оставить себе меч, а способность меча к самостоятельным действиям мы как-нибудь уничтожим. Но сдается мне, что во всем этом есть некое подобие твоей собственной магии,— кто бы ни противостоял тебе, он остается скрытым, использует чужую, отличную от своей магию, чтобы напасть на тебя. Меч не является твоим врагом, он просто стал инструментом враждебной воли.

— Магия, похожая на мою собственную...— повторил Бинк.— Полагаю, такое возможно. Она не может быть точно такой же, ведь магия в Ксанфе не повторяется, но очень похожая.— Он встревоженно взглянул на короля: — А это значит, что меня где угодно может подстерегать опасность, она может исходить от чего угодно, и все будет казаться случайным совпадением!

— Да, опасность может исходить от зомби, от меча, от чудищ из рвов, от привидения,— согласился король.— Тут может скрываться какая-то закономерность.— Король задумался.— Слушай, а как может привидение...

— Ее должны оживить, как только я найду ее скелет... а он может находиться в этой комнате. Но что меня беспокоит больше всего, так это то, что мне этого хочется.

— Как женщина Милли очень привлекательна,— сказал король Трент.— Мне очень понятен твой соблазн. Я сам подверг-

ся соблазну, это-то и было темой моих размышлений до твоего прихода.

— Но нет сомнения, что королева могла бы удовлетворить любой твой... э... соблазн,— осторожно заметил Бинк, не желая показать, насколько дворцовые сплетни вольно трактовали этот предмет. Личная жизнь короля должна быть личной.— Королева может придать себе сходство с кем угодно...

— Совершенно верно. С тех пор как умерла моя жена, я не прикасался ни к королеве, ни к какой другой женщине.— Под словом «жена» король Трент подразумевал женщину, на которой он был женат в Обыкновении.— И все же на меня оказывают некоторое давление из-за того, что я должен обеспечить Ксанф наследником престола или по праву рождения, или путем усыновления, на тот случай, если, когда истечет мое время, под рукой не окажется подходящего волшебника. Я искренне надеюсь, что такой волшебник есть! И в то же время я чувствую себя обязанным сделать попытку — это является одним из обязательств, которые я возложил на себя, принимая корону. В этом должна принять участие королева. Так что мне придется попробовать, хотя я никогда не любил и не полюблю ее. Вопрос состоит в том, какой облик она должна принять для такого случая?

Проблема оказалась намного более личной, чем думал Бинк.

— Я полагаю, для этого подойдет любой облик, какой тебе только понравится.

Одним из главных достоинств королевы было то, что она могла мгновенно изменять внешность. Если бы Хамелеоша была способна делать такое...

— Но я не хочу получать от этого удовольствие, я хочу только исполнить то, что обязан сделать.

— А почему бы не объединить одно с другим? Пусть королева примет свою наиболее привлекательную иллюзорную внешность, или сам преобразуй ее во что хочешь. А когда появится наследник, вернись к тому, что было. Нет ничего дурного в том, что ты получишь удовольствие от исполнения своих обязанностей.

Король покачал головой:

— Для обычной ситуации твои слова верны. Но у меня особый случай. Я не уверен, что смогу это сделать с красивой жен-

щиной или с какой-либо женщиной вообще, кроме той, которая была бы похожа на мою жену.

— Тогда пусть королева примет облик, напоминающий твою бывшую жену,— не подумав, выпалил Бинк.

— Боюсь, это осквернит память, которой я очень дорожу.

— А, понятно. Ты хочешь сказать, что, если она будет слишком похожа на твою жену, сложится впечатление, что она заняла ее место и...

— Примерно так.

Ситуация выглядела тупиковой. Если король мог быть мужчиной только со своей бывшей женой и не мог допустить, чтобы какая-нибудь другая женщина приняла сходство с его женой, то что ему оставалось делать? Это-то и было тайной стороной личности короля Трента, которую Милли открыла Бинку: его бесконечная привязанность к бывшей семье. Трудно считать такого человека злодеем, да он им и не был. Он был самым замечательным волшебником и, возможно, самым замечательным человеком в Ксанфе. И Бинк был последним, кто захотел бы лишить короля этой его слабости.

И все же проблема наследника оставалась. Никто не хотел возвращения смутных времен из-за отсутствия твердой королевской власти. И пока не появится подходящий волшебник, чтобы продолжить непрерывность линии правления, наследник престола необходим.

— Кажется, у нас с тобой похожие проблемы, государь,— сказал Бинк. Он старался выказывать должное уважение королю, несмотря на то что познакомился с ним еще до того, как тот стал королем. Он должен показывать хороший пример.— Мы оба хотим сохранить верность нашим законным женам, и оба находим это трудноосуществимым. Моя проблема со временем пройдет, а вот твоя...— Он умолк, осененный внезапным озарением.— Милли оживет, когда ее скелет погрузят в целительный эликсир. Допустим, что и ты найдешь кости своей жены, привезешь их в Ксанф и...

— Если это получится, я стану двоеженцем,— заметил король Трент, но вид у него был потрясенный.— И все же, если мою жену можно оживить...

— Мы сможем проверить, насколько хорош этот способ, когда будут оживлять Милли.

— Милли — привидение, поэтому она не совсем мертва. Это особый случай, как, например, с тенью. Такое получается, когда у души остается важное незавершенное дело. А моя жена — не призрак, она никогда не оставляла незавершенных дел, если не считать самой жизни. А оживлять ее тело без души...

Бинк уже пожалел, что заговорил о такой возможности. Какой ужас может начаться в Ксанфе, если все без разбора кинутся оживлять старые кости!

— Она может стать зомби,— заметил Бинк.

— Здесь таится огромный риск,— пришел к выводу король.— И все же ты снабдил меня пищей для размышления. Кто знает, может, и для меня еще осталась какая-нибудь надежда! А пока я никак не могу допустить, чтобы королева приняла сходство с моей женой. Возможно, я попаду в очень неловкое положение, если попробую и потерплю неудачу, но...

— Как жаль, что ты не можешь преобразовать самого себя,— сказал Бинк,— тогда ты смог бы попробовать свои силы так, что никто об этом и не узнал бы.

— Королева узнает. А потерпеть неудачу в этом деле означает раскрыть ей мою слабость, что я сделать не вправе. Она почувствует свое превосходство, когда узнает, что моя железная воля всего-навсего обычная импотенция. А от такого знания ничего хорошего ожидать не приходится.

Бинк, хорошо зная королеву, был с этим вполне согласен. Только уважение и страх перед личностью короля и его магическими способностями удерживали королеву в рамках повиновения. Талант короля к преобразованию сохранится... но вот уважение к его личности неизбежно пострадает. И тогда сладить с королевой будет очень трудно, а это вряд ли пойдет на пользу Ксанфу.

— А может быть, тебе... э... поэкспериментировать сначала с какой-нибудь другой женщиной? Тогда, если ты потерпишь неудачу...

— Нет,— твердо отрезал король.— Я не люблю королеву, но она моя законная супруга. Я не стану обманывать ни ее, ни кого-либо другого в моем королевстве ни в этом, ни в каком другом случае.

В этом-то и состояла сущность его благородства! А вот королева могла обмануть его, если подвернется случай, если она

к тому же узнает о его импотенции. Такая мысль Бинку не понравилась. Он считал правление короля Трента началом Золотого века, но насколько такой успех чреват обязанностями!

И тут Бинка осенила другая идея.

— Воспоминания о твоей жене... ты ведь дорожишь ими потому, что хочешь сохранить память не только о ней, но и о самом себе. О самом себе в те времена, когда ты был счастлив. Ты не можешь предаваться любви с другой женщиной или допустить, чтобы другая женщина походила на нее. А если любовью будут заниматься два совершенно посторонних человека, я имею в виду королеву и мужчину, который совершенно не будет походить на тебя, тогда ты ничью память не оскорбишь. Итак, если королева изменит твой вид...

— Ерунда,— огрызнулся король.

— Наверно, да,— согласился Бинк.— Мне не стоило об этом и говорить.

— Я попробую.

— Извини, что потревожил. Я...— Бинк оборвал речь на полуслове.— Ты попробуешь?

— Умом я понимаю, что моя привязанность к умершей жене и сыну нерациональны,— сказал король.— Это мешает мне выполнять мои обязанности. Возможно, эта глупая хитрость и поможет мне. Я попрошу Ирис придать мне облик другого мужчины, а самой принять облик какой-нибудь другой женщины, и мы, как совершенно никому не известные люди, попытаемся это сделать. Ты не откажешь мне в любезности сохранить все это в секрете, Бинк?

— Разумеется,— заверил его Бинк, чувствуя себя очень неловко.

Ему бы очень хотелось иметь короля, лишенного человеческих слабостей, но, как ни странно, он уважал своего короля именно за эти слабости. Он хорошо знал, что об этой стороне жизни короля больше никто не знает. Бинк был доверенным лицом короля, хотя эта роль порой оказывалась не такой уж и простой.

— Я... вообще-то я пришел сюда искать скелет Милли. Он должен быть где-то здесь, в библиотеке.

— Конечно! Продолжай свои поиски, а я пока пойду навещу королеву.

Король резко поднялся и вышел.

Вот так всегда! В который раз Бинк подивился, с какой непреклонностью этот человек приступает к действию, как только примет решение. Но именно это и было одним из достоинств, благодаря которым он, в отличие от Бинка, так подходил для роли правителя.

Бинк посмотрел на ряды книг и внезапно догадался: скелет могли превратить в книгу, тогда объяснимо, почему за все эти века на него никто не наткнулся и почему Милли так любила бывать в библиотеке. Чаще всего она парила вдоль южной стены. Оставалось только решить, в какую книгу превращен скелет.

Он двинулся вдоль уставленных книгами полок, читая названия томов на корешках. В этой великолепной библиотеке собраны сотни книг; как среди них найти нужную? И даже если он найдет нужную книгу, что с ней делать? Для начала ее надо превратить обратно в скелет, а это под силу только волшебнику. Он постоянно упирался в одно и то же: здесь во всем замешано слишком много магии! Насколько он знал, сейчас в Ксанфе не было никого, кто мог бы преобразовывать неодушевленные предметы. Значит, все старания Милли напрасны? Но тогда почему добрый волшебник говорил только об использовании целительного эликсира? В этом нет никакого смысла!

И все же он обещал попробовать, хотя это и усложняло его личную жизнь. Для начала надо отыскать книгу, а уж потом думать, что делать дальше.

Поиски книги требовали времени. Некоторые книги, такие как «Анатомия пурпурных драконов» или «Градины: магия против магии», он исключил сразу, но вот другие, такие как «Статус духов в королевских покоях» или «Рассказы для привидений», были под вопросом. Такие книги он снимал с полок и начинал листать, сам не зная, что он там ищет.

Время шло, а Бинк так и не приблизился к решению загадки. Никто не заходил в библиотеку; очевидно, только он один отправился в эту сторону. Его догадка о книге могла оказаться и неверной. Над библиотекой находилась еще одна комната, в башне, она тоже попадала в то направление, которое указал Кромби. Быть может, там...

И тут он ее увидел. «Скелет в чулане». Наверняка это и есть то, что надо!

Он снял книгу с полки. Книга оказалась неожиданно тяжелой. Переплет состоял из разношерстных кусочков кожи, и в нем, казалось, было что-то утонченно ужасное. Когда Бинк открыл книгу, в нос ему ударил странный неприятный запах, напоминающий зловоние плоти зомби, долго пробывшего на солнце. Титульный лист отсутствовал, только страница из меланжевой бумаги, на которой сидела клякса, похожая на раздавленного жука.

Он быстро захлопнул книгу. Теперь у него не оставалось никаких сомнений.

Ведро с целительной водой осталось внизу, в бальном зале. Бинк схватил книгу обеими руками, так как она была слишком тяжелой, чтобы долго держать ее одной рукой, и начал спускаться вниз.

По дороге он наткнулся еще на одного зомби, хотя, может, это был тот же, что и в саду. Их так трудно различить! Зомби поднимался по лестнице. На этот раз Бинк знал, что зомби настоящий,— иллюзорные маскарадные костюмы королевы во дворце уже не действовали, а уж на верхних этажах вообще не было никаких иллюзий. Теперь Бинк начал подозревать, что там, в саду, зомби был тоже настоящим. Но что заставило зомби покинуть свои спокойные могилы?

— Убирайся! — крикнул Бинк, прикрывая руками книгу.— Вон из дворца! Возвращайся в могилу!

Он начал угрожающе наступать на зомби, и тот попятился. Более-менее сильный мужчина при желании мог без труда развалить зомби на части. Мертвец споткнулся о ступеньку и упал, заскользив вниз по лестнице. Осколки костей и ошметки гнили усеяли лестницу, а по чудесному старому дереву растеклась темная жижа. Смрад стоял такой, что у Бинка подступила к горлу тошнота и заслезились глаза. Прочностью зомби не отличались.

Закусив губы от отвращения, Бинк продолжил спуск. При замке Ругна обитало некоторое количество зомби, они помогали делать этот дворец королевским, но сейчас им следовало спокойно лежать в своих могилах. Какая нужда погнала мертвецов на бал?

Ну что ж, он известит об этом короля в установленном порядке. Для начала надо позаботиться о скелете Милли. Он вошел в бальный зал — и обнаружил, что подводная декорация уже исчезла. Появились привычные колонны и стены. Королева что, уже потеряла всякий интерес к маскараду?

— Я нашел его! — закричал Бинк, и гости немедленно стали собираться вокруг него.— А что случилось с водой?

— Королева внезапно ушла, и ее иллюзии прекратились,— объяснил Честер, вытирая с губ зеленые крошки пирожного. Похоже, закуски были достаточно реальны.— Дай-ка я помогу тебе с этой книжищей.

Кентавр протянул руку и легко взял книгу из уставших рук Бинка. Ну и сильны же эти кентавры!

— Я имел в виду другую воду,— пояснил Бинк; немного пошевелив мозгами, он понял, что произошло с королевой: ее призвал к себе король.— Я спрашивал про эликсир.

— Вот он,— сказал Кромби, вытаскивая из-под стола ведерко.— Я боялся, что в него попадут крошки.

Ведро поставили на пол рядом с юбилейным тортом.

— Она вовсе не похожа на скелет,— заметил мантикора.

— Скелет преобразован или что-нибудь в этом роде,— пояснил Бинк.

Он раскрыл книгу в руках Честера. По залу прокатился шепоток изумления. Ну и магия!

Старуха знахарка долго рассматривала книгу.

— Это не преобразование,— сказала она,— это магия топологии. Никогда раньше не встречала такого яркого примера.

Другие тоже не могли этим похвастаться.

— Что значит «магия топологии»? — спросил Кромби.

— Изменение формы без изменения содержания,— пояснила старуха.

— Что ты, старая карга, за бред несешь! — сказал Кромби со своей обычной дипломатичностью по отношению к противоположному полу.

— Я говорю про магию, нахаленок,— возразила старуха.— Возьми любой предмет. Растяни его. Сплющь. Затем начни складывать. Ты изменишь форму, но природа предмета оста-

нется неизменной. Она останется топологически неизменной. Эта книга — человек.

— Из которого извлекли душу,— добавил Бинк.— А где Милли?

Без единого слова перед ними возникло привидение. Заклинание о молчании продолжало действовать, и Милли не могла ничего сказать по поводу своего скелета. Сколько она выстрадала за эти столетия! Расплющенная и свернутая в книгу, она даже не могла никому пожаловаться. И так до тех пор, пока королева случайно не объявила это соревнование.

Случайно? Бинку показалось, что заработал его талант.

— Разве королева не будет присутствовать при оживлении? — спросил мантикора.

— У королевы сейчас другие заботы, и не надо ее отвлекать,— возразил Бинк, на самом деле оберегая покой короля.— Будет лучше, если мы проделаем все это сами.

— Правильно! — согласился Честер и плюхнул книгу в ведро.

— Стой! — закричал Бинк, понимая, что уже опоздал.

Он собирался погружать книгу в ведро осторожно и постепенно. Но может, так оно даже лучше.

Книга в ведре замерцала. Милли-дух издала почти беззвучный вопль, и ее притянуло к ведру. Книга набухла, быстро впитывая воду, раскрылась, и страницы начали перелистываться, наполняясь влагой. Вскоре страницы превратились в человеческие конечности, а тяжелый переплет — в голову и туловище, пока совершенно плоские, но уже обретающие кукольные черты. Нелепо дергаясь, книга превращалась в манекен, разбухающий и формирующийся в женскую фигуру.

Милли-дух, все еще пытаясь закричать, влетела в эту массу, и ее очертания стали соединяться с образовавшимися формами женского тела. Внезапно обе формы слились. Милли стояла по колено в ведре, прелестная, как нимфа из мечты, являя разительный контраст с тем призраком, который все только что видели.

— Я живая! — восхищенно воскликнула она.

— Еще какая живая! — сказал Честер.— Может, кто-нибудь принесет ей одежду?

Неожиданно толпа зрителей заволновалась, и из нее вышла фигура, держащая в руках полусгнившее платье. Это был зомби. Послышался женский визг. Все попятились, уступая мертвецу дорогу.

Кромби нахмурился и бросился наперерез:

— Тебе, гниль, сюда не положено! Прочь, прочь отсюда!

Зомби попятился, отступая в сторону юбилейного торта.

— Да не сюда! — закричал Бинк, но опять слишком поздно.

Зомби уже слишком близко подошел к шипящему маринаднику.

Послышалось «чпок!» — и зомби замариновался. Разбрызгивая свои гнилые соки, он рухнул прямо в торт. Маринадник выстрелил еще одной струей, на этот раз она попала на торт, в котором только что исчез зомби. Промаринованная глазурь полетела во все стороны, обрызгивая присутствующих. Маринадник сорвался с цепи и прыгнул на стол с закусками, маринуя все, что попадалось на пути. Опять заверещали женщины. Это одна из тех дурацких привычек, которые им так свойственны.

— Что здесь происходит? — спросил незнакомый молодой человек, стоящий у главного входа в зал.

— Посторонись,— огрызнулся Бинк.— Не видишь? Дурацкий маринадник дуры королевы сорвался с цепи.

Теперь он увидел за спиной молодого человека совсем молоденькую девушку. Они явно только что без разрешения пробрались в замок.

Вперед бросился Кромби.

— Я сейчас уберу этих идиотов с дороги! — закричал он, хватаясь за свой меч.

Но маринадник решил представиться незнакомцам сам, а заодно и расчистить себе дорогу. Он бросился прямо на незнакомцев. Послышалось «чпок!», но на этот раз промаринованным оказался сам маринадник. Он в изумлении сел на пол, затем захлопал крыльями и улетел. Он превратился в оленью мушку — миниатюрного изящного оленя с крыльями.

— Мой торт! — воскликнула молодая незнакомка.

И тут Бинк сообразил:

— Королева!

— И король! — согласился с ним Кромби.— В иллюзорных костюмах.

Как там Бинк в запарке назвал королеву? А Кромби умудрился обнажить меч против короля.

Но королева Ирис была уже рядом с тортом.

— Промаринован... да еще и с зомби внутри! Кто это сделал?

Рассердившись, королева забыла о своих иллюзиях. Она появилась перед толпой в своем естественном виде, впрочем, так же как и король. Оба были в полном дезабилье.

Женоненавистник Кромби внезапно испытал приступ галантности. Он вложил в ножны меч, стянул с себя камзол и накинул его на плечи королеве, скрывая ее уже стареющую грудь.

— Здесь прохладно, государыня.

Бинк поспешно предложил свою куртку королю, который принял ее как ни в чем не бывало.

— Спасибо, Бинк,— пробормотал он.

Милли вышла из ведра, великолепно обнаженная и совершенно не замерзшая.

— Боюсь, что это я, государыня,— сказала она.— Зомби хотел мне помочь, а маринадник сорвался с привязи...

Королева довольно долго разглядывала Миллино великолепие. Затем взглянула на себя. Внезапно король и королева опять предстали в королевских одеяниях, королева внешне теперь очень напоминала Милли, а король был похож на самого себя. Бинк, как и все остальные в зале, прекрасно понимал, что королевская чета так и осталась в заимствованной одежде, а бóльшая часть обычно скрываемой анатомии их тел была и вовсе открыта, но теперь это просто сделалось незаметным. А в следующий момент на Милли тоже оказался иллюзорный костюм. Теперь она выглядела горничной, которой на самом деле и была, но все равно осталась такой же прекрасной.

Бинк удовлетворенно кивнул. Похоже, его предложение об изменении внешности короля и королевы для производства наследника имело успех. Вот только суматоха вокруг Миллиного оживления малость подпортила дело.

Королева осмотрела развороченный стол с закусками, затем покосилась на короля и решила проявить великодушие.

— Выходит, все получилось! Ты больше не привидение! — Она снова оценивающе посмотрела на Милли.— Тебя надо бы одеть соответственно этому событию, все-таки у тебя сегодня не рабочий день.

И тут же на Милли появились переливающееся вечернее платье, лакированные туфельки и сверкающая тиара.

— И кто же нашел твой скелет?

Милли лучезарно улыбнулась:

— Это Бинк оживил меня.

Королева посмотрела на Бинка.

— Похоже, наш пострел везде поспел,— пробормотала она, потом погромче добавила: — Значит, Бинк и заслужил приз. Первое свидание с...

Она умолкла на полуслове. У нее за спиной из торта вылез промаринованный зомби. Маринад не может повредить зомби, они по своей природе наполовину промаринованы. Ошметки пропитанной маринадом плоти спадали с него вместе с кусками промаринованного торта. Один бесформенный шмат упал прямо на плечо королевы, прошел сквозь иллюзорную одежду и приземлился неизвестно где. Это-то и прервало речь королевы.

Разъяренная, она резко повернулась к зомби.

— Убирайся из дворца, тухлая тварь! — Она бросила взгляд в сторону короля: — Трент, преврати его во что-нибудь! Он испортил мой торт!

Но король Трент оставался задумчивым.

— Я думаю, зомби уйдет отсюда и так, по своей воле, Ирис. Назначь кого-нибудь другого для свидания с Милли. Мне потребуется от Бинка служба в другой области.

— Но, государь...— возразила Милли.

— Пусть тот, кто заменит Бинка, примет его облик,— негромко сказал король королеве.— Бинк, пойдем со мной в библиотеку.

В библиотеке король высказал все, что было у него на уме.

— Здесь, в Ксанфе, положение каждого соответствует его магическим возможностям. Как самый могущественный волшебник, я занимаю место короля, самая могущественная чародейка — моя супруга и королева. Добрый волшебник Хам-

фри — наш старший государственный советник. А вот ты, Бинк, анонимен. Ты обладаешь не меньшей магией, но она скрыта. Это значит, что ты не занимаешь того положения в обществе, которого заслуживает твой талант. Возможно, это-то и представляет для тебя угрозу.

— Но мне ничего не угрожает...

— Это не так, Бинк. Тот, кто послал меч, представляет для тебя угрозу, хотя, возможно, и не слишком большую. Однако твой талант очень силен, но неумен. Он защищает тебя от враждебной магии, а вот неосязаемая угроза для него проблема. Как мы знаем, сейчас обстановка у тебя дома оставляет желать лучшего, и...

Бинк кивнул:

— Но мы оба так же хорошо знаем, что это пройдет, государь.

— Согласен. А вот твой талант, возможно, не столь рационален. И он попытался подсунуть тебе то, что посчитал лучшей женщиной; я осуждаю его нравственность, но не вкус. Когда же ты сообразил, к каким неприятностям это может привести, твой талант отступил. Тогда-то он и не допустил твоего свидания с Милли. Зомби тоже вполне вписывается в эту схему. Возможно, зомби должен был помочь тебе найти скелет, но потом изменил свою цель на противоположную. Никто не знает, какая беда могла бы произойти, если бы Милли и королева настояли на твоем свидании, но мы-то знаем, что это несчастье выглядело бы простым совпадением, ведь именно таким образом действует твой талант. Может, дворец обрушился бы на наши головы, а может, какой-нибудь несчастный случай превратил бы Милли опять в привидение.

— Нет! — ужаснулся Бинк.

— Я понимаю, что ты не хотел бы причинить неприятности столь милой девушке. Я тоже. Поэтому я и вмешался. Мы должны принять как должное, что тебе нельзя идти на свидание с Милли, хотя именно твой талант вернул ее к жизни. Полагаю, в данном случае я нашел правильное решение. Очевидно, что талант Милли — сексуальная притягательность. Это объясняет ее преждевременную кончину при обстоятельствах, способствующих превращению в привидение. Так что у нее не будет недостатка в мужской компании, но без тебя.

— Сексуальная притягательность! — воскликнул Бинк.— Так вот что так позабавило знахарку магии! Она понимала, какие могут возникнуть трудности, когда она восстановит свою магию! И вот почему предложение Милли было так соблазнительно для меня, несмотря на...

— Именно так оно и есть. Я сам это почувствовал... Я ведь только что благодаря твоему совету благополучно решил свою проблему с королевой. Кстати, вот твоя куртка.— Он угрюмо протянул Бинку куртку.

— Моя вина в том, что теперь весь дворец узнает...

— ...что я не только король, но и мужчина,— закончил за него Трент.— В этом нет ничего постыдного. Зато теперь Ирис не узнает о моей слабости, которую я проявил бы в ином случае. Наверное, в такой момент я не должен был испытывать влечение к другой женщине, но я испытал его рядом с Милли. Поэтому-то я и понял, что здесь не обошлось без магии. Но вот у тебя дома сложная ситуация, а тут еще явное желание Милли встретиться с тобой... Бинк, я думаю, что тебе надо на время покинуть эти места. По крайней мере до тех пор, пока мы не решим что-нибудь с Милли.

— Но как же Хамелеоша... я не могу оставить ее одну...

— Об этом не беспокойся. Я приглашу ее во дворец, и она будет окружена моими слугами. Думаю, из Милли выйдет отличная служанка для нее, пока мы не придумаем что-нибудь получше. Все, что требуется, так это отослать тебя подальше от волнений и соблазнов, которые неизбежны здесь. А поскольку твой талант могуч, но совершенно несовместим с дворцовой жизнью, я постарался найти ему лучшее применение. Бинк, я хочу дать тебе королевское поручение — отыщи источник магии Ксанфа.

Король Трент сделал паузу. Бинк продолжал ждать. Ничего не произошло.

— Похоже, мой талант не возражает,— сказал Бинк.

— Прекрасно,— вздохнул король. Он один знал, насколько опасно действовать против воли таланта Бинка.— Я прикажу снабдить тебя всем необходимым. Для защиты я дам тебе спутника: ты можешь оказаться в опасных местах и подвергнуться отнюдь не магической угрозе. Тебе еще потребуется провод-

ник...— Король щелкнул пальцами.— Кентавр Честер. Его положение очень похоже на твое, к тому же вы еще и друзья. Ты можешь ехать на нем верхом, а в случае опасности лучшего союзника и не отыскать.

— Но кентавр не человек, он может и не согласиться отправиться со мной.

— Что правда, то правда: когда дело касается кентавров, от моей власти остается одно название. Я не могу приказать ему сопровождать тебя. Но до замка доброго волшебника Хамфри, я думаю, он согласится с тобой дойти.

— Почему? — недоуменно поинтересовался Бинк.

— Потому что только Хамфри способен сказать ему, в чем состоит его магический талант.

Похоже, король в курсе всех событий!

— Но ведь ответ обойдется ему в целый год службы волшебнику!

Король пожал плечами:

— Не будет никакого вреда, если он просто поболтает с Хамфри. Честер может отправиться с тобой за компанию, а когда вы будете у волшебника, поболтает с ним.

Бинк улыбнулся:

— А его кобылице Чери вовсе не обязательно обо всем этом знать.

— Во всяком случае, это вы с Честером можете обсудить и без меня.— Король еще немного подумал.— И еще Кромби... Он будет указывать тебе путь.

— Я думаю, Кромби не угнаться за Честером,— заметил Бинк.— Ни одному человеку не сравниться в скорости с кентавром. А нести двоих Честер не захочет...

— Ну, это решается просто! Я превращу Кромби в кого-нибудь, кто не уступит в скорости кентавру. Например, в дракона...

— Это привлечет внимание и будет пугать людей.

— Пожалуй. Хорошо, тогда в грифона. Бывают прирученные грифоны, так что это не вызовет особого удивления. Правда, в этом случае он лишится возможности говорить, зато будет хорош в бою, одно другого стоит. Трудно найти среди жи-

вотных лучшего бойца, чем грифон, так что баш на баш. И если твоими спутниками будут кентавр и грифон, то обычных, немагических опасностей можно не бояться.— Король опять задумался.— Но даже в таком случае, я думаю, тебе не помешает конкретный совет волшебника Хамфри. Дело может оказаться гораздо сложнее, чем мы рассчитываем.

Бинк почувствовал, как его охватывает радостное возбуждение. Опять приключения!

— Государь, я найду для тебя источник магии. Когда мне начать поиски?

— Завтра утром,— ответил, улыбаясь, король Трент.— А теперь иди домой и расскажи жене о своем особом задании. Но не упоминай о бывшем привидении Милли!

— Не буду! — пообещал Бинк, тоже улыбаясь. Но, уже собравшись уходить, он вспомнил кое о чем еще.— Ты знаешь, что в окрестностях дворца появился волшебный крот?

Король воспринял это сообщение вполне спокойно.

— Мне об этом еще не докладывали. Но я ничего не имею против его пребывания, пока он не тревожит могилы зомби. Кстати, тот зомби...

— Был еще один, в саду, около холмика земли. Хотя, может, это тот же самый.

— Я прикажу провести расследование по этому делу.— Король благосклонно воззрился на Бинка: — У тебя есть еще какие-нибудь важные сообщения?

— Гм... пожалуй, нет.— Бинк вдруг почувствовал себя очень неловко.

И зачем он говорит королю обо всех этих мелочах? Он совсем потерял чувство меры!

Глава 3

СТЫЧКА С ПОЛУШКАМИ

Поутру они приступили к выполнению королевского поручения. Трое мужчин, у каждого из которых имелись свои трудности в отношениях с прекрасным полом. Все трое были рады уехать от своих нынешних забот и пуститься в приключения.

Кромби особенно гордился своим новым обликом: он часто расправлял крылья и совершал пробные полеты.

И в самом деле, у солдата не имелось причин для недовольства. Его львиные лапы были сильны и мускулисты, а орлиная голова с зоркими глазами очень симпатична, да и перья на крыльях выглядели великолепно. Оперение на шее синее, на спине — черное, на груди — красное, а сами крылья белые. Более симпатичного монстра трудно найти во всем Ксанфе.

Кругом лежала Глухомань, а это не игрушка. Едва покинув замок Ругна, они попали в окружение враждебной магии. Большинство близлежащих тропинок находилось под чарами заклинаний короля, так что для тех, кто путешествовал, не отклоняясь от них, опасности было немного. Но добрый волшебник Хамфри не любил общества, поэтому прямой дороги к его замку не было. Все дороги волшебным образом вели *прочь* от его замка. А это значило, что безопасного пути туда нет.

К счастью, талант Кромби находить нужное направление помогал не сбиться с пути. Время от времени солдат-грифон останавливался, закрывал глаза, вытягивал крыло или лапу и крутился, пока не останавливался, указывая нужное направление. Чувство направления Кромби никогда не подводило. Только, к несчастью, оно не учитывало неудобств при путешествии напрямик.

Первое, с чем они встретились, была рощица адских колокольчиков. Стебли тянулись вверх, и колокольчики скрипуче дребезжали. Перезвон стоял оглушительный и прямо-таки сводил с ума.

— Надо выбираться отсюда! — крикнул Бинк, хотя прекрасно понимал, что из-за шума колокольчиков его совершенно не слышно.

Честер зажал уши руками и ринулся вперед, сбивая по дороге отдельные колокольчики, но как только он сбивал один, дюжина других начинали звенеть еще громче.

Кромби расправил крылья и яростно ими махал. Бинк думал, что тот хочет взлететь, но грифон запустил все четыре лапы в стебли и яростно потянул их вверх. Стебли натянулись, и перезвон стал дребезжащим, а потом и вообще стих. Натянутые стебли не давали колокольчикам раскачиваться, и они не могли звенеть.

Бинк и Честер воспользовались моментом и бросились вон из рощицы. Кромби отпустил колокольчики и взмыл вверх, подальше от перезвона. Путешественники освободились, но это было предупреждение. Нельзя ломиться напролом, будто идешь по королевской дороге.

Путешественники продолжили путь, старательно обходя древопутаны и арканники. Теперь Кромби часто проверял не только правильность направления, но и возможную опасность на избранном пути. Иногда они обходили даже, казалось, безобидные места, продираясь сквозь заросли щекотихи и поскользнуха. Но Честер с Бинком доверяли таланту Кромби — лучше чесаться и скользить, чем умереть позорной смертью.

Теперь, когда они уже отправились на поиски приключений, эта затея казалась совсем не такой притягательной. Появилось множество неприятных мелочей и неудобств, о которых забываешь в уюте дома или в комфорте дворца. Трясясь на спине кентавра, Бинк стер ляжки и очень страдал от того, что сильно вспотел.

Когда они проголодались, Кромби нашел лимонадное дерево, росшее на полянке из сахарного песка. Честер взял острый камень и просверлил дырочку в стволе дерева, чтобы можно было пить полившийся оттуда сок. Сок походил на кровь, и сначала это шокировало, но он оказался просто с клубничным ароматом. Сахарный песок был слишком сладким — много не съешь. Кромби нашел и хлебное дерево, оно понравилось им больше. Булочки совсем поспели, и, когда их, тепленькие, раскрывали, из них шел пар. На вкус они были великолепны.

Не успела троица обрести уверенность, как вновь заявили о себе опасности. Талант Кромби действовал, только когда к нему обращались, а не стоял на страже постоянно. В данном случае угроза исходила от голодного дракона средней величины, прыгающего и огнедышащего. Это было, пожалуй, самое опасное существо в Ксанфе, если не считать больших драконов. Такие монстры — хозяева Глухомани, и в сравнении с ними все другие опасности незначительны. Будь противник покрупнее, они могли бы погибнуть. Но против дракона средних размеров человек, грифон и кентавр имели шанс на победу.

И все же почему дракон напал на них? Обычно драконы на людей и кентавров не нападали. Стычки, конечно, случа-

лись, но только по необходимости. Драконы были хозяевами только в Глухомани, потому что многочисленность, организованность и военное снаряжение людей и кентавров делали последних серьезными противниками. Некоторые люди, такие, например, как король, обладали магией, которая могла тут же покончить с драконом. Обычно люди и драконы оставляли друг друга в покое.

Мог ли тайный враг Бинка послать дракона? Достаточно небольшого толчка в маленький горячий мозг дракона, и результат будет выглядеть как обычное происшествие в Глухомани. Бинк вспомнил вывод, сделанный королем: магия противника Бинка очень похожа на его собственную. Не совсем такая же, конечно. Но очень похожая. А следовательно, коварная.

Затем его взгляд упал на маленький холмик свежевырытой земли. И здесь волшебный крот? Складывалось впечатление, что эти существа наводнили весь Ксанф!

И у Кромби, и у Честера были отважные сердца воинов. Но Бинк-то в конечном счете надеялся на свой талант. Трудность состояла в том, что действие его таланта не обязательно распространялось на его друзей. Только в совместной борьбе Бинк мог надеяться, что талант, спасая его, спасет и его друзей. Из-за этого он чувствовал вину перед ними, ведь его храбрость немногого стоила — они могли умереть, тогда как он от этого заговорен. И в то же время он не мог даже сказать им об этом. Скрытой магии в Ксанфе очень много; похоже, магия любит прятаться под покровом чрезмерной таинственности, как кокетливая хорошенькая девушка.

Как назло, они попались в чистом поле, идеальном месте для дракона. Вокруг не было ни больших деревьев, которые могли бы послужить убежищем или прикрытием, ни местной магии, которую можно быстро привлечь себе на помощь. Дракон пошел в атаку, из его пасти вырывались языки пламени. Одного такого огненного выхлопа достаточно, чтобы поджарить человека целиком. Драконы обожают хорошо прожаренных людей — слухи об этом ходили повсюду.

В руках у Честера появился лук с натянутой тетивой. Он заранее запасся и луком, и стрелами, и мечом, и мотком веревки и отлично всем этим владел.

— Держись подальше от пламени! — крикнул Честер.— Когда он выпустит пламя, ему понадобится сделать вдох. Как увидишь, что он разбухает, отскакивай в сторону.

Хороший совет! Любое существо таких габаритов, как дракон, двигается не очень-то проворно, а языки пламени требуют аккуратной наводки на цель. На самом деле, возможно, безопаснее всего находиться поближе к дракону, тогда они смогут увертываться от его атак достаточно быстро и ему будет трудно за ними уследить. Но все же не слишком близко — зубы и когти дракона тоже очень опасны.

У Кромби, однако, тоже имелись когти, а его клюв не уступал зубам. К тому же он имел преимущество, умея летать. Он двигался быстрее дракона, несмотря на свою массу, хотя масса-то у него была намного меньше, чем у дракона. И все же он был не настоящим грифоном, поэтому не мог действовать так же стремительно и точно, как настоящий грифон.

Бинк являлся самым слабым звеном в их обороне, так, по крайней мере, должно было казаться остальным.

— Назад, Бинк! — крикнул Честер, когда Бинк ринулся вперед.

Бинк не мог объяснить кентавру свою кажущуюся глупость.

Когда они достаточно приблизились к дракону, тот замедлил движение и не спускал глаз со своего самого опасного противника — грифона. Кромби издал боевой клич и заложил вираж, чтобы зайти в хвост дракону. Дракон повернул голову, следя за Кромби, и тут Честер выстрелил ему в шею. Кентавр вложил в выстрел всю силу, на которую был способен, но стрела отскочила от металлической чешуи дракона.

— Надо стрелять в пасть, когда нет огня,— пробормотал Честер.

Бинк понимал, как это опасно. Чтобы выстрелить точно в пасть, надо встать напротив дракона в тот момент, когда тот разинет ее, а разевал он ее только для того, чтобы проглотить что-либо или кого-либо или выпустить очередную струю пламени.

— Не рискуй! — крикнул Бинк.— Пусть Кромби поможет нам убежать.

Но Кромби не мог его слышать, он находился слишком далеко и был занят, а кентавр так увлекся сражением, что был не в настроении отступать. Если они не нападут на дракона так, как им удобно, то он уничтожит их так, как удобно ему.

Бинк шагнул вперед со своим мечом, выискивая у противника слабое место. Чем ближе он подходил к дракону, тем громадней тот казался. Чешуйки шкуры перекрывали друг друга и служили хорошей защитой от большинства стрел, но, если направить лезвие меча между ними, этой защиты может оказаться недостаточно. И сумей Бинк пробить эту броню близ какого-нибудь жизненно важного органа...

Кромби с пронзительным криком спикировал на дракона. Пикирующий грифон — такая штука, которую даже дракон не рискнет проигнорировать. Дракон рванулся, свернулся ровным кольцом, а голову вскинул вверх, чтобы отразить нападение. Его огромные челюсти раскрылись, но не для того, чтобы извергнуть пламя,— он надеялся откусить грифону крыло или голову. Его шея наклонилась к Бинку, которого он не считал серьезной угрозой.

Честер выстрелил из лука в пасть дракону, но он неудобно стоял, и стрела отскочила от зуба. Кромби спустился ниже, выпустив когти,— он рассчитывал уклониться от разинутой пасти и выклевать дракону глаз. Бинк подбежал поближе и вонзил свое заговоренное лезвие между растопыренных чешуек под шеей дракона.

Тело дракона было толщиной с рост Бинка, каждая чешуйка — диаметром с растопыренную ладонь, а сами чешуйки глянцево-синие с радужным окаймлением. Края чешуек были острые как нож. Когда лезвие меча погрузилось в тело дракона, эти прекрасные смертоносные чешуйки приблизились к руке Бинка. Тут-то Бинк и сообразил, что чешуйки могут перерезать его руки еще до того, как он причинит сколько-нибудь значительный вред монстру. Идея заколоть дракона мечом была пустой затеей.

Однако рана, нанесенная дракону Бинком, дала о себе знать — так человеку досаждает укол колючки. Дракон отвлекся, чтобы посмотреть на эту досадную помеху. Шея дракона изогнулась, и его морда оказалась прямо перед Бинком. На

таком расстоянии она казалась в два раза больше. Голова дракона была защищена медными пластинками и возвышалась над Бинком в половину его роста. На голове зияли две расщелины ноздрей, закрытые клапанами, препятствующими выдоху. Дракон вдыхает через нос, а выдыхает через рот; возможно, языки пламени могут повредить нежные носовые проходы, и поэтому их надо обезопасить. Губы дракона были светлее ноздрей и блестели, будто сплав, способный выдержать раскаленный жар дыхания. Зубы покрылись обожженными коричневыми пятнами, в трещинах темнели следы сажи.

Глаза дракона располагались по бокам головы, но строение черепа позволяло им смотреть прямо вперед, как раз туда, куда метило пламя. На время эти глаза уставились на Бинка, который стоял, держась за рукоять меча, погруженного в изогнутую шею дракона. Как и все живые существа, драконы обладают разными умственными способностями, но даже глупый дракон должен был в таких обстоятельствах быстро опознать в Бинке причину своей раны на шее. Ноздри дракона с легким свистом закрылись. Пасть распахнулась. Вот-вот Бинка поглотит пламя.

Бинк замер. В этот момент он мог думать только о своем мече. Это было хорошее оружие, заговоренное, и поэтому оставалось всегда острым и очень легким в руках владельца, подарок из королевского арсенала. Для того чтобы отскочить в сторону, пришлось бы выпустить меч, ведь времени освобождать его из шеи дракона уже не было. Не желая расставаться с мечом, Бинк продолжал висеть на его рукоятке и поэтому не мог уклониться от пламени.

В брюхе дракона родилось рычание, пасть превратилась в трубу, из которой вот-вот извергнется столб огня. Бинк был неподвижной целью.

И тут у плеча Бинка просвистела стрела и влетела в открытую глотку дракона. Великолепный выстрел кентавра.

Даже слишком великолепный. Вместо того чтобы пронзить мягкие ткани в глубине глотки монстра и повредить какой-нибудь жизненно важный орган, стрела скрылась в надвигающемся пламени. Теперь пламя вырвалось наружу; смертоносный золотой столб света, уничтожив стрелу, устремился к голове Бинка.

И как раз в тот момент, когда пламя вырвалось наружу, грифон обрушился на голову дракона и толкнул ее вниз. Морда дракона ткнулась в землю прямо у ног Бинка. Произошло что-то вроде взрыва. Голову дракона окутало пламя, а в земле образовалось нечто напоминающее небольшой кратер. Грифону при этом чуть не опалило крыло. А Бинк продолжал стоять с мечом в руке на краю дымящейся воронки обгоревшей земли.

Не успел дракон прийти в себя, как грифон подхватил Бинка когтями. Они были уже в воздухе, когда под болтающимися ногами Бинка вспыхнул второй столб пламени.

Кромби не мог долго нести Бинка и на земле, не говоря уже о том, чтобы лететь с ним.

— Определи, куда нам бежать! — закричал Бинк.— Воспользуйся своим талантом!

Изумленный грифон бросил Бинка в подушечный куст и прямо в воздухе проделал ритуал определения направления. Между тем дракон прокашлялся, выплюнул несколько огненных шаров, рассыпая вокруг золу, прочистил свои трубы и ринулся в погоню. Честер галопом несся наравне с драконом, пытаясь сделать еще один удачный выстрел. Становилось понятно, что этого дракона им не одолеть даже совместными усилиями.

Правым крылом Кромби указал направление.

— Арак! — крикнул он.

Честер развернулся и подбежал к Бинку.

— Прыгай на спину! — крикнул он.

Бинк прыгнул и растянулся на крупе кентавра. Он начал соскальзывать и судорожно вцепился обеими руками в гриву низко наклонившего голову и продолжавшего мчаться галопом кентавра. Во время одного из прыжков кентавра Бинк чуть не вылетел вперед, но крепко сжал коленями бока своего скакуна и удержался.

Бинк поднял глаза и увидел прямо перед собой разъяренную морду дракона. Должно быть, монстр успел сделать круг!

— Честер! — в панике завопил Бинк.— Он впереди!

— Как же, впереди! — крикнул у него за спиной Честер.— Это ты, дурень, уселся задом наперед!

Ух ты! И правда. Дракон гонится за ними, пытаясь их догнать. А Бинк держится за роскошный хвост Честера. Ничего

удивительного, что ему показалось, будто кентавр очень низко наклонил голову!

Ну и что, зато так очень удобно следить за драконом.

— Дракон нас нагоняет,— доложил Бинк.— Куда показал Кромби?

— Туда, куда я и бегу,— ответил Честер.— Только не знаю, долго ли нам еще бежать до укрытия!

Его раздражение можно было понять, он не любил убегать от неприятеля, даже такого сильного, как дракон. Если бы не Бинк, кентавр вообще не отступил бы.

Кромби мог указать направление, но вот сказать, сумеют ли они добраться до безопасного убежища вовремя, он не мог. А если предположить, что дракон настигнет их раньше? Тогда, наверное, опять начнет действовать талант Бинка.

— Это был самый отважный поступок, который когда-либо совершал у меня на глазах человек,— сказал Честер. Очевидно, он считал, что у кентавров более высокие стандарты храбрости.— Ты стоял прямо у пасти дракона, отвлекая его внимание, и стоял так спокойно, что мне удалось выстрелить над твоим плечом. Он же мог тебя спалить!

Или ты проткнул бы меня своей стрелой, подумал Бинк. Но кентавры редко промахиваются.

— Это была не храбрость,— возразил Бинк,— я так напугался, что не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

— Ну да? А что ты скажешь о том, как ты ткнул этот старый камин мечом в шею?

Да, это очень напоминало храбрость. Но как объяснить, что благодаря защите чудесного таланта Бинка для такого поступка не требуется много храбрости? Знай он, что действительно может погибнуть, у него бы ни за что не хватило духу на такое.

— Я делал то же, что и вы,— сражался. Спасал свою шкуру.

Честер насмешливо фыркнул и прибавил скорости. Дракон продолжал настигать их. Будь это летающий дракон, они бы уже проиграли гонку, но летающие драконы меньше, а следовательно, не так сильны. Но все же любой дракон представлял опасность, если только объектом его нападения не становился кто-нибудь, обладающий обезоруживающей магией.

Теперь дракон уже настолько приблизился к ним, что мог дохнуть на них пламенем. Его нос был весь в земле, но для пламени это не помеха. Дракон разинул пасть...

Честер нырнул куда-то вниз.

— Держись! — с тревогой крикнул кентавр.— Мне эту расщелину не перепрыгнуть!

Похоже, что так. Бинк чуть не совершил кульбит через хвост кентавра, он завис в воздухе и приземлился так, что внутри у него все перевернулось. По обеим сторонам от них стремительно поднимались стены ущелья. Очевидно, они попали в самое начало ущелья, поэтому спускаться было довольно просто. Наверное, это и есть то убежище, на которое указывал Кромби. И действительно, грифон тоже начал спускаться, чтобы присоединиться к ним.

Но дракон продолжал преследовать их и здесь, в ущелье. Его длинное гибкое тело вполне приспособлено для передвижения по такой местности. Не существовало такого ущелья, в которое бы мог проникнуть кентавр и которое было бы слишком узким для дракона. Бинка начали одолевать сомнения: а вдруг они отклонились от нужного направления и попали вовсе не в обещанное убежище?

Внезапно Честер встал как вкопанный.

— Не останавливайся! — крикнул Бинк.— Монстр уже совсем рядом!

— Ну и убежище отыскали эти птичьи мозги,— с отвращением пробормотал Честер.— Лучше уж сразиться с драконом!

— Никуда не денешься,— сказал Бинк, поворачиваясь, чтобы посмотреть в лицо кентавру,— нам от него не убежать...— И тут он увидел, что остановило кентавра.— Полушки! — с еще большим ужасом воскликнул он.

Дракон тоже увидел полушек. Он резко затормозил и попробовал развернуться, но расщелина оказалась слишком узкой для такого маневра. Он мог бы развернуться через голову, используя вертикальное пространство, но это означало подставить под удар живот и шею, где у него уже была рана.

Кромби приземлился между противниками.

— И это твои куриные мозги называют путем к спасению? — поинтересовался Честер, в то время как полушки возводили жи-

вые баррикады везде, где была тень, тем самым отрезая путешественникам пути к отступлению.

— Сквок! — зло откликнулся грифон.

Он прекрасно понял и вопрос, и оскорбление, только не мог должным образом ответить на том же языке. Кромби сложил крылья, чтобы они не задевали за стены ущелья и не испачкались. Затем он закрыл глаза и неуклюже завертелся, вытянув перед собой одну лапу. Но лапа не задержалась в каком-то определенном направлении, а колебалась в пределах полукруга.

Несколько смелых полушек бросились в атаку. У каждой было около полусотни ног и одна клешня. И каждая имела огромное желание отведать свежего мяса. Одну полушку можно убить, затратив определенные усилия и подавив отвращение, но сотню без должного вооружения и магии не одолеть. Однако надо пытаться, ведь что может быть хуже, чем изжариться в пламени дракона? Разве только пойти на корм полушкам.

Дракон взвыл. Полушка забралась на его самый маленький коготь на передней лапе и откусила кусок кожи почти в дюйм диаметром. Лапы дракона были металлическими, но и клешни полушек благодаря магии обладали твердостью меди: они могли откусить что угодно. Честер мрачно ухмыльнулся.

Но тут кентавр высоко подпрыгнул, издав крик, отдаленно напоминающий ржание. Другая полушка отщипнула кусочек от его копыта. Честер наклонился и попробовал растоптать маленького монстра. Но тот проворно отполз в сторону, в то время как другие полушки атаковали остальные копыта кентавра. Теперь насмешливо зафыркал дракон.

Но их положение было отнюдь не таким забавным. Высокие отвесные стены ущелья сжимали узенькую полоску дна. Стены были слишком высоки, чтобы Бинк мог допрыгнуть до края; он мог бы это сделать, встав на спину кентавра, но как вытащить наверх самого кентавра? Дракон мог поднять голову на такую высоту, но зацепиться лапами за край ему не удалось бы. Выбраться отсюда способен разве что грифон, если ширина ущелья позволит ему расправить крылья. Спускаясь, грифон сложил крылья и спланировал на дно, но для того, чтобы взлететь, требовался полный размах крыльев. С помощью Честера он мог бы подпрыгнуть и набрать высоту, но опять вста-

вал вопрос, как быть с самим Честером. Ловушкой были сами стены ущелья.

Если они отсюда не выберутся, то очень скоро станут пищей для этой стаи монстриков. Дракон загородил выход своей тушей. Сейчас он отчаянно топтался на месте, стараясь как можно выше приподнять свое туловище и помешать полушкам глодать наиболее чувствительные места, а полушки с рвением набросились на его лапы. Подобным образом вел себя и Честер. Не отставал от них и Кромби, который в данный момент не мог летать. Той же тактики придерживался и сам Бинк, чьи конечности были наиболее нежными. И куда подевался его талант?

— Их сдерживает солнечный свет,— сказал Честер.— Как только солнце скроется, они все ринутся на нас.

Бинк взглянул на тень от стены. Солнце стояло высоко, и стена отбрасывала лишь узенькую полоску тени. Но вся эта полоска сплошь была забита никелированными монстриками. Только одна полушка из сотни отваживалась выйти на свет и напасть на путников, пробираясь вдоль чьей-нибудь тени, но даже в этом случае нападающих оказывалось более дюжины.

И тут Бинка озарило.

— Мы должны объединиться! — воскликнул он.— В противном случае нас всех обглодают!

— Конечно! — согласился Честер.— Только как нам избавиться от дракона?

— Я имел в виду объединиться с драконом!

Честер, Кромби и дракон одинаково изумленно уставились на него. Все они продолжали приплясывать на месте.

— Дракон слишком глуп, чтобы с ним объединяться, даже если он и захочет,— заметил Честер,— даже если в этом и есть смысл. В голове дракона появляются только отблески мыслей. С какой стати нам самим помогать ему сожрать нас?

— Надо заключить перемирие,— сказал Бинк,— мы помогаем ему, а он не ест нас. Дракону не развернуться и не продержать долго свое тело приподнятым. Так что его положение не лучше нашего. Но он способен лучше нас бороться с полушками. Таким образом, если мы прикроем его бока...

— Пламя! — воскликнул Честер.— Полушки боятся света, а в пламени его сколько хочешь!

— Правильно,— согласился Бинк,— поэтому, если мы защитим те части тела дракона, которые находятся в тени, ноги...

— ...и спину,— добавил Честер, бросив взгляд на Кромби.— Если он нам поверит...

— У него нет выбора,— сказал Бинк, направляясь к дракону.

— Но он этого не знает! Берегись! Он спалит тебя!

Но Бинк, защищенный своим талантом, был уверен, что его не спалят. Он подошел к носу дракона и остановился перед медными ноздрями. Из ноздрей курились струйки дыма — видимо, когда система не работала, все же происходила небольшая утечка жара.

— Дракон,— сказал Бинк,— ты же меня понимаешь, правда? Ты не можешь говорить, но ты ведь понимаешь, что мы все крепко влипли. Если мы не поможем друг другу справиться с полушками, они нас всех обглодают и растащат по кусочкам.

Он подпрыгнул, спасаясь от очередного никелированного монстрика. Дракон ничего не ответил. Он просто продолжал смотреть на Бинка. Бинк решил, что это добрый знак. Он вытащил меч, тщательно прицелился в никелированный панцирь и проткнул его. Когда Бинк приподнял монстрика на острие меча, тот был еще жив и продолжал щелкать клешней, стараясь дотянуться до чего-нибудь съедобного. Теперь можно было рассмотреть, что клешня у полушки круглая. Обычно они забираются на свою жертву при помощи нескольких сот ног и начинают выщипывать кусочки плоти. Ужасно!

— Я могу убивать их поодиночке,— продолжал Бинк, демонстрируя свою добычу правому глазу дракона,— сидеть на одной из твоих лап и защищать ее. Мой друг кентавр защитит твой хвост. Грифон — на самом деле он солдат и тоже мой друг — будет ловить монстриков, забравшихся тебе на спину, и давить их клювом. Так что, если ты поверишь нам, мы можем тебе помочь.

— А с чего нам доверять ему? — поинтересовался Честер.

И опять от дракона не последовало никакой реакции. Он что, совсем глуп или что-то все же соображает? Судя по тому, что дракон не выказывал признаков враждебности, Бинк решил, что все в порядке.

— Вот что надо сделать,— поспешно продолжил он, так как тень постепенно росла, а полушки становились все смелее. Трое монстриков подбирались к ногам Бинка, а успеть вовремя разделаться со всеми тремя для него было уже проблемой.— Нам троим надо залезть на тебя, чтобы добраться до твоего хвоста и задних ног. Кромби устроится у тебя на спине. Тебе надо пустить нас и потерпеть наш вес. Мы сделаем все возможное, чтобы твоя чешуя не пострадала. Но основная работа ляжет на тебя. Как только мы очистим проход, ты должен сжечь все стаю полушек перед собой. Поджарь их всех! Они не любят света и разбегутся. Тогда мы все сможем выбраться отсюда. Идет?

Дракон просто продолжал пялиться на Бинка. Правильно ли он все понял? Тут слово взял Честер:

— Дракон, ты должен знать, что кентавры славятся своей честностью. Это общеизвестно! Даю тебе слово: если ты позволишь мне пройти, я тебя не трону. Я хорошо знаю Бинка. Хоть он и человек, но тоже честный. А грифон...

— Чирик,— сердито вставил Кромби.

— Кромби тоже честный человек,— поспешно вмешался Бинк,— и в твоей честности, дракон, мы не сомневаемся.

Дракон по-прежнему не сводил глаз с Бинка. Бинк решил, что пришло время рискнуть. Может, дракон настолько глуп, что не понимает смысла их предложения, а может, он не доверяет им. А возможно, просто не знает, как им ответить. Надо рискнуть и проверить последнее предположение.

— Я полезу тебе на спину,— сказал Бинк,— остальные последуют за мной. Перемирие продолжается, пока мы не выберемся из ущелья.

Перемирие. Он оценил этот вид компромисса более года назад, когда они с Хамелеошей заключили перемирие со злым волшебником. Это спасло их от многих несчастий в Глухомани. Похоже, при большой опасности можно договориться с любым врагом.

Он опять обратился к хранящему молчание дракону:

— Если ты мне не веришь, сожги нас прямо сейчас и разбирайся с полушками в одиночку.

Бинк смело обошел голову твари и направился к основанию шеи, откуда у дракона растут передние лапы. Дракон его не спалил. Бинк увидел рану, нанесенную им дракону; из раны капала сукровица, которую тут же, как только она падала на землю, с жадностью поедал один из никелированных монстриков. Чтобы не потерять ни капельки такого лакомства, монстрик выкусывал каменную крошку из дна ущелья. Для своих размеров полушки были самыми прожорливыми хищниками во всем Ксанфе!

Стряхнув с кончика меча наколотого монстрика, Бинк убрал меч в ножны, вытянул руки и подпрыгнул. Его голова и плечи оказались на уровне основания лапы дракона, и, цепляясь за чешуйки, он полез выше. Чешуйки были прижаты к телу, и, если браться за них осторожно, можно не поранить руку. Дракон не шевелился.

— Честер, Кромби, сюда! — позвал Бинк.

Ободренные зовом Бинка и подгоняемые сужающимся кольцом полушек, кентавр и грифон последовали за Бинком. Дракон с опаской покосился на них, но пламя сдержал. Вскоре все трое заняли свои боевые посты. И как раз вовремя, потому что полушки сгрудились так плотно, что от отражаемого ими света даже посветлели стены ущелья. А тень неумолимо приближалась.

— Выжигай проход впереди! — прокричал Бинк дракону.— А мы защитим тебя с флангов.

Бинк вынул меч и наколол на него очередного монстрика.

Дракон изверг чудовищную струю огня. Струя опалила все ущелье, окутав его пламенем и дымом. Эффект был такой, будто в ущелье ударила молния. Падая со стен и сгорая, полушки тоненько пищали, некоторые из них при этом даже взрывались. Полный успех!

— Прекрасно,— объявил Бинк дракону, вытирая слезящиеся глаза: от стен ущелья отразились потоки раскаленного воздуха.— А теперь отходи назад.

Но дракон не шелохнулся.

— Он не может пятиться,— заметил Честер, увидев удивление Бинка,— его ноги для этого не приспособлены. Драконы никогда не отступают.

Бинк догадался, что Честер прав. Тело у дракона очень гибкое, и обычно, чтобы развернуться, он складывается пополам. А ноги устроены так, что способны двигаться только вперед. Неудивительно, что дракон никак не отреагировал на предложение Бинка. Оно было просто неосуществимо. Дракон не в состоянии это объяснить, а всякий отказ мог показаться нарушением перемирия. Даже разумное существо задумалось бы, как поступить в такой ситуации, не то что дракон, которого назвать разумным можно только условно. Поэтому дракон и выбрал простую тактику выжидания.

— Значит, нам остается только углубляться в ущелье! — встревоженно воскликнул Бинк.— Или ждать здесь наступления темноты.

Оба варианта были губительны. В полной темноте полушки набросятся на них всей кучей и обглодают их, отщипывая маленькие кругленькие кусочки, называемые полушками. Какая ужасная судьба — быть защипанным до смерти!

Дракон не может бесконечно извергать пламя, ему необходимо подкрепляться. Именно это он и хотел сделать с самого начала, когда погнался за ними. Как только пламя исчезнет, полушки насядут на них всей оравой.

— Дракона не спасти,— заявил Честер.— Садись на меня, Бинк. Теперь нам ничто не мешает, и мы моментом выберемся из ущелья. А Кромби может подпрыгнуть на спине дракона и взлететь.

— Нет,— твердо отрезал Бинк,— этим мы нарушим наше обещание. Мы договорились выбраться все вместе.

— Нет, не нарушим,— раздраженно заметил кентавр.— Мы обещали не нападать на него. Так мы и не будем. Мы просто уйдем.

— И позволим полушкам напасть на него? — докончил его мысль Бинк.— Нет, я наше соглашение понимаю по-другому. Если хочешь, можешь уходить. А я выполню свое обещание — по духу и букве.

Честер покачал головой:

— Ты не только самый храбрый из всех людей, что мне встречались, но и самый человекоголовый.

А это значит храбрый и упрямый. Бинку очень хотелось, чтобы так и было на самом деле. Будучи уверенным в защите своего таланта, он мог идти на риск и выполнять клятвы, которые в противном случае позволил бы себе и нарушить. Кромби с Честером обладали настоящей храбростью, ведь они знали, что могут погибнуть. Бинк опять почувствовал себя виноватым перед ними, потому что не сомневался, что сам-то он из этой ситуации как-нибудь выкрутится. В то же время он твердо знал, что они его не покинут. Таким образом Бинк попадал в сложное положение: он подвергал своих друзей огромной опасности ради того, чтобы остаться честным в том соглашении, которое он заключил с врагом, пытавшимся убить их всех. Где же тут нравственность?

— Раз уж мы не можем двигаться назад, придется прорываться вперед,— сделал вывод Честер.— Передай своему дружку, пусть разводит пары.

Ирония этой шутки не отличалась утонченностью, но и кентавра нельзя назвать эстетом. Вообще-то он просто любящий поспорить задира. Но он был преданным другом. Бинк не мог избавиться от чувства вины. Оставалось только надеяться, что, пока они все вместе, его талант защитит их всех. Может быть.

— Дракон, не можешь ли ты...— обратился Бинк к дракону.— Может, там, впереди, есть выход.

— Может, луна сделана не из зеленого сыра,— проворчал Честер.

Это была насмешка, но она остро напомнила Бинку о его детстве, когда произошло событие, которое кентавры называли затмением. Тогда солнце врезалось в луну и откололо от нее большой кусок, и огромный ломоть сыра упал на землю. Вся Северянка объедалась сыром, пока он не испортился. Зеленый сыр — самое вкусное, что можно придумать, но только в том случае, если сыр достаточно выдержан на небе. И самые лучшие пироги тоже на небе.

Дракон ринулся вперед. Чтобы не свалиться, Бинк поспешно обхватил коленку дракона. Да, это тебе не на кентавре ска-

кать! Кромби, чтобы сохранить равновесие, слегка расправил крылья, а Честер, все еще смотревший назад, начал удивленно пятиться. То, что для дракона было осторожной поступью, остальным казалось сумасшедшей гонкой.

Бинк побаивался, что ущелье начнет сужаться и продвижение вперед станет невозможным. Вот тогда у него действительно произойдет разлад с совестью! Но ущелье и не думало сужаться, а впереди даже немного расширялось. Проход оказался извилистым, поэтому выхода было не разглядеть. Время от времени дракон расчищал путь, извергая языки пламени, но Бинк заметил, что с каждым разом языки слабели. Для пламени требовалось много энергии, а дракон был голоден и начал уставать. Еще немного, и пламя уже не поможет им в борьбе с полушками. А любят ли драконы зеленый сыр? Идиотская мысль! Даже если бы сыр и помог поддержать огонь, все равно луны не видно, а если бы она и была видна, то как до нее добраться?

И тут они оказались у развилки. Дракон остановился в полной растерянности. Какой из путей быстрее выведет их на волю?

Кромби закрыл глаза и, насколько это было возможно на спине дракона, крутанулся. Но опять его крыло нерешительно заметалось от одного прохода к другому и наконец опустилось, признав свою несостоятельность. Похоже, талант Кромби нуждался в знахаре — и это в самое неподходящее время.

— Доверься птичьим мозгам, и они все испакостят,— пробормотал Честер.

Кромби, чей птичий слух, очевидно, был в полном порядке, отреагировал на это замечание очень сердито. Он закудахтал и направился по спине дракона в сторону кентавра. Перья на его шее распушились, словно шерсть на загривке у оборотня.

— Успокойтесь! — крикнул Бинк.— Мы никогда не выберемся отсюда, если перерутаемся между собой.

Кромби с явной неохотой вернулся на свое место. Получалось, что выбирать проход придется Бинку.

Есть ли вероятность, что оба прохода, сделав петлю, соединятся где-то дальше? Если так, то дракон сумеет развернуться и они быстро выберутся из ущелья. Но это маловероятно. Хотя, если дело обстоит именно так, годится любой путь.

— Сворачивай налево.

Дракон повернул налево. Полушки последовали за ним. Отгонять их становилось все труднее, и дело было не только в том, что солнце опускалось,— стены ущелья все ниже нависали над проходом и пропускали меньше солнечных лучей.

Бинк взглянул на небо и обнаружил, что дело обстоит гораздо хуже, чем он предполагал. Надвигались тучи. Скоро тучи закроют солнце, и вот тогда-то полушки осмелеют окончательно.

Проход снова разделился. О нет! Расщелина превращалась в лабиринт, лабиринт жизни и смерти. Если они здесь заблудятся...

— Снова налево,— скомандовал Бинк.

Это было ужасно: ему приходилось гадать, что могло привести к еще большим неприятностям. Если бы здесь действовал талант Кромби! Странно, что он так внезапно отказал. Похоже, что, пока они не вошли в ущелье, талант действовал вполне исправно. Зачем он отправил их туда, где сам перестал действовать? И почему в этом случае бездействовал талант самого Бинка? Может, он тоже отказал?

Внезапно Бинк испугался. Он и не представлял, насколько зависит от своего таланта. Без таланта он становился беззащитным. Ему могла навредить или даже убить его чужая магия.

Нет! Он не мог в это поверить. Его магия должна сохраниться, и магия Кромби — тоже. Просто надо сообразить, почему она неправильно действует сейчас.

Неправильно? Но с чего он это взял? Возможно, их таланты действуют, как им и положено, а они просто неправильно это понимают. Их таланты как дракон — мощные, но бессловесные. Перед Кромби надо просто правильно поставить вопрос. Если, например, спросить, какой путь ведет к выходу из лабиринта, то вполне может оказаться, что оба пути ведут к выходу — или ни один. Что тогда делать его таланту? Если спросить о конкретном направлении к выходу, а путь туда извилист, то не будет же он показывать все повороты. Здесь нет какого-то определенного направления и нет определенного выбора, путь к выходу — тоже лабиринт. Это-то и сбило Кромби с толку, и

он решил, что его талант отказал, тогда как тот просто с отвращением отвернулся от них.

Допустим, талант Бинка знает это, значит, он не будет волноваться, а укажет Бинку способ заставить талант Кромби заработать должным образом. Но лучше Бинку самому додуматься до этого, потому что в таком случае у него будет уверенность, что они спасутся все вместе. А значит, не пострадают ни его честь, ни дружба.

Выходит, сейчас его достоинства проходят проверку. Но как же решить загадку взбунтовавшегося таланта? Очевидно, что прямой вопрос о направлении к выходу не имеет ответа. Но талант Кромби способен только указывать направление. Если спросить, где находится тот или иной предмет, он укажет направление к этому предмету. А если, как в данном случае, ответом является не направление, то как Кромби получить ответ?

Может, стоит воспользоваться талантом Кромби, чтобы выяснить ответ на этот вопрос.

— Кромби,— крикнул Бинк через всю драконью тушу,— где находится то, что выведет нас отсюда?

Грифон покорно выполнил свой ритуал, но безрезультатно.

— Никакого толку,— проворчал Честер,— его талант скис. Правда, от него и раньше-то было не много проку. Вот если бы у меня был талант...

Кромби зачирикал, и по его тону было ясно, что кентавра приглашают к дискуссии о возможных отверстиях, куда можно запихать такой талант. У Честера даже уши покраснели.

— Ты с нами для того, чтобы выяснить, есть ли у тебя вообще талант,— напомнил Бинк Честеру.— А пока все, что у нас есть, так это талант Кромби. Я думаю, к его таланту надо просто подобрать ключик, вот только бы не опоздать это сделать.— Он прервался, чтобы наколоть на меч очередного никелированного монстрика. Эти существа умирали медленно, но после такой процедуры они уже не нападали: раненых немедленно съедали их же товарищи. Скоро уже будет невозможно ничем заниматься, кроме полушек! — Кромби, где находится то, что может показать нам выход?

— Ты только что об этом спрашивал,— проворчал Честер.

— Нет, я несколько по-иному поставил вопрос. Это не то же самое...

Он замолчал, наблюдая за грифоном. На мгновение показалось, что талант Кромби начал действовать, но потом крыло заметалось из стороны в сторону и поникло.

— Видишь, уже теплее,— сказал Бинк с деланым оптимизмом.— Кромби, а где находится то, что может остановить полушек?

Крыло Кромби уставилось вертикально вверх.

— Да уж, конечно,— пробурчал Честер,— солнце. Только оно прячется за тучки.

— По крайней мере, это доказывает, что его талант действует как надо.

Они подошли к следующей развилке.

— Кромби, какая дорога быстрее приведет нас к тому, что нам поможет? — спросил Бинк.

Крыло уверенно показало направо.

— Никак действительно заработал! — насмешливо воскликнул Честер.— Если, конечно, он нас не надувает.

Кромби опять яростно зачирикал — только этим звуком мог бы уничтожить нескольких полушек.

Но в этот момент солнце скрылось за тучами, погрузив все ущелье в жуткую тень. Никелированные монстрики двинулись вперед, пощелкивая клешнями от удовольствия в алчном предвкушении обеда.

— Дракон, направо! — закричал Бинк.— Выжги все перед собой и беги. Если надо, выпускай последнее пламя. Мы на пути к спасению.

Он надеялся, что это так.

В ответ дракон изверг испепеляющий столб пламени, далеко осветивший проход. Запищали гибнущие полушки. Дракон ринулся по их дымящимся трупам вперед, унося с собой Бинка, Честера и Кромби. Но дракон устал.

Впереди, в темноте прохода, что-то замерцало. В Бинке шевельнулась надежда, но он скоро понял, что это всего лишь манящий огонек. И тут никакой помощи!

Никакой помощи? Внезапно Бинк кое-что вспомнил.

— Вот оно! — закричал он.— Дракон, беги за огоньком!

Дракон, не обращая внимания на недоверчивое ржание Честера, подчинился. Он уже не выдыхал пламя, потому что его очаг почти угас, но бежал еще с приличной скоростью. Огонек, как всегда бывает, маячил впереди на самом пределе видимости. Манящие огни прямо созданы для того, чтобы дразнить. Дракон тяжело бежал от развилки к развилке, казалось, они совсем заблудились, но вдруг очутились в русле высохшей реки.

— Выбрались! — закричал Бинк, с трудом веря в это.

Но они еще не были в безопасности: из ущелья за ними выползла бурлящая стая никелированных монстриков.

Честер и Бинк спрыгнули с дракона, выбрались из пересохшего русла и оказались на усыпанном золой старом пепелище. Кромби расправил крылья и с облегченным клекотом взмыл в воздух. Полушки не стали преследовать даже дракона — им было трудно пробираться сквозь слой пепла, к тому же здесь они в любой момент могли попасть под солнечные лучи. Вся компания оказалась в безопасности.

Запыхавшийся дракон рухнул на землю, подняв облако пепла. Бинк обошел его и встал перед его мордой:

— Дракон, мы славно сражались, и ты побеждал. Мы убегали, ты преследовал, и мы все вместе оказались в ловушке, в ущелье. Чтобы спастись, мы заключили перемирие, которое ты соблюдал так же честно, как и мы. Совместными усилиями мы все спасли наши жизни. Теперь я бы с большим удовольствием считал тебя другом, а не врагом. Прежде чем мы расстанемся, прими нашу дружбу.

Дракон долго смотрел на Бинка. Наконец он медленно кивнул в знак согласия.

— Тогда, пока мы не встретимся снова, удачной тебе охоты,— сказал Бинк.— Кстати, мы можем тебе помочь. Кромби, где находится ближайшая добыча, с которой легко справится и уставший дракон?

Кромби закрутился в воздухе и, приземляясь, вытянул крыло. Крыло указало на север. Тут же они услышали, как в той стороне возится кто-то очень большой, возможно попавший в кусты арканника. Кто-то жирный и глупый, кому предстоит медленная смерть в петлях арканника, если его мучения милосердно не прервет опаляющее дыхание дракона.

— Удачной охоты! — пожелал Бинк, похлопав дракона по теплому медному носу, и отвернулся.

А дракон направился на север.

— И для чего все это? — тихо спросил Честер.— Нам совершенно ни к чему дружба с драконом.

— Я хотел здесь расстаться с ним по-хорошему,— ответил Бинк.— Это особое место, где между всеми существами Ксанфа должен царить мир.

— Ты что, спятил? Это обычное старое пепелище.

— Сейчас покажу. Пойдем за огоньком.

Манящий огонек все еще мерцал в некотором отдалении от них.

— Послушай, Бинк,— воспротивился Честер,— нам один раз повезло с этим огоньком, но нельзя испытывать счастье. Он приведет нас к гибели.

— Только не этот,— сказал Бинк и последовал за огоньком.

Честер немного подумал, брыкнул задними копытами — лицо его приняло выражение, говорившее: «Ну что тут поделаешь?» — и двинулся за Бинком. Кромби спланировал следом.

Вскоре огонек остановился около мерцающего могильного камня. Как только они подошли поближе, на камне вспыхнула надпись «ГЕРМАН-ОТШЕЛЬНИК».

— Дядя Герман! — воскликнул Честер.— Ты хочешь сказать, что это — то самое место...

— ...где он спас Ксанф от вжиков,— закончил Бинк.— Он заманил многих из них сюда с помощью своих огоньков, а потом вызвал саламандровый огонь и сжег весь рой. В этой борьбе он отдал свою жизнь и погиб как герой. Я понял, что огонек приведет нас сюда, как только узнал это пепелище, потому что ты его роду и племени, а огоньки чтят память о нем. Талант Кромби указал нам на огонек, а уж тот...

— Дядя Герман, герой,— пробормотал Честер.

На его лице появилось незнакомое доселе выражение. Задиристый кентавр не привык выражать нежные чувства, почтительность и уважение. Бинку даже показалось, что он слышит грустную мелодию флейты, подчеркивающую настроение Честера.

Бинк с Кромби отошли в сторону, оставив кентавра наедине с его мыслями. Бинк споткнулся о холмик, которого здесь не было еще минуту назад, и чуть не растянулся. Это было единственной неприятной нотой в мелодии флейты.

Глава 4

ЗАМОК ВОЛШЕБНИКА

Замок доброго волшебника Хамфри выглядел так же, как и прежде. Он был высокий и узкий, окруженный защитным валом. За рвом высилась сторожевая башня с амбразурами, брустверами и прочими укреплениями, типичными для всех замков. Он казался меньше, чем помнилось Бинку, но Бинк знал: замок не изменился. Возможно, такое впечатление складывалось из-за того, что Бинк помнил внутренние покои замка, которые могли быть просторнее, чем представлялось снаружи. С помощью магии такое вполне возможно.

Однако подступы к замку со времен его прошлого посещения изменились, из рва исчез гипподер — морской конь, у которого закончился срок службы волшебнику. Несомненно, и на страже внутри вместо мантикоры, которого Бинк встретил на юбилейном балу, стояло новое существо. Даже чудищам приходилось служить волшебнику целый год, чтобы получить от него ответ на свой вопрос, и они обычно проводили этот год, охраняя замок. Хамфри не любил досужих посетителей.

Приблизившись ко рву, путники сразу заметили нового охранника. Чудище? Чудища! Вода просто кишела белыми и черными змеиными кольцами, находившимися в непрерывном движении.

— Но где же хвосты и головы? — изумленно поинтересовался Честер.— Я вижу только кольца.

Трое путешественников озадаченно остановились у края рва. Какой вопрос мог столь сильно мучить морских змеев, что они за ответ на него согласились всей стаей служить волшебнику целый год? И как они попали сюда? Но похоже, Бинку и его друзьям ответ на этот вопрос был недоступен.

К счастью, им не требовалось преодолевать это препятствие. Бинк находился здесь по поручению короля, и его должны были впустить в замок, как только он даст о себе знать.

— Волшебник Хамфри! — позвал Бинк.

Из замка не последовало никакого ответа. Вне всяких сомнений, добрый волшебник погружен в какую-нибудь интересную книгу по магии и совсем забыл о внешнем мире.

— Волшебник! Это Бинк! Я по поручению короля! — снова закричал Бинк.

И опять никакого ответа.

— Старик-гном, наверно, туговат на ухо,— проворчал Честер.— Дай-ка я.— Он сложил руки рупором и заорал: — ВОЛШЕБНИК, ПОСЕТИТЕЛИ!

Эхо его рева заметалось между строениями замка, но сам замок оставался безмолвным.

— Он должен быть в замке,— сказал Бинк,— он никогда оттуда не выходит. Однако мы можем это проверить. Кромби, покажи, где сейчас добрый волшебник.

Грифон завертелся и вытянул крыло точно в сторону замка.

— Должно быть, он на другой стороне,— выдвинул предположение Честер.— Если только талант грифона опять не выкидывает фокусы.

Кромби закудахтал, и голубые перья на его шее снова ощетинились. Он поднялся на задние лапы, а передними сделал несколько боксерских выпадов, приглашая кентавра на бой. Честер выказал явное удовольствие и был готов принять вызов.

— Нет-нет! — поспешно воскликнул Бинк, становясь между ними.— Мы же не хотим, чтобы у волшебника сложилось о нас дурное мнение.

— Проклятье, я только хотел запечатлеть свое мнение на этой оперившейся морде,— проворчал Честер.

Бинк решил, что надо разъединить своих задиристых спутников.

— Обойди-ка замок и еще разок проверь, где волшебник, но с другой стороны,— попросил он Кромби.

— Примени триангуляцию,— подсказал Честер.

Триангуляцию? Бинк, уже привыкший к грубым манерам своего друга, совсем забыл, насколько образованны все кен-

тавры. Триангуляцией назывался магический способ обнаружения местонахождения предмета, не требующий приближения к последнему. Честер обладал острым умом и обширными знаниями, которые он демонстрировал, когда у него появлялось такое желание.

Грифон в конце концов решил, что слово «триангуляция» не является оскорблением из области скатологии, перелетел на другую сторону замка и вновь проделал процедуру определения местонахождения волшебника. Крыло снова показало на замок. Сомнений быть не могло: волшебник находился в замке.

— Ну-ка слетай в замок и скажи ему, что мы уже здесь,— сказал Бинк.— Мы не хотим связываться с этими чудищами из рва.

Кромби опять взлетел. Между рвом и стеной замка лежала узкая полоска земли, на которой можно было приземлиться, но вот в стене никаких проходов не имелось, поэтому грифон направился к высоким башенкам замка. Но похоже, для животного таких размеров, как грифон, там тоже не нашлось никакой лазейки, и грифон, дважды облетев замок, вернулся ни с чем.

— Теперь я вспомнил,— сказал Бинк,— тут на всех окнах решетки. Маленькая птичка еще пролезла бы внутрь, но грифону не пробраться. В конце концов придется штурмовать ров.

— Мы здесь по поручению короля! — гневно воскликнул Честер. На его некрасивом лице любая гримаса выглядела великолепно.— Мы вовсе не обязаны терпеть всякие унижения!

Самолюбие Бинка тоже было задето. Но он знал, что благодаря своему таланту сможет безопасно перебраться через ров.

— Это по моей части,— объявил он,— я попробую перебраться через ров, сообщу ему, что мы пришли, и он впустит вас.

— Мы не позволим тебе в одиночку штурмовать этот ров,— запротестовал Честер.

Кромби согласно чирикнул. Эти двое могли соперничать друг с другом, но оба прекрасно понимали, что такое верность дружбе.

Бинк опять попал в неловкое положение: ведь у его спутников не было магической защиты.

— Нет, лучше я проделаю это в одиночку. Я меньше вас, поэтому мне легче проникнуть в замок. К тому же, если я упаду в воду, вы можете бросить мне лассо и быстренько вытащить меня. А вот вас я вытащить не смогу, если...

— Тут ты, пожалуй, прав,— неохотно согласился Честер.— Кромби может перелететь ров, но мы уже знаем, что в замок ему не попасть. Жаль, что у него не хватает силенок перенести тебя через ров.

Кромби начал было опять топорщить свои перья, но Бинк поспешил вмешаться:

— В случае необходимости он может быстренько принести мне твою веревку. Честное слово, так будет лучше. Ты мне больше поможешь, если сумеешь определить, что за монстры плавают там, во рву. В лексиконе кентавров существует такое понятие, как безголовые змеи?

— Есть кое-что... но кольца не похожи. Это больше похоже на...— Честер удивленно замолчал.— Точно! Это уробор!

— Уробор? — непонимающе переспросил Бинк.— Это что, стая морских чудищ?

— Это одно чудище, водяной дракон, который держит в зубах собственный хвост. Одна его половина черная, а другая — белая. Это символизирует...

— Но во рву более двух десятков колец! Какие-то ближе к замку, какие-то возле нашего берега. Вон там вообще несколько параллельных. Это никак не может быть один монстр!

— Еще как может,— поучающе заявил кентавр.— Уробор обвивается вокруг всего замка...

— Но тогда бы была видна одна-единственная линия из...

— Он обернулся несколько раз вокруг замка, а потом пропустил голову под своими кольцами, чтобы поймать хвост. Несколько напоминает ленту Мебиуса. Так что...

— Что напоминает?

— Не имеет значения. Это особая магия. Поверь мне на слово, во рву одно чудище. И это чудище не кусается, потому что не может отпустить свой хвост. Так что, если сохранять равновесие, можно пройти по нему до самого замка.

— Но ведь кольца торчат над водой не более чем на пять футов! Я тут же окажусь в воде, если попробую перескочить с одного кольца на другое!

— Прыгать не надо,— сказал Честер с несвойственной ему терпеливостью,— просто иди. Даже обернувшись несколько раз вокруг замка, эта штука слишком длинна для рва, и ей приходится образовывать вертикальные кольца. Они не смогут выпрямиться: часть кольца погружается в воду и такая же часть появляется из воды. И получается, что кольца плавно движутся по всему рву. Таким способом уробор перемещается в ограниченном пространстве. Ты даже не замочишь ног, просто иди по одному из колец до конца.

— По мне, так это полная белиберда! — воскликнул Бинк.— Ты, наверно, говоришь на кентаврике. Объясни нормально.

— Просто прыгай на ближайшую петлю и оставайся на ней,— посоветовал Честер.— Как только ты там очутишься, сразу все поймешь.

— Ты уверен в моих силах больше, чем я сам,— с сомнением отозвался Бинк.— Надеюсь, ты знаешь, что говоришь.

— Я доверился тебе, когда ты выводил нас из ущелья с полушками, куда завел нас Кромби,— заметил Честер,— теперь ты доверься мне в том, как перебраться через этот ров. Можно подумать, что ты никогда раньше не ездил на монстрах.

— Чирик! — сказал Кромби, указывая крылом на кентавра.

Бинк улыбнулся — он действительно ездил на кентавре. Один-ноль в пользу солдата.

— Только не упади,— спокойно продолжал кентавр,— иначе уробор раздавит тебя между кольцами.

— Угу,— согласился, посерьезнев, Бинк.

Несмотря на то что он верил в свой талант, ему не понравилось предупреждение кентавра. Идти по спине извивающегося морского монстра? Может, Честер еще предложит ему погулять по крылу летящей птицы рок?

Бинк пошарил взглядом вокруг, как привык делать в тех случаях, когда хотел увильнуть от какого-нибудь занятия, прекрасно понимая, что ему от него не отделаться, и заметил еще один холмик свежей земли. Он сделал несколько шагов и со злостью растоптал холмик, сровняв его с землей.

Когда подвернулась подходящая петля, он прыгнул на нее и, стараясь сохранить равновесие, раскинул руки в стороны, уподобившись дереву-мельнице. Кольцо слегка погрузилось

в воду под тяжестью его веса, но осталось на плаву. Влажно поблескивающая белая шкура монстра оказалась совсем не скользкой. Прекрасно! Может быть, этот переход все-таки осуществим!

Под ногами Бинка зашевелились мышцы монстра, и кольцо начало погружаться в воду.

— Развернись! — крикнул с берега Честер.— Оставайся все время на вершине кольца!

Бинк развернулся и снова замахал руками. Петля теперь была как перед ним, так и за его спиной. Когда вода коснулась его пяток, он поспешно шагнул вперед. Это напомнило ему волшебную тропу: появляется под ногами и исчезает за спиной. Может, это и был основной принцип устройства таких дорог в одну сторону: на самом деле их образовывали спины монстров! И хотя казалось, что монстр догоняет Бинка сзади, кольцо оставалось на месте, а если и двигалось, то очень медленно. Приходилось шагать довольно быстро, хотя продвижение вперед было незначительным.

— Таким способом никогда не переберешься на другую сторону,— пожаловался Бинк.— Я и иду-то не в сторону замка.

— Доберешься,— отозвался Честер,— иди не останавливаясь.

Бинк продолжал шагать; кентавр и грифон медленно, вровень с ним шли вдоль рва. Неожиданно между ним и его друзьями вынырнуло еще одно кольцо.

— Эй,— закричал Бинк,— я перешел на внутреннее кольцо, а ведь я не сходил с этого!

— Ты движешься внутрь по спирали,— объяснил Честер,— другого пути нет. Как только приблизишься к тому берегу, сразу прыгай.

Теперь, поняв механизм своего передвижения и приноровившись шагать по кольцу вразвалочку, как по палубе корабля, Бинк даже начал получать удовольствие от этого путешествия. Ничто не может помешать ему добраться до другого берега, пока он остается на этом кольце. Однако какую загадку задал этот змей! Интересно, смог бы он сам додуматься до такого без помощи Честера?

Кольцо под его ногами внезапно сузилось. Он подошел к хвосту. Внезапно стала видна голова уробора, крепко сжимаю-

щего зубами собственный хвост. И тут Бинк опять встревожился — ему ничего не оставалось, как пройти по голове монстра. Допустим, что монстр на этот раз, только на этот единственный раз, решит отпустить хвост и вместо этого прихватить Бинка? На какое-то время глаза морского чудовища уставились прямо на Бинка, отчего у того по всему телу пробежали мурашки.

Но вскоре глаза уробора остались у Бинка за спиной и снова погрузились в воду, а Бинк зашагал по широкой шее, которая после узкого хвоста казалась ему настоящей столбовой дорогой. Очевидно, этот дракон, или змей, или как там его, не нуждался в воздухе и мог держать голову под водой довольно долго. А вот как он ест, если никогда не выпускает изо рта свой хвост? Не может же он есть сам себя, правда? Возможно, в этом и заключался его вопрос к волшебнику: нельзя ли ему отпустить свой хвост, чтобы проглотить придурка, разгуливающего по его спине? Нет, если бы он задал такой вопрос, то наверняка уже проглотил бы Бинка, когда тот шел по его голове.

— Прыгай, Бинк! — закричал Честер.

Ого! Неужели змей передумал, отпустил свой хвост и теперь возвращается, чтобы перекусить? Бинк взглянул назад, но ничего примечательного не заметил. Потом взглянул вперед и увидел, что тело уробора, изгибаясь, ныряет под ближайшее кольцо. Дорога оборвалась. Бинк успел спрыгнуть на берег в самый последний момент.

Теперь Бинк стоял перед защитным валом. Он огляделся в поисках огромных ворот, которые помнил по своему первому посещению замка в те далекие времена, когда Трент еще не был королем Ксанфа. Вместо этого он обнаружил водопад.

Водопад. Но как он здесь оказался? Бинк поднял взгляд вверх по водопаду и увидел выступ. Откуда вытекала вода, было не видно, а с выступа она струилась вниз по косяку проема.

Может, за стеной воды скрывается проход? Бинк не имел никакого желания промокнуть здесь, после того как он сухим пересек ров, но посмотреть стоило. Он снял и аккуратно сложил в сторонке одежду, чтобы брызги от водопада не намочили ее, и осторожно шагнул под выступ.

Вода была прохладной, но не ледяной. За стеной воды оказалось небольшое воздушное пространство — там была дере-

вянная дверь. Бинк пошарил по двери руками, толкая ее то там, то тут, но дверь не шелохнулась. Прохода здесь не было.

Он вылез из водопада и потряс головой, стряхивая воду. И куда теперь? Выступ опоясывал весь замок, но Бинк знал, что каменная стена сплошная и никаких отверстий в ней нет. Через стену внутрь не попадешь.

Однако Бинк обошел замок кругом, проверяя свое предположение. Ни единой щелочки. Что теперь?

Бинка охватила злость. Он пришел сюда по поручению короля, почему же он должен преодолевать все эти сумасбродства? Состарившийся гном-волшебник возомнил себя слишком умным и окружил свое жилище этим лабиринтом! Бинк уже по горло сыт лабиринтами — сначала у королевы, потом в ущелье полушек, а теперь еще и здесь.

Но в душе Бинк был человеком дела. Его гнев постепенно утих, как гаснет огонь у успокоившегося дракона. Он снова пошел взглянуть на водопад. Это все-таки не гора, и естественной реки здесь нет. Каким-то способом — волшебным или нет — вода сначала доставляется туда, а уж потом стекает вниз. Несомненно, здесь организован полный круговорот: вода берется из рва и в ров же стекает. А нельзя ли пронырнуть внутрь в том месте, где происходит забор воды?

Нет. Вода проникает там, куда ему не пробраться. Например, она может течь по трубе. И он просто утонет, если его тело застрянет в подающей системе. Так рисковать не стоит.

Оставалось только лезть наверх. А сумеет ли он туда забраться?

С краю от водопада, на деревянном косяке, Бинк заметил небольшие выбоины, за которые можно было ухватиться.

— Приступим,— пробормотал он.

Бинк полез по косяку наверх. Но едва его голова высунулась из-за выступа, как он застыл. На крыше сидела корена-стая горгулья. Вода вытекала из ее безобразного рта.

Тут Бинк сообразил, что этот монстр, как и уробор, может оказаться неопасным, если обойтись с ним должным образом. Горгулья, исполняющая обязанности обычной водосточной трубы, вряд ли станет его преследовать.

Бинк вылез на крышу. Теперь, встав на ноги, он попробовал оценить ситуацию. Горгулья была с него ростом, но боль-

шую часть ее туловища занимало лицо. Тело же было настолько коротким, что служило всего лишь пьедесталом для головы, такой уродливой, что Бинк даже не смог понять, кто это — человек, животное или нечто третье. Огромные вытаращенные глаза, лошадиный нос, непомерно оттопыренные уши и рот величиной в треть лица. И из этого рта непрекращающейся рвотой извергается вода.

За спиной монстра возвышалась стена замка. А на стене — ни единого выступа; но даже если бы на нее и можно было забраться, там виднелись только зарешеченные бойницы. Так что на этот путь надежды нет.

Бинк принялся рассматривать горгулью. Как она сюда попала? Для того чтобы попасть сюда тем же путем, что и Бинк, у нее, можно считать, нет ни рук, ни ног. Может, за ее спиной находится дверь? Вполне вероятно.

Тогда надо отодвинуть монстра в сторону. Но как это сделать? Пока монстр не нападал на Бинка, но все может измениться, если его потревожить. Горгулья намного тяжелее Бинка, и ей ничего не стоит спихнуть его с крыши. Плохо, что он не подумал о возможной защите и оставил меч вместе с одеждой.

Не слазить ли вниз за мечом? Нет, он уверен, что это будет неумно с его стороны,— меч сразу выдаст его намерения. Горгулья подойдет к краю крыши и раздавит ему пальцы, едва завидев его вооруженным.

Может, ее удастся взять нахрапом.

— В сторону, мордастая! Я по поручению короля!

Горгулья не обратила на него никакого внимания. Бинк не выносил, когда на него не обращали внимания, от этого он мог легко выйти из себя.

— Отойди, пока я сам тебя не подвинул!

Он сделал шаг в сторону монстра.

Никакой реакции. Теперь отступать уже нельзя. Положившись на защиту своего таланта, Бинк подошел к горгулье сбоку, стараясь держаться подальше от струящегося изо рта потока, и дотронулся до нее руками. На ощупь уродливое лицо было как камень — и такое же твердое. Горгулья оказалась еще

и очень тяжелой — как Бинк ни старался, она даже не шелохнулась.

Этот монстр побеждал его, не обращая на него никакого внимания!

И тут Бинка осенило. Слабым местом некоторых существ является их собственная отличительная черта. Отличительной чертой горгулий было уродство.

Бинк остановился перед горгульей, широко расставив ноги, чтобы пропустить между ними основной поток воды.

— Эй, красотка! Полюбуйся-ка на себя! — Он сунул пальцы в уголки рта и растянул его как можно шире, вытаращив глаза.

Теперь горгулья отреагировала. Она сложила губы трубочкой и направила струю воды на Бинка. Тот проворно отскочил в сторону.

— Ня-а-а! — завизжал он, надув шеки, чтобы скорчить очередную нелепую рожу.

Монстра даже передернуло от ярости. Горгулья выпустила в Бинка новую сильную струю воды. Струя краем задела Бинка и чуть не смыла его с крыши. В конце концов это занятие оказалось не таким уж безобидным!

Бинк открыл рот и высунул язык.

— Э-э-э! — завыл он; с такой гримасой на лице он был не в состоянии выдавить из себя ничего лучшего.

Горгулья впала в неистовство. Она разинула рот, сделавшийся теперь в пол-лица. От этого давление воды упало, и по уродливому подбородку потек лишь тихий ручеек.

Бинк ринулся вперед и нырнул прямо в рот горгульи. Он начал пробираться навстречу медленному потоку воды и вынырнул в бассейне, находившемся уже за стеной замка. Бинк подплыл к краю, собираясь вылезти из бассейна. Он в замке!

Но еще не в безопасности. На краю бассейна сидел кактусный кот. Он был в два раза ниже Бинка, с обычной кошачьей мордой, но вместо шерсти покрыт огромными острыми иглами-колючками. На ушах колючки были особенно длинными и прочными, прямо как тонкие копья. Но главным оружием были передние лапы: там остро поблескивали выставленные

вперед когти, напоминающие лезвия ножей. Как кинжалами ими, пожалуй, пользоваться нельзя, но вот располосовать на кусочки — запросто.

Колючая шкура кота была полосатой. Зеленые и коричневые полосы тянулись вдоль всего тела, до самых кончиков трех хвостов. Прелестное, но опасное создание — ни один человек в здравом уме не потреплет его по головке со словами «милая киска».

Это еще один страж или посетитель? Обычно кактусные коты ведут дикий образ жизни, вспарывают когтями кактусы и питаются их перебродившим соком. Прикольные кактусы, конечно, защищаются, обстреливая своими иглами любого, кто им досаждает, поэтому они являются естественными врагами кактусных котов. Схватки между кактусами и кактусными котами, говорят, впечатляющее зрелище! Но поблизости не видно никаких кактусов. Может быть, зверек пришел искать у доброго волшебника ответ на свой вопрос?

Бинк попробовал обойти кота, но тот проворно занял позицию около, видимо, единственного выхода и уселся там. Похоже, несмотря ни на что, придется бороться еще и с этим стражем.

Бинк вдруг прямо взбесился от ярости. Он уже по горло сыт препонами! Он не какой-нибудь проситель, он прибыл сюда по поручению короля!

— Прочь с дороги, киска! — громко объявил он.

Зверек захрапел. Но Бинк понимал, что кот мгновенно проснется и не даст ему спуску, если он попробует тихонько проскочить мимо. Зверек играл с ним в кошки-мышки, и это еще больше раздражало Бинка.

Но как тут быть? Он все-таки не прикольный кактус, и у него нет сотни серебряных колючек, которые можно метнуть в противника. Как справиться с этим неуязвимым животным?

Колючки. Но ведь можно метнуть в кота и что-нибудь другое.

— Ну что ж, пеняй на себя,— пригрозил Бинк.

Он наклонился к бассейну и чиркнул рукой по поверхности воды, отправив в сторону кота мощный фонтан брызг. Брыз-

ги описали дугу и разбились о стенку как раз над спящим котом.

Зверек подскочил, громко, по-кошачьи взвыв от ярости. На кончиках его ушей блеснули искры. Большинство кошек ненавидят воду и терпят ее только в небольшом количестве, необходимом для того, чтобы напиться, а уж кошек, обитающих в пустыне, вода приводит прямо в неистовство. Зверек бросился к Бинку, сверкая ужасными когтями на передних лапах.

Бинк окатил его новым фонтаном брызг. Кот в ужасе подскочил, пропуская брызги под брюхом. Ого, теперь он был в неописуемой ярости!

— Слушай, кактус, у нас с тобой есть два варианта,— спокойно сказал Бинк, держа руку наготове у поверхности воды,— либо я основательно вымочу тебя, либо ты отойдешь в сторонку и дашь мне пройти. Возможны любые комбинации обоих вариантов.

Кот зафыркал. Он посмотрел сначала на Бинка, потом на воду. Потом изобразил, что потерял к происходящему всякий интерес, как делают все кошки, наткнувшись на препятствие, и отошел в сторону, высоко задрав все три хвоста.

— Отлично, кактус,— сказал Бинк.— Но предупреждаю, если на меня по дороге кто-нибудь нападет, я схвачу его в охапку и утоплю в бассейне, чего бы мне это ни стоило. Это может вызвать некоторые неудобства, но думаю, до этого дело не дойдет.

Кот притворился, что ничего не слышит, и снова начал укладываться спать.

Бинк направился к двери, изображая такое же безразличие, как и кот, но оставаясь все время настороже. К счастью, его затея удалась — кот лежал не двигаясь.

Итак, он преодолел все препоны. Он начал бродить по замку, пока не отыскал доброго волшебника Хамфри. Похожий на гнома человечек взгромоздился на три лежащих один на другом тома, чтобы иметь возможность углубиться в четвертый. Хамфри был стар, возможно, он был самым старым человеком во всем Ксанфе. Кожа его вся покрылась морщинами и родинками. Он был прекрасным, настоящим волшебником, и Бинк знал, что за его внешней грубостью скрывается доброта.

— Волшебник! — воскликнул Бинк, еще не остыв от борьбы со стражами замка.— Почему ты не обращаешь никакого внимания на посетителей! Мне пришлось изощряться, чтобы проникнуть в замок, а ведь я не какой-нибудь проситель. Я по поручению короля.

Хамфри взглянул на Бинка и маленькой корявой ручкой почесал покрасневший глаз.

— А, здравствуй, Бинк. Что же ты не прошел ко мне сразу?

— Мы звали тебя через ров! Но не получили никакого ответа!

Хамфри нахмурился:

— А что я должен был ответить поддельному грифону, который каркал так, что настоящий грифон от таких визгов сгорел бы со стыда? И почему я обязан обращать внимание на завывания невоспитанного кентавра? У одного нет ко мне никаких вопросов, а другой не хочет платить за ответ на свой вопрос. Так что незачем на них и время тратить.

— Выходит, ты все время знал, что мы втроем уже здесь?! — наполовину сердито, наполовину восхищенно воскликнул Бинк, сдерживая другие эмоции. Ну и фрукт этот Хамфри! — И ты просто так заставил меня ломать голову над твоими шарадами...

— Просто так, Бинк? Ты взялся за дело, которое отнимет у меня огромное количество времени и угрожает благополучию всего Ксанфа. Так почему я должен потакать твоей глупости?

— Мне не нужны твои поощрения! — с горячностью воскликнул Бинк.— Все, что мне от тебя надо, так это совет; король считает, что так будет лучше всего.

Добрый волшебник покачал головой:

— Король уж чересчур сообразительный малый. Тебе просто совета будет мало.

— Ну, от тебя мне нужен только совет!

— Совет-то ты получишь, и даже бесплатно. Забудь об этом деле — вот мой совет.

— Я не могу забыть о нем! Мне поручено...

— Вот ты и сам сказал это. Я же говорю, что тебе нужно больше чем совет. Ты такой же нахал, как и твои друзья. Почему вы не оставили в покое беднягу дракона?

— Не оставили беднягу дракона...— удивился было Бинк, а потом рассмеялся: — Ну ты и фрукт, волшебник! А теперь хватит издеваться надо мной и объясни, почему ты сразу не пустил нас в замок, хотя был прекрасно осведомлен о нашем приближении?

— Потому что я ненавижу, когда меня дергают по пустякам. И если бы тебя остановили мои защитные предосторожности, у тебя вряд ли хватило бы пороху выполнить это поручение. Но, как я и боялся, ты оказался настырным. То, что началось с невинного развлечения с изящным привидением, превратилось в серьезную затею, результат которой неясен даже для моей магии. Я советовался по этому поводу с Борегаром, который, услышав про вашу затею, так расстроился, что мне пришлось поскорее упрятать его обратно в пузырек, пока с ним не случился нервный припадок.

Борегар был чрезвычайно образованным демоном с двумя парами очков, который обитал в пузырьке у волшебника. Услышав такое, Бинк почувствовал себя неуютно.

— Но что могло так подействовать на демона?

— Гибель Ксанфа,— просто, без обиняков ответил Хамфри.

— Но я должен лишь отыскать источник магии,— возразил Бинк.— Я не собираюсь делать ничего такого, что могло бы повредить Ксанфу. Я и сам люблю Ксанф!

— Когда ты был у меня в прошлый раз, ты тоже сначала не собирался возводить на трон злого волшебника,— напомнил ему Хамфри.— Твои пустяковые забавы имеют особенность выходить из-под контроля.

— Ты хочешь сказать, что мое нынешнее дело еще хуже, чем предыдущее? — спросил Бинк, чувствуя одновременно и возбуждение, и тревогу. В последний раз он хотел только обнаружить свой волшебный талант.

Волшебник мрачно кивнул:

— Похоже, что так. Я не могу сказать, что именно в твоем деле угрожает Ксанфу, но абсолютно уверен, что риск необычайно велик.

У Бинка появилась мысль, не бросить ли эту затею и не вернуться к Хамелеоше, пусть даже уродливой и острой на язычок, и к прислуживающей ей Милли, которая теперь вовсе не при-

видение. Но внезапно его еще больше заинтересовал источник магии Ксанфа.

— Ну, спасибо за совет. Но я от этой затеи не откажусь.

— Не спеши, Бинк! Это еще не волшебный совет, это просто здравый смысл, за который я платы не беру. Я знал, что ты ему не последуешь.

Иногда Бинку стоило больших усилий держать себя в руках, общаясь с волшебником.

— Тогда скажи мне твой магический ответ.

— А как ты мне за него заплатишь?

— Заплатишь! — воскликнул Бинк.— Да это...

— ...поручение короля,— закончил за него волшебник.— Но спустись на землю, Бинк. Король просто отослал тебя, чтобы ты не путался у него под ногами, пока не утрясутся твои домашние дела. Он не может позволить тебе переворачивать вверх дном весь дворец каждый раз, как только он захочет уединиться с королевой. Так что все это трудно считать достаточным основанием для бесплатных услуг.

Надо быть дураком, чтобы спорить с волшебником, чей магический талант опирается на знания. Но Бинк рискнул:

— Король лишь выбрал самое подходящее время для этого поручения. Моя работа всегда и заключалась в изучении источника магии, у меня пока просто до этого не доходили руки. Для короля очень важно получить эти знания. Теперь, когда я вплотную занялся этим, король всячески поддерживает меня и может призвать мне на помощь твои способности, если сочтет это необходимым. И ты это знал, когда он еще только собирался стать королем.

Хамфри покачал головой:

— Добившись власти, король стал самонадеянным. Он безжалостно использует чужие таланты, добиваясь своих целей.— Хамфри улыбнулся.— Короче говоря, Трент именно такой правитель, какой и нужен Ксанфу. Он не просит и не уговаривает, он приказывает. И я, как верноподданный гражданин, должен поддержать это его проявление власти.— Он взглянул на Бинка: — Даже если это и выглядит как каприз. Таким образом и я внесу свою лепту на благо Ксанфа, хотя в данном случае, боюсь, вся затея может пойти Ксанфу только во вред.

Капитуляция волшебника показалась Бинку слишком поспешной и чересчур уж любезной. За этим должна крыться какая-то ловушка.

— Ну и каков же твой ответ?

— А каков твой вопрос?

Бинк набрал в рот воздуха и выпалил:

— Что мне потребуется, чтобы выполнить это поручение?

— Ты ничего не сможешь добиться, если не возьмешь с собой волшебника.

— Взять с собой волшебника! — воскликнул Бинк.— Да во всем Ксанфе всего три волшебника, считая короля и королеву! Не могу же я...— Бинк замолк на полуслове, сообразив, что хочет сказать волшебник.— *Ты?*

— Я ведь уже сказал тебе, что твое задание отнимет у меня уйму времени! — проворчал Хамфри.— Прервать все мои магические исследования, пронафталинить замок — и все из-за того, что ты не мог потерпеть несколько дней, пока твоя жена не родит и не станет опять милой и прелестной.

— Старый плут! — воскликнул Бинк.— Да ты сам хочешь отправиться с нами!

— Я бы так не сказал,— недовольно возразил волшебник.— Дело в том, что это задание слишком важно, чтобы отдать его на откуп любителям. И король это прекрасно понимал, направляя тебя сюда. А так как, кроме меня, никто достаточными для этого дела знаниями не обладает, я вынужден пойти на такую жертву. Однако это не тот случай, которому я был бы рад.

— Но ты же мог найти источник магии в любое время! Тебе вовсе не надо объединять для этого усилия с кем-то как раз тогда, когда...

— Я ничего ни с кем не объединяю. Это дело поручено тебе; я просто сопровождаю тебя, чтобы оказаться под рукой в экстренном случае.

— Ты хочешь сказать, что не собираешься возглавить это дело?

— А для чего мне возглавлять это дело? Я буду заниматься своими делами, а мелкие детали и рутину оставлю тебе. Я приду на помощь, когда потребуются мои возможности, что, я надеюсь, будет не слишком часто и не так уж скоро.

Теперь у Бинка появились сомнения в серьезности намерений Хамфри. Без всякого сомнения, человек, занимающийся магической информацией, должен серьезно заинтересоваться источником магии, но верно и то, что Хамфри любит комфорт и уединение, о чем говорили и его замок, и род его занятий. Вполне возможно, что Хамфри разрывался между любовью к уединению и любовью к знаниям, поэтому он, на словах выражая недовольство, делал то, что считал нужным. Нет смысла усугублять положение. Такой человек несомненно явится неоценимой подмогой в предстоящем деле.

— Мне очень жаль, что я доставил тебе столько неудобств, но я с радостью приму твою помощь. У тебя опыта несравненно больше, чем у меня.

— Угу,— буркнул Хамфри, стараясь не показать, что польщен словами Бинка.— И давай с этим покончим. Иди скажи троллю, чтобы он опустил мост для твоих спутников.

— Да, и еще,— сказал Бинк,— кто-то, возможно, пытается убить меня...

— И ты хочешь узнать кто?

— Да. И почему. Мне не нравится...

— Это уже не королевское поручение. Это пойдет за отдельную плату.

Эх! Только он подумал, что в добром волшебнике еще сохранилась капля порядочности, как тот тут же продемонстрировал свою торгашескую натуру. Целый год службы за ответ? Уж лучше самому найти своего врага и разобраться с ним.

— Тогда не будем об этом,— отказался Бинк.

— Договорились,— милостиво согласился Хамфри.

Надувшись, Бинк отправился вниз, нашел тролля и передал ему инструкции волшебника. Тролль опустил мост. Где спрятан подъемный механизм, Бинк так и не понял — снаружи его не было видно, а тролль управлял им из помещения, которое находилось в замке. Между манипуляциями тролля и действиями моста явно имелась какая-то магическая связь. Но в любом случае все это работало, и вскоре Кромби и Честер наконец вошли в замок через открывшиеся в середине стены ворота. И как там могли появиться ворота, если снаружи не было видно никаких следов? На это волшебник, очевидно, не по-

жалел магии! Но кто знает, может, к нему с вопросом пришел какой-нибудь умный механик и вместо платы за ответ соорудил этот механизм.

— Я знал, что ты пройдешь,— сказал Честер.— Ну и что старый гном сказал о твоем деле?

— Он пойдет с нами.

Честер покачал головой:

— Не повезло тебе.

Навстречу им по лестнице спустился волшебник.

— Так ты хочешь узнать, какой в тебе скрыт талант? — спросил он кентавра.— И как ты намерен заплатить за это старому гному?

Честер смутился:

— Я не знаю... говорят, кентавры не должны... не должны быть слабаками...

— Может, это просто болтают? — насмешливо перебил его волшебник.

— Честер просто подвез меня сюда,— вмешался Бинк,— и с драконом помог справиться.

— Бинку и дальше не помешает помощь,— сказал Хамфри.— А так как я теперь тоже участвую в деле, мне стоит позаботиться об этом. Предлагаю тебе сделку: вместо обычной годичной службы за мой ответ на твой вопрос ты будешь нам помогать до конца поисков источника магии.

Честер был поражен:

— Ты хочешь сказать, что у меня есть талант? Магический?

— Несомненно.

— Ты это уже знаешь? И знаешь какой?

— Знаю.

— Тогда...— Кентавр задумался.— Раз это так просто для тебя, наверно, я и сам могу догадаться. К чему мне тогда платить?

— Тогда действительно не стоит,— согласился волшебник.

— Но вдруг я не догадаюсь, а Бинк попадет в беду, например встретит дракона, когда меня не будет поблизости...

— Я бы мог дать тебе возможность попотеть над этой дилеммой,— сказал Хамфри,— но я тороплюсь, а Бинку нужно средство передвижения, поэтому я буду краток. Ты соглаша-

ешься на предложенную тебе службу, и мы считаем это авансом за мой ответ. Если ты так и не сумеешь обнаружить свой талант, то в конце нашего путешествия я расскажу тебе о нем — или расскажу в любой момент, как только захочешь. Если ты за это время сам обнаружишь свой талант, то я бесплатно отвечу на любой другой твой вопрос. Тогда ты получишь два ответа, заплатив мне всего за один.

Услышав такое, Честер долго не раздумывал.

— По рукам,— согласился он.— Я все равно люблю приключения.

Волшебник повернулся к Кромби:

— Ну а ты и так находишься на службе у короля, поэтому отправляешься с нами без разговоров. Король снабдил тебя великолепной внешностью, но тебе не хватает способности общаться. Я думаю, и для тебя будет лучше, если ты сможешь разговаривать с нами. В связи с этим познакомьтесь еще с одним моим должником, големом Гранди.

Перед ними возникла крошечная человекообразная фигурка, ростом не больше ладони. Казалось, фигурка сделана из кусочков бечевки, глины, щепочек и прочего мусора, но все это было живым и двигалось.

Грифон удивленно и заинтересованно взглянул на голема. Одним ударом своего орлиного клюва грифон мог лишить это создание всех его конечностей.

— Чирик,— заметил Кромби.

— И тебе того же,— без всякого выражения сказало существо, будто ему все было безразлично.

— Талант Гранди заключается в умении переводить,— объяснил волшебник.— Я поручу ему переводить грифонову речь на человеческий язык, тогда мы будем лучше понимать солдата. Он нас и так понимает, как это умеют многие животные, так что обратного перевода не потребуется. Голем достаточно мал, и любой из нас может без всякого труда нести его, с этим проблем не будет. Бинк поедет на кентавре, а я отправлюсь в путь на грифоне. Так мы будем двигаться намного быстрее.

На том и порешили. Итак, путешествие к источнику магии Ксанфа началось.

ГОЛЕМ НА ВЫСОТЕ

Они стояли напротив стены, от которой их теперь отделял ров, и наблюдали, как волшебник нафталинит замок. Уробор и прочие отрабатывающие свою годичную службу были отпущены и уже покинули замок. Хамфри порылся в складках своей одежды, продемонстрировал широкий тяжелый пояс с множеством кармашков и достал из одного кармашка не то пузырек, не то узкую бутылочку. Затем он большим пальцем надавил на пробку, и она выскочила из горлышка.

Из пузырька, поднимаясь высоко в небо, заклубился дым. Вскоре дым начал сгущаться и превратился в огромного мотылька — Бинк и не подозревал, что такие существуют. Тень от крыльев мотылька накрыла весь замок. Мотылек поднялся выше и, оказавшись над замком, сбросил шар. Долетев до самой высокой башни, шар взорвался. Из огромной сферы высыпались серовато-белые ленты, которые, спустившись, опоясали замок со всех сторон. Затем ленты начали сжиматься, и внезапно все строение укрыла шелковая сеть, похожая на огромную палатку. От палатки исходил холодный, горький запах, смутно напоминающий дезинфекцию.

— Ну вот,— удовлетворенно проворчал Хамфри,— теперь, если надо, он простоит и сто лет.

— Сто лет! — воскликнул Честер.— Ты думаешь, наше путешествие будет таким долгим?

— Пошли-пошли, не будем терять времени,— буркнул вместо ответа добрый волшебник.

Бинк, восседавший на спине кентавра, взглянул на грифона:

— Кромби, он хотел сказать, что нам надо определить, в какой стороне находится источник магии. С твоей помощью мы покончим с этим делом за несколько дней.

Грифон недовольно чирикнул.

— Старый дурак что, не мог так прямо и сказать? — с готовностью перевел голем.

Голем вместе с волшебником устроился на спине грифона. Они вместе не набирали и половины веса Бинка.

— Хорошо сказано, служивый,— тихонько проворчал Честер.

Кромби завертелся, чуть не сбросив со своей спины седоков.

— Там.— Крошечная ручка голема описала полный круг, не указав никакого определенного направления.

— Ну вот,— проворчал Честер,— опять его талант заклинило.

— С талантом все в порядке,— огрызнулся Хамфри,— просто неверно поставлен вопрос.

Бинк нахмурился:

— У нас из-за этого были неприятности и раньше. А как правильно задать вопрос?

— Возглавлять поиск — твоя работа,— возразил Хамфри,— а я должен сохранять свои знания на экстренный случай.

Он поудобней устроился в перьях грифона и закрыл глаза.

Добрый волшебник хранил молчание. Он не привык помогать кому-либо без обычной платы, даже если от такой помощи выигрывал сам. Бинк опять оказался в затруднении: надо было придумать, как заставить талант Кромби работать, в то время как волшебник преспокойно похрапывал.

В ущелье полушек талант Кромби подводил, потому что не было единого направления, ведущего к спасению. А теперь что, несколько источников магии? Если так, отыскать их будет непросто. Сейчас Бинк был в центре внимания всей группы, необходимо что-то решить — и решить быстро. Совершенно ясно, что волшебник вовсе не из любезности возложил руководство экспедицией на Бинка.

— В каком направлении лежит самый короткий путь к источнику магии?

На этот раз крыло грифона под углом ткнулось в землю.

Так вот почему они не смогли определить, в какой стороне находится источник,— он спрятан где-то под землей. Но толку от такого открытия мало. Они не в состоянии быстро выкопать такой длинный тоннель. Им придется найти человека, чей магический талант заключается в прокладке тоннелей, а это очередная задержка и неудобства. Таких задержек уже и так набра-

лось больше, чем Бинк предвидел. Лучше найти уже существующий путь.

— В какой стороне находится доступ к источнику магии с поверхности земли? — спросил Бинк.

Крыло заметалось из стороны в сторону.

— Ближайший! — поспешно добавил Бинк.

Крыло застыло, указывая примерно на юг.

— В самом центре нехоженой Глухомани,— определил Честер.— Я должен был сразу сообразить. Может, мне лучше получить свой ответ сейчас и удалиться?

Кромби чирикнул.

— Птичий клюв говорит, что коли ты получишь свой дурацкий ответ сейчас, то уже не сможешь удалиться, ослиный копчик.

Честер злобно надулся:

— Это птичий клюв сказал? Передай ему, что у него вместо мозгов птичий помет и...

— Спокойней,— прервал его Бинк,— Кромби вовсе не нуждается в переводе твоих слов.

— Вообще-то он назвал тебя задницей,— с удовольствием пояснил голем.— Думаю, он имел в виду, что задняя часть у тебя такая же ослиная, как и...

Грифон снова чирикнул.

— Нет, я ошибся, он хотел сказать про твою переднюю часть.

— Послушай, ты, куриные мозги! — заорал Честер.— Меня вовсе не интересует твое идиотское мнение! Можешь засунуть его себе в...

Но Кромби уже начал чирикать, не дослушав предложения Честера. Оба воинственно выпрямились друг перед другом. Кентавр был крупнее и мускулистее грифона, но тот обладал разумом тренированного солдата-человека и телом прирожденного бойца.

— Чирик! — заорал Бинк.— Я хочу сказать — прекратите! От этого голема одни неприятности. Кромби, наверно, сказал «коньтавр». Правда, Кромби?

Кромби утвердительно чирикнул.

— Какой облом,— проворчал голем,— и как раз когда началось самое интересное.

— Прекрати,— сказал Бинк.— Ты признаешь, что я был прав, голем?

— Кентавр и есть осел, как спереди, так и сзади. Все зависит от того, с какой точки зрения это рассматривать, с физической или интеллектуальной.

— Я думаю, не скрутить ли этого большого болтуна в маленький шарик,— заявил Честер, направляясь к голему.

— Ты не можешь этого сделать, ослиная морда,— осадил его голем,— я на службе у карлы.

Честер приостановился, наблюдая, как заерзал добрый волшебник.

— На службе у кого?

— У этой малявки,— заявил Гранди, ткнув пальчиком себе за спину, в сторону Хамфри.

Честер скорчил изумленную физиономию:

— Волшебник, как ты можешь позволять оскорблять себя существу, которое находится у тебя в долговой службе?

— Тьфу ты,— пробормотал голем, почуяв ловушку,— я-то думал, он спит.

— Голем не является личностью,— заметил Хамфри,— следовательно, его слова не содержат личного оскорбления. С тем же успехом можно сердиться на комок глины.

— Вот так-то, пострелёнок,— подтвердил голем, но по его виду было ясно, что он обижен.

— Вернемся лучше к делу,— предложил Бинк, как только добрый волшебник снова закрыл глаза.

Но в душе Бинк не переставал удивляться, что заставило такое нереальное существо, как голем, служить волшебнику. Должно быть, Гранди задал ему вопрос и получил ответ, но что могло заставить это порождение магии искать какие-то знания у Хамфри?

Когда они уже направились на юг, Бинка в очередной раз осенило:

— Слушай, Кромби, кто-то или что-то пыталось меня уничтожить. Я думаю, именно поэтому дракон на нас и напал. Ты можешь указать, где скрывается этот враг?

— Чирик,— согласился Кромби.

Он завертелся так, что добрый волшебник у него на спине закачался из стороны в сторону, но все равно не проснулся.

Когда Кромби остановился, его крыло показывало... в ту же сторону, где находился источник магии.

— Похоже, этот враг хочет помешать нам добиться успеха в нашем деле, а не таит что-то против тебя лично,— хмуро заметил Честер.— Ты еще не передумал?

— Конечно нет,— ответил Бинк.— Это даже удвоило мое желание довести начатое до конца.

И тут он вспомнил, что меч атаковал его еще до того, как ему поручили это дело. Неужели их враг предвидел это? Такое не сулит ничего хорошего. Это означает, что они имеют дело больше чем с простыми ухищрениями или обычной магией.

— Придется с этим смириться,— заключил Бинк.

В окрестностях замка было довольно спокойно, но как только путники вступили в Глухомань, все изменилось. Кругом, закрывая видимость, росли огромные кусты, на листьях которых скопился такой заряд, что заставлял волосы, шерсть, перья и даже веревочки голема встать дыбом. Из-за кустов выглядывало щупальце, которое неотрывно следило за путниками. Бинк никогда раньше не отваживался подойти поближе к таким щупальцам, чтобы выяснить, что это такое на самом деле, и у него совершенно не было желания сделать это сейчас. Почему это щупальце так внимательно следит за ними и в то же время ничего не предпринимает?

Затем появилась потовая мошкара, которая изводила их до тех пор, пока не проснулся волшебник. Тот вынул из карманчика на своем поясе небольшой пузырек и выбил из него пробку. Пузырек выпустил клуб пара, который окутал мошкару и... вернулся обратно, теперь уже вместе с мошкарой.

— Туманчика так или иначе надо кормить,— объяснил волшебник, убирая пузырек в карманчик. Дальнейших объяснений не последовало, но ни у кого из присутствующих не хватило духу их потребовать.

Хамфри снова погрузился в сон.

— Похоже, неплохо быть волшебником,— заметил Честер.— У него на все есть готовый ответ в одном из его пузырьков. Главное — вовремя найти нужный пузырек.

— Наверное, все это он собрал со своих должников,— выдвинул предположение Бинк.

Затем они вышли на поляну, поросшую брань-репейником. Репейник впивался в ноги, заставляя постоянно чесаться. Избавиться от такого репейника можно только одним способом: хорошенько его обругать. Но и здесь имелась своя трудность: любое ругательство можно было применить только один раз в сутки. Каждый раз требовалось придумывать новое проклятие.

Хамфри был очень недоволен, что его опять разбудили. Но похоже, на этот раз спасения в пузырьке у него не имелось.

— Чтоб тебя бородой моего двоюродного деда Хамбага,— сказал добрый волшебник.

Репей, которому это было сказано, придя в замешательство, тут же отвалился.

— Мордой великого морского змея твою мать.

И еще один репей отпал от волшебника.

Честер был более прямолинеен, так как несколько репьев прицепились к его роскошному хвосту.

— В гробу я тебя видел, морда небритая! Я сейчас тебя отделаю не хуже полушки! Пошел прочь, паршивая колючка!

И три колючки тут же в изумлении отпали.

— Дайте-ка я,— завидуя воображению своих спутников, попросил Бинк.— Шел бы ты да почесал дракона!

И его репейник отпал, хотя и не с такой готовностью, как те, которых сразили более впечатляющие проклятия. У Бинка просто не было такого дарования.

А вот Кромби пришлось туго. Грифоны были редкостью в этих районах Ксанфа, и репейник, очевидно, не понимал смысла кудахтанья Кромби. Когда голем начал переводить солдатскую брань грифона, репейник с Кромби посыпался гроздьями.

— Клянусь целым полем кроваво-красных львиных зевов, что вашим красным задницам место только в ближайшем вонючем сортире! Если бы ваши морды были цветами, они бы отравили весь цветник! Да засуньте вы ваши розовые с перцем корешки себе...— Голем удивленно остановился.— Разве это возможно? Мне, пожалуй, такого не перевести.

Но репейник все понял и без перевода, и внезапно перья грифона полностью освободились от колючек. Никто не может тягаться с солдатней в умении сквернословить!

И все же полностью отделаться от репейника не удалось, и к моменту, когда путники выбрались из зарослей, их прокля-

тия весьма заметно померкли. Иногда один и тот же репейник приходилось обругивать два, а то и три раза подряд.

К этому времени все проголодались. Ничто так не способствует аппетиту, как добрая перебранка.

— Ты знаешь эти места,— сказал Честер волшебнику, пока тот не успел снова заснуть,— где бы здесь раздобыть что-нибудь съестное?

— Хватит дергать меня по пустякам,— огрызнулся Хамфри.— Я вот захватил с собой поесть, что следовало бы сделать и вам, будь у вас хоть немного сообразительности.

Он открыл очередной пузырек. На этот раз дым из пузырька превратился в прекрасное слоеное пирожное, покрытое глазурью. Волшебник поймал пирожное в воздухе, отломил от него увесистый кусок и принялся жевать, а остатки пирожного превратились в туманное облако и опять скрылись в пузырьке.

— Я понимаю, что мы дали маху, не захватив с собой в путь ничего съестного,— сказал Бинк,— но тебе не кажется, что на первый раз можно и поделиться?

— Это с чего бы мне такое показалось? — с любопытством поинтересовался Хамфри.

— Ну, видишь ли, мы все проголодались, и было бы проще, если бы...

Волшебник рыгнул.

— Позаботься о себе сам, дармоед,— перевел голем.

И Бинку пришло в голову, что добрый волшебник совсем не такой компанейский спутник, каким был в свое время злой волшебник, когда Бинк впервые отважился ступить в Глухомань Ксанфа. Но он прекрасно знал, что внешность обманчива.

Послышался клекот Кромби.

— Птичий клюв говорит, что поблизости должны быть фруктовые деревья. Сейчас он узнает, в какой стороне их искать.

Грифон завертелся и указал направление. И очень скоро они увидели огромную фруктовую вазу. Растение имело форму открытой чаши, переполненной всевозможными плодами. Путники радостно устремились к ней, и... потревоженные фрукты вспорхнули в воздух и раскрасили воздух яркими красками.

— Ну вот... это же летающие фрукты! — воскликнул Бинк.— Надо было к ним тихонько подкрасться. Что же ты нас не предупредил, Кромби!

— Ты же не спрашивал, баранья башка,— отозвался голем.

— Лови их! — крикнул Честер, высоко подпрыгнув и поймав в воздухе яблоко.

Чуть не свалившийся со спины Честера Бинк торопливо спешился.

Раздумывая, в какую сторону направиться, в воздухе повисла спелая груша. Бинк подпрыгнул и одной рукой схватил ее. Стараясь вырваться, груша отчаянно замахала крыльями, но вскоре сдалась. Крыльями ей служили обычные зеленые листья, приспособленные для этой цели. Бинк безжалостно отодрал листья, чтобы добыча не смогла от него улизнуть, и принялся ловить следующую.

Бросившись к спустившемуся гранату, Бинк обо что-то споткнулся, упал и упустил его. Он сердито посмотрел на причину своего падения и увидел вездесущий холмик свежей земли. На этот раз он вскочил и ногами сровнял холмик с землей. Затем снова пустился в погоню за летающими плодами.

Вскоре он собрал небольшую коллекцию фруктов: у него были яблоко, персик, слива, две черешни, конечно же, груша, гроздь винограда и банан. Последний летал на огромных крыльях, по форме напоминающих крылья грифа, и Бинку пришлось с ним повозиться, зато на вкус он оказался великолепным. Когда Бинк ел эти фрукты, ему было несколько не по себе: уж больно они напоминали живые существа, но он знал, что крылья — всего лишь волшебное приспособление для того, чтобы деревья могли рассеивать свои семена на более обширном пространстве. Фрукты для того и созданы, чтобы их ели, у них нет ни сознания, ни чувств. А может, все-таки есть?

Бинк отбросил эту мысль и огляделся. Они находились на опушке леса, все деревья которого были мертвы. Проснулся Хамфри.

— Не нравится мне этот лес,— объявил он.— Мне не хочется тратить мою магию на то, чтобы узнать, что его погубило. Давайте-ка лучше обойдем его сторонкой.

— Какой толк быть волшебником, если не пользоваться магией,— ехидно заметил Честер.

— Я должен строго беречь свою магию на экстренные случаи,— заявил Хамфри.— Пока что мы сталкивались лишь с мелочами, не стоящими моих усилий.

— Обхами их, так им и надо,— согласился голем.

По лицу Честера было видно, что это его не убедило, но он слишком уважал волшебника, чтобы продолжать спор.

— Дело к вечеру,— заметил он,— где здесь лучшее место для ночлега?

Кромби остановился и так энергично завертелся, что чуть не сбросил со спины своих седоков.

— Тпру! — воскликнул Хамфри, и голем послушно перевел:

— Ну, ты, колченогая летающая кошка! Спускай-ка лапы на землю!

Голова грифона начала поворачиваться, пока его смертоносный клюв и воинственные глаза не обратились прямо на седоков.

— Крак! — властно произнес Кромби.

Голем это переводить не стал, но, похоже, струхнул. Кромби завертелся снова и указал несколько в сторону от их маршрута.

— Не такой уж большой крюк, пойдем туда,— решил Честер.

Никто не стал ему возражать.

Их путь пролегал в обход мертвого леса, и в этом им повезло, ведь в лесу могли таиться непредвиденные опасности. То, что убило лес, заодно уничтожило и всю связанную с лесом магию, как добрую, так и злую. И все-таки, когда Бинк глядел на огромные мертвые деревья, стоящие на краю леса, его все больше обуревало любопытство. На деревьях не было никаких отметин, а трава под ними благодаря обильному свету буйно разрослась. Это говорило о том, что землю тут не отравили. И в самом деле, кое-где попадались молодые деревца, уже начавшие долгую работу по восстановлению леса. Что-то нанесло смертельный удар по лесу, убило его и удалилось, не оставив после себя никаких следов.

Чтобы погасить раздражение, вызванное неразрешимой загадкой, Бинк заговорил с големом:

— Слушай, Гранди, ты не расскажешь мне, какой вопрос ты задал волшебнику? Если это, конечно, не секрет.

— Я? — удивленно переспросил голем.— Ты интересуешься мною?

— Конечно,— сказал Бинк,— ты ведь тоже...— Бинк чуть было не сказал «человек», но вовремя спохватился, подумав, что человеком голема назвать трудно.— Индивид,— неуклюже закончил он фразу.— Ты думаешь, у тебя есть чувства...

— Нет, чувств нет,— возразил голем,— я просто устройство из веревочек, глины и щепок, оживленное магией. Я действую, как мне положено, без эмоций и заинтересованности.

Без эмоций и заинтересованности. Не очень-то это походило на правду.

— Но ты, пожалуй, только что продемонстрировал личную заинтересованность, когда я к тебе обратился.

— Правда? Это, должно быть, обычное копирование человеческого поведения. Выполняя свою работу переводчика, я должен напоминать человека.

Это казалось не очень убедительным, но Бинк не стал спорить.

— Раз уж у тебя нет никакой заинтересованности в людских делах, то зачем ты пришел к волшебнику? И что ты у него хотел узнать?

— Я спросил его, как мне стать настоящим.

— Но ты и так настоящий! Вот ты здесь сидишь, не так ли?

— Убери чары, которые меня создали, и перед тобой останется лишь кучка мусора. Я хочу быть настоящим, таким же, как ты. Настоящим без всякой магии.

Настоящим без магии. В конце концов, в этом есть какой-то смысл. Бинк вспомнил, как он сам страдал в юности, считая, что у него нет магического таланта. А вот и другая сторона медали: существо, для которого реальность вне магии не существует.

— И какой же ответ ты получил?

— Волнуйся.

— Что?

— Волнуйся, бестолочь!

— Волнуйся?

— Волнуйся.

— И это все?

— Все.

— Весь ответ?

— Весь ответ, дурень.

— И за такой ответ ты целый год служишь волшебнику?

— А ты думаешь, глупость — только твоя привилегия?

Бинк обернулся к доброму волшебнику, который, кажется, наконец отоспался и теперь насмешливо молчал.

— И как ты объяснишь такую плату за такой ответ?

— Я ничего не обязан объяснять,— возразил Хамфри.— Никто вас к старому скряге-гному за знаниями не гонит.

— Но каждый, кто тебе платит, заслуживает достойного ответа,— заметил озадаченный Бинк.

— Голем получил достойный ответ. У него просто не хватает достойного понимания этого ответа.

— Тогда и у меня его не хватает. Никто не найдет в таком ответе никакого смысла.

Волшебник пожал плечами:

— Возможно, он не так поставил вопрос.

Бинк повернулся к Честеру:

— А ты можешь назвать этот ответ достойным?

— Да,— ответил кентавр.

— Я хочу сказать, одно слово «волнуйся». И больше ничего. И за целый год службы!

— Да.

— И ты думаешь, оно того стоит? — Бинк никак не мог этого понять.

— Да.

— И ты тоже был бы удовлетворен таким ответом на твой вопрос?

Честер задумался.

— Я не считаю, что этот ответ имеет отношение к моим трудностям.

— Ага, значит, ты был бы неудовлетворен таким ответом?

— Почему же, я был бы удовлетворен, если бы это был ответ на мой вопрос. Просто ко мне он не имеет никакого отношения. Сам видишь, я не голем.

Бинк удивленно покачал головой:

— Тогда я, наверное, наполовину голем. По-моему, этого ответа явно недостаточно.

— Ты не голем,— подтвердил Гранди,— просто у тебя не хватает на это ума.

Вот дипломат! Но Бинк не унимался:

— Честер, а ты можешь объяснить нам этот ответ?

— Нет, я тоже его не понимаю.

— Но ты же говоришь...

— Я сказал, что считаю это достойным ответом. Будь я големом, я несомненно догадался бы, что за ним скрывается. Его целесообразность. Это более правдоподобно, чем то, что волшебник не сумел дать нормальный ответ.

Бинк вспомнил, как волшебник дал ответ мантикоре на вопрос, есть ли у того душа. Тот ответ удовлетворил и чувства, и ум мантикоры. Пример был убедительный. Должно быть, в туманности полученного големом ответа тоже скрывается какой-то смысл.

Но сколько отчаяния испытаешь, пока обнаружишь этот смысл!

Уже начали сгущаться сумерки, когда путники наконец увидели дом. Талант Кромби указал, что именно в этом доме им и предстоит провести ночь.

Сомнения вызывали только размеры дома. Дверь была высотой почти в десять футов.

— Это жилище гиганта или... огра,— нахмурился Хамфри.

— Огра! — воскликнул Бинк.— Но мы же не можем остаться здесь на ночь!

— Он в один момент определит нас всех в свой котел и разведет пожарче огонь,— согласился Честер.— Для огров человечинка — настоящий деликатес.

Кромби зачирикал.

— Этот идиот уверяет, что его дурацкий талант никогда не ошибается,— доложил голем.

— Так-то оно так,— сказал Бинк,— но надо помнить, что его талант точно отвечает на поставленный вопрос. А мы спрашивали об удобном месте, где можно провести ночь, мы не оговаривали, что оно должно быть еще и безопасным.

— Смею заметить, что котел с горячей водой вполне удобное место для отдыха,— заметил Честер,— пока вода не станет слишком горячей, а вот когда эта ванна превратится в...

— Пожалуй, мне придется потратить немного моей драгоценной магии,— посетовал Хамфри.— Теперь уже слишком поздно, чтобы бродить по лесу в поисках другого убежища.

Он достал пузырек и занялся пробкой. Это была обычная пробка, и, как и положено пробке, поддавалась она с большим трудом, так что процедура затянулась.

— Эй, это не пузырек ли с демоном? — поинтересовался Бинк. Ему показалось, что он узнал пузырек; некоторые из них выглядели более прочными, более тщательно изготовленными и были снабжены магическими символами.— Может, тебе...

— Хм,— буркнул волшебник.

— Он говорит, что именно этим и занят, простофиля,— сказал голем.— Поверь на слово.

Волшебник нацарапал на земле пентаграмму, поставил в середину пузырек и пробормотал что-то нечленораздельное. Пробка вылетела, и заклубился дым, постепенно превратившийся в существо с двумя парами очков, в котором Бинк узнал Борегара.

Просвещенный демон не стал даже дожидаться вопроса:

— И для этого ты меня вытащил, старина? Конечно же, это место безопасно, этот огр стал вегетарианцем. А вот ваша затея небезопасна.

— Я тебя не спрашиваю о нашей затее,— огрызнулся Хамфри,— я и так знаю, что она небезопасна. Поэтому-то я и отправился вместе с ними.

— Уж больно это на тебя не похоже — ввязываться в дурацкие затеи, да еще в ущерб собственному покою,— продолжил Борегар, поправляя на носу одним пальцем сразу обе пары очков.— Ты что, все свои шарики порастерял? Или это старческий маразм? Неужто хочешь покинуть этот мир в языках пламени, сгорая от стыда?

— Сгинь, проклятый дух! Я сам тебя вызову, если мне потребуются твои бесполезные догадки.

Борегар печально покачал головой, превратился в облако дыма и исчез в пузырьке.

— Еще одна ранимая душа,— заметил Бинк, чувствуя себя неловко.— Тебе обязательно надо держать его в заключении в такой маленькой бутылочке?

— Никто не в силах удерживать демона,— коротко возразил волшебник.— Просто не вышел срок его службы мне.

Временами его логику очень трудно постигнуть!

— Но ведь он служил тебе, еще когда я впервые встретился с тобой, а с тех пор прошло уже больше года.

— У него был достаточно сложный вопрос.

— Просвещенный демон, дающий тебе ответы, за которые ты получаешь плату, должен платить тебе за твой ответ?

На это Хамфри ничего не ответил. Бинк услышал слабый раскатистый смех и вскоре сообразил, что смех исходит из пузырька. Здесь явно крылось что-то занятное, но отнюдь не смешное.

— Думаю, лучше зайти в дом, пока совсем не стемнело,— заметил Честер, с подозрением поглядывая на дверь в жилище огра.

Бинк был не прочь и дальше поломать голову над загадкой демона, но кентавр прав.

Они подошли к двери. Это были огромные ворота, сделанные из цельных бревен железного дерева, очищенных от коры и связанных кусками хищных лиан. Конструкция привела Бинка в изумление — незаржавевшее железное дерево можно обтесать только свежесрубленным, и даже в этом случае магический топор с трудом справится с работой. И какой монстр приспособил смертоносные лианы для такой цели? Обычно эти лианы используют свою упругость для того, чтобы раздавить жертву, и силы им не занимать.

Честер раскатисто постучал в дверь. Последовала пауза, во время которой успокоилось эхо металлического грохота. Затем послышались медленные тяжелые шаги. Дверь распахнулась с такой силой, что металлические петли раскалились докрасна, а поток воздуха, увлекаемый дверью, заставил кентав-

ра сделать шаг вперед. Из дверного проема вырвался ослепительный поток света, на фоне которого вырисовывался жуткий силуэт огра. Великан был довольно коренаст, но все же вдвое выше Бинка, рядом с ним даже эта дверь показалась маленькой. На его руках и ногах, как узлы на старом дереве, выделялись мускулы.

— У-ух! — проревел огр.

— Он сказал: дверь едва лишь отворил, столько вони напустил,— перевел голем.

— Вони! — воскликнул Честер.— Да это от него в первую очередь воняет.

Кентавр был прав. Похоже, огр не верил в магию чистоты. Тут и там на его теле виднелись засохшие комья грязи, и от него исходил ужасный запах гнилых овощей.

— Помните, что у нас нет желания ночевать под открытым небом,— предупредил своих спутников Бинк.

Кромби зачирикал.

— Птичий клюв говорит, что придется с этим смириться, тугодум.

— Вот пусть сам и терпит,— проворчал кентавр.

Огр зарычал.

— Каменная морда говорит: я-то думал, что тут воняет, а это грязный грифон гуляет.

Разгневанный грифон набычился, полураскрыл свои сверкающие крылья и заклекотал.

— Это можно легко исправить, если хорошенько дать тебе в нюх,— перевел голем.

Великан напыжился так, что стал казаться еще больше, и взревел.

— Оторву тебе башку, истолку ее в муку,— перевел голем.

Затем последовала смесь рычания и квохтанья, во время которого голем воспроизводил весь диалог.

— Ну-ка выйди сюда и повтори, голова садовая.

— Заходи ко мне в домишко, клювастая мышка, и твои косточки затрещат, как досточки, я поддам тебе так — улетишь на чердак.

— Да твой чердак развалится, как только ты шевельнешь мозгой! — прочирикал Кромби.

— А что, все огры говорят стихами? — поинтересовался Бинк, когда в диалоге возникла пауза для подбора новой серии оскорблений.— Или это выдумка голема?

— Этот маленький болван туп, как истинный чурбан,— перевел голем, но тут же со злостью завизжал: — Это кто еще маленький болван, морда твоя лягушачья, да...

— Огры, как, впрочем, и все существа, бывают очень разными,— вкрадчиво заметил Хамфри.— Похоже, нам попался вполне дружелюбный.

— Дружелюбный! — воскликнул Бинк.

— Для огра — да. Пожалуй, будет лучше, если мы зайдем в дом.

— Из тех, кто так смел, я супчик ел,— прорычал, пользуясь големом, великан.

Но грифон уже прошмыгнул в дом, и огру пришлось неохотно посторониться.

Как и положено жилищу монстра, внутри было тесно и мрачно. Яркий свет, который ослепил их, когда открылась дверь, исчез — очевидно, хозяин, перед тем как открыть дверь, зажег новый факел, который уже сгорел. На полу валялась подгнившая солома, вдоль стен высились поленницы веревочного дерева, а посреди комнаты над ярким пламенем очага булькал вулканической грязью огромный котел. Однако нигде не было видно груды костей. По крайней мере, это обнадеживало. Бинк никогда раньше не встречал огров-вегетарианцев, но демон Борегар определенно знал, что говорил.

Бинк, поняв, что нескончаемый поток угроз — пустые слова, почувствовал досаду из-за того, что его провел такой добродушный — для людоеда — монстр.

— Как тебя зовут? — спросил он великана.

— Ты обед прямо в рот, Хруп за ним сейчас пойдет.

Великан явно его не понял.

— Меня зовут Бинк, а тебя?

— Ты меня удивляешь, коли Хрупа не знаешь.— Великан сунул грязную волосатую лапу прямо в кипящий котел, помешал варево, зачерпнул полную горсть, плюхнул в кривую деревянную миску и протянул ее Бинку: — Вот Бинку первую половинку. Хруп обед дал и Бинка узнал.

— Он хочет сказать, что его зовут Хруп,— сообразил Честер.— Он предлагает тебе поесть. Для него, похоже, любая еда — обед.

— Вот оно что... Спасибо, Хруп,— неловко поблагодарил Бинк.

Теперь его «ты обед прямо в рот, Хруп сейчас за ним пойдет» обрело какой-то смысл. Таким образом, это была вовсе не угроза, а одновременно ответ на вопрос Бинка и предложение перекусить. Таким же манером огр угостил похлебкой и друзей Бинка; казалось, его рука вовсе не чувствовала жара.

Бинк начал с подозрением разглядывать варево. Оно казалось слишком густым, чтобы его пить, но слишком жидким, чтобы его можно было брать руками. К тому же, несмотря на энергичное бульканье, оно выглядело не вполне сварившимся. Варево было темно-красного цвета с зелеными вкраплениями, однако пахло настолько аппетитно, что даже плавающая сверху дохлая муха не могла испортить общего впечатления.

Честер со знанием дела понюхал предложенную ему стряпню.

— Да это же алый бульон с зеленью сумасбродного дерева — редчайший деликатес! Но ведь чтобы добыть сок для бульона, требуется особая магия, а сумасбродное дерево может отыскать только зеленый сумасбродный эльф. Как ты это добыл?

Огр расплылся в улыбке. Несмотря на полумрак, улыбка выглядела ужасно.

— У меня тут эльф есть, ко мне наняться считает за честь,— перевел голем.

Затем великан взял бревно из поленницы и поднял его над котлом. Он принялся выкручивать бревно, как выжимают мокрое полотенце. Из бревна в котел полилась тонкая струйка алой жидкости. Отжав бревно, огр без особых усилий разодрал его на волокна и бросил их в огонь, где они тут же вспыхнули ярким пламенем. Ну что ж, неплохой способ сушить дрова.

Бинку никогда раньше не доводилось видеть такую необузданную силу. Не вдаваясь в обсуждение увиденного, он выловил из миски муху, сунул палец в остывающую студенистую массу, выловил клейкий комок и осторожно положил его в рот. На вкус варево оказалось великолепным.

— Никогда раньше не ел ничего подобного! — восхищенно воскликнул он.

— Вот, Бинк, как бывает, а ты думал — воняет,— проревел польщенный огр.

Отведав из своей миски, Кромби зачирикал.

— Ты можешь вонять, а похлебка хоть куда,— перевел голем.

Хруп, очень довольный такой двойной похвалой, зачерпнул целую пригоршню булькающего варева и отправил его прямо в свою разинутую огромную пасть. Он облизал пальцы и зачерпнул еще пригоршню. Когда путники опустошили свои миски, великан той же рукой зачерпнул им добавки. Никто и не думал протестовать, в конце концов, какие магические микробы выживут в таком горяченном вареве?

Поев, вся компания расположилась на соломе коротать вечер. Все уже собрались укладываться спать, но Бинку что-то не давало покоя. Очень скоро он сообразил, что его тревожит:

— Слушай, Хруп, у нашего народа принято за гостеприимство оказывать хозяину какую-нибудь услугу. Что мы можем сделать для тебя в благодарность за такой великолепный ужин и ночлег?

— Точно,— согласился Честер.— Может, нам поколоть дров или сделать что-нибудь еще?

— Нет смысла это затевать, когда их можно наломать,— проревел огр.

Он взял бревно, бахнул по нему кулаком, и оно разлетелось в щепки. Похоже, в этом деле помощники ему не нужны.

Зачирикал Кромби.

— Птичий клюв говорит, что может указать направление на что угодно. На что тебе указать, каменное лицо?

— Хочу я завалиться спать, а не язык с тобой чесать,— буркнул огр.

— Подожди, сначала мы для тебя что-нибудь все-таки сделаем,— продолжал упорствовать Бинк.

— К чему пустая болтовня, отстаньте лучше от меня!

Хруп взял пригоршню соломы и сжал ее в кулаке, а когда разжал, солома оказалась спрессованной в прут. Этим прутом великан принялся ковырять в своих огромных зубах.

— Не можем же мы силой навязать ему услугу, коли он этого не хочет,— предупредил друзей Честер.

— Может, он просто не знает, чего хочет,— выдвинул предположение Бинк.— Мы должны соблюдать кодекс чести.

— Вот ведь настырный олух,— сказал голем, на этот раз сам от себя.— Ну что ты ищешь себе на голову приключений?

— Это дело принципа,— неуверенно заявил Бинк.— Кромби, можешь ты нам указать, где находится то, чего хотелось бы огру?

Грифон утвердительно чирикнул, завертелся, разворошив под собой солому, и вытянул крыло. Оно указало прямо на доброго волшебника Хамфри, который прикорнул в уголке, подпихнув себе под голову охапку соломы.

— Даже не думайте,— сонно проворчал Хамфри,— я в пищу не гожусь.

— Он же вегетарианец! — напомнил Бинк.— Нет, речь не о том. Может, он просто хочет задать тебе вопрос.

— Не буду же я отвечать на его вопрос за одну ночь паршивого ночлега! Ему придется за это отслужить мне целый год, как и положено.

— А у меня вопросов нет, и не нужен мне ответ,— проворчал великан.

— У меня складывается впечатление, что мы навязываем нашему хозяину то, чего он совсем не хочет,— на удивление дипломатично заметил Честер.

Выкручивание и превращение бревна в щепки, а также прессовка соломы, похоже, произвели на кентавра глубокое впечатление. Определенно, такого сильного существа наши путешественники еще не встречали.

— Но есть же что-то такое, чего Хруп хочет, просто он сам об этом не догадывается,— возразил Бинк,— и мы должны найти это для него.

Возражать никто не стал, но Бинк прекрасно понимал, что всем хотелось, чтобы он оставил эту затею.

— Слушай, Кромби,— продолжал настаивать Бинк,— может, ему нужен не сам волшебник, а что-то такое, что находится *на* волшебнике. Ну-ка уточни, куда ты показывал.

Кромби устало и покорно что-то прочирикал, опять закружился и вытянул крыло. Бинк собственным пальцем провел линию от крыла до волшебника.

— Вот! — воскликнул он.— Он хочет что-то, находящееся у него в паху.— Потом несколько смутился и добавил: — Может, ему понравилась его куртка.

Но уставший волшебник уже заснул. Вместо ответа они услышали только похрапывание.

— Ну, давайте же! — сказал голем.— Я сейчас проверю.

И он проворно вскарабкался на волшебника и полез ему под куртку.

— Я не думаю, что...— начал было Бинк, пораженный такой храбростью.

— Это твои трудности,— ответил голем уже откуда-то из-под куртки.— Должно быть, вот это!

Он вынырнул наружу, обхватив обеими руками пузырек. Для голема пузырек был довольно тяжел.

— Это же пузырек с демоном,— сказал Честер.— Только не вздумай...

Но Гранди уже выбил пробку.

Бинк ринулся к нему, но, как всегда, опоздал. На этот раз пробка не сопротивлялась, она вылетела из горлышка как раз в тот момент, когда Бинк схватил пузырек.

— Ну вот, доигрались,— сказал Честер.— Если волшебник проснется...

Бинк продолжал держать пузырек, в то время как дым превращался в демона, которого теперь не удерживали ни пентаграмма, ни заклинание.

— Кто... кто... кто-нибудь, сотворите...— заикаясь, бормотал Бинк.

Но из дыма уже возник Борегар, который стоял перед Бинком, держа под мышкой огромный том. Он взглянул на Бинка поверх очков.

— ...пентаграмму,— закончил за Бинка демон.— Я думаю, не стоит.

— Что я натворил! — простонал Бинк.

Борегар пренебрежительно махнул свободной рукой.

— Да ты, Бинк, ничего и не сделал. Это все старания дурака голема.

— Но затея была моя.

— Возможно. Но не расстраивайся. Лучше считай, что ты был просто рукой судьбы. Пойми, ни пентаграмме, ни бутылочке меня не удержать, я просто соблюдал эти условия из соображений профессиональной этики. У нас с волшебником договор, что я буду служить ему в качестве резервного источника знаний, пока меня не освободят обстоятельства, соответствующие общепринятым условиям повелевания демонами. Вот такой случай и представился, как и было предначертано судьбой. По-настоящему плененный демон в таких условиях обрел бы свободу, поэтому и я теперь предоставлен самому себе. Я благодарен тебе за эту случайность и теперь ухожу.

Демон начал бледнеть и растворяться в воздухе.

— Подожди,— крикнул Бинк,— ответь, по крайней мере, на вопрос этого милого огра!

Борегар снова предстал перед Бинком:

— У него же нет вопросов. Он хочет только спать. Ограм надо много отдыхать, иначе они лишатся своего предназначения.

— Но талант Кромби указал...

— А, ты об этом. Конечно, здесь что-то есть, но он и сам не осознает этого.

— Пусть так,— согласился Бинк. До сих пор он и не подозревал, что у огров могут быть неосознанные желания.— Прежде чем уйти, расскажи нам об этом.

— Он хочет узнать, стоит ли ему жениться,— ответил демон.

Великан что-то проревел.

— Как я дальше заживу, коль жену себе возьму? — перевел голем.

— А вот это уже интересно,— заметил Борегар,— голем, отрабатывающий ответ, который не в силах понять.

— Кто найдет смысл в ответе из одного слова? — спросил Гранди.

— Только настоящее существо,— ответил Борегар.

— В том-то и дело,— заметил Бинк,— он же не настоящий и хотел узнать, как стать настоящим.

Борегар повернулся к кентавру:

— А ты хотел бы узнать, есть ли у тебя магический талант. Я, конечно, могу тебе сказать, но тогда тебе придется отработать ответ, а ни ты, ни я этого не хотим.

— Почему бы тебе просто не ответить на вопрос огра и не уйти? — спросил Бинк, не очень-то доверяя слишком знающему освободившемуся демону.

— Я не могу дать прямой ответ, Бинк. Я же демон. Огр не сможет воспользоваться моим ответом, каким бы рациональным он ни был. Он, как и ты, слишком нерационален, поэтому ответ на его вопрос должен дать ему ты.

— Я! Но я...— Бинк запнулся на полуслове, вспомнив о неурядицах, которые на данный момент возникли между ним и Хамелеошей.

— Я хотел сказать, что этот ответ вы должны дать все сообща,— несколько снисходительно пояснил Борегар.— Ты, Честер и Кромби должны обсудить свои отношения с вашими уважаемыми половинами; общее мнение, к которому вы придете в результате этого обсуждения, и будет ответом огру.— Демон немного подумал и добавил: — Вообще-то в этих условиях мои комментарии тоже могут быть уместны.

И он уселся на солому рядом с ними.

Последовала тишина.

— Э-э-э... Как ты... Есть у тебя на примете какая-нибудь великанша? — спросил Бинк Хрупа.

Великан разразился целым потоком рычания и фырканья, сопровождавшегося поблескиванием желтых зубов. Это было все, что голем получил в качестве основы своего перевода, но Гранди воспользовался возможностью и показал себя в полном блеске.

— Раз прекрасным мрачным днем, когда только первый гром приближенье бури сильной сообщил округе мирной, я от дома вдалеке в чаще шастал налегке. В самочувствии прекрасном, в настроенье самом мирном, ощущая благодать, я искал, чего пожрать. Так от дома далеко не отважится никто в одиночестве бродить, чтоб себе не навредить. Ты дракона там не встретишь, монстра тоже не приметишь, да в такой дали от дома не увидишь даже гнома. Я забрел в дремучий лес, где деревья до небес, и под сенью тех ветвей был я словно муравей.

Чтобы в чаще той пройти, даже не было пути. И внезапно предо мной в середине чащи той, прямо будто наважденье, появилось вдруг ущелье. Не ущелье, просто клад, да полушки там кишат, да с зеленою трясиной, полной жирной яркой тиной, в общем, честно вам сказать, все, о чем я мог мечтать. Ну а в самой глубине скрылся замок в темноте, вместо стяга саван вьется, вместо кисти череп бьется. В стенах замка ветер воет так приятно, словно стонет, похоронный слышен звон от костей со всех сторон. У ворот дракон зевает и такое охраняет, что, признаться, даже я удивился, как дитя. Там фонтан из красной глины — ну как будто бы с картины — алой кровью в небо бил. Я как был у тех ворот, так и встал, разинув рот, даже слюнки распустил, сапоги все замочил. Но откуда-то я знал, как — и сам не понимал, стоит лишь начать мне жрать или что-нибудь сказать, и все чары пропадут и с собою унесут это чудо из чудес, что таил дремучий лес. Не терпелось мне узнать, что еще за благодать ожидает храбреца, коль дойдет он до конца. В центре замка, в гамаке, на засаленном мешке величаво возлежала, гордо голову держала людоедка-великанша — так собою хороша, как кошмарный страшный сон, тот, что порождает стон. Шапка спутанных кудрей опускалась до бровей, словно заросли крапивы, что так осенью красивы, кожа словно шлак вулкана, а это гордость великана, на лице такой оскал, что и зомби не мечтал. Изо рта такой душок, что меня поверг он в шок, от самой такая вонь, что подохнет даже конь. Тут меня чуть не стошнило, так все было сердцу мило. Словом, эта красота словно в животе глиста. Я по морде красавице той засадил волосатой рукой — огры так признавались всегда в нежной страсти во все века. Потом поднял ее высоко я за левую ногу ее и ее за собой поволок, чтоб для нас отыскать уголок. И все в замке тогда пробудились и навстречу нам с криком спустились. Поздравлять нас валили гурьбой гоблин, тролль, вурдалак молодой. Чтоб поздравить героя с красоткой, зашвыряли нас тухлой селедкой. В своем радостном ликованье напоролись мы на заклинанье; оно тут же забило тревогу, зазвенело на всю берлогу, и все злющие духи проснулись, и с тревогой они встрепенулись, и наслали на замок сон, чтоб столетия длился он,— всем нутром ненавидят они людоедов счастливые дни. И проклятие

вдруг появилось и за нами в погоню пустилось; от него мы тотчас без оглядки припустили — сверкали лишь пятки. От него мы пытались уйти, свои души надеясь спасти, но оно все равно нас догнало, в самой гуще деревьев поймало. И я в ужасе громко вскричал: «Я костей никогда не глодал!» Все же счастие мне привалило, и дурное проклятие решило: людоеды сумели сбежать и теперь их уже не догнать. В яркой вспышке проклятие пропало, на деревьях всю злобу сорвало. И стоит теперь мертвым тот бор, я же в страхе живу с тех пор. Опасаюсь я кости глодать — духи озера могут узнать, что проклятие их промахнулось, что меня оно и не коснулось. Могут снова проклятие наслать, от которого уж не сбежать. А красавица дремлет в лесу и проспит всю свою красу. Но сомненье меня терзает, обо мне ли она скучает. И никак не могу я понять, надо ли мне ее спасать.

Выслушав этот замечательный рассказ, все долго сидели молча. Наконец Кромби зачирикал.

— Это было великолепное и очень романтическое приключение,— перевел Гранди.— Хотя я и восхищен достоинствами твоей избранницы, скажу тебе по собственному опыту, что все женщины — чудовищные создания, весь смысл жизни которых заключается в том, чтобы обольстить, заманить и сделать несчастными мужчин. Так что...

Огр взревел, оборвав грифона на получирике.

— Э-ге-ге-ге-гей! — перебил сам себя Гранди.— Я сейчас бегу за ней!

Честер улыбнулся:

— Несмотря на рекомендации моего друга, я должен тебя предупредить. Как бы ни лягала кобылица своего жеребца и как бы глупо все это ни выглядело, настанет время, когда она принесет первого жеребенка. И тогда у нее пропадет всякий интерес к...

— Прекратит меня лягать? Значит, счастья не видать,— разочарованно проревел Хруп.

— Но постепенно все войдет в свою колею, и часто прошлое кажется просто забавным. И вообще, я считаю, что немного пинков лучше, чем вовсе никаких пинков. Так что почему бы не спасти твою красавицу и не дать ей шанс попробовать? Она может сделать твою жизнь совершенно невыносимой.

Глаза огра вспыхнули, как факелы.

— Должен признать,— сказал Борегар,— что этот разговор демонстрирует очень интересный взгляд на природу эмоций людей, огров и животных. То, что досаждает людям, у огров вызывает только восторг. Этот материал послужит великолепным заключением для моей диссертации.

— Твоей — что? — спросил Бинк.

— Для моей докторской работы «Снижение умственных способностей у всех остальных жителей Ксанфа»,— пояснил Борегар.— Для этой своей работы я искал материал у человеческого волшебника Хамфри, и он убедил меня, что, послужив ему, сидя в бутылке, я получу такой материал, так как по тем вопросам, ответы на которые люди считают жизненно важными, можно лучше всего понять человеческую натуру. Так оно и вышло, и теперь я уверен в успехе моей научной работы. А ученая степень, которую я получу благодаря этой работе, позволит мне установить постоянные отношения с моей избранницей-демонессой — она, на мой взгляд, стоит этих усилий. Тем не менее я хочу подарить каждому из вас по крупице знания из моей научной работы.— Он повернулся к Честеру: — Я не скажу тебе прямо о твоем магическом таланте по причинам, которые уже называл, но намек все-таки дам: твой талант отражает те черты твоего характера, которые ты в себе подавляешь. Ты, как и все кентавры, не веришь в существование магии среди своих собратьев, а потому целый пласт твоей личности оказался полностью скрыт в глубине твоей души. Если ты сумеешь преодолеть такое положение дел, то твой талант проявится сам собой, естественным образом. Поэтому не стоит тратить год своей жизни взамен на ответ. Просто дай полную волю своим желаниям.— Он повернулся к Кромби: — А тебе своей судьбы так просто избежать не удастся. Когда ты вернешься из этого путешествия, если, конечно, вернешься, Сабрина заманит тебя в ловушку несчастного брака, при условии, что ты, до того как ее увидишь, не найдешь ей подходящей замены. Поэтому радуйся напоследок жизни, гуляй на свободе последние денечки и не думай о завтрашнем дне, который будет хуже сегодняшнего. Но если уж говорить по большому счету, то для тебя попасть в семейные сети вовсе не хуже смерти;

ты поймешь это, когда посмотришь в лицо смерти.— Он отвернулся от расстроенного грифона и обратился к голему: — Смысл ответа, который тебе дал добрый волшебник, в следующем: люди волнуются, а бездушные создания — нет. Только испытав настоящие чувства, которые отодвинут на второй план логику, ты станешь настоящим. Но чтобы достичь этой высоты, тебе придется потрудиться. И запомни: чувства, которые испытывают настоящие одушевленные существа, в большинстве своем не так уж и приятны.— Теперь он повернулся к Хрупу: — А тебе, великан, скажу только одно: отправляйся за своей дамой. Судя по твоему рассказу, она составит тебе вполне достойную компанию: похоже, она во всех отношениях настоящая стерва.

Огр был так тронут этим советом, что, можно сказать, даже покраснел.

А Борегар уже повернулся к Бинку:

— Я никогда раньше не мог оценить твою магию, но сейчас я почувствовал ее на деле. Она необычайно сильна, но то, что ты ищешь, намного сильнее. Если ты будешь упорствовать в своем решении, то рискуешь погибнуть сам и погубить все, что тебе так дорого. А ты будешь упорствовать, поэтому прими мои соболезнования. Ну, до следующей встречи...

И он растворился в воздухе.

Оставшиеся сидеть кружком друзья обменялись взглядами.

— Пойдемте-ка спать,— предложил Честер.

И похоже, это была самая разумная идея за весь вечер.

Глава 6

МАГИЧЕСКАЯ ПЫЛЬ

Наутро они поблагодарили огра и продолжили свое путешествие, а Хруп нетерпеливо потопал в мертвый лес поднимать свою прекрасную невесту, ту, у которой волосы как мочало, а кожа как чесалка.

Теперь у путешественников появилась новая загадка, над которой стоило подумать. Они узнали причину, по которой погиб лес, но что за злые изверги, обладающие такими разру-

шительными проклятиями, живут в озере? Есть ли среди них волшебники и не находится ли источник магии рядом с ними?

Волшебник Хамфри был особенно задумчив. То ли не так уж крепко спал во время вечерних разговоров, то ли погрузился в свою магию знаний, чтобы выяснить обстановку. Должно быть, он уже знал, что демон Борегар ушел.

— Что это за магия,— бормотал он,— которая может убить целый лес одним-единственным выпущенным проклятием? Почему я не слышал о таком раньше?

— Потому что у тебя и в мыслях не было задуматься об этом,— совсем недипломатично заметил Честер.

— Зато теперь мы начеку,— вставил Бинк,— рядом с источником магия должна быть сильнее.

Кромби зачирикал:

— Сильная магия — это одно. А проклятие сильного волшебника — совсем другое. Дай-ка я еще раз определю направление.

И он еще раз проделал свой ритуал.

Они шли в правильном направлении. Местность казалась вполне обычной: большие деревья сердито смотрели на пришельцев, а маленькие по мере своих сил робко жались в сторону. Жужжа летали мухи-фрукты: ягоды, вишни и виноград парили вокруг, будто искали очередную салатную чашу. Соблазнительные тропинки вели сквозь запутанные дебри, но путники, вестимо, их обходили. В Ксанфе простой путь редко оказывается лучшим! Попадались следы драконов — опалины на стволах деревьев, отмечающие границы их территорий. Когда тебя преследует дракон, безопаснее всего находиться в нескольких шагах от таких пометок — любое вторжение на чужую территорию может вызвать очередное выяснение отношений между драконами.

Но вскоре путь стал труднее. Уродливо разросшиеся кусты ежевики с блестящими колючками закрывали почти все пространство, а в промежутках между ними патрулировали стаи муравьиных львов. Бо́льшую часть оставшегося свободного пути окружили огромные заросли дурмана-вонючки. Дурман был не только огромный, он еще и жутко смердел. Путники попытались пройти через эти заросли, но вонь стояла такая, что отпугнула бы и огра. И они, хватая ртом воздух, отступили.

Пришлось рассмотреть оставшиеся варианты: ежевика или муральвы. Бинк попытался прорубиться сквозь ежевику с помощью своего меча, но каждый раз, как он прорубал проход, несколько новых ветвей закрывали его, угрожая путникам своими шипами. Эти кусты все время были настороже, а блеск их колючек говорил о наличии яда. Бинк вынужден был отступить. И опять он оказался в ситуации, когда его талант способен его защитить, в то время как друзья могли погибнуть.

Он подошел к территории муральвов. Львиномордые муравьи проложили себе отличную дорогу, тщательно и безжалостно уничтожая все, что встречалось на их пути. Буквально все, кроме разве что самих муральвов.

Меч Бинка мог разрубить одного муральва, стрелы и копыта Честера расправятся еще с двумя-тремя, грифон Кромби справится даже с четырьмя, но эти твари нападали дюжинами, и нападали без страха и жалости. И опять сам Бинк может выбраться из этого боя невредимым благодаря какой-нибудь удивительной случайности, но остальные?

Бинк обернулся, его глаза скользнули вверх, и он увидел тропинку. Тропинку над вершинами деревьев.

Бинк протер глаза. Тропинка в воздухе? А почему бы и нет? С магией все возможно, в который раз напомнил он сам себе. Вопрос стоял в том, могут ли человек и получеловек пройти по ней? А если и могут, то куда ведет эта дорога?

И все же этот путь казался многообещающим. Так как Бинк поедет на Честере, его талант не позволит им залезть на воздушную тропинку, если она их не выдержит. Волшебник, грифон и голем намного легче, поэтому, последовав за Бинком и Честером, они тоже будут в безопасности.

— Думаю, я нашел путь,— сказал Бинк.

Они решили попробовать. Путники нашли место, где тропинка ныряла вниз и опускалась к земле в пределах досягаемости. Кромби покрутился, пытаясь выяснить, нет ли вдоль этого пути опасности. Опасности не было. Они забрались на тропинку и двинулись по ней высоко над деревьями. Странным на этом пути было то, что, как бы ни поднималась и ни опускалась тропинка над землей, сама она оставалась всегда ровной. Зато лес вокруг делал сумасшедшие круги. Иногда солнце ока-

зывалось внизу, иногда сбоку, в то время как деревья наклонялись под разными углами. Из любопытства Бинк потрогал листву одного дерева, которое доходило до тропинки, вися у них над головами,— листва была настоящая. Конечно, он знал, что это они идут вверх ногами,— у тропинки было особое расположение в пространстве. Оборачиваясь назад, Бинк видел грифона, идущего под разными углами наклона, и понимал, что грифон, волшебник и голем видят его совсем иначе. Интересная магия, но безобидная. По крайней мере, пока.

А тем временем Бинк наслаждался удобством пути и открывающимся отсюда зрелищем. Тропинка вела через лес и проходила в основном высоко над землей. Открывавшийся отсюда вид был для них в новинку. Наклонные лучи солнца и столбы тумана пастельных тонов пересекали тропинку. Этот вид открывался не с земли, не сверху, а с какой-то совершенно невообразимой точки. Тропинка безопасно пересекала территорию муральвов, но проходила ниже уровня полета крылатых хищников. Бинк заметил нескольких маленьких летающих драконов, гарпию, а вдалеке разглядел птицу рок, но никто из них близко к тропинке не подлетал.

Растения тоже вели себя необычайно спокойно. Щупальца-удавы свисали в непосредственной близости от тропинки, но на самой тропинке не было ни щупалец, ни преграждающих путь веток. Очевидно, тропинка находилась под действием каких-то чар, и это настораживало: лучшие пути почти всегда оказывались худшими. Бинк вспомнил, как просто было войти в лес, окружающий замок Ругна, давно, когда он еще стоял запущенным, и как трудно оказалось из него выйти. Куда же приведет эта тропинка?

Талант Кромби дал знать, что в той стороне, куда ведет тропинка, опасности нет, но талант Кромби мог высказываться слишком буквально. Для Бинка все, что могло вызвать задержку выполнения его задачи, было нежелательным. Никогда нельзя так просто доверяться неизвестной магии. Лучше спросить об этом у доброго волшебника.

— Конечно, тропинка безопасна, Бинк,— раздраженно проговорил Хамфри.— Думаешь, в противном случае я бы согласился отправиться по ней?

Бинк ведь даже еще не задал вопроса! Волшебник придерживал свой особый талант, хотя брюзгливый отказ использовать его на благо путешественников создавал впечатление, что пользы от него в походе не больше, чем от какой-нибудь гарпии. Какой смысл иметь под рукой волшебника, который никогда не использует свои способности для того, чтобы облегчить положение? Даже злой волшебник по своей воле определял, какая и когда опасность им...

— В том-то все и дело, Бинк,— сказал Хамфри.— В данный момент нет никакой опасности. Когда ситуация изменится, я начну использовать свою так тщательно оберегаемую магию. Ты еще молод и бесцельно раскидываешься своими способностями. Из-за этого ты и попадаешь в передряги, которых стоило бы избегать.

Ну что ж, он получил свое, позволив мыслям свободно порхать в воздухе! Бинк продолжил путь. Наконец тропинка нырнула вниз, к милой маленькой деревеньке с крытыми соломой домами, стены которых были обмазаны разноцветной глиной. Аккуратненькие дорожки соединяли обычные деревенские строения, не представляющие для путников никакого интереса.

— Ты заметил,— сказал Честер,— что в местных строениях не применялась магия? Только обычные материалы.

— Правильно! — удивленно произнес Бинк.— Если мы приближаемся к источнику магии, да еще по волшебной тропинке, то ведь должно быть, наоборот, больше магии, правда? — Он повернулся к грифону: — Кромби, ты уверен, что это...

Кромби зачирикал.

— Птичий клюв уверен, что мы идем в правильном направлении,— сказал голем.— Но может, деревня просто лежит у нас на пути, а вовсе не является местом нашего назначения.

Когда путники достигли конца тропинки, к ним, хлопая крыльями, подлетела седая старая гарпия. Все приготовились к неприятностям — о гарпиях идет дурная молва. Но эта, хотя и была достаточно безобразной, оказалась довольно чистой и мирной.

— Добро пожаловать, странники,— сказала она, даже не удосужившись их оскорбить.

Чрезвычайно культурная гарпия!

— Ну, спасибо,— сказал Бинк.— Мы ищем место, где бы переночевать. Мы не причиним вам никакого вреда.

Он никогда не слышал о вежливых гарпиях, поэтому оставался настороже, держа руку на рукоятке меча.

— Мы поможем вам в этом,— согласилась она.— Вы все мужчины?

— Да,— сказал Бинк, продолжая чувствовать себя очень неспокойно.— Мы ищем источник магии. Ваша деревня, похоже, расположена где-то рядом с ним. Мы...

— Пятеро мужчин! — воскликнула гарпия.— Можно только подивиться!

— Нас совсем не интересуют ваши девицы,— сказал Честер со свойственной ему воинственностью.

Кромби зачирикал.

— Во всяком случае, не их мозги,— перевел голем.

Губы Честера искривились на лошадиный манер. И Бинку, пока не разгорелась очередная перепалка, пришлось тут же вмешаться в разговор:

— Мы будем рады что-нибудь для вас сделать в благодарность за предоставленные пищу и безопасный ночлег. И тогда утром, если у вас есть какая-нибудь информация о волшеб...

— Обо всем этом вы договоритесь с Троллой,— сказала гарпия.— Сюда, пожалуйста.— И она полетела, захлопав крыльями и бормоча с отвратительным возбуждением: — Мужчины!

— Если ты опять промахнулся и мы попали в гнездо гарпий...— пробормотал Честер в адрес Кромби.

— Тогда самое лучшее для нас подняться опять на тропинку и вернуться обратно тем же путем,— докончил за него Бинк и обернулся.

Тропинка исчезла. Теперь уже этим путем им отсюда не уйти.

Тролла оказалась троллессой. Она была почти так же безобразна, как и гарпия, но и она, в свою очередь, оказалась на удивление вежливой.

— Я понимаю, что вы, прекрасные мужчины, несколько встревожены,— сказала троллесса,— и у вас есть для этого основания. Но не стоит опасаться жителей этой деревеньки. Позвольте мне угостить вас ужином, пока я объясню вам наше положение.

Бинк обменялся взглядами с остальными путешественниками. И кентавр, и грифон казались очень обеспокоенными, а вот добрый волшебник на первый взгляд оставался совершенно безразличным.

Тролла хлопнула своими мозолистыми руками, и появилось несколько лесных нимф, которые принесли тарелки. Волосы у них были зелеными, кожа коричневой, а губы и ногти красными, ну прямо как цветущие деревья. А в остальном они ничем не отличались от обычных женщин; все они были гибкими, цветущими, с прекрасным внушительным обнаженным бюстом. Каждая рассматривала Бинка и Хамфри больше чем просто с интересом. Самым подходящим для этих взглядов определением было слово «голод».

Пищей их угощали самой обычной: овощи и фрукты местного урожая да небольшой бифштекс из дракона. В стручках молочая находилось питье, которое оказалось великолепным молоком, но в нем тоже не было ничего особенного.

— Вы, наверное, заметили, что мы не использовали магию в приготовлении блюд,— сказала Тролла.— Здесь, в отличие от других земель Ксанфа, мы используем как можно меньше магии. Я думаю, это покажется вам не совсем разумным...

— Вполне разумно,— заметил Хамфри, вгрызаясь в очередной бифштекс.

Тролла посмотрела на него:

— Ты, сударь, должно быть, волшебник.

— Угу.

Казалось, волшебник больше поглощен пищей, чем завязавшейся беседой. Но Бинк знал, что это впечатление обманчиво. Хамфри внимательно следил за всем относящимся к магии.

— Если это так и у кого-то из вас есть сильные волшебные способности, то я должна вас предупредить, чтобы вы пользовались своей магией очень осторожно,— сказала Тролла.— Пожалуйста, поймите меня правильно, я вовсе не хочу вас запугать. Мы ни в коей мере не хотим, чтобы вы чувствовали себя здесь неуютно. Просто в наших местах вся магия... Разрешите, я покажу это на примере.— Она хлопнула в ладоши, и вошла нимфа, цветущая и обнаженная, как и все остальные.— Принеси нам небольшого светлячка,— попросила Тролла.

Через минуту нимфа вернулась со светлячком, совсем маленьким. Это был один из тех электрических жучков, которые больше маленькой искорки ничего и не могут сотворить, совсем безвредный. Он сидел на столе и, со своими сложенными огненными крылышками и заизолированными ножками, выглядел довольно симпатично.

— А теперь смотрите, что с ним произойдет, если я его слегка напугаю,— сказала Тролла.

Она стукнула по столу похожими на копыта костяшками пальцев. Светлячок испуганно подпрыгнул и испустил пламя. На месте, где он только что сидел, появилась вспышка света и жара, и к потолку поднялось облако дыма. Сам светлячок исчез.

— Он сам себя сжег! — воскликнул Честер.

— Он не собирался этого делать,— сказала Тролла.— Это обычный светлячок, каких много в Ксанфе. Он просто еще не привык к здешним местам. Здесь, рядом с источником магии, все силы увеличиваются в сотни раз. Таким образом маленькая искорка превратилась в огненный шар, уничтоживший его самого. До тех пор пока вы, мужчины, не привыкнете к местным условиям, я не советую вам пользоваться своей магией в этой деревне. Мы ценим ваше пребывание здесь и не хотим, чтобы с вами произошла какая-нибудь неприятность.

Бинк взглянул на Хамфри, но добрый волшебник спокойно продолжал свой ужин.

— Ну, никто из нас не обладает способностью к воспламеняющей магии,— сказал Бинк, сообразив, что отвечать за всех придется ему. И все-таки он задумался, что же сделает его собственный талант, если что-нибудь будет ему угрожать. Что произойдет, когда «случайные совпадения» участятся и станут намного сильней? — Но лучше, если... если ничто не покажется нам опасным.

— К сожалению, вы здесь подвергаетесь большой опасности,— мрачно сказала Тролла,— и все из-за того, что вы мужчины. Вы, наверное, уже заметили, что в деревне нет мужчин.

— Заметили,— согласился Бинк,— и ваши нимфы, кажется, очень заинтригованы нами.

И действительно, нимфы порхали вокруг так близко, что во время еды локоть Бинка неоднократно натыкался на их мягкие животики.

— Беда в том,— продолжала Тролла,— что наших мужчин завлекла сирена. Если не считать нашего необычного и важного предназначения, мы были, в общем-то, обычной деревней, каких много и у людей. Затем пришла сирена и лишила нас наших мужчин. Так как мы не можем прекратить свою работу, мы взяли на себя риск и построили волшебный путь в деревню, по которому вы и пришли. Он должен был способствовать миграции сюда. Но вскоре сирена переманила от нас и новых мужчин. Мы расширили состав жителей и стали искать нечеловеческие создания, вот тогда-то я и сама попала сюда, вместе со своим мужем троллем. Но ужасные потери продолжались — вскоре я стала вдовой, и случилось это не совсем обычным путем.

Внезапно Бинк почувствовал тревогу. Некоторые троллессы съедают своих мужей. Недаром говорится, что единственное, чего боятся тролли, так это собственных жен, и тому есть очень веские причины. И сейчас эта хищная самка ищет себе нового мужа?

— Теперь в нашей деревне живут все виды разумных обитательниц,— продолжала Тролла,— и некоторых полезных животных. Волшебная дорога переносит только разумные существа, правда, некоторые животные проходят и через джунгли. Но вот сирена очень опасна для вас. Услышав ее зов, вы уйдете в лес и больше никогда не вернетесь. Мы будем оберегать вас от этого насколько сможем, но мы перед ней бессильны, если не предпримем некоторых придуманных нами предосторожностей.

— И что же это за предосторожности? — спросил Бинк.

— Мы должны сделать вас глухими, чтобы вы ее не слышали,— пояснила Тролла,— или кастрировать, чтобы вы не могли реагировать...

— А почему никто из ваших женщин не пойдет и не уничтожит эту сирену? — спросил Честер.— Я никого не хочу оскорбить, мадам, но вы вполне могли бы с этим справиться.

— Я с удовольствием разорвала бы всех сирен на кусочки и съела их кровавые ошметки,— сказала Тролла,— но я не могу пройти мимо древопутаны. Сирена заключила союз с путаной и пропускает к ней мужчин, но хватает женщин.

— Тогда вам надо уничтожить древопутану,— сказал Бинк.— С магией, настолько сильной, как вы только что показали, это необычайно легкая задача. Несколько светлячков или несколько ананасок...

— Это необычная путана,— сказала Тролла.— Мы уже пытались уничтожить ее, но она, хотя и растет за деревней, впитала достаточно магии, чтобы свести на нет все наши попытки. В конце концов, мы всего лишь женщины, а мужчины, когда они зачарованы сиреной, ее не тронут.

Бинк глубоко вздохнул:

— Я думаю, мы сможем сослужить вам эту службу в обмен на ваше гостеприимство. Завтра мы срубим это дерево.

Тролла печально покачала головой:

— Очень мило с твоей стороны так думать, но сирена этого не допустит.

Сирена не знает о таланте Бинка. А раз и дерево и сирена — волшебные создания, магический талант защитит его от них. Как-нибудь. Но, учитывая возможные осложнения из-за усиленного здесь действия магии, лучше ему одному пойти разбираться с этим деревом. Он не хочет, чтобы пострадали его друзья. Может быть, он сумеет улизнуть ночью и сделать это, пока его друзья будут спать.

Кромби зачирикал.

— Слушай, старуха, чем вы занимаетесь в своей деревне? — перевел голем.

— Мы находимся на вершине источника магии,— сказала Тролла.— Именно здесь рождается магия Ксанфа. Пыль вся пропитана магией, и если позволить ей собираться, то остальные земли Ксанфа постепенно утратят свои волшебные возможности, а в деревне образуется смертельная концентрация магии. Так что нам приходится распылять ее по всей территории, стараясь поддерживать разумное равновесие.— Она огляделась: — Похоже, с ужином покончено, тогда позвольте мне показать вам, чем мы занимаемся.

— Угу,— согласился Хамфри.

Теперь Бинк был уверен, что волшебник только разыгрывает полное безразличие к происходящему. Это вполне в его духе. Решение их задачи лежало у них под носом! И в то же вре-

мя Бинк был разочарован — на пути к этому знанию он ожидал больших опасностей.

Тролла показала им большое центральное здание, сложенное из обычного камня. Внутри находился один-единственный огромный каменный колодец, из которого маленькие эльфины, гномессы и феи при помощи маленьких кирок и совков копали и выскабливали песок. Они грузили его в повозку, в которую были запряжены кентаврица, мантикора и маленький сфинкс. Когда Бинк подошел к песку поближе, его кожу начало покалывать — с этим песком несомненно связана очень сильная магия. Впервые он столкнулся с сырой, неопределенной магией. Этот песок не обладал собственной магией и не нес на себе никаких чар, он просто *был* магией, ожидающей своего предназначения. Бинк даже не мог до конца в это поверить.

Песок перевозили в другое здание, где три огромных слонопотама без передышки толкли его в пыль. Слонопотамы — дикие звери, обитающие в Глухомани, но эти, похоже, были ручными и хорошо ухоженными и казались вполне довольными своей жизнью. Затем пленная птица рок вздувала пыль в воздух, используя для этого сильный ветер, который создавали ее гигантские крылья. Этот воздушный поток был так силен, что превращался в смерч.

— Разноцветный град! — воскликнул Бинк.— Так вот откуда он берется!

— Именно так оно и есть,— подтвердила Тролла.— Мы стараемся поднять пыль высоко в небо, чтобы потоки воздуха разнесли ее по всему Ксанфу, прежде чем она упадет, но местные бури заставляют ее иногда падать раньше времени. Ближайшие от нас земли с подветренной стороны сразу становятся невыносимыми для разумной жизни — концентрация магической пыли нарушает экологию и приводит к безумию. В этом заключается опасность нашего ремесла, но мы не можем его оставить. Мы были бы рады, если бы вы, мужчины, задержались здесь и подбодрили наших женщин, хотя мы и знаем, что вы должны идти, пока вас не позвала сирена. К сожалению, путь, по которому вы пришли сюда, проложен только в одну сторону: мы были слишком заняты, чтобы построить и обратную дорогу. Вы можете уйти отсюда только через Область Безумия. Это

все же лучше, чем сирена; мы сделаем для вас все, что в наших силах, но...

— Но после того, как мы исполним обещанное,— сказал Бинк.— Мы обладаем определенными талантами и сумеем сделать это.

И все же на душе у него было неспокойно — с трудом верилось, что он сумеет так просто сделать то, с чем не справились другие мужчины до него. И опять он удивился, почему источник магии оставался неизвестным столько столетий, если жители этой деревни знают о нем все с самого начала. Может, причина в том, что никто не сумел покинуть деревню живым, а может, магическая пыль затуманивает другую магию и поэтому такие вещи, как магическое зеркало, не способны сфокусироваться на этом районе. Наверное, в землях Ксанфа таится уйма секретов, которые еще предстоит открыть...

— Этим вечером у нас состоится общий сбор,— сказала Тролла.— Некоторые из наших молодых девушек еще и не видели мужчин, и уж они-то имеют право не упускать такую возможность. Вы встретитесь со всеми нашими жительницами, а мы подумаем, как помочь вам уберечься от сирены. До сих пор мы не нашли способа защитить мужчин от ее зова, ведь женщины его даже не слышат. Мы, с вашего позволения, запрем вас в клетки, чтобы вы не смогли ответить...

— Нет! — хором воскликнули Бинк и Честер, а Кромби зачирикал.

— Вы настоящие мужчины, всегда готовые к опасности,— с грустным одобрением произнесла Тролла.— В любом случае когда-нибудь нам придется вас отпустить, и тогда сирена доберется до вас, так что клетка тоже не решение. Нам надо просто избавиться от сирены! — На мгновение в ее лице промелькнула дикая ненависть, что вполне обычно для троллей. Потом ее лицо опять смягчилось.— Я покажу вам ваше жилище и приду за вами ближе к сумеркам. Пожалуйста, будьте вежливы с нашими жительницами; ваше присутствие здесь — знаменательное событие, а наши девушки не обучены светским манерам.

Когда они остались одни, Бинк обратился к волшебнику:

— Во всем этом есть что-то странное. Может, ты используешь свою магию, чтобы выяснить истинное положение дел?

— Я что, обязан заниматься всем, что подвернется под руку? — проворчал Хамфри.

— Слушай, ты, карликовый гном! — вскинулся Честер.— Мы тут в трудах треплем свои хвосты, в то время как ты всю дорогу просто бездельничаешь.

Хамфри остался невозмутимым.

— Как только ты захочешь платы за свои усилия...

Бинк решил, что надо вмешаться, хотя его симпатии были явно на стороне Честера. Он и не думал, что руководство — такое хлопотное дело!

— Похоже, мы у цели, у источника магии. Но все оказалось слишком просто. Вот и жители деревни что-то очень уж услужливы. Только ты можешь сказать, действительно ли мы выполнили свою задачу или просто попали в капкан для мужчин. Определенно, это тот случай, когда следует использовать твою магию, если, конечно, ты будешь настолько любезен и поможешь нам.

— Ну ладно,— недовольно проговорил Хамфри.— Хотя ты и не заслужил этого, выпустив Борегара,— я посмотрю.— Волшебник вытащил зеркало.— Свет мой, зеркальце, скажи да всю правду доложи: ты ль на свете всех милее, всех румяней и белее?

Затуманенное зеркальце сразу сделалось ярко-красным.

— Ну ладно, не красней,— буркнул Хамфри,— я еще только проверяю тебя.

Бинк помнил это зеркало. Оно отвечало только картинками, и довольно уклончивыми — прямые вопросы на слишком деликатные темы могли вообще разбить его.

— Ты знаешь об источнике магии Ксанфа? — спросил волшебник.

Появилось изображение улыбающегося младенца. Это, очевидно, означало «да».

— Можешь ты мне сообщить местонахождение источника? — А в сторону он проворчал: — Важный момент. Дома зеркало никогда не открывало этой информации, но здесь, где магия сильнее...

Младенец опять улыбнулся. Хамфри, предчувствуя победу, улыбнулся в ответ:

— Ты сообщишь мне его местонахождение?

И опять улыбка, словно у херувима. Бинк почувствовал, как его пульс учащается. Он понял, что волшебник приближается к главному вопросу очень осторожно. Зеркало понимает каждый вопрос буквально и никогда не проявляет инициативы; осторожное приближение к интересующему предмету давало уверенность, что зеркало не будет ошеломлено внезапным вопросом.

— Пожалуйста, покажи это место в своей раме.

Зеркало потемнело.

— Ух,— пробормотал Бинк,— оно разбилось?

Зеркало посветлело, и в нем появилось изображение плачущего младенца.

— Оно говорит «нет»,— проворчал Хамфри.— Будь добр, позволь мне продолжить исследование.— Он опять повернулся к зеркалу: — Ты показываешь мне место под землей?

Младенец улыбнулся.

— Короче говоря, ты утверждаешь, что источник магии находится не в той деревне, где мы сейчас сидим?

Появился большой вопросительный знак.

— Ты говоришь, что источник магии находится в этой деревне! — резко спросил добрый волшебник.

Опять появился вопросительный знак.

— Здесь проблема в ответе,— пробормотал Хамфри.— Зеркало не может выбрать между несколькими правдами. У кого-нибудь есть другой подход к вопросу?

— Все зависит от точки зрения,— сказал Честер.— Если источником магии считать пыль, то ее скоплений может быть несколько. Скорее всего, это какие-то каналы, поднимающие ее из глубины. Таким образом, получается несколько ответов: ты или думаешь об источнике на поверхности, или ищешь источник источника.

— Сразу видно существо с дисциплинированным разумом,— одобрительно проговорил Хамфри.— Хорошо бы еще оно его чаще тренировало, вместо того чтобы ругаться с солдатом.— Он обернулся к зеркалу: — Рассуждения кентавра верны?

Младенец заулыбался.

— Ну а теперь скажи,— продолжал Хамфри,— тебе известны мотивы поведения жителей деревни Магической Пыли? —

Получив в ответ улыбку, он спросил: — Они к нам хорошо относятся? — Улыбка это подтвердила, и Бинк почувствовал облегчение.— Тролла рассказала правду о проклятой сирене?

Опять улыбка.

Хамфри поднял глаза.

— Теперь будет труднее,— сказал он, самодовольно улыбаясь.

Бинк понял, что Хамфри тоже доволен опросом. Способности доброго волшебника, которые держались в резерве, теперь использовались, и это была добрая и полезная магия.

— Пока мы получили только подтверждение того, что уже знали. Теперь попробуем вторгнуться в неизвестное.— Он опять уставился в зеркало: — Можешь ты сказать, как нам поступить с бедами этой деревни?

Херувим улыбнулся.

— Необычная готовность отвечать,— заметил Хамфри в сторону.— Местное магическое окружение действительно увеличило силы зеркала. У нас теперь довольно сильный исследовательский инструмент.— Он опять повернулся к зеркалу: — Как...

— Ну, мужчины, вы готовы? — спросила, заглянув в дверь, Тролла.

Они подпрыгнули от неожиданности. Бинк хотел было объяснить, что здесь происходит, но вовремя заметил, как Хамфри быстро мотнул головой. Зеркальце исчезло. Добрый волшебник не хотел открывать секреты своей магии жителям деревни. Пока не хотел.

Они уже и так узнали достаточно много и используют зеркало еще раз при первом же удобном случае.

— Какое замечательное платье,— сказал Бинк Тролле.

И это не было ложью, платье действительно прелестно, хотя и в нем Тролла все равно оставалась троллессой. Очевидно, все уже было готово для празднования счастливого случая. Они последовали за Троллой и вышли на улицу.

Деревня совершенно преобразилась без всяких волшебных средств. В центре, посылая в небо дымок и сноп искр, горел настоящий костер. Уже сгустились сумерки, и в небесах начали появляться звезды. Казалось, что искры поднимаются в небо

и там превращаются в звезды, а может, мощная магия этого места позволяет и такое, подумал Бинк. Ведь должны же откуда-то браться на небе звезды, правда?

Деревенские женщины были прекрасны в своих праздничных нарядах. Молодых появилось гораздо больше, чем раньше. Теперь, когда их смена закончилась, им не терпелось — и даже более чем не терпелось — встретиться с незнакомцами. Бинка окружили нимфы, сильфиды и просто девушки, а вокруг Хамфри толпились феи, сильфиды и гномессы. Три прелестные кентаврицы сопровождали Честера. Пара телок грифонов не сводила глаз с Кромби, но им вряд ли улыбнется удача с заколдованным женоненавистником. Для него они, в конце концов, просто животные. Была даже женщина-голем для Гранди.

И как печально на этом фоне выглядели остальные женщины — мантикоры, сфинксы, гарпии,— ведь для них не нашлось пары.

— Эй, девочки, я женатый человек,— протестовал Бинк, когда его эскорт слишком прижимался к нему.

— Она никогда ничего не узнает,— сообщила ему крепкая девушка с голубой гривой густых волос.— Нам ты нужен больше, чем ей.— И она запечатлела на его ухе, на той части, до которой смогла добраться из-за плотного окружения, смачный поцелуй.

— Да любой мужчина покинет деревню разве что по зову этой поющей суки,— добавила пушистая красотка.— Наш долг держать тебя здесь и спасать твою жизнь. Как ты считаешь, твоя жена охотней примет тебя использованного или мертвого?

Коварный вопрос! Как Хамелеоша *примет* это? В своей прекрасно-глупой фазе она обидится, смутится и простит; в своей уродливо-умной фазе она поймет ситуацию и будет реалистична. То есть она примет все, что понадобится принять, и уж она-то, конечно, не хочет его смерти. И в то же время у него нет ни желания, ни намерения предаваться с одной из этих...

Его что-то взволновало. Это был слабый, неясный, но какой-то очень интригующий звук.

Он попытался прислушаться, но гам девушек почти заглушал звук.

— Подождите, я хочу послушать, там мелодия...

— Это сирена! — раздался испуганный крик.— Пойте, девушки, пойте! Заглушите эту суку!

Они запели — громко, с чувством, но не так мелодично. И все равно коварная мелодия прорывалась сквозь их голоса — единственный чистый напев прорезался сквозь окружающую какофонию, призывая Бинка ответить. И он направился на звуки песни.

В тот же миг девушки попытались его задержать. Они обхватывали его руками, тащили назад и в стороны, погребали под мягкостью своих тел. Бинк бился в путанице рук, ног, грудей и других подробностей женской анатомии, которые он даже и не пытался определить.

Девушки старались изо всех сил, но отвергнуть призыв сирены было невозможно. Бинк сопротивлялся, он краешком глаза на мгновение заметил другие колеблющиеся кучи, в которых его друзья боролись так же, как и он сам. Бинк был сильнее любой из нимф, ведь они такие изящные и хрупкие, но он не хотел причинять им боли. И в то же время он хотел освободиться от их почти удушающих объятий. Он спихивал их со своего тела, разрывал сомкнутые на нем руки, толкаясь во все стороны, как только соприкасался с девушками. Слышались и вздохи, и крики, и хихиканье — в зависимости от того, к какому месту он прикасался. Но наконец он поднялся на ноги и устремился вперед.

И Честер, и Кромби, и волшебник — все присоединились к нему, влекомые призывными звуками.

— Нет! Нет! — в отчаянии кричала Тролла у них за спиной.— Вы бежите навстречу смерти! Вы разумные мужчины или безмозглые твари?

Все это очень беспокоило Бинка. Чего он хочет от волшебной соблазнительницы? И все же он не мог сопротивляться призыву сирены. В звуках ее песни ощущалось что-то неземное, затрагивающее самые глубины его мужской сущности, лежащей за пределами его разума. Он был мужчиной, и он не мог не ответить на этот зов.

— Отпустите их, они для нас потеряны,— в отчаянии сказала Тролла.— Мы старались изо всех сил, как всегда, и, как всегда, проиграли.

И хотя Бинк стремился к сирене, он продолжал испытывать симпатию к Тролле и девушкам. Они предлагали любовь и жизнь и все же были обречены на отказ — их добрые намерения не могли противостоять жестоким целям сирены. Жительницы деревни Магической Пыли страдали от этого ужасного проклятия так же, как и мужчины! Может, так происходило из-за того, что они были просто симпатичными девушками, обещавшими только то, что они могли выполнить, в то время как у соблазнов сирены не имелось границ?

Кромби зачирикал.

— Проиграли, как всегда проигрывают все женщины,— перевел голем.— Только вот почему кто-то из нас должен отвечать на призывы этой суки...

Грифон пожал крыльями и полетел дальше.

Неужели и голем почувствовал то же самое? Должно быть, да, так как он, не сопротивляясь, несся вместе со всеми.

Они бежали по тропинке, которая волшебным образом открывалась перед ними. Это была превосходная тропа, как раз такая, какая и должна вести к чему-нибудь огромному, хищному и неподвижному, как, например, древопутана. Но конечно же, путана на них не нападет, потому что они мужчины, стремящиеся на зов сирены. Она уничтожит их на свой особый манер.

А каким образом это может произойти? — заинтересовался Бинк. Он не совсем представлял себе это, но перспектива выглядела болезненно возбуждающей.

— Как заманчиво! — задыхаясь, прошептал он.

Они увидели дерево. Оно оказалось гигантским даже среди себе подобных. Свисающие вниз щупальца были толщиной с человеческую ногу и необычайно гибкие и длинные. Искусительный аромат окутывал дерево, как вечернее платье, делая чрезвычайно желанным. Нежная музыка исходила из его ветвей, нет, не такая, как призыв сирены, но все равно очень милая — музыка, призывающая лечь, расслабиться и слушать.

Но ни одного ветерана Глухомани Ксанфа этим не надуешь. Это была одна из самых смертоносных ловушек. Даже драконы не осмеливались приближаться к древопутане!

Тропинка проходила как раз под деревом, где аккуратно расступался занавес щупалец и рос мягкий дерн. Но поблизости от этой бахромы лежала растущая куча побелевших костей — останки предыдущих жертв дерева. В основном хрупкие женские кости, подумал Бинк, и в его душе опять шевельнулось чувство вины.

Но сирена продолжала призывать, и они следовали ее зову. Они образовали цепочку, потому что тропинка под деревом была очень узкой. Впереди галопом бежал Честер, за ним следовал Кромби — строение их тел было приспособлено к наибольшей скорости; Бинк и волшебник изо всех сил старались не отставать. Но возможности оседлать какого-нибудь скакуна, чтобы припустить шибче, у них в данный момент не было.

Честер приостановился под ужасным деревом, и щупальца изогнулись от сдержанного желания, но не схватили. Значит, это правда: песня сирены убивала хватательный рефлекс! Отдаленная музыка теперь стала сильней и призывней — самая суть женского очарования. Деревенские нимфы прекрасны и милы, но обещания сирены были жизненными — они звучали так, будто влекущие призывы всей существующей женственности тщательно отобрали, объединили и...

Перед Бинком внезапно остановился грифон.

— Крак! — воскликнул Кромби.

— Что я здесь делаю! — перевел, догнав их, голем; он был на удивление проворен, если принять во внимание устройство его ног.— Сирена просто очередная хитрая баба, которая хочет высосать из меня соки!

Слова Кромби были правдой в полном смысле, но остальные проигнорировали это замечание. Конечно же, сирена — хитрая баба, в высшей степени хитрая! Но что это меняет? На такой призыв нельзя не откликнуться!

Но этот женоненавистник решил так просто не сдаваться.

— Она заманивает меня в капкан! — чирикал он.— Все бабы — это капкан! Смерть им всем!

И он яростно спикировал на первое, что попалось ему на глаза. Это оказалось гибкое, торчащее из древопутаны щупальце.

Такой удар клювом, нанесенный небольшой птичкой,— сущая ерунда. Но Кромби-то был грифоном. Его клюв был ост-

рым, как меч, и мощным, как тиски, он мог за один прием перекусить человеческую ногу возле колена. Щупальце оказалось толщиной как раз с колено, и грифон начисто откусил его в одном порыве. Конец щупальца упал на землю, извиваясь, как безголовая зеленая змея.

На миг дерево застыло в шоке. Еще никто не откусывал у него щупалец! Из отсеченного конца щупальца струилась темная густая масса, а сам обрубок дергался и корчился, будто искал свое продолжение. Нежная музыка утихла.

— Я думаю, перемирие нарушено,— заявил Бинк, но его это не очень-то трогало, ведь песня сирены продолжалась и звала к более приятным вещам.— Отойди, Кромби, ты загородил мне дорогу.

Но солдат не обратил на его слова никакого внимания.

— Крак! Крак! Крак! — кричал он.

И прежде чем Гранди успел что-нибудь перевести, Кромби откусил древопутане еще одно щупальце, затем еще одно.

Дерево затряслось. Затем, разъярившись, начало действовать. Его музыка превратилась в оглушительные звуки ярости, а щупальца устремились и к грифону, и к кентавру, и к человеку, и к волшебнику.

— Ну ты доигрался, птичьи мозги! — прокричал Честер сквозь царивший шум.

Он схватил первое попавшееся под руку щупальце, которое коснулось его, и начал скручивать обеими руками, как великан выжимал бревно. Хотя, хватая свою жертву, щупальце делалось очень упругим, оно не могло сильно сопротивляться сжатию или ножу. Схваченное и выжатое Честером щупальце моментально безжизненно повисло.

Внезапно зов сирены потонул в звуках ярости, издаваемых деревом, и путешественники вступили в борьбу за собственные жизни. Бинк выхватил меч и отрубил устремившееся к нему щупальце. Рядом с ним Кромби клевал и царапал дерево, работая клювом и всеми четырьмя лапами. На тех щупальцах, к которым он прикасался, появлялись глубокие порезы, и из них начинала струиться зеленая жижа. Но в бой вступало все больше и больше щупалец, они нападали со всех сторон, так как путники оказались в самом центре действия магии дерева.

Честер прижался спиной к стволу и орудовал своим луком. Он выпускал стрелу за стрелой в верхушки щупалец, парализуя их. Но...

— Нет! Честер! — закричал Бинк.— Отходи от...

Слишком поздно. В стволе дерева разверзлась огромнейшая пасть, губы из древесной коры устремились вперед, намереваясь поглотить великолепную заднюю часть тела кентавра.

Бинк бросился на помощь другу. Но щупальце схватило его за колено и задержало. Он сумел лишь закричать:

— Лягни его, Честер! Лягни!

Затем щупальца охватили его конечности со всех сторон так же крепко, как девушки в деревне, но на этот раз ощущения оказались совсем не такими приятными. Его рука с мечом не могла двигаться, и ему оставалось только кусаться. Зеленая жижа была омерзительной на вкус!

Честер лягнул дерево. Копыто кентавра — очень мощное оружие. Голова и плечи наклонились, уравновешивая заднюю часть, и вся сила великолепного тела передалась задним копытам. Копыта ударили в глубину пасти, прямо в деревянную глотку, и земля содрогнулась от двойного толчка. Сверху, из кроны дерева, вылетели две старые кости и полетели вниз. Из пасти начала сочиться слюна, которая тут же принялась переваривать плоть великолепной задницы кентавра. Инстинкт подсказал Честеру прижать его ценный и весьма уязвимый зад к неподвижному стволу, как он всегда поступал с обычными деревьями, но в данном случае это оказалось губительным.

Честер яростно лягал и лягал, снова и снова. Даже это коварное дерево не могло долго выдержать такой натиск. Обыкновенно его жертва, когда дело доходит до поглощения, находится в бессознательном состоянии или совершенно беспомощна, а не лягается, пребывая в здравом уме и твердой памяти. Кора дерева медленно и неохотно подалась, и кентавр высвободился. Его некогда прекрасный бок обесцветила едкая слюна, а одно из копыт треснуло от сильных ударов по дереву, но, по крайней мере, он был жив. Теперь он вытащил из ножен свой меч и двинулся на помощь Бинку, который задыхался в объятиях щупальца — и довольно быстро.

А тем временем у волшебника Хамфри возникли собственные проблемы. Он пытался открыть один из своих пузырьков,

но щупальце опутало его быстрее, чем он сумел вытащить пробку. Дерево начинало одолевать их всех!

Кромби клювом и когтями пробивал себе путь в бахроме щупалец. Внезапно он вырвался на волю.

— Я свободен, ты, овощное чудище! — ликующе прочирикал он.— Клянусь, ты просто очередная баба! — Он действительно испустил свое самое сильное проклятие! Голем опять сидел у него на спине, готовый к немедленному переводу.— Тебе меня не поймать!

И действительно, древопутана не могла его поймать, так как вросла корнями в землю. Кромби расправил крылья, взмыл вверх и отлетел в сторону, увернувшись от щупалец.

А как же остальные? Словно еще больше рассвирепев от потери потенциальной жертвы, путана сосредоточила все свои силы на оставшихся противниках. Щупальца-питоны обхватывали тела и конечности и крепко сжимали их. Честер пытался помочь Бинку, но не осмеливался рубить мечом поблизости, боясь вместе со щупальцами задеть и своего друга. Бинк, находившийся ближе всех к стволу, заметил, что теперь его тащат головой вперед в отвратительную глотку.

Наконец Хамфри сумел открыть свой пузырек. Оттуда вырвался клуб дыма и начал превращаться в сдобную ватрушку с пряностями.

— Проклятье! — воскликнул волшебник.— Не тот пузырек!

Честер лягнул свежую ватрушку. Она перелетела через дерн и попала прямо в слюнявую пасть дерева. Губы-кора сомкнулись за ней. Если бы даже Честер захотел, лучшего броска у него бы не получилось.

Дерево поперхнулось. Затем последовал приступ деревянного кашля, а потом путана расчихалась. Из пасти вылетел большой ломоть ватрушки.

— Пряности были свежими,— пробормотал Хамфри, копошась в поисках другого пузырька.

Теперь голова Бинка была почти в пасти дерева. Кора корчилась, стараясь избавиться от привкуса пряностей. Этот монстр любил свежее мясо, а не кисломолочные продукты. Слюна текла и капала с узлов дерева, выполняющих роль зубов, очищая пасть. Еще немного, и пасть будет готова принять Бинка.

Честер все еще пытался помочь другу, но три щупальца обвились вокруг его руки с мечом, а еще несколько — вокруг другой руки и ног. Даже его великая сила не могла противостоять мощи дерева.

— А трусливый солдат сбежал, бросив нас,— прорычал Честер, не прекращая сражаться.— Попадись он мне в руки...

Он успел сжать еще одно щупальце, прежде чем его свободная рука оказалась зажатой другим.

Хамфри открыл еще один пузырек. Оттуда вылетел дым и превратился в летучую мышь-вампира. Тварь осмотрелась, в ужасе запищала, срыгнула кровью и улетела. Единственное щупальце вылетело ей наперерез и сбило ее на лету. Теперь дерево действительно было хозяином положения.

Оно прочистило глотку от остатков ватрушки. Пасть открылась, готовая к привычному занятию, и клиентом на этот раз был Бинк. Он увидел ряды вросших узлов, служащих дереву зубами, и потоки слюны. Усики, похожие на маленькие щупальца, устремились от стенок пасти внутрь, готовые принять соки жертвы. Внезапно Бинк сообразил: путана сродни плотоядной траве, которая растет кустами в Глухомани. Добавь к такому кусту ствол и щупальца...

Хамфри открыл очередной пузырек. На этот раз из клуба дыма образовался василиск; хлопая своими маленькими крыльями, он зловеще огляделся. Бинк опустил веки, чтобы избежать прямого взгляда василиска; Честер сделал то же самое. Дерево задрожало и попыталось отклониться. Нет на земле Ксанфа таких созданий, которые осмелились бы встретить взгляд этого маленького петушка-ящерицы!

Бинк услышал хлопанье крыльев — это василиск пролетел прямо в пасть путаны; затем хлопанье прекратилось. Но ничего не произошло. Бинк осторожно открыл один глаз. Дерево все еще оставалось живым. Василиск не уничтожил его своим взглядом.

— Эх, василиск-то фальшивый,— огорченно посетовал Бинк.

— У меня где-то должно быть хорошее средство против путан,— настаивал Хамфри, все еще роясь в своих пузырьках. Когда щупальца подбирались слишком близко к нему, он останавливал их волшебным жестом. Бинк даже не знал, что такие же-

сты существуют, но ведь он не был волшебником, собирающим знания.— Они все тут перепутались...

Щупальца потащили Бинка в пасть. Запах гнили усилился. Беспомощный, Бинк покорился своей участи.

— Чирик! — прозвучало где-то за деревом.— В атаку!

Вернулся Кромби! Но что он один может сделать?

Теперь послышался звук, похожий на топот множества ног. Древопутана вздрогнула. Появился запах дыма и горелых овощей. Краешком глаза Бинк увидел мерцающий оранжевый свет, будто где-то рядом разгорался лесной пожар.

Факелы! Кромби командовал женщинами из деревушки Магической Пыли, и они атаковали дерево, опаляя его щупальца пылающими ветками. Какая отвага!

Теперь путане надо было защищаться от сильного противника. Она отпустила Бинка, освобождая щупальца для других действий. Бинк увидел, как щупальце схватило прелестную нимфу, и услышал, как она закричала, поднятая в воздух, факел выпал у нее из рук.

— Крак! Крак! — скомандовал Кромби, и остальные женщины бросились освобождать пленницу, образовав огненную завесу.

Они опалили несколько щупалец, и нимфа упала на землю.

Бинк высвободил свой меч и возобновил атаку, находясь за бахромой щупалец. Теперь, когда дерево сосредоточило свои усилия на угрозе извне, здесь, внутри, оно оказалось уязвимым. С каждым ударом Бинк отсекал зеленую ветвь, постепенно лишая дерево его смертоносных конечностей.

— Крак! — крикнул Кромби.

— Вылезай оттуда! — перевел голем.

Это имело смысл. Если дерево переключит свое внимание внутрь, то Бинк, Честер и Хамфри опять окажутся в затруднительном положении. Лучше выбраться, пока это еще возможно!

Спустя мгновение друзья уже стояли рядом с грифоном.

— Крак! — воскликнул Кромби.

— Пора кончать с этим монстром! — орал за Кромби голем.

Дамы принялись за это с большой охотой. Их было около пятидесяти, они окружили дерево кольцом, тыкая в его сторону своими факелами и опаляя каждое щупальце, которое пы-

талось напасть на них. Они могли бы покончить с этим деревом в любой момент и раньше, а не позволять ему терроризировать их годами, но им не хватало мужского руководства и хорошего командира. Самым забавным было то, что катализатором этой организованности оказался ярый женоненавистник!

А может, так и должно было случиться. Паранойя Кромби в отношении женщин помогла ему устоять перед сиреной и разрушить ее заклинание. А сейчас он использовал этих женщин в понятной для солдата роли: роли пушечного мяса. Возможно, будь Кромби более «милым» мужчиной, он не сумел бы их так организовать. Может, им и требовался человек, который бы их презирал и безжалостно использовал в своих целях.

Дерево дрожало — половина его ужасных конечностей была или отрублена, или парализована. Чтобы добить его, потребуется время, но победа была уже несомненной. Спасибо Кромби и отважным и самоотверженным жительницам деревни.

— Знаешь, таких женщин, как эти, я могу уважать,— пробормотал Кромби, отрываясь от наблюдения за процедурой окружения. На самом деле прозвучало чириканье, а затем перевод, но Бинк уже так привык к этому, что для него не было никакой разницы, кто говорит на понятном языке.— Они прекрасно выполняют команды и сражаются почти так же хорошо, как мужчины, допуская...— Он замолчал на получирике и прислушался.

Затем и Бинк вновь услышал призыв сирены, теперь уже не заглушаемый шумом битвы. О нет! Он попытался сопротивляться и не смог. Сирена возобновила свою охоту.

Бинк пошел на звук. Его товарищи молча присоединились к нему. Деревенские жительницы, поглощенные успешной битвой, не заметили, как они удалились.

Глава 7

УБИЙСТВЕННЫЕ КРАСОТКИ

Звуки битвы у них за спиной становились все тише и тише. Мужчины, включая Кромби, бежали по тропинке навстречу манящей песне сирены. Неземные звуки становились все громче и отдавались дрожью в теле Бинка. Он знал, что сирена — это

смерть. Смерть более верная, чем древопутана, но какой блаженной будет эта смерть!

Тропинка была ухоженной — ничто не препятствовало продвижению. И вскоре путешественники выбежали на берег небольшого озерца. Посреди водной глади виднелись два небольших островка. Они походили на вершины гор, подножия которых спрятаны под водой. Тропинка вела прямо по воде к одному из островов. Там-то и рождалась чудная песня сирены.

Они двинулись по тропинке. В душе Бинк одновременно и надеялся, и боялся, что Кромби опять воспротивится этому безумному поступку. Но грифон не сопротивлялся. Очевидно, смелость и самоотверженность деревенских жительниц ослабили его недоверие к женщинам, и теперь от его подозрительности не осталось и следа. Он бежал первым по водной тропинке, вода легонько плескалась под его ногами, но все же тропинка выдерживала его вес. Волшебник шел вторым, Бинк третьим, а...

С берега послышалось гневное блеянье. Небольшое животное бежало вдоль узкой прибрежной полосы. Четвероногий зверек был весь покрыт похожей на овчину шерстью. На голове у него росли широкие кривые рога, описывающие почти полный круг и заканчивающиеся у самой морды. Наверное, тропинка пересекла его территорию; это и послужило поводом для нападения.

Честер, оказавшийся на пути этого создания, остановился.

— Раздолбан,— заметил он, узнав животное.— Это обычное животное, и зов сирены на него действовать не должен. Сирене нет никакого смысла заманивать его.

Раздолбан! Бинк остановился — любопытство взяло верх даже над призывами сирены. Он слышал об этих созданиях и об их родственниках гидрораздолбанах, но вот встречаться с ними ему еще не доводилось. Насколько он знал, смысл жизни этих животных заключается в том, чтобы разбить что-нибудь вдребезги, и делали они это с огромным удовольствием. Если требуется сломать дверь или разрушить замок, раздолбану цены нет. В остальное время от него никакого проку, потому что он непрестанно бьется головой во все, что только попадается на глаза.

Кентавр был намного крупнее раздолбана, но тот все равно преградил ему путь к сирене. Честер шустро увернулся, но раз-

долбан тут же затормозил, оставив на песке ровный, словно волшебный след, развернулся и возобновил нападение. Теперь, если Честер проигнорирует новую атаку, он получит удар в заднюю часть, которая, несмотря на пятно от слюны древопутаны, оставалась его гордостью. Если атака раздолбана увенчается успехом, то и эта часть тела кентавра станет ненамного симпатичнее его лица. Так что Честеру пришлось повернуться лицом к противнику.

И это может продолжаться бесконечно. Раздолбан будет с радостью атаковать снова и снова, поднимая в воздух тучи песка после каждого промаха, а Честеру ведь надо бежать на зов сирены. Хочешь не хочешь, но раздолбана надо как-то остановить.

Бинк задумался; его талант, возможно, принимал участие в спасении от путаны, так как он свободно использует побуждения и магию других существ. Может, раздолбан — еще одно изобретение, призванное помешать ему приблизиться к сирене? В таком случае зверь должен был задержать его, а не Честера.

Честер, хитро маневрируя между атаками, в конце концов оказался прямо перед большим деревом. Чтобы не быть застигнутым врасплох, он не спускал с раздолбана глаз. При следующей атаке раздолбан воткнется прямо в ствол дерева, которое Честер обдуманно оставил у себя за спиной, используя, на свое счастье, глупость противника. А надо отметить, что эти животные чрезвычайно глупы.

Но тут Бинк увидел, что это за дерево.

— Честер, только не это! — закричал он.— Это...

И опять слишком поздно. Ну почему он всегда опаздывает? Это уже начинает действовать на нервы! Раздолбан бросился в атаку, Честер отскочил в сторону, послышался свист, напоминающий звук флейты, и раздолбан врезался лбом в дерево. Несмотря на размеры животного, удар был так силен, что встряхнул дерево до самых корней.

— ...ананасовое дерево,— с опозданием закончил Бинк.

Но с дерева уже посыпались плоды: огромнейшие золотые спелые ананаски. Как только ананаска падала на землю, она взрывалась. Так эти деревья и размножались — взорвавшийся фрукт посылает свои семена, как шрапнель, во все стороны, а потом, с помощью удачи и магии, может вырасти новое ана-

насовое дерево. Но вот стоять рядом с деревом в такой момент вряд ли безопасно.

Одна из ананасок упала раз долбану прямо на крестец. Зверь заблеял и повернулся посмотреть, что случилось. Его огузок был опален и разбит, и что-либо предпринимать было уже поздно. Вокруг взрывались другие ананаски. Одна из них падала как раз перед раздолбаном. С воинственным фырканьем животное смело бросилось вперед, чтобы разделаться с ней, и поймало ее прямо на рога. Последовавший взрыв вышиб и то немногое, что было у бедной твари в голове,— счастливо блея, раздолбан побрел прочь.

А в это время Честер отплясывал замысловатый танец, стараясь уберечь свой развевающийся хвост и гладкие лошадиные бока от валящейся на него напасти. Он уклонялся от ананасок, падавших слева, справа и спереди, но вот те, что летели сзади, создавали ему затруднения. Одна ананаска чуть не села ему на хвост, точнее сказать, задела кончик хвоста. Честер великолепным маневром вывел из опасной зоны свою заднюю — лошадиную — часть, но в результате вакантное место, где только что был хвост, заняла голова.

Ананаска взорвалась. Взрыв произошел как раз у Честера под подбородком. Пламя и дым скрыли его голову, затем воздух прояснился, а пораженный Честер так и продолжал стоять на том же самом месте.

Бинк обнаружил, что, несмотря на беспокойство о друге, бежать назад он не в состоянии. Частично это происходило из-за того, что его продолжала манить песня сирены, разрешавшая остановиться, но не вернуться, а в основном потому, что озерная тропинка вела только в одном направлении. Она была твердой при движении вперед, но, когда Бинк поворачивал обратно, перед ним лежала просто вода. Озеро было небольшим, но, похоже, очень глубоким, а Бинк побаивался пуститься к берегу вплавь. Злая магия могла таиться в глубине. Так что оставалось только наблюдать и кричать.

— Честер! С тобой все в порядке?

Кентавр стоял на месте, медленно тряся головой. Взрыв не нанес большого вреда внешности кентавра, к тому же она с самого начала оставляла желать лучшего, а вот замечательный ум

Честера вызывал у Бинка тревогу. Вдруг ананаска повредила ему мозги?

— Честер! Ты слышишь меня?

Затем, когда Честер проигнорировал его призывы, Бинк понял, в чем вся трудность. От взрыва Честер оглох!

Бинк начал яростно размахивать руками, и в конце концов Честер его заметил.

— Говори громче! Я тебя не слышу! — Затем кентавр и сам сообразил, что случилось.— Я оглох! Я ничего не слышу!

По крайней мере, в остальном на первый взгляд он, казалось, не пострадал. Теперь, успокоившись, Бинк почувствовал, что его опять влечет голос сирены. И он возобновил свой путь.

— Да черт с ней, с этой сиреной! — звал его Честер.— Я вот теперь ее не слышу. Тащиться туда просто идиотизм. Там же явная смерть.

Кромби быстро освободился от принуждения там, у древопутаны, но сдался сирене. Теперь Честер освободился от зова сирены с помощью раздолбана. Все это, наверно, благодаря таланту Бинка! Но сам Бинк тем не менее оставался на крючке у сирены. Он повернулся и пошел в сторону острова. Кромби и добрый волшебник уже почти достигли острова, ведь они в отличие от Бинка не задерживались в пути.

Честер галопом помчался по тропинке, стараясь нагнать Бинка. Его сильные руки схватили Бинка за плечи:

— Не ходи, Бинк! Это безумие!

Но Бинк и слышать ничего не хотел:

— Поставь меня на место, конская задница. Я должен идти!

Он и в руках Честера продолжал идти, размахивая ногами в воздухе.

— Я не слышу, что ты говоришь, но догадываюсь, что ты сказал, и знаю, что этого не стоит и слушать,— сказал Честер.— Есть только один способ остановить это, пока мы никого не потеряли.

Он поставил Бинка на тропинку и отстегнул свой огромный лук. Сирена была еще далеко, но второго такого лучника, как кентавр, надо поискать. Зазвенела тетива, и стрела по дуге полетела над водой по направлению к острову, прямо к стоящей на берегу женской фигуре.

Послышался крик боли, и мелодия резко оборвалась. Стрела Честера попала в цель. И в тот же миг они все стали свободными — принуждение закончилось. Талант Бинка победил — спас его от беды, не обнаружив себя.

Путешественники бегом бросились к острову. Там на берегу лежала сирена. Это была самая прекрасная русалка из всех, которых когда-либо встречал Бинк. Ее волосы сияли, как солнечные лучи, хвост блестел, как вода на солнце. Жестокая стрела насквозь пронзила ее меж великолепных обнаженных грудей. И по груди, и по спине текли струйки крови. Сирена лежала на своих цимбалах, и ее тело билось в судорогах.

И все же она была жива. Хотя стрела, пущенная с непревзойденной меткостью кентавра, должно быть, пронзила сердце, русалка все еще дышала. Она с усилием приподняла свое прекрасное личико, чтобы взглянуть на кентавра.

— Зачем ты стрелял в меня, прелестный мужчина? — прошептала она.

— Он не может тебя услышать — он глухой,— сказал Бинк.

— Я не хотела вам зла. Только любви,— продолжала сирена.— Любовь всем мужчинам, а ты... Зачем ты стрелял в меня?

— Что хорошего может быть в смерти? — спросил Бинк.— Ты получила то, что сама принесла сотням других мужчин.

Он говорил грубо, но его сердце болело при виде мучений этого прелестного существа. Он вспомнил, что и Хамелеоша когда-то вот так же страдала от раны.

— Я никому никогда не желала смерти,— неистово, как только могла, запротестовала русалка и задохнулась, потому что эти усилия выдавили сгусток крови из ее груди. Все ее тело ниже плеч было залито яркой кровью, и она на глазах теряла силы.— Только... только любовь!

Затем она наконец затихла, потеряв сознание. Бинк, позабыв обо всем, тронутый увиденным, повернулся к волшебнику:

— Это... это возможно, чтобы она говорила правду?

Хамфри достал свое волшебное зеркало. В нем виднелось улыбающееся младенческое лицо.

— Возможно,— сказал Хамфри, проверив реакцию зеркала. Затем он задал зеркалу прямой вопрос: — Сирена сказала правду?

Младенец опять улыбнулся.

— Она не хотела зла,— сказал волшебник.— Она не убийца, она только заманивала к себе мужчин.

Мужчины обменялись взглядами. Затем Хамфри достал целительный эликсир и брызнул каплю на ужасную рану сирены. Рана мгновенно зажила, и сирена предстала перед ними живой и невредимой.

Волшебник предложил каплю эликсира Честеру, чтобы исцелить уши, но тот наотрез отказался. Тогда волшебник брызнул эликсир ему на круп, и внезапно тот стал таким же замечательным, как и раньше.

— Ты вылечил меня! — с удивлением воскликнула сирена, проводя руками по груди.— Боль прошла! Не осталось даже крови! — Затем пораженно вскрикнула: — Я же должна петь! — Она попыталась взять цимбалы.

Но Честер опередил ее и пнул цимбалы ногой, прежде чем сирена смогла дотянуться до них. Музыкальный инструмент взмыл в воздух, разлетелся на куски и упал в воду.

— Это и был источник ее магии! — воскликнул Честер.— Я разрушил его!

Источник магии... разрушен. Это что, предзнаменование?

Сирена попробовала запеть. Когда она набирала воздух в легкие, ее торс изящно изгибался. Ее голос был великолепен, но теперь ее пение утратило манящую силу. Кентавр действительно лишил сирену ее ужасной магии.

Она прекратила петь.

— Вы считаете, что цимбалы и собирали ко мне мужчин? А я-то думала, что им нравится мое пение.

Судя по ее виду, она была в полном отчаянии.

Похоже, сирена действительно такая же прекрасная простушка, как и Хамелеоша в фазе, когда она была хорошенькой глупышкой.

— А что случилось со всеми мужчинами? — спросил Бинк.

— Они уходили к моей сестре.— Она указала на другой остров и надулась.— Я им всем предлагала свою любовь, но они все равно уходили к ней.

Любопытно! Кто может переманить жертвы от самой сирены?

— А кто такая твоя сестра? — спросил Бинк.— Я имею в виду, какова ее магия? Она что, тоже сирена?

— О нет! Она горгона. Она очень красива.

— Горгона! — воскликнул Бинк.— Ведь это же смерть!

— Ну нет! Она, как и я, не причиняет никому вреда,— запротестовала сирена.— Она лелеет мужчин. Я только хотела бы, чтобы некоторых она все-таки отпускала обратно ко мне.

— Ты знаешь, что делает взгляд горгоны? — спросил Бинк.— Что случается с теми, кто посмотрит в лицо...

— Я смотрела в лицо сестры много раз! В этом нет ничего страшного!

Хамфри опять поднял свое зеркало.

— Она поражает только мужчин? — спросил он, и улыбающийся младенец подтвердил его догадку.

Похоже, сирена и правда не подозревала, какое губительное действие оказывает лицо ее сестры на мужчин. Она годами, ни о чем не догадываясь, заманивала мужчин, которых горгона превращала в камень.

— Нам надо поговорить с твоей сестрой,— сказал Хамфри.

— Тропинка продолжается до ее острова,— ответила сирена.— Что же мне делать без моих цимбал?

— У тебя и так достаточно приятный голос, как и ты сама,— дипломатично промолвил Бинк. В известной степени это было правдой; если бы нижняя часть ее тела соответствовала верхней, это было бы полной правдой.— Ты можешь петь a capella, без всякого аккомпанемента.

— Правда? — просияла она.— И это приведет ко мне таких же симпатичных мужчин, как ты?

— Нет. Но может быть, симпатичный мужчина найдет тебя и без этого.— Бинк повернулся к волшебнику: — А как мы приблизимся к горгоне? Один взгляд...

— Мы разберемся с ней утром,— решил Хамфри.

Бинк потерял чувство времени. Звезды на небе появились, когда путники были еще в деревне; затем они бросились в ночные джунгли сражаться с путаной. Потом побежали сюда, на остров, а тут сумерки, кажется, опять только что начались. Есть ли в этом какой-то смысл? Бинк почему-то предполагал, что

солнце заходит одновременно по всему Ксанфу, но теперь решил, что это совсем не обязательно. Правда, у него сейчас были другие заботы, и он прислушался к тому, что говорил Хамфри.

— Сирена, если у тебя есть пища и постель...

— Я не из таких,— возразила она.

Бинк взглянул на изящный рыбий хвост:

— Разумеется, нет. Мы хотели сказать, что нам нужно место для ночлега.

— А...— В ее голосе прозвучало разочарование.— На самом деле я могу стать и такой, если...— Она замерцала, и ее хвост превратился в пару прелестных ножек.

— Только поспать,— сказал Честер. Кажется, его слух вернулся сам собой.— Да еще чего-нибудь поесть.

Но ее гнев на него еще не прошел:

— После того, как ты проткнул меня своей старой дрянной стрелой и сломал мои цимбалы?

— Извини,— коротко произнес Честер,— у меня просто болела голова.

Вполне возможно, подумал Бинк. Почему этот упрямец, вылечив эликсиром свою заднюю часть, отказался лечить им голову?

— Если ты действительно жалеешь о содеянном, докажи это,— сказала сирена.

Кромби зачирикал.

— Слушай, задница, она уже начала расставлять на тебя свои силки,— перевел голем.

Вдвойне раздосадованный, Честер взглянул на сирену:

— Как?

— Прокати меня на спине.

Бинк чуть не рассмеялся — все нимфы, кем бы они ни были, любили кататься верхом.

— Тогда поехали,— смущенно сказал Честер.

Сирена подошла к нему сбоку, но забраться на спину не смогла.

— Ты слишком высокий,— пожаловалась она.

Честер повернул свою человеческую половину, обхватил одной рукой нимфу за стройную талию и легко поднял ее.

— И-их! — в восторге взвизгнула она, когда ее ноги со свистом рассекли воздух.— Ты такой сильный!

Кромби опять зачирикал, и его комментарии не нуждались в переводе. Сирена действительно заманивала кентавра в свои сети, и для этого ей не требовалось никакого пения.

Честер, который после инцидента с ананасовым деревом был не в лучшем расположении духа, на первый взгляд несколько успокоился.

— Все кентавры сильные.

Он аккуратно усадил сирену на спину и пошел вперед.

Сирена двумя руками схватилась за его гриву.

— Ой, какие у тебя широкие плечи! А волосы такие шелковистые. Ты, наверное, самый красивый из всех кентавров!

— Сзади, может быть,— согласился кентавр и припустил рысью.

— У-у-у, как здорово! — Она отпустила его гриву настолько, чтобы можно было по-девичьи захлопать в ладоши.— Ты, наверное, самый умный кентавр и самый быстрый...— Она немного помолчала.— А можешь ты легонько подпрыгнуть?

Честер, совершенно растаявший от ее похвал, сделал великолепный прыжок. Сирена завизжала и не удержалась у него на спине. Они находились у самой воды, ведь это был очень маленький остров, и сирена плюхнулась прямо в озеро.

— Извини,— огорченно сказал Честер.— Похоже, я перестарался.

Он начал вылавливать сирену из воды.

Выловив ее, он увидел, что ее ноги опять превратились в рыбий хвост.

— Ничего страшного,— сказала русалка.— Я в воде чувствую себя как дома.

Она извернулась в руках Честера, приблизила губы к его лицу и запечатлела у него на щеке влажный поцелуй.

Кромби зачирикал.

— Таких дураков, как те, что с лошадиным задом, надо еще поискать,— перевел голем.

— Конечно,— согласился Честер, пребывавший теперь уже в прекрасном настроении.— Только не говори об этом Чери.

— Чери? — нахмурилась сирена.

— Моей кобылице. Самая замечательная во всем Ксанфе. Она осталась дома нянчиться с нашим жеребенком. Его зовут Чет.

Сирена переварила последние фразы.

— Пойду-ка я лучше поищу для тебя фураж и место для стойла.

Бинк мысленно улыбнулся. В конце концов, Честер не такой уж и дурак!

Они скромно поужинали рыбой с морским огурцом и улеглись спать на сухих мягких губках. Бинк вытянул ноги и наткнулся на очередной холмик земли, но на этот раз он был слишком утомлен, чтобы затаптывать его, и поэтому не стал ничего предпринимать.

Сирена, оставив в покое кентавра, устроилась в темноте рядом с Бинком.

— Слушай! — сказал Бинк, внезапно кое о чем вспомнив.— Мы должны оказать тебе какую-нибудь услугу за твое гостеприимство!

Кромби зачирикал.

— *Ты* и оказывай ей услугу, лопух! — сказал голем.— Ты к ней ближе всего.

— Услугу? — переспросила сирена, слегка подтолкнув его.

Бинк почувствовал, что он, несмотря на темноту, ужасно покраснел. Проклятые намеки Кромби!

— Так, ничего,— сказал он и притворился, что внезапно уснул.

А очень скоро ему уже не надо было и притворяться.

Утром, заготовив сирене дров для кухонного костра — услуга, которую она с готовностью приняла, так как совсем не подходила для такого дела,— они распрощались с ней. Путники набрались храбрости и решили встретиться с ее сестрой.

— Вам всем придется завязать глаза,— решил Хамфри.— А я буду пользоваться зеркалом.

Таким образом он сможет смотреть на горгону, но, конечно, не прямо. Общеизвестно, что это единственный способ смотреть на подобные создания. И все же почему зеркало так помогает? Ведь отражение должно быть таким же ужасным, как и оригинал.

— Поляризация,— пояснил волшебник, не дожидаясь вопроса.— Магия неполных изображений.

Не очень-то понятное объяснение. Но Бинка мучил другой, более важный вопрос:

— Что мы сделаем, чтобы остановить...

Бинк не хотел использовать слово «убить» в присутствии невинной сирены. Подойти к горгоне — это одно, а вот уничтожить ее с повязкой на глазах — совсем другое.

— Там увидим,— решил Хамфри.

Они подчинились волшебнику и завязали глаза, все, включая голема. Затем они образовали цепочку, выстроившись за добрым волшебником, который шел задом наперед по тропинке между островами, держа перед глазами зеркало, чтобы смотреть вперед. На этот раз он использовал не волшебное свойство зеркала, а его обычную способность отражать — такой магией обладают все зеркала.

Было очень неудобно и странно идти по воде с завязанными глазами. Как это ужасно — навсегда потерять зрение! Какая магия может сравниться с естественными, природными живыми чувствами?

Ноги Бинка ощутили твердую землю.

— Стойте здесь. И отвернитесь,— сказал Хамфри.— Просто так, на всякий случай. А я пойду разберусь с горгоной.

Все еще волнуясь, Бинк подчинился. Его так и подмывало сорвать с глаз повязку, обернуться и посмотреть на горгону, но это было не слишком сильное искушение. Однажды он стоял на вершине высокой горы, и его охватило подобное желание броситься вниз: казалось, в нем вместе с потребностью жить сидела и потребность умереть. Возможно, тяга к приключениям имеет те же корни.

— Горгона,— произнес Хамфри.

Она ответила прямо у Бинка за спиной:

— Это я. Добро пожаловать на мой остров.

Голос у нее был очень сладкий, и, судя по нему, она должна бы быть еще привлекательней, чем ее сестра.

— Почему ты не посмотришь на меня?

— Твой взгляд превратит меня в камень,— без обиняков сказал Хамфри.

— Разве я не прекрасна? У кого еще такие вьющиеся волосы, как у меня? — жалобно проговорила она, и Бинк услышал слабое змеиное шипение.

Интересно, подумал он, каково целовать горгону с этими волосами-змеями, извивающимися вокруг лиц обоих. Мысль была и тревожной, и соблазнительной. И в то же время что еще есть в горгоне, кроме буквального воплощения обещаний и угроз, которые таятся в каждой женщине?

— Ты прекрасна,— мрачно согласился Хамфри.

Она, должно быть, действительно прекрасна, подумал Бинк, уж кто-кто, а волшебник попусту комплиментов говорить не станет. Эх, взглянуть бы хоть краешком глаза!

— А где все мужчины, которые приходили к тебе?

— Они ушли,— сказала она печально.

— Куда же они ушли?

— Туда,— ответила горгона, и Бинк предположил, что она указала направление,— за те скалы.

Хамфри пошел посмотреть.

— Это статуи,— сказал он без всякого удивления.— Статуи мужчин, очень правдоподобные. Наверное, такими они и были при жизни.

При жизни...

— Да,— радостно согласилась она,— они совсем такие же, какими были, когда пришли ко мне.

— У тебя есть на этот счет какие-нибудь предположения?

— Мужчины оставляли подарки, свои изображения, скульптуры. Но я бы хотела, чтобы со мной остались сами мужчины. Какая мне польза от камней?

Горгона не представляла, что делала! Она считает, что это просто изображения, оставленные ей на память. Возможно, она не хочет осознать правду, пряча ее в своем подсознании, притворяясь, что она обычная девушка. Она отказывается верить в собственную магию. Какое роковое заблуждение!

И в то же время, думал Бинк, разве это не проявление обычной женской логики? Разве кто-нибудь из них признает те беды, которые их пол творит среди мужчин!

Но это взгляды Кромби, и, возможно, они несколько преувеличены. В каждой девушке есть немного от сирены и немно-

го от горгоны — но совсем немного. Только вот в Хамелеоше нет нисколько ни того ни другого.

— Если придут другие,— продолжал Хамфри с несвойственной ему мягкостью,— то и они оставят только камни. Ничего хорошего из этого не выйдет.

— Да, этих памятников уже слишком много,— наивно согласилась она.— На моем острове становится тесно.

— Мужчины больше не должны приходить,— сказал Хамфри,— они должны оставаться дома, со своими женами.

— А не может прийти только один и остаться хоть на время? — жалобно спросила горгона.

— Боюсь, что нет. Мужчины просто... м-м-м... не подходят тебе.

— Ах, если б только какой-нибудь мужчина остался, я подарила бы ему столько любви! Пусть хоть какой-нибудь маленький. Я буду все время ласкать и лелеять его, и он будет счастлив...

Слушая это, Бинк начал понимать всю трагедию горгоны. Она хочет всего лишь любить и быть любимой, а вместо этого выращивает ужасный урожай горя. Сколько семей разрушила ее магия? Что тут можно сделать, если не уничтожить ее?

— Ты должна отправиться в изгнание,— сказал Хамфри.— Магический щит может быть ослаблен по приказу короля, и тогда ты сможешь свободно покинуть Ксанф. В Обыкновении твоя магия исчезнет, и ты сможешь свободно общаться с мужчиной или с мужчинами, это уж на твое усмотрение.

— Покинуть Ксанф! — встревоженно воскликнула она.— Ну нет! Я лучше умру! Я не могу покинуть свой дом!

Бинк почувствовал симпатию к ней. Когда-то он сам был на пороге изгнания...

— Но в Обыкновении ты будешь обыкновенской девушкой, над тобой не будут тяготеть никакие проклятия. Ты очень красива, и у тебя добрый нрав. Ты сможешь найти там своего мужчину.

— Я люблю мужчин,— медленно проговорила она,— но еще больше я люблю свой дом. Я не могу покинуть его. Если это единственная возможность, лучше убей меня и этим покончи с моими несчастьями.

Впервые добрый волшебник, казалось, был шокирован.

— Убить тебя! Я этого не сделаю! Ты самое прелестное создание, какое я когда-либо встречал, я это вижу даже в зеркале! Будь я помоложе...

Тут же проявилась обычная маленькая женская хитрость.

— Ну что ты, господин, ты совсем не старый. Ты очень симпатичный мужчина.

Кромби сдержал чириканье, Честер закашлялся, а у Бинка перехватило дыхание. Она уж чересчур преувеличивала, если не вовсе искажала действительность! Хамфри — хороший человек, талантливый, но вот симпатичным его назвать трудно.

— Ты мне льстишь,— серьезно сказал волшебник.— К тому же меня ждут другие дела.

— Из всех мужчин, которые приходили на остров, ты единственный остановился поговорить со мной,— продолжала горгона.— Я так одинока! Прошу тебя, останься со мной и позволь мне всю жизнь служить тебе.

Теперь Кромби громко прочирикал.

— Не оборачивайся, дурак! — крикнул голем.— Продолжай пользоваться зеркалом!

— Ах да,— согласился Хамфри. У грифона, должно быть, очень тонкий слух, подумал Бинк, коли он услышал, что волшебник собирается повернуться! — Если я просто посмотрю на тебя...

— Ты должен будешь уйти, оставив мне на память похожий на тебя камень,— закончила она.— Я не понимаю, почему все мужчины таковы! Но подойди, закрой, если надо, глаза, поцелуй меня, дай мне показать, как много во мне любви для тебя. Останься со мной, и твое слово будет для меня законом!

Волшебник вздохнул. Поддался ли старый гном соблазну? Бинку пришла в голову мысль, что волшебник остался одиноким не потому, что у него не было интереса к женщинам, а потому, что он не нашел себе подходящей пары. Обычные женщины не интересовались стариком волшебником, похожим на гнома, а если и интересовались, то, скорее всего, только потому, что хотели воспользоваться его замечательной магией. Но здесь стояла женщина, которая ничего не знала о нем и была согласна любить его, требуя взамен только его присутствие.

— Нет, моя дорогая, ничего не получится,— сказал наконец Хамфри,— хотя нельзя отрицать, что это очень соблазнительное предложение и от него трудно отказаться. Я могу поддаться соблазну и задержаться здесь разве что на день-другой, и то при условии, что наша любовь будет слепой. Но даже в этом случае общение с тобой потребует много волшебных сил. А я должен сначала выполнить первоочередную задачу и не могу...

— Тогда задержись на день-другой! — воскликнула она.— Завяжи глаза! Я не знаю ни одного волшебника, который бы заинтересовался мною, но даже волшебник не может быть прекраснее тебя, господин!

Уж не подозревает ли она притягательность таланта Хамфри? Но имеет ли это значение? Волшебник опять вздохнул:

— Возможно, потом, когда я покончу со своими делами, если ты будешь так добра и посетишь мой замок...

— Да, конечно! — с готовностью воскликнула она.— Но где же твой замок?

— Просто спроси Хамфри. И кто-нибудь обязательно покажет тебе дорогу. Но даже в этом случае ты не должна показывать свое лицо мужчинам. Тебе придется надеть вуаль, нет, даже этого недостаточно, потому что это твои глаза...

— Не завязывай мне глаза! Я должна видеть!

Бинк опять почувствовал приступ симпатии, так как в данный момент он тоже не мог ничего видеть.

— Дай мне подумать,— сказал Хамфри. Послышался шелест, говорящий о том, что Хамфри роется в своем волшебном имуществе.— Это не идеальное решение, но пока сойдет. Держи этот пузырек перед своим лицом и открой его.

Опять шебуршание, говорящее о том, что горгона берет пузырек, который Хамфри передал ей через плечо. Потом послышался хлопок, и пробка открылась. Вздох и тишина. Неужели волшебник после всего этого уничтожил ее, дав ей понюхать отравленные пары?

— Друзья, теперь вы можете снять повязки и повернуться,— сказал Хамфри.— Горгона обезврежена.

Бинк сорвал с глаз повязку:

— Волшебник! Ты ее...

— Нет, я не причинил ей никакого вреда. Взгляни сам.

Бинк, как и все остальные, посмотрел в сторону горгоны. Перед ними стояла непостижимо красивая молодая женщина с маленькими тоненькими змейками вместо волос. Вот только лица у нее не было. На месте лица была просто пустота.

— Я наложил заклинание, делающее ее лицо невидимым,— объяснил Хамфри.— Она все видит, но, к моему глубокому сожалению, ни один мужчина не может увидеть ее лица, хотя оно — самое прекрасное, что в ней есть. Зато невозможно встретиться с ней взглядом. Она в безопасности, так же как и все мы.

Бинк должен был согласиться, что это действительно очень грустно. Горгона казалась такой прелестной девушкой и в то же время несла на себе такое ужасное заклятие. Магия не всегда добра! Волшебник обезвредил заклятие, но смотреть в пустоту на месте ее лица было очень грустно.

Кромби обошел остров, изучая статуи. Некоторые из них были кентаврами, некоторые грифонами.

— Чирик!

— Смотрите, сколько бед наделала эта сука! Она превратила в камень, наверное, сотни ни в чем не повинных мужчин. Что хорошего в том, что ныне она обезврежена? Это все равно что закрыть дверь дома, после того как пленник уже сбежал.

Он, очевидно, теперь думал больше как грифон. Это одна из опасностей длительных преобразований.

— Да, надо что-то сделать со статуями,— согласился Хамфри.— Но я уже израсходовал довольно много моей ценной магии. На самом деле даже слишком много. Кромби, укажи, где лежит решение этой проблемы?

Грифон покрутился и указал. Вниз.

— А теперь еще раз покажи, где находится источник магии.

Кромби повиновался. Результат был тот же.

— Как я и предполагал,— сказал Хамфри,— наша задача имеет не просто познавательное значение.

И еще одна проблема встала для Бинка на свое место. Вся цепь событий с древопутаной и ужасными сестрами казалась отклонением от их основной задачи и угрозой благополучию Бинка, и все же его талант допустил это. Таким образом он показывал, что все эти события связаны с их основной задачей. Но все равно, для того чтобы достичь источника магии, было

совершенно не обязательно подвергать себя таким опасностям. Тут кроме его таланта действовало еще и что-то другое.

Бинк вспомнил холмик земли, на который наткнулся прошлой ночью. Есть ли здесь какая-нибудь связь? Он еще не мог это выяснить и все равно не доверял случайным совпадениям, не связанным с его талантом. Если его враг...

Добрый волшебник опять достал свое зеркало.

— Покажи мне королеву,— сказал он в зеркало.

— Королеву? — удивился Бинк.

Зеркало затуманилось, потом в нем появилось лицо королевы Ирис.

— Ты связался со мной как раз вовремя, Хамфри,— сказала она.— Что это ты слоняешься без дела по острову горгоны, вместо того чтобы выполнять свое дурацкое поручение?

Кромби сердито зачирикал.

— Не переводи этого! — огрызнулся Хамфри на голема, затем опять обратился к чародейке: — Это поручение Бинка, а не мое. Мы обезвредили сирену и горгону и почти добрались до источника магии. Сообщи об этом королю.

Ирис пренебрежительно отмахнулась:

— Ладно, карлик, если только у меня дойдут до этого руки.

За ее спиной появилось лицо короля Трента. Внезапно королева приняла вид милой молоденькой девушки, да еще и с длинными косами.

— Что случится довольно скоро, добрый волшебник,— быстро поправилась она.

Трент весело махнул им рукой и потрепал рукой косу королевы. В это время зеркало потухло.

— Как она смогла разговаривать в зеркале? — заинтересовался Бинк.— Всегда же были просто безмолвные картинки.

— Она властительница иллюзий,— объяснил Хамфри.

— Властительница короля, ты хочешь сказать,— прочирикал Кромби.

— Нам только казалось, что мы ее слышали,— продолжал Хамфри. Он отложил зеркало в сторону.— А королю только кажется, что он дергает за иллюзорную косу. Но в иллюзиях есть и своя польза.

— Я вот люблю иллюзию реальности,— грустно сказал голем.

Хамфри снова переключил свое внимание на горгону:

— Мы вернемся к нашим делам. А ты, я думаю, пока утешишь свою сестру. Она лишилась своих цимбал.

— Утешу! Утешу! — воскликнула горгона.— До свидания, прелестный волшебник! — Она обхватила Хамфри руками и запечатлела невидимый поцелуй на его губах, при этом змеи кусали его за уши и возбужденно шипели.— Поспеши! Я припасла для тебя столько любви...

— Угу. Так и сделаем,— согласился смущенный волшебник.

Он поднял палец и отбросил одну из змей-волосков, которая слишком яростно грызла мочку его уха.

Волшебная тропинка заканчивалась на острове горгоны, поэтому обратно пришлось добираться вплавь. Путники использовали талант Кромби и определили безопасный маршрут, избегающий водяных монстров, затем Бинк сел на кентавра, а Хамфри оседлал грифона. Утро было в самом разгаре, и возвращение в деревню Магической Пыли оказалось легким и приятным. Враждебная магия еще не успела заменить на этой тропинке уничтоженные ими ловушки на новые.

Древопутана теперь превратилась в обугленный пень. Деревенские жительницы действительно успешно выполнили свою задачу, расправившись с давнишним врагом. Правда, сами жительницы в черных вдовьих одеждах нынче были очень тихи: они носили траур по последней группе мужчин, потерянных из-за чар сирены.

И как все внезапно переменилось, когда они увидели этих мужчин, шагающих обратно.

— Вы выжили! — вскричала Тролла с несвойственной троллям радостью, слезы заструились по ее ужасному лицу.— Мы хотели последовать за вами, но ведь мы не слышали пения сирены и не могли в темноте найти дорогу. А утром мы решили, что уже слишком поздно, среди нас были раненые, которые требовали...

— Мы обезвредили сирену и ее сестру горгону,— объявил Бинк.— Мужчины больше не будут уходить от вас по этой тропе. А вот мужчины, которые приходили раньше...

— Они все мертвы. Мы это знаем.

— Нет. Они превращены в камни. Возможно, есть способ снять чары и вернуть их к жизни. Если мы успешно выполним нашу задачу...

— Идемте! Это надо отпраздновать! — воскликнула Тролла.— Мы устроим в вашу честь такой праздник...

Но Бинк знал, каков должен быть ответ на это предложение:

— Нет, спасибо. Вы очень добры, но нам пора заняться нашими делами. Мы ищем первоначальный источник магии, который находится где-то под землей, источник, из которого и поднимается магическая пыль.

— Туда, вниз, пути нет,— сказала Тролла,— этот колодец представляет собой просто полую шахту...

— Да. Поэтому надо поискать проход где-то в другом месте. Если туда можно как-то добраться из другого места...

Расстроенная Тролла отнеслась ко всему этому с пониманием:

— И куда вы пойдете?

— Туда.— Бинк указал направление, которое определил Кромби, отвечая на вопрос о местонахождении цели их путешествия.

— Но ведь так вы попадете прямо в Область Безумия!

Бинк улыбнулся:

— А вдруг туда и можно добраться только через безумие?

— Но дорога мимо древопутаны теперь свободна. Вы можете пойти там и обойти безумие...

Бинк, зная, что Кромби указал наилучший путь, отрицательно покачал головой.

— Вы, мужчины, так безрассудны! По крайней мере, подождите несколько дней. Мы прекратим рассеивать магическую пыль в воздухе, и сила безумия снизится. Тогда вы сможете пройти Область Безумия с меньшим риском.

— Нет. Нам надо торопиться.

Бинк опасался, что несколько дней отдыха в деревне, полной истосковавшихся по мужчинам женщин, будут так же губительны, как и продолжительный флирт с сиреной или горгоной. Нет, надо поскорее уходить отсюда.

— Тогда мы дадим вам проводника. Она предупредит вас о возможных ловушках, ведь вы вряд ли выживете, если не обойдете наиболее опасные места. Вы уже и так наполовину безумны.

— Да уж,— с кривой усмешкой согласился Бинк.— Мы ведь мужчины.

Мужской и женский пол не понимают друг друга — это еще одна сторона магии Ксанфа. Ему нравилась эта ручная троллесса — наверное, каждый монстр чего-нибудь да стоит, если познакомиться с ним поближе.

Проводником оказалась очень хорошенькая грифоница.

— Чирик! — запротестовал Кромби.

— Фьюить! Фьюить! — лукаво ответила она.

— Не обременяйте нас таким цыпленком! — радостно перевел Гранди.

— Кого это ты называешь цыпленком? Я — львица!

— Ты заноза!

— А ты зануда!

— Баба!

— Мужик!

— Хватит переводить, Гранди,— сказал Бинк.— Кроме оскорблений, мы ничего не услышим.— Он повернулся к Тролле: — Спасибо за проводника. Ну, мы пошли.

Все жительницы деревни выстроились в ряд, чтобы помахать им на прощание рукой. Это была печальная картина, но им больше ничего не оставалось.

Вскоре Глухомань Ксанфа заставила путешественников забыть о сентиментальности. Деревья здесь были необычайно большими, и их ветви сплетались наверху, словно в густых джунглях. Как и предупреждала Тролла, магическая пыль оседала с подветренной стороны. Здесь вовсю процветала магия. Монстрообразные колючие подушки росли очень низко, нанося уколы тем, кто слишком приближался к ним, а между этими подушками выскакивали живые сталагмиты, их каменные шипы блестели от падающей сверху жижи. Повсюду, где только находилась свободная впадина, валялись скрюченные нефтяные листья. Танкеры — самые скользкие из всех растений, вдобавок они необычайно липучи.

— Танкерам не следовало бы разбрасывать повсюду свой мусор,— проворчал Честер,— им надо его куда-нибудь закапывать, как это принято у цивилизованных созданий.

Более высокие растения были не лучше: необъятные металлические стволы железных деревьев теснились вокруг обгоревших пней. Пепел и ржавчина усыпали землю вокруг них. Тут и там угрожающе выгибали свои ветки-рога и фыркали быкоелки. А выше и того хуже: там, поглядывая вниз в ожидании жертвы, ползали крапивные гусеницы и сальными цепочками свешивалась вниз рвотная плесень. И это называется наиболее безопасный путь?

— Фьюить! — сказала проводница, указывая дорогу.

Она пролетела над вылезшим на поверхность серпантином, между двумя острыми лезвиями стригущего лишайника и над перекладинами упавшего лестничного куста. Остальные осторожно, но быстро последовали за ней.

Здесь было сумрачно, почти темно, хотя время и приближалось к полудню. Верхние листья, не удовлетворенные тем, что просто закрывали солнце, теперь начали сжиматься в огромный, будто резиновый лист, накрывающий лес одним большим пузырем. Резиновый? Теперь Бинк увидел, что он и был резиновым, росшим из огромной резиновой лианы, извивавшейся среди прочей листвы. Резина не представляла серьезной угрозы для людей, вооруженных мечом или ножом, но могла доставить ощутимые неудобства.

Крупных обитателей здесь, кажется, было немного, а вот мелких полным-полно. Жуки ползали повсюду. Некоторых из них Бинк знал: светлячки стреляли искрами (наверное, отсюда и был взят тот, что сгорел в деревне, демонстрируя им силу местной магии), жуки-бомбардиры стройными рядами маршировали к своему биваку, мадам-мошки и мамзель-мошки парили рядом с ними — извечная картина: женщины легкого поведения, сопровождающие армию. Прямо под копытом Честера жук-тигр прыгнул на жука-оленя и с безжалостным усердием убил его. Бинк отвернулся от этого зрелища, он понимал, что перед ним нормальное явление, но все равно ему оно не больно-то нравилось.

Затем он обернулся к Хамфри. Старик уставился в одну точку как зачарованный; при виде этого Бинк заволновался:

— С тобой все в порядке, волшебник?

— Великолепно! — быстро пробормотал гном.— Прямо сокровищница природы!

— Ты имеешь в виду жуков?

— Здесь есть пернатые жуки,— сказал Хамфри. И действительно, мимо пролетел жук с двумя перышками вместо крыльев.— И совиная мушка. И две сетекрылки!

Бинк увидел большого лупоглазого жука с хохолком, наблюдающего, как парят в воздухе две сетекрылки. Как летали сетекрылки, непонятно, потому что сеть явно должна бы пропускать воздух. Но какое это имеет значение для магии?

— И картинная мушка! — воскликнул волшебник, по-настоящему разволновавшись.— Это совершенно новый вид, я думаю, они просто недавно мутировали. Дай-ка я проверю по книге.— Он нетерпеливо открыл пузырек. Из пузырька вылетел клуб дыма и превратился в большой том, который волшебник осторожно разложил на спине грифона, между сложенными крыльями, и начал переворачивать страницы.— Картинная мушка,— читал он,— пастораль, натюрморт, натурализм, сюрреализм, кубизм, акварель, масло, пастель, тушь. Я был прав! Это же восковой мелок, ранее еще не отмеченный! Бинк, ты подтвердишь это для записи!

Бинк склонился, чтобы посмотреть. Жук сидел на правом ухе грифона, расправив покрытые восковыми рисунками крылья.

— Мне тоже кажется, что похоже на восковой мелок,— согласился он.

— Да! — воскликнул Хамфри.— Я должен это записать! Это фантастическое открытие!

Бинк никогда раньше не видел гнома таким взволнованным. Внезапно он понял нечто очень важное: вот для этого-то и живет добрый волшебник. Талант Хамфри собирал знания, а исследование нового и анализ уже известного как раз и входят в это понятие. Для волшебника не было ничего важнее сбора фактов, и он, естественно, негодовал, когда его отрывали от этого. А теперь ему представился случай вернуться к своим исследованиям. В первый раз Бинк видел волшебника таким оживленным. Хамфри вовсе не холодный брюзга, он полон живых чувств, как и все остальные, просто он старался не выставлять это напоказ.

Бинк почувствовал, что кто-то потянул его меч. Он схватился за рукоятку, и две шпанские мушки жужжа вспорхнули оттуда. Они хотели украсть его меч! Затем Честер подпрыгнул, едва не сбросив Бинка на землю.

— Чуть не наступил на волдырного жука,— объяснил он.— В таком месте не хватало только хромать с волдырем на копыте!

Грифоница повернула голову, не поворачивая тела, как делают грифоны.

— Фьюить! — нетерпеливо воскликнула она.

— Поспеши, сморчок,— перевел голем,— мы вступаем в Область Безумия.

— Чирик! — раздраженно ответил Кромби.— Мы делаем все, что можем. Почему бы тебе не показать дорогу получше, птичья голова?

— Слушай, ты, кошачий хвост! — профьюикала она в ответ.— Я просто оказываю вам услугу. Если бы вы, тупицы, остались в деревне, где вам и место...

— Остаться в бабской деревне! Да ты просто спятила!

Но тут им пришлось прекратить чирикать и фьюикать, так как пришлось уклониться от воздушного змея, который летел, извиваясь и оскалив клыки. На этот раз Честер все-таки наступил на жука, правда, дихлофоса. Поднялась ужасная вонь, заставившая всех рвануться вперед, чтобы побыстрее избавиться от нее. Путь, по которому вела их грифоница, был оживлен разноцветным роем оленьих мушек, тремя блохами, тигровым мотыльком и толстой смазливой бабочкой, которая окатила волшебника маслом.

Прекрасный золотой жук захлопал крыльями под носом у Бинка.

— Смотрите какой! Может, это еще один новый вид? — вскричал Бинк, зараженный энтузиазмом волшебника.

Он попробовал поймать жука, но в это время Честер споткнулся, и Бинк промахнулся.

— Хамфри! Он летит к тебе,— закричал Бинк,— лови его!

Но Хамфри дернулся в сторону.

— Это мидасова мушка! — закричал он с ужасом.— Не трогай ее!

— Мидасова мушка?

— Все, к чему она притронется, превращается в золото.

Мушка теперь кружила над волшебником, выискивая, куда бы сесть.

— Но это же великолепно! — воскликнул Бинк.— Надо ее поймать. А уж что делать с золотом, мы придумаем!

— Не придумаем, если превратимся в него сами,— огрызнулся Хамфри.

Он нырнул от мушки так низко, что свалился с грифона. А мидасова мушка начала снижаться, чтобы усесться на его место.

— Кромби! — заверещал Бинк.— Осторожней!

И тут грифоница бросилась к Кромби, оттолкнув его от мушки своим львиным плечом. Он спасся, но мушка приземлилась на грифоницу.

Как и говорил Хамфри, их проводница тут же превратилась в золотую статую. Мушка зажужжала, вспорхнула и улетела; она больше не представляла угрозы, но несчастье уже случилось.

— Они чрезвычайно редки, а уж садятся на что-нибудь лишь в исключительных случаях,— пояснил Хамфри из куста, в который приземлился.— Я поражен, что нам удалось ее встретить. Возможно, она просто обезумела от пыли.

Он поднялся.

— Ее могли и послать,— заметил Бинк.— Первоначально она крутилась около меня.

Кромби приземлился на лапы со свойственной грифонам легкостью:

— Чирик!

— Она сделала это ради меня,— перевел Гранди.— Почему?

— Вот уж воистину безумие,— сухо сказал Честер.

Бинк рассматривал статую.

— Работа как у горгоны,— пробормотал он.— Только вместо камня золото. А можно ее оживить?

Кромби закрутился и указал направление:

— Чирик!

— Ответ лежит там же, где и цель нашего путешествия,— сказал Гранди.— Теперь у птичьего клюва появилась личная заинтересованность в выполнении нашей задачи.

— Для начала нам надо пройти через Область Безумия без проводника,— заметил Честер.

Бинк с испугом посмотрел вперед. Дело внезапно приняло серьезный оборот, хотя его с самого начала нельзя было назвать несерьезным.

— Как найти безопасный путь через эти джунгли, даже в здравом уме?

— Кромби постоянно будет уточнять нужное направление,— сказал Хамфри.— Смотрите, вон походный посох!

Он указал на палочку. Та иноходью прошествовала на двух своих тонюсеньких ножках, покачивая из стороны в сторону крючковатым верхом. Огромная книга исчезла; очевидно, пока Бинк отвлекся, волшебник убрал ее обратно в пузырек. Но на этот раз она вряд ли требовалась волшебнику.

— Красное дерево, великолепный экземпляр,— пояснил Хамфри.

Кромби указал направление, и путники медленно двинулись вперед, оставив на месте золотую грифоницу. Они ничего не могли для нее сделать, только выполнить свою задачу в надежде найти магию, которая смогла бы оживить ее.

Кромби, не чирикая, дважды обернулся назад, казалось, он погружен в серьезные личные мысли. Для него, женоненавистника, женское самопожертвование было ужасной загадкой и имело больше значения, чем то, что он сам чуть не стал золотой жертвой. Как солдат он привык к опасности, но не к самопожертвованию.

Очень скоро стемнело. Вылезли из своих земляных нор жарчерви, а кроватные жуки захрапели в своих койках. В замешательстве распелись тараканьи петушки, перепутав сумерки с рассветом. Глотогузки заглотили свои задние части и исчезли на ночь. Горстка мушек-пильщиков пилила доски для своих ночных насестов.

Бинк огляделся:

— На данный момент я ничего не имею против того, чтобы сделаться жуком. Они чувствуют себя здесь как дома.

Честер мрачно согласился:

— Мне и раньше случалось проводить ночь под открытым небом, но никогда еще не приходилось делать это в Глухомани. Эта ночь не доставит нам удовольствия.

Бинк посмотрел на Хамфри. Волшебник все еще был поглощен классификацией фауны.

— Тут есть жуки-носороги, которые пытаются свернуть дома,— сказал Хамфри.— Домовым мушкам такое не понравится!

— Здесь довольно опасно спать. Если твоя магия поможет нам подобрать лучшее место...

— А теперь они позвали муравьев-плотников подпереть балки.

— Может, в одном из твоих пузырьков есть какое-нибудь временное укрытие на ночь...— продолжал Бинк.

— А этот носорог слишком глуп, чтобы убежать! Он...

— Волшебник! — одернул его Бинк, потеряв терпение.

Хамфри взглянул на него:

— А, это ты, Бинк. Ну как, вы уже устроились на ночь? — Он опять уставился вниз: — Смотри! Они наняли жуков-убийц. Собираются избавиться от...

Все бесполезно. Волшебника больше интересовали наблюдения, чем безопасность. Хамфри не был руководителем по складу характера, что объясняет, почему он с такой готовностью передал эту роль Бинку. И все заботы опять легли на Бинка.

— Надо соорудить что-то вроде укрытия,— решил он.— И будем по очереди караулить.

Он задумался, решая проблему. Как сделать укрытие, если каждый пень, каждый камень, каждый листик будут яростно отстаивать свое право на жизнь? Вокруг дикая Глухомань!

Затем его блуждающий взгляд наткнулся на решение проблемы — огромные кривые кости погибшего монстра. Бинк не мог сказать, кто это был при жизни. Животное больше дракона. Кости слишком прочны для птицы рок, к тому же у скелета не видно следов крыльев, так что, скорее всего, это сухопутный сфинкс. Он был когда-то в десять раз выше человека. Единственной причиной, по которой сфинксы не правили джунглями, была их малочисленность и отсутствие интереса к обыденным делам. Дракон — обычное животное, а вот сфинксы попадались крайне редко. Бинк задумался, почему так происходит и что убило этого сфинкса. Возможно, просто скука.

— Кромби, укажи подходящее или приемлемое место для ночного лагеря,— попросил он, желая проверить свои соображения.

Кромби подчинился. Он указал прямо на кости. Значит, соображения Бинка оказались правильными! Он был этим очень доволен.

— Хорошо, соберем несколько одеяльных листьев и набросим их на кости,— сказал он,— получится приличное укрытие, которое послужит нам и в случае нападения. Кромби, укажи на ближайшие одеяла.

Грифон указал на подрагивающие хищные лианы. Это была не путана, но дерево из той же породы. Так что до одеял вряд ли удастся безопасно добраться!

— Хорошо, может, будет легче стоять на страже, если у нас останется обзор,— решил Бинк.— Честер, почему бы тебе не покараулить первым? Разбудишь меня, когда захочешь спать, а потом я разбужу Кромби.

Кентавр согласно кивнул. Он не стал спрашивать об участии Хамфри, очевидно понимая, что в таком деле на волшебника положиться нельзя.

Глава 8

ВЗБЕСИВШИЕСЯ СОЗВЕЗДИЯ

Бинк остановился, почувствовав зов природы, а отнюдь не магии, и увидел корягу, такую темную и обросшую мхом, что она больше напоминала камень. Подобная штука может оказаться очень полезной, если на них ночью нападет какой-нибудь монстр. Коряга была достаточно тяжелой, вполне подходящей для того, чтобы ее в кого-нибудь кинуть. Бинк присел на корточки, чтобы подобрать ее, и замер, боясь, что она может оказаться зачарованной. Но если коряга опасна, талант Бинка его защитит, просто не позволит до нее дотронуться.

Он подобрал корягу и стал рассматривать разводы на ее поверхности — коричневые, зеленые и белые, очень интригующие. Коряга была на удивление твердой и тяжелой для обычной деревяшки; Бинк даже задумался, как она поведет себя в воде: будет плавать или потонет? Взяв корягу в руки, Бинк почувствовал легкий зуд и понял, что в этой коряге что-то есть. В ней таилось что-то волшебное, что-то еще неизвестное и очень силь-

ное. Он почувствовал, как его талант откликнулся, установив неясную связь с корягой, окутал ее, как уже случалось и раньше, когда он, например, пил из ручья жизни. Так же как и тогда, его магия окружила эту вещь и восприняла ее без сопротивления. Талант Бинка был на уровне волшебника, Бинк редко непосредственно чувствовал его, за исключением тех случаев, когда сталкивался с сильной или сложной магией. Но кусок дерева?

Он принес корягу в лагерь.

— Не знаю, что это такое, но она кажется очень волшебной. Может, и пригодится.

Честер взял корягу:

— Древесина необычная, прочная. Наверно, от какого-то очень большого старого дерева. Интересно, что я не могу определить его породу. Может, если тебе удастся найти кусочек коры...

Кромби зачирикал:

— Дай сюда, лошадиная морда. В свое время я повидал много деревяшек.

Честер слегка поперхнулся:

— Никаких возражений, птичий клюв.

Кромби взял корягу в переднюю лапу и внимательно ее осмотрел:

— Чирик!

— Есть в ней что-то странное,— перевел голем.

— Да,— согласился Бинк.— Пока ты не слишком занят, не укажешь ли, где ближе всего удастся найти что-нибудь поесть? А порассуждать об этой деревяшке мы можем и во время еды.

Кромби покорно завертелся и указал направление. Бинк посмотрел в ту сторону и увидел мерцающий гриб-фундуклей.

— Должно быть, вот это. Я никогда раньше не ел мерцающих. Но твой талант нас еще не подводил.

Он подошел и отломил кусок. Фундуклей был твердый, сухой, бледный внутри и издавал приятный запах.

— Чирик,— заспорил Кромби с кентавром,— я еще не закончил.

— Вполне достаточно, полосатые мозги,— сказал Честер,— теперь моя очередь.

Бинку пришлось подбежать к ним, чтобы прекратить очередную ссору. За драчунами только глаз да глаз — так и норовят затеять потасовку! От этой парочки нельзя отвернуться, даже чтобы добыть пищу.

— Сейчас очередь волшебника! — крикнул Бинк.— Может, он сумеет определить, что это за деревяшка.— Он отнял у них корягу и понес ее к Хамфри.— Ты бы не смог определить этот редкий образец...

Он произнес волшебные слова. Внимание волшебника тут же обратилось к нему. Хамфри глянул и заморгал:

— Это гриб голубой агонии! Выброси его быстрее!

Опа! Бинк перепутал руки и сунул волшебнику под нос гриб.

— Извини, я хотел показать тебе эту корягу, а не...— Он запнулся.— Гриб ядовитый?

— Его волшебные силы окрасят твое тело в синий цвет, прежде чем ты растаешь в голубую лужицу, от которой вымрут все растения, соприкоснувшиеся с почвой, куда просочится эта жижа,— доходчиво объяснил Хамфри.

— Но Кромби указал на него как на подходящую пищу!

— Чушь! Его безопасно трогать, но для еды это самая опасная штука. Его использовали для казней, давно, еще при ранних волнах нашествия.

Бинк отбросил гриб.

— Кромби, ты не...— Он замолчал, размышляя.— Кромби, укажи самое худшее, что мы можем съесть.

Грифон пожал плечами и указал. Как раз на брошенный фундуклей.

— Ну, ты полный идиот! — воскликнул Честер, посмотрев на грифона.— У тебя что, перья в мозгах сгнили? Ты минуту назад показывал на него как на безопасную пищу!

Кромби сердито зачирикал:

— Бинк взял что-нибудь не то. Мой талант не ошибается.

Теперь Хамфри изучал корягу.

— Талант Кромби всегда врет,— рассеянно заметил он,— поэтому-то я на него никогда и не полагаюсь.

Это удивило даже Честера.

— Волшебник, солдат не приз в лотерее, с этим я охотно соглашусь, но пока что его талант не подводил.

Кромби зачирикал, разъяренный таким подтверждением его способностей.

— Может, и так. Я не знаю.— Волшебник бросил косой взгляд на пролетавшую мимо потную мушку: — А это кто такой?

— Ты что, не способен узнать обычную потную мушку? — поразился Бинк.— Еще недавно ты определял самых редких жуков, открывал новые виды!

Хамфри нахмурил брови:

— С чего бы это? Я ничего не знаю о жуках.

Человек, кентавр и грифон обменялись взглядами.

— Сначала Кромби, затем волшебник,— пробормотал Честер.— Наверно, это и есть безумие.

— Но тогда оно должно бы поразить всех нас,— сказал Бинк.— Это больше похоже на повреждение таланта. Кромби указал на худшую пищу вместо лучшей, а Хамфри переключился от знания к невежеству...

— Как раз тогда, когда они крутили в руках деревяшку,— закончил Честер.

— Лучше уберем-ка деревяшку от него подальше.

— Давай,— согласился Честер и шагнул в сторону Хамфри.

— Нет, пожалуйста, дай лучше я это сделаю,— быстро сказал Бинк, уверенный, что его талант наилучшим образом уладит дело. Он приблизился к Хамфри: — Извини.

И он осторожно взял корягу из рук волшебника.

— А почему она не действует на тебя? — спросил Честер.— Или на меня?

— Она действует на тебя, кентавр,— сказал Хамфри,— но, так как ты не знаешь, в чем состоит твой талант, ты не видишь, как он меняется на противоположный. А что касается Бинка, так это особый случай.

Итак, добрый волшебник опять в форме.

— Значит, эта деревяшка... меняет чары на противоположные? — спросил Бинк.

— Более или менее. По крайней мере, она изменяет направление активной магии. Сомневаюсь, что коряга оживит грифоницу или окаменевших мужчин, если ты подумал об этом. Эти

заклятия теперь пассивны. Только полное исчезновение магии поможет им.

— Угу, понятно,— неуверенно проговорил Бинк.

— А что это за особый случай с тобой, Бинк? — спросил Честер.— Ты вроде не делаешь ничего магического.

— Считай, что у меня иммунитет,— осторожно сказал Бинк, удивляясь, почему его талант не защищается от обнаружения. Затем он взглянул на корягу у себя в руках. А действительно ли он обладает иммунитетом?

Он бросил деревяшку.

— Чирик! — сказал Кромби.— Так вот почему ошибся мой талант! Эта дубина сделала меня... прамф, чирик-чирик...

Голем бродил около деревяшки, и перевод сделался неразборчивым. Бинк аккуратно поднял голема и отставил в сторону от коряги.

— ...вот что я хочу сказать,— продолжал голем, совершенно не подозревая о случившемся.— Она опасна!

— Определенно,— согласился Бинк.

Он ногой отпихнул корягу в сторону.

Но Честер не успокоился:

— Выходит, это простая случайность. А безумие у нас впереди.

Кромби обнаружил ближайшее дерево, плоды которого годились в пищу, и на этот раз справился со своей задачей вполне успешно. Это был прекрасный печеньевый куст, росший на плодородной земле близ облюбованного ими скелета. Они набрали шоколадного печенья. Кстати подвернувшееся дерево с водяными орехами снабдило их обильным питьем; от путешественников требовалось лишь собрать свежие орехи и проколоть их, чтобы извлечь воду.

Бинк жевал печенье, запивая водой, когда его взгляд упал на очередной холмик земли. На этот раз он аккуратно раскопал холмик палкой, но ничего, кроме рыхлой земли, не обнаружил.

— Я думаю, такие штуки преследуют нас,— сказал он.— Но какой в этом смысл? Они ничего не делают, просто появляются то тут, то там.

— Я взгляну на нее утром,— сказал волшебник, проявив умеренное любопытство.

Еще до наступления темноты путешественники соорудили из огромного скелета пристанище для ночлега. Предварительно проверив окрестности и убедившись, что им пока ничего не угрожает, Бинк устроился в убежище из грудной клетки скелета. Он улегся на спину на подушках из моховой губки и теперь наблюдал, как появляются звезды. Ночевать под открытым небом не так уж и плохо!

Сначала звезды были просто светящимися точками, которые проглядывали сквозь ребра скелета. Затем Бинк заметил в них какой-то порядок — созвездия. Он не очень-то разбирался в звездах. Ксанф ночью небезопасен, Бинк оставался на ночлег под крышей, а когда ночь заставала его под открытым небом, спешил побыстрей найти себе приют. Теперь его заинтриговал вид звездного неба. Раньше, без всяких на то оснований, он считал, что у всех звезд одинаковая яркость и они равномерно распределены по небу. Но оказалось, что они совершенно разные — от пронзительно ярких до слабо мерцающих и от одиноко разбросанных точек до тесных скоплений. На самом деле они, казалось, образовывали определенные рисунки. Бинк мог мысленно провести между ними линии и превратить их в увлекательные картинки. Человеческая голова, извилистая линия, похожая на змею, а вот пузырь со щупальцами, похожий на древопутану. По мере того как Бинк сосредоточивал на них свое внимание, картинки делались все определенней. Они становились все более четкими и убедительными и, казалось, оживали прямо на глазах.

— Смотри-ка! Это же кентавр! — воскликнул Бинк.

— Естественно,— отозвался Честер.— Это одно из самых знаменитых созвездий. Оно известно уже несколько столетий.

— Но оно как живое! Мне кажется, оно движется.

— Нет, созвездия неподвижны. Вообще-то они движутся, но не так. Они...

Но Бинк перебил Честера.

— Они движутся! — воскликнул он.— Рука достает стрелу из мешка...

— Из колчана,— поправил его Честер.— Здесь происходит что-то странное. Наверно, какое-то атмосферное явление.

— А может, просто движение воздуха,— согласился Бинк.

Честер фыркнул. Они наблюдали, как кентавр в небе вынул стрелу, наложил ее на тетиву и прицелился. Там находился лебедь, но он был слишком большой, к тому же на ручную птицу не охотятся. Была там и лиса, но она скользнула за какого-то пастуха, помешав кентавру как следует прицелиться. Затем показался огромный медведь. Он пытался поймать львенка, но поблизости находился взрослый лев, такой же большой, как и медведь, да еще и довольно воинственный. Хищники ходили кругами, а острие стрелы кентавра повторяло их движения: кого из двоих она поразит первым?

— Стреляй в льва, дурень,— бормотал Честер,— тогда медведь возьмет львенка и оставит тебя в покое.

Бинк был в восторге как от движения созвездий, так и от силы и изящества страшных зверей. Кентавр, конечно, привычное создание, а вот такие животные, как медведь, лебедь или лев, существовали только в мифологии, связанной с Обыкновением. Вообще-то некоторое сходство с ними заметно в грифонах, химерах, сфинксах и так далее, но это не в счет. Обыкновенского льва можно рассматривать как тело грифона с головой львиного муравья — композиция, построенная на ксанфовских мотивах. Теперь, когда щит опущен, животные могут свободно переходить границу, и, возможно, там они все смешались. Бинк с опозданием пожалел, что не видел таких зверей, как, например, медведь, во плоти, когда посещал Обыкновению. Но тогда ему было не до того; он был вполне доволен и тем, что сумел возвратиться в Ксанф!

Буквально под хвостом кентавра появилось другое обыкновенское существо — волк. Оно напоминало собаку с одной головой. Бинк видел волколаков, но это не совсем то. Как ужасно, должно быть, в Обыкновении, где волк навсегда заключен в свою звериную шкуру и не может превратиться в человека!

Небесный кентавр развернулся к волку и навел на него свой лук. Но волк уже отскочил, так как за ним гнался скорпион. Скорпиона же преследовал человек, нет, так просто казалось. Человек, огромный мускулистый верзила, на самом деле преследовал змею, стремясь разбить ей голову дубиной. За человеком мчался дракон, а дракона преследовало по-настоящему странное животное с длинной шеей. Оказалось, что все небо

полно странными живыми существами и намного интересней, чем земли Ксанфа.

— Что это за зверь с такой длинной шеей? — спросил Бинк.

— Я не силен в мифологической зоологии,— сказал Честер,— но мне кажется, в Обыкновении этого монстра зовут Жаф.— Он немного помолчал.— Нет, не так. Граф. Нет. Жираф! Вот как. У него длинная шея, чтобы уберечься от враждебной магии, исходящей там от земли, или что-то в этом роде. Насколько я помню, это одно из самых странных существ; мало того что у него длинная шея, у него еще и нет голоса.

— Действительно странная магия! — согласился Бинк.

— Странная *немагия*. На самом деле землям Обыкновении не помешала бы добрая порция магии.

Теперь небо было густо заполнено животными, так как появились и остальные звезды. Там, подальше, виднелись краб, и бескрылый бык, и настоящая одноголовая собака. Птицы присутствовали в изобилии: полузнакомые, такие как феникс и райская птица, и стая неизвестных, таких как журавль, сокол, орел, павлин, голубь и ворон. Были там и люди: мужчины, дети и несколько красивых молодых женщин.

Вид этих женщин опять напомнил Бинку о Хамелеоше. Чем дольше он находился вдали от нее, тем больше скучал. Ну и что же, что у нее сейчас уродливый период? У нее ведь есть и прекрасный период...

— Смотри, а вон и река Эридан! — воскликнул кентавр.

Бинк нашел глазами реку. Она, извиваясь, пересекала полнеба, начинаясь у ног великана и кончаясь... Бинк не видел, где она кончалась. Куда может течь река в небе? А сколько разных рыб было в той реке, но одна...

— Кто это?! — воскликнул Бинк.

— Знаменитый обыкновенский кит,— сказал Честер.— Хорошо, что таких монстров нет в наших землях!

Бинк с готовностью согласился. Он опять прошелся взглядом вдоль реки, пытаясь найти ее конец. Она простиралась по всему небу, становилась неясной и тонкой и просто исчезала где-то вдали. Затем он заметил маленькую ящерицу.

— Хамелеон! — воскликнул он.

Как только он произнес это слово, ящерица изменилась и превратилась в человеческую Хамелеошу, которую он прекрасно знал и любил,— в его жену. Она смотрела на него из глубин неба, и ее рот открылся. «Бинк, Бинк,— казалось, говорила она,— приди ко мне...»

Бинк вскочил на ноги, чуть не врезавшись головой в ребра скелета.

— Я иду! — радостно закричал он.

И зачем только он покинул ее?

Но забраться к ней было невозможно. Бинк не мог вскарабкаться по воздуху на небо или каким-нибудь образом полететь туда. Во всяком случае, он знал, что это не настоящая Хамелеоша, а всего лишь ее изображение. Просто ящерица, образ которой изменило его собственное воображение. И все же он хотел...

Но тут звездный кентавр выпустил стрелу. Она засияла в полете, прочертив яркий след через все небо, сверкая все ярче и ярче. Внезапно она стала пугающе большой и близкой, будто слетела с неба прямо сюда, к ним в лагерь. Вот она воткнулась в стоящее неподалеку дерево. Это было собачье дерево; оно взвизгнуло от боли, затем в дикой ярости зарычало и оскалило похожие на зубы внутренние ветки в поисках своего врага. В мгновение ока оно разорвало стрелу на кусочки.

Бинк взглянул на Честера, но выражения его лица было не разобрать в темноте. Стрела созвездия — не что иное, как падающая звезда,— по-настоящему ударила в настоящее дерево рядом с ними!

— Получается, что кентавр стрелял *в нас?*

— Если нет, то он преступно неброжен,— мрачно ответил Честер,— а если да, то он чертовски плохой стрелок. Это очень дурной пример, который бросает тень на всех кентавров. И он у меня это запомнит.

Теперь, выделяясь на фоне звездного неба, Честер предстал высоким и великолепным, прекрасным человеком-скакуном, натягивающим собственный лук. Он натянул тетиву со всей своей поразительной силой и выпустил стрелу вверх.

Стрела летела все выше и выше и, несмотря на то что стояла ночь, каким-то чудесным образом была видна на протяже-

нии всего полета. Она взлетела вверх невероятно высоко, прямо к краю ночного свода, прямо к созвездию кентавра.

Бинк знал, что никакая настоящая стрела не может пронзить звезду или созвездие. В конце концов, созвездия — это просто воображаемые линии, проведенные между звездами. И все же...

Стрела Честера вонзилась в бок созвездия кентавра. Небесное существо подпрыгнуло от боли. Из его рта вырвались две кометы и падающая звезда — мощное восклицание!

— Ах так! От такого и слышу, пустоголовый! — объявил Честер.

Созвездие отпрянуло назад и выдернуло стрелу Честера. Когда созвездие рассматривало свою рану, из его рта вырвалась и взорвалась новая звезда. О нанесенной ране говорили и несколько тусклых пульсирующих звезд. Небесный кентавр вырвал пригоршню мягкого пуха у лебедя и начал вытирать им рану. Возмущенный лебедь испустил яркие струи падающих звезд, но не осмелился напасть на кентавра.

Небесный кентавр схватил выдвижную трубу, называемую телескопом, и приложил ее к глазу. Волшебство этой трубки заключалось в том, что в нее можно видеть намного дальше, чем другие.

— ...!!! — Небесный кентавр разразился бешеной бранью, увидев пославшего эту постылую стрелу.

— Вот она, копытная голова! — заорал Честер, пуская в небо еще одну стрелу.— Спускайся и сразись со мной, как и положено настоящему кентавру!

— Ух, я бы...— предостерег Бинк.

Созвездие, кажется, услышало вызов. Оно повернуло свой телескоп и навело его на лагерь путешественников. Мерзкая планета с кольцами вылетела из его рта.

— Правильно, я здесь, дурень! — закричал Честер.— Иди сюда и докажи, что ты достоин своего имени!

Достоин называться дурнем? Бинку это не понравилось, но он уже не мог остановить друга.

Созвездие вновь натянуло тетиву. Честер сделал то же самое. Некоторое время оба смотрели друг на друга, стоя с натянутыми луками, будто подстрекая противника выстрелить первым. Затем две стрелы почти одновременно рванулись вперед.

Оба выстрела были неприятно точными. Бинк видел, как стрелы пересеклись в небе и продолжили полет к своим целям, будто их направляла какая-то магия. Ни один из кентавров не двигался — очевидно, это закон чести в таких дуэлях. Тот, кто отпрыгнет, покажет слабость своих нервов, а таким пороком страдают лишь немногие кентавры.

Обе стрелы промахнулись, но ненамного. Стрела Честера чуть не угодила в лоб созвездия, а стрела небесного кентавра воткнулась около левого переднего копыта Честера, которое стояло совсем рядом с головой доброго волшебника.

Изумленный Хамфри проснулся.

— Ты, облом ходячий! — вскричал он.— Думай, что делаешь!

— Я думаю,— сказал Честер.— Это не моя стрела. Смотри, на ней звездная пыль.

Хамфри вытащил стрелу из земли.

— Да, действительно.— Он косо взглянул на небо.— Но здесь не должно быть звездной пыли. Что происходит?

Теперь зашевелился Кромби:

— Чирик!

— Ты волшебник, ты и должен знать,— сказал голем.

— Об оживших созвездиях? Прошло много времени с тех пор, как я интересовался такой магией.— Хамфри уставился в небо.— Однако это будет великолепным исследованием. Кромби, где пролегает наиболее подходящий путь в их королевство?

Кромби показал. Теперь Бинк увидел скопление звезд, напоминающее спускающиеся к горизонту ступеньки. На вид они представлялись вполне твердыми, а если на них смотреть, казались еще ближе. Они будто спускались прямо к краю их костяного убежища. Наверно, в конце концов, по ним и правда возможно подняться!

Бинк опять взглянул на небо. Звезды сверкали еще ярче, чем раньше, а линии между ними стали еще отчетливей. На плоских рисунках появились полутона, делающие их более естественными. Он опять увидел зовущую его Хамелеошу.

— Я поднимаюсь!

— Чирик! — согласился Кромби.— Я всегда готов к хорошей потасовке, а этот кентавр с полным ртом комет заслуживает того, чтобы ему преподали хороший урок.

Честер был уже на пути к лестнице, но вдруг остановился.

— Не будь дураком,— рявкнул бежавший за ним следом волшебник.— Кромби обращался к кентавру в небе. У тебя рот набит дурью, а не кометами.

— Хм, конечно,— согласился Честер без особого энтузиазма. Он с заметным усилием подавил раздражение.— Вперед! В атаку!

Они побежали к ступенькам.

— Вы что, рехнулись, дураки? — взвыл Гранди.— Там вас не ждет ничего хорошего!

Честер взглянул на голема. Бинк хорошо видел, как на фоне скопления созвездий изменились очертания головы кентавра.

— Я не слышал, чтобы Кромби чирикал.

— Он и не чирикал,— верещал голем,— на этот раз я говорю сам от себя. Не ходите на небо! Это же безумие!

— Восхитительно,— сказал Хамфри,— изучение оживших созвездий из первых рук! Такой возможности может больше никогда и не представиться.

— Я должен преподать этому кентавру хороший урок,— сказал Честер.

Бинк опять поглядел на Хамелеошу. Желание быть рядом с ней сделалось огромным, как само небо. И он возобновил свой путь вперед.

— Это безумие! — кричал Гранди, вцепившись в перья на шее у Кромби.— Оно не коснулось меня. Я вижу только факты, потому что я ненастоящий. Это враждебная магия. Остановитесь!

— Возможно, ты и прав, грубиян,— согласился Хамфри,— но такая возможность слишком соблазнительна, чтобы от нее отказаться.

— То же самое было с сиреной! Не делайте этого! — повторил Гранди.— Что будет с вашим поручением, если вы сейчас позволите безумию овладеть вами?

— А тебе-то что? — спросил Честер.— У тебя же нет чувств.

Он поставил копыто на первую ступеньку. Она оказалась твердой и была приколота на каждом углу острой звездой. Сама поверхность ступеньки выглядела как стеклянная, а ее края напоминали нитку. Прозрачная лестница, смутно видимая в ночи, вела на небо.

Бинк знал, что это магия и особо доверять ей нельзя. Но там, наверху, была Хамелеоша, и она ждала его, поэтому он должен идти. В конце концов, магический талант не допустил бы его туда, будь это опасно.

— Ну а я не пойду,— проверещал Гранди.

Он спрыгнул со спины грифона, упал в листву куста с пестрыми жуками и поднял оттуда разноцветный рой жуков. А в следующее мгновение он уже потерялся в ночи.

— Скатертью дорога,— проворчал Честер, продолжая подниматься по лестнице.

Под его весом ступеньки слегка прогибались, приподнимая прикалывающие их звезды, но все же держались. Кромби от нетерпения расправил крылья, облетел кентавра и приземлился на ступеньку впереди. Очевидно, подъем был слишком крут для полета такого крупного существа, и Кромби предпочел подниматься по лестнице. Добрый волшебник шел третьим, а Бинк — последним.

Они карабкались вверх, выстроившись цепочкой. Лестница поднималась спиралью, и вскоре Кромби шел как раз над головой Бинка. Эффект казался очень интересным, но Бинк был больше заинтригован видом внизу. Когда он поднялся над верхушками деревьев, перед ним открылась очень впечатляющая благодаря своей особой природе ночная панорама Глухомани Ксанфа. Бинк однажды превращался в птицу, как-то раз он летал на ковре-самолете, случалось ему летать и в человеческом обличье — магия предоставила ему различный опыт. Но медленный подъем над лесом, с твердой почвой под ногами,— нечто особое и уникальное, не то что полет. Бинк прекрасно понимал, что может упасть, так как перил, за которые можно было бы держаться, у лестницы не имелось, никакого барьера у ступенек тоже. И это лишь обостряло внимание — такого ощущения не может предоставить ни один полет. Находиться над землей и в то же время оставаться связанным с ней...

Ночной лес был прекрасен. Одни деревья мерцали, другие поднимали вверх белые, как кость, щупальца, а кое-какие выглядели просто шарами пастельных тонов. У некоторых были огромные цветки, похожие на глаза, и эти глаза, казалось, уста-

вились на Бинка. Другие верхушки образовывали клубок перепутанных веток. Когда Бинк смотрел вниз, весь лес, казалось, принимал форму человеческого лица. НЕ ХОДИ! — беззвучно кричало это лицо.

Бинк остановился, мгновенно рассердившись. Действительно ли Глухомань хочет ему что-то сказать? Чьи интересы она защищает? Может, она ревнует, что он покинул ее ради небес? Может, голодна и хочет его плоти? А может, она просто так развлекается.

Кромби резко остановился перед путаной. Честер, к счастью, вовремя оглох и спас их от призывов сирены. Тогда его талант действовал. Почему же теперь надо в нем сомневаться?

Бинк посмотрел наверх. Его ждала огромная панорама неба — монстры, животные, люди. Они все замерли на своих местах, ожидая прибытия Бинка и его спутников. Там, наверху, их ждали необыкновенные приключения.

Он возобновил подъем. Надо поторопиться, ведь остальные продолжали карабкаться без остановки и теперь были на несколько спиралей выше его. Он не мог опоздать к началу событий!

Почти догнав волшебника, который поднимался следом за сильным четвероногим спутником, Бинк услышал, как сбоку что-то зажужжало в темноте. По звуку это было похоже на какое-то большое насекомое — может, еще какой-нибудь экзотический жук. Только бы не мидасова мушка, понадеялся Бинк. Он замахал руками, стараясь отпугнуть насекомое.

— Бинк! — закричал слабый голос.

А это еще что такое? От быстрого подъема у него началась одышка, и ему приходилось быть осторожным, чтобы не оступиться, наблюдая великолепие раскинувшегося над ним огромного ковра и широкого диска внизу. Он был как раз посередине феноменального зрелища и хотел полностью ощутить все его прелести; ему совсем не хотелось, чтобы какой-то там жук отвлекал его.

— Уходи!

Жук подлетел ближе. От него исходил свет. Это оказалась летающая рыба. Летающие рыбы двигаются за счет струи пу-

зырьков, испускаемых ими так, чтобы жесткие крылья могли свободно поднять тело в воздух. У рыбы были жабры, которыми она забирала воздух, и небольшие плавники, которые обеспечивали равновесие и маневренность. Бинк знал, что летающие рыбы развивают большую скорость, но так и должно быть, иначе они просто падали бы на землю. На спине этой был источник света, похожий на маленький фонарик, и...

— Бинк! Это я, Гранди!

Гляди-ка, действительно голем устроился на спине рыбы и управлял ею при помощи небольших поводьев и маленькой палочки, вставленной ей в рот. В свободной руке Гранди держал фонарь, который оказался маленькой звездой, пойманной в небольшую сетку.

— Я поймал эту рыбу, заговорив ей зубы на рыбьем языке, теперь она все понимает и согласна нам помочь. Я взял с собой наоборотное дерево.

Рукой, держащей поводья, он похлопал по седлу. Это была сучковатая колобаха, которую выбросил Бинк.

— Но как же рыба может летать? — спросил Бинк.— Как ты можешь переводить? Наоборотное...

— Оно не действует на рыбу, потому что у рыбы нет магических талантов, она просто волшебная,— терпеливо объяснил Гранди.— Дерево меняет только внешнюю магию, но не врожденную.

— Для меня это что-то слишком мудрено,— признался Бинк.

— Дерево изменило талант птичьего клюва, но не превратило его опять в человека,— продолжал голем,— оно повредило знания гнома, но не превратило его в обычного человека. Оно не изменило тебя, потому что...

Голем не знал ничего о таланте Бинка, но это напомнило Бинку о существенном вопросе: победил талант Бинка наоборотное дерево или был тоже изменен им? От ответа на этот вопрос теперь зависели жизнь и смерть!

— А как же ты? — спросил Бинк.— Ты же все еще переводишь!

— Я не настоящий,— коротко сказал Гранди.— Отбери у меня магию, и я всего лишь шнурки да глина. Дерево для меня только дерево.

— Но перед этим оно на тебя действовало! Пока я тебя от него не забрал, ты нес околесицу.

— Да? — поразился Гранди.— А я и не подозревал. Я думаю, что перевод — это мой талант, так что...— Он затих, размышляя.— Знаю! Ведь я сейчас не перевожу. Я говорю сам от себя!

Это был довольно убедительный ответ.

— Ну ладно,— сказал Бинк.— Но держи эту деревяшку подальше от меня — я ей не доверяю.

— Нет! Я поднесу ее поближе к тебе. Положи на нее руку, Бинк.

— Нет! — закричал Бинк.

Гранди натянул поводья, пришпорил рыбу и наклонился вперед. Рыба изогнулась, развернулась и с нарастающей скоростью устремилась прямо на Бинка.

— Эй! — запротестовал он и попытался заслониться рукой.

И в этот момент все вокруг изменилось. Внезапно звезды опять стали просто звездочками, а лестница... лестница превратилась в ветви большого решетчатого дерева. Бинк и его товарищи были уже на самой макушке, еще немного — и тонкие ветви не выдержат их веса. Кромби уже уменьшил свой вес, помогая себе раскрытыми крыльями, а Честер...

Бинк в изумлении потряс головой. Кентавр, лазающий по деревьям!

Затем рыба, зажужжав, отлетела от Бинка, и безумие вернулось. И опять Бинк лез по прозрачной лестнице к сияющим в небе созвездиям.

— Я знаю, что это сумасшествие,— закричал он,— но ничего не могу с собой поделать. Я вынужден лезть вперед!

Голем опять направил рыбу к Бинку и подлетел поближе:

— Ты не можешь от этого отказаться, даже *понимая,* что это гибель?

— Это безумие! — согласился Бинк, частично восстановив разум благодаря пролетающей поблизости колобахе.— Все верно! Но не беспокойся обо мне — я перебьюсь. Сними Честера с той ветки, пока он еще не разбился.

— Правильно! — согласился Гранди.

Он пришпорил своего необычного коня и начал с жужжанием подниматься.

А Бинк продолжил путь, проклиная себя за дурость.

Рыба растворилась в ночи. И только пойманная звезда, а теперь Бинк знал, что это ни больше ни меньше как мерцающая ягода, указывала на местонахождение Гранди. Огонек приближался к кентавру.

— Вот те на, голем! — воскликнул Честер.— Перья вы мои лошадиные, что же я делаю на дереве-то?

Бинк не слышал, что говорил голем, но догадывался о смысле сказанного. Через мгновение Честер уже пятился задом вниз по лестнице.

— Эй, дурачина! — воскликнул волшебник.— Убери свою задницу от моего лица!

— Спускайся,— крикнул кентавр,— это никакая не лестница, это дерево! Мы лезем к верной гибели.

— Там можно узнать столько нового. Пропусти меня!

— Да это же безумие! Гранди, поднеси к нему свою деревяшку.

Огонек немного опустился.

— Лопни моя селезенка! — воскликнул Хамфри.— Да это же дерево! Надо немедленно слезать отсюда.

Но теперь кентавр опять начал взбираться вверх.

— Нет, я еще не покончил с этим звездным кентавром,— объявил он.

— Спускайся, дура-кобылица! — воскликнул Хамфри.

Рыба опять прижужжала к Бинку.

— Я не могу справиться с ними двоими сразу! — закричал Гранди.— У меня всего одна колобаха, а вас тут четверо.

— Грифон умеет летать, так что с ним все в порядке. Лестница, я хотел сказать, дерево очень узкое. Отдай колобаху Честеру — уж мимо него-то никто не пройдет. А ты пока поищи еще таких же деревяшек.

— Я уже подумывал об этом,— сказал голем.

Рыба опять зажужжала наверху. Вскоре Честер снова сменил подъем на спуск. Добрый волшебник ругался, используя слова, совсем несвойственные волшебникам, но вынужден был отступить под давлением Честерова зада. Вскоре они оказались прямо перед Бинком, тот тоже начал ругаться из-за того, что не может продолжить подъем.

Созвездия, увидев их отступление, пришли в неистовство.

— ...!!! — беззвучно крикнул небесный кентавр.

На его зов начали собираться остальные небесные монстры: дракон, гидра, змей, пегас, великан и тот кит из реки.

Безумие еще не покинуло Бинка, но желание подниматься по лестнице теперь пропало. Созвездия начали собираться, столпившись у края винтовой лестницы. Первым на лестницу ступил змей, его гибкое тело стало повторять спирали лестницы, а крылатые твари воспользовались своими крыльями. Бинк не знал, настоящие они, иллюзорные или же что-то среднее, но, вспомнив воткнувшуюся в собачье дерево стрелу, решил не рисковать.

— Скорее в укрытие! — закричал он.

Но Кромби, оказавшийся намного выше всех и не подвергавшийся воздействию волшебной колобахи, вылетел на битву с пегасом.

— Чирик! — крикнул он.

— И-го-го,— ответил пегас.

Мимо прожужжал на своем скакуне Гранди:

— А, что они сказали?

Расправив крылья, пегас и грифон стояли друг против друга — когти выпущены, копыта бьют. Противники сошлись, но по извивающимся мелькающим силуэтам Бинку было не определить, кто одерживает верх.

Но тут спустился змей. Честер не мог использовать свой лук, так как ни одна стрела не способна лететь по спирали, поэтому он поджидал змея с мечом в рукс. Бинк задумался, кого же видит кентавр, ведь деревяшка находилась у него и он видел все как есть на самом деле или довольно близко к этому. Возможно, это вовсе не змей, но все равно что-то очень опасное. Однако пока Бинк вынужден был понимать это так, как видит.

Как только змей приблизился, кентавр издал предупреждающий крик и ударил мечом по носу противника. Лезвие ударилось о клык. Большие зубы змея отражали звездный свет и блестели — возможно, от яда. Из пасти торчали два клыка, которыми змей пользовался с точностью фехтовальщика. Честеру пришлось отступить, так как у него был всего лишь один меч.

Затем пегас подсказал Честеру еще один прием, и тот стал использовать передние копыта. Ослепляя змея своим мечом, он

нанес чудищу серию попеременных ударов передними копытами: левым — правым. Удар его передних копыт был не так силен, как задних, но копыта имели острые боевые края, и он мог отбивать ими кору у дерева или чешую у змеи.

Бинк задумался, что произойдет, если колобашкой дотронуться до змея. Заставит ли это змея по-другому увидеть окружающий мир? Покажется ли тогда ему кентавр кем-то другим? Как с уверенностью определить, какая магия настоящая, а какая фальшивая?

Змей зашипел и разинул пасть так широко, что туда мог бы поместиться весь кентавр. Извивающимся языком он обхватил руку Честера, держащую меч, и тем самым парализовал ее, но Честер ловко перехватил меч другой рукой и отсек змею язык. От боли змей громко зашипел и захлопнул пасть с такой силой, что лязгнули зубы. Честер воспользовался моментом, снял с руки остатки языка змея и возобновил атаку на нос противника. Он не сдавал позиций.

Следом появился дракон. Он спикировал на доброго волшебника. Возможно, безумие и овладело Хамфри, но полным дураком он от этого не стал. Его рука нырнула под одежду и вытащила пузырек. Однако нападение дракона было столь стремительным, что времени открыть пузырек не осталось. Вместо этого Хамфри швырнул пузырек в раскрытую пасть дракона. Дракон машинально захлопнул пасть. Пузырек захрустел у него на зубах. Появился пар, он просочился сквозь зубы дракона и затвердел у него на голове. Пар ни во что не сформировался — ни в демона, ни в дымовую завесу, ни даже в пирог. Он просто висел затвердевшим комком.

— Что такое?! — воскликнул Бинк.— Не получилось?

— Мне пришлось схватить наугад первый попавшийся под руку пузырек,— ответил Хамфри.— Я думаю, это пенный термостат.

— Какой супостат?

— Пенный термостат. Он вспенивается, затвердевает и поддерживает тепло или холод.

Бинк потряс головой. Ну точно, волшебник обезумел.

Как что-то может поддерживать тепло или холод? Либо это должно быть что-то вроде огня, подогревающее, либо что-то

вроде льда, охлаждающее. И к чему вообще возиться с такой магией?

Однако такое обращение заставило дракона утратить невозмутимость. Дракон повис в воздухе и начал яростно трясти головой, стараясь избавиться от приклеившейся к ней гадости. Пытаясь избавиться от пены, он откусывал ее и глотал.

— Я бы на твоем месте не стал этого делать,— сказал ему Хамфри.

Но дракон не обратил на гнома никакого внимания. Он заревел. Затем начал пыхтеть и фыркать, создавая в своем животе огненный шар. Он изогнулся, его хлопающие крылья разбрасывали вокруг комки застывающей пены. Затем он навел пасть на волшебника, намереваясь испустить свое ужасное пламя.

Только тонюсенькая струйка огня показалась из пасти. Затем, как ни странно, тело дракона начало раздуваться. Оно раздувалось, как воздушный шар, до тех пор пока не остались торчать только ноги, кончики крыльев и пасть.

— Что?..— изумленно спросил Бинк.

— Пена моментально затвердевает, соприкасаясь с горячей поверхностью,— пояснил Хамфри,— поэтому пламя в животе дракона тут же сделало ее твердой. К несчастью, именно эта пена еще и...

Дракон взорвался. Звезды разнесло во все стороны; опаляя листву джунглей, они пролетели рядом с Бинком и устроили на небе великолепное зрелище.

— ...взрывается при соприкосновении с пламенем,— закончил Хамфри.

Они проследили, как поднимающиеся вверх звезды набрали высоту, а потом взорвались разноцветными искрами. На время они озарили все ночное небо.

— Я пытался предупредить дракона,— сказал Хамфри без всякого сочувствия.— Ни в коем случае нельзя подносить огонь к огнеопасному термостату.

В глубине души Бинк не осуждал дракона за то, что тот пренебрег этим предупреждением. Он бы и сам совершил такую же ошибку, как и дракон. Если бы его талант допустил это. Из всего произошедшего Бинк понял одно: если он когда-нибудь — убереги его судьба! — серьезно поспорит с добрым вол-

шебником, надо будет в оба следить за этими пузыречками! Трудно сказать, что из них еще может появиться.

Теперь нашелся монстр и для Бинка — гидра. Крыльев у нее не было, а по лестнице она спуститься не могла, так как лестницу занял змей. Похоже, гидра спустилась подвешенной на веревке, но этой веревки не было видно.

Бинк ударил монстра мечом. Он был в отличной форме и тут же отсек гидре одну из голов, попав мечом как раз за рогами. Из шеи хлынул сильный поток кровищи, разделившийся на две струи. Если этого достаточно, чтобы победить монстра, то особых хлопот с ним не будет!

Струи застыли прямо в воздухе, образовав два связанных с шеей комка. А так как кровь все прибывала, то она растекалась по этим комкам и затвердевала, увеличивая комки. На комках стали появляться утолщения, все это потемнело и...

Комки превратились в две новые головы! Обе головы были меньше первоначальной, но от этого они не стали менее опасными. Бинк добился лишь того, что удвоил угрожавшую ему опасность.

Вот так задачка! Если каждая голова, которую он отрубит, превратится в две, то чем дольше и лучше он будет сражаться, тем в худшем положении окажется! Но если он будет сражаться плохо, его вскоре сожрут, разорвав на семь, нет, теперь уже на восемь кусков.

— Лови, Бинк! — крикнул Честер и что-то ему бросил.

Бинку не понравилось, что его отвлекают, тем не менее он попробовал поймать то, что ему бросили. В темноте он промахнулся, его пальцы только скользнули по предмету и оттолкнули его в сторону. На мгновение, когда пальцы Бинка коснулись предмета, безумие покинуло его. Он увидел себя стоящим на ветке дерева и наставившим свой меч на...

Но тут наоборотное дерево исчезло из пределов досягаемости, и безумие снова овладело Бинком. Он увидел, как колобашка полетела в сторону гидры и одна из голов гидры изловчилась и проглотила ее.

В тот же момент Бинк быстренько вернулся к теме своих прерванных размышлений. Как подействует наоборотное дерево *внутри* воображаемого монстра?

Если образ гидры целиком является продуктом его искривленного восприятия, безумия, которым он страдал вместе со своими друзьями, то ничего не произойдет... Нет, чтобы уничтожить монстров, которых породило его больное воображение, ему самому надо находиться рядом с деревом. Но его друзья тоже видели монстров, а дерево не может находиться рядом со всеми одновременно, значит, дерево никак не должно повлиять на монстра, если только он не настоящий. И даже в этом случае дерево никак не подействует на облик гидры, а повлияет только на ее магический талант, если гидра таковой имеет. Большинство волшебных созданий магического таланта не имели — их магия заключалась в самом их существовании. Итак, ничего не должно случиться.

Гидра заверещала всеми своими восемью головами. Внезапно она упала на землю. Тяжело приземлилась и осталась лежать неподвижно, ее звезды померкли.

Бинк наблюдал за этим, открыв рот. Гидра не поменяла облик, но погибла. Что же произошло?

Затем он все понял. В конце концов, гидра обладала магическим талантом висеть на невидимой нити. Наоборотное дерево лишило ее этой возможности, и она с размаху ударилась о землю и разбилась. И волшебная нить не исчезла, она просто начала тянуть эту тварь вниз с такой же силой, с какой прежде тянула вверх. А результатом всего этого оказалась гибель монстра.

Но колобаха пропала. И как же теперь им справиться с безумием?

Бинк взглянул вверх. Пена доброго волшебника уничтожила дракона; меч и копыта Честера заставили убраться восвояси змея. Боевой дух Кромби одолел пегаса. Так что в личных поединках они одержали верх. Но сама война еще не кончилась, и расстановка сил не сулила ничего хорошего.

На небе оставалось множество созвездий. Кентавр, великан и кит не имели крыльев и не обладали магией полета, а половину лестницы до сих пор загромождал змей. Теперь, видя участь, постигшую их товарищей, все трое выли от ярости в высотах ночного небосвода. Сверхновые звезды, окольцованные планеты, миниатюрные сверкающие молнии, кометы с кудрявы-

ми хвостами в беспорядочном изобилии и поразительном хаосе вырывались из ртов кентавра и великана, а кит выбрасывал фонтаны оскорбительных завитушек.

— Ах так! — ревел Честер.— Мы вот сейчас поднимемся и устроим вам то же самое! Это вы, трусы, все начали!

И Кромби, и Хамфри, и Бинк тесно, насколько могли, столпились вокруг кентавра.

— Нет, остановитесь! — закричал Гранди с летающей рыбы, с жужжанием крутясь вокруг них.— Вы же все видели природу своего безумия. Не поддавайтесь ему опять! Передайте по кругу дерево, восстановите свое восприятие, спуститесь на землю! Не дайте призракам заманить вас навстречу гибели!

— А ведь он прав,— пробормотал Хамфри.

— Но я выронил дерево! — воскликнул Бинк.— Я потерял наше здравомыслие!

— Тогда спустись и найди его,— сказал голем.— И ты, лошадиная задница, ты же его бросил. Спускайся вместе с Бинком и помоги ему.

— Чирик! — воскликнул Кромби.

— Птичий клюв говорит, что поднимется один и вся победа достанется ему.

— Пусть только попробует! — взревел Честер.

— Ладно,— согласился голем,— идите все вместе, чтобы все было справедливо и честно. Ведь вы, настоящие, придаете очень большое значение справедливости, не так ли? Или для тебя, птичий клюв, слово «честь» звучит как заморская абракадабра? Ты не хочешь честно соревноваться с лошадиной задницей, потому что прекрасно знаешь: если вы начнете вместе, то тебе за ним не угнаться!

— Чирик! Чирик!

Бинку даже показалось, что изо рта Кромби вылетают кометы.

— Вот так! Докажи, что ты не хуже его в любом деле, спускайся сюда и найди эту колобаху. Да захвати с собой гнома. А лошадиный зад вполне может прихватить с собой этого растяпу.

Растяпу? Вот как голем его назвал? Кровь прилила у Бинка к голове. Только из-за того, что его талант не виден просто так...

— Хорошо, чтоб тебя навозом завалило,— сказал Честер.— Я пойду и найду эту дурацкую колобаху. А затем — на славную битву!

Так бесславно они спустились по стеклянной лестнице.

Монстры у них над головой взорвались градом насмешек. Небо озарилось их восклицаниями — взрывались бамбуховые вишни всевозможных цветов, мерцали смерчи, светились лесные пожары. Кит изменил течение реки Эридан, и она полилась сверкающим водопадом. Великан размахивал огромной дубиной и вышибал звезды из своих гнезд, отправляя их падать вниз. Кентавр стрелял светящимися стрелами.

— Шевелитесь, ротозеи! — верещал голем.— Держитесь подальше от них. От этого они рассвирепеют еще больше!

— А ведь правда! — согласился Честер.— Ты довольно умен для клубка веревок и комка смолы.

— Просто я в здравом уме, потому что ни одна из ваших дурацких настоящих эмоций не мешает моему мыслительному процессу,— сказал Гранди.— Я в здравом уме, потому что сделан из веревок и смолы.

— Поэтому-то ты единственный, кто может вывести нас из этого безумия,— сказал волшебник,— ты единственный, кто способен воспринимать объективную реальность, потому что у тебя нет никаких субъективных помех.

— Конечно! И разве это не великолепно?

Но было не похоже, что голем счастлив.

И тут Бинк внезапно понял, что голем с огромным удовольствием присоединился бы к ним в их безумии, даже зная, что оно ведет к гибели, если бы это смогло доказать, что он настоящий. И только его ненастоящая сущность позволяла ему цепляться за ту жизнь, которая у него была. Какая парадоксальная судьба!

Стрела ударила в кошачий куст. Растение взвыло, зашипело и начало кусать стрелу и хлестать по ней лапами-бутонами.

— Ох, как хочется засадить стрелу ему под хвост! — пробормотал Честер.— Этот кентавр — позор племени.

— Сначала найди колобашку! — воскликнул Гранди.

Одна из сбитых великаном звезд просвистела над головой Бинка и подожгла резиновое дерево. Дерево необычайно вы-

тянулось, стараясь отдалиться от своих же горящих ветвей. От него потянуло ужасной вонью.

— В этом дыму мы ничего не найдем,— закашлявшись, пожаловался Честер.

— Тогда следуй за мной! — Гранди указывал путь, несясь перед ними на летающей рыбе.

Задыхаясь, они последовали за големом. Созвездия были вне себя от ярости и испускали в них залпы всего, что имелось в их распоряжении, но одолеть Бинка и его друзей не могли. Безумие не имело власти над их здравомыслящим предводителем.

И все же безумие старалось! Кит опять запрудил реку в ее новом русле, и она ярким потоком выплеснулась из берегов. Вода разлилась по звездному полю сходящим на нет мутным слоем и устроила настоящий потоп. Потом она нашла новое русло, смыла несколько находящихся там звезд и устремилась вниз, на землю.

— Посмотрите! — крикнул Бинк.— Мы у самого подножия этого водопада!

Так оно и было. Масса воды лавиной обрушилась на них. Они отчаянно бросились прочь, но река их догнала, окунула в свою мутную жидкость, обрушившись сверху, как гром, и образовав пенный поток по пояс глубиной. Кромби нахохлился, перепачкался, его перья утратили лоск. Честер обхватил руками свой человеческий торс, будто стремясь отогнать влагу, а Хамфри...

Добрый волшебник завернулся в большое, некогда яркое махровое пляжное полотенце. Пусть намокшее, оно было лучше, чем ничего.

— Не тот пузырек,— смущенно объяснил он.— Я хотел плащ.

Они выкарабкались из-под водопада и побрели по разлившейся воде. Бинк дрожал — вода в небесной реке была ледяная. Когда созвездия впервые ожили, безумие представлялось чем-то увлекательным, но теперь Бинку очень хотелось оказаться дома, сухим и в тепле — и рядом с Хамелеошей.

Ах, Хамелеоша! Он особенно любил ее в ее нормальной фазе, не очень красивой и не очень умной, а просто обычной женщиной. В это недолгое время она всегда казалась такой свежей,

потому что постоянно менялась. Но он любил ее с любой внешностью и любым умом, особенно в такие моменты, как сейчас, когда был мокрым, замерзшим, усталым и напуганным.

Он отпихнул в сторону плывущую звезду, хоть как-то выместив на ней свои чувства. Яркая искорка, наверное, так же несчастна, как и он сам,— смытая потоком со своего места на небе и ставшая на земле обычным обломком крушения.

Поток здесь был слишком мелок для кита, единственного небесного монстра, который мог на данный момент представлять хоть какую-то угрозу. Путники пробирались по жидкой грязи.

— По-настоящему сейчас, наверное, гроза,— заметил Честер.

Поход становился бесконечным. Голем подгонял их все дальше и дальше в ночь. Некоторое время беглецов еще преследовал гнев небесных жителей, а потом листва джунглей скрыла путников. Однако безумие их не покидало. Им казалось, что земля покрыта ореховым маслом, расползающимся под ногами. Деревья, опасные сами по себе, будто приобрели и чуждые им черты: они стали пурпурными, разом загудели и предлагали зловещие овальные плоды.

Бинк понимал, что безумие, каким бы оно ни казалось, милостивым или злым, уничтожит их в тот же момент, как они ему поддадутся. Чувство самосохранения подталкивало его сопротивляться безумию, и сопротивление усиливалось с приобретенным опытом, но окончательно пробиться к реальности не удавалось. Все это чем-то напоминало иллюзии королевы, но безумие действовало не только на восприятие, но и на эмоции и поэтому было намного опасней.

Бинк услышал голос голема — тот зачирикал что-то Кромби, подражая грифону, затем он увидел, как Гранди усадил свою летающую рыбу на голову Кромби. Очевидно, рыба устала и ей требовалось восстановить силы.

— Она заслужила награду,— сказал Бинк,— за свою своевременную помощь.

— Заслужила? Это еще почему? — спросил Гранди.

Бинк начал было объяснять, но осознал всю тщетность своей попытки. Голем ненастоящий, его ничто не волнует. Гранди

делал то, что должен делать, но человеческие совесть и сочувствие для него ненужная роскошь.

— Поверь мне на слово — рыба заслуживает награды. Что бы ей хотелось получить?

— Тут придется потрудиться,— пробормотал голем и начал свистеть и булькать, обращаясь к рыбе.— Она хочет создать семью.

— Для этого надо просто найти соответствующую даму,— пояснил Бинк,— или самца, если она сама дама. Словом, свою вторую половину.

Опять последовал рыбий разговор.

— Он не может сделать этого в Области Безумия,— пояснил голем.

— Эту проблему может решить маленький кусочек наоборотного дерева,— сказал Бинк.— И вообще, нам всем оно нужно. Мы тут так запутались с этим безумием да с потопом, что не подумали об очевидном. Посмотрим, сможет ли талант Кромби найти еще один кусок такого дерева.

Кромби чирикнул без всякого энтузиазма, поняв, что от него требуется. Он закрутился и указал прямо на холмик трясущейся желеобразной массы.

— Это студень-кровосос,— сказал Гранди,— нам нельзя к нему подходить.

— Это почему же? — насмешливо поинтересовался Честер.— В тебе-то вообще нет ни капли крови.

— Нужное нам дерево находится, наверное, за этим,— решил Бинк.— Талант Кромби все еще работает, но надо быть очень осторожными и следить по пути за случайными опасностями еще внимательней, чем раньше. Ночью, да еще с этим безумием, только ты, Гранди, и в состоянии нам помочь.

— Так я этим и занимаюсь,— ответил Гранди.

— Нам нужен свет,— сказал Честер.— Птичий... м-м-м... Кромби, где бы нам найти безопасный огонек?

Грифон показал. В той стороне оказалась стая длинноногих существ, похожих на пузыри с ужасными светящимися глазами. Бинк осторожно обошел их и обнаружил, что это не животные, а растения — длинные ноги оказались просто стеблями.

Он сорвал одно из них, и из глаза вырвался луч, ярко освещавший все, на что попадал.

— Что это, интересно, на самом деле? — спросил Бинк.

— Цветок-факел,— ответил Гранди,— ты с ним поосторожней — не подожги лес.

Дождь прекратился, но с веток все еще капало.

— В данный момент этого можно не опасаться,— возразил Бинк.

Вооружившись факелами, они направились в указанном Кромби направлении, постоянно петляя, чтобы обойти опасные места, о которых предупреждал Гранди. Всем было очевидно, что без помощи голема им ни за что не выжить среди множества природных ловушек джунглей. Такое непросто даже в обычных условиях, а уж при безумии это становится совсем невозможно.

Неожиданно они наткнулись на то, что искали. Из земли торчали останки могучего ствола. У основания он был очень толстым, с добрую пядь, а на уровне человеческого роста заканчивался зубчатым обломком.

— И что за дерево это было раньше! — воскликнул Бинк.— Интересно, как оно погибло?

Они подошли к дереву поближе, и... внезапно безумие покинуло их. Сверкающие глаза в их руках превратились в цветки-факелы, как и говорил голем. Вместо безумных иллюзий они стояли посреди настоящей дикой магии джунглей. На самом деле Бинк почувствовал, что столь ясной его голова не была никогда в жизни.

— Морок безумия развеялся, дерево сделало нас абсолютно здравомыслящими! — воскликнул он.— Мы стали прямо как голем!

— Взгляни-ка лучше на тропинку, по которой мы пришли! — сказал Честер.— Мы обошли ядовитые шипы, хищную траву и деревья-танкеры; наши факелы могли поднять на воздух все джунгли.

— А то я не знал,— согласился Гранди.— С чего бы, по-вашему, я все время так на вас орал? Будь у меня нервы, они бы давно прикипели к костям. Каждый раз, когда вы отклонялись от проложенного мною маршрута...

Бинку многое стало понятно.

— Гранди, а почему ты вообще побеспокоился и помог нам, когда мог преспокойно улететь на рыбе? Ведь это была необычайно трудная задача...

— Рыба! — воскликнул Гранди.— Я должен ей отплатить за помощь!

Он отломал щепку от ствола и прикрепил ее к рыбьему спинному плавнику обрывком собственного шнурка.

— Ну, лети, лупоглазик,— сказал он, и в его голосе прозвучали нотки нежности.— До тех пор пока эта штука с тобой, ты будешь видеть все как оно есть, даже в Области Безумия. Таким образом ты сможешь найти себе пару. Но как только найдешь свою половину, выброси эту щепку; как я понимаю, видеть женщину слишком реалистично — небольшое удовольствие.

Кромби выразительно чирикнул в знак согласия, и это его высказывание не нуждалось в переводе.

Рыба взлетела и зажужжала по небу, выбрасывая обильную струю пузырьков и аккуратно облетая ветки. Освободившись от веса голема и подгоняемая надеждой на безумную любовь, она превратилась в довольно шустрое существо.

— Почему ты это сделал? — спросил Бинк голема.

— У тебя что, провалы в памяти? Ты же сам мне это посоветовал, голова садовая.

— Я хотел сказать, почему ты сделал это с такой лаской? Ты проявил к этой рыбе неподдельные чувства.

— Не может быть,— огрызнулся Гранди.

— И почему ты провел нас через все эти ловушки? Ведь если бы мы погибли, закончилась бы и твоя служба доброму волшебнику.

— А что мне с этого толку? — спросил Гранди, с ожесточением пнув кривой ножкой пучок травы.

— Ты стал бы свободен,— сказал Бинк.— А вместо этого ты преодолел массу трудностей, чтобы спустить нас с этой лестницы и вывести в безопасное место. Ты ведь вовсе не обязан был все это делать; твое дело — переводить, а не руководить.

— Слушай, недотепа... я не хочу выслушивать всякую чушь.

— Да ты сам подумай,— спокойно продолжил Бинк,— к чему вообще помогать недотепе?

Гранди задумался над услышанным.

— В конце концов, я и сам, наверное, слегка спятил,— признался он.

— С чего это тебе спятить, коли безумие тебя не трогает?

— Чего тебе от него надо? — вмешался Честер.— Что ты к нему привязался? Он потрудился на славу.

— Да, потому что он тщеславен,— сказал Бинк.— Он помог нам только по одной причине: ради своего тщеславия.

— Потому что я волновался за вас, садовая ты голова! — взвизгнул голем.— Неужели я должен был спасти вам жизнь, чтобы доказать это?

Бинк замолчал. И Кромби, и Честер, и добрый волшебник — все молча повернулись и уставились на голема.

— Что я такого сказал? — сердито спросил голем.— С чего это вы, бездельники, так на меня уставились?

Кромби зачирикал.

— Птичий клюв сказал...— Голем запнулся.— Он сказал... я не могу разобрать, что он там говорит! Что со мной случилось?

— Волшебное дерево разрушило чары,— сказал Хамфри.— Оно уничтожило твой талант.

— Но я не притрагиваюсь к дереву!

— Мы тоже,— сказал Бинк,— но все равно мы все в данный момент в здравом уме, потому что силы ствола намного превосходят силы щепки. Вот поэтому-то мы и воспринимаем тебя таким, какой ты есть на самом деле. Ты сам-то понимаешь, что сказал?

— Значит, дерево стерло мой талант точно так же, как и ваши таланты. Но это мы и так знали!

— Потому что оно изменило нашу магию, не меняя нас,— продолжал Бинк,— потому что то, что мы представляем собой сейчас,— настоящее.

— Получается, что я наполовину настоящий!

— И ты наполовину волновался,— сказал Честер.

— Но все это только слова! У меня нет эмоций!

— Отойди от дерева,— сказал Бинк,— сделай так, чтобы на тебя не действовал этот пень. И скажи нам, что ты там увидишь.

Гранди сделал несколько шагов и огляделся.

— Джунгли! — воскликнул он.— Они изменились! Это безумие!

— Волнение,— сказал Бинк,— ответ доброго волшебника. Стараясь спасти нас, ты наполовину достиг собственной цели. Ты начал чувствовать сострадание и гнев, переживаешь удовольствие и отчаяние, тебя терзают сомнения. Ты сделал это потому, что совесть простирается за пределы логики. Стоит ли овчинка выделки?

Гранди взглянул на искаженную действительность, лежащую в стороне от ствола.

— Это безумие! — воскликнул он, и все рассмеялись.

Глава 9

ДОННЫЕ ПРОКЛЯТОРЫ

На рассвете путники вышли из Области Безумия, каждый имел при себе кусок наоборотного дерева. Они продвигались очень медленно, время от времени освобождая Кромби от его деревяшки, чтобы он определил наилучший на данный момент времени путь; затем они возвращали ему деревяшку, чтобы он мог безошибочно определять опасные места, и шли, пока не требовалось снова определить нужное направление.

Покинув Область Безумия, они сразу нашли довольно безопасное убежище — дерево, напоминающее журавлиную ногу,— и разложили вокруг него обломки наоборотного дерева, чтобы никакая враждебная магия не смогла подойти к ним, не поменяв свой волшебный талант. Это была не самая лучшая защита, но они настолько вымотались, что удовольствовались этим.

Через несколько часов Бинк проснулся, потянулся и спустился вниз. Кентавр все еще лежал на широкой ветке, свесив с обеих сторон все свои четыре копыта,— похоже, карабканье по деревьям во время безумия прибавило к его немагическим талантам еще один. Волшебник свернулся калачиком в большом гнезде, которое он извлек из очередного пузырька. Кромби, как истинный солдат, был уже на ногах и вместе с големом осматривал окрестности.

— Что бы я хотел знать, так это...— начал Бинк, чавкая куском хлеба с изюмом, отломленным от буханки, которую Кромби сорвал с растущего поблизости хлебного дерева. Буханка несколько переспела, но в остальном оказалась великолепной.

Кромби зачирикал.

— ...кто погубил то наоборотное дерево,— закончил за него Гранди.

— Ты опять переводишь!

— Я же сейчас не притрагиваюсь ни к какому дереву,— беспокойно завертелся голем,— но не думаю, что я такой же настоящий, как прошлой ночью, во время безумия.

— Все равно какие-то чувства у тебя должны остаться,— сказал Бинк.— Такое случается, когда стремишься к какой-то цели. Два шага вперед, один назад, просто нельзя сдаваться.

Гранди заметно оживился:

— Слушай, а это неплохая точка зрения на происходящее, мозги ты наши вспаханные!

Бинк был доволен, что сумел подбодрить голема, хотя скверные манеры того оставались слишком вызывающими.

— Как ты узнал, что я собираюсь спросить? Ну, насчет гибели...

— А ты всегда пристаешь с вопросами, Бинк,— сказал голем,— и мы решили узнать, где лежит предмет, о котором ты спросишь в очередной раз, и увидели, что он находится в том же направлении, что и останки дерева. Мы раскинули мозгами, просто из любопытства.

Еще одна интересная сторона таланта Кромби! Предсказание ответа на будущий вопрос! Магия продолжает преподносить сюрпризы.

— Только настоящие существа бывают любопытны,— сказал Бинк.

— Подозреваю, что так и есть. Для меня это своего рода развлечение — из любопытства превратиться в настоящего. Но у меня так и останется тряпичное тело, и никакие волнения не смогут это изменить. Просто теперь я начал бояться смерти, которая неизбежно наступит.— Его передернуло, и он постарался отогнать эту мысль.— Во всяком случае, дерево погубило проклятие, которое пришло с той стороны.— И он указал, откуда пришло проклятие.

Бинк взглянул в ту сторону:

— Я вижу там только озеро.— И вдруг его озарило: — А ведь огр что-то говорил о...

— О злодеях из озера, которые наслали проклятие, погубившее целый лес,— подхватил Гранди.— Мы проверили — это то самое озеро.

Хамфри спустился с дерева.

— Надо бы запаковать в пузырек кусочек этого дерева, если, конечно, моя магия это сумеет,— сказал он.— Никогда не знаешь, когда что пригодится в жизни.

— Сотвори заклинание, которое изгоняло бы щепку из пузырька,— предложил волшебнику с дерева Честер.

Он тоже приземлился после неуклюжей возни, в результате которой чуть не пострадала его великолепная задняя часть. Все-таки кентавры для лазания по деревьям не приспособлены.

Волшебник поставил пузырек, положил рядом кусок деревяшки и начал творить заклинание. Образовалась вспышка, появился клуб дыма, но постепенно воздух опять стал прозрачным.

На земле стоял запечатанный пузырек. Рядом лежала деревяшка. Добрый волшебник исчез.

— Куда он делся? — спросил Бинк.

Кромби закрутился и вытянул крыло. Крыло указывало точно на пузырек.

— О нет! — с ужасом воскликнул Бинк.— Так и есть, его заклинание сработало наоборот! Оно запихало его в этот пузырек!

Он склонился над пузырьком, схватил его и выдернул пробку. Из пузырька вырвался пар, разлился по воздуху, заклубился, начал густеть и превратился в доброго волшебника. На голове у доброго волшебника дымилась яичница.

— Я совсем забыл, что в этом пузырьке хранился мой завтрак,— тоскливо проговорил он.

Гранди больше не смог сдерживать свои новоявленные эмоции. Он разразился смехом. Упал на землю и начал кататься по ней, задыхаясь от хохота.

— Ну ни один гном до такого еще не допер! — выдохнул голем, впадая в новый приступ смеха.

— Чувство юмора свойственно только настоящему существу,— серьезно проговорил Честер.

— Точно,— несколько сердито согласился Хамфри.— Хорошо еще, что пузырек не попал в руки врага. Обладатель пузырька получает всю власть над содержимым.

Волшебник попытался опять и опять. Наконец он подобрал подходящее заклинание и сумел упрятать деревяшку в пузырек. Бинк надеялся, что эти труды окупятся. По крайней мере, он теперь знает, как добрый волшебник умудрился собрать свою обширную коллекцию. Он просто запихивал в пузырьки все, что считал возможным когда-нибудь применить.

Бинк наткнулся на очередной холмик земли.

— Слушай, волшебник! — воскликнул он.— Не пора ли разобраться с этой штукой? Из-за чего появляются эти холмики? Они что, разбросаны по всему Ксанфу или появляются только в нашем присутствии?

Хамфри подошел, чтобы взглянуть на холмик.

— Думаю, что пора,— проворчал он.— Один был на острове сирены, другой — у нашего костяного лагеря.— Он вытащил волшебное зеркало.— Что это за штука? — резко спросил он.

Зеркало задумчиво затуманилось, затем прояснилось. Оно изобразило что-то вроде червяка.

— Да это же вжик! — с ужасом воскликнул Бинк.— Они что, опять начинают роиться?

— Это не вжик,— сказал Честер,— посмотри на размеры. Он в десять раз длиннее.— В зеркале появилась линейка, показывающая, что червяк действительно в десять раз длиннее вжика.— Ты что, не знаешь нашей биологии? Это завитушечник.

— Завитушечник,— монотонно повторил Бинк. Он не хотел признаваться, что никогда не слышал о таких существах.— А по мне, так это просто вжик-переросток.

— Они довольно близкие родственники,— объяснил Честер.— Завитушечники больше, менее подвижны и не роятся. Эти существа в одиночку ползают под землей. Они совершенно безвредны.

— Но кучки земли...

— Я совсем забыл о них,— сказал Честер,— я должен был узнать эти кучки раньше. Когда завитушечники прокладывают свои тоннели, они откидывают землю назад, а когда под-

ползают к поверхности, то и получаются такие холмики. А когда они начинают рыть тоннель дальше, то отброшенная земля затыкает дыру и на земле остаются только эти холмики.

— Но что они делают?

— Да просто ползают повсюду, делают холмики из земли, и все.

— Но почему они преследуют меня? У меня с ними никаких дел нет и не было.

— Возможно, совпадение,— сказал Хамфри. Он обратился к зеркалу: — Это так?

В зеркале показалось несчастное лицо младенца.

— Значит, что-то или кто-то заставляет завитушечников шпионить за нами? — спросил Хамфри, и зеркало улыбнулось.— Тогда встает вопрос — кто?

Зеркало потемнело.

— То же самое, что является источником магии? — допытывался Хамфри. Зеркало ответило отрицательно.— Тогда, может быть, враг Бинка?

В зеркале опять появился улыбающийся младенец.

— Это не то же самое, что и донные прокляторы? — спросил Бинк.

Зеркало улыбнулось.

— Ты хочешь сказать, что то же самое?

— Не путай зеркало своей дурацкой логикой,— огрызнулся волшебник,— оно уже подтвердило, что это не то же самое.

— А, да,— сказал Бинк.— Но все равно, раз уж мы пойдем мимо озера, у нас могут возникнуть трудности. А если у нас есть враг, который постоянно за нами следит и чинит разные препоны, то он уж непременно подобьет донных прокляторов на какую-нибудь пакость.

— Думаю, ты прав,— сказал Хамфри.— Наверное, настало время потратить еще немного моей магии.

— Славься в веках! — насмешливо воскликнул Честер.

— Угомонись, лошадиная задница,— огрызнулся Хамфри.— Дайте-ка подумать. Должны ли мы пройти мимо донных прокляторов, чтобы добраться до своей цели?

Зеркало заулыбалось.

— И у них есть проклинающие чары, способные уничтожить весь лес?

Зеркало подтвердило и это.

— Какой путь надо избрать, чтобы пройти мимо прокляторов без затруднений?

Зеркало показало картинку, на которой Бинк сидел и смотрел разыгрываемый на сцене спектакль.

Хамфри оторвал взгляд от зеркала:

— Кто-нибудь может мне это объяснить?

Кромби зачирикал.

— А где там я? — перевел голем.

— Дай-ка я немного иначе поставлю вопрос,— сказал Хамфри.— А где находится Кромби, пока Бинк смотрит спектакль?

Зеркало изобразило один из пузырьков волшебника.

Кромби разразился потоком яростного чириканья.

— Прекрати, долбоклюв,— сказал голем.— Ты же знаешь, что я не могу на людях повторять такие слова. По крайней мере, если хочу стать настоящим.

— Ну, беспокойство долбоклюва вполне понятно,— вмешался Честер.— С чего бы ему сидеть запертым в бутылке? Он ведь может оттуда и вовсе не выбраться.

— По-моему, это я должен переводить! — пожаловался Гранди, забыв про свое недавнее высказывание.

Хамфри отложил в сторону зеркало.

— Если не хочешь следовать моим советам,— обиженно заявил он Кромби,— поступай как знаешь.

— Ну, вы опять превратились в слишком темпераментных настоящих людей,— сказал Гранди.— Рациональнее всего выслушать совет, предложить альтернативные решения, обсудить все и прийти к консенсусу.

— А маленький бесенок непривычно разумен,— сказал Честер.

— Это какой такой еще маленький бесенок? — заинтересовался Гранди.

— Сдается мне,— сказал волшебник,— что болтливому голему самое место в пузырьке.

— Мы опять начинаем ссориться,— сказал Бинк.— Если зеркало сказало, что мы можем благополучно пройти мимо донных прокляторов в пузырьках, то я лучше рискну залезть в пузырек, чем снова оказаться в такой передряге, из которой мы только что выбрались.

— Тебе рисковать не придется,— заметил Гранди,— тебе надо будет смотреть этот дурацкий спектакль.

— Я верю моему зеркалу,— сказал Хамфри, и зеркало так зарделось, что свечение стало заметно сквозь одежку Хамфри.— И чтобы доказать его правоту, я сам залезу в бутылку. Я уверен, что тот пузырек, в котором находился Борегар, довольно обжит и вполне вместит нас двоих. Предположим, что Кромби, Гранди и я залезем в этот пузырек, а Бинк его понесет. Тогда он может отправиться на спектакль на Честере.

— Я — пожалуйста,— согласился Бинк. А сам задумался, возьмет ли добрый волшебник с собой в пузырек и все остальные склянки. Это звучало несколько парадоксально, но было вполне осуществимо.— Но я не знаю, где именно находятся донные прокляторы,— продолжил Бинк,— а мне бы совсем не хотелось неожиданно на них напороться. Если мы приблизимся к ним осторожно, глядя в оба, то, надеюсь, не слишком их разозлим.

Кромби указал на озеро.

— Я знаю. Но где именно в озере? У бережка? На острове? Я хочу сказать, что не хотел бы неожиданно напороться на заклятие, способное погубить целый лес...

Кромби зачирикал и расправил крылья. Когда он поднялся в воздух и полетел в сторону озера, его разноцветные перья гордо засверкали.

— Подожди, пуховые мозги! — закричал Честер.— Они увидят тебя еще в воздухе! Это выдаст нас всех!

Но грифон не обратил на его крики никакого внимания.

Они наблюдали, как Кромби красиво парил над водой, сверкая своими красными, синими и белыми перьями.

— Должен признать, что этот воинственный упрямец — великолепное животное,— пробормотал Честер.

Затем грифон сложил крылья и нырнул к поверхности озера, завертевшись в воздухе.

— Заклинание! — воскликнул Бинк.— Они сбили его при помощи заклинания!

Но грифон выпрямился, набрал высоту и полетел обратно. Похоже, с Кромби пока все в порядке.

— Что случилось? — спросил Бинк, когда грифон приземлился.— Это что, было заклинание?

— Чирик! — ответил Кромби.

Гранди перевел:

— Какое заклинание? Я просто сделал разворот, чтобы получше рассмотреть прокляторов. Они обосновались под водой.

— Под водой! — воскликнул Бинк.— Как же мы тогда к ним попадем?

Хамфри достал очередной пузырек и протянул его Бинку:

— Вот пилюли, которые тебе помогут. Пока будешь под водой, принимай по одной штуке каждые два часа. Это...

— Появляется холмик! — воскликнул Честер.— Шпион!

Хамфри достал еще один пузырек, открыл его и направил прямо на растущий холмик. Из пузырька вырвалась струя дыма и устремилась к холмику. На месте холмика образовалась сосулька. Холмик замерз.

— Это огнетушитель,— объяснил Хамфри,— очень холодный. Завитушечник теперь намертво приморожен к своему тоннелю.

— Дайте я его прибью, пока могу до него добраться,— с готовностью вызвался Честер.

— Подожди! — сказал Бинк.— Как долго он будет заморожен?

— Всего пару минут,— ответил Хамфри,— а затем снова вернется к жизни без каких-либо повреждений.

— И ничего не вспомнит об упущенных минутах?

— Он не почувствует провала во времени. Завитушечники не очень-то умны.

— Тогда не убивайте его! Давайте уйдем из его поля зрения. Он подумает, что была ложная тревога и что мы никогда не появлялись здесь. Он так и доложит своему хозяину, и мы собьем их со следа.

Волшебник поднял бровь:

— Очень разумно, Бинк. Ты начал рассуждать совсем как настоящий руководитель. Мы сейчас спрячемся в пузырек, и вы с Честером возьмете его с собой. Быстрее, пока шпион еще заморожен.

И хотя грифон продолжал сомневаться, он все же подчинился. Волшебник поставил пузырек, сотворил заклинание, и человек, грифон и голем исчезли.

— Хватай пузырек, вскакивай мне на спину и держись крепче! — закричал Честер.— Время уже почти вышло!

Бинк схватил стоявший на земле одинокий пузырек, вскочил Честеру на спину и вцепился в гриву. Кентавр рванул с места, и уже через несколько мгновений под его копытами заплескалась прибрежная вода озера.

— Дай мне пилюлю! — крикнул Честер.

Бинк вытряхнул из пузырька две пилюли, молясь про себя о том, чтобы остальные не разлетелись от тряски. Он пихнул одну пилюлю себе в рот, а другую вложил в протянутую руку Честера.

— Будем надеяться, что они не подведут! — крикнул он.

— Не хватает только очередного «не того пузырька»! — воскликнул Честер.— Как заглотим сейчас какое-нибудь пенное безобразие...

Бинк очень пожалел, что кентавр подумал об этом. Пенный термостат или замораживающий огнетушитель... Ох!

Он оглянулся. Действительно ли там появился холмик земли или это просто его воображение? Успели ли они вовремя убраться? А если завитушечник заметил их следы?

Но тут Честер сорвался в подводный обрыв, и они скрылись под водой. Бинк закашлялся, когда вода накрыла его с головой, но для дыхания вода оказалась как воздух. Она и для всего тела была как воздух, если не считать цвета. Они могли дышать под водой!

Новая обстановка ему что-то напоминала. И в следующий момент он вспомнил что — юбилейный бал королевы! Тогда там был иллюзорный подводный пейзаж, а сейчас здесь все настоящее. К сожалению, вариант королевы был приятней. А здесь все выглядело мутным и тусклым. Честер продолжал пробираться вперед, осторожно выбирая дорогу в незнакомом подводном ландшафте. Грязные облачка ила клубились под ногами. Любопытные рыбы разглядывали друзей, вися у них над головами. Теперь Честер держал в руках свой лук на случай

встречи с каким-нибудь подводным чудищем. Если бы не напряжение, в котором пребывали наши путники, постоянно ожидая подвоха, их путешествие вскоре стало бы довольно скучным.

Бинк взял бутылочку, в которой был заключен волшебник, и попытался заглянуть внутрь. Он сумел разглядеть там смутные фигуры маленького человечка и миниатюрного грифона. Они сидели в комнате, увешанной коврами, прямо как во дворце, и рассматривали живые картинки в волшебном зеркале. Казалось, они устроились очень удобно. Сидеть так наверняка намного приятнее, чем пробираться через подводный полумрак к прокляторам.

Бинку в голову пришла еще одна неприятная мысль. А если бы он схватил не тот пузырек и запихал в рот вместо пилюли для дыхания самого волшебника? Даже сейчас такая перспектива его ужасно напугала.

Убедившись, что его друзья в безопасности, Бинк опять сунул пузырек в карман. Он задумался, а что случится, если сильно встряхнуть пузырек, но все-таки переборол искушение поэкспериментировать таким образом.

— Давай-ка нанесем визит местным жителям,— сказал он с деланной бодростью.

Вскоре они приблизились к великолепному подводному замку. Он весь был построен из ракушек, а значит, при его создании использовалась магия, ведь без помощи магии в озере рождается слишком мало ракушек. От башен замка к поверхности поднимались маленькие водовороты, очевидно поставляющие воздух обитателям замка. Вместо рва замок окружала высокая стена из водорослей, которую охраняли бдительные рыбы-мечи.

— Ну что ж, будем надеяться, что прокляторы хорошо относятся к путешественникам,— сказал Бинк.

Когда он говорил, пузырьков изо рта не появлялось — пилюли хорошо приспособили его к местной обстановке.

— Будем надеяться, что зеркало волшебника знает свое дело,— мрачно отозвался кентавр,— а духи озера не догадались, что дурак грифон, которого они могли видеть над озером, из нашей компании.

Они направились к главным воротам. Из жидкой грязи поднялась огромная пасть бегемота.

— Сто-о-ой! — взревел бегемот.— Кто-о-о иде-е-е-ет?

Он мастерски громко тянул гласные звуки, и они эхом отражались в недрах его утробы.

— Бинк и Честер. Мы путешественники,— ответил Бинк с дрожью в голосе,— ищем пристанище на ночь.

— Во-о-от как? — удивился монстр.— Ну так про-о-охо-о-одите! — Пасть разинулась еще шире.

— Проходите? — агрессивно проговорил кентавр.— Да мы только что пришли!

— Так про-о-охо-о-одите! — проревел бегемот и разинул пасть так широко, что кентавр мог въехать прямо туда, не пригибая головы.

Честер потянулся к мечу.

— Сто-о-ой, то есть я хотел сказать — стой,— пробормотал Бинк.— Я вспомнил горгулью; он хочет, чтобы мы вошли в замок. Через его пасть.

Кентавр уставился в тоннель, который представляла собой глотка бегемота.

— Будь я проклят, если помогу ему меня сожрать!

— Да это же вход в замок! — пояснил Бинк.— Сам бегемот и есть вход.

Честер уставился на него:

— Ну и ну! Чтоб мне превратиться в мерина!

И он, отбросив колебания, галопом устремился в глотку бегемота.

И глотка так и тянулась до самого замка. Вскоре в конце тоннеля показался свет, и Честер с Бинком выбрались в великолепный приемный зал. Затейливые тканые гобелены покрывали стены, а пол был выложен из разукрашенных деревянных квадратиков.

Поприветствовать прибывших вышел приятный, почти красивый молодой человек — тоненькие усики, затейливые кудри около ушей, расшитая яркими нитками одежда достойна принца, а на ногах мягкие туфли с остроконечными носками.

— Добро пожаловать в замок Преддверия,— сказал он.— Могу я спросить, кто вы такие и зачем прибыли к нам?

— Можешь,— согласился Честер.

Последовало непродолжительное молчание.

— Ну так как же? — произнес молодой человек, начиная сердиться.

— Так что же ты не спрашиваешь? — удивился Честер.— Я же тебе разрешил.

Уголки рта молодого человека слегка дернулись, и он сразу сделался не таким красивым.

— Ну так я спрашиваю.

— Я — кентавр Честер, а это мой приятель Бинк. Он человек.

— Я это уже заметил. А какова ваша цель?

— Мы ищем источник магии,— сказал Бинк.

— Вы сбились с пути. Это к северу, недалеко отсюда, в деревне Магической Пыли, в Амазоновке. Но прямой путь туда очень опасен для вашего здравомыслия.

— Мы там уже побывали,— сказал Бинк.— Это не истинный источник, а всего лишь выход на поверхность магической пыли. То, что мы ищем, лежит под ним. И насколько мы знаем, самый удобный путь туда проходит через этот замок.

На лице молодого человека проскочил намек на улыбку:

— О, вы сами откажетесь от этого пути!

— Испытай нас и увидишь.

— Это вне моей компетенции. Вам следует поговорить с владельцем этого поместья.

— Это нас вполне устроит,— согласился Бинк.

Он задумался, каким же таким духом может оказаться местный хозяин, коли имеет такого послушного слугу-человека.

— Не будете ли вы столь любезны пройти со мной?

— Непременно будем,— согласился Честер.

— Но сначала надо что-то сделать с копытами. На полу ценный паркет, и нам бы не хотелось, чтобы его поцарапали или помяли.

— Зачем же тогда вы положили его на пол? — спросил Честер.

— Но в конюшнях мы не стелем паркет,— ответил молодой человек. Он достал несколько пушистых кружков.— Приложи по кружку к каждому копыту; они тут же приклеятся и смягчат твои шаги.

— А может, лучше запихать их тебе в глотку? — спросил Честер.

— Это всего лишь небольшая уступка,— прошептал Бинк. После того как Честер применил оздоровительный эликсир для своей задней части, его копыта стали прочными, звучными и достаточно твердыми, чтобы оставить следы на паркете.— Ублажи уж беднягу. Возможно, прокляторы очень придирчивы в таких делах и сурово наказывают слуг за недосмотр.

Честер не очень-то ловко поочередно прижал свои копыта к войлочным кружкам. Кружки приклеились, и шаги кентавра стали бесшумными.

Они прошли через элегантно убранный зал, спустились по устланной ковром лестнице и вошли в маленькую комнатку. Она была настолько мала, что для Честера там едва хватило места.

— Если это их главный зал...— начал было он.

Молодой человек дотронулся до кнопки. Дверь закрылась. И вдруг комната пришла в движение.

Изумленный Бинк раскинул руки, а Честер, лягнув, пробил дыру в задней стене.

— Спокойней, дорогие гости,— сказал их проводник, слегка нахмурившись.— Вы что, никогда раньше не ездили на подъемниках? Это всего лишь бездушная магия — комната, которая опускается или поднимается, когда в нее входят. Очень сохраняет лестницы.

— О-о! — смущенно протянул Бинк. Он предпочитал более привычную магию.

Магический подъемник остановился. Двери открылись. Вся компания вышла в другой зал и, как и следовало ожидать, попала в покои владельца поместья.

К великому удивлению Бинка, им оказался человек в богатой серебряной одежде, украшенной бриллиантами, и в таких же дурацких туфлях, как и слуга.

— Итак, вы предлагаете мне услугу за то, что я предоставлю вам ночлег? — живо поинтересовался он.

— У нас такой обычай,— сказал Бинк.

— И у нас тоже! — радушно согласился хозяин.— У вас есть какие-нибудь особые таланты?

Бинк не мог говорить о своем таланте, а Честер своего просто не знал.

— Вообще-то нет. Но мы довольно сильны и можем сделать какую-нибудь черную работу.

— Работу? О небеса, вовсе нет! — воскликнул хозяин.— Люди здесь не работают!

Ого!

— А как же вы живете? — спросил Бинк.

— Мы все организовываем, руководим... и развлекаем,— сказал хозяин.— У вас есть способности кого-нибудь развлекать?

Бинк развел руками:

— Боюсь, что нет.

— Великолепно! Из вас получатся идеальные зрители.

— Зрители?

Бинк понимал, что Честер поражен не меньше его самого. Зеркало показывало, что он смотрит спектакль, но разве это может быть платой за ночлег?

— Мы посылаем наших артистов развлекать народ, а народ нам платит работой или плодами своей работы. Это полезная профессия, как эстетически, так и практически. Но нам необходимо заранее знать, какова будет реакция зрителей на спектакль, чтобы мы могли своевременно оценить наше новое представление.

Такое безобидное занятие как-то не вязалось с репутацией этого места.

— Быть зрителями, посмотреть ваше представление — и это все, чего вы от нас хотите? Такая служба и ночлег вряд ли равноценны. К тому же, боюсь, мы не сможем представить вам рецензию, которая...

— Совсем не обязательно! Наши магические устройства расскажут нам о вашей реакции, и мы сможем сгладить кое-какие шероховатости в спектакле. Вам ничего не надо делать, только реагировать на представление. Я вам честно это обещаю.

— Думаю, с этим мы справимся,— с сомнением сказал Бинк.— Если вас это действительно удовлетворит.

— Забавно получается,— сказал Честер.— А как же вы тогда заработали репутацию духов?

— Ух ты, это же недипломатично,— смущенно прошептал Бинк.

— Духов? А кто назвал нас духами? — спросил владелец замка.

— Огр,— ответил Честер.— Он сказал, что вы погубили целый лес своим проклятием.

Хозяин погладил свою козлиную бородку:

— Огр выжил?

— Заткнись, Честер,— прошипел Бинк.

Но кентавром уже овладела его непокорная натура.

— Он пытался только спасти свою даму-великаншу, а вы не могли вынести его счастья и поэтому...

— А, это тот самый огр. Ну, думаю, что, с точки зрения огра, мы действительно какие-то злые духи. А вот для нас зло заключается в обгладывании человеческих костей. Все зависит от того, с какой стороны посмотреть.

Очевидно, кентавр не вызвал у хозяина антипатии, подумал Бинк, но это просто счастливая случайность. Если, конечно, хозяин не актер, как вся его труппа, в противном случае им могут грозить серьезные и заковыристые неприятности.

— Этот огр теперь вегетарианец,— сказал Бинк.— А вот мне интересно: вы действительно владеете таким разрушительным заклинанием и почему вас так волнует, что поделывает теперь огр? На самом деле вам ведь нет нужды опасаться огров здесь, на дне озера, ведь огры не умеют плавать.

— Да, у нас есть такое заклинание,— ответил хозяин.— Оно требует общих усилий, соединения магии каждого из нас. У нас нет отдельных талантов, каждый лишь вносит свой вклад в общие усилия.

Бинк был поражен. Здесь жило целое общество с одинаковыми талантами! Магия повторяла сама себя!

— Однако мы не пользуемся своим проклятием наугад. Мы преследовали огра по профессиональным причинам. Он вмешался в нашу монополию.

Ни Бинк, ни Честер ничего не поняли.

— Вашу — что?

— Мы держим в своих руках все официальные увеселительные мероприятия в южной части Ксанфа. А этот никчемный актеришка пробрался на одну из наших постановок и похитил

нашу ведущую актрису. Мы не вынесли такого вмешательства в наши дела, да еще и конкуренции.

— Ведущей актрисой у вас была великанша? — спросил Бинк.

— Преобразованная нимфа, талантливейшая актриса. Все наши артисты очень талантливы, вы сами убедитесь. В этой своей роли она была самой настоящей огрессой, какую только можно себе представить, совершенно жуткой.— Он помолчал, задумавшись.— Вообще-то с ее темпераментом она и в жизни очень похожа на огрессу. Примадонна...

— Тогда можно понять ошибку огра.

— Понять, наверно, можно, но вот спустить такое — нет. Он вообще не имел никакого отношения к той постановке. Нам пришлось переделать уже готовую вещь. Мы на этом потеряли целый сезон.

Бинку очень захотелось узнать, как примет огра идеальная дама его сердца, когда он заявится ее спасать. Ведь на самом деле она не великанша, а актриса из замка донных прокляторов в костюме великанши!

— А что вы скажете о наоборотном дереве? — спросил Честер.

— Люди развлекались тем, что брали плоды этого дерева и меняли магические эффекты. Мы не могли позволить себе такую конкуренцию. Так что мы его уничтожили.

Честер взглянул на Бинка, но ничего не сказал. Возможно, эти прокляторы и правда в какой-то мере злые духи. Уничтожить все соперничающие с ними виды развлечений...

— А куда, вы говорите, вы направляетесь? — спросил хозяин.

— К источнику магии,— ответил Бинк.— Мы так понимаем, что он под землей и самый удобный путь к нему лежит через ваш замок.

— Я не люблю, когда надо мной насмехаются,— нахмурился хозяин.— Хотите оставить цель своего путешествия в тайне — ваше право. Но не надо морочить мне голову, преподнося явные выдумки.

У Бинка сложилось впечатление, что очевидное для этого человека более оскорбительно, чем выдумка.

— Слушай, дух! — сказал Честер, явно еле сдерживая себя.— Кентавры не врут!

— Постой, дай я все улажу,— быстро вмешался Бинк.— Вы нас определенно неправильно поняли. Мы ищем источник магии, но, возможно, мы ошибаемся насчет его местонахождения.

Хозяин потеплел:

— В это еще можно поверить. Под этим замком нет ничего, кроме водоворота. И ничто направляющееся в ту сторону не возвращается. Мы потому и называемся замком Преддверия, что охраняем водоворот и не даем ничего не подозревающим невинным существам утонуть и погибнуть ужасной смертью. А кто вам сказал, что то, что вы ищете, лежит в этом направлении?

— Ну, вообще-то волшебник...

— О! Никогда не доверяйте волшебникам! Они вечно что-нибудь напутают!

— Ну, возможно, и так,— неуверенно ответил Бинк, а Честер задумчиво кивнул.— Но он говорил так убедительно...

— Они такими и должны быть,— мрачно произнес владелец замка и резко перешел к другой теме: — Я покажу вам водоворот. Пожалуйста, сюда.

Он подвел их к внутренней панели. Когда он дотронулся до панели, она соскользнула в сторону. Перед ними оказалась стена из блестящего стекла. Нет, не из стекла, стена двигалась. На ней были заметны горизонтально двигающиеся неровности. Теперь, вглядевшись сквозь мутноватую стену, Бинк различил какие-то объемные формы. Это была колонна, возможно, диаметром раза в два больше разведенных рук Бинка, с полой серединой. На самом деле это оказался столб воды, крутящийся с большой скоростью. Или уходящий вниз по спирали...

— Водоворот! — воскликнул Честер.— Мы смотрим на нижнюю часть водоворота!

— Правильно! — с гордостью подтвердил хозяин.— Мы построили свой замок вокруг него и удерживаем его с помощью магии. В водоворот можно войти, но выхода из него нет. В его утробу бросают преступников и других нежелательных элементов, и они исчезают там навсегда. Чрезвычайно эффективное средство сдерживания.

Да уж! Толща стремительно мчащейся воды пугала и внушала благоговейный ужас своей неизбывной силой. И в то же время она притягивала — как песня сирены, как безумие.

Бинк отвел взгляд:

— И куда же она течет?

— Кто решится выяснить? — спросил хозяин в ответ, внушительно изогнув бровь. Он задвинул панель, и картина водоворота исчезла.— Ну, хватит об этом,— решил владелец замка.— Сейчас мы вас накормим и напоим, как положено, а потом пойдем смотреть наше представление.

Угощение было великолепно. За столом прислуживали красивые девушки, слегка прикрытые легкими зелеными одеждами; они льстили путешественникам своим преувеличенным к ним вниманием, особенно к Честеру. Девушек, казалось, восхищала как его мускулистая человеческая часть, так и великолепное конское продолжение. Бинк, как и раньше, подивился, что́ девушки находят в лошадях. Сирена ведь тоже так хотела покататься верхом!

Наконец, сытые до невозможности, Бинк с Честером прошли в театр. Сцена занимала в несколько раз больше места, чем зрительный зал. Очевидно, местные жители не так любили смотреть представления, как участвовать в них.

Занавес поднялся, и представление началось. Это была аляповатая костюмированная постановка, полная отважных воинов, упитанных женщин и веселых шутов. Сцены дуэлей впечатляли, но Бинк задумался, чего стоят эти воины со своим оружием в настоящем сражении. Разница между искусством владения оружием и нервным напряжением сражения огромна! Женщины были волшебно соблазнительны, но останутся ли они такими же, если снять с них все эти специально сшитые платья, и такими же остроумными, если отобрать у них заученные наизусть тексты?

— Вас не очень-то развлекает наша работа? — поинтересовался хозяин.

— Я предпочитаю жизнь,— ответил Бинк.

Хозяин сделал в своем блокноте пометку: «Больше реализма».

Затем представление перешло к музыкальной части. Героиня запела милую песенку о тоске и потере, раздумывая о сво-

ем неверном возлюбленном,— трудно представить, что какой-то болван, каким бы болваном он ни был, мог изменить столь желанному существу. Бинк опять вспомнил Хамелеошу и опять затосковал. Рядом с ним стоял поглощенный представлением Честер и, возможно, думал о том, как они вместе с Чери скакали по окрестностям Кентавровки. А Чери и правда кобылица-красавица.

И тут в песню влился мучительно прекрасный аккомпанемент. Флейта так великолепно и чисто вела свою партию, что голос певицы был посрамлен. Бинк глянул в сторону, откуда раздавались звуки, и увидел их источник — сверкающая серебряная флейта висела в воздухе рядом с героиней и играла сама по себе. Волшебная флейта!

Удивленная дама прекратила петь, а флейта все продолжала играть. Освободившись от тех ограничений, которые накладывал на ее игру голос певицы, она выводила мелодию удивительной сложности и красоты. Теперь уже все члены труппы стояли на сцене и слушали, и казалось, что для них это так же ново, как и для Бинка.

Хозяин вскочил на ноги.

— Кто пользуется магией? — спросил он.

Никто не отозвался. Все были поглощены происходящим.

— Очистить сцену! — крикнул хозяин с побагровевшим лицом.— Все вон! Вон, вон!

Слушатели медленно покидали сцену, исчезали в боковых проходах, оглядываясь на одинокий инструмент. Сцена опустела, а флейта все продолжала играть, переходя от одной мелодии к другой, и каждая новая мелодия была восхитительнее предыдущей.

Хозяин схватил Бинка за плечи.

— Твоя работа? — спросил он, казалось готовый задохнуться от гнева.

Бинк отвлекся от сцены.

— У меня нет такой магии,— сказал он.

Владелец замка вцепился в мускулистую руку Честера:

— Ты... тогда это твоя работа!

Честер повернул голову и посмотрел ему в лицо.

— Что? — спросил он, будто вынырнув из забытья.

В этот момент музыка стихла.

— Честер! — воскликнул Бинк.— Твой талант! Вся красота в твоей природе подавлена, потому что она связана с твоей музыкой, а как кентавр ты не можешь...

— Мой талант! — удивленно повторил Честер.— Значит, это был я! Я никогда бы не осмелился... И кто бы мог подумать...

— Сыграй еще,— настойчиво попросил Бинк,— дай еще разок послушать эту чудную музыку! Докажи, что у тебя есть магия, как и у твоего героя-дяди Германа-отшельника!

— Ладно! — согласился Честер.

Он сосредоточился. И снова появилась флейта. Она опять заиграла, сначала с остановками, а потом все более уверенно и красиво. И как ни странно, вполне заурядное лицо кентавра похорошело. Нет, это совсем не странно, вдруг сообразил Бинк: обычное грубое выражение лица кентавра объяснялось его постоянным недовольством. Сейчас недовольство растаяло: ворчать было уже не на что.

— Теперь ты не должен волшебнику никакой службы,— заметил Бинк,— ты сам обнаружил свой талант.

— Какая вопиющая наглость! — воскликнул хозяин.— Вы воспользовались нашим гостеприимством, обещая взамен сослужить нам службу и посмотреть представление в качестве зрителей. Но вы не зрители, вы — актеры. Вы нарушили наше соглашение!

И тут к Честеру вернулась его обычная надменность. В игре флейты проскочила фальшивая нотка.

— Пугало! — рявкнул кентавр.— Я просто подыгрывал песне, которую пела твоя певица. Давай продолжай пьесу, я досмотрю ее и буду аккомпанировать.

— Вряд ли это возможно,— мрачно сказал хозяин,— мы не потерпим выступления артистов, не входящих в нашу гильдию. У нас монополия.

— И что вы сделаете? — спросил Честер.— Закатите истерику? Я имел в виду, завернете проклятие?

— Ух, я бы не...— попытался предостеречь друга Бинк.

— Я не потерплю оскорблений от получеловека,— заявил хозяин.

— Ах так? — взорвался Честер.

Простым и оскорбительным жестом он собрал в кулак рубашку на груди хозяина и приподнял того над полом.

— Честер, мы их гости,— напомнил Бинк.

— Уже не гости! — задыхаясь, выпалил владелец замка.— Убирайтесь отсюда, пока мы не уничтожили вас за такую наглость!

— Моя наглость заключалась в игре на флейте? — насмешливо поинтересовался Честер.— А не запихать ли эту флейту тебе...

— Честер! — попытался предупредить дальнейшее Бинк, хотя его симпатии и были на стороне друга. Он решил сослаться на единственную личность, которая в состоянии сдержать гнев Честера: — Чери бы это не понравилось...

— Я и не собирался делать это с *ней,*— возразил Честер, потом, подумав, добавил: — По крайней мере, не флейтой...

Все это время кентавр держал хозяина на весу. Внезапно рубашка владельца замка порвалась, и тот позорно рухнул на пол. Даже более чем позорно — он приземлился как раз на свежий холмик земли.

На самом-то деле холмик смягчил приземление и уберег владельца замка от увечий. Но это только распалило его гнев.

— Грязь! — воскликнул он.— Это животное швырнуло меня в грязь!

— Там тебе и место,— сказал Честер.— Вообще-то я не хотел пачкать об тебя мою чистую серебряную флейту.— Он посмотрел на Бинка и добавил: — Я очень доволен, что она из серебра, а не какого-то там дешевого металла. Это все-таки говорит о качестве.

— Да,— поспешно согласился Бинк.— А теперь, если бы мы смогли убраться...

— Что делает грязь на моем бесценном паркете? — вопрошал хозяин.

Теперь вокруг них собралась толпа актеров и слуг, которые помогали владельцу замка подняться, отряхивали его и подхалимничали.

— Завитушечник,— с беспокойством сказал Бинк,— он опять нас нашел.

— Так это тоже ваш дружок! — взревел хозяин, восходя на новую ступень ярости.— Я должен был сразу догадаться! Он

первый получит проклятие! — И он направил дрожащий от переполнявших его эмоций палец на холмик земли: — Ну-ка все вместе! И раз, и два, и три!

Прокляторы схватились за руки и сосредоточились. На счет «три» вырвалось проклятие, оно вылетело из пальца хозяина и походило на разряд молнии.

Молния образовала огненный шар величиной с кулак и начала опускаться прямо на холмик свежей земли. Соприкоснувшись с землей, она то ли взорвалась, то ли ворвалась в тоннель. На мгновение тоннель осветился, и оттуда пахнуло чем-то едким. Ни земли, ни завитушечника, ни паркета в этом месте не осталось.

Владелец замка удовлетворенно взглянул на образовавшуюся в полу дыру:

— Этот завитушечник нас больше не побеспокоит. А теперь твоя очередь, получеловек.— Он поднял и навел на Честера свой ужасный палец: — И раз, и два...

Бинк рванулся вперед и толкнул хозяина под руку. Проклятие сорвалось с пальца и угодило в одну из колонн. Опять вспышка — и часть колонны исчезла в никуда.

— Взгляни, что ты наделал! — воскликнул хозяин, впадая в еще бóльшую ярость, если это, конечно, возможно.

Бинк не стал протестовать; вероятно, за это на первый взгляд случайное попадание ответствен его талант. В конце-то концов, проклятие должно было что-то разрушить.

Сам-то Бинк наверняка невредим, но вот с Честером дело хуже.

— Бежим! — крикнул Бинк.— Увези меня туда, куда не дотянутся эти проклятия!

Честер уже вытаскивал свой меч, но застыл на полпути:

— Правильно! Я-то могу постоять за себя, а вот ты всего лишь человек. Давай!

Бинк взгромоздился на спину кентавра, и они бросились наутек как раз в тот момент, когда хозяин начал творить новое заклинание-проклятие. Честер галопом пустился вдоль зала, его копыта оставались на удивление беззвучными — на них все еще были наклеены мягкие кружки. Прокляторы с воем кинулись в погоню.

— Где здесь выход? — крикнул Бинк.

— Откуда мне знать? Это в ведении птичьего клюва. А я всего лишь бывший гость этих гадов.

Старый добрый Честер! Весь из колючих насмешек и показухи.

— Мы где-то наверху,— сказал Бинк.— Учитывая, что они не пользуются лестницами, можно выбить окно и поплыть...— Он сунул руку в карман и нащупал пузырек, в котором заключались волшебник, Кромби и голем. Бинк еще покопался в кармане, пока не нашел пилюли для пребывания под водой: сейчас он не мог позволить себе ошибиться.— Нам лучше принять пилюли. Мы проторчали здесь больше двух часов.

Оба на бегу проглотили пилюли. Теперь они готовы окунуться в воду, если, конечно, таковую найдут. Погоня отстала — ни одному человеку не сравниться в скорости с кентавром.

У Бинка промелькнула еще одна мысль.

— Нам надо не выбираться отсюда, а попасть вниз, под замок. Вниз, к источнику магии.

— От которого они так старались нас отпугнуть,— согласился Честер.

Кентавр быстро и точно развернулся, прямо как когда уклонялся от взрывающихся ананасок; уткнувшись передними ногами в землю, он развернул вокруг них все свое тело. Затем он пустился вскачь обратно по тому же пути, по которому только что бежал.

— Постой! — закричал Бинк.— Это же самоубийство! Мы даже не знаем, где находится вход в водоворот!

— Водоворот должен быть в центре замка — это закон архитектурной устойчивости,— сказал Честер.— Кроме того, у меня хорошо развито чувство направления. Я примерно представляю, где он находится. А вход туда я готов сделать сам.

Бинк совсем забыл, что за грубой внешностью кентавра кроется незаурядный ум. Честер знал, что делает.

Они завернули за угол и врезались в толпу преследующих их проклятий. Люди полетели в разные стороны, но из середины этой неразберихи всплыло проклятие и устремилось вслед за Честером.

Бинк оглянулся, чтобы посмотреть на него.

— Честер, беги! — закричал он.— У тебя на хвосте висит проклятие!

— На хвосте! — негодующе воскликнул Честер и устремился вперед.

Он не боялся повреждений на своем лице, но вот задняя часть для него была священна.

Направленное в цель проклятие неуклонно преследовало их.

— Нам не убежать от него,— сказал Бинк,— оно так же нацелено на нас, как то, другое, было нацелено на огра.

— Нам что, поклясться, что мы не будем больше грызть костей?

— Ну, я и так не особый поклонник человеческих костей!

— Я думаю, водоворот впереди,— сказал кентавр.— Держись крепче — сейчас я в него прыгну!

Он прыгнул на глухую деревянную панель. Панель разлетелась в щепки от удара его передних копыт, и Бинк с Честером вывалились прямо в водопад.

Последней мыслью Бинка, перед тем как их, яростно крутя по кругу, опуская все ниже и ниже и открывая взору ужасный отблеск темного центрального провала, поглотил водоворот, было: что станет теперь с преследующим их проклятием? А затем — тоже по спирали — он начал терять сознание.

Глава 10

НИМФА ДРАГОЦЕННОСТЕЙ

Бинк пришел в себя голым и изрядно помятым, но незамерзшим. Он лежал, растянувшись на берегу теплого мерцающего озера. Побаиваясь хищников, Бинк быстро вытащил ноги из воды.

Он услышал стон. Чуть дальше на берегу лежал кентавр, раскинув все свои шесть конечностей в разные стороны. Спуск по водовороту оказался необычайно опасным — не будь у них пилюль для пребывания под водой, они бы несомненно утонули. Бинк с трудом поднялся на ноги и побрел к своему другу.

— Честер! Ты в...

Он замолк на полуслове. На песке он увидел сверкающую звездочку или драгоценный камень. Как это ни глупо, но он задержался и подобрал ее, хотя безделушка была ему совершенно без надобности. Она оказалась обычным осколком стекла.

Честер застонал опять и поднял голову.

— Нужно нечто посильнее обычного водоворота, чтобы вышибить дух из кентавра,— сказал он.— Но возможно, *ненамного* сильнее...

Бинк преодолел остававшееся между ними расстояние и помог другу подняться.

— Эй, ты что, зарезать меня собрался? — спросил Честер.

— А, извини. Я подобрал этот осколок...— Он опять замолк, уставившись на осколок.— Там что-то есть! Это же...

Честер поднялся на ноги.

— Дай-ка взглянуть.— Он протянул руку, чтобы взять осколок. Его глаза сделались круглыми от удивления.— Да это же Хамфри!

— Что?

Бинк решил, что он ослышался.

— В полумраке плохо видно, но я уверен — это он. Определенно он. Это, должно быть, осколок волшебного зеркала, случайно выброшенный на берег. Что случилось с добрым волшебником?

— Я потерял пузырек! — в ужасе воскликнул Бинк.— Он лежал у меня в кармане...— Его рука скользнула по телу в том месте, где должен был находиться карман.— Зеркало было у него с собой. Как мог даже всего лишь осколок попасть из бутылки сюда, если...

— Если бутылка не разбилась,— закончил его мысль Честер.— В таком случае...

— В таком случае они на свободе. Но где... и в каком состоянии? У них же не было пилюль для пребывания под водой.

— Если они выбрались как раз в тот момент, когда проклятие догнало...

Честер внимательно посмотрел на осколок стекла:

— С Хамфри на первый взгляд ничего не случилось, а у него за спиной я вижу и грифона. Однако я думаю, они все еще в бутылке.

Бинк посмотрел на осколок:

— Они там! Я вижу круглые стенки пузырька и обстановку. Кое-что съехало со своего места, но бутылка не разбилась.— Он несколько успокоился. Разбитый пузырек вполне мог стать концом для его друзей.— А у них в руках другой осколок зеркала! — Он поднял руку и помахал: — Эй, ребята!

Хамфри беззвучно помахал ему в ответ.

— Он видит нас в своем осколке! — воскликнул Честер.— Но это же невозможно, ведь разбитое зеркало находится снаружи, здесь.

— В магии нет ничего невозможного,— сказал Бинк. Это утверждение, конечно, было избитым штампом, и в данный момент он в нем слегка усомнился.

— Смотри, какой там кавардак,— сказал Честер,— пузырек, наверное, обо что-нибудь ударился.

— И зеркало разбилось, а осколок от него прилетел прямо сюда,— неуверенно проговорил Бинк,— как раз туда, где мы его смогли найти. Слишком много совпадений, даже если поверить в такую возможность.

— А чему еще нам верить? — спросил Честер.

Крыть Бинку было нечем. Его талант действовал под прикрытием совпадений, и здесь наверняка не обошлось без него. Но было бы проще, если бы вместо осколка зеркала к берегу подплыла сама бутылка с волшебником.

— Мы их видим, но не слышим. Может, если мы напишем им записку...— предложил Бинк.

Но, для того чтобы написать записку, у них ничего не было.

— Если мы сумеем найти пузырек, то сможем их выпустить,— заметил Честер.

Казалось, теперь он чувствовал себя гораздо лучше, по крайней мере физически.

— Да,— согласился Бинк. Он поднес осколок поближе к лицу и, четко артикулируя каждый звук, спросил: — Где вы?

Хамфри развел руками. Он указал на стенку пузырька. За ней бурлила вода, оставляя извилистые фосфоресцирующие полосы вдоль стен. Пузырек был где-то в реке, и его несло по течению... Но куда?

— Думаю, от этого зеркала большой пользы не будет,— сказал Честер.— Кромби может определить, где мы, но не в состоя-

нии добраться до нас. Мы можем добраться до пузырька, но не в состоянии его найти.

— Надо пойти вниз по реке,— сказал Бинк.— Она наверняка начинается здесь, в озере, в водовороте, и течет куда-то по своему руслу. Но если мы пойдем по реке...

— То задержимся с поиском источника магии,— закончил Честер.

Бинк призадумался над этим.

— Поиски подождут,— решил он,— мы должны спасти друзей.

— Пожалуй, что так,— согласился кентавр.— Даже этого нахального грифона.

— Тебе действительно так не нравится Кромби?

— Хм... он задира, такой же, как и я. Но я полагаю, что в этом его винить не стоит. Я бы хотел помериться с ним силой, так, разок, просто для интереса.

Мужское соперничество — что ж, Бинк это прекрасно понимал, он и сам временами испытывал такое.

Но сейчас им предстояли более важные дела.

— Я хочу пить,— сказал Бинк.

Он пошел обратно к берегу.

— А ты не обратил внимания,— заметил Честер,— что в озере нет никакой жизни? Ни рыб, ни монстров, ни водорослей, нет даже прибрежных животных...

— Нет жизни,— повторил Бинк.— Но с нами же все в порядке, так что...

— А мы еще из него не пили. А если и пили, то свежую воду из водоворота, когда находились под действием пилюль.

— Правда,— согласился Бинк и почувствовал себя очень неуютно.

— Я подумал, может, пробка в пузырьке у Хамфри ослабла и он, раскусив, что это за вода, закрыл пробку снова, а зеркало разбилось до того, как они с Кромби вернулись в пузырек.

— Возможно,— согласился Бинк.— Лучше не рисковать. Скоро нам потребуется еще и пища. Давай-ка осмотримся. Мы не сможем освободить волшебника, если не позаботимся о себе.

— Правильно,— согласился Честер.— И первое, что надо сделать, это...

— Найти мою одежду,— закончил Бинк.

Одежда вместе с мечом Бинка лежала дальше по берегу. Вот это повезло! Правда, не до конца — пузырька в кармане не оказалось. А Честер сохранил все свое оружие вплоть до лассо, так что был в полной боевой готовности.

Они пошли по проходам пещеры, оставив подозрительную реку за спиной. Их глаза привыкли к полумраку подземного мира. Бинк надеялся, что они не наткнутся здесь на полушек, но вслух эту мысль высказывать не стал. Нет смысла без толку волновать Честера. Они старались отмечать свой путь крестиками на земле и ставили их как можно чаще, но Бинк сомневался в эффективности этого метода. Время шло, а конца пути не было видно, особенно если учесть, что они понятия не имели, куда идут.

Поначалу Бинк просто хотел пить, но теперь, когда он знал, что воды нет, его стала мучить жажда. Сколько еще идти, прежде чем...

Внезапно они увидели свет, настоящий свет, а не тусклое мерцание тоннелей. Они осторожно заспешили вперед и наткнулись на волшебный фонарь, подвешенный к выступу скалы. Его мягкое свечение было обнадеживающим знаком, но больше ничего интересного здесь не обнаружилось.

«Люди... или гоблины»,— с надеждой и страхом подумал Бинк.

Честер снял фонарь и внимательно его изучил.

— Мне кажется, это дело рук фей,— сказал он.— Гоблинам ведь не больно-то и нужен свет, да и работа для них слишком тонкая.

— И феи не всегда бывают дружелюбны,— заметил Бинк.— Но все же лучше рискнуть, чем умереть от голода в одиночестве.

Они взяли фонарь и пошли дальше, обретя хоть маленькую, но надежду. Однако больше ничего не случилось. Похоже, кто-то зажег фонарь, оставил его и ушел. Странно.

Усталые, грязные, голодные и томимые жаждой, они устроили привал на большом валуне.

— Надо отыскать что-нибудь поесть или, по крайней мере, попить,— сказал Бинк, стараясь не выдавать своего волнения.—

В главном тоннеле нет ни того ни другого, но...— Он замолчал и прислушался.— Это...

Честер, внимательно прислушавшись, склонил голову:

— Так и есть. Капает вода. Я не хотел об этом говорить, но у меня тоже от жажды язык присох к нёбу. Если нам удастся...

— Мне кажется, капает за этой стеной. Может, если мы...

— Отойди-ка.

Кентавр повернулся к подозрительной стене лучшей своей половиной и ударил в нее копытом.

Обвалился большой кусок. Теперь звук стал громче — вода бежала по камням.

— Дай я залезу туда,— сказал Бинк,— и если мне удастся набрать пригоршню...

— Просто на всякий случай,— сказал кентавр, взяв свою веревку и обвязав ее вокруг пояса Бинка.— Мы не знаем, что нас ожидает там, в темноте. Если ты провалишься в какую-нибудь дыру, я тебя вытащу.

— Хорошо,— согласился Бинк.— Давай я возьму волшебный фонарь.

Он протиснулся в дыру. Когда он пролез через завал, то оказался в более просторной пещере неправильной формы, дно которой под небольшим уклоном уходило куда-то в темноту. Звук текущей воды исходил из темноты.

Бинк начал осторожными шагами пробираться вперед, таща за собой веревку. Соблазняющий звук струящейся воды становился все громче. Двигаясь на этот звук, Бинк добрался до расщелины на дне пещеры. Он поднес к расщелине фонарь. Теперь наконец внизу стал виден отблеск ручейка. Бинк попытался дотянуться до воды и коснулся ее, как раз когда его плечо уперлось в стену.

Но как поднять воду наверх? После недолгих размышлений Бинк отодрал от уже и так порванной одежды лоскут и опустил его в воду. Он дал лоскуту основательно набухнуть, а потом вытащил его наверх.

Пока он этим занимался, вдали послышалось пение. Бинк тревожно замер. Неужели донные прокляторы добрались сюда? Нет, это маловероятно, они водяные жители, а не пещерные, к тому же, по собственному признанию владельца поместья,

они совсем не представляли, что делается под ними, в этих местах. Это, наверно, кто-то из пещерных обитателей. Может быть, владелец этого волшебного фонаря.

К тому времени, когда Бинк поднес лоскут, с которого капала вода, ко рту, пение слышалось уже совсем близко. Почувствовался запах свежих цветов. Бинк сунул намокший конец лоскута в рот и начал сосать. Холодная чистая влага наполнила рот. Это была самая вкусная вода, какую он когда-либо пробовал!

Затем случилось нечто странное. Бинк ощутил приступ головокружения, но не вызывающий тошноту, нет, а необычайно приятный. Он почувствовал себя живым, полным сил, согретым теплотой человеческого духа. Воистину чудесная вода!

Он опять опустил лоскут в расщелину и набрал воды для Честера. Не самый удобный способ напиться, но все же лучше, чем ничего. Пока Бинк лежал, набирая воду, он опять услышал пение. Пела нимфа, голос у нее был несовершенным, но молодым, приятным и радостным. По телу Бинка пробежала волнующая дрожь.

Бинк вытащил тряпку и положил ее на дно пещеры. Затем взял фонарь и направился на звук пения. Голос исходил из той части пещеры, которая лежала за расщелиной. Вскоре веревка натянулась. Он отвязал ее, бросил на пол и пошел дальше.

Теперь он увидел луч света, пробивавшийся из трещины в стене. Певица находилась в помещении, расположенном за этой стеной. Бинк встал на колени и приложил глаз к трещине.

Нимфа сидела на серебряном стульчике, роясь в бочонке, набитом драгоценными камнями. Камни отбрасывали разноцветные блики на стены пещеры. Это была самая что ни на есть настоящая нимфа — длинные голые ноги, крохотная юбчонка, едва прикрывавшая ягодицы, гибкая талия, полная грудь, а на лице огромные наивные глаза. Ее волосы сверкали не хуже бочонка с драгоценными камнями. Бинк и раньше много раз видел таких нимф — каждая из них связана с каким-нибудь деревом, скалой, озером, ручьем, горой, но все они настолько на одно лицо, что их красота примелькалась. Казалось, какой-то волшебник установил идеал женской красоты и разбросал его для украшения по всем землям Ксанфа, привязав каждую

нимфу к определенному месту так, чтобы их расселение было равномерным. Поэтому в нимфе нет ничего особенного. А вот драгоценные камни, наоборот, были небывалым сокровищем.

И все же Бинк только мельком взглянул на камни. Его взгляд не отрывался от нимфы. Она — он это почувствовал — была само очарование.

«Что я делаю?» — спросил он себя. И это в то время, когда Честер ждет его с водой! Ему здесь совершенно не место! Но вместо ответа он лишь страстно вздохнул.

Нимфа услышала его. Она встревоженно подняла глаза, оборвала свою немудреную мелодию, но увидеть Бинка не смогла. Нимфа недоуменно тряхнула своими девичьими кудрями и вернулась к прерванному занятию, очевидно решив, что вздох ей померещился.

— Да я здесь,— закричал Бинк, к собственному удивлению,— за стеной я!

Она издала короткий мелодичный визг, вскочила и убежала. Бочонок опрокинулся, и драгоценные камни разлетелись по всему полу.

— Подожди! Не убегай! — крикнул Бинк.

Он с такой силой ударил в стену кулаком, что та треснула. Бинк отломал несколько кусков, расширил лаз и спрыгнул в комнату. Он поскользнулся на нескольких жемчужинах, но, немного протанцевав, удержал равновесие.

Теперь он замер и прислушался. В пещере стоял странный запах — запах, напоминающий дыхание нападающего дракона, который чувствует его жертва в тот момент, когда он ее настигает. Бинк беспокойно огляделся, но дракона нигде не было видно. Вокруг стояла тишина. Почему он не слышит, как бежит нимфа?

После недолгих раздумий Бинк понял. Нимфа могла испугаться и побежать, но она вряд ли оставит без присмотра свои сокровища. Очевидно, она забежала за первый же угол и теперь наблюдает за ним из своего укрытия.

— Пожалуйста, мадемуазель,— позвал Бинк,— я не желаю тебе ничего плохого. Я только хочу...

«Обнять тебя, целовать тебя...»

Пораженный, он на полном ходу остановил свои мысли. Он же женатый человек! Что он делает, преследуя незнакомую нимфу? Он должен вернуться к Честеру, принести ему воды...

И опять он затормозил свои мысли. О нет!

Однако он почти не сомневался в своих внезапных эмоциях. Он испил из источника и влюбился в первую же девушку, которую встретил. Это, наверное, был Источник любви!

Но как его талант допустил такое?

Ответ был до боли прост. Лучше бы Бинк об этом и не думал. Его таланту безразличны его чувства или чувства других. Его талант защищал его физически — его личное благополучие. Он, наверное, решил, что его жена, Хамелеоша, представляет для него какую-то угрозу, и поэтому нашел для него другую любовь. Его не удовлетворила их временная разлука, вот он и решил сделать ее постоянной.

— Я на это не согласен! — закричал Бинк.— Я люблю Хамелеошу!

И это было правдой. Любовные напитки не отменяют уже существующих отношений. Но теперь Бинк любил еще и нимфу, и вот нимфа-то сейчас была намного доступней.

Неужели у него появились разногласия с его талантом? У Бинка были этические нормы — у таланта их не было; Бинк был цивилизованным созданием — талант был примитивен. Тогда кто же должен взять верх?

Он боролся, но преодолеть действие Источника любви не мог. Если бы Бинк только предвидел, к чему клонит его талант, он бы отказался от этого и не пил из источника, но теперь он пал жертвой внезапной страсти. Хорошо, он разберется со своим талантом в свое время.

В магии все честно.

— Нимфа, иди сюда и назовись, а то я украду все твои сокровища! — заорал он.

Она не ответила, тогда он поставил опрокинутый бочонок и начал собирать в него драгоценности. Разнообразие содержимого бочонка просто поражало — здесь были алмазы, жемчуг, опалы, изумруды, сапфиры и масса других камней. Как нимфа раздобыла такое богатство?

Тут, выглядывая из-за поворота тоннеля, появилась и нимфа. Одновременно Бинк почувствовал легкий запах лесных цветов.

— Но мне нужны эти сокровища,— возразила она.

Бинк не отрывался от своего занятия. Бочонок все больше наполнялся камнями.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— А тебя?

Теперь появился запах оленьей мушки, осторожно выглядывающей на край полянки.

— Я первый спросил.— Он хотел отвлечь нимфу разговорами, пока не поймает ее.

— Но незнакомец-то ты,— заметила она с типичной женской логикой.

Ну что ж. Ее логика ему понравилась. Он понимал, что это эффект источника — он уже был пленником ее кокетства.

— Меня зовут Бинк.

— А я Самоцветик,— сказала она.— Нимфа Драгоценностей, если тебе нужно полное имя. А теперь отдай мне мои камни.

— С удовольствием, Самоцветик, но за поцелуй.

— За кого ты меня принимаешь? — в типичной для нимф манере возразила она.

Теперь появился запах дезинфекции на сосновом масле.

— Это-то я и хочу выяснить. Расскажи мне о себе.

Она отступила в глубь комнаты, не доверяя ему.

— Я просто горная нимфа. Я слежу за тем, чтобы все драгоценные камни были надежно спрятаны в земле, так чтобы гоблины, драконы, люди и прочие существа могли их добывать.— Бинк почувствовал запах усталых людей и гоблинов.— Это очень важно, иначе все эти существа станут еще более дикими, чем теперь. Добыча камней дает им хоть какое-то занятие.

Так вот как в земле появляются камни. Бинка это всегда удивляло, скорее, обязательно удивило бы, подумай он об этом.

— Но где же ты их берешь, чтобы потом прятать?

— О, да они просто появляются по волшебству. Бочонок никогда не пустеет.

— Правда?

— Смотри, он уже переполнился, оттого что ты пытаешься положить камни назад. Он не рассчитан на то, чтобы камни клали в него обратно.

Бинк с удивлением посмотрел на бочонок. Так и есть. Он предположил, что бочонок пуст, не проверив это предварительно, потому что все его внимание было поглощено нимфой.

— Как мне теперь управиться с лишними камнями? — с милым раздражением вопросила она.— Обычно на то, чтобы спрятать один камень, уходит около часа, а ты тут раскидал сотни.

Она топнула своей милой маленькой ножкой, явно не зная, как лучше выразить свое раздражение. В нимфах главное внешность, а не чувства.

— Я? Да это *ты* рассыпала их, когда удирала,— возразил Бинк.— Я как раз собираю их.

— Ну и что, все равно это твоя вина, ведь ты напугал меня. Что ты делал там, за стеной? Там никого не должно было быть. Поэтому-то и поставлена эта стена. Вода...— Она с тревогой умолкла.— Ты не...

— Пил,— признался Бинк.— Меня мучила жажда и...

Она снова взвизгнула и убежала. Нимфы очень пугливы по своей природе. Бинк продолжал собирать камни и складывать их в кучку рядом с бочонком, зная, что она все равно рано или поздно вернется. Он ненавидел себя за это, понимал, что должен оставить нимфу в покое, но остановиться уже не мог. И он чувствовал, что должен, насколько может, помочь ей справиться с образовавшимся беспорядком, так как куча камней рядом с бочонком все росла и росла.

И опять из-за угла выглянула Самоцветик:

— Если бы ты просто ушел и дал мне...

— Нет, я не уйду, пока не разберусь с этим беспорядком,— сказал Бинк.— Ты же сама сказала, что это моя вина.

Он положил огромный яйцеобразный опал на вершину кучи, и куча осела под тяжестью этого последнего камня, и все камни разъехались в разные стороны. Вся его работа пошла насмарку.

Нимфа осторожно приблизилась:

— Нет, прав ты. Это я все рассыпала. Я как-нибудь справлюсь с этим сама. А ты просто... просто уйди. Ну пожалуйста.

Его нос почувствовал запах клубов пыли, будто табун кентавров пронесся по сухой летней дороге.

— Твой волшебный талант! — воскликнул он.— Твой волшебный талант — запахи!

— Ничего подобного,— сказала она слегка оскорбленно.

Теперь запах пыли сменился запахом горящего масла.

— Я хочу сказать, что ты можешь делать... Ты пахнешь в соответствии со своими чувствами.

— А, это.— Запах масла превратился в приятный аромат.— Да. А у тебя какой талант?

— Этого я не могу сказать.

— Но я-то тебе про свой сказала. Будет только честно, если...

Теперь она подошла так близко, что он мог до нее дотянуться. Бинк схватил ее. Она опять очаровательно заверещала и начала вырываться, но не так чтобы очень сильно. Это тоже свойство нимф — с ними чувствуешь себя восхитительно, и не требуется особых усилий. Он притянул ее к себе и крепко поцеловал в губы. Обнимать ее было приятней всего на свете, а губы ее казались ему слаще меда. По крайней мере, именно им они и пахли.

— Не очень красиво с твоей стороны,— сказала она, оттолкнув его, когда он закончил поцелуй, но вид у нее был не очень-то и сердитый.

Теперь от нее запахло свежевспаханной землей.

— Я люблю тебя,— сказал Бинк.— Пойдем со мной...

— Я не могу пойти с тобой,— сказала она, запахнув свежескошенной травой.— Мне надо заниматься своим делом.

— А мне своим,— сказал Бинк.

— А что у тебя за дело?

— Я ищу источник магии.

— Но это где-то там, внизу, в центре мира или что-то в этом роде,— сказала она.— Ты не сможешь туда пройти. Там и драконы, и гоблины, и крысы...

— Мы привыкли к ним,— сказал Бинк.

— А я не привыкла! Я боюсь темноты! Я не могу пойти туда, даже если...

Даже если и захочет. Потому что, конечно же, она не любит его. Она ведь не пила из Источника любви.

Бинку в голову пришла пакостная мыслишка.

— Пошли попьем вместе! И тогда мы сможем...

Она начала вырываться, и он отпустил ее. Меньше всего на свете он хотел бы заставить ее страдать!

— Нет, я не могу позволить себе любовь. Я должна спрятать все камни.

— Но что же мне тогда делать? С того самого момента, как я тебя увидел...

— Тебе просто надо найти противоядие,— сказала она и запахла только что зажженной свечкой — свечка символизировала ее блестящую идею.

— А есть противоядие? — Об этом он и не подумал.

— Должно быть. На каждое волшебство есть противоположное. Где-нибудь. Тебе остается лишь найти его.

— Я знаю, кто может найти его,— сказал Бинк.— Мой друг Кромби.

— У тебя есть друзья? — удивилась она и запахла вспугнутой птицей.

— Конечно, у меня есть друзья!

— Я имела в виду, здесь, под землей. Я думала, ты здесь один.

— Нет, не один. Я пошел искать воды для себя и Честера. Мы...

— Честера? Мне показалось, твоего друга зовут Кромби.

— Честер — кентавр. Кромби — грифон. А еще есть волшебник Хамфри и...

— Волшебник! — воскликнула она с уважением.— И вы все ищете источник магии?

— Да. Это хочет узнать король.

— И король тоже с вами?

— Нет,— ответил Бинк и на миг почувствовал раздражение,— король поручил поиски мне. Но у нас возникли трудности, мы потеряли друг друга и...

— Я думаю, будет лучше, если я покажу тебе, где есть вода,— решила Самоцветик.— И пища. Вы, наверное, еще и голодны.

— Ага,— сказал Бинк и попытался схватить ее.— А мы с удовольствием взамен...

— О нет! — закричала она, отскакивая от него с соблазнительным подрагиванием всей своей анатомии и запахом дыма от ореховых дров.— Нет, пока ты не выпьешь противоядие.

Вот так-то.

— Мне действительно надо вернуться к Честеру,— сказал Бинк.— Он будет волноваться.

Она на время задумалась.

— Бинк, мне очень жаль, что все так получилось. Приводи своих друзей, и я их накормлю. Но потом вам на самом деле придется уйти.

— Хорошо,— сказал Бинк, медленно направляясь к дыре в стене.

— Не сюда! — закричала она.— Обойди вокруг по обычным проходам.

— Но я не знаю дороги! У меня нет огня. Я должен вернуться обратно по веревке.

— Ни в коем случае!

Она подхватила свой волшебный фонарь, точно такой же, какой Бинк нашел висящим в проходе, и твердо взяла Бинка за руку:

— Я знаю все пещеры в округе. Я найду для тебя твоего друга.

Бинк испытывал удовольствие от того, что его ведут. Даже без любовного зелья он находил в Самоцветике определенные достоинства. Она вовсе не одна из тех пустоголовых нимф, которых обычно связывают с морской пеной или лесными курочками; у нее были и целеустремленность, и достоинство, и чувство долга. Несомненно, это ответственная работа по укрытию драгоценностей так повлияла на нее. И все же, несмотря на любовный напиток, ему рядом с ней делать нечего! Как только его друг будет накормлен, Бинк должен ее покинуть. Бинк задумался о том, как долго действует любовный напиток. Некоторые заклинания были временными, другие не теряли силы всю жизнь.

Они начали кружить по пересекающимся тоннелям и очень скоро нашли Честера, все еще ожидавшего Бинка возле пролома в стене.

— А вот и мы! — окликнул его Бинк.

Честер подпрыгнул так, что все его четыре копыта оторвались от земли.

— Бинк! — воскликнул он.— Что случилось? Кто эта нимфа?

— Честер — Самоцветик. Самоцветик — Честер,— представил их друг другу Бинк.— Я...— Он замялся.

— Он выпил любовный напиток,— весело сказала Самоцветик.

Кентавр сделал такой жест, будто вырвал два клока из своей гривы:

— Таинственный враг опять нанес удар!

Об этом Бинк не подумал. Конечно же, это самое разумное объяснение тому, что произошло! Талант Бинка его не предал, но и не защитил от нефизической угрозы. Итак, враг заработал еще одно очко. Как Бинк сможет продолжать поиски источника магии, если его сердце будет привязано к этим пещерам?

Но ведь его сердце привязано и к дому, к Хамелеоше. И это одна из причин, почему он отправился на поиски. Так что... ему придется с этим смириться.

— Если мы снова соединимся с волшебником и Кромби, может быть, Кромби сумеет показать, где находится противоядие,— сказал Бинк.

— А где остальные твои друзья? — спросила Самоцветик.

— Они в пузырьке,— объяснил Бинк.— Но мы можем связаться с ними с помощью осколка волшебного зеркала. Я сейчас представлю тебя им.— И он полез в карман за осколком зеркала. Но его рука ничего не нашла.— Ой, я потерял осколок! — Он вывернул карман. В кармане была дыра: острые края осколка проделали дыру, и осколок исчез из кармана.— Ну, как-нибудь мы их все же найдем,— ошарашенно проговорил он.— Мы не отступимся, пока не сделаем этого.

— Похоже, так будет лучше всего,— мрачно согласился Честер.— Однако нам придется взять с собой и нимфу.

— Почему? — спросил Бинк, испытывая противоречивые чувства.

— При снятии заклинания должен присутствовать и объект, на который направлены чары; эти противоядия действуют именно таким образом. Ты влюбился в первую женщину, встретившуюся тебе после того, как ты отведал любовного напитка, и должен разлюбить ее в той же последовательности.

— Я не могу пойти с вами! — запротестовала Самоцветик, но взглянула на Честера так, словно хотела прокатиться на его спине.— У меня уйма работы.

— А сколько ты наработаешь, если Бинк останется здесь? — спросил Честер.

Она всплеснула руками, чисто женским жестом выражая свое отчаяние:

— Идем в мое жилище. Мы обсудим это потом.

Жилище нимфы оказалось таким же милым, как и она сама. Самоцветик жила в нескольких пещерах, полностью убранных коврами — ковер простирался по полу, закрывал стены и потолок, и все это цельным полотном, если не считать круглого отверстия для входа. Здесь не было ни стульев, ни стола, ни кровати; казалось, нимфа может с одинаковым комфортом рассесться или разлечься где угодно.

— Надо что-то придумать с твоей одеждой,— сказала она Бинку.

Бинк посмотрел на себя. Его одежда после купания в водовороте и озере высохла прямо на нем и сейчас зияла большими прорехами.

— Но это все, что у меня есть,— сказал он с сожалением.

— Ты можешь ее вычистить и высушить,— сказала она.— Иди в будуар и положи вещи в очиститель. Это не займет много времени.

Бинк зашел в указанную комнату и задернул занавеску. Он нашел очиститель; это было устройство, напоминающее очаг, расположенный в алькове, через него проходил теплый воздух, обвевая его шорты и рубашку. Бинк поместил свою одежду в очиститель и подошел к углублению вроде миски, через которое пробегал ручеек воды. Оно располагалось под отполированной до блеска каменной стеной. Зеркало. Женское тщеславие всегда требует зеркала!

Увидев в зеркале свое отражение, Бинк ужаснулся — он сам был еще грязнее, чем его одежда. Волосы спутались и прилипли ко лбу. Появилась борода — в своей начальной уродливой фазе. Когда он пролезал через пролом в стене, на его лицо и тело налипла земля. Он выглядел совсем как юный огр. Ничего удивительного, что нимфа испугалась, увидев его в первый раз!

Он побрился острым лезвием своего меча; чтобы побриться и подровнять бакенбарды подобающим образом, у него не было специальной волшебной щетки. Затем он сполоснул и приче-

сал волосы. Он обнаружил свою одежду сухой, чистой и выглаженной — очевидно, этим занимался не только теплый воздух. Порванный рукав был настолько тщательно зашит, что отсутствие в нем лоскутка казалось преднамеренным. Он подумал, что в этих пещерах, наверно, циркулирует магическая пыль, которая и расширяет возможности таких устройств, как очиститель. У нимфы, кажется, имеется много волшебных приспособлений для удобства, и жизнь у нее вполне комфортабельная. К такому образу жизни будет легко привыкнуть...

Он потряс головой. Это говорит любовный напиток, а не здравый смысл! Надо быть начеку и остерегаться подобной логики. Ему здесь не место, и он должен уйти, когда выполнит свое задание, хотя, может быть, и оставит здесь частичку своего сердца.

Он аккуратно оделся и даже свои сапоги пропустил через очиститель. Как жаль, что вместо его сапог вода не выбросила на берег бутылочку с волшебником!

Когда он вышел, Самоцветик посмотрела на него с изумленным восхищением:

— А ты красивый мужчина!

Честер криво улыбнулся:

— Думаю, раньше это трудно было заметить. Может, если мне умыться, я тоже преображусь?

Все рассмеялись, но смех получился натянутым.

— Мы должны отплатить тебе за гостеприимство и помощь,— сказал Честер, когда смех постепенно затих.

— Мое гостеприимство бесплатное, и плата его только унизит,— сказала Самоцветик.— А моей помощью вы пользуетесь против моей воли. За рабский труд не платят.

— Нет, Самоцветик! — воскликнул Бинк, оскорбленный в своих лучших чувствах.— Я никогда не принудил бы тебя к чему-нибудь силой и никогда не причинил бы тебе вреда!

Она смягчилась:

— Знаю, Бинк. Ты выпил любовный напиток; ты не причинишь мне вреда. Но я должна помочь тебе найти твоих друзей, чтобы они помогли тебе найти противоядие, а значит, мне придется оставить на время мою работу...

— Тогда мы поможем тебе выполнить твою работу! — сказал Бинк.

— Вы не сможете. Вы не знаете, как сортировать драгоценные камни и где их прятать. Но даже если вы с этим и справитесь, индрик не будет работать для вас.

— Индрик?

— Мой зверь-работяга. Он проникает в скалы, туда, где я должна спрятать камни. Он слушается только меня, и то лишь когда я пою. Он работает только за песни, больше ни за что.

Бинк обменялся взглядами с Честером:

— После того как поедим, мы покажем тебе нашу музыку.

Пища у Самоцветик была незнакомая, но великолепная. Нимфа подала разнообразные грибы и фрукты, которые, как она объяснила, растут при помощи магии и не нуждаются в свете. Некоторые на вкус оказались прямо как бифштекс из дракона, некоторые — как жареная картошка, только что снятая с горячего картофельного дерева; а на десерт было нечто похожее на свежий шоколадный пирог от коричневой коровы — такой круглый, мягкий и с кислинкой, он прямо-таки парил над тарелкой. У нимфы был и какой-то белый порошок, который она смешивала с водой и получала великолепное молоко.

— Знаешь,— прошептал Честер на ухо Бинку,— а ты, после того как выпил любовное зелье, мог ведь встретить нимфу и похуже.

Бинк ничего не ответил. После любовного зелья он мог полюбить и гарпию, какой бы уродиной та ни была. Любовный напиток совершенно не заботился о последствиях. Магия без стыда и совести. Но на самом деле, как понял, к своему ужасу, Бинк, именно такие источники повлияли на всю историю Ксанфа. Первоначальные, не магические виды перемешались, и получились такие гибриды, как химеры, гарпии, грифоны и... кентавры. И кто скажет, что это плохо? Что стало бы с землями Ксанфа, не будь на них благородных кентавров? И все же выпитый Бинком любовный напиток в данный момент причинял огромнейшие неудобства. По логике вещей Бинк должен был оставаться дома, с женой, но вот если следовать чувствам...

Честер поел. Он сосредоточился, и появилась серебряная флейта. Она восторженно заиграла. Самоцветик так и застыла, вслушиваясь в серебристую мелодию. Затем она начала подпе-

вать. Ее голос звучал не так чисто, как флейта, но очень красиво сочетался с ней. Бинк был очарован, и, как он сам себе признался, был бы, наверное, очарован и без любовного напитка.

В комнату заглянуло какое-то совершенно нелепое существо. Флейта стихла на полуноте, а в руке Честера тут же появился меч.

— Убери руки, кентавр! — воскликнула Самоцветик.— Это и есть мой индрик!

Честер не стал нападать, но его меч оставался в готовности.

— Он похож на гигантского червя!

— Да,— согласилась нимфа,— он сродни вжикам и завитушечникам, но намного крупнее и медлительнее. Он землерой, нельзя сказать, что он делает это блестяще, но в моей работе он незаменим.

Честер решил, что причин для беспокойства нет.

— Я думал, что видел всех обитателей Ксанфа, но такого пропустил. Давай-ка посмотрим, сможем ли мы помочь тебе в работе. Если ему понравится моя музыка, а у тебя есть камни, которые надо спрятать вдоль речки...

— Издеваешься! — сказала Самоцветик в свойственной нимфам манере.— У меня там полбочонка рассыпано, найдется несколько дюжин и для реки. Вполне можно начать оттуда.

Под ее руководством они уселись на индрика. Самоцветик устроилась ближе к голове землепроходца, поставив перед собой корзинку с драгоценными камнями. Бинк сидел следующим, а Честер последним, при этом его четыре конечности неловко торчали в разные стороны. Кентавр привык сам нести всадника, а не быть им, хотя такой опыт у него был — как-то он ездил на драконе.

— Ну а теперь начнем музицировать; индрик не требует большого разнообразия и работает, пока ему нравятся звуки. Через несколько часов я должна буду прекратить, но если флейта кентавра...

Появилась флейта. Она заиграла. Огромный червь пополз вперед, неся своих всадников так легко, будто они были обычными мухами. Он не полз и не извивался, как делают драконы; он просто поочередно вытягивал и сжимал свое тело, так что

участки его туловища, на которых сидели трое всадников, постоянно менялись в диаметре. Довольно странный способ путешествия, но вполне приемлемый. Индрик был очень большим червем, да и продвигался достаточно быстро.

На голове индрика появилось нечто вроде щитка — когда землерой начинал прокладывать тоннель в скале, щиток увеличивал диаметр тоннеля, и всадники тоже помещались в образовавшемся проходе. Бинку пришла в голову мысль, что эта магия сродни магии пилюль доброго волшебника, предназначенных для дыхания под водой. В скале, как и в воде, не столько прокладывался новый тоннель, сколько временно раздвигалась порода и позволяла пройти сквозь нее, не оставляя отверстия. Честеру приходилось наклонять голову, чтобы поместиться в тоннеле, и в такие моменты флейте становилось тесновато, но она все равно продолжала играть захватывающие мелодии. Бинк не сомневался, что Честер более чем счастлив получить такой предлог для тренировки своего новоявленного таланта, который он подавлял в себе всю жизнь.

— Должна признаться, вы оказали мне ценную помощь,— сказала нимфа.— Я думала, кентавры не обладают магией.

— Кентавры тоже так думают,— сказал Бинк, исподтишка любуясь сзади ее формами. На кой черт любовный напиток, сама ее фигура вдохновляет!

Тут червь изогнулся, упершись в другой тип породы, и Бинка бросило вперед, прямо на нимфу.

— Извини,— сказал Бинк, хотя не чувствовал никакого раскаяния.— Я... э-э...

— Да, я знаю,— сказала Самоцветик.— Может, тебе лучше ухватиться за мою талию? Когда едешь на индрике, временами изрядно трясет.

— Я... думаю, лучше не стоит,— сказал Бинк.

— А ты по-своему благороден,— заметила она.— Девушки должны бы любить тебя.

— Я... я женат,— с огорчением признался Бинк.— Мне... мне нужно это противоядие.

— Да, конечно,— согласилась она.

Внезапно землерой вырвался из стены в большую пещеру.

— Река,— заметил Честер.

Когда он заговорил, флейта прекратила играть. Червь повернулся, на его морде застыл немой вопрос об исчезнувшей музыке.

— Не останавливайся,— крикнула Самоцветик,— он уйдет, как только...

Флейта заиграла снова.

— Мы хотим спуститься вниз по реке,— сказал Бинк.— И если увидим плавающую бутылочку...

— Сначала мне надо спрятать несколько камней,— твердо возразила нимфа. Она направила землероя к скалистому выступу, остановила его там и вынула огромный алмаз.— Положим прямо сюда,— сказала она,— потребуется миллион лет, прежде чем вода вынесет его на поверхность.

Червь взял камень в рот и сунул голову в скалу. Его голова превратилась практически в точку, а рот стал меньше человеческого, но он спокойно мог удержать алмаз. Когда голова землероя вынырнула из скалы, алмаза во рту уже не было, скала тоже осталась неповрежденной. Бинк сначала удивился, но потом сообразил, что так и должно быть, ведь за ними тоже не оставалось тоннеля.

— Один готов,— отрывисто проговорила Самоцветик,— осталось еще девятьсот девяносто девять.

А Бинк обшаривал взглядом сверкающую реку, стараясь найти плывущую бутылку. Сила любовного зелья была такова, что у него в душе таилась надежда не найти бутылку. Как только найдется волшебник, они выяснят, где взять противоядие, и его любовь к Самоцветику пропадет, а ему даже подумать об этом трудно. Он знал, что это единственно правильное решение, но все равно сердце к нему не лежало.

Время шло. Самоцветик прятала алмазы, опалы, изумруды, сапфиры, аметисты и агаты в многочисленные тайники вдоль реки, а жемчужины кидала в воду — для устриц.

— Устрицы очень любят жемчуг,— пояснила она,— и просто заглатывают его.

Работая, она временами пела, подменяя флейту Честера, и Бинк постоянно переключал свое внимание с реки на нее и обратно. Действительно, ему мог встретиться куда как худший объект для действия любовного напитка.

Затем река влилась в озеро.

— Это обиталище демонов, которые могут пользоваться зараженной водой,— предупредила Самоцветик.— Меня демоны знают, но вам надо получить разрешение для прохода через их территорию. Они не любят пришельцев.

Бинк почувствовал, как за его спиной зашевелился Честер; похоже, он положил руку на меч или лук. Они только что имели неприятности с прокляторами, и им совсем не нужны неприятности еще и с демонами!

Стены пещеры теперь напоминали каменные здания — с такими же прямыми углами и улицами между ними, совсем как город. Вообще-то Бинк никогда раньше не видел городов, только на картинках; первые поселенцы Ксанфа строили города, но с уменьшением численности населения города исчезли.

Бинк с Честером спешились и пошли рядом с землероем вдоль улицы. Вскоре к ним подъехала волшебная повозка. Она напоминала фургон, в который запрягают монстров, с единственным отличием: монстра здесь не было. Вместо колес толстые упругие резиновые бублики, а сама повозка, похоже, металлическая. Изнутри слышалось какое-то мурлыканье. Возможно, там сидело какое-нибудь мелкое чудище и крутило педали.

— Где огонек? — спросил демон из повозки.

Он был весь синий, а макушка головы плоская и круглая, как блюдечко.

— Ну прямо здесь, синюшный ты мой,— сказала нимфа, хлопнув себя рукой по груди.— Ты не выдашь пропуск моим друзьям? Они ищут источник магии.

— Источник магии! — воскликнул другой голос. Теперь Бинк разглядел, что в повозке два демона, второй был мусорных оттенков.— Это как скажет начальник!

— Ну что ж, мусор, поедем к нему,— согласилась нимфа.

Очевидно, она очень хорошо знала этих демонов, коли могла так шутить с ними. Бинк почувствовал болезненный укол ревности.

Самоцветик проводила Честера с Бинком до здания с вывеской «Отделение» и остановила своего червя.

— Мне придется остаться с индриком и петь ему песни,— сказала она,— а вы идите поговорите с начальником. Я вас подожду здесь.

Бинк испугался, что она не дождется их и, воспользовавшись случаем, улизнет, бросив их на произвол демонов. Так она обезопасит себя от погони — как мстительной, так и романтической. Но он должен довериться ей. В конце-то концов, он ведь ее любит.

В здании за широким столом, склонившись над книгой, сидел демон. Когда Честер с Бинком вошли, он взглянул на них.

— Ну вот,— сказал он,— нам и довелось опять встретиться.

— Борегар! — воскликнул пораженный Бинк.

— Я, конечно, выпишу вам пропуск,— сказал демон,— вы явились своеобразной причиной моего освобождения, и, согласно правилам игры, я ваш недемонический должник. Но уж разрешите мне немного вас поразвлечь, как вы развлекли меня в логове огра. Прежде чем вы продолжите свое путешествие, мне бы надо вам много чего посоветовать.

— Там... м-м... нас нимфа ждет на улице...— сказал Бинк.

Борегар покачал головой:

— Похоже, ты просто притягиваешь несчастья, Бинк. Сначала ты потерял пузырек, потом сердце. Не бойся, мы и нимфу пригласим на ужин. А червя отправим в наш автопарк, ему очень понравится валяться там на газонах. Мы очень хорошо знаем Самоцветик, на самом деле ты оказался большим счастливчиком в своем несчастье.

Через некоторое время и Самоцветик присоединилась к ним за ужином. С трудом верилось, что еще на рассвете они сидели на ветвях дерева на границе Области Безумия, завтракали уже в замке донных прокляторов, обедали у нимфы, а ужинают здесь — и все это за один день. И хотя здесь, под землей, день имел меньшее значение, чем наверху, все равно он оставался периодом, полным событий.

Угощение у демонов походило на пищу у нимфы, только приготовлено оно было из малюсеньких магических существ, называемых грибками и бактериями. Бинк задумался, нет ли здесь подобных существ, называющихся ягодками, но спрашивать не стал. Одно из блюд напоминало цветную капусту, раскрашенную прямо перед ужином, другое напоминало поджаренный окорок короткой свиньи. На десерт подали мороженое с глазом птицы ури. Настоящий глаз ури — редкость, то же

можно было сказать и о желтом ароматном эрзаце этого деликатеса.

— Я однажды пробовал глаз уньи,— сказал Честер,— но это намного вкуснее.

— У тебя глаз мастака,— заметил Борегар.

— О нет! Очи кентавров не так ароматны,— быстро возразил Честер.

— Ты слишком скромен,— успокаивающе улыбнулся демон.— Ури обычно жирнее уньи, поэтому их глаза и ароматнее, как ты верно заметил.

После ужина они вернулись в покои Борегара, где весело горел ручной огненный дракончик.

— Теперь мы со всеми удобствами устроим вас на ночь,— сказал демон.— Мы никоим образом не хотим вмешиваться в ваши дела, однако...

— Что тебе известно такое, о чем мы не догадываемся? — с тревогой спросил Бинк.

— Природа демонов,— ответил Борегар.

— О, мы не собираемся вас беспокоить, мы пойдем дальше к...

— Имей же терпение, Бинк.

Борегар достал маленькую изящную бутылочку, прошептал волшебное слово и сделал магический жест. Пробка выскочила, заклубился пар и превратился в доброго волшебника Хамфри.

Пораженный Бинк смог только спросить:

— А где Кромби?

— В бутылке,— коротко сказал Хамфри.— Тебе не мешало бы научиться обращаться с вещами.

— Но если Борегар освободил тебя...

— Я не освобождал его,— возразил демон,— я просто вызвал его. Теперь он будет делать все, что я захочу.

— Как ты когда-то делал все, что захочет *он!* — сказал Бинк.

— Правильно. Все зависит от того, кто заключен в бутылке, а кто владеет управляющей магией. Волшебник интересовался демонологией, теперь он препарат для наших исследований человекологии.

— Значит...

— Нет, я не собираюсь злоупотреблять его положением. Меня занимают исследования, а не юмор ситуации. Я просто клоню к тому, что в магии заложено гораздо больше, чем вы можете себе представить, а результат ваших поисков способен вызвать такие значительные последствия, о которых вы и не подозревали, когда взялись за это дело.

— Я уже знаю, что кто-то пытается меня остановить,— сказал Бинк.

— Да. Один из демонов, в этом-то и загвоздка. У большинства демонов магии не больше, чем у обычного человека, но демоны бездны — совсем другое дело. Против них обычный демон что человек против волшебника. И вторгаться в их владения не совсем разумно.

— Ты демон,— подозрительно спросил Честер,— почему же ты говоришь нам все это?

— Потому что он хороший демон,— сказала Самоцветик,— он помогает людям.

— Потому что я забочусь о Ксанфе,— пояснил Борегар.— Будь я убежден, что Ксанфу лучше вообще без людей, я бы не отступился от воплощения в жизнь этой идеи. И хотя у меня и имелись кое-какие сомнения на этот счет, я все же уверен, что присутствие людей Ксанфу на пользу.— Он взглянул на волшебника: — Даже таких вот гномов.

Хамфри стоял с видом стороннего наблюдателя.

— Тогда почему ты не освободишь его? — спросил Бинк, все еще не совсем доверяя демону.

— Я не могу освободить его; только владелец бутылки может его освободить.

— Так вот же он перед тобой! Ты сам вызвал его из его бутылки!

— Моя магия позволила заключить с ним только временный трудовой договор. Я могу вызвать его только на короткое время и не могу задерживать. Если бы у меня была его бутылочка, я мог бы управлять им, раз уж он оказался настолько глуп, что сам попал в такое заключение. Вот почему вам надо поторопиться и найти этот пузырек, прежде чем...

— Он разобьется! — воскликнул Бинк.

— Он никогда не разобьется. Это заколдованная бутылка; я сам сидел в ней и прекрасно знаю, что в этом отношении она безопасна. Нет, опасность заключается в том, что ваш враг может найти ее раньше вас.

Бинк был в ужасе:

— Враг!

— Тогда враг сможет приказывать Хамфри, и вся сила волшебника окажется на стороне вашего врага. В этом случае шанс выжить у Хамфри ничтожен, почти так же, как и у вас.

— Я должен заполучить этот пузырек! — воскликнул Бинк.— Если бы я только знал, где он!

— Вот этой-то услуги я от него и потребую,— сказал Борегар.— Волшебник, сообщи Бинку твое точное местонахождение, чтобы он мог спасти тебя.

— Широта двадцать восемь градусов к северо-западу, а долгота сто...

— Да не так, святая простота,— оборвал его Борегар.— Скажи так, чтобы этим мог воспользоваться Бинк.

— М-м, да,— согласился Хамфри.— Наверное, тогда лучше подключить Кромби.

— Так пошевеливайся! — рявкнул демон.

Рядом с волшебником появился грифон.

— Другое дело! — сказал Бинк.— А теперь, если ты покажешь направление от вас к нам, я имею в виду, наше направление оттуда, то мы его изменим на противоположное, чтобы найти вас.

— Ничего не получится,— усомнился Борегар.

Но Кромби уже начал крутиться. Его крыло остановилось, указав точно на Бинка.

— Прекрасно! — обрадовался Бинк.— Вот туда-то мы и пойдем.

— Ты попробуй походить по комнате,— сказал Борегар,— а ты, грифон, продолжай указывать направление.

Совершенно сбитый с толку, Бинк начал ходить по комнате. Кромби стоял на месте, но его крыло постоянно показывало точно на Бинка.

— Ну прямо как картина,— заметил Бинк.— Откуда ни смотри, она продолжает смотреть на тебя.

— Вот именно,— подтвердил демон.— Фантом в каком-то смысле сродни изображению. Это свойство проявляется здесь точно так же, как и в случае с картиной, независимо от положения наблюдателя. Нам нужен оригинал.

— Все очень просто, демон,— огрызнулся Хамфри.— Кромби, покажи направление на пузырек с того места, где находятся наши фантомы.

Как просто! Фантом находится здесь, поэтому мы получим точное направление *туда*. Но получится ли на этот раз?

Грифон закрутился и снова указал направление. Теперь крыло показывало в противоположную сторону от Бинка и куда-то вниз.

— Вот туда и идите,— мрачно проговорил Борегар.— Ну а теперь, пока я не убрал изображение, есть ли у вас к ним еще вопросы?

— Да,— сказал Честер,— насчет моего таланта...

Борегар улыбнулся:

— Очень умно, кентавр. Ты соображаешь прямо как демон! Сейчас действительно можно воспользоваться ситуацией и получить от волшебника все, что тебе нужно, и совершенно бесплатно. Если, конечно, позволяют твои моральные устои.

— Нет,— сказал кентавр,— я не собираюсь его надувать! Волшебник, теперь я знаю свой талант. Но я уже отработал часть положенной платы и никуда не денусь от оставшегося.

Хамфри улыбнулся:

— Мы не оговаривали конкретный вопрос, на который я отвечу. Подбери за эту плату другой вопрос. Мы ведь так договаривались с самого начала.

— Отлично,— оживился Честер, в этот момент он походил на жеребенка, который внезапно оказался на отдаленном зеленом пастбище. Он на мгновение задумался.— Я о Чери... я бы хотел знать ее талант, если он, конечно, у нее есть. Я имею в виду магический талант. А то она считает, что она совсем без магии!

— У нее есть талант,— сказал Хамфри.— Ты хочешь узнать его сейчас?

— Нет. Может быть, я и это выясню сам.

Волшебник развел руками:

— Ну, как хочешь. Но учти, никто не застрахован от неожиданностей судьбы. Если ты не догадаешься и если Бинк не найдет пузырек раньше нашего врага, меня могут заставить предать вас. На такой риск ты согласен?

— Что ты хочешь этим сказать — «раньше нашего врага»? — спросил Бинк.— Как близко враг к...

— Вот это-то мы только что и обсуждали,— напомнил Борегар.— Кажется, волшебника нельзя оградить от собственного таланта знания. Он прав: пузырек занесло очень близко к тому месту, где обитает ваш враг. Таким образом, тебе предстоят не просто поиски пузырька, а соревнование с противником, который тоже действует.

— Но какова природа моего врага? — спросил Бинк.

— Изыди, волшебник,— сказал Борегар.

Хамфри и Кромби превратились в дым и втянулись в бутылочку.

— Я не могу точно ответить на этот вопрос, могу только еще раз напомнить тебе, что твой враг, должно быть, какой-то демон. Я не хотел почувствовать неловкость, признаваясь в невежестве перед своим научным соперником. Профессиональным соперником, если хочешь.

— Мне плевать на профессиональное соперничество,— ответил Бинк.— Хамфри и Кромби — мои друзья. И я должен их спасти!

— Какой ты верный друг! — восхитилась Самоцветик.

— Ты должен как следует усвоить,— продолжал Борегар,— что чем ближе ты подойдешь к источнику магии, тем сильнее станет магия вокруг тебя. Она будет увеличиваться в логарифмической прогрессии. Так что...

— Не понял,— сказал Бинк.— Какие еще рифы? Он что, в море, этот враг?

— Он хотел сказать, что чем ближе ты подойдешь к источнику магии, тем быстрее будет возрастать ее сила.

— Точно,— согласился демон.— Поэтому-то мы, демоны, находясь поблизости от источника магии, являемся более сильными в магическом отношении существами, чем вы, люди, живущие вдалеке от него. В непосредственной близости от источ-

ника магия становится сильнее, чем мы можем себе представить. Вот поэтому я и не могу подробно описать тебе твоего врага и особенности его магии, но вполне возможно, что эта магия намного сильнее, чем ты предполагал.

— Я уже встречал очень сильную магию,— с сомнением произнес Бинк.

— Да, знаю, и ты сам обладаешь очень сильной магией. Но... хотя я и не могу точно представить себе истинную природу твоего таланта — отсюда и мое предыдущее высказывание о тебе как о самой обычной личности,— наблюдения вызывают предположение, что твой талант связан с твоей личной безопасностью. Но около источника...

— Ну вот, я все понял,— сказал Бинк.— Там, куда я иду, магия сильнее моей.

— Именно так. Поэтому ты будешь уязвим как никогда. По мере приближения к источнику твоя магия тоже будет возрастать, но только в геометрической прогрессии. Поэтому нельзя...

— Он хочет сказать, что сила магии нашего врага будет расти быстрее, чем наша,— пояснил кентавр,— и, соответственно, мы будем терять силу.

— Именно,— подтвердил демон.— Но пока вы не подойдете совсем близко к источнику, разница сил между вашими магиями будет не очень велика, и ты об этом не особо беспокойся, ты даже можешь и не заметить этой разницы. И все же...

— Выходит, если я продвинусь достаточно далеко, то столкнусь с противником гораздо сильнее меня? — медленно спросил Бинк.

— Правильно. Потому что магическое поле Ксанфа меняется обратно пропорционально расстоянию от источника. Это относится как к персональным талантам, так и к местному окружению.

— А как же тогда с магической пылью? — спросил Честер.

— Она усиливает магию близ себя,— согласился Борегар,— но это не основной способ распространения магии. Пыль в своей основе конвективна, в то время как большая часть магии кондуктивна. И даже если жители той деревни прекратят свое занятие, магия самого Ксанфа не очень-то и изменится.

— Выходит, они могут немного и отдохнуть,— сказал Бинк.

— Продолжу. Из-за того, что сила магии убывает в обратной пропорции, враг не в состоянии причинить тебе вред на поверхности, хотя он и пытался с демонской настойчивостью и хитростью. Я хочу отметить разницу между понятиями «демонический» и «демонский», последнее имеет уничижительное значение, хотя в нашем случае это не обязательно. Потому-то я и решил, что вам противостоит демон. Но здесь, под землей, враг может воспользоваться магией необычайной силы, и он не преминет это сделать. Вот почему продолжать поиск — просто дурость.

— Я человек,— сказал Бинк.

— Да, к сожалению. Демон был бы более рационален. А поскольку ты глупый человек как раз того типа, какой я описывал в своих статьях, ты устремишься навстречу своей судьбе — и все ради твоих идеалов и дружбы.

— Наверное, я ближе к людям, чем к демонам,— сказала Самоцветик.— Я считаю его благородным.

— Не надо мне льстить,— попросил Бинк.— Это только усиливает действие зелья.

Она сначала испугалась, но потом приняла милое решение:

— Мне очень жаль, что зелье надо... Я хочу сказать, что ты такой красивый, смелый и благородный мужчина, что я... я не могу сказать, что мне жаль, что все так получилось. Когда мы вернемся, я, может быть, и сама выпью зелья.

— Одна из причин, по которой мне надо отыскать волшебника,— противоядие,— заметил Бинк.— Кроме дружбы, конечно. На самом деле нам следовало спросить у Кромби, в какой стороне лежит противоядие и...

— Я могу вызвать их опять,— сказал Борегар,— но я бы этого не советовал.

— Почему же? — спросил Бинк.

— Потому что если враг еще не знает точного расположения бутылочки, то не стоит привлекать к ней излишнее внимание. Мы не знаем, каким способом враг наблюдает за нами теперь, когда завитушечника нет, но нельзя недооценивать его возможностей. Я бы на твоем месте сначала выручил друзей, а уж потом занялся личными проблемами.

— Это правда,— согласился Бинк. Он повернулся к нимфе: — Самоцветик, мне очень жаль, что я вынужден и дальше

причинять тебе беспокойство, но преданность друзьям у меня на первом месте. Обещаю тебе, что как только освобожу их...

— Хорошо,— согласилась нимфа; она, казалось, была не очень-то и огорчена.

— Она может подождать нас здесь,— сказал Честер,— или заняться своим обычным делом. А когда добудем противоядие, мы принесем его сюда и...

— Нет, только индрик может доставить вас сюда достаточно быстро,— сказала Самоцветик.— И только я умею управляться с индриком. По течению реки множество дурной магии, а в толще скал ее очень мало. Я пойду с вами.

— В душе я надеялся, что ты так и сделаешь,— сказал Бинк.— Конечно, не стоит считаться с моими чувствами, так как...

Самоцветик подошла к нему и поцеловала его в губы.

— Твоя честность мне тоже очень нравится,— сказала она.— Нам пора в путь.

Бинк, ошеломленный силой этого первого добровольного поцелуя, с большим усилием заставил себя сосредоточиться на предстоящем деле.

— Да, надо поторапливаться.

— В глубинах под землей очень опасны гоблины,— предупредил Борегар,— на поверхности они за последние годы утратили свою первозданную дикость, но под землей она у них еще сохранилась. С такими гоблинами вы еще не встречались.

— Выбирать не приходится,— возразил Бинк,— мы должны туда добраться.

— В таком случае, когда не будете пробираться сквозь скалы, придерживайтесь хорошо освещенных мест. Как и полушки, гоблины не любят света. Если им потребуется, они, конечно, света не испугаются, но обычно держатся от него подальше.

Бинк повернулся к нимфе:

— Поэтому-то ты и боишься темноты? Ты сможешь провести нас по освещенным местам?

Самоцветик кивнула.

— Да... да,— ответила она на оба вопроса.

У Бинка создалось впечатление, что он мог бы задать ей более личные вопросы и получить такие же ответы. А может, это просто полет фантазии, навеянный романтическими грезами под действием любовного зелья?

— По крайней мере, хорошенько отдохните за эту ночь,— настойчиво посоветовал им Борегар.— Нам, демонам, сон как таковой не требуется, а вот вы, люди, без сна становитесь очень беспокойными...

— Нет, думаю, нам лучше отправиться прямо сейчас,— сказал Бинк.— Эти несколько часов могут оказаться решающими.

— Решающей может оказаться и усталость,— заметил Борегар.— Когда вы столкнетесь с сильной магией, вам потребуются все ваши силы и способности.

— Мне это слишком напоминает обычные демонические хитрости,— сказал Честер.

Борегар развел руками:

— Возможно, что и так, кентавр, но есть еще кое-что, о чем я вам не сказал.

— Если ты собираешься нам это сказать, то говори сейчас,— сказал Бинк,— потому что мы уже отправляемся.

— Дело в том,— неохотно начал демон,— что я не уверен в полезности вашего занятия.

— Полезности! — воскликнул Бинк.— Это освобождать-то друзей?!

— Нет, искать источник магии.

— Мы ищем только знания! Тебе, как никому из демонов, это должно бы быть понятно!

— Слишком хорошо понятно,— согласился Борегар.— Знания могут оказаться очень опасными. Взгляни на волшебника, который специализируется на знаниях. И предположи, что он обладает полным знанием о первоначальной природе магии. До каких пределов тогда распространятся его силы?

— Хамфри не причинит вреда Ксанфу,— возразил Бинк.— Он добрый волшебник!

— Но как только знание о природе источника магии станет известно, что удержит злого волшебника от того, чтобы завладеть ею? С такой сильной магией он сумеет взять в свои руки бразды правления Ксанфа или вообще разрушить его.

Бинк задумался. Он вспомнил, что злой волшебник *уже* захватывал корону Ксанфа и оказался вовсе не злым. Но это был особый случай. А если предположить, что действительно злой человек обретет невиданные силы?

— Я тебя понял и подумаю об этом. Может быть, я и не стану доводить это дело до самого конца. Но сейчас главное — спасти моих друзей.

— Конечно,— согласился Борегар, выглядевший обескураженным, по крайней мере для демона.

Они взгромоздились на индрика и отправились в ту сторону, куда указал Кромби.

— Я не очень-то хорошо знаю области, находящиеся ниже этой,— предупредила нимфа.— Но перед нами огромнейший скальный массив, и так как сейчас мы находимся в стороне от реки, то я попрошу землероя пробраться через этот массив, пока мы не приблизимся к реке, и велю ему выходить из скалы только в хорошо освещенных местах. Думаю, что, пока я пою для червя, вы можете немного поспать.

— Ты великолепна,— с благодарностью сказал Бинк.

Он прислонил голову к ее спине и уснул, убаюканный ее пением, усиленным приятным чувством прикосновения к ней. А червь тем временем углубился в скалу.

Глава 11

МОЗГОВИТЫЙ КОРАЛЛ

Бинк проснулся как раз в тот момент, когда остановился землерой.

— Я думаю, мы добрались,— пробормотала Самоцветик, ее голос охрип от бесконечного пения.

— Тебе надо было разбудить меня раньше,— сказал Бинк,— как только настала моя очередь петь для червя. Ты совсем охрипла.

— Мне было так приятно чувствовать твою голову на своем плече, что у меня не хватило духу тебя разбудить,— вздохнула она.— К тому же тебе скоро потребуются все твои силы. Я чувствую, как по мере приближения усилилась магия.

Бинк тоже почувствовал это — легкое покалывание по всей коже, как от магической пыли. Он понимал только, что скала, через которую они пробирались, и состоит из магической пыли, потом оказывающейся на поверхности. Но тайна так и оставалась тайной: что наполняет магией эту скалу?

— Спасибо,— неловко поблагодарил он.— Ты очень милая нимфа.

— Ну...

Она повернула к нему лицо, подставив его для поцелуя. Он почувствовал запах прекраснейших роз — эта магия здесь тоже изрядно усилилась. Бинк наклонился вперед, вдохнул чудный аромат и прикоснулся губами к...

И тут Бинк увидел пузырек. Он покачивался на блестящей глади очередного озера. К нему что-то прилепилось — комочки смолы и какие-то веревочки...

— Гранди! — воскликнул Бинк.

Голем поднял голову:

— Как раз вовремя! Достань пузырек, прежде чем...

— В этом озере безопасно плавать? — спросил Бинк, с тревогой поглядывая на мерцающую воду.

Гоблинов эта вода, может, и отпугивает, но это еще не значит, что она безопасна для людей.

— Вообще-то нет,— сказала Самоцветик,— эта вода — медленный яд для любой жизни. Один глоток не принесет особого вреда, так что если ты быстро выберешься из нее и будешь находиться только в верхних слоях, разбавленных свежей водой с поверхности, ничего страшного не случится. А вот в глубине, где вода намного сильнее пропиталась ужасной магией...

— Хорошо. Воздержимся от плавания,— сказал Бинк.— Честер, ты можешь подцепить бутылку своим лассо?

— Нет, слишком далеко,— ответил кентавр.— Вот если течение подгонит ее поближе к берегу, тогда без проблем.

— Лучше поспешите,— закричал Гранди,— под озером что-то есть, и это что-то...

— Прокляторы тоже живут под озером,— сказал Честер.— Ты думаешь, наш враг...

Бинк начал стаскивать с себя одежду:

— Я думаю, сплаваю-ка я лучше за ней прямо сейчас. Если озеро повредит мне, волшебник даст мне несколько капель своего оздоровительного эликсира. Он тоже должен сделаться здесь сильнее.

— Не делай этого! — закричала Самоцветик.— Это озеро... в общем, я думаю, ты не доберешься до бутылки. Слушай, я отправлю туда индрика. Ему вода не причинит вреда.

Повинуясь ее пению и указанию, червь поднял свой кольцевой гребень и начал проделывать в воде тоннель точно так же, как он это делал в скале. Он продвигался очень медленно, пока не появилась флейта Честера и не заиграла прекрасную ритмичную, как марш, мелодию. Здесь флейта, казалось, заблестела ярче и увеличилась в размерах, а ее звуки стали громче — еще одно усиление магии. Червь целенаправленно приближался к бутылке.

— Спасибо, кентавр,— прошептала нимфа.

— Спешите! Спешите! — кричал голем.— Коралл знает... пытается... он... ПОМОГИТЕ! ОН ПЫТАЕТСЯ ЗАХВАТИТЬ МЕНЯ! — И Гранди ужасно заверещал, как от человеческой боли.— Я еще недостаточно настоящий,— выпалил он, прекратив визжать.— Я все еще обычный голем, просто вещь из веревочек и смолы. Мною можно управлять. Я...— Он замолчал, потом опять дико закричал и вдруг очень спокойно сказал: — Со мной покончено.

Бинк ничего не понял, но в нем шевельнулось чувство, что надо как-то помочь голему бороться... Но с чем бороться? Надо подбодрить его, напомнить ему о чувствах, которые у него, очевидно, все же есть. Может, голем сумел бы преодолеть свой ужас, если бы...

Теперь червь был уже почти у бутылки. Гранди обмотал свои ручки-шнурки вокруг пробки, обхватил ногами горлышко бутылки и напрягся.

— Именем Мозговитого Коралла, выходи! — выпалил он.

Пробка вылетела. Из бутылки заструился дым, поднялся над озером и начал превращаться в доброго волшебника и грифона.

— Гранди освободил их! — воскликнул кентавр, и его флейта стала затихать.

— Летите к берегу,— закричал Бинк,— не дотрагивайтесь до воды!

Хамфри ухватился за Кромби. Тот расправил крылья, взмахнул ими, и оба приподнялись над водой. Мгновение они качались, потом выровнялись и мерно полетели вперед.

Когда они приземлились, Бинк подбежал к ним:

— Мы так беспокоились за вас; мы очень боялись, что враг первым доберется до вас!

— Он и добрался,— сказал Хамфри, слезая с грифона и отыскивая у себя на поясе бутылочку.— Возвращайся, Бинк, откажись от этих поисков, и тебе не причинят никакого вреда.

— Отказаться от задания! — изумленно воскликнул Бинк.— И именно тогда, когда я так близок к его завершению? Ты же знаешь, что я не сделаю этого!

— Теперь я служу новому хозяину, но у меня еще сохранились остатки совести,— сказал Хамфри. Теперь в нем появилось что-то зловещее; он по-прежнему оставался маленьким человечком, похожим на гнома, но в его облике не было ничего забавного. Его взгляд больше напоминал взгляд василиска, чем человека: холодный, убийственный взгляд.— Необходимо, чтобы ты понял. Пузырек открылся по велению существа, живущего под озером. Это существо обладает великим разумом, огромной магией и сознанием, но оно не может двигаться. Это Мозговитый Коралл, который вынужден для достижения своих благородных целей действовать через подручных.

— Враг? — тревожно спросил Бинк.— Тот, что послал волшебный меч, дракона и завитушечника...

— И бесконечное множество других препятствий, которые твоя магия ликвидировала еще до того, как они сумели себя проявить. Коралл не может управлять разумными живыми существами; он пользуется внушением, наводя на мысли, которые существо считает своими. Вот поэтому-то дракон преследовал тебя, а завитушечник шпионил за тобой, поэтому же случались и прочие кажущиеся случайными неприятности. Но твой талант сумел провести тебя через них почти без задержки. Сирена завлекла тебя, но горгона не превратила в камень, мидасова мушка отклонилась от тебя и села на другого, проклятие донных жителей промахнулось. Но теперь, в самом сердце магии Коралла, ты бессилен. Тебе надо вернуться, потому что...

— Но он не может управлять *тобой!* — возразил Бинк.— Ты-то ведь человек, и разумный человек, волшебник!

— Он установил власть над големом, очевидно, потому что тот еще не стал до конца реальным и попадает в основную сферу влияния Коралла. Он заставил голема открыть пузырек. А мы с Кромби принадлежим владельцу бутылки. И не имеет никакого значения, что бутылка теперь плавает по воде кораллово-

го озера; заклинание произнесено от имени Мозговитого Коралла, и это нас обязывает.

— Но...— возразил Бинк, но не смог сформулировать свою мысль.

— Это была самая отчаянная схватка за все время нашего путешествия,— продолжил Хамфри.— Борьба за обладание пузырьком. Коралл сумел извлечь его из твоего кармана, но твоя магия освободила пробку, и мы начали вылетать из бутылки. Все это вызвано проклятием духов, которое помогало тебе под видом невероятного совпадения. Пузырек сильно тряхнуло в водовороте, но Коралл сумел укрепить пробку, застав Гранди снаружи. Однако твоя магия в это время подставила под пробку магическое зеркало, так что оно треснуло и один кусок остался у нас, а другой вылетел наружу, помогая тем самым нам установить своего рода связь. Затем магия Коралла заставила тебя потерять твой кусок зеркала. Но твоя магия привела тебя к Борегару, который восстановил связь. Ты почти вовремя добрался до бутылки, воспользовавшись тем, что вскружил нимфе голову и побудил ее тебе помогать, тогда твой талант почти победил Коралл; но здесь, рядом с источником магии, Коралл сильнее тебя. Поэтому он добрался до пузырька первым. Хотя и в последний момент. А теперь Коралл, пользуясь магией пузырька, управляет мною и Кромби. Все наши с ним возможности теперь на стороне Коралла, и ты проиграл.

Честер стоял рядом с Бинком.

— Значит, теперь мы стали врагами,— медленно проговорил он.

— Не совсем. Теперь, когда мы получили доступ к знаниям Коралла, мы увидели, что здравый разум на его стороне. Бинк, твоя затея очень опасна не только для тебя самого, но и для всего Ксанфа. Ты должен отказаться, поверь мне.

— Я не верю тебе,— мрачно сказал Бинк,— не верю теперь, когда ты перебежал на вражескую сторону.

— Я тоже не верю,— сказал Честер.— Спрячься опять в бутылке и дай нам возможность ее захватить, тогда мы выпустим тебя и ты будешь в нашей власти. А вот если и после этого ты повторишь свои слова, я тебе поверю.

— Нет.

— Так я и думал,— сказал Честер.— Я отправился в это путешествие, отрабатывая твой ответ на мой вопрос, а ведь я не получил никакого ответа. Я могу отказаться от этой службы в любой момент. Но я не собираюсь отказываться от этих поисков только потому, что какой-то спрятанный монстр напугал тебя так, что ты изменил свое решение.

— Тебя вполне можно понять,— на удивление мягко сказал волшебник.— Как ты верно заметил, мне больше не нужна твоя служба. Но я просто обязан дать вам обоим одну справку: если мы не сумеем переубедить вас в вашем упорстве, то вынуждены будем применить физическую силу.

— Ты хочешь сказать, что вы на самом деле будете с нами сражаться? — не веря своим ушам, спросил Бинк.

— Нам очень не хотелось бы применять силу,— сказал Хамфри,— но для этого необходимо, чтобы вы прекратили поиски. Остановитесь, уходите, и все будет хорошо.

— А если мы не откажемся от попыток? — воинственно спросил Честер, поглядывая на Кромби.

Очевидно, кентавр не оставил намерения помериться силами с грифоном. Между ними сразу установилось что-то вроде ревнивого соперничества.

— В таком случае нам придется вас уничтожить,— мрачно произнес Хамфри.

Каким бы маленьким он ни был, он все еще оставался волшебником, и от его заявления у Бинка по спине пробежали мурашки. Нельзя беспечно отмахнуться от угроз волшебника.

Бинк разрывался между двумя неприятными возможностями. Как он может сражаться со своими друзьями, на освобождение которых потратил столько сил? И в то же время, если они сейчас находятся под влиянием врага, то как согласиться на их условия? Вот если бы он сумел добраться до Мозговитого Коралла, до врага, и уничтожить его, то его друзья освободились бы от этого безжалостного влияния. Но Коралл находился глубоко под отравленной водой, вне досягаемости. Если не...

— Самоцветик! — крикнул Бинк.— Пошли землероя вниз наделать дырок в этом Коралле.

— Я не могу, Бинк,— печально сказала она.— Индрик не вернулся после того, как мы отправили его за пузырьком. Я оста-

лась здесь с моей корзинкой, полной драгоценных камней.— Она со злостью швырнула в воду здоровенный алмаз.— Теперь я даже не смогу их нормально спрятать.

— Червя мы отправим прочь,— сказал Хамфри.— Только завершение вашей затеи может уничтожить Коралл... вместе со всем Ксанфом. А сейчас уходи, или тебе придется пожалеть о том, что ты вовремя не отказался от этой затеи.

Бинк взглянул на Честера:

— Я не хочу причинять ему вреда. Может, мне удастся ударить его так, чтобы он потерял сознание? Тогда мы унесем его подальше, туда, где Коралл не сможет воздействовать на него...

— А я пока займусь птичьим клювом,— с деланным сожалением сказал Честер.

— Я не хочу кровопролития! — воскликнул Бинк.— Это наши друзья, которых мы должны спасти.

— Похоже, что так,— неохотно согласился Честер.— Я постараюсь обезвредить грифона, не особо его потрепав. Ну, может, выдерну пару-другую перьев.

Бинк понял, что это предельный компромисс, на который согласится кентавр.

— Хорошо. Но остановись, как только он закричит.— Он опять повернулся к Хамфри: — Я собираюсь выполнить свое задание. И прошу тебя уйти и отказаться от попыток вмешиваться в наши дела. Мне неприятно даже думать о вражде между нами, но...

Хамфри порылся в своем поясе, увешанном пузырьками, и выбрал один из них.

— Гей-гоп! — крикнул Бинк и бросился вперед.

Но ужас при мысли о необходимости применить силу к друзьям сдерживал его, и он подскочил к волшебнику слишком поздно. Пробка уже вылетела в воздух, и из пузырька заклубился дым. Он превратился в... зеленое пончо, которое немного покачалось в воздухе, прежде чем упасть на землю.

— Не тот пузырек,— проворчал волшебник и выбил пробку из другого пузырька.

Бинк замер, он понял, что не одолеет своего противника, пока не лишит его запаса пузырьков. Талант Бинка может помочь волшебнику запутаться в его пузырьках, но это не будет про-

должаться бесконечно. Бинк вытащил меч, рассчитывая срезать пояс с тела волшебника, но замешкался, задумавшись, что это может выглядеть как попытка убить Хамфри. И опять он попал под струю сгущающегося пара. Внезапно перед ним предстали тринадцать яростно шипящих котов.

Бинк никогда раньше не видел живьем настоящих котов. Он считал котов вымершими животными. Теперь он просто стоял и смотрел на этих оживших зверьков, не в силах сообразить, что же делать. Если он убьет животных, не станут ли они тогда действительно вымершими?

Между тем началась битва между кентавром и грифоном. Несмотря на обещание Честера, соперники по-настоящему разъярились еще до начала схватки. Лук Честера был уже в его руках, и в воздухе пропела стрела. Но Кромби, будучи опытным воякой, не стал ее дожидаться. Он прыгнул, расправил крылья, а затем, с силой оттолкнувшись от воздуха, снова сложил их. Он почти вертикально рванул вверх, и стрела прошла как раз под перьями его хвоста. Затем грифон поднялся почти до потолка пещеры и, выпустив когти, с криком спикировал на кентавра.

Честер моментально заменил лук на лассо. Он бросил лассо, и оно обвилось вокруг торса грифона, прижав к телу его крылья. Честер дернул веревку и развернул Кромби на девяносто градусов. Кентавр весил раза в три больше грифона и вполне мог справиться с ним таким образом.

Черный кот бросился Бинку в лицо, заставив его обратить внимание на собственных противников. Бинк машинально махнул мечом и рассек животное четко пополам.

И опять Бинк замер в ужасе. Он совершенно не хотел убивать кота! Такие редкие животные, может быть, последние во всем Ксанфе, сохраненные только благодаря магии Хамфри.

Затем два события изменили его точку зрения. Во-первых, рассеченные половины не погибли, они просто преобразовались в двух котов поменьше. Это были не настоящие коты, а псевдокоты — слепленные из живой глины с заданными кошачьими повадками. Любая их часть становилась опять-таки котом. Если слепить из этого материала собаку, любой кусок

стал бы собакой. Так что заботиться о сохранении вида совсем не обязательно. А во-вторых, другой кот вцепился Бинку в колено.

Внезапно Бинка охватили облегчение и ярость; он набросился с мечом на второго кота. Бинк рассек кота на две, четыре, восемь частей, и каждая превратилась в кота, и все они с еще большей яростью набросились на него. Это напомнило ему сражение с гидрой, но теперь у него не было наоборотного дерева, чтобы скормить им, однако не было и угрозы шмякнуться о землю. Вскоре на него бросалась сотня маленьких котят величиной не больше крыс, а затем тысяча, размером с полушек. Чем дольше он с ними боролся, тем становилось хуже.

Сродни ли их магия магии гидры? Тот монстр был связан с числом семь, а котов из пузырька появилось тринадцать, но в обоих случаях рассеченный противник превращался в двух. Если бы здесь был какой-нибудь ключ, какое-нибудь заклинание, останавливающее удваивающую магию...

— Будь умнее, Бинк,— крикнул Честер, раздавив копытами нескольких котов, попавших на его территорию,— сбрось их похлебать водички.

Конечно! Бинк наклонился и плоскостью меча смел дюжину котов величиной с ноготь в озеро. Попав в воду, они зашипели, как горящие угольки, и пошли ко дну. То ли просто утонули, то ли отравились — выяснить не удалось, но они больше не появлялись.

Расчищая себе таким образом дорогу к победе, Бинк взглянул на схватку грифона и кентавра. Он не видел всего произошедшего, но вполне мог представить недостающие детали. Надо посматривать за этим сражением, ведь случись что с Честером, и Бинку придется противостоять уже двум противникам.

Кромби, скованный в движениях веревкой, наклонил голову и перерезал свои путы одним взмахом острого клюва. Он резко расправил крылья, издал боевой клич и устремился к голове Честера, угрожая сразу клювом и когтями на лапах.

Честер, потеряв равновесие от резкого ослабления веревки, зашатался. Кентавр устойчивее человека, но он вложил слишком много сил, натягивая веревку. Лошадиное плечо кентавра

ударилось в сталагмит и сломало его как раз в тот момент, когда грифон вошел с ним в соприкосновение. Бинк содрогнулся, но, как оказалось, верхушка сталагмита создала трудности Кромби, а не Честеру. Отломанный кусок упал на левое крыло грифона, прижал его к земле и заставил яростно забить вторым крылом, чтобы высвободиться.

Честер выпрямился, коготь грифона оставил след на его лице — Кромби промахнулся, целясь в глаз. Но теперь сильные руки Честера сжимали передние лапы грифона.

— Попалась, птичка! — крикнул он.

Но в такой ситуации он не мог воспользоваться мечом и поэтому попробовал ударить грифона об основание сломанного сталагмита.

Кромби крикнул, поджав задние лапы,— он готовился нанести двойной удар под дых человеческой части Честера и выпустить ему кишки. Честер поспешно выпустил Кромби, оттолкнув его как можно дальше, и опять схватился за лук и стрелы. Но грифон, расправив крылья, затормозил полет, сделал круг и вновь приблизился к кентавру, прежде чем тот успел выпустить стрелу. Теперь противники пустили в ход кто руки, кто когти.

Бинк очистил окружающее его пространство от мелких котов, но у доброго волшебника имелось достаточно времени, чтобы разобраться в своих пузырьках и открыть очередной. Пар образовал гроздь ярко-красных бамбуховых вишен. Нет! У Бинка уже был опыт общения с этими маленькими смертельно опасными фруктами — в дворцовом саду росло одно такое дерево. Вполне возможно, что эта гроздь и выросла на том самом дереве. Если хоть одна из них попадет в него...

Он нырнул к Хамфри и поймал его руку, прежде чем тот успел кинуть бомбы. Хамфри отчаянно боролся, но Бинк был намного сильней. Бинк все еще пытался сдерживаться, продолжая ненавидеть насилие, но в данный момент он не видел альтернативы. Оба противника повалились на землю. Пояс волшебника расстегнулся, и коллекция пузырьков запрыгала по камням. Из некоторых пузырьков выскочили пробки. С бамбуховыми вишнями было покончено — они скатились в озеро

и утонули, взорвавшись на глубине и не причинив никому вреда, лишь выпустив из-под воды клубы пара. Одна бомба закатилась в корзинку с драгоценными камнями.

От взрыва камни разлетелись по всей пещере. Алмаз ударил Бинка в ухо, большая жемчужина толкнула в грудь волшебника, опалы попали под копыта Честера.

— Нет! — в ужасе закричала Самоцветик.— Это не так делается! Каждый надо положить на свое место!

Бинку было жаль, что так получилось с камнями, но в данный момент у него имелись более неотложные проблемы. Новые пузырьки выбрасывали на свет поразительное разнообразие предметов.

Первой появилась пара крылатых туфель.

— Так вот где я их оставил! — воскликнул Хамфри.

Но туфли улетели, прежде чем он сумел их схватить. Второй пузырек явил миру огромные песочные часы, из которых уже высыпался песок,— совершенно бесполезная вещь в данной ситуации. Из следующего пузырька вывалилась куча экзотических семян; здесь были семена, похожие на огромные плоские рыбьи глаза, семена, напоминающие смесь соли и перца, и даже — однокрылых мушек. Они выпали из пузырька и разлетелись по всей пещере. Семена хрустели под ногами, катались, словно шарики, чавкали и прилипали, как репейник. Но похоже, непосредственной угрозы они пока не представляли.

К несчастью, остальные пузырьки тоже выпускали пар. Из них появились: бочонок с мусором (так вот как волшебник наводит порядок у себя в замке — сметает весь хлам в бочонок и прячет его в пузырьке), мешок с удобрением, способствующим небывалому росту, небольшая гроза и маленькая новая звезда. Теперь семена получили пищу, воду и свет. Потянулись усики, набухли стебли, лопнули почки, выросли листочки. Корни впивались в скалистую почву и хватались за мусор, стебли сплетались и образовывали толстый яркий ковер. Некоторые разновидности устроили бои местного значения, стараясь захватить наиболее удобренные участки почвы. Бинка и волшебника моментально окружили маленькие пышные джунгли. Лианы цепляли их за ноги, стебли кололи тело, а листья закрывали обзор.

Вскоре растения зацвели. Теперь можно было разобрать, к какому виду принадлежит каждое. Появилось туфельное дерево, на котором росли изящные женские тапочки. Увидев его, Самоцветик вскрикнула от восторга и выбрала себе две пары тапочек. На узелковом дереве появились специальные запутанные узелки: бантик, бабий узел, тальреп, штык и полуштык. Бинку приходилось постоянно переступать с места на место, чтобы не запутаться. Если он запутается в растениях, то тут же потеряет свою победу.

А в это время волшебник пытался уклониться от щелкающих пастей собакозубых фиалок и одуванчиков, а ястребинка норовила клюнуть его в голову. Не будь у Бинка своих проблем, он бы от души посмеялся над волшебником. Золотошип пытался насадить его на свое металлическое острие, а подсолнечник слепил своими яркими лучами. Новая звезда теперь уже была не нужна — в пещере сделалось светло как днем и останется так, пока подсолнечник не выбросит свои семена.

Бинк наклонился — как раз вовремя, чтобы избежать летящих стрелоголовиков,— и поскользнулся на масленичнике; разбрызгивая масло, он тяжело опустился на землю и — крак! — сел прямо на хрустнувший под ним кочан скунсовой капусты. Тут же его обдало тошнотворной вонью.

Ну а чего еще следовало ожидать? От его защитного таланта мало что осталось — враг свел на нет его магию. Теперь Бинк мог рассчитывать только на собственные силы и вести борьбу без посторонней помощи. Но и Хамфри не в лучшем положении: сейчас он затаптывал поросль огонь-травы. Ему пришлось сорвать цветок водяной лилии и заливать пламя ее водой. А в это время несколько кисточников рисовали на нем красные, зеленые и синие полосы. Шальные алмазы из коллекции нимфы прилипли к его одежде.

Нет, так они ничего не добьются! Бинк начал прорубаться вон из этих миниатюрных джунглей, при этом ему пришлось задержать дыхание и закрыть глаза, так как над его головой начали громко лопаться маковые коробочки. Он почувствовал, что к его рукам что-то прилипло, взглянул и увидел листья наперстника. Колокольчик звенел ему прямо в ухо. Но вот наконец он выбрался. И тут же увидел пояс волшебника с остальной

ными пузырьками. Внезапно его осенило: если он завладеет этими пузырьками, Хамфри станет беспомощным. В этих пузырьках содержится вся его магия!

Бинк шагнул к поясу, но в это время из листвы появился облепленный вороньими лапками волшебник. Хамфри отряхнулся, и лапки разбежались в разные стороны. Одинокая преамбула отвернула в сторону свой цветок, чтобы не видеть этого безобразия. Хамфри бросился к своему поясу, и они с Бинком одновременно оказались рядом с целью.

Бинк схватился за пояс. Началось перетягивание каната. От пояса оторвалось еще несколько пузырьков. Из одного пузырька вылетел котелок с ячменным супом. Суп разлился по земле, и алчущие корешки джунглей тут же всосали его. В другом пузырьке оказалась коробка со всевозможными гайками и болтами. Бинку попался под руку рисовый пудинг, и он швырнул его Хамфри в голову, но Хамфри опередил противника, бросив в него пирог с мясом. Из пирога взрывом вынесло начинку, и она разлетелась на двадцать четыре части, покрыв довольно обширную территорию. Бинку удар пришелся прямо в лицо. Начинка запуталась у него в волосах, поползла по шее и частично перекрыла ему обзор. Протирая глаза, Бинк махал перед собой в воздухе мечом, стараясь удержать волшебника на расстоянии. Как ни странно, в это время он видел поединок кентавра с грифоном лучше, чем собственное поле боя.

Из рваных ран, нанесенных когтями разъяренного грифона, по человеческому торсу Честера текла кровь. Но у Кромби была сломана одна из передних львиных лап, а на одном крыле изрядно пообщипаны перья. Схватка рук и когтей велась яростно.

Теперь кентавр нападал на своего оппонента с мечом в руке, а грифон совершал короткие дугообразные перелеты вне досягаемости меча, в поисках слабого места в обороне противника. Невзирая на предупреждение Бинка, эти двое бились не на жизнь, а на смерть. Но как Бинк мог их остановить?

Волшебник нашел еще один пузырек и открыл его. Бинк настороженно шагнул вперед, но оказалось, что волшебник в очередной раз ошибся. Появился огромный горшок с йогуртом. Судя по виду и запаху, он провел в пузырьке слишком

много времени и испортился. Йогурт медленно полетел в сторону озера. Ну что ж, пусть Мозговитый Коралл попробует на вкус это! Но в руках у Хамфри уже возник очередной пузырек. Эти ошибки вряд ли были результатом работы таланта Бинка, скорее чистой случайностью,— похоже, в пузырьках у Хамфри сотни предметов (недаром, в конце концов, говорили, что он знает сотню заклинаний), но только несколько из них можно приспособить для сражения. А сейчас все пузырьки перемешаны. Вероятность, что из очередного наугад взятого пузырька появится что-нибудь действительно опасное, чрезвычайно мала.

Но на то она и вероятность. Из очередного пузырька вылезло извивающееся щупальце кряка и угрожающе потянулось к Бинку. Бинк разрубил щупальце на несколько частей и снова начал наступать на волшебника. Бинк понимал, что сейчас он вполне владеет ситуацией,— ничто из пузырьков Хамфри не устоит против меча в умелых руках.

В отчаянии Хамфри судорожно открывал пузырек за пузырьком, надеясь найти хоть что-нибудь более или менее пригодное в нынешней ситуации. Возникли три танцующие феи с полупрозрачными крыльями пастельных тонов, но они были безвредны и вскоре подлетели за советом к нимфе, которая приструнила их собирать свои разбросанные драгоценности. Появилась коробка с пилюлями для кашля и взорвалась в воздухе, но слишком близко к Хамфри, и тот зашелся в приступе кашля. Но затем появился виверн.

Вообще-то виверны — всего лишь драконники, однако и самые маленькие драконники опасны. Бинк бросился к виверну, целясь мечом в шею. Он не промахнулся, но крепкая чешуя не поддалась лезвию. Виверн разинул пасть и выпустил в лицо Бинку струю горячего пара. Бинк отскочил назад, но мгновенно со всей силой устремил свой меч прямо в центр образовавшегося клуба пара. Лезвие вошло в разинутую пасть, пронзило нёбо и вышло где-то за затылком. Виверн издал крик боли и сдох, едва Бинк успел вытащить меч.

Бинк знал, что ему всего лишь повезло, но это было настоящее везение, а никак не работа его таланта. Вся трудность

с удачей состоит в том, что у нее нет любимчиков: сейчас она на твоей стороне, но в следующее мгновение может подсобить и противнику. Надо скорее со всем этим кончать, пока не наступило то самое мгновение.

И все же у волшебника было время порыться среди оставшихся пузырьков. Он что-то усиленно искал, но никак не мог разобраться в кавардаке, который царил в его пузырьках. Однако с каждым разом пузырьков оставалось все меньше, и опасность, что следующий окажется искомым, увеличивалась. Когда Бинк вновь обернулся к своему противнику, Хамфри встретил его парой теплого зимнего белья, следом полетела пачка потрепанных комиксов, а за ними деревянная стремянка, бомба с вонью и связка магических перьев для письма. Бинка разобрал смех.

— Осторожней, Бинк,— крикнул Честер.

— Это же всего лишь дамское вечернее платье,— ответил Бинк, взглянув на очередной летящий предмет,— вреда от него никакого.

— За ним дурной глаз! — крикнул Честер.

Это уже серьезно! Так вот что искал Хамфри! Бинк, используя платье как щит, укрылся от этой угрозы.

Вырвался луч света, пролетел мимо него и угодил в кентавра. Наполовину оглушенный Честер зашатался, и грифон рванулся вперед для смертельного удара. Его клюв вонзился в ослепленный глаз Честера, заставив противника отступить.

— Нет! — закричал Бинк.

И опять поздно. Бинк понял, что слишком долго надеялся на свой талант и его реакция на случайности замедлилась. Задние копыта Честера ступили в обрыв. Кентавр громко, испуганно заржал и опрокинулся в ядовитые воды озера.

Вода зловеще сомкнулась над головой Честера. Не издав больше ни звука, без борьбы кентавр скрылся в глубине. Бинк потерял верного друга и союзника.

Но скорбеть было некогда. Хамфри уже отыскал новый пузырек.

— Ну все, Бинк! — закричал он, победно поднимая пузырек над головой.— Здесь сонное зелье!

Бинк не посмел напасть на Хамфри, так как между ними продолжал висеть дурной глаз, от которого его спасал лишь ненадежный щит из вечернего платья. Бинк видел неясные очертания глаза сквозь тонкую ткань платья, и ему приходилось постоянно маневрировать, чтобы избежать прямого визуального контакта с ним. Но сонное зелье так просто, тряпкой, не остановишь!

— Сдавайся, Бинк,— закричал Хамфри,— твой союзник погиб, а мой союзник парит у тебя над головой; глаз держит тебя под контролем, а сонное зелье без труда достанет тебя там, где ты стоишь. Сдавайся, и Коралл дарует тебе жизнь!

Бинк застыл в нерешительности и тут же почувствовал дуновение воздуха от крыльев летящего за его спиной грифона. Бинк повернулся и заметил в стороне окаменевшую от ужаса нимфу. Тут он понял, что, делая устами одного из своих слуг милостивое предложение, Коралл действиями другого своего слуги немедленно нарушает собственное обещание.

До сих пор Бинк сражался по необходимости, без всякой охоты, но тут его внезапно обуяла ярость. Его друг погиб, его самого предали, так ради чего теперь сдерживать разящую руку?

— Взгляни-ка на дурной глаз! — крикнул он Кромби и мгновенно убрал платье, в то же время отвернувшись от смертельной опасности.

Кромби тут же отвернул голову от неминуемой гибели. А Бинк, влекомый своей яростью, набросился на него с мечом.

Теперь клюв и когти сражались против меча, и ни один из соперников не рисковал взглянуть в сторону волшебника. Сначала Бинк размахивал ярким платьем, отвлекая внимание противника и стараясь в это время поразить того мечом в голову, потом он намотал платье на левую руку, чтобы защитить ее от когтей грифона. Кромби мог использовать только левую переднюю лапу, потрепанные крылья мешали быстро маневрировать, поэтому ему приходилось стоять на задних лапах. И все же он обладал боевым телом грифона и боевым умом солдата и оставался самым умным и яростным бойцом из всех, с кем приходилось сталкиваться Бинку. Кромби прекрасно знал своего противника, давно изучил его манеру сражаться и сам был более искусным фехтовальщиком, чем Бинк. Более того, Кром-

би был наставником Бинка в этом деле. И хотя теперь у грифона не было меча, он прекрасно знал, чего можно ожидать от Бинка и как противостоять любому его приему. Бинк чувствовал, что противник превосходит его мастерством.

Но гнев Бинка поддерживал его боевой дух. Он целеустремленно продолжал атаковать, пытался рубящими ударами меча добраться до лап и головы своего противника, колющими — до его тела, старался заставить Кромби повернуться лицом к дурному глазу. Он опутал платьем здоровое крыло грифона, издал ужасный вопль и врезался плечом в яркое оперение на груди грифона. Бинк весил не меньше грифона, и толчок заставил Кромби сделать шаг назад, к смертоносной воде. Но это оказалось бесполезно — не успел Бинк подумать, что получил какое-то преимущество, как Кромби отскочил в сторону и Бинк сам сделал несколько шагов к воде.

Бинк постарался затормозить, и это ему, можно сказать, удалось. Он закачался над водой. Около самого берега он увидел голема Гранди, плывущего верхом на бутылке.

— Вылови меня, Бинк! — закричал голем.— Яд на меня не действует, но я начал размокать. Осторожно!

Услышав предупреждение, Бинк плашмя упал на грудь, его лицо повисло буквально в дюйме от воды. Над ним промчался Кромби, который собирался столкнуть его в воду, но промахнулся. Грифон быстро расправил крылья, чтобы пролететь над мрачным озером. Гранди махнул своей тоненькой ручкой по воде, обрызгав расправленный хвост грифона. Как только брызги попали на хвост, тот тут же отвалился. Да, вода действительно была смертоносной!

Кромби делал отчаянные усилия, он изо всех сил забил крыльями и сумел-таки набрать высоту, где брызги уже не могли его достать. Затем он спланировал к противоположному берегу и рухнул на землю, не в состоянии управлять своим полетом из-за потрепанных крыльев и отвалившегося хвоста. Бинк воспользовался передышкой и протянул голему меч, тот схватился за лезвие и с его помощью выбрался на берег.

Однако тут Бинк вспомнил: Гранди освободил Кромби и Хамфри и сделал это именем врага. Голем тоже относился к при-

спешникам Мозговитого Коралла. С чего это он теперь вдруг встал на сторону Бинка?

Этому могли быть две причины. Во-первых, Коралл мог только на время воспользоваться помощью голема, а затем оставить его, потому-то Гранди и вернулся в лагерь Бинка. Но в таком случае Коралл способен в любой момент опять завладеть волей голема, а значит, голему не стоит особо доверять. Если в пылу схватки Коралл забыл про голема, то в нынешней ситуации все может измениться. Во-вторых, а вдруг Гранди и сейчас остается приспешником Коралла? В таком случае...

Но зачем Кораллу пытаться надуть Бинка таким образом? Почему бы не покончить с ним без всяких проволочек? Ответить на эти вопросы Бинк не мог, и ему пришла в голову мысль, что самое разумное — притвориться, будто он попался на удочку. Возможно, у его врага есть какие-то слабости, о которых Бинк и не подозревает, и если он сможет разгадать их, используя голема как ключ к разгадке...

Но солдат не сдался. Так как, лишившись органа управления полетом, Кромби не мог развернуться в воздухе, он сделал ставку на землю. Грифон развернулся, разбежался и взмыл в воздух, чтобы снова перелететь озеро.

— Не притрагивайся ко мне — я пропитан ядом! — крикнул голем.— Я послежу за глазом, а ты сосредоточься на...

Несмотря на свои подозрения, Бинк обрадовался даже такому маленькому союзнику и последовал его совету. Когда грифон подлетел к Бинку, тот схватился за меч обеими руками и взмахнул им прямо над головой. Будучи не в состоянии увернуться, грифон принял удар на здоровое крыло. Лезвие пробило перья, мышцы и сухожилия и задело кость, наполовину отрезав крыло.

Кромби рухнул на землю, но он еще не был побежден. Он чирикнул, вскочил, развернулся и бросился на Бинка, вытянув вперед переднюю лапу с выпущенными когтями. Пораженный упорством солдата, Бинк отпрыгнул в сторону, зацепился ногой за выступ скалы и упал на спину. Когда грифон атаковал сверху и занес над его лицом клюв для удара, Бинк с силой ткнул противника мечом.

На этот раз он целился уже не в крыло, а в горло. Брызнувшая горячая кровь, обжигая, окатила Бинка. Эта рана должна была быть смертельной, и все же грифон продолжал сражаться, стараясь разодрать Бинка своими тремя лапами.

Бинк попытался вывернуться из-под Кромби, таща за собой меч. Но меч застрял где-то в костях и вырвался у него из рук. Бинк прыгнул грифону на спину и вцепился в раненую шею, стараясь или сломать ее, или задушить грифона. До этого момента Бинк и не представлял, что может убить друга, но в его мозгу еще стояла яркая картина гибели Честера, превращая его в бездушного убийцу.

Кромби сделал чудовищный рывок и скинул противника со спины. Бинк снова бросился на него, схватив за ногу, как делал Честер, но ему попалась задняя лапа. Такая тактика ни к чему бы не привела, пребывай солдат в своем человеческом обличье — а Кромби мастер рукопашного боя,— но сейчас он был в облике грифона и не мог полностью воспользоваться своими обширными человеческими навыками и опытом. Не позволяя грифону опомниться, Бинк опустил голову и изо всех сил потянул за пойманную лапу, таща грифона вдоль скалы.

— Не смотри вверх! — крикнул Гранди.— Глаз висит прямо над тобой!

Может ли он довериться голему? Конечно нет, и в то же время глупо рисковать, выясняя, где сейчас находится глаз. Бинк закрыл глаза, покрепче ухватил грифона и, собрав все свои силы, швырнул его через голову. Кромби поднялся в воздух и... не приземлился. Он опять полетел или пытался сделать это! Неудивительно, что он особо и не сопротивлялся,— Бинк просто помог ему подпрыгнуть!

— Глаз кружит, подбираясь к твоему лицу! — крикнул Гранди.

Верить или не верить? Первое же явно ложное заявление голема выдаст его с головой. Так что, скорей всего, Гранди будет придерживаться правды как можно дольше. Как бы это ни показалось забавно, но Бинк должен верить голему, потому что тот вражеский агент. Не открывая глаз, Бинк тряхнул платьем:

— Где?

— На расстоянии вытянутой руки перед тобой!

Бинк расправил платье, схватил его двумя руками и прыгнул вперед. Он использовал платье как сачок для бабочек.

— Ты поймал его! — закричал голем.— Заворачивай его! Кидай его в озеро!

Так Бинк и сделал. Он чувствовал, как внутри платья что-то билось, он ощущал едва заметный вес пойманного глаза — голем говорил правду. Бинк услышал всплеск и осторожно открыл один глаз. Платье плавало на поверхности, но все пропиталось ядовитой водой, и, что бы ни находилось в нем, оно неминуемо моментально погибнет.

Теперь Бинк мог оглядеться. Кромби сумел отлететь очень недалеко и упал в узкую расщелину; теперь он лежал на ее дне, раны и слабость не позволяли ему оттуда выбраться. Но волшебник еще не сдался.

— Еще шаг — и я выпущу снотворное зелье! — крикнул Хамфри.

Бинк начал терять терпение.

— Попробуй выпусти — и сам же первым его отведаешь! — сказал он, подбираясь поближе к Хамфри.— Я могу сдерживать дыхание не хуже тебя.— Его меч валялся на земле, там, где он выпал из раны грифона. Бинк остановился, подобрал его, вытер о свою одежду и взял на изготовку.— В любом случае я сомневаюсь, что зелье подействует раньше, чем я доберусь до тебя. И даже если оно подействует на меня, голем-то останется невредим. На чью сторону он тогда встанет? Он только частично настоящий, сам знаешь, Коралл не может быть уверен в полной власти над ним.

Волшебник не поверил Бинку и выдернул пробку из пузырька. Заклубился пар. Бинк ринулся вперед, махнув перед собой мечом, когда пар начал сгущаться, но его меч ударился в маленький пузырек.

Пузырек из пузырька?

— Только не это! — воскликнул Хамфри.— Это же запас пилюль мудрости, которые я ищу уже десять лет.

Какая ирония судьбы! Волшебник по рассеянности запихал пилюли мудрости в один из пузырьков, а без них не мог сообразить, в каком пузырьке они находятся. А теперь, во время этой

войны талантов, пилюли нашлись, но нашлись в самое что ни на есть неподходящее время.

Бинк приставил кончик меча к груди волшебника:

— Тебе вовсе не нужны будут пилюли мудрости, чтобы сообразить, что произойдет в следующий момент, если ты не сдашься.

Хамфри вздохнул:

— Похоже, я тебя недооценивал, Бинк. Никогда бы не подумал, что ты можешь справиться с грифоном.

Бинк надеялся, что ему не потребуется доказывать это второй раз! Не будь Кромби уставшим и раненым... но какой смысл думать о том, что могло бы случиться.

— Ты служишь моему врагу. Я не могу тебе доверять. Сдавайся, я потребую от тебя только одной услуги, а потом загоню обратно в бутылку до выполнения моего задания. В противном случае я буду вынужден убить тебя, чтобы лишить Мозговитый Коралл сообщников.— А не блеф ли это? Ему совсем не хотелось убивать волшебника, но если схватка возобновится...— Выбирай!

Хамфри ответил не сразу, видимо, ему требовалось посоветоваться с другим разумом.

— Гоблины не смогут подойти — слишком светло, к тому же они ненавидят Коралл. Другой помощи под рукой нет. Своим шахом ты загнал меня в угол. Мне некуда деваться.— Он опять помолчал.

Бинк сообразил, что слово «шах» относится к той обыкновенской игре под названием шахматы, в которую иногда играл король Трент,— шах означал непосредственную личную угрозу. Вполне подходит.

— У Коралла нет чести,— продолжил Хамфри,— но у меня она есть. Я думал, что то предложение, которое я тебе сделал, имеет цену; я не знал, что грифон нападет на тебя.

— Мне бы хотелось тебе поверить. Но я, пожалуй, не рискну,— сказал Бинк; его гнев утих, но осторожность не пропала.— Я только могу дать слово в отношении моих намерений.

— В данных обстоятельствах твое слово надежней моего. Я принимаю твои условия.

Бинк опустил меч, но не отложил его в сторону.

— А как насчет голема? — спросил Бинк.— На чьей он стороне?

— Он... как ты и подозревал, он один из нас. Ты только что поймал меня врасплох и вынудил подтвердить это моей реакцией. У тебя есть хватка, Бинк.

— Не надо лести! Почему Гранди помогал мне?

— Мне велел Коралл,— признался Гранди.

— Но какой же смысл Коралду помогать сражаться против самого себя? Будь ты на стороне Кромби, он мог бы и победить!

— А мог и не победить,— заметил Хамфри.— Коралл тоже недооценил тебя, Бинк. Он думал, что, как только обезвредит твой талант — а он оказался очень сильным и дьявольски хитрым и требовал постоянного внимания,— тебя можно будет одолеть чисто физической силой. Однако чем сложнее становилось твое положение, тем с большей яростью и умением ты сопротивлялся. И то, в чем мы почти не сомневались вначале, оказалось под вопросом. Таким образом, уменьшалась вероятность одолеть тебя силой, но увеличивалась вероятность того, что ты прислушаешься к голосу здравого смысла.

— Здравого смысла! — недоверчиво воскликнул Бинк.

— Для этого Коралл назначил голема тебе в друзья, чтобы иметь в твоем лагере своего человека. Таким образом, если бы ты победил, а я погиб в сражении, остался бы кто-то, чье мнение ты был бы готов выслушать.

— Ну что ж, в данный момент я не готов,— сказал Бинк.— Я никогда не верил, что Гранди переметнулся на мою сторону, и готов был бросить его обратно в озеро, как только он опять предаст меня. Сейчас есть более важное дело. Найди-ка пузырек с оздоровительным эликсиром. Я знаю, что он еще не открывался.

Волшебник присел на корточки и начал перебирать оставшиеся пузырьки:

— Вот он.

— Самоцветик! — окликнул Бинк.

Нимфа робко шагнула в его сторону:

— Я боюсь тебя, Бинк, когда ты такой.

И в течение всей битвы она тоже боялась. Он мог бы воспользоваться ее помощью, когда за ним охотился дурной глаз, вместо того чтобы принимать сомнительные услуги голема. Но в этом отношении она являлась типичной нимфой, неспособной к решительным действиям в критический момент. Хамелеоша была полной ее противоположностью и в своей глупой фазе: она могла прийти ему на помощь, даже жертвуя жизнью. Он любил их обеих, но останется он с Хамелеошей.

— Возьми пузырек и прысни из него на грифона несколько капель.

Она изумленно уставилась на него:

— Но...

— Кромби находился под влиянием врага, поэтому он и совершал ужасные поступки, но он мне все-таки друг. Я хочу излечить его и посадить в пузырек вместе с волшебником, пока все это не кончится.

— А-а-а...

Она взяла пузырек и направилась к поверженному грифону. Бинк подтолкнул волшебника кончиком меча, и они медленно последовали за нимфой. Хамфри признал, что Бинк победил, но Бинк понимал, что это еще не все. Все будет, когда волшебник, Кромби и Гранди опять окажутся в бутылке, а бутылка — в его руках. И несомненно, Коралл сделает все, чтобы этого не случилось.

Нимфа подошла к краю расщелины, в которой лежал Кромби, и заглянула вниз. Она вскинула руку ко рту — тем чисто женским жестом, который Бинк всегда считал таким странно трогательным. Впрочем, что здесь странного, ведь он любил ее, поэтому и воспринимает соответствующим образом любой ее жест. Разумом он все прекрасно понимал.

— Он весь в крови,— воспротивилась нимфа.

— Я не могу отвлечься от волшебника,— сказал Бинк. Да и от голема тоже, добавил он мысленно.— Если в этом пузырьке окажется не оздоровительный эликсир, я его сразу убью.— Смелые слова для того, чтобы подбодрить собственную решимость.— Ты должна это сделать. Он нам нужен, чтобы узнать, в каком направлении находится противоядие.

— Я... да, конечно...— тихо ответила она и начала возиться с пробкой.— Он... тут так много крови... куда надо...

Кромби собрал силы и немного приподнялся. Его орлиная голова с трудом повернулась на полуперерезанной шее, отчего из раны опять хлынула кровь.

— Чирик!

— Он сказал, чтобы ты этого не делал,— перевел Гранди,— он все равно после этого должен будет убить тебя.

Бинк повернул лезвие меча так, чтобы свет сверхновой звезды, отраженный от лезвия, попал в остекленевшие глаза грифона. Свет от подсолнечника был ярче, но теперь он начал ослабевать — настало время, когда подсолнечник почти созрел.

— Я не ожидаю, что приспешники моего врага будут соблюдать законы чести, и не жду благодарности за оказанную услугу,— мрачно проговорил Бинк.— Я заключил своего рода перемирие с Мозговитым Кораллом и склонил его к этому своим мечом. Или Кромби безоговорочно подчинится мне, или... волшебник умрет. Верить мне или нет — это уж их дело.

Как они могут в этом не сомневаться, если он и сам-то не особенно в это верит? Но если дело опять дойдет до сражения, то уж Бинк не позволит Кораллу так просто одолеть его.

Кромби обратил к Хамфри полный муки взгляд.

— Бинк говорит правду,— сказал волшебник.— Он победил и теперь требует от нас услуги в обмен на наши жизни. Коралл на это согласился. Выполни то, чего он от тебя требует, и согласись на заключение в бутылке. В противном случае я умру, а тебе придется вновь выдержать сражение с Бинком.

Грифон еще раз слабо чирикнул.

— Чего он хочет? — перевел Гранди.

— Ты сам прекрасно знаешь,— ответил Бинк.— Ближайший и самый безопасный источник противоядия от любовного зелья.

А не тянут ли они время, ожидая, что подсолнечник совсем угаснет и тогда смогут подойти гоблины?

Опять чириканье, и благородная голова грифона упала на землю.

— Он согласен,— перевел Гранди,— но он слишком слаб, чтобы указать направление.

— Вообще-то нам не особенно и нужно противоядие...— начала было Самоцветик.

— Делай, что тебе говорят,— раздраженно оборвал ее Бинк.

У него самого были глубокие раны по всему телу от когтей грифона, и теперь, когда сражение окончилось, он чувствовал отчаянную усталость. Надо быстрей покончить со всем этим, пока силы совсем не оставили его.

— Брызгай на него!

Наконец нимфа сумела открыть пузырек. Наружу вырвалась драгоценная жидкость, окропив и скалы, и нимфу, и грифона. Одна капля попала даже на голема и моментально исцелила его полурастворившееся тело. Но ни одна капля не коснулась Бинка — и явно стараниями Коралла.

Кромби поднялся из расщелины. Яркий и опять прекрасный, он расправил крылья и повернулся к Бинку. Бинк напряг мускулы — он держал волшебника заложником, но если грифон прямо сейчас набросится на него...

Самоцветик прыгнула между Кромби и Бинком.

— Не смей! — крикнула она грифону.

В воздухе появился запах горелой бумаги.

Какое-то время Кромби смотрел на нимфу, его частично расправленные крылья ходили взад-вперед. Это была всего лишь хрупкая девушка, вооруженная только пузырьком из-под эликсира,— она никак не могла противостоять такому могучему животному. И в самом деле, от волнения ее била дрожь — достаточно Кромби чирикнуть, и она разразится слезами.

И все же Бинк понимал, что это подвиг. Для нимфы это поступок небывалой храбрости. Она пыталась отстоять то, во что верила. Можно ли винить ее в том, что ее храбрость оказалась выше ее сил?

Затем Кромби, вытянув на всю длину одно крыло, завертелся и определил направление. Он указал на озеро.

Бинк вздохнул.

— Отправь его в бутылку,— сказал он волшебнику,— и сделай это правильно с первого раза. Если попробуешь засадить туда меня, то тут же и умрешь.

Произошла небольшая заминка. Пришлось подождать, пока Самоцветик выловит из озера бутылку, где та все еще плавала.

Это требовалось сделать очень аккуратно, чтобы ни одна капля смертоносной влаги не попала на кожу, потом нимфа высушила пузырек и поставила его перед волшебником.

Хамфри произнес свое заклинание. Грифон превратился в пар и влетел в бутылочку. Уже после этого Бинк подумал, что волшебник мог проделать такое и с ним в любой момент сражения, если бы только догадался. Да, потеря пилюль мудрости оказалась для него действительно ощутимой! Но все-таки трудно сообразить даже очевидное, когда тебя вот-вот насадят на меч. К тому же лучшая бутылочка, в которой некогда обитал демон, была тогда недоступна.

— Ну, теперь твоя очередь,— сказал Бинк волшебнику.— В ту же бутылку — и ты, и голем.

— Коралл передумал,— объявил Хамфри.— Он считает, что если тебе будет известна вся правда, то ты согласишься с его точкой зрения. Согласен выслушать?

— Скорее всего, он тянет время, поджидая новых союзников,— сказал Бинк, вновь подумав о гоблинах.

Но ведь он может и не согласиться с точкой зрения Коралла, а прийти с ним к какому-то соглашению...

— Коралл же знает местонахождение и природу источника магии! — сказал Хамфри.— Выслушай, и он тебя туда отведет.

— Сначала отведите меня туда, а затем я вас выслушаю!

— Согласен.

— Согласен?

— Мы доверяем тебе, Бинк.

— А я вам — нет. Ну хорошо, договорились. Надеюсь, я не совершаю роковой ошибки. Покажите мне источник магии, но только чтобы это не было однословной загадкой, которую я не пойму, а затем расскажите, почему Мозговитый Коралл так усиленно старался не допустить меня туда.

— Для начала я предлагаю тебе самому воспользоваться каплей оздоровительного эликсира,— сказал волшебник.

К Бинку удивленно повернулась нимфа:

— Ах, Бинк, ты-то первый должен был им воспользоваться.

— Нет,— сказал Бинк,— это могло оказаться и сонным зельем.

Хамфри кивнул.

— Если бы я попытался тебя надуть, ты бы увидел это на грифоне,— сказал он.— Ты очень хорошо защищаешься от предательства. Должен признаться, что даже в отсутствие своего таланта ты неплохо управляешься. Ты теперь совсем не тот простачок, каким когда-то был.

— Как и все,— буркнул Бинк, продолжая держать руку на рукоятке меча.

Самоцветик брызнула на него из бутылки с оздоровительным эликсиром. Раны моментально исчезли, и Бинк опять стал сильным. Но его подозрения насчет доброго волшебника не исчезли.

Глава 12

ДЕМОН КСАНФА

— Сюда,— показал Хамфри.

Бинк, так и не убирая меча, последовал за волшебником. Самоцветик молча пошла за ними, неся на руках голема.

— Кстати,— сказал Хамфри,— Кромби тебя не обманул. Противоядие, которое ты ищешь, находится как раз в направлении озера, только на другом берегу. Коралл может помочь тебе получить его, если все пойдет, как мы договорились.

— Я с врагами не торгуюсь,— отрезал Бинк.

— Нет? — переспросила Самоцветик.— Тебе не нужно противоядие?

— Извини... я имел в виду, что не собираюсь переходить на сторону врага,— сказал ей Бинк.— Это просто дело принципа. Я не могу позволить врагу купить меня, хотя и не хочу обременять тебя своей любовью дольше, чем...

— Она мне вовсе не в тягость, Бинк. Я никогда не видела такой храбрости, как...

— И так как противоядие пока для меня недоступно, нет смысла держать тебя с нами. Мне очень жаль, что я понапрасну причинил тебе столько беспокойства. Теперь ты можешь идти.

Она схватила Бинка за руку, Бинк автоматически отвел в сторону свой меч.

— Бинк, я...

Бинк наконец не выдержал, поддался желанию и поцеловал ее. К его удивлению, она страстно ответила на поцелуй. Их окружил запах чайных роз. Затем Бинк нежно отстранил ее:

— Будь осторожна, нимфа. Такие приключения не для тебя. Хочется надеяться, что ты со своими камнями и работой всегда будешь счастлива и в безопасности.

— Бинк, я не могу уйти.

— Ты должна. Там, впереди, только опасность и ужас, и я не имею права подвергать тебя этому. Чтобы не нажить себе врага, тебе надо уйти до того, как мы найдем источник магии.

Теперь от нее исходил запах соснового бора в жаркий летний день — свежий, острый и опьяняющий. Оздоровительный эликсир вылечил ее хрипоту и уничтожил тень от бессонной ночи под глазами. Она была так же прекрасна, как и в тот день, когда он впервые встретил ее.

— Но ты не имеешь права и отправлять меня обратно,— возразила она.

Хамфри сделал шаг вперед. Бинк предупреждающе поднял меч. Самоцветик, вновь испугавшись, отшатнулась.

— Не волнуйся,— сказал волшебник,— мы уже подошли к источнику магии.

Бинк насторожился, не решаясь поверить ему:

— Я не замечаю ничего особенного.

— Видишь эту скалу? — сказал Хамфри, указав рукой на скалу.— Это волшебная, медленно растущая скала, которая пробивалась сквозь разлом в обычной породе. На ее вершине образуется магическая пыль. Часть природного или магического преобразования земной коры.— Он указал вниз: — А заряжается она внизу, от источника магии.

— Это понятно, но *как* она заряжается магией? — спросил Бинк.— Почему Коралл так упорно не давал мне приблизиться к ней?

— Скоро узнаешь.— Волшебник указал на естественный извилистый тоннель, ведущий вниз.— Чувствуешь, как усиливается магическая напряженность? Даже самый маленький

талант здесь становится равным таланту волшебника, но в непосредственной близости от источника магии талант исчезает. Получается парадокс: рядом с ним магия будто и не существует; это происходит потому, что там она становится настолько сильной, что ее просто нельзя подобающим образом вычленить.

Из всего сказанного Бинк понял очень немного. Он продолжал спускаться, оставаясь в постоянной готовности, боясь, что его предадут, и чувствуя дальнейшее усиление магии вокруг. Если бы светлячок попробовал сотворить свою искорку здесь, то взрыв свернул бы всю гору! Они явно приближались к источнику, но, может быть, в этом и заключалась ловушка?

Наклонный тоннель вывел в гигантскую пещеру, на дальней стене которой было высечено лицо демона.

— Демон Ксанфа, источник магии,— просто объявил Хамфри.

— Эта статуя, эта обычная каменная маска? — недоверчиво спросил Бинк.— Это что, шутка?

— Вряд ли это можно назвать шуткой, Бинк. Без этого демона наша земля была бы совсем как Обыкновения. Землей без магии.

— И это все, что ты хотел мне показать? Ты думаешь, я этому поверю?

— Нет, я так не думаю. Но прислушайся к голосу разума. И тогда ты сумеешь уловить огромную важность увиденного и понять опасность, которой ты подвергаешь все наше общество, находясь здесь.

Бинк отрицательно помотал головой:

— Я сказал, что выслушаю тебя. И я это сделаю. Но я не обещал поверить во все, что ты мне тут наговоришь.

— Ты не можешь не поверить,— сказал Хамфри.— Но вот сможешь ли ты *воспринять* — в этом и заключается весь риск. Знание придет к нам следующим образом: мы пойдем кругом по этой пещере и уловим некоторые оттолоски мыслей демона. И тогда мы все поймем.

— Я не желаю больше и слышать ни о каком магическом опыте,— возразил Бинк.— Я хочу лишь узнать природу источника магии.

— Узнаешь, узнаешь! — сказал Хамфри.— Просто иди за мной, и все. Другого способа нет.

И он шагнул вперед.

Все еще полный подозрений, Бинк последовал за ним, так как не хотел, чтобы волшебник вдруг очутился вне зоны досягаемости его меча.

Внезапно он почувствовал головокружение, казалось, он вот-вот упадет в обморок, но его ноги держались твердо. Он остановился, к чему-то прислонившись. Очередная атака безумия? Если это ловушка...

Он увидел звезды. Не ничтожные пылинки обычного звездного неба, а огромные и ужасно странные огненные шары из горящего, но не сгорающего вещества, из газа, который плотнее камня, с приливами и отливами, но без воды. Они так далеки друг от друга, что дракон не перелетел бы с одной на другую за всю свою жизнь, и их так много, что человек не счел бы их за всю свою жизнь, и в то же время они были видны все одновременно. Между этих огромно-маленьких близко-далеких невероятных созданий летали всемогущие демоны, трогая то маленькую — огромную — звезду и заставляя ее светиться, то огромную — маленькую — и заставляя ее мерцать красным светом, а при случае вынуждая их раздуваться в ослепительной вспышке сверхновой. Мир звезд был игрушкой в руках демонов.

Видение угасло. Бинк изумленно осмотрел пещеру и все такое же неподвижное лицо демона.

— Ты вышел из определенного отражения мысли демона,— пояснил Хамфри.— Каждое из них очень узко, хотя и очень глубоко.

— Да,— согласился Бинк.

Он сделал еще шаг, и перед ним возникло лицо демонической женщины с глазами такими же глубокими, как водоворот в озере проклятых, с волосами, развевающимися, как хвосты кометы. Это была не совсем женщина, ведь демоны не размножаются, и поэтому им не требуется разделения полов, такое они делают только ради развлечения — они вечны. Они всегда существовали и всегда будут существовать, до тех пор пока в их существовании есть хоть какой-нибудь смысл. Но

чтобы разнообразить монотонное время, они забавлялись, меняя пол, и в этой игре становились то мужчиной, то женщиной, мужского, женского или среднего рода, превращались в нейтральных или анонимных. В данный момент Бинк видел что-то близкое к этим категориям, только он был уверен, что к мужскому роду эта категория не имеет никакого отношения.

— ****,— сказала демоническая женщина, сформулировав свою идею так объемно, что сознание Бинка не смогло охватить ее.

И все же это чудо было столь значительным, что глубоко тронуло его. Внезапно он почувствовал столь сильное побуждение к... Но на человеческом языке это можно было выразить только в крайне непристойных выражениях, если вообще можно выразить или понять. В конце концов, она пребывала не в самой близкой к женскому роду категории.

Бинк вынырнул из завихрения мысли и увидел Самоцветик, она неподвижно стояла в середине другого потока. Ее рот был полуоткрыт, грудь тяжело вздымалась. Что она испытывала? В душе Бинка родились сразу четыре чувства: ужас, что она подвержена такой же грубой и извращенной мысли, какая только что владела им самим, а ведь она была невинной нимфой; ревность из-за того, что она так увлеклась чем-то совершенно не связанным с ним, особенно если ей предлагали нечто столь же завлекательное, как и ему; вина за то, что он все это испытывал к нимфе, обладать которой не мог, хотя никому бы и не пожелал испытать такие же ощущения; и, наконец, беспредельное любопытство. Может быть, это нечто среднего рода сделало ей предложение... О, это ужасно! Но и как соблазнительно одновременно...

Но Хамфри двинулся дальше, и Бинк вынужден был последовать за ним. Они вошли в полосу вечной памяти, такую длинную, что она напоминала волшебный большак, упирающийся обоими концами в бесконечность. Взгляд в прошлое, если, конечно, понятие «взгляд» можно применить к тем чувствам, которые Бинк испытывал, заканчивался далеко-далеко вспышкой. Вселенная демонов начиналась со взрыва и кончалась взрывом, а время и материя представляли собой просто зияние между этими двумя вспышками, которые, в свою очередь,

были частью одного и того же явления. Очевидно, это Вселенная, совершенно отличная от Вселенной Бинка! И все же в муках потока торжествующей бессмыслицы присутствовало что-то очень достоверное. Сверхмагическая конструкция для сверхмагических демонов!

Бинк отмахнулся от этой мысли.

— Но какое отношение имеют все эти демоны к источнику магии Ксанфа? — жалобно воскликнул он.

Но тут он вошел в новый поток, на этот раз сложный.

«Если мы объединимся, то сможем увеличить наши А,— получил он соблазнительное предложение от псевдоженщины демона. По крайней мере, это все, что Бинк сумел разобрать из ее сообщения, так как в нем было столько же уровней, отголосков и символов, как звезд на небе, и они были такими же пламенными, рассеянными и запутанными.— Моя формула E(A/R)th, Эанаэртая, а твоя — X(A/N)th, Иксанаэнный. Наши А совпадают».

Ах да. Это было стоящее предложение, учитывая сложившуюся ситуацию, так как остальные буквы у них не совпадали и, следовательно, не делали их соперниками.

«Не делай этого! — возразил другой демон.— Повысь лучше наши Е, а не А».

Это был D(E/A)th, Дъенаэртый, демон Смерти, который уменьшился бы после увеличения А.

«Повысь Д и Е»,— предложила другая.

То была демонесса Бездны Дъенапэтая. Демоны Смерти и Бездны тут же пришли к консенсусу, согласилась с этим и Эанаэртая. Но в этом случае демон Ксанфа, X(A/N)th, оставался ни с чем.

«Понизим-ка лучше наши Н»,— предложила демонесса Десятка, T(E/N)th, и это понравилось Иксанаэнному. Но Тэнаэнная играла еще и на увеличение Е, а это приносило ей ни с чем не соизмеримую выгоду. Все сделки, за отсутствием обоюдной выгоды, распались.

Бинк вынырнул из этого потока, в голове у него все перемешалось. Имена оказались формулами? Буквы стали числами? Что вообще происходит?

— Ну что, видел? — сказал Хамфри.— У демонов нет имен, только количество набранных очков. Входные переменные замещаются, что влияет на их числовое значение, хотя на самом деле это не совсем и числа, а своего рода уровни идей со своей тяжестью и очарованием, свечением и многими другими составляющими, которые мы вряд ли вообще сумеем понять. Первостепенным является текущий счет.

Это объяснение только внесло еще больше тумана в ситуацию.

— Демон Ксанфа — это всего лишь счет в игре?

— Насколько мы в состоянии понять, демон Ксанфа, чья формула подсчета очков икс на А, деленное на Н, имеет три переменные и показатель порядка,— сказал волшебник,— но сами правила игры выше нашего понимания, мы можем только видеть изменяющийся счет.

— Да плевать мне на очки! — закричал Бинк.— Смысл-то во всем этом какой?

— А какой смысл в жизни? — вопросом на вопрос ответил Хамфри.

— Ну... расти, развиваться, сделать что-то полезное,— сказал Бинк,— но не играть же в игры с идеями.

— Ты смотришь на это таким образом, потому что ты человек, а не демон. Эти существа не способны к росту или развитию.

— К чему тогда все эти числа, их значение, значимость, ускорение...

— Ну, я думал, что ты все и так поймешь,— сказал волшебник.— Это совершенно не имеет отношения ни к интеллекту демона, ни к его силе; это просто его статус. Демоны не растут — они и так всемогущи. Не существует такого, что кто-нибудь из них не мог бы постичь, или такого, чем кто-то из них не мог бы обладать. Нет ничего такого, чего бы они не смогли достичь. Поэтому они не могут ни развиваться, ни делать что-нибудь полезное в нашем понимании. Потому что они абсолютны. Поэтому для них нет ни отрицания, ни риска.

— Нет риска? Но тогда же становится очень скучно.

— А за миллионы лет становится в миллион раз скучнее,— согласился Хамфри.

— И поэтому демоны играют в игры? — недоверчиво спросил Бинк.

— А что может быть лучше для времяпрепровождения и обретения интереса к существованию? Раз их возможности не имеют границ, они сами придумывают себе границы. Возбуждение от искусственно вызванного риска заменяет скуку реальности.

— Ну ладно, пусть все это так,— все еще сомневаясь, сказал Бинк,— но какое отношение это имеет к нам?

— Демон Ксанфа, Иксанаэнный, отбывает наказание за то, что во время предыдущего раунда не сумел закончить применение своей формулы,— сказал Хамфри.— Он будет сидеть здесь неподвижно в одиночестве, пока его не освободят.

Бинк замер, боясь вторгнуться в очередную мысль демонов.

— Но я не вижу никаких цепей, которые бы его держали. Ну а насчет одиночества, так здесь же полно разных существ.

— Никакие цепи не могут удержать его, раз он всемогущ. Он соблюдает правила игры. И уж конечно, мы не можем составить ему компанию. И нет ничего в Ксанфе, что могло бы составить ему компанию. Мы для него микробы, недемоны.

— Но... но...— Бинк пытался ухватить мысль, но никак не мог.— Ты сказал, что он и является источником магии!

— Так оно и есть. Демон Ксанфа заключен здесь более тысячи лет. Из его тела вытекло заметное количество магии и пропитало окружающую материю. Этого количества даже недостаточно, чтобы он что-то заметил; просто естественные следы его пребывания здесь — примерно как наше тело испускает теплоту.

Бинк нашел это столь же фантастичным, как перед этим завихрения мыслей.

— Тысячу лет? Утечка магии?

— За это время даже незначительная утечка способна составить в общей сложности значительное количество, по крайней мере, так может показаться микробам,— попытался убедить Бинка волшебник.— Вся магия земель Ксанфа и рождается от этого источника, и всей, вместе взятой, ее не хватило бы и на одну букву в формуле демона.

— Хорошо, даже если все так, как ты мне сейчас объяснил, то почему Мозговитый Коралл так сопротивлялся, чтобы я это узнал?

— Коралл не имеет ничего против тебя лично, Бинк. Я думаю, он даже уважает твою целеустремленность. Он против того, чтобы *кто-то вообще* узнал это. Потому что у того, кто встретит демона Ксанфа, может возникнуть соблазн освободить его.

— Но как же может микроб... я имею в виду, кто-то из обитателей Ксанфа освободить такое существо? Ты же сказал, что демон остается здесь по собственному выбору.

Хамфри покачал головой:

— Ну что такое выбор для всемогущего? Он остается здесь, потому что это диктуют правила игры. Это совсем другое дело.

— Но он играет в эту игру только ради развлечения! В любой момент он может прекратить играть в нее!

— Игра имеет свою ценность до тех пор, пока соблюдаются все правила. Раз уж он прождал тысячу лет и, возможно, сейчас, как никогда, близок к успеху, зачем ему прекращать это теперь?

Бинк покачал головой:

— Не понимаю, какой во всем этом смысл! Я бы не стал мучить себя таким образом!

Однако в дальнем уголке его сознания зашевелились сомнения. Он сам себя мучил из-за своих чувств к нимфе Самоцветик, стараясь по отношению к Хамелеоше соблюдать правила брака, которые установили люди. А демону это, наверное, показалось бы совершенно бессмысленным.

Хамфри стоял и смотрел на Бинка, отчасти догадываясь, какие мысли роятся у него в голове.

— Хорошо,— сказал Бинк, возвращаясь к главной теме,— Коралл не хотел, чтобы я узнал о демоне, потому что я мог бы его освободить. Как я могу освободить всемогущее существо, если оно не хочет, чтобы его освобождали?

— О нет! Иксанаэнный хочет, чтобы его освободили, я в этом уверен. Просто необходимо, чтобы были соблюдены все правила. Ты можешь сделать это, если просто обратишься к демону и скажешь: «Иксанаэнный, я освобождаю тебя!» И это может сделать всякий, кроме самого демона.

— Но мы для него не в счет — в его понятиях! Мы ничто, просто микробы!

— Не я придумал эти правила, я только интерпретирую те знания, которые за столетия по крупицам собрал Мозговитый Коралл,— сказал волшебник, разводя руками.— Возможно, наша интерпретация неточна. Но я считаю, что подобно тому, как мы с тобой можем поспорить, сядет ли вот эта конкретная пылинка на тебя или на меня, так и демоны могли поспорить, скажет ли этот паразит при таких-то обстоятельствах такие-то слова или нет. Это внесет в процесс игры увлекательный элемент случайности.

— Почему же, обладая такой властью, Иксанаэнный не заставит кого-нибудь из нас сделать это?

— Это будет равносильно тому, что он сделает это сам. Это будет просто жульничеством. Согласно правилам, он должен оставаться здесь и не вынуждать никакое существо действовать ему на пользу; это равносильно тому, что при нашем споре мы не разрешили бы друг другу дуть на пылинку. В данном случае речь идет не о возможностях, а о правилах. Демон знает все, что происходит здесь, включая и этот наш разговор, но в тот момент, когда он вмешается в происходящее, он нарушит правила. Вот поэтому-то он наблюдает и, ничего не предпринимая, ждет.

— Только думает,— сказал Бинк, начиная нервничать под испытующим взглядом демона.

Если Иксанаэнный читал мысли Бинка, пока тот читал его мысли, особенно в случае с демонессой... ох!

— Думать разрешено. Это такая же присущая ему функция, как и колоссальная магия. Он не пытается воздействовать на нас своими мыслями, ведь мы пересекаем их отражения по собственной инициативе. Коралл, находясь в течение тысячелетий ближе всех к Иксанаэнному, впитал в себя больше магии и мыслей демона, чем любое живущее на Ксанфе существо, поэтому он наиболее верно, чем все другие микробы, понимает его. Таким образом, Мозговитый Коралл стал охранником демона.

— И ревниво мешает кому бы то ни было заполучить такую же магию или такие же знания! — воскликнул Бинк.

— Нет. Это необходимая и очень нудная работа, которую Коралл с удовольствием бросил бы еще несколько столетий назад. Его заветное желание — переселиться в смертное тело, чтобы жить, любить, ненавидеть, растить потомство и умереть, как все мы. Но он не может этого сделать, боясь, что тогда демона освободят. Коралл — такой же долгожитель, как и демон, только не обладает такой же силой. Получается безвыходное положение.

— Ты хочешь сказать, что если бы не Коралл, то демона освободили бы уже сотни лет назад?

— Именно,— согласился волшебник.

— Вот это да! И демон все это терпит?

— Демон терпит, иначе это будет нарушением правил.

— Ну знаешь ли, я считаю это вопиющим нарушением гражданских прав демона, и я сейчас же это исправлю! — воскликнул Бинк, охваченный праведным гневом. Но в душе у него все-таки оставались сомнения.— А что выигрывает Коралл, держа демона в заточении?

— Я не могу сказать с полной уверенностью, могу только предполагать,— ответил Хамфри.— Он делает это совсем не ради себя, а просто для сохранения определенного статуса кво. Подумай сам, Бинк, каковы могут быть последствия освобождения демона?

Бинк задумался:

— Я думаю, он просто вернется к своей игре.

— А что станет с нами?

— Ну, у Коралла могут возникнуть кое-какие неприятности. Я тоже вышел бы из себя, если бы кто-нибудь держал меня в заточении несколько столетий! Но Коралл должен был представлять себе риск, прежде чем он в это ввязался.

— Он знал. У демона нет человеческих эмоций. Он воспринимает вмешательство Коралла как часть естественных случайных элементов игры; он не будет мстить. И все равно могут быть последствия.

— Если у Иксанаонного отсутствуют человеческие эмоции, то что помешает ему беспечно уничтожить нас всех? Для него это будет хладнокровный и даже разумный способ обезопасить себя, чтобы второй раз не попасться в ловушку.

— Теперь ты начинаешь понимать озабоченность Коралла,— сказал Хамфри.— Наши жизни висят на волоске. Даже если демон и не обратит на нас никакого внимания, а просто уйдет своей дорогой, для нас это событие все равно будет иметь ужасные последствия.

— Думаю, что да,— согласился Бинк.— Если Иксанаэнный является источником всей магии на нашей земле...— Он ужаснулся и замолчал.— Это может означать конец всей магии! Мы станем...

— Совершенно верно. Такой же страной, как Обыкновения,— сделал заключение Хамфри.— Возможно, это случится и не сразу; потребуется время, чтобы ослабла накопленная за тысячелетия магия. А может, потеря будет мгновенной и абсолютной. Мы этого просто не знаем. Несомненно одно: произойдет катастрофа, вопрос лишь в том, каковы будут ее размеры. Теперь ты наконец понял, какую ношу взял на себя Коралл и в одиночку нес все эти годы. Он спасал нашу страну от участи, которая еще хуже, чем просто разрушение.

— Но демон, возможно, и не уйдет,— сказал Бинк,— возможно, ему здесь нравится...

— И ты рискнешь поставить свою жизнь на такое предположение?

— Нет!

— И ты все еще осуждаешь Коралл за то, что он препятствовал тебе?

— Нет. Я думаю, что на его месте поступил бы точно так же.

— Значит, ты уйдешь, не пытаясь освободить демона?

— В этом я не уверен,— сказал Бинк.— Я согласился выслушать доводы Коралла. Я сделал это. А теперь я сам должен решить, как правильно поступить.

— И у тебя еще есть какие-то вопросы, в то время как на карту поставлено все благополучие Ксанфа?

— Да. Благополучие демона тоже поставлено на карту.

— Но для Иксанаэнного это просто игра, а для нас — жизнь.

— Да,— неохотно признал Бинк.

Волшебник увидел, что все доводы бесполезны.

— За всем этим кроется огромный риск, которого мы хотели бы избежать; риск, который зависит от решения, приня-

того индивидуальной совестью. Теперь все в твоих руках. В твоих руках будущее нашего общества.

Бинк понимал, что все сказанное — правда. Ни Хамфри, ни Коралл не в состоянии ничего сделать, чтобы помешать ему произнести слова, освобождающие демона. Он может раздумывать на эту тему секунду, час, год — сколько захочет. Он не хотел допустить ошибку.

— Гранди,— позвал Бинк, и голем подбежал к нему. Завихрения мыслей на него не произвели никакого действия.— Ты хотел бы освободить демона Ксанфа?

— Я не могу принимать такие решения,— возразил Гранди,— я всего лишь глина и веревки, я — создание магии.

— Как и сам демон,— сказал Бинк,— ты и не то чтобы человек, и не то чтобы живой. Вполне возможно, что ты создан так же, как и демон, просто в миниатюре. Может быть, ответ придет к тебе сам собой, интуитивно.

Гранди серьезно зашагал по пещере.

— Мое дело — переводить. Я не могу испытывать эмоции, как ты, но я очень хорошо представляю себе демона. Он такой же, как и я, мы с ним похожи, как дракон похож на полушку. Я тебе могу сказать только одно: у него нет ни совести, ни сочувствия. Он играет в свою игру, строго придерживаясь правил, но если ты его освободишь, то не получишь ни благодарности, ни вознаграждения. Более того, обещать тебе что-либо за твою услугу будет просто нарушением правил, потому что это может повлиять на твое решение. Но даже если бы правила и позволяли вознаграждение, он все равно не стал бы этого делать. Ему так же легко растоптать тебя, как и учуять.

— Он как ты,— повторил Бинк,— совсем как ты до того, как ты стал изменяться. Теперь ты наполовину настоящий. Тебя кое-что... волнует.

— Я теперь ущербный голем. А Иксанаэнный — совершенный демон. Для меня очеловечивание — шаг наверх, а для него — падение с высот. Он не такой, как вы.

— И все же меня не волнует его благодарность, меня волнует справедливость,— сказал Бинк.— Правильно ли я поступлю, освободив демона?

— По логике вещей ты будешь круглым идиотом, если освободишь его.

Добрый волшебник ободряюще кивал, стоя в стороне.

— Самоцветик,— позвал Бинк.

Нимфа взглянула на него, и появился запах лежалых костей.

— Демон пугает меня больше всего на свете,— сказала она.— Его магия... Моргнув одним глазом, он может уничтожить нас всех, вместе взятых.

— Значит, ты бы его не стала освобождать?

— Ох, нет. Нет, Бинк, я бы ни за что этого не сделала.— Она мило замялась и добавила: — Я знаю, получится нечестно, ведь ты выпил зелье, но я готова сделать для тебя все, что угодно, лишь бы ты его не освобождал.

И опять добрый волшебник кивнул. Нимфы — сказочно простые, прямолинейные существа, их не сковывают старые наслоения совести или социальные условности. Настоящая женщина могла испытывать те же чувства, что и нимфа, но она высказала бы их намного тоньше, покрыв слоем якобы разумных доводов. Нимфа назвала свою цену.

Итак, как логические, так и эмоциональные доводы говорили о том, что демона Ксанфа освобождать не стоит. И все же Бинка терзали сомнения. Что-то особое было в этом огромном сверхмагическом существе, играющем в свои игры...

И Бинк понял. Честь. В рамках своих демонических понятий он был честен. Он никогда не нарушал правил игры, даже в мельчайших деталях, хотя никто из других демонов за ним не следил и не сидел здесь тысячу лет. Порядочность выше человеческих возможностей. Неужели он заслужил за это наказание?

— Я тебя уважаю,— наконец сказал Бинк Хамфри,— и я уважаю доводы Мозговитого Коралла.— Он повернулся к голему: — Думаю, ты заслужил свой шанс обрести полную реальность.— А повернувшись к нимфе, сказал: — Я люблю тебя, Самоцветик.— Он немного помолчал.— Но и любовь, и уважение пусты, если я не буду любить и уважать справедливость. Если я позволю своим личным привязанностям и симпатиям взять верх над честностью своей цели, то потеряю право называться

моральным существом. Я должен делать то, что считаю правильным.

Никто ничего не сказал, все просто смотрели на него.

— Вся проблема в том,— продолжил после паузы Бинк,— что я не уверен, *что* будет правильно. Суть Иксанаэнного так сложна, а последствия потери магии для нашей страны так огромны... Что здесь правильно, а что нет? — Он опять помолчал.— Как бы мне хотелось, чтобы сейчас здесь был Честер, чтобы он мог разделить со мной мои доводы и сомнения.

— Ты можешь оживить кентавра,— сказал Хамфри.— Воды озера не убивают, а только консервируют. Сейчас он подвешен в этом рассоле и не может выбраться, но он жив. Коралл не в состоянии его освободить — этот рассол точно так же сохраняет и сам Коралл. А вот ты, если спасешь магию нашей земли, сможешь собрать огромные силы этого района и вытянуть Честера из озера.

— Ты опять пытаешься соблазнить меня с помощью моих личных симпатий,— сказал Бинк.— Я не могу позволить, чтобы они действовали на меня!

И тут он понял, что еще не выиграл битву с Мозговитым Кораллом. Пока он только возобладал физически, а вот в интеллектуальной сфере он все еще сомневался. Откуда ему взять уверенность, что решение, которое он примет, будет его собственным?

Затем ему в голову пришла блестящая мысль.

— Слушай, волшебник, веди спор за другую сторону! Говори мне, почему я должен освободить демона.

Хамфри испуганно уставился на него:

— Ты не должен освобождать демона.

— Так думаешь ты. Так думает Коралл. Я не могу сказать, действительно ли это твое мнение или оно навязано тебе твоим нынешним хозяином. Так что ты будешь приводить доводы на ту тему, что демона надо освободить, а я буду убеждать тебя, что его надо оставить в цепях.

— Ты сам стал чем-то вроде демона,— пробормотал Хамфри.

— Теперь я утверждаю, что мои друзья мне дороже какого-то обезличенного демона,— сказал Бинк.— Я не знаю, как пра-

вильно с точки зрения Иксанаэнного, но уверен, что мои друзья заслужили лучшей участи. Как я могу предать их и освободить демона?

Хамфри выглядел так, словно проглотил дурной глаз, но подыграл он довольно успешно:

— Вопрос не в предательстве, Бинк. Ни одно из здешних существ и не представляло бы себе, что такое магия, если бы не присутствие этого демона. А теперь срок его наказания закончился, и он должен быть освобожден. Сделать по-иному означает предать свою роль в игре демона.

— У меня нет никаких обязательств в игре демона! — ответил Бинк, входя в роль.— Я здесь оказался по чистой случайности!

— Это и есть твоя роль. Она заключается в том, что ты, разумное существо, на которое демон не оказывал никакого влияния, пришел сюда по собственной инициативе, гонимый обстоятельствами или просто совершенно случайно, для того чтобы освободить его. Ты сражался против нас всех, чтобы защитить эту точку зрения, и теперь, когда ты добился своего, ты хочешь от этого отказаться?

— Да... если так будет лучше всего.

— Откуда ты можешь знать, как будет лучше всего для такого существа, как Иксанаэнный? Освободи его, и пусть он сам выберет себе дальнейшую судьбу.

— За счет моих друзей, моей земли, всего того, что я люблю?

— Справедливость абсолютна; ты не можешь выдвигать против нее какие-то личные доводы.

— Справедливость не абсолютна. Все зависит от конкретной ситуации. Когда на весы положены все доводы за и против, предвзятость...

— Нельзя на весах взвесить правоту и неправоту, Бинк,— сказал Хамфри, все больше входя в роль адвоката Иксанаэнного. Теперь Бинк был уверен, что сейчас говорит именно добрый волшебник, а не Мозговитый Коралл. Врагу пришлось освободить Хамфри, по крайней мере до этого предела, чтобы позволить ему принять участие в игре. Ни разум волшебника, ни его эмоции не были уничтожены, и это была часть того, что Бинк хотел узнать.— Правоту и неправоту нельзя искать в пред-

метах или событиях, их даже нельзя соответствующим образом выразить в каких-либо понятиях — как человеческих, так и демонических. Здесь все зависит от точки зрения. Вопрос лишь в том, следует ли позволить демону продолжить игру по привычным ему правилам.

— Но он и так продолжает ее по привычным для себя правилам,— возразил Бинк.— Если я его не освобожу, это тоже будет вполне соответствовать его правилам. У меня перед ним нет никаких обязательств!

— Честь демона заставляет его подчиняться таким правилам, которые не вынес бы ни один человек,— сказал Хамфри,— и нет ничего удивительного, что твои понятия о чести оказались ниже этого безупречного стандарта.

Бинк почувствовал себя так, будто на него обрушилось проклятие, способное уничтожить целый лес. Волшебник оказался великим мастером словесного боя даже в том случае, когда защищал интересы противоположной стороны! Хотя это могла быть и истинная позиция волшебника, против которой его заставлял выступать Коралл.

— Моя честь заставляет меня следовать законам моих соплеменников, какими бы несовершенными они ни были.

Хамфри развел руками:

— С этим я не могу поспорить. Настоящая война между добром и злом происходит в твоей собственной душе, кем бы ты ни был. Если ты человек, то и должен действовать как человек.

— Да! — согласился Бинк.— А мои законы гласят...— Изумленный и подавленный, он сделал паузу и выпалил: — Они гласят, что я не могу позволить живому чувствующему созданию страдать из-за моего бездействия. И не имеет никакого значения, что демон не освободил бы меня, поменяйся мы с ним местами; я не демон и не собираюсь поступать как демон. Важно лишь то, что человек не может стоять в стороне и наблюдать, как продолжает твориться несправедливость. Тем более когда он с такой легкостью может это исправить.

— Ой, Бинк! — воскликнула нимфа и запахла свежим мирто м.— Не делай этого!

Он опять взглянул на нее — она была прекрасна даже в минуты волнения, несмотря на ее несовершенство. Хамелеоша поддержала бы его решение, и совсем не потому, что хотела бы сделать ему приятное, нет, она тоже человек, который, как и он сам, верит в необходимость совершать правильные поступки. И хотя Самоцветик, как и все нимфы, не обладала всеподавляющей совестью, она оставалась доброй — насколько позволяло ее положение.

— Я люблю тебя, Самоцветик. Я знаю, что это всего лишь один из приемов, которым Коралл пытался меня остановить, но... если бы я даже не выпил зелья и уже не был женат, я бы очень просто мог влюбиться в тебя. Я думаю, тебе не станет легче, когда ты узнаешь, что я тоже рискую моей женой, и моим еще не родившимся ребенком, и моими родителями, и всем остальным, чем так дорожу. Но я должен сделать то, что и подобает сделать.

— Ну ты и дурак! — воскликнул Голем.— Если бы я был настоящим, я бы прихватил нимфу и наплевал на этого демона с высокой горы. Ты не получишь никакой награды от Иксанаэнного!

— Знаю,— сказал Бинк.— За это мне никто спасибо не скажет.— И он обратился к огромному лицу демона: — Я освобождаю тебя, демон Ксанфа.

Глава 13

БЕЗВОЛШЕБЬЕ

И в тот же миг демон вырвался на свободу. Магия, просочившаяся в ближайшее окружение демона X(A/N)th, была ничто в сравнении с магией его освобождения. Последовали ослепительная вспышка, оглушительный гром и взрыв, который отшвырнул Бинка через всю пещеру. Он с силой ударился о стену. Когда чувства вернулись к нему, он увидел, как в медленном движении и звуке рушится пещера. Огромные глыбы падали и рассыпались в песок. Казалось, весь мир рушится на освободившееся после демона место. Вот такого исхода Бинк не предвидел — это было не сознательное разрушение Икса-

наэнным всего вокруг и не скука медленной утраты магии, это было бездумное разрушение всего, что было поблизости в момент его освобождения. Сказанное Хамфри оказалось правдой: демону и впрямь все было безразлично.

И только теперь, когда его душили облака поднявшейся пыли, а свет давали лишь искры от сталкивающихся каменных глыб, Бинк задумался, что же он наделал. Почему он не послушался предупреждения Мозговитого Коралла и не оставил демона в покое? Почему он не поддался любви к нимфе и...

И даже среди этого кошмара, когда он в любой момент мог ожидать смерти, эта мысль заставила его удивленно замереть. Любовь? Ее не было! Он больше не любил нимфу!

Это означало, что магия и в самом деле исчезла. Действие любовного зелья прошло. Его талант больше не защищал его. Теперь земли Ксанфа стали такими же, как Обыкновения.

Бинк закрыл глаза и заплакал. Носящиеся в воздухе клубы пыли забили ему глаза, и их срочно надо было промыть; он был до смерти перепуган, но то, что он понял, затмевало все остальное. Он оплакивал Ксанф. Он уничтожил уникальность мира, в котором жил, и, даже если выберется живым из пещеры, как он сможет с этим жить?

Он не знал, как на это отреагирует то общество, в котором он жил. Что теперь случится с драконами, хищными деревьями и зомби? Как люди смогут жить без магии? Будто все население в одно мгновение оказалось в изгнании — в унылом бесталанном мире.

Обвал прекратился. Бинк был весь в синяках, покрытый каменной крошкой, но с целыми руками и ногами и с мечом. Каким-то чудом он уцелел.

А уцелел ли кто-нибудь еще? Бинк начал всматриваться в каменное месиво. Откуда-то сверху, из дыры высоко над головой, очевидно проделанной демоном при выходе, струился слабый свет. Видимо, X(A/N)th просто рванулся вверх, наружу, спокойно проделав себе путь в скале. Что за сила!

— Волшебник! Самоцветик! — крикнул Бинк, но ответа не получил.

Каменный обвал был так силен, что только вокруг Бинка оставалось еще относительно свободное место. Наверное, это

его талант, прежде чем угаснуть окончательно, в последний раз спас его. Однако теперь Бинк не мог рассчитывать на него — ясно, что первой исчезла магия талантов.

Он начал выбираться из-под обломков. Вокруг поднялась пыль — пыль покрывала все кругом. Бинк понял, что, хотя он и считает, что видел, как удалился демон, все-таки на какое-то время он потерял сознание. Сколько пыли уже осело! Однако голова у него цела и не болит. И все же магический и физический взрыв при освобождении демона мог вызвать много странных эффектов.

— Волшебник! — опять позвал он, понимая, что это бесполезно.

Он, Бинк, выжил, а вот друзьям его защиты в критических случаях в этот ответственный момент не досталось. Где-то внизу, под этой горой камней...

Он заметил блеск, слабое отражение, всего лишь мерцание между двумя пыльными глыбами. Бинк раздвинул их и нашел бутылку, в которой сидел Кромби. Ее покрывал тряпичный лоскуток. Бинк поднял бутылочку, при этом лоскуток упал на землю, и Бинк увидел, что это все, что осталось от голема Гранди. Маленькая человекоподобная фигурка была обязана своей жизнью магии, а теперь она превратилась в бесформенный мягкий комочек.

Бинк закрыл глаза, вновь почувствовав леденящее сердце горе. Он сделал то, что считал правильным, но вот по-настоящему оценить последствия этого не смог. Моральные правила прекрасны, но неосязаемы, а вот жизнь и смерть вполне ощутимы. По какому праву он приговорил эти существа к смерти? Нравственно ли было погубить их во имя его собственной нравственности?

Он положил лоскуток в карман вместе с бутылочкой. Очевидно, последним порывом голема было схватить бутылочку и закрыть ее своим телом. Его порыв не пропал даром — Гранди погиб, сохранив жизнь грифону, которому служил. Он волновался и в последний момент стал настоящим, чтобы тут же броситься навстречу непредвиденному. И где тут нравственность?

Пораженный другой мыслью, Бинк вытащил из кармана бутылочку. Там ли еще Кромби? И в каком виде? Раз магия исчезла, то он вполне может быть мертвым, если, конечно, немного магии не задержалось там, в закрытой пробкой бутылке...

Лучше ее не открывать! Если у Кромби еще и остался шанс, то он спрятан там, в бутылке. Если его освободить и магия рассеется в воздухе, станет ли он человеком или грифоном или останется сжатой фигуркой величиной с пузырек? Бинк уже и так взял на себя огромный риск, освободив демона, рисковать подобным образом жизнью друга он не хотел. Он снова положил бутылочку в карман.

Как тоскливо было на дне этой ямы! Один — с пузырьком и останками голема да с собственными горькими переживаниями. Теперь те нравственные принципы, на основе которых он построил свое решение, казались ему слишком туманными. Демон Ксанфа просидел в своем заключении тысячу лет. И вполне мог просидеть еще лет сто, разве нет?

Бинк обнаружил, что он вообще-то вовсе не на дне ямы. В завале открылся огромный проем, и в нем виднелась темная вода. Озеро! Но его уровень чудовищно понизился; теперь на его дне смутно проглядывала извилистая серая влажная масса, ранее скрываемая водой. Мозговитый Коралл! Он тоже был мертв — он не мог существовать без сильного влияния магии демона.

— Боюсь, ты был прав, Коралл,— печально сказал Бинк.— Ты не остановил меня, и я погубил тебя. Тебя и наш мир.

Он почувствовал запах дыма, но не свежего чистого дыма от весело горящего костра, а вонючего — от не до конца сгоревшей растительности. Очевидно, отлет демона поджег какой-то куст, если, конечно, предположить, что здесь, под землей, есть кусты. Должно быть, это сотворила сильная магия, оставив за собой обычное пламя. Возможно, здесь, под землей, огонь далеко не уйдет, но все вокруг провоняет гарью — это несомненно.

И тут Бинк услышал слабый стон. Это определенно был не Коралл! Бинк начал пробираться на звук и обнаружил Самоцветик, зажатую в вертикальной расщелине. На ее голове кровоточила рана, но нимфа все же была жива. Он поспешно вытащил ее из расщелины и полуотнес, полуоттащил туда, где было

посветлее. Бинк прислонил Самоцветик к скале и осторожно похлопал по лицу кончиками пальцев, стараясь привести в сознание.

Она шевельнулась:

— Не надо тормошить меня, Бинк. Дай мне спокойно умереть.

— Я убил всех остальных,— угрюмо сказал он.— По крайней мере, хоть ты сможешь...

— Вернуться к моей работе? Так я же не смогу делать ее без магии.

В ней было что-то незнакомое и странное. Бинк задумался и сообразил:

— Ты больше не пахнешь!

— Это была магия,— сказала она и вздохнула.— Я думаю, раз уж я жива, надо жить. Но я действительно хотела бы, чтобы ты оставил меня здесь умирать.

— Позволить тебе умереть! Да ни за что на свете! Я...

Нимфа посмотрела на него усталыми глазами. Даже сквозь смешанную с пылью запекшуюся кровь на ее лице было видно, что она прекрасна.

— Магия исчезла. Ты меня больше не любишь.

— Но я все равно в долгу перед тобой и должен отвести тебя домой,— сказал Бинк.

Он посмотрел вверх, стараясь отыскать наиболее удобный путь, и не заметил ее загадочной реакции на его слова.

Они побродили по завалу еще немного, но волшебника так и не нашли. Бинк почувствовал своего рода облегчение — теперь у него появилась надежда, что волшебник выжил и просто выбрался отсюда раньше него.

Бинк уставился в дырку, через которую вышел демон.

— Нам ни за что не добраться туда,— хмуро сказал он.— почти повсюду отвесная скала.

— Я знаю дорогу,— сказала Самоцветик.— Без землероя будет трудно, но там есть естественные проходы... Ой! — внезапно прервалась она на полуслове.

Путь им преградил монстр. Он напоминал дракона, но у него не было ни крыльев, ни огня. Скорее он походил на большую змею с ногами.

— Это тоннельный дракон... я так думаю,— сказала Самоцветик,— но у него чего-то не хватает.

— Магии,— сказал Бинк.— Он изменился и превратился в обыкновенское существо... но он этого еще не понял.

— Ты хочешь сказать, что я тоже превратилась в обыкновенскую женщину? — спросила она без особого разочарования.

— Думаю, что да. На самом деле не так уж и велика разница между нимфами и...

— Обычно они не нападают на людей,— с тревогой продолжила Самоцветик,— это довольно робкие драконы.

Ох уж эти нимфы-утешительницы! Бинк держал руку поближе к мечу.

— Ситуация не из обычных.

Сомневаться не приходилось — этот змей с ногами, широко раскрыв пасть, устремился к ним. И пусть дракон был значительно меньше своих наземных собратьев, чтобы без труда протискиваться сквозь узкие подземные тоннели, его размеры все равно впечатляли. Голова больше, чем у Бинка, а тело — сильное и гибкое. В тесноте подземного тоннеля Бинк не мог свободно махать своим мечом, поэтому держал его наготове перед собой.

Змей попробовал укусить лезвие — глупая затея, ведь заколдованное оружие, скорее всего, располосует его пасть пополам. Зубы сомкнулись на лезвии... и меч вырвался из рук Бинка.

И тут-то он вспомнил, что без магии все чары, наложенные на его меч, исчезли. Теперь меч полностью зависел от мастерства хозяина.

Змей отбросил в сторону меч и снова разинул пасть. На его нижней губе виднелась кровь — все-таки лезвие хоть и легонько, но поранило его. Теперь Бинку предстояло сразиться с монстром голыми руками.

Голова змея ринулась вперед. Бинк отскочил назад. Но голова промахнулась, наклонившись слишком низко, и Бинк ударил по ней кулаком. Когда нижняя челюсть зверя стукнулась о землю, тот от изумления яростно зашипел. Но нога Бинка была уже на шее противника и плотно прижимала ее к земле. Тварь

заскребла лапами по дну тоннеля, стараясь освободиться. Но Бинк крепко держал его.

— Мой меч! — крикнул он.

Самоцветик быстро подобрала меч и протянула его ему, держа за рукоятку. Бинк уже начал было сжимать пальцы, когда в последний момент заметил ее ошибку; из-за этого он потерял равновесие и чуть не упустил зверя.

— Другим концом,— рявкнул он.

— Ах!

Ей и в голову не пришло, что ему надо схватить меч за рукоятку. Нимфа не имела ни малейшего понятия об оружии. Она осторожно взяла меч за лезвие и протянула ему — теперь уже рукояткой вперед.

Но в тот момент, когда он его взял, змей сумел увернуться. Бинк отскочил назад, вскинув меч на изготовку.

Но его противник решил, что с него довольно. Дракон попятился — довольно неуклюжий маневр, особенно когда скользишь,— и нырнул в один из боковых тоннелей.

— Какой ты смелый! — сказала Самоцветик.

— Я был настолько глуп, что позволил ему оставить меня без оружия,— проворчал Бинк. Гордиться совершенно нечем: он провел эту схватку очень неуклюже, без всякой элегантности. Просто тупая, вялая драка.— Пойдем-ка отсюда, пока я не наделал ошибок похуже. Я увел тебя из твоего дома, и я доставлю тебя туда в целости и сохранности, прежде чем отправлюсь дальше. Так будет только справедливо.

— Только справедливо,— эхом отозвалась она.

— Что-нибудь не так?

— А что я буду делать без магии? — вспыхнула она.— Ничего не действует!

Бинк задумался:

— Ты права. Я сломал весь твой жизненный уклад. Лучше я возьму тебя с собой на поверхность.

Она просияла было, но потом нахмурилась:

— Нет, так тоже не пойдет.

— Все будет хорошо. Я же тебе уже сказал, что зелье больше не действует. Я тебя не люблю и больше не буду беспокоить. Ты сможешь поселиться где-нибудь в деревне или даже посту-

пить на службу в королевский дворец. Без магии это, конечно, не ахти что, но все лучше, чем здесь.— И он обвел рукой развалины пещеры.

— Даже не знаю,— пробормотала она.

Они двинулись дальше. Выбравшись из глубины, где обитал демон, они попали в тоннели, которые нимфа прекрасно знала. И теперь они уверенно шли хоть и по спирали, но все время наверх. В стороне от того места, где сидел в заключении демон, особых повреждений не было. Но магия пропала повсюду, и повсюду все существа словно взбесились. Крысы безуспешно пытались ужалить своей магией, типичной для грызунов, а когда это не удавалось, вспоминали, что у них есть еще и зубы. Они тоже умели пользоваться только своими зубами, как Бинк — своим лишенным магии мечом, поэтому шансы были равными. Бинк отгонял их хлесткими взмахами меча. Вполне возможно, что и оружие утратило магию, но, несмотря на это, лезвие оставалось острым и могло ранить или убить.

Для того чтобы постоянно действовать мечом, требовались сила и энергия, и рука у Бинка быстро устала. Совсем недавно в его оружии были чары, делавшие меч легким и отзывчивым на любое движение и в то же время не дававшие ему действовать по собственной воле, как поступал меч в саду замка Ругна. Крысы сбились в стаю и держались на границе досягаемости меча, а когда Бинк взбирался наверх, они успевали покусывать его за пятки. Самоцветик приходилось еще хуже, чем Бинку,— у нее не было даже ножа, и Бинку пришлось отдать ей свой для защиты. Монстра еще можно было убить, а эта мелочь казалась нескончаемой. К счастью, крысы — не полушки, хотя и очень напоминали их.

— По дороге... местами будет темно,— сказала Самоцветик.— Я об этом сразу не подумала... без магии не будет мерцания, не будет магического света. Я боюсь темноты.

От стен еще исходило остаточное мерцание, но оно постепенно угасало. Бинк взглянул на подбирающихся все ближе крыс.

— И не без основания,— сказал Бинк.— Мы должны видеть, с чем бороться.

Без своего таланта он чувствовал себя голым, хотя талант защищал его только от магической опасности и теперь был совершенно бесполезен. С практической точки зрения его положение не изменилось, так как теперь ему не угрожала никакая магия. Не угрожала теперь и, возможно, уже не будет угрожать больше никогда.

— Огонь... нам нужен огонь,— сказал Бинк.— Факелы... если мы сумеем сделать факелы...

— Я знаю, где есть огненные камни! — сказала Самоцветик, но тут же спохватилась: — Но боюсь, без магии они не действуют.

— Ты не знаешь, где взять сухой травы... ну там соломы... в общем, что-нибудь такое, что мы могли бы скрутить и поджечь? И... Но я не знаю, как обыкновены добывают огонь, так что...

— Я знаю, где есть волшебный огонь...— Она замолкла на полуслове.— Ох, это ужасно! Без магии...

Казалось, она вот-вот заплачет. Бинк знал, что твердостью характера нимфы не отличаются. Похоже, магия предназначала их для осуществления мимолетных мечтаний мужчин, но никак не для серьезных дел.

Но ведь и он заплакал, когда впервые понял масштабы того, что натворил. И какую роль в его понимании природы нимф сыграл свойственный человеку шовинизм?

— Я знаю! — к собственному удивлению, воскликнул Бинк.— Там что-то горит, я чувствовал запах раньше. Если мы пойдем туда и подберем то, что горит...

— Великолепно! — воскликнула Самоцветик в порыве энтузиазма, свойственного только нимфам.

Или женщинам, мысленно поправил себя Бинк.

Следуя на запах дыма, они вскоре нашли то, что искали; это были остатки магического сада, за которым раньше, видимо, ухаживали гоблины, но теперь сад увял и побурел. Тлели увядшие листья, и под потолком пещеры слоями висел дым. Гоблины, несомненно, удалились отсюда: они так боялись огня, что даже не попытались спасти сад.

Бинк и Самоцветик собрали то, что сочли подходящим материалом, скрутили все это в неровный жгут и подожгли. Жгут

затлел, вспыхнул и угас, испустив облако вонючего дыма. Но после нескольких попыток результат улучшился; достаточно было, чтобы трут тлел, пока им не потребуется пламя, которое они смогут раздуть в любой момент. Жгут понесла Самоцветик — тлевший огонь давал так необходимое ей чувство большей безопасности, а Бинку нужны были свободные руки на случай новых столкновений.

Теперь их самыми страшными врагами стали гоблины, которых, несомненно, возмутило вторжение в сад. До сих пор не встречалось явных следов пребывания гоблинов, но ведь до этого Бинк и Самоцветик путешествовали на землерое, защищенные магией, и старались следовать по хорошо освещенным местам. В темноте гоблины осмелели. Казалось, в них смешано человеческое и крысиное начала. И теперь, когда магия исчезла, человеческого в них стало меньше, в то время как крысиного, наоборот, больше. К такому выводу Бинк пришел, наблюдая за их повадками,— гоблины все еще напоминали маленьких уродливых человечков с большими мягкими ногами и маленькой твердой головой.

Трудность с гоблинами была в том, что они сочетали сообразительность человека с бесстыдством грызунов. Они прятались, стараясь не попадаться на глаза, но отнюдь не были трусами. Просто они понимали, что один, трое или шестеро из них против меча Бинка не устоят, а чтобы собраться в более крупную стаю и напасть всем одновременно, здесь не хватало места. Поэтому они держались в стороне, но и не отставали.

— Думаю, они знают, что это я освободил демона, и теперь хотят отомстить мне за это,— пробормотал Бинк.— И я не могу их за это винить.

— Ты поступил так, как считал правильным,— возмутилась нимфа.

Он обнял ее за тонкую талию:

— А ты поступаешь так, как ты считаешь правильным, и помогаешь мне выйти на поверхность, хотя мы оба прекрасно знаем, что я был не прав. Я разрушил магию Ксанфа.

— Нет, ты был прав,— сказала она,— ты сочувствовал демону и...

Он крепко прижал ее к себе.

— Спасибо тебе за то, что ты сказала. Ты не возражаешь, если я...— Он осекся.— Совсем забыл! Я же больше не влюблен в тебя!

— Но я не возражаю в любом случае,— сказала она.

Но Бинк уже смутился и отпустил ее. Послышался злобный кудахтающий смех гоблина. Бинк подобрал камень и швырнул его на смех, но, конечно же, промахнулся.

Бинк подобрал несколько камней и вооружился ими против гоблинов. Он кидал камень каждый раз, как видел гоблина. Вскоре его броски стали очень меткими, и гоблины отступили подальше. Камни имеют собственную магию, не имеющую ничего общего с исчезнувшей: они острые и твердые, к тому же всегда под рукой, а рука Бинка сильнее руки любого из гоблинов. И все же совсем они не отстали. Борегар был прав — таких смелых и упорных гоблинов Бинк еще не встречал.

Бинк устал, и ему очень хотелось отдохнуть, но на это он не осмеливался. Если присядешь отдохнуть, запросто уснешь, а это, в свою очередь, приведет к непоправимому. Конечно, он мог оставить нимфу на страже, пока спит, но она, в конце концов, всего лишь нимфа, девушка; и Бинк боялся, что в этой ситуации гоблины сумеют ее перехитрить. Ее участь в руках гоблинов, скорее всего, окажется хуже, чем его собственная.

Он украдкой взглянул на Самоцветик. На ней уже сказались тяготы пути. Ее волосы утратили былой блеск и свисали тусклыми прядями. Она чем-то напоминала ему Хамелеошу, но отнюдь не в ее прекрасной фазе.

Они еле тащились, но все-таки продвигались вперед. Однако у самой поверхности подъем стал еще труднее.

— Выходов в верхний мир совсем немного,— сказала Самоцветик, хватая ртом воздух.— Это наилучший, но я не знаю, как ты сумеешь до него добраться без веревок или крыльев.

Бинк тоже не знал. Будь это самый удобный путь, талант Кромби указал бы на него, когда они еще шли сюда. В трещине над их головами уже виднелось синее дневное небо, но стены пещеры, нависая над путниками, сходились у трещины — мокрые и скользкие. Без магии по таким стенам не залезешь.

— Мы не можем оставаться здесь долго,— тревожно сказала нимфа.— Около выхода растет путана, и ее корни могут соблазниться.— Пораженная, она резко замолчала.— Никак не могу отвыкнуть! Без магии...

Так вот почему талант Кромби не показал на этот вход, сообразил Бинк. Древопутана! Но дурная магия исчезла вместе с хорошей.

— Пошли! — крикнул он.

Бинк нашел корни путаны и отодрал от скалы, обрубая их там, где они не поддавались. Он быстро связал из них прочную узловатую веревку. Корни дерева были сильными, они предназначались для того, чтобы быстро поймать и удержать добычу. Сомнений быть не должно: эта веревка выдержит его вес!

— Но как мы закрепим ее наверху? — тревожно спросила нимфа.

— Один из главных корней пересекает трещину в самом узком месте,— сказал Бинк.— Видишь, вон там,— указал он на торчащий корень.

Она взглянула туда, куда он показал.

— Надо же, я никогда раньше его не замечала! Я здесь была раз двадцать, дразнила путану и гадала, каков мир там, наверху. Я тогда должна была прятать драгоценные камни...— Природа нимфы опять взяла верх.— Прямо нет слов, какой ты наблюдательный.

— А ты, прямо нет слов, как любишь похвалить. Не беспокойся, на этот раз ты увидишь верхний мир. Я не покину тебя, пока ты не попадешь в хорошие руки и не окажешься там, на поверхности, в полной безопасности. Может, ты останешься в деревне Магической Пыли.

Она отвернулась от него, ничего не ответив. Бинк взглянул на нее, щурясь от дыма, исходящего от тлеющего жгута, который она все еще держала в руках:

— Я что-нибудь не так сказал?

Она взглянула на него, и в ее глазах внезапно засветилась решимость:

— Бинк, ты помнишь, как мы впервые встретились?

Он засмеялся.

— Как я могу такое забыть? Ты была такой прекрасной, а я таким грязным... ну прямо как сейчас мы оба! И я только что выпил...— Он пожал плечами, стараясь не затрагивать щекотливую тему любовного зелья.— Знаешь, мне даже грустно, что все это кончилось. Ты ужасно милая нимфа, и без твоей помощи...

— Ты меня тогда любил, а я тебя нет,— сказала она.— Ты был хитрым, а я была простушкой. Ты подманил меня поближе, а потом схватил и поцеловал.

Бинк покраснел:

— Извини, Самоцветик. Я... такого больше не случится.

— Это ты так думаешь,— сказала она, обхватила его руками и страстно и крепко поцеловала в полуоткрытые губы.

И несмотря на то что она была вся в грязи, ощущение оказалось великолепным. Бинку даже почудилось, что он опять попал под действие любовного зелья. Раньше он любил Самоцветик, не зная ее, теперь он хорошо знал ее, понимал пределы ее возможностей, свойственных всем нимфам, и очень уважал ее за то, что она изо всех сил старалась расширить эти пределы; и теперь она ему не просто нравилась. В тени искусственной влюбленности выросли настоящие чувства, и эти чувства останутся навсегда. Что бы подумала Хамелеоша, увидев эти объятия?

Самоцветик разомкнула руки.

— Теперь все наоборот,— сказала она,— теперь я намного сложнее, чем была еще несколько часов назад, а ты стал гораздо проще. А сейчас займись-ка своей веревкой.

Что она этим хотела сказать? Пораженный Бинк привязал к концу веревки камень, чтобы сделать этот конец достаточно тяжелым, и швырнул его вверх, стараясь попасть в торчащий корень. Из-за веса веревки камень даже не поднялся на нужную высоту. Бинк попробовал снова, на этот раз бросив посильнее, но все равно веревка оказалась слишком тяжелой. Камень тащил за собой веревку, но чем выше поднимался камень, тем тяжелее становилась веревка и тем медленнее она тянулась за камнем. Наконец Бинк смотал веревку в клубок и весь его швырнул вверх; на этот раз веревка долетела до корня, но не зацепилась за него. Однако это уже был хоть какой-то успех, и, сделав еще несколько попыток, Бинк добился своего. Ка-

мень начал падать, таща веревку за собой. Веревка зацепилась, прежде чем камень успел спуститься до пределов досягаемости, но несколько рывков за другой конец освободили ее. Бинк связал концы, и веревка образовала петлю, которая не могла сорваться с корня.

— Я вылезу первым, а потом ты сядешь в петлю, и я вытащу тебя наверх,— сказал он нимфе. Он знал, что самой ей ни за что не забраться, для этого ее руки слишком слабы.— Раздуй посильнее факел, чтобы гоблины побоялись подойти к тебе близко.

Она кивнула. Бинк несколько раз глубоко вздохнул и почувствовал, как его измученное тело собирается для последнего усилия. Затем он ухватился за веревку и полез.

Сначала подъем показался ему не таким трудным, как он ожидал, но потом положение ухудшилось. Его руки довольно быстро устали, так как они и до этого уже много поработали. Он обхватил ногами веревку и повис, стараясь дать возможность отдохнуть рукам, но силы возвращались очень медленно. Вот бы сейчас оздоровительного эликсира! Но внизу ждала Самоцветик, а вместе с ней — крысы и гоблины, и он не мог позволить себе слишком долгий отдых. Измученный, он начал подниматься — все более и более слабыми рывками. Его дыхание участилось, в голове появилась странная легкость, руки выше локтей словно превратились в затопленные бревна, но он продолжал лезть все выше и выше.

Он выбрался наверх так внезапно, что это ему показалось чудом. Может быть, его сознание просто притупилось, чтобы смягчить боль продолжающегося напряжения, и снова ожило, как только он достиг цели. Он обхватил главный корень, который оказался на ощупь очень мохнатым, возможно, чтобы лучше удерживать свою добычу. До этого момента Бинку и в голову не приходило, что он может с такой радостью обнимать корень путаны!

Он попытался закинуть ногу на корень, промахнулся и почувствовал, что падает. Какое облегчение, полная расслабленность! Но веревка была рядом, он вцепился в нее и, задыхаясь, повис. Осталось совсем немного, но это оказалось самым трудным!

Наверху веревки был узел. Бинк обхватил ногами узел и воспользовался сравнительно свежими мускулами ног, чтобы подтянуться вверх и кое-как перевалиться через корень. Под мохнатой поверхностью корня оказалась грубая кора, держаться на которой было намного легче. Бинк начал карабкаться и наконец взобрался на корень. Он лежал на нем, задыхаясь от слабости, такой уставший, что даже не мог почувствовать настоящего облегчения.

— Бинк! — крикнула снизу Самоцветик.— С тобой все в порядке?

Это его подняло. Его труды были еще далеки от завершения.

— Это мне надо тебя спросить! Как там крысы, пока держатся в стороне? Можешь ты усесться в петлю, чтобы подняться?

Он не представлял, как сможет вытащить ее, находясь в таком состоянии, но этого он ей сказать не мог.

— Нет, Бинк, со мной не все в порядке. Я не буду подниматься.

— Самоцветик! Залезай на веревку, там крысы тебя не достанут, если ты подтянешь к себе конец!

— Дело не в крысах, Бинк. Я прожила здесь, внизу, всю свою жизнь. Пока у меня есть свет, я справлюсь и с крысами, и даже с гоблинами. Все дело в тебе. Ты прекрасный человек.

— Я? Я тебя не понимаю!

Но он уже начал понимать, что происходит. И дело не в его внешности, его лицо сейчас выглядело ненамного лучше, чем у Честера. (Благородный кентавр, что-то происходит с тобой сейчас?) Признаки этого проскальзывали и раньше, просто он отказывался их замечать.

— Когда ты выпил зелье, ты остался честным,— прокричала Самоцветик,— ты был сильным, сильнее, чем может себе представить нимфа. Ты никогда не использовал зелье как предлог для предательства своей цели или друзей. Я уважаю тебя, и завидую этому твоему качеству, и постараюсь воспользоваться им как образцом. Единственным исключением было то, что ты украл у меня поцелуй, но я украла его обратно. Я люблю тебя, Бинк, и теперь...

— Но ты же не пила зелья! — возразил он.— И даже если и выпила, то теперь, когда магия исчезла...

— Я никогда не пила зелья,— согласилась она,— поэтому-то потеря магии и не уничтожила мою любовь. Это заставило меня повзрослеть и отобрало наивность нимфы. Теперь я могу правильно оценить происходящее и знаю, что для меня нет противоядия, кроме времени. Я не могу пойти с тобой.

— Но тебе нельзя оставаться там, внизу! — воскликнул потрясенный Бинк. Его любовь к ней была магической, а вот ее к нему — настоящей. И она любила сильней, чем он. Этому, несомненно, способствовала сама природа нимфы.— Все это можно уладить...

— Можно, вот я это и делаю. Когда я увидела, как ты пожертвовал мною, когда на тебя еще действовала магия зелья, я поняла, что, когда все это кончится, надежды у меня не останется. Как это ни забавно, но моя любовь расцвела в тот момент, когда ты от меня отказался, именно *потому,* что ты от меня отказался. Потому, что ты остался верен своим принципам и первостепенным обязанностям. Я тоже остаюсь верной своим. Прощай, Бинк!

— Нет! — закричал он.— Выбирайся оттуда! Мы придумаем что-нибудь получше...

Но веревка уже заскользила по корню. Самоцветик развязала петлю и дернула веревку к себе. Бинк попытался поймать конец, но было уже поздно. Конец веревки миновал корень и упал вниз, в темноту.

— Самоцветик! — закричал Бинк.— Не делай этого! Я не люблю тебя, но ты мне очень нравишься...

Но все было безнадежно. Она права: даже когда он любил ее, он знал, что она не может принадлежать ему. И это никак нельзя изменить.

Ответа снизу не последовало. Нимфа поступила очень благородно и пошла дальше своим путем, развязав ему руки. Точно так же и он бы поступил при подобных обстоятельствах.

Теперь ему не оставалось ничего другого, как возвращаться домой.

— Прощай, Самоцветик! — крикнул он в надежде, что она его слышит.— Ты не добилась моей любви, но ты добилась моего уважения. Теперь ты настоящая женщина, а не нимфа.

Бинк замер, прислушиваясь, но больше ничего не услышал. Наконец он слез с корня и огляделся. Он находился в глубокой расщелине, в которой узнал Провал, пропасть, делящую землю Ксанфа на две части. Дерево, на корень которого он вылез, держалось корнями за дно ущелья, но верхушкой выходило за пределы пропасти, и одна из ветвей нависла над ее краем. Без магии взбираться по дереву было безопасно. На самом деле теперь опасностей для Бинка на земле Ксанфа осталось очень мало. Он может пойти прямиком во дворец короля и дойти туда меньше чем за день.

Он заметил нескольких вялых жучков. Они лежали на солнечной полянке, подергивая клешнями. Бинк пожалел их и аккуратненько подтолкнул ногой к ближайшей тени. Бедняги!

И тут он их узнал. Это были лишенные своей магии полушки! Какой удар их постиг!

Но когда он, раскачавшись, спрыгнул с последнего щупальца путаны на край пропасти, то обнаружил себя в совершенно незнакомом месте. Расщелина тянулась с севера на юг, а не с востока на запад, если, конечно, потеря магии не повернула солнце. Это, наверно, была какая-то другая впадина, а не Провал. Ко всему прочему он еще и заблудился.

Теперь, задумавшись над этим, Бинк решил, что не мог зайти так далеко на север, чтобы добраться до Провала. Так что он, скорее всего, находится где-то к югу от него и к югу от дворца. Лучше всего пойти на север, пока не встретится Провал или какое-нибудь другое знакомое место.

Путь оказался гораздо труднее, чем Бинк предполагал. Да, действительно, враждебная магия исчезла, но исчезла и полезная. Природа вокруг основательно изменилась и стала такой же, как в Обыкновении. Не было ни летающих фруктов, ни башмачных деревьев, ни порточных кустов, чтобы заменить изорванную одежду, не было водяных дынь, чтобы попить. Надо было найти обычную пищу и питье, но Бинк совершенно не представлял, как это сделать. Животные, напуганные отсутствием магии, избегали его — у них не хватало сообразительности понять, что у него тоже не осталось магии. В этом ему повезло.

Было уже далеко за полдень. Сколько дней или часов он провел под землей, Бинк не имел представления, но теперь, на солнце, он мог снова ориентироваться во времени. Ему придется провести ночь в лесу. Это казалось вполне безопасным — он мог, например, забраться на дерево.

Бинк поискал подходящее дерево. Многие деревья в этом лесу казались погибшими — возможно, они просто заснули, попав в эту немагическую зиму. И понадобятся месяцы, а то и годы, чтобы понять опустошительные последствия этой зимы. Некоторые деревья, наоборот, широко раскинули ветви, очевидно, это были какие-то разновидности обыкновенских пород, освобожденные от соперничества с магией. Какое дерево лучше выбрать для ночлега — пышное из обыкновенской разновидности или чахлое магическое?

Бинк ощутил озноб. Становилось прохладно, а одеяльный куст теперь найти невозможно. Однако так на него действовал не только холод. Он устал, был одинок, и его переполняло раскаяние в содеянном. Завтра он предстанет перед своими друзьями в замке и расскажет им...

Но они, конечно же, уже догадались о его вине. И его беспокоило не признание в содеянном, а наказание за содеянное. Самоцветик правильно сделала, что покинула его,— для него нет будущего у себя дома.

Сейчас он вышел в места, которые казались ему смутно знакомыми. Вот в кустах виднеются тропинки, похожие на те, что прокладывают муральвы, вот ежевичные кусты, а вот и пахучие растения...

— Точно! — воскликнул он.— Вот здесь мы взошли на волшебную тропу, которая привела нас в деревню Магической Пыли!

Он всмотрелся сквозь чахлую листву. Вот она! Дорожка, сделанная из бревен и лиан и подвешенная к самым большим деревьям. Теперь она не петляла в воздухе, но ведь она уже не была волшебной.

Он взобрался на дорожку на ближайшем достаточно низком спуске и пошел по ней. Дорожка показалась ему небезопасной: она провисала под его весом и раскачивалась из сто-

роны в сторону, но все же выдерживала. Как и положено, она привела его в деревню.

Он боялся застать там сцену печали. Но складывалось впечатление, что вся деревня, напротив, что-то празднует. Посреди деревни опять горел огромный костер, и вокруг него плясали мужчины и женщины.

Мужчины? Как они сюда попали? Ведь эта деревня состояла из одних женщин! Может, накатила очередная волна завоевания из Обыкновении и грубые мужчины ворвались в деревню беззащитных женщин?

Но похоже, никакой угрозы не было. Мужчины были, конечно, счастливы, но такими же казались и женщины. Бинк направился к деревне, выискивая глазами ее старосту, Троллу.

Когда он сошел с подвесной дорожки, его увидел мужчина.

— Привет, дружище! — окликнул его мужчина.— С возвращением! Кто твоя вдова?

— Вдова? — тупо переспросил Бинк.

— Ну, твоя женщина... до того, как ты попался горгоне. Вот уж она обрадуется, увидев, что ты вернулся.

Горгона! Внезапно Бинк все понял:

— Вы каменные люди! Потеря магии освободила вас!

— А тебя разве нет? — засмеялся мужчина.— Тогда ты лучше сначала встреться со старостой.

— С Троллой? — сказал Бинк.— Если она все еще здесь...

— Кому понадобилась Тролла? — спросил кто-то.

Это был огромный уродливый тролль. Просто обычный тролль — они все уродливые и огромные.

Рука Бинка потянулась к рукоятке меча:

— Я только хотел бы поговорить с ней.

— Ну и ладушки,— приветливо сказал тролль. Он сложил руки рупором и гаркнул: — Эй, сука, поди-ка сюда!

С дюжину девушек с опаской и удивлением оглянулись в их сторону, считая, что тролль обращается к кому-то из них. Бинк постарался спрятать улыбку.

— Да, горгона...— проговорил он.— А что с ней сталось?

— У, мы хотели ее подвесить, после того как... ну, сам понимаешь...— сказал тролль.— Она вообще-то симпатичная курва, если не считать змей вместо волос. Но она прыгнула в озе-

ро и, пока мы сообразили, что там больше нет никаких монстров, была уже далеко. Последние, кто ее видел, говорят, что она направилась на север.

На север. К замку волшебника Хамфри. Бинк был доволен, что ей удалось скрыться, только волшебника она дома не застанет. Еще одна сторона той трагедии, виной которой был Бинк.

Услышав зов, к ним подошла Тролла.

— Бинк! — воскликнула она.— Все-таки получилось!

— Получилось,— мрачно согласился Бинк.— Я изгнал магию из Ксанфа. Я превратил его в Обыкновению. И теперь иду домой за наказанием.

— Наказанием! — воскликнула Тролла.— Да ты всех нас освободил! Ты же просто герой!

А вот это была та сторона, о которой Бинк и не подумал.

— Значит, потеря магии вас не огорчила?

— Огорчила? — воскликнула Тролла.— Я огорчена, что мой муж вернулся, да еще с прекрасным аппетитом?

Она так крепко обняла своего тролля, что у нормального человека от такой ласки треснули бы все ребра. Но ее муж был в состоянии выдержать подобное, хотя казалось, что в его глазах на мгновение и мелькнуло беспокойство.

К ним подскочила грифоница.

— Чирик? — спросила она.

— А вот и ваша провожатая, освободившаяся от заклятия мидасовой мушки,— сказала Тролла.— А где ваш симпатичный грифон?

Бинк решил, что о бутылке лучше не заикаться:

— Он... занят. На самом деле это преобразованный человек. Он очень хорошо отзывался о леди грифонице, но он... просил передать свои сожаления.

Расстроенная грифоница отвернулась. Очевидно, у нее не было пары. Возможно, она вскорости и найдет себе друга, учитывая медленное изменение форм, которое происходит в таких волшебных существах. Бинк задумался, на кого будет больше походить ее суженый — на орла или на льва. А может, уже существующие грифоны сохранят свой нынешний облик, тогда какое у них будет потомство — орлята или львята? Допустим, Кромби выберется из бутылки, но сохранит облик грифона,

сочтет ли он тогда эту грифоницу достойной парой для себя? И если да, то какое у них будет потомство? Отсутствие магии ставит не меньше вопросов, чем ее присутствие!

— Идем, мы устроим тебе королевский праздник, а ты нам расскажешь все до мелочей! — сказала Тролла.

— Я... я очень устал,— смутился Бинк,— лучше я не буду ничего рассказывать. Мой друг добрый волшебник пропал, то же и с кентавром, а воспоминания...

— Конечно, тебе надо отвлечься,— согласилась Тролла.— У нас есть несколько незамужних молоденьких девушек, дочерей старых жительниц деревни. Им в данный момент очень одиноко, и они могли бы...

— О нет, спасибо,— быстро отказался Бинк. Он уже и так разбил слишком много сердец.— Просто накормите меня и устройте на ночь, если у вас есть место...

— С местом трудно: наше население только что удвоилось. Но о тебе позаботятся девушки — им, по крайней мере, будет чем заняться. Они с удовольствием пустят тебя к себе.

Бинк слишком устал, чтобы спорить и дальше. Но, как оказалось, девушками были феи и эльфины, которые окружили его щекочущим самолюбие вниманием, но совсем не интересовались им как мужчиной. Из ужина они устроили настоящую игру — каждая своими руками клала ему в рот кусочек чего-нибудь вкусного, весело при этом воркуя. Они даже не позволили Бинку притронуться к тарелке — все приносилось по кусочку из соседней комнаты. Затем его уложили в кровать, сделанную из тридцати маленьких разноцветных подушечек, а в это время феи порхали вокруг и своими тоненькими, как паутинка, крылышками обвевали Бинка ветерком. Конечно же, вскоре феи больше не смогут летать, и их крылья отпадут, и они примут вид обыкновенских женщин, но пока они еще были очень миленькими. Бинк заснул, считая мелькавших вокруг него фей, которые начали играть в салочки.

Но утро опять вернуло его к реальности — к унылому возвращению домой. Он был доволен, что его поступок способствовал хоть этому маленькому доброму делу, возможно, об этом позаботился его талант, прежде чем исчезнуть вместе с магией, и тем самым снабдил его хорошим безопасным местом

для ночлега. А вот что касается остального Ксанфа, какая надежда осталась ему?

Грифоница немного проводила Бинка, снова взяв на себя прежнюю роль, и он на удивление быстро оказался в мертвом лесу. Это было уже почти знакомое место. Теперь мертвый лес не очень-то и отличался от остального пейзажа Глухомани. Бинк поблагодарил грифоницу, пожелал ей всего хорошего и уже один направился дальше на север.

Его охватило чувство одиночества. Отсутствие магии было таким всеобъемлющим и гнетущим! Все мелочи, к которым он уже привык, исчезли. Не курился дедушкин дымок, не лились кукушкины слезки. Деревья больше не отводили своих веток с его пути и не защищались отпугивающим заклинанием. Все было безнадежно, как в Обыкновении. Он опять почувствовал усталость, и не только от ходьбы. Стоит ли вообще жить без магии?

А вот Хамелеоша остановится в своей средней, нормальной фазе, которую он любил больше всего: ни умная, ни красивая, а просто милая женщина. Да, какое-то время, пока не наскучит, он может прожить и с этим, если допустить, что ему позволят...

Бинк остановился. Он услышал стук, похожий на цоканье копыт по укатанной дорожке. Враг? Ему было почти все равно — хоть какая-то компания!

— Эй! — крикнул он.

— Да? — ответил ему женский голос.

Бинк бросился на звук.

Там, на утоптанной дорожке, стояла кентаврица. Она не была особой красавицей: бока тусклые, к хвосту налипли репейники — естественно, теперь дама не могла избавиться от них простым отгоняющим заклинанием,— а человеческий торс, хотя и явно женский, не лучшего сложения. За ней следовал жеребенок, он был не просто некрасив, а уродлив, если не считать гладкой лошадиной части. Лицом жеребенок очень напоминал...

— Честер! — воскликнул Бинк.— Это жеребенок Честера!

— А! Это ты, Бинк! — сказала кентаврица.

Теперь он ее узнал — это Чери, супруга Честера. Но она теперь вовсе не была той красавицей, на которой он катался раньше. Что произошло?

Однако у Бинка хватило такта не задавать такой прямой вопрос.

— Что ты здесь делаешь? Я думал, ты осталась в Кентавровке, пока...

Но и здесь таился капкан, потому что Честер никогда не вернется.

— Я скачу во дворец, чтобы узнать, кого мне благодарить за это чудо,— сказала она.— Представляешь, вся эта непристойность исчезла из Ксанфа!

И тут Бинк вспомнил, что Чери считала магию непристойностью, по крайней мере, когда это касалось кентавров. Она терпела магию в других как неизбежное зло, поскольку считала себя либерально настроенной кобылицей, но предпочитала обсуждать эту тему только до определенных пределов.

Ну что ж, Бинк это знал во всех подробностях! И ему было приятно, что, по крайней мере, есть кто-то, кому все это по душе.

— Боюсь, это моя работа.

— *Ты* уничтожил магию? — удивленно переспросила она.

— Это долгая история,— сказал Бинк,— и довольно печальная. Я не думаю, что другие воспримут ее так же радостно, как ты.

— Садись на меня,— сказала она.— Ты идешь слишком медленно. Я отвезу тебя во дворец, а по дороге ты мне расскажешь всю эту историю. Я просто умираю от любопытства.

Она может умереть и буквально, когда узнает, что случилось с Честером. Но Бинк все равно должен рассказать ей. Бинк оседлал ее и, как только она пустилась в галоп, постарался покрепче ухватиться. Он уже настроился на дневной переход, а теперь окажется во дворце еще до темноты.

Он рассказал ей обо всем, что произошло. Он поймал себя на том, что подробно описывает даже самые незначительные детали, и понял, что таким образом просто оттягивает момент, когда придется рассказать о том, как Честер бился в своей последней ужасной битве и проиграл. На самом деле он победил бы, если бы дурной глаз, предназначенный для Бинка, не поразил его, но эта деталь была слабым утешением. Чери теперь вдова, и он должен ей это сообщить.

Его повествование было прервано ревом. Им навстречу выскочил дракон, но что за жалкое зрелище представлял собой теперь этот монстр! Некогда блестящая чешуя стала пятнисто-серой. Когда он пытался извергнуть огонь, поднималось лишь облако пыли. Дракон выглядел слабым и больным, ведь его охота тоже зависела от магии.

Тем не менее дракон напал, собираясь сожрать и кентаврицу, и всадника, и жеребенка. Бинк обнажил свой меч, а Чери слегка перебирала копытами, готовая в любой момент лягнуть. Даже потрепанный дракон таких габаритов внушал ужас.

И тут Бинк увидел шрам на шее дракона.

— Слушай, разве мы не знакомы? — воскликнул он.

Дракон застыл, потом приподнял голову, давая понять, что тоже узнал Бинка.

— Честер, Кромби и я однажды уже встречали этого дракона и заключили с ним перемирие,— сказал Бинк.— Мы с ним вместе сражались с полушками.

— Полушки теперь безобидны,— сказала Чери.— Их клешни потеряли...— она пренебрежительно поджала губы,— свою магию. Я только что скакала по Провалу и наткнулась на них; они меня даже не ущипнули.

Такое Бинк уже знал.

— Дракон, магия ушла из Ксанфа,— сказал Бинк,— тебе придется научиться охотиться и сражаться без огня. Со временем ты превратишься в своего обыкновенского собрата или твое потомство станет таким. Я думаю, это будет просто большая змея. Мне очень жаль.

Дракон в ужасе уставился на него. Потом развернулся и кинулся прочь, то ползя на брюхе, то совершая подобия прыжков.

— И мне тоже жаль,— сказала Чери.— Я только теперь поняла, что без магии Ксанф уже не настоящий Ксанф. В нем было свое место и для чудес. Для существ, подобных этому, магия была естественным придатком нашего мира.

Для нее это было очень значительное признание.

Бинк возобновил свое повествование. Он больше не мог тянуть, испытывая свои нервы, и рассказал то, что должен был рассказать.

— Итак, Кромби здесь, со мной, в пузырьке,— начал он подводить черту. И тут же замолчал, почувствовав, как напряглось под ним тело Чери.

— Но Честер и Хамфри...

— Остались внизу,— сказал он,— и все потому, что я освободил демона.

— Но ты же не знаешь, что они мертвы,— сказала она; ее тело оставалось столь напряженным, что ехать стало очень неудобно.— Их можно найти, привезти обратно...

— Но я не знаю, как это сделать,— угрюмо признался он.

Все это ему совершенно не нравилось.

— Возможно, Хамфри просто потерялся, поэтому-то ты и не нашел его тела. Оглушило при обвале. Без его всезнающей магии его вполне можно спутать с гоблином. А Честер... Честер слишком упрям... Он не мертв, он просто лежит в маринаде. Ты же сам сказал, что это консервирующее озеро...

— Сказал,— согласился Бинк.— Я... Но оно настолько обмелело, что я даже видел извилины Мозговитого Коралла.

— Но не совсем же оно высохло! Он там, внизу, на самом дне. Я это знаю. Как грифон у тебя в пузырьке. Мы можем найти его, оживить...

Бинк покачал головой:

— Без магии это не пройдет.

Чери взбрыкнула и скинула его со спины. Бинк полетел, видя, как земля быстро приближается к его голове, и зная, что его талант теперь его не защитит, и... приземлился на руки Чери.

— Извини, Бинк. Меня просто очень раздражают эти непристойности. Кентавры не...

Она поставила его на землю, так и не закончив фразы. Может, она сейчас и не была красивой, но сила кентавра у нее осталась.

Сильная, но некрасивая. Во времена магии у нее был великолепный бюст, сейчас она осталась полногрудой, но как-то обрюзгла, как бывает с человеческими и человекоподобными женщинами подобных размеров. Ее лицо раньше было очаровательно лукавым, а теперь стало каким-то невыразительным. А что могло быть причиной таких разительных перемен, как не утрата магии?

— Давай поговорим без обиняков,— сказал Бинк.— Ты считаешь всю магию непристойной...

— Не *всю* магию, Бинк. Некоторым из вас она кажется естественной, но ведь ты всего лишь человек. А для кентавров это совсем другое дело. Мы слишком цивилизованные.

— А предположим, у кентавров тоже есть магия?

На ее лице появилось выражение отвращения, которое она с трудом сдерживала.

— Лучше продолжить путь, а то будет слишком поздно. Нам осталось пройти еще приличное расстояние.

— Как Герман-отшельник, дядя Честера,— настаивал Бинк.— Он мог вызывать манящие огоньки.

— Он был изгнан из нашего общества,— отрезала она.

На ее лице появилось грубоватое выражение, напомнившее Бинку о Честере.

— Предположим, что у других кентавров тоже есть магия...

— Бинк, почему ты все время хочешь меня оскорбить? Ты хочешь, чтобы я оставила тебя здесь, в Глухомани?

Она позвала своего жеребенка, который тут же подбежал к ней и поскакал рядышком.

— Предположим, что у тебя тоже есть магический талант,— сказал Бинк.— Ты что, его тоже будешь считать непристойностью?

— Ну хватит! — рявкнула она.— Я не потерплю такого непристойного поведения даже от человека. Пойдем, Чет.

И она затрусила по дороге.

— Да чтоб тебя, выслушай же меня, кобылица! — закричал Бинк.— Ты знаешь, почему Честер пошел со мной? Да потому, что он хотел найти свой магический талант. Если ты отрицаешь магию в кентаврах, ты отрицаешь и его, потому что у него была магия, хорошая магия, та...

Она развернулась и подняла передние копыта, собираясь его ударить. Хоть Чери и кобылица, она могла убить одним ударом своих копыт.

Бинк отскочил назад.

— Хорошая магия,— повторил он,— не какая-то там глупость вроде того, чтобы превращать зеленые листья в красные, и не что-то дурное вроде того, чтобы людям пятки припекать.

Он играл на волшебной флейте, серебряной, играл такую прекрасную музыку, какой я раньше не слыхивал. Глубоко внутри он очаровательная личность, но он все время это подавлял, потому что...

— Я тебя сейчас в лепешку сплющу! — заржала Чери, обрушиваясь на него обеими передними копытами.— Ты не имеешь права даже предполагать...

Он был абсолютно спокоен, в то время как ее ослепляла ярость. Он уклонился от ее копыт, как от нападения дикого единорога, не поворачиваясь к ней спиной и не отступая более, чем было необходимо. Бинк мог бы уже раз шесть поразить Чери своим мечом, но даже не вынул его из ножен. Их спор теперь являлся чисто теоретическим, так как в Ксанфе больше не осталось магии, и все же Бинк был полон решимости заставить ее признать правду.

— И ты, Чери... у тебя тоже есть магия. Ты заставляешь себя выглядеть так, как ты хочешь, ты сама себя околдовываешь. Это вроде иллюзии, ограниченной...

В бешеной ярости она попробовала ударить его обоими копытами. Он задел ее самое чувствительное место, сказав, что она сама непристойна. Но он предвидел такую реакцию и был к ней готов. Поэтому он уклонился от удара. Мечом Бинка на сей раз было слово, и он собирался победить с его помощью. Хватит с него заблуждений, особенно собственных; теперь он хотел избавиться от них от всех одним махом. На самом деле он сейчас нападал на самого себя, на свой позор из-за того, что он сделал с Ксанфом, освободив демона.

— Я не отстану от тебя! — закричал он.— Взгляни на себя в озеро. Посмотри, что с тобой стало. Твоя магия исчезла!

Даже в ярости Чери поняла, что так она ничего не добьется.

— Хорошо, я посмотрю! — воскликнула она.— А потом так тебе наподдам, что на луну улетишь!

Случилось так, что они только недавно проехали мимо небольшого пруда. Молча они вернулись к нему. Бинк уже начал сожалеть о том, что он с ней сделал. Кентаврица взглянула на себя. Она была полностью уверена в том, что знает, что она там увидит, но оказалась достаточно честной, чтобы признать, что эта уверенность не оправдалась.

— О нет! — изумленно воскликнула она.— Я некрасивая, отвратительная, я уродливее Честера!

— Нет, ты прекрасна, но с магией,— настаивал Бинк, стараясь утешить ее после того открытия, которое она сделала помимо своей воли.— Потому что магия естественна для тебя, так же как и для меня. И отрицать ее у тебя не больше причин, чем отрицать дыхание, кормление...

— Убирайся! — Она сорвалась на визг.— Ты монстр, ты...

В новом припадке ярости она ударила копытами по воде так, что брызги высоко полетели во все стороны. Но вода вновь вернулась на свое место, как всегда успокаивается вода, рябь улеглась, и перед Чери опять с неумолимой ясностью предстала правда.

— Послушай, Чери! — воскликнул Бинк.— Ты только что заметила, что Честера можно спасти. Я надеюсь на это. Я не осмеливаюсь открыть пузырек с Кромби, потому что этот процесс требует магии, а ее нет. Честер должен оставаться в озере по той причине, что там он законсервирован. Нам *нужна магия*. И не имеет значения, нравится нам это или нет. Без этого Честер мертв. И мы ни к чему не придем до тех пор, пока ты...

С большой неохотой она согласно кивнула.

— Нам предстоит новая задача! — высказал Бинк очередную идею, которая пришла к нему только что, когда он умывался в пруде.— Задача восстановить магию Ксанфа! Может быть, если мы все вместе, люди, кентавры и вообще все обитатели Ксанфа, займемся этим, мы сумеем найти другого демона...

Он резко замолчал, осознав всю тщетность такой затеи. Как они смогут вызвать Иксанаэнного, или Эанаэртую, или другое сверхмагическое существо? Здесь у демонов нет никакого интереса.

— Да,— сказала Чери, обретя надежду, когда Бинк ее потерял,— может быть, король знает, как надо поступить в таком случае. Садись на меня, я сейчас пущусь в галоп.

Бинк снова сел верхом, и она поскакала. Чери не обладала той же прытью, что и Честер, но Бинку все равно пришлось крепко ухватиться за ее тонкую талию, чтобы не слететь наземь, когда она неслась через лес.

— И с магией я опять стану прекрасной...— мечтательно бормотала она ветру.

Бинк устал и сонно клевал носом, пока Чери неслась сквозь опустевшую Глухомань. Поэтому он чуть было не свалился, когда кентаврица вдруг резко остановилась.

Перед ними стояли два огромных лохматых существа.

— Ну-ка, монстры, с дороги! — беззлобно сказала Чери, потому что они, в конце концов, и были монстрами.— Это общественная дорога, вы не смеете ее перегораживать.

— Мы не стоим у тебя на пути, лучше сама бы дала нам пройти,— сказал один из монстров.

— Огр Хруп! — воскликнул Бинк.— Что ты здесь делаешь в такой дали от дома?

— Ты знаешь этого монстра? — спросила Чери у Бинка.

— Конечно! И что более удивительно, теперь я понимаю его без переводчика!

Огр, который сейчас напоминал обычного жлоба, удивленно вперился в Бинка из-под низко нависшего лба:

— Ты у меня искал приют, чтобы потом продолжить путь. Моя любовь и я в пути — сиропный месяц хотим провести.

— Сиропный месяц,— пробормотала Чери.

— А! Так это, выходит, и есть твоя Спящая Красавица! — сказал Бинк, рассматривая великаншу.

Более уродливое существо трудно было и представить. Однако под шапкой спутанных волос, похожих на тряпку, которой только что вытерли блевотину, и под грубой мешковатой одеждой угадывались хрупкие очертания, совсем несвойственные великаншам. И тут Бинк вспомнил, что она была не настоящей огрессой, а всего лишь актрисой, которая играла роль в одной из постановок донных прокляторов. Она, наверно, могла бы выглядеть красивой, если бы постаралась. Но почему же она даже не пытается этого сделать?

— Э, один вопрос...

Эта женская особь была совсем не так глупа, как казалось, она сразу догадалась о намерениях Бинка.

— Да, раньше когда-то другой была я, но донных прокляторов бросила я; я мужа себе отыскала такого, что, будь ты король, мне не нужно другого.

Выходит, примадонна нашла мужа, достойного ее вкуса! После того как Бинку самому довелось однажды встретиться с этими прокляторами, он не осуждал ее выбор. Она сохранила облик великанши, который, во всяком случае, служил лишь отражением ее настоящей сущности, и научила Хрупа говорить более понятно. Ну и сообразительна же эта дама из рода прокляторов!

— Поздравляю! — сказал Бинк и тихонько объяснил Чери: — Они поженились по нашему совету — Хамфри, Кромби, Честера, голема и моему. Учитывая, что Хамфри при этом спал, это еще та история.

— Не сомневаюсь,— с подозрением в голосе сказала Чери.

— Его башка такой чурбан, звучит как будто барабан,— сказала великанша.

— Огры очень страстны,— пробормотал Бинк.

Когда Чери пришла в себя от удивления, она быстро уловила суть разговора.

— А как ты сохраняешь его любовь? — спросила она с чисто женским ехидством.— Разве его никогда не тянет на приключения?

Бинк подумал, что она, может и бессознательно, вспомнила о Честере.

— Пускай идет, коль уж припрет,— сказала великанша, исполненная мудрости своего пола.— Придет домой и уж тогда свое получит он сполна.— Для наглядности она тут же закатила огру оплеуху тыльной стороной ладони. И как раз вовремя, потому что Бинк чуть было не понял ее превратно.— Когда поймет, что он скотина, то вкусной станет даже глина.

Физиономия Хрупа расплылась в одобрительной улыбке. Его, очевидно, это вполне устраивало. Бинк подумал, что Хрупу живется, наверное, даже лучше, чем если бы великанша была настоящей огрессой, воспринимающей его повадки как должное. Какими бы недостатками ни обладала эта актриса, как обращаться со своим супругом, она прекрасно понимала.

— Потеря магии как-нибудь изменила вашу жизнь? — спросил Бинк.

Огры тупо уставились на него.

— Да они ничего и не заметили! — воскликнула Чери.— Вот что значит настоящая любовь!

Отры-молодожены отправились своей дорогой, а Чери возобновила свой бег. Но она оставалась очень задумчивой.

— Бинк, так просто, ради красного словца скажи мне, действительно ли мужчины любят чувствовать себя скотами?

— Да, иногда,— согласился Бинк, подумав о Хамелеоше.

Когда у нее был красиво-глупый период, она, казалось, жила только для того, чтобы ублажать его желания, и тогда он как никогда чувствовал себя мужчиной. А вот в уродливо-умный период она отталкивала его от себя как своей внешностью, так и умом. С этой точки зрения, находясь в глупом периоде, она была мудрей, чем в умном. Конечно, теперь со всем этим покончено — она навсегда останется в своей нормальной фазе, избегая крайностей. И она теперь перестанет быть отталкивающей... или привлекательной.

— А кентавр... если он чувствует себя дома настоящим жеребцом...

— Да. Мужчинам надо чувствовать, что они желанны, нужны и самые главные в доме, даже если это и не так. И уж особенно дома. Эта великанша знает, что делает.

— Похоже, что так,— согласилась Чери.— Она ведь подделка, просто загримированная актриса, и все равно он так счастлив, что сделает для нее все, что хочешь. Но мы, кентаврицы, тоже можем играть как на сцене, если на это будут причины...

Она умолкла и дальше уже бежала без разговоров.

Глава 14

ПАРАДОКСАЛЬНОЕ ЖЕЛАНИЕ

И снова Бинк начал клевать носом, и снова он проснулся от внезапной остановки. Чери затормозила так резко, что он врезался в ее человеческую спину. Он обхватил руками ее талию, чтобы удержаться, но старался не поднимать рук слишком высоко.

— Что...

— Я совсем забыла. Я уже несколько часов не кормила Чета.

— Чет? — сонно переспросил Бинк.

Ах да, жеребенок. Чери сделала знак подрастающему поколению, и тот быстренько подбежал кормиться. Бинк поспеш-

но воспользовался этим предлогом для удовлетворения другого зова природы. Кентавры не очень-то чувствительны к естественным надобностям; на самом деле они способны удовлетворять некоторые из них прямо на бегу. Люди в этом отношении гораздо более стыдливы, по крайней мере, в обществе. Тут Бинк сообразил, почему Чери выглядит нынче не такой красивой: ее грудь набухла и отвисла из-за того, что ей надо кормить жеребенка. Маленькие кентаврики требуют очень много молока, особенно когда им приходится так много бегать, как этому.

Выждав достаточное время, Бинк осторожно вернулся. Жеребенок все еще сосал мать, но Чери заметила Бинка.

— Да не надо вести себя уж чересчур по-людски,— проворчала она.— Ты что, думаешь, я тут магией занимаюсь, что ли?

Бинк смущенно рассмеялся. Она права, в его стыдливости не больше смысла, чем в ее — по поводу магии. Его понятия о непристойности имели не больше смысла, чем ее. Бинк, все еще немного смущенный, подошел поближе. Ему пришла в голову мысль, что кентавры очень удачно сложены — будь у Чери соски там же, где и у кобылы, жеребенку пришлось бы туговато. Чет был стройным парнишкой, и его человеческая часть не могла изгибаться так же, как шея лошади.

— Мы не туда идем! — воскликнула Чери.

Этого только не хватало!

— Ты потеряла тропинку? Мы заблудились?

— Нет, мы на тропинке. Но нам незачем идти в замок Ругна. Там нам никто не поможет.

— Но король...

— Король теперь обычный человек. Что он может сделать?

Бинк вздохнул. Он предполагал, что король Трент найдет выход из сложившейся ситуации, но все же Чери права.

— Да кто может что-то сделать без...

Он старался щадить ее и не употреблять непристойного слова, хотя и понимал, что это глупо.

— Пока кормила Чета, я обо всем подумала,— сказала Чери, с любовью потрепав жеребенка по головке.— Вот мой жеребенок, потомок Честера, представитель доминирующего вида Ксанфа. С чего это я бегу в другую сторону от Честера? Чету

нужен настоящий жеребец, чтобы научить его жизни. Я себе никогда не прощу, если...

— Но мы же не убегаем от Честера! — возразил Бинк.— Мы просто бежим к королю, чтобы выяснить, как нам поступить в условиях отсутствия... как мы сможем...

— Да ладно тебе, говори нормально! — рассерженно крикнула она.— Магии! Ты же мне уже неуклюже, по-человечески, но доказал, так тебя растак, что магия необходима и является частью всей нашей жизни, включая и мою личную. А теперь я развиваю эту мысль. Мы не можем просто пойти домой и страдать по этому поводу вместе с бывшим волшебником. Мы должны что-то сделать. Сейчас, немедленно, пока еще не поздно.

— Уже слишком поздно,— сказал Бинк.— Демон ушел.

— Но может быть, он не успел уйти далеко. Может быть, он что-нибудь забыл и вернулся, вот тут-то мы его и поймаем...

— Нет, так не пойдет. Я знал, что делал, когда освобождал его, хотя мне и не понравились результаты этого освобождения.

— Ты, Бинк, честный, но это иногда не очень-то удобно. Может, мы сумеем вызвать его, поговорить с ним и уговорить его оставить нам парочку-другую чудес...

Бинк покачал головой:

— Нет, мы ничего не сможем сделать, чтобы повлиять на демона Ксанфа. Ему наплевать на наше благополучие. Если бы ты с ним встретилась, ты бы это сразу поняла.

Она повернула к нему лицо:

— Так, может, тогда мне лучше с ним встретиться.

— Ну как мне достучаться до твоих лошадиных мозгов! — раздраженно воскликнул Бинк.— Я же тебе сказал, что он ушел!

— Ну все равно я хочу посмотреть на то место, где он был. Может, там что-нибудь осталось. Что-нибудь такое, что ты пропустил. Не обижайся, Бинк, но ты всего лишь человек. Если есть какая-нибудь возможность, мы...

— Нет никаких возможностей! — закричал Бинк.

Честер упрям, но эта кобылица...

— Послушай, Бинк, ты вдалбливал мне, что мне нужна магия. А теперь я тебе буду вдалбливать, что надо что-то делать, а не сдаваться. Ты можешь говорить себе, что ты бежишь за

помощью, но ты просто убегаешь. Решение нашей проблемы лежит в пещере демона, а не в королевском дворце. Может быть, у нас ничего не получится... но мы должны вернуться туда и попробовать.— И она побежала в том направлении, откуда они только что пришли.— Ты был там, показывай дорогу.

Он невольно побежал рядом с ней, ну совсем как жеребенок.

— В пещеру демона? — изумился он.— Но там полно гоблинов, лишенных магии драконов и...

— Да ну тебя с этими непристойностями,— заржала она.— Кто знает, что там сейчас с Честером!

Вот она, непоколебимая супружеская верность. Теперь, когда Бинк посмотрел на происходящее с этой стороны, собственная точка зрения показалась ему ущербной. Может быть, его человечность мешает ему добиться совершенства. Почему он не остался там, хотя бы пока не найдет своих друзей? Потому что боялся того, что может там обнаружить. Он и в самом деле просто сбежал!

А может быть, Честера удастся вытащить из этого маринада и оживить без всякой магии. Может быть, добрый волшебник Хамфри все еще жив. Конечно, шансов мало... но до тех пор, пока есть хоть малюсенький шанс, Бинк не имел права пренебречь своим долгом перед друзьями и не сделать все возможное, чтобы найти их. У него были мрачные подозрения, что они все мертвы, но даже подтверждение этих подозрений лучше бегства от правды.

Он снова оседлал Чери, и та ринулась вперед. Они продвигались поразительно быстро. Вскоре они уже миновали то место, где встретились, и оттуда галопом устремились в указанном Бинком направлении. Кентавры могут скакать очень быстро, но, даже учитывая это, казалось, что какие-то магические силы ускоряют их продвижение. Это, конечно же, было всего лишь иллюзией, и иллюзией совсем не волшебной. Просто сейчас Чери подгоняло нетерпение как можно скорее спасти мужа, как бы глупо это ни выглядело со стороны. Бинк направил ее к ущелью с путаной, в обход деревни Магической Пыли.

Когда они галопом мчались по ущелью, Бинку показалось, что путана шевелит щупальцами. Это, верно, была игра света в сумерках — без магии путана бессильна.

Чери остановилась как раз у ветки, выходящей за край ущелья.

— Спускаться по веткам путаны... Мне это будет трудновато...— Она остановилась на полуфразе.— Бинк, оно шевелится! Я сама видела!

— Ветер,— вдруг осенило Бинка.— Это ветер качает щупальца.

— Конечно,— с облегчением согласилась она.— На какой-то момент я подумала... но я же понимаю, что это не так.

Бинк заглянул вниз, в расщелину, и увидел трещину, через которую проходил главный корень. Он действительно очень не хотел опять туда спускаться, но и признаваться в этом тоже не хотел.

— Я... э... могу спуститься по лиане... а вот ты...

— Я тоже могу по лиане,— сказала она,— поэтому-то у кентавров очень сильные руки и грудные мышцы: нам приходится выдерживать большой вес. Пойдем, Чет!

Она схватилась за самое толстое щупальце и шагнула в расщелину.

Конечно же, она сумела спуститься, перебирая руками по щупальцу и опираясь передними копытами о ствол. Пока она добиралась до дна пропасти, ее задняя лошадиная часть описывала нисходящую спираль. Жеребенок последовал примеру матери, но ему это далось с большим трудом, так что она даже поспешила подхватить его уже у самой земли. В замешательстве от этого примера Бинк последовал за кентаврами. Ему бы следовало спуститься первым, вместо того чтобы пропускать кобылу с жеребенком!

Оказавшись у основания дерева, Бинк заглянул в темноту пропасти, и его еще сильнее охватило дурное предчувствие.

— Этот спуск будет похуже, не думаю, что Чет справится с ним. А как ты выберешься обратно? Я чуть не убился, вылезая оттуда, а с твоим весом... ты уж не обижайся...

— Честер сможет вылезти,— уверенно сказала Чери,— а потом он вытащит и всех нас.

Бинк представил себе мускулы человеческого торса Честера и вспомнил его колоссальную силу. Только у такого монстра, как огр, руки могут быть сильнее. Возможно, но только воз-

можно, что это осуществимо при условии, если они сумеют перекинуть через корень путаны двойную веревку так, чтобы остальные тянули за другой конец и помогли Честеру подняться. Но все это предполагает, что они действительно найдут и оживят Честера. Если этого не произойдет, Чери и сама погибнет, потому что одному Бинку ни за что ее не поднять. Он еще может справиться с жеребенком, но это его предел.

А Чери уже пробовала прочность щупалец древопутаны. Ее вера отбрасывала всякие сомнения — Бинк даже позавидовал ей. Он всю жизнь считал Честера упрямцем, но теперь понял, что истинная сила их семьи заключена в Чери. В ее руках Честер был просто волшебной глиной... оп, опять непристойная мысль!.. Но теперь, похоже, такой глиной для нее стал и сам Бинк. *Он* не хотел возвращаться к ужасам подземелья, не хотел бесполезно сражаться в темноте с полугоблинами и драконами-змеями. Но он знал, что ему придется это сделать, потому что Чери собирается спасти своего несчастного мертвого жеребца, на меньшее она не согласна.

— Вот это подойдет,— объявила она, потянув за особенно длинное и толстое щупальце, свисавшее с самой вершины дерева.— Бинк, залезь на дерево и отрежь ветку ножом.

— Гм... да, конечно,— согласился он без особого энтузиазма. Но ему сразу же стало стыдно за себя. Раз уж он на это согласился, надо собраться с духом! — Конечно, я сейчас!

И он начал взбираться по жуткому стволу.

Он почувствовал странное возбуждение и подъем духа. Складывалось впечатление, будто с его плеч сняли тяжкий груз. И тут он понял, что это было,— это была совесть. Теперь, когда он наконец принял решение и понял, что оно правильное, хотя и самоубийственное, он примирился со своей совестью, и это было великолепно. Так вот что испытывала Чери, вот что подгоняло ее, когда она неслась по Глухомани, вот что удваивало ее силы! Даже без всякой магии вокруг в душе у каждого есть своя магия.

Бинк достиг места, где из вершины ствола выходил пучок щупалец, напоминающих нелепые волосы, обхватил этот пучок ногами и обрезал выбранное щупальце у самого основания. Он почувствовал, как дерево содрогнулось, ну совсем как ко-

гда-то,— теперь те времена, когда Кромби сражался с таким же деревом, казались очень далекими.

Нет! — тут же напомнил себе Бинк. Это не магия. Просто путана все еще жива, она потеряла магию и превратилась в обыкновенское дерево. Она чувствует боль от пореза, реагирует на нее, но сознательно двигать щупальцами уже не может.

Бинк до конца отрезал щупальце и проследил, как оно полетело вниз. Затем обрезал второе и третье, чтобы быть уверенным, что их хватит для того, что они с Чери задумали.

Дерево все продолжало вздрагивать, когда Бинк уже спускался, свисающие щупальца, казалось, изгибались гораздо сильнее, чем это могло быть от дуновения ветра. Возможно ли, чтобы путана ожила без магии? Нет, причиной, скорее всего, было его карабканье по стволу, сотрясение ствола вызывало сотрясение лиан.

Они привязали к корню первое щупальце. Им пришлось повозиться с узлом — из-за размеров щупальца. После этого они спустили его вниз. Оно свободно закачалось, совершенно свободно, так что пришлось вытащить его обратно. Они старательно привязали к его концу еще одно, чтобы увеличить длину. На этот раз они услышали глухой удар — конец щупальца упал на скалистое дно.

— Я пойду первым,— сказал Бинк,— и встану на страже с мечом, а ты тем временем спустишь Чета. Там внизу гоблины... хм, а у нас ничего нет для того, чтобы зажечь огонь? Нам нужен огонь, чтобы отпугнуть их...

Чери удивленно уставилась на него:

— Если бы ты был гоблином, ты что, стал бы связываться с жеребенком кентавра?

И она многозначительно притопнула передним копытом.

Бинк вспомнил, как совсем недавно ему пришлось уклоняться от атаки Чери, когда он заставлял ее смириться с непристойной, на ее взгляд, идеей. А он в два раза выше гоблинов, у него есть меч, и он хорошо знаком с кентаврами. И что самое главное, он знал: в какой бы ярости ни была Чери в тот момент, она его друг и не причинит ему особого вреда. Ни у одного из гоблинов такой уверенности не будет... а кентаврица, защищающая своего жеребенка, способна навести ужас.

— Я бы не стал связываться с жеребенком кентавра, даже будь я драконом,— сказал он.

— Когда надо, я могу немного видеть и в темноте,— продолжала она.— Я слышу эхо своих копыт и поэтому имею представление о контурах пещеры. Так что доберемся.

Без дальнейших рассуждений Бинк наклонился, схватился за веревку и нырнул в трещину. Он начал спускаться очень проворно, чувствуя себя намного более сильным, чем когда выбирался отсюда. С удивительной быстротой он миновал узел и оказался на дне. Бинк уставился на падающий сверху слабый свет:

— Все в порядке! Я на дне!

Веревка заходила из стороны в сторону — это Чери начала подтягивать ее к себе. Кентавры прекрасно сохраняют равновесие при такого рода занятиях, так как могут упереться всеми четырьмя ногами и полностью использовать силу рук. Вскоре внизу, покачиваясь, показался Чет, веревка плотно опоясывала его туловище, а сам он крепко держался за нее руками. За все это время он не сказал ни слова, ничего не попросил и ни разу не захныкал; Бинк был уверен, что это кардинально изменится, когда Чет вырастет. Бинк отвязал парнишку и хлопнул его по спине.

— Чет здесь! — крикнул он.

Теперь настала очередь Чери. Из-за ее габаритов трещина казалась уже, спуск темнее и длиннее, веревка менее надежной, и Бинк в душе очень волновался.

— Отойди в сторону, я могу... начать раскачиваться,— крикнула она.

Бинк знал, что она чуть не сказала «упасть». Она знала, на что идет, но в храбрости ей не откажешь.

Чери спустилась без происшествий, перебирая руками по веревке, и таким образом добралась почти до дна. Но тут более тонкое щупальце лопнуло, и оставшееся расстояние кентаврица пролетела. Но приземлилась она твердо и без повреждений. У Бинка отлегло от сердца.

— Отлично, Бинк,— тут же объявила она,— садись мне на спину и рассказывай, куда идти дальше.

Не говоря ни слова, Бинк оседлал ее... и тут он услышал в темноте какой-то звук.

— Что-то движется,— резко сказал он, с удивлением обнаружив, что волнуется.— Где Чет?

— Рядом со мной,— ответила она.

Оба прислушались... теперь они ясно различили звук. Царапающий, скребущий звук сбоку и сверху. Определенно, ни к кому из них этот звук не относился. Но на гоблинов это тоже не похоже.

Затем Бинк увидел, как что-то по-змеиному извивается между ними и трещиной.

— Корень путаны... он шевелится! — воскликнул Бинк.

— Мы, должно быть, расшатали его в земле,— сказала Чери,— он начал провисать под собственным весом и при этом немного повернулся.

— Наверно.

Но Бинк сомневался. Это слишком напоминало сознательное движение. Может ли путана снова ожить? Если да, то этим путем им уже не выбраться!

Они двинулись по подземному тоннелю. Бинк обнаружил, что очень хорошо помнит дорогу и может ее найти даже в темноте, к тому же он еще и немного видел. Может быть, это остатки мерцания. На самом деле, по мере того как его глаза привыкали к темноте, становилось все светлее и светлее.

— Мерцание... возобновилось,— сказала Чери.

— А я думал, мне мерещится,— согласился с ней Бинк.— Может, здесь еще осталась какая-то магия.

Они начали продвигаться быстрее. Бинк не мог сдержать удивления — если путана возвращается к жизни и мерцание становится ярче, не означает ли это, что к ним возвращается магия? А последствия...

Внезапно тоннель вывел в... дворцовый зал, такой большой, что Бинк даже не мог охватить его взглядом. Повсюду искрились драгоценные камни, вися в воздухе сверкающими искорками. Вверху виднелся перевернутый фонтан, бьющий светящейся водой, капли которой падали обратно на потолок. Ленты из цветной бумаги образовывали вихри и воронки, которые плавали в воздухе словно по собственной воле; они наклонялись или закручивались в спираль — и только для того, чтобы тут же опять выпрямиться. А со всех сторон пришельцев окружали другие чудные вещи, так много, что разглядеть сразу все

было просто невозможно. Это был парад такой чудесной магии, какой Бинк еще не встречал. Раньше здесь такой пещеры не было! Чери осматривалась вокруг, удивленная увиденным не меньше Бинка:

— Может, это дело рук твоего Иксанаэнного?

Едва она произнесла это имя, тут же материализовался Иксанаэнный. Он восседал на троне из цельного бриллианта. Его сверкающие глаза уставились на Бинка, который все еще сидел верхом на Чери, в то время как жеребенок прижался к матери.

— Вот тебя-то я и хотел видеть! — воскликнул демон Ксанфа.— Ты глупое ничтожество, которое ввергло в опасность и себя, и всю свою культуру, не выиграв при этом ничего ни для себя, ни для своего народа. Такой идиотизм заслуживает соответствующего наказания.

Потрясенный всем этим, Бинк тем не менее рискнул защититься:

— Так для чего же ты тогда вернулся? Что тебе от меня надо?

— Они изменили всю терминологию,— ответил Иксанаэнный,— теперь они перешли на дифференциальное исчисление. Для того чтобы освоить эту систему, мне потребуется пара тысячелетий, иначе я не смогу воспользоваться ею должным образом. Потому-то я на это мгновение и вернулся в знакомое место.

— Мгновение-тысячелетие? — спросил Бинк, с трудом веря услышанному.

— Примерно так. Я призвал тебя сюда, чтобы быть уверенным, что никто не нарушит мое уединение. Каждое существо этого мира, которое знает обо мне, должно быть уничтожено.

— Уничтожено? — изумленно переспросил Бинк.

— Я ничего не имею против кого-то персонально,— заверил его демон.— Мне действительно безразлично, живете вы или нет. Но раз о моем присутствии известно, то меня могут захотеть разыскать другие микробы, а мне хочется побыть одному. Поэтому мне придется уничтожить тебя и остальных знающих про меня, чтобы сохранить свой секрет. Большинство из вас уже уничтожены; остались только ты и нимфа.

— Не втягивай в это дело Самоцветик,— попросил Бинк,— она сама невинность; она приходила сюда только из-за меня. Она не заслужила...

— Эта кобылица с жеребенком тоже ни в чем не виноваты,— заметил демон.— Это не имеет никакого значения.

Чери обернулась и взглянула в лицо Бинку; она повернула свой человеческий торс тем гибким движением, которое Бинк давно знал, теперь она была так же прекрасна, как раньше. Сомнений быть не могло — к ней вернулась магия!

— Ты его освободил... а он к тебе вот так? Почему бы ему не удалиться куда-нибудь подальше, чтобы никто из нас уж точно не смог его найти?

— Из него здесь истекает много магии,— сказал Бинк.— Без него магия ослабла, но до тех пор, пока остаются такие волшебные существа, как драконы и кентавры, мы знаем, что она еще не исчезла полностью. Его магией пропитан весь Ксанф, и, очевидно, он чувствует себя здесь более уютно. Это как хорошо разношенные туфли вместо новых, только что с туфельного дерева, которые несколько жмут. Демон совершенно не похож на нас: он не испытывает чувства благодарности. Я знал это, когда освобождал его.

— Предстоит небольшая задержка, прежде чем я покончу с вами,— сказал демон.— Устраивайтесь поудобнее.

Несмотря на непосредственную угрозу, Бинка разбирало любопытство:

— А в чем задержка?

— Нимфа куда-то спряталась, и я решил не тратить даром свою магию, чтобы отыскать ее.

— Но ведь ты всемогущ, потери не должны тебя волновать!

— Правда, я всемогущ. Но везде следует соблюдать чувство меры. Меня раздражает, когда приходится тратить больше магии, чем требует ситуация. Я расширил твою личность. Она любит тебя — не буду притворяться, что не знаю значения этого слова,— и придет сюда, веря, что ты в опасности, а она может тебя спасти. Вот тогда я и уничтожу вас всех.

Итак, возвращение в Ксанф магии означает конец для Бинка и его друзей. В то же время остальной Ксанф только выиграет, так что полным проигрышем это не назовешь. И все же...

— Я полагаю, тебя не удовлетворит простое обещание, что мы не расскажем о твоем присутствии или примем зелье забвения.

— В этом мало толку,— сказал голос из кармана Бинка. Это был голем Гранди, вернувшийся к жизни вместе с обретением

магии. Он выбрался наружу и уселся на плечо к Бинку.— Вы не сможете сдержать свое обещание. Магия выудит из вас правду в считанные минуты. Даже если вы примете зелье забвения, его можно будет нейтрализовать, а затем получить ваши знания.

— Да, заклинание правды,— сказала Чери.— Мне надо было оставаться при своем первоначальном мнении, что магия — это проклятие.

Но Бинк не сдавался.

— А может, нам сделать наоборот,— предложил он демону.— Может, сообщить всему миру, что ты здесь и уничтожишь любого, кто сюда проникнет...

— Ты просто спровоцируешь девяносто девять придурков принять вызов,— возразила Чери.— Демона будут постоянно донимать, и ему придется тратить свою магию, уничтожая их одного за другим.

Демон одобрительно взглянул на нее.

— У тебя лошадиный зад, но мыслящая голова,— заметил он.

— Как у всех кентавров,— согласилась она.

— А что ты думаешь обо мне?

— Что ты — верх непристойности.

Бинк замер, но демон только рассмеялся. Звук этого смеха оглушительно разнесся по залу. Волшебный дворец задрожал, наполнив воздух обломками, но ни один из них не упал на присутствующих.

— Знаешь что? — заметил Гранди.— А ведь он изменился, как и я.

— Изменился, как ты? — повторил Бинк.— Ну конечно же! Пока его магия истекала из него, пропитывая всю землю Ксанфа, наша культура проникала в него, делая его немного похожим на нас. Поэтому-то он и чувствует себя здесь уютно. Вот поэтому-то он и смеется. У него уже появились простейшие чувства.

Чери тут же все поняла:

— И это значит, что его можно чем-нибудь подцепить. Ты можешь что-нибудь придумать?

— Попробую,— сказал Бинк. Когда веселье Иксанаэнного утихло, Бинк сказал ему: — Демон, я знаю, как сохранить твое уединение. У нас есть щит, который мы используем, чтобы оборонить земли Ксанфа от вторжения. Мы ценим наш покой не

меньше, чем ты свой. Ни одно живое существо не может проникнуть сквозь щит. Достаточно лишь рассказать о тебе королю Тренту, и он поставит такой же щит, чтобы оградить твое одиночество и никого к тебе не допустить. Этот щит надежно служит нам уже около столетия, точно так же он будет служить тебе. Тогда станет совершенно безразлично, знает о тебе кто-то или нет, любой глупец, попытавшийся пробраться к тебе, автоматически погибнет.

Демон задумался:

— Идея привлекательна. Но мне чужды мысли и действия людей. Почему я должен верить, что король удовлетворит твою просьбу?

— Я знаю, что он это сделает,— сказал Бинк.— Король хороший человек, честный, и к тому же он мудрый политик. Он сразу поймет твою потребность в одиночестве и пойдет тебе навстречу.

— Почему ты в этом так уверен? — спросил демон.

— Могу поручиться в этом своей жизнью.

— Твоя жизнь ничего не стоит по сравнению с моим комфортом.

— Но по человеческим понятиям мой талант очень велик,— возразил Бинк,— он будет действовать в моих интересах и подтолкнет короля...

— Твой талант для меня роли не играет. Я могу изменить его на противоположный одним щелчком пальцев.— Демон щелкнул пальцами, и звук от этого щелчка прогремел как взрыв бамбуховой вишни. Бинк с ужасом почувствовал, что у него внутри что-то изменилось.— Однако твое предложение меня заинтересовало, в нем есть какой-то элемент случайности, который я сам не смог бы создать. И я не могу отказать себе в удовольствии несколько расширить эту случайность. Ты сказал, что готов поставить на кон собственную жизнь, чтобы доказать свою способность защитить мой покой. Вообще-то в этом не много смысла, потому что с твоей жизнью уже все решено. Однако я принимаю предложение. Ты готов заключить пари?

— Да,— согласился Бинк,— если таким образом я могу спасти своих друзей, то я согласен на любые...

— Бинк, мне это не больно нравится,— заметила Чери.

— Вот наша испытательная лаборатория,— сказал демон, указывая на огромный колодец, появившийся по мановению его руки. Колодец имел высокие гладкие стенки, забраться по которым было невозможно. В стенках колодца имелось с полдюжины дверей.— А вот тебе и возмутитель спокойствия.— В центре колодца появился монстр. Это был минотавр с головой, хвостом и копытами быка и туловищем сильного, мускулистого человека.— Если он выберется отсюда живым, будем считать мое уединение нарушенным. А ты, если сможешь, останови его.

— По рукам! — крикнул Бинк и, выхватив меч, спрыгнул в колодец.

Минотавр спокойно наблюдал за происходящим. Возвращение магии придавало Бинку силы, а слабым его и так не назовешь. Сквозь его драную рубашку проглядывали налитые мускулы, все тело было уверенным и послушным. Меч в руках, ставший с помощью магии опять легким, мгновенно отзывался на любое движение, а зачарованное лезвие слегка светилось. Но монстр решил лишить его такого удовольствия, как схватка. Он развернулся на одном копыте и зашагал к дальнему от Бинка выходу.

Бинк бросился вслед.

— Повернись и сразись, как и подобает настоящему монстру! — крикнул Бинк, не желая наносить противнику удар в спину.

Но, вместо того чтобы повернуться, его противник бросился бежать. Бинк, на полном ходу после прыжка в колодец, бежал быстрее и нагнал минотавра около самого выхода. Он дернул противника за хвост, отчего монстр врезался в стенку. Тогда Бинк приставил меч к его горлу:

— Сдавайся!

Минотавр начал мерцать и... превратился в гигантского жука с жуткими клешнями, жалом и сплошными зубами-челюстями. Пораженный, Бинк подался назад. Он сражался с волшебным монстром, который мог в любой момент по своему усмотрению изменить облик! Задача оказалась сложнее, чем он, по своей наивности, предполагал сначала.

Каким же дураком он был, когда сдержал свой меч и предложил противнику сдаться! Судьба монстра, как и его собствен-

ная, наверняка уже предрешена в случае поражения. И надо как можно скорее убить монстра, пока он сам не убил Бинка... Или не сбежал, что тоже приведет к смерти Бинка.

Однако, пока Бинк оценивал ситуацию, жук заспешил к выходу. Бинк бросился к нему, взмахнув мечом. Но жук не спускал с него глаз, торчащих на длинных усиках,— на самом деле это был уже и не жук, а огромный слизняк, ползущий по скользкой дорожке. Меч Бинка просвистел над головой слизняка, не причинив ему никакого вреда.

И все же Бинк был быстрее противника, пусть даже такого большого. Он перепрыгнул через слизняка и первым оказался у выхода, преградив его. Он тщательно прицелился и, ухватив меч обеими руками, рубанул по голове слизняка, надеясь разрубить того вдоль. Но клинок со звоном отскочил — от ракушки. Монстр опять изменился, выбрав простейший вид, способный защитить его от такого нападения. То ли он спешил, то ли у него не хватало воображения.

Бинк, не давая монстру времени на размышления, ткнул мечом между створками ракушки. На этот раз меч пронзил большую зеленую медузу. Меч не причинил этой желеобразной массе никакого вреда. Высвобождая клинок, Бинк дернул его вверх и с отвращением стряхнул. Как можно убить кусок желе, который в месте пореза тут же склеивается?

Бинк принюхался. Теперь он узнал запах — лимон. Лимонное желе? Съедобное или нет? А не может ли он покончить с монстром, просто съев его?

Но пока Бинк решал этот вопрос, монстр превратился в алого стервятника величиной с человека. Бинк ринулся к птице, стремясь расправиться с ней до того, как она улетит за пределы досягаемости, и... поскользнулся на оставшейся от желе скользкой дорожке. Какая досадная случайность!

Случайность? Нет, это сработал его талант, но в обратную сторону. Ведь демон эдак небрежно переделал его талант в противоположный. Теперь такие кажущиеся случайности будут против Бинка, а не за него. Он сам стал своим злейшим врагом.

А ведь он вполне управлялся сам, когда его талант был нейтрализован магией Мозговитого Коралла. Ему надо только свести на нет действие всяких случайностей в этом сражении. Его

талант никогда не проявлял себя открыто, это было запрещено, он просто выжидал подходящей случайной возможности. Теперь Бинку нужно действовать очень продуманно, чтобы не оставить случайности никакой лазейки. Вот тогда ничто не сможет помешать ему.

Птица не полетела. Она побежала к центру арены. Бинк вскочил и пустился в погоню, внимательно глядя под ноги. Вот камень, о который он мог бы споткнуться, вот еще одна лужица слизи. Первый раз он поскользнулся из-за своей неосторожности. Это тоже надо исключить. Но почему птица не улетает, в то время как он с такими предосторожностями подбирается к ней?

Возможно, просто потому, что этот монстр не является волшебником. Он принимал обличья существ примерно одинаковой массы и передвигающихся только по земле. Хороший талант, но не такой уж выдающийся. Он действует только в определенных рамках. Король Трент мог превратить муху в слонопотама или, например, червя в летающего дракона — размеры и склонности не играли роли. Этот же монстр меняет только форму, но не способности. Отлично!

Бинк начал подкрадываться к стервятнику, внимательно наблюдая за каждым его движением в сторону выхода. Чтобы побежать к выходу, птице придется повернуться к Бинку спиной, вот тогда он и нанесет удар. В таком варианте случайности не остается места, и его талант, действующий теперь против него, не может ему помешать. В юности, когда Бинк еще не знал про свой талант, он прекрасно умел обходиться и без него. Во время своих последних приключений, когда его талант был либо полностью нейтрализован, либо сведен к минимуму, Бинк освежил это умение. Монстрику все-таки придется сразиться, а не рассчитывать на то, что Бинк допустит случайную ошибку.

Внезапно монстр превратился в человека, в настырного дикаря с всклокоченными волосами и в рваной одежде. В руках у человека был мерцающий меч. Похоже, человек туго знал свое дело, а во всем его облике проглядывало что-то знакомое.

Да это же... это же копия самого Бинка! Монстр наконец-то поумнел и решил сражаться мечом против меча.

— Вполне справедливо! — воскликнул Бинк и ринулся в атаку.

Как и предполагал Бинк, сражаться монстр не умел. Он мог быть таким же, как Бинк, внешне, но не мог сражаться, как Бинк. Этот поединок не затянется!

Бинк, сделав обманный выпад, зацепил и выбил из рук противника меч. Он прижал монстра к стене, готовый в любой момент покончить с ним.

— Бинк! — раздался полный отчаяния женский крик.

Бинк сразу узнал голос. Самоцветик! Вызванная заклинанием демона, она появилась в самый неподходящий момент. Это явно было делом рук его перевернутого таланта, который вмешался в самый последний момент, чтобы спасти его противника от неминуемой гибели. Если Бинк не будет тянуть...

— Бинк! — снова закричала нимфа и, спрыгнув на арену, встала между ним и монстром. От нее исходил запах летней грозы.— Почему ты не остался там, наверху, подальше от пещер? Там ты был в безопасности.— И тут она застыла в изумлении: — Вы *оба* Бинки!

— Нет, он — монстр,— выпалил монстр, прежде чем Бинк успел открыть рот.— Он пытается убить безоружного.

— Как не стыдно! — воскликнула Самоцветик, гневно уставившись на Бинка. Гроза сменилась ураганом, от которого пахло градом, пылью и битым кирпичом.— Изыди, чудище!

— Уйдем отсюда,— сказал монстр, взяв ее за руку и направляясь к выходу.

— Да тут никаких нервов не хватит! — крикнула сверху Чери.— Уберите отсюда эту дуру-нимфу!

Но Самоцветик продолжала сопровождать коварного монстра к выходу, в безопасность, приближая несчастье, о масштабах которого она и не подозревала. Бинк застыл на месте, не в силах заставить себя действовать против воли нимфы.

— Бинк, если ты их упустишь, она тоже умрет! — заорала сверху Чери.

Это подействовало. Бинк бросился к парочке, схватил каждого за талию и повалил на землю. Он хотел их разделить, пронзить мечом монстра, а потом объяснить все нимфе.

Но, выпрямившись, обнаружил, что каждой рукой обнимает нимфу. Теперь монстр принял образ нимфы и... Бинк не мог их отличить.

Он вскочил на ноги, держа меч наготове.

— Самоцветик, где ты? — крикнул Бинк.

Монстр вряд ли был настолько умен, чтобы додуматься до такой хитрости, скорее всего, ему это подсказал талант Бинка. Бинк в своих действиях не оставил место случайности, и талант начал управлять действиями монстра. Случайные совпадения могут быть очень разными.

— Вот я! — крикнули хором обе нимфы, поднимаясь на ноги.

Ну нет! Их нельзя было различить даже по голосу.

— Самоцветик! Я сражаюсь с монстром, который постоянно меняет облик,— крикнул он им обеим.— Если я не убью его, то он убьет меня. Или — или. Мне любой ценой надо узнать, кто из вас он!

Бинк предположил, что его противник относится к мужскому роду. Такое предположение он сделал потому, что очень не хотел убивать существо женского пола.

— Он! — воскликнули обе нимфы, указывая друг на друга.

В воздухе запахло кислой капустой. Обе нимфы попятились как от Бинка, так и друг от друга.

Час от часу не легче! Его талант не выпускал ситуацию из своих рук, явно не давая ему возможности победить. И все же надо убить монстра и не тронуть Самоцветик. Выбирать наугад Бинк не имел права.

Нимфы направились к различным выходам. Теперь уже на то, чтобы поймать обеих, времени не было. Сейчас от выбора Бинка зависела его судьба и судьба друзей, а проклятый талант обязательно сделает так, что выбор окажется неправильным. Какую бы из нимф он ни выбрал, она обязательно окажется не той. Тут уж как ни крути! Но и бездействовать означало тоже все потерять.

Бинк понял, что единственный выход в данной ситуации — убить обоих. Убить и монстра, и женщину, которая его любит. Жуткое решение!

Или все же перехитрить чудище — пусть оно само выдаст себя. (Лучше думать о нем в среднем роде, так будет проще его убивать!)

— Ты монстр! — закричал Бинк и, замахнувшись мечом, бросился к нимфе, что справа.

Нимфа взглянула на него через плечо и издала полный смертельного ужаса вопль. Он почувствовал, как этот ужас перешел в острый запах драконьего дыхания.

Бинк взмахнул мечом, не тронув прикрывшуюся руками нимфу, и метнул его в другую, которая была уже у самого выхода. В ту самую, которую он теперь определил как монстра.

Но ближняя к нему нимфа от страха вскинула руки. И задела руку Бинка как раз в тот момент, когда он бросил меч в цель. И опять талант Бинка использовал его друга, чтобы помешать ему поразить противника!

Но это был еще не конец! Монстр, увидев, как бросают меч, метнулся в сторону и угодил прямо под изменивший из-за помехи путь меч. Клинок насквозь пронзил грудь монстра — такова была сила броска Бинка и сила чар, заключенных в самом мече. Сраженное, чудище упало на землю. Две неудачи в одно и то же время свели друг друга на нет.

А Бинк бросился на Самоцветик и повалил ее на землю.

— Извини,— сказал он,— я должен был это сделать, чтобы быть уверенным...

— Ничего! Все в порядке,— сказала она, поднимаясь с земли.

Бинк встал и, взяв нимфу под локоть, начал помогать ей подняться. Она не могла отвести взгляд от мертвого или умирающего монстра. Интересно, каков этот монстр на самом деле?

Монстр не менялся. Он все еще выглядел совсем как Самоцветик — пышная грудь, тонкая талия, широкие бедра, безупречные ноги и блестящие волосы. Торчащий из его груди меч продолжала омывать кровь. Странно. Если монстр действительно смертельно ранен, то почему он не меняет вид? А если рана не смертельна, то почему он не пытается подняться и убежать?

Самоцветик отодвинулась от Бинка.

— Бинк, мне надо почиститься,— сказала она.

В этот момент она ничем не пахла.

Ничем не пахла?

— Ну-ка, запахни,— закричал он, снова хватая ее за руку.

— Отпусти меня, Бинк! — крикнула она и дернулась к выходу.

— Запахни! — взревел он, выворачивая ей руку.

Внезапно в его руках оказалась путана. Ее щупальца попытались схватить Бинка, но у них не хватало сил — даже для такого

карликового вида. Бинк обхватил дерево обеими руками, крепко прижав щупальца к стволу.

Дерево превратилось в небольшого коренастого морского змея. Не ослабляя хватки, Бинк пригнул голову. Змей превратился в двухголового волка, который щелкнул челюстями около уха Бинка. Но Бинк только сильнее сжал противника — ради победы он готов был пожертвовать ухом. Волк превратился в ужасно рычащую огромную тигровую лилию, но Бинк тут же сломал ей стебель.

Наконец монстр поумнел. Он превратился в прикольный кактус. Иголки впились Бинку в лицо и руки, но тот не ослабил хватки. Боль была ужасной, но Бинк понимал: дай он слабину, и его противник тут же превратится во что-нибудь такое, что будет уже невозможно поймать, или талант Бинка позволит врагу совершенно случайно ускользнуть. Его переполнял гнев — из-за этой твари он убил ни в чем не повинную нимфу, единственной ошибкой которой было то, что она его полюбила. А он-то, увидев, как неточно брошенный меч пронзил ее тело, уже решил, что все несчастья позади. Какой ужасной силой может обладать его талант! Лицо и руки Бинка кровоточили, одна из иголок норовила ткнуть в глаз, но Бинк продолжал сжимать кактус, вкладывая в это всю свою ненависть, до тех пор пока из кактуса не потекла белая жидкость.

Монстр превратился в дурно пахнущую лужу густой грязи. Теперь Бинк не мог держать противника — держать было просто нечего. Он начал разбрасывать руками ошметки вонючей грязи по всей арене, а основную массу пытался втоптать в землю. Сможет ли монстр в таком виде пережить расчленение на части?

— Ну, довольно,— сказал демон,— ты его одолел.

Демон пренебрежительно взмахнул рукой, и Бинк тут же стал опять чистым и здоровым, без единой царапины; непонятно почему, но у него появилось чувство, что его талант вернулся в нормальное состояние. Демон проверял его, а не его талант. Бинк победил... но какой ценой!

Бинк подбежал к Самоцветик, настоящей Самоцветик, он вспомнил, как в свое время Хамелеоша получила такую же рану. Но тогда это сделал злой волшебник, а сейчас виновником был сам Бинк.

— Она тебе нужна? — спросил демон.— Тогда забирай.

И Самоцветик тут же встала здоровой и по-прежнему милой, от нее исходил запах гортензии, она была такой, будто ее только что окунули в оздоровительный эликсир.

— О, Бинк! — воскликнула она и... убежала с арены.

— Пусть уходит,— мудро заметила Чери,— только время способно залечить раны, не видимые простым глазом.

— Но я не хочу, чтобы она подумала, будто я специально...

— Она знает, что ты не хотел причинить ей вреда, Бинк. Или поймет это потом, когда хорошенько все обдумает на досуге. Но ведь она прекрасно понимает и то, что с тобой у нее нет будущего. Она обитательница пещер, и открытость верхнего мира повергнет ее в ужас. Даже если бы ты не был женат, она бы не смогла ради тебя оставить свой дом. Теперь, когда тебе ничто не угрожает, она должна уйти.

Бинк пристально посмотрел в ту сторону, куда ушла Самоцветик.

— Мне очень хочется что-нибудь для нее сделать.

— Все, что ты можешь, это оставить ее в покое,— твердо сказала Чери.— Она сама должна устроить свою судьбу.

— Прекрасная лошадиная логика,— согласился голем Гранди.

— Я разрешаю тебе устроить все так, как ты предлагал,— сказал Бинку демон.— Мне совершенно безразличны ты и твое благополучие, но я уважаю условия пари. От вашего общества я хочу лишь одного: чтобы никто не тревожил меня в моем убежище. В противном случае я буду вынужден предпринять что-нибудь такое, о чем вы горько пожалеете, например очистить поверхность вашей планеты сплошной стеной огня. Итак, вполне ли доступно для твоего жалкого умишки я изложил свою волю?

Бинк вовсе не считал, что его умишко так уж жалок по сравнению с умом демона. Это существо всемогуще, но не всеведуще, оно всесильно, но не всезнающе. Однако было бы неполитично указывать на это демону в данный момент. Бинк не сомневался, что демон не преминет уничтожить всю жизнь в Ксанфе, если его рассердить. Таким образом, Бинк лично заинтересован в том, чтобы демон оставался довольным, и дол-

жен следить, чтобы никакой идиот вроде него самого не потревожил демона. Выходит, его таланту придется расширить поле деятельности, о чем демон несомненно знает.

— Понятно.— И тут Бинка озарила блестящая идея: — Но охранять твой покой будет намного проще, если мы с самого начала не оставим никаких концов, таких, как, например, потерявшийся волшебник или законсервированный кентавр.

Чери тут же встрепенулась:

— Бинк, ты гений!

— Этот, что ли? — спросил Иксанаэнный. Он сунул руку сквозь потолок и достал отвратительный скелет.— Если хочешь, я могу его оживить...

Когда у Бинка прошел первоначальный шок, он заметил, что скелет намного больше того, которым пользовался Хамфри.

— Э, нет, не этот,— сказал он с облегчением,— поменьше, эдакий... ну как гном. И живой.

— Ах, этот.— Демон сунул руку сквозь стену и достал оттуда Хамфри, изрядно потрепанного, но живого.

— Вы вовремя добрались до меня,— проворчал волшебник,— у меня там, в завале, уже кончался воздух.

После этого демон сунул руку сквозь пол. Оттуда он вытащил Честера, окруженного оболочкой из поблескивающей озерной воды. Как только он поставил Честера на землю, оболочка лопнула, вода испарилась и Честер начал озираться.

— Так ты решил отправиться купаться без меня! — строго сказала Чери.— В то время как я сижу дома и нянчусь с твоим жеребенком, ты шляешься по округе...

Честер нахмурился:

— Я шляюсь по округе потому, что ты проводишь все время с жеребенком!

— Ну, не стоит...— вмешался Бинк.

— А ты не встревай,— прошептала Чери, подмигнув Бинку. И снова обрушилась на Честера: — Да все потому, что он такой же, как и ты! Я не могу удержать тебя, чтобы ты не рисковал своим дурацким хвостом в разных опасных идиотских авантюрах, ты ведь просто большой и глупый жеребенок, но, по крайней мере, у меня останется он, чтобы напоминать мне о...

— Если бы ты обращала на меня побольше внимания, я бы побольше сидел дома! — возразил Честер.

— Ну ладно, теперь я буду уделять тебе больше внимания, лошадиная твоя башка,— сказала Чери, целуя его, в то время как арена растаяла, а вокруг них стала образовываться уютная комнатка.— Ты мне нужен.

— Правда? — благодарно переспросил он.— С чего это ты так?

— Чтобы сделать еще одного жеребенка, дурачок! Но теперь такого, который был бы похож на меня, и ты мог бы с ним гулять...

— Ага! — сказал он, внезапно загораясь этой идеей.— Может, прямо сейчас и начнем? — Тут он огляделся, вспомнив, где находится, и даже по-настоящему покраснел. Голем хихикнул.— Хм, ну, всему свое время.

— С Четом ты тоже мог бы немного погулять,— продолжила Чери,— тогда ты сумеешь помочь ему найти его талант.— В ее голосе не было и намека на то, что ей неприятно произносить это слово.

Честер с удивлением уставился на нее:

— Его... ты хочешь сказать...

— Ах, Честер, брось,— фыркнула она,— ты по десять раз на дню бываешь не прав. Могу я ошибиться раз в жизни? Не скажу, что мне это нравится, но раз уж магия является частью общего наследия кентавров, я просто должна с ней смириться. В магии тоже есть своя польза, в конце концов, ведь это она вернула мне тебя.— Чери помолчала, искоса поглядывая на него, и добавила: — На самом деле я бы даже с удовольствием немного послушала твою игру на флейте.

Честер удивленно посмотрел на нее, потом на Бинка, сообразив, что кто-то успел проболтаться.

— Ну, это можно будет устроить в уединенной обстановке... В конце концов, мы ведь кентавры.

— Какая ты все-таки скотина,— сказала Чери, махнув в его сторону хвостом.

Уж если Чери усвоила урок, то усвоила его на славу!

— Похоже, как бы скучно все это ни было, ситуация устраивает всех,— заметил демон.— А теперь, если вы готовы удалиться и больше никогда не возвращаться...

Однако Бинк еще не был полностью удовлетворен. Он не доверял внезапному великодушию демона.

— Ты действительно будешь ублаготворен, если окажешься навечно отгороженным от нашего общества?

— Вы не можете отгородить меня,— заметил демон,— я — источник магии. Вы можете только отгородить себя. Я буду наблюдать и вмешаюсь, как только сочту нужным... чего, скорее всего, никогда не произойдет — ваше общество меня мало интересует. Как только вы удалитесь, я забуду о вас.

— Ты обязан, по крайней мере, поблагодарить Бинка за то, что он тебя освободил,— сказала Чери.

— Я уже отблагодарил его, сохранив ему ничтожную жизнь,— сказал Иксанаэнный, и Бинк мог бы подумать, что демон раздражен, если бы не знал, что это не так.

— Он заслужил свою жизнь! — возразила Чери.— И он заслужил большего!

Бинк попробовал предостеречь ее:

— Не раздражай его, он, моргнув глазом, способен превратить нас в ничто...— прошептал он.

— Даже не моргнув,— согласился демон.

Один глаз демона дернулся, будто хотел моргнуть.

— Бинк тоже, не моргнув глазом, мог оставить тебя гнить здесь еще несколько столетий,— запальчиво воскликнула Чери,— и все это он сделал благодаря тому, чего ты никогда не поймешь: благодаря человечности!

— Слушай, кобылица, ты меня заинтриговала,— проворчал Иксанаэнный.— Это правда, что я всемогущ, но не всеведущ, но полагаю, я способен понять человеческие мотивы, если задумаюсь о них.

— Попробуй! — воскликнула она.

Тут даже Честер занервничал.

— Чего ты добиваешься, Чери? — спросил он у нее.— Ты что, хочешь, чтобы он нас всех уничтожил?

Демон взглянул на Гранди:

— Эй, ты, половинчатый! Под тем, что она сказала, действительно что-то скрывается?

— А мне-то какое до этого дело? — спросил голем.

Демон поднял один палец. Вокруг голема засиял свет.

— А вот такое.

Свет будто впитался в голема, и — опа! — теперь уже Гранди не был штуковиной из шнурков и глины. Теперь он стоял

на живых ногах и у него было живое лицо. Он превратился в эльфа.

— Я... я настоящий! — воскликнул он, затем почувствовал на себе взгляд демона и вспомнил про его вопрос.— Конечно, скрывается! Это входит в понятие чувствующего существа. Ты должен смеяться, плакать, испытывать печаль и благодарность, и... и это самая замечательная вещь на свете...

— Тогда мне следует об этом задуматься,— согласился демон,— через столетие или два, когда разберусь со своими новыми правилами.— Затем он опять обратился к Чери: — Если я сделаю тебе подарок, это удовлетворит тебя, кобылица?

— Мне ничего не надо,— сказала она,— у меня уже есть Честер. Речь идет о Бинке.

— Тогда я дарю Бинку одно желание.

— Нет, не то! Чтобы доказать, что ты что-то понял, подари ему что-нибудь замечательное, о чем он сам бы и не подумал.

— Еще одна загадка,— сказал демон и задумался, затем вытянул руку и поднял Чери. Бинк с Честером тревожно напряглись, но в этом жесте не было ничего враждебного.— Этого достаточно?

Демон поднес кентаврицу ко рту. Бинк с Честером опять тревожно вздрогнули, но демон всего лишь шептал. Его рот был столь огромен, что, когда он шептал, все тело Чери вздрагивало. И в то же время остальным его слова не были слышны.

Чери вскинула голову.

— Ну конечно же, этого вполне достаточно! Ты все понял! — воскликнула она.

— Просто сделал выводы, наблюдая за жестами, присущими его виду.— Демон поставил Чери на землю и опять поднял палец. В воздухе появился маленький шарик, который поплыл в сторону Бинка. Шарик казался сплошным, цельным пузырьком.— Это твое желание... желание, которое ты выберешь сам,— сказал демон.— Держи шарик перед собой и прошепчи свое желание, и все, что доступно магии, исполнится.

Бинк взял шарик.

— Я хочу, чтобы мужчины, ожившие из камня и вернувшиеся в деревню Магической Пыли, когда исчезла магия, остались такими и после возвращения магии,— сказал он,— и чтобы грифоница не превратилась опять в золотую статую. И чтобы все,

кого убило исчезновение магии, такие существа, как Мозговитый Коралл...

Демон сделал легкий нетерпеливый жест:

— Как видишь, шарик остался цел. Это значит, что твое желание не зачлось по двум причинам. Во-первых, это желание не относится к тебе, ты от него ничего не выигрываешь. Во-вторых, заклинания, превращающие в камень и золото, могут быть восстановлены только при повторении их исходных причин; если их действие прервано, они уже не восстанавливаются. Никто из этих людей не превратится в камень или золото, все подобные заклинания на вашей земле не восстановятся. Восстановилась только магическая *жизнь,* как, например, у голема и Коралла. Остальные заклинания как огонь — его зажгли, и он горит, но если уж его потушили, он не вспыхнет снова. Не отвлекай меня на такие мелочи. Твое желание должно дать что-нибудь тебе лично.

— А,— сказал Бинк,— но мне что-то так сразу ничего и не придумать.

— Однако все это было очень благородно,— прошептала ему Чери.

Демон махнул рукой:

— Ты можешь сохранить свое желание, пока оно не будет выполнено. Ну, хватит! Мне эта рутина уже наскучила.

И вся компания оказалась в лесу, на том самом месте, где Бинк недавно встретил Чери с жеребенком. И если не считать шарика, то можно было подумать, что демона никогда и не существовало. Да ожившие друзья Бинка. Да вот еще ожившая магия леса. Теперь, похоже, даже Чери была удовлетворена этой магией.

Бинк покачал головой и сунул шарик в карман. Ему хотелось лишь поскорее вернуться домой, к своей Хамелсоше, но особой магии для этого не требовалось.

— Как обычно, Бинк поедет на мне,— сказал Честер,— а ты, Чери, повезешь волшебника...— Он вдруг замолк, потом воскликнул: — Кромби! Мы совсем забыли про этого болтливого грифона!

Бинк сунул руку в карман:

— Нет, он здесь, у меня, в пузырьке. Теперь я могу его выпустить...

— Нет, пусть еще немного попарится там,— решил Честер.

Очевидно, он еще не простил солдату ту жестокую схватку.

— Может, так оно будет и лучше,— согласилась Чери.— Когда его туда посадили, он дрался не на жизнь, а на смерть. Если его выпустить, он может возобновить бой.

— Пусть только попробует! — воинственно воскликнул Честер.

— Думаю, лучше подождать,— согласился Бинк,— так, на всякий случай.

Уже смеркалось, но путники продвигались очень быстро. После пережитых приключений ночные монстры, казалось, уже не внушали такого ужаса. Бинк знал, что его неиспользованное желание может спасти от разных неприятностей. Или он освободит Кромби, и таким образом они одолеют многих монстров. Большинство из них еще не пришли в себя после шока от временной потери магии и ныне были не очень агрессивны.

Однако у Честера возникли затруднения.

— Я заплатил за ответ,— напомнил он доброму волшебнику,— но за это время я сам нашел ответ на свой вопрос. Я сам выяснил свой талант. Теперь я могу спросить про талант Чери...

— Но я и так уже знаю о нем,— сказала Чери, слегка покраснев, будто призналась в чем-то почти непристойном.— Не надо тратить на это твой вопрос.

— Ты знаешь о своем таланте? — переспросил пораженный Честер.— И тоже...

— Я расскажу тебе это в другое время,— скромно сказала Чери.

— Но тогда я остаюсь без желания... то есть я имею в виду, без ответа,— сказал он.— Я заплатил за него своей жизнью, а теперь не знаю, что мне спросить!

— Ничего страшного,— сказал Хамфри,— я могу подсказать тебе вопрос.

— Можешь? — Но тут Честер почуял ловушку: — Но это-то и использует мой ответ! Я хочу сказать, что ты подскажешь мне вопрос, и это-то и будет ответом... и у меня будет вопрос без ответа!

— Да, похоже, на данный момент вся сложность заключается в этом,— согласился Хамфри,— но ты можешь заплатить за еще один ответ...

— Ради волос твоего роскошного хвоста — нет! — воскликнула Чери.— Больше никаких приключений вдали от дома!

— Моя свобода уже ускользнула от меня,— пробормотал Честер, на самом деле не очень-то и расстроившись.

Бинк угрюмо слушал этот разговор. Он был рад, что возвращается домой, но все еще чувствовал себя виноватым в происшествии с нимфой. У него было желание... но он не мог просто пожелать, чтобы нимфа разлюбила его. Ее любовь была настоящей, а не магической, поэтому магия ничего не могла с ней поделать. К тому же как посмотрит на это Хамелеоша? Надо будет все рассказать ей...

Когда путники галопом подъехали к дворцу, была уже глубокая ночь. Окрестности замка освещались сверкающими лунными мотыльками, порхающие зеленые огоньки которых придавали дворцу неземное очарование.

Королева Ирис явно была уже предупреждена об их прибытии, потому что, когда они въехали во дворец, взошли три луны и заиграли невидимые фанфары. Их тут же провели в библиотеку, любимую комнату короля.

Бинк без лишних церемоний рассказал обо всем случившемся. Король Трент выслушал его не перебивая. Когда Бинк закончил свой рассказ, король кивнул.

— Я все устрою, чтобы, как ты предложил, установить щит,— наконец сказал король.— Думаю, нам не следует объявлять о присутствии демона, но надо позаботиться, чтобы никто туда не вторгся.

— Я знал, что ты со мной согласишься,— с облегчением проговорил Бинк.— Я... я и представить себе не мог, к каким последствиям может привести это твое поручение. Наверное, без магии здесь было ужасно.

— О, у меня не возникло никаких трудностей,— сказал король.— Вспомни, ведь я двадцать лет провел в Обыкновении. Я все еще сохранил некоторые немагические привычки. А вот королева Ирис находилась на грани нервного срыва, да и все королевство было не в лучшем состоянии. И все же я думаю,

что последствия этого пойдут нам на пользу — наши граждане теперь будут по-настоящему ценить свою магию.

— Думаю, что да,— согласился Бинк.— Я сам не представлял всей важности магии, пока не увидел Ксанф без нее. Но вот в нашей компании некоторые магические концы не сошлись: у Честера оказался неиспользованный ответ, у меня неиспользованное желание, а Кромби сидит в...

— Ах да! — согласился король.— Давай-ка вернем ему его облик.

Бинк вынул пробку из пузырька. Перед ними появился грифон.

— Чирик! — сказал он.

— Как раз вовремя! — перевел Гранди.

Король Трент посмотрел на грифона, и... тот вновь стал человеком.

— Ну знаете,— сказал Кромби, похлопывая себя по телу, чтобы убедиться, что все в порядке,— совершенно незачем было держать меня в бутылке. Я все время слышал, что происходит.— Он повернулся к Честеру: — А ты, ты, копытоголовый дурень... я дрался с тобой только потому, что мною руководил Мозговитый Коралл. И тебе совершенно не стоило бояться меня, когда все кончилось.

Честер тут же набычился:

— Бояться тебя! Да ты чучело с куриными мозгами...

— Если хочешь попробовать еще раз, конский хвост...

— Достаточно,— мягко сказал король, и оба замолчали, хотя и неохотно.— Король улыбнулся и снова обратился к Бинку: — Иногда, Бинк, ты не замечаешь очевидного. Пусть Честер отдаст свой ответ тебе.

— Мне? Но это его...

— Конечно, ты можешь им воспользоваться,— согласился Честер,— мне-то он не нужен.

— Но у меня уже есть желание, которое я не знаю, как использовать, и...

— А теперь используй ответ Честера, чтобы спросить доброго волшебника, что тебе делать с твоим желанием,— предложил король.

Бинк повернулся к Хамфри, но тот уже спокойно посапывал в уютном кресле. Наступила неловкая пауза.

Гранди подошел и похлопал гнома по коленке:

— Проснись, коротышка!

Хамфри, слегка вздрогнув, раскрыл глаза.

— Отдай его Кромби,— сказал волшебник, прежде чем Бинк успел открыть рот, после чего снова задремал.

— Что? — удивился Честер.— Я так попотел, зарабатывая ответ, лишь для того чтобы эта птичка получила бесплатное желание?

Бинк и сам был поражен, но протянул пузырь-желание Кромби:

— Можно поинтересоваться, как ты его используешь?

Кромби на мгновение смутился, что случалось с ним довольно редко:

— Видишь ли, Бинк, помнишь ту нимфу, ну, ту, что...

— Самоцветик,— подсказал Бинк.— Как подумаю, что мне еще придется объясняться насчет...

— В общем, я... э... видишь ли, у меня в пузырьке был осколок волшебного зеркала, и я воспользовался им, чтобы посмотреть, что тут без меня поделывает Сабрина, и...

— Боюсь, постоянство не является отличительной чертой ее характера,— вмешался король.— Во всяком случае, я не думаю, что вы так уж подходите друг другу.

— И что же она? — спросил Бинк в замешательстве.

— Она мне изменяла,— нахмурился Кромби,— в то время как держала меня на крючке... но тот, другой парень женат, и она хотела убедить меня, что ребенок мой, и... Я всегда знал, что женщинам нельзя доверять!

Значит, Сабрина предала Кромби так же, как в свое время предала Бинка, когда он еще не был знаком с Хамелеошей. И все же она собирается женить его на себе... а Кромби уже предсказали, что он на ней женится, если только раньше не найдет кого-нибудь другого.

— Жаль,— сказал Бинк.— Но я думаю, что лучше всего просто забыть о ней. Нет никакого смысла тратить желание на месть.

— Нет, я придумал нечто другое,— заверил его Кромби.— Теперь я не буду доверять *никакой* женщине. Но я думаю, что смогу полюбить нимфу...

— Самоцветик? — изумленно спросил Бинк.

— Я знал, что тебе будет трудно в это поверить,— серьезно сказал Кромби,— я и сам в это не больно-то верил. Но солдат должен смотреть правде в глаза. Я проиграл битву еще до того, как она началась. И вот, когда я лежал там, в расщелине, где ты, Бинк, меня ранил... Я не виню тебя, это было отличное сражение, но тогда я по-настоящему страдал. И вдруг пришла она, пахнущая сосновой хвоей и гортензиями, и принесла целительный эликсир. За всю свою жизнь я не видел никого прекраснее. Она была слабой и робкой, как все нимфы. В ней не было никакой опасности ни для одного мужчины, и уж тем более для солдата. Никаких тревог. Женщина, с которой я мог бы провести всю свою жизнь. А как она относилась к тебе...— Кромби покачал головой.— Поэтому-то я и согласился сесть в пузырек, после того как указал тебе, где находится противоядие. Я не мог сделать ничего такого, что причинило бы ей боль, а если бы я убил тебя, она бы этого не вынесла. К тому же, найди ты противоядие, ты бы избавился от любви к ней, а этого-то мне и хотелось. Она прелестна и верна. Но так как она любит тебя...

— Это безнадежно,— сказал Бинк.— Я больше никогда не увижу ее, а если даже и увижу...— Бинк пожал плечами.— Между нами ничего не может быть.

— Правильно. Поэтому я вот о чем подумал: если я возьму это желание и пожелаю, чтобы она выпила любовного зелья и потом первым, кого она увидит, был я, то у нее появятся ко мне те же чувства, что ты испытывал к ней. Только я-то, как ты понимаешь, буду доступен, ведь надо же мне на ком-то жениться.

Кромби был отважным солдатом и красивым мужчиной. Несомненно, что любовь, начавшаяся под действием любовного зелья, превратится в настоящую. А те страдания, которые Самоцветик пережила, когда Бинк пронзил ее мечом, только помогут этому превращению. Только вот...

— Но ты любишь путешествия,— заметил Честер, прежде чем Бинк сумел сформулировать то же самое возражение,— а она живет под землей, пряча драгоценные камни. Это ее работа, она не оставит ее.

— Поэтому мы будем расставаться и встречаться,— сказал Кромби.— Я буду видеть ее время от времени, а не постоянно. Мне это вполне подходит. Я солдат.

Эта идея полностью решала и проблемы самого Бинка.

— А что будет со мной? — спросил Гранди.— Без птичьего клюва я потерял работу. Теперь я настоящий и не могу просто так исчезнуть.

— Во дворце время от времени возникает потребность в переводчике,— сказал король.— Мы найдем тебе какую-нибудь должность.— Он оглядел всю компанию: — На сегодняшнюю ночь достаточно. Вам всем здесь, во дворце, отведены комнаты.

С этими словами король повел их к выходу.

Бинк шел последним.

— Я... мне очень жаль, что я оказался причиной таких неприятностей,— сказал Бинк.— Добрый волшебник пытался предупредить меня, и демон Борегар тоже пытался сделать это, но я их не послушал. И все потому, что мне очень хотелось самому узнать про источник магии...

— Не переживай, Бинк,— сказал король с успокаивающей улыбкой,— когда я посылал тебя туда, я знал, что в этом есть определенный риск... но мне не меньше тебя было любопытно узнать про источник магии, и я чувствовал, что для этой цели ты, защищенный своим талантом, подходишь лучше всех. Я знал, что твой талант позаботится о тебе.

— Но с уходом магии мой талант исчез тоже, и...

— Ты так думаешь? Разве тебя не поразило возвращение демона, которое казалось такой небывалой удачей?

— Ну ему нужно было спокойное место...

— Которое он мог бы найти в любом уголке Вселенной. А вот что на самом деле привело его обратно? Я думаю, это твой талант позаботился о тебе с далеко идущими планами. У тебя возникли трудности в семье, и твой талант начал распутывать этот клубок.

— Я... я не думаю, что мой талант мог повлиять на само происхождение магии! — возразил Бинк.

— Я не вижу в этом ничего сложного. Этот эффект называется обратной связью, и он может повлиять и влияет на само происхождение явления. Саму жизнь можно рассматривать как процесс, обладающий обратной связью. Но даже если это не так, твой талант смог предвидеть всю цепочку событий, в результате которых магия обязательно вернулась бы на земли Ксанфа, примерно так же, как стрела, пущенная в небо, непременно вернется...

— Хм, когда мы сражались с созвездиями, стрела Честера не...

Король покачал головой:

— Прости мне неудачное сравнение. Я больше не буду надоедать тебе своими обыкновенскими взглядами. Я вполне удовлетворен результатом твоей работы, и ты тоже должен быть им удовлетворен. Я подозреваю, что если бы кто-то другой освободил демона Ксанфа, то он никогда больше не вернулся бы в наши земли. Но это уже чисто академический вопрос. Мы подыщем тебе какое-нибудь другое занятие, но пока не будем торопиться. Иди домой, к жене и сыну.

— Сыну?

— Разве я забыл сообщить тебе? На рассвете ты стал отцом мальчика с задатками волшебника, который, скорее всего, должным образом заменит меня на троне. Я полагаю, что волшебный талант твоего сына является особым даром тебе от демона, а возможно, это одна из причин, почему твой собственный талант допустил тебя в это путешествие.

— А какой у него талант? — спросил Бинк, у которого от услышанного даже закружилась голова.

Подумать только, его сын — прирожденный волшебник!

— О, я не буду портить тебе сюрприза, рассказывая о нем. Отправляйся домой и увидишь все сам! — Король Трент дружески похлопал Бинка по плечу: — Теперь уж тебе не придется скучать дома!

Бинк опомнился только по пути домой. Таланты на земле Ксанфа никогда не повторялись, разве что у прокляторов, поэтому его сын не мог превращать, как это делает нынешний король, не мог управлять грозами, как умел предыдущий король, не мог быть преобразователем магии, каким был король Ругна, построивший замок, не мог создавать иллюзии, как королева Ирис. Но что же это тогда за талант, сумевший проявить себя так рано?

Проходя сторожевую будку на границе дворца, Бинк почувствовал слабый запах сыра, исходящий от его коттеджа, и его мысли вернулись к Хамелеоше. Они расстались всего неделю назад, но казалось, что прошел целый год. Сейчас она должна быть в своей нормальной фазе — с обычным лицом и умом, его любимый период. Их беспокойства о будущем ребенке мино-

вали — мальчик не был такой переменчивой натурой, как мать, и не имел такого скрытого таланта, как отец. Любовь Бинка к жене прошла суровое испытание — испытание любовным зельем и наличием под рукой соблазнительной альтернативы. Какое облегчение он почувствовал, узнав, что Кромби собирается устроить будущее Самоцветик... хотя, может, это очередное проявление его таланта. Во всяком случае, теперь Бинк понимал, насколько сильно он любит Хамелеошу. А не отправься он в путешествие, он мог бы этого никогда и не понять. Так что король прав, он...

Он увидел, что из дома кто-то вышел. Женщина, отбрасывающая тройную тень от трех лун, была прекрасна. С криком радости он бросился к ней навстречу, обнял ее и... обнаружил, что это не Хамелеоша.

— Милли! — воскликнул он, поспешно разжимая объятия. От Милли исходила волна небывалой сексуальной притягательности, но Бинку нужна была только Хамелеоша.— Милли-дух! Что ты тут делаешь?

— Забочусь о твоей жене,— сказала Милли,— и о твоем сыне. Я думаю, мне нравится опять с кем-то нянчиться. Особенно с такой важной особой!

— Важной? — непонимающе переспросил Бинк.

— Он разговаривает с предметами! — с готовностью выпалила Милли.— То есть он пока только агукает им, но они ему отвечают. Его люлька поет ему колыбельные, а подушка крякает, как утка, а камень предупредил меня, чтобы я не споткнулась и не уронила волшебника...

— Разговаривает с неживыми предметами! — ахнул Бинк, осознав всю важность этого сообщения.— Он никогда не заблудится, потому что любой камень подскажет ему дорогу, никогда не будет голодать, потому что озеро подскажет ему место, где лучше всего ловить рыбу, а дерево... нет, дерево живое... камень подскажет ему, где найти фрукты. Он сможет узнать больше нового, чем даже добрый волшебник Хамфри, и без всяких советов демона! Хотя некоторые из моих лучших друзей — демоны, например Борегар... Никто не сможет его предать, потому что сами стены расскажут ему о готовящемся заговоре. Он...

Из темноты появилась мрачная фигура, с которой падали комья земли. Бинк схватился за меч.

— Ой, нет! Все нормально! — закричала Милли.— Это всего лишь Джонатан.

— Но это же не человек, а зомби,— возразил Бинк.

— Это мой старый друг,— пояснила Милли.— Я знала его, еще когда замок Ругна только построили. Теперь, когда я снова живая, он взял на себя ответственность за мое благополучие.

— А! — протянул Бинк.

Он чувствовал, что за этим кроется какая-то история, но в данный момент ему хотелось только поскорее увидеть жену и сына.

— А не его ли я встретил тогда в...

— В саду,— подтвердила она.— Он заблудился в королевском лабиринте в тот вечер, когда был юбилейный бал. А потом он пришел за мной во дворец, и на него напал маринадник. Сколько нам пришлось перепробовать заклинаний, чтобы избавиться от последствий этого! А сейчас мы ищем заклинание, которое могло бы его оживить, и тогда мы сможем...— Милли деликатно покраснела.

Похоже, этот зомби при жизни был для нее больше чем просто другом. Тогда, на балу, Милли проявляла к Бинку нескромный интерес, который, похоже, прошел, как только появился зомби. Вот и еще два конца, которые накрепко связал талант Бинка.

— Когда мой сын подрастет, мы спросим его о таком заклинании,— сказал Бинк.— Наверняка где-нибудь найдется камень, который знает, где можно найти заклинание, оживляющее зомби.

— Ой, правда! — с восторгом воскликнула Милли.— Спасибо!

Бинк повернулся к зомби, но пожимать ему руку все же не стал.

— Знаешь, Джонатан, я думаю, ты был для меня знамением. Когда я впервые встретил тебя, ты символизировал смерть со всеми ее ужасами — смерть магии. Но через эту смерть я нашел возрождение, найдешь его и ты.

Бинк повернулся к двери своего дома, готовый встретиться со своей семьей.

Замок Ругна

Глава 1

ОГР

Милли отличалась замечательной красотой. Когда-то она была призраком. Покинув в конце концов мир невидимых существ, она устроилась экономкой и гувернанткой в один хороший дом. Умом Милли, правда, не блистала, да и молодость ее была на исходе. Она считала, что ей двадцать девять, но другие прибавляли к этим годам еще восемь веков. Старейшая обитательница замка Ругна! Восемьсот лет назад, когда замок Ругна только строился, семнадцатилетнюю барышню Милли заколдовали, и она прожила нескончаемое время невидимой. Стала видимой незадолго до того, как родился Дор. Время между тем ужасным мигом восемь веков назад и минутой освобождения Милли провела среди призраков. Многие до сих пор называли ее Милли-дух. Ну и что в этом обидного? Духи разные бывают. Милли и тогда слыла неотразимой.

У нее были чудесные волосы, ниспадающие ослепительным водопадом пониже... ну... пониже спины. Сияющие струи прикрывали... прикрывали...

«Ну как же я раньше на это не обращал внимания?» — спрашивал самого себя изумленный зрелищем Дор.

Все эти годы Милли ухаживала за мальчиком, родители которого часто бывали вдали от дома. Они очень любили бывать вдали от дома.

Мальчик понимал, почему они так охотно покидают родное гнездо. Всем и каждому он говорил, что король доверяет его родителям, Бинку и Хамелеоше, а те, кому доверяет король,

---

© Перевод И. Трудолюбовой.

всегда заняты по горло, потому что дела королевской важности не терпят отлагательства. Мальчик говорил правду, но кое-что сохранял в тайне. Дор знал, что его родителям вольно было отказаться от почетной должности послов, заставлявшей их вечно путешествовать по Ксанфу и за его пределами. Но им просто нравилось покидать дом, уезжать подальше. Как раз сейчас они находились очень далеко, в Обыкновении, а в эти края никто ради удовольствия не ездит. Бинк и Хамелеоша попросту бежали от сына, вернее, от его таланта.

Дор не забыл один случай. Несколько лет назад он разговорился с двуспальным родительским ложем. Он задал постели вопрос: что произошло прошлой ночью? Спросил просто так, из детского любопытства. И ложе поведало... Занимательный вышел рассказ. Ведь в ту пору Хамелеоша находилась на самой вершине красоты, а значит, была красивее самой Милли, но и глупее ее. Хамелеоша подслушала разговор и передала Бинку. После этого Дору строго-настрого запретили заходить в родительскую спальню. Ему объяснили, что строги с ним не потому, что не любят, а потому, что каждый имеет право охранять, как они выразились, «свою личную жизнь». С тех пор родители научились оставлять самое интересное на дальние путешествия, а их сын научился не расспрашивать. Нет, расспрашивать-то он расспрашивал, но подальше от взрослых ушей.

Итак, Милли заботилась о нем. У нее не было особых секретов. Правда, она не любила, когда Дор заговаривал с туалетными принадлежностями, например с ночной вазой, хотя это был всего-навсего горшок, который каждое утро выливали на лужайку на заднем дворе. Из грязной лужи фантастическим образом вырастали чудесно пахнущие розы. Но с розами Дор не мог разговаривать — ведь цветы принадлежат к живым существам. У него была возможность разговаривать с розами сорванными и увядшими, то есть ставшими неживыми, но те мало что помнили. И еще Милли не любила насмешек мальчика над Джонатаном. В остальном они были друзьями, но сейчас Дор впервые заметил, какая у Милли фигура.

Милли напоминала нимфу. Такая же мягкая, волнистая, с кожей белой, как молочай перед дойкой. Она обычно носила легкие газовые платья, своей прозрачностью напоминающие о

ее прошлой жизни. Но теперь прозрачность обнаруживала мягкие контуры вполне живого тела. И ее нежный голос походил на зов призрака. Но экономка и воспитательница Милли была гораздо умнее нимфы и куда плотнее призрака. Она была...

— Ну что за вздор! — оборвал свои мечтания Дор.

— Ну не знаю я, что за вздор,— сердито ответил кухонный стол, спутав восклицание с вопросом. Стол был сделан из желчного дерева и отличался раздражительностью.

Милли с улыбкой повернулась к мальчику. Она занималась мытьем тарелок, делая это руками, а не магией. Руками, утверждала она, гораздо легче. И может быть, была права. Заклинание для мытья посуды напоминало порошок. Для его хранения предназначалась коробка, специальная коробка, изготовленная в замке неким чудо-мастером. Так вот, заклинание так и норовило удрать из коробки. Мало радости бегать за ним по двору, собирать. В общем, Милли надеялась только на собственные руки.

— Ты еще голоден, Дор? — заботливо спросила Милли.

— Нет,— смущенно ответил мальчик.

Он и в самом деле чувствовал голод, но какой-то странный. А может, это не голод, а что-то другое.

Раздался вялый, какой-то мокрый стук в дверь. Милли мотнула гривой.

— Джонатан пришел! — так и просияла она.

Джонатан был зомби. Дор насупился. Пусть эти зомби существуют сколько им вздумается, но от дома им лучше держаться подальше. Вечно от них отваливаются куски, и выглядят они противно.

— Ну что ты нашла в этом мешке костей? — спросил Дор. Мальчик скособочился и обтянул губами зубы, изображая зомби.

— Перестань! — прикрикнула на него Милли.— Джонатан — мой старый друг. Мы знакомы века.

Века, не меньше! Зомби жили близ замка Рутна столько же, сколько призраки в замке. Эти существа просто не могли не быть знакомы.

Но Милли вновь стала женщиной, живой, здоровой и крепкой. Очень крепкой, отметил Дор, когда она прошествовала мимо него, чтобы открыть дверь. А Джонатан, наоборот, просто

ужасный оживленный мертвец. Ходячий покойник. И что она в нем нашла?

— Красавица и чудовище,— свирепо прошептал мальчик.

Огорченный и рассерженный, он выбежал из кухни и направился в гостиную. Он буквально скользил по полу, гладкому и твердому, натертому до зеркального блеска. Стены в комнатах выстроенного в сырном стиле коттеджа были бело-желтого цвета. Дор стукнул кулаком в стену.

— Ой, перестань,— охнула стена.— Ты меня сломаешь. Я ведь сделана из сыра, как тебе известно!

Ему было известно. Он знал, что на самом деле дом — громадный пустотелый сыр, давно превратившийся в камень. В пору мягкости и вызревания сыр был живым, но, став громадным и зачерствев, то есть превратившись в дом, он умер. Поэтому Дор и мог с ним разговаривать. Хотя ничего путного бывший сыр сказать не мог.

Дор помчался к двери, намереваясь ее толкнуть.

— Только посмей! — рявкнула дверь, но поздно. Дор услышал, как она застонала. Дверь была нравом покруче стен.

На дворе хмурилось. А как же иначе: Джонатан являлся только в сырую погоду. В жаркую пору тела зомби слишком быстро высыхают, а им это не нравится. Собирался дождь. Тучи клубились, готовясь избавиться от накопившейся внутри тяжести.

— Дор! Постой! — раздался тоненький голосок.

Голем Гранди. Гранди неизменно сопровождал мальчика во всех приключениях, во всех странствиях по лесам. Родители Дора ухитрились сделать так, что мальчик всегда был под присмотром. За ним следила Милли, у которой не было никаких стыдных тайн, или Гранди, а у того душа нараспашку. И он бы очень гордился, если бы имел хоть какой-то секрет, которого можно стесняться.

Это навело Дора на новые мысли. Не только мать и отец, но и многие в замке сторонились его. Дор умел разговаривать с мебелью, и на свет божий выходили все секреты, хранимые этими обычно немыми свидетелями. Когда он оказывался рядом, у стен вырастали уши, в полах открывались глаза. Что же со всеми происходит? Почему они так стыдятся своих поступков?

Только король Трент держался с ним совершенно свободно, но у короля не было времени на разговоры с каким-то мальчишкой.

Гранди догнал приятеля.

— Неважный день для путешествий, Дор! — предупредил он.— Буря наделает бед.

Дор сурово взглянул на тучу.

— Эй, ты, пустая голова, иди ополоснись! — крикнул он.— Ты не громонос, а пустобрех!

Ответом стал ливень желтоватых градин. Дор согнулся, как зомби, и спрятал лицо в ладонях.

— Будь умнее, Дор! — посоветовал Гранди.— Это просто безмозглые тучи, но они способны отомстить.

Дор послушался, хотя и неохотно.

— Поищем, где укрыться,— предложил он.— Но домой не пойдем — там зомби.

— И чем он так покорил Милли? — поинтересовался Гранди.

— Я тоже спрашивал.

Закапал дождь. Друзья поторопились укрыться под зонтичным деревом, чей обширный прозрачный купол как раз раскрылся. Зонтичное дерево любило сухую почву, поэтому всячески защищало свои владения. Когда дождь заканчивался, оно складывало купол и подставлялось под солнечные лучи. Существовало и другое дерево: парасолька. Это, наоборот, пряталось от солнца и любило дождь. Если парасольке и зонтику выпадало несчастье взрасти поблизости друг от друга, неприятностям не было конца.

Под зонтиком уже кто-то стоял — двое мальчишек постарше Дора, сыновья дворцовых стражников.

— Гляди! — крикнул один.— Не тот ли это болван, который умеет разговаривать со стульями?

— Поищи другое дерево, прохвост! — приказал второй мальчишка. У него были крутые плечи и выступающий подбородок.

— Эй ты, Лошадиная Челюсть! — прикрикнул на него Гранди.— Ты что, купил этот зонтик? Все имеют право под ним прятаться, когда гроза.

— Только не табуреточный болтун, фитюлька! Он волшебник! — возмутился Гранди.— Он умеет разговаривать с неодушевленными предметами. Это неповторимый дар! Ксанф не рождал еще такого волшебника!

— Угомонись, Гранди,— пробормотал Дор. Он боялся, что острый язычок голема доведет до беды.

— Ты смотри, вонючий малолетка задрал лапки! — загоготал Лошадиная Челюсть.

Вдруг раздался оглушительный звук, похожий на взрыв. Дор и Гранди так и подпрыгнули. Но сразу поняли: Лошадиная Челюсть развлекается. Такой уж у него талант — делать бух. Негодные мальчишки схватились за животики.

Дор вышел из-под зонтика... и наступил на змейку. Он отдернул ногу, но змейка мгновенно испарилась. Так пошутил приятель Лошадиной Челюсти — он умел, к несчастью, приколдовывать небольших неядовитых ползунов. Озорники прямо покатились со смеху.

Друзья отправились на поиски другого дерева. Их проводил взрыв смеха. Дор сдержал гнев. Такие шутки ему не нравились, но против старших мальчишек он был безоружен. Его отец Бинк, наделенный немалой физической силой, умел в случае чего дать отпор, но Дор пошел в мать — такой же худой и слабый. Как бы ему хотелось походить на отца!

Дождь хлестал вовсю. Мальчик и голем промокли до нитки.

— С какой стати это терпеть? — проворчал Гранди.— Ты ведь волшебник!

— Я просто умею разговаривать с предметами,— ответил Дор.— Мальчишки это не ценят.

— Оценили бы! — крикнул Гранди, хлюпая ножками по все увеличивающимся лужам. Дор рассеянно наклонился и поднял голема.— Мог бы расспросить их одежду, выведать все секреты, запугать.

— Нет!

— Ты ужасно честный, Дор,— с сожалением произнес Гранди.— Кто хочет властвовать, должен идти напролом. Если бы Бинк шел напролом, он бы сейчас правил Ксанфом.

— Он не хотел королевской власти!

— Здесь дело не в нехотении. Все решает талант. Только великий волшебник может стать королем Ксанфа.

— Трент и есть великий. И правит он замечательно. Отец говорит, что именно с приходом Трента Ксанф вступил в эпоху расцвета. Хаос, беспорядки, злое волшебство — вот что наполняло Ксанф раньше. Только поблизости от деревень было более-менее спокойно.

— Твой отец всех считает хорошими. Прекраснодушие, достойное порицания. Ты весь в него.

— Спасибо, Гранди.

— За что? Я ведь не похвалил.

— Ошибаешься.

— Иногда меня посещает зловещее чувство, что в тебе гораздо меньше наивности, чем кажется,— произнес Гранди чуть погодя.— Кто знает, может, червячки гнева, зависти и прочих обычных людских чувств гложут и тебя.

— Гложут. Сегодня, когда зомби пришел к Милли...— Мальчик замолчал.

— Так ты уже замечаешь Милли! — воскликнул голем.— Значит, растешь!

Дор резко повернулся к голему, а голем, сидевший как-никак на ладони у мальчика, невольно резко повернулся к нему.

— Как это понимать? — спросил Дор.

— Мужчины смотрят на женщин иначе, чем мальчики. Ты еще не слыхал о таланте Милли?

— Нет. А в чем ее талант?

— Неотразимая женственность.

— А я думал, все женщины неотразимо женственны.

— Ты ошибаешься. Для большинства это только желанная цель. Милли просто волшебница по этой части. Рядом с ней мужчины так и вспыхивают.

— Мой отец не вспыхивает,— возразил Дор, не вполне понимая слова голема.

— Бинк держится от нее подальше. Случайно, думаешь, он так любит путешествия?

Вообще-то мальчик считал, что отец любит оставлять дом из-за его таланта. Теперь, получается, он был не прав? Здорово, если не из-за него!

— А король Трент?

— У короля железная воля. Но уверяю тебя, наедине с собой и Трент мечтает. Обрати внимание, как королева Ирис наблюдает за супругом, когда Милли рядом.

Новое открытие! Дору всегда казалось, что это за ним сердито наблюдала Ирис, когда, случалось, в детстве Милли приводила мальчика во дворец. Теперь Дор засомневался, поэтому и не стал возражать голему. Голем слыл разносчиком сплетен и слухов. Несмотря на подозрительность многих рассказов, взрослые всегда слушали крошку с восторгом. Взрослые тоже иногда теряют ум!

Спасаясь от дождя, приятели забежали в садовую беседку. Это был дворцовый сад. В беседке стояли специальные теплые камни. Сядешь на такой камень — и одежда сразу высыхает. Нет ничего лучше для промокших насквозь!

— Спасибо за службу, теплый камень,— поблагодарил Дор.

— Да чего там,— заскромничал тот.— Вот двоюродный братец мой, точильный камень, так тот большо-ой мастер своего дела. Разные там ножи-ножницы, гы-гы!

— Ха-ха,— вежливо усмехнулся Дор. Эти говорящие неодушевленные хоть и соображают, но умом не блещут.

Из глубины сада вышла какая-то девочка. В ладони она держала горсть шоколадных вишен.

— Дододор, приятель чашек и ложек, вот так встреча! — воскликнула она.

— Злюка Айрин, беда королевского дворца, тебя ли я вижу! — в тон ей ответил Гранди.

— Принцесса Айрин, к твоему сведению,— сурово промолвила девочка.— Мой отец — король! Не забывайся!

— Отец король, а ты королем никогда не будешь,— не дрогнул голем.

— Потому что женщина не имеет права на корону. Таковы законы Ксанфа. Но будь я мужчиной...

— Будь ты кем угодно, короны тебе не видать. Только великий талант имеет на это право.

— У меня есть талант! — вспыхнула Айрин.

— Шевельнешь зеленочным пальчиком — и капусточка готова! А запах!

— Я владею волшебной силой! — гневно крикнула девочка.— Я могу выращивать растения. Мгновенно. Крепкие, большие растения.

Дор стоял в стороне, но чувство справедливости все-таки заставило его вмешаться.

— Вполне достойный талант,— сказал он.

— А ты не суйся, Дододор! — отрезала она.— Что ты в этом смыслишь?

— Ничего не смыслю,— развел руками Дор. И зачем он полез в спор?..— Над зернышками я не властен.

— Вырастешь и будешь властен,— пробормотал голем.

— Почему Дододора называют волшебником, а меня дразнят...

— ...негодной девчонкой,— завершил Гранди.

Айрин разразилась слезами. Она была хорошенькая, с зелеными глазами и зеленоватыми, в знак таланта, волосами, а пальцы у нее самого обычного цвета. Девочке в одиннадцать лет можно и поплакать, если хочется, но Дора ее слезы огорчили. Он не хотел с ней ссориться, но как-то не получалось.

— Ненавижу тебя! — выкрикнула девочка.

— Но почему? — спросил Дор, действительно ничего не понимая.

— Потому что ты будешь к-королем! И если я захочу стать к-королевой, должна буду... буду...

— ...стать его женой,— снова помог Гранди.— Ну научись же, в конце концов, договаривать собственные фразы!

Девочка всхлипнула и дико повела глазами вокруг. Она заметила какое-то хиленькое растение, росшее на краю беседки.

— Расти! — изо всех сил крикнула Айрин.

И оно послушалось. Растение — а это был молотильник тенелюбивый — обладало маленькими боксерскими перчаточками, укрепленными на упругих стеблях. Перчаточки сжались и замолотили по воздуху. Молотильник рос на глазах. Перчатки достигли размера человеческого кулака. Беседку наполняли смутные тени. Удары молотильника сыпались направо и налево. Дор на всякий случай отошел в сторонку.

Привлеченные его движением и четкой тенью, перчатки устремились следом. Они уже превзошли величиной кулак, а

их стебли стали толщиной с запястье. Кулаков было двенадцать. Одни воевали, другие собирались с силами. Тем самым они поддерживали растение в равновесии. Айрин наблюдала со злорадной улыбкой.

— Как же меня угораздило вмешаться? — сердито спросил Дор. Ему не хотелось выходить из беседки. Непогода разыгралась, желтые струи падали с крыши. Грохотало ужасно. Дождь и град — оглушительное сочетание! Нет ли поблизости призраков-шквальней? Им такая неразбериха как раз по душе!

— Не знаю, как угораздило,— ответила беседка.— Но однажды я подслушала разговор. Королева и какой-то призрак укрылись здесь от дождя. И королева сказала, что Бинк вечно ее огорчал, а теперь сын Бинка огорчает ее дочь. Если бы не король Трент, сказала тогда Ирис, она бы им показала.

— Но чем же я перед ними провинился? — недоуменно спросил Дор.

— Ты же настоящий волшебник,— объяснил Гранди.— Вот они и завидуют.

Перчатки тем временем оттеснили Дора к самому краю беседки.

— Как же быть?

— Надо, чтобы стало светлее,— подсказала беседка.— Молотильник не переносит света.

— Нет у меня света!

Перчатка угодила ему в грудь, он отшатнулся и попал под струю воды. Не покроется ли он от желтого дождя желтыми полосками?

— Тогда беги,— посоветовала беседка.

— Живее, Додо! — поторопила Айрин. Молотильник ее не трогал из-за соответствующего заклинания.— Иди под ледок! Пусть полечит тебе головку!

Перчатки влепили еще три удара. Дор выскочил из беседки. Он снова мгновенно промок до нитки, но градины, на счастье, падали мелкие, светлые и даже какие-то рыхлые. Торжествующий хохот Айрин проводил Дора.

Порывы ветра сбивали с ног, небо освещали молнии. Дор понимал, что бессмысленно бродить под дождем, но домой идти не хотелось. Он побежал в лес.

— Вернемся! — завопил Гранди прямо ему в ухо. Голем сидел у него на плече.— Спрячемся!

Голем посоветовал мудро. Беда, если зигзаг молнии ударит рядом. Пролежав несколько часов на земле, зигзаги остывают, жар тухнет. Тогда их можно собирать и использовать в домашнем хозяйстве. Но раскаленная молния легко пронзает человека.

Но мальчик не послушался и продолжал бежать. Буря внутри, в душе, была сильнее вихрей снаружи.

Но он помнил, что опасности не дремлют. Местность вокруг замка Рутна заколдована и поэтому безопасна, но чем дальше в лес, тем страшнее. В чаще ничто не спасет ни от древопутаны, ни от дракона. Существовали, правда, заколдованные тропы. Мудрые люди именно их и придерживались.

Яркая молния просвистела мимо и ударила в толстый ствол желчного дерева. Молния была некрупная, но с тремя острыми зубцами. Дор случайно избежал смерти. А ствол дерева получил жестокие ожоги.

Не желая больше рисковать, Дор подбежал к ближайшей заколдованной тропинке. Она вела на юг. Здесь ему никакие молнии не страшны. Дор знал, что дорожка ведет к деревне Магической Пыли, где заправляют тролли. Там он еще не бывал. А что, если... Он устал, но продолжал бежать. Бег согревал его.

— Хорошо, что я с тобой,— шепнул Гранди.— Хоть один здравый ум в этой глуши.

Дор невольно рассмеялся, и ему стало легче.

— Половинка здравого ума уж точно,— рассмеялся Дор.

И, будто отвечая его настроению, небо начало светлеть. Может, непогода знала, каково сейчас мальчику, и поэтому решила убраться? Он уже не бежал, а шел, тяжело дыша, по тропинке, ведущей на юг. Как бы ему хотелось иметь сильное, большое тело! Чтобы бежать сколько угодно, чтобы не пасовать перед всякими там молотильниками. Какой же он хилый! Тело, конечно, еще вырастет, но богатырем ему не бывать никогда.

— Помню одну бурю. На этой вот дороге. Как раз перед твоим рождением,— ударился в воспоминания Гранди.— Твой папа Бинк, кентавр Честер, солдат Кромби, превращенный в

грифона. Король превратил его специально для этого похода. И добрый волшебник тоже шел с нами...

— Добрый волшебник Хамфри? — удивился Дор.— Путешествовал вместе с вами? Но он ведь такой домосед.

— Бинк отправился искать источник магии. Как же Хамфри мог усидеть дома! Старого гнома хлебом не корми, дай узнать что-нибудь новое. Это неплохо — благодаря своей любознательности Хамфри помог мне стать живым. Но и себе он помог тоже — встретил горгону. И поразил ее в самое сердце. Первый мужчина, не превратившийся в камень после разговора с ней! Но буря тогда разразилась жутчайшая. Даже звезды попадали с неба. Звезды буквально плавали в лужах.

— Хватит, Гранди! — со смехом оборвал его Дор.— Я верю в магию, как и всякий разумный человек, но это уж слишком! Звезды не могли плавать в воде. Они бы сразу испарились.

— Может, и испарились бы. Я в это время сидел на летающей рыбе, и, вполне возможно, мне просто показалось. Но буря выдалась на славу!

Земля неожиданно задрожала. Дор в тревоге остановился.

— Что это? — спросил он.

— Звуки напоминают, напоминают... поступь гиганта,— отважился предположить голем. Он умел переводить и мог понять речь любого существа, но язык шагов непереводим. Это вообще не язык.— Или даже хуже,— продолжил Гранди.— А что, если это...

И тут *оно* выступило из тумана.

— Огр! — в ужасе крикнул Дор. Прямо на тропе! Тропинка расколдовалась? Но только на ней можно было не бояться...

Оно приближалось. Громадина, в два раза выше Дора и в два раза шире! Зловеще чернел провал утыканной зубами пасти. Ужасный рык, напоминающий выдох истомленного голодом дракона, вырвался из нее.

— Закорючка, нужна твоя ручка,— пробормотал Гранди.— Как это понять?

— Как? — спросил Дор, от неожиданности перестав бояться.

— Оно сказало, а я перевел,— объяснил Гранди.

Дор все понял — чудовище решило полакомиться его руками.

— Нетушки! — крикнул мальчик.— Руки мне еще пригодятся! Пусть и не зарится.

Однако Дор сразу засомневался: если великан настроился поесть, избежать этой участи будет трудновато. Такие громадины любят похрустеть косточками.

Великан снова взревел.

— Мы детишек не едим, просто помощи хотим,— перевел Гранди, и вдруг на личике голема отразилось удивление.— Это же Хруп! Травоядный огр!

— А зачем ему мои руки? — недоверчиво спросил Дор.

Великан раскрыл рот. Он улыбался. Очень похоже на вулканическую трещину. Дыхание со свистом вырывалось из нее.

— Привет, языкатый прохвост ростом с комариный хвост,— перевел голем и радостно добавил: — Это огр ко мне обращается! Рад встрече, Хруп! Как женушка поживает, которая даже зомби сердца покоряет?

— День ото дня расцветает и верность мне сохраняет,— ответил Хруп.

Дор постепенно стал понимать и без перевода. Чудище говорило на родном языке мальчика, но с жутким произношением, которое и затемняло смысл.

— Натворил с ней даже дел — наш пацаненок загремел,— похвалился огр.

Дор уже понял, что тропинка вовсе не расколдовалась. Просто Хруп безвреден, ну не совсем безвреден, с любым огром надо держать ухо востро, но этот, по крайней мере, не питался мясом, то есть люди спокойно могли находиться с ним рядом.

— Пацаненок, то есть ребенок, *загремел?* — спросил Дор.

— Загремел — мой сыночек,— объяснил Хруп,— с тебя росточком, куда-то пропал. Ты не видал?

— Куда он загремел? — встревоженно спросил Дор. Может, и в самом деле дорожка расколдовалась и на ней теперь опасно?

— Глупый! Загремел — это имя его сына,— объяснил Гранди.— У огров обычно очень живописные имена.

— Куда же подевался Загремел? — спросил Дор, все еще беспокоясь.— Жены троллей съедают своих мужей. Так, может, и огры...

— Загремел под дождичком вышел погулять, а теперь не можем его мы отыскать.

Недавний ливень для огров просто дождичек? А как же иначе! Хруп наверняка пользуется молнийными зигзагами как зубочистками.

— Мы поможем найти ребенка,— пообещал Дор.

Предстоящие поиски уже захватили его воображение. Идя по следу великанчика, он отвлечется от мрачных мыслей. Хруп искал тщетно и попросил протянуть ему руку помощи. Помочь огру — мало кому из людей выпадала такая честь!

— Гранди будет расспрашивать одушевленные существа, он знает все языки, я же займусь неодушевленными. Найдем Загремела моментально!

Хруп с облегчением вздохнул. Порыв ветра чуть не унес Дора.

Они прошли к месту, где великанчика видели в последний раз. Загремел стоял здесь, объяснил папа Хруп, и кушал гвоздику, пополняя внутренний запас железа, а потом как сквозь землю провалился.

— Не проходил ли здесь маленький великанчик? — спросил Дор у ближайшего камня.

— Проходил. И пошел к дереву,— ответил камень.

— Спроси у земли,— посоветовал Гранди.— Пусть она подскажет.

— Этот участок земли не самостоятельное существо,— возразил Дор.— Просто частичка огромных пространств Ксанфа. Не думаю, что он знает что-нибудь особенное. К тому же здесь обитает множество других живых существ: корни, насекомые, разные волшебные существа. Из-за этого тоже может возникнуть путаница.

— Не забывай о камне,— напомнил голем.— Он наверняка поможет.

Прекрасная мысль!

— Я пойду искать, а ты будешь подсказывать,— велел Дор камню.— Горячо — иду правильно. Холодно — не туда.

И мальчик пошел к дереву. Хруп затопал следом. Громадина старался ступать так тихо, что дрожь земли почти не заглушала гудение камня.

— Горячо... горячо... холодно... горячо...— направлял он мальчика.

И тот вдруг почувствовал себя настоящим волшебником. Только ему, Дору, по силам такие поиски! У Айрин-садовницы тоже большой талант, ценный, но все же не такой яркий. Дальше капустных листочков и роз ей не пойти. А король, подлинный правитель Ксанфа, должен быть могучим. Как волшебник Трент! Трент может любого врага превратить в жабу, и каждый в стране знает о его могуществе. Но Трент ведет себя разумно — волшебные силы зря не тратит, а использует их для подкрепления собственного ума и воли. Этой девчонке, принцессе, нечего и мечтать о троне. Что она сможет дать Ксанфу? Украсит газоны молотильниками — только и всего.

«Я куда сильнее,— рассуждал мальчик.— Я могу узнавать все секреты; все, что слышат и видят неодушевленные предметы, слышу и знаю я. А кто много знает, тот сильнее всех. Добрый волшебник не зря стремится к одному — знать. Он...»

— Путана! — прервал его мысли шепот Гранди.

Дор словно очнулся. Хорошо, что голем отправился с ним. Рассеянно слушаясь камня, Дор чуть не столкнулся со средних размеров древопутаной. Гранди знал, что его друг склонен к рассеянности, поэтому и остался с ним. Если малютка Загремел оказался во власти путаны...

— Я могу расспросить дерево,— предложил Гранди.— Но оно или солжет, или промолчит. Знаю я ихнего брата.

Хруп выступил вперед. Он издал угрожающий рев и ткнул громадным пальцем в болтающиеся щупальца. Смысл угрозы все поняли и без перевода.

Путана взвыла и убрала щупальца.

Не веря своим глазам, Дор сделал шаг вперед.

— Горячо,— прогудел камень.

Страшное дерево невероятно близко. Это уже смертельное расстояние.

— Холодно,— сказал камень.

Значит, малютка благополучно миновал дерево и пошел дальше. Дерево не тронуло малютку, а малютка — дерево! Но дальше след вел по направлению к логовищу полушек. Полушки способны загрызть кого угодно, хоть великана. К счастью,

след огибал обиталище этих злобных тварей. Главный камень замолчал, но вокруг валялось множество других, не хуже. Они шли и шли, проходя мимо обычных ксанфских ужасностей — прикольных кактусов, гнезд гарпий, ядовитого источника, мясоедных цветочков (цветочки так расстроились при виде великана — мясо огров им не нравится,— что даже покраснели), зловеще поблескивающих остриями копейных зарослей. Загремел избежал всех ловушек и пришел в конце концов... к берлоге летающего дракона.

Дор остановился. Вот здесь уже наверняка никому не пройти безнаказанно. Драконы в лесу как цари. Время от времени какому-нибудь чудовищу удается победить дракона, но власти над диким племенем у огнедышащих не отнять, как не отнять у человека власти над племенем домашним.

Ходили слухи, что драконьи детеныши попросту играются с бедной жертвой, пыхая огнем в ту сторону, куда она еще может бежать. Так они учатся обращаться с огнем. Неподвижные предметы быстро сгорают. Чтобы тренироваться в меткости и ловкости, нужны живые мишени.

— Загремел... там? — спросил Дор, боясь услышать ответ.

— Горячо,— подтвердил ближайший камень.

Лицо Хрупа исказилось от ярости. Громадными шажищами он направился к месту преступления. Земля дрожала у него под ногами, сотрясая окрестности, но драконьей берлоге, казалось, ничто не могло повредить.

Вход в берлогу был так узок, что сквозь него мог пролезть только дракон, да и то не очень крупный. Хруп сунул обе руки в логовище и с силой надавил на стенки, так что посыпались камни. Теперь мог зайти и великан! Открылось жилище, украшенное, как любят драконы, бриллиантами и прочими огнеупорными камнями. Драконы вечно пыхают жаром, поэтому обычные материалы быстро сгорают, растворяются, коробятся. Из-за этого драконы просто обожают драгоценные камни.

Великанчик, ростом и в самом деле не больше Дора, набычившись, стоял в окружении троих крылатых дракончиков, а драконша-мама взирала на детишек с доброй улыбкой. Великанчик был крепкий малый и легко мог победить дракончика. Одного. Троих — вряд ли. Судя по следам, дракончики уже тре-

нировались в поджигании, но самого Загремела еще не тронули. Драконы сначала развлекаются со своей едой, а уж потом ее поджаривают.

Хруп даже не зарычал. Он попросту наклонился и посмотрел на драконшу. Она изготовилась пыхнуть, но клубы дыма сразу осели и поползли по земле, как сырой туман. Ей вовсе не хотелось мериться силой с великаном, весом и ростом отнюдь не уступающим ей. Огонь так и рвался из ее нутра, но она не давала ему воли. Драконша сидела смирно, словно под взглядом горгоны.

— Как за хвост схвачу! Как раскручу! — рявкнул Загремел и кинулся на дракончиков. Схватил одного, действительно раскрутил и шмякнул об стенку.

Второй дракончик раскрыл пасть и выбросил небольшой язычок пламени. Загремел дунул с такой силой, что дым полетел назад, а противник зашелся в кашле.

Третий дракончик, отнюдь не трус, налетел на Загремела сверху, выпустив когти. Загремел выставил кулак. Дракончик приземлился, но плохо рассчитал и смазал себя хвостом по голове. Оглушенный, он упал на бриллиантовый пол.

Дракончики вполне могли победить Загремела. А вместо этого Загремел, маленький огр, победил дракончиков. Дор сам убедился в этом, а раньше он считал все эти истории о победах над драконами просто сказками.

— Ну, хватит баловаться, пора домой собираться,— проворчал Хруп, ухватил сына за шкирку и стал подталкивать к выходу. Напоследок огр-папа так вмазал кулаком в стену, что бриллианты брызнули во все стороны и усыпали землю.

«Теперь убирать придется»,— тоскливо подумала драконша. Огры не оглядываясь затопали прочь.

Но Гранди не смог удержаться от замечания.

— Твое счастье, мамаша, что ты не тронула мальчонку,— крикнул голем драконше.— Хруп бы не на шутку рассердился, а в гневе он страшен.

К счастью, теперь Хруп был в хорошем настроении.

— Ты помог сынка найтить,— сказал он.— Чем могу я отплатить?

— Мы рады были тебе помочь,— смущенно возразил Дор.— Теперь нам пора домой.

Хруп поразмыслил. Тело у него было великанское, да сообразительности маловато.

— Голем, ответь: кого надо взгреть?

— Дор ни в чем не нуждается,— ответил Гранди.— Он ведь волшебник.

Хруп стал наливаться зловещей краской.

— Рад будешь, как долг избудешь,— проворчал огр.

— Хорошо, хорошо,— замахал ручками испуганный голем.— Мальчишки, дети дворцовых слуг, немного насмехаются над Дором. Он слабее их, но талантливее. Вот они и смеются...

Хруп нетерпеливо махнул рукой. Потом осторожно поднял Дора — к счастью, не за шею — и зашагал по тропинке на север. И шел так быстро, что вскоре показался сад замка Ругна. Огр поставил мальчика на землю. Гранди и Дор вошли в сад, а Хруп стоял и молча смотрел им вслед.

— Спасибо, что помог добраться,— робко произнес Дор.

«Счастье, что оказался травоядным»,— подумал он.

Хруп не ответил. Сгорбившийся и неподвижный, он напоминал сейчас массивный ствол сгоревшего дерева.

С тревогой в сердце Дор направился к дому. Он не мог не пройти мимо зонтика. К несчастью, озорники еще не ушли. Увидев мальчика, они выскочили и преградили ему путь.

— Шпионишка возвращается! — крикнул Лошадиная Челюсть.— Чего ему надо на этой тропинке? Шпионишкам на ней не место!

— Поосторожнее,— предупредил голем.

Маленькая змейка шлепнулась Гранди на голову. Вместо ответа! Бухнуло позади Дора. Негодяи заржали.

И вдруг земля задрожала. Проказники испуганно оглянулись. Что-то рушится?! Новое сотрясение заставило Дора прямо-таки застучать зубами. Это шагал великан Хруп, полный гнева.

У Челюсти отвалилась челюсть, когда он увидел, кто приближается. Страх сковал его, мешая бежать. Его приятель побежал, но земля вздрогнула — и он упал ничком. Показались было какие-то змейки, но сразу исчезли — какой в них прок.

А как же знаменитые бухающие звуки? И это напрасно — гул шагов огра заглушил все.

Хруп надвинулся на приятелей. Ствол вечнозеленой железной балки показался тонкой хворостинкой по сравнению с его туловищем.

— За друга отомщу,— пророкотал огр.— Никому не спущу.

Тропинка покрылась небольшими трещинами, где-то в лесу посыпались с деревьев тяжелые ветки.

— Кто над другом потешается, с великаном повстречается,— снова рокотнул огр и погрозил громадным пальцем. Прямо над головой Лошадиной Челюсти. У мальчишки волосы встали дыбом. От ветра, наверное. А может, и от чего другого — вид у обидчика был самый что ни на есть испуганный.

Хруп ткнул пальцем в ствол железной балки. Ствол глухо загудел и надломился. Крона на секунду зависла в воздухе, а потом обрушилась с грохотом, не менее оглушительным, чем шаги великана. Железная балка — это тебе не соломинка! Из пня вырвался едкий дым. Вершина горела красно-белым, а место, куда огр ткнул пальцем, и вовсе растворилось.

Хруп выбрал из кучи железа зазубренный обломок и принялся ковырять в зубах. Затем огр повернулся и зашагал прочь, вздымая пыль чудовищными ботинками. Сотрясая землю, он направился на юг, насвистывая задорную боевую песенку. Огр уже исчез из виду, а земля еще долго не могла успокоиться. А во дворце, судя по звону, повылетали стекла.

Лошадиная Челюсть тупо уставился на железную балку. Взглянул на Дора, снова на дымящуюся кучу железа. И грохнулся в обморок.

— Сомневаюсь, что впредь им захочется над тобой смеяться,— сурово заметил Гранди.

Глава 2

ГОБЕЛЕН

Над мальчиком и в самом деле перестали насмехаться. Никому не хотелось связываться с огром. Но от этого на душе у него вряд ли стало легче. Насмешки всегда больше беспокои-

ли Гранди, чем его, первоклассного волшебника, способного в случае необходимости поставить на место кого угодно. Мало кто хотел с ним дружить — вот что тревожило Дора. И еще... новое отношение к Милли. Добрая, нежная Милли и злюка Айрин — какие же они разные! Но почему-то все хотят, чтобы Дор дружил с принцессой. Это как-то нечестно.

Он нуждался в собеседнике. Родители иногда бывали дома. Но Хамелеоша все время менялась и внутренне, и внешне, так что мальчик не решался к ней обратиться. А Бинк мог не понять, что беспокоит сына. Сейчас мать с отцом уехали далеко, в Обыкновению, по поручению короля Трента. Ксанф как раз налаживал дипломатические отношения с Обыкновенией, а после столетий раздоров это был сложный вопрос, требующий умелого подхода. Им и занимались родители Дора. Голем очень любил поболтать, но бывшая глиняная кукла оказалась слишком острой на язык. Именно он придумал для Айрин прозвище Зеленка. Дор простил принцессе драку в беседке, хотя ему тогда пришлось туго. Гранди не простил, такой уж у него нрав, но спорить не собирался. Был еще дедушка Роланд. Он умел вводить людей будто в оцепенение. Дедушка добрый, с ним можно поговорить, но он живет далеко, в Северянке. До нее два дня пути, надо переходить Провал.

Перебрав всех, Дор понял, что остался один возможный собеседник, добросердечный, мудрый, рассудительный, настоящий волшебник — король Трент. Мальчик знал, что у короля много дел. В переговорах с Обыкновенией все время возникали какие-то сложности, и здесь, в Ксанфе, хватало забот. Но Трент всегда находил минутку для разговора с мальчиком. Может, поэтому Айрин и злилась, а следом за дочерью стала гневаться и королева Ирис, а за королевой — дивным образом и слуги. Айрин гораздо реже разговаривала с отцом. Дор старался не злоупотреблять королевской любезностью, но на этот раз он просто не мог не пойти.

Подхватив Гранди, Дор отправился в замок. С некоторых пор замок Ругна сделался королевской резиденцией. Долгие века он простоял в запустении, населенный призраками, но на престол взошел Трент — и все изменилось. Снова, как и много веков назад, в замке жил король, отсюда он правил Ксанфом.

Солдат Кромби стоял у деревянного моста через ров. Для чего он стоял у моста? Главным образом, чтобы напоминать проходящим держаться подальше от воды. Во рву обитали чудища — твари дикие и необузданные. Вроде и напоминать излишне, но всякое случалось: то какой-нибудь глупец, не вняв, подходил слишком близко; другому вдруг приходила охота поплавать в мутной воде; а иные пытались накормить чудовищ, протягивая им разные лакомства. И чудища лакомились преотлично: одних съедали целиком, другим откусывали руки.

Кромби стоял с закрытыми глазами. Он дремал. Гранди воспользовался этим для обычных шуточек:

— Эй ты, тупица, как твоя вонючая девица?

Кромби открыл один глаз. Гранди сразу заговорил иначе:

— Эй, красивый служивый, скажи слово: женушка ароматная здорова?

Оба глаза открылись и засверкали.

— Самоцветик драгоценный, красавица несравненная,— затараторил Кромби,— благоухает, словно роза с мороза, а я сильно утомился, потому что на побывке находился.

Так вот почему Кромби спал на ходу! Жена его жила в подземной пещере южнее деревни Магической Пыли. Путь туда и в самом деле нелегкий. Но не путь утомил солдата. Ведь и на побывку и с побывки он летал при помощи перемещающего заклинания. Кромби устал совсем от другого.

— Солдаты знают толк в побывках,— ухмыльнулся Гранди. Он что-то подразумевал, но не думал, что мальчик поймет. Дор кое-что понял, но не нашел в этом ничего смешного.

— Уж мы-то знаем! — с жаром согласился Кромби.— Как ни относись к женскому полу, а моя женушка — жемчужина среди нимф!

На эти слова Дор тоже обратил внимание. Нимфы — существа очень стройные и очень глупые; годятся лишь на то, чтобы доставлять мужчинам мимолетное удовольствие. Странно, что Кромби женился на нимфе. Но над любовными увлечениями Кромби тяготело какое-то проклятие, а Самоцветик, ходили слухи, была нимфой не простой. Она обладала большой смекалкой в любовных делах и знала толк еще в каком-то

важном занятии. Местные неодушевленные о ней ничего сказать не могли, поэтому Дор спросил у отца, но Бинк ответил весьма уклончиво. Из-за этой пугающей уклончивости Дор не решился расспрашивать о Милли, которая тоже иногда напоминала нимфу. Неужели между Бинком и Милли... Нет, глупости. От неодушевленных все равно ничего не узнаешь, им человеческие чувства непонятны. Вещи судят чисто предметно.

— Не приближайтесь к чудищам,— почтительно предупредил солдат.— Могут укусить.

Потом Кромби закрыл глаза. Опять заснул.

— Посмотреть бы, как он там развлекается, во время побывки,— вздохнул Гранди.— Но для этого нужно волшебное зеркало. В замке такое было, да разбилось, когда разгадывали одну тайну.

Дор и голем вошли во дворец. Вдруг на них, свирепо скаля зубы, кинулся трехголовый волк. Дор остановился.

— Настоящий? — спросил он у пола.

— Фальшивый,— тихо ответил пол.

Дор смело пошел прямо на волка и прошел сквозь него. Чудище оказалось обыкновенной иллюзией, творчеством королевы Ирис. Она приходила в ярость, когда мальчик являлся в замок, и создавала охранительные видимости, настолько правдоподобные, что до них надо было дотронуться, чтобы убедиться в их фальшивости. А поскольку среди фальшивых страшилок попадались иногда и настоящие, рискнувший прикоснуться мог нарваться на крупные неприятности. Но талант мальчика обычно оказывался сильнее таланта Ирис. Обман длился недолго.

— Нечего какой-то колдунье связываться с настоящим волшебником,— язвительно заметил Гранди.

Волк взвыл и исчез.

Волчья образина сменилась образом самой королевы в короне и мантии. В действительности Ирис не хватало ни роста, ни стати, но, когда она выходила на люди, все это появлялось в ней самым фантастическим образом.

— Мой супруг сейчас занят,— известила королева с леденящей вежливостью.— Извольте подождать внизу, в живописной гостиной. А еще лучше — во рву,— добавила она полушепотом.

Королева гневалась, но из-за короля вынуждена была держать себя в руках. Она пообещала сообщить Дору, когда король освободится.

— Благодарю, ваше величество,— столь же учтиво ответил мальчик и направился в живописную гостиную.

На самом деле в этой гостиной не было никакой живописи, но одну из стен украшал громадных размеров гобелен. В давние времена гостиная вообще служила спальной. Бинк рассказывал, что когда-то спал здесь. В те времена в замке Ругна жили только призраки. Но ведь и сам Дор в раннем детстве здесь ночевал. Величественный гобелен просто завораживал ребенка. Теперь вместо кровати стояла кушетка, но гобелен, как всегда таинственный, по-прежнему висел на стене.

На гобелене были вытканы сценки, отображающие давнее прошлое замка Ругна и его окрестностей; все, что происходило здесь восемь веков назад. Вот кентавры носят камни, достраивая стену замка; вот Глухомань Ксанфа; тут ужасный дракон из Провала; там селения, обнесенные частоколом,— первобытные ксанфяне защищали свои жилища от врагов, окружая их частоколом. И еще множество разных замков, ныне бесследно исчезнувших.

Когда на гобелен кто-нибудь смотрел, фигурки на нем оживали. Поэтому чем дольше мальчик наблюдал, тем больше событий видел. Поскольку пропорции сохранялись, фигурки были крохотные. Каждую из них Дор мог прикрыть кончиком мизинца. И все же они были с головы до пят как настоящие. Вся жизнь этих крошек прошла бы перед глазами смотрящего, наблюдай он достаточно долго. Но поскольку жизнь на гобелене текла не быстрее и не медленнее, чем современная, Дору пришлось бы смотреть десятки лет, чтобы увидеть финальные эпизоды. Он бы и сам превратился в старика. События, разворачивающиеся на гобелене, имели, конечно, какие-то границы, за которыми развитие действия прекращалось. А иначе они потихоньку перетекли бы за пределы седой древности замка Ругна, устремились вперед, через века, а там, глядишь, на гобелене появились бы и события современные. Без волшебства в устройстве этих границ, конечно, не обошлось, но Дор еще не

разобрался, в чем тут дело. И просто смотреть было интересно. Крохотные обитатели гобелена трудились, отдыхали, сражались, любили.

Воспоминания захватили Дора. Какие события видел годы назад завороженный зрелищем мальчик! Воины, драконы, красивые дамы и возможное волшебство — без конца! Но поскольку сцены разворачивались в молчании, трудно было понять смысл происходящего. Почему воин сражается с этим драконом, а того отпускает с миром? Почему служанка целует некрасивого слугу, а на красивого и не смотрит? Кто повинен в колдовстве? И почему кентавр, только что повстречавшийся со своей возлюбленной, так недоволен? Во множестве одновременно разворачивающихся событий терялся общий смысл.

Дор расспрашивал Милли, и она рассказывала разные истории. Ведь Милли была молода, когда строился замок Ругна. Ее рассказы освещали прошлое более последовательно, чем движущиеся картинки, но и более избирательно. Сражения, смертельные опасности, бурная любовь ее не привлекали. Простые радости, тихое семейное счастье — вот о чем обожала рассказывать Милли. Честно говоря, Дор слушал и скучал.

И еще — Милли никогда не рассказывала, что случилось с ней после того, как она покинула родную деревню за частоколом. Ни о жизни, ни о любви, ни как стала привидением. А как она познакомилась с Джонатаном? И здесь туман. Хотя вообще-то ясно: женщина, прожившая восемь веков в заброшенном замке, рада познакомиться с кем угодно.

— А мне, проведи я восемьсот лет среди призраков, зомби тоже показался бы красавчиком? — спросил самого себя Дор. И сразу отрицательно замотал головой.

Он бы хотел знать больше, но у Милли допытываться бесполезно.

А почему бы не расспросить... сам гобелен?

— Объясни, в чем смысл изображенного на тебе.

— Объяснить невозможно,— ответил гобелен.— На мне изображена сама жизнь, во всех ее тонкостях и подробностях, и не мне, глупому холсту, растолковывать ее смысл.

Гобелен был и полным таинственной мудрости полем разворачивающихся событий, и он же, когда его расспрашивали о

смысле этих событий, превращался в обыкновенный кусок холста, мало в чем способный разобраться. Он мог рассказать о мухе, присевшей на его поверхность час назад, но ничего не знал о волшебнике, создавшем его самого восемь веков назад.

Дор смотрел на гобелен и чувствовал, как возрождается в нем прежний интерес к истории. Эпоха Четвертой волны — славное время! Мир, в котором на каждом шагу приключение! А нынче все так скучно.

Явилась гигантских размеров лягушка.

— Ко-ко-роль просит тебя явиться, Доук,— квакнула лягушка. Новое творение королевы! Наверное, Ирис хотела показать, что ее фантазия неиссякаема.

— Спасибо за приглашение, зеленкина сестрица,— уколол Гранди. Он знал, что бывают случаи, когда можно оскорблять совершенно безнаказанно.— Уже подзакусила мушкой?

Лягушка гневно надулась, но и только. Прыгнуть она не могла — королева не любила, когда видимости разоблачали себя.

— Как здоровье мамочки? — беспечно продолжал Гранди, с трудом скрывая язвительность.— Эти ее ужасные красные бородавки...

Лягушка так и взорвалась.

— Ну будет тебе, будет,— проворчал Гранди, разгоняя дым.— Я завел обыкновенную светскую беседу, милая лягушенция.

Дор прилагал прямо-таки нечеловеческие усилия, чтобы не расхохотаться. Ведь королева могла наблюдать за происходящим — в виде комара или тому подобного.

Королевская библиотека также находилась наверху, через несколько дверей от гостиной. Короля всегда можно было там отыскать, если он не занимался другими делами. А иногда он сидел в библиотеке, но в то же время занимался делами где-то в другом месте. Фокус не подлежал огласке, но Дор сумел узнать это у мебели и сильно гордился собой. Так вот, когда королю необходимо было решить какой-нибудь не очень важный вопрос с второстепенными лицами, королева попросту создавала видимость Трента, а настоящий король в это время свободно занимался более важными делами. Но Дора король не обманывал никогда.

Мальчик пошел в библиотеку. Мимо него по мрачному залу пролетел какой-то призрак. В замке Ругна обитало полдюжины призраков. Милли была одним из них. Только она вернулась к жизни, остальные по-прежнему витали вокруг родных мест. Дор относился к этим существам с симпатией. Они никому не вредили, отличались робким нравом и всего боялись. У каждого из них была своя история, но, подобно Милли, призраки мало что могли рассказать.

Дор постучал в дверь.

— Войди, мой мальчик,— послышался голос. Ирис не всегда докладывала заранее, но Трент не ошибался никогда.

Дор вошел в комнату и вдруг смутился.

— Я... если ты не слишком занят...— пробормотал он.

— Конечно же, я занят, Дор,— ответил король с улыбкой.— Но и у тебя важное дело.

«А важное ли оно?» — вдруг мысленно усомнился Дор.

Сам король сидел перед ним — седеющий, степенный, летами годящийся ему в деды, но все еще красивый. Одежда на нем была просторная, удобная, хотя и несколько потертая. За гардеробом Трента следила сама королева — она создавала богатые наряды для торжественных случаев, так что в настоящих король и не нуждался. Всем своим видом король показывал, что гость может вести себя свободно, что ему нечего бояться.

— Если ты... если ты занят, я зайду в другое время,— опять прошептал Дор.

— Если ты уйдешь,— нахмурился король,— мне снова придется заняться этими скучными документами, а я уже изрядно устал.

Муха прожужжала мимо королевского носа. Трент рассеянно превратил ее в мухомор, выросший из щели в столе.

— Давай, волшебник, побеседуем немного,— предложил король.— Какое у тебя дело?

— Встретили мы тут одну лягушку, большую...— начал было Гранди, но королевский взгляд замкнул ему рот.

— Прежнее,— сказал Дор. Если сам король настроен поговорить, глупо не воспользоваться такой возможностью.

— Сырный коттедж все еще болтает?

— Еще как! Грубости говорит,— ответил Дор.

«А я несу глупости»,— тут же подумал он.

— Ты подружился с огром Хрупом?

Ну откуда король все знает?

— Я помог ему найти сына, Загремела.

— Моя дочь Айрин плохо к тебе относится.

— Не очень хорошо,— проговорил Дор и пожалел, что не остался дома.— Но Айрин...— Тут он обнаружил, что не может сказать ничего путного. Сказать, что она хорошенькая? Но Трент и сам знает. Талант у нее не очень сильный.— Айрин...— повторил он беспомощно.

— Еще совсем ребенок. Подчас даже взрослые женщины ведут себя необъяснимо. Бывает, и дня не прошло, а перед тобой уже совсем другой человек.

— Это верно! — рассмеялся Гранди.— А Дор влюбился в Милли-дух!

— Замолчи! — крикнул Дор, покраснев от смущения.

— Исключительная женщина,— заметил король, словно не расслышав окрика.— Восемь столетий призрачной жизни неожиданно оборвались возвращением к жизни настоящей. Наделенная необычайным, но смущающим талантом, Милли не могла служить здесь, в замке, но с радостью занялась ведением хозяйства в сырном коттедже и твоим воспитанием. Но теперь, становясь взрослым, ты должен готовиться к новым обязанностям.

— А что это за новые обязанности? — спросил Дор, все еще смущенный выходкой голема.

— После меня ты станешь королем Ксанфа. Моя дочь Айрин тебе не соперница; она не может занять трон, потому что лишена надлежащего таланта. В том случае, если король умрет или исчезнет, Айрин может стать королевой, но только на время, пока не отыщется новый сильный волшебник. Если завтра король Трент сойдет со сцены, его место займет король Дор. Лучше тебе подготовиться заранее.

— Но я не могу... я не...— пробормотал мальчик, ошеломленный словами короля.

— У тебя есть талант, Дор. Только ты еще не умеешь им пользоваться. Я просто обязан дать тебе возможность обрести опыт.

Дор хотел что-то сказать, но король опередил его:

— Чтобы победить врага, волшебнику не обязательно призывать на помощь огра. Иногда требуется жестокость, которой тебе еще предстоит научиться.

Дор из красного сделался малиновым. Но король упрекнул вполне заслуженно: стыдно ему, волшебнику, пасовать перед какими-то ничтожными мальчишками...

— Тебе нужна цель, Дор. Тебе необходимо пройти путь, полный опасностей. Завершив его, ты обретешь опыт, необходимый будущему правителю страны.

Неожиданный поворот! Похоже, король заранее все обдумал и ждал прихода мальчика — не для обычной вежливой беседы, а чтобы объявить свою волю.

— Может, и нужно,— неуверенно произнес Дор.

Нужно ли?

Еще бы!

— Ты хорошо относишься к Милли,— сказал король.— Но она гораздо старше тебя, и у нее большая жизненная драма.

— Джонатан! Она влюблена в этого зомби! — возмущенно выкрикнул Дор.

— Вернуть Джонатана к жизни — о большем Милли и не мечтает. Не отправиться ли тебе на поиски волшебного эликсира? Джонатан опять станет живым и здоровым, и, может быть, тогда ты поймешь, что она не зря его любила столько веков.

Дор хотел возразить, но передумал. Если остальные узнают о его нежных чувствах к Милли, поднимется такой ураган насмешек, по сравнению с которым язвительность Гранди покажется детским лепетом. Ему двенадцать, а ей восемьсот! И лучшее средство пресечь насмешки — добыть желаемое, эликсир для оживления Джонатана.

— Как же найти этот эликсир?

— Не знаю,— развел руками король.— Но есть у нас один знаток.

В Ксанфе только один человек знал ответы на все вопросы — добрый волшебник Хамфри. Но характер у старика препротивный, и за каждый ответ он требовал плату — год службы. Поэтому просить у него совета шли только самые решительные и стойкие.

Дор вообразил, что ему предстоит. Оставив заколдованные окрестности замка Ругна, он пойдет сквозь дикие, полные опасностей края к замку доброго волшебника Хамфри. Потом надо будет сообразить, как пробраться в замок. Потом придется отслужить год. Потом, пользуясь ответом, найти средство и вернуть зомби к жизни. А когда Джонатан оживет, он, Дор, потеряет всякую надежду, что Милли когда-нибудь...

Дальше он не хотел представлять. Король предлагает ему не путь мужества, а какое-то хождение по мукам.

— Люди обыкновенные имеют право заботиться только о себе,— промолвил король.— Но правитель обязан думать о благоденствии своих подданных. Он должен уметь жертвовать, жертвовать подчас самым дорогим. Если надо, он оставляет любимую женщину и женится на нелюбимой, только бы королевству было хорошо.

«Бросить Милли и жениться... на Айрин?!» Дор взбунтовался в душе, но сразу понял, что Трент говорит о себе. В Обыкновении у него была когда-то жена и ребенок, а в Ксанфе он взял в жены чародейку Ирис. Женился, как все знали, без любви, исключительно для блага королевства. Потом у Ирис и Трента родился ребенок. Дитя явилось на свет только ради процветания королевства. Король был суров, но справедлив: требовал от других ровно столько, сколько сам мог дать.

— Я никогда не сумею стать таким, как ты,— робко заметил Дор.

Король похлопал его по спине, отчего Гранди, сидевший у мальчика на плече, чуть не свалился на пол. Стар Трент, но еще силен.

— Тебе кажется, что я такой, а я совсем другой,— сказал король.— Мы все только кажемся друг другу и это принимаем за правду. У самого неколебимого внутри, куда невозможно заглянуть, могут таиться сомнения, гнев, тревоги.— Подведя мальчика к двери, король задумчиво произнес: — Любой груз имеет вес. Мера тяжести, которую человек взваливает на свои плечи в трудную минуту, и есть мера человека. Я предлагаю тебе тяжесть по мере короля и волшебника.

Дор и не заметил, как вышел из библиотеки. Он был смущен до глубины души. Даже Гранди молчал.

Замок доброго волшебника Хамфри находился к востоку от замка Ругна. Провальному дракону туда долететь — пара пустяков, а вот мальчику, да еще пешком, да сквозь полные грозных опасностей чащи,— день дороги, если не больше. И по заколдованной тропе не пойдешь. Хамфри, презиравший общество, уничтожил все заколдованные тропы к замку. Все дороги вели только от замка. Дор не мог переправиться с помощью моментального перемещающего заклинания, потому что на этом пути, пути испытаний, он все должен делать сам.

Наступило утро. Прежде чем отправиться в путь, Дор решил кое с кем поговорить. Своим талантом ему пользоваться не запрещалось.

— Камни, свистом предупреждайте меня об опасностях и указывайте лучшую дорогу к замку доброго волшебника.

— Об опасностях скажем,— хором ответили пробужденные волшебной силой камни,— но о замке доброго волшебника не знаем. Хамфри побрызгал забудочным зельем в окрестностях замка.

Хамфри на все способен.

— Я бывал у старика в замке,— вмешался Гранди.— Он живет к югу от Провала. Надо идти на север, к Провалу, потом на восток, потом на юг.

— А если ошибемся, где окажемся? — уныло спросил Дор.

— В брюхе у дракона, я думаю.

И мальчик пошел на север, прислушиваясь к подсказкам камней. Большинство жителей Ксанфа не знали о существовании Провала, находящегося под властью забудочных чар; но Дор, живущий по соседству, несколько раз бывал около него. Слушая подсказки камней, он успешно обходил опасные места — драконьи тропы, древопутаны, косую траву и прочие неприятности. Если прежде кто и путешествовал с бо́льшим самообладанием, то разве что Бинк. И король Трент. Но Гранди беспокоился: «Если ты не успеешь стать королем, я умру от горя». Невеселая шутка.

Когда они проголодались, камни подсказали, где найти хлебное дерево, джон-чай и кисельные пни. Потом отправились дальше и шли до сумерек.

— Послушай! — вдруг воскликнул Гранди.— От замка Хамфри к Провалу ведут односторонние тропы. Одна из них должна быть где-то поблизости. Камни не могут не знать. Они видели тех, кто шел по этим тропам раньше. Облачка забудочного зелья порхают вокруг замка Хамфри, но не вокруг прохожих. Мы сумеем пройти.

— Верно! — согласился Дор.— Камни, видели вы таких прохожих?

— Не-ет! — дружно протянули камни.

Но Дор шел вперед, продолжая расспрашивать, и в конце концов отыскал несколько камней, которые в самом деле кое-что видели. После нескольких неудачных попыток он сумел встать на тропу и пошел к Провалу. Тропа привела к мосту. Мост был с виду обычной длины. Но когда Дор прошел несколько шагов и оглянулся... позади не было никакого моста! Забавные они все же, эти односторонние тропы!

— Вот если бы ты пошел задом наперед...— подсказал Гранди.

— Но я же буду на все натыкаться,— возразил Дор.

— А ты иди вперед, но смотри назад и при этом следи за тропинкой.

Попробовали — получилось! Камни и Гранди помогали Дору идти, направляя его в нужную сторону... Шли быстро, ведь тропа была заколдованная, поэтому безопасная. Но на поиски тропинки ушло какое-то время, и тьма застала их в пути. К счастью, они быстро нашли уютный подушечный куст и, набрав множество разноцветных подушек, устроились на ночлег. А для отпугивания разных непрошеных гостей пригодился росший рядом чертополох. О возможном дожде тоже не беспокоились. Дор расспросил проплывавшее мимо облако, и оно рассказало: два дня назад прошла буря, и теперь тучи отдыхают.

Утром они отведали ягод девятибрата — у каждого брата был свой вкус — и двинулись дальше. Путь утомил не привыкшего к дальним переходам мальчика, а ночлег не успел освежить.

— А я чувствую себя отлично,— похвалился Гранди. Еще бы, весь день ехал на плече!

Другое дружественное облако известило их, что замок Хамфри уже близко. Облака добрый волшебник забыл окропить

забудочным зельем. А может, просто пожалел тратить драгоценное средство на этих вечных бродяг. Дору повезло, что он повстречался с добродушными кучевыми облаками, а не с ворчливыми грозовыми тучами. В разгар утра показался замок волшебника.

Замок был небольшой, но очень милый, с круглыми башенками и очаровательным голубым мостиком. В воде плавал тритон — приятной внешности мужчина с рыбьим хвостом. В руке он держал трезубец. Тритон сразу заметил гостей.

— А вот и первая преграда,— заметил Гранди.— Мимо этой рыбешки так просто не пройдешь.

— А как ты прошел, когда явился со своим вопросом? — спросил Дор.

— Давно это было! С тех пор все изменилось. Сначала я попал в лапы разрыв-травы, потом карабкался по гладкой стеклянной стене, потом повстречался со шпагоглотателем.

— А этот-то чем опасен?

— Шпагами рыгал.

Да, опыт голема вряд ли поможет. Добрый волшебник всякий раз меняет свои оборонительные изобретения.

Мальчик выставил ногу и хотел коснуться воды. Тритон ринулся к нему с копьем наперевес.

— Предупреждаю,— крикнул он,— мой трезубец бьет пятью различными способами!

Дор убрал ногу.

— Как пройти мимо чудища? — спросил он у воды.

— Я не могу сказать,— жалобно ответила вода.— Старый гном сковал нас контрзаклинанием.

— С него станется,— проворчал Гранди.— Не перегномишь гнома у него дома.

— Способ есть,— не сдавался Дор.— Просто надо его найти. Хамфри, ты бросил вызов! Я принимаю его.

— А волшебничек будет сидеть в замке и потешаться над нашими мучениями. Что Хамфри, что путана — два сапога пара.

Дор притворился, что хочет нырнуть в ров. Тритон опять вскинул копье. Он наполовину выставился из воды, красуясь мускулистым телом. Острия трезубца сверкнули на солнце. Дор вновь отпрянул.

— Не исключено, что под водой есть тоннель,— заметил Гранди.

Приятели обошли ров. В одном месте они заметили металлическую табличку с надписью: «ОСТОРОЖНО: ЧЕРНАЯ МАГИЯ!»

— Что бы это значило? — озадаченно спросил Дор.

— Сейчас переведу,— сказал Гранди.— Это значит — дело темное.

— А нет ли еще какого-нибудь значения? Зачем Хамфри предупреждать, если и так нельзя пробраться? И зачем писать на языке, понятном лишь големам? В этой бессмыслице есть что-то подозрительное. За ней наверняка кроется смысл, причем глубокий. Надо только разобраться.

— Кипятишься из-за какой-то глупой таблички, когда надо думать, как перейти ров.

— Если есть тоннель, которым Хамфри пользуется, чтобы не сталкиваться с опасностями собственного изготовления, значит, есть и вход. И это место должно быть как-то обозначено. Но Хамфри, конечно, не желает, чтобы его тоннелем пользовались остальные. Что он должен сделать? Прикрыть вход! Положить сверху покрышечное заклинание. Вроде таблички с надписью.

— А знаешь, голова у тебя варит будь здоров,— восхитился Гранди.— Но чтобы поднять крышку, надо знать контрзаклинание, а, как сказала водица, это невозможно. Табличка не признается.

— Но это же всего-навсего крышка. И ума под ней, думаю, не много. Попробуем обмануть ее.

— Попробуем,— согласился Гранди.— Вроде мы разговариваем. Понял?

Мальчик все понял. Они и раньше разыгрывали подобные сценки.

Приятели приблизились к табличке.

— Утро доброе, табличка,— поздоровался мальчик.

— Доброе, да не для тебя,— проворчала табличка.— Не собираюсь с тобой делиться. Ничем.

— Нечем делиться, потому и не собираешься,— с легкой издевкой заметил Гранди.

— Мне нечем делиться?!

— Мой друг утверждает, что у тебя нет никаких секретов,— объяснил Дор табличке.

— Передай своему другу, что он — дупица.

— Табличка просит передать, что ты дупица,— сообщил Дор Гранди.

— Чего? Передай ей, что она — чурбина.

— Табличка, тебе передают, что ты...

— Сам он чурбина! — разгневалась табличка. Кто гневается, тот уже себя разоблачает.— Ничего ему не скажу.

— А тебе есть что сказать, чурбинушка? — спросил Гранди, прибавив язвительности.

— Есть что показать! Но оно ведь останется при мне?

— При тебе, при тебе,— хмуро пообещал Гранди.— Просто покажи, чтобы мы не думали, что ты такая дура, какая есть на самом деле.

— Смотри, дупица!

Металлический листок приподнялся. Под ним была ямка. В ямке лежала коробочка.

Дор схватил коробочку прежде, чем табличка поняла свою ошибку.

— Сейчас посмотрим! — весело сказал он.

— Положи назад! — крикнула табличка.— Это мое! Мое!

В коробочке лежал пузырек, плотно закрытый пробкой. На пробке было написано: «ЧЕРНАЯ МАГИЯ». Дор храбро открыл пузырек и поднес к носу.

— Сильно пахнущие волшебные духи,— произнес он.— Дальние родственники духов. Тоннеля никакого нет, но пузырек на всякий случай возьмем.

Коробочку он положил в ямку и прикрыл ямку табличкой.

— Не обижайся, табличка.

— Ладно уж,— огорченно буркнула та.

И приятели снова стали думать, как перейти ров.

— Собственным умом надо пользоваться,— изрек Дор.— И я кое-что придумал. Если мы попались на такую дурацкую приманку, то...

— Не фантазируй,— перебил Гранди.— Тритона нам не обмануть. Он цель знает.

— Тритону всего-навсего кажется, что он знает цель,— возразил Дор.— Смотри, что будет.— Дор присел на корточки и обратился к воде с такими словами: — Водица, я хочу заключить с тобой пари. Спорим, ты не сможешь подделать мой голос?

— Мой голос,— повторила вода голосом Дора.

— Ну что ж, неплохо. Но только для начала. А чтобы было два одинаковых голоса из двух разных мест?

— Два одинаковых голоса из двух разных мест,— прозвучал голос Дора... из двух разных мест.

— Ты и в самом деле мастерица! — согласился Дор.— Но все же это еще не высший класс. Вот если бы ты могла сбить с толку кого-то третьего, чтобы он не понял, где мой голос, а где твой. Тритона, не сомневаюсь, тебе не обмануть.

— Эту мокрицу? — высокомерно спросила вода.— А на что споришь, хариус?

— Рыба такая есть,— пояснил Гранди.

— У меня с собой нет ничего ценного,— на минуту задумавшись, ответил Дор.— Хотя... вот! Это духи. «Черная магия». Капля «Черной магии» убивает лошадь. Пользуясь ими, ты станешь непобедимой.

— Идет! — жадно булькнула вода.— Ты спрячешься, и, если трехзубая мокрица попадется на удочку, я заберу приз.

— Договорились. «Черная магия» для меня очень ценна, но я уверен, что победа будет за мной. Ты отвлечешь тритона, а я спрячусь под водой. Если он отыщет меня, прежде чем я утону, духи твои.

— Какая-то странная логика,— вмешался Гранди.

— Если ты утонешь...

— Эй, рыбий хвост! — крикнул голос с противоположного берега.— Урод из джунглей!

Тритон, который до этого наблюдал за происходящим без всякого интереса, вдруг взвился:

— Еще один гость пожаловал?

Дор тем временем набрал в легкие воздуха, нырнул и поплыл. Холодная вода подстегивала его. Он ожидал, что трезубец вонзится в спину, но обошлось. Дышать становилось все труднее. Но вот уже и берег. Дор выставил над водой голову.

Он судорожно глотнул воздуха. И голем, который неизменно был рядом, сделал то же. А тритон метался, смущаемый голосами:

— Здесь, удила!.. Нет, там, скат тугоухий!.. Ты что, глаза потерял, корюшка корявая?

— Хватит! — крикнул Дор, выбираясь из воды.— Ты выиграла, водица! Духи твои! Жаль их терять, но ты хорошо справилась.

И он бросил пузырек в воду.

— Трудиться умеем, хариус,— самодовольно ответила вода.

Голоса-приманки стихли. Тритон оглянулся и не поверил своим глазам:

— Как же ты перебрался? А я ищу по всему рву, ищу.

— Ценю твои усилия. Я тоже плыл так быстро, что до сих пор не могу отдышаться,— признался мальчик.

— Ты, наверное, волшебник или что-то в этом роде?

— Что-то в этом роде,— согласился Дор.

И тритон поплыл прочь. Сделал вид, что утратил всякий интерес.

Второе препятствие возникло перед путниками — стена замка. Не было видно ни ворот, ни калитки, ни еще какой-нибудь двери.

— Вечно одно и то же,— вздохнул умудренный опытом Гранди.— Голая стена, неодушевленное препятствие. Но самое худшее ждет внутри.

— Веселенькое предсказание,— сказал Дор и поежился. Но холодно ему было не только от промокшей одежды. Он все яснее понимал, какой тяжелый груз король Трент взвалил на его плечи. На каждом шагу приходилось спрашивать себя: стоит ли рисковать? Стоит ли тратить силы? Задачи такой сложности ему еще не случалось решать, и даже талантом своим он не мог воспользоваться впрямую. Борьба с заклинанием требовала изобретательности. Ров он сумел перехитрить. Может, этот путь и ведет к обретению мужественности, может, это необходимо, но дома, в безопасности, все-таки лучше. Ведь он всего-навсего мальчишка. Нет у него ни силы, ни храбрости. Но ров они перешли, и надо идти вперед, ведь тритон все равно не позволит вернуться.

Вырасти, обрести мускулы... Мальчика охватило волнение... Вот бы с помощью волшебной силы стать выше, сильнее, научиться владеть мечом, чтобы не звать на помощь огра... О! Тогда любые трудности были бы нипочем. Не пришлось бы юлить, хитрить перед ничтожными тритонами, молоть чушь перед какими-то табличками.

Но это лишь мечты. Никогда он не станет могучим, даже когда вырастет.

Они обошли замок. В стене то и дело встречались углубления, а в углублениях зеленели разные растения, украшая голый камень. Но это были злые растения: змеевик, жгучка, конотоп. Последнее замахнулось на Дора копытом, но он успел увернуться. Копыто гулко ударило о камень. Среди растений-злюк они увидели и прикольный кактус — самое худшее, что могло повстречаться. Кактус любил стрелять колючками. Дор поспешил отойти.

— Говоришь, что взбирался по стеклянной стене? — спросил Дор у Гранди, с сомнением разглядывая камни. Нет, даже пытаться не стоит.

— Я тогда был големом — существом из совсем другого теста. Мне, неживому, не страшно было падать. Я жил лишь для перевода. Сейчас мне не только по стеклянной, но и вообще ни по какой стене не взобраться. Сейчас я живой, и мне есть что терять.

Живым есть что терять — это правда. Едва Дор представил, что может погибнуть, и сразу полюбил жизнь чуть больше. Ну зачем ему великанское тело, зачем непомерная сила? Он и так волшебник, а в будущем, возможно, и король. Силачей в мире пруд пруди, а волшебников поди поищи! Рисковать... ради какого-то зомби?

Но Милли такая хорошая! Приятно сделать для нее что-нибудь ценное, за что она будет признательна. Какие глупости! Но он и в самом деле глупец. Может, это от взросления? Милли действует неотразимо...

Дор постучал в стену. Нет, не прошибешь. Никаких пустот. А щели? Расстояния между камнями такие маленькие, что и пальца не просунуть. И никаких выступов, чтобы поставить ногу.

— Вход должен быть в одном из этих углублений,— предположил Дор.

Они осмотрели углубления. Растения торчали из каменных клумб, размещенных в каменном полу. Поковырявшись в земле около стеблей, приятели ничего особого не нашли, никакого тайного хода.

Но ниша, в которой возвышался кактус, казалась глубже остальных. Ниша уходила вглубь, в темноту. Там коридор!

Оставалось решить одно — как пройти мимо самого злющего из ксанфских растений? Ведь эти кактусы имели скверную привычку сначала палить иголками, а потом думать. Если бы какой-нибудь путане выпала удача вырасти рядом с кактусом, она бы, пожалуй, уступила первенство. Кентавр Честер, приятель Бинка, до сих пор носит на теле следы от колючек.

— Тут кое-кто хочет пройти. Может, пропустишь? — спросил Дор без особой надежды. При этом он осторожно подвинулся к нише.

Кактус выстрелил. Прямо ему в лицо! Дор успел наклониться, и колючка упала в воду. Тритон возмутился. Он не любил мусора в воде.

— Кактус сказал, что не пропустит,— перевел Гранди.

— И так понятно,— проворчал Дор.

Что же делать? Проплыть под кактусом нельзя. Уговорить невозможно. Пробраться мимо — пустые хлопоты!

— А может, обмотать его веревкой и вытащить? — неуверенно предложил Гранди.

— У нас нет веревки,— возразил Дор.— И не из чего ее сделать.

— Знаю я одного умельца. Из воды веревки вьет.

— Вот пусть этот умелец и проходит мимо кактуса, а нам это не по силам. И с веревкой, кстати, тоже ничего не выйдет. Кактус попросту расстреляет нас своими иголками.

— А мы бы его прямо в воду!

Дор хихикнул, но сразу взял себя в руки.

— А что-нибудь вроде щита можно придумать? — спросил он.

— Из чего придумать? То же, что и с веревкой. Кругом одни камни. Слушай, а вдруг наш кактус не любит купаться? Тогда можно его кропить...

— Ты не прав. Кактусы умеют обходиться без воды, но воду очень любят. Могут пить до бесконечности. Вода не принесет пользы, если... если не направить на кактус очень сильную струю, вымыть почву, обнажить корни...

— Но как это сделать?

— Без насоса ничего не выйдет,— вздохнул Дор.— С кактусом нам не справиться.

— Огненный дракон справился бы. Нам огонь не по вкусу, а уж растениям и подавно. Огонь лишает их иголок. Приходится отращивать новые, а на это уходит время. Но и огня у нас нет... Иногда я жалею, что ты не обладаешь каким-нибудь могучим талантом, например стенобитным. Или завораживающим, или замораживающим, или поджигающим...

— Тогда Хамфри попросту придумал бы другие преграды. Ведь он знает, с кем сражается. Тут не только волшебный талант нужен, а еще и ум.

— Умом колючку колючками колоться не отучишь,— промямлил Гранди.— Кактус — дурак, с ним не договоришься.

— Кактус — дурак,— проговорил Дор. Он явно что-то обдумывал.— Следовательно, понятное нам для него недоступно.

— Я тоже пока не совсем понимаю.

— Ты наделен переводческим даром. А язык кактусов знаешь?

— Знаю. Но какое отношение...

— Предположим, мы скажем, что несем с собой угрозу. Что мы, допустим, саламандры и сейчас его подожжем.

— Глупая затея. Кактус насторожится, выпустит иголки и убьет саламандр прежде, чем они приблизятся.

— Да, в самом деле. А если оставить огонь, но угрозу заменить скромной опасностью? Допустим, пожарник... Идет мимо. Внутри у пожарника, конечно, пожар, но все обойдется, если соблюдать правила противопожарной безопасности.

— И в самом деле неплохо,— согласился Гранди.— Но если не получится...

— ...гибель,— закончил Дор.— Превратимся в подушечки для иголок...

Оба посмотрели в сторону рва. Тритон наблюдал за ними, не спуская глаз.

— Или в котлеты на вилке,— добавил Гранди.— Я — простой голем, ты — обыкновенный мальчишка. Мы не герои, мы не созданы для подобных приключений.

— Чем дольше мы здесь торчим, тем больше я боюсь,— согласился Дор.— Начнем же что-нибудь делать, а то я расплачусь,— добавил он и сразу пожалел.

Голем смерил взглядом кактус:

— Прежде, когда я был настоящим големом, этот колючий паршивец не мог причинить мне никакого вреда. Я был неживой и не чувствовал боли. Но теперь... страх мешает мне говорить.

— Решать буду я. И говорить. Король отправил в путь меня, а ты ни при чем. Зачем ты отправился со мной, зачем рискуешь?

— Чтобы помогать. Я же твой друг.

Гранди сказал совершеннейшую правду.

— Ладно. Будешь просто переводить кактусу мои слова.

Мальчик собрался с духом и медленно пошел в сторону зловещего иглоноса.

— Говори! — крикнул Гранди, заметив, что кактус уже изготовился стрелять колючками.— Скажи что-нибудь!

— Я... пожарник,— неуверенно начал Дор.— Я... я сделан из огня. Прикоснувшийся ко мне сгорит дотла. А это моя пожарская собака Гранди, очень злая. Я взял ее на всякий случай, но мы просто гуляем, жуем вспышки. Я люблю все жаркое.

Гранди поскреб ногами и посвистел, изображая ветер в колючках кактуса. Кактус вроде бы прислушался — колючки встревоженно затрепетали. Может, обман удастся?

— Мы просто гуляем, просто идем мимо,— продолжал мальчик.— Хлопоты нам не нужны. И мы не собираемся устраивать пожар, разве что совсем припечет, и иголки, когда горят, издают противное шипение и очень плохо пахнут.— Дор заметил, что иголки начали опускаться. Кактус поверил! — Мы хорошо относимся к кактусам, знающим свое место. Некоторые кактусы очень хорошие. Лучшие друзья Гранди — это кактусы. И Гранди любит...— Тут Дор понял, что заврался. Пожарские собаки и кактусы — что между ними общего? Пожарская собака может... причесать кактус струей огня! Об этом Дор решил

умолчать и продолжил: — Гранди любит нюхать кактусовые цветочки, когда выходит на прогулку. Но колючки мы не любим нюхать. Колючки нас огорчают. А когда мы огорчаемся, то сразу раскаляемся. Раскаляемся, раскаляемся — и вспыхиваем. И тогда уж вспыхивает все вокруг...— Дор понял, что пережаривать, то есть пересаливать в этом вопросе не следует, чтобы не потерять доверие.— Но сейчас мы вовсе не собираемся вспыхивать, потому что знаем, что ты, кактус, нас не обидишь.

Кактус прижал иголки, позволяя приятелям пройти. Розыгрыш удался!

— Вкусные вспышки. Хочешь вспышку, кактус? — спросил Дор и протянул руку.

Кактус опасливо взвыл, ну совсем как путана, когда Хрупткнул в нее пальцем. Дор прошел мимо и вошел в коридор. Но иголки были еще близко, поэтому он продолжал болтать. Если кактус догадается, что его обманули, гнев его будет страшен.

— Приятно было познакомиться,— трещал Дор.— Ума у тебя прямо палата. А то я тут недавно встретил одного, так он попытался меня уколоть. Я так рассердился, а когда сержусь, прямо аж весь вскипаю. Он меня уколол, а я как вскиплю, как вспыхну, как полечу назад, как сожгу все его иголки! Но сам бедолага, счастлив тебе сообщить, остался в целости и сохранности. Ему повезло, потому что день был пасмурный, дождливый, скажу прямо, день, так что он только снаружи слегка припекся, а то бы мог весь сгореть. Теперь просто не могу успокоиться. Ведь он случайно. Ну просто иголка сорвалась. Но я не умею тушить самого себя.

Он повернул за угол, где кактус уже не мог его достать, и в изнеможении прислонился к стенке.

Гранди закончил переводить.

— Такого вдохновенного лгуна я в жизни не встречал! — восхитился Гранди.

— Это я от страха,— признался Дор.

— Ну ничего. Все прошло отлично. Хохот меня так и распирал, но я помнил: если хоть улыбнусь — превращусь в ежика.

Дор вдруг понял — победу он одержал с помощью лжи. Правильно ли это? Ответив самому себе отрицательно, он решил впредь ложью не пользоваться. Ну разве что в самом крайнем

случае. Но если вопрос нельзя разрешить честным путем, разумнее просто его оставить.

— Я и не подозревал, что во мне столько трусости,— сказал он, несколько изменив тему.— Наверняка и в старости не стану отважным.

— И я трус, еще какой! — как бы в утешение другу произнес Гранди.— Сколько живу на свете, никогда так не боялся.

— А вот и третье препятствие — самое худшее. Эх, быть бы великаном-силачом!

— Великанам и силачам хорошо,— вздохнул Голем.

Коридор уперся в обыкновенную дверь, запертую на обыкновенную щеколду.

— Худо-бедно, но пришли,— пробормотал Дор.

— Худо,— ответила дверь.

Дор пропустил слова двери мимо ушей. Повозился со щеколдой и открыл дверь.

По ту сторону обнаружилась маленькая комнатка, украшенная перьями райских птиц. Невероятной красоты женщина стояла посреди комнаты, словно ждала их прихода. Она была в платье с глубоким вырезом, на ногах украшенные драгоценными камнями сандалии, волосы прикрывал широкий шарф, а глаза прятались за темными, обыкновенного вида очками.

— Милости просим,— произнесла незнакомка и глубоко вздохнула. Грудь ее при этом всколыхнулась. Мальчик не мог оторвать глаз от места колыхания.

— Спасибо,— прошептал он.

Это и есть худшая из опасностей? И подростку ясно, что тут не просто опасность, а настоящая ловушка для большинства мужчин.

— Что-то в ней... мне не нравится,— шепнул Гранди на ухо приятелю.— Где-то я ее видел...

— Позвольте на вас взглянуть,— сказала красавица и поднесла руку к очкам. Дор посмотрел на ее голову. Волосы под широким шарфом начали шевелиться, словно живые.

— Закрой глаза! — вдруг выкрикнул Гранди.— Волосы-змеи! Вспомнил! Горгона!

Плотно прикрыв глаза, боясь случайно открыть их, Дор ринулся из комнаты. Горгона превращает мужчин в камень! Надо

бежать! Он споткнулся о ступеньку и рухнул на пол. Но глаз не открыл!

Шорох юбки... Он понял, что горгона приблизилась к нему.

— Поднимайтесь, молодой человек,— прозвучал мягкий голос. Обманчиво мягкий!

— Нет! — крикнул Дор.— Не хочу превратиться в камень!

— Не бойся, не превратишься,— успокоил голос.— Испытания позади. Ты заслужил пропуск в замок доброго волшебника Хамфри. Никто тебя не тронет.

— Отойди! — крикнул мальчик.— Не хочу смотреть!

Послышался милый вздох.

— Голем, взгляни ты и успокой приятеля,— предложила горгона.

— И мне каменеть неохота,— возразил Гранди.— С таким трудом ожил. Видел я, что твоя сестрица сотворила с несчастными на вашем острове.

— Ты же знаешь, что добрый волшебник уничтожил мою силу. Теперь нечего бояться.

— Знать-то я знаю. А вдруг заклинание уже выдохлось? Ведь времени прошло немало.

— Возьми вон то зеркало и посмотри сначала сквозь него,— подсказала горгона.— И убедишься.

— Зеркало слишком большое. Мне его не поднять. А, ладно, пропадай моя телега! Дор, я сейчас на нее посмотрю. Если Гранди станет камнем, значит, горгоне верить нельзя.

— Гранди, постой...

— Посмотрел,— с облегчением вздохнул Гранди.— Все в порядке. Открывай глаза.

Гранди никогда его не обманывал. Дор стал медленно открывать глаза. Он увидел яркий свет и рядом со своей головой — красивую ступню горгоны. Ногти были покрыты сияющим лаком. Повыше ступни шла стройная лодыжка.

«А прежде я лодыжек не замечал. Забавно»,— подумал мальчик.

Он поднялся на четвереньки и осторожно провел взглядом от статных ног к вырезу на платье. Платье облегало горгонину фигуру и слегка просвечивало. Из-за этого казалось, что ноги...

Ну, хватит! Дор неохотно перевел взгляд еще выше и увидел наконец зловещую голову.

Шарф исчез. Он увидел волосы горгоны — массу шевелящихся змеек. Ужасно! Но самого лица... не было. На месте лица — ПУСТОТА. Словно сняли крышку с пустой коробки.

— Но ведь у тебя было лицо,— удивился мальчик.— Я видел. Только глаз не видел.

— То лицо и очки — просто маска. Подлинный взгляд горгоны не для тебя.

— А зачем же...

— Чтобы напугать... вдруг струсишь и откажешься от дальнейших попыток проникнуть в замок.

— Но я же струсил. Закрыл глаза и побежал.

— Побежал вперед, а не назад.

В самом деле. Неужели даже в испуге он не забыл о своей задаче? Или так вышло случайно? Дор не знал, какое объяснение ближе к истине.

Дор опять посмотрел на горгону.

«Если свыкнуться с ПУСТОТОЙ, горгону можно назвать даже привлекательной»,— подумал он.

— Но ты... что ты делаешь в замке? — спросил Дор.

— Отрабатываю год за ответ на вопрос.

— А... можно спросить... какой у тебя вопрос?

— ДОБРЫЙ ВОЛШЕБНИК, ЖЕНИШЬСЯ ЛИ ТЫ НА МНЕ?

— Служить за такой вопрос?!

— А как же. Год службы или ценный подарок — закон Хамфри. Вот почему его замок буквально купается в волшебстве. Волшебник увлекается магией целое столетие или около того.

— Все это мне известно, но...

Горгона улыбнулась невидимой улыбкой:

— Хамфри не делает исключений. Разве что для короля, если получит его приказ. А я и не возражаю. Я знала, что меня ждет, когда шла сюда. Скоро мой год завершится, и я получу ответ.

Гранди покачал головой:

— Знал я, что старый гном того, а у него, оказывается, вообще не все дома.

— Ты ошибаешься,— возразила горгона.— Вот разберусь, что к чему, и стану ему неплохой женой. Он стар, но вполне заслуживает счастья.

— Не понимаю, зачем он заставил тебя служить. Женился бы, и твой талант к его услугам!

— Хочешь, чтобы я задала еще один вопрос и прослужила еще год?

— Ну что ты. Просто интересно. Добрый волшебник для меня вообще загадка.

— И для других тоже,— с легкой насмешкой согласилась горгона. Дор почувствовал симпатию к этой изящной безликой женщине.— Но с каждым днем я понимаю его все больше. Ты задал хороший вопрос. Я подумаю и, может быть, сама найду ответ. Если Хамфри нуждается в моей помощи, то почему только на год, а не на всю жизнь? А если не нуждается, то почему не отсылает куда-нибудь подальше, допустим, охранять ров? Есть какая-то причина.

Горгона поднесла руку к голове. Змейки предупреждающе зашипели.

— Почему ты хочешь стать его женой? — спросил Гранди.— Старый гном вовсе не подарок, особенно для хорошенькой женщины.

— Кто тебе сказал, что я хочу стать его женой?

— А вопрос?

— Мне просто надо знать. Если он ответит положительно, я начну размышлять, как быть. Решение, сам понимаешь, не из легких.

— Не спорю,— согласился Гранди.— Король Трент перед женитьбой на Ирис тоже ломал голову.

— Ты любишь Хамфри? — спросил Дор.

— Думаю, что люблю. Он первый, кто не окаменел после разговора со мной.

Горгона указала на стоящую в углу прекрасную статую мужчины.

— Это?..— в ужасе спросил Дор.

— Нет, я настоящая статуя,— ответил мрамор,— очень ценная скульптура.

— Хамфри строго-настрого запретил мне превращать,— объяснила горгона.— Даже по старой памяти нельзя. Я здесь для того, чтобы определять, кто глупец, кто трус. Трусам волшебник не отвечает.

— Значит, и мне не ответит,— грустно сказал Дор.— Я ведь ужасно испугался.

— Это не трусость. Тот, кто продолжает идти вперед и не отступает,— храбрец. Кому страх неведом, тот попросту глупец; кто подчиняется чувству страха, тот, безусловно, трус. Страх ты знаешь, но не позволяешь ему командовать собой. И ты тоже, голем. Ты никогда не бросаешь друга и рискуешь ради него своей драгоценной жизнью. Думаю, волшебник примет вас.

— Не такой уж я храбрец,— возразил Дор, немного подумав.— Только и сумел, что закрыть лицо.

— Конечно, ты мог бы начать вслепую размахивать шпагой или использовать зеркало. Есть у нас несколько зеркал для особо сообразительных. Но ты мальчик, а не взрослый мужчина. С каждого здесь свой спрос.

Дор согласился, хотя сомнение не покинуло его.

— Видел бы ты меня, когда я пришла в замок,— дружелюбно сказала горгона.— Прямо дрожала от страха. И лицо вот так же прятала.

— Ну да, ты же не в скульпторы пришла наниматься,— съехидничал Гранди.

— Не в скульпторы,— согласилась горгона.

— Ты познакомилась со стариканом двенадцать лет назад. Я помню ваше знакомство. С чего это ты только сейчас надумала явиться с вопросом?

— Я покинула остров в годину безволшебья. Миг — и волшебство выключилось, как свет, по всей ксанфской земле. Магические существа умирали или превращались в обыкновенские; древние чары испарялись. Почему это произошло, я не знаю...

— А я знаю, но не скажу,— заявил Гранди.— Это больше не повторится — об остальном умолчим.

— Все мои враги расколдовались. А среди них, как вам известно, были и настоящие буяны — тролли и прочие. Они на-

чали страшно шуметь, стали за мной гоняться. Я даже испугалась за свою жизнь.

— И вполне обоснованно,— заметил Гранди.— Когда им не удалось поймать тебя, они вернулись в деревню Магической Пыли. Большинство из них оттуда родом. Там, я подозреваю, тролли до сих пор и пребывают. Ведь в деревне столько женщин, соскучившихся по мужской ласке.

— Но когда безволшебье закончилось и волшебство вернулось, исчезли чары, хранившие других от моего взгляда. Это было одноразовое заклинание. Одноразовые заклинания сильны, пока в них есть сила, а потом хоть выкраси и выброси. С большинством заклинаний, кстати, та же история. В общем, горгона опять обрела лицо. Не надо объяснять, что это значит?

«Горгона вновь начала творить статуи»,— мысленно расшифровал Дор.

— Я поняла, что со мной случилось,— продолжала горгона.— Живя отшельницей на необитаемом острове, я на многое смотрела с детской наивностью, но жизнь постепенно учила меня. Я хотела исправиться. И тогда мне припомнились рассказы Хамфри об Обыкновении. Он говорил, что магия там не действует,— наверняка эта страна находится под властью могучей контрмагии. И я пошла в Обыкновению. Хамфри не ошибся — в Обыкновении я превратилась в обыкновенную девушку. Раньше мне казалось, я никогда не сумею покинуть Ксанф, но во времена безволшебья стала сомневаться. Чуть постаралась — и очутилась в Обыкновении. Жизнь там странная и забавная, но вовсе не такая плохая, как я ожидала. Местные жители приняли меня... и мужчины. Ведь в Ксанфе я ни с одним не целовалась.

Дор смущенно молчал. Он и сам еще ни с одной не целовался. Мать целовала его, но это не считается.

«Милли»,— шепнул внутренний голос. Милли могла бы...

— ...но потом я стала тосковать по Ксанфу,— рассказывала тем временем горгона.— Волшебство, волшебные существа... Не поверите, но мне снились древопутаны. Нам, родившимся среди магии, не так-то просто с ней расстаться, ведь магия — это часть нашей сущности. Я должна была вернуться, но знала, что принесу Ксанфу много горя... много новых статуй. Хам-

фри — вот кто мог помочь! Я уже знала, что он и есть тот самый добрый волшебник, что попасть к нему нелегко, и волновалась — ну совсем как девчонка. Сердце подсказывало: если вообще полюблю кого-нибудь в Ксанфе настоящей женской любовью, то именно такого, как Хамфри. Я надеялась, что возлюбленный уничтожит мой зловещий талант. Надежда и привела меня в замок.

— Хамфри и тебе чинил препятствия?

— Конечно! И преужасные. Первое — непроглядно-непроницаемый туман. Он зорко охранял ров. Я нашла маленькую лодку, села в нее и поплыла. Но всякий раз туман вставал на моем пути непроницаемой стеной. Лодка сама поворачивала и плыла к берегу. Дело в том, что лодка эта оказалась волшебной: ею надо было управлять, а то она так и норовила прибиться к пристани. От этого сурового тумана волосы мои намокли и шипели что-то ужасное — сырость им не по душе.

Ну конечно, ведь волосы горгоны состояли из бесчисленных крохотных змеек. Теперь, привыкнув, Дор находил их даже симпатичными.

— И как же ты в конце концов перебралась?

— Меня осенила мысль. Направила лодку прямо на туманную стену — туман смягчился и... проглядел меня сквозь себя.

— Кажется, гном идет,— сообщил Гранди.

— Ой, надо бежать! — засуетилась горгона.— У меня ведь стирка. Хамфри постоянно нужны чистые носки.— И она выскочила из комнаты.

— У гномов большие грязные ноги,— заметил Гранди.— Этим они напоминают гоблинов.

В комнату вошел добрый волшебник Хамфри. Мизерного роста, корявенький, он и в самом деле походил на гнома. Ступни у него были большие и действительно грязные. Хамфри пришел босиком.

— В целом замке не нашлось пары чистых носков,— ворчал он.— Барышня, как там твоя стирка? Битый час ищу носки!

— Добрый волшебник...— начал Дор.

— Носки такие маленькие, их так просто постирать,— сердито бубнил волшебник.— Я подарил ей стиральное заклина-

ние... Но где же барышня? Наверняка вообразила себе, что у доброго Хамфри каменное терпение!

— Добрый волшебник Хамфри,— снова произнес мальчик,— я пришел спросить...

— Дайте же мне носки! — крикнул Хамфри и опустился на ступеньку.— Я вам не босяк какой-нибудь, не мальчонка, я даже в детстве предпочитал ходить в обуви. Когда-то я здесь просыпал коробочку семян волшебной крапивы. Теперь пальцы так и жжет, так и жжет. Если мне сию минуту не принесут...

— Эй, старый гном! — во всю глотку завопил Гранди.

— Наше вам с кисточкой, Гранди,— сердито поздоровался Хамфри.— Чего тебе здесь надо? Я же объяснил, как ожить.

— Я ожил, гном,— не обиделся Гранди,— и говорю на твоем языке, поскольку к языкам у меня талант. Со мной пришел друг. Его зовут Дор. Он нуждается в помощи волшебника.

— Не нуждается он в помощи волшебника, потому что сам волшебник. Цель — вот что ему нужно. Пусть пойдет и отыщет микстуру, превращающую зомби в человека. Милли будет рада. Прошу прощения, я не одет для парада. Мои носки...

— К черту носки! — крикнул Гранди.— Мальчик преодолел все препятствия. Он хочет знать о микстуре. Немедленно дай ему ответ.

— Прежде чем к черту, их надо выстирать! Ненавижу грязные носки!

— Ладно, старина, принесу тебе чистые носки,— пообещал Гранди.— Но ты сиди здесь и беседуй с мальчиком.— Голем спрыгнул на пол и выбежал из комнаты.

— Я сожалею...— начал извиняться Дор.

— Гранди не сразу понял, что ему следует удалиться, големы вообще туго соображают. Теперь мы одни и можем поговорить.

— Гранди мне не мешал...

— Так вот, Дор, следующим королем Ксанфа, по всей видимости, изберут тебя. Я мог бы взять с тебя обычную плату, но ради будущего короля сделаю исключение. А вдруг ты станешь королем еще при моей жизни! Мои изыскания позволяют надеяться, что так и будет. Но будущее трудно предсказать

с абсолютной точностью. Пророчества способны исказить будущее не меньше, чем мемуары — прошлое. Рисковать глупо! Тебя по праву можно назвать могучим волшебником, силой ты не уступаешь и мне самому. Погоди немного — и будешь знать столько же, сколько я. Общение на равных с дружественными волшебниками — дело весьма полезное. Кроме того, если ты проведешь здесь целый год, ты поймешь, что угрожает благополучию твоего отца — Бинка, который всегда так заботился о тебе. К сожалению, угроза существует в неявном виде, она будет связана с возможностью нечаянно, неосознанно повредить Бинку. Помню, когда я пытался в свое время определить, в чем талант Бинка, невидимый великан прошел мимо, сотрясая землю так, что замок чуть не провалился в преисподнюю. Но сейчас — совсем иное дело. Я не могу дать полный ответ, потому что в записи есть определенная двусмысленность. Другой волшебник решил, кажется, сохранить свой секрет. Ну так как, заключим сделку?

Пророчества, королевская власть в будущем, таинственный талант отца, какие-то дружественные волшебники — от всего этого у мальчика голова пошла кругом. Но он кивнул.

— Значит, согласен. Очень хорошо. Тебе нужна живая вода, а мне — сведения о туманной, но очень важной эпохе, связанной с нашествием на Ксанф. Живая вода похожа на мертвую воду, широко известную в Ксанфе. Но у живой воды несколько иной состав, пригодный для зомби. Этот состав знал только один человек — повелитель зомби. Он жил во времена Четвертой волны. Я дам тебе возможность поговорить с повелителем зомби, а ты расскажешь мне во всех подробностях о своих приключениях там.

— Где? Во времена Четвертой волны?

— Стало быть, договорились! — потер руки волшебник.— Распишись вот здесь, чтобы я смог связать мой исторический текст с заклинанием.— Он сунул гусиное перо в дрожащие пальцы мальчика и положил перед ним пергамент с отпечатанным текстом. Дор сам не заметил, как расписался.— Приятно иметь дело с разумным волшебником,— удовлетворенно проговорил Хамфри.— А вот и носочки приехали! Самое время!

Голем просто шатался под тяжестью узла.

Волшебник извлек носки и стал натягивать на свои грязные ноги. Неудивительно, что носки так быстро пачкались.

— Беда в том,— бормотал между делом Хамфри,— что Четвертая волна нашествия прошла приблизительно восемь веков назад. Думаю, ты знаком с историей Ксанфа? Учителя-кентавры тебе рассказывали? Очень хорошо. Я сэкономлю время и не стану подробно рассказывать, как обыкновены приходили в Ксанф, убивали, грабили, опустошали, а потом — что уж вовсе глупо — оставались в ими же опустошенной стране и воспитывали своих детей в любви к магии. А потом приходила новая волна варваров, и эти новые убивали бывших соотечественников, уже укрощенных Ксанфом. Так и шло — поколение за поколением. Самой сильной, по причинам, в кои мы сейчас углубляться не будем, стала именно Четвертая волна. Величайшие из древних волшебников жили именно в ту эпоху: король Ругн, построивший наш главный замок, его заклятый враг и собеседник волшебник Мэрфи, повелитель зомби, с которым тебе предстоит поговорить. Ну, еще Ведна, но она — так называемая подколдунья, не очень значительная. Способ выведать секрет живой воды подсказать не могу: великан повелитель зомби жил отшельником, не то что я, грешный.

Гранди хихикнул.

— Спасибо,— поблагодарил Хамфри. Насмешка, похоже, ободрила его, даже придала ему силы.— Присаживайся,— предложил Хамфри своему юному гостю.— Не стесняйся, садись прямо на пол.

И мальчик, слишком взволнованный, чтобы протестовать, сел на пол, то есть на цветастый ковер. Гранди уселся рядом. Сидеть на мягком ковре и в самом деле было приятно.

— Главная закавыка в том,— сказал Хамфри,— что от Четвертой волны нас отделяет целых восемь веков. Повелитель зомби не сможет к нам прийти. Поэтому тебе придется... отправиться к нему. И единственный путь туда — через гобелен.

— Через гобелен? — спросил Дор, удивленный тем, что Хамфри назвал столь знакомый ему предмет.— Гобелен из замка Ругна?

— Именно. Ты получишь заклинание и с его помощью проникнешь внутрь гобелена. Не физически, конечно. Для этого ты слишком велик. Поэтому поступишь так — одолжишь тело у какого-нибудь персонажа гобелена. С помощью заклинания, конечно. Надо еще подумать, что делать с твоим собственным телом. Придумал! Мозговитый Коралл нам поможет. Он мне должен, а может, я ему — какая разница! Коралл всегда интересовался жизнью людей. Вот походит в твоем теле — и все узнает. Никто не догадается, что ты исчез. Голему придется потрудиться ради друга.

— Я всегда тружусь ради него,— самодовольно ответил Гранди.

— Полетите к Мозговитому Кораллу на ковре-самолете, а потом отправитесь к гобелену. Ковер послушный, так что ничего не бойтесь. Я и еды на дорожку дам. Горгона!

Вбежала горгона. В руках она держала три бутылочки.

— Ты не вымыл ноги! — огорченно крикнула она.

Хамфри взял у нее бутылочку белого цвета.

— Раньше в этой бутылочке хранился горгонин закрепитель, так что, если у вас кишки окаменеют, вините ее, а не меня,— предупредил Хамфри. Он протянул Дору бутылочку и сдавленно хихикнул: — А ты, Гранди, держи заклинания. Их два. Желтое позволит Дору проникнуть в гобелен; зеленое — кораллу войти в его тело. Смотри не спутай!..— Он протянул Гранди два цветных пакетика.— А не спутал ли я сам? Ладно, отправляйтесь. У меня и без вас дел по горло.

Хамфри хлопнул в ладоши — и ковер, на котором сидел Дор, начал подниматься.

Онемев от неожиданности, Дор схватился за край ковра.

— А ты не вымыл ноги! — услышал он возмущенный голос горгоны. Ковер описал в воздухе круг.— Я принесла два чистящих заклинания, отдельно для каждой ноги...

Это было последнее, что Дор расслышал. Ковер выплыл из комнаты, пролетел через несколько других, повернул за угол, вознесся, кружась, по бесконечной винтовой лестнице и вылетел наконец из башенного окна, такого узкого, что Дор ободрал костяшки пальцев. Земля очутилась далеко внизу и с каж-

дой минутой отдалялась все больше. Замок Хамфри превратился в крохотный домик.

— Какая страшная высота! — крикнул Дор, отшатываясь.— Я боюсь!

— Уж не собираешься ли прыгнуть вниз?

— Не-ет! — еще сильнее крикнул Дор.— Меня просто тихо сдует.

— Давай перекусим,— предложил Гранди.— Еда действует успокаивающе. Откроем сейчас эту белую бутылочку.

— Не хочу есть! Голова кружится!

Гранди открыл бутылку. Показался вкусно пахнущий дымок. Дымок сгустился — и друзья получили закуску: два бутерброда, полный до краев стакан молока и веточку петрушки. Все эти сокровища чуть не сдуло ветром — Дор едва успел подхватить.

— Классное путешествие,— промычал Гранди, вгрызаясь в петрушку.— Попей молока, Дор.

— Ты прямо как Милли,— насмешливо заметил Дор, но молоко выпил. Вкусное молоко. Наверняка из свежего молочая, да еще выросшего на шоколадной почве.

— А вот в Обыкновении, слыхал я, молоко добывают из животных,— заметил Гранди.

Дора чуть не стошнило. Какие же они все-таки варвары, эти обыкновены!

Потом Дор взялся за бутерброд. Просто чтобы освободить руки и иметь возможность держаться. Но съел с аппетитом. Мясо дикой вкуснятины с чесноком — его любимое блюдо. Хамфри наверняка заранее узнал о визите и разведал о вкусах гостя, а горгона отлично все приготовила.

Ну не обидно ли, что горгона, личность столь могущественная, в ожидании ответа живет в замке обыкновенной служанкой, тратя время на всякие пустяки? А не хочет ли Хамфри просто показать ей, что ее ждет после замужества? Монотонные будни — судьба обычной женщины. Может, томительное доответное время даже важнее самой минуты ответа? А может, оно — часть ответа? У доброго волшебника полно странностей, но проницательностью он обладает просто фантастической.

Зная о визите Дора, он заставил его преодолевать обычные препятствия. С Хамфри не соскучишься!

Ковер наклонился, вызвав у Дора новый приступ головокружения. Но упасть ему не грозило: поверхность ковра-самолета была сделана из материи, способной крепко держать сидящего. Мальчик даже не сдвинулся с места. Необыкновенное волшебство!

Ковер снижается? Нет! Он мчится с ужасной скоростью навстречу глубокой трещине!

— Куда?! — в ужасе закричал Дор.

— В зубы к путане! — крикнул Гранди.— Громадной!..— Самоуверенность его как ветром сдуло.

— Прямо в зубы! — откликнулся ковер и прибавил скорости.

Эта путана и в самом деле была гигантской. Она бы и великана не испугалась. Корни ее находились в почве Провала, а крона, то есть щупальца, касались верхнего края. Страшная угроза для пеших, желающих перейти Провал!

Ковер на полной скорости промчался над вершиной, едва не задев ее. Щупальца жадно взвились следом.

— У этого ковра не все дома! — крикнул Дор.— Связываться с древопутаной!

— Какому-нибудь сфинксу это, может, и по силам,— сказал Гранди, прикрыв глаза.— Будь проклят день оживления!

Но ковер благополучно обошел щупальца, спустился вдоль сердитого голого ствола и погрузился в расщелину.

Вниз! Вниз! Ужас высоты сменился ужасом погружения. Дор боялся ударов о стены. Но ковер, казалось, знал свое мрачное дело и опускался более-менее плавно. Потом обнаружилось, что стены излучают некое ровное свечение. Мрак немного рассеялся. И тогда стало видно, каким запутанным путем они пробирались. Пещера за пещерой, коридор за коридором. Но ковер твердо шел к цели — вниз, в самое брюхо Ксанфа.

Брюхо... Тошнота... Дор опять почувствовал слабость... Этот головоломный путь...

Ковер замер над мрачным подземным озером. Вода, как и стены, слегка светилась, обнаруживая мрачные глубины. Сколько будоражащих ум тайн они хранят! Ковер опустился на пол и обмяк.

— Должно быть, приехали,— заметил Гранди.— Но здесь же ничего нет! — удивленно воскликнул он.

Ничего живого, хотел сказать голем.

— *Я здесь,*— подумало нечто в нем.— *Меня зовут Мозговитый Коралл. Вы меня не видите, потому что я нахожусь под озером. У тебя знак доброго волшебника, тебя сопровождает голем, принадлежащий ему. Ты пришел погасить долг Хамфри?*

— Голем Гранди принадлежит исключительно голему Гранди! — возразил голем Гранди.— И вообще, никакой я теперь не голем, а настоящий человек.

— Но Хамфри сказал, что ты ему должен,— встревоженно ответил Дор. Ему было не по себе и от этого озера, и от голоса-невидимки, холодного, неживого. Мозговитый Коралл создала магия высшего класса — создала, но не очеловечила.

— *Может, он и прав. Кое в чем.*— Нельзя ли назвать Мозговитый Коралл говорящей мудростью? — *Так что от меня требуется?*

— Не согласишься ли ты посидеть в моем теле, пока моя душа будет путешествовать? Я знаю, что тело это не так уж великолепно, попросту подростковое...

— *Согласен!* — ответил Коралл.— *Отправляйся в странствия, а я покараулю.*

— О, благодарю...

— *Благодарю тебя. Тысячу лет живу, стольких смертных хранил в своих глубинах, а вкуса настоящей жизни не знаю. Теперь попробую, пусть и на миг.*

— Ты верно заметил — на миг. Когда я вернусь, тело мне опять понадобится.

— *Безусловно. Такие заклинания всегда имеют временные границы. В твоем распоряжении две недели, но я вполне успею насладиться.*

Заклинание, имеющее границы? Вот так чудо! Хорошо, что добрый волшебник ухитрился изобрести такое. Начни Дор действовать самостоятельно — и он наверняка остался бы внутри гобелена навсегда. Бытовало мнение: чем заклинание прочнее, тем оно лучше.

Ковер снялся с места без предупреждения.

— Прощай, Мозговитый Коралл! — крикнул Дор, но ему никто не ответил.

Дор с Гранди пустились в обратный путь. Он оказался не легче предыдущего, но Дор чувствовал себя гораздо лучше, и брюхо больше не бунтовало. Теперь мальчик верил и в мудрость доброго волшебника, и в надежность ковра... Вот уже и поверхность... ствол древопутаны... Щупальца зазмеились навстречу. Дору опять стало худо, но ковер избежал смертельных объятий. Он быстро полетел над самым дном Провала, удаляясь от страшного дерева. Оказавшись на безопасном расстоянии, ковер поднялся над краем Провала и взмыл в небо. После мрака пещер полдень казался ослепительно ярким.

Теперь они держали путь на север. Дор пытался разглядеть деревню Магической Пыли, но не сумел. Внизу был лес. Мелькнул темный, словно выжженный участок, но это была не деревня. Вскоре показался замок Ругна. Ковер облетел замок, снизился, влетел в окно, пронесся через зал и скользнул в живописную гостиную.

— Вот первое заклинание,— сказал Гранди, протягивая желтый пакетик.

— Погоди! — крикнул Дор. Загадочность предстоящего внезапно испугала его. Он ожидал, что придется отправиться на поиски таинственного источника, но здесь, в родном и знакомом мире, а тут вон что — войти в картину...— Ноги затекли,— пробормотал он, оттягивая решающий миг. Может, еще не поздно отказаться.

Но Гранди уже открыл бутылочку.

В воздух поднялся желтоватый туман. Потом образовалось маленькое облачко.

— Я даже не знаю, какое тело на гобелене...

Облачко окружило Дора. Мальчик покачнулся. Он стоял на месте и одновременно летел в какую-то пропасть. Мельком он увидел собственное тело — какой-то мальчик, взъерошенный, растерянный.

Гобелен все ближе, все громаднее. Какое-то насекомое — оно сидело на поверхности — приблизилось и исчезло. Дор мельком увидел ту часть гобелена, на которой был выткан кудрявый лесок. Неподалеку молодой силач замахивался громадным мечом...

ПРЫГУН

...Дор пригрозил мечом. Гоблины кинулись врассыпную. Он даже не успел их толком рассмотреть. Дор вообще впервые в жизни видел живых гоблинов. Вот они, оказывается, какие — маленькие, скрюченные существа с несоразмерно крупными головами, ногами и руками.

Это — ГОБЛИНЫ?

Он и в самом деле не знал, как выглядят эти существа. В течение столетий гоблины очень редко выходили на поверхность. Их дом — подземные пещеры, гоблины боятся солнечного света.

«Я же переместился,— вдруг вспомнил Дор.— Это прошлое... Восемь веков назад... Мир внутри гобелена... Поэтому гоблины здесь бегают по поверхности... Они дерзкие и не боятся солнца...»

Но и сам он изменился. Теперь у него мощное, рослое тело! Он чувствует себя в нем настоящим силачом — тяжелым мечом взмахивает, как соломинкой. А раньше, в прежнем теле, такую штуковину и двумя руками поднял бы с трудом. Теперь он силач — его мечта осуществилась!

Что-то ужалило его в голову. Он хлопнул себя по макушке с такой силой, что искры из глаз посыпались. Наглое насекомое — блоху или муху? — постигла заслуженная кара. Надо было захватить противонасекомное заклинание. Только перешагнул порог времени — а недостатки первобытной жизни уже тут как тут!

Лес был совсем рядом. Деревья с крупными листьями стояли стеной. Здесь как будто меньше волшебных растений, чем в его время. Здешние больше похожи на обыкновенские. Но это легко объяснить: природа Ксанфа, будучи в родстве с обыкновенской, в эти древние времена делала лишь первые шаги по совсем иному пути развития.

«Это называется эволюцией,— вспомнил Дор уроки учителей-кентавров.— Только те волшебные растения, которые стали еще волшебнее, сумели победить трудности и пережить века».

Он заметил что-то краем глаза. Резко повернулся и понял — вовсе не меча испугались гоблины!

За его спиной стоял... ПАУК! Громадный! Ростом с человека!

Дор сразу забыл о гоблинах и снова выхватил меч.

«Как легко я это проделал!» — снова удивился он.

Прежний хозяин тела был, конечно, опытным воином, с натренированными в походах мускулами, а сам Дор видел меч в своих руках, можно сказать, впервые в жизни. Если бы не тело, он бы, пожалуй, рассек себя на две половинки.

Паук тоже не зевал. У него не было меча, но этого и не требовалось. Его оружие — восемь косматых лап и два громадных зеленых глаза... нет, четыре глаза — два больших и два маленьких... нет, не меньше шести по всей голове... Два острых клыка торчат из пасти... Еще две лапы — над пастью... Какой ужас!..

Чудовище готовилось напасть.

При этом оно издавало какие-то чирикающе-потрескивающие звуки, явно угрожающие. Гранди бы перевел, но голем невообразимо далеко.

Чудовище размахивало двумя передними лапами. Не вооруженные ни когтями, ни пальцами, они все равно выглядели устрашающе. А эти челюсти! А эти глаза!

Дор сделал ложный выпад мечом (вот так чудо — тело само ведет игру!). Паук отступил, сердито потрескивая.

— Что это чудище хочет сказать? — встревоженно спросил Дор, опасаясь, что ни волшебная сила, ни рост не помогут ему победить монстра.

А меч подумал, что спросили у него.

— Я знаю язык сражений,— ответил меч.— Чудище говорит, что сражаться с тобой не хочет, что существа ужаснее еще не встречало. Интересуется, годишься ли ты в пищу.

— Это я — ужасный? — не веря своим ушам, спросил Дор.— А оно, случайно, с ума не спрыгнуло?

— Не мне судить,— промолвил меч.— Я разбираюсь только в боевых способностях. Чудище сбито с толку, но воевать оно умеет. А вот ты, как я считаю, и в самом деле косишь умом.

— Мне двенадцать лет, я пришел из будущего, или, если тебе угодно знать, с той стороны гобелена. Я появлюсь на свет через восемьсот лет...

— Что и требовалось доказать,— брякнул меч.— Явный псих.

— Эй, послушай, я держу тебя в своей руке,— прикрикнул Дор.— Я твой хозяин.

— Не спорю. Мечи всегда были лучшими слугами безумцев.

А паук не торопился атаковать. Его что-то отвлекло. Трудно было понять, куда именно он смотрит, потому что его глаза смотрели одновременно в нескольких направлениях. Не исключено, что паук просто вслушивался в разговор Дора с мечом, стараясь уловить смысл. Дор попытался все же определить предмет паучьего интереса и увидел, что к ним приближаются какие-то существа. Гоблины! Они возвращаются!

Одно о гоблинах известно наверняка — эти недомерки питают вражду к людям. Принято считать, что гоблины убрались под землю после многовековой борьбы. Их увела туда негасимая ненависть к человеческому роду. Легенды повествуют, однако, что когда-то гоблины жили в мире с людьми. Ведь они — родственники людей, пусть и отдаленные. Но что-то нарушило мир...

— Плохо дело,— пробормотал Дор.— Если я займусь чудовищем, гоблины набросятся на меня сзади. А если займусь гоблинами, на меня набросится чудовище.

— Сначала с пауком сразись, потом за гоблинов берись,— важно промолвил меч.— Умри в честном бою. Таков удел солдата.

— Я не солдат! — испуганно крикнул Дор. Он не предполагал, что этот вытканный на холсте мирок преподнесет сразу такую кучу неприятных сюрпризов. Но теперь искусственный мирок стал для него реальностью, а в реальности люди вполне реально умирают. Значит, он может погибнуть? Ставить опыт как-то не хотелось. Но может, все не так страшно. А вдруг его смерть здесь будет означать попросту досрочное возвращение домой? Заклинание оборвется. Он вернется в свое тело, то есть вновь станет двенадцатилетним мальчишкой. Мальчишкой, не справившимся с заданием. Тем все и кончится. Вполне возможный финал.

— А несколько минут назад ты был настоящим солдатом,— напомнил меч.— Плохим воином, потому что только плохие

воины пасуют перед какими-то ничтожными гоблинами, но все-таки воином. Умники, к слову сказать, тоже для войны не годятся. Ум охлаждает боевой задор. Но теперь ты дрожишь от страха, ты вступаешь в спор со мной, жалким мечом. Я тебя не узнаю.

— Я умею разговаривать с неодушевленными предметами. В этом мой талант.

— Кто здесь невоодушевленный? Оскорбляешь? — зловеще сверкнул острием меч.

— Нет-нет,— заторопился исправиться Дор. Не хватает еще поссориться с собственным оружием! — Я хотел сказать, что только мне выпала особая честь — разговаривать с мечами. Прочим людям позволено разговаривать только с людьми.

— О! — воскликнул меч радостно.— Беседовать с мечами — и в самом деле большая честь. Почему же ты раньше молчал?

Не желая опять показаться безумцем, Дор не сразу нашел ответ.

— Я чувствовал, что еще недостоин,— проговорил он наконец.

— Промедление, заслуживающее уважения,— согласился меч.— А теперь прикончим чудовище.

— Не согласен. Раз оно до сих пор нас не тронуло, значит, попросту не хочет драться. Худой мир лучше доброй ссоры, как говорит мой отец. Следуя этому правилу, он однажды подружился с самим драконом.

— Ты, наверное, забыл, что прежде я принадлежал именно твоему папаше. Не припоминаю таких его мудростей, но хорошо помню, как он рычал: «Сегодня жри, пей, куролесь, а завтра хоть меч в брюхо». Так он пил и куролесил и охнуть не успел, как ему вспороли брюхо. Муж-ревнивец одной подружки отомстил.

Дор знал, что обыкновены грубы, поэтому веселым воспоминаниям меча о нравах папаши его тела не особо удивился. Но дружить с драконом эта образина уж никак не могла. Как же загладить такую явную несообразность?

— А про дружбу с драконом я тебе так скажу,— нашелся он наконец.— Драконами папаша любил называть отъявленных

забияк, буянов. Дракон — значит, любит выпить, закусить, подраться.

— Узнаю язычок! — расхохотался меч.— Старикан умел придумывать клички. И сам драконом был хоть куда!

Надо попытаться переговорить с пауком. Дор решил рискнуть. Меч сможет перевести кое-что из слов чудовища на человеческий язык, но паучьего он явно не знает. Такой уж у меча талант — однобокий. Но переговоры, вполне возможно, состоятся, если приложить усилия.

— Я хочу сделать жест доброй воли, то есть помириться с чудовищем,— сообщил он мечу.

— Помириться с чудовищем! — загоготал меч.— Да твой папаша в могилке перевернется!

— Ты просто переведешь, что паук скажет мне.

— Я понимаю только один язык — звон мечей, а разные сюси-пуси не для меня,— ответил меч с достоинством бывалого воина.— Мирными чудовищами не интересуюсь.

— Тогда я упрячу тебя подальше.— Дор поискал ножны. Коснулся бедра, но там ничего не было.— Эй, куда тебя прячут?

Меч пробурчал что-то нечленораздельное.

— Куда прячут? — угрожающе повторил Дор.

— В ножны, кретин! — отрезал меч.

— А где ножны? Я не могу найти.

— У тебя что, дырка в голове? На спине ножны.

Дор ощупал спину левой рукой. Ножны висели на спине, протянувшись от правой ягодицы к левому плечу. Он поднял меч и попытался засунуть в ножны. Но и тут требовалась сноровка, которой у него не было. Если бы он позволил телу действовать по собственной воле, все пошло бы как по маслу, но сейчас, пряча меч в виду противника, Дор действовал наперекор всем привычкам обыкновенского тела. Меч пробормотал что-то неодобрительное.

Но стоило Дору отвлечься и начать думать о своем, как тело захватило бразды правления и меч легко скользнул в ножны.

— Обращаюсь к вам, ножны,— сказал Дор.— Вы не можете не понимать, что такое мир или, по крайней мере, что такое перемирие.

— Мы понимаем,— ответили ножны.— Нам ведом язык переговоров с позиции силы и почетных перемирий.

Дор широко развел руками перед чудовищным пауком, который стоял неподвижно, тогда как гоблины чуть придвинулись, подозревая ловушку. Своим жестом Дор хотел сказать, что он хочет мира. Паук тоже развел передними лапами и что-то прострекотал. Мелькнула настороженная физиономия гоблина. Гоблины, кажется, не были в сговоре с пауком и не лучше, чем Дор, понимали, что задумало чудовище.

— Паук хочет знать, когда же ты начнешь бой,— перевели ножны.— Сначала пауку показалось, что ты стремишься заключить мир, но теперь он не сомневается, что ты готов схватить его своими клещами, ужалить, раздавить.

Дор поспешно соединил руки.

Паук снова что-то протрещал.

— Ага,— продолжили ножны.— Теперь паук знает, что перехитрил тебя. Ужас охватил тебя. Он может закусить тобой, и ты не станешь сопротивляться.

Смущение Дора сменилось гневом.

— Смотри сюда, чудовище! — крикнул он и потряс кулаком перед щетинистой мордой.— Я не хочу с тобой сражаться, но ссли ты вынудишь меня...

Вновь потрескивание.

— Наконец! — крикнули ножны.— Наконец-то вы говорите на равных, не боясь и не угрожая. Паук — пришелец в этих краях, и он предлагает перемирие.

Дор, изумленный и благодарный, приказал себе замереть. Паук протянул левую лапу. Дор не пошевельнулся. Любое движение может насторожить и испугать паука. Лапа коснулась руки Дора.

— Мир,— объявили ножны.

— Мир,— подтвердил Дор и облегченно вздохнул.

Теперь, когда он получше рассмотрел чудище, оно уже не казалось ему таким ужасным. Наоборот, зеленая шерсть была по-своему даже красива, а глаза горели как два превосходных изумруда. Верхняя часть брюшка раскрашена таким образом, что сверху его можно принять за улыбающееся человеческое лицо: два круглых черных глаза, белый рот, широкие черные

усы, нежно-зеленая кожа. Этим лжелицом паук наверняка отпугивал хищников, хотя Дор не мог представить, что у такого страшилища есть враги. Восемь серого цвета ног вырастали прямо из основания грудной клетки. Клыки оранжево-коричневые. Некоторые из глаз окружены длинными пучками шерсти. Милое, в общем, существо, хотя и устрашающее.

Затаившиеся гоблины гурьбой кинулись в атаку. Тело сработало прежде мысли. Оно неожиданно развернулось, выхватило меч и резко замахнулось на гоблинов.

— Жажду напиться твоей черной крови, ты, плевок тьмы! — звонко крикнул меч.— Дай мне попробовать вонючего гоблинского мясца!

Но гоблины не особенно испугались. Двое кинулись прямо на Дора. Ростом как раз ему по пояс, с большущими ступнями и ладонями, они казались злой пародией на доброго волшебника Хамфри. Но если Хамфри просто ворчлив, то эти были жестоки. Злоба уродовала их и без того искривленные рожи. Тела их напоминали кривые ветки деревьев. Они использовали грубое оружие — обломки камней, зеленые плетки, маленькие колючие ветки.

— Стойте! — крикнул Дор, размахивая жаждущим крови мечом.— Я не хочу причинять вам боль!

Но в душе он очень хотел причинить им боль. Неприязнь побеждала благие намерения. Гоблины были ему просто ненавистны. Мужчины, отважные и сильные, не любят, когда их передразнивают, будто выставляя кривое зеркало перед их величием. Что-то абсолютно чуждое — вроде огромного паука — еще можно стерпеть, но грубую пародию на человека — ни за что!

Дор содрогнулся. Это третий гоблин подкрался и впился зубами ему в бедро. Дор стукнул его по голове — и едва не взвыл от боли: головы у гоблинов тверже камней! Дор попытался отодрать от себя уродца, но тот впился намертво. Еще двое приблизились, следя за острием меча глазками-бусинками. Они вовсе не хотели отведать меча. Гоблинов становилось все больше.

Вдруг мохнатая паучья лапа протиснулась между гоблином и телом, в которое он вцепился. Лапа нажала — гоблин отлетел, яростно визжа.

Дор оглянулся. Глаз паука висел перед ним, как зеркало. Он увидел свое отражение в зеленых глубинах — крупное, плоское, бородатое мужское лицо, вовсе не похожее на его собственное. Даже если допустить, что глаз-зеркало искажает, все равно не похоже.

Двое гоблинов с неожиданной силой разом оттолкнулись от земли и, руля в воздухе кривыми ножонками, полетели в сторону Дора.

Тело взметнуло могучую руку; меч с радостным свистом рассек воздух — парочка гоблинов-летунов упала на землю в виде четырех полешек.

«Неужели это твоих рук дело?» — спросил внутренний голос, а Дор стоял и с недоумением смотрел на темно-красную кровь, которая, вытекая и смешиваясь с землей, становилась черной. Гоблины безвозвратно мертвы, а убийца — он. Ему стало тошно.

Он услышал потрескивание. Паук звал его! Он оглянулся и увидел: четыре гоблина держат паука за ноги, а другие пытаются взобраться на него верхом! Паук пробует освободить ноги, поднять повыше свое шаровидное тело, но коротышки навалились всем миром и тянут гиганта к земле. Снизу паук ничем не защищен; удар маленьким острым камешком может нанести ему глубокую рану.

Дор направил меч на ближайшего гоблина и проткнул его. Острие прошло сквозь костлявое тело и швырнуло его на землю рядом с паучьей туфлей. (Вообще-то пауки ходят босиком, но окончания лап у них расширены и загнуты, как носки туфель.)

— Не протыкай гоблинов насквозь! — крикнул меч.— Они внутри не чище, чем снаружи, а от грязи я тупею!

Дор рывком извлек острие. Смертельно раненный гоблин дико завопил, глаза вылезли из орбит, руки и ноги задергались. Маленькие уродцы жили в грязи и ужасе и умирали не лучше.

Дор оторвал от земли сапог — он и не заметил, что на нем сапоги,— пнул им в искаженное лицо и оттолкнул убитого мечом. Тело обмякло бесформенной кучей.

Потом Дор пронзил еще одного гоблина, более аккуратно, чтобы не затупить меч. Что-то у него в животе клокотало, буль-

кало, просилось наружу, но он твердо держал себя в руках. Сражение — вот что сейчас важнее всего.

Паук взмахнул одной из передних лап. Гоблин, собравшийся нанести Дору коварный удар в спину, завопил. Дор, почти не волнуясь, проколол его мечом. За третьим гоблином последовал четвертый. Дор обретал сноровку.

И вдруг гоблинов не стало — дюжина тел валялась на земле, остальные унесли ноги. Значит, они с пауком убили равное число врагов. Отличный боевой союз!

Только теперь, когда все улеглось, Дор осознал, что совершил. Словно прорвалась плотина, сдерживавшая мрачные мысли. Кровавая мешанина на земле — его рук дело... Смерть... Убийство существ, отдаленно напоминающих людей...

Паук застрекотал. Дору не требовался перевод.

— Я никогда не проливал крови,— выдавил он из себя, сдерживая тошноту.— Если бы они не бросились... я... никогда бы!

Он готов был разрыдаться. Он знал, что девушки порой оплакивают утраченную невинность. Теперь их чувства стали ему понятны. Он защищал себя, не мог не защищать, но при этом утратил что-то важное, утратил навсегда. Пролил кровь... Несмываемое пятно на душе!

Паук подошел к мертвому гоблину, сжал его клешнями и погрузил клыки в тело, но сразу же плюнул. Дор все понял: у гоблинов мерзкий вкус!

Что сделано, то сделано — утраченной чистоты не вернуть. Тело воина не могло не сражаться. Когда буря чувств немного улеглась, Дор понял, что они с пауком едва избежали смерти. Гоблины не смогли победить потому, что их было двое; они заключили между собой мир и помогали друг другу.

Но почему гоблины бросились на них? Одинокие, беззащитные путники — как же не наброситься! Гоблины не сомневались в победе, потому и кинулись в бой. Все очень просто. Проголодавшимся гоблинам могло почудиться, что воин и паук — самая легкая добыча. Как бы там ни было, но именно гоблины затеяли потасовку, а это половина вины. Дор попросту расплатился с ними той же монетой.

«Я могу, я способен убивать — вот что ужасно!» — с тоской думал он. Новое мощное тело действовало чисто механически,

но воля-то была его собственная, а значит, некого винить, кроме себя.

Если для обретения зрелости надо научиться убивать, то лучше остаться вечным ребенком.

Потом он задумался о пауке... Паук живет вон в том лесу. Нет. Не похоже. Ножны сказали, что паук — чужестранец. Обитатель здешних мест не попался бы так легко в лапы к гоблинам. Он бы благополучно скрылся в паутине на каком-нибудь высоченном дереве. На гобелене вообще не было изображения паука. Значит, это чужак, как и сам Дор. И подружиться с ним весьма полезно. Но как же наладить разговор?

Меч предпочитает военный лексикон. Ножны — лексикон переговоров. Надо найти кого-то, кто хорошо понимает *всю* паучью речь! Может, какие-нибудь камни... среди которых пауки сидят, подстерегая добычу, или...

— Нашел! — крикнул Дор. Неожиданная мысль осенила его.

— Что это ты нашел? — недовольно спросил меч.— Когда меня очистят от грязи, чтобы я не заржавел?

— Извини, забыл,— смущенно кивнул Дор. В его времена мечи находились под защитой наждачного заклинания, но сейчас со всем приходилось справляться вручную. Он тщательно вытер лезвие пучком травы и спрятал меч в ножны. Потом подошел к ближайшему дереву и внимательно осмотрел кору.

Тем временем паучище тоже очистился от грязи, налипшей на его лапы и брюхо во время боя, и заблестел прямо-таки зеркальным глянцем. Одним глазом — их у него оказалось восемь, а не шесть — он уставился на Дора. Так как глаза смотрели в разные стороны — точнее, на все четыре,— телу не требовалось поворачиваться, но Дор не сомневался, что один глаз сейчас смотрит именно на него.

— Ага! — воскликнул Дор. Он нашел паутину.

— Ты ко мне обращаешься? — поинтересовалась паутина.

— Наверняка к тебе! Ты принадлежишь какому-то пауку? И явно понимаешь паучий язык?

— Конечно понимаю. Я сотворена прелестной, с телом в черно-оранжевую полоску паучихой, о стройности ног которой молва шла по всему свету! Видел бы ты ее на комариной охоте! Но, увы, старая мухоловка склевала нашу красавицу. В го-

лове не укладывается, как старуха могла спутать ее с какой-то мухой...

— Очень жаль,— посочувствовал Дор.— Но у меня просьба — пойдем со мной. Ты будешь висеть у меня на плече и переводить речь одного паука.

— Молодой человек, я...

Дор выразительно притронулся к паутине.

— ...совершенно свободна,— поспешно завершила паутина.— Сейчас я пребываю в праздности. Только не порви меня. Госпожа приложила слишком много усилий...

Дор осторожно снял паутину и аккуратно прикрепил к плечу.

— Прямо великан какой-то! — воскликнула паутина, увидев паука.— Я и не предполагала, что такие бывают.

— Скажи что-нибудь,— попросил Дор паука.— А я найду способ ответить.

Паук что-то протрещал.

— Чего ты хочешь, чужак? — перевела паутина.

Словно Гранди опять очутился рядом! Только Гранди умеет переводить в обе стороны. Ну ничего, Дор хоть и молодой и неопытный, но все же человек, а поэтому сумеет справиться.

Дор поднял кулак. Он уже знал: этим жестом пауки приветствуют друг друга. Так же они сообщают, очевидно, и о стремлении заключить мир, а вот когда широко разводят лапами — берегись, встречный!

— Хочешь подтвердить мирный договор? — спросил паук.— Его не надо подтверждать, но ты не паук, поэтому не знаешь...

Дор развел руками. Паук в тревоге отпрянул:

— Хочешь прервать?!

Дор устало опустил руки. Ничего не получается! Ну как говорить с существом, которое все понимает по-своему?

— С тобой что-то не так? — перевела паутина.— Сражался ты отлично, но теперь почему-то приуныл. Из боя ты вышел как будто в целости и сохранности. Может, хочешь есть? От большой сочной мухи наверняка не откажешься?

Дор развел руками.

— Похоже, ты стараешься отвечать на мои вопросы? — растерянно спросил паук.

Дор поднял кулак.

Паук уставился на него громадным зеленым глазом.

— Так ты понял, что я говорю? — спросил паук.

Дор поднял кулак.

— Давай проверим,— взволнованно протрещал паук.— Может, ты мудрец? Нет, мудрецы вообще редкость, а уж среди непауков их днем с огнем не сыщешь. С другой стороны, именно ты предложил перемирие. Проверим. Значит, так: если ты понял мои слова — подними переднюю лапу.

Дор стремительно поднял руку.

— Потрясающе! — протрещал паук.— Непаучий мудрец! А теперь опусти лапу.

Дор опустил. Свершилось — паук наладил общение с иноплеменным мудрецом!

Они продолжали взаимное обучение. За час Дор научил паука — или паук научился у него, смотря как подойти,— понимать слова «да», «хорошо», «нет», «плохо», «опасность», «еда», «отдыхать». А Дор узнал — или паук поведал ему, смотря как подойти,— следующее: его знакомый был средних лет пауком-мужчиной из семейства пауков-прыгунов. Поэтому родители и дали ему имя Прыгун. Пауки-прыгуны, по словам Прыгуна, отличаются красотой и умом, но семейство их по сравнению с другими немногочисленно и размером они невелики. Есть, правда, мнение — среди непрыгунов,— что прыгуны вовсе не так умны и не очень-то красивы. Когда прыгуны охотятся, то не лежат, позевывая, в паутине, не дремлют в засаде, ожидая, когда жертва влетит к ним в рот,— нет, они отважно выходят на охоту в разгар дня — хотя их можно встретить и ночами, а почему бы и нет? — подкрадываются и настигают жертву блестящим прыжком. Прыгуны блюдут свою честь, а это самый честный способ охоты.

Прыгун — рассказ продолжался — подкрадывался к жирной мухе, присевшей на гобелен. И тут случилось нечто странное. Он сам не понял, как оказался здесь. Прыгнуть он не сумел, потому что был ошеломлен присутствием — извините, но будем говорить начистоту — какого-то четырехлапого чудовища и нападением этих чокнутых гоблинов — он принял их за жуков. Теперь Прыгун вполне пришел в себя, но не знает, куда

податься. Здесь все не как дома: деревья то появляются, то исчезают, животные с какими-то ужасными фокусами, пауков вообще не видно. Домой надо! Но как вернуться?

Дор понял, что случилось, но слишком мало слов было в их общем словаре, чтобы и паук мог понять. Маленький паучок бежал по гобелену, когда начало действовать желтое заклинание доброго волшебника Хамфри. Вихрь заклинания подхватил паучка и занес его в прошлое вместе с мальчиком. Но поскольку паучок в участники истории попал случайно, изменился он тоже не так, как следовало бы ожидать: вместо того чтобы стать, в соответствии с пропорциями гобелена, совсем крохотным и занять тело какого-нибудь древнего гобеленного паука, Прыгун почти не уменьшился. Поэтому-то он сейчас и казался гигантским. Сохрани Дор свой рост, и он был бы сейчас величиной с гору.

«Если Прыгун покинет меня и пойдет в этом мире своим путем, он никогда не вернется из гобелена»,— подумал мальчик-воин.

Но может, он ошибается? Может, когда придет срок, заклинание вернет всех, кого занесло сюда? Кто знает, кто знает. Но лучше держаться вместе, и тогда в назначенный срок они наверняка вернутся — Дор в свое тело, а Прыгун просто домой. Дор не мог объяснить подробно, но сообразительный Прыгун все понял и согласился остаться.

Теперь оба поняли, что голодны. Черное мясо гоблинов было несъедобно, и Дор не заметил поблизости никаких знакомых съедобных растений. Никаких хлебниц, никаких пирожниц и сахарниц, никаких джон-чаев и молочаев. И гигантских насекомых для Прыгуна тоже не заметил. Что же делать?

— У вас тут водятся существа, похожие на жуков? — спросил Дор у паутины.— Ну как объяснить, такие с усиками, с ножками...

— А как же! В часе птичьего полета отсюда есть замечательная сороконожка. Сороки на хвосте принесли, что вся она в ножках!

Для птицы — час полета, а для человека — шесть часов ходьбы. Смотря еще какая птица и по какой дороге идти.

— А поближе что-нибудь имеется?

— Совсем рядом растет комарное дерево — тайный плод любви коровьего куста и омарной травы. Но оно невероятно глупое.

— Вот это то, что надо,— обрадовался воин.— Умных както неудобно кушать. Там еда,— обратился он к Прыгуну, указывая на дерево.

Прыгун просиял. Глаза его не то что загорелись, но некоторым образом вылезли из орбит.

— Сейчас проверю,— протрещал паук и с удивительной скоростью побежал к дереву.

— А это не опасно? — спросил Дор у паутины.

— Не волнуйся, юноша,— ответила паутина.— Наши места славятся жукоядными птицами, а вскоре, я думаю, прославятся и птицеядными жуками.

Пауками птицы тоже не брезгуют, но на гигантского Прыгуна вряд ли решатся броситься. Но лучше не искушать судьбу.

— Опасность! — крикнул Дор вслед пауку.

— Жизнь сплошь состоит из опасностей,— протрещал паук,— а уж от голода и вовсе помереть можно. Взобраться — пара пустяков!

И он с удивительной ловкостью полез на дерево. При помощи восьми ног это нетрудно. Минуту назад Дор был убежден, что двумя, в крайнем случае четырьмя ногами вполне можно обойтись, но теперь передумал — восемь ног куда лучше! Ему, двуногому, *так* на дерево не взобраться! Прыгун исчез в листве. Через секунду оттуда раздался тревожный стрекот.

— А кузнечиков-богомолов здесь нет?! — спросил Прыгун.— Они такие наглые, что кидаются даже на пауков.

— Что это за богомольные кузнечики? — спросил Дор у паутины.

— Кузнечикам здесь нечего делать,— успокоила паутина.— Они водятся в основном в кузницах, а кузницы — в деревнях.

— Кузнечики в деревнях,— крикнул Дор пауку, надеясь, что тот поймет.

«А нет ли в округе огнедышащих драконов?» — хотел спросить он у паутины.

Если есть драконы, то кузнечики, можно сказать, не страшны. Хотя и часа не прошло, как они познакомились, Дор уже

чувствовал ответственность за нового друга. Есть и его вина в том, что Прыгун оказался здесь. А с другой стороны, если бы вихрь заклинания не подхватил паука, Дору пришлось бы справляться одному, а один против банды гоблинов — это не шутка! Вдвоем они быстро победили, но окажись Дор один... страшно даже представить, как все обернулось бы. Путь только начался, а он уже в неоплатном долгу перед Прыгуном.

Бац! Что-то шлепнулось ему на голову. Дор хотел выхватить меч, хлопнул себя по бедру, забыв, что ножны висят на спине. Потом он увидел, что его ударило.

Вися на нитке, с дерева спускался комар. А Дор думал, что только пауки используют нити. Но комар не просто спускался. Он был плотно обмотан той же нитью. Это пленник громадного паука!

Дору стало немного жаль комара. Ведь существо было еще живо и боролось, стремясь порвать путы. Но потом он вспомнил, как больно комары кусаются, как не дают спать по ночам. Комары — существа злобные. Вот и этот, арестант, просто звенел от злобы.

За первым комаром спустился еще один, потом еще. Наконец показался сам Прыгун.

— Остальными я закусил,— протрещал он.— Комары, конечно, не такие жирные, как мухи, но все же вкусные. А этих я оставлю на ужин. Спасибо, что показал комарное дерево, дружище Дореми.

— Да,— ответил тот, надеясь, что отыскал самое меткое слово для положительного ответа. Найти дерево — пустяк. Впереди долгий путь. Пройти его и вернуться домой вместе — вот что главное.

Теперь Дор отправился искать еду для себя. Он расспросил паутину, но она знала главным образом о пище движущейся, а ему нужна была неподвижная. Спросил у камней, поговорил с ветками деревьев — и вскоре нашел кукурузное дерево. Зерен с него удалось набрать немного, но на первый случай ему хватило. Значит, и в древнем Ксанфе существуют магические растения, просто растут они не так густо, как восемьсот лет спустя,— их приходится дольше искать.

Уже перевалило за полдень. Надо найти место для ночлега. На открытом месте ночью их легко могли захватить гоблины или какая-нибудь другая пакость. В современном Ксанфе они давно бы уже столкнулись с кучей угроз, дюжиной неприятностей и парочкой неожиданностей. Кто знает, может, гоблины занялись местными чудовищами, не такими строптивыми.

— Отдых,— предложил Дор, указывая в сторону заходящего солнца.

Прыгун понял.

— Я хорошо вижу в темноте,— протрещал он,— но для тебя, Дореми, тьма опасна. Деревьям тоже нельзя верить. И еще я видел странную нептицу. Она птица, но лицо у нее человечье, и вонь от нее...

— Гарпия! — крикнул Дор.— Лицо и грудь женщины, тело — птичье! Гарпии — это кошмар!

Дор старался говорить так, чтобы Прыгун понял хоть часть сказанного.

— Поэтому мы должны спать на воздухе,— неожиданно заключил Прыгун.— Я привяжу тебя к ветке, и ты прекрасно проведешь ночь.

Предложение не обрадовало Дора, но он не мог ни возразить, ни придумать что-нибудь другое. Будет болтаться на нитке, как тот комар...

Хмурясь — он надеялся, что паук не заметит,— Дор позволил обвязать себя паутиной. Паутину Прыгун добывал из самого себя, из особых органов, расположенных сзади. Занимаясь извлечением паутины, Прыгун весело трещал, пускаясь в подробности, которые Дору были не так уж и нужны:

— Шелк — это такая жидкость, которая становится прочнейшей нитью, когда я вытаскиваю ее из себя. Моими шестью прядильницами я пряду нити какой угодно крепости. Сейчас я использую одинарные нити для твоей подвесной люльки и более толстые — для главной веревки. Ты постой, а я полезу привяжу.

«И хотел бы — не убежал»,— подумал Дор. Веревки держат крепко!

Раз — и паук уже сидит на дереве! Пропустив мимо ушей удивленный возглас Дора, Прыгун протрещал:

— Это я на подтяжках взлетел. Я прикрепил их к ветке, когда ловил комаров, да так и оставил. Нам, паукам, без подтяжек и жизнь не в жизнь. Они помогают нам удерживаться над землей. Помню, в молодые годы мы с братьями устраивали состязания — прыжки с высоты на подтяжках. Кто оказывался у самой земли, но не касался ее, тот и выигрывал...— С этими словами паук скрылся в листве.

— С твоими братьями? — задрав голову, крикнул Дор. Он хотел знать, где находится паук, а для этого тот должен был трещать без умолку.

— Ну да, с братьями,— снова затрещал паук.— Несколько сотен нас вылупилось. И расползлись мы потом по всему свету, чтобы дальше увеличивать паучий род. А у вас разве не так?

— Нет,— признался Дор.— Я единственный у родителей.

— Вот жалость-то! Какое-то чудовище слопало твоих братьев?

— Не совсем так. И родители заботятся обо мне, когда бывают дома.

— Так хозяин с хозяйкой тоже вместе? А мне не послышалось?

— И они вместе...

— Завлекательная мысль — не покидать невесту сразу после свадьбы, детишек после появления на свет. Может, и я после возвращения навещу свою милашку. Посмотрю, как она справляется с потомством.

Дор неожиданно взвился в воздух. Паук поднял его, как комара.

Но это оказалось странно приятно. Ведь Прыгун не связал его, а просто привязал нити, так что Дор чувствовал какую-то не стесняющую поддержку. Не знай он, куда смотреть, мог бы поверить, что нити в самом деле невидимы. Паук поработал на славу!

Качаться в люльке, отдыхать... Как хорошо. Через минуту спустился Прыгун и закачался рядом. Они тихо раскачивались в покое ночи, вдалеке от опасной земли, достаточно далеко от ветвей дерева.

Дор вздрогнул и потер голову. Что-то прожужжало у него в волосах. Опять блоха!

Утренняя знакомая? А не рассказать ли пауку? Он знает толк в охоте на блох... Нет... Чего доброго, лишишься уха. У паука такие клыки!.. Сами справимся... В следующий раз, когда негодяйка...

..Дор проснулся, когда солнечный свет проник сквозь листву. Он не очень хорошо отдохнул, потому что не привык спать, болтаясь в паутине, но кто знает, как бы он себя чувствовал, если бы решил провести ночь в другом месте. Укушенная гоблином нога болела, правая рука, которой он вчера размахивал, держа меч, затекла, в животе сердито урчало, но сильное тело закаленного воина превращало все эти болезненные ощущения в мелкие неприятности.

Прыгун спустился первым. Хотел проверить, нет ли внизу какой опасности. Потом вернулся и спустил Дора. Как только ноги его коснулись земли, паук провел лапой и снял паутину. Дор был свободен.

Теперь ему страшно захотелось отлучиться по естественной надобности. Подходящий куст нашелся рядом. Раскачиваться в воздухе приятно, но в определенном смысле стеснительно. А вот интересно, легендарные герои тоже сидели в кустах?.. Героические легенды об этом, конечно, умалчивают.

Когда он вернулся, Прыгун что-то протрещал. Ничего не понятно. Что случилось с переводчицей?

Дор быстро нашел причину: когда Прыгун очищал его от паутины, заодно смахнул и переводчицу. Но он же не нарочно. Дор быстро нашел новую ниточку паутины и приспособил к плечу.

— Переводи,— велел он,— задание.

На полуфразе включилась переводчица.

— Ну, мне надо попросту вернуться домой,— говорил паук.— Чтобы мы смогли вернуться, я должен всячески помогать тебе.

— Совершенно верно,— согласился Дор.

— Очевидно, здесь замешано колдовство,— продолжал паук.— Какое-то заклинание занесло меня в мир людей, хотя мне почему-то кажется, ты сам с этим миром не очень хорошо знаком. Может быть, ваш мир содержит области, неведомые вам самим? Ты явился совершить какое-то дело, после чего бу-

дешь освобожден от колдовства. Если мы станем помогать друг другу...

— Верно! — согласился Дор.

Прыгун оказался мудрейшим из пауков. Паук наверняка всю ночь думал и наконец понял, что между его превращением в гиганта и тем, что Дор не знает, куда идти, и вообще выглядит чужестранцем, существует какая-то связь.

— Мы поступим очень разумно, если справимся с делом как можно быстрее,— заключил паук.— Если бы ты хоть намекнул, куда держишь путь...

— К повелителю зомби,— ответил Дор, хотя и в этом сомневался. К тому же он не знал, где этот повелитель зомби живет. Возник бурный спор. Дор стал расспрашивать у камней, веток и прочих неодушевленных. Они ничего не могли сказать о повелителе зомби, зато упомянули короля Ругна. Когда-то какой-то отряд королевской армии проходил этой дорогой.

— Король Ругн! Ну конечно! — радостно воскликнул Дор.— Он наверняка знает! Он все знает! Я поговорю с ним, и он объяснит, как найти повелителя зомби.

Хоть один вопрос решили. Дор расспросил у местности, и они отправились в путь, к замку Ругна. Он все еще изумлялся, что идет по земле внутри гобелена, а гобелен этот висит в замке Ругна. Но, хотя гобелен висит в замке, до замка им с Прыгуном еще брести и брести. Есть ли смысл в этой головоломке? Наверняка есть, как и во всяком колдовстве.

Древний лес окружил их.

Дор постепенно привыкал к новому, то есть старому первобытному лесу. Вокруг росло множество громадных густолиственных деревьев, на вид мощных, но почти лишенных магической силы. Магия, похоже, проникала в растения не так быстро, как в животных. Кошки — помесь комара и мошки — и пятнистые мухи-мухоморы летали тучами, но даже они не решались приблизиться к Прыгуну. Что ни говори, а с гигантским пауком путешествовать выгодно!

— Нет! — вдруг крикнул Дор.— Опасность! Впереди — древопутана!

— Опасность? — удивленно спросил Прыгун.— А я думал, просто куча вьющихся стеблей.

Конечно, в обычном маленьком паучьем мирке не было никаких древопутан. То есть они росли где-то там, далеко, и пауками не интересовались. Наверняка Прыгун прожил всю жизнь в гостиной замка Ругна и вообще не видел никаких растений. Но на дерево взобрался с поразительной ловкостью. Значит, бывал и под открытым небом.

— Сейчас ты поймешь, что значит древопутана,— сказал Дор.

Он поднял большую ветку и швырнул в путану. Щупальца схватили ветку и мгновенно разломали на кусочки.

— Теперь понимаю,— уважительно произнес паук.— В молодости мне, кажется, довелось побывать на таком деревце, но оно, как говорится, меня проглядело. Нынче, однако, я уже не тот крохотный паучок, нынче другой коленкор. Хотя ты и чудак, я рад, что мы идем вместе.

Дор мог сказать примерно то же.

Не приближаясь, он стал рассматривать древопутану. Они легко могли попасть в лапы к хищнику, потому что этот древний тенетник отличался от современных. Первобытный был грубее и больше походил на обыкновенское дерево. Щупальца толще. Никакой очаровательной зелени. Никакого влекущего аромата. За прошедшие века путаны стали куда хитрее, поскольку умнее сделались их возможные жертвы. Привыкший к современным утонченным тенетникам быстренько мог стать добычей его простодушного предка.

«Буду внимательней,— решил про себя Дор.— Магии здесь меньше, но она все так же опасна для меня и Прыгуна».

И приятели пошли дальше.

Ксанф представлял собой полуостров, на северо-западе связанный с Обыкновением узким гористым перешейком. Тело, в котором очутился Дор, было, скорее всего, телом какого-то обыкновена, недавно проникшего в Ксанф. Может, поэтому он так легко попался в гоблинскую ловушку. Чужеземцы на то и чужеземцы, чтобы не знать о ксанфских опасностях. А иные живут здесь всю жизнь и все равно мало что узнают. Обыкновенов опасности, как правило, заставали врасплох и легко уничтожали. Не по этой ли причине обыкновены накатывались на Ксанф волнами? Волна моря не боится!

Замок Ругна находился в самом центре Ксанфа. Приятели шли туда, придерживаясь южного направления. Им предстояло перейти Провал, разделяющий Ксанф на две части. Дор еще не знал, как они перейдут Провал. В его дни северная Глухомань, по которой они сейчас шли, была не так опасна, как южная, по ту сторону ущелья. Прошлая магия куда слабее будущей, и значит, на этой, северной, стороне можно чувствовать себя более-менее спокойно. Но волшебная земля во все времена имела привычку обманывать путников, поэтому лучше держать ухо востро.

Замок Ругна... Если и сейчас на стене в гостиной висит гобелен, то что же на нем изображено? Неужели еще восемьсот лет прошлого? А может, настоящее, а значит, он сам, идущий к замку Ругна? Как интересно!

Прыгун остановился и поднял две передние лапы, наиболее, похоже, чувствительные к разным неожиданностям. Дор не заметил у паука ничего похожего на уши. Может, паук слышит лапами?

— Что-то странное,— протрещал паук.

Прыгун уже привык к здешним неожиданностям. Если его что-то смутило, значит, это что-то и в самом деле нечто из ряда вон выходящее.

Перед ними стояло какое-то существо. Оно было похоже... Нет, не то, хотя сходство имелось... В общем, оно походило... на гуся — красный клюв, перепончатые лапы, крылья,— но отличалось и чем-то лисьим — пушистый хвост,— вдобавок посреди тела у него зияла здоровенная дыра, в которой что-то грозно гудело. К тому же там и сям из чудища торчали зеленые веточки. Кажется, липовые. Существо не пугало, а скорее озадачивало.

— Думаю, лучше его обойти,— пробормотал Дор. Он знал, что если пойти на запад, то упрешься в зловонное булькающее болото, а если на восток — то в заросли собачьего зуба и поносной травы. Нет, пройти надо здесь.— Мы же не замышляем ничего дурного,— сказал Дор.— Думаю, оно тоже.

Прыгун явно не понимал, что происходит. Дор перестал рассуждать и просто сделал шаг вправо. Обойти чудище и не упасть в болото — вот что им надо сделать.

Но из гудящей дыры неожиданно вырвался прямо-таки ураганный вихрь. Дора отбросило назад.

— Не пройдешь,— прогудело чудище.— Меня зовут Продувная Бестия. Я тебя сдую.

— Но мы не ищем с тобой ссоры,— возразил Дор, припомнив фразу, которую взрослые произносят в подобных случаях.— Если ты нас пропустишь, мы не причиним тебе зла.

— Если ты пройдешь, значит, меня обштопаешь. А на то я и Хорош Гусь, чтобы самому всех облапошивать, надувать, обувать и околпачивать.

Хорош Гусь, он же Продувная Бестия. В современном Ксанфе встречались разные чудеса, но это нечто невообразимое.

— Я не хочу причинять тебе вреда, гусь,— проговорил Дор и взялся за меч. Похоже, порезал плечо! Ничего не поделаешь, но надо признать, эта штуковина висит очень неудобно.— Нам надо пройти.

Продувной гусь снова дунул. Паук и Дор стали увеличиваться, как воздушные шарики. Потом на них упали какие-то тяжелые колпаки.

— Я вас надул и околпачил! — захлопал крыльями гусь.

Чудище было непобедимо. Дор испугался. В грубом теле обыкновена находилась робкая детская душа, не привыкшая к сражениям. Ужасная смерть гоблинов еще стояла у него перед глазами, и новых смертей он не хотел.

— Тогда мы просто отыщем другой путь.

— Дудки! — прогоготало чудище.— Гуся победит только гусь! Сейчас обведу вокруг пальца!

Из земли вырос громадный палец, и Дор забегал вокруг него, как на веревочке. Приложив все силы, Дор затормозил и выхватил меч.

— Прочь с дороги! — крикнул он.

— А я тебя подкую! — ответил гусь.

Дор увидел, что его ступни превратились в копыта, а на копытах, естественно, появились подковы.

— Нагрею! Охмурю! Обую на обе ноги!

И Дор послушно чувствовал жар, нырял в какие-то тучи, топал громадными тапочками. Потом, собрав последние силы, он выхватил меч и ударил по гусиной шее. Гусь раскололся на две половинки, словно гнилой орех... но кровь не брызнула.

— Я же неистребимый хитрый лис! — крикнул гусь, срастаясь вновь, но немного неправильно: там, где раньше был хвост, теперь оказалась голова, и наоборот.— Я из плута скроен, мошенником подбит! Не свернешь меня!

Дор размахнулся вновь. Но ничего не изменилось. Из десятка отдельных кусочков получилось существо, в десять раз причудливее прежнего: вместо двух гусиных лап выросло десять кошачьих, клюв занял место хвоста, а хвост торчал из спины, как дым из трубы.

— Куплю и продам! — вопило чудо-юдо.— Напою и вытрезвлю! Очки вотру!

— Прыгун, на помощь! — в отчаянии крикнул Дор.

— Я здесь, приятель! — протрещал паук.— Иду на помощь! Только спрячь меч, чтоб меня не поранить!

Дор послушался. Он весь дрожал от страха и унижения. Чтобы стать отважным, мало иметь богатырское тело!

Прыгун совершил блестящий прыжок и очутился рядом с Дором.

— Свяжу его паутиной! — протрещал паук.— Оно не сможет двигаться!

Прыгун быстро извлек из себя целый ворох ниток и плотно обмотал ими гуся.

— Где прыжком! Где боком! Где ползком! — вопил связанный гусь.— А где и на карачках!

И он снова очутился на свободе.

— Боюсь, приятель, с меня тоже хватит,— устало протрещал паук.— Давай лучше посидим, подумаем.— Он обвязал Дора паутиной, прицепил нить к ветке высоченного обыкновенного дерева и осторожно подтянул приятеля.

— А! Убегаете! — завопил гусь и попытался схватить Дора за ноги.

— Гусь — это ложь,— принялся рассуждать Дор.— Через ложь можно... Что можно? Через ложь можно переступить. Так мы и сделаем.

Гусь внизу загоготал и исчез, оставив после себя небольшую лужицу. Друзья спустились с дерева, переступили через лужицу и пошли дальше.

— Ну и чудеса,— протрещал Прыгун, а Дор только головой покачал.

Зная уже, что от здешних мест можно ждать любой неожиданности, они шли вперед, не сбавляя хода. Грозный — а на самом деле очень добрый — Прыгун отпугивал хищников. Он казался инопланетянином, а был обыкновенным пауком, только очень большим.

Как рассудил Дор, к вечеру они прошли большую часть северного Ксанфа. Могли пройти и больше, но поиски еды то и дело задерживали их. Он припомнил, что где-то поблизости есть Дремучий лес. Но устраиваться там на ночлег небезопасно — уснувший мог задремать навсегда. Они расположились подальше от рощицы — в поле, на ветке одинокого комарного дерева.

На следующее утро им предстояло пройти Дремучим лесом. И они прошли, очень быстро, не задерживаясь ни на минуту. И все же Дор почувствовал головокружение. Хорошо, что первобытные дремотники куда слабее своих потомков. Дор легко справился со слабостью. Прыгуна с непривычки развезло, но Дор подгонял его, пока они не вышли из опасного места.

И наконец перед ними открылся Провал. Невероятной ширины, невероятной глубины. Самая живописная и грозная достопримечательность Ксанфа.

— Провала нет ни на одной современной карте,— объяснил Дор,— потому что он находится под властью забудочного заклинания. Но нам, живущим в замке Ругна, это заклинание не так уж страшно, и мы помним, что Провал существует. Как же перебраться? Придется спускаться вниз и взбираться по противоположной стене. Тебе это нетрудно, но я плохо лазаю по стенам и к тому же боюсь высоты.

По пути друзья много беседовали, и Прыгун настолько пополнил свой словарь, что сейчас смог понять смысл речи Дора.

— Если мы должны перейти Провал, значит, перейдем,— протрещал он.— Риск, конечно, есть.

— Провальный дракон,— припомнил Дор.

— Это риск? — уточнил Прыгун.

— Громадный риск,— подтвердил Дор.— Он живет на дне Провала. Нечто вроде гуся, но еще хуже. У него зубы.

— А если перепрыгнуть?

— Но дракон... он зубастый... Это опасно.

Дор не помнил, стреляет ли провальный дракон огнем и дымом, но рисковать ему не хотелось. Никто в здравом уме — и в поврежденном тоже — не согласится встретиться с драконом.

— Чтобы перепрыгнуть, не придется спускаться,— пояснил Прыгун.— Давай перелетим!

— Перелетим? — не сразу понял Дор.

— Перелетим через Провал на нити, подхваченной воздухом. Сейчас, в разгар дня, над Провалом проходят мощные воздушные потоки. Но опасность все же остается.

— Опасность остается,— ошеломленно повторил Дор.— На ниточке, по воздуху, над Провалом...

— Нет, опасность, что воздух изменит направление или буря начнется...

Чем больше Дор размышлял над предложением Прыгуна, тем меньше оно ему нравилось. Но другие пути не лучше. Ему вовсе не хотелось ни спускаться в Провал, ни идти в обход. Здесь, на гобелене, ему дано пробыть не больше двух недель. За две недели надо найти снадобье для Джонатана. Два дня он уже потерял. Обходной путь заберет остальное время. В замок Ругна надо попасть как можно быстрее.

— Ну что ж, полетим,— неохотно согласился он.

Прыгун подошел к краю Провала и вытащил из себя немного шелка. Но вместо того чтобы закрепить нить, он позволил ветру подхватить ее. Нить быстро размоталась и поднялась в высоту, словно воздушный змей. Дор видел какую-то ее часть, а остальное не мог разглядеть, как ни старался. Но как же на *этом* перелететь через Провал?

— Почти готово,— протрещал Прыгун.— Дай-ка я прикреплю нить к тебе, а то меня сейчас унесет.— В самом деле, огромный паук из последних сил старался не улететь; нить наверняка тянула очень сильно.— Подойди сюда.

Дор приблизился, и Прыгун ловким движением передних лап прикрепил к нему нить. Порыв ветра подхватил Дора, и он очутился в воздухе. Ужасная бездна открылась под ним. Он смотрел вниз, не шевелясь, онемев от страха. Нить чуть снизилась.

«Сейчас упаду в Провал»,— подумал Дор, но очередной порыв ветра подхватил нить — и снова Дор послушно поднялся вместе с нитью.

Стены Провала под углом уходили вниз. Косые лучи солнца освещали его стены, резко оттеняя все неровности, но в самой глубине Провал пребывал во мраке. Дор ни за что не хотел бы там очутиться!

Нить всплыла и повисла над Провалом. Поток воздуха ласково подхватил паутину и понес ее вдоль пропасти. Дору не светило, кажется, оказаться на противоположной стороне. Прыгун остался стоять, где стоял. Паук тоже готовился взлететь, но подготовка требовала времени, и расстояние между приятелями увеличивалось с каждой минутой. А вдруг они вообще потеряют друг друга?

Дор знал Прыгуна всего два дня, но уже крепко верил ему. А почему? Волей судьбы Прыгун стал его спутником, он умеет побеждать врагов, он ловко плетет разные полезные штуки из шелка — воздушные нити! Все это прекрасно, но не главное. Главное, что Прыгун — взрослый! А в мускулистом теле силача таилась детская душа, лишенная свойственной взрослым рассудительности и уверенности. Необходимость решать самому, опираясь только на собственные силы, пугала Дора, он и сам не знал почему.

Прыгун, наоборот, никогда не терял самообладания, а действовал — быстро и точно. И ошибки не сломили бы его. От паука исходила уверенность, так необходимая Дору. Он понял это только сейчас, беспомощно болтаясь над пропастью. Он не умел думать наперед, и неприятности заставали его врасплох. Ему нужен был друг, все понимающий и опытный; друг, который, предвидя его ошибки, умел бы их исправлять. Ему нужен был именно Прыгун.

В голову опять что-то ужалило. Дор махнул рукой. Проклятое насекомое!

Течение воздуха усилилось. Паутинка поднялась выше и полетела быстрее. Худшие опасения Дора, кажется, подтверждались. Паутинка не собиралась снижаться, и уж точно не на противоположной стороне Провала. И глазом не успеешь моргнуть,

как окажешься у моря, а там пучина, там морские чудовища. Если паутинка не опустится, то через несколько дней он попросту умрет с голоду. А самое страшное — приземлиться, но... в Обыкновении. Прыгун мог это предвидеть. Но разве паук не намекал на риск? Дор отважился рискнуть и теперь платит за это.

Какое-то пятнышко показалось среди облаков... Жук... Нет, птица... Нет, гарпия... Нет, дракон... Нет... Пятнышко приблизилось... Рок... Это, должно быть, птица рок — самая крупная из птиц. Но когда птица рок подлетела еще ближе, Дор понял: если это и птица рок, то все-таки не самая большая, хотя и не маленькая. Птица с ярким безвкусным оперением — красно-сине-желтые крылья, коричневый в белую крапинку хвост, тело с зеленоватым отливом; черная голова с белым очком вокруг одного глаза и двумя алыми перьями около серого клюва. Не рок, а какая-то пестрая барахолка.

Птица подлетела еще ближе и уставилась одним глазом на Дора. Вот и еще одна непредвиденная опасность — нападение пернатых. Он потянулся за мечом, но сразу одумался: по неосторожности перережет паутинку и упадет в пропасть. Но если не защититься, птица попросту склюет. Клювом она, правда, не походила на хищницу. Скорее всего, птичка из тех, что питаются отбросами. Но она так на него уставилась...

— Ко-мок! — каркнула птица, спикировала, выставив лапы, и схватила Дора.— Ко-мок! Комок! — победно крикнула она и полетела на юг, унося с собой Дора.

Ему как раз и надо на юг, но не в клюве птицы. Огромная крикливая птица взяла его в плен! Хорошо, что Прыгун далеко. Он не сумел бы помочь. К тому же огромные птицы — худшие враги огромных пауков.

Оказавшись в столь плачевном положении, Дор обнаружил, что чувствует себя не так уж плохо, гораздо лучше, чем можно было ожидать. Пусть эта гадкая птица склюет его, но Прыгун, его друг, сейчас в безопасности! Не было ли это благородное чувство еще одним признаком взрослости? Жаль, что стать совсем взрослым ему, кажется, уже не удастся.

«Если я погибну,— размышлял Дор,— Прыгун останется в прошлом навсегда».

Разве что возвратное заклинание сработает само по себе, чтобы переправить *всех* чужаков в их собственное время. Одного живого паука и кучку... Позвольте, если сейчас птица и склюет тело, то это ведь не его тело. Может, выйдет серединка на половинку: он вернется полуживым, кем-то вроде зомби. Будет бродить в окрестностях замка, и Джонатан станет его собеседником.

— Ко-мок! — каркнула птица и устремилась к великанскому, разлапистому, похожему на обыкновенское дереву. Момент — и они оказались в огромном гнезде, в самом его центре.

Это было фантастическое гнездо! Для его строительства птица употребила, очевидно, все, что на ум взбредет и в клюв попадется. Веревки, листья, змеиная кожа, морские водоросли, тряпицы, перья, серебряная проволока — Бинк говорил, что где-то в чаще растет серебристый тополь; птица, очевидно, нашла это дерево — драконья чешуя, засохшие хлебные корки, волосины из хвоста гарпии, щупальца древопутан, стекляшки, морские раковины, амулет, сделанный из гривы кентавра, высохшие червяки и множество других невообразимых вещей.

А содержимое гнезда оказалось еще интереснее! Что лежало в гнезде? Ну конечно яйца. Но какие! Конечно, их снесла не пестрая барахолка, потому что яйца эти были всевозможных цветов, размеров и разнообразнейшей формы. Круглые, продолговатые, пасхальные; зеленые, алые, в горошек; величиной с человеческую голову и с ноготь мизинца. Наконец, сковорода с яичницей о десяти яйцах — несомненный гвоздь коллекции. Кучками лежали покрытые мхом штыки, болты и сверла. Отдельно — абсолютно левый башмак; отдельно — обглоданные куриные косточки, золотые ключики, книги в рваных обложках, гнилая фанера и живой звук. А еще — мраморная статуя лошади с крыльями и несколько шариков из рога единорога. Плюс напольные часы с инкрустацией, но без стрелок, три дырки от бублика, полинявшая птичка колибри, полированная какашка оборотня. И Дор.

— Ко-мок! — ликующе каркнула пестрая барахолка и взмахнула крыльями, так что бумажки, листья, перья на секунду поднялись с насиженных мест. Птица улетела.

Пестрая барахолка попросту любила собирать вещи. Дор стал экспонатом ее коллекции. Первым *человеческим* экспонатом. А первым ли? Дор осмотрелся. Нет, никаких других *человеков* не видно. А может, птица людьми попросту закусывала? Но и костей не видно. Хотя и это ничего не доказывает — барахолка могла поглощать и мясо, и кости. Но Дора она изловила не на земле, а в воздухе. Может, приняла его за редкостную породу летающего человека, поэтому и не съела?

Дор перебрался через завалы, подполз к краю гнезда и глянул вниз. Но, кроме густой листвы, ничего не увидел. Он не сомневался, однако, что гнездо находится на страшной высоте. Спрыгнешь — убьешься. А не попытаться ли слезть? Ветка, на которой держалось гнездо, была круглая, гладкая и вдобавок мокрая. Если бы она не раздваивалась как раз под дном гнезда, на ней вряд ли что-нибудь могло бы удержаться. Дор не сомневался, что рухнул бы вниз. Не мастак он лазать по деревьям.

Время поджимало. Барахолка сейчас вернется. Надо что-то решать. Дор придумывал и сразу отвергал придуманное. Спрыгнуть — ударишься о землю и убьешься. Спуститься по стволу — сорвешься, ударишься о землю и убьешься. Останешься в гнезде — съест барахолка.

— Что же мне делать? — чуть не плача, вслух спросил Дор.

— Очень просто,— отвстила статуэтка из рога единорога.— Надергай обрывков из стенок гнезда, сплети веревку и спустись по ней на землю.

— Только не из меня! — возразило гнездо.

Из стенки торчал кусок веревки. Дор дернул — веревка порвалась. Потянул за соломинку — сломалась. Дернул за тряпицу — разъехалась. А серебряная проволока оказалась слишком тонкой.

— Успокойся, гнездо,— сказал он.— Из тебя ничего не получится.— Он робко оглянулся по сторонам.— Ну посоветуйте же хоть что-нибудь!

— Я волшебное кольцо,— заявило какое-то колечко.— Надень меня на палец и загадай желание, какое хочешь, какое пожелаешь — у меня непомерная сила.

Как же оно позволило занести себя на эту помойку? Ну ладно, выбирать не приходится. Дор надел кольцо на мизинец.

— Желаю очутиться на земле,— прошептал он...

...И остался на месте.

— Это кольцо лжет и не краснеет,— буркнула какашка оборотня.

— Не лгу! — крикнуло кольцо.— Просто надо подождать! Потерпеть! Поверить, в конце концов! Я ведь очень долго пролежало без дела.

В ответ раздался дружный гогот мусорной братии. Дор расчистил место, прилег и принялся размышлять. Но придумать ничего не мог, как ни старался.

И тут над краем гнезда показалась одна мохнатая лапа, за ней — вторая, следом — пара зеленых глаз-фонарей в окружении маленьких черных глазков.

— Прыгун! — радостно заорал Дор.— Как же ты меня нашел?

— Как нашел, как нашел,— ворчливо протрещал паук, переваливаясь через край веселым брюхом-лицом; какое счастье вновь видеть это потешное нарисованное лицо! — Я ведь прикрепил к тебе подтяжку. У нас, пауков, такая привычка — прикреплять подтяжки. Когда птица схватила тебя, я полетел следом, только держался на приличном расстоянии. Клянусь паутиной, я был сродни какому-нибудь невидимке. Я повис на этом дереве, а когда добрался до верха, нашел тебя.

— Вот красота! А я боялся, что никогда тебя больше не увижу!

— Мне нужно твое колдовство. Без него мне назад не вернуться.

На самом деле разговор шел не так бойко — в запасе у Прыгуна было все-таки маловато слов,— но по сравнению с прошлым совсем неплохо.

— Бежим отсюда? — предложил Дор.

— Бежим,— согласился Прыгун.

Прыгун прицепил к Дору паутину и готовился опустить его сквозь листву, когда раздался шум. Шорох огромных крыльев! Пестрая барахолка летела домой!

Прыгун вывалился из гнезда и исчез среди листвы. Дор испугался, но сразу вспомнил: паукам высота не страшна — их

выручают подтяжки. Дор мог отправиться следом, но усомнился в надежности собственной нити. Барахолка появилась в тот момент, когда Прыгун прилаживал подтяжку. В спешке паук мог плохо закрепить ее.

— Иногда у тебя совсем некстати начинают трястись поджилки,— сурово укорил Дор самого себя.

Ослепительная госпожа барахолка подлетела к гнезду и что-то в него бросила.

— Ко-мок! — каркнула она и вновь улетела. О, ненасытная жажда собирательства!

Что же она принесла? Новый экспонат пошевелился. Подвигал руками и ногами. Мотнул гривой волос. Выпрямился и сел.

Дор так и уставился.

Женщина. Юная хорошенькая крестьяночка.

Глава 4

ЧУДОВИЩА

Барахолка улетела, и Прыгун опять полез в гнездо. Девушка увидела чудище. И закричала. И мотнула волосами. И брыкнула ножкой. У этой полной сил юной особы был пронзительный голос, чудесные белокурые локоны и очень красивые ноги.

— Все прекрасно! — крикнул Дор. Но что прекрасно? Конечно же не история, в которую они все попали. Ножки? Ножки и в самом деле прекрасны. Более чем прекрасны. Тело обращало внимание на такие подробности.— Все прекрасно! Паук хороший! Не кричи, а то птица вернется!

Девушка устремила взгляд на него. Человека она испугалась, кажется, не меньше, чем паука.

— Кто ты? — спросила она.— И откуда знаешь про паука?

— Меня зовут Дор,— сказал он просто. Может, когда-нибудь научится представляться дамам более изысканно? — Паук — мой товарищ.

Девушка с сомнением глянула на паука:

— Ну и противный! Никогда раньше не встречала таких чудовищ. Лучше пусть меня съест птица. Птиц я все-таки знаю.

— Ничуть он не противный! — запротестовал Дор.— И людей не ест. Люди невкусные.

Девушка резко повернула голову, встряхнув гривой золотых волос. И Дору показалось, что он где-то видел эту девушку раньше. Но наверняка не здесь, не в прошлом.

— Откуда паук знает про людей? — спросила девушка.

— На нас напала банда гоблинов. Он попробовал одного.

— Гоблины! Они ведь не настоящие люди. Поэтому и невкусные.

— А ты откуда знаешь? — поймав ее на осведомленности, в свою очередь спросил Дор.

— И дураку ясно, что красотка вроде меня куда вкуснее какого-нибудь старого грязного гоблина.

Дор с ней полностью согласился. Поцеловал бы он уж точно охотнее ее, чем гоблина,— ну что за мысли!

— Не все понимаю из вашего разговора,— вмешался Прыгун,— но чую, людская барышня мне не доверяет.

— Верно говоришь, чудище! — подтвердила она.

— К тебе просто надо привыкнуть, дружище,— успокоил Прыгуна Дор.— Просто, как бы тебе объяснить, ты для нее не меньшее чудище, чем она для тебя.

— Неужели я так страшен! — испуганно воскликнул паук.

— Ну, может, и не так,— промямлил Дор, колеблясь между вежливостью и правдой.

— Чудище и разговаривать умеет! — удивилась девушка.— Но голос почему-то выходит из твоего плеча!

— Это трудно объяснить...

— А не лучше ли нам побыстрее убраться из гнезда? — вмешался Прыгун.

— Ну почему голос раздается из плеча? — не отставала девушка. Она обладала живым любопытством.

— Я приспособил паутину-переводчицу,— объяснил Дор.— Она переводит стрекот Прыгуна. Поздоровайся с ним.

— Ага,— сказала девушка и наклонилась к паутине. Пышущее здоровьем тело оказалось совсем рядом, отчего Дор буквально перестал дышать.— Привет, Прыгунище-страшилище!

— Ого! — воскликнула паутина.— Посмотрите только на ее...

— К паутине приближаться опасно,— пробормотал Дор, решившись на обман. Но теперь девушка не будет так наклоняться. А вот почему паутина *это* заметила? Ведь паукам должно быть все равно...

— ...желтый шелк,— закончила паутина, прервав крамольные размышления Дора. Пауки любят шелк, а цветной шелк Прыгун наверняка видел впервые.

— Это не шелк, а волосы,— тихо пояснил Дор и уже громко обратился к девушке: — Прыгун понимает тебя и без паутины.

— Я насчет бежать...— опять протрещал паук.

— А ты сделаешь для нее подтяжку?

— Сей момент,— чирикнул паук и пополз к девушке.

— Мохнатое чудище хочет меня съесть! — завопила девица.

— Тихо! — прикрикнул на красотку Дор. Влюбленность влюбленностью, а осторожность не помешает! Влюбленность? Он влюбился? И правда, он весь горел. Составилась какая-то гремучая смесь: тело, принадлежащее, быть может, какому-то страстному женолюбцу, и душа подростка, совсем еще неопытная.— Тихо! Барахолка вернется!

Девушка замолчала, но не успокоилась:

— Не позволю этому чудищу приближаться ко мне!

Похоже, она согласна разговаривать с пауком, но дружить — ни за что! Годами девушка, кажется, ненамного старше Дора.

— Но сам я не в силах помочь тебе спуститься,— сказал он ей.— Мне всего лишь...— Тут он замолчал. Ведь телом он сейчас не мальчик двенадцати лет, а сильный мужчина.— Ладно, попробую,— решился он.— Прыгун, паутина удержит двоих?

— Удержит. Только я сплету потолще.— Паук уже приступил к делу. Вскоре Дор получил новое крепление, более надежное.

А девушка тем временем рассматривала содержимое гнезда с непобедимым женским любопытством.

— Драгоценности! — воскликнула она и захлопала в ладошки.

— Кто вы такие? — спросил Дор у драгоценностей.

Драгоценные камни никогда не помешают. На них можно купить еду или заплатить за ночлег. В Ксанфе сияющие камуш-

ки ценились меньше, чем в Обыкновении, но и здесь было достаточно любителей.

— Мы — окультуренные жемчужины,— ответили блестяшки хором.— Утонченные, благовоспитанные. Наш род восходит к самому императору устриц. Мы — сливки драгоценного общества.

— Забираю! — крикнула девушка. Она пропустила мимо ушей пышную жемчужную речь, набрала пригоршню жемчужин и наполнила ими карманы передника.

Раздался шум крыльев. Барахолка возвращалась! Дор обнял девушку за тонкую талию и поднял. Как легко! Какое у него сильное тело! А может, просто девушка невесомая? Ну прямо перышко, хотя на вид довольно крепкая. Наверняка и здесь какая-то магия. Благодаря ей крепенькие девушки превращаются в пушинку, когда их поднимают на руки.

Дор прыгнул. Он верил, что крепление, изготовленное Прыгуном, не подведет. Девушка закричала, брыкнула ногой и так замотала головой, что пряди волос попали даже Дору в рот.

— Не кричи,— приказал он и сжал ее сильнее, чтобы, чего доброго, не выскользнула. Он чувствовал себя настоящим героем.

Нить натянулась и спружинила, словно резинка с жевательного дерева. Они полетели вниз, но сразу же подскочили назад, вверх, к самому дну гнезда. Девушка прижалась к Дору всем телом. Какая она нежная и загадочная! Хорошо бы разгадать эту загадку, но не сейчас, не между небом и землей...

Прыгун вылез из гнезда, спустился и повис рядом. Его нить не подпрыгивала и не раскачивалась. Паук умело управлял спуском.

— Я установил ворот,— протрещал он.— Мой вес уравновешивает ваш, но вдвоем вы весите больше меня. Поэтому для медленного спуска я использую закон трения...

Дор мало что понял, но согласился. Если с помощью магии, называемой трением, они благополучно приземлятся, значит, все в порядке. Они спускались с приличной, но не головокружительной скоростью. Ветки уносились вверх, этажи листьев все больше отдаляли их от злополучного гнезда.

Какая-то тень накрыла их. Барахолка! Ищет пропавшие экспонаты! Сейчас заметит, ведь луч солнца, на беду, осветил бегленов.

Правой рукой Дор попытался выхватить меч, но у него ничего не получилось, потому что левой он держал девушку. А девушка-пушинка с каждой минутой становилась все тяжелее. К тому же он боялся ненароком перерезать паутину.

— Не шевелитесь! — протрещал паук.— Неподвижных труднее отыскать.

Мечом ударить нельзя, но и остановиться невозможно. Воин и девушка весили вместе слишком много. Они неуклонно падали вниз. А паук тем временем поднялся. Для этого он воспользовался магической силой ворота. Паук ухватился за ветку, что-то там сделал и помчался по ветке к стволу. Дор и девушка перестали падать. Дор все понял: Прыгун прикрепил нить, на которой они спускались, к ветке и тем самым остановил опасный спуск.

Но теперь Дор и напуганная до полусмерти девушка болтались между небом и землей, сделавшись отличной приманкой для барахолки. Девушка выкручивалась и брыкалась. Левая рука Дора все больше уставала, несмотря на мускулы. Скоро от его силы ничего не останется. Девушки временами просто невыносимы!

Барахолка заметила движение.

— Ко-мок! — каркнула она и устремилась вниз.

Вдруг что-то зелено-серо-коричневое надвинулось на них сбоку. Какая-то громадная усатая рожа. Девушка завопила с удвоенной пронзительностью, замахала руками и угодила Дору локтем по носу, а он чуть не выронил ее. Рожа придвинулась и толкнула нить к поросшей листьями ветке. Барахолка, уже нацелившаяся на нить, в последний миг свернула в сторону, а то непременно врезалась бы клювом в ствол.

— Я попробую ее отвлечь,— протрещал Прыгун. Это он своим расписным брюхом спас их! — Но вас привяжу к ветке. Если будете сидеть тихо и неподвижно, птица не заметит.

Держи карман шире! Девушка набрала в грудь побольше воздуха — сейчас завопит. Грубой солдатской ладонью Дор прикрыл ей рот.

— Молчать! — приказал он.

Девушка шипела и хрипела, пытаясь что-то крикнуть. Один глаз над ладонью сверкал гневом, второй был полон ужаса. Дор надеялся, что из уст прелестной барышни рвутся на волю слова, свойственные прелестным барышням, то есть такие, коих нет в словаре, допустим, гарпий.

— Все из-за тебя,— свистящим шепотом проговорил Дор.— Не захотела, видите ли, спуститься на собственной нити.— Но он сразу понял, что сердится несправедливо. Барахолка вернулась неожиданно и смешала все планы.

— Лети за мной, старая перышница,— протрещал Прыгун с другой ветки.

Перевод прозвучал, конечно, с плеча Дора. Но паук взмахнул передними лапами и отвлек внимание птицы. Барахолка полетела к ветке, а паук блестящим прыжком перелетел на соседнюю. При этом он яростно потрескивал. Саму речь птица понять не могла, но интонации были достаточно красноречивы.

А почему, собственно, она не могла понять? Птицы нуждаются в пауках, значит, и язык пауков должны знать. Прыгун вечно в душе трепетал перед птицами, значит, сейчас был храбр вдвойне. Чтобы спасти друга и незнакомку, он отдал себя во власть птицы — наверняка главной героини многих его кошмарных снов.

— Пошевеливайся, рухлядь пернатая,— протрещал паук и сделал еще один прыжок.

Птица живо повернулась в его сторону. Эта громадина была на удивление проворна.

После нескольких тщетных попыток птица поняла, что Прыгуна ей не поймать. Паук перестал оскорблять птицу, паутина перестала переводить, а ушки прелестной барышни перестала заливать алая краска. Барахолка бросила взгляд по сторонам. Она искала новую жертву. От притаившихся в листве требовалось одно — молчать и не шевелиться.

Дор почувствовал, что его левая рука основательно устала, и слегка переместил ее. Но девушка, которую он держал именно этой рукой, тоже переместилась, то есть скользнула вниз. Дор на секунду потерял равновесие и правой рукой, которой пе-

ред этим прикрывал рот девушке, ухватился за ветку. Девушка, получив свободу, закричала что было сил.

Барахолка, привлеченная звуком, немедленно устремилась в нужную сторону. Прыгун не смог ее задержать. Барахолка поняла, что нашла добычу полегче.

Ценные мысли иногда рождаются именно от отчаяния. Дор ухватился за одежду девушки и запустил руку в карман передника. Слишком яркое платье, короткое и облегающее, почти целиком прикрывал передник — одежда рабочая и полезная.

Девушка завизжала как резаная — на сей раз не без причины,— но Дор уже нашел что искал — горстку жемчужин высококультурных, подобранных девушкой в гнезде.

— Держать такой камень за пазухой — преступление. Как ты считаешь? — обратился он к жемчужине и щелчком послал ее в воздух.

— Требую не метать жемчуг перед птицами! — звякнула крошка на лету.

Барахолка ринулась следом.

Прыгун очутился рядом с ними — то ли перепрыгнул, то ли перелетел.

— Умно придумано! — одобрительно протрещал он.— Брось еще одну вон туда, а я опущу вас на землю без шума и пыли.

— Сейчас,— согласился Дор и погрозил девушке: не вздумай завопить.

А она уже открыла рот.

— Ущипну,— предупредил он.

И девушка покорилась. Даже сама протянула ему жемчужину. И это избавило его от неловкости — лезть в нагрудный карман ее передника.

— Поведай свою тайную печаль,— обратился он к очередной жемчужине.

— Я искренне презираю некультурных людей, столь дурно обращающихся с культурными особами! — гневно зазвенела жемчужина.

Барахолка устремилась за новой добычей.

— Ко-мок! — раздался издалека победный карк. Барахолка умела обращаться с культурными особами.

Мало-помалу все жемчужины перебрались к ней. Оказавшись на земле, путешественники могли сказать: отныне мы в бедности, но в безопасности. От птицы они избавились. Дор запасся несколькими веточками — на случай, если страдающая вещизмом птица приблизится вновь,— и путники заторопились прочь от опасного места.

— Видишь! — крикнуло колечко, о котором Дор позабыл.— Я исполнила твое желание! Ты на земле и в безопасности!

— Без тебя ни шагу,— согласился Дор, хотя в душе сильно сомневался в этом.

Раз птица унесла их в правильном направлении, сейчас они находились, по мнению Дора, неподалеку от замка Ругна. Но приближалась ночь, и продолжать путь становилось небезопасно. Поужинали чечевицей с чечевичного дерева, запили джончаем с медовой травой. Прыгун попробовал медовой травы и заявил, что предпочитает блошиную. Девушка в конце концов перестала бояться паука и даже позволила привязать себя на ночь.

— Раньше я только жуков и волшебных животных, которые на земле, боялась, а теперь и птиц на деревьях буду опасаться,— простодушно призналась она.

Удобно устроившись на шелковых нитях, путешественники могли не бояться никаких опасностей — ни с земли, ни с неба.

«Пауки все-таки большие умницы»,— решил Дор.

Паук быстро уснул, утомленный бурными событиями дня. А Дор и девушка завели разговор. Говорили они тихо, чтобы не привлечь какого-нибудь хищника.

— Откуда ты? — спросила девушка.— И куда идешь?

Дор ответил кратко, избегая подробностей о возрасте и родных местах. Явился, мол, из чужой земли. Чужой и далекой, но очень похожей на эту. А путь держит к повелителю зомби, у которого хочет взять лекарство, чтобы помочь одному другу. Прыгун пришел с ним вместе. Прыгун — его верный друг. Без Прыгуна они остались бы навечно в гнезде барахолки.

Девушка рассказала столь же незамысловатую историю:

— Родом я из Западного форта, что на берегу моря, где растут тыквы с глазками. Мне семнадцать лет. Иду в новый ко-

ролевский замок, чтобы найти там свое счастье. Когда я переходила через горы — долиной идти нельзя, поскольку там обитают тигровые лилии, большие охотницы до сладкого, а я ведь сладкая,— птица-барахолка заметила меня. Увидела я ее да как закричу, как ногами затопаю — словом, все, как барышням полагается,— но прилетела птица... ну что слова тратить, ты все знаешь.

— Мы тоже идем в замок,— сказал Дор.— Если хочешь, поможем тебе добраться.

Значит, и девушка идет в замок. Все в этой стране идут в замок. Не странно ли? Нет, не странно. Замок Ругна — светский и магический центр Ксанфа. Поэтому он притягивает всех и каждого.

Незнакомка по-девчоночьи захлопала в ладоши и покачалась на нитке, очень соблазнительно — до чего же она соблазнительна!

— И ты в замок? Вот здорово!

Он и сам обрадовался. Как же не радоваться, если рядом такая девушка?

— А зачем ты идешь в замок? — спросил он.

— Собираюсь наняться там служанкой, а потом совершенно случайно повстречать знатного дворянина, и чтобы он полюбил меня без памяти и увез с собой, и я буду жить потом счастливо в его богатом доме и только вспоминать, что и не мечтала когда-то о такой доле, что боялась умереть в прислугах.

«Какая же она наивная,— мысленно вздохнул Дор.— Ну зачем дворянину брать в жены простую служанку?»

Но у него хватило благоразумия не спорить. И тут он вспомнил, что, увлекшись одним — визги, локоны, ножки,— упустил другое: он все еще не знает ее имени.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Разве я не сказала? — нежно рассмеялась девушка.— Милли — вот как.

Дор затих, словно громом пораженный. Ну конечно! Как же он раньше не признал! Милли! Моложе прежней на двенадцать лет. На восемьсот двенадцать лет. Такой она была до его рождения — юной, неопытной, полной надежд и бесконечно чистой.

Не отягощенной мрачным опытом восьми веков призрачной жизни наивной милой девчонкой. Почти его ровесницей.

Почти ровесница? Между ними не *всего* пять лет, а *пропасть* в пять лет! Она уже взрослая женщина, а он сопливый...

— Как бы мне хотелось быть мужчиной! — горячо прошептал он.

— Готово! — объявило колечко.— С этой минуты ты мужчина!

— Что? — не поняла Милли.

Конечно, Милли не узнала своего воспитанника. Он в чужом теле и вообще родится только через восемь веков.

— Я бы очень хотел...

— Приказывай,— услужливо сказало кольцо.

Он хлопнул себя по голове:

— ...избавиться от этой проклятой блохи и хоть немного поспать.

— Погоди,— возразило кольцо.— Я, конечно, всесильно, но ты загадал два желания сразу!

— Выбираю сон,— согласился Дор.

Вскоре ему приснился сон. Он стоит около большущего нарядного пряничного куста, и ему ужасно хочется пряника, особенно вон того, золотого, что висит ближе других; но волшебное заклинание охраняет пряники. Он знает, что может сорвать пряник осторожно и не разбудить волшебство, но куст растет во дворе какого-то дома. Он боится, что это чужой куст и чужие пряники. Куст очень высокий, самые привлекательные пряники висят высоко. Но он стоит на волшебных ходулях, длинных и крепких, поэтому легко может дотянуться. Но смелости не хватает. Не хватает.

При этом он помнит, что ребенком никогда не любил этих самых пряников. И его удивляло, что другие их так обожают. А теперь аппетит пробудился и в нем. Неожиданно вспыхнувшая любовь к пряникам его встревожила...

Дор проснулся в смятении. Озабоченный Прыгун смотрел на него во все глаза:

— Не захворал ли ты, дружище Дореми?

— Меня посетила сивая кобыла бреда!

— А эта болезнь опасна?

— Понимаешь, есть такие волшебные лошади, полупризраки. Они являются ночью и пугают спящих,— объяснил Дор.— Когда людям снится что-нибудь ужасное, они и называют это лошадиным кошмаром.

— Присказка, значит, у вас такая,— протрещал Прыгун.— И к тебе, стало быть, пришла такая лошадь. Женского пола?

— Да. Я очень хотел на ней прокатиться, но боялся, что упаду с ее золотой спины... Мамочки, что я несу!

— Не обижайся, приятель,— протрещал паук.— Я еще плохо знаю ваш язык, да и тебя самого плохо знаю. Ты, часом, еще не мальчишка? Мне кажется, ты совсем зеленый.

— Угу,— буркнул Дор. Не паук, а прямо профессор какой-то!

— И лет для настоящего сватовства тебе маловато?

— Угу.

— А эта, с желтой паутиной, спящая самка твоего вида — она, надо понимать, взрослая?

— Угу.

— Значит, все устроится, дружище. Подожди чуток — и все будет в порядке.

— А вдруг ее сердце... принадлежит другому?

— В этом деле королей нету. Понравишься — с тобой пойдет.

— Чем понравлюсь?

— Узнаешь, когда время придет,— с ухмылкой протрещал паук.

— Ты прямо как король Трент,— уныло заметил Дор.

— Король Трент, сдается мне, мужчина, и годов ему не много, но и не мало.

И опять Прыгун попал в цель! С таким другом не пропадешь. И наплевать, что паук.

Милли зашевелилась. Надо прекращать разговоры. Да и светает уже. Надо поесть и продолжить путь к замку Ругна.

Дор переговорил, как обычно, с камнями и ветками, определил путь, и только после этого они двинулись. На этот раз дорогу им пересекла широкая река. Что за река такая неожиданная? Понятно, за восемь веков русло могло измениться, пересохнуть.

«К тому же,— напомнил себе Дор,— ты ведь ходишь по заколдованным тропам и вообще ничего вокруг не замечаешь».

Дор расспросил воду. Замок был на той стороне. Как же переправиться?

— Желал бы я знать, как перебраться?

— Сейчас подумаю,— сразу отозвалось кольцо.— Дай только время. Я ведь помогло тебе заснуть прошлой ночью. Ну вот, имей терпение.

— Терплю,— с улыбкой ответил Дор.

— А не перелететь ли на воздушной нити? — предложил Прыгун.

— Мы уже летали и, если бы не птица, залетели бы прямо в Обыкновению,— напомнил Дор.— Я больше рисковать не хочу.

— Полетом нити управляет ветер,— согласился Прыгун.— Можно прикрепить нить к земле, чтобы можно было улететь не слишком далеко и в случае чего вернуться. Признаюсь, я тогда не подумал о птицах. Не сообразил, что на такую вышину могу взобраться не я один. Вот дурак. На нити хорошо лететь по воздуху, если бы не разные неожиданности.

— А на моей родине через реки переправляются на лодках,— сказала Милли.— Но прежде лодки заколдовывают, чтобы чудовища не приставали.

— А как сделать лодку? Ты знаешь? — спросил Прыгун.

Спросил он у Милли, но паутина на плече Дора все равно перевела — чем больше неодушевленные предметы общаются с людьми, тем меньше стесняются.

— Я не знаю. Не девичьего ума это дело.

Выходит, девушки в ее деревне сидят сложа руки? Ну да, сидят сложа руки на берегу, а лодками занимаются мужчины.

— А заклинание против водяных чудовищ знаешь? — снова спросил Дор.

— Наш деревенский заклинатель чудовищ знает. Он все знает. Чудовища от него так и шарахаются.

Дор пожал плечами. Прыгун пожал... Чем? Девушка прехорошенькая, но пользы от нее, как...

— Твой меч устрашит чудовищ,— протрещал паук.— А я могу заарканить их и подтащить под острие.

Дору не хотелось затевать речное сражение, но паук говорил дело.

— А лодка? У нас же нет лодки,— напомнил он почти с облегчением.

— Я могу смастерить суденышко из паутины,— протрещал паук.— И потащить могу, когда волн нет. Мне по силам перетащить лодку через реку.

— Лучше пойди и натяни веревку с этого берега на тот,— вмешалась Милли.— Раз мы с дерева спустились, то и через реку сумеем переправиться.

— Мысль хорошая,— согласился паук.— Еще бы пройти незаметно...

— А мы попробуем отвлечь чудовищ,— пообещал Дор.— И ты пойдешь.

Обсудили подробности и приступили к делу. Насобирали кучу камней и веток. Решили так: Дор будет разговаривать с камнями и ветками, и это станет первым отвлекающим маневром. Потом нашли нескольких жуков-дихлофосов. Эти существа и в хорошем-то настроении пахнут нестерпимо, а когда их начинают оскорблять, взрываются фонтаном вони. Вот вам и второй отвлекающий маневр. Прыгун смастерил из шелка несколько крепких веревок. Одну привязал к стволу нависшего над водой дерева, остальные можно использовать вместо лассо.

Когда все было готово, Прыгун начал путь через реку. Под восемью паучьими лапами поверхность воды пружинила, но не раскалывалась. Прыгун скользил по ней, можно сказать катился.

И вдруг позади него возникла рябь. Громадных размеров отвратительная морда вылезла из воды. Речной змей! Показалась пока только часть головы, но этого хватило, чтобы дорисовать остальное. Ни маленькой лодке не проплыть, ни Прыгуну не пройти! Таких речных змеев охотно брали охранять замковые рвы.

— Эй, урыльник! — крикнул Дор. Чудовище двинуло ухом, но продолжало пристально наблюдать за Прыгуном. Немедленно надо придумать что-нибудь посильнее!

Дор нашел подходящую ветку.

— Ветка,— сказал он,— спорим, урыльнику плевать на твои оскорбления? Он не погонится за тобой.

Чем больше неодушевленных задеваешь, тем резвее они становятся.

— Не погонится? — возмутилась ветка.— А ну-ка брось меня, замарашка!

Дор глянул на себя в воду. Лицо и в самом деле грязное, но умывание придется отложить.

— Лети! — крикнул он и запустил веткой в чудовище.

Ветка плюхнулась почти рядом с башкой змея. Отличный бросок! Вряд ли подросток Дор смог бы так! Чудовище оглянулось. Оно наверняка подумало, что сзади враг.

— Посмотрите на эту мерзкую рожу! — крикнула ветка, покачиваясь на воде. А речные змеи, надо сказать, весьма трепетно относятся к своей внешности. Этой чувствительностью и воспользовалась ветка.— Да с такой рожей,— продолжила ветка,— не по рекам плавать, а в иле сидеть и не вылазить!

Чудовище подняло голову повыше и сердито загудело. Оно не умело говорить по-человечески, но понимало, очевидно, неплохо. Чудовища, питающие надежду на службу во рву, стараются хоть немного обучиться языку работодателей.

— Продуй трубу, не то задохнешься! — крикнула ветка. Оскорбления ей очень нравились.— В ствол моего дерева раз врезался один безмозглый гудила — вот так же загудел.

Змей кинулся на ветку. Трюк удался! Но по воде снова пошла рябь. И рябь эта устремилась в сторону Прыгуна. Прыгун бежал изо всех сил, но у чудовищ сил было не меньше.

Значит, время приступать к следующей шутке.

Дор ухватился за привязанную к дереву нить, подтянулся и скользнул над водой.

— Рыло-мыло! — крикнул он.

Не голова, а *головы* выскочили из воды — зубастые, огнеглазые бугры на искривленных шеях.

— Не поймаете, кислые мины!

Кислые мины — это такие круглые растения, пахнущие маринованными помидорами и огурцами. Кислые мины весьма полезны во время военных действий, потому что любят взрываться.

Несколько чудовищ все-таки попытались поймать Дора. Они помчались вперед, оставляя за собой белые буруны.

Дор скользнул назад и прыгнул на берег.

— Сколько же их там? — спросил Дор, изумленный числом чудовищ.

— Ровно столько, чтобы ты мог победить,— ответила вода.— Так уж заведено.

По магическим законам все правильно. Но надо попытаться, ведь Прыгун в опасности. Волшебник не имеет права опускать руки!

Дор поднял жука-дихлофоса, скатал его в шарик и швырнул в сторону удаляющегося паука — паук прошел уже больше половины реки и не терял скорости. Рассерженный жук бухнулся в воду и взорвался. На чудовищ напал неудержимый кашель, и они стали разбегаться. Дор кинул еще три вонючих шара, на всякий случай. А Прыгун тем временем скользил все дальше.

Милли тоже участвовала. Она прыгала у самой воды, размахивала руками, дразнила чудовищ. Ее великолепные формы не могли не привлечь чудовищ. Дор вдруг почувствовал себя немного чудовищем. Или вроде того. А чудовища слишком оживились.

— Отойди, Милли! — предупредил Дор.— У них длинные шеи!

И чудовища незамедлительно этим воспользовались. Одно так и вылезло вперед, открыв пасть. Слюна текла по выступающим рядам зубов; жестокие глазки постреливали молниями.

Милли остановилась. Она страшно испугалась, но не завизжала, не затопала ногами. Странно! А, понятно! Раз она только что дразнила чудовищ прыжками и криками, то теперь, чтобы чувствовалась разница, непременно должна была остолбенеть.

Дор потянулся за мечом, который, как известно, висел у него за спиной. Он выхватил меч, но не удержал. Острие вонзилось в землю.

— Ай! — вскрикнуло острие. Герой стоял перед змеем с поднятой рукой, в которой не было никакого оружия.

Чудовище как будто удивилось. Потом насмешливо фыркнуло. Дор наклонился за мечом. Зубастая морда наклонилась, чтобы сжевать Дора.

Дор подпрыгнул, перемахнул через голову громадины и заехал чудовищу левым кулаком в ухо. Приземлился, крутанулся, схватил меч, но не ударил, а наставил змею в глаз. При виде сверкающего острия глаза чудовища подернулись тоской.

— Я не собираюсь отвечать жестокостью на жестокость,— промолвил Дор.— Я не слаб, а благороден.

Сияющий конец острия словно заворожил чудовище. Оно замотало башкой и дернулось назад. А воин, наоборот, сделал шаг вперед, держа меч перед собой. Секунда — и чудовище исчезло под водой.

Другие чудовища благоразумно остались в стороне. Они рассудили, и справедливо, что существо с мечом владеет какой-то магической силой. А Дор уяснил закон, давно известный его нынешнему телу: чтобы обескуражить войско, надо победить командира.

— Воина храбрее я в жизни не встречала! — воскликнула Милли и захлопала в ладоши. Какое у нее радостное тело! Совсем не такое, как у будущей Милли, гувернантки и хлопотуньи. Почему она так изменилась?

Потому что провела восемь веков среди призраков! Юношеская живость угасла под грузом многовековой трагедии.

Но и с ним самим тоже что-то случилось. Как отважно он бросился в бой с чудовищами! Как легко обратил их в бегство! Милли в опасности — и он, не рассуждая, хватается за меч. Ни капли не похоже на прежнего робкого мальчишку. Может, именно тело надо благодарить? Тело, которому не в новинку воевать, для которого обратить вспять десяток чудовищ — пара пустяков.

Какой человек владел этим телом раньше? Куда он девался? Вернется ли он, когда Дор покинет прошлое? Раньше Дору казалось, что тело глуповато, но теперь он понял: у этой горы мускулов есть преимущества, восполняющие недостаток ума. Вполне возможно, тело никогда ничего не боялось, потому что могло справиться с любым врагом, с любой опасностью.

Опять блоха! Укусила в правое ухо! Забыв, что держит в руке меч, Дор чуть не снес себе голову. Он устрашил чудовище, а с какой-то надоедливой блохой справиться не может! Надо срочно отыскать какой-нибудь дустовый куст!

— Гляди, паук уже на той стороне! — крикнула Милли.

Ура! Уловки помогли! Может, чудовищ и было более чем достаточно, но Дор выступил против них во всеоружии.

Дор приблизился к дереву, к которому Прыгун прежде привязал нить. Теперь нить постепенно натягивалась, потому что паук трудился на противоположной стороне, укрепляя другой конец. Вскоре звенящая нить натянулась от берега к берегу, от дерева к дереву. Только над серединой реки она слегка провисала. Это была необычайно толстая нить, но и она становилась невидимой через несколько метров.

— Теперь при помощи рук можно перебраться,— сказал Дор, но тут же усомнился.

— Ты можешь, а я не могу,— возразила Милли.— Ты мужчина, храбрый, сильный, закаленный, а я девушка слабая, беззащитная. Да мне ни за что...

Знала бы она, кто он на самом деле!

— Я понесу тебя.

Он поднял девушку, посадил на ветку, подтянулся, используя всю силу мускулов, встал на канат, отыскал точку равновесия и подхватил прекрасную ношу.

— Что ты задумал! — крикнула она и взбрыкнула ножкой. Какие у нее чудные ножки и как мило она брыкается! Наверняка существует целая наука брыкания: ноги должны быть согнуты в коленях, ступнями следует взмахивать не слишком быстро, тогда ножки хоть и мелькают, но их можно разглядеть.— Мы же упадем в воду!

— Если упадем, то поплывем,— ответил он и пошел вперед.

— Сумасшедший! — в ужасе крикнула она.

«Ты сумасшедший?» — спросил внутренний голос.

Невозможно пройти по канату без магической помощи, но сейчас шел не Дор, а чье-то могучее, всесильное тело.

И это варварское тело блестяще умело балансировать. Неудивительно, что волшебный Ксанф отступил перед волнами обыкновенного нашествия. Такая сила способна соперничать с любой магией.

Милли затихла. Испугалась, что они упадут в воду. Дор шел и с каждым шагом все больше удивлялся. Чем больше он узна-

вал это тело, тем меньше в нем оставалось страхов. Высота, к примеру, ему уже нипочем. Неуверенность рождается от страха, а от уверенности исходит сила. Чудесным образом возмужав телом, Дор постепенно крепчал духом.

А новая беда не замедлила явиться. Крупные безобразные птицы появились из-за леса и закружились над рекой. Для птиц они были, пожалуй, слишком велики.

Причудливая стая немного покружилась. Наконец птицы заметили идущих по канату. Одна из них издала победный клич. Птицы развернулись и устремились к ним.

— Гарпии! — взвизгнула Милли.— Мы погибли!

Дор не мог вытащить меч, потому что обе руки его были заняты. Змеи мелькали в воде там и сям. Караулили. Пока человек идет по канату, он непобедим, но стоит ему упасть в воду... А в воду он непременно упадет — потянется за мечом, уронит ношу, потеряет равновесие. Положение отчаянное!

Размахивая грязными, дурно пахнущими крыльями, гарпии подлетели ближе. Вот уж грязнули! Сальные курицы с женскими головами и грудями. Но ни капли очарования: лица как у ведьм, груди безобразные. А голоса — хриплые, сиплые! На лапах — громадные шершавые когти.

— Вот так находка, сестрицы! — гаркнула главная.— Хватай их! Бей!

Стая с ликованием устремилась вниз. Полдюжины когтей вцепилось в тело Милли. Милли закричала, задрыгала ногами, замотала головой, растрепав кудри,— бесполезно. Гарпии вырвали ее из рук Дора и подняли в воздух.

Новая туча ринулась на Дора. Лапы сомкнулись на его руках, на икрах, на бедрах; рвали за волосы, тащили за пояс. Хорошо, что когти у этих тварей целые, не обломанные. Острые обломки когтей наносят жертвам глубокие раны. Лапы сомкнулись как наручники. Зловонная стая захлопала крыльями и поднялась в воздух. Дора они, конечно, захватили с собой.

Гарпии пролетели над рекой, потом над лесом, так низко, что верхние ветки едва не исхлестали спину Дора. Он увидел внизу обширную расщелину. Гарпии как раз туда и направились. Но это не Провал. Расщелина гораздо уже и напоминает ту, через которую он перелетел на волшебном ковре. А может,

это она и есть? Нет, та в другом месте и форма у нее иная. Стенки расщелины были продырявлены сверху донизу. В этих пещерах и селились гарпии. Дора затащили в самую большую пещеру и бесцеремонно швырнули на грязный пол.

Дор встал и отряхнулся. Милли рядом не было. Очевидно, ее бросили в другую пещеру. Если между пещерами нет коридоров, а их наверняка нет, потому что гарпии лучше летают, чем ходят, пешком к Милли не пробраться. При нем его меч, но глупо надеяться победить всех тварей в этом идиотском городе гарпий. Почему гарпии не отняли меч? Знали, что в куче непобедимы, потому и не стали утруждаться? Или просто не поняли, что это за штуковина — ведь меч спрятан в обыкновенских ножнах — висит за спиной у их жертвы? Последнее более вероятно. Теперь Дор понял: за спиной — самое надежное место! Только бы не выдать каким-нибудь неосторожным движением, что при нем есть оружие. Плохо, если гарпии собираются прямо сейчас приготовить из него завтрак. Тогда придется действовать быстро, не раздумывая.

И он понял еще кое-что о жизни героев: опасностей в их жизни куда больше самой жизни, а уж от сумеречных мелодий просто в ушах гудит. Прежнему Дору, не герою, такие неприятности и не снились!

Гарпии улетели, оставив его на попечении какой-то жуткой старушенции.

— Ай да крепкий малый попался! — кудахтнула старуха, тряхнув жирными волосенками.— И зубки крепкие, и ручки сильные, и с лица красавчик. Как раз впору.

— Для чего это впору? — спросил он воинственнее, чем хотел. Потому что испугался.

— Впору для цыпленочка моего, Гарной Горпыны, королевы гарпий. Сейчас мужчинка нам нужен, а хищник подождет, хищничек — в другой раз.

— А что вы сделали с этой... с девушкой? — спросил он, решив не называть имени. А то гарпии поймут, что они знакомы, и подумают, чего доброго, что они жених и невеста, и станут терзать Милли, чтобы удержать его. Чудовища и должны вести себя именно так — чудовищно.

— Барышню подрумяним на огоньке, милок, на ужин,— хихикнула ведьма. Значит, он не ошибся: Милли ждет страшная участь.— Это лакомый кусочек! Подрумяним непременно, если не согласишься.

— Но с чем я должен согласиться? Чего ты хочешь?

— Фу-ты ну-ты, дитятко-то из себя не корчи, мой сахарный. Ступай в гнездо!..

И, расправив мерзкие крылья и овевая несчастного ужасной вонью, гарпия стала надвигаться на него. Он пятился до тех пор, пока не оказался в соседней пещере, то есть пещерном коридоре.

Значит, коридоры между пещерами все-таки есть.

Но этот коридор оказался таким низким, что пришлось опуститься на четвереньки и ползти. Дор пополз, завернул за угол и очутился в большой пещере с куполообразным потолком. Наконец можно встать в полный рост.

Перед ним стояла новая гарпия, но совсем не похожая на своих жутких соплеменниц. Молодая, с блестящими гладкими перьями, с отполированными когтями, с лицом и грудью милой девушки. И чистая! Прическа уложена локон к локону. Если среди волос и виднелись перья, то это были шелковистые перья. Такой красивой гарпии Дор еще не встречал. Такая ему и не снилась.

— Так вот кого мне маменька отыскала,— страстно прошептала Горпына. И в голосе — никаких хрипов-сипов!

Дор осмотрелся. Пещера была пуста, если не считать большого гнезда посредине, сделанного из мягчайших перьев. Оно манило к себе, как волшебная пенистая ванна. Пещера открывалась в пропасть. Даже если бы удалось убежать, Милли ему не спасти. Вряд ли может спуститься по каменной стене тот, кто так любит вопить и брыкаться.

— Обожаю тебя,— снова прошептала Гарная Горпына.— Маменька собиралась найти мне жениха, а я сомневалась, но теперь вижу, что вкус у нее отменный. А то досталась бы я какому-нибудь грифону. С маменькой так и случилось когда-то.

— Грифону? — рассеянно спросил Дор. Нет ли здесь какого-нибудь другого выхода — вот что его интересовало. Прокрасться по коридору, отыскать Милли...

— Ну да, мы, гарпии,— наполовину люди, наполовину птицы,— объяснила красавица.— Своих мужчин у нас нет, и мы ищем среди соседей.

Дор и не знал, что среди гарпий нет мужчин. В его дни как будто были. Правда, он никогда этим особо не интересовался. Видел, конечно, что гарпии-дамы всегда летают без гарпиев-господ. Ну и что, может, господа отдыхают, а дамы занимаются хозяйством. Таков их удел. Впрочем, не об этом сейчас надо думать.

И вдруг его осенило:

— Гнездо, отвечай, как лучше отсюда выбраться?

— Услужи гарпии,— ответило гнездо, вздувая нежные перышки.— Женихов они не убивают, разве что уж очень оголодают.

— Но чего она хочет? — спросил Дор.

— Иди сюда,— прошептала гарпия,— и узнаешь, мой лакомый, чего хочет гарпия.

— Как бы отсюда выйти,— пробормотал Дор.

— А я еще не решило, как перейти реку,— пожаловалось колечко.

— Что это у тебя? — спросила Горпына, слегка расправив крылышки. Перья под крыльями у нее были столь же белы, как на груди, и, может быть, столь же воздушны.

— Это волшебное кольцо. Все желания выполняет,— объяснил Дор, надеясь, что не слишком преувеличивает. Он не придирался к промашкам волшебного кольца, потому что слабо верил в собственные волшебные силы.

— Мне всегда хотелось иметь такое кольцо.

Дор снял кольцо.

— Возьми,— сказал он.— А я хочу спасти Милли.— Вот и проговорился!

Горпына схватила кольцо. У гарпий вообще хватка что надо.

— Ты ведь не гоблинский шпион? А то у нас ведь война с гоблинами.

Вот так новости!

— Наоборот, я убивал гоблинов. Они напали на нас.

— Молодчина. Гоблины — наши заклятые враги.

Ему стало даже интересно:

— Но почему вы враждуете? И вы чудовища, и они чудовища. Чудовища должны дружить.

— Мы и дружили, но только давно это было. Потом гоблины обманули гарпий. И началась война, которая длится до сих пор.

Он присел на край гнезда — и в самом деле мягче пены!

— Забавно. А я думал, только люди воюют.

— Мы же в родстве с людьми, ты знаешь,— сказала Горпына.

Необыкновенная гарпия. Необыкновенно милая. И так чудесно пахнет, кажется, розами. Может, они только к старости дичают?

— Многие с вами, людьми, в родстве,— продолжила она.— Кентавры, водяные, фавны, оборотни, сфинксы. Всем им, как и человекам, свойственно воевать. Хуже всего лжелюди — тролли, великаны, эльфы и гоблины. У них есть армии, и время от времени они выступают в опустошительные походы. Переняли бы у вас, у людей, ум, любознательность, любовь к искусствам, так нет же, подхватили самое худшее — буйство и жестокость.

Какая же она умная!

— А вот если бы вы унаследовали от нас, людей, не головы, а другие части тела, если бы головы у вас были от грифонов, а кое-что пониже — от людей, то...

— То легче было бы предаваться любви,— рассмеялась она рассыпчатым смехом.— По мне, лучше ум, какие бы от него беды ни шли.

— А как же началась война между гоблинами и гарпиями? — спросил Дор.

Горпына глубоко вздохнула. Груди у нее были такие красивые, что он даже загордился: вот что можно взять у людей!

— Это длинная история, красавчик. Иди сюда, склони голову ко мне на крыло. Я буду счищать грязь с твоего лица и рассказывать.

Он рассудил, что это не опасно. Крыло оказалось твердым, гладким и упругим и пахло чистотой.

— Давным-давно, когда Ксанф только родился,— начала Горпына сладкозвучным голосом,— когда все, что в нем жило, только начинало размножаться, являя на свет те волшебные комбинации, кои столь известны в наши дни, мы, полулюди, испытывали друг к другу подлинное душевное влечение.— Горпына прикоснулась языком к его щеке. Так вот как она собирается счищать с него грязь! Сначала Дор хотел воспротивиться, но передумал. Честно говоря, это даже приятно.— Люди из Обыкновении,— продолжала Горпына,— настоящие мужчины, навещали Ксанф, убивая и разрушая.— Легкий щипок за ухо.— И мы, полулюди, вынуждены были помогать им, просто чтобы выжить. Гоблины жили тогда по соседству с гарпиями — или гарпии по соседству с гоблинами? Иногда они жили вместе, в одной пещере. Гоблины днем спали, а ночью охотились, а гарпии — наоборот, днем охотились, а ночью спали. Поэтому спальных мест всегда не хватало. Но гоблинов становилось все больше, число гарпий тоже росло. И вот уже стало мало места.— Ведя свой рассказ, Горпына прикоснулась губами к его губам. Какие мягкие и сладкие! Если бы он не знал, что она просто счищает грязь, мог подумать, что это поцелуй.— Некоторые из наших наседок просто покинули пещеры и стали вить гнезда на деревьях.— Она принялась очищать вторую половину лица.— Но алчные гоблины рассудили так: чем меньше будет гарпий, тем больше останется места для гоблинов. И они устроили настоящий заговор против простодушных гарпий, то есть гарпиев, наших мужчин. Гоблинши, среди которых в те времена попадались весьма миловидные особи, стали соблазнять гарпиев. Гоблинши увлекали их своими... своими...

Горпына прервала рассказ. Крыло ее вздрагивало, рассказ взволновал ее. Но и Дору было не легче: ее грудь оказалась рядом с его щекой. Слушать теперь оказалось очень нелегко. А Горпына собрала все силы и продолжила:

— ...увлекали гоблинши наших гарпиев своими руками и ногами. В те времена наш род еще не так далеко ушел от людей, и гарпии-мужчины помнили и вожделели к так называемым настоящим девушкам, хотя уже в те времена так называемые человеческие девушки испытывали к гарпиям только

отвращение. Когда гоблинские дамы, они и не дамы вовсе, но я грубых слов не признаю... когда эти гоблинские дамочки соблазнили наших петушков... о, до чего глупы мужчины!..

— Глупы,— согласился Дор, чувствуя себя и в самом деле глупо в такой близости от ее груди. Среди женщин круглых дур куда больше, но глупо доказывать это женщине.

— Мы потеряли наших мужчин и озлобились. Вот почему люди считают нас грубиянками. А нам попросту не с кем быть нежными.

— Но это ведь только одно поколение,— возразил Дор.— Одних петухов увели, но наверняка родились новые.

— Не родились. Дети попросту перестали рождаться. Мужчин у нас и в лучшие времена было не очень много, а тут и они исчезли. Гарпии старели, горечь все больше пропитывала их, никому они были не нужны. Стареющая гарпия в холодном гнезде — что может быть хуже!

Она закончила умывание. Он не сомневался, что лицо его сейчас просто сияет чистотой.

— Но почему же гарпии не вымерли? — задал он вполне закономерный вопрос.

— Мы находим женихов среди соседей. Приходится. Иначе род гарпий действительно ждала бы смерть. Первая гарпия родилась в правремена от связи человека с грифоном. Люди и грифоны — вот кто мог бы нам помочь. Но все гораздо сложнее. Ни человеческие мужчины, ни грифоны обычно не склонны вступать в брак с гарпиями. И нам не всегда удается увлечь их к любовному источнику. А от смешанных браков рождаются, увы, гарпии только женского пола. Гарпий может родиться только от гарпия. А пока мы просто орава уродливых куриц.

Любопытнейшая история! Любовные источники, оказывается, и в самом деле существовали. Напившийся из такого источника впадал в любовное безумие и овладевал первым попавшимся существом противоположного пола, но часто и совсем чуждого вида. Многие существа в Ксанфе обязаны своим рождением именно этим источникам. Но прекрасные помеси обычно не повторяли родительских ошибок, держались подальше от коварных источников и находили себе пару среди своих со-

племенников. К счастью, только свежая вода обладала волшебной силой. Ведь какой соблазн для шутников — подлить такой водички в чашу друга! Но гарпиям, которые не всегда могли подманить возможного жениха к источнику, это доставляло определенные трудности.

Тело Горпыны дрожало от гнева, в голосе зазвучали сварливые нотки, столь обычные для старых гарпий:

— Вот что проклятые гоблины сделали с нами! Вот почему мы ненавидим их и вот почему воюем с ними! Мы хотим уничтожить всех их мужчин, как они уничтожили наших. Мы отомстим! Мы уже собираем армию и вербуем союзников среди наших крылатых собратьев. Род гоблинов исчезнет с лица ксанфской земли!

Дор уже понял, для чего гарпии притащили его.

— Я сочувствую вашей беде,— сказал он,— но ничем не могу помочь. Мне слишком мало лет. Меня даже мужчиной нельзя назвать.

Горпына посмотрела на него с удивлением:

— А с виду — настоящий мужчина!

— Я вырос в считанные минуты,— объяснил он.— Но на самом деле мне всего двенадцать лет. Среди людей я считаюсь ребенком. Но мне надо помочь Милли.

Горпына задумалась.

— Если тебе двенадцать лет, то наши действия — не что иное, как запрещенное законом совращение малолетнего. Поступок весьма предосудительный. Тогда ты просто... подаришь мне кольцо. Идет? Может, с его помощью я смогу снести яйцо.

— Сможешь! Сможешь! — с жаром воскликнуло кольцо.

— Я, в общем-то, и не очень хочу замуж,— сказала Горпына, примеряя кольцо.— Но мамаша настаивает. Ступай за своей подружкой, хотя зачем она тебе нужна, такому желторотому. Пойдешь направо. Она в четвертой пещере.

— Благодарю. А мама не воспротивится... если я уйду?

— Только если я дам знать. А я не дам знать... если кольцо действительно волшебное.

— Кольцо волшебное, но его нельзя торопить...

— Беги. Не видишь, что ли,— разрешаю.

И он побежал... А вдруг у нее не хватит терпения возиться с кольцом? А вдруг вообще передумает? А вдруг... кольцо и в самом деле волшебное! Тогда среди гарпий скоро появится цыпленок-пацаненок. Как бы там ни было, а ему надо бежать.

Дряхлая гарпия посмотрела на него подозрительно, но пропустила. Он пошел вправо, отсчитал четыре пещеры и увидел Милли — взлохмаченную, но живую и здоровую.

— Дор! — воскликнула она.— Я знала, что ты меня спасешь!

— Еще не спас,— возразил он.— Я отдал то болтливое кольцо, чтобы пробраться к тебе.

— Бежим! — крикнула Милли.— Кольцо не поможет — оно кругом врет!

«На то оно и кольцо»,— подумал он.

Но выхода не было. Эта пещера, как и другие, обрывалась в пропасть.

— Отсюда так просто не выберешься,— сказал он.— У нас же нет крыльев. Поэтому гарпии нас и не особо стерегли.

— Меня собирались изжарить,— мрачно сообщила Милли.— Съесть на ужин. Уж лучше в пропасть...

— Тебя просто пугали. Чтобы принудить меня кое к чему,— успокоил ее Дор.

И сразу засомневался — а вдруг и в самом деле собирались? Если, угрожая ей, они хотели запугать его, то зачем бросили их в разные пещеры? Нет, с гарпиями шутки плохи.

— Принудить? Но к чему?

— А, пустяки, я все равно не смог бы...

У него теперь тело мужчины, а раз так, то вполне возможно...

— Чистое! — воскликнула она, взглянув на его лицо.

— Это... я умылся.

Милли прищурилась. Что-то ее смутило. Беда с этой женской проницательностью!

Дор присел на корточки около дверной дыры и ощупал стенку снаружи. Но, увы, не нашел ничего, что помогло бы им выбраться. Скала была твердая и гладкая, как стекло, и расстояние до земли — ужасное. Вокруг летали гарпии. Одни покидали жилище, другие возвращались. Крылья, крылья. Пешком здесь не ходят. Надежды на спасение нет!

Будь на скале выступы, пленники все равно не смогли бы подняться. Для этого надо держаться двумя руками. Милли оказалась бы без поддержки. И конечно, стала бы кричать, дергать ногами, мотать головой — и свалилась бы. В пропасть. Подъем по скале по плечу только настоящим мужчинам.

«А ты разве настоящий мужчина?» — ехидно спросил внутренний голос.

Горпына сказала, что гарпии когда-то делили жилища с гоблинами. Гоблины летать не умеют. Умеют ли они лазать по скалам? Вряд ли. Гоблины наверняка входили и выходили пешком. По каким-то проходам или тропам. Предположим, эти проходы были уничтожены после размолвки с гоблинами...

— Стены, существуют ли тайные проходы гоблинов?

— Стены здесь ни при чем,— хором ответили стены.

— Гоблины не жили в этих пещерах? — разочарованно спросил Дор. Неужели Гарная Горпына солгала? Или гоблины и гарпии раньше жили в других пещерах, а уже потом, после ссоры, гарпии переселились в эти?

— Ошибаешься,— ответили стены.— Эти пещеры выдолбили сами гоблины. Выдолбили, обжили, а потом войну учинили.

— Как гоблины входили и выходили?

— Через потолок.

Ну конечно! Неодушевленные предметы, страдающие недостатком воображения, если и отвечают на вопросы, то отвечают буквально. Он спросил у всей пещеры, но при этом произнес слово «стены» — стены и отозвались.

— Потолок, ты скрываешь гоблинский проход?

— Скрываю,— ответил потолок.— Надо было сразу спросить у меня, и ты избежал бы возни с этими глупыми стенами.

— Почему проход невидим?

— Гарпии залепили его навозом. Это всем известно.

— Вот откуда вонь! — воскликнула Милли.— Строят из собственных какашек!

— Скажи, куда бить, чтобы открылся проход? — спросил Дор, приготовив меч.

— Сюда,— указал потолок.

Дор ткнул мечом и пошевелил им в дыре. Бурый кусок упал на пол. Дор продолжал тыкать. Еще один кусок упал и еще. Вскоре открылся проход. Из дыры потянуло вонью.

— Свежим ветерком повеяло! — каркнули вдали.

— Ничего себе свежий,— скривился Дор.

Пленники уже немного привыкли к стоячему удушливому воздуху пещер, но порыв зловонного ветерка заново поразил их ноздри. Немудрено, что гарпии сразу почуяли перемену.

Старая курица влетела в пещеру.

— Караул! — каркнула она.— Арестанты пытаются убежать! Через старую гоблинскую дыру!

Дор встал с мечом на пути стражницы. И, не имея возможности расправить крылья, плохо держась на лапах, гарпия вынуждена была отступить.

— Лезь в дыру! — крикнул Дор Милли.— Беги!

— Я боюсь! — крикнула Милли.— А вдруг там полушки!

Полушки — это такие злобные насекомые. Они в несколько раз злее, чем их тетки двушки. Полушки любят нападать в темноте.

Вслед за старой курицей набежали и другие. Меч гарпий охладил, но не прогнал. В этой тесноте было особо широко не размахнуться, но Дору и не хотелось убивать. Гарпии все-таки наполовину люди и какие-никакие, но женщины.

Как же поступить? Впереди толпятся гарпии. Позади в нерешительности топчется Милли. В потолке зияет дыра. Тут и говорящие стены не помогут. Это ловушка. Можно сколько угодно удерживать гарпий, размахивая мечом, но убежать нельзя. А если гарпии начнут ломиться еще и со стороны Провала, то вообще хоть ложись и умирай: два выхода он охранять не в силах. Милли не помощница. Усталость сделает свое дело — снова гарпии одержат верх.

— Милли, беги через дыру! Ну хоть попытайся!

— Зря! Зря! — закаркали гарпии.— Проход нам известен! Закрыт он, закрыт! Не убежишь!

С какой стати они разоткровенничались? В этой дыре беглецов легче было бы изловить. Гарпии наверняка обманывают.

Милли закричала. Дор оглянулся — с потолка спускалось громадное мохнатое существо! Сверкнули зеленые фонари. Прыгун! Пришел на помощь, как всегда.

— Паутину я не смог развесить,— объяснил паук.— На голой скале меня бы сразу заметили. Поэтому я и решил проникнуть через дыру в потолке.

— Но гарпии же охраняют...

— Охраняют. Но в дыру не полезли. Побоялись полушек.

— А ты как же?

— Полушки — просто насекомые, а я был голоден. На вкус они ничего.

Конечно, пауку по силам справиться с большими насекомыми. Но гарпии куда сильнее!

— Если дыра для нас закрыта...— начал Дор.

Прыгун прицепил одну нить к Милли, другую к Дору:

— У меня хватит нити, чтобы спустить вас на дно расщелины, но вы должны согласиться на мои условия. Вам придется то раскачиваться, то скользить. Если вы будете делать так, птицам не удастся вас поймать.

— Я не смогу раскачиваться и скользить! — замахала руками Милли.— У меня ни мускулов нет, ничего...

«Кое-что у Милли все-таки есть»,— глянув на девушку, мысленно возразил Дор.

— Я помогу тебе спуститься,— пообещал он и замахнулся мечом на осмелевших гарпий.

— Если ты собираешься спускаться самостоятельно, то тебе понадобятся обе руки,— возразил Прыгун.— Лучше сделаем так. Я перепрыгну на ту сторону и протяну нить через расщелину. Ты воспользуешься именно этой нитью. Тогда и Милли сможешь удержать. К тому же в центре расщелины раскачиваться будет легче, чем у самой стены: меньше опасность удариться о камни. Но придется поболтаться между небом и землей.

— Я согласен,— кивнул Дор.— Ты будешь плавно ослаблять свою нить, и мы будем медленно снижаться. Но в самом начале нить должна быть натянута как струна.

— Постараюсь, хотя это и нелегко. Вы вдвоем весите немало.

Дор пугнул мечом очередную дерзнувшую приблизиться гарпию.

— Милли станет у выхода,— сказал Дор,— и сообщит мне, когда будет готово. Ты дашь ей знак с той стороны.

— Согласен,— протрещал Прыгун, подбежал к краю скалы и нырнул в бездну. Гарпии снаружи разлетелись с громким криком. Такого громадного паука они видели впервые. А громадного паука, перепрыгивающего через Провал,— подавно.

— Прыгун сигналит! — крикнула Милли.

Дор в последний раз замахнулся на гарпий, повернулся, схватил Милли в охапку и шагнул со скалы...

«Левой рукой обнимает Милли, в правой все еще держит меч... Ой! ЗАБЫЛ УХВАТИТЬСЯ ЗА НИТЬ!»

Они рухнули в пропасть.

Милли закричала, взмахнула ногами, залепила волосами его лицо...

Рывок... и нить натянулась! Держаться и не надо было. Паук позаботился заранее: один конец нити прицепил к одежде Дора, а другой — к центру главной нити, протянутой через расщелину. Дальновидность Прыгуна снова спасла им жизнь. А Дор так увлекся отпугиванием гарпий, что не обратил внимания на эту маленькую операцию.

Слегка покачиваясь, они заскользили по нити над пропастью. Гарпии летали вокруг, каркали, но не трогали. Боялись меча.

Так они проскользнули над расщелиной и быстро приблизились к противоположной стене. Нить слегка провисла, поэтому они не врезались в стену, но все же она оказалась так близко, что Дору пришлось оттолкнуться ногами. Заскользили в обратную сторону. И опять вперед. А нить тем временем провисала все больше, постепенно приближаясь ко дну расщелины. Когда они в конце концов перестали скользить, нить провисла уже до половины.

Гарпии тем временем навели в своих рядах кое-какой порядок и стали набрасываться на Милли и Дора, пытаясь ухватить их когтями. Наверняка хотели развить прежний успех над рекой.

Но на этот раз в руке у Дора был меч. Дор размахивал им изо всех сил. Гарпии отлетали, злобно каркая и теряя перья. К тому же непрерывное скольжение и раскачивание сбивало их с толку. Но они не сдавались.

Стоя на противоположном краю, Прыгун управлял нитью, как это умеют только пауки, и постепенно опускал ее. Чем ниже опускалась нить, тем злее становились гарпии.

— Не пускайте их на дно! — каркнула какая-то гарпия.— Внизу противник!

Дор приуныл: внизу ждет какая-то новая беда. Из огня да в полымя! Хорошо, что гарпии не перервали главную нить. А может, хотели, да передумали. Он надеялся, что еще пригодится им. И Милли, если шлепнется на дно пропасти, будет уже не такая вкусная.

«Ну-ка брось эти мысли!» — приказал себе Дор.

Дно расщелины совсем близко. Каменистое, узкое, изогнутое, в выбоинах. Выход найти будет трудно, хотя там, впереди, может ждать любая неожиданность.

Спустились еще ниже. Прыгун маневрировал нитями так, что Милли и Дор теперь скользили не через расщелину, а вдоль нее. Гарпии прямо из себя выходили от ярости.

— Не давайте им приземляться! — визжала самая старая и уродливая гарпия.— Хватайте! Тащите! Поднимайте! Девчонку можете бросить, но красавчика непременно захватить! Непременно!..

Дор в отчаянии широко размахнулся мечом. Коготь впился сзади ему в плечо, большущие грязные крылья хлопнули над головой. Милли оглушительно закричала, изо всех сил замахала ногами. Ее локоны так и засверкали в лучах заходящего солнца. Но все было впустую. Дор стремительно поднял меч и отвел руку назад. Острие вонзилось во что-то. Раздался вопль, на секунду заглушивший даже крики девушки, и коготь освободил плечо. Дор опустил меч и увидел на нем кровь. Он снова размахнулся. Гарпии разлетелись, роняя перья. От всего этого ему стало дурно, но он крепился.

Нить резко опустилась. Милли завизжала прямо-таки классически — и они рухнули вниз. К счастью, не с очень большой высоты. Спружинив на тренированных мускулистых ногах, Дор мягко приземлился и осторожно опустил Милли, которую все еще держал на руках. Одежда на ней сбилась. Глянув мельком, Дор не сразу понял, что видит ее тело. Девушка смущенно поправила юбку. Куда и крик подевался.

Громадина с зеленоватым отливом спустилась следом.

— Извините, что уронил вас,— протрещал Прыгун.— Там на меня гарпии налетели. Пришлось отступать.

— Не расстраивайся,— успокоил Дор.— Ведь из пещеры мы убежали.

Гарпии еще летали там и сям, но нападать не решались. Прыгун улизнул прямо у них из-под носа на своей знаменитой подтяжке. Пользуйтесь подтяжками — это удобно!

— С чего это гарпии вдруг оробели? — спросила Милли.

Глупый вопрос, но глупые вопросы очень часто заставляют в конце концов задуматься. Гарпии, осипшие, безобразные, дурно пахнущие — кроме Горпыны,— были не робкого десятка. Почему же теперь они не решались подлететь к каменистому дну?

— Одна из них что-то крикнула о врагах здесь, внизу,— припомнил Дор.

Милли вскрикнула и указала пальцем. По дну расщелины к ним приближался отряд гоблинов.

— Я задержу их,— произнес Дор, наставил меч и сделал шаг вперед. Что сейчас направляет его? Душа или тело? Ясно, что геройские поступки он совершает благодаря этой мощной и умеющей владеть своей мощью горе мускулов. Тело знает, что низкорослых гоблинов можно победить, и это знание дает ему отвагу. Тело двенадцатилетнего подростка, наоборот, медлило бы, превращая его в труса.

— Бежим в обратную сторону,— протрещал паук.— Если будет горка, я помогу подняться. А ты отпугивай гоблинов.

И они побежали на восток. Дор шел последним, устрашая гоблинов, но не отрываясь от своих.

— Это же просто маленькая банда! — каркнула сверху какая-то гарпия.— Управимся! Бей их, подружки!

И гарпии устремились на гоблинов. Вскипел бой, сопровождаемый криками, карканьем, стонами, ругательствами. Вокруг летали перья. Дор помедлил, чтобы полюбоваться, но туча пыли скрыла сражение. Там, внутри, дрались когтями и зубами, дрались немилосердно.

— Посмотрите туда! — протрещал паук.

Милли вскрикнула. Дор оглянулся. С запада приближался новый отряд гоблинов, более крупный. Прыгун приготовился к бою, хотя мог без труда перескочить через гоблинов и убежать вверх по стене, но толпа гоблинов быстро окружила его. Милли не спасли ее крики: не меньше двенадцати гоблинов ухватили ее за руки, за ноги, за волосы.

Дор ринулся на помощь, но не успел: гоблины схватили и его. Он изо всех сил отбивался ногами, но коротыши одолели.

«И снова в плену»,— подумал он с тоской.

Беспомощных пленников поволокли в сторону востока. В скале неожиданно открылся вход в пещеру. Гоблины толпой повалили туда. Внутри было темно и холодно. Дору показалось, что там какой-то спуск, но вполне мог ошибиться.

Их притащили в пещеру. Там горели факелы. Дор удивился — современные гоблины боятся огня... как огня. Современные гоблины днем и не показываются. На поверхности их вообще раз-два и обчелся. Многое изменилось за восемь столетий.

В дальнем конце пещеры возвышался трон, сделанный из мощных сталагмитов. Словно каменный поток сначала лился, как расплавленный воск, цветными струями, а потом вдруг застыл, образовав скрученную, но впечатляющую массу.

Гоблин-король восседал на троне с наигрознейшим видом. Искривленные черные ноги повелителя трудно было отличить от камня.

— Злоумышленники! — гневно прорычал гоблин.— За дерзкое вторжение в наши владения вас ждет кара!

Милли слабо вскрикнула и попыталась вырваться из гоблинских лап. А гоблинам было, очевидно, просто интересно ее держать. Паук затрещал, но гоблины не ответили. Гоблины не знают паучьего языка. Тогда вперед выступил Дор.

— Мы не собирались покушаться на твои владения, государь,— сказал он.— Мы просто спасались бегством от гарпий.

Маловероятно, что яростный гоблин смилуется, но попытаться стоит.

Гоблин удивленно поднял косматые брови:

— Ты, человек, назвал гоблина государем?

— Назови мне свой подлинный титул, и я буду обращаться к тебе правильно,— пытаясь не выдать своего испуга, пред-

ложил воин. Без меча — какой-то гоблин выдернул его у Дора из руки по пути в пещеру — он чувствовал себя голым.

— Я вице-король Пугач. Управляю здешним племенем гоблинов,— пояснил сановный гоблин.— Но обращение «государь» мне вполне по вкусу.

Гоблины-стражники захихикали.

— А вас это обращение, я вижу, веселит! — разгневался на них Пугач.

— Перед тобой, вице-король, очевидно, плут, а не герой. Плут, лишенный чести, боящийся честного боя. Поэтому польстившее тебе обращение пахнет обыкновенным оскорблением.

— Неужели? — рыкнул Пугач.— Так мы сейчас проверим, Крюк. Согласен ли ты сразиться с ним?

Крюк глянул на Дора и попятился. Но дружный гогот приятелей остановил его.

— Гоблину не одолеть человека, даже плута, в одиночку,— сказал Крюк.— Четверо или пятеро на одного — это дело!

— Ну так возьми подмогу! — крикнул Пугач.— Верните человеку меч. Пусть покажет, сколько весит его любезное обращение.

Спесь иногда творит чудеса! Вице-король гоблинов согласен болеть за чужака, только бы подтвердилось, что он действительно «государь».

Меч у него в руке. Это хорошо. Но в бой вступать как-то не хочется. В убийстве вообще нет ничего радостного, а гоблины к тому же так похожи на людей. С виду вроде и отличаются, а гордыня у них ну точно как у людей.

Но гоблины не собирались отступать. Очистили место посреди пещеры. Пятерка гоблинов из братии Крюка шагнула вперед. В руках они держали маленькие дубинки, обломки камней и вообще выглядели решительно. У них просто руки чесались.

И тело воина сказало «да». Дор ринулся на гоблинов, размахивая мечом. Гоблины бросились врассыпную. Он схватил первого попавшегося и так наподдал ему, что тот пролетел по пещере и врезался в стену. Каменный нож раскололся на куски.

Грозные взмахи меча не давали гоблинам сплотиться. Какой-то смельчак решил подкрасться сзади. Взмах — и дубинка полетела в сторону. Гоблин получил удар кулаком в живот; меч оставил царапину на его твердой, как камень, голове.

Дор стоял посреди пещеры, но на него никто не нападал. Благодаря силе и ловкости тела он одержал победу, но при этом не убил ни одного гоблина. На душе у него немного полегчало. Груз вины за прежние убийства если и не исчез совсем, то наверняка стал немного легче.

— Так что, государь я или не государь? — высокопарно вопросил Пугач.— Меч остается у тебя, человек. Ты доказал, что имеешь право носить его. Приглашаю тебя и твоих друзей к себе в гости.

Прыгун что-то протрещал.

— Гоблины, кажется, большие любители титулов,— перевела паутина.— Ты правильно сделал, что польстил этому гоблину.

— Я просто подумал, что так обращаются к вождям,— сконфузился Дор.

— И правильно подумал.

Благодаря вежливости Дора они чудесным образом из пленников превратились в гостей. Пугач предложил им великолепную закуску — слизняки в сахаре, салат из полушек, пирожные со вшивой начинкой. Прыгуну понравилось; Дор и Милли пожали плечами.

— Значит, вы сражались с ужасными гарпиями? — спросил Пугач.

Он пытался поддержать светскую беседу и при этом закусывал слизняками. Сначала вице-король слегка настороженно посматривал на Прыгуна, но, увидев, как паук крошит пищу своими мощными жвалами (там, где у других существ челюсти, у пауков — жвала), заметно смягчился. Гоблины считают, что чем яростнее крошишь пищу, тем лучше у тебя манеры. Поэтому, с их точки зрения, Прыгун оказался просто асом хорошего тона. А когда паук полил месиво особой жидкостью, превратил его в кашицу и втянул в себя, гоблины дружно зааплодировали. Прыгун показал высший класс!

— Хорошо, что мы вас спасли,— заметил вице-король, отдыхая после попытки переплюнуть Прыгуна. Как он ни старался, а растворить пищу слюной не сумел.

— Хорошо,— согласился Дор.

А мясо полушек оказалось не таким уж противным — даже наоборот, мягким и сочным. Милли тоже, как говорится, раскусила. Она жевала и выплевывала косточки не хуже гоблинов. У нее это получалось даже изящно. Пиршественный стол был просто усыпан обглоданными ножками.

— А с чего это гарпии на вас напустились? — спросил Пугач.— Мы явились к месту боя, потому что услышали шум, и забрали вас, потому что враги гарпий — наши друзья.

— Гарпии хотели...— Дор не знал, как объяснить.— Они хотели, чтобы я сослужил службу Гарной Горпыне, несравненной среди гарпий.

— Несравненной? — спросила Милли, нахмурившись.

Пугач так прыснул со смеху, что ножка, которую он как раз грыз, отлетела к потолку. Гоблины вокруг захлопали столь высокому искусству.

— Несравненная Горпына! — гоготал Пугач.— Так вот какие у них ходы-переходы! Хватают благородного человека, как обыкновенного жеребца! Как же их после этого не бить! Как я тебе сочувствую!

Дор хотел что-то сказать, но посмотрел на Милли и почему-то передумал.

— Гарпия рассказала, что вы, гоблины,— причина их бедствий. Ваши женщины когда-то похитили их мужчин.

— Виноваты гарпии,— возразил Пугач,— а мы попросту отомстили. Когда-то мы жили вместе, но гарпии хотели захватить побольше пространства. Поэтому они напустили на нас ужасное колдовство. С той роковой минуты наши женщины стали подходить к мужским достоинствам с какой-то странной меркой. Отважнейших, красивейших, сильнейших они начали избегать, как чумы. Их стало тянуть к самым слабым, к самым уродливым, к глупым и трусливым. Им они отдавались, от них рождали новых гоблинов. Целые поколения пошли насмарку. А ведь в древности гоблины красотой превосходили эльфов, умом — гномов, силой — троллей, а честью не уступали само-

му человеку. И посмотри, какими мы стали. Крученные-перекрученные, тупые, трусливые, слабые, вероломные. Пятеро на одного — только так мы побеждаем. Гарпии напустили на нас когда-то эту порчу, и только гарпии могут нас освободить, но гнусные птицы отказываются. Пока гоблины еще кое-что значат в Ксанфе, они будут мстить.

Гоблин открыл сейчас то, о чем умолчала гарпия. Роду гарпий нанесен такой удар, что мир теперь вряд ли возможен. Разве что грифон и человек снова вступят в союз, от которого родится новый гарпий,— но поди поищи такого человека и такого грифона! Значит, война между гоблинами и гарпиями будет продолжаться...

— Но решающее слово за нами,— мрачно произнес Пугач.— Уже собираются племена гоблинов, уже наши братья из подземных пещер — а их тьма и тьма — идут нам на помощь, уже готовятся к битве друзья и родичи. Род гарпий будет вырван с корнем и сметен с лица земли ксанфской!..

Но гарпии и их союзники тоже готовятся.

«Надвигается грандиозная битва»,— подумал Дор.

Почетным гостям предоставили для ночлега милую темную пещерку со здоровенными крысами для устрашения полушек и дырой в потолке для свежего воздуха. Гоблины как-то излишне горячо настаивали, чтобы гости остались переночевать. Дора это встревожило. Сам Пугач заметил, что гоблины склонны к вероломству. Оставить в живых, разыграть сцену перемирия, назвать почетными гостями, уложить спать у себя в доме, а потом... предать, то есть убить неожиданно... И таким образом насытить свою страсть к коварству. Что будет утром? Выйдут ли они на волю? А может, станут мясным блюдом на пиршественном столе гоблинов? И Пугач намекал, что гоблинам верить нельзя.

Глаза воина и глаза-фонари паука Прыгуна встретились. Гоблины могли подслушивать у стенных отверстий, но паук и Дор поняли друг друга без слов. Надо бежать!

— Похрапывай и постанывай,— тихо приказал Дор полу.

Пол исполнил приказ. Вскоре пещера наполнилась ложными стонами, бормотанием, сопением. В этом шуме потонули все остальные звуки. Дор шепотом переговорил с друзьями.

Ночью — здесь, внизу, темно было всегда, но паук обладал врожденным чувством времени — они стали выбираться. Прыгун утаил от гоблинов свои возможности, поэтому те сейчас и не поставили стражу. Сам вице-король заметил, что гоблины не отличаются большим умом.

Паук подпрыгнул, пролез в дыру и проверил, куда ведет проход. Потом он спустился за Милли и Дором. Пол храпел и бормотал, а беглецы как можно тише пробирались на волю. Шелковая нить еще раз помогла им оказаться на поверхности, залитой сейчас светом луны.

Все оказалось на удивление просто. Но без Прыгуна все было бы невероятно трудно. Без Прыгуна, умеющего видеть во тьме, плести шелковые нити, взбираться по отвесным стенам. Паук невозможное делал возможным.

Глава 5

ЗАМОК

Ночь они провели, как всегда, на дереве, а утром пошли дальше. Камни и ветви подсказали путь к замку Ругна. Путники добрались туда к полудню. Окрестности не сильно изменились и через восемьсот лет, а вот растительность была другая. Вместо уютного сада замок окружали хищные растения. И сам замок... только строился!

Дор, живущий рядом с замком, видел его каждый день, но теперь, в этих непривычных обстоятельствах, увидел словно впервые. Замок Ругна величиной превышал все прочие ксанфские замки. Окружавшие его стены отличались необыкновенной высотой и массивностью. Длина стороны квадрата составляла сто футов, а высота — более тридцати. Стены были укреплены четырьмя мощными угловыми башнями. Эти квадратные башни частично выступали вперед, расширяя главные стены и отбрасывая на них резкие тени. Между квадратными угловыми башнями в центре каждой стены располагались круглые башенки поменьше. Тени от них были помягче. Стены и башни венчали мощные зубцы. Ни окон, ни каких-нибудь других про-

емов в стенах не было. Окна появились позже, через восемьсот лет, а сейчас, во времена куда более опасные и непредсказуемые, они показались бы не более чем легкомысленной роскошью. Таким Дор и воображал себе это древнее обиталище ксанфских королей — строением мощным и величественным.

Но само здание замка — внутри каменного квадрата — еще не поднялось над фундаментом, и северная стена была возведена не до конца. Куча камней громоздилась внизу. Круглую центральную башню тоже еще не завершили.

Здесь трудилась ватага кентавров. Используя подъемники, толстые веревки и грубую силу рук, кентавры втаскивали камни наверх. Но работали они с ленцой. Современные кентавры были куда энергичнее, как помнил Дор. И вид у этих пракентавров куда грубее. Человеческое и лошадиное соединялось в них без всякого изящества.

«За восемьсот лет не только новое появилось, но и старое усовершенствовалось»,— понял Дор.

Дор приблизился к кентавру-надсмотрщику. Тот стоял у грубо сколоченных лесов и держал камень, который как раз собирались поднять. Надсмотрщик, весь потный от усилий, кричал на верхних рабочих и одновременно пытался направить камень так, чтобы не задеть уже готовую стену. Мухи жужжали вокруг ягодиц кентавра, не безобидные бегемошки, а крупные мухи-копытни. Завидев Дора, копытни улетели, но кентавр не обратил на пришельца внимания.

— Где отыскать короля Ругна? — спросил Дор. Кентавр на минуту бросил дело и смерил пришельца сердитым взглядом.

— Сам найдешь! — грубо ответил работяга.— Разуй глаза — у нас дел по горло.

Кентавры во времена Дора славились вежливостью и очень редко выходили из себя. Замечательным исключением слыл дядя Честер, отец кентавра Чета, приятеля Дора. Этот неотесанный работяга напоминал дядю Честера, и прочие вокруг не сильно от него отличались. Дядюшка Честер был живым портретом древнего кентавра: некрасивые черты лица, мощное тело, мрачный нрав и сердце, бесконечно преданное тем, к кому он почувствовал доверие.

Компания отошла ни с чем.

— Камень, где король Ругн? — спросил Дор у камня, который еще не успели поднять.

— Король находится во временном жилье к югу отсюда,— ответил камень.

Иначе и не могло быть. Много воды утечет, прежде чем король сможет перебраться в замок, но, если начнутся военные действия, внутренний двор даст надежное убежище. А пока кентавры таскают эти громадные камни, королю разумнее жить в другом месте.

И они пошли на юг. Дор захотел взглянуть на то место, где в будущем появится его дом — сырный коттедж, но сдержался: сейчас там голое место.

Они прошли мимо жилища, выдолбленного в огромной тыкве, растущей посреди маленькой, но аккуратной грядки. Плотного сложения седовласый господин в измазанных землей коротких брюках стоял на пороге, созерцая шоколадную вишню. Он что-то жевал. Вишню в шоколаде, наверное. Скорее всего, это садовник. Садовник вырастил вишню и теперь пробует. Садовник махнул проходящим, хотя те еще не успели поздороваться:

— Милости прошу, путешественники! Испробуйте вишен, пока есть.

Дор попробовал. Очень вкусно! Сначала прекрасный шоколад, потом крепкая вишня и в самой середине нечто вроде ликера. И Милли тоже понравилось.

— Гораздо лучше слизняков в сахаре,— заметила она.

Прыгун думал иначе, но из вежливости не стал спорить.

— А ты представь, что это такое пирожное с мухами,— тихо предложил ему Дор. Паук только лапой махнул.

— Ну-ка попробуем опять,— пробормотал садовник.— Пока не очень хорошо получается.

И он вперил взор в дерево.

Но ничего не произошло.

— Заклинание произносишь или что? — спросил Дор, сорвав вторую вишню.— Чтобы добавить удобрения?

— Нет. Удобрения хватает от кентавров,— ответил садовник. Глаза его расширились.— Погоди, сударь, не ешь эту вишню! — крикнул он.

Первая оказалась так вкусна, что неожиданный запрет немного обидел Дора. Он посмотрел на вишню. Она была и в самом деле какая-то странная: без шоколадной оболочки, ярко-красная и твердая.

— И не собираюсь есть,— ответил Дор.— Эта явно не удалась.

И отшвырнул вишню.

— Не бросай! — крикнул садовник, но поздно.

Раздался взрыв. Милли завизжала. Пахнуло жаром.

Горячая волна заставила их отпрянуть.

Земля перестала дрожать. Дор оглянулся. Из воронки поднимался дымок.

— Что это было? — спросил Дор. Он обнаружил, что держит в руке меч, и поспешно спрятал его.

— Особая вишня. Бамбуховая. Счастье, что ты не успел раскусить.

— Но как же на вишне в шоколаде оказалась бамбуховая вишня? — удивленно спросил Дор.

— Должно быть, перед нами сам король Ругн,— шепнула Милли.— А мы не признали.

«Сам король!» — мысленно ахнул Дор.

Он всегда воображал короля Ругна похожим на короля Трента. С изысканными манерами, мудрым, властным, недоступным. Пройдя сквозь толщу восьми веков, сквозь бесчисленные сказки и легенды, образ древнего короля-волшебника обрел сказочное величие. А на самом деле Ксанф всегда встречал своих королей по уму, то есть по магическому таланту. Только могучий волшебник мог стать королем. Живой Ругн стоял сейчас перед путешественниками. Этот низенький и толстенький, простоватый, похожий на садовника человечек с мягкими манерами, с редеющими седоватыми волосами и потными подмышками — король!

— Это дерево...— бормотал Дор.— Он изменил вишню в шоколаде на бамбуховую вишню... Король Ругн умел волшебно изменять волшебные предметы в своих волшебных целях...

— Умел? — спросил король, подняв запыленные брови.

Дор все еще представлял себе историческую фигуру; он забыл, что здесь, в мире гобелена, король Ругн был живым и настоящим.

— Я... извини, государь... конечно, ты умеешь... просто я...

Он начал было кланяться, передумал, стал опускаться на колени, опять передумал и в конце концов совсем запутался.

Король положил крепкую дружескую руку ему на плечо:

— Утихомирься, воин. Если бы я желал поклонов, предупредил бы заранее. Я думаю, не титул, а талант отличает меня от других людей. А титул короля сейчас едва ли не звук пустой. Гвардия распущена, потому что негде ее разместить; в строительстве замка все время какие-то трудности. Так что я предпочитаю быть скромным.

Дор что-то промямлил в ответ.

Король внимательно посмотрел на Дора.

— Ты наверняка из Обыкновении,— сказал он,— хотя успел, кажется, немного познакомиться с Ксанфом. А юная госпожа, я думаю, из Западного форта. Тамошние жители умеют выращивать прелестные фрукты. А вот ты, сударь,— король перевел взгляд на Прыгуна,— подлинное чудо! Впервые вижу столь мощного прыгающего паука. Сударь, не замешано ли здесь колдовство?

— Ты назвал меня, жалкого паука, сударем? — протрещал Прыгун.— Это как-то не по-королевски.

— Что делает король, то и по-королевски,— ответил король.— И лучше всего, когда он правит по-королевски. Я вижу, твой голос переводит паутина, расположенная на плече у воина.— Ругн посерьезнел и от этого почти сравнялся с представлениями Дора о настоящем короле.— Очень интересно. Такой магии я здесь еще не встречал.

— Ты прав, государь,— поторопился ответить Дор.— Это волшебство, и немалое, но его трудно объяснить.

— Любое волшебство нелегко объяснить,— заметил Ругн.

— Он заставляет вещи разговаривать,— пришла на помощь Милли.— Камни и ветви не бьют его, а любезно с ним беседуют. И стены, и вода, и все такое. С его помощью мы и добрались сюда.

— Обыкновенский волшебник? — спросил Ругн.— Невозможное словосочетание!

— Но я уже сказал, что это трудно объяснить,— стал неуклюже оправдываться Дор.

К ним подошел какой-то господин. Плотный, в летах, с кривоватой улыбкой на лице.

— Что-нибудь интересное случилось? Я не ошибся, Ругн? — спросил этот господин.

— Ты не ошибся, Мэрфи,— ответил Ругн.— Кстати, давайте представимся друг другу как следует. Перед тобой волшебник Ругн, временно носящий титул короля.

Волшебник Ругн вопросительно посмотрел на Дора.

— А я... меня зовут Дор. Мой талант — общение с неодушевленными. То есть я умею разговаривать с камнями, со стульями разными...

Наступила очередь Милли.

— Меня зовут Милли. Я простая девушка из Западного форта. А талант мой...— Милли покраснела и стала страшно привлекательной, то есть ясно показала свой талант.— Талант мой — вызывать любовь в сердцах мужчин.

Пришел черед Прыгуна.

— Я прыгающий паук из семейства прыгунов. Прыгуном меня и зовут. А что я умею? Как и все наши — плести паутину.

— А я волшебник Мэрфи,— представился только что явившийся господин.— Мой талант? Я прямо-таки блестяще умею изменять в худшую сторону ход событий. Именно я мешаю Ругну проявлять его силу, и я же сражаюсь с ним за трон Ксанфа.

Дор ушам своим не поверил:

— Ты, враждебный волшебник, запросто находишься рядом с королем?

— Лучшего места и не придумаешь! — рассмеялся Ругн.— Мы соперничаем друг с другом, это правда, но наше соперничество касается только политики. Вне сферы политики мы ведем себя более сдержанно и аккуратно. Так принято среди волшебников. Кроме меня и Мэрфи в Ксанфе сейчас живет еще один волшебник. Но он не интересуется политикой, поэтому за власть соперничаем только мы с Мэрфи. Договор у нас такой: если я сумею возвести замок до окончания года, Мэрфи беспрепятственно уступит мне пальму первенства, то есть королевскую власть. Но если мне достроить замок не удастся, я отрекаюсь от престола. А так как нет другого волшебника, способного стать королем, Ксанф погрузится в хаос. В хаосе и не-

разберихе Мэрфи, может быть, и сумеет стать первой фигурой. А пока мы поддерживаем дух дружественного соревнования. Это справедливо.

— Но... вы словно играете судьбой Ксанфа! — воскликнул Дор.

— Никаких игр, волшебник Дор,— важно покачал головой король Ругн.— Все очень серьезно. Но мы не отказываем себе в этой роскоши — быть *благородными* соперниками. Кто бы из нас ни победил, достойные правила ведения борьбы — прежде всего. Так и надлежит *цивилизованным* государственным особам.

Прыгун что-то протрещал. Паутина перевела:

— Но сражение *нецивилизованных* уже близко. Гоблины и гарпии собирают силы и готовятся уничтожить друг друга.

— О, ты выдал мой секрет, паук,— усмехнулся Мэрфи.

— Чему быть, того не миновать,— сказал волшебник Дор.— Ты хочешь сказать, что война между чудовищами — твоих рук дело?

— Никоим образом, волшебник,— возразил господин враг.— Вражда между гоблинами и гарпиями началась в глубокой древности и продлится, не сомневаюсь, еще не один век. А твой покорный слуга просто поспособствует тому, чтобы самое жестокое сражение началось в самое неподходящее для Ругна время.

— И где состоится это сражение, едва ли нужно гадать,— заметил Ругн, обращая свой взор на север, к недостроенному замку.

— Я надеялся сохранить это в тайне,— с легкой обидой в голосе произнес Мэрфи.— Неведение помешало бы тебе, Ругн, заблаговременно созвать войска для защиты замка. Но наши милые гости продемонстрировали удивительную проницательность.

— Значит, на этот раз ты проиграл,— заметила Милли.

— Сглазил кто-нибудь,— протрещал Прыгун.

— Мой волшебный талант не защищен от влияния других волшебников,— стал объяснять Мэрфи.— И чем могущественнее этот другой, тем шире его воздействие. Если на моем пути возник какой-то незаурядный волшебник, я просто не мог не ощутить удара. И не так уж важно, каким именно талантом

обладает этот некто. Каким-то ветром к нам сюда занесло еще одного волшебника. И мы еще не знаем, как его появление скажется на ходе событий...

Мэрфи угадал, сам того не ведая. Именно ветром, ветром заклинания Дора занесло в мир гобелена.

Мэрфи принялся рассматривать Дора.

«И чего он так смотрит!» — встревожился тот.

— Я бы хотел узнать тебя получше, сударь,— сказал наконец Мэрфи.— Предлагаю тебе поселиться у меня. Живи сколько хочешь, пока не соберешься в обратный путь. А может, замок скоро построят, и мы все переберемся туда. Замок — более надежное укрытие от чудовищ. Для нас сюрприз, что в Ксанфе нашелся еще один волшебник.

— Государь? — протрещал Прыгун, испытывая, кажется, некий трепет перед этим словом.

— Но вы же враг! — возразил Дор.

— Ступай с ним,— успокоил его Ругн.— В моем домишке все равно всем не поместиться. Барышня погостит у моей жены, а паук, осмелюсь заявить, проживет и на дереве. Дор, уверяю тебя, Мэрфи не причинит тебе вреда. Он имеет право, согласно законам нашего соперничества, выяснять значение новых элементов. Особенно если они служат на пользу мне, его конкуренту. Я имею такое же право по отношению к его союзникам. А вечером милости прошу на ужин.

Несколько сбитый с толку, Дор отправился следом за Мэрфи.

— Ничего не понимаю, господин волшебник,— признался он.— Похоже, вы с Ругном просто друзья.

— У нас равные возможности. Это не дружба, но нечто вполне приемлемое. Есть в Ксанфе еще один сильный волшебник, повелитель зомби, но у него другие интересы. Ну и Ведна, так называемая недоволшебница, которая помогла бы мне, если бы я пообещал жениться на ней. Но я не согласился, и она приняла сторону короля. Ведна, однако, лицо второстепенное. Принимая во внимание все эти обстоятельства, мы с Ругном вынуждены довольствоваться обществом друг друга. Но теперь явился ты, и я просто горю нетерпением разгадать твою тайну, милейший Дор.

А милейший не знал, как ему выпутаться.

— Я из далекой земли,— сказал он.

— Очевидно, так, но я не знал, что и в Обыкновении живут волшебники.

— Я, в общем-то, не из Обыкновении,— промямлил Дор, изо всех сил стараясь не проговориться.

— Молчание, мой друг! Я сам хочу угадать. Если не из Обыкновении, значит, все-таки из Ксанфа. Ты живешь севернее Провала?

— А ты помнишь о Провале? — в свою очередь удивился Дор.

— Но почему тебя это удивляет?

— О, прости, я перепутал... Я... у нас не все помнят о Провале.

— Странно. Провал просто незабываем. Значит, ты живешь к югу от него?

— Не совсем так... Понимаешь, я...

— Проверим твой талант. Можешь заставить говорить, допустим, этот камень?..— И Мэрфи указал на сияющий изумруд.

— Какова твоя природа? — спросил Дор.— Сколько ты стоишь? Каков твой секрет?

— Секрет мой в том, что я сделан из обыкновенного стекла,— ответил камень.— Я фальшивый. Я ничего не стою. У волшебника таких, как я, целая дюжина. Нами он расплачивается с жадными глупцами, если те соглашаются его поддержать.

Мэрфи удивленно поднял брови.

— Но тебя, Дор, я не собираюсь обманывать,— поспешно проговорил он.— От тебя вообще трудно что-либо утаить. Ты просто блестяще узнаёшь правду.

— Не спорю.

— Но в этом кроется еще одна тайна! Как мог столь мощный волшебник так долго скрывать свой талант? Почему мы о тебе ничего не знали? Как-то мы с Рутном запрягли волшебного нюхача, чующего волшебство на земле, под землей, в воздухе и где угодно. И обнюхали здешние окрестности вдоль и поперек. Так было, кстати, найдено место для строительства замка. Нюхач определил, что здесь высокая концентрация полезного волшебства. Если источник общексанфской магии не

прямо под замком, то наверняка где-то поблизости. Но мы нашли *волшебство,* а не *волшебников.* Наше мнение — а оно основано на опыте — было таково: местности, удаленные от центра Ксанфа, ничего незаурядного в области магии дать попросту не могут. И вот приходит неведомый молодой человек, с виду совершеннейший обыкновен, по ухваткам настоящий солдат, и показывает нечто невообразимое — мощный волшебный талант. Согласись, это ставит все наши представления с ног на голову. Я отказываюсь верить. Я поверил бы, если бы допустил, что это какая-то новая магия. Особая магия, находящаяся за пределами нашего понимания.— Мэрфи на секунду оборвал свою речь и многозначительно поднял палец.— Временной сдвиг! — воскликнул он.— Вот подлинное объяснение! Ты из Ксанфа, но... из другого времени Ксанфа!

— Ты угадал,— вынужден был признаться Дор. Хитрить перед Мэрфи бесполезно.

— Но ты не из прошлого,— продолжил Мэрфи.— В исторических записях такой талант не отмечен. Хотя из-за этих обыкновенских нашествий и прочих катастроф многие исторические документы попросту утеряны. Но есть закон: чем дальше от правремени, тем утонченней таланты волшебников. А твой талант, надо признать, весьма утонченный. Наверняка ты из будущего. Из какого времени?

— Восемьсот лет вперед,— признался Дор, рассудив, что от Мэрфи ничего не скроешь.

Мэрфи привел гостя в свой шатер.

— Отведай чаю с сахаром,— предложил он Дору.— Поблизости от моего жилища растет отчаянно сладкое дерево, и я этим пользуюсь. И расскажи наконец свою историю.

— Но я против вас! — выпалил Дор.— Я желаю победы короля Ругна.

— И правильно делаешь,— кивнул Мэрфи.— Правильные люди не могут не быть на стороне Ругна. Но к счастью, к счастью для волшебника Мэрфи, встречаются и *неправильные* люди. А ты должен понять, что неведение играет на руку мне, а не Ругну. Только строго систематизированные знания могут обеспечить прочность королевства.

— Но тебе, противнику прочности, зачем эти знания? Хочешь навредить мне? — И Дор потянулся к мечу.

— Волшебники с волшебниками не воюют,— напомнил Мэрфи.— То есть воюют, но не впрямую. Никакого личного ущерба. Я просто хочу понять, насколько значительно твое появление. Присутствие третьего могущественного волшебника может изменить соотношение сил в нашей борьбе. Если вы с Ругном станете перевешивать меня, я вынужден буду уступить трон и избавить всех нас от дальнейших мучений. Поэтому мы с королем и хотим незамедлительно выяснить, кто ты такой. Для этого он нас и отправил.

— Более странных противников я в жизни еще не встречал! — воскликнул Дор.— Эта игра для меня непостижима!

— Мы просто неуклонно следуем правилам. Нарушим правила — расстроится игра.— Мэрфи протянул гостю чашку чая.— Поведай же мне свою историю, Дор, и мы поймем, как твой неожиданный приход повлияет на ход дел. Следующим твоим слушателем станет король.

Дор чувствовал, что у него нет выбора. Если бы рядом оказался Гранди! Или Прыгун. Они бы посоветовали. Но если Мэрфи просит рассказать *только* правду, то это нетрудно. Дор вообще не любил хитрить. Вот и рассказал, как умел,— о снадобье для зомби, о судьбе Прыгуна, о приключениях внутри гобелена.

— Найти замок повелителя зомби довольно просто,— сказал Мэрфи.— Но боюсь, повелитель тебе не поможет.

— Но только ему известен секрет воскрешения зомби! Весь смысл моего пути...

— Предположим, повелитель зомби действительно знает. Знает, но не скажет. Это натура суровая и замкнутая. Поэтому он и живет отшельником.

— И все же я попробую,— с вызовом произнес Дор.— А ты что собираешься делать? Теперь, когда ты знаешь, что король Ругн достроил... достроит замок...

— Задача и в самом деле трудноразрешимая,— согласился Мэрфи.— К ней есть несколько подходов. Первый из возможных — ты попросту заблуждаешься. Ругн не достроил замок.

Дора словно обожгло. Рука невольно потянулась к мечу.

— Говоришь ты запинаясь, а действуешь излишне поспешно,— сказал Мэрфи, заметив его жест.— Но это только подтверждает твой рассказ о себе: в мощном теле воина таится робкая душа подростка. Не вынуждай меня использовать против тебя мою собственную магию. И глазом не успеешь моргнуть, как будешь повержен. К тому же я вовсе не собирался называть тебя лжецом. Мое замечание касалось истории. Многие исторические события потомки узнают в весьма искаженном виде. Почему бы не предположить, что Ругну не удалось достроить замок. Достроил кто-то другой, спустя столетие, и дал замку имя короля Рутна. Это фальсификация, но отчасти и верификация. А глубина веков попросту скрыла правду.

— Фальсификация — это как? — смущенно спросил Дор.

— Кто-то построил замок и дал своему детищу имя Ругна. Тем самым он создал видимость, что построил Ругн. А раз построил Ругн, то замок несомненно королевский. Вот такая цепочка.

Дора прямо в жар бросило. Кто-то неведомо когда строит какой-то замок и пришпиливает к нему имя Ругна. А что, может, и в самом деле?

— Но то, что я сейчас сказал, попросту одна из многочисленных версий,— продолжил Мэрфи.— Может, замок и в самом деле достроил сам Ругн, и тогда твои сведения совпадают с исторической правдой. Но теперь ты сам оказался в прошлом. Твое присутствие здесь может или пройти бесследно для уже свершившегося, или повлиять на историю, на исход соревнования между мной и Ругном. То есть изменить историю. Ты, вполне возможно, явился предвестником именно *моей* победы. Поэтому я не собираюсь тебе мешать. Кто знает, не мой ли собственный талант привлек тебя сюда, чтобы расстроить планы Ругна!

Теперь Дора прошиб холод. Неужели ему назначено стать сподвижником врага? А, все может случиться!

— Но мне почему-то кажется,— рассуждал дальше Мэрфи,— что в конечном счете тебе не удастся изменить историю. Ни в плохую сторону, ни в хорошую. Мне вообще история видится неким Протеем, то есть чем-то многообразным и измен-

чивым. Властная рука может попытаться изменить ее по своей воле, но, когда нажим ослабевает, все возвращается к естественному порядку. Я подозреваю, что твое влияние исчезнет с твоим уходом. Но это любопытнейший феномен, и наблюдать за ходом событий будет чрезвычайно интересно.

Дор словно онемел. Этим разговором Мэрфи попросту обезоружил его. А вдруг Мэрфи прав? Чем больше он, Дор, будет вмешиваться в события внутри гобелена, тем больше навредит королю Ругну. Поэтому разумнее всего держаться в стороне. Держаться в стороне, не вмешиваться ни в хорошее, ни в плохое — вот самый разумный способ поведения здесь.

Напившись чаю, они отправились к королю.

— Этот юноша и в самом деле волшебник,— сообщил Мэрфи.— Моим замыслам его появление, как я думаю, не грозит, хотя он и считает себя твоим союзником. Теперь ты поговори с ним.

Король вопросительно посмотрел на Дора.

— Это правда,— согласился Дор,— волшебник Мэрфи объяснил мне, что если я стану тебе помогать, то, наоборот, наврежу. Может, и не наврежу, но риск есть. Поэтому мне лучше держаться в стороне, о чем я очень сожалею.

«Как складно я все сказал,— удивился про себя Дор.— Может, это Мэрфи так на меня подействовал?»

— Мэрфи — личность безусловно сложная, но честность его не подлежит сомнению,— сказал король.— Ты не можешь помочь мне, но не могу ли я чем-нибудь помочь тебе?

— Скажи, как добраться к замку повелителя зомби?

— Но ты лишь зря потратишь время. Повелитель зомби не поможет.

— И Мэрфи сказал, что не поможет. Но мне просто необходимо встретиться с повелителем зомби. После этого я отправлюсь домой.

— Подожди несколько дней, пока строительство замка немного продвинется вперед. Тогда я смогу обеспечить тебя охраной и сопровождением. Ведь ты как-никак волшебник. Повелитель зомби живет к востоку отсюда, в глуши. Туда трудно добраться.

Дору не очень понравилось предложение короля, но он вынужден был согласиться. В последние дни они несколько раз просто чудом спасались от гибели. С охраной путь будет куда спокойнее.

Явилась Милли в сопровождении Прыгуна.

— Король обещает взять меня на службу! — радостно сообщила она, захлопала в ладоши и так встряхнула кудрями, что они на мгновение закрыли ей лицо.— Как только построит замок!

— Мы останемся на несколько дней, так я понимаю,— протрещал Прыгун.— Позволь мне, король, отслужить за твое гостеприимство.

— Прыгун! — испуганно воскликнул Дор. Если ему нельзя вмешиваться в течение событий, то пауку наверняка тоже.

— Очень любезно с твоей стороны,— сердечно ответил король.— От юной госпожи я успел узнать, что ты большой мастер поднимать и опускать разные предметы. Мы сейчас сильно нуждаемся именно в таких умельцах. Отдохни, а завтра присоединишься к кентаврам-строителям.

Мэрфи многозначительно глянул на Дора. Враждебный волшебник предвкушал, что скоро убедится в правильности своей теории. Дор тоже получит ответ. Не исключено, что теория Мэрфи рассыплется как карточный домик. Если это произойдет, надо будет изменить правила игры. Принимая во внимание все эти сомнения, Дор не стал спорить с пауком, чтобы преждевременно не тревожить ни его, ни короля. Спорить не стал, но не успокоился.

Король угостил своих гостей истинно по-королевски: жарким из сочной ежевики под острым соусом, пасторальным сыром, очень нежным, ореховыми улитками и, наконец, прекрасным белым вином с дерева-альбиноса.

— Король, правящий Ксанфом в мои дни, умеет превращать предметы. Живые существа ему тоже подвластны,— сказал Дор.— Он может превратить одно существо в другое. Человека, допустим, в дерево, а дракона — в лягушку. Чем же его талант отличается от твоего, государь?

— Умеет превращать,— пробормотал Ругн.— И в самом деле могучий талант! Мне не по силам превратить человека в де-

рево. Я могу изменять только в пределах какой-нибудь формы: снотворное заклинание превратить в заклинание правдивости, вишню в шоколаде — в бамбуховую вишню. Поэтому смело заявляю — твой король куда сильнее меня.

Дор страшно смутился:

— Прости, государь, я вовсе не хотел сказать, что ты...

— Успокойся, Дор. Я не собираюсь мериться силой с твоим королем. И с тобой не собираюсь. Среди нас, волшебников, царит дух дружелюбия. Мы уважительно относимся к талантам друг друга. Я хотел бы встретиться с твоим королем. Вот дострою замок...

— Что весьма сомнительно,— тут же вставил Мэрфи.

— А вот наше с Мэрфи соперничество действительно не утихает ни на минуту,— добродушно заметил Ругн, отправляя в рот очередной кусочек ежевики. Дор решил промолчать. Его все еще смущала эта странная дружба-вражда.

Утром Прыгун отправился к кентаврам. Дор пошел с ним. Во-первых, речь паука придется переводить, а это может сделать только паутина. Во-вторых, надо посмотреть, повлияет ли участие паука в стройке на историю. А вдруг не повлияет. Если вспомнить, что каждый их шаг может...

Дор озабоченно покачал головой. Король Ругн был сегодня занят важнейшим делом. Он подбирал и прилаживал новые заклинания к будущей крыше замка. Чтобы здание не развалилось, магией следовало пропитывать каждую строительную деталь. Приспосабливать заклинания (вот пример: так называемый водяной дракон владеет заклинанием, запрещающим воде тушить его пламя. Ругн берет это заклинание и приспосабливает для охраны крыши от протекания) — это королю Тренту, умеющему превращать все во все, не по силам! Зря король Ругн скромничал. И ему было чем гордиться. Вообще очень трудно измерить, чей талант сильнее. Но если Прыгун, предложив помощь, сам того не ведая, подчинился злому умыслу...

Друзья подошли к кентавру-надсмотрщику, который грубо ответил им накануне. Он, по всей видимости, отвечал за возведение северной стены. Кентавр, и без того угрюмый, сейчас был зол вдвойне. Произошло какое-то недоразумение со све-

жим грузом камней. Каменотесы перепутали заклинания, и работа остановилась.

— Король Ругн посылает вам на помощь моего друга,— сказал Дор.— Он умеет поднимать камни шелковыми веревками, свободно взбирается по гладким стенам...

— Здоровенный жук? — буркнул кентавр, угрожающе взмахнув хвостом.— Мы не нуждаемся. Пусть убирается.

— Но он вам поможет!

Теперь и остальные кентавры спустились со стены и приблизились. Дор с тревогой обнаружил, какие они мощные. Если поставить рядом кентавра и человека, то кентавр одного с человеком роста окажется раз в шесть массивнее; а кентавры-рабочие были выше Дора, чье нынешнее тело отличалось поистине незаурядным ростом и силой.

— Жуки нам не товарищи! — крикнул один.— Убирайся, чучело!

Дор в замешательстве повернулся к Прыгуну:

— Я не предполагал... Они не...

— Понимаю,— протрещал Прыгун.— Я не их породы.

Кентавры не расходились. Им, кажется, просто нравилось бить баклуши, а тут и повод подходящий нашелся.

— А я не понимаю,— не успокаивался Дор.— Ты ведь можешь здорово помочь...

— А нам наплевать и растереть, что он сильный! — крикнул другой.— Пусть валит отсюда, не то мушиную хлопушку притащим!

Дор не на шутку рассердился.

— Не смейте так разговаривать! — крикнул он.— Прыгун вовсе не муха. Он мухами питается. И сможет прогнать отсюда всех копытней...

— Паучий дружок! — грубо крикнул надзиратель.— Ты сам не лучше паука. Как втопчу вас обоих в землю!

— А ну! А ну! — радостно заревели кентавры, топоча копытами.

— Они злые,— протрещал Прыгун.— Нам лучше уйти.

И пошел прочь.

Дор неохотно отправился следом. Но с каждым шагом гнев его распалялся. «Как они посмели! Королю нужна помощь!»

А с другой стороны, может, и к лучшему? Прыгун не участвует в строительстве — проклятие Мэрфи не действует, история не изменяется. Может такое быть?

Вскоре приятели подошли к шатру короля Ругна. Король хлопотал у пруда, в котором сидел маленький водяной дракон. Дракончик сердито чихал дымом и взбивал хвостом пену, но Ругн не обращал на это внимания.

— Ну-ка, забирайся на черепицу,— подманивал он дракончика к горке строительного материала, предназначенного для крыши.— Чем ближе ты окажешься, тем лучше ляжет заклинание.— Король поднял голову и заметил приятелей.— Что-то неладное со стройкой? — спросил он.

Дор попробовал сдержаться, но не сумел.

— Кентавры не дали Прыгуну работать! — чуть не со слезами выпалил он.— И обозвали... не похожим на них!

— А я и есть не похожий,— протрещал Прыгун.

Король Ругн казался человеком спокойным и добродушным. Теперь с ним произошла перемена. Он выпрямился, лицо его окаменело.

— У себя в королевстве я такого безобразия не допущу! — грозно промолвил король.

Он щелкнул пальцами. По этому знаку мгновенно явился летающий дракон — существо с безукоризненной чешуей, отполированными когтями и вытянутой мордой, словно созданной для того, чтобы пыхать огнем.

— Дракон, мои рабочие вышли из повиновения,— сообщил король.— Собери своих бойцов и...

— Нет, государь! — протрещал Прыгун, а паутина перевела. Паук возразил так горячо, что паутина чуть не порвалась, стремясь верно передать этот напор.— Не наказывай кентавров. Пауки, скажу я тебе, не добрее кентавров, а кентавры делают такое важное дело. Жалею, что стал причиной неприятностей.

— Неприятностей? Тем, что предложил помочь? — все еще хмуря брови, вопросил король.— Нет, я все же накажу их моими магическими средствами. У кентавров прекрасные хвосты, которыми они очень ловко отгоняют копытней. А я сделаю так, что у них будут хвосты ящериц, годящиеся только на то, чтобы скользить среди камней. Это умерит их пыл!

— Нет! Не дай себя обмануть! — взволнованно протрещал Прыгун.— Это само проклятие пытается смешать твои карты!

Короля словно осенило.

— Это Мэрфи! — воскликнул он.— Ты прав, паук! Это его проделки! Ненависть к вам, чужакам, могла как-то помешать делу, и Мэрфи решил ею воспользоваться.

«Как же я раньше не понял, что это Мэрфи! — мысленно изумился Дор.— Мэрфи наложил проклятие на постройку замка, а предложение Прыгуна, так сказать, взмутило осадок. Кентавры на самом деле не виноваты».

— Ты — существо благородное и здравомыслящее,— сказал король Прыгуну.— Раз ты вступился за обидевших тебя, я тоже их пощажу. Жаль, что твоими услугами воспользоваться, кажется, не удастся.— Ругн величественно взмахнул рукой, и дракон убрался.— Кентавры вообще-то мои союзники, а не слуги. Я призвал их на возведение замка, потому что они отлично знают это ремесло. Кентавры получили от меня вознаграждение. Сожалею, что позволил гневу завладеть мной. Чувствуйте себя как дома, не торопитесь в путь. Я должен отыскать для вас надлежащую охрану. А пока приглашаю посидеть на бережку и понаблюдать, как я колдую. И очень надеюсь, что вы не станете отвлекать меня разными неуместными вопросами.

Приятели устроились и стали наблюдать. Дора очень интересовало, как *приспосабливают* заклинания. Как Ругн это делает? Отдает приказ вслух, как он сам, когда нужно, чтобы предметы заговорили? Или без слов, одним усилием воли? Но только Ругну удалось выманить упрямого дракончика и поместить его где надо, как словно из-под земли выскочил почтальонок. Он принес какое-то известие.

— Король, государь,— затараторил почтальонок,— беда на стройке! Оказывается, камни были обмазаны неуместным заклинанием и, когда их уложили в стену, начали толкать друг дружку и выпадать!

— Неуместное заклинание! — негодующе воскликнул король.— А ведь только неделю назад переделал его в добрососедское!

Почтальонок рассказал более подробно. Оказалось, что целая кладка камней была уложена не там, где надо. Заклинание верхней кладки стало спорить с заклинанием нижней. Стена

стала разрушаться. Кто-то перепутал камни, и ошибку вовремя не заметили. А камни громадные, тяжеленные.

Ругн от гнева вырвал несколько волосинок из своей быстро седеющей прически.

— Опять происки Мэрфи! — вскричал он.— Значит, еще неделю потеряем! Неужели я должен укладывать каждый камень сам, собственными слабыми руками! Передай кентаврам, чтобы вытащили камни и поместили в правильное место.

Почтальонок исчез, а Ругн вернулся к дракончику. Но не успел он приступить к делу, как буквально из-под земли выскочил новый посыльный.

— Эй, король! — пискнул он.— Армия гоблинов движется с юга!

— Вероятное время прибытия? — мрачно спросил король.

— ВЕВРЕПР ноль минус десять дней.

— Вот тебе раз,— пробормотал король и повернулся к дракончику.

Но дракончик успел улизнуть. Королю опять пришлось уговаривать его вернуться. Мэрфи вредил даже в мелочах.

И очередной посыльный не замедлил явиться.

— Ругн, старина, стаи гарпий летят с севера,— сообщил он.

— ВЕВРЕПР? — уже механически спросил король.

— Десять дней,— ответил посыльный.

— Вот тебе и два,— горестно развел руками король.— Благодаря стараниям Мэрфи обе армии столкнутся именно здесь. К концу их побоища местность вокруг наверняка будет обезображена, а от замка останутся одни руины. Если бы нам удалось закончить стену... Но теперь на это надеяться нечего. Мой любезный соперник рассудил очень умно. Я просто не могу не восхититься...

— Мэрфи и в самом деле умный человек,— согласился Дор.— Но раз гоблинам и гарпиям все равно, где драться, наверняка есть способ повернуть армии. Если замок — просто случайное для них место...

Дор был встревожен. Не похоже, что именно их визит вызвал все эти неприятности, но кто знает, кто знает. Ведь они побывали в плену и у гоблинов, и у гарпий. А если именно это окончательно подтолкнуло чудовищ...

— Если мы попытаемся им помешать, они разъярятся еще больше,— сказал Ругн.— Это ужасно упрямые существа. У меня нет ни желания, ни средств с ними сражаться. В твоем мире человек, может быть, и главенствует среди существ, но здесь пока все по-другому.

— А если кинуть клич, позвать кого-нибудь на помощь? — предложил Дор.

— Придется потом расплачиваться, тратить магию, а мне она необходима на строительство замка.

— А о своей человеческой армии ты забыл,— напомнил Дор.— Солдаты же могут явиться по приказу.

— Проклятие Мэрфи особенно ловко расправляется как раз со всякими посланиями и приказами. А мои солдаты и так не поспели бы вовремя, то есть до прихода чудовищ. К тому же сейчас, когда чудовища наступают, мужчинам лучше оставаться дома, чтобы при необходимости стать на защиту своих близких. Нам придется рассчитывать только на собственные силы. Надежды на удачу немного, но рискнуть стоит. Выбирать не из чего. Надо признать, что на этот раз Мэрфи нанес и в самом деле мощный удар...

— А какой-нибудь другой волшебник не сможет помочь? — вдруг спросил Дор, прервав речь короля.— Повелитель зомби! Он бы смог помочь?

— Думаю, смог бы,— согласился король, немного поразмыслив.— Повелитель зомби — первоклассный волшебник, живет он относительно близко; чтобы к нему пробраться, не надо переходить Провал; его армия, армия зомби, не уменьшается и не требует провианта — идеальная армия в наших условиях. Имеющихся в замке запасов еды не хватило бы на живую армию. Ведь я рассчитывал кормить только кентавров, работающих на строительстве. Но все это лишь бесплодные разговоры: повелитель зомби не вмешивается в политику.

— Я так или иначе должен к нему отправиться,— взволнованно произнес Дор.— Я мог бы переговорить с ним, объяснить, что поставлено на карту...— Дор махнул рукой на осторожность. Если король так нуждается в его помощи, он должен рискнуть. Никакого вреда от этого не будет.— И Прыгун пойдет. Кое в чем он разбирается даже лучше меня. В худшем случае повелитель зомби просто откажется с нами говорить.

Король пригладил бороду.

— Ну ладно,— сказал он.— Я надеялся, что ты погостишь подольше, но раз тебе хочется... Прошу тебя, не забудь сказать повелителю зомби, что он получит надлежащую плату за свою помощь.

Король поднял палец — и мгновенно явился очередной почтальонок. Интересно, где они прячутся, когда не *являются?* У короля, кажется, была надежная охрана, хотя и невидимая. Ругн, как и Трент, не любил показывать свое могущество без необходимости.

— Подготовь свиту и охрану для похода в замок повелителя зомби,— велел почтальонку король.— Волшебник Дор отбудет утром с миссией государственной важности.

Но утром к отправляющимся с государственной миссией прибавилось еще одно лицо — барышня Милли.

— Замок еще не достроили, слуг из-за чудовищ отослали по домам, и работы для меня здесь пока еще нет,— объяснила Милли.— Возьмите меня с собой. Может, и пригожусь.

В будущем Милли станет печальным призраком, познакомится с Джонатаном, будет искать способ вернуть его к жизни. Сейчас она не знает своей судьбы, но для него, Дора, это уже не тайна. Разве можно запретить ей идти к повелителю зомби? Ведь весь этот поход затеян, в сущности, ради нее. В конце концов, и Милли способна помочь.

Он очень обрадовался, что Милли тоже пойдет. Но почему обрадовался? Понятно, что он никогда... она не... тело полюбило в девушке то, что едва ли было понятно самому Дору. Милли никогда не будет принадлежать ему. Надо отбросить глупые мечты.

Но даже короткий миг рядом с ней все равно счастье!

Глава 6

ПОВЕЛИТЕЛЬ ЗОМБИ

Ехать предстояло на лошадроне, помеси лошади с драконом — передняя часть туловища лошадиная, а задняя драконья. А проводником избрали какого-то почтальонка.

— Эй, корешок, отправляемся! — торопил почтальонок. Это существо было намного крупнее голема, но меньше гоблина и напоминало, по мнению Дора, и того и другого.

На спине у лошадрона разместили три седла. Первое заняла Милли, второе Дор, а на третьем кое-как примостился Прыгун. Почтальонок пристроился на голове у лошадрона, как раз возле уха. Самое подходящее место для проводника.

Ударив мощными лошадиными копытами и взрыхлив землю задними драконьими когтистыми лапами, лошадрон резко тронулся с места и пошел вперед не то галопом, не то ползком — короче, подскоками, и такими, что Милли завопила, а Дор чуть не вылетел из седла. Почтальонок захихикал. Негодяй заранее знал, на что идет.

Прыгун перемахнул через голову Дора и приземлился как раз перед Милли. Умелыми движениями лап паук привязал ее шелковой нитью к седлу. Теперь барышня могла не бояться, что свалится. Потом Прыгун привязал Дора. Теперь они не то что не упадут, но могут даже не держаться.

— Ну вот, всю забаву испортил,— проворчал почтальонок.

Когда лошадрон набрал скорость, подскоки немного сгладились и стали походить скорее на мерное вздымание и опадание. Дор закрыл глаза и представил, что плывет на лодке по волнам. Вверх-вниз, вверх-вниз. Стало укачивать, и он открыл глаза.

Их окружала листва. Лошадрон во всю прыть несся сквозь заросли, с виду почти непроходимые; при этом он ловко избегал путан, ловушек чудовищ, с ходу брал широченные расщелины. А почтальонок хоть и был злобным малявкой, страшно любящим оскорблять, дело свое знал хорошо — умело направлял дракона по нужному пути. Будь ты хоть почтальонок, хоть кто, коли хорошо знаешь дело, то заслуживаешь уважения, считал Дор.

Но трудностей было, конечно, не избежать. На пути возникали то горы, то долины, то крутые повороты. Раз лошадрон проплыл по мутному озеру, проплыл быстро, но седоки успели замочить кто ноги, кто лапы. В другой раз чуть не наскочил на крутой уступ. Однажды грифон с вызывающим клекотом снялся с места перед самым носом лошадрона. Лошад-

рон, в свою очередь, предупреждающе заржал, ударил копытами — и грифон решил смыться подобру-поздорову.

Вскоре путники приблизились к владениям повелителя зомби, и Дор с удивлением понял, что это то самое место, где восемьсот лет спустя будет жить в своем замке добрый волшебник Хамфри. Но может, в этом и нет ничего странного: место, подходящее для замка одного волшебника, вполне может приглянуться и другому. Если в будущем Дору придется строить собственный замок и выбирать для этого место, кто знает, вкусам какого древнего волшебника он подчинится.

Повелитель зомби придумал для своего замка оригинальную защиту, не менее сильную, чем в будущем у доброго волшебника Хамфри. Двое зомби неожиданно выросли перед лошадроном. Бесстрашное существо отпрянуло, не желая прикасаться к их сгнившей плоти. Милли испуганно закричала. Даже на мордочке почтальонка отразилось омерзение.

— Дальше нас с лошадроном не заманишь,— сказал почтальонок, обращаясь к Дору.— А тебе, корешок, здесь будет хорошо и спокойно. Разве что эти трухлявые пеньки... Как ты будешь разговаривать с их хозяином, не знаю и знать не хочу. Короче, слезай. Мы поехали домой.

Дор пожал плечами. Зомби его не пугали, ведь он был знаком с ними, Джонатана знал с детства. Эти существа не вызывали симпатии, но и не пугали.

— Поезжайте,— согласился он,— и сообщите королю, что мы вступили в переговоры с повелителем зомби и вскоре известим о первых результатах.

— Как вступишь, так и выступишь,— ехидно пробормотал почтальонок, но Дор притворился, что не расслышал.

Он, Милли и Прыгун слезли с лошадрона. Дор почувствовал боль в ногах. Путешествие на спине столь диковинного существа не могло не сказаться. У Милли даже затопать как следует не получилось. Только Прыгун, который во все время пути не сидел как следует, чувствовал себя хорошо.

Лошадрон заржал, развернулся на копытах, на лапах, на хвосте и пустился в обратный путь. Грязь и ветки, вылетевшие из-под его задних лап, осыпали путешественников. На прощание. Лошадрон не мог не радоваться свободе.

Дор кое-как размял ноги и, прихрамывая, подошел к зомби.

— Мы пришли с поручением от короля Ругна,— сказал он.— Ведите нас к хозяину замка.

— Пи-ить нму сно,— с трудом выговорил зомби, распространяя зловонное дыхание.

Что сказал зомби?

«Смогу ли я воспользоваться своим талантом?» — задумался Дор.

Хоть зомби и мертвы, но состоят из того же материала, что и живые. С живым деревом он говорить не мог, а с сухой веткой — пожалуйста. Неужели заклинание, оживившее этих чудовищ, подарило им такой заряд ложной жизни, что теперь общение с ними как с мертвыми невозможно? Может, понимание, пусть и неполное, все-таки наладится? Может, надо просто подождать?

— Мне кажется, зомби сказал: «Проходить никому не разрешено»,— протрещал паук, а паутина перевела.

Дор с удивлением глянул на паука. Неужели Прыгун стал понимать лучше, чем он сам?

— Не пугайся,— протрещал паук.— Ваши людские слова мне непонятны, но я уже привык. Зомби говорит непонятно, а привычку, как говорится, никуда не денешь.

— Разумно рассуждаешь,— усмехнулся Дор.— Вот и хорошо. Будешь мне помогать разговаривать с зомби.

Он снова обратился к стражникам, хранящим могильное молчание, безразличным, как сама вечность. Ничто земное их уже не волновало.

— Доложите вашему хозяину, что к нему пришли. Он обязан нас принять.

— Пи-и-ить сно,— повторил зомби.— Нму сно.

— Тогда мы сами пройдем,— шагнул вперед Дор.

Зомби предупреждающе поднял ужасную руку. Куски гнилой плоти свисали с нее, и кости белели в разрывах. Милли вскрикнула. Семнадцатилетняя Милли боялась зомби, но чего не сделают с человеком восемь веков призрачной жизни!

Дор хотел выхватить меч, но Прыгун опередил его. Он подскочил к зомби и связал его паутиной, а следом и другого. Лучше и придумать нельзя. Ведь зомби уже мертвы и, значит, не

боятся никакого меча. Только зомби, изрубленный, так сказать, в капусту, перестает сражаться. Именно поэтому неживая армия, если бы повелитель зомби согласился ее послать, явилась бы самым большим подарком для короля Ругна. Связав стражников паутиной, Прыгун обезвредил их и одновременно не нанес ущерба повелителю зомби.

Замок повелителя зомби стоял на холме в окружении леса. За восемьсот лет и холм и лес куда-то исчезнут. Путешественники направились к замку, но дорогу им преградил зомби-змей. Он зашипел и загрохотал, хитро изображая живого змея, но цель всех этих пассов была ясна — не дать пройти к замку. Прыгун и на него не пожалел паутины. Без этого верзилы они давно пропали бы!

Затем зомби-путана встала на их пути. Тут даже Прыгун понурился. Дерево было в четыре раза выше среднего человека и размахивало сотней или даже больше истлевших щупалец. Они разорвали бы паутину в клочки. Поэтому путешественники сделали так: Дор пригрозил путане поблескивающим острием меча, а остальные быстро прошмыгнули мимо. Даже мертвой путане не все равно, что случится с ней или с ее щупальцами.

Так, перебежками, они и пробрались к замку. Повелитель зомби жил, конечно же, не в обыкновенном замке. Это был, можно сказать, зомби-замок, то есть стоячая руина. Камни во многих местах отвалились от стен, обнажив трухлявое дерево внутренних опор; вместо занавесок в окнах полоскались грязные тряпицы. Некогда замок был окружен рвом, наполненным водой, но теперь ров превратился в набитую мусором канаву. Густая грязь издавала нестерпимую вонь. В грязи лежало... да, в грязи лежало, тоскуя без дела, зомби-чудище. Путешественники прошли по расшатанному мосту. Чудище вяло проводило их мутными, глубоко запавшими гляделками. Дор энергично постучал в покосившуюся ветхую дверь. Щепки полетели в разные стороны, но ответа не было. Тогда Дор расправился с дверью несколькими сильными ударами меча, и они вошли в замок. Не без тревоги, конечно.

— Эй! — позвал Дор. Его голос эхом повторился в похожих на склепы залах.— Повелитель зомби! Мы пришли с поручением от короля!

Из глубины замка появился зомби-великан. Милли завопила и выскочила из двери. Она так отчаянно взмахнула волосами, что они на секунду встали дыбом. Милли хотела взбрыкнуть ногами, забыв, что ноги как-никак требуются, чтобы стоять. Прыгун придержал ее лапой, иначе Милли упала бы в ров, где уже облизывалось чудище.

— Неоуить,— прогудел великан поврежденной грудью.

Дор вспомнил Хрупа и отошел. На всякий случай. Пусть это и зомби, но все равно великан.

— Нам бы повидать повелителя зомби,— сказала Милли, набравшись храбрости. По-своему, по-девчоночьи, она была просто героиней.

— Пооте,— позволил великан и зашаркал прочь.

Путешественники вошли в какую-то комнату, холодную и мрачную, как погреб. За столом сидел зомби, выставив перед собой скелетообразные руки.

— По какому праву вы вторглись сюда? — спросил он сурово.

— Нам нужно увидеть повелителя зомби! — крикнул Дор.— Прочь с дороги, мешок костей, не то получишь хорошенькую трепку!

Зомби смерил его тяжелым взглядом. Этот экземпляр на удивление хорошо сохранился. Он был страшно изможден, но цел и невредим.

— Мне не о чем с тобой говорить,— сказал зомби.— Ты еще не умер.

— Конечно, мы еще...

Дор не знал, что сказать. Это «еще» сильно его смутило.

— Перед нами живой человек,— протрещал Прыгун.— Не сам ли...

— Сам повелитель зомби! — в ужасе воскликнула Милли.

«Ну и дурак же я! — обозвал себя Дор.— Раньше короля не узнал, за садовника принял, теперь повелителя зомби. Когда ты уже повзрослеешь? Когда научишься сначала думать, а уж потом дерзить?»

Дор засуетился, начал извиняться.

— Зачем я понадобился живым людям? — сурово спросил повелитель зомби.

— Король Ругн нуждается в твоей помощи,— выпалил Дор.— А мне нужно снадобье для оживления одного зомби.

— Я не вмешиваюсь в политику,— ответил повелитель зомби.— И превращением зомби в живых людей не занимаюсь. Это противоречит моим убеждениям.

Повелитель зомби дал понять, что разговор окончен, и вернулся к делу, которым, очевидно, занимался до неожиданного визита: перед ним на столе лежала мертвая туша муральва. Под воздействием угрюмого таланта повелителя зомби существо должно было вот-вот превратиться в зомби-муральва.

— Но как же можно...— обиженно начал Дор, но зомби-великан угрожающе выступил вперед, и Дор словно онемел. Телом великан и силач, он все равно был просто жалким младенцем даже перед самым захудалым из настоящих великанов. Один взмах громадного кулака...

— Я думаю, наш визит не удался,— протрещал паук.

Взглянув на зомби-великана, Дор вспомнил, как огр Хруп одним ударом сокрушил железное дерево. Зомби-великан куда слабее, все-таки мертвый, но алюминиевое дерево ему наверняка по силам. А уж человеческое тело и подавно. Дор сначала так и решил, а еще немного подумав, все равно не передумал: зомби-великана ему не одолеть.

Если повелитель зомби отказывается помочь, заставить его невозможно. Ведь и король, и Мэрфи предупреждали, что этот волшебник отличается нравом суровым и непреклонным.

Героям надлежит искать выход. Но Дор всего лишь мальчишка, а рядом с ним просто паук, пусть и огромный, ну и девушка, то и дело вскрикивающая от испуга; девушка, которая вскоре станет призраком. Нет среди них героев. Горечь поражения — значение этих слов вдруг стало понятно Дору. Печально становиться взрослым и разочаровываться.

Дор еще верил, что его спутники заупрямятся, не захотят сдаваться. Гранди обязательно стал бы спорить. Но Милли — всего лишь беспомощная девушка, а Прыгун — всего лишь паук.

Они вышли из замка. Зомби не тронули их. Спустились с холма. Лошадрона, конечно, и след простыл. Лошадрон и почтальонок наверняка могли бы подождать, но они же не знали, что все закончится так скоро. Отсутствие предусмотрительно-

сти еще раз сыграло с Дором злую шутку. Ну что ж, пойдем пешком. Торопиться некуда.

Они наткнулись на зомби-стражников, которых Прыгун раньше связал паутиной.

— Ничего особенного,— объяснил им Дор.— Мы с вашим хозяином уже все выяснили.

Двинулись в обратный путь. Милли, успокоившись, то есть перестав кричать и брыкаться, оказалась заправским ходоком. Волосы ее теперь не становились дыбом, а просто красиво развевались. Дор постепенно привыкал к тому, что Милли семнадцать лет. В нем просыпалось какое-то чувство... Он бы, пожалуй, не прочь... Нет, прочь! Прочь мысли, пробуждаемые обыкновенским телом,— мысли грубые, как сами обыкновены.

Шли они, шли и наткнулись на бивак. Странно, потому что биваки, да еще с кострами, встречаются на ксанфской земле очень редко. Пища в Ксанфе такая, что ее редко когда надо варить; а если что-то требуется разогреть, слегка брызгают огненной водой — и готово.

Но перед путешественниками развернулся бивак с нешуточными кострами. Ветки сложены вкруговую. Язычки пламени весело выбиваются из центра. Здесь совсем недавно кто-то был. Можно сказать, этот кто-то покинул бивак за минуту до их прихода.

— Ни с места, чужаки,— велел вдруг чей-то голос.— Двинетесь — убью.

Милли закричала. Дор потянулся за мечом, но передумал — стрела поспеет раньше. К чему пополнять список ошибок еще и преждевременной гибелью. А паук подпрыгнул и исчез в листве нависающего дерева.

Незнакомец вышел из укрытия. Это был свирепого вида детина, по всем приметам настоящий обыкновен. И насчет «убью» он явно не шутил — тетива натянута, стрела нацелена прямо в живот Дора. Если обыкновен выстрелит, то вряд ли промахнется. Обыкновены — прирожденные воины. Может быть, умением воевать они восполняют абсолютное невежество в области магии. А может, умные, мягкосердечные, миролюбивые обыкновены просто не стали бы нападать на чужие земли.

— Чего вам надо у моего костра? — потребовал ответа грубиян.— И куда смылся этот ползук с волосатыми лапами?

— Меня зовут Дор. Я посланец короля,— объяснил Дор. Он на минуту забыл все прежние огорчения и так расхрабрился, что сам себя не узнал.— Со мной мои спутники. А ты кто такой, дерзкий незнакомец?

— Так ты ксашка! — насмешливо протянул служивый.— А выглядишь тютелька в тютельку как человек. Стало быть, надул меня. Но только попробуй начать свои колдовские фокусы! Враз убью!

Перед ними и в самом деле был обыкновен. Дор впервые в жизни видел живого обыкновена.

— А у тебя есть какой-нибудь талант? — спросил Дор.

— Брось свои шутки, ксашка ползучий! — рявкнул обыкновен. Присмотревшись к Дору, он хлопнул себя по коленкам: — Ты смотри, ксашка даже оделся точно как обыкновен! А ты часом не дезертир?

— Хочешь, покажу, что я умею? — зловеще спросил Дор.

Обыкновен подумал и согласился.

— Но чтобы без обмана,— прибавил он. Потом повернулся и крикнул кому-то: — Эй, Джо, выйди, глянь, какие здесь чудеса!

Показался еще один детина, невероятно грязный и вонючий.

— Ну чего шумишь...— сердито начал он, но при виде Милли осекся и нагло присвистнул: — Ай да краля!

«Дарование Милли не слабеет»,— подумал Дор.

Милли вскрикнула, правда как-то неуверенно, и сделала шаг назад. Дор размашисто шагнул вперед.

— Мне такие пончики по вкусу,— грубо облизнулся обыкновен, потянулся и схватил Милли за руку.

Милли снова завопила, на этот раз гораздо звонче.

Дор, вернее, его тело кинулось на помощь. Левая рука дернула за лук первого обыкновена, правая стремительным движением выхватила меч. Этого хватило — теперь обыкновенам пришлось защищаться.

— Прочь от нее! — крикнул Дор.

— А я и не подозревала, что ты так обо мне заботишься,— с удивлением и благодарностью произнесла Милли.

— Я и сам не подозревал,— пробормотал Дор и понял, что сказал неправду. Он дал себе зарок не лгать, но временами ложь вырывалась будто сама собой, и ее трудно было отличить от правды. Может, научиться лгать красиво и элегантно и значит стать еще на сантиметр взрослее? Он всегда заботился о Милли, но не знал, как это выразить. И только нависшая над девушкой угроза позволила обнаружиться его чувствам.

— Не сильно радуйся, парень,— прохрипел Джо.— Тут повсюду наши. Им нужна добыча.

— Дубинка, хозяин говорит правду? — спросил Дор у штуковины, болтающейся у обыкновена на поясе.

— Правду,— ответила дубинка.— Это передовой отряд обыкновенской Четвертой волны нашествия. Они прошли по побережью мимо Провала и, сократив путь, вступили во внутреннис области Ксанфа. Вести с ними переговоры бесполезно. Деньги и женщины, еда и питье — вот что им нужно. Беги, пока не поздно.

Первый обыкновен встал как вкопанный.

— Колдовство! — крикнул он.— Стой, колдун!

Дор сделал шаг назад. Милли за ним. Это была тактическая ошибка, поскольку обыкновены, оказавшись вне пределов досягаемости меча, извлекли собственное оружие:

— Враг убегает! Не давай им уйти!

Что-то спустилось с дерева. Прыгун! Он обрушился на обыкновенов и связал их паутиной, прежде чем они опомнились. Но крики привлекли других обыкновенов. Послышался топот многих ног.

— Лучше взобраться повыше,— протрещал Прыгун.— Там обыкновены нас не достанут.

— А стрелы! — возразил Дор.

— Чтобы выстрелить, надо сначала увидеть цель,— сказал паук, прикрепил нити к их одежде, и они стали взбираться вверх.

Обыкновены успели прибежать. Эти захватчики были гораздо хуже гоблинов! Благодаря сильному телу Дор взбирался на

дерево легко и свободно, а вот у Милли не получалось. Еще немного — и обыкновены поймают ее.

— Я их отвлеку! — крикнул Прыгун и опустился на своей подтяжке.

Милли наконец поравнялась с Дором, и они полезли дальше уже вместе. Едва они скрылись в листве, как обыкновены окружили дерево. Прыгун протрещал что-то и перелетел на соседнее дерево.

— Взять жука! — крикнул какой-то обыкновен.

Он устремился на Прыгуна, но промахнулся — тот мгновенно взлетел на своей подтяжке. Прыгун мог скрыться на высоте или вообще перемахнуть через обыкновенов и убежать, но друзья все еще не достигли безопасного места, а значит, нуждались в его помощи. Благородный паук спустился еще ниже и застрекотал так дерзко и оскорбительно, что и без перевода все было понятно.

Какой-то обыкновен замахнулся и промазал. С противником, взмывающим вверх на нити, обыкновены столкнулись впервые. Но теперь их столпилось под деревом слишком много. Прыгун попал в ловушку. Один из обыкновенов догадался ударить мечом по невидимой нити. Прыгун упал на землю. Обыкновены ринулись на него всей кучей, как гоблины, уцепились за лапы: один обыкновен — одна лапа. Теперь Прыгун не мог убежать.

Обыкновены и гоблины — какая между ними разница? Обыкновен выше ростом, но в остальном...

Дор хотел спуститься и кинуться на помощь другу, но паук посмотрел на него снизу одним из своих глаз.

— Не губи моих усилий! — протрещал Прыгун, зная, что никто, кроме Дора, не поймет его речи.— Возвращайся в замок повелителя зомби. Только там ты сможешь надежно укрыть девушку.

А Дору это не пришло в голову. Повелитель зомби, конечно, им не друг, но ведь и врагом его назвать нельзя. В его замке они переждут, пока обыкновены пройдут мимо.

Дор укрылся в густой листве и потянул за собой Милли. Он успел увидеть, как обыкновены тащат паука на землю, бьют кулаками в мягкое брюхо. Обыкновены хотели не убить, а ра-

нить, заставить несчастного перед смертью испытать как можно больше страданий. Ведь Прыгун не дал им поймать девушку и вообще был пауком. Дору стало больно, словно били его самого. Что ждет его бедного друга?

Прыгун оставил на верхушке дерева сеть шелковых нитей. С их помощью Дор и Милли могли двигаться в правильном направлении, могли в случае необходимости перебраться на соседнее дерево. Прыгун пробыл наверху совсем недолго, но на удивление много успел сделать, удивительно много успел предусмотреть. Дор всегда знал и верил, что Прыгун не бросит его в трудную минуту. И вот трудная минута пришла и принесла с собой неслыханную горечь. Совсем не мужские слезы наворачивались ему на глаза. Сначала он боялся, что Милли заметит, но потом махнул рукой... Пусть видит... Прыгун... Прыгун в руках врага... ему больно... из-за него... его легкомыслия...

Снизу раздался пронзительный, ужасный звук. Это был вопль. Предсмертный, леденящий душу вопль.

— Они отрывают ему ноги! — в ужасе прошептала Милли.— Именно так обыкновены поступают с пауками. И не только с ними. Бабочкам отрывают крылья...

Дор увидел, что ее милое личико залито слезами. Девушка и не думала стыдиться слез.

Холодная решимость охватила его.

— Бежим! — потянул он Милли.

— И тебе все равно, что Прыгун...— начала она.

— Поторапливайся!

Милли с немым укором покорилась приказу. Дору было несладко, даже хреново, ведь он знал, что она сейчас о нем думает: спасает собственную шкуру, бросил друга... Но объяснять некогда... У Прыгуна все-таки восемь ног... Обыкновены не справятся быстро, но ему, чтобы осуществить задуманное, нельзя терять ни минуты.

Воспользовавшись нитями, протянутыми Прыгуном, они перебирались с вершины на вершину и вскоре спустились на землю вдали от опасного дерева, около холма, на котором стоял замок повелителя зомби. Зомби-стражник преградил им путь, но Дор оттолкнул его с такой силой, что тот упал, превратившись в кучу мяса и костей. Они побежали дальше.

Не задержавшись в изрубленных мечом дверях, они вбежали в замок. Зомби-великан вырос перед ними. Дор взмахнул перед великаном мечом, нырнул ему под руку, промчался по мрачному залу и ворвался в комнату повелителя зомби, где зомби-муралев уже делал свои первые шаги.

— Волшебник! — крикнул Дор.— Ты должен спасти моего друга паука! Обыкновены отрывают ему лапы!

Повелитель зомби покачал головой и взмахнул тощей рукой.

— Меня не интересуют...— начал он.

— Если ты сейчас же не поможешь, я тебя убью! — крикнул Дор, пригрозив мечом. В отчаянии, охватившем его, он был готов на все, хотя и понимал, что повелитель зомби очень легко может превратить его в зомби.

— Ты, смертный, не боишься угрожать волшебнику? — чуть смягчившись, спросил повелитель зомби.

— Я и сам волшебник! — крикнул Дор.— Но будь я и простым смертным, все равно ничего не пожалел бы для спасения друга. Ведь он пожертвовал собой ради меня и Милли!

Милли придержала его за руку.

— Пожалуйста, успокойся,— сказала она.— Не следует угрожать господину волшебнику. Я сама попробую объяснить. Я не волшебница, но и у меня есть способности.

Милли подошла к повелителю зомби. На лице ее появилась напряженная улыбка.

— Господин волшебник, я обыкновенная робкая девушка,— начала она,— никакая не волшебница, но и мне хочется помочь тому, кто берег нас в пути... Если бы ты знал, какой Прыгун... Пожалуйста, если в твоем сердце есть хоть капля сострадания...

Повелитель зомби впервые внимательно посмотрел на Милли. Дор вспомнил, какие у нее «способности», как под их влиянием тают мужские сердца. Он и сам начинал потихоньку подпиняться ее обаянию. А повелитель зомби, в конце концов, мужчина.

— Ты... погостишь у меня? — спросил повелитель зомби у девушки с какой-то робостью.

Это «погостишь» почему-то не понравилось Дору.

— Спаси моего друга,— сказала Милли, протянув руки к повелителю зомби.— А моя судьба мне безразлична.

— Не говори так, девушка,— вздрогнув, промолвил повелитель зомби. Потом он повернулся и крикнул: — Яколев, собери войско! Ступай с этим человеком и выполняй все его приказы. Спаси паука.

Промчавшись по сумрачным залам, Дор выбежал из замка. Ему предстояло нечто по-настоящему ужасное. Зомби-великан Яколев шагал следом.

— Ята, выыти! — крикнул Яколев.

Зомби показались из пристроек. В спешке они роняли комья грязи, кости, зубы. Зомби столпились около Яколева — зомби-люди, зомби-волки, зомби-летучие мыши и другие. Слишком много их было, чтобы сразу разобраться. Ужасная процессия стала спускаться с холма. Дор шел впереди.

Тревога за друга гнала его вперед, да и кошмарное войско позади не позволяло мешкать. Но на бегу его грызла еще одна мысль: он спешит на помощь Прыгуну, а Милли оставил. И кто знает, каково ей сейчас. Может, не лучше, чем Прыгуну. Прыгун пожертвовал собой ради него и Милли. Милли пожертвовала собой ради Прыгуна. Для него было еще тайной, что способен совершить мужчина под влиянием таланта Милли, но кое о чем он уже догадывался. Объятия, поцелуи... Какой ужас! Неужели можно поцеловать повелителя зомби?! И он побежал еще быстрее.

А вот и обыкновены! Держат Прыгуна за лапы! Четыре лапы оторвали. Паук был еще жив, но, очевидно, ужасно страдал.

— Смерть! — в бешенстве крикнул Дор и выхватил меч. Словно руководствуясь собственной волей, острие вонзилось в шею обыкновена, который держал в руке оторванную лапу Прыгуна. Дору почему-то припомнилось, как на ужине у гоблинов они хрустели лапками полушек. Но сейчас обыкновен держал оторванную лапу его друга! Сталь с удивительной легкостью вошла в тело. Голова покатилась с плеч. Дор на секунду замер, но глянул на оторванную лапу и замахнулся на следующего обыкновена.

Зомби решительно бросились в бой. При виде ужасных полумертвецов обыкновенов охватила паника. Дор слышал, что обыкновены суеверны. Теперь это оказалось на руку. Обыкновены кинулись врассыпную. Через минуту поляна опустела. На ней остались победители, три мертвых тела и Прыгун.

Но на отдых времени не было.

— Несите паука в замок,— велел Дор Яколеву.— Осторожно!

Остальным зомби он приказал собрать оторванные лапы и нести следом. Его согревала надежда, что их можно будет превратить в зомби-лапы и приделать назад.

Яколев поднял изувеченное тело паука. Зомби собрали лапы и пошли назад, волоча за собой убитых. Зомби были на удивление сильны. А может, их ведет не физическая сила, а просто сила воли. Зомби несли в замок свои мрачные трофеи.

Милли встретила их в дверях. Ничего в ней не изменилось. Одежда на месте, волосы в порядке.

— Тебя... не обидели? — спросил Дор с некоторым усилием.

— Ну что ты. Повелитель зомби — настоящий джентльмен,— так и сияя, ответила Милли.— Мы беседовали. Повелитель зомби ужасно образованный, но живет страшно одиноко. Мы у него — первые гости.

«Неудивительно»,— вздохнул про себя Дор и занялся Прыгуном.

— Прыгун жив, но сильно пострадал,— объяснил он.— Обыкновены оторвали ему четыре ноги.

— Злодеи! — с чувством воскликнула Милли.— Но как же помочь ему?

Прыгун уже достаточно пришел в себя, чтобы говорить.

— Только время излечит меня,— слабо протрещал он.— Нужно время, чтобы лапы отросли вновь. Месяц или около того.

— Но я должен вернуться к королю! — воскликнул Дор.— И вообще вернуться...

— Возвращайся без меня. А я постараюсь отблагодарить повелителя зомби за его гостеприимство.

— Но повелитель зомби должен будет пойти вместе со мной к королю! — напомнил Прыгуну Дор. И сразу вспомнил, что

повелитель зомби не хочет вмешиваться в политику. И здесь неудача!

Повелитель зомби давно находился в комнате. Взволнованный Дор просто не заметил его присутствия.

— Что заставило этих людей терзать паука? — спросил повелитель зомби.

— Я не родной этому миру,— протрещал паук.— По-правдашнему я паук как паук, но когда меня заколдовали и перенесли сюда, я из почтенного паука превратился в пугало. Только мои друзья, знающие...

Прыгун замолчал. Он потерял сознание.

— Ты пугало, приятель, но пугало чувствующее и отважное,— задумчиво проговорил повелитель зомби.— Я позабочусь о нем. Яколев, отнеси раненого в комнату для гостей.

Великан опять поднял паука и вышел из комнаты.

— Если бы нашелся способ излечить его побыстрее,— сказал Дор — Какое-нибудь врачующее заклинание, что-нибудь вроде целебной воды... Именно это спасет Прыгуна! Я ведь знаю, где находится Целебный источник. День пути отсюда — и я там.

Повелитель зомби заинтересовался.

— И мне этот источник пригодился бы! — воскликнул он.— Я помогу тебе добраться, если ты поделишься со мной драгоценной жидкостью.

— Там ее целое море,— уверил Дор.— Но я должен тебя предупредить. Ты не должен действовать против интересов источника, иначе лишишься его милости.

— Честные условия,— согласился повелитель зомби.

Они прошли во внутренний дворик. Во дворике сидела громадная зомби-птица.

Птица рок! Громаднейшая из птиц! Талант повелителя зомби подарил и ей новую жизнь. Воистину весь мертвый мир от края и до края находился под властью этого человека.

— Отнесешь господина, куда он пожелает,— велел птице повелитель зомби.— И доставишь назад с грузом.

— Мне нужен кувшин, какой-нибудь сосуд,— напомнил Дор.

Повелитель зомби принес два кувшина — один для себя, другой для Дора. Дор взобрался на грязную спину птицы, привязал кувшины чудом сохранившимся обрывком паутины-подтяжки и ухватился, чтобы не упасть, за сгнившие обломки огромных деревьев.

Птица захлопала гигантскими крыльями, такими огромными, что они коснулись стен замка, окружающих внутренний дворик. Во все стороны полетели перья, куски мяса, кости бывшей птицы угрожающе хрустнули. Но и мертвая, птица рок сохранила свойственную этой породе удивительную силу. Легенды рассказывают, что живая птица рок может поднять с земли слона. (Сфинкса живого видели? Ну так вот, слон — это фантастическое существо величиной с маленького сфинкса.) Дор весил гораздо меньше слона, так что был вполне по силам зомби-птице рок.

Птица шумно поднялась в воздух, едва не налетев на крышу. В крыльях было столько дырок, что Дор опасался, как бы они не отвалились. О приятном полете он и не мечтал. Но талант повелителя зомби неизменно творил чудеса — хотя зомби и казались существами, так сказать, на грани распада, не было случая, чтобы кто-нибудь из их братии действительно распался.

Птица сделала круг над замком.

— На восток! — приказал Дор. Он надеялся, что знает местность вполне прилично, чтобы с воздуха отыскать Целебный источник. Надо закрыть глаза и представить себе гобелен... Неужели он и в самом деле летит над *той* землей?.. Но полотно гобелена теперь ожило, и ориентироваться стало гораздо труднее.

Дор только раз в жизни был у источника. Однажды Бинк отправился в путь за мертвой водой для каких-то своих взрослых целей и захватил с собой сына. Когда-то в юности Бинк путешествовал в этих местах, и теперь воспоминания нахлынули на него: вот тут он встретил Хамелеошу (она тогда была совсем обыкновенной девушкой Нусой); а вон там лежал раненый солдат Кромби... Бинк пошел к источнику, принес мертвой воды и вылечил Кромби... Дор и Бинк тогда навестили дриаду — нимфу, живущую на дереве. Дриада напоминала хорошенькую девушку и годами была ничуть не старше нынеш-

ней Милли. Она потрепала Дора по волосам и пожелала ему всего хорошего. Замечательное вышло путешествие!

Но теперь, высоко в воздухе, Дор не мог разузнать у камней и прочих наземных неодушевленных, где находится источник, и облаков, чтобы расспросить, поблизости тоже не наблюдалось. А полагаться на свою память Дор как-то не решался.

Потом он заметил полосу особенно сочной и яркой растительности. Очевидно, ее питали именно воды источника.

— Вниз,— скомандовал он.— К верховью ручья.

Зомби-птица вошла в пике, вышла из пике, совершила заход на посадку и слегка задела громадным крылом за дерево. Крыло хрустнуло, и тело птицы вышло из-под контроля. Оно грохнулось на землю, и Дор вместе с ним.

Слегка помятый, но целый, он поднялся на ноги. Птица лежала со сломанными крыльями. Теперь ей ни за что не взлететь. А Прыгун нуждается в помощи! Если пойти пешком, это займет в лучшем случае день, а с двумя полными кувшинами еще дольше. В том случае, конечно, если по пути его не схватит древопутана или какое-нибудь другое чудовище.

Дор отправился на разведку. Неподалеку, как раз на склоне холма, росло какое-то дерево. Очень красивое. И дерево это показалось ему смутно знакомым.

— Дриада! — вдруг вспомнил он и с криком помчался к дереву.— Дриада, вспомни меня! Я До-о-ор!

Дерево не издало ни звука. И тут Дор вспомнил, что находится в прошлом, что *это* дерево на восемьсот лет младше. Дриада, возможно, его не помнит; может, и нет там еще никакой дриады; а может, это совсем другое дерево. Нимфа в любом случае не узнала бы его в этом чужом теле. Опять он по-мальчишески сглупил. И уж в который раз!

Огорченный, он начал спускаться по склону. Конечно, это совсем не то дерево! То росло на некотором расстоянии от Целебного источника, а это находится прямо около воды. И потом, если сейчас это дерево уже далеко не кустик, то через восемьсот лет от него останется один трухлявый ствол. Ведь и у растений свой век.

Помощи ждать не от кого. Надо выбираться самому.

Нет, кое-что все-таки может помочь.

— Укажи лучший путь отсюда,— потребовал Дор у ближайшего камня.

— Лучший путь — улететь на птице рок,— ответил камень.

— Но у птицы сломаны крылья!

— Побрызгай на нее водой, дурень!

Дор хлопнул себя по макушке. И в самом деле!

— Точно дурень! — воскликнул он.

— И я того же мнения,— самодовольно произнес камень.

Дор помчался к птице, отвязал кувшины и побежал к источнику.

— Не возражаешь, если я позаимствую немного воды из тебя? — на всякий случай спросил Дор.

— Возражаю,— ответил источник.— Всяк, кому не лень, приходит и ворует из меня воду, которую я в поте лица готовлю, и никто не платит за услугу. Имею я, в конце концов, право на вознаграждение?

— Какое еще вознаграждение! — воскликнул Дор.— Тебе мало того, что ты имеешь? Это же высочайшая плата!

— О чем ты шепчешь? Какая плата? — удивился источник.

Опять что-то не так. Ну да, опять забыл о каких-то там восьми веках. Этот источник еще не умеет брать плату. Не подсказать ли ему?

— Слушай, источник,— сказал Дор,— я хочу вознаградить тебя за воду. Ты дашь мне два полных кувшина воды, а я расскажу тебе, как брать плату с будущих посетителей.

— Согласен! — прожурчал источник.

Дор наполнил кувшины. Там, где вода омочила тело, синяки и ушибы исчезли мгновенно. Значит, источник настоящий!

— Так вот, тебе надо обзавестись неким дополнительным колдовством. С его помощью каждый, кто воспользуется твоей водой, не сможет выступать против твоих интересов. И чем шире будет круг твоих посетителей, тем сильнее станет твоя власть.

— А если меня просто попытаются запугать? — спросил источник.

— Никаких запугиваний. Они тебя пугать, а ты им: «Заберу у воды магию». Вот все их раны и вернутся на прежнее место.

— Понимаю... Да! Думаю, у меня получится! — взволнованно прожурчал источник.— Если бы пришлось создавать новое колдовство, это заняло бы много времени, может быть, несколько столетий. Но то, что ты мне предложил, похоже просто на усовершенствование колдовства, которым я уже владею, это некий завершающий штрих. Да, я надеюсь на успех. О, спасибо тебе, незнакомец, спасибо.

— Не стоит благодарности. Я ведь обещал расплатиться,— ответил Дор.— И вот еще что. Я, так сказать, проездом в этих местах. Все, что я здесь совершу, вполне возможно, разлетится в пух и прах сразу же после моего отъезда. Поэтому советую тебе не откладывая заняться новым колдовством, чтобы не потерять его, когда я уеду.

— Сколько дней у меня в запасе?

— Дней десять,— подсчитал Дор.

— Я запомню,— пообещал источник.— Схороню на такой глубине, что ни один рыбак не обнаружит.

— Прекрасно,— сказал Дор.— Ну, чао, какао!

— Я не какао, а Целебный источник,— проворчал источник, но добродушно.

— Какао тоже прекрасный напиток. Чрезвычайно укрепляющий.

— Чао,— согласился источник.

Беседа завершилась.

Дор вернулся к птице и побрызгал из кувшина ей на крылья. Крылья сразу исцелились, стали даже лучше прежних. И все же не ожили, остались мертвыми крыльями. У всякого волшебства есть границы. Мертвая вода заживляет раны, но она не превращает мертвое в живое.

А именно за водой, превращающей мертвое в живое, и явился Дор в мир гобелена. Только повелитель зомби знает, как приготовить это снадобье. Надо торопиться, а то придется возвращать из мертвых не только Джонатана, но и Прыгуна.

Дор привязал кувшины и уселся поудобнее.

— В замок! — приказал он.

Птица повернулась в ту сторону, откуда так неудачно приземлилась, совершила короткий разбег, захлопала крыльями и стремительно поднялась в воздух. Сейчас она взлетела куда

энергичнее, чем в первый раз. Мертвая вода придала крыльям новую силу. К счастью, вода слегка смочила руки Дора, и от этого преобразились обломки перьев, за которые он держался. Из гнилых острых пеньков они превратились в пушистые цветные опахала, вполне пригодные и для дамских шляп, и для того, чтобы держаться.

Птица поднялась в небо и чрезвычайно быстро полетела к замку. Земля проносилась внизу. Полет к замку занял вполовину меньше времени, чем к Целебному источнику. Неудивительно, что повелитель зомби так жаждет обрести мертвую воду — теперь его зомби станут передвигаться вдвое быстрее.

Тем временем внизу происходило что-то нехорошее. Дор увидел — обыкновены приближаются к замку! Их много. Наверняка собрался весь передовой отряд. Обыкновены, конечно, не робкого десятка люди. Атака зомби повергла их в ужас, но теперь они пришли в себя и решили отомстить за своих убитых. К тому же они наверняка подумали, что, раз замок так охраняют, там должны скрываться несметные богатства. Так что еще и алчность двигала ими. Помощь Прыгуну обернулась бедой для повелителя зомби. Бинк, подумал Дор, справился бы куда успешнее. Ну когда же, когда же он повзрослеет, избавится от легкомыслия, обретет опыт!

Птица рок сжалась в комок, ястребом устремилась вниз и шлепнулась во внутренний дворик. Посадка получилась не из мягких, ведь лапы птицы, в отличие от перьев, были не в порядке. Грохот прокатился по замку.

Повелитель зомби и Милли выскочили во дворик.

— Ты вернулся с победой! — крикнула Милли и захлопала в ладоши.

— С победой,— подтвердил Дор. Он протянул один кувшин повелителю зомби и велел показать, где лежит паук.

Милли привела его в комнату для гостей. Паук лежал там, истекая кровью. Нарисованное цветное лицо, казалось, исказила гримаса боли. Всегда открытые глаза паука подернулись тоской. Он был в сознании, но так слаб, что едва потрескивал.

— Рад видеть тебя снова, друг. Боюсь, раны слишком глубоки. Лапы, может, еще и отрастут, а вот кишки... Не могу...

— Сможешь, дружище! — крикнул Дор.— Прими-ка вот это!

И он щедрой рукой полил из кувшина тело паука.

Как по волшебству — а что в этом странного? — паук пришел в себя. Мертвая вода омочила брюхо, и зелено-бело-черная физиономия опять засверкала; пролилась на обрубки лап — и мгновенно выросли новые лапы: волосатые, длинные, сильные; впиталась внутрь — и кишки стали как новые. Через минуту на теле Прыгуна не осталось ни следа ранений.

— Ну и диво! — протрещал он.— Прежние лапы и не понадобятся! Я чувствую себя так, словно только что из яйца вылупился. Что это за снадобье?

— Целебная вода,— объяснил Дор.— Я знал, где найти источник, Прыгун.— Голос его сорвался от волнения.— Если бы ты умер... тебе умереть... я не мог позволить.— Он неуклюже обнял паука и расплакался. И к черту эту взрослую сдержанность!

— Нет, все-таки недаром я страдал,— протрещал Прыгун. Его челюсть оказалась совсем рядом с ухом Дора.— Смотри, чтобы я тебе антенну не откусил.

— Откусывай! У меня целебной воды много! Сколько угодно ушей можно отрастить!

— А кроме того,— добавила Милли,— люди совсем невкусные. Даже хуже гоблинов.

— Ты человек,— произнес повелитель зомби, он тоже был в комнате,— а к этой ходячей диковине относишься так, словно он тебе брат родной, вон даже плачешь.

— И что же тут плохого? — спросила Милли.

— Ничего плохого,— невесело усмехнулся повелитель зомби.— Ровным счетом ничего. Просто надо мной никто никогда не плакал.

Внутри у Дора сейчас все пело от радости, но он понял, что хотел сказать повелитель зомби. Мрачный дар угрюмца отпугивал людей. Повелитель зомби — отверженный. Прыгун тоже отверженный. И повелитель зомби невольно сравнил судьбу паука со своей судьбой. Поэтому он и согласился заботиться о раненом. Если бы хоть одна душа в этом мире печалилась о нем так же, как Милли и Дор печалились о пауке...

— Ты согласен помочь королю Ругну? — спросил Дор.

— Я не вмешиваюсь в дела политики,— ответил повелитель зомби. Холодность его вернулась.

Повелитель зомби помогал только тем, кому мог сострадать. А король Ругн не был отверженным и не нуждался в сострадании.

— Ты мог бы встретиться с королем, поговорить с ним,— сказал Дор.— А за помощь король обязуется оказывать тебе надлежащие почести...

— Почести по обязанности? Для меня это равно бесчестию!

Дор не стал спорить. Ему и самому не пришлись бы по вкусу санкционированные почести. Они какие-то бездушные. Дор понял, что опять подступил не так и сгубил возможность переговоров. Посол из него хоть куда!

И тут он вспомнил об обыкновенах.

— Ты знаешь, что обыкновены из Четвертой волны нашествия идут в наступление на замок?

— Знаю,— кивнул повелитель зомби.— Мои зомби-глазки-подсказки донесли, что обыкновенов несколько сотен. Вполне достаточно, чтобы одолеть замок. Я послал птицу рок. Она соберет тела, и ими я укреплю свою армию. А тел потребуется много. Птица будет летать без отдыха.

— Обыкновены в гневе на нас,— объяснил Дор,— за то, что мы убили троих солдат. Если мы покинем замок...

— А разве зомби не помогали вам убивать? — напомнил повелитель зомби.— Если вы уйдете, то и сами погибнете. Обыкновены окружили замок. Они думают, что здесь хранятся какие-то невероятные сокровища. Безумие завладело ими настолько, что они вряд ли пойдут на переговоры.

— Но мы могли бы их отвлечь,— предложил Дор.— Если бы птица рок подняла нас... Я совсем забыл, что птица занята.

— Выходит, мы должны остаться,— протрещал Прыгун.— Хотя бы на время. Может, и от нас будет какая польза при защите замка.

— Раз мы навлекли все эти неприятности, то лучше остаться,— согласился Дор. Потом бухнул, как говорится, ни с того ни с сего: — Повелитель зомби, а о снадобье для воскрешения зомби ты подумал? Снадобье к политике не относится...

Повелитель зомби холодно посмотрел на Дора. Суровый волшебник хотел что-то сказать, но Милли опередила его, положив свою ладошку на его изможденную ладонь.

— Ну пожалуйста,— вздохнула она. Этот вздох сделал ее просто неотразимой. Но Милли и не подозревала, что именно ради ее счастья Дор старается приобрести драгоценное снадобье.

Суровость повелителя зомби как рукой сняло.

— Раз *она* просит за тебя, человека, как я и сам убедился, хорошего и честного, я согласен помочь. Ты получишь нужное снадобье.

Кто же истинный виновник столь разительной перемены? Угадать нетрудно — Милли вздохнула, и мрак рассеялся.

Но впереди еще много всего. Снадобье для Джонатана, можно сказать, у Дора в руках, а вот с помощью для короля пока неясно. Но придется согласиться с тем, что есть.

— Благодарю тебя, волшебник,— сказал он смиренно.

Глава 7

ОСАДА ЗАМКА

Замок оказался в осаде, суровой осаде. Свое дело обыкновены знали неплохо, как-никак армия. Пылая чувством мести, стремясь к добыче, имея сведения, что в замке укрывается невероятной красоты девушка, они рвались вперед без зазрения совести. Штурм должен был начаться с минуты на минуту.

Сначала обыкновены, недолго думая, направились по расшатанному мосту к главным воротам замка, уже разрушенным. Но тут им наперерез вышел зомби-великан — великан, чья сила была восстановлена мертвой водой. Обыкновены так и посыпались в ров, а там сторожевое чудище, тожс из зомби, мгновенно схрумкало их. Не съело, потому что зомби вообще ничего не едят, а именно схрумкало, с шумом, очень страшно. После этого обыкновены умерили свой пыл.

— Надо вычистить ров,— решил Дор.— Иначе они повторят штурм и, вполне возможно, пройдут по мосту, потому что сторожевое чудище из-за грязи не сможет к ним подобраться.

Придется приступить к работе прямо сейчас, пока обыкновены приходят в себя после встречи с великаном Яколевом.

— У тебя задатки великолепного тактика,— похвалил повелитель зомби.— Вот и бери дело в свои руки. Я же продолжу работать над рецептом снадобья для восстановления твоего зомби, что очень непросто.

И Дор повел отряд зомби.

— Я принадлежу к смертным, поэтому не могу рисковать собой,— сказал он, когда увидел сторожевое чудище. Хоть чудище и учили не нападать на других зомби, оно не всегда могло одолеть искушение.— Зомби, вам стрелы не страшны,— заявил Дор.— Я стану на крепостном валу и буду командовать оттуда. Спускайтесь в ров и начинайте вытаскивать мусор на берег.

Дор чувствовал себя трусом, но знал, что действует правильно. Обыкновены стреляли без промаха, а он здесь не для того, чтобы красоваться.

Зомби слезли в ров и принялись бродить внизу, явно не зная, как приступить к делу. Ведь их мозги находились в довольно плачевном состоянии. Мертвая вода сотворила чудо с телесной оболочкой, но не смогла вернуть настоящую жизнь и разум, согласно которому эти существа разделялись когда-то на людей и животных. Дор обнаружил, что первоначальное отвращение к зомби сменилось в его сознании горестным сочувствием. Ведь они влачат такое жалкое существование!

— Ты, с дырявой головой, собирай водоросли и складывай на берегу,— стал распоряжаться Дор. Зомби неуклюже приступил к делу.— Ты, с ногами в шрамах, вытаскивай вон то бревно и тащи к воротам. Бревно может понадобиться для починки.— Зомби не надо было объяснять такие подробности, но Дор не мог устоять. В растолковывании он будто находил для себя некое самооправдание.

Если все, что он до сих пор делал в этом искусственном мирке, было столь непрочно, то нынешние обстоятельства — просто вершина неясности. Это он навлек осаду на замок повелителя зомби. А если повелитель погибнет! Воскреснет ли он, когда Дор покинет сцену? А может, осада неизбежна? Может, у Четвертой волны именно такой путь? Об этом что-то говорилось в истории, но Дор не мог припомнить подробностей, хотя

он их, кажется, и не знал. Кентавры не во все посвящали своих учеников, а Дор не принадлежал к особенно любознательным. Вот вернется домой и наверстает. Если вернется...

Обыкновены укрылись в лесу. Несколько стрел, прилетевших оттуда, угодили в зомби, но, конечно, им не повредили. Обыкновены это заметили и прекратили стрелять. Наверняка решали, что делать. Наконец решили — из леса выступил отряд, вооруженный мечами. Обыкновены собирались изрубить зомби на куски, уже непригодные для соединения. Дор захватил с собой лук. Он нашел это оружие в арсенале замка. Лук был древний, изношенный, но еще вполне пригодный. Дор не умел стрелять, но его тело, очевидно, знало, как управляться с луком. Само тело было умелым воином. Стрела полетела и сразила какого-то обыкновена. Дор метил, правда, не в того.

— Чудно выстрелил! — восхитилась Милли, которая стояла рядом.

Дору стыдно было признаться, что, в сущности, он промахнулся. Просто надо было позволить телу поступать так, как оно знает,— и получилось бы отлично. Но он решил выбрать цель самостоятельно — и вот результат. В будущем лучше пользоваться мечом.

Пусть Дор выстрелил неумело, обыкновенам и того хватило. Ведь они еще не собирались идти на штурм по-настоящему. К тому же они не знали, что на крепостном валу стоит один-единственный стрелок. Обыкновены скрылись, а работы по очистке рва продолжились. Дор был рад — вот и он занимается чем-то полезным. Если ров хорошо очистят и углубят, штурмовать замок будет в сто раз труднее. Ну, может, в девяносто девять.

Прыгун тем временем тоже трудился: ползая по стропилам и стенам, на ходу хватая разных жучков-мошек, он разыскивал в строении ветхие места. Обнаруживая такое, Прыгун приступал к делу — распадающиеся части связывал шелковыми нитями, щели законопачивал камешками и щепочками и замазывал клейким шелком. Закончив починку, Прыгун перешел к другому делу — стал натягивать сигнальные нити поперек бойниц, на случай если враг попытается проникнуть внутрь замка. Замок повелителя зомби, выстроенный как-то безала-

берно, всего с одной остроконечной башней, не отличался большими размерами. Поэтому за короткое время Прыгуну удалось сделать довольно много.

Милли осмотрела жилые и подсобные помещения. Заглянула и на кухню. Повелитель, холостяк, имел отличные запасы провизии, но питался тем, что можно приготовить на скорую руку: сырными ноликами, курьезной яичницей из яиц курьезов, гнездившихся под крышей замка, тефтелями с тюфяков, растущих во рву, и чепухой с чепуховых грядок, разбитых прямо во внутреннем дворе замка. Этот внутренний двор находился южнее участка, расположенного под навесом, поэтому лучи солнца достигали его и согревали землю. Внутренний дворик прямо кишел животными и растениями. Зомби их не беспокоили.

Милли решила приготовить нечто более существенное. В кладовой она нашла сухие фрукты и овощи, защищенные от порчи соответствующим заклинанием, и приготовила настоящее домашнее персиковое пюре и тушеное мясо с картофелем. Изумительно получилось!

А повелитель зомби после ряда опытов в лаборатории изготовил для Дора крошечный пузырек оживляющего эликсира. Он был получен из целебной воды. Повелитель зомби употребил на это весь свой талант.

— Не потеряй, пользуйся осторожно,— предупредил он Дора.— Содержимого хватит только на одного.

— Благодарю,— смущенно сказал Дор.— Именно за оживляющим эликсиром я и пришел в эту... в эту страну. Трудно выразить, как дорог для меня этот флакончик. Вообще трудно объяснить...

— А может, попытаешься? — предложил повелитель зомби.— Ну хоть намекни. Ведь нас ждет жестокая осада, которую мы можем не выдержать. Перед лицом гибели позволяю себе некоторое любопытство...— Повелитель зомби старательно подбирал слова.

— Я сожалею, что так вышло,— сказал Дор.— Ты предпочитаешь замкнутую жизнь, и если бы я знал, что получатся все эти хлопоты...

— Нет, я ведь не сказал, что возражаю против общества, что не хочу забот,— остановил его повелитель зомби.— И то и другое мне даже нравится. Вы довольно симпатичные гости: ничего не требуете, не раздваиваетесь. А витающая в воздухе угроза жизни заставляет еще больше задуматься о ее ценности, а это для меня ново.

— Да, пожалуй,— с удивлением пробормотал Дор. У повелителя зомби, оказывается, душа нараспашку.— Я тебе расскажу. Ты заслуживаешь на самом деле. Я живу на расстоянии восьми веков от твоего времени, в будущем. В моем времени остался некий зомби. Я хочу его воскресить, чтобы оказать услугу... одному приятелю.— Даже сейчас Дор не решился признаться, что Милли интересует его. Содержимое флакона сделает ее счастливой, а его несчастным, но ничего не попишешь.— Ты единственный знаешь, как приготовить оживляющий эликсир. И вот с помощью волшебства я нашел тебя.

— Рассказ очень любопытный, хотя я не вполне ему верю. Какому приятелю ты хочешь оказать услугу?

— Одной... госпоже,— медленно проговорил Дор.

Мысль, что Милли узнает об ожидающем ее многовековом будущем, испугала его. Он решил не называть ее имени. Прежде он часто нарушал даваемое самому себе слово, но теперь все будет по-другому. Какой ужас охватит ее, такую невинную, такую пугливую. Ведь малейшая опасность — и она начинает визжать, мотать головой, брыкаться. Пусть уж лучше не знает.

— А зомби? — осторожно спросил повелитель зомби.— Он кто?.. Я не хочу вмешиваться в то, что меня не касается, но к зомби я проявляю большой интерес. Ведь каждый зомби, существующий в твоем времени, создан силой моего волшебства. Их благоденствие меня заботит.

Дор хотел обойти этот вопрос, но потом решил, что нечестно отказывать повелителю зомби в подобных сведениях.

— Она... эта госпожа зовет его Джонатаном. Больше я ничего не знаю.

Повелитель зомби нахмурился.

— Вот наказание за праздное любопытство! — вздохнул он.

— Так ты с ним знаком? — спросил Дор.

— Я... может, и знаком. Прямо урок филантропии! Никогда не подозревал, что удостоюсь чести помогать этой особе.

— Может, он один из твоих зомби? И находится здесь, в замке?..— Задавая все эти вопросы, Дор уже испытывал ревность.

— Сейчас его нет в замке. Но не сомневаюсь, что ты с ним вскоре повстречаешься.

— Как-то не хочется встречаться,— пробормотал Дор и тут же понял, что это неправда. Встреча состоится. Чему быть, того не миновать.— Не знаю, надо ли ему говорить, разумно ли будет... ну, что ему придется ждать восемьсот лет, пока его воскресят. Он ведь потребует, чтобы эликсир применили прямо здесь, и не захочет вернуться, потому что госпожа...

Допустим, Джонатан не возвращается! Дор обрадовался, но сразу же отогнал прочь искусительную мысль. Если Джонатан не вернется, то борьба за сердце Милли утихнет сама собой. Это понятно. Но произойдет и еще кое-что: пропадет смысл путешествия Дора сюда. Глупо воскрешать какого-то зомби, которого уже воскресили восемьсот лет назад. Но если он не сделает этого, возникнет парадокс — возможно, гибельный для всей магии.

— Восемьсот лет — срок немалый,— согласился повелитель зомби.— Не волнуйся. Я никому не выдам твою тайну.— Резко кивнув, повелитель переменил тему: — Теперь надо проверить, как налажена оборона замка. Жуки-разведчики сообщают, что обыкновены готовятся к новой атаке.

Защитники замка не сидели сложа руки. У каждого был свой участок обороны. Прыгун должен был защищать восточную стену и крышу. Там он наладил сеть ловушек и капканов для незваных гостей. Повелителю зомби досталась южная стена, ограждающая внутренний двор. Дору — западная. Милли велели оставаться в замке — наблюдать, чтобы не просочилась враждебная магия, разные вредные заклинания и все такое прочее. А на самом деле просто не хотели, чтобы она стояла на крепостном валу во время наступления обыкновенов. Ведь ее красота влекла их как магнит. К тому же в руках Милли будут запасы целебной воды. В случае необходимости она принесет ее для раненых.

Восстановленные целебной водой глаза зомби-насекомых видели прекрасно — атака началась точно в предсказанный ими час. Обыкновены атаковали стену замка. Не ворота, где стоял грозный великан Яколев, а самое уязвимое место — стену, которую выпало защищать Дору.

Обыкновены побросали бревна, навели мост, по краям поставили солдат с огромными щитами для отпугивания чудовища и дружно перебежали на ту сторону. С собой они притащили лестницы, которые тут же приставили к стене. Как уже говорилось, замок повелителя зомби был выстроен довольно безалаберно: над первыми двумя этажами находился выступ — прекрасное место, чтобы укрепить лестницы. Выступ резко обрывался на углу, там, где начинался внутренний двор, но у северного края выступа находилась небольшая дверца. Наверное, эта площадка была задумана с благой целью — облегчить, допустим, очистку водосточных труб,— но сейчас она давала обыкновенам прекрасную возможность овладеть замком. Куда лучше, если бы обыкновены натолкнулись на гладкую стену, без всяких выступов и дверей!

Дор решительно встал перед дверью. Он надеялся, что готов к испытаниям. Вот только живот его беспокоил. Очень хотелось отлучиться в отхожее место. Но пост оставлять нельзя. Никому из защитников нельзя отлучаться до окончания штурма. Так они решили заранее. Ведь обыкновены способны на любые хитрости, только бы убрать защитников с их позиций и ослабить линию обороны.

Первые обыкновены добрались до выступа. Их встретили зомби-животные: двуглавый волк с гниющими челюстями, но прекрасно сохранившимися зубами, зловещей длины змея и сатир, вооруженный рожками и копытцами.

Эти первые обыкновены готовились, очевидно, к встрече с зомби-людьми и поэтому растерялись. Животные расправились с ними без труда. Дор схватил лом — почему это капризных девушек зовут ломаками? — поднатужился и отпихнул от стенки первую лестницу. Лестница со всем своим грузом рухнула в ров. Оттуда донеслись пронзительные вопли обыкновенов. Дор почувствовал угрызения совести: какой ужас — убивать людей! И сразу начал утешать себя: обыкновены упали с небольшой

высоты, ударились о воду небольно. Разве что доспехи... Они слишком тяжелые и мешают плыть.

Дор перешел к следующей лестнице, поддел... но ничего не получилось. Лестница приклеилась намертво. Зомби-змей из последних сил сдерживал напирающих обыкновенов.

— Чего прицепилась! — сердито крикнул лестнице Дор и снова попытался оттолкнуть ее.

— А я заколдованная,— ответила лестница.— Глупые обыкновены украли меня из арсенала замка и не знают, в чем мой секрет.

— В чем твой секрет? — спросил Дор.

— Стоп травить якорьцепь! — проревела вдруг лестница.— Команда такая,— объяснила она.— Я становлюсь на мертвый якорь и отчаливаю только по этой команде.

— Стоп травить...— начал было Дор.

— Нет, не так,— остановила его лестница.— Надо сказать более веско, более властно.

— Стоп травить якорьцепь! — заорал Дор более властно.

— Вот так! Молодчина! — крикнула лестница, резко отъехала — и очередная гроздь оккупантов посыпалась в ров.

Дор подошел к третьей лестнице. Заминка у второй спасла ему жизнь. Потому что пока он там учился морским командам, какой-то обыкновен успел взобраться на выступ, расхрабрился и изрубил сатира на куски. Теперь обыкновенов было уже трое, а за ними лезли новые. К счастью, на выступе было мало места. Пока первые передвигались, остальные вынуждены были торчать на лестнице.

Обыкновен, двигавшийся первым, грозно крикнул и замахнулся мечом, словно собирался разрубить полено. Но тело Дора опередило обыкновена. Лом ударил по мечу. Меч отлетел в сторону. Дор ринулся вперед и ударил обыкновена кулаком в живот. Тот скорчился. Дор схватил его за ногу и швырнул в ров. Шагнул дальше и столкнулся лицом к лицу со вторым обыкновеном.

Но этот действовал умнее. Он наступал на Дора осторожно, держа меч так, как обычно держат копье. Дор вынужден был пятиться. Но обыкновен не торопился убивать противника.

Пока он просто хотел расчистить место на выступе, чтобы и товарищи наконец сошли с лестницы.

У Дора были прямо противоположные цели: сбросить вниз оказавшихся на выступе обыкновенов и оттолкнуть лестницу. Сдаваться он не собирался. На этом ограниченном пространстве лом оказался замечательным оружием.

И тут глаза обыкновена удивленно расширились.

— Майк! — воскликнул он.— Ты жив! А мы уж думали, что ты пропал в этих чертовых зарослях!

К кому обратился обыкновен? По всей видимости, к Дору. А может, это простая хитрость?

— Опомнись, обыкновен,— предупредил Дор и так ударил по мечу, что легко мог снести противнику и руку, и плечо.

Обыкновен даже не пытался защищаться.

— Мне рассказывали,— продолжал он,— что есть какой-то человек, похожий на тебя, но я не верил. Уж я-то помню, кто у нас в отряде самый ловкий в ближнем бою. Черт возьми, твоя сила, твое умение балансировать...

— Балансировать? — переспросил Дор. Он вспомнил, как его тело переходило над рекой по протянутой Прыгуном нити.

— А как же! Да ты мог бы выступать канатоходцем в цирке! Но сейчас ты уж слишком испытываешь судьбу. *Здесь* что ты делаешь, Майк? Последний раз я видел тебя, когда банда гоблинов разъединила нас. Мы отступили к побережью. Ты мог присоединиться к нам. А вместо этого я нахожу тебя здесь. Потерял память? Что с тобой произошло?

Тут Дор нанес удар — и обыкновен, все еще с удивлением на лице, полетел вниз. Осталось расправиться с третьим. Дор толкнул его в живот и отправил вслед за приятелем, прежде чем обыкновен успел опомниться. Потом двинулся к лестнице, уперся ломом туда, где были крюки, и надавил, да с такой силой, что отломил кусок каменного парапета. Камни и лестница рухнули вниз. А вместе с ними попадали и люди. Дело сделано!

Дор в задумчивости стоял на краю выступа. В голове у победителя царила полная неясность. Опять пришлось убивать. На сей раз не по неведению, не мстя за раны друга, а потому

что *надо*. Такая работа — замок защищать. Вот так убийство постепенно становится его работой. Неужели такова его карьера? Неужели к этому он стремился? Может быть, во многом повинно тело, но ведь секрет лестницы он разгадал сам, пользуясь собственным талантом. Нет, в случившемся надо винить только себя.

А этот второй обыкновен... Он ведь узнал Дора, то есть тело Дора. И назвал Майком. Наверняка тело принадлежало этому самому Майку, а Майк служил в обыкновенской армии, потом потерялся в лесу, попал в лапы гоблинам и считается погибшим. Дор присвоил тело Майка и не дал ему вернуться к товарищам. Что же случилось с личностью настоящего Майка?

Тут Дор хлопнул себя по голове. Опять блоха укусила! Проклятое насекомое! Стоп, когда другие называют Прыгуна насекомым, Дор обижается. Может быть, и этой блохе не по нраву, когда ее называют... ох, не стоит об этом...

Да, так о чем он думал секунду назад, когда смотрел на обыкновенов, барахтающихся в воде? А, какая судьба постигла личность настоящего обыкновена по имени Майк. Трудно сказать. Дору пришло в голову, что Майк вернется, когда он, Дор, уйдет. Его мучило еще одно воспоминание: он сбросил обыкновена со стены, воспользовавшись его замешательством. Обыкновен остановился, потому что увидел друга,— и в ответ на радостное приветствие получил удар и, может быть, даже расстался с жизнью. А если бы Дор повстречал друга, ну хоть Прыгуна, пошел ему навстречу, а Прыгун взял бы и столкнул его вниз? Большей жестокости и не придумаешь!

В войне нет ничего хорошего. Если Дор когда-нибудь станет королем, он постарается найти иной способ решения конфликтов. И никто не убедит его, что в битвах добывают славу.

Он наблюдал, как садится солнце. Обыкновены выкарабкались из рва и убрались, забрав с собой убитых и раненых. Лестницы тоже прихватили, хотя те стали абсолютно непригодными.

Пришла Милли.

— Можешь спуститься, Дор,— робко сказала она.— Зомби-насекомые донесли, что обыкновены не собираются атаковать второй раз. Они будут заниматься ранеными. И ночью тоже не станут.

— А почему? — засомневался Дор.— Они могут атаковать внезапно.

— Обыкновены думают, что в замке водятся привидения, и боятся темноты.

Дор неожиданно расхохотался. Милли не сказала ничего смешного, просто внутреннее напряжение требовало выхода.

И действительно стало легче. Дор пошел по винтовой лестнице вслед за Милли. Она шла впереди, соблазнительно покачивая бедрами. С некоторых пор он стал замечать такие подробности все чаще. Они спустились в большой зал.

Посоветовались и распределили ночные дежурства, Дор узнал, что на самом деле обыкновены атаковали только его участок. Значит, он сражался один.

— Надо было помочь тебе,— прострекотал Прыгун,— но мы опасались, что обыкновены нас перехитрят.

— Вы правильно поступили,— сказал Дор.— На вашем месте я поступил бы так же.

— Надо соблюдать дисциплину, иначе проиграем,— проговорил повелитель зомби.— Нас, живых, здесь слишком мало.

— Но сегодня вечером ты будешь отдыхать,— сказала Милли Дору.— За тяжкий труд полагается плата.

Дор не возражал. Конечно, он устал, да и на душе было тревожно. Этот обыкновен, который узнал его, никак не шел из головы.

Прыгуну выпало идти в дозор первым. Потолок и стены, внутри и снаружи, были в его распоряжении. Повелитель зомби пошел спать. В полночь он сменит паука. Девушку от вахты освободили. Она сказала, что хочет неотлучно находиться рядом с Дором.

— Ты так храбро сражался, Дор,— сказала девушка, подвигая герою тарелку супа.

— Мне нехорошо,— ответил он и сразу понял, что девушка слегка обиделась. Наверно, подумала, что нехорошо от супа.— Нет, не от еды, Милли,— уточнил Дор.— От того, что пришлось убивать. Колоть оружием живых людей. Сталкивать в ров. Один обыкновен узнал меня. Я и его столкнул.

— Узнал тебя?

Ну как ей объяснить!

— Ему показалось, что я его приятель. Поэтому он замешкался. А я и воспользовался. Как стыдно!

— Они же шли на замок! — воскликнула Милли.— Разве ты мог просто стоять и смотреть? Тогда всех нас постигла бы ужасная участь...— Милли скривилась, как от боли. Ей представилось что-то очень страшное. Но гримаса не обезобразила ее прелестного личика.

— Но я же не убийца! — горячо возразил Дор.— Я всего-навсего двенадцатилет...— Он опомнился, не зная, как загладить ошибку.

— Двенадцать лет воевал! — именно *так* поняла Милли.— Так тебе и прежде доводилось убивать!

В этом утверждении была значительная доля преувеличения, но и сочувствие, которое очень понравилось Дору. Его утомленное тело невольно потянулось к Милли. Левая рука обвилась вокруг бедер и привлекла девушку поближе. О, до чего у нее мягкие ягодицы!

— Дор,— проговорила она удивленно и обрадованно.— Я тебе нравлюсь?

Дор заставил себя отнять руку. Зачем он прикоснулся к девушке? Да еще к столь деликатному месту.

— Трудно выразить, как нравишься,— ответил он.

— И ты мне нравишься,— промолвила девушка и присела к нему на колени.

Тело опять включилось, руки обняли девушку. Никогда прежде Дор не испытывал ничего подобного. Он чувствовал: тело знает, как поступать, стоит только дать ему волю. И девушка желает этого. Это будет нечто абсолютно новое для него. Ему только двенадцать лет, но тело старше. Тело может сделать это.

— Любимый,— прошептала Милли, клоня головку, приближая губы к его губам. Какие сладкие у нее губы...

Блоха яростно укусила его в левое ухо. Дор прихлопнул ее. Прямо по уху! Мгновенная резкая боль пронзила его.

Дор поднялся, Милли тоже вынуждена была встать.

— Я устал,— проговорил Дор.— Хочу немного отдохнуть.

Девушка молчала, глядя в пол. Дор понял, что страшно обидел ее. Милли совершила поступок, непростительный для лю-

бой девушки,— первая призналась в любви и получила отказ. Но он не мог поступить иначе. Ведь он из другого мира. Вскоре он уйдет, а она никак не сможет последовать за ним. Между ними проляжет пропасть в восемь веков, по ту сторону которой ему снова будет всего лишь двенадцать лет. Он не имеет права увлекать и увлекаться. Но, поддайся он воле своего мужественного тела, случилось бы нечто ослепительное!

Ночью обыкновены не атаковали и утром тоже, но осада продолжалась. Вокруг замка готовились к новому штурму, а внутри просто ждали развития событий. А что еще оставалось делать?

Драгоценное время уходило, и положение короля Ругна ухудшалось. Волшебник Мэрфи торжествовал.

Дор вошел в столовую. Милли и повелитель зомби были уже там. Они завтракали и о чем-то оживленно разговаривали, но, когда появился Дор, сразу замолчали. Милли покраснела и отвернулась. Повелитель зомби нахмурился. Привыкнув к мрачному облику хозяина замка, его можно было назвать даже красивым.

— Дор, мы вели вполне невинную беседу,— сказал повелитель зомби.— Но мне кажется, между тобой и Милли что-то произошло. Не хотите ли вы поговорить наедине?

— Нет! — дружно ответили Дор и Милли.

Повелитель зомби не знал, как поступить.

— Некоторое время я жил в одиночестве,— сказал он наконец.— И поэтому позабыл, думаю, некоторые правила поведения в обществе. Позволю себе дерзкий вопрос, Дор: как бы ты повел себя, если бы узнал, что я питаю интерес к барышне Милли?

Дор почувствовал укол ревности. Как быть? Ведь признаться он не может.

Милли смотрела на Дора широко распахнутыми глазами. В них была мольба, смысл которой он понял, пусть и не до конца.

— К твоему интересу я отнесся бы спокойно,— ответил Дор на вопрос повелителя.

Милли опустила глаза. Опять обиделась. Тот, кому она открыла сердце, дважды отверг ее.

— Мне больше нечего сказать,— пожал костлявыми плечами повелитель зомби.— Давайте продолжим завтрак.

Дор решил было попросить повелителя зомби помочь королю, но сразу же передумал: если поводом действий повелителя зомби станет просьба со стороны Дора, все может пойти не так, как надо. И тут его озарило: ни он, ни Прыгун ничего толком не устроят здесь. А вот Милли может. Она ведь из этого мира! Если бы она убедила повелителя зомби помочь королю...

Вошел какой-то зомби.

— Т-т-ак,— попытался он что-то сказать.— Ч-ча-ас-с.

— Спасибо, Брюс,— сказал повелитель зомби и повернулся к своим гостям: — Брюс принес известие, что через час обыкновены предпримут новую атаку. Мы должны отправиться на свои места.

На сей раз обыкновены атаковали стену, которую защищал Прыгун. И в помощь себе они смастерили мощную стенобитную отбивную. Отбивную, да не простую! Далеко ей было до сочности и приятности шипящих в масле тезок. Лжеотбивная была сделана из ствола вечнозеленой железной балки и поставлена на колеса. Дор услышал грохот. Все вокруг задрожало. Это отбивная проехала по мосту и врезалась в древние камни. Ни помочь, ни даже просто побежать посмотреть Дор не мог: если он оставит пост, обыкновены полезут, не исключено, что и лестницы притащат. Оставалось надеяться, что стена выдержит. В прошлый раз, когда атаковали Дора, никто и с места не сдвинулся. Особая разновидность мужества — держаться в стороне и не вмешиваться.

Стрела вонзилась прямо в выступ. Наверняка перелетела через крышу с той стороны, где идет бой, и вот упала, утратив смертоносную скорость.

— Ну как там дела? — спросил у нее Дор.

— Пытаемся пробить дыру в стене,— ответила стрела.— Но этот чертов паук, эта громадина, все время утаскивает из-под ног бревна при помощи своих липких веревок. Мы пытаемся его подстрелить, но он ужасно ловкий. Убегает прямо по гладкой стене. Один раз мне показалось, что я попала в него, но...— Стрела вздохнула.— Промахнулась.

— Соболезную,— с улыбкой сказал Дор.

— Нечего меня жалеть! — дерзко крикнула стрела.— Я не лыком шита!

— Может, тебе нужен более умелый портной... то есть стрелок? — Вот это правда. Не одна отличная стрела осталась ни с чем по вине плохого стрелка. Что за расточительность! Если бы вместо глупых стрелков миром правили стрелы...

Дор еще раз убедился, что жизнь — жестокая штука. Даже для неодушевленных предметов. Он больше не разговаривал со стрелой, поэтому и она молчала. Голос человека пробуждает голос вещей. Таков закон. Когда к ним обращаешься, вслух или молча, как к паутине, передающей стрекот Прыгуна, они тоже начинают говорить. А еще, припомнилось Дору, предметы учатся понимать речь, если постоянно находишься среди них, прикасаешься к ним. Как стены и двери его родного дома. Уютный коттедж, выстроенный в милом сырном стиле. Его дом! Как же он далеко сейчас!

Шум битвы постепенно затих. Дор понял, что Прыгун одержал победу: обыкновены отступили. Дору хотелось проверить, но он устоял. Еще не время покидать пост. Любопытство любопытством, а дисциплина дисциплиной. Даже теперь, когда сражение закончилось.

Но что это? Над выступом показался край лестницы. Коварные обыкновены! Дор зевал, а они шли через ров, цепляли лестницу, взбирались. Наверняка подумали, что он заснул, покинул пост, не обращает внимания. И не так уж и ошиблись.

Первый обыкновен показался над выступом. Дор взялся за лом, подцепил лестницу и оттолкнул от стены. На этот раз он пропустил мимо ушей всплески воды и крики тонущих. Благодаря своей стойкости он выполнил долг — пресек коварную вылазку врага и спас замок. А вот если бы он поддался искушению и побежал посмотреть, как там у Прыгуна... Нет, все-таки и ему дано совершать героические поступки.

Наконец зомби-киноглазки донесли, что обыкновены отходят на прежние позиции. Дор покинул выступ. Был полдень. Перекусили и стали складывать головоломку «джиг-со», которую обнаружила Милли, когда убирала гостиную.

Это оказалась волшебная головоломка — множество крохотных «джиг» и десятки десятков маленьких «со» были суще-

ствами волшебными, наслаждающимися своей игрой. Через какое-то время они должны были сложиться в прекрасную картину, но пока представляли собой лишь хаос крохотных фрагментиков, место которым еще предстояло найти. Укладывая кусочки, требовалось всякий раз произносить соответствующее, иногда очень мудреное заклинание, иначе «джиги» и «со» не желали мириться и укладываться рядом... А сложенные участки головоломки начинали жить своей жизнью. Изображение на них все время менялось. Головоломка напоминала волшебный гобелен из родимых времен Дора. На том маленькие фигурки тоже двигались как живые. Впрочем...

— Ведь это он и есть! — воскликнул Дор.— Мы сейчас создаем гобелен! Тот самый!

Все посмотрели на Дора. Все, кроме Прыгуна, который не мог посмотреть на Дора из-за особого устройства глаз.

— О каком гобелене ты говоришь? — строго спросила Милли. Она все еще обижалась.

— Ну... это... я не могу толком объяснить,— неуверенно проговорил Дор.

— Дружище, я, кажется, знаю, о каком гобелене ты ведешь речь,— выручил его Прыгун.— Король говорил о нем. Королю нужна подходящая картина для замка Ругна. Чтобы все прибывающие в замок видели ее и сразу понимали, чего король хочет достичь. Милли отыскала как раз то, что нам нужно. Но это собственность повелителя зомби. Если бы он оказал любезность и подарил картину нам...

— Я дарю ее вам,— согласился повелитель.— Дарю, потому что питаю уважение к вашему миру. Возьмете картину с собой, когда отправитесь в замок Ругна.

— Поступок в высшей степени благородный,— прострекотал Прыгун, прикладывая к картине очередной фрагментик. Из-за своего особенного зрения Прыгун ловчее других справлялся с головоломкой. Паук видел сразу несколько участков, в уме сверял полученные сведения и снайперски метко выбирал очередной «джиг» — или «со». Вот и сейчас он не промахнулся. Взяв кусочек в лапки, паук что-то тихо прошептал, какое-то заклинание. И «джиг» — или «со»,— очевидно, понял, пото-

му что улегся на нужное место и совпал без сучка и задоринки.— Но если мы не поможем королю, замок никогда не будет достроен,— напомнил Прыгун.

Повелитель зомби промолчал, но Милли... На ее лице отразилась тревога. Девушка внимательно посмотрела на Дора. Он кивнул. Милли поняла!

Но потом как будто опечалилась. Дор знал, в чем дело: ведь Милли любит его, Дора, и не хочет очаровывать повелителя зомби. Ей не дано понять, почему Дор отверг ее любовь, почему сам перестал защищать замок Ругна. Надувшись, она изо всех сил принялась за головоломку. Время тянулось медленно. Головоломка поглощала внимание и давала прекрасную возможность развлечься в эти тяжкие часы. Надо было убить время. И четверо сидящих в гостиной приняли вызов, словно вызов вражеской армии.

— Мне всегда нравились головоломки,— заметил повелитель зомби. И он действительно был лучшим среди человеческих участников игры. Его костлявые пальцы быстро и уверенно выбирали фрагменты. В поисках нужного и единственного повелитель сравнивал, отбрасывал, снова сравнивал. Худой, кожа да кости, но, несмотря на это, здоровый и бодрый; чем больше времени проводил он в обществе Милли, тем более оживлялся.— Мне нравятся головоломки,— повторил повелитель зомби,— потому что в их разгадывании есть азарт, но нет угрозы. Помню, в детстве, до того как открылся мой талант, я любил разбивать молотком камни, а потом снова складывать их. Конечно, восстановленным таким образом камням не хватало прочности...

— Похоже, то был знак твоего будущего призвания,— прострекотал Прыгун.— Теперь ты складываешь живые существа, которым, как тем камням, не хватает силы сцепления — жизненной силы.

Повелитель рассмеялся. Окружающие впервые услышали его смех. Он отбросил назад лохматые каштановые волосы, от чего еще больше выступили скулы и надбровные дуги.

— Ты верно подметил! — воскликнул он.— Да, я считаю, что создание зомби не так уж резко отличается от восстанов-

ления камней. Но беда в том, что занимающийся подобными делами невольно становится отшельником. Остальные начинают сторониться его. Ведь они не понимают...

— Сочувствую тебе,— протрещал паук.— И я, и ты — вполне нормальные существа, но мир считает иначе. Но у меня хотя бы есть куда вернуться, а ты обречен жить здесь.

— Если бы я мог попасть в твой мир,— вздохнул повелитель с плохо скрытой тоской.— Попасть в другой мир, начать все сначала, оставив груз прошлого, избавившись от предубеждений. Даже среди пауков я чувствовал бы себя уютней, чем здесь.

Слушая повелителя, Милли ничего не говорила, но лицо ее постепенно теряло суровость. Они разгадывали головоломку. И Дор вдруг понял, что человеческие отношения напоминают такую вот головоломку, но еще более сложную, ведь в общении между людьми огромную роль играет язык и все его условности. Вот бы знать, где лежит фрагментик, соответствующий его жизни.

— Когда я был молод,— нарушил минутное молчание повелитель зомби,— то мечтал о совсем простых радостях: жениться, устроиться как-то в жизни, обеспечивать семью. И представить себе не мог, что стану таким. В прошлые времена я славился неплохим аппетитом, был гораздо полнее и едва ли чем-то отличался от всех прочих мальчишек. Но как-то я нашел летающую лягушку. Она была мертва. Мне стало жаль ее. И я попытался вернуть лягушку к жизни...

— Это был твой первый зомби! — воскликнула Милли.

— Да. Лягушка ожила и улетела. Я с изумлением смотрел ей вслед и гордился, что победил смерть. И только потом выяснилось, что зомби — отнюдь не то же самое, что живые существа. Смерть не хочет сдаваться. Разве что в редких случаях.— Повелитель многозначительно посмотрел на Дора. Очевидно, он подумал об оживляющем эликсире, приготовленном им недавно. Но для его создания понадобилась не только волшебная сила самого повелителя зомби. Ведь в состав эликсира вошла целебная вода, ее волшебная сила. Так что оживляющий эликсир — на самом деле дитя сотрудничества двух мощных сил.— Дело своей жизни я нашел. Это бесспорно,— продолжил

повелитель.— Сам того не желая, стал знаменитостью, обрел могущество, недоступное многим моим современникам. Ну а следом пришло невиданное одиночество. Да, то, что я делаю, нужно другим; создавать зомби для охраны домов, для войн и трудов — на это всегда есть спрос. Но сам я никому не нужен. Более того, ко мне питают отвращение. Используют, но при этом не испытывают никакого почтения. Положения горше не бывает.

Лицо Милли выражало все большее сочувствие.

— Бедняжка! — вздохнула она.

— Вы — первые существа, не поморщившиеся при встрече со мной. Правда, у вас есть цель...

— Мы заблуждались! — воскликнула Милли.— Эти двое вообще из другой земли, далекой, а я всего-навсего невинная девушка...

— Невинная девушка, при виде которой мужчины загораются страстью,— произнес повелитель, глядя на Милли с немым восторгом.

— Но из вас троих никто не загорелся,— ответила Милли.— Любой мужчина счел бы за счастье обнять меня, а Дор сбросил на пол.— Милли сердито взглянула на Дора.

— Твой спутник ведет себя сдержанно не без причины,— сказал повелитель.— Он пришел из другого мира и вскоре уйдет назад. И не сможет взять тебя с собой.— Дор слушал повелителя с изумлением и благодарностью. Как здорово он понял ситуацию!..— Юноша не имеет права ничего обещать тебе и слишком благороден, чтобы согласиться на минутное любовное приключение.

— Я пойду с ним! — простодушно воскликнула девушка.

— Это невозможно, барышня,— вмешался паук.— Тут решают волшебные силы.

Милли выставила подбородочек. Милая капризница!

— Если хочешь, оставайся в моем замке, Милли,— предложил повелитель.— Будешь здесь хозяйкой... Правда, вокруг такая пустыня. Учти это заранее.

— Вовсе не пустыня,— возразила Милли.— Кругом полно зомби. И они не так плохи, когда познакомишься с ними по-

лучше. Каждый из них отличается чем-то особенным. Жизнь в них не слишком бурлит, но тут уж ничего не поделаешь.

— Иногда лучше дружить с зомби, чем с живыми людьми,— согласился повелитель зомби.— Зомби страдают от смутных чувств и неясных воспоминаний, источник которых находится в их прошлом существовании. Они не знают в точности своего пути и тревожатся. Но такое же неведение свойственно большинству людей. Зомби требуется только тщательно организованная работа и уютное кладбище, где они могут отдыхать в перерыве между трудами. И еще им нужно... благорасположение.

Дор чувствовал, как разговор все больше сближает Милли и повелителя зомби, но твердо решил не вмешиваться. Если волшебник Мэрфи прав, его вмешательство только испортит дело. Но Дора беспокоило, что они пытаются воспользоваться умением повелителя зомби, которому ни в коем случае нельзя отказать в порядочности.

— Я не против жизни среди зомби,— сказала Милли.— В саду мне повстречалась одна девушка, тоже зомби. Думаю, при жизни она была красива. Может, не хуже меня.

— Может быть,— с улыбкой согласился повелитель зомби.— Эту девушку погубило простудное заклинание, предназначавшееся для другого. Но когда я оживил девушку, семья отказалась от нее. Поэтому она осталась здесь. Я жалею, что не могу уничтожить раз совершенное заклинание. Бедняжка обречена на вечную полужизнь.

— Я так завопила, когда в первый раз увидела зомби. Но теперь...

— Я понимаю, что душа твоя занята иным,— искоса глянув на Дора, сказал повелитель зомби,— но согласись, что юноша не для тебя, и не отвергай мою просьбу. Останься.

— Я должна помочь королю,— напомнила Милли.— Мы обещали...

Повелитель кивнул, смиряясь с неизбежностью:

— Ради тебя я готов вмешаться в политику. Только ради тебя. Если нужны мои зомби...

— Нет! — выкрикнул Дор и сам себе удивился.— Так нельзя!

— Ты признаешься, что эта госпожа тебе небезразлична? — спросил повелитель зомби с бледной улыбкой.

— Ну как тебе объяснить! Девушка не для меня. Я знаю. Но в замке мы сидим только потому, что вокруг обыкновены, осада. И как только осада будет снята, вернемся к королю Ругну. Играя на твоих чувствах, Милли хочет получить помощь для короля. Но это нечестно! Высокая цель не достигается низкими средствами! — Дор вспомнил эти слова короля Трента и понял наконец их значение. Понял только сейчас... Высокое — низкое... А может, все-таки слова звучали по-иному; может, король говорил об узком и широком?

— Повелитель, ты проявил великодушие ко мне и Прыгуну, потому что понял, в каком положении мы оказались. Но при чем здесь Милли? Ведь она...

И тут Милли впервые разгневалась не на шутку.

— Я не играю на его чувствах! — крикнула она.— Повелитель зомби — хороший человек! Просто я дала обещание королю и не могу увильнуть. Не могу бросить королевство на произвол судьбы!

Дору сразу стало стыдно. Он не предполагал, что у нее такие чистые помыслы.

— Прости, Милли,— пробормотал он.— Я подумал...

— Слишком много думаешь! — отрезала девушка.

— Но твои мысли делают тебе честь,— сказал, обращаясь к Дору, повелитель зомби.— А тебе — твое чистосердечие,— добавил он, обращаясь к Милли.— Я понимал, к чему все идет. Мне не впервой заключать сделки. Главное, чтобы обе стороны вели себя честно, ничего не скрывали. В этих обстоятельствах я готов к компромиссу. Если необходимо спасти королевство, чтобы сделать госпожу счастливой, я готов спасти королевство. Согласен на такую путаницу. Замечательно, что пылкая девушка хранит слово, данное королю, так твердо. Если бы она дала слово тебе, Дор, не сомневаюсь, хранила бы его столь же верно. Или мне.

— Никому никаких слов! — выкрикнула Милли.— Никому! Все должно быть по-другому!..— Но, несмотря на горячие протесты, девушка явно была польщена.

— А не кажется ли вам, что в наших разговорах мы забыли о действительности? — вмешался паук.— Вспомните, что обыкновены осадили замок, мы не можем выйти. Нам остается одно — защищаться с помощью преданных зомби. О помощи королю приходится только мечтать.

— И дело не только в осаде,— добавил повелитель.— У меня очень мало воинов. Зомби бессмертны, но, когда они получают ранения, их уже нельзя использовать. Я могу послать отряд в помощь королю, но очень маленький. Не хватит, чтобы спасти замок Ругна.

— Но ты мог бы создать новых зомби,— подсказал Дор.— Если бы имел запас мертвых тел.

— Да, тогда мог бы,— согласился повелитель.— Но мне нужны неповрежденные тела. Больше всего подходят только что умершие.

— Если бы мы одержали верх над обыкновенами, то ты мог бы из их тел создать мощную армию,— прострекотал паук.

— А если бы у нас была мощная армия, мы могли бы одержать верх над обыкновенами,— добавил Дор.— Какой-то замкнутый круг.

— Людские интересы меня не волнуют,— протрещал паук,— но мне кажется, я знаю выход из этого трудного положения. Это, конечно, рискованно...

— Рискованно находиться в осаде,— сказал повелитель зомби.— Растолкуй нам, что ты придумал, а уж мы потом сообща обсудим.— С этими словами он уложил на нужное место очередной фрагмент головоломки, предварительно сотворив над ним склеивающее заклинание.

— Я предлагаю,— сказал паук,— некое соглашение, ряд соглашений, которые помогут нам в наших усилиях. Повелителю зомби и Милли придется какое-то время вдвоем защищать замок, потому что мы с Дором совершим ночную вылазку. Я протяну нить к ближайшему дереву, и Дор спустится по ней. Нас никто не заметит. Обыкновены видят ночью гораздо хуже меня. Затем Дор применит свой талант и отыщет в округе каких-нибудь чудовищ, настоящих чудовищ. Ну там, драконов и прочих. И заручится их поддержкой.

— Драконы не станут помогать людям! — возразил Дор.

— А им и не надо будет помогать людям,— прострекотал паук.— Им надо будет с людьми сражаться.

— А... сражаться с обыкновенами! — понял наконец Дор.

— Но мы тоже люди! — напомнила Милли.

Прыгун избоченился и смерил Милли взглядом, как сказали бы о нем, будь он человеком.

— Я буду рядом с Дором,— продолжил паук.— Меня примут за чудовище, а его — за волшебника. А в замке кто? В замке еще один волшебник, женщина и множество зомби-животных. Никаких, стало быть, людей, никаких обычных мужчин. Договор будет такой: любое чудовище, участвовавшее в бою против обыкновенов и погибшее, будет восстановлено в качестве зомби. Но главное даже не это. Главное, что они смогут убивать людей безнаказанно. Король не накажет их за это, потому что чудовища станут нашими помощниками.

— Ты здорово придумал! — воскликнул Дор.— Пошли!

— Надо дождаться тьмы,— прострекотал паук.

— И поесть,— добавила Милли и отправилась на кухню.

Прыгун уложил очередной фрагментик головоломки и полез наверх, отдохнуть перед дорогой. Дор и повелитель зомби продолжали игру. Игра шла неплохо. Почти целиком выложили центральную часть, где был изображен замок Ругна, и стали выкладывать кусочки, ведущие к замку повелителя зомби. Дора все больше интересовало, что получится. Не увидят ли они на картинке самих себя? Себя посреди обыкновенской осады! Насколько полно отражает реальность это волшебное изображение?

— Ты и в самом деле хочешь помочь королю? — спросил Дор.— Ну, когда уничтожим осаду.

— Да,— подтвердил повелитель.— Ради Милли. И ради тебя.

— Но ты не все знаешь,— печально произнес Дор.— Я должен сказать, что...

— ...что ты рискуешь жизнью, защищая мой замок? Говори. Я не обижусь.

— Милли... О ней я хочу сказать... Милли обречена умереть молодой. Так написано в истории.

Рука повелителя зомби замерла с прозрачным фрагментиком головоломки в костлявых пальцах. Цвет крохотного «джиг» или «со» постепенно изменился: от красного к холодно-голубому.

— Я знаю, что тебе незачем обманывать меня,— сказал повелитель зомби.

«А может, я сказал это слишком беззаботно?» — мысленно спросил себя Дор.

— Я сказал правду. Подлинным обманщиком я стал бы, если бы не предупредил тебя. Но Милли умрет как бы не по-настоящему. Она превратится в привидение и будет жить много столетий. Поэтому твои надежды, увы...— От невозможности что-либо исправить его охватила тоска.— Девушку убьют или попытаются убить, когда ей исполнится семнадцать лет.

— А сколько ей сейчас?

— Как раз семнадцать.

Повелитель зомби склонил голову на руку. «Джиг-со» из холодно-голубого стал белым.

— Я мог бы превратить ее в зомби,— сказал повелитель зомби.— Она осталась бы здесь, в моем замке. Но если так случится, это будет совсем иное существование.

— Она... Если ты хочешь помочь королю только ради того, чтобы ей... услужить любому из нашей компании... Но ведь мы все равно скоро исчезнем. Поэтому, может, не стоит тратить силы?

— От твоей честности прямо плакать хочется,— сказал повелитель зомби.— Но я не согласен с тобой. И если уж выпало на мою долю вам помочь, я сделаю это безотлагательно. Такой возможностью, может быть единственной в жизни, надо воспользоваться как следует.

Дор не знал, что сказать, поэтому просто протянул повелителю руку. Повелитель зомби уложил в нужное место ставший черным «джиг-со» и серьезно ответил на рукопожатие. Потом они снова молча занялись картинкой.

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, Дор попытался с головой уйти в игру. Как может эта головоломка быть гобеленом, когда они сами находятся внутри гобелена? Может ли там, внутри создающейся картины, в которую они проникли при помощи заклинания, оказаться какой-то другой мир? А вдруг гобе-

лен — это просто вход, своего рода ворота, а не сам мир? Случайно ли, что они создают картинку именно здесь, в замке повелителя зомби? Повелитель зомби — ключевой персонаж во всей этой истории, и он же, оказывается, хозяин гобелена, который является воротами в этот мир. Ну а как же Прыгун? Как это все связать?

Дор с горечью понял, что все эти тайны ему не по силам. Выше головы не прыгнешь.

Глава 8

ДОГОВОР

Ночью Дор и Прыгун выбрались из замка по нити, протянутой пауком. Можно было взять с собой и девушку, но приятели не хотели подвергать ее опасности и ни в коем случае не хотели бросать в одиночестве повелителя зомби. К тому же при виде часовых — а обыкновены успели расставить посты — Милли могла завизжать и все пошло бы насмарку. Дор ни секунды не сомневался, что они с Прыгуном сумеют пробраться. Так и вышло. Прошли незаметно и вскоре оказались в чаще леса, далеко от обыкновенов.

— Прежде всего встретимся с королем драконов,— решил Дор.— Начнем с него. Если король согласится, остальные пойдут следом. Таков закон джунглей.

— А если король откажет? — спросил паук.

— Тогда ты используешь нить безопасности и быстро вытащишь меня наружу.

Прыгун прицепил один конец нити к одежде Дора, а другой взял в лапы. В случае опасности он не замешкается. Дор даже пожалел, что сам не умеет плести столь полезную паутину.

В темноте паук нашел какой-то камень.

— Где дракон — владыка здешних мест? — спросил у камня Дор.

Камень указал на узкое отверстие в склоне каменного холма.

— Там? — с сомнением переспросил Дор.

— Советую не сомневаться,— ответила пещера.

— Я нисколько не сомневаюсь! — быстро согласился Дор. Ни к чему ссориться с жилищем чудовища, которое, весьма возможно, станет союзником в борьбе.

— Если хочешь уйти в целости и сохранности, лучше не буди владыку,— предупредила пещера.

— Мала пещерка, да зубаста,— прострекотал паук.

— Чего-о? — грозно спросила пещера.

— Мне надо разбудить короля,— с дрожью в голосе сказал Дор, приложил ладони ко рту и позвал: — Дракон! Я пришел на переговоры! Принес любопытные новости!

Внутри пещеры, в глубине, кто-то чихнул, потом показался дымок, белый на фоне мрака ночи, послышалось раскатистое рычание и запахло паленым.

— Что сказал король? — спросил Дор у пещеры.

— Он сказал: «Если ты и в самом деле принес новости, то можешь войти. Но если наврал, тебе несдобровать».

— Войти? — спросил у Дора паук.— Но это опасно. Когда паук приглашает в свое жилище...

Дор не стал спорить.

— Туда? — уточнил Дор у пещеры.— В драконью пещеру? В эту?

— Ну, поищи себе другую, бифштексик,— ехидно ответила пещера.

— Язык что жало! — прострекотал паук.

— Лучше принять приглашение,— сказал Дор.

— А может, я пойду? — предложил Прыгун.— В темноте я вижу куда лучше тебя.

— Нет,— возразил Дор.— Каждый будет заниматься своим делом. Ты не умеешь разговаривать с предметами и не поймешь, что скажет дракон, а я не умею с твоей ловкостью взбираться на деревья и прикреплять паутинки к стенам замка. С драконом буду говорить я. А ты будь готов доставить новости, если... если я не выйду из пещеры. Ведь Милли может получить твой сигнал.

— Я согласен с тобой, дружище Дореми,— сказал паук, коснувшись одной из передних лап руки друга.— Буду прислушиваться у входа и вернусь в замок один, если понадобится. В случае чего вытащу тебя из пещеры. Ну, смелей, приятель.

— Я весь дрожу,— сказал Дор и сразу вспомнил, что говорила о храбрости горгона: «Если трус продолжает идти вперед и не отступает, значит, он храбрец». Слабое успокоение, ну уж какое есть. Может, ему на роду написано стать павшим смертью храбрых героем, а не смертельным трусом.— Если... если со мной что-то случится, попытайся спасти хотя бы частицу моего тела и сохрани при себе. Мне кажется, я целиком нахожусь под властью возвратного заклинания, и оно поможет тебе вернуться, когда придет время. Не хочу, чтобы ты оказался в плену у этого мира.

— Тут не так уж плохо,— ответил Прыгун.— С каждым поворотом что-нибудь новое.

«Слишком много поворотов!» — подумал Дор.

Собравшись наконец с духом, он полез в пещеру. Внутри оказалось тесно, коридор все время сужался, но это вовсе не означало, что хозяин пещеры невелик. Драконы, как правило, длинные и извилистые.

Темный, хоть глаз выколи, коридор все время извивался.

— Предупреждай меня, если впереди будет обрыв, выступ или еще какая-нибудь опасность,— потребовал Дор у стены.

— Предупреждаю: в пещере живет дракон! — ответила стена.— Нехилая опасность!

— Было бы здесь чуть посветлее,— пробормотал Дор.— Жаль, что нет со мной волшебного кольца.

Ворчание донеслось откуда-то снизу. Дракон!

— Света тебе мало? — перевела стена.— Сейчас получишь!

И стены коридора лизнули языки пламени.

— Это уж слишком! — крикнул Дор, на которого так и пахнуло жаром.

Огонек прикрутили. Ясно, что дракон понимает человеческую речь и не собирается вредить почем зря. Что дракон попался не совсем тупой, вроде бы и хорошо, да не совсем. Если и есть, что опаснее дракона, так это умный дракон. Кому быть королем, как не умнейшему! Но наверное, и ярости ему не занимать.

Дор оказался наконец в брюхе пещеры. В самом логовище дракона! Дракон дохнул пламенем, и пещера ярко осветилась. Потом опять стемнело. И снова вспыхнуло. В огнях пламени

пещера так и засияла, потому что была выложена драгоценными камнями. А как же иначе! Да не теми крохотными камешками, которые когда-то добыл огр Хруп у маленького летающего дракона, а громадными, достойными жилища короля драконов. Алмазы и бриллианты преломляли свет, отражали, собирали, дробили. Отблески струились каскадом по потолку, по стенам, ниспадали на дракона, украшая его радужным великолепием. Огр Хруп стушевался бы перед таким величием!

Да и сам дракон сверкал не меньше! Переливающаяся чешуя, гладкая и плотная, как лучшая воинская кольчуга, покрывала его. Из пасти торчали громадные острые клыки — медные, которые так и горели. Морда сияла золотом. Глаза походили на полные луны, которые, в свою очередь, напоминали сыры, и, когда свет менялся, глаза дракона тоже меняли цвет.

— Ты прекрасен! — воскликнул Дор.— Никогда прежде не встречал такого великолепия!

— Ты посмел разбудить меня какой-то просьбой,— проворчал дракон.

— Да, повелитель, я пришел...

— Что? — прогремел дракон сквозь пламя.

— Повелитель, я пришел...— снова начал Дор.

— Прекрасно звучит.

Дор уже понял.

— Повелитель,— подчеркнул он,— я пришел...

— Ладно уж, ладно. Так чего хочет могучий волшебник-человек от меня, бедного короля чудовищ?

— Повелитель, я пришел... предложить сделку. Известно, как опасно для тебя охотиться на людей, поедать их, и вот...

— Я ем то, что я ем! — прогремел дракон и дохнул пламенем, достигшим ног Дора.— Я — царь!

— Да-да, никто и не спорит. Просто те, которых ты ешь, родом не из леса. Такое обращение им не нравится, и они начинают... э... сопротивляться. Применяют особые заклинания...

— Ни к чему эти разговоры! — рявкнул дракон и чихнул дымом. На этот раз довольно едким.

— Повелитель, я не спорю, что ты вправе питаться чем пожелаешь. Вот я и пришел сказать, что кое-кого просто необходи-

мо съесть. Допустим, обыкновенов. Они не из Ксанфа и не обладают магическими способностями. Если бы вы собрались.

— Я начинаю понимать, куда ты клонишь,— пророкотал дракон.— Если бы мы позволили себе небольшую, так сказать, охоту, то ваши волшебники не стали бы возражать. Да? Король... э-э-э... как его там.

— Король Ругн. Нет, он не станет возражать. На сей раз не станет. Но есть можно только иноземцев.

— Не всегда с первого взгляда отличишь иноземца от туземца. Все на один вкус.

Дракон верно заметил.

— А мы... мы обвяжемся зелеными лентами...— придумал Дор, вспомнив, что видел в замке повелителя зомби какие-то зеленые покрывала. Их можно разорвать на полоски.— И обедать вы будете только в этих местах,— уточнил Дор.— Ни в коем случае не приближайтесь к замку Ругна.

— Землями вокруг замка Ругна владеет мой двоюродный брат,— прогудел дракон.— Он обидится, если посягнут на его собственность. Да вокруг еды хоть отбавляй! Эти обыкновены — особенно жирные и крупные. А сколько нам дадут времени?

— За два дня управитесь?

— Вполне. Начнем, скажем, завтра на рассвете?

— Идет.

— А как бы еще раз убедиться, что король не против?

— Ну, я... Ладно уж, давай убедимся. У тебя есть какой-нибудь быстроногий гонец?

Дракон ударил хвостом. Хоть хвост и терялся где-то в извилистых коридорах пещеры, удар получился что надо. В ответ прозвучало какое-то кудахтанье, и секунду спустя в пещеру влетела птица. Это оказалась черная курчатка. Вместо перьев у нее была черная курчавая шерсть. Дор мало знал об этих существах. Слышал только, что у них робкий нрав и большая скорость полета.

— А у тебя есть чем написать? — спросил Дор, так как с собой, конечно, никакого пера не захватил.

Дракон пыхнул дымом в стену. Дор увидел, что там находится ниша, а в ней — отрывной листопад и вечный писатель с чернильного дерева.

— У меня на службе состоит птица-секретарь,— пояснил дракон.— Страшно любит писать письма своей сестре. Та живет за Провалом. Напишет письмо и несет, потому что никому не доверяет. Раз уж идет, то могли бы заодно и поболтать, обменяться новостями, но ей так нравится — письма писать. В делах она хорошо разбирается; какому чудищу какая пища полагается, когда буря придет — все знает. Теперь она как раз у сестры. Вот крику будет, когда вернется и обнаружит, что ее имущество трогали. Ну да ничего, пользуйся.

Дор оторвал листочек от листопада, взял ручку и не без труда вывел следующие слова:

Король Руги! Пожалуйста, подтверди, что чудовища имеют право уничтожать обыкновенов в течение двух дней безнаказанно. Это необходимо для того, чтобы снять осаду вокруг замка повелителя зомби. Потом он поможет тебе. Все ксанфцы должны перепоясаться зелеными лентами, чтобы чудовища могли отличить их от обыкновенов.

Волшебник Дор.

Дор свернул листочек и передал его курчатке.

— Снеси послание королю и немедленно возвращайся с ответом,— велел он.

Птица взяла письмо в клюв и, подняв облако пыли, исчезла так быстро, что Дор и моргнуть не успел.

— Должен признаться, что предстоящее мне нравится,— заметил король драконов, помешивая когтем кучку драгоценных камней.— А если дело не выгорит, я припомню, как ты меня разбудил. И не надейся, что твой дружок паучок тебя вытащит. Я сожгу его нитки в мгновение ока.

Дор ясно представил, что его ждет. Вот бы сейчас завизжать, затопать ногами, авось и полегчало бы. Милли, во всяком случае, помогает. Но ведь он носит маску мужчины. Надо вести себя по-мужски.

— Я знал, на что иду,— ответил Дор.

— Смотри-ка, он не просит пощады, не пытается угрожать,— удивился дракон.— Мне это нравится. В самом деле, неразумно поджаривать волшебников. И особенно не хочется ссориться с

повелителем зомби. Тут его птица летает... тела собирает. Я эту всликаншу и видеть не хочу... из эстетических соображений. Значит, и тебя не обижу... разве что ты попытаешься провести меня.

— Я не сомневался в твоем благородстве, повелитель,— сказал Дор.

В облаке пыли примчалась назад курчатка, неся письмо.

Дор прочел вслух:

— «РАЗРЕШЕНИЕ ПОДТВЕРЖДАЮ. ПРИСТУПАЙТЕ. КОРОЛЬ».

Дор протянул письмо дракону.

— Все вроде бы в порядке,— удовлетворенно пыхнул король драконов.— Курчатка! Лети к моему воинству и передай, что велено собираться. Повеселимся! И пусть поторапливаются, не то задам жару. Надо будет еще им все растолковать. А с тобой просто любо-дорого беседовать,— обратился дракон к Дору.

Но похвала не размягчила посла. Дор был настороже. Ведь он хорошо помнил зловещее проклятие волшебника Мэрфи, наложенное на замок Ругна: все плохое, что может случиться, случится непременно. Курчатка справилась с заданием легко. Слишком легко! Неужели проклятие утратило силу? Вряд ли.

— Тебе лучше не встречаться с моими ребятками,— предупредил дракон.— Они же не знают о договоре. Еще примут тебя и паука за добычу.

— Повелитель, разреши мне провести опыт,— попросил вдруг Дор, которого осенила одна мысль.— Ничего особенного... просто... Ты было в руках у короля? — спросил Дор у письма.

— Было,— ответило письмо.

— И ответ в самом деле дал король?

— Король,— подтвердило письмо.

— Все в порядке. Твой талант подтверждает, что подвоха нет,— сказал дракон.— А зачем ты переспросил?

— Так, из предосторожности,— ответил Дор.

— Да, в здешней глуши разное встречается — тайные заговоры, бюрократические хитросплетения. Тебе все это в новинку. Ну, спроси еще, *какому* королю доставлено письмо.

— Какому королю? — послушно повторил Дор.

— Королю гоблинов,— ответил листок.

— Гоблинов? — огорченно воскликнул Дор.— Не Ругну?

— Нет,— ответил листок.

— Дурацкая птица! — взревел дракон, чуть не подпалив Дора своим пламенным выдохом.— Ты послал ее к королю, но не уточнил к какому. И она выбрала самого ближнего. Я и то подумал, что птица уж слишком быстро справилась.

— И король гоблинов попытался нас запутать. Это естественно,— продолжил Дор. Проклятие Мэрфи продолжает действовать. Недоразумение могло случиться — и случилось!

— Значит ли это, что сделка не состоится? — зловеще спросил дракон, выпуская кольцо дыма.

— Это значит только, что сделка не подтверждена королем Ругном,— ответил Дор.— Я уверен, что он согласился бы, но раз нельзя передать послание...

— А зачем королю гоблинов понадобилось соглашаться? Я знаю гоблинов. Противные существа. Даже на вкус никуда не годятся. Они должны стараться поссорить нас, драконов, с людьми, расстроить сделку, а не помогать. Ведь гоблины не любят ни людей, ни драконов.

— В самом деле странно,— согласился Дор.— Король гоблинов должен был прислать отказ и тем самым помешать нашему договору. Или вообще ничего не прислать, чтобы мы сидели и ломали головы...

— А вместо этого приходит ответ, которого мы и ждали от короля Ругна,— продолжил дракон, пуская дым.— Что будет, если чудовища начнут уничтожать людей без разрешения?

— Большие неприятности,— сказал Дор, чуть подумав.— Тут вопрос принципа. Король не простит резню, на которую не давал разрешения. Он против анархии. В результате самовольных действий может начаться война между чудовищами и королевскими силами.

— То есть междоусобная война, от которой гоблины только выиграют, потому что останутся единственными хозяевами этой земли,— заключил дракон.— Они уже сейчас очень сильны. Злобные подземные недомерки! Вам, людям, пришлось бы

туго. Не зря гарпии их треплют. Только размножаться умеют. Сейчас их уже видимо-невидимо.

— Зато одному человеку вполне под силу одолеть сразу пятерых гоблинов,— заметил Дор.

— А одному дракону и с пятнадцатью справиться что чихнуть. Но ведь гоблинов как блох! На каждого человека, на каждого дракона не пять и пятнадцать, а куда больше придется.

— В самом деле,— печально согласился Дор.

— Если бы ты у письма не спросил, я бы так ничего и не узнал,— пробурчал дракон.— Не люблю, когда обманывают.

На сей раз дракон пыхнул не дымом, а настоящим огнем, который зажегся во мраке зловещим глазом.

— И я не люблю,— ответил Дор и пожалел, что не умеет дышать огнем.

— А будет ли король гневаться, если пара-другая гоблинов исчезнет во время потехи?

— Думаю, что не будет. Но давай пошлем еще одно письмо. На всякий случай.

— А гоблины пусть думают, что втянули нас в войну!

— У тебя найдется другой скоролет... более надежный? — спросил Дор.

— Найдется,— ответил дракон.— Но давай используем на этот раз и твой талант. Вместе с письмом пошлем и драгоценный камень из моей пещеры. Этот камень должен вернуться, когда придет ответ. Ни один коротышка не откажется от такого камня, и никто, кроме тебя, не сможет потом расспросить обо всем камень.

— Потрясающе! — воскликнул Дор.— Ни одному гоблину не удастся подделать такое послание! Ты настоящий гений!

— От твоей лести просто уши вянут,— пробурчал дракон.

Уже почти рассвело, когда Прыгун и Дор встретились вновь. Они быстро отправились в замок. Новостей было много!

Когда они вернулись, Милли и повелитель зомби облегченно вздохнули.

— Вам первым я хочу сообщить нашу новость,— сказал повелитель.— Барышня Милли оказала мне честь, согласившись стать моей женой.

— Значит, свершилось,— прострекотал паук.

— Поздравляю,— произнес Дор, хотя в душе очень растерялся. Конечно, стоит порадоваться за повелителя, могучего волшебника и достойного человека, но ему самому что теперь делать?

Милли приготовила для всех зеленые ленты. Не забыла и паука. Прыгун сразу обвязался вокруг брюшка. Позавтракали кукурузой, которая, как обнаружила Милли, тоже росла во дворе. Повелитель всю ночь глаз не сомкнул — трудился и сделал множество зомби из тел, принесенных птицей рок. Теперь будет кому защищать замок!

Повелитель зомби светился сдержанной радостью. Он знал, что дни Милли сочтены, но был счастлив и малым.

Милли особо не ликовала, но не так уж и печалилась. Очевидно, ей по душе пришлись и повелитель зомби, и предложенная им жизнь, но рядом находился Дор — тот, кому она призналась в любви; тот, кто отверг ее любовь. Все в замке догадывались о предстоящем, но кое-что еще скрывалось в тумане. Милли, к примеру, не знала, когда наступит час ее гибели. Дор и повелитель не знали, как погибнет девушка, ведь Милли раньше об этом не рассказывала. И никто не знал, как обернутся военные дела. Может, сил зомби и не хватит, чтобы король Ругн одержал победу. Дор все же чувствовал, что лучше, чем сейчас, в этих обстоятельствах и быть не может. На Милли он старался не смотреть, потому что тело сразу же устремлялось к ней. Это было мучительно!

«Ну почему я не взрослый мужчина!» — с горечью думал он. Чем он сейчас отличается от зомби? Это тело, большое и неподвижное, оживлено его мозгом. Тела зомби оживляет волшебная сила повелителя зомби. Но настоящим зомби безразличны женские прелести. Зомби бесполы.

А как же Джонатан, зомби, которого он оставил там, в своем времени? С какой стати этот Джонатан привязался к Милли, вместо того чтобы тихо спать в могилке? Если не магическая женственность Милли разбудила его, то что? Может, некоторым зомби все-таки дано чувствовать одиночество?

«Если вернусь и оживлю Джонатана, обязательно расспрошу его обо всем»,— решил Дор.

Раз когда-то Милли не побоялась с ним подружиться, значит, это какой-то необычный зомби.

Сколько на пути тайн и загадок! Может, разумнее не побольше оттадывать, а поменьше запутываться?

Обыкновены двинулись в бой на рассвете. Они катили с собой громадную повозку, к передку которой приделали бревно, такое длинное, что по нему без труда можно было перебежать надо рвом и взобраться на стену. Теперь обыкновены легко попадут в замок! Наверняка они трудились над этим изобретением всю ночь и изготовили на самом деле грозную штуку.

И тут из чащи показались чудовища. Король леса исполнил обещание. Он сам шел впереди с оглушительным ревом, дыша пламенем, в котором сразу же вспыхнула вражеская повозка. Следом за драконом двигалось целое войско — грифон, крылатый дракон, четырехлапый кит, несколько хищных кроликов, пара троллей, птица-матюгальник, котоклизм-разбойник, гиппогриф, сатир, крылатый конь, три змеи в кринолинах, громадный пантеон, огнедышащий дракон, единорог, двуглавый орел, циклоп, гуси-щипцы, химера и множество других, еще более загадочных, названия которых Дор и припомнить не мог. Прошлое, куда попал Дор, было, по всей видимости, благословенной эпохой для разного рода чудищ. В его собственном времени драконы как-то поскромнели, поумолкли, а другие чудовища поутихли. Наверняка столетия удалось пережить лишь самым стойким из монстров, и драконы оказались покрепче других. Как человек оказался сильнее других человекообразных, а древопутаны выносливее других хищных растений. Но как раз сейчас Ксанф вовсю увлекался опытами, рождая на свет разные причудливые существа.

Но обыкновены не растерялись, к тому же их было больше, чем чудовищ. Они построились, чтобы встретить нападение. Вооруженные мечами выступили вперед, лучники стали позади. Дор, Милли, Прыгун и повелитель зомби с изумлением наблюдали за ходом битвы, разворачивающейся вокруг замка. На этот раз они и в самом деле оказались словно в зрительской ложе. То и дело какое-нибудь крылатое чудовище грозно приближалось к ним, но, заметив зеленые ленты, убиралось прочь. Король драконов отлично вышколил своих солдат. Дор еще раз

похвалил себя за то, что понял необходимость сотрудничества: чудовища просто бесценные помощники!

Дор похвалил себя. Но кого на самом деле надо благодарить, что пока все идет хорошо? Может, это все-таки заслуга Милли? Ведь она убедила повелителя зомби помочь королю Ругну. Поэтому пока все идет гладко. Пока! Но ведь с драконом договаривался Дор. Значит, помощь пришла при его содействии. Теперь, выходит, всего можно ждать. Ох, как трудно разобраться!

Остается только надеяться, что Мэрфи просчитался, и наслаждаться зрелищем битвы. Король драконов как раз закончил уничтожение горящей повозки — ударом хвоста он надвое переломил бревно. Сражающийся дракон — нет более грозного зрелища! Обыкновенские стрелы стукнули о блестящую чешую и пали вниз, не причинив дракону никакого вреда. Вооруженные мечами обыкновены замахнулись — но только оружие затупили о покрытый панцирем бок. Дракон лишь хвостом повел — людишки так и полетели кувырком. Огонь вырвался из драконьей пасти и прожег просеку в рядах обыкновенов. Дор был счастлив, что не ему выпало сражаться с драконом, что он сидит в безопасности. Знавал он невероятные истории о храбрецах, в одиночку сражавшихся с огромными драконами, но ведь потому эти истории и называют невероятными. А в жизни ни один человек не может помериться силой даже с самым маленьким драконом, и никаким двенадцати храбрецам не одолеть одного большого. А упрямцам стоило бы понаблюдать, как пятнадцать вооруженных до зубов обыкновенов тщетно пытались одолеть короля драконов.

Другие чудовища тоже не зевали. Крылатый конь взлетал и падал, ударяя копытами; кролики вгрызались обыкновенам в пятки; двуглавый орел аккуратно выклевывал глаза и глотал их; сатир... но тут Дор отвернулся, глазам своим не веря. Неужели и таким способом можно убивать людей?! Чудовища вокруг впадали во все большее буйство. На протяжении столетий они боялись трогать людей, потому что те жестоко мстили. Но теперь им открыли дорогу. И вскоре закроют. Может быть, навсегда.

Однако одолеть обыкновенов было не так просто. Они не имели магической силы, но наверстывали дисциплиной и умением обращаться с оружием. Быстро сообразив, что на открытом пространстве им ни победить, ни спрятаться невозможно, они решили воспользоваться естественными и искусственными заграждениями. В этом смысле горящая повозка представляла отличную возможность, а ров — еще одну. К тому же, метя хвостом, дракон нагреб кучи мусора и грязи, за которыми тоже можно было укрыться. Стрелки, спрятавшиеся за такими вот кучами, приступили к сражению с чудовищами поменьше — гусями-щипцами, кроликами, птицей-матюгальником и котоклизмом-разбойником. Обыкновены, вооруженные мечами, ловко всаживали острия им под чешую, добираясь до самых печенок. Может быть, четверть обыкновенов пала в самом начале сражения, но теперь и половина чудовищ были либо убиты, либо ранены. Волна сражения повернула вспять. Дор не предполагал, что так случится. Что за сила такая железная в этих обыкновенах!

— Теперь мы должны помочь чудовищам,— решил повелитель зомби.

— Нет, не ходи! — воскликнула Милли.— Тебя убьют, а мы даже не успели пожениться.

— Я могу считать, что получил от жизни все, раз обо мне заботится такая девушка,— пробормотал повелитель.

— Не насмехайся над моей тревогой!

— Я и не собирался насмехаться,— серьезно ответил повелитель.— Мне и в самом деле всю жизнь хотелось повстречать такую, как ты. Но и о долге нельзя забывать.

— Не ходи!

— Успокойся, дорогая. Пойдут зомби. А они смертны.

— Ах так...— Она неотразима даже в своем простодушии!

Слушая этот краткий разговор, Дор опять ощутил ревность. Но он не мог не признать, что Милли нашла в повелителе не только влюбленного, но и человека чести. Честь он ценил не меньше, чем свою возлюбленную. И разве женился бы другой, менее благородный человек на девушке, которая обречена на смерть? Дор понимал, что по сравнению с повелителем зомби

он невероятно слаб. Повелитель не разрывался между любовью и долгом. Эти понятия были для него чем-то единым.

Волшебник послал отряд зомби, обвязанных зелеными лентами. Чудовища и обыкновены сильно удивились при их появлении. Но чудовища пропустили отряд беспрепятственно. Бессмертные воспользовались подобранным по дороге оружием и кинулись на обыкновенов. Если меткости им хватало не всегда, то уж упорства, мрачного упорства было не занимать.

Обыкновены кинулись было в ответную атаку, но их отбросила назад отталкивающая природа противников-полумертвецов. Обыкновены метили в зомби, но в горячке часто ранили своих же.

Затем чудовища сплотились и ударили вновь. Им на помощь пришли зомби. Позиции обыкновенов были смяты, бойня возобновилась.

Но чудовища уже устали, и кое-кому пришло в голову сделать перерыв, чтобы отведать человечинки. Чудовища были опасны яростью, а не числом, к тому же многие из них уже полегли на поле боя. Обыкновенов было больше, и после неудачи с зомби они вновь собрались с силами. И опять вопреки усилиям зомби, перевес оказался на стороне обыкновенов. Зомби было слишком мало, чтобы продержаться долго.

А потом какой-то обыкновен вдруг понял значение зеленых лент. Он сорвал ленту с поверженного зомби и нацепил на себя. И чудовища перестали за ним охотиться.

— Беда! — воскликнул Дор и сразу вспомнил проклятие Мэрфи.— Спустя минуту все обыкновены будут в безопасности!..— И Дор кинулся к главным воротам.

— Погоди...— в тревоге начала Милли. У юноши потеплело на сердце: она и о нем заботится.

— Я помогу спуститься,— прострекотал Прыгун.— Так будет быстрее.

Прыгун прикрепил нить к талии Дора, и тот перемахнул через стену. Прыгун размотал нить, что позволило Дору спуститься в ров мягко и быстро. Милли вскрикнула, но все прошло благополучно. Вода смягчила приземление, а шум вокруг стоял такой, что даже ровное чудище ничего не расслышало. Дор поплыл к берегу. Прыгун спустился следом и по поверхности воды побежал к земле. Он хотел убедиться, что все в порядке.

Их никто не заметил. Они прошли мимо грифона, клюющего труп обыкновена. Грифон посмотрел на них, заметил зеленые ленты и вернулся к трапезе. Дор и Прыгун спокойно прошли дальше, туда, где суетился какой-то обвязанный лентой обыкновен. Он размахивал мечом, тесня химеру, а та пятилась в нерешительности. Бедняга не знала, как поступить с этим обвязанным условной лентой противником, а обыкновен наглел все больше.

Но Дор не колебался ни минуты. Он выхватил меч.

— Давай, приятель,— обратился к нему обыкновен,— разделаемся с этой тварью.

И Дор взмахнул мечом. Обыкновен так и повалился с открытым от удивления ртом.

— Вперед, химера! — подбодрил чудовище Дор.

Химера, чьи сомнения наконец развеялись, вернулась к бою с еще не надевшими ленты обыкновенами.

А Дор уже перешел к следующему обманщику. Но теперь ему почему-то стало стыдно. Срывать повязки... обрекать на смерть... Но и обыкновены не лучше. Ведь они коварно маскируются под союзников. Жульничаете — получайте! Просто надо вернуть знакам отличия их истинный смысл. Этим он сейчас и занимается. Сомнения утихли, потом медленно развеялись. Поле боя вообще не место для сомнений.

Прыгун оказался исключением из правил — он напоминал чудовище, но на нем была зеленая лента. Крылатый дракон при виде его на мгновение забыл, что идет в бой. Прыгун обмотал обыкновена-обманщика шелковой нитью, сдавил ему голову лапами и приступил к казни. Приступил с удовольствием. Он должен был отомстить! Ведь обыкновены, издеваясь, лишили его нескольких ног.

С помощью Дора и Прыгуна чудовища снова приободрились. И обыкновенам на сей раз не удалось удержать перевес. Они побежали назад, теснимые чудовищами, зомби, Дором и Прыгуном. Битва шла к концу.

И тут объявился еще один сообразительный обыкновен. Беда с этими сообразительными! Он ухитрился, избежав удара меча, подскочить к Дору и сорвать с него ленту.

— Ну-ка теперь повоюй! — крикнул он.

Дор нанес удар, но оказался в ужасной опасности. Ленты на теле не было. Теперь он ничем не отличался от обыкновенов. Крылатый конь зловеще приближался к нему.

Крылатый конь спереди напоминал грифона, а сзади лошадь. Он умел яростно сражаться и мчаться с быстротой молнии. Еще у него были хищный орлиный клюв и когти. Ими сейчас чудовище и угрожало. Дор отпрыгнул в сторону и ударил по крылу. Ударил не очень сильно, потому что не собирался ни ранить, ни тем более убивать существо, сражающееся как-никак на его стороне. Коню бы начать защищаться, но он, наоборот, ринулся в бой. Дор понял, что долго не продержится. Ведь чудище и крупнее, и сильнее, да и ловчее его. Мечом его достать трудно. А если конь и устал, то и Дор чувствует себя не лучше.

— Прыгун! — крикнул Дор, призывая друга, оглянулся и увидел, что паук сражается сразу с тремя не успевшими нацепить ленты обыкновенами.

Паук не может отвлечься, не говоря уже о том, чтобы прийти на помощь. И тут четырехлапый кит вырос между ними и открыл свою пасть-пещеру. Сейчас он поглотит обыкновенов! Но кит мешает Дору приблизиться к пауку. Теперь путь к бегству отрезан окончательно. Какой ужас!

Но повелитель зомби все видел. Милли вскрикнула, завиток ее волос блеснул в луче солнца. Повелитель негромко скомандовал:

— Яколев!

И зомби-великан выступил из ворот замка, неся с собой громадную дубину. Он шел, сметая с пути и обыкновенов, и чудовищ. Шел... пока не столкнулся с китом! Чудовище было слишком велико и не смогло вовремя убраться с дороги великана, даже великана с зеленой лентой. Кит не хотел вредить — он просто очень медленно двигался. У него были голова и бивни вепря, все тело в шипах, лапы льва. Неуклюжее, но грозное существо! В общем, великану пришлось пойти в обход, и как раз тут конь расправил крылья и засыпал пылью глаза Дора, отчего тот на мгновение ослеп. Потом птицеконь уцепился когтями за меч и вырвал оружие из рук Дора. Тот лишь беспомощно замахал руками и почувствовал, что взлетает. Дор заморгал,

протер слезящиеся глаза и обнаружил, что висит на хвосте у короля драконов. А на расстоянии пятидесяти шагов, там, где находилась драконья морда, раздавалось ворчание и клубился дым.

— Что говорит дракон? — спросил Дор у просвистевшего мимо камня.

— Поаккуратнее с лентами, волшебник! — бросил камень.

Дракон узнал Дора и спас его: перенес на хвосте на противоположную сторону рва, подальше от битвы. Следом, тоже на драконьем хвосте, прибыл паук.

— Соревнуясь с вами, я тоже уничтожил парочку этих обманщиков,— прогремел дракон.— Тут больше ваших не осталось, кроме зомби?

— Не осталось,— подтвердил Дор.

Он обрадовался, что дракон так хорошо все понимает. Рядовым чудовищам ума отпущено, конечно, поменьше, а этому прямо с верхом.

— Король и должен соображать больше других,— прострекотал паук. Ему в бою оторвало ногу.— Вернемся в замок. Чудовища уже побеждают.

— Пошли,— согласился Дор.— А Яколева назад позовем?

— Крошка только разгулялся. Пусть порезвится.

И они пошли в замок. Милли ждала их. Она приготовила мертвую воду. Через минуту нога Прыгуна вновь приросла, и многочисленные раны Дора тоже затянулись.

Милли обняла паука, потом повернулась к Дору, хотела обнять и его, но передумала. Ведь она теперь невеста другого. Все поднялись наверх и стали наблюдать, как завершается битва.

Обыкновены отступали под напором чудовищ. Бравые обыкновены утратили весь свой задор, когда поняли, что удача ускользает от них. Утратили задор и обратились в бегство. Чудовища преследовали их, немилосердно уничтожая всякого, кто попадал им в лапы. Поле боя вокруг замка опустело, повсюду лежали тела обыкновенов, туши чудовищ, валялись разрубленные на куски зомби.

— Теперь мой черед,— сказал повелитель зомби.— Дор, ты обеспечишь доставку тел в мастерскую. Я займусь превращением мертвецов в верноподданных зомби. На каждого уйдет

совсем немного времени и сил, поэтому можно не торопиться. Впрочем, быстрее справимся — более сильных солдат получим. К тому же необходим день, чтобы добраться вовремя до замка Ругна.

Дор согласно кивнул. Он видел, как устал волшебник, и вспомнил, что тот провел предыдущую ночь в трудах. Волшебнику нужно отдохнуть, но сейчас не время. В конце концов, Дор устал не меньше.

Приступили к работе. Милли находила менее искалеченные тела и туши. Теперь она так привыкла к грязи, что о визгах совсем забыла. Дор переносил тела в определенное заранее место. Прыгун привязывал к ним нити и переправлял через ров в замок. Первым делом занялись людскими телами. Когда какое-то число обыкновенов уже было оживлено, телами занялись зомби. Работа пошла быстрее. Вскоре возник даже избыток тел.

Вернулся король драконов. Он был весь в крови, чешуя кое-где оторвана, но унывать не собирался.

— Вот так потеха! — прогрохотал он.— Кругом прямо кучи мертвых!..

Интересно, что, когда он говорил, пламя из пасти не вырывалось. Наверное, дракон уже израсходовал запас огня.

— Позволь, я окроплю тебя целебной водой! — предложила Милли.

Она брызнула — и дракон на глазах стал как новенький. Потом девушка перешла к другим чудовищам, успевшим вернуться, и их тоже окропила.

— Хоть она и человеческая женщина, в нее нельзя не влюбиться,— задумчиво произнес дракон.— В ней есть что-то этакое...

— Твоих мертвых солдат мы оживим и превратим в зомби, как и договаривались,— поспешно вмешался Дор.

— Незачем,— отмахнулся дракон.— Победители съедят павших товарищей. У нас так заведено. А зомби нам ни к чему.

— Повелителю зомби нужны наименее поврежденные тела. Если вы не против разрубленных...

— Сгодятся,— согласился дракон.

И чудовища приступили к обеду. Странное зрелище! Страшное зрелище! Тут дракон, грифон и змея хрустят костями пав-

ших, там зомби в гробовом молчании носят тела своих товарищей. И посреди этого кошмара бродит необыкновенной красоты девушка и кропит павших мертвой водой.

— А где Яколев? — вдруг вспомнил паук.

Своевременный вопрос! Действительно, ни следа зомби-великана, который так отважно сражался ради общего дела. И начались поиски.

— Великана ищете? — поинтересовался дракон, который как раз закусывал очередным обыкновеном.— Могу сказать одно: он попал в переделку около лагеря обыкновенов.

И все кинулись к оставленному обыкновенами лагерю. Там, разрубленный на куски, лежал великан Яколев. Обыкновены, отступая, совершили это черное дело.

— Нельзя ли ему помочь? — спросил Дор, которому едва не стало дурно. К виду смерти он уже привык, но это ведь был друг.— Ну, давайте соберем куски, сложим, окропим водой!

Так и сделали — и великан ожил. Только часть руки, ступню и кое-что от лица найти не удалось. Зомби не мог говорить и, когда шел, заметно прихрамывал. Ну это не такая уж беда! Все направились к замку.

— А не хотят ли чудовища помочь нам у замка Ругна? — спросил Дор.— Не сомневаюсь, что король — человеческий король — с радостью примет вашу помощь.

— А с кем на этот раз будем воевать? — поинтересовался король драконов, жуя вкусного обыкновена.

— Ну... с гоблинами и гарпиями.

Дракон насмешливо фыркнул, выпустив колечко дыма.

— Я, конечно, обижен на короля гоблинов,— сказал он,— но не будем закрывать глаза на правду: убить человека — пустяк, но убить чудовище — преступление. Нам это не по нраву.

— Ну что ж, повелитель, спасибо тебе за...

— Наше собственное удовольствие, милейший,— прочавкал дракон и погрузил зубы в тело, извлекая какую-то кишку.— Пятьдесят лет не кушал ничего подобного. Умру от обжорства! — И дракон проглотил кишку.

— На здоровье,— пробормотал Дор. Кишки он никогда не любил и теперь, после того, что увидел, вряд ли полюбит.

— Да, мы, чудовища, отказываемся участвовать в новом сражении, но гоблинов я не люблю и к гарпиям горячих чувств

не питаю. Поэтому хочу тебя предупредить.— И дракон яростно уставился на Дора.— Так вот, эта битва у замка повелителя зомби, считай, лишь легкая прогулка. Гоблины покруче людей. Готовьтесь получше, чтобы не пострадать.

— Гоблины сильнее обыкновенов? Но они ведь такие мелкие!

— Слушай, что говорю. Пока! — И король удалился на поиски новой закуски.

Дор не знал, что и подумать. Если правда, что битва будет куда хуже...

Вернулись в замок, где повелитель зомби трудился не покладая рук. Полку зомби все время прибывало. Окружающие помогали чем могли, но это было дело повелителя и его волшебства. Он работал день и ночь, еще больше похудел. Зомби выползали из мастерской и строились в шеренгу во дворе. Ну и велика же была у обыкновенов армия!

Отужинали. Ужин получился беспокойным, потому что состоял из вареных прыгающих бобов и шипучки. Бобы перепрыгивали в шипучку в самые неподходящие моменты. Милли заставила повелителя зомби поесть, но потом он вернулся к работе. Тел вокруг замка почти не осталось. Объевшиеся чудовища потащились в свои норы, урча животами. Непригодные останки зомби закопали. Воцарилась глухая ночь.

Завершилась работа над последним зомби. Повелитель зомби погрузился в тяжкий сон. Милли прикорнула неподалеку. Дор и Прыгун тоже заснули.

Глава 9

ПУТЬ В ЗАМОК РУГНА

Рано-рано, когда еще толком и не рассвело, выступили в путь. Проще, конечно, было перелететь на птице рок, но мешали два обстоятельства: во-первых, никакой птице не под силу перенести армию числом в двести пятьдесят зомби; во-вторых, в небе появились хищные воздушные извозчики, предвестники гарпий. Они разорвали бы огромную птицу рок, если бы со-

чли ее своим врагом. Да она и была их врагом. Так что отправились пешим ходом.

Повелитель зомби так давно жил взаперти, что позабыл, какие земли его окружают, а Дор, когда шел в замок повелителя, не предполагал, что придется возвращаться с армией зомби, а потому не особо присматривался. Зомби не шли, а тащились, натыкаясь на разные корневища и заросли, запутываясь, иногда даже теряя ступни. Среди новых зомби было немало вчерашних обыкновенских солдат, более прочных, чем старые, но они как раз хуже других ориентировались и чаще попадали в беду. Поэтому надо было все время проверять дорогу, искать более-менее ровную, избегать магических опасностей.

Дор и паук отправились на разведку. Первый рассматривал и расспрашивал землю и все, что на ней лежало, а второй проверял деревья. Трудились сообща, чтобы взять на заметку любую опасность.

Обследовав какую-то часть дороги, оставляли армии особый волшебный сигнал, знак, что можно двигаться дальше. Чтобы армия могла вовремя отступить или изменить путь, разведчикам надо было отойти на значительное расстояние от основных сил.

Нынешняя ксанфская Глухомань была иной, менее утонченной, чем во времена, из которых пришел Дор. Магия сейчас только зарождалась и еще не достигла изысканности и разнообразия, делавших нехоженые тропы столь опасными для путешественников. В этом начале времен чары были куда грубее и проще, не существовало троп, защищенных заклинаниями. Дор понял, что беззаботность в этих местах может обернуться бедой.

Первое, с чем они столкнулись, были заросли собачьей чуши. Собачки, очевидно, спали, прикрыв носы хвостами, но, когда Дор напоролся на них, проснулись и ощетинились. Потом загавкали, а расхрабрившись, стали кусаться. Разгневанный Дор взмахнул мечом. Но, услышав, как заскулила-завыла эта псарня, пожалел, что не удержался. Ведь на самом деле растения не представляли никакой опасности. Каждая псина росла на стебле, погруженном глубоко в землю, так что достать далеко они не могли. Да и зубы у них слишком мелкие.

Паук миновал собачью площадку без всякого вреда. Песики повизгивали, испуганные зрелищем погибших товарищей. Картина действительно была не из веселых.

Дор шел, держа меч наготове, но чувствовал себя не очень хорошо. Ну почему он вечно сначала действует, а лишь потом думает?

— Растения, которые кусают прохожих, достойны наказания,— прострекотал паук, желая успокоить приятеля.— Вот я однажды тоже очутился в неприятном месте — среди тли. И охранявшие стадо муравьи напали на меня. Я вынужден был дать отпор и, прежде чем они убрались, многих убил. Будь муравьи поумнее, они поняли бы, что я попал к ним случайно, спасаясь бегством от ядовитой осы. Пауки предпочитают питаться мухами, а не тлей. Тля слишком приторная.

— Думаю, муравьи не очень умны,— заметил Дор, обрадованный сходством обстоятельств.

— Ты угадал. У муравьев врожденное чувство ответственности, и в стаде они уживаются куда лучше пауков, но мозгов у них не много. Вот почему они так слушаются своих командиров.

Дор теперь совсем воспрянул духом. Паук уже не раз выручал его из беды — телесной и умственной.

— Знаешь, Прыгун, когда наше путешествие закончится и мы вернемся...

— Будет очень грустно,— прострекотал паук.— Но у каждого из нас свои цели.

— Да, конечно. Но если бы мы могли встречаться...

Тут Дор замолчал — они подошли к растению, величиной превышающему все мыслимые размеры. Стебель его был толст, как древесный ствол. Растение склонило рогатую голову, словно собралось пожевать травы.

— Это растение, но оно больше напоминает какое-то травоядное животное! — прострекотал паук.— Смотри, у него и зубы есть. И они похожи на зубы существа, питающегося травой, а не хищника, лакомящегося мясом.

— Да, это в самом деле растение. Из рода барашков-постников. В наши дни оно уже вымерло. С него снимали шерсть и вязали носки, кофты, варежки. У нас его сменило носочно-кофточное чудо-дерево.

— Ну а что будет, когда этот барашек съест всю траву поблизости? — поинтересовался паук.

— Не знаю,— ответил Дор. Он видел, что травы поблизости от растения в самом деле не густо.— Наверное, от голода они и вымерли.

И друзья пошли дальше. Дорога была сносная даже здесь. Зомби спокойно смогут пройти. Дор оставил волшебный знак. Он не сомневался, что все пройдет хорошо. Приблизились к деревьям с большими пестрыми цветами. В воздухе носились приятные ненавязчивые ароматы.

— Надо беречься отравляющих испарений,— предупредил Дор.

— Думаю, мне никакая химия не страшна,— возразил паук.

Но цветы не собирались никого обижать. Пчелы жужжали вокруг, собирая нектар. Дор спокойно шел под деревьями, паук бежал сверху. За деревьями открылась чудесная полянка.

На полянке стояла стройная женщина и расчесывала пышные волосы.

— О, извините,— пробормотал Дор.

— Мужчина! — улыбнулась незнакомка.

— Я...

— Одинокий мужчина! — добавила она и ступила вперед.

Прыгун спустился с дерева и стал ждать, что будет дальше.

То, что Дор принял за одежду, при ближайшем рассмотрении оказалось плотной зеленой листвой, похожей на чешую дракона. Женщина была такая нежная, от нее так сладко пахло, лицо ее светилось прелестью.

— Я... то есть мы... мы идем...— прошептал Дор.

— Утешать одиноких странников — в этом моя жизнь,— сказала красавица и раскрыла объятия.

Дор не знал, как быть, поэтому беспрепятственно позволил себя обнять. И почувствовал, до чего приятно ее тело, до чего сладки губы. Они напоминают лепестки роз! В его теле что-то включилось, как тогда с Милли. Тело жаждало...

— Эй, приятель,— прострекотал Прыгун, который стоял позади зеленолиственной колдуньи.— Разве с этим можно согласиться?

— Не... знаю,— пробормотал Дор, который в этот миг жаждал только одного — поцеловать красотку.

— Я говорю о ее фигуре,— не отставал паук.— Очень странная фигура.

У пауков и людей разные вкусы!

— Вполне...— Дор не сразу смог закончить фразу, потому что прижался губами к губам незнакомки. О искусительница!..— Вполне приличная фигура,— произнес он наконец. Разве не восхитительна эта грудь! Эта тонкая талия! Эти округлые...

— Мне не хочется мешать вашему свиданию, но советую тебе взглянуть на нее сзади,— протрещал паук.

— А как же,— согласился Дор. Спереди она очень привлекательна, но он не против взглянуть и на остальное. Его тело уже знало, что красивая женщина красива с любой стороны. Дор чуть отстранился и мягко повернул чудесную особу.

Сзади у нее... ничего не было! Пустота.

Обыкновенная скорлупа. Никаких внутренних органов, ничего. Свет пробивался сквозь щели, там, где с обратной стороны находились глаза, ноздри и рот.

— Кто ты? — спросил Дор, разворачивая ее лицом к себе. С этой стороны она по-прежнему была чертовски привлекательна.

— Я лесная красавица,— сказала она.— Я думала, ты знаешь. Мое дело — утешать одиноких путников.

Раскрашенный фасад, а за ним — ничего! А ведь здесь проходят бедняги, которые ей верят.

— Знаешь, я обойдусь без такого утешения,— ответил Дор.

— Ну что ж...— разочарованно произнесла красавица, начала бледнеть и наконец исчезла.

— Это я виноват? — воскликнул Дор.— Из-за меня она превратилась в ничто? Но я ведь не знал!

— А по-моему, она вообще существует только для тех, кого смогла поймать,— предположил паук.— Не огорчайся. Когда здесь пройдет очередной простодушный странник, она опять появится.

— Чем-то похоже на зомби! — сравнил Дор, и сравнение так развеселило его, что он прыснул от смеха.— Любовь зомби!..—

Но тут же вспомнил Джонатана и погрустнел: — Нет, ничего здесь нет забавного.

И друзья пошли дальше. За полянкой расстилалась каменистая долина. Камни, среди которых попадались и какие-то светлые, были неправильной формы, с острыми краями, а это настоящее бедствие для зомби. Но посреди камней вилась дорожка, вполне пригодная для прохода. Только на ней тоже что-то валялось. Какой-то предмет, напоминающий корону. Эта корона торчала на четырех подставках вроде рожек. Стоит лишь убрать ее, и путь открыт.

Дор направился к короне, но внезапно передумал. Штуковина показалась ему подозрительной.

— Мне кажется, кто-то специально ее бросил. Хочет, чтобы мы дотронулись,— сказал он.

— А давай я проверю,— предложил паук. Прыгун привязал к паутинке камешек и метнул в железку.

Земля вдруг разверзлась. Из-под земли показалась змеиная голова. И голову эту украшали две пары рожек, на которых торчала корона-приманка. Паук потянул за ниточку. Змей цапнул камешек. Он подумал, что перед ним живое существо.

— Хорошо, что догадались проверить,— сказал потрясенный Дор.— Тебе, камень, это легче перенести, чем было бы нам.

— Яд! — возопил камень, задрожал и рассыпался на мелкие кусочки.

— Яд действует! — воскликнул Дор.

— Увы,— согласилась кучка камней и превратилась в горстку песка.

— А зомби яд вреден? — поинтересовался Прыгун.

— Думаю, не очень,— ответил Дор.— Нельзя убить то, что уже мертво.

— Тогда этот рогалик может сидеть себе под землей, сколько ему угодно.

Дор согласился с приятелем.

— Но надо предупредить Милли и повелителя,— напомнил он.— Они должны будут послать впереди себя какого-нибудь зомби.

И Дор установил новый волшебный предупреждающий знак. Увидев этот знак, повелитель пошлет великана Яколева, и он

разберется с рогаликом. Если у того с головой все в порядке, он быстро уберется с дорожки.

Каменистая долина закончилась. Дальше тянулся сочный зеленый луг, на котором там и сям росли обыкновенного вида деревья. Как здесь красиво! Эта страна вообще отличается красотой и с каждым шагом становится все прекраснее. Дор пожалел, что не рассмотрел этого прежде, когда мчался на лошадроне. Быстрее едешь — меньше видишь.

Потом он заметил одно растение и вспомнил, что это такое.

— Ойвес! — радостно воскликнул Дор.— Если найдем достаточно спелые стебли...

— А что это за ойвес? — поинтересовался Прыгун.

— Ну, хлопья такие. Если замочить зрелые хлопья ойвеса в воде или в молочае, получится первоклассная ойвесная каша.— И Дор набрал горсть плоских хлопьев.— А вон там растет орехнутое пряничное дерево.

— Пряники растут на ореховых деревьях? — усомнился паук.

— С волшебной помощью чего не бывает,— ответил Дор и ухватился за ветку, увешанную орехами и пряниками. Но не тутто было. Лакомства не уступали.— Крепкие орешки,— вздохнул Дор. Наконец его усилия увенчались успехом: ветка треснула — подарки посыпались на землю. Дор поднял один пряник и попробовал укусить.— О, это не пряник, а какой-то черствый сухарь,— пожаловался он.

Стало быть, еда: овес, орехи и пряники, пусть черствые,— у них уже есть. Теперь надо найти воду для каши.

Луг сбегáл к речному берегу. Вода в реке текла чистая, прямо кристальная. Хорошо, что не стеклянная! Серебристые котильоны при виде Дора с надеждой собрались в стайку. Они рассчитывали поживиться мясом, но поняли, что перед ними вовсе не добыча, и зарулили прочь во всю силу плавников. Подгребла банда голодных морских волков. Увидели улепетывающих котильонов и помчались следом. Жизнь в этой реке так и кипела!

Дор замочил полные пригоршни хлопьев, и получилась рыхлая, но съедобная масса. Дор протянул кашу Прыгуну, но тот отказался. Ему больше нравились крабы, за которыми он и принялся охотиться. Дор съел все сам, и с преогромным аппетитом.

И вот на их пути, стелившемся до сих пор так прекрасно, встала эта самая милая река. Не полноводная, но глубокая. Дору и Прыгуну перебраться через нее проще простого, а для зомби — беда. Зомби на ту сторону не перебраться. Ров со стоячей водой — это одно, а течение — совсем другое.

Можно, конечно, притащить бревна, навести переправу, но, во-первых, на это уйдет время, а во-вторых, вдруг пробудится враждебная магия? И друзья пошли вдоль реки, надеясь найти место, где можно будет переправиться. Не исключено, что впереди ждут всякие неожиданности, какой-нибудь мост.

Но моста они не нашли. Зато наткнулись на холм. И увидели, что река запросто взбирается по одному склону и стекает по другому. Приятели остановились как вкопанные. С рекой, так лихо взмывающей вверх, трудно будет сладить.

— Я могу напрясть нитей и перетащить зомби по одному,— предложил Прыгун.

— Я считаю, что эта работа только вымотает тебя и отнимет кучу времени,— возразил Дор.— Нам придется ждать, пока подойдут зомби, вместо того чтобы идти дальше и разведывать опасности. Нет, надо найти мост, какую-нибудь переправу.

Они взбирались на холм рядом с бегущей вверх рекой.

— А можно эту реку временно повернуть? В какую-нибудь другую сторону? — прострекотал паук.

— Но через что-нибудь зомби все равно придется переправлять,— возразил Дор.— Вот если бы в клубок смотать, но это вряд ли получится.

На самой вершине холма в воде плескался рыбий петух. Завидев путников, он закукарекал что есть мочи.

— Молчать,— скомандовал Дор, но петух к неодушевленным не принадлежал и приказа не послушался.

С другой стороны у подножия холма развалился великан-людоед, громадное жирное водяное чудище с торчащими из пасти клыками. Воды реки омывали его. Нет, здесь тоже не перейти.

И Дор с Прыгуном снова вернулись на вершину.

— Что за наказание все время пятиться, искать какие-то обходные пути! — огорченно воскликнул Дор.— Надо придумать, как перебраться.

— И как это реке удается карабкаться вверх? — спросил паук.

— С помощью волшебства, конечно. В земле скрыта какая-то сила. Она словно обманывает реку. Та думает, что падает, а на самом деле поднимается.

— То-то я заметил, что камни здесь какие-то необычные. Это в них сила спрятана?

— Может, и в них. Волшебные камни. В самой воде никакой силы быть не может, иначе поток поднялся бы до самых небес...— И тут Дор задумался: а в самом деле, как же вода попадает на небо, та вода, что потом опадает дождем? Может, существуют специальные вертикальные реки? В магии Ксанфа столько загадок!..— Ну, допустим, мы передвинем камни. Река потечет по иному руслу, это чудище внизу лишится своей ванны, высохнет и, конечно, притащится узнать, что случилось. А хуже мокрой курицы гарпии только одно существо — сухой петушок. Нет, надо перейти реку, а не передвигать ее.

— Но почему бы не проверить? — сказал Прыгун, сунул лапу в воду и чуть сдвинул камешки. Вода послушно поднялась выше, образовала небольшую арку и снова опала.

— Но если мы поднимем воду повыше, то сможем пройти прямо под ней! — обрадованно воскликнул Дор. И он полез в воду, помогая Прыгуну передвигать волшебные камни.

Река вздымалась все выше и выше. И наконец образовалась арка, освобождая русло на протяжении нескольких шагов.

— Повыше бы поднять! — кипятился Дор, толкая камни.— Чтобы зомби могли пройти не сгибаясь!

— А не опасно ли это?

— Ерунда! Все будет отлично! Только повыше поднимем. Зомби ведь не сильно соображают. Намокнут, а не догадаются, что надо пригнуться.— И Дор с жаром продолжил работу.

И тут случилось новое чудо: река вдруг изогнулась в воздухе, сделала петлю и заструилась в обратном направлении. Поток ударил в землю у подножия холма, вознесся снова, ударил с противоположной стороны, опять повернул.

— Что мы наделали! — горестно вскричал Дор. Арка исчезла. Река чертила в воздухе бесконечные петли. Вместо того чтобы сделать проход, они просто удвоили, утроили первый поток.— Может, еще подвинем? — робко предложил Дор.

— Остановись,— протрещал Прыгун.— Как бы хуже не стало. И так пройдем.

И Прыгун указал на узкий проход между параллельными струями. Потоки воды поднимались на западе и опадали на востоке, перекрещиваясь в воздухе. Это был, в общем-то, вариант первоначальной арки. Только теперь проход сквозь нее находился на севере и юге, а не на востоке и западе.

Дор вынужден был согласиться с Прыгуном. Он прикрепил к водяной петле магический знак, и они двинулись дальше. Прекрасную картину найдут зомби, когда придут сюда!

Удаляясь, разведчики расслышали удивленный визг — какая-то морская свинка пронеслась в струе над холмом. Дор хихикнул.

За рекой расстилались новые земли, по-прежнему прекрасные. Такой красоты Дор еще в жизни не встречал. Как хорошо идти вот так, спокойно, после всего того ужаса, который они пережили в замке повелителя зомби. Дор надеялся, что Прыгун тоже счастлив. Вскоре они доберутся до замка Ругна, закончат свою миссию, и настанет время возвращаться домой, в свою эпоху. Дор, честно говоря, еще не хотел возвращаться.

Тропинка спустилась в глубокую долину, где река разлилась, превратившись в очаровательное озеро. Дор глазам не верил: в его дни в этих местах, между замком доброго волшебника Хамфри и замком Ругна, рос густой лес. Как же все могло так измениться? И тут Дор напомнил себе, что для волшебства ничего невозможного нет.

Близ озера возвышалась небольшая горка. Основание ее равнялось ширине озера. А ширина эта была около тысячи шагов, если вообще можно измерить шагами ширину озера или горы. Но озеро казалось глубоким, а гора высокой. Вода в озере была чистая, прозрачная, но на глубине, скрывая дно, клубился загадочный мрак; макушку горки венчала снежная шапочка. Поэтому и гора, и озеро появились здесь наверняка с помощью магии и были, в сущности, гораздо выше, чем казалось.

Эти загадочные снежные шапочки всегда интересовали Дора. Какое заклинание заставляет снег не таять на вершинах гор? Ведь чем выше, тем ближе к солнцу; чем ближе к солнцу, тем жарче, а получается будто наоборот: чем ближе к солнцу, тем хо-

лоднее. В чем смысл такого заклинания? И кто это делает? Какой-нибудь затаившийся вдалеке волшебник постоянно превращает жару в холод? Увы, разузнать невозможно. Конечно, можно вскарабкаться на самый верх и проверить, но на это уйдет много времени, а у него сейчас и так дел по горло. Вот вернется в свое время и тогда уж выяснит.

В озере, среди гор — везде были какие-то люди: очаровательные обнаженные женщины и слегка заросшие мужчины.

— Мне кажется, мы набрели на поселение нимф и фавнов,— сказал Дор.— Существа безвредные, но легкомысленные. Лучше с ними не связываться. Беда в том, что нам придется пройти между озером и горой, как раз там, где их больше всего толпится.

— И мы не сможем пройти? — спросил паук.

— Ну знаешь, мимо нимф...— Но паук, конечно же, не знал. Нравы этих прелестниц оставались для него загадкой.— Нимфы... ну, они...— попытался объяснить Дор, но не смог, потому что сам толком ничего не знал.— В общем, увидим. Может, еще обойдется.

Нимфы заметили Дора, обрадовались, что к ним пожаловал гость, и закричали: «Добро пожаловать!» Потом, завидев Прыгуна, в ужасе закричали: «Ужас!» А после этого, притопывая ножками и потряхивая волосами, станцевали какой-то воинственный танец. Следом выступили козлоногие фавны. Их грозный вид не предвещал ничего хорошего.

— Успокойтесь! — выкрикнул Дор.— Я человек, а это мой друг. Мы не собираемся причинять вам зло.

— Ой, как хорошо! — обрадовались нимфы.— Кто дружит с людьми, тот и нам друг.— Нимфы захлопали в ладоши и станцевали, соблазнительно покачивая телами, еще один танец, на сей раз радостный.

Пока все шло прекрасно.

— Меня зовут Дор. А моего друга — Прыгун. Хотите увидеть, как он прыгает?

— Хотим! — дружно крикнули нимфы.

И Прыгун подпрыгнул. Нимфы так и ахнули. Но они не знали, что на пятнадцать шагов вверх паук Прыгун подпрыгивает, когда устает и теряет силы. На всякий случай Прыгун

решил не показывать, на что он действительно способен. Дор с трудом понимал, как мыслят взрослые. Они мыслят более сложно, чем дети. Получился небольшой спектакль. И все же здорово он придумал: показать нимфам, как паук умеет прыгать. Нимфы получили удовольствие и заодно поняли, что Прыгуна вовсе не стоит бояться.

— Я из рода наяд,— прожурчала из озера одна нимфа. Она была очень милая. Волосы ее напоминали чистые морские водоросли, грудь волновалась.— Иди ко мне, поплаваем! — позвала она.

— Поплавать...

Дор не знал, как быть. Нимфы хоть и не пусты, как лесная красавица, но все же отличаются от настоящих женщин.

— Я зову Прыгуна! — залилась смехом нимфа.

— Прыгуну больше нравится бегать,— прострекотал паук, осторожно спустился на воду и заскользил по поверхности озера.

Нимфы от всей души захлопали в ладоши, попрыгали в озеро и поплыли вслед за пауком. Если уж они кому-то верили, то верили до конца.

— Я из рода дриад,— прошелестела другая нимфа, на этот раз с дерева. Волосы у нее были зеленые, как листва, ногти коричневые, как охра, но тело обнаженное и пышное, как и у первой нимфы — обитательницы вод.— Иди ко мне, покачаемся на ветвях! — позвала дриада.

Дор еще не знал, как относиться к таким предложениям, но почему-то опять вспомнил лесную красавицу.

— Ты зовешь меня?

— Я зову Прыгуна!..

Но паук уже мчался к дереву. По воде он бегал отлично, но на деревья взбирался в два раза лучше. Через минуту другие дриады карабкались следом. И пошла потеха — раскачивались на паутинках, прикрепленных к ветвям, болтали ногами, радостно кричали.

Всеми покинутый, Дор в печали пошел дальше. Хорошо, конечно, что его друга так полюбили, но все же...

— Я из рода ореад,— раздался вдруг голос с горного уступа.— Иди ко мне, побегаем по горам!

— Прыгун занят,— ответил Дор.

— Жаль,— разочарованно произнесла нимфа, живущая среди скал.

И тут ему на пути повстречался какой-то фавн.

— Вижу, девушки не хотят с тобой дружить,— сказал он.— Может, присоединишься к нам?

— У меня дело: надо отыскать путь для армии,— коротко ответил Дор.

— Для армии? С армиями нам не по пути!

— А с кем вам по пути? Чем вы занимаетесь?

— Танцуем, играем на дудочках, бегаем за нимфами, пьем, едим и веселимся... Я сам из рода горнов. Мы живем в горах. Но ты мог бы подружиться с прелесниками, они живут на деревьях. Или с ньюфавнлендами, живущими в озере. Между нами нет больших отличий.

Дор не стал спорить.

— Я не хочу к вам присоединяться,— сказал он.— Мое дело — идти дальше.

— И все же побудь на нашем празднике,— настаивал фавн.— Может, когда увидишь, как мы веселимся, передумаешь уходить.

Дор снова хотел отказаться, но увидел, что день клонится к закату. Лучше уж провести ночь здесь, чем в какой-нибудь полной опасностей чаще. К тому же нравы нимф и фавнов всегда интересовали его. В будущем, из которого пришел Дор, разнообразнейшие нимфы, нимфы на все случаи жизни, встречались по всему Ксанфу. А вот фавны стали редкостью. Почему? Может быть, разгадка здесь, в прошлом?

— Ладно, я остаюсь,— согласился Дор.— Пройду еще немного, проверю дорогу и приду на ваш праздник.

Дор любил праздники, любил ходить в гости, но ему не часто выпадало это удовольствие. Он имел привычку заводить разговоры со стенами, с мебелью, а хозяевам это почему-то не нравилось. Наверное, потому, что мебель иногда хранит тайны, которые пытаются скрыть под внешними приличиями. Ну и очень плохо, потому что тайная бесцеремонность куда интереснее. Вот такие они, взрослые,— стоит им объединиться в небольшую компанию, и они начинают вытворять бог знает что. А когда компания состоит из одного мужчины и одной жен-

щины, тут и вовсе ничего не поймешь. Если их занятия хороши и полезны, то почему они прячутся от всех? Дор никак не мог этого понять.

Фавны танцевали и наигрывали на дудочках, а Дор шел дальше, мимо озера, через гору. Волосы на головах фавнов закручивались наподобие рожек, а ногти на пальцах ног были так длинны, что напоминали копытца, но в остальном они ничем не отличались от людей. *Пока* не отличались. В следующие столетия рожки и копытца отвердеют и фавны станут подлинно волшебными существами. Впервые увидев фавнов, Дор принял их за настоящих, но теперь понял, что это была просто игра воображения. Оно и дорисовало еще не существующие детали.

Дор понял: присоединись он, ну или там кто-нибудь другой, сейчас к фавнам, и его волосы и ногти со временем тоже стали бы напоминать рожки и копытца. На копытцах ведь гораздо легче бегать по камням, а рожки пусть и слабая, но защита. К тому же рожки всегда при тебе, их не потеряешь, как, бывает, теряют оружие. И для танцев копытца, маленькие, твердые, аккуратные, подходят куда больше, чем плоские мягкие ступни.

«Я похож на гоблина»,— вдруг подумал Дор.

Фавны разделялись на роды, как и нимфы. Прелесники, живущие в лесах, имели зеленые волосы, а ноги и всю нижнюю часть тела покрывала мягкая коричневая шерсть. Рожки у них загибались вперед, помогая снимать с деревьев плоды. Копытца прелесники имели острые и поэтому с легкостью взбирались по отвесным стволам, а вот по земле ходили довольно неуклюже. Может, тут и разгадка их исчезновения. Допустим, они так преобразились, что смогли обитать только на деревьях. А потом с этими деревьями случилось какое-то бедствие, деревья исчезли. Вместе с деревьями исчезли, конечно, и их обитатели.

Горны, или фавны, обитающие в скалах, обладали более крепкими ногами. И рога напоминали козлиные или оленьи. Даже руки у них как-то так искривились, чтобы горны могли, изогнувшись, взбираться по горным склонам. Рога у них загибались назад — горны могли бодаться.

Ньюфавнленды, или фавны озер, носили уплощенные, похожие на плавники копытца, а рожки у них торчали вперед, как вилки. На эти вилки они, когда хотели есть, ловили глупую зазевавшуюся рыбешку. Нижнюю часть тела вместо шерсти покрывала нежная чешуя.

Один ньюфавнленд заметил Дора и весело крикнул: «Тебе бы встретиться с моим кузеном моренадом! Он живет в море, в которое впадает эта река. Чешуя у него прямо как у морского дракона и прекрасные плавники. Кузен отлично плавает, а вот по земле ходить не может».

Так, значит, у моренада есть чешуя и плавники. А не могло ли это дробление рода привести к появлению водяных, тритонов и русалок, окончательно сменивших ноги на хвост? И тут Дор припомнил, что вроде бы уже видел тритона. Здесь, в прошлом... Нет, ошибся, тритона он видел, но не здесь, не в прошлом, а в будущем, то есть в своем времени, и произошло это в замке у доброго волшебника Хамфри. В будущем не осталось никаких ньюфавнлендов, никаких моренадов. Не осталось, потому что они превратились в морских и речных тритонов, а наяды и ореады — в русалок. Что же получается? Получается, на его глазах нимфы и фавны делают первые шаги по тому пути, который в будущем приведет к полному изменению их рода. И Дор — живой свидетель начала этого многолетнего пути. Вот так чудо!

Но этот путь таил в себе угрозу. Ведь нимфы и фавны сначала были людьми, а потом постепенно перестали ими быть. Расчеловечились! Разве это не страшно? Да, ксанфская земля не отличалась добротой, но все же в течение столетий исчезло гораздо больше людей, чем могли унести войны и прочие кровавые стычки. А все из-за этого самого расчеловечивания. Люди покидали свой род, превращаясь в тритонов, русалок и разных прочих существ. Если бы так шло и дальше, в Ксанфе не осталось бы настоящих людей. Этому как раз и решил воспрепятствовать Трент при помощи установления связи с Обыкновением. Он хотел, чтобы в Ксанф свободно входили люди, новые люди, сильные, но при этом старался избежать ужаса новой волны нашествия. Теперь Дор оценил, насколько важным делом занимался Трент. Его родители, Бинк и Хамелеоша, сочувствовали взглядам Трента всей душой и помогали ему.

— Не отступайте, мамочка и папочка! — прошептал Дор.— Ваше дело гораздо важнее моего.

А между тем Дор напрочь забыл о своем деле: искать путь для зомби. Он оглянулся и обнаружил, что забрел в какие-то заросли. Что-то вроде травы, вполне безобидной, вот только по мере того, как Дор шел на запад, эта травка все росла и росла. Прошел еще немного и увидел, как из травки получились... деревья. Некоторые сверху были утыканы ветвями, голыми, без листьев, и ветви эти перекрещивались под прямым углом. Что же это за чудо такое? Дор мучительно припоминал и не мог припомнить. Если растения опасны, то чем? Это ведь не древопутаны, не утыканные иголками прикольные кактусы, не ядовитая куманика. Так что же в этих растениях тревожит его?

Не спросить ли у камней? Нет, нельзя, фавн не должен знать о его волшебном таланте. Если станет уж совсем худо, тогда придется, но теперь не время.

— Что это за растения такие? — решился спросить он у горна. Горну было неудобно ступать по ровной земле, но ради компании он храбрился.— Они опасны?

— Не знаю,— ответил горн.— Мы никогда так далеко не заходим. Ведь мы знаем, что вокруг полно опасностей. И что интересного в чужих землях?

— Весь мир интересен! — удивленно возразил Дор.

— А нам нет до него дела. Мы любим только свои скалы, озеро, лес. Это лучшее место в Ксанфе. Чудовища сюда не забредают, всегда тепло и солнечно, и еды в избытке. Тебе еще предстоит испробовать душистой росы. Божественный напиток!

— Но путешествия расширяют кругозор,— сказал Дор.

Он сам, увы, так мало путешествовал до того, как проник в гобелен. Но проделанный путь уже многому его научил.

— Тоже мне занятие, расширяться! — хмыкнул фавн.

От столь легкомысленного безразличия Дор просто оторопел:

— Ну а если, допустим, что-то случится с вашей горой, с озером, с деревьями и вам придется уходить? Ведь надо заранее знать, куда идти, надо готовиться.

— А зачем готовиться? — недоуменно спросил фавн.

И тут Дор окончательно понял, что не только рожки да копытца отличают их друг от друга. Фавны совсем иначе воспринимают мир. Они похожи на детей. Только дети могут позволить себе так легкомысленно относиться к необходимости быть осторожным.

Дор все яснее понимал, почему фавны почти исчезли из Ксанфа, а не менее легкомысленные нимфы остались. Кто такие нимфы? Очаровательные обнаженные девицы. А такие существа всегда нужны, вот они и выжили. Хочешь быть популярным, старайся походить на хорошенькую девушку; а внутрь никто не заглянет, внутри можно быть пустым, как та обманка в лесу. Вероятно, со временем нимфы, подобно гарпиям, напрочь лишатся мужчин своего рода и станут выходить замуж за чужаков.

Горн чувствовал себя все хуже. Дор заметил это и решил повернуть назад.

— Дорогу я нашел,— объяснил он.— Очень хорошая дорога. А что осталось, проверим завтра вместе с Прыгуном.

Горн страшно обрадовался. Он помчался назад, к горе, и вскоре к нему присоединились другие, менее предприимчивые фавны.

— Праздник! Все на праздник! — закричал горн, подпрыгивая по-козлиному.

— Праздник! Все на праздник! — подхватили другие.

Фавны разложили между горой и озером праздничный костер и подожгли его с помощью небольшой, но злобной саламандры. В будущем саламандры смогут уничтожать огнем все вокруг, кроме земли, но у этого древнего предка сил хватало, к счастью, только на костер. В небольшом аккуратном огоньке сгорят лишь веточки да прутики.

Козлоногие нарвали листьев, сделали из них налистники, укрепили их на палках и стали поджаривать. Озерные нимфы и ньюфавнленды принесли морских огурцов и настоящих крабов для Прыгуна. С одной стороны озера бил из-под земли шоколадный гейзер. Горячий шоколад всегда на вашем столе! Древесные существа прибавили к угощению орехов и пряников, а горные прикатили снежный ком — для прохладительных на-

питков. Дор испробовал душистой росы. Она и в самом деле оказалась чудесной — вкусной, крепкой, искрометной.

Нимфы и фавны уселись широким кругом около костра и приступили к пиршеству. Дор и Прыгун с радостью присоединились к ним. Наевшись до отвала, фавны вытащили дудочки и стали наигрывать, а нимфы — танцевать. Тела их причудливо колебались и покачивались. Дор никогда прежде не видел ничего подобного.

Вскоре фавны отложили дудочки и присоединились к нимфам. И вместе они стали выделывать нечто уж вовсе немыслимое. Это был уже не танец, а ритуал, напоминающий танец. Взрослые во времена Дора прячутся и стесняются, а нимфы и фавны — полюбуйтесь, занимаются этим открыто, без всяких церемоний!

— А с ними все в порядке? — озабоченно спросил Прыгун.— Извини мое любопытство. Я ведь совсем не разбираюсь в ваших нравах.

— В полном порядке,— ответил горн.— Просто мы так празднуем. Такой весенний праздник.

— А другие праздники у вас есть? — поинтересовался Дор.— Для прочих времен года?

— Каких прочих времен? У нас здесь всегда весна. Дети, конечно, после этого праздника не рождаются. Нас можно обвинить в легкомыслии, но мы просто обожаем такие праздники. И вы можете присоединиться.

— Благодарю,— ответил Прыгун,— но я не вижу там паучих.

— Я... я подожду,— пробормотал Дор.

Телом он, конечно, чувствовал искушение, но рассудок сказал «нет». Слишком рано ему. К тому же он снова вспомнил деревянную пустышку в лесу.

— Как хотите,— не обиделся горн.— У нас не заставляют. Каждый здесь делает только то, что ему по душе.

Горн еще немного понаблюдал и вдруг прыгнул вперед. Мимо как раз проходила какая-то горняшка. Горн схватил ее. Нимфа страстно вскрикнула, запрокинула голову и брыкнула изящной ножкой.

«Так уже было!» — мелькнуло в голове у Дора.

На долю секунды перед ним обнажилось то, что девушки обычно прячут под одеждой. Горн повалил нимфу на землю, и они совершили то, что явно понравилось обоим.

«Надо запомнить, что за чем идет»,— решил Дор. А вдруг и ему когда-нибудь придется заниматься тем же. Он понял, что отныне всегда при виде девичьих ножек будет вспоминать эту сцену. Он будет смотреть словно другими глазами.

— Если нимфы и фавны бессмертны и не имеют потомства, как же они развиваются? — прострекотал Прыгун.

— Может, они развивают сами себя,— ответил Дор.— С помощью волшебства.

— Иди ко мне! — прожурчала хорошенькая наяда, покачивая стройными чешуйчатыми бедрами.

— Извини...— начал было Прыгун.

— Но я зову Дора! — расхохоталась нимфа, и грудь ее при этом заколыхалась. Умопомрачительное колыхание... Может быть, нимфы знают об этом и потому так часто хохочут и вскрикивают.— Сбрось же свою глупую одежду и ступай ко мне! — позвала нимфа и топнула ножкой.

— Но... как же...— пробормотал Дор, не зная, как быть. Он решил, что не уступит, но искушение так велико! Нимфа прямо манит к себе... Но, уступив, он станет похож на фавна. Это будет первый шаг на пути превращения. Стоит ли его делать? Беззаботная жизнь, полная забав... Но что дальше? Разве смысл человеческой жизни в том, чтобы забавляться? Сначала надо выяснить, а уж потом делать шаг.

— Ну попробуй, хоть разочек,— уговаривала нимфа.

Она словно читала его мысли. Наверное, это нетрудно — в таких обстоятельствах все мужчины мыслят одинаково.

И вдруг прозвучал ухораздирающий рев, и на беззаботных весельчаков навалилась куча темных тел. Гоблины!

— Вербовка! Вербовка! — кричал главный, злорадно скаля зубы.— Кого поймаем, отправим в нашу армию!..

И он схватил за руку какого-то прелесника. Фавн был гораздо крупнее гоблина, но из-за страха не сумел ни убежать, ни защититься.

Нимфы запищали и брызнули кто куда — в воду, в лес, в горы. Фавны помчались следом. Никто и не подумал остановиться, сомкнуть ряды и выступить против насильников. Дор

видел, что гоблинов всего-навсего восемь, а нимф и фавнов — сотня, даже больше. В чем же секрет? Неужели само появление гоблинов так повлияло на беззаботных обитателей лесов и гор?

Дор потянулся за мечом. Он-то гоблинов не боится!

— Погоди, приятель,— остановил его Прыгун.— Это не наше дело.

— Неужели будем просто смотреть, как обижают наших друзей?

— А все ли мы знаем о происходящем? Все ли нам здесь понятно?

Слабое утешение, но с мнением Прыгуна надо согласиться.

А гоблины тем временем изловили пятерых здоровенных фавнов, бросили их на землю, повязали руки и ноги лозой. Гоблинам нужны были пленные, а не убитые. Пленных потом превратят в солдат. Прыгун опять оказался прав: размахивая мечом, Дор ничего не достиг бы. То есть ничего хорошего.

Но Дор никак не мог взять в толк одного: ну что это за существа такие, которые подпрыгивают от радости, встречая чужаков, и тут же отказываются помогать друг другу в беде. Если они не могут отстоять свою собственную...

— Пятеро,— сказал главный.— Еще один нужен.— И гоблин смерил Дора злобным взглядом.— Убить жука, взять мужика,— распорядился командир.

Гоблины окружили приятелей.

— Теперь это и нас касается! — сурово произнес Дор.

— Ты прав,— согласился паук.— Не вступить ли нам в переговоры?

— Переговоры?! — возмущенно выкрикнул Дор.— Они же сейчас разделаются с нами: тебя убьют, а меня возьмут в плен!

— Но ведь у нас больше ума, чем у них.

Дор тяжко вздохнул.

— Будьте добры, отстаньте,— обратился он к главному гоблину.— Мы в вашей войне не участвуем. И не желаем...

— Взять их! — скомандовал гоблин.

Очевидно, вербовщики не понимали, что Дор не фавн, что его нельзя приспособить в войско и заменить его силой силу пятерых гоблинов. Семеро солдат послушались приказа и бросились на Дора.

Прыгун взвился в воздух и обрушился на врагов. Дор выхватил меч и яростно взмахнул им. Меч так и блеснул. Что-что, а блестеть он умел. Двое гоблинов упали замертво, обливаясь быстро чернеющей кровью. Главный угодил в паутину, и Прыгун ловко связал его с помощью восьми умелых лап.

— Вон что с твоим командиром! — крикнул Дор и ударил мечом наступающего гоблина.

Четверо оставшихся оглянулись. И увидели, что главарь завяз в паутине и никак не может сражаться.

— Вытащите меня! — завопил он.

Солдаты бросились на помощь. Но если всемером против одного они нападали весьма ретиво, то теперь, оставшись вчетвером против одного, несколько утратили пыл. Победа или поражение были теперь в их крохотных грязных ручках.

И вдруг что-то темное обрушилось с небес. Гарпии!

— Свеженькое мясцо! — каркнула одна.

Главная! Дор распознал ее чин по полосам жирной грязи на крыльях.

— Поднимай! — скомандовала главная.

И грязные птицы схватили добычу: пятерых фавнов, троих раненых гоблинов и их спеленутого паутиной командира. Гигантские крылья хлопнули, взметая пыль.

— Фавнов отдайте! — крикнул Дор, так как среди пойманных оказался и его знакомый горн.

Птицы стали взмывать. Дор уцепился за ноги несчастного горна и потащил к себе. Гарпии так удивились, что уступили без боя.

Прыгун сделал подобие лассо, кинул и поймал за ноги возносящегося прелесника. Но трое фавнов вместе с четырьмя гоблинами исчезли в небе. Уцелевшие коротыши быстренько убежали.

Прав ли был Прыгун, когда помешал Дору раньше воспользоваться мечом? Кто его знает. Судьба гоблинов не заботила Дора, а вот фавнов жалко. Спас бы он их, если бы вовремя вступился? А может, самому надо было сдаться, позволить себя связать? Поздно искать ответ. Но Прыгун молодец — раз уж вступил в бой, повел себя очень разумно: вместо того чтобы впустую сражаться с солдатами, сразу обезоружил командира. Дор, конечно, ввязался бы в бой именно с солдатами. Прыгун пошел

по самому разумному пути, самому безопасному. Именно благодаря этому они, хотя и потеряли фавнов, не проиграли битву.

Постепенно возвращались участники незадавшегося праздника. Нимфы и фавны были в ужасе от нападения сразу и гоблинов, и гарпий. Трое их товарищей погибли. Теперь уж они будут знать, что и в их благословенных местах жить далеко не безопасно.

О продолжении праздника и речи быть не могло. Затушили костер и разбрелись спать. Дор и Прыгун выбрали для ночлега ветвь большого дерева. Это дерево никому не принадлежало, так как закона «одно дерево на одного» в прошлом еще не существовало. Мрачная ночь окружила спящих.

Наступило утро. Дор и Прыгун проснулись в хорошем настроении, но их ждал сюрприз: первая же встретившаяся им при свете дня нимфа завизжала и в страхе кинулась в воду, где, кстати, чуть не утонула, так как была не наядой, а ореадой. Несчастная попросту испугалась. И кого — Прыгуна! Фавны окружили приятелей недружелюбной толпой. Вид у козлоногих был довольно грозный. Дору снова пришлось повторить все сначала: назвать себя, представить Прыгуна. Нимфы и фавны напрочь забыли вчерашних гостей. Прыгун опять исполнил номер с прыжками, и опять все общество, обрадованное непревзойденной ловкостью паука, радостно приняло друзей в свой круг. О нападении вербовщиков забыли, об исчезнувших товарищах забыли целиком и полностью, и спасенный Дором горный фавн вряд ли помнил, что вчера был на волосок от гибели. Беззаботное общество знало одно — в эти благословенные края чудовища не заглядывают. Никогда! Нимфы и фавны не помнили о прошлом, не отягощали себя никаким опытом. Не в этом ли секрет их вечной юности и невинности? Взрослыми людей делает именно опыт. Вот и Дор постепенно взрослел.

— А гоблинам не очень повезло с этими новыми солдатами,— сказал Дор, когда они с Прыгуном покинули землю нимф и отправились дальше, на запад.— Разве можно доверять солдатам, которых каждый день всему надо учить заново?

— Ну а гарпиям все равно. Им лишь бы мясо,— заметил Прыгун.

Да, этим плевать и на память, и на беспамятство.

— Но заклинание действует только там, где живут нимфы и фавны,— продолжил паук.— Если уйти из тех мест, то через несколько дней оно потеряет силу. Еще немного — и мы остались бы среди этих красоток навсегда. Но у фавнов, которых утащили гоблины, должно скоро проясниться в голове.

— Я с тобой полностью согласен,— отозвался Дор. Он вспомнил наяду, манившую его в озеро, вспомнил ее подруг, их колышущиеся груди.— Стоило поддаться искушению, остаться на часок, включиться в общее веселье, и нас охватило бы забвение, мы погрузились бы в некий сладкий сон.

Дор поежился то ли от ужаса, то ли от щекочущего волнения.

Они шли все дальше, шли через заросли, оставляя за собой волшебные знаки. Нимфы и фавны на них не покусятся — они ведь не помнят, для чего эти знаки нужны. Армия зомби пройдет здесь примерно через день.

«Мы с Прыгуном наверняка прошли уже половину пути»,— мысленно решил Дор.

Самые грозные опасности, кажется, они уже миновали. Скоро замок Ругна. К вечеру они доберутся. Короля Ругна ждут хорошие новости.

— Неприятные растения,— прострекотал Прыгун.— Они меня тревожат.

— И меня,— подтвердил Дор.— Но они не вредные. Просто странные.

Паук осмотрелся. Он умел смотреть по сторонам, не поворачивая головы, не переводя взгляд. Просто надо было чувствовать, что именно его интересует. Дор приобрел в этом немалый опыт.

— А дорога прекрасная,— трещал паук.— Лучшей и быть не может. Ровная, гладкая, никаких зловредных тварей. Но что-то и в ней меня беспокоит.

— Самые прекрасные тропы иногда оказываются и самыми ужасными. Именно потому, что все идет так гладко, мы должны быть настороже,— сказал Дор.

— А давай сделаем так: ты пойдешь дальше этаким простодушным путешественником, а я загляну с другой стороны.— Паук нырнул в заросли и исчез.

Дор пошел дальше. Простодушия ему было и в самом деле не занимать. Они хорошо придумали: паук старше и опытнее Дора, его нельзя поймать в ловушку, потому что спасительная нить всегда при нем, а Дор... Дор такой большой, как обыкновен, грозный, у него такой острый меч. Если появится противник, он непременно смутится, завидев Дора. Прыгун успеет подкрасться и засесть в засаде. И если этот кто-то решит все-таки броситься на Дора, паук кинет лассо и вздернет дерзкого.

Теперь он пробирался сквозь заросли, которые сделались уже выше его головы и как будто обступали его все более тесной толпой, хотя и не двигались. Настоящих шагающих растений в Ксанфе вроде еще не было. Но лишний раз убедиться не повредит, поскольку можно передвигаться не только шагами. Древопутаны, к примеру, хватают тех, кто сам шагает мимо, хищная лоза обвивается вокруг глупцов, осмелившихся прикоснуться к ней, а есть растения, которые умеют выкапывать себя из земли и перемещать на новое место, если старое им уже не по вкусу. Нет, особенные растения, сквозь которые Дор сейчас пробирается, не перемещаются, в этом можно не сомневаться. Это он сам все дальше забирается в их гущу, и поэтому кажется, что растения становятся все выше и придвигаются все ближе. Растения были так однообразны, что затеряться среди них не составляет труда. Но Дор оставлял волшебные метки и поэтому в любую минуту мог отыскать дорогу назад. К тому же и Прыгун где-то здесь, наблюдает.

Ну что бы он делал без Прыгуна! Страшно даже подумать. Но не приходится сомневаться, что появление громадного паука было просто случайностью, то есть добрый волшебник Хамфри не запланировал его заранее, когда обдумывал путь Дора внутри гобелена. Однако без этой случайности Дор наверняка погиб бы уже в самом начале пути, при первой же стычке с гоблинами. А вот интересно, если бы он погиб здесь, то домой смог бы вернуться? Может, у Хамфри на этот случай заготовлен способ распустить гобелен и каким-то образом переткать заново, чтобы кусочек с погибшим Дором исчез и он вернулся домой живым и здоровым? Пусть так... но в этом все равно есть что-то унизительное. Гораздо лучше полагаться только на собственные силы... с помощью Прыгуна.

Но паук помогал не только своей физической мощью, не это главное. Главное — Прыгун обладал взрослой предусмотрительностью. И этому Дор у него постоянно учился. В юности, будь ты хоть дракон, хоть паук, хоть кто угодно, живешь счастливо, и ничто тебя не волнует. Все юные существа беззаботностью похожи на фавнов и нимф. Но фавнам и нимфам — существам, никогда не стареющим,— вольно быть и вечно беззаботными. Прочим же, подверженным влиянию времени, такая беззаботность может дорого обойтись. Дору представилось, что он из фавна постепенно превращается в мудрого паука.

Вообразив это превращение, он даже рассмеялся. Вот он в облике фавна, с маленькими рожками и копытцами. Потом вырастают еще четыре ноги, еще шесть глаз — и пожалуйста, готовый паук Дор! Разве в начале путешествия он мог представить, что такое придет ему в голову?

И тут его веселье как ветром сдуло. Потому что что-то случилось. Что-то тревожное. Он осмотрелся по сторонам, но ничего особенного не заметил. Вокруг были только растения, которые, кстати, опять уменьшились и доходили ему лишь до пояса. Откуда же взялась тревога? Непонятно.

Пожав плечами, Дор пошел дальше. Потом, чтобы показать, что ему все нипочем,— и заодно дать Прыгуну проверочный знак,— он принялся насвистывать. Получалось не блестяще, но сносно.

И опять это же тревожное нечто! Он остановился. Что-то заметил краем глаза... Прыгун?.. Нет, Прыгуна он узнал бы без труда. Вот когда пожалеешь, что у тебя всего два глаза... К черту осторожность! Раз уж он что-то заметил, то сейчас узнает наверняка.

Но узнавать было нечего. Вокруг только высокие заросли, похожие на обыкновенские, да ветер, время от времени шумящий в листве. Листва плотно прикрывала основания растений, но чем выше, тем становилась реже и мельче и наконец у верхушек совсем исчезала. Там и сям торчали голые верхушки, оснащенные вдобавок перекрещивающимися ветками, тоже лишенными листвы. Растения, конечно, странные, но совсем не страшные. Вполне возможно, что это просто уловители солнца или ветра. Голая верхушка улавливает сведения и передает

вниз, главной части растения. Многим растениям весьма небезразлично, что им несет погода. Ведь их благополучие зависит от малейших ее изменений.

Дор понял, что наверняка ничего не узнает, и бросил размышлять. Впрочем, можно порасспрашивать ветки, валяющиеся на тропинке. Но этот способ разузнать он тоже сразу отверг. Если он сейчас воспользуется магией, то, как ему казалось, станет чем-то похож на этих глупых фавнов. Фавны холят свое невежество, кичатся горой, деревцами и озером и вовсе не думают, что ум, проворство и смекалка помогли бы им гораздо больше. И если он сейчас ухватится за магию, вместо того чтобы призвать на помощь наблюдательность и здравый смысл, достойного взрослого мужчины из него не получится никогда. Король Трент ведь очень редко пользовался своим волшебным талантом. Только теперь Дор понял, почему король так поступал. Магию надо оставлять на крайний случай. Существуют иные качества, которые необходимо усилить. Поэтому он сдержался, избегая легкого пути. Он хотел решить задачу самостоятельно.

Может, то, что он искал, было невидимым. Там, где он живет, есть, говорят, невидимые великаны, хотя их... никто не видел. «Как же их увидишь?» — хихикнул Дор. Опять! А может, именно шум шагов заставляет растения двигаться? На этот раз ему несомненно удалось уловить движение: шевельнулась верхушка. И ветер здесь ни при чем — растение повернулось вполне осмысленно. Повернулось вслед за ним.

Что же происходит? Дор сделал несколько шагов, насвистывая и наблюдая,— антенна повернулась. Никаких сомнений! Растение следит! Следит за ним!

Ничего странного. У растений вполне хватает ума следить за враждебными им существами, потому что приближение чудовища или человека может означать немедленную гибель. Особенно если приближается рассерженная саламандра или человек, ищущий древесину для строительства дома. В этом случае антенна и приходит на выручку. И нет в них ничего страшного. Почему же Дор так встревожился? Да потому, что движение он уловил, а кто движется — не понял. Ведь до сих пор он счи-

тал, что двигаться могут кроме людей только животные, ну и путаны.

И, снова обретя утраченную было уверенность, Дор пошел дальше. А растений, увенчанных антеннами, попадалось на его пути все больше. Напрашивалась мысль, что антенна — признак зрелости у этих растений. Молодая поросль их не имела. Средние имели антенны, но неподвижные. А вот у зрелых были легко поворачивающиеся наблюдательные приспособления.

Ну что ж, если они только наблюдают, то и пусть себе. А можно ли это делать, не имея глаз? Не только человек обладает чувствами. Есть они и у других существ. И чувства эти не менее сильны, чем у человека. Может быть, растения слышат? Слышат, как он идет, слышат его смех, а смех для растений — звук весьма непривычный. Может, они чувствуют тепло его тела? Или до них доносится запах пота? А что эти неженки запоют, когда здесь пройдет армия зомби? Да тут просто паника начнется!

Лес — а теперь Дор шел именно по лесу — расступился, открылась поляна. В центре поляны было какое-то углубление, а в углублении — что-то похожее на холмик. Холмик явно древесный, вот только ни веток, ни листьев не видать. Какая странная штуковина!

Деревья-антенны вели себя спокойно. Значит, их роль наверняка не в том, чтобы защищать лес. Деревья просто сообщают об угрозе. Но кому? Должно быть еще что-то, способное действовать по сигналу деревьев. Может быть, этот холмик...

В другое время Дор попросту обошел бы непонятный предмет. Глупо связываться с неведомым, которое, вполне вероятно, таит в себе угрозу. Но сейчас Дор не просто беззаботный прохожий — он разведчик. И у него задание: проложить безопасный путь, чтобы зомби не угодили в ловушку. Наверняка эта непонятная куча вполне безвредна. Она ведь не двигается. Но надо проверить еще раз.

Дор, конечно, не собирался рисковать. Нет, в углубление он не полезет. Нашел сухую ветку и потянулся к холмику. Стоя на краю впадины, вполне можно дотянуться. Хотя надо быть готовым ко всему: вдруг вода вырвется фонтаном и заполнит углубление или холмик превратится в зловещую дыру. А если

это западня? Хищный древесный холмик, внутри пустой, подманивает животных и поедает...

Но ничего не случилось. Дор зря придумывал разные страхи. Ну зачем деревьям такие сверххитрости, когда они могут попросту схватить проходящую жертву, как делают путаны, или обстрелять чужака иглами, или напустить на него забудочное заклинание, или одурманить ароматами. Никто его, Дора, не подманивает. Он пришел сюда добровольно, ему надо найти самый удобный путь...

Древесная выпуклость неподвижна, а значит, безвредна. Зомби пройдут свободно... Тут Дор оглянулся. За спиной стоял Прыгун.

— Все в порядке? — протрещал паук.— Ты уже знаешь, что это за холмик?

Дор похолодел. Дурное предчувствие охватило его. Паук подошел так тихо, не подошел, а именно подкрался. Паук замышляет недоброе! Чего ему надо? Если бы Дор не оглянулся вовремя... Притворяется, злодей, что все хорошо, а на самом деле продолжает подкрадываться. Приблизится, бросится, снимет голову зловещими жвалами!

— Что-то случилось? — протрещал паук, жутко сверкнув гигантскими глазищами.— Ты какой-то грустный. Нужна помощь?..— И чудовище сделало шаг вперед на своих длинных волосатых лапах.

— Назад, предатель! — выкрикнул Дор и выхватил меч.— Прочь от меня!

Паук ловко отпрыгнул. Хочет показать, что сам застигнут врасплох? Теперь мечом его не достать.

— Что с тобой, приятель? — недоуменно проскрипел паук.— Я только хотел помочь.

Какое мерзкое двуличие! Вскипев, Дор ринулся на врага. Мечом он действовал с уверенностью, достойной удивления. За эту уверенность наверняка стоит поблагодарить не себя, а тело. Но паук тоже не растерялся. Он подпрыгнул и перелетел над самой головой Дора. Тот оглянулся. Паук сидел на древесном холмике посреди углубления. Дор был разъярен, но рассудка не потерял. В эту зловещую впадину его никто не загонит.

Приблизившись к самому краю, Дор стал наблюдать за противником.

А Прыгун тем временем проделывал какие-то движения. Балансируя на шести лапах, двумя оставшимися он рассекал воздух. Вызывает на бой?

— Я тебе ничего не сделал, а ты набросился на меня! — зло протрещало многолапое существо.— И угораздило же меня поверить врагу!

Палка, которой Дор собирался постучать по холмику, все еще валялась у его ног. Держа меч в правой руке, Дор наклонился и поднял палку.

— Сам ты предатель! — крикнул Дор и замахнулся палкой.

Нельзя было так делать. Паук ухватил петлей конец палки и рванул к себе. Дор едва устоял на ногах.

А Прыгун перемахнул через углубление и приземлился рядом с Дором. Он метнул еще одну петлю, ухватил Дора за руку, в которой тот держал меч, и потащил на землю. Но тренированное тело Дора не поддалось. Он рывком освободил руку. Тело было настолько велико и массивно, что огромный паук сам потерял равновесие. Ни одна из лап паука силой не могла сравниться с рукой Дора. Ведь паучьи лапы лишены мускулов... Прыгун не упал — нельзя упасть, имея восемь ног,— но накренился в сторону Дора. Тот встретил паука мечом. И, чтобы избежать верной смерти, паук подпрыгнул. Над сражающимися не было никаких ветвей. Поэтому взлетевшее в воздух тело должно было непременно упасть на землю. Дор поднял меч. Сейчас злодей напорется на острие и погибнет!

Но Дор не учел, что паук обладает поистине дьявольской ловкостью. Чудовище в самом деле упало на острие, но восемь лап, которыми оно ухватилось за верхушку, помогли ему спружинить и избежать гибели. Зато под его весом рука, державшая меч, резко опустилась. Дор упал на землю и мгновенно очутился во власти паука, то есть в паутине.

Дор размахнулся и левой рукой ударил паука. Прямо в мягкое брюхо! Нити, которые паук выпускал именно оттуда, натянулись и лопнули.

Дор хотел ударить ногой, но опять совершил ошибку. Паук ухватил его за ногу и обмотал паутиной. Теперь Дор был свя-

зан не только по рукам. Эти хилые паучьи лапы на самом деле невероятно ловки.

Дор упал навзничь, стараясь освободиться от пут. Но паук одержал верх. Теперь он бегал вокруг Дора, обматывая его все плотнее и плотнее. Дор сопротивлялся изо всех сил, но с каждой минутой сил у него оставалось все меньше. И вот уже не Дор, а какой-то кокон лежит на земле.

Чудовище придвинулось к Дору. Сейчас оно раздавит его своими ужасными клешнями, превратит в кашу. Выползают острые когти... фонарями горят глаза.

Дор закричал, забился, замотал головой. Как Милли! Вот беда! Но даже на краю гибели он хотел разобраться по-человечески.

— Зачем ты притворялся другом? — спросил он у чудовища.

— Прямо-таки чудесный вопрос! — протрещало чудовище, сжав челюсти. Потом ухватилось за веревки и поволокло несчастного пленника к ближайшему дереву...

Антенна беспомощно повернулась вслед за ним. Паук вспрыгнул на толстую ветку, прикрепил нить, потом старательно подтащил ее повыше, так что Дор беспомощно заболтался в воздухе. Прыгун спустился на подтяжке и повис рядом.

— Так вот, приятель,— протрещал паук,— я вовсе не притворялся, когда вел себя по-дружески. Я заключил с тобой мир и соблюдал договор, веря, что и ты будешь его соблюдать. А ты вдруг набросился на меня с мечом. Я вынужден был защищаться. Это ты, парень, самый главный притворщик.

— Ошибаешься! — крикнул Дор, тщетно пытаясь избавиться от пут.— Это ты подкрался.

— Могло показаться, что подкрался, допускаю, но набросился все же ты, а не я.

— Но ты ведь прыгнул на меня, ты перехватил мой меч. Именно набросился.

— Я прыгнул не раньше, чем ты направил на меня меч и ткнул в меня веткой. Тут я раскусил твою коварную натуру и стал защищаться... Но до этой минуты никакой враждебности к тебе я не чувствовал. Меч я еще стерпел, но ветка меня взбесила. Чудно как-то.

— Сам не можешь постичь, насколько ты недобрый?

— Что-то здесь не так. А ты сам когда на меня обозлился?

— Не раньше, чем ты подкрался ко мне с мыслью убить!

— А когда это я подкрался к тебе с мыслью убить?

— Брось свои шуточки,— пригрозил Дор.— Ты ведь знал, что все мое внимание поглощено этим древесным холмиком.

— Древесным холмиком,— задумчиво повторил паук.— Знаешь, я вскипел ненавистью к тебе, именно когда приземлился на древесный холмик. Случайность ли это?

— Какая разница! — снова крикнул Дор.— Ты ведь первый подкрался!

— А ну-ка пошевели мозгами. Ты углядел этот древесный холмик. А увидеть — все равно что коснуться. Ты коснулся холмика взглядом, и злоба ко мне сразу же охватила тебя. Именно древесный холмик виноват в случившемся...

Под влиянием рассуждений Прыгуна Дор постепенно успокаивался. Он и в самом деле увидел холмик как раз перед тем... что случилось. Он знал, что паук ему враг, но...

— Магия способна творить чудеса,— рассуждал Прыгун.— Можно ли с ее помощью превратить дружбу во вражду?

— Если можно заставить врагов стать друзьями, то можно и наоборот,— уныло ответил Дор.

— Растения с антеннами следили за нами. Окажись мы врагами, как бы лес смог себя защитить?

— Только при помощи чар,— ответил Дор.— Ведь генетными способностями эти деревья явно не наделены. Лес мог бы наслать на нас сон, или чесотку, или что-нибудь еще.

— Наслать на нас вражду друг к другу мог бы?

— А почему бы и нет. Все возможно... Мы кинулись друг на дружку из-за колдовства?!

— Я же сказал: антенны следили за нами. Если бы мы прошли быстро, ничего, возможно, и не случилось бы. Но мы шли медленно, разглядывали да рассматривали. Вот лес и решил встать на свою защиту. То есть поссорить нас. Превратить из друзей во врагов. Разве это не остроумно?

— Поменять чувства! Значит, чем сильнее была дружба, тем яростнее...

— Ух как я зол на тебя! — протрещал Прыгун.

— А я прямо так и киплю ненавистью! — подхватил Дор.

— Вот как жарко мы ненавидим друг друга. Столь кипучую ненависть можно сотворить только из очень пылкой дружбы.

— Верно! — согласился Дор, у которого сразу полегчало на душе.— Ну и заклинаньице! Ведь оно может армии повернуть друг против друга! Стоит приблизиться к холмику, заметить его, и волшебство начинает действовать.

Теперь рассудок окончательно вернулся к нему. Они стали жертвами злобных чар. Ненависть к Прыгуну развеивалась, как дым. Для ненависти не было причин. Ведь Прыгун не подкрался коварно, а просто молча подошел, когда Дор был поглощен созерцанием холмика. Только под влиянием колдовства он принял друга за врага.

— Можно теперь тебя развязать? — спросил паук.

— Развязывай. Я ведь все понял. Это было временное наваждение. Теперь оно улетучилось.

— Рассудок любую магию победит,— заметил Прыгун.— Я сожалею, что так случилось.

— И я. Прости меня, друг. Мне просто надо было сообразить...

— Но и я не удержался. Чувства взяли верх над разумом... Почти взяли.

— И как это ты не снес мне голову? Я уж думал — все.

— Искушение и в самом деле было велико. Но у нас не принято убивать беззащитную жертву, если желудок не пуст и не требует еды. Мы позволяем нашей пище гулять до времени на воле в живом виде. А что касается меня, то я не любитель человеческого мяса. Значит, твоя гибель противоречила бы логике, и это не давало мне покоя. Я поклонник логики и люблю руководствоваться ею всегда и во всем. Пытаться понять ситуацию, дойти до истины — вот моя всегдашняя цель. Не путаться в собственной паутине, как мы, пауки, говорим.

— А я вот запутался,— с сожалением заметил Дор.— Кинулся в драку сломя голову.

— Тебе еще можно. Ты ведь младше меня,— утешил его Прыгун.

Младше, поэтому глупее, поэтому невежественнее, поэтому куда легче поддается чувствам. Ведь это уже не в первый раз! И опять мудрость паука спасла их, мудрость подсказала: чтобы сбросить заклинание, необходимо время.

— А сколько тебе лет, Прыгун?

— Я вылупился полгода назад, весной.

— Полгода! — воскликнул Дор.— А ведь я вылупился... то есть выродился целых двенадцать лет назад! Получается, что я старше.

— Попросту у пауков и у людей — разное исчисление возраста,— вежливо возразил Прыгун.— Через три месяца я умру. Умру от старости.

— Но мы едва познакомились,— с горечью произнес Дор.

— Смысл не в том, сколько живешь, а как живешь,— ответил паук.— У нас с тобой получилось замечательное путешествие.

— Если бы еще гоблинов и обыкновенов не было,— подхватил Дор, вспоминая прошедшие события.

— Но если бы не было обыкновенов, не было бы, вполне возможно, и нашего путешествия. Обыкновены причинили мне боль. И ты отважился на поиски живой воды именно для того, чтобы облегчить мои страдания. Путь сулил много опасностей, но я поверил, что ты не подведешь. Не унывай, завершим без сожаления начатое дело.

«А согласился бы я, чтобы убедиться в преданности Прыгуна, пожертвовать ногой?» — мысленно спросил себя Дор и мысленно же дал отрицательный ответ. Нет, такие поступки ему еще не понятны.

Друзья густо обставили древесную выпуклость волшебными знаками. Эта лесная защитница, конечно, хитра, но, если ее выделить поярче, зомби заметят и обойдут.

Дор окончательно пришел в себя. Ни капли враждебного волшебства не осталось у него в крови. А тут еще эта новость — Прыгуну осталось жить три месяца!

Глава 10

СРАЖЕНИЕ

День уже перевалил за половину. Путники достигли замка Ругна без новых происшествий. Принесенные ими новости очень обрадовали короля.

— Значит, ты убедил повелителя зомби! Как же тебе удалось?

— Милли помогла. Это во многом ее заслуга,— скромно ответил Дор. Он помнил, что его собственные возможности имеют границы.— Она согласилась стать женой повелителя зомби.

— Наверняка всем вам пришлось нелегко,— предположил король.

— Нелегко,— согласился Дор, но подробно объяснять не стал.

— А когда прибудут зомби?

— Примерно через день, если ничего не помешает,— ответил Дор, потом приложил руку ко рту и тихо добавил: — Мы пометили дорогу волшебными знаками, поэтому ничто не может помешать.

— Будем надеяться,— сухо согласился король.— Плохо, что у нас нет постоянной связи. Ее невозможно установить: гоблины шарят по земле, гарпии — в воздухе. Я не отважился призвать свои отряды. Ведь им пришлось бы проходить по землям, занятым чудовищами. Они подверглись бы опасности. У меня нет военных курьеров. А впрочем...— Тут король задумался. Дора охватило беспокойство: значит, у Ругна нет сил для защиты замка! — Плохо, что поблизости нет никакой реки,— сказал король.— Придется воспользоваться землей.

— Значит, нам помогут лошадроны! — воскликнул Дор.

— Увы. Драконов я тоже отпустил по домам. Там нужны защитники. Жилища драконов все-таки более уязвимы, чем окруженный высокими стенами замок Ругна. Рыбы... Какие у нас есть рыбы? Пойдем посмотрим.

— Рыбы? — в недоумении спросил Дор.— Но ведь эти существа...

Но Ругн уже направился к королевскому пруду. Дор теперь не просто тревожился, он боялся: вокруг ни отрядов, ни драконов, а король рыбками решил заняться?!

Тем временем король действительно поймал какую-то рыбешку. Золотую рыбку!

— Ну-ка,— пробормотал король, сосредоточиваясь.

Рыбешка из золотой стала синей. Вода покрылась льдом.

— Ой, это уже какая-то холодная закуска получилась,— прошептал Ругн.— Закуска нам сейчас ни к чему.

И снова король собрал всю свою волю. Синяя рыбка стала красной. Вода закипела. Рыбка ударила хвостом.

— Опять не то. Вышла уха. Не везет мне сегодня.

Дор наблюдал с большим интересом. На его глазах король терпел неудачу за неудачей, но за один такой промах можно было без колебаний отдать сто успехов более слабых в деле магии личностей.

Король снова взял себя в руки. Ушастая рыба-уха стала коричневой, похожей на червяка.

— А, вот мой землячок,— радостно воскликнул король.

Он написал письмо, скатал в шарик и сунул в рот землячку.

— Ползи к армии зомби,— велел он,— и возвращайся назад с ответом от повелителя зомби.

Землячок кивнул, пролез сквозь стену и исчез в стенке пруда.

— Так, посмотрим дальше,— потер руки король и пошел к королевскому птичнику.

Там он поймал какую-то птицу. По виду голубя, но совершенно круглого, словно надутого. Крылья у странного голубя были короткие, явно не для полета; лапки и клюв едва видны.

— Ну, этот почтальон в таком виде не годится.

И вдруг нечто вроде большого капустного листа обернулось вокруг голубиного тела.

— Нет, не надо! — замахал руками король.— Неужели Мэрфи будет совать нос даже в мелочи? Никаких голубцов! Мне нужен не червяк, но и не птица, а этакая землица...

И голубь-голубец из зеленого стал коричневым, похожим на червяка, в которого превратилась уха.

— Вот это то, что нужно! — обрадовался король.— Жди, землица, и никуда не отлучайся. Ты можешь понадобиться в любую минуту.

Затем король вспомнил о Доре и обратился к нему с такими словами:

— Волшебник, я не очень хорошо знаком с тобой, но в твоей честности не сомневаюсь. И в честности твоего друга паука тоже. Мне сейчас ужасно недостает помощников. Не сослужите ли вы мне службу?

— Государь,— удивленно произнес Дор,— я здесь только гость. И скоро, очень скоро наступит срок отправляться домой.

— Я предложил бы подвезти, как раньше, но у меня сейчас нет средств,— мрачно усмехнулся король.— Гоблины окружили замок. Единственный путь отступления для вас — опять к замку повелителя зомби, но и этот, вероятно, уже отрезан. Советую переждать осаду здесь, в замке Ругна, даже если вы отказываете мне в помощи.

— Еще одна осада! Но я только что оттуда.

— Уверяю тебя, эта осада будет совсем другая. Гораздо хуже. У нас здесь больше возможностей, чем в замке повелителя зомби, но и положение куда сложнее. Лучше уж сражаться с обыкновенами, чем с гоблинами и гарпиями.

И король драконов говорил о том же. Неужели будет хуже, чем в замке повелителя зомби? В это трудно поверить. Дору уже приходилось сталкиваться с гоблинами и гарпиями. Они отвратительны, но не более того. К тому же они вовсе не собираются нападать на замок Ругна, просто так случилось, что война, которую они затеяли между собой, развернулась в окрестностях замка. Но прорываться сквозь воюющие орды чудовищ рискованно.

— Хорошо,— согласился Дор.— У меня в запасе еще несколько дней. Если надо, я могу помочь.

— Прекрасно! Я попрошу тебя отправиться на северную стену. Там находится отряд кентавров, командование которым ты и возьмешь в свои руки. И построже с ними. Я думаю, что они проявят к тебе уважение. Пока есть возможность, кентавры должны продолжать строительство стены. Каждый камень, вставший на нужное место, будет означать укрепление нашей безопасности.

— Ну какой из меня командир! — горячо возразил Дор.— Я всего-навсего...

— Мои гонцы, прежде чем началась осада, доносили о твоих успехах. Воин ты еще и в самом деле неопытный, но у тебя славное будущее. Во время атаки обыкновенов на замок повелителя зомби ты показал себя с лучшей стороны.

— Так государь все знает? Я и не подозревал.

— Король есть король,— рассмеялся Ругн.— Он обязан знать гораздо больше окружающих, но всячески скрывать свою осве-

домленность. Мои гонцы не могли подойти близко к полю боя, но теперь, сравнивая их рассказы с твоими, я припоминаю, что уже как будто слышал и о некоем храбреце, заключившем сделку с чудовищами, и о зеленых лентах. К тому же я держал в руках донесение от короля драконов. Из всего мною узнанного я сделал вывод, что тебе вполне можно доверять. Но сведений из первых рук у меня не было. Вот почему мне так хотелось побыстрее выслушать твой рассказ.

Но полученное королем из вторых рук тоже было ничего себе! Король Ругн чем-то очень напоминал короля Трента. А может, вообще все короли похожи? Короли — самые взрослые среди взрослых людей.

— Когда-нибудь ты все поймешь, Дор,— сказал король Ругн.— Несомненно, в свое время в своей земле ты станешь королем. Прими предложение послужить мне еще раз как некую плату за то, что ты сделал для меня. Тебе, будущему королю, опыт просто необходим.

«Ругн просит еще раз помочь ему,— размышлял Дор.— Но в моей помощи будет, как он утверждает, для меня и награда. Ничего не понимаю. Если это так называемая взрослая логика, то я до нее еще не дорос».

Так он размышлял, но спорить не стал.

Землячок выставил голову из земли прямо у их ног. Король извлек бумажный шарик у него изо рта.

— Благодарю за службу, посыльный,— сказал король.— Возвращайся в пруд и отдыхай.— Король развернул бумажку.— Это записка от самого повелителя зомби,— хмуро проговорил он.— Обозначенная тобой дорога неплоха, но в настоящую минуту их окружили гоблины. Армия зомби не может двигаться дальше.

— А где находится армия?

— Как раз за антенным лесом.

Дор вспомнил безобразную драку с самым преданным другом и пришел в ужас: если гоблины разворошат чащу этого леса...

— Если гоблины затронут чащу, случится беда.

— Гоблины очень осторожны,— успокоил его король.— Они ждут, пока зомби пройдут лес, а потом уж начнут как-то действовать.

— А зачем гоблинам нужны зомби? Ведь они воюют с гарпиями.

— Умно подмечено. Значит, армия зомби пройдет без всякого вреда. Разве что случится нечто непредвиденное.

— И непредвиденное, кажется, тут как тут,— сказал Дор.— Этот волшебник Мэрфи начинает выводить меня из терпения.

— О, я борюсь с его проделками с самого начала войны. Ты видел эту уху, этого голубца. В спокойное время я не трачу на превращения столько усилий. Ну что ж, согласимся, что таким образом мы укрепляем свою волю.

— Наверняка,— кивнул Дор.— Я, во всяком случае, учусь держать ухо востро, поскольку уже убедился, что само собой ничего толком не устроится.

Король посмотрел на восток, хотя то, что его волновало, было слишком далеко даже для столь проницательного взора.

— Вполне возможно,— произнес он,— что антенный лес раздражен таким большим войском и может отомстить: вбить в головы гоблинам, что зомби — их враги.

— Но если гоблины не войдут в лес...

— Армия, допустим, не войдет, но разведчики... Разведчики должны будут все разузнать, как вы с Прыгуном. И если они вернутся со сведениями о каких-то вражеских силах...

— Надо спасать зомби! — крикнул Дор.

— Но у нас в самом деле нет сил,— с горечью сказал король.— Разве что кентавры, но им следует заканчивать стену. Поэтому я и позвал на помощь зомби. Кто знает, удастся ли нам защитить недостроенный замок. Поэтому ни в коем случае нельзя распылять силы.

— Но ведь зомби и идут к тебе на помощь! Даже если не распылишь силы на их выручку, то, вполне вероятно, все равно пропадешь,— убеждал Дор.

— Да, я могу потерпеть неудачу вопреки всем усилиям. Мэрфи... он действует твердо, препятствуя мне во всем.

— Получается, что я терпел все эти неприятности только для того, чтобы повелитель зомби и Милли достались гоблинам? — вспылил Дор.— Нет, я не брошу их в беде!

— Не советую тебе рисковать. Я сочувствую повелителю зомби и Милли, но на моих плечах лежит ответственность за

многих других. И эта ответственность тяжелее сентиментальных чувств. Но уверяю тебя, отсюда, из замка Ругна, мы поможем им с гораздо большим успехом, если вообще сумеем помочь.

Дор начал было кипятиться, но вдруг припомнил, как Прыгун взял себя в руки в антенном лесу и тем самым спас положение. Логика должна властвовать над чувствами!

— И как же нам спасти армию? — спросил Дор.

— Если бы удалось подманить эскадрон гарпий...

— Здорово! — воскликнул Дор.— Тогда гарпии набросятся на гоблинов, завяжется потасовка, и им будет уже не до зомби. Но как же подманить гарпий? На просьбы они вряд ли откликнутся.

— Значит, вся сложность в приманке. Надо, чтобы они прилетели сюда, но при этом не тронули никого из наших.

— Я придумал,— взволнованно произнес Дор.— У вас есть катапульта?

— Есть. Но ведь гарпий не интересуют пролетающие камни.

— Если я эти камни заколдую, заинтересуют,— заявил Дор.— Мне надо поговорить с боеприпасами.

— Боеприпасы находятся на северной стене. Как раз туда я и собирался направить тебя.

— Вот как! Значит, в чем-то дела идут как надо? — улыбнулся Дор.

— Линия событий весьма сложна. Мэрфи не в силах уследить за всем. Мы оба находимся в страшном напряжении, и скоро окончательно выяснится, кто из нас самый сильный волшебник.

— К тому же нам помогают и другие волшебники,— напомнил Дор.

— Но единственный неверный шаг — и все полетит вверх тормашками. Тут уж с Мэрфи мало кто из волшебников сможет сравниться.

— Пойду-ка я лучше к катапульте,— проговорил Дор.— А известно, где сейчас находятся гарпии?

— Кентавры знают. Они не любят ни гарпий, ни гоблинов и все про них знают,— заверил король.— А я пошлю повелите-

лю зомби еще одну записку. Посоветую ему двигаться вперед по возможности быстрее, как только появятся птички.

Дор быстро направился к северной стене. Стена эта, хоть и недостроенная, была гораздо мощнее, чем те, которые окружали замок повелителя зомби. Трудно вообразить, что крошечным гоблинам удастся одолеть ее, особенно если они втянутся в водоворот битвы с гарпиями.

По узкой лестнице можно было взобраться на стену. Кентавры взволнованно ходили по ней туда-сюда. Что это были за кентавры? Они не напоминали ни ученых из будущего, ни воинов из других времен. Эти выглядели как обыкновенные работяги, вооруженные отнюдь не до зубов. У каждого, правда, были при себе лук и колчан со стрелами. Кентавры всегда славились как отличные стрелки.

Строительные работы не должны были прерываться ни на минуту, но Дор обнаружил, что камни лежат на земле, а вся бригада толпится на стене и что-то высматривает.

— Меня прислал король,— сообщил Дор.— Надо сделать вот что: во-первых, достроить эту стену, прежде чем начнется штурм; во-вторых, защитить стену; в-третьих, у нас есть особое задание. Я... я заколдую ядра, которыми мы будем стрелять из катапульты, и потом...

— А кто ты такой? — перебил его один из кентавров. Это с ним Дор столкнулся в самом начале; это он отказался ответить, где находится король Ругн; это из-за него кентавры набросились на Прыгуна.

Вот беда — работать с таким типом, с такой компанией!

Беда? Нет, не просто беда, а проделки Мэрфи! Проклятие на самом деле не слабело, а напротив, набирало силу. Чем ближе конец, тем хуже. Дор обрадовался, что катапульта находится именно там, куда его послал король, а радоваться вовсе не следовало. Уж лучше бы эта катапульта оказалась где-нибудь в погребе.

Но проклятие проклятием, а дело делом. Отступать нельзя. К тому же он худо-бедно, но волшебник, и если понадобится...

— Я волшебник Дор,— холодно ответил Дор.— И я требую к себе надлежащего уважения.

— Паучий дружок,— съехидничал кентавр и упер руки в бока. Это был крупнотелый, мускулистый грубиян, ростом повыше Дора.

«Не проучить ли его мечом? Сразу присмиреет»,— подумал Дор, но отказался от своей мысли. Для меча просто унизительно разбираться в уличной перепалке.

Насмешник бросил вызов и ждал, что будет дальше. Нет времени выбирать выражения, нет времени на уговоры. Действовать надо быстро и точно. Дор мучительно искал, что ему может помочь. Выхода нет, надо использовать волшебный талант.

— Отойдем в сторонку, кентавр,— сказал Дор.— Я хочу поговорить с тобой наедине.

— Куда это я с тобой пойду, паучий любимчик? — недоверчиво спросил кентавр. Потом сделал шаг вперед и замахнулся кулаком, но острие меча было уже тут как тут, у самого его горла. Опять тело опередило разум. Но в этом случае его следовало только поблагодарить.

Кентавр сразу утратил задор. Меч все-таки не шутка, еще убьет. И кентавр согласился на разговор.

«А в случае чего,— решил он,— задам ему хорошую трепку».

Дор опустил меч и пошел вперед. Его словно совсем перестало заботить поведение кентавра. А тот шел сзади и вполне мог ударить. Но это была бы подлость и позор на всю деревню, ведь другие кентавры стояли неподалеку и все видели. Кентавр и новоявленный командир отошли в сторону, туда, где, укрытая за зубцами стены, стояла катапульта.

Дор повернулся и вперил взор в рабочую одежду кентавра.

— Как его зовут? — спросил он у одежды.

— Его зовут Сердик,— ответила одежда.

Кентавр услышал голос и вздрогнул от удивления.

— От чего Сердик страдает больше всего? — задал новый вопрос Дор.

— Он импотент,— ответила одежда.

— Эй ты...— угрожающе заворчал Сердик, но тайна уже вышла наружу.

Что такое импотент? Дор не совсем понял и решил выяснить. Выяснить просто необходимо.

— Что такое импотент? — вновь спросил он.

— Сердик.

— Нет, я хотел спросить, что значит слово «импотент»?

— Импотенцию.

— Не понимаю.

— Тогда ты неправильно спросил. Надо спросить: «Что такое импотенция?» — поправила Дора одежда.

— Хватит! — вне себя от волнения проревел кентавр.— Я запущу в действие катапульту! Сделаю все, что ты хочешь!

— Не обижайся,— успокоил его Дор.— Я ведь не насмехаюсь над тобой, а пытаюсь помочь. Но сначала хочу выяснить, в чем суть твоей беды.

— Хорошенькая задачка! — хихикнула одежда.

— А ну перестань умничать! — прикрикнул на нее Дор.— Объясни, что значит импотенция.

— Конь лишается конской силы. Всякий раз, когда пытается...

— Молчать! — оборвал Сердик.— Командир, я же сказал, что согласен заняться катапультой, согласен на любую работу. И обзывать тебя больше не стану! Ну чего тебе еще надо?

Дор наконец что-то понял. Импотенция, наверное, похожа на чувство, которое он испытывал, когда запрещал телу обнимать Милли, когда отказывался бултыхнуться в озеро к нимфам.

— Мне от тебя ничего не надо,— сказал Дор.— Наоборот, я...

— Приведи ему, бедняжке, какую-нибудь девицу,— съехидничала одежда.— Увидишь, какая начнется потеха.

Багровый от ярости кентавр ухватился за одежду и с силой рванул ее.

— Ну перестань же,— остановил насмешницу Дор.— Я хочу, чтобы все было мирно. Сердик, никто не узнает от меня твой секрет. А ты,— обратился он к одежде,— хоть и пострадала, но говорить еще можешь. Продолжай рассказ.

— Но мне так больно,— простонала одежда.

— И Сердику не лучше. Стыдно смеяться над бедой ближнего.— Тут Дор припомнил, как над ним насмехались мальчишки постарше. Это было там, в его времени.

— Стыд и позор,— поддакнул кентавр.

— А кто виноват в беде Сердика?

— Заклинание,— угодливо ответила одежда.

— Какое заклинание?

— Бессильное, конечно, глупец!

— Брось так говорить с волшебником! — рассердился кентавр и дернул за одежду.

— Я хотел спросить, как оно действует?

— В один прекрасный миг желание как бы тормозит. Значит...

— Чем энергичнее желание, тем сильнее торможение,— закончил Дор. Он вспомнил, что пережил в антенном лесу. Это не заклинание, а просто подлость!

— И вот, значит, когда Сердик приближается к своей аппетитной, серой в яблоках подружке, наступает...

— Я сожгу эти тряпки! — прорычал Сердик. Но кентавр узнал и нечто приятное: он ведь думал, что причина слабости в нем самом, а теперь, как выяснилось, виновато постороннее его телу заклинание.

— А как можно уничтожить это заклинание? — спросил он.

— Кто его знает,— ответила одежда.— Мое дело маленькое, я ведь только для прикрытия тела служу, ну и наблюдаю, что на улице происходит.

— Как же ты узнала о заклинании?

— Этот простофиля захрапел, а его тем временем и околдовали. Я видела. Мне всегда не спится.

— А тебе и должно не спаться! — пробурчал кентавр.— Только живые спать умеют. Вы мне скажите, кто же мог со мной такое учинить?

Одежда промолчала.

— Может, Дикая Рожа, соперничек мой, постарался? Ну я ему накручу хвост!

— Кто заколдовал Сердика? — повторил Дор вопрос кентавра.

— Селестина,— небрежно бросила одежда.

— Девчонка! Я же с ней хожу! — воскликнул кентавр.— И чего она вдруг...— Кентавр замолк, явно что-то сообразив.— Вот бестия лошадиная! А я все думал, с чего она такая угодливая, так

вокруг меня и вьется, утешает. Она, получается, на меня хворь и напустила...

— Лечения я, увы, предложить не могу,— сказал Дор.

— Все нормально, волшебник,— бодро успокоил его кентавр.— Это, как ты сказал, магия? А среди кентавров магию не уважают. Стало быть, чертовка заняла чары у какой-нибудь ведьмы людского рода. Я так сделаю: пойду к стряпчему колдуну, который разные снадобья злые стряпает, и куплю у него лекарство на мою слабость. Но Селестине не скажу,— улыбнулся Сердик, явно что-то предвкушая.— Нет, не скажу. Будет она вокруг меня виться, насмешки строить, я же... поднесу ей подарочек! Очень она этому подарочку удивится.

Сердик и Дор вернулись к остальным.

— Ну что, разобрался с паучьим дружком? Все в порядке? — спросил один из кентавров.

— У меня все в порядке,— смерил его Сердик ледяным взглядом.— *И у волшебника,*— подчеркнул он,— тоже. Теперь будем слушаться его беспрекословно и все приказы исполнять.

Сердик произнес эти слова прямо-таки железным тоном.

Прочие кентавры явно были недовольны, но Дор сделал вид, что не замечает. Теперь уж они будут слушаться.

— Куда стрелять, чтобы гарпии заметили? — спросил Дор.

— Туда вон,— кивком указал на север кентавр, стоявший у перил.

— Туда, господин,— поправил невежду Сердик, слегка ткнув его кулаком в бок.— Знай, как обращаться к командиру.

— Давайте без церемоний. Называйте меня просто Дор,— предложил Дор. Теперь, когда с дисциплиной все в порядке, он решил вести себя запросто.

— Гарпии летят от Провала, господин Дор,— любезно объяснил кентавр, стоявший у перил.

— А можно направить ядро к юго-западу от них?

— Я могу сбить их предводительницу, уважаемый Дор! — заявил Сердик.— Попасть прямо ей в глотку.

— Отлично, но надо на юго-запад.

— Пушку готовь! — скомандовал Сердик.

Кентавры столпились вокруг катапульты, повернули механизм, подняли тяжелое ядро и вставили в пращу. Потом нацелили катапульту и настроили.

— Теперь я скажу тебе слова,— обратился Дор к ядру,— ты будешь повторять их, пока не упадешь. Гарпии — дурацкие вонючки! Ну, повтори.

— Гарпии — дурацкие вонючки! — радостно повторил камень.

— Огонь,— скомандовал Дор.

Сердик произвел выстрел. Пружина распрямилась. Ядро сделало дугу над лесом.

— Гарпии — ду-у-у...— послышалось сверху.

Дальнейшее заглушило расстояние.

— Теперь надо послать ядро к юго-востоку от первого,— распорядился Дор.— Ядра будем посылать до тех пор, пока не образуется цепь, ведущая гарпий на восток, поближе к антенному лесу.

— Понимаю, волшебник,— сказал Сердик.— А потом что?

— Там, у леса, гарпии встретятся с гоблинами.

— И расколошматят друг дружку! — радостно продолжил Сердик.

Дор тоже на это надеялся. Если гарпий прилетит слишком мало, гоблины не испугаются и займутся зомби. Но если гарпий прилетит слишком много, тогда уж они кинутся на несчастных. И ход с обзывающими ядрами может пройти впустую. Уже множились вести, что неисчислимые орды гоблинов движутся с юга, а затмевающие собой солнце стаи гарпий летят с севера. Проклятие волшебника Мэрфи все еще действует, превращая замок Ругна в средоточие военных действий.

— Волшебник,— прозвучал сладкий голос.

Дор оглянулся. Перед ним стояла какая-то женщина зрелых лет. Она сказала:

— Я Ведна, подколдунья. Пришла помочь. Чем могу быть полезна?

— Подколдунья? — переспросил Дор, дерзко обнаруживая, что ничего не понял. Мэрфи упоминал, кажется, о какой-то волшебнице, о том, что она помогает королю, но подробности Дор начисто забыл.

— Я зовусь подколдуньей, потому что в настоящие волшебницы, как говорят, не гожусь,— насмешливо пояснила она.

— А какой у тебя талант? — спросил Дор и сразу понял, что опять позволил себе излишнюю прямолинейность. Ну не привык он еще к взрослой учтивости.

— Я тополог,— сообщила дама.

— Кто?

— Тополог. Формоизменитель.

— А, ты можешь изменять форму? Вроде оборотня?

— Не собственную форму. Других могу изменять.

— Превращать камни в пирожные?

— Нет, только одушевленных. Форма в моей власти, но над содержанием я не властна.

— Не понимаю. Ну, берешь ты человека — и превращаешь его, допустим, в волка. Так как же это?

— Он как бы волк, но душа у него человечья. Ничто человеческое ему по-прежнему не чуждо. А что до шерсти и чуткого нюха, так это все пустяки, это второстепенное. В общем, невзаправдашнее изменение.

Дор вспомнил короля Трента. Вот уж кто изменяет, так изменяет. Под его рукой рождается всамделишный волк, который и охотится по-волчьи, и рождает новых волчат. Подлинный талант! А тут какие-то игрушки.

— Я согласен, что ты волшебница ненастоящая, но твои способности весьма полезны.

— Благодарю,— сдержанно ответила дама.

— Но как и чем ты можешь помочь здесь? Я не знаю. Потому что нам неизвестно, с какой стороны будут атаковать. А может, с двух сторон сразу. Если в бой пойдут гоблины, то они полезут вверх по стенам, то есть по лестницам. И мы эти лестницы будем отталкивать. А если гарпии, то будет атака с воздуха. А ты можешь топ... фор... формоизменять на расстоянии?

— Нет. Только с помощью прикосновения.

— М-да, совсем никуда не годится.

Судя по выражению ее лица, волшебница была очень огорчена, но Дор этого не замечал. Он продолжал размышлять вслух:

— А если сделать так: ты станешь на краю стены и будешь превращать наступающих гоблинов в камни.

— А мы будем выстреливать ими из пушки! — крикнул Сердик.

— Хорошо придумано! — согласился Дор.— Я превращу камни стены в говорящие, чтобы отвлекать противника. Все наши должны знать, чтобы не попасть впросак. Говорящий камень будет отвлекать врагов, они начнут бить не туда, ломать оружие, разбивать головы. Таким образом выгадаем время. У нас появится лишнее время, и мы сумеем более успешно громить врага. Конечно, лучше бы штурма не было вообще. В сущности, ни гоблинам, ни гарпиям это не нужно, но из-за проклятия Мэрфи все идет шиворот-навыворот. Если гоблины и гарпии оставят нас в покое, то и мы не станем нападать. Тем временем надо работать. Кентавры, возведите стену как можно выше! Каждый сантиметр имеет значение.

Кентавры охотно приступили к делу. Стена росла прямо на глазах. Работники они были хоть куда, когда хотели работать.

Спустя некоторое время король позвал Дора и волшебницу на совет. И Прыгун был там. Прыгуну король поручил восточную стену. Прибыл и волшебник Мэрфи.

«А этот здесь зачем?» — удивился в душе Дор.

— Явился посол от гоблинов,— сообщил король.— Вы все должны присутствовать при встрече.

И тут вошел гоблин. Корявый, как все представители его рода, в коротких черных штанах, куцей черной рубашонке и громадных ботинках. На его лице отражалась злоба, свойственная этим коротышкам.

— Мы занимаем ваш замок,— сообщил гоблин, скаля кривые зубы.— Он нужен нам для военных целей. Даем вам час, чтобы очистить помещение.

— Ценю твою вежливость, посол,— ответил король Ругн.— Но дело в том, что замок еще не закончен. Сомневаюсь, что вам будет полезно недостроенное здание.

— Ты или глух, или просто глуп,— пробурчал посол.— Приказываю убраться из замка.

— Сожалею, но мы не готовы к этому. Послушай, к востоку от замка есть отличное ровное поле. Разве оно...

— Ровное поле не годится для сражения с крылатыми чудовищами. Нам требуются возвышенности, стены, убежища. И еще приличные запасы пищи. Итак, мы явимся через час. Если вы не уйдете, мы вас съедим.

Гоблин повернулся и вышел, тяжело ступая неуклюжими ножками.

— А теперь к нам новый посол. От гарпий,— возвестил король, пряча усмешку.

Невероятно старая и сморщенная гарпия влетела в зал.

— Я заметила этого гоблина! — каркнула она.— Вы вступаете в переговоры с нашими врагами. Да я вам глотку разорву за такие подлости!

— Мы не разрешили гоблинам разместиться в замке,— сообщил король.

— А иначе вам бы не поздоровилось! Здесь поселятся гарпии, а не гоблины. Нам нужны насесты, камеры для пленных, кухни для приготовления мяса.

— Сожалею, но мы не можем вас пустить. Мы не собираемся поддерживать ни одну из сторон.

«Иначе и быть не может»,— мысленно подтвердил Дор. И те и другие отвратительны!

— Да от вас мокрого места не останется! — каркнула гарпия.— Сделки они заключают! С гоблинами! Измена! Измена! Измена!

Гарпия улетела прочь.

— С прелестными визитерами разобрались,— вздохнул король.— А как стена? Готова к обороне?

— Стараемся,— протрещал Прыгун.— Положение не из легких.

— Согласен,— нахмурился король.— И вы, может быть, даже не представляете всей серьезности положения. С гоблинами и гарпиями трудно договориться. Их множество, они ходят и летают сплоченными стаями, а люди рассеяны по всему Ксанфу. Без помощи зомби нам не справиться, и даже их помощь, вполне возможно, окажется малополезной. Повелитель зомби задерживается,— тут король взглянул на волшебника Мэрфи,— но все-таки армия опять начала движение.— Король посмотрел на Дора.— Прибудут ли они вовремя? Вот вопрос.

— И вопрос довольно уместный,— послышался голос. Это был голос волшебника Мэрфи.— А если мы представим, что силы повелителя зомби опоздают...

Теперь король окинул взглядом всех. В глазах у него был вопрос.

Перед мысленным взором Дора возникли зубчатые стены замка. Эти стены должны будут принять удар врага. Гоблинам придется штурмом брать стену высотой около тридцати футов; стену, укрепленную квадратными угловыми башнями и круглыми средними. А вокруг стены есть ров, через который надо еще суметь переправиться. Дор сомневался, что гоблинам все это по силам. Ну а гарпии... Гарпии обычно воюют так: камнем падают с неба, хватают человека и уносят прочь. Но на стенах будут кентавры. Гарпиям их попросту не поднять. Чего же опасается король? Даже незаконченный замок — отличная защита от врагов. Если осада и начнется, то все равно не продлится долго: претенденты на владение замком, во-первых, попросту перегрызутся между собой; во-вторых, пустые желудки живо напомнят о себе и помешают думать о войне.

— Что случится, если армия зомби опоздает? — спросил Дор.

— Случится смерть и разрушение,— ответил Мэрфи.— Жаль замок, он так красив, жаль человеческие жизни. Надо ослабить проклятие, прежде чем ход событий станет неуправляемым.

— Глазом моргнешь — и гоблины утихомирятся, осады не будет? — недоверчиво спросил Дор.

— Не совсем так, но ослабить могу. Это в моих силах.

— Как-то не верится. Противники, гарпии и гоблины, уже идут сюда, уже близко. Неужели по твоему приказу они повернутся и уйдут домой?

— Талант короля Ругна — изменять предметы в собственных целях. Мой талант — изменять обстоятельства, чтобы вмешиваться в замыслы других. Две стороны одной медали. Сейчас надо всего-навсего решить, чей талант сильнее. Крови и разрушений можно избежать. В сущности, я сожалею, мне отвратительны...

— Но кровь уже пролилась! — гневно воскликнул Дор.— Как называется эта чудовищная игра?

— Чудовищная игра называется соперничеством могущественных политиков,— спокойно ответил Мэрфи.

— Вы играете, а при этом обыкновены издевались над моим товарищем, я сам стоял на краю гибели, мы с Прыгуном чуть не

убили друг друга,— укорял Дор. Его словно прорвало.— И Милли пришлось согласиться стать женой повелителя зомби...— И тут он с досадой остановил свою речь.

— Значит, ты интересовался девушкой, но вынужден был уступить ее? — тихо спросила Ведна.

— Дело не в этом! — бросил Дор и почувствовал, что краснеет.

— Будем смотреть правде в глаза,— многозначительно произнес Мэрфи.— Девушка подарила свое сердце другому не по моей вине.

— Не по твоей,— уныло согласился Дор.— Я прошу... прошу прощения, волшебник,— добавил он, а про себя отметил, что взрослые — большие мастера извиняться.— Но остальные...

— Я вместе с тобой сожалею о случившемся,— согласился Мэрфи ровным голосом.— Война с замком, скажу тебе, задумывалась как вполне невинное соревнование между королем и мной за установление прав. Я был бы просто счастлив забрать назад проклятие и отпустить чудовищ по домам. Король знал, как повернутся события, и не возражал.

Ругн молчал.

— Позвольте мне спросить,— протрещал Прыгун, которому паутина переводила речи собравшихся.— А что будет, если волшебник Мэрфи победит?

— Наступит хаос,— ответила Ведна.— Власть чудовищ, убивающих людей безнаказанно; власть людей, не знающих иной силы, кроме силы меча и заклинания; разрыв связей, угасание знания, ужас обыкновенских нашествий, умаление человеческого рода в Ксанфе.

— Разве это достойная цель? — вновь протрещал паук.

— Это настоящая жизнь,— ответил Мэрфи.— Выживает сильнейший.

— Выживут только чудовища! — крикнул Дор.— Будет семь или восемь нашествий, одно хуже другого. Запустение станет так велико и ужасно, что только по специально заколдованным тропам люди смогут ходить спокойно. Рои вжиков сделаются бедствием земли. В мои дни гораздо меньше настоящих мужчин, чем в ваши...— Дор резко оборвал речь. Он понял, что проговорился.

— Волшебник, откуда ты пришел? — спросила Ведна.

— Узнать нетрудно! Мэрфи знает.

— Знает и помалкивает,— пробурчал волшебник.

— Своеобразное чувство чести не чуждо и Мэрфи,— искоса глядя на волшебника, сказала Ведна.— Однажды я просила его руки, но налаженному домашнему быту он предпочел все тот же хаос. И осталась я без мужа-волшебника.

— Это был бы неравный брак,— заметил Мэрфи.— Слишком ты высоко замахнулась.

— Если согласиться с твоим определением, волшебник! — с каким-то злорадством усмехнулась Ведна. Потом она снова обратилась к Дору: — Ну вот, расчувствовалась. Вернемся к нашему разговору. Так откуда ты родом, волшебник?

«Она в меня влюбилась»,— сообразил Дор и на этот раз очень обрадовался, что жених из него никудышный. Ведна напоминала Гарную Горпыну. С такими ему легко ладить, потому что ни в Горпыне, ни в Ведне нет ни капли очарования и притягательности барышни Милли. Ведна искала мужа, с помощью брака хотела подняться по общественной лестнице.

— Я буду жить через восемьсот лет. Мы, я и Прыгун, пришли из будущего.

— Из будущего! — воскликнул король Ругн. До сих пор он молчал, не вмешивался в разговор, давая высказаться другим, но после такой новости не удержался.— Тебя изгнал соперничающий волшебник? — спросил король.

— Нет, в моем поколении я единственный с такими способностями. Сюда я пришел, чтобы кое-что найти. Мне кажется, в будущем я стану королем, как ты, король, и предполагал. Нынешний король хочет, чтобы я обрел опыт...— Очевидно, король Ругн ни с кем прежде не обсуждал положение Дора, и поэтому тот мог сейчас рассказывать о себе что угодно и как угодно. Взрослые умеют выпутываться из трудных ситуаций. Дор с каждым днем все больше ценил это умение.— Мне только двенадцать лет, и я...

— ...и ты взял взаймы это тело.

— Да. В обыкновенском теле здесь удобнее всего путешествовать. Там, дома, мое собственное тело оживляет другой человек, заботится о нем. Но я сомневаюсь, что поступки, совер-

шаемые мною здесь, имеют какой-то вес, поэтому стараюсь не вмешиваться.

— Если ты из будущего, то исход спора между мной и волшебником для тебя не тайна,— сказал король.

— Ты ошибаешься. Нет, сначала я в самом деле думал, что знаю, но теперь понял, что ничего не знаю. Замок в мои дни, конечно, уже достроен, но он находился в запустении многие столетия. Замок мог достроить какой-то другой король. Все, о чем я говорил, случится: и нашествия, и запустение, и унижение человеческого рода в Ксанфе. Судя по всему этому, победа за Мэрфи.

— А может быть, все-таки за мной. Если я одержу победу, то отодвину пришествие хаоса. Хаос все равно неотвратим, но я отодвину этот срок.

— И такой ход событий исключить нельзя,— согласился Дор.— С расстояния столетий вообще трудно разглядеть час начала бедствий. Может, они придут через год, а может, через пятьдесят лет. И еще — в мои дни гоблины обитают только под землей, а гарпии встречаются довольно редко. Как-то все не вяжется. Мне трудно разобраться.

— Ну что ж, чему быть, того не миновать,— вздохнул король.— Я считаю, что по сравнению со столетиями наши поступки почти ничего не значат. Я надеялся основать династию, чтобы в Ксанфе царили мир и покой, чтобы эта земля процветала многие века, но судьба противится моим мечтам. Глупая самонадеянность — верить, что способен влиять на ход истории. И я от такой самонадеянности стараюсь избавляться. И все же оставляю за собой право делать все, что в моих силах. Замок Ругна я оставлю как памятник моей надежде на лучшее будущее Ксанфа. Не будем отступать в наших поступках от наших убеждений,— обратился король ко всем присутствующим.

— Будем бороться с хаосом! — выступил вперед Дор.— Сопротивляться до конца! Сохраним порядок — на неделю, на месяц, на год. И в этом будет наша заслуга.

— Может, и недели не продержимся. Скоро все выяснится,— проговорил Мэрфи.

— Значит, решено, будем защищать замок,— сказал король.— Надеюсь, повелитель зомби успеет вовремя.

Все разошлись по своим местам. И беда не замедлила явиться — с юга под мрачными знаменами к замку Ругна двигалась неисчислимая армия. Армия гоблинов! Земля под их ногами грохотала так, что стены дрожали. Дор стоял на угловой северо-восточной башне и всматривался в даль. Били барабаны, ревели трубы, поддерживая солдатский шаг. Армия гоблинов устелила пространство перед замком чудовищным черным ковром. Посверкивали острия маленьких копий; лязг оружия сопровождался каким-то гудением — гоблины глухо мычали в такт ходьбе:

— Раз, два, три, четыре...

— Бей, два, три, четыре...

— Раз, два, три, четыре...

— Бей, два, три, четыре...

И так до бесконечности. В этих словах было мало воображения, но много боевого задора. От них, постоянно повторяемых, начинала гудеть голова.

За гоблинами двигались их союзники. Дор рассмотрел их: шли гномы и тролли, шли эльфы и карлики, шли упыри и гремлины. Каждый отряд нес свое знамя, каждый пел свою походную песню. Отряд за отрядом, отряд за отрядом. Словно чья-то невидимая рука на глазах сшивала из лоскутков громадное пестрое одеяло: зеленый лоскуток — эльфы, коричневый — карлики, красный — гномы, черный — тролли. И все это шевелилось, наступало. Вперед и вперед, ближе и ближе. Сколько их? Тысячи тысяч! Им и воевать не придется. Замок Ругна попросту исчезнет под горой неисчислимых тел. А может, обойдется? Ведь одним числом отвесную стену не возьмешь...

А вот и новые гости — с севера, бросая на землю чудовищные тени, затмевая солнце, летели стаи гарпий, а с ними, конечно, и их помощнички: вороны, вампиры, крылатые ящерицы и прочие, о которых Дор мало что знал. Чудовища летели, подобно клочкам грозовых облаков; испуганное солнце лишь очерчивало их края, отделяя стаю от стаи. По земле проносились громадные тени.

Замок Ругна — вот что влекло сейчас земных и небесных захватчиков. Может, встретившись, гоблины и гарпии примутся друг за дружку, но когда они ворвутся, замку не поздоро-

вится. Ну а если стены устоят, а битва под ними затянется? Сидящие в осаде попросту умрут с голоду. А если гоблины везут с собой стенобитные орудия, если они собираются использовать крупных троллей, так называемых троллейбусов? Ужас! При этом гарпии и разные вампиры примутся шастать по верхам...

Теперь Дор не сомневался, что предстоящая осада будет гораздо хуже недавно пережитой. Обыкновены штурмовали замок повелителя зомби лишь время от времени, а гоблинов и гарпий так много, что их вполне хватит на непрерывный штурм. Силы защитников постепенно истощатся, новых не будет, замок падет. Непременно нужны защитники, которых можно возобновлять. Нужен повелитель зомби, его умение. Из постоянно пополняемого материала он создавал бы все новых и новых зомби, и те, стоя на стене, охраняли бы замок от напора живых.

Но пока зомби не видно. И даже если они покажутся теперь, то не успеют попасть в замок: гоблины придут раньше и сомкнут кольцо. Повелитель зомби опоздал! Неужели выдумка с обзывающими ядрами не удалась? Или этого оказалось мало? Надо было попросить короля послать землячка. Тот бы проверил.

Пришел волшебник Мэрфи. Он вообще шатался по замку так беззаботно, словно и не было никакой беды.

— Фу ты! Ну и дела,— вздохнул он, увидев пространство перед замком.— Проклятие действует. А умные люди, между прочим, избавили бы себя от всех этих неприятностей.

— Если бы не твоя волшебная сила, я назвал бы тебя мерзкой навозной мухой,— грозно проворчал кентавр Сердик.

Дор промолчал. Сердик все высказал. Ни прибавить, ни убавить.

Дор поискал вокруг и нашел в куче оружия одну штуковину. Это был бумеранг.

— Волшебный? — спросил Дор.

— А то как же. Отлично умею возвращаться,— ответил бумеранг.

Мэрфи покачал головой, пожал плечами и удалился. Проклятие, как видно, не нуждалось в его присутствии, а если он и шатался вокруг, то просто так, из любопытства.

— Проверим,— сказал Дор.— Сделай вот что: лети и проверь, нет ли поблизости армии зомби.

Дор швырнул бумеранг на северо-восток.

«Как нелепо,— подумал он,— ждать прихода армии из двухсот существ, когда гарпий, очевидно, не меньше нескольких тысяч, а гоблинов — десятки тысяч. Но ведь зомби можно восстанавливать. Из двухсот вполне может со временем получиться две тысячи».

Бумеранг полетел, сверкнул в робком лучике полусъеденного стаями гарпий солнца, развернулся и прибыл обратно. Дор ловко поймал его.

— Гоблинов много. Зомби не видно,— доложил бумеранг.

— Будем держаться и ждать их прихода,— невесело произнес Дор.

Но надежда в нем почти угасла. Он попросту не готов к встрече с таким мощным противником. Тучи чудовищ! Целые моря! И если уж гоблины окружат замок, то зомби никак не смогут прорваться.

С кем придется сразиться в первую очередь, так это с гарпиями. Они оказались куда проворнее гоблинов и были уже тут как тут. Налетели, как жуткая буря... Вот-вот ударят в северную стену!

— Бросай работу! — скомандовал кентаврам Дор.— Стрелы готовьте!

Кентавры, которые до этого торопливо складывали стену, принялись лихорадочно готовить стрелы. Но Дор не мог не видеть, что гарпий во много раз больше, чем стрел. Стрелять, в сущности, бесполезно.

— Отставить,— скомандовал Дор.— Сначала я поговорю со стрелами.

Над ними закружил эскадрон вампиров. Воздух рассекали отвратительные перепончатые крылья, посверкивали мерзкие клыки. Дор обратился к первой стреле:

— Повторяй за мной: «Братец, да тебе только на дохлых кошек охотиться».

Стрела повторила. Простодушным вещам нравятся незамысловатые оскорбления.

— Будешь повторять все время,— велел Дор и дал Сердику команду выпустить стрелу.— Целься над головами,— уточнил он.

Сердик удивился, но возражать не стал. Поднял лук и выпустил стрелу. Остальные кентавры наблюдали, как она летит, летит высоко, но явно мимо вампиров. Дор чувствовал: кентавры не одобряют пустое, по их мнению, усилие. Если хочешь промазать, то незачем и стрелять!

Вдруг передние вампиры заволновались.

— Как? — крикнул или, скорее, каркнул один и запустил клыки в крыло соседа.

Тот не разобрался и куснул следующего. Вот их уже и трое! А поскольку они летели сомкнутым строем, начавшаяся буча быстренько этот строй разметала. Вампиры колошматили друг дружку, позабыв о замке и гоблинах.

— Здорово придумал, волшебник,— похвалил Сердик.

Дор был рад, что ему удалось миром перетянуть на свою сторону это суровое существо. А все Прыгун, его пример. Вот если бы можно было помириться с гоблинами и гарпиями! Возможно ли это сейчас? Сначала они просто должны стать лучше. Предположим, гоблинши станут, под влиянием убеждения, выбирать в мужья не худших, а лучших гоблинов. А вот как быть с гарпиями? У них ведь нет представителей мужского пола. Значит, требуется вот что: всеобщее убеждение для гоблинских дам и потомки настоящего мужественного гарпия, родившегося от союза человека с чудовищем. К северу от Провала есть особый источник. Напившиеся из него влюбляются в первого встречного. Но туда сейчас не добраться. И вообще, есть в этой притягательной идее и нечто отталкивающее. Пойди поищи такого человека и такое чудовище, которые согласились бы... Нет, этот способ не годится. Ведь любое существо, прежде чем с ним примиряться, должно явиться в мир, то есть его надо зачать, родить, вырастить. Выходит, на одного гарпия понадобятся годы, а это слишком много, даже если все пойдет по плану. Нет, действовать надо быстро и без помех, доступными средствами. Но проклятие Мэрфи — оно способно испортить все. Гоблины и гарпии послали своих на переговоры, а вышел один смех.

Полчища гоблинов показались под северной стеной. Двигаясь с юга, противник растянул фланги и теперь охватывал замок с востока и запада. Волны гоблинов ходили вокруг стен, как вода вокруг камня, лежащего посреди реки. Куда девались дисциплина, мерный шаг, звуки труб и барабанов! Армия гоблинов вновь стала толпой. Союзников не было видно. Очевидно, им выпала задача штурмовать другие стены. Здесь, около северной, остались только чистокровные гоблины. И Дор опасался, что с ними справиться будет труднее, чем с остальными.

Пощипанная в драке орава вампиров устремилась вниз, к стене. Дор сказал камням достроенного участка:

— Повторяйте за мной: «На, получай, клыкастая рожа! Я тебя проучу! Вот тебе огненная стрела!»

И вскоре камни заговорили на разные голоса, что должно было отпугивать подлетающих близко вампиров. По глупости они не соображали, что если нет стрелков, то не может быть и стрел. А кентавры тем временем занялись недостроенным участком.

Кентавры, которым выпало защищать восточную стену, бросали в наступающих пирожками, плотно начиненными ягодами бамбуховой вишни. Бац! И гоблин летит вниз. Бац! За ним другой. Но гоблинов было куда больше, чем вишневых пирожков. Бум! На гоблинов обрушился целый гранатовый торт. От взрыва тела гоблинов полетели в разные стороны, как тряпичные куклы.

Но гоблинов это не остановило. Они лезли через дымящуюся воронку, по не остывшим еще телам товарищей. Им нужен был ров. Чудища, обитающие во рву, встречали гоблинов, глотали целиком, но те все лезли и лезли.

— Не знал, что гоблины умеют плавать,— удивленно заметил Дор.

— Они и не умеют,— возразила Ведна.

Гоблины толпились вокруг чудищ из рва, толкали их, били. Пасти чудищ не успевали закрываться. Но каждое из них могло съесть дюжину гоблинов или около того, а их шли тысячи. Чудища удрали на глубину, гоблины за ними. Висели на них, как черные муравьи, щипали, как полушки. Чудища отряхивались — гоблины падали в воду, тонули, но их место сразу же занимали другие.

— Какой во всем этом смысл? — спросил Дор.— Они как будто не собираются налаживать переправу, строить мост. Вместо этого гибнут какой-то глупой смертью.

— Вся эта война глупая,— заметила Ведна.— Гоблины не строители, поэтому никаких мостов строить не будут.

— Но у них и лестниц нет,— не успокаивался Дор.— Они не смогут взобраться на стену. Полная бессмыслица!

Гоблины бросались в воду, погружались, тонули, и в конце концов их тела буквально забили ров. Вода вышла из берегов и залила окружающее пространство. Толпы шли по телам, лежащим во рву. Чудищ задавили, от них и следа не осталось. Проходя через ров, гоблины натыкались на стену.

Никакой особой хитрости в их придумке не было. Как они хотели одолеть стену? Попросту лезли друг на друга. Дор наблюдал как завороженный. Пожертвовав жизнями товарищей, гоблины одолели ров. Ну а дальше что? Ведь перед ними отвесная стена.

Но гоблинов это не смутило. Полчища наступали, будто отказываясь смириться с тем, что стена непреодолима. Первые перешедшие ров были растоптаны. По их телам следующие взобрались повыше. Гоблины ложились слоями... Третий слой... четвертый. Хоть стена еще и не была завершена, высота ее составляла около тридцати футов в самом низком месте. Неужели эти кретины думают, что смогут одолеть ее простым затаптыванием тел своих товарищей? Придется уложить не меньше тридцати слоев.

И слоев в самом деле становилось все больше. Требовались все новые жертвы, но недостатка в безумцах не ощущалось. Пять слоев, шесть, семь, восемь, девять, десять... Гоблины одолели уже треть стены, строя насыпь из мертвых и умирающих.

Сердик стоял рядом и тоже смотрел на весь этот кошмар.

— Вот уж не думал, что буду жалеть гоблинов,— пробормотал он.— Мы их не трогаем, а они сами себя приканчивают. И для чего? Чтобы одолеть стену замка, который им не нужен.

— Тем они и отличаются от людей,— сказал Дор.— И от кентавров,— добавил он поспешно. А так ли это? Вон обыкновены, все-таки настоящие люди, штурмовали замок повелителя зомби так же ретиво и столь же бессмысленно. И кентавры —

какими тупицами они были, пока не явился Дор и не укротил Сердика. В общем, когда лихорадка войны проникает в кровь общества...

А гоблинов все прибывало и прибывало. Теперь они добрались уже до половины стены и карабкались все выше и выше. Ров исчез, тела, сплошные тела устилали землю перед замком. Коротыши словно сыпались и сыпались из бездонной бочки, расставаясь со своими коротенькими жизнями. Это даже нельзя было назвать сознательным самопожертвованием. Гоблины шли вперед, словно вслепую, натыкались на преграду, падали, а по ним уже шли следующие. Прежде чем смертельный пресс сминал поверженных в лепешку, они вгрызались в ноги идущих. Может, там, вдалеке, стоял какой-то командир, может, он знал, что происходит, но рядовые гоблины просто выполняли приказ. Может, их заколдовали командой «вперед!», уничтожив обычную гоблинскую трусоватость.

С ужасом, который громоздился, как гора тел внизу, Дор продолжал наблюдать. Против такой волны у них нет защиты. Стрелы и пирожки с бамбуховыми вишнями вряд ли помогут. В результате накопится еще больше тел, а это поможет гоблинам взбираться. Теперь понятно, почему король сказал, что осада гоблинов будет хуже обыкновенской.

Тем временем гарпии, готовясь к бою, приводили свои силы в порядок. Дор припас множество стрел, которые сумели обмануть глупых вампиров. И камни помогли. Но гарпий обмануть труднее. Говоряшими предметами их не одурачить. Гарпии как будто караулили момент, когда гоблины доберутся до верха стены. Может, это не совпадение и не следствие проклятия. Просто грязные птицы не хотят позволить гоблинам захватить замок.

Если гоблины перевалят через край, Дору и кентаврам придет конец. Они будут раздавлены, как чудища. И хуже всего, что ничем нельзя помочь. Наступающих слишком много, они слишком тупы.

— Настал мой час,— промолвила Ведна, хотя она вроде бы ничего не обещала.— Я могу остановить гоблинов. Во всяком случае, постараюсь.

Дор мысленно пожелал ей удачи. Он в тревоге оглянулся. А что делается на других стенах? Они и повыше, и боеприпа-

сов там побольше, значит, и сложностей должно быть меньше. Как там Прыгун? Отсюда его не разглядишь. Паук умеет управляться со своей паутиной, но она не поможет против мириад гоблинов.

Чумазая лапа гоблина показалась над краем стены, нет, скорее в том месте, где стена еще не была достроена. Ведна ждала этого мига. Она коснулась лапы — гоблин превратился в шар и скатился по карабкающимся телам.

Еще одна лапа... Прикосновение... Готово... Лап все больше... Волшебнице приходится носиться туда-сюда беспрерывно... Вскоре у нее не хватит сил. В одиночку волшебнице стену не отстоять. Это никому не под силу.

— Пусть налетят гарпии,— велел Дор, обращаясь к лучникам. Перед этим они постреливали, препятствуя атаке.

Кентавры послушались приказа. Гарпии и вампиры стали слетаться, их становилось все больше. Вампиры не отличались умом, но и они поняли, что стрелы и камни посмеялись над ними. Теперь они жаждали отмщения. И наиболее явными врагами были, конечно же, карабкающиеся по стене гоблины. Крылатые хищники падали на них с высоты, запускали в их тела клыки и когти. Гоблины, конечно, давали отпор — тыкали кулаками в морды, выцарапывали глаза, скручивали шеи. Оружия у гоблинов не было. То ли они его потеряли, пока карабкались, то ли решили побороть врага первобытными средствами.

Защитники замка получили краткую передышку, но после стычки тела стали громоздиться даже быстрее, чем прежде, слой за слоем, слой за слоем. Еще немного — и гоблины хлынут в замок. Ведна вряд ли сможет помочь: лежать под горами шаров, бывших гоблинов, не веселее, чем под кучами не успевших превратиться в шары.

— Преврати их во что-нибудь крошечное, в какие-нибудь песчинки! — крикнул Дор, стараясь перекричать шум битвы.

— Бесполезно! — крикнула Ведна.— Количество не уменьшится. Они лезут. Ничего не могу поделать.

Плохо, очень плохо. Король Трент смог бы остановить штурм. Превратил бы гоблинов в ничтожных насекомых, таких крошечных, что если бы они и продолжали ползти по стене, то ползли бы вечность. Или превратил бы кентавров! В саламандр!

И те сожгли бы гоблинов дотла! Новомодное дарование Ведны и в самом деле какое-то слабое. Не сравниться ей с настоящим волшебником.

«А сам я чем лучше? — подумал Дор.— Камни говорящие, стрелы оскорбляющие изобрел... Ну и что? На минуту задержал, но зато теперь вон как лезут...»

И тут его осенило:

— В камни! Превращай в камни!

Ведна согласно кивнула. Она направилась к тому месту, где недостроенная стена образовывала пролет. Дор пошел следом. Он будет защищать ее от напора штурмующих. И вдруг вместо гоблинов стали громоздиться камни. Они были меньше используемых в строительстве замка, но больше обыкновенных. Кентавры хватали их и на скорую руку достраивали стену. Брешь исчезла прямо на глазах. Уложенные вертикально бывшие гоблины стали мешать недавним товарищам.

— Хороший гоблин — окаменевший гоблин,— одобрительно крякнул Сердик.— Гоблин-кирпичик!

Но даже хорошие гоблины-кирпичики способны были мешать. Хоть Ведна и приложила все усилия, сделать их достаточно твердыми она не смогла. Кирпичики получились бойкие — покачивались, прогибались, так и норовили осесть под грузом верхних. Короче, как гоблина ни превращай, а он все равно гоблином останется. Для строительства, да и вообще ни для чего их брат не годится.

Дор снова принялся думать, искать выход. Ну как же защититься от этой ужасной лавины? Ведь гоблинов так много, что даже мертвыми телами они вполне смогут укрыть замок с верхом.

И тут он что-то заметил. Землица высунула головку из-под пола! В клюве у нее была бумажка. Продолжая размахивать мечом направо и налево, Дор схватил послание.

«Как идут дела?» — прочел он.

— Сейчас я скажу тебе слова, а ты будешь повторять, пока король не услышит,— сказал Дор землице.— Слушай: «МЫ ПРОДЕРЖИМСЯ НЕ БОЛЬШЕ ПЯТИ МИНУТ! ПОЛОЖЕНИЕ ОТЧАЯННОЕ!»

Дор сунул бумажку в клювик землице, и та уплыла или, скорее, улетела сквозь стену. Не хотелось огорчать короля, но прав-

да прежде всего. Они здесь стараются изо всех сил, но сил маловато. Если северная стена падет, замку конец. Атака все больше напоминала шторм: снизу накатывали волны гоблинов, сверху мчались тучи гарпий. Ну где же ветер, которому под силу разогнать зловещие тучи? Может, и зомби это не под силу.

Нет, зомби справятся. Ведь здесь кучи мертвых! Повелитель зомби будет превращать их в новых зомби, посылать на стену, и они смогут непрестанно сбрасывать вниз и живых, и мертвых. Только бы дождаться повелителя зомби!

Через минуту явился сам король.

— О горе! — воскликнул он.— Я не предполагал, что дела идут так плохо. Должно быть, здесь сошлись силы двух флангов, и это совпадение удвоило силы противника. На других стенах тоже не блестяще, но все-таки получше. Почему ты не сообщил мне раньше?

— Битва с гоблинами поглотила все мысли,— ответил Дор и оттолкнул короля перед самым носом у какой-то пикирующей гарпии. Гарпия злобно каркнула.

— Да, здесь самое жаркое место,— проговорил король.

На его глазах несколько гоблинов, превратившись в шары, упали во двор замка. Король наклонился, чтобы получше рассмотреть гоблинскую стенку, и один злобный камешек двинулся вперед и чуть не расшиб ему лоб.

— Самая низкая стена, но самая яростная атака,— пробормотал король.— Вы неплохо справляетесь.

— Можно было и получше,— крикнул Дор, пронзая мечом очередную гарпию.— Скоро они нас сметут.

Но это было ясно и без слов.

— У меня есть в запасе кое-какие волшебные средства,— сказал Ругн.— Эти средства опасны для здоровья, поэтому я отложил их на самый крайний случай. Боюсь, он уже близко.

Вампир камнем упал вниз. Король еле увернулся.

— Давай же эти твои средства! — отчаянно крикнул Дор. Промедление его возмутило. Ну почему король так долго скрывал?..— Государь, торопись!

— Я захватил их с собой. На всякий случай.— И король извлек бутылочку с какой-то прозрачной жидкостью.— Перед тобой концентрированный желудочный сок дракона. Но его

надо использовать осторожно. Ветер должен дуть в сторону противника. Любое изменение ветра приведет к страшной беде.— Король горько покачал головой.— Из-за проклятия Мэрфи страна может лишиться короля. Прошу всех укрыться в безопасном месте.

— Государь! Ты не должен рисковать собой! — воскликнула Ведна.

— Должен. Я затеял эту битву, и вы все рискуете ради меня. А если я проиграю битву, то проиграю все. Жизнь мне будет не нужна! — Король послюнил палец и выставил перед собой.— Отлично,— произнес он.— Ветер дует с запада. Я могу очистить стену, но вы до времени держитесь в стороне.

И король направился к северо-восточной оконечности стены.

— Но сила проклятия изменит направление ветра! — крикнул Дор.

— Силы проклятия на пределе,— возразил король.— Магия не продержится долго, и не думаю, что ветер изменится мгновенно.

Гоблины яростно лезли на стену, сверху их злобно клевали гарпии. Дор, Ведна и кентавры отошли к восточному краю стены, подальше от места, где король собирался открыть бутылку.

Король открыл бутылку. Из горлышка выплыл желтоватый дымок, ветер подхватил его и понес прямо на скопище гоблинов. Превратившись в черную жижу, бывшие гоблины ручейками стекли вниз. Гарпии набрасывались на растворяющихся врагов и сами растворялись. Мерзкая тошнотворная вонь стояла в воздухе.

Ветер отклонился, подхватил клочок дыма и понес в обратную сторону.

— Проклятие! — крикнул Дор.

Кентавры, стоявшие поближе, пытались увернуться, но зловещее облачко, словно насмехаясь, двигалось за ними. Один из кентавров пострадал — потерял хвост.

— Надо отогнать облако! — крикнул Дор.— Веера! Нужны веера!

Ведна коснулась ближайшего гоблина. Гоблин превратился в громадных размеров веер. Дор схватил веер и принялся яростно им размахивать. Ведна сделала еще один веер и еще

один. Все кентавры вооружились ими. Все дружно махали, создавая противоположный губительному облаку поток ветра. Облако отпрянуло, потом вновь стало приближаться. Оно было ужасно в своем бессмысленном упорстве.

— Куда ты направляешься? — спросил у него Дор.

— Проплыву к востоку еще футов на шесть, а потом поверну к северу над стеной,— ответило облако.— Там можно прекрасно поживиться.

Облако указало свой путь. Все отошли в сторону от опасной тропы. А облако проделало означенный путь и исчезло.

— Мэрфи, ты захотел обмануть нас, но мы оказались хитрее,— сказала Ведна.

«Никто не знает, как все обернется»,— подумал Дор.

— На минуту все стало плохо, но потом исправилось. Почти исправилось,— заметил король. Зловещее облако только что проплыло мимо него, но он успел отскочить.

Дор глянул вниз. Там бурлил и пенился черный океан, оседая по мере того, как драконье снадобье поглощало тела гоблинов. Захватывая с собой все состоящее из плоти и крови, черные воды текли по земляному валу и опадали в ров. Сплошная чернота покрыла пространство перед северной стеной.

— А если применить это средство на других стенах, то от армии гоблинов вообще ничего не останется,— слабым голосом заметил Дор. От всего увиденного у него тряслись колени и в животе что-то булькало.

— Было бы неплохо, я не спорю, но есть несколько препятствий,— ответил король.— Во-первых, на других стенах ветер дует в неблагоприятную сторону, а значит, наших пострадает не меньше, чем гоблинов; во-вторых, есть еще гарпии, а против них это средство бессильно: желтое облако опускается, а гарпии летают в вышине. И в-третьих, эта бутылка была последней. Больше нет. Я считал, что средство слишком сильное и в больших количествах его хранить опасно.

— Веские возражения,— согласился Дор.— А есть какие-нибудь другие волшебные средства?

— Есть, но не очень удобные. Есть дудочка, которую я на досуге сделал из коры пестрого дудочника. Если в нее попадает воздух, дудочка играет сама, и слышащие мелодию следуют

за ней как завороженные. Но нам вовсе не надо привораживать сюда новых гарпий и гоблинов. Надо, наоборот, увести этих. Еще есть волшебное кольцо. Проходящее сквозь него исчезает навсегда. Но оно очень маленькое. Сквозь него только муха может пролететь. Ну и забудочное заклинание.

— А нельзя ли направить мелодию так, чтобы гарпии и гоблины двинулись от замка? — предположил Дор.

— Можно, если проклятие не вмешается. Но и мы все отправимся следом за гоблинами.

— Да, в самом деле,— согласился Дор.— А вот если Ведна увеличит кольцо...

— Пусть попробует,— согласился король, порылся в кармане и протянул кольцо волшебнице.

— С неодушевленными предметами я так мало сталкивалась,— смущенно произнесла волшебница, но взяла кольцо и сосредоточилась.

Секунда ожидания — и кольцо стало расти. Оно становилось все больше и больше, хотя слой золота, соответственно, все утончался и утончался. И наконец превратилось в большой обруч. Обруч из золотой проволоки.

— Я сделала все, что в моих силах. Если увеличивать и дальше, обруч попросту разорвется...— Волшебница явно устала: работа оказалась тяжелой.

— Сейчас проверим,— сказал Дор. Он поднял тело гоблина и бросил в кольцо. И оно не выпало с другой стороны. Тело исчезло! — Да, полезная штука,— одобрительно сказал Дор и передал обруч королю.

Ругн взялся за обруч, и пальцы его тоже исчезли. Король отпустил обруч — пальцы появились. Значит, обруч можно держать безбоязненно.

— Ты сказал, что есть еще забудочное заклинание? — напомнил Дор.— Если его применить, гоблины и гарпии забудут, зачем собрались около замка.

— Ты прав. Заклинание очень сильное. Но если взорвать сосуд, хранящий его, здесь, около замка Ругна, мы тоже все забудем. Забудем, кто мы и зачем. Тогда волшебник Мэрфи сможет сказать, что одержал победу. Ведь некому будет достроить замок. А гоблины и гарпии, кстати, и после взрыва не остано-

зятся. Разве их привели сюда какие-то разумные причины? Нет, им просто нравится драться.

— Но и у Мэрфи все вылетит из головы!

— Несомненно. Победа, однако, будет за ним. Ведь ему власть не нужна. Он стремится к другому: чтобы мне она не досталась.

Дор посмотрел вдаль. К северу от замка пространство опустело, хотя кое-где сражение еще длилось... Пестрая дудочка, волшебное кольцо, забудочное заклинание. У них есть замечательные, мощные средства, но их нельзя использовать, потому что все должно идти, как предписано злой волей.

— Мэрфи, я еще не сдался,— прошептал Дор.— Битва еще не окончена.

Ему очень хотелось надеяться, что это так.

Глава 11

БЕДСТВИЕ

— Зомби! — закричал какой-то кентавр, указывая на восток.

Наконец-то! Там, вдалеке, на опушке леса, стояла армия зомби. Но как они попадут в замок? Сумеют ли преодолеть пространство, на котором превратились в ничто неисчислимые толпы гоблинов? Дым стер чудовищные насыпи тел перед северной стеной, но с западного и восточного флангов стали приближаться новые силы. Что будет, когда они войдут в задымленную область? Если гоблины растворятся, значит, и зомби постигнет та же судьба. Если гоблины уцелеют, то зомби все равно не пройдут. Как быть? Как помочь повелителю зомби добраться?

— Повелителю зомби необходимо быть в замке,— сказал Дор.— Здесь он развернет свою волшебную мастерскую, и никто ему не помешает работать. Он так близко! Как же ему помочь?

— Я верю, что с помощью повелителя зомби чаша весов склонится на нашу сторону,— согласился король.— Но сначала надо провести его в замок. Для этого надо выйти за ворота замка. А там все эти чудовища, с которыми за пределами крепостного вала бороться чрезвычайно трудно.

— Уверенность нас спасет,— отважно заявил Дор.— Чудовища получат, чего не ждут. Сердик, пойдешь ли ты со мной на это опасное дело?

— Я готов,— немедленно ответил кентавр.

На лице короля отразилось легкое удивление. Очевидно, он сам не ожидал, что кентавры так подружатся с Дором.

— Думаю, сделаем так,— сказал Дор.— Я возьму дудочку и уведу гоблинов и гарпий подальше от зомби. И в укромном месте мы вскроем сосуд с забудочным заклинанием. Гоблины на время потеряют память, а повелитель зомби тем временем войдет в замок и все наладит. Сердик, сможешь ли ты одновременно держать обруч, сквозь который будут пролетать воздушные враги, и мчаться что есть духу от врагов двуногих, то есть от гоблинов?

— Я кентавр,— кратко ответил Сердик. И этим все было сказано.

— Вы страшно рискуете,— проговорил король.

— Иначе нельзя,— сказал Дор.— Гоблины все еще штурмуют стены замка. Прежде чем наступит ночь, они победят, а у нас нет драконьего дыма, чтобы их растворить. Нет, только зомби сумеют помочь.

Показался волшебник Мэрфи.

— Ты играешь с огнем, Дор,— заявил он.— Я ценю твою храбрость, но нельзя так безрассудно кидаться в самый водоворот гоблинов. Предупреждаю, не делай этого.

— Слушай, ты, мокрица...— начал было Сердик, но Дор остановил его.

— Если ты и в самом деле так беспокоишься, то перечеркни свое проклятие,— сказал он.— А может, ты просто боишься, что нам удастся совершить задуманное?

Мэрфи ничего не сказал.

— Возьмите с собой кого-нибудь, кто проведет зомби в замок,— напомнила Ведна.

— Может, Прыгун сгодится?

— Этот большой паук? Нет, лучше пусть он будет с вами. В случае чего он сумеет дать отпор. Я проведу зомби.

— Это очень великодушно с твоей стороны,— поблагодарил Дор.— Каждого, кто станет на вашем пути, ты сможешь

сразу во что-нибудь превратить. Особенно надо беречь повелителя зомби. Так что держись к нему поближе.

— Я постараюсь. Давайте отправляться в путь, а то как бы не стало поздно.

Король и Мэрфи смиренно склонили головы. В этот миг они были странно похожи. Ругн передал Дору дудочку и забудочное заклинание. Собрались у главных ворот. Сердик подставил спину. Дор уселся. Подоспел Прыгун. Он привязал Дора покрепче, чтобы тот не свалился во время быстрого бега. Ведна села на другого кентавра. Остальные кентавры перешли с северной стены на восточную и вытянулись по краю цепью, с луками наготове. Маленький отряд выступил в путь, в самую гущу гоблинов и гарпий. Град стрел, выпущенных кентаврами, ударил в толпу. Гоблины, тролли, гномы, упыри валились как подкошенные. Остальные, видя такую беду, разбежались. Дорога на какое-то время очистилась. Пирожки с бамбуховой вишней и гранатовые торты сыпались дождем. Гоблинов от этого не уменьшалось, а вот Дор изрядно волновался. Вдруг какой-нибудь тортик приземлится рядом? Разнесет в клочки. Нет, с проклятием Мэрфи шутить нельзя...

— Давай другой дорогой! — выкрикнул он.

Удивленный Сердик свернул в сторону, и они стали прорываться сквозь отряд эльфов. Впереди бухнуло. Куски торта пролетели перед самым носом Дора, от грохота заложило уши. Снаряд попал в самую гущу противника — тела так и полетели в разные стороны. Впереди разверзлась дымящаяся яма. Сердик опять свернул.

— Эй! — крикнул кентавр со стены.— Не вертитесь, а то я в вас запросто мог бы сейчас попасть.

Сердик охотно вернулся на прежний путь.

— Кентавры все видят, все чуют,— произнес он.— Иначе лежать нам с тобой, командир, среди гоблинов...

Значит, Мэрфи продолжает свои шалости. Сейчас Дор на собственной шкуре мог бы убедиться, что кентавры — отличные стрелки. Надо сопротивляться, надо во что бы то ни стало исполнить задуманное.

Он приблизил к губам волшебную дудочку. Спасибо Прыгуну — накрепко привязал его. Теперь руки свободны, и мож-

но не бояться, что свалишься. Он дунул в отверстие. Так, слегка, для пробы. Дудочка ответила мелодией, робкой и манящей. Она прозвучала среди грохота битвы — и вдруг наступила тишина. А потом карлики и гремлины, вампиры и гарпии, бесчисленные гоблины — все кинулись за кентаврами, за волшебной мелодией.

Крылатые чудовища, самые быстрые, приближались к Дору. Сердик на бегу повернулся всем телом, как умеют поворачиваться только кентавры, и поднял над головой обруч. Грязные птицы проносились сквозь него и исчезали.

«Куда же они деваются?» — подумал Дор, но сразу же отогнал праздные мысли.

Нельзя отвлекаться, надо играть, если можно назвать игрой это старательное дудение; надо все время пригибаться, чтобы самому не попасть в обруч. В общем, о гарпиях и о прочем он поразмыслит потом, после битвы.

Прыгун двумя лапами держал меч, которым крестил и гоблинов, и всех, кто приближался. Обычно кентавры мчатся так, что за ними мало кто может угнаться, но сейчас они буквально продирались сквозь толпу, яростно напиравшую со всех сторон. Дор видел, как под рукой Ведны гоблины живо превращаются в оладьи; как везуший ее кентавр кулаками отбивается от крылатых преследователей.

Наконец добрались до места, где остановилась армия зомби.

— Следуйте за этой госпожой! — крикнул Дор.— Мне надо увести чудовищ! Заткните уши и не открывайте, пока я не отойду подальше!

Если бы Дор вовремя не сообразил, повелитель зомби и Милли отправились бы следом за дудочкой и попали вместе с чудовищами под власть забудочного заклинания. На радость Мэрфи! Ведь это наверняка его проделки. Ничего у тебя не вышло, злодей! Вовремя заметить угрозу — уже половина дела.

Повелитель зомби и Милли исполнили приказ Дора, а он пошел дальше, наигрывая на дудочке. Дул как попало, но мелодия выходила все равно ясная, свежая, завораживающая. Чудовища следовали за ним как пришитые.

— Куда направимся? — спросил на скаку кентавр.

— К Провалу! — вдруг осенило Дора.— На север!

Со свистом разрезая воздух, кентавр прибавил ходу. Дор проделал опыт: подставил дудочку под ветер — и она заиграла. Таким образом он смог немного передохнуть. Гоблины изо всех сил старались не отставать, но ни им, ни эльфам, ни карликам это не удавалось, а вот тролли как шли, так и продолжали идти. Сердик помчался еще быстрее. Теперь даже вампиры начали сдавать. Но мелодия не кончалась, а значит, чудовища не могли не тащиться вперед.

Спустились сумерки. Вот и Провал! Быстроногому кентавру любое расстояние нипочем. Они остановились и стали ждать приближения чудовищ.

— Я хочу подманить их поближе к краю Провала, а потом взорву сосуд с заклинанием,— сообщил Дор, на минуту опуская дудочку.— Если все сложится удачно, гарпии перелетят через Провал и заблудятся, а гоблины перелететь не сумеют. Сражение кончится само собой.

— Гоблины устремятся за гарпиями,— протрещал Прыгун.— Трогательное единодушие. Но чтобы их сошлось к Провалу как можно больше, чтобы заклинание не пропало впустую, тебе придется играть на дудочке не отрываясь. На это уйдет время. А нам ведь надо будет бежать. Как же мы убежим?

— Ой, об этом я и не подумал. Деваться некуда — позади Провал!

Дор глянул в мрачную глубину, и у него закружилась голова. Ну вот, опять он позволил себе какое-то детское легкомыслие! А может, снова Мэрфи? Проклятие настигло их. Чтобы гоблины и гарпии погрузились в забвение, Дору придется пожертвовать собой.

— Есть выход,— протрещал Прыгун.— Перелететь через...

— Не согласен,— крикнул Дор.— Тут уж наверняка что-нибудь случится, что-нибудь очень плохое. Вспомни, в последний раз, когда мы пытались...

— А если спуститься в Провал? Там нас гоблины не достанут. Ну а от гарпий, если налетят, будем отбиваться волшебным обручем.

Предложение Прыгуна не понравилось Дору, но гарпий, гоблинов и прочих красавчиков вокруг становилось все больше. Они брели к Провалу в поисках утраченной мелодии. Как же быть?

— Ладно, спустимся,— согласился Дор.— Но не все. Сердик, тебе надо бежать, паутина тебя не удержит.

— Понял! — ответил Сердик.— Но куда бежать? К замку не пробиться, ведь сюда текут неисчислимые реки чудовищ. У меня сил не хватит одолеть их.

— Ступай к Селестине,— подсказал Дор.— Здесь ты показал себя героем, и она радостно встретит тебя.

— Но сначала загляну к стряпчему колдуну,— гигикнул Сердик, помахал на прощание и помчался на запад.

Прыгун прикрепил паутину к одежде приятеля и стал спускаться в Провал. Легкость, с которой он это проделывал, удивила Дора. Он всегда удивлялся умению паука ползать по отвесным стенам. И сейчас это умение очень пригодилось.

Не слыша мелодии, гоблины перестали ползти к Провалу. Дор вновь заиграл — и они кинулись вперед. Гоблины бежали толпой, толкаясь, мешая друг другу. Но напор был так велик, что вскоре они непременно ринутся вперед. Дор не переставал играть, хотя все время напряженно прислушивался — Прыгун должен был крикнуть снизу.

— Как ты там? — крикнул он пауку, не выдержав.

И тут гоблины, освободившись на мгновение от власти мелодии, перестали толкаться и побежали. Дор выхватил меч. Все пропало! Ему не справиться с целой толпой чудовищ. И тут... Глупец! Как же он забыл! Ведь у него есть волшебный обруч. Сердик держал его, а когда уходил, оставил. Дор поднял обруч и выставил перед собой. Какой-то гоблин мчался прямо на него. От страха, что уродец врежется в него, Дор чуть не уронил обруч. Но гоблин проскочил — и исчез! Словно растворился в невидимой стене.

— Готово! — крикнул паук.

Наконец! Как раз вовремя — приближались еще три гоблина, и Дор сомневался, что сможет уловить их обручем с той же ловкостью, как первого. Более вероятно, что они наткнутся на ободок и своим весом спихнут Дора в Провал.

— Прыгай! — скомандовал Прыгун.

Дор верил своему другу. Он нырнул. Прямо в пропасть! Но не упал камнем, а, раскачиваясь, боком спустился по паутине. Прыгун умело приспособил нити, и Дор не получил ни царапи-

ны. Прыгун отличался предусмотрительностью, которой Дор был начисто лишен. Чутье всегда подсказывало пауку, где таится опасность, и он заранее делал все возможное, чтобы ее обойти. Мэрфи не мог справиться с Прыгуном. Вот и теперь, зная, что там, на краю пропасти, Дор находится в опасности, паук не торопился давать команду. Сначала ему надо было убедиться, что шаг в пропасть не станет для Дора последним.

Зрелое размышление — вот средство против Мэрфи. Единственное средство. А легкомысленными и беззаботными существами он завладевает без труда. Гнет их, как ветер в поле гнет траву.

Часть гарпий и вампиров ринулась в пропасть. Большинство осталось наверху, над толпами гоблинов.

— Хватай! Рви! — каркали чудовища.

Дор замахнулся обручем — и мерзкой стаи как не бывало! Но с разных сторон уже приближались новые.

Прыгун подтянул Дора поближе к стене. Теперь спина у него была надежно защищена, и он с окрепшей уверенностью выставил перед собой волшебный обруч. Умело воспользовавшись выступами на краю Провала, паук смастерил свою сеть так, чтобы дать сражающемуся другу свободу маневра. Это было замечательное творение инженерной мысли да еще выполненное в немыслимо короткий срок!

— Я возьму обруч! — крикнул Прыгун.— А ты играй!

Прыгун рассудил верно. Так они подманят еще больше чудовищ. Дор расстался с обручем и приложил к губам дудочку. Прыгун поворачивался очень ловко, защищая от чудовищ и себя, и приятеля.

Теперь, влекомые музыкой, гарпии неодолимо стремились в пропасть. Одни пролетали сквозь обруч и исчезали, другие ударялись о стены и падали, роняя по пути грязные перья. За гарпиями следовали вампиры.

Потом настала очередь гоблинов и троллей. Соблазняемые волшебной дудочкой, они прыгали в пропасть.

— Это просто убийство! — крикнул Дор, перестав играть.— Я вовсе не собирался их убивать! Надо разбить заклинание!

— Но заклинание и нас не пощадит,— напомнил Прыгун.— Прежде чем разбивать, поговори с бутылкой.

— С бутылкой? Ага, понял. Заклинание из бутылки, как ты взрываешься?

— Я взрываюсь, когда скомандует голос,— ответило пленное пока заклинание.

— Любой голос?

— Голос, которым я говорю.

Дор узнал, что хотел. Он поставил сосуд в углубление скалы и скомандовал:

— Посчитаешь до тысячи, потом дашь себе команду взорваться.

— Вот мудрая голова! — обрадовалось заклинание.— Раз, два, три, четыре, пять,— затараторило оно.

— Не так быстро,— остановил его Дор.— Один счет в секунду.

— У-у-у,— разочарованно заныло в бутылке, но принялось считать медленнее: — Семь... восемь... ну и зануда же ты!.. девять... десять — толстую курицу взвесить!..

— Как?! — каркнула пролетавшая мимо гарпия. Она подумала, что говорят о ней, и направилась к бутылке. Но Дор поймал ее обручем. Гарпия хотела разбить сосуд, но Дор оказался ловчее. Опять у Мэрфи не получилось!

— Перестань оскорблять гарпий,— приказал Дор заклинанию.

— А, ерунда,— отмахнулось то.— Одиннадцать... двенадцать...

Прыгун выпустил новую нить, прикрепил ее к одежде Дора, юркнул в сторону и, укрепив паутину, поволок приятеля подальше от места, где стояла бутылка. Передвигались они не так быстро, как по земле, но все же вполне сносно. Двигались на запад. Дор время от времени наигрывал на дудочке, отчего гоблины хоть и скапливались на краю Провала, но вниз не бросались. На такой шаг решались лишь самые отчаянные. Голос заклинания был еще слышен, хотя и глухо. Значит, надо двигаться как можно быстрее. Необходимо выйти из области забудочного заклинания, но сделать это так, чтобы гоблины и гарпии не вышли следом. Многим удастся выйти, это неизбежно, но остальные, те, которые все забудут, внесут сумятицу в ряды войск и помешают однополчанам вернуться к замку.

«А нам как быть? — размышлял Дор.— Ладно, не будем гадать. Придет время, и все прояснится. Надо пробиваться вперед и не терять надежды, что перевес окажется на нашей стороне. Ведь именно так мы поступали, когда сражались с обыкновенами у замка повелителя зомби».

Нет дела милее, чем простые ответы на все жизненные трудности! Но чем больше Дор взрослел, тем меньше такие ответы устраивали его. Жизнь сложна — замучаешься, пока разберешься. Но только зрелый ум может до конца постичь эту сложность.

— Сто двадцать пять — хвост оборвать... сто двадцать шесть — лапы съесть,— бубнило заклинание. Вот уж незрелый ум!

Как далеко распространится забудочное заклинание? Может, оно потечет по Провалу? Тогда главный удар настигнет их, а не гоблинов, толпящихся наверху. Не лучше ли заранее выбраться из Провала и лечь на землю? Облако, поднявшись, пройдет мимо. Но слишком приближаться к гоблинам тоже опасно. А их вон сколько у края пропасти!

Гарпии время от времени пикировали, заставляя Прыгуна вскидывать обруч. К счастью, их больше занимали гоблины, а Прыгун и Дор — постольку-поскольку. Но когда Дор начинал играть на дудочке, гарпии устремлялись к ним во всю прыть.

— Триста сорок шесть... триста сорок семь — гоблина съем,— доносилось издалека. Раз еще слышно, значит, они в опасной близости от заклинания.

— А быстрее двигаться нельзя? — озабоченно спросил Дор у паука.

Ему казалось, что они перемещаются довольно быстро, но счет почему-то тоже довольно быстро перешел от сотни к трем сотням. Может, бутылка жульничает, глотает цифры? Нет, неодушевленные предметы на такое не способны. Просто он, занятый своими мыслями, не прислушивался и только теперь опомнился.

— Быстрее небезопасно, приятель,— ответил Прыгун.

— Давай мне обруч,— велел Дор пауку.— Тогда ты сможешь тянуть за нить быстрее.

Прыгун не спорил и отдал обруч.

Очередная гарпия камнем упала с неба. Дор успел поймать ее обручем, и она исчезла без следа. Что происходит с ними по ту сторону обруча? Гарпии умеют летать, гоблины — караб-

каться. Почему же они не появляются вновь? Или на другой стороне какая-то адская сила мгновенно убивает пришельцев? У Дора прямо мурашки по спине побежали.

Прыгун на минуту оставил Дора — отправился вперед, чтобы подготовить нить для следующего броска. Дор воспользовался одиночеством, чтобы провести опыт: сунул палец в обруч. Половина пальца исчезла, будто отрезанная острым ножом. Дор заглянул с обратной стороны и увидел, что продолжения пальца нет, виден только аккуратный срез — кожа, кровеносные сосуды, сухожилия, кости. Никакой боли он не почувствовал. Палец слегка застыл, но не заледенел. Значит, там, сзади, нет никакого ада, никакой вечной мерзлоты. Дор вытащил палец. На нем не было ни царапинки. Дор решил проверить еще раз: сунул палец как бы с изнанки. И опять перед ним был всего лишь палец, правда, среза он на этот раз не увидел. Получается, с какой стороны ни заходи, придешь все туда же. В какой-то другой мир?

Прыгун дернул нить, и Дор отправился дальше. Ему было неловко, что он тайком проделал этот опыт. К тому же он мог лишиться пальца. Хотя нет, король ведь брался за обруч, и его пальцы тоже исчезали, а потом распрекрасно появлялись.

— Остановимся и проверим, есть ли там гоблины,— сказал Дор. Он на время прекратил играть.

Прыгун быстро поднялся по стене и, не вылезая полностью, осмотрел местность двумя или тремя глазами.

— Гоблинов видимо-невидимо,— сообщил он.— Кажется, они следуют за гарпиями, а те, в свою очередь, за нами.

— Опять проделки Мэрфи! Мы не сможем выйти из ущелья с таким эскортом.

— Теперь мы уже наверняка вышли из области забудочного заклинания,— протрещал паук, желая ободрить приятеля.

— Значит, гоблины и гарпии тоже вышли! Ничего хорошего! — чуть не расплакался Дор.

— Вспомни нашу цель. Мы должны были отвлечь противника. Увести, чтобы повелитель зомби смог пробраться в замок. Если он уже в замке, значит, мы выполнили свою задачу.

— Может, ты и прав,— согласился Дор, постепенно успокаиваясь.— Не так уж и важно, попадут гарпии и гоблины под

власть заклинания или нет. Как же нам выбраться отсюда? Заклинание в обратную сторону уже не повернуть.

— Упорство поможет нам,— заявил паук.— Если мы будем идти долго, пока ночь... Что такое? — Паук вдруг повернулся и приложил лапу к уху.

Дор пытался понять, куда смотрит Прыгун, но на этот раз не сумел. Черт побери эти вездесмотрящие паучьи глазки!

— Что случилось? — спросил он.

— Девятьсот восемьдесят три... девятьсот восемьдесят четыре — закрывайте двери в квартире,— девятьсот восемьдесят пять...

Мамочки! Голос приближался. Какая-то гарпия подхватила бутылку и несла ее к ним. Но ведь сейчас взорвется!

— Мэрфи! — крикнул Дор.— Можешь ликовать! Ты достал нас!

— Какая странная говорящая бутылка,— хрипло проговорила гарпия.

— Девятьсот девяносто два — садовая голова...

— Не считай! — что было сил выкрикнул Дор.

— Раз уж начало считать, то нельзя не продолжать,— наставительно ответила бутылка.

— Не мешкай,— проверещал Прыгун.— Я привяжу паутину, и мы сможем вернуться. У нас есть выход — обруч!

— Нет! — крикнул Дор.

— Ничего страшного. Я же видел, как ты совал палец.

— Девятьсот девяносто восемь... девятьсот девяносто девять — кто не спрятался, я не виноват...

Прыгун бросился в обруч.

«Вернемся ли мы? — подумал Дор, на секунду замешкавшись.— А если останемся здесь, то...»

Дор шагнул через обруч.

«Взры-ы...» — это было последнее, что он расслышал.

А потом он очутился в темноте. В такой приятной, нестрашной темноте. Его тело болталось в пространстве, будто его подвесили, и ничего не чувствовало. Вокруг была тишь да гладь. Он спал. Больше от него ничего не требовалось.

— *Ты не похож на других,*— произнесло в нем что-то. Или, скорее, подумало.

«Конечно не похож»,— подумал в ответ Дор. Подвешенный в пространстве, он не мог двигаться, а значит, не мог шевелить губами. Поэтому он не сказал в ответ, а именно подумал.

— *Я Мозговитый Коралл — хранитель источника магии.*

— Мозговитый Коралл! Мы ведь знакомы! Ты оживляешь мое тело!

— *Где?*

— В будущем, на расстоянии восьмисот лет отсюда. Разве ты не помнишь?

— *Я живу в своем времени и поэтому не имею возможности знать ни о чем таком.*

— В моем времени ты... м-да... ну, это сложно объяснить. Но нам с Прыгуном надо выбраться отсюда, как только заклинание развеется.

— *Ты взорвал забудочное заклинание?*

— Да, такую объемистую бутыль, внутри Провала. Под влиянием заклинания гоблины, гарпии и прочие чудовища перестанут воевать...

— *Забвение продлится вечно, если не использовать незабвенное контрзаклинание.*

— Я согласен, что это так, раз эти существа попали под власть заклинания, то...

— *Провал впал в забвение. Это сделал ты.*

— Провал?! Но он ведь не принадлежит к живым существам. Забудочное заклинание касается только живых, только умеющих помнить.

— *Поэтому все живые существа забудут о Провале.*

Потрясенный Дор понял, что хранитель источника магии рассуждает верно. Это он, Дор, стал причиной того, что Провал будет забыт всеми, кроме тех, чье забвение носило бы оттенок странности. К примеру, тех, кто живет рядом с Провалом и рискует упасть в него и разбиться насмерть. Для их родных и близких их смерть была бы необъяснима, начались бы бесконечные осложнения, а это, в свою очередь, привело бы к уничтожению заклинания. Вот в чем сущность антизаклинания! Но тем, кому о Провале помнить не надо, помнить будет не дано. Так и есть в его дни, и теперь он знает, откуда это пошло. Он сам стал причиной.

Провал будет находиться под властью заклинания многие века. И это следствие его поступка, его, который здесь, в прошлом, только гость и ничего важного, ничего непрерывного совершить, как ему казалось, не может. А тут — на века... Странно. Но теперь не время для размышлений.

— Мы должны вернуться в замок. Во всяком случае, здесь нам оставаться нельзя.

— *Ты прав. Сейчас я освобожу тебя. Заклинание, витающее снаружи, коснется тебя, но ты не бойся: первое прикосновение безопасно. Второе уже хуже. После первого ты не забудешь ни самого себя, ни зачем пришел, а вот Провал, как только отойдешь от него подальше, помнить перестанешь.*

— Не думаю, что мне это повредит,— возразил Дор.— Я ведь живу как раз поблизости от Провала.

— *Прежде чем я освобожу тебя, ответь ни один вопрос. Как ты и все остальные сумели проникнуть в мое царство? Через какой вход? Я думал, что последнее большое кольцо пришло в негодность лет пять — десять назад.*

— А у нас было маленькое колечко, которое с помощью волшебства сделалось большим. Когда закончим дело, снова превратим его в маленькое.

— *Твои подвиги будут оценены по достоинству. Может, мы встретимся опять... через восемьсот лет,*— подумал Коралл.

Дор выскочил из обруча и дернул за нить. Прыгун появился следом.

— Я не предполагал, что там будет неподвижность,— уныло произнес паук.

— Не расстраивайся. Нельзя все и всегда знать наперед.

— Это верно,— согласился паук.

Вдалеке они увидели стаю гарпий, но гарпиям явно было не до них. Несчастные чудовища метались в воздухе, пытаясь вспомнить, зачем же они сюда прилетели. Дор именно этого и хотел. Но гоблинам было еще хуже. Эти кроме всего прочего забыли, что скакать в пропасть опасно. И валились туда толпами. Дор стал причиной их гибели.

— Что поделаешь,— протрещал паук, успокаивая огорченного друга.— Выбирая путь, не всегда знаешь, что случится в конце.

— Да, конечно,— согласился тот, хотя все еще не мог успокоиться. Неужели, став взрослым, он привыкнет к подобной жестокости? Никогда и ни за что!

Они выбрались из Провала. Гоблины метались вокруг, не замечая их, не помня. Очевидно, вблизи от места взрыва действие заклинания было особенно разрушительным — память потухала целиком и полностью.

Дор заметил на земле какой-то осколок. Он поднял его. Это было стеклышко от бутылки, хранившей заклинание.

— Ты постаралось на славу! — сказал он осколку.

— Ну и рвануло! — восторженно звякнуло стеклышко.— Или не рвануло? Ой, ничего не помню.

Дор отшвырнул стекляшку.

— Надеюсь, Сердик не попал в облако,— сказал он.— Заклинание оказалось сильнее, чем я думал.

— Он наверняка успел убежать.

И приятели заспешили к замку, не обращая внимания на блуждающие повсюду толпы.

У замка Ругна битва еще не закончилась, но перевес теперь был на стороне короля. По мере удаления от места взрыва действие заклинания, конечно, слабело, а до замка облако не дошло вовсе, но все же перемены были заметны: гоблинов и гарпий стало втрое меньше, а на крепостном валу густо теснились зомби. Значит, повелитель прошел!

Со стороны замка заметили Дора и Прыгуна и, обрушив на противника град вишневых пирожков, дали им возможность пройти. Не обошлось и без меча, без волшебного обруча, потому что гоблины и гарпии тоже заметили их и возмутились, что какие-то чужаки вмешиваются в их битву. Опять пришлось убивать.

«Война — это ад»,— горестно подумал Дор.

Сам король встретил их в воротах замка.

— Замечательно! — вскричал он.— Ты увел с собой с поля боя половину чудовищ, и теперь они не вернутся, потому что все забыли. Гоблины устремились за музыкой, а Ведна тем временем провела повелителя зомби в замок. И он сразу же приступил к изготовлению новых зомби. Ему нужны тела убитых. Как их доставлять — вот что надо решить.

— Я займусь,— кратко сказал Дор. Ему не хотелось, чтобы его благодарили за то, что он сотворил в Провале.

И король, добрая душа, не стал настаивать.

— Твоя преданность достойна уважения,— только и сказал он.

Прыгун тоже включился в дело. Под прикрытием стрелков-кентавров друзья вдвоем отправлялись на поле боя, находили самые неповрежденные тела, связывали их нитями и тащили к замку. Потом, пользуясь теми же нитями, поднимали по стене. В этом деле они уже здорово набили руку. Насобирав примерно дюжину тел, несли их в мастерскую.

Милли сидела в мастерской. Вид у нее был усталый, волосы в беспорядке, но, когда Дор вошел, она взглянула на него со счастливой улыбкой.

— Ты вернулся, Дор! — воскликнула она.— Как хорошо, что все обошлось! А я так волновалась.

— Пустое, беспокойся лучше о своем женихе,— холодно ответил Дор.— Теперь все зависит только от него.

— Это несомненно,— поддакнула Ведна, которая тоже принимала участие в работе. Она доставляла тела, но для удобства придавала им на время шарообразную форму. Потом снова делала их обычными, продолговатыми. Все так дружно помогали повелителю зомби, что из-под его рук выходило гораздо больше зомби, чем обычно. На подготовку действительно требовалось время, а само превращение занимало минуту, не больше.— Несомненно,— повторила подколдунья.— Именно он создает сейчас армию для защиты замка.

— Дор тоже не сидит сложа руки! — решительно возразила Милли.

«Так она меня еще любит! — подумал Дор с невольным ликованием.— Значит, все еще можно вернуть? Нет, нельзя».

Нельзя. Его время здесь, в прошлом, подходит к концу. Скоро домой. Но не только поэтому. Милли как-никак — часть этого прошлого, часть истории. Кто знает, а может, стоит ему вмешаться в историю, и весь смысл похода сюда пойдет насмарку? Но даже не поэтому. Милли обручена с другим — вот что главное! Дор просто не имеет права сделать то, что... очень хотел бы сделать.

— Нам всем очень хочется трудиться на благо Ксанфа,— произнес Дор как-то не совсем уверенно. Просто он вспомнил, о каком хотении думал еще секунду назад. Найти бы девушку поближе к собственному времени, из знатной семьи...

— Завидую твоему могучему таланту, волшебник,— сказала Ведна, обращаясь к повелителю зомби. В эту минуту она превращала очередное тело из круглого в продолговатое.

«Ведна на самом деле тоже большая умелица,— мысленно отметил Дор.— Ловко управляется и с живыми, и с некогда живыми, и с неодушевленными. Вспомнить только кольцо. Талантом награждена сполна...»

— И ты награждена талантом,— ответил повелитель зомби, словно повторяя мысль Дора.

— Ну что ты, я всего лишь подколдунья,— скромно возразила Ведна.

— Я бы сказал, твой скромный новомодный топологический талант силой не уступает таланту самого могущественного волшебника,— произнес повелитель зомби, превращая неживое продолговатое тело в нового зомби.

Ведна от похвалы так и расцвела. Повелитель зомби, сам того не желая, то есть вовсе не собираясь льстить, сделал чувствительной даме прекрасный подарок. После этих слов Ведна как-то по-новому стала глядеть на повелителя зомби.

«Комплимент — великая сила»,— мысленно отметил Дор и поместил только что узнанное в своем сердце, на будущее.

Дор отправился за новыми телами. Прыгун, конечно, пошел с ним. Они работали до темноты. Гоблинов и гарпий становилось все меньше, а зомби — все больше. Зомби-гарпии шумно летали над пустеющим полем боя и, кажется, очень радовались, что все в их жизни сложилось так, а не иначе.

Но Дор чувствовал, что все идет как-то не так. Зачем он вошел внутрь гобелена? Чтобы найти оживляющий эликсир и помочь одному зомби. Воду он отыскал, но сразу же занялся новым делом — убеждал повелителя зомби помочь королю Ругну. Теперь и это завершено, а он все недоволен. Чего же ему надо?

И вдруг он понял! Ведя бессмысленную войну между собой, гоблины и гарпии не дают покоя и замку. Они нападают — их

убивают. Чудовища гибнут просто толпами. Не лучше ли просто погасить очаг ненависти, то есть уничтожить причину кровавых столкновений? Дора и раньше занимал этот вопрос, но тогда у него не было времени, тогда надо было действовать. Быстрота поступков решала все. Теперь же, когда защитники замка получили перевес, появилось время разобраться. К тому же есть волшебные средства, обруч к примеру. Сквозь него можно добраться до черного озера, которое охраняет Мозговитый Коралл.

— Вот оно! — воскликнул Дор.

— Я что-то проглядел? — удивленно спросил Прыгун, уставившись на приятеля четырьмя, а может, пятью глазами.

— Привяжи меня на всякий случай,— попросил Дор.— Мне надо проникнуть сквозь обруч. Хочу поговорить с Мозговитым Кораллом.

Паук не спрашивал и не возражал. Он обвязал друга надежной нитью. Дор приставил обруч к стене и сунул голову в заколдованное пространство.

— Мозговитый Коралл! — мысленно произнес он. Почти невозможно дышать и говорить среди этого застойного пространства. Вокруг не вода, а просто какая-то вата.— Это снова я, Дор, который из будущего.

— *По какому делу ты пришел?* — спокойно спросил Коралл.

— У тебя в запасе хранится гарпий мужского пола?

— *Да, хранится. Это юный гарпий королевского рода. Он попал сюда триста лет назад по вине соперника. Шла борьба за трон.*

— Так это не простой гарпий, а королевский?

— *По их законам гарпию королевской крови нельзя казнить. Поэтому мальчишку тихо упрятали сюда, а кольцо, сквозь которое проникли, потом сломали.*

— Не освободишь ли ты его теперь? Это бы нам очень помогло.

— *Освобожу. Но отныне ты должен помнить, что я оказал тебе услугу.*

— Буду помнить. Поговорим опять через восемьсот лет.

И Дор вытащил голову из заколдованного царства Мозговитого Коралла. Голова на время потеряла чувствительность, но остальное тело было в порядке.

А спустя минуту из обруча вылетело нечто похожее на птицу.

— Приветствую тебя, принц,— вежливо произнес Дор.

Существо расправило крылья и устремилось к Дору.

— А ты из какого рода, людь? — спросило существо.

— Я волшебник Дор. Я освободил тебя.

— Волшебник, покажи свою силу,— важно велело существо.

— Сколько принцу лет? — спросил Дор у оброненного гарпием пера.— Если вычесть годы заточения,— добавил он.

— Принцу двенадцать лет,— ответило перо.

— Сколько и мне! — воскликнул Дор.

— Ты наверняка будешь великаном, когда в лета войдешь,— заметило перо.

— Я верю, что ты волшебник, и согласен говорить с тобой,— произнес гарпий.— Меня зовут Гарольд, принц Гарольд. Говори, какое у тебя дело.

— Ты сегодня единственный гарпий среди гарпий,— стал объяснять Дор.— Тебе следует вернуться и потребовать корону. Этим ты спасешь род гарпий от вымирания. И еще два требования: во-первых, заводи романы только с гарпиями, больше ни с кем; во-вторых, дай мне средство против заклинания, которым вы околдовали гоблинов.

— За одну услугу ты хочешь от меня сразу две,— надменно произнес гарпий.— Так вот, когда я стану взрослым, у меня будут бесчисленные стаи любовниц, из которых я смогу выбирать кого хочу и когда хочу. А о заклинании мне ничего не известно.

— Гоблинов околдовали уже после твоего исчезновения. Подданные посвятят тебя во все.

— Если найду противозаклинательное средство, пришлю тебе. Это будет моя плата за освобождение.

Дор привел принца Гарольда к королю.

— Ну и чудо! — прошептал король с величайшим удивлением.

— Принц Гарольд должен переправиться к своим,— пояснил Дор.— Надо обеспечить ему безопасность. Когда принц Гарольд вернется к гарпиям, у них больше не будет необходимости воевать.

— Я не возражаю,— сказал король и глянул на волшебника Мэрфи. Тот стоял рядом.— Пока не доберется, мы не возобновим огонь. Я отправлюсь на крепостной вал и сам прослежу.

— Гарпия вы освободили, но преимущество по-прежнему на моей стороне,— мрачно произнес Мэрфи.— Потому что мое проклятие вездесуще.

Но вид у него был усталый. Сказывалось чрезмерное напряжение сил. Ведь он сражался сразу с тремя волшебниками, а это никому не по силам, даже самому одаренному колдуну. Дор почти сочувствовал ему.

— Пойдемте,— сказал король с неким тайным вызовом.

И он повел принца на стену. Кентавры по его приказу на время прекратили огонь. Принц Гарольд расправил крылья и взмыл в небо.

Летающие поблизости гарпии закаркали с превеликим изумлением и устремились к принцу. Мгновенный страх пронзил Дора. Он подумал, что гарпии приняли принца за чужака и сейчас разорвут его в клочки. Но они сразу же распознали особу королевской крови. И на этом кончился их интерес к сражению с гоблинами. В мгновение ока стаю гарпий как ветром сдуло. Гоблины остались без противника, если не считать нескольких измученных вампиров.

Спустя некоторое время над стеной закружилась одинокая гарпийская красотка. Среди кентавров кто-то даже присвистнул от изумления.

— Горпына! — крикнул Дор. Это была его знакомая.

— По приказу принца Гарольда,— известила Горпына.— Средство против заклинания.— И она бросила в руку Дора какой-то камешек.— Жаль, что ты не воспользовался той возможностью, красавчик,— подмигнула гарпия.— Другой у тебя не будет. А я попросила у кольца, подаренного тобой, чтобы послало мне дружка, да не какого-нибудь, а самого лучшего. И вот теперь мне светит стать первой любовницей принца.— И она постучала окольцованной лапой.

Все среди гарпий случилось почти молниеносно: принц только взлетел — и вот пожалуйста.

— Ишь ты какая ловкая! — сказал Дор, обращаясь к гарпии.

— Ловчее меня не сыскать,— прозвенело кольцо, думая, что говорят с ним.— Я все могу!

— Гляди, опять заговорило,— удивленно произнесла гарпия, глянув на кольцо.

— В будущем оно будет молчать,— заверил Дор.— Спасибо за помощь.

— Ах, как бы я могла помочь тебе, если бы ты только захотел,— страстно прошептала гарпия. Кентавры буквально не сводили с нее глаз.

Потом Гарная Горпына расправила свои прекрасные крылья и полетела прочь, а все мужчины, включая нескольких наиболее крепких зомби, восхищенно смотрели ей вслед. Потом все с удивлением и завистью посмотрели на Дора. Наверняка не могли взять в толк, чем же это он приворожил такую красотку.

«Значит, Горпына, как настоящая гарпия, безошибочно поразила цель,— догадался он.— Вот и прекрасно. А кольцо... кто знает, может, оно и в самом деле как-то помогло».

Дор посмотрел на камешек.

— Как тебя включить? — спросил он.

— Меня надо не включить, а выключить,— ответил камешек.— Я ведь не контрзаклинание, а заклинание собственной персоной. Выключишь — колдовство исчезнет.

— Как же выключить?

— Очень просто. Доведи меня на огне до белого каления — и колдовская сила во мне будет слабеть, слабеть, а потом исчезнет совсем.

Дор протянул камешек королю:

— Сделай, как говорит камешек, и гоблинам незачем будет сражаться. Они разойдутся по домам. Проклятие Мэрфи не заставит битву длиться.

— Оставив в бездействии тело, ты приложил к разрешению этого трудного вопроса свой разум. Как это по-королевски! Я восхищаюсь тобой, волшебник.— Такую речь произнес король и поспешил прочь, чтобы заняться выключением колдовства.

Король все сделал как надо — развел огонь, накалил камешек, но гоблины как толпились у замка, так и продолжали толпиться. Ничего не изменилось. Но король не унывал. Он объяснил так:

— Колдовство, от которого страдали гоблины, действительно очень хитро. Ничто не нарушало покоя, разве что гоблинские невесты, когда подходило время, отдавали свои сердца не самым лучшим гоблинским женихам. Так длилось веками. Это и было колдовство! От неудачных браков рождались неудачные дети. Целые поколения никуда не годились. Значит, и путь избавления от колдовства — это долгий путь, опять через поколения. Гоблинские женщины находятся далеко от поля боя, поэтому грубияны, осаждающие сейчас замок, еще не знают, что все изменилось, что отныне мужьями будут становиться только самые благородные и добрые. Мы выключим колдовство, но изменений ждать придется долго. Однако будем трудиться не покладая рук. Потому что мы должны не просто защитить замок, а заложить основу лучшего будущего для всей ксанфской земли... День закончен. Надо перекусить и отдохнуть. Зомби останутся сторожить. Я верю, победа уже не за горами!

Может, и в самом деле что-то бесповоротно изменилось? Волшебник Мэрфи ходил мрачный. Дор вдруг почувствовал страшную усталость, кое-как поел, повалился на постель, приготовленную в достроенной части замка, и уснул мертвым сном. Утром он обнаружил, что на постели слева спит повелитель зомби, а на постели справа — волшебник Мэрфи. В недостроенном замке не было отдельных спален для всех. Усталым людям приходилось тесниться.

Ночью почти все гоблины покинули поле боя, оставив многочисленных мертвых лежать под открытым небом. Зомби ходили дозором. Кентавры снова занялись строительством. Теперь замок Ругна наверняка будет завершен в срок.

В столовой, посреди глыб земли, разрозненных частей зомби и в беспорядке разбросанного оружия, накрыли стол. Король Ругн, волшебник Мэрфи, Ведна, Прыгун и Дор уселись завтракать. Мэрфи ел неохотно. У него давно пропал аппетит, и он так исхудал, что походил теперь на повелителя зомби.

— Честно говоря, я думаю, что победа за нами,— сказал король.— Мэрфи, лучше будет, если ты добровольно признаешь это.

— Я еще кое на что надеюсь,— проговорил Мэрфи.— Если и это не удастся, я признаю поражение. Но пока еще рано.

— Ну что ж, ты прав. Когда перевес был на твоей стороне, я тоже не терял надежды. Если бы Дор и Прыгун не подоспели...

— Я не заслуживаю таких похвал. Перевес — не моя заслуга,— поспешно произнес Дор. Он боялся поверить, что Мэрфи побежден. А вдруг опять все встанет с ног на голову и победа окажется на стороне злого волшебника.

— Ты все еще не веришь, что твои поступки имеют вес? — спросил король.— Мы ведь можем проверить. В замке есть волшебное зеркало.

Дор стал возражать, но король уже отправился искать зеркало.

— Может, и в самом деле пришло время проверить,— сказал Мэрфи.— Ты, Дор, постепенно занимаешь столь важное место в развитии событий, что с твоим участием просто нельзя не считаться. Не исключено, что мои догадки неверны. Проклятие и тебе мешало?

— Кажется, мешало,— сказал Дор.— Случалось то одно, то другое.

— Значит, ты весьма значительная фигура. Иначе проклятие не стало бы тебе препятствовать. Наоборот, если бы ты был здесь лицом посторонним, проклятие поощряло бы все твои усилия. Поддерживая не имеющие никакого значения поступки, оно направило бы всех вас по ложному следу. По пути, не приближающему к победе, а уводящему от нее. Но вы оставались бы в сладостном неведении. И если бы король, забыв о собственных возможностях, доверился тебе...

— Но как я могу изменить...— Тут Дор тревожно глянул на Ведну. Он не мог припомнить, знает она о нем или нет. Но какое это имеет значение, раз Милли невинна...— Мое собственное прошлое? — закончил он вопрос.

— Не знаю,— ответил Мэрфи.— Я счел это обстоятельство парадоксальным и отбросил как не имеющее значения. Но в волшебстве есть непостижимые стороны. Они непознаваемы. Вполне возможно, я совершил какую-то ужасную ошибку, и поэтому удача покинула меня. В твои дни о Провале тоже никто не помнит?

— Никто.

Повисло минутное молчание — все захрустели вафлями. Они росли на великолепной вафельнице неподалеку от замка. Потом вернулись к разговору. Мэрфи сказал:

— Вполне возможно, какие-то исторические моменты могут повторяться. И раз это уже когда-то было, результат известен. Если королю на роду написано одержать победу, не имеет значения, как он этого добивается и кто выступает в роли помощников. Твое участие весьма ценно, но ничего не меняет. Ты просто заполняешь место, освобожденное кем-то, кто был на этом месте, когда тебя здесь не было.

— Наверное, так,— согласился Дор.

Он глянул на присутствующих. Они все, похоже, интересовались спором. Все, кроме Ведны. Подколдунья думала о чем-то своем. Дора это почему-то встревожило.

— Вскоре мы все узнаем,— продолжал Мэрфи.— Я уже не в силах бороться. Если сегодня мне не повезет, я останусь безоружным. Но пока проклятие еще действует. В какой форме оно действует, я не знаю, но действия его сокрушительны. Итог, правда, остается под сомнением.

Вернулся король. Он принес зеркало.

— Так, дайте-ка припомнить, как же надо говорить? — бормотал король.— Вопрошающий должен говорить в рифму, иначе стекло, изобретенное когда-то одним волшебником, ничего не почувствует... Стихи... Надо подумать... А, вот:

Зеркало, требую отвечать:
Можно ли нам Дору... доверять?

— Несколько сбивчиво получилось,— тихо заметил Мэрфи.

В зеркале показались голова и передние ноги какого-то кентавра. Неизвестный блистал красотой.

— Голова и передние ноги означают положительный ответ,— сказал Ругн.— Задние ноги и хвост — отрицательный.

— Но есть кентавры, у которых и хвост, и задние ноги красотой не уступают голове и передним ногам,— заметил Дор.

— Спросили бы просто: на чьей стороне будет выигрыш? — криво усмехнулся Мэрфи.

— Не уверен, что нам стоит об этом спрашивать,— возразил король.— Если мы получим ответ и ответ этот будет вли-

ять на ход событий, то сложностей только прибавится. К тому же в предшествующих событиях мы столкнулись с мощным волшебством. Возможно, зеркалу просто не по силам дать вразумительный ответ на такой прямой вопрос.

— Тогда давайте искать сами,— предложил Мэрфи.— Мы долго боролись и завершим нашу борьбу достойно.

— Согласен,— сказал король.

Вернулись к завтраку. Отведали еще вафель, поливая их сиропом, извлеченным из сиропного дерева, очень, кстати, редкого вида растений. В отличие от других волшебных напиточных деревьев сиропное давало много сока, который и содержал драгоценную каплю сиропа. Чтобы получить густой сироп, сок приходилось выпаривать. Поэтому сироп считался лакомством очень изысканным и дорогим.

В современном Ксанфе сиропные деревья попадались так редко, что их можно было назвать вымершим видом. Наверное, в прошлые времена в Ксанфе было великое множество любителей сиропа. И они так безжалостно обращались с этими нежными деревьями, что те в конце концов не выдержали и исчезли, уступив место более грубым, похожим на обыкновенские породам.

Вошел повелитель зомби. Ведна очень обрадовалась его приходу.

— Садись рядом со мной,— пригласила она.

Но повелитель зомби был чем-то встревожен.

— Где Милли, моя невеста? — спросил он.

Присутствующие недоуменно переглянулись.

— А разве она не с тобой? — спросил Дор.

— Нет. Я вчера работал до поздней ночи и счел, что неприлично барышне находиться одной в обществе мужчины. И отослал ее. Она пошла спать.

— Но в своем собственном замке ты не придерживался столь строгих правил,— напомнил Дор.

— Тогда мы с Милли еще не были обручены. Жениху и невесте до свадьбы надлежит встречаться только на людях.

«А как вы поступали, когда на пути к замку Ругна вас заставала ночь?» — хотел было спросить Дор, но сдержался. Повелитель зомби — человек строгих правил и, несомненно, придерживается их всегда, во всех случаях.

— В столовую Милли не приходила,— сказал король Ругн.— Она, должно быть, еще спит в своей комнате.

— Проходя мимо ее двери, я постучал, но ответа не получил,— сообщил повелитель зомби.

— А может, она заболела? — предположил Дор, и повелитель зомби вздрогнул. Дору стало неловко за свою несдержанность.

— Ведна, ступай в комнату к Милли и проверь,— ровным тоном распорядился король.

Подколдунья удалилась, но очень скоро вернулась.

— Комната пуста,— сообщила она.

— Что же с ней случилось? — вопросил повелитель зомби. Он был в настоящем горе.

— Ну не надо так волноваться,— попыталась утешить его Ведна.— Может, жизнь в замке показалась девушке скучной и она вернулась к себе в деревню. Я охотно помогу тебе, пока ее нет.

— Но Милли — моя невеста! — воскликнул повелитель зомби, не поддаваясь ласковым словам Ведны.— Я должен ее найти!

— Зеркало! — догадался король.— Давайте спросим у зеркала! Подскажите мне рифму к слову «девица»

— Зарница,— подсказал Мэрфи.

Король надлежащим образом установил зеркало и продекламировал:

Зеркало, зеркало,
Блесни, как зарница,
Укажи, где девица.

Дор захотел получше рассмотреть, что появится в зеркале, подвинул стул, но стул неожиданно с грохотом упал на пол, а следом за ним — зеркало. Зеркало упало и раскололось на две половины. Теперь это был не волшебный предмет, а просто груда осколков.

— Проклятие Мэрфи! — с ужасом произнес повелитель зомби.— Но почему оно мешает нам отыскать Милли?

Повелитель зомби бросил гневный взгляд на Мэрфи.

— Не знаю, милейший,— развел руками Мэрфи.— Но уверяю, что к твоей невесте я отношусь очень хорошо. Она тро-

нула меня до глубины души своей поистине необыкновенной красотой.

— Каждый при виде этой девицы испытывает одно чувство,— заметила Ведна.— Уж чем ее природа не обидела, так это...

— Я требую говорить о Милли более уважительным тоном! — крикнул повелитель зомби.— Только из-за нее я решил вмешаться в политику! И если с ней случится что-нибудь плохое...

Повелитель зомби прервал свою речь. Повисло напряженное молчание. Все вдруг поняли, каким будет последнее сражение Мэрфи. Без Милли повелитель зомби не согласится помогать королю. Замок Ругна останется без защиты. Что-то должно было по плану Мэрфи прервать строительство замка. И это что-то наступит. Мэрфи победит. Но кто же нападет на замок? Гоблины и гарпии отступили. Неужели есть еще какая-то угроза?

«Есть угроза! — с ужасом осознал Дор.— Это сами зомби! Замок теперь в их власти. И если они ополчатся против короля...»

— Твое проклятие, Мэрфи! — молвил король. Он тоже все понял.— Да, оно ударило в самое сердце! Ты был прав, когда намекал, что итог еще не ясен. Надо найти Милли, найти быстро. Боюсь, будет нелегко.

— Стул, на котором я сидел, опрокинулся, зеркало полетело следом,— пояснил Дор.— Виноват я.

— Не вини себя,— прервал его Мэрфи.— Проклятие, как вода, ищет самое удобное русло. Тобой оно просто воспользовалось.

— Я отыщу Милли! — воскликнул Дор.— Не забывайте, что я тоже волшебник! Стена, где Милли? — спросил он, не откладывая.

— У меня не спрашивай,— ответила стена.— Девушка не заходила в столовую с прошлого вечера.

Дор прошел в зал. Остальные потянулись за ним.

— Пол,— спросил Дор у пола,— когда она шла по тебе последний раз?

— Прошлым вечером, после ужина,— ответил пол.

Ни стены, ни пол не требовали пояснений. Они знали, о ком говорит Дор, знали его настроение и отвечали незамедлительно.

Разыскивая хоть какой-то след Милли, Дор бродил по залу. Препятствий было хоть отбавляй. Ведь Милли, как и другие обитатели замка, весь вечер ходила туда-сюда: стены, пол и мебель не могли отличить всех, кто входил и выходил, следы перепутались. Трудно было сказать наверняка, когда Милли ушла окончательно. Ясно, что она прошла здесь, когда повелитель зомби отправил ее спать. Но в свою комнату она не вернулась. И назад тоже не пошла. Куда же исчезла девушка?

— Пойдемте к воротам,— предложил король.— Спросим у них, не выходила ли она из замка.

«Ну зачем Милли выходить?» — мысленно спросил Дор, но к воротам обратился. Нет, Милли не выходила. Тогда он перешел к крепостному валу. И там не проходила. Получается, что Милли не было нигде. Как будто она дошла до центра зала и попросту испарилась.

— А не исчезла ли она с помощью колдовства? — вслух подумал Дор.

— Волшебники, занимающиеся исчезновением людей и предметов, встречаются весьма редко,— заметил король.— В наши дни это вряд ли кому-то по силам.

— А волшебный обруч! — протрещал Прыгун.

Нет, только не это! Но на всякий случай проверили и там.

— Барышня Милли проходила здесь прошлой ночью? — спросил Дор.

— Никакая барышня сквозь меня не проходила,— язвительно ответил обруч.— И вообще никто не проходил, с тех пор как ты сунул сквозь меня башку и вытащил на свет божий этого птичьего принца. Когда же ты снова превратишь меня в маленькое кольцо? Надоело быть огромным.

— Потерпи,— ответил Дор с облегчением.

Хорошо, что Милли не попала в царство застойной магии! Но потом Дор опомнился. Чему радоваться? Если бы Милли прошла сквозь обруч, она сейчас была бы в полной безопасности и при первой возможности вернулась бы назад. Но ее нет и там, а значит, тайна растет, становясь с каждой минутой все более грозной.

— Спроси у дудочки,— посоветовал паук.— Девушку могли заманить игрой.

Дор послушно спросил. Дудочка ничего не знала.

— Может, дудочка лжет? — предположила Ведна еще одну возможность.

— Не думаю,— возразил Дор.

Опять обошли замок, но ничего нового не открыли. К уже знакомой истории ничего не добавилось: Милли вышла вечером из комнаты повелителя зомби, направилась в свою комнату, но не дошла. При этом ни предметы, ни люди не заметили ничего странного.

— Если девушка упала в яму, вырытую намеренно чьей-то грязной рукой...— неожиданно протрещал паук.

— Упала в яму?! — не поверил своим ушам Дор.

— Ну а если девушка стала жертвой чьей-то нечистой игры,— предположила паутина и проворчала: — В этих образных выражениях просто ногу сломать можно.

— А, я понял, продолжай,— невольно улыбнулся Дор.

— Так вот, если девушка стала жертвой чьих-то нечистых помыслов,— продолжил паук,— то виновного надо искать среди нас. Предлагаю провести следствие: выяснить у каждого, где он был, когда исчезла Милли.

— Паук, твое предложение необычайно остроумно,— сказал король.— Это попросту какой-то новый взгляд на случившееся.

— У меня ведь глаза на затылке,— скромно ответил паук.

Опросили всех обитателей замка. Выяснилось: кентавры провели ночь на крепостном валу, поддерживая зомби; Дор, король и Прыгун спали; повелитель зомби работал допоздна, потом отправился в комнату, отведенную для мужчин, и лег в постель; Мэрфи немного погулял по замку, вполне невинно, и тоже пошел спать; подколдунья Ведна помогала повелителю зомби, удалилась ненадолго в дамскую комнату — незадолго до ухода из мастерской Милли,— потом вернулась, проработала с повелителем до поздней ночи и ушла спать. Вот и все.

— А чем занимаются дамы в этой дамской комнате? — спросил Прыгун.

— Разными делами,— засмеялся Дор.— Прихорашиваются у зеркала, прическу поправляют, ну, в общем...

— Ага, понимаю. Милли часто туда заходила?

— Часто. Девушки любят прихорашиваться.

— И вот она в последний раз зашла. А вышла ли?

— Мы не проверяли! — воскликнул Дор. Он вспомнил, что в дамскую комнату действительно еще не заходили.

— Мужчинам входить нельзя! — возразила Ведна.— Это неприлично!

— Но нам просто нужно задать несколько вопросов,— заверил ее король.— Мы вовсе не собираемся подглядывать.

Огорченная Ведна вынуждена была согласиться. Следствие направилось к дамской комнате.

— Дверь, входила ли девушка в комнату вчера поздним вечером? — очень робко поинтересовался Дор.

— Входила. Но сохраню в секрете, чем она здесь занималась,— строго ответила дверь.

— А потом она вышла?

— Если подумать, то... нет! Не выходила! — с удивлением воскликнула дверь.— Подозрительное дело!

Дор и Прыгун переглянулись. Милли найдена! Почти найдена!

Вошли в комнату. Там было чисто, стояли горшки, миски, объемистая корзина для мусора. В углу — специальный подъемник для белья. На полках — разные коробки, банки. И больше ничего.

— Милли здесь нет,— разочарованно произнес Дор.

— Но именно отсюда она исчезла,— заметил король.— Если нужно, расспроси каждую банку, каждую миску. Мы должны знать, как она погибла, то есть я хотел сказать, исчезла,— поспешно добавил король, вспомнив, что среди присутствующих находится погруженный в печаль повелитель зомби.

Дор занялся расспросами. И постепенно в ходе следствия возникла картина случившегося: Милли вошла в комнату, приблизилась к какому-то тазу, подошла к обыкновенскому зеркалу, взглянула на свое усталое, но по-прежнему хорошенькое личико, и в этот миг... вошла Ведна; Ведна погасила волшебный фонарь; во тьме раздался удивленный и возмущенный возглас Милли, кажется, она замотала головой, затопала ногами. И больше ничего.

Ведна покинула дамскую комнату одна. Фонарь так и не загорелся вновь. А Милли... Милли исчезла без следа.

Пока Дор занимался расспросами, Ведна потихоньку отодвигалась к двери. Хотела бежать! Но не тут-то было. Прыгун ловко кинул петлю и схватил ее.

— Так это совершила ты! — вскричал повелитель зомби. Его худое лицо перекосилось, глаза побелели от гнева.

— Да, это совершила я,— призналась Ведна.— Но только ради тебя, повелитель зомби. Ведь Милли тебя все равно не любила. Ей нравился Дор. Кто она такая? Да просто легкомысленная девица, начисто лишенная волшебного дара. Разве тебе такая нужна...

— Она моя невеста! — дико возопил повелитель зомби.

«И мне она была дорога,— эхом отозвалось в сердце Дора.— Я тоже любил ее».

— Негодная, что ты с ней сотворила, отвечай! — потребовал повелитель зомби.

— Отправила так далеко, что вряд ли тебе когда-нибудь удастся ее отыскать!

— Убийство,— мрачно сказал король.

— Не убийство. Я просто использовала свой талант: изменила барышню. Изменила основательно.

«Ловкий ход,— подумал Дор.— Мертвое тело повелитель зомби мог бы переделать в зомби, но сейчас он попросту бессилен».

Прыгун заглянул в корзину для мусора.

— Может, в корзине? — спросил он.

— Мы переберем весь мусор, но отыщем ее! — горячо заверил король.

— Но если даже и найдете то *что-то,* во что я превратила девицу, дальше все равно ничего не сможете сделать. Без моей помощи она не превратится вновь в смазливенькую глупышку.

— Подколдунья,— мрачно произнес король,— мы очень благодарны тебе за помощь во время осады. Не заставляй же нас менять наше мнение.

— Поду-у-умаешь,— презрительно протянула Ведна.— Открою, почему я встала на вашу сторону: Мэрфи отверг меня, а я очень хотела выйти замуж за какого-нибудь волшебника.

— Ты ведешь себя неразумно,— заметил король.— Если не вернешь девушке прежний облик, будешь казнена.

Ведна вздрогнула, но не уступила:

— Уничтожив меня, вы тем самым уничтожите возможность вернуть девушку. Потому что мой талант исчезнет вместе со мной. А он неповторим.

— Твой талант исчезнет, но родится на свет кто-нибудь другой, а с ним и его талант. И не исключено, что это будет именно топологический талант. Бывает, рождаются люди со сходными талантами.

— Придется ждать десятки лет, а то и столетия! Нет, чтобы спасти эту девицу, вам придется принять мои условия.

— Какие условия? — прищурившись, спросил король.

— Пусть Дор возьмет Милли в жены. Глупая девчонка по уши влюблена в него. А я выйду за повелителя зомби.

— Ни за что! — твердо вымолвил повелитель зомби.

— Девушка тебя не любит. Зачем принуждать ее к браку?

— Со временем она бы меня полюбила.

— И сколько потребовалось бы времени? Лет двадцать, когда нет уже ни молодости, ни красоты. А может, не двадцать лет, а два столетия? А я *уже* люблю тебя.

— В ее словах есть доля правды,— произнес повелитель зомби, обращаясь к Дору. На лице его выражалось страдание, но он крепился.— Я всегда знал, что Милли любит тебя. Раз уж так сложилось...— Тут голос его сорвался, но он взял себя в руки и продолжил: — Раз так сложилось, уж лучше Милли стать твоей женой, чем мучиться в облике неизвестно кого неизвестно какое время.

Дор вдруг понял, что счастье с Милли вновь стало возможным.

«Соглашайся,— уговаривал внутренний голос,— и Милли будет спасена, а вместе с ней и весь замок Ругна. Простым кивком головы ты сведешь на нет последние отчаянные усилия Мэрфи».

Искушение было велико, но Дор понимал, что Милли не могла избежать беды. Рок подстерегал ее.

«Если я соглашусь взять Милли в жены, то все равно ничего хорошего ей предложить не смогу. Скоро я должен возвратиться. Ведна не поверила, что я из будущего, но это так. Ну а

если не соглашусь? Тогда Милли останется призраком на восемьсот лет. Ужасно, но неизбежно. Такова ее судьба».

Вмешательство теперь означало бы настоящее изменение истории. Это не вызывало сомнения, поскольку он использовал бы свое знание. Под его рукой возник бы парадокс, то есть запрещенный вид магии. И, пользуясь причудливой логикой ситуации, Мэрфи одержал бы победу. Покусившись изменить слишком обширный участок, Дор тем самым уничтожил бы самого себя. То есть опять исполнил бы волю проклятия.

Ну а если он отвергнет предложение Ведны? Тогда король Ругн все равно окажется в проигрыше, так как повелитель зомби повернет свои силы против него. И снова победа останется за Мэрфи.

«Как же быть?» — спрашивал самого себя Дор. Получается, любой путь, какой бы он ни выбрал, заканчивается кошмаром. Значит, все равно, по какому пути отправиться. Значит, ему, Дору, можно пойти, куда ему заблагорассудится.

— Я отказываюсь взять Милли в жены,— сказал он.

Он выбрал! Теперь девушке придется до дна испить чашу призрачного существования. Восемь столетий мучительной полужизни... Ну а здесь какое счастье ее ждало? Счастье стать женой-нянькой маленького мальчика? Счастье жить рядом с зомби?

— Или она останется со своим женихом, или... ни с кем,— добавил он.

— Но я же и есть ее жених! — воскликнул повелитель зомби.— Я люблю ее! И именно потому, что люблю, уступаю тебе! Я согласен на все, лишь бы она не страдала!

— Это настоящая любовь,— промолвил король.— Иной ты и не мог испытать.

— Сожалею,— сказал Дор.

Он вдруг понял, что любил Милли гораздо слабее. Иначе он не выбрал бы для нее путь страдания. Из-за его решения все будут ужасно страдать. И он знает, что так будет. Но поступить иначе не может. Иначе разрушится то, что они с такими трудностями пытались спасти. Гибель придет не впрямую, но наверняка. Значит, у него нет выбора.

— Что верно, то верно,— проговорил Дор.— А что неверно, то неверно.

И беспомощно развел руками. Трудная мысль. Невозможно сразу подобрать слова, чтобы передать ее надлежащим образом.

Повелитель зомби печально взглянул на него.

— Мне кажется, я понял, что ты хочешь сказать,— промолвил он и — о чудо! — протянул Дору руку.

Дор пожал ее. Он вдруг почувствовал себя настоящим мужчиной.

— Если ты не превратишь девушку,— грозно сказал король, обращаясь к Ведне,— я отправлю тебя за обруч.

— Не притворяйся,— дерзко ответила Ведна.— Ты не станешь рисковать королевством только ради того, чтобы наказать меня.

Но король не притворялся. Он дал волшебнице еще минуту на размышление. Потом принесли обруч.

— Я могу уменьшить обруч,— произнесла подколдунья.— Он снова станет крохотным, и ты не сможешь им пользоваться.

— Не исключено, что тебе, Ведна, придется пролезать сквозь это самое крохотное отверстие,— сказал король.

И было в его голосе нечто, заставившее подколдунью похолодеть. Она прошла сквозь обруч и исчезла.

Король повернулся к повелителю зомби.

— Это принципиальный вопрос,— сказал король.— Я не могу оставлять такие проступки без наказания. Мы обыщем замок и найдем, во что она превратила Милли. А потом постараемся найти средство вернуть девушку. Магические средства найдутся, я не сомневаюсь. А если не получится, мы станем время от времени беспокоить Ведну. Не исключено, что она передумает и согласится вернуть Милли. Со временем...

— Со временем,— с глубокой горечью повторил повелитель зомби. Все понимали, что на поиски Милли может уйти вечность.

— Между тем я приношу мое глубочайшее извинение за все случившееся. Я приложу все силы, чтобы помочь тебе благополучно добраться домой. И надеюсь, через пару лет мы встретимся вновь, но уже при более радостных обстоятельствах.

— Мы не встретимся больше никогда,— произнес повелитель зомби.

«Как-то нехорошо он это сказал»,— отметил про себя Дор, но промолчал.

— Ну что ж, не стану спорить,— согласился король.— И от всей души прошу извинить. Я бы ни в коем случае не призвал сюда тебя с целой армией зомби, если бы предвидел, как обернется проклятие. Но скажу честно, мне очень жаль, что зомби покинут замок.

— Они не покинут замок,— сказал повелитель зомби.

«Что он задумал?» — растерялся Дор.

Ему стало страшно. Ведь повелитель зомби сейчас в таком отчаянии, что способен на все. А вдруг он примется разрушать? Если он примется разрушать, его ничто не остановит. И тогда придется... придется его убить! Дор едва не выхватил меч.

— Но ты сделал все, что в твоих силах. Я не смею тебя больше задерживать.

— Король, помощь тебе не означала, что я заключил с Милли какую-то сделку, что я таким образом покупал ее руку и сердце. Моя любимая попросила меня помочь тебе, и я не мог не согласиться. Ее воля для меня закон. И я не хочу отступать от своего слова даже после ее смерти. Я буду и дальше помогать тебе. Зомби останутся здесь. Они будут защищать замок Ругна сейчас и в дальнейшем. Я дарю тебе мою армию. Бери, если она тебе нужна.

Дор прямо рот раскрыл от удивления.

— Конечно! — воскликнул король.— Это просто бесценный подарок! Я устрою для них уютное кладбище, где они смогут отдыхать в перерыве между войнами. Им будет присвоено звание почетной стражи замка Ругна. К тому же...

— Этого достаточно,— остановил короля повелитель зомби. Он как-то странно глянул на Дора и медленно вышел из комнаты.

— Я побежден,— раздались слова. Это был Мэрфи.— Мое проклятие не сдавалось, но честность повелителя зомби оказалась сильнее. С зомби мне не справиться.

И Мэрфи тоже покинул комнату.

— Какая печальная победа,— произнес король.

Дор не мог с ним не согласиться.

— Государь,— обратился он к королю,— мы с Прыгуном еще немного побудем в замке, поможем убрать, а потом отправимся. Близится наше время.

Опечаленные, они пошли в столовую, где их ждал оставленный завтрак, но никому не хотелось есть. Поэтому занялись уборкой: очищали замок от мусора, закапывали не превращенные в зомби тела убитых, расставляли по полкам книги в библиотеке. Главный дворец был еще не достроен, но библиотека выглядела точно как в будущем, через восемьсот лет. Книги валялись повсюду. Один фолиант Дор нашел в подъемнике. Он поднял книгу. Держа ее в руках, он вдруг почувствовал какое-то непонятное волнение. Потом успокоился и отнес книгу на полку.

А в полдень приключилась новая беда: повелитель зомби покончил с собой. Его тело нашли висящим на чердаке.

«Я ведь знал, я предчувствовал, что случится дурное,— укорял самого себя Дор.— Любовь настигла несчастного слишком внезапно; потери любимой, несправедливой и ужасной потери, он не вынес. Повелитель знал, что Милли умрет, и сам готовился к смерти. Поэтому он и сказал королю, что больше они не встретятся».

Когда тело повелителя зомби сняли, обнаружилась еще одна подробность, удивительная и страшная: мертвец был наполовину живой. Каким-то загадочным образом повелителю зомби удалось превратить в зомби самого себя.

Волоча ноги, зомби выбрался из замка и побрел куда-то. Дор понимал, что горе повелителя безутешно. И став полумертвецом, он не узнает покоя. Зомби обречен на вечные муки, потому что зомби бессмертны. Какое ужасное наказание!

— Повелитель зомби распорядился собой ужасно, но логично,— пробормотал король.— Еще раз проверил собственный талант. На этот раз на себе.

Слуги, которых король на время военных действий отослал из замка, теперь возвращались: горничные и повара, кони и драконы. Шум и суета стояли вокруг, но для Дора замок словно и не оживал. Победа оказалась на их стороне, но что она принесла с собой? Лишь горе, сожаление и разочарование...

Вскоре Дор с Прыгуном приготовились уходить. Они знали, что заклинание, давшее им дорогу в мир, изображенный на гобелене, сейчас поможет вернуться домой. При этом они хотели отойти подальше от замка Ругна.

— Желаю править успешно, король,— произнес Дор, в последний раз пожимая руку королю Ругну.

— Буду делать все, что в моих силах, волшебник Дор,— ответил король.— И тебе желаю всяческих успехов. Я уверен, что, когда наступит твое время взойти на трон...

Дор пожал плечами. Проделав свой путь, он стал мудрее, даже мудрее, чем хотелось бы. Королевская власть... Нет, не хочется об этом думать.

— Я хочу тебе кое-что подарить,— протрещал Прыгун, протягивая королю какую-то коробку.— Это гобелен-головоломка. Мне дал ее повелитель зомби. Я не смогу забрать ее с собой. Прошу тебя, на досуге собери ее до конца и повесь на стену. В любой комнате, где тебе понравится. Эта картинка доставит тебе много радостных часов.

— Я повешу гобелен на самом почетном месте,— сказал король, принимая подарок.

— И у меня к тебе просьба,— сказал Дор, вспомнив о чем-то.— Я ношу с собой одну вещицу, которую тоже не смогу забрать в будущее. Но если ты заколдуешь ее и перенесешь на гобелен, то потом, через восемьсот лет, я отыщу ее на картинке и возьму.

— Мне это нетрудно,— сразу согласился король.

Дор протянул ему флакончик. Там плескался оживляющий эликсир.

— Я сделаю так, что флакончик отзовется на условную фразу. Допустим, «Спаситель Ксанфа».

— О, благодарю,— только и сумел произнести Дор, смущенный столь искренним участием.

Потом он отправился на крепостной вал попрощаться с кентаврами. Сердика среди них не оказалось — он как умчался тогда домой, так и не вернулся. Зато там был великан Яколев. Великан протянул на прощание громадную костлявую руку, и Дор осторожно пожал ее. Эх, не умел Дор ни здороваться как следует, ни прощаться!

Приятели вышли из замка, перешли опустевшее, изрытое пирожками и тортами поле и... чуть не угодили в заросли косой травы. Если бы не Прыгун, успевший в последнюю минуту отскочить в сторону и увлечь за собой Дора, косушка измельчила бы их в мгновение ока.

А потом начался лес, чащоба, где опасности преодолимы, потому что видны, потому что их можно пощупать. Путникам показалось, что они уже дома. Избегая ловушек, обходя подозрительные места, привычно уничтожая препятствия, они продвигались вперед.

Дор страшно печалился, но сам не мог понять, что его гнетет. Все думал, думал...

«Разлука с Прыгуном!» — вдруг осенило его.

— Да, это из-за тебя, Прыгун,— сказал он вслух.— Мы вот-вот будем дома, но там я опять превращусь в мальчишку, а ты в крохотного паука. Больше нам не встретиться!..— И Дор чуть не расплакался, ну совсем как маленький мальчик.— О Прыгун, нет у меня друга лучше тебя. В величайшем и ужаснейшем походе, совершенном мною, ты неизменно был на моей стороне. Я... и...

— Я тронут до глубины души,— прострекотал паук.— Но нам вовсе не придется расставаться навеки. Ведь в замке я живу знаешь где? Около гобелена! А окрестности так и кишат разными жирными и ленивыми насекомыми, которым по вкусу именно ткань. Ну теперь я им задам! Теперь у меня особые причины получше защищать гобелен. Если я тебе понадоблюсь, ты всегда сможешь меня найти.

— Но ведь через три месяца я только вырасту на какой-нибудь сантиметр, а ты... тебя уже не будет!

— Такая уж моя судьба,— спокойно ответил Прыгун.— За эти три месяца я успею пережить не меньше, чем ты за последующие тридцать лет. Расскажу о тебе моим детям. Думаю, редко кому из насекомых выпадает удача пожить среди людей, узнать их нравы и обычаи. А мне вот повезло. Теперь я знаю, что топающие вокруг нас гиганты тоже умеют понимать и чувствовать. Великое множество знаний я получил за это время.

— И я! — воскликнул Дор и порывисто протянул руку.

Паук торжественно поднял одну из своих лап и протянул навстречу.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Раскачавшись на шелковой паутинке, Дор мгновенно перенесся через бездну и в следующий миг уже стоял в гостиной замка Ругна. Перед ним на стене висел гобелен.

— Дор, это ты? — спросил знакомый голос.

Дор оглянулся и заметил крошечную фигурку.

— Конечно я, Гранди,— ответил он голему.— А кто же еще может быть?

— Вполне может быть Мозговитый Коралл. В последние две недели так выглядел именно он.

Тело силача-обыкновена бесследно исчезло. Посреди комнаты стоял худенький долговязый подросток. Прежний Дор. Его тело вернулось.

«Ну ничего,— успокоил он самого себя.— И оно подрастет, станет большим и сильным».

Дор всмотрелся в гобелен, пытаясь отыскать Прыгуна. Паук наверняка остался там, посреди чаши, где возвращающее заклинание подхватило их... Вот какое-то пятнышко... Нет, это не пятнышко, а живое существо, но до того мелкое, что хватило бы щелчка, чтобы уничтожить его.

«Никогда больше не стану щелкать пауков»,— внутренне поклялся Дор.

А насекомое помахало лапкой, которая теперь была не толще волоса.

— Насекомое говорит, что в этом облике тебя не узнать,— перевел Гранди.— И еще оно говорит...

— И без тебя понимаю,— всхлипнул Дор.

Глаза его неожиданно затуманились. В этой новой встрече горе и радость как-то смешались. И Дор не мог сказать, чего больше и почему он плачет.

— Мы увидимся... будем видеться, Прыгун... скоро... несколько дней... месяцы твоей жизни... я хочу сказать... Прыгун...

— Льешь слезы в три ручья над какой-то букашкой? — недоуменно спросил Гранди.

Дор сжал кулаки. Ему захотелось ударить голема, превратить в кашицу, из которой тот когда-то возник.

«Успокойся,— приказал себе Дор.— Откуда Гранди знать, что Прыгун значит для тебя. Гранди вообще туповат и старомоден».

Прыгун стал микроскопическим и жалким. Ничего не поделаешь, надо смириться. Хотя они и пойдут отныне разными путями, дружба их от этого не исчезнет. Может, именно когда становишься взрослым, начинаешь понимать, что настоящая дружба не зависит от того, сколько твой друг проживет на свете и кто он такой — великан или карлик. Но как тяжко это знание. Невеселое все-таки дело — становиться взрослым.

Но и здесь, в этом мире, у него были друзья. Они есть. Нельзя, чтобы пережитое там, внутри гобелена, встало между ними.

— Привет, Гранди,— сказал Дор, принудив себя отвернуться от гобелена.— Ну, как вы поживаете здесь, как дела?

— И не спрашивай! — воскликнул голем.— Ты знаешь Мозговитый Коралл, ну тот, что нацепил твое тело? Так вот, он ведь играл ребенка, даже иногда переигрывал: совал нос куда не следует, делал ложные шаги...

— Куда? — не понял Дор.

— Не куда, а как,— поправил голем.— То есть вел себя неприлично. Громко чавкал за обедом, допустим, и тому подобное.

— Очень интересно,— с улыбкой сказал Дор.

Он постепенно привыкал к своему маленькому телу. Ему, конечно, недоставало обыкновенской силы, а в остальном было ничего.

— Гранди, мне надо поговорить с этим Кораллом. Я должен вернуть ему долг.

— Брось, ничего ты не должен. А если собираешься с ним повстречаться, то дай ему в ухо, и хорошенько. Впрочем, у него, может, и ушей никаких нет. Ты путешествовал, а он развлекался здесь, в твоем теле. Вы квиты.

«Ничего себе путешествие»,— подумал подросток Дор и вслух добавил:

— Я задолжал Кораллу восемь столетий тому назад.

— А, ну тогда обратись к гному.

— К гному? — не сразу сообразил Дор.— А, к доброму волшебнику Хамфри? Ну конечно, обращусь! Но теперь, прямо сейчас, мне надо встретиться с зомби Джонатаном.

— Достал водицу?

— Ну, достал.

— Вот это новость! Вот это будет праздник! Первый воскресший зомби вступает в брак с первым воскресшим призраком! На протяжении столетий они влачили поистине жалкое существование: к ней никто не мог прикоснуться, а к нему никто не хотел прикоснуться. Жуткая повесть о любви!

Стукнуть бы хорошенько этого говоруна! Но Дор, наученный недавними событиями, сдержался и просто сменил тему:

— Я передумал. Пожалуй, встречусь я сначала с королем Ру... Трентом. Ведь это он благословил меня на подвиги.

Гранди пожал плечами:

— А сказать тебе, какие штуки проделывало это существо с твоим телом и с Айрин?

— С кем? — рассеянно переспросил Дор. Он был весь в мыслях о предстоящей встрече с Мозговитым Кораллом. Какую плату тот потребует после стольких веков отсрочки?

— С принцессой Айрин, дочерью короля Трента. Помнишь ее?

— А, ну да, конечно, правда, это было восемьсот лет назад...— продолжал мямлить Дор, все еще витая где-то далеко. И вдруг слова голема дошли до него, и он удивленно вскричал: — Что мое тело делало с Айрин?!

— Коралл очень интересовался кое-какими отличиями между мужчиной и женщиной. Сам он вообще не принадлежит ни к какому полу или принадлежит сразу к двум полам, ни то ни се, и вот этот пакостник...

— Хватит! Как же я теперь встречусь с королем?

— Уж не думаешь ли ты, что я ему рассказал? Нет, помня о твоем возвращении, я, наоборот, пытался скрыть этот поступок. Но король Трент весьма проницателен, да и сама Айрин могла рассказать отцу. Поэтому ни за что нельзя ручаться.

— Когда я... тело сделало это?

— Вчера.

— Тогда, может, еще есть время. Иногда она по нескольку дней не разговаривает с отцом.

— Ну-у, такой случай,— возразил голем.— Она могла не утерпеть.

— Могла, вполне,— обеспокоенно согласился Дор.

— Айрин, скажу тебе, может, и набрала в рот воды, но королю это вовсе не мешает. Король ведь знает, что она попросту сорвиголова.

— Я боюсь, что король станет плохо думать обо мне. Вот что меня сейчас волнует.

В мире внутри гобелена его, тщедушного подростка, принимали за отважного, надежного мужчину и одаривали соответствующим уважением. Это льстило его чувствам, и, перейдя в реальный мир, он не хотел больше слыть в глазах окружающих легкомысленным мальчишкой-шалуном. Но кроме себя он думал и о других. О других, которые имели свои чувства. Он вспомнил, как зарумянилась подколдунья Ведна, когда повелитель зомби похвалил ее талант. Потом проклятие Мэрфи превратило этот дар в гибельную силу, жертвой которой пали и Ведна, и сам Мэрфи... и Милли. Ни на кого нельзя смотреть свысока, даже на самых отъявленных малолетних проказников.

— Где Айрин? — спросил Дор у пола.

— Ее здесь не было уже несколько дней,— ответил пол.

Дор пошел дальше, по пути задавая вопросы. И вскоре нашел ее — принцесса находилась в своей комнате.

— Ступай,— велел он Гранди.— Я сам справлюсь.

— Но твои споры с Айрин так забавны,— недовольный тем, что его отсылают, проворчал Гранди, но ослушаться не посмел и удалился.

Дор набрал в грудь побольше воздуха — при этом в его памяти на секунду мелькнула Гарная Горпына,— расправил плечи и вежливо постучал. Айрин быстро отворила дверь.

Айрин было всего одиннадцать лет, но теперь, после всех испытаний, Дор увидел ее будто в ином свете. Перед ним стояла очаровательная девочка, уже почти готовая превратиться в красивую юную девушку. И тело ее, сейчас такое худое и угловатое, несомненно станет женственным и манящим. Через два, ну, может быть, три года красотой она не уступит и самой барышне Милли. Таланты у них, правда, разные.

— Ну? — спросила она слишком резко, потому что волновалась.

— Можно войти?

— А вчера ты не церемонился. Опять явился в доктора поиграть?

— Нет,— ответил Дор.

Девочка сделала шаг назад. Он вошел и тихо закрыл за собой дверь. Как же начать разговор? Принцесса в любую минуту готова дать отпор, следит за каждым его движением. Но на самом деле она вовсе не боится. Ну чего бояться, когда вся комната в растениях, вон даже небольшая путана виднеется. Отцу еще не сказала. Это он определил, когда, разыскивая ее, очутился рядом с библиотекой. Стены и пол сказали, что вчера девочка к двери библиотеки не подходила.

Айрин слыла во дворце ребенком невоспитанным да еще лишенным сколько-нибудь значительного волшебного таланта. «Бездарная особа»,— шушукались между собой окружающие. У нее был острый язык и дурные манеры. Но сейчас, явившись в комнату к принцессе, Дор все время напоминал себе, что она тоже личность. Раньше он относился к ней свысока потому, что слишком гордился собственным талантом. Но там, внутри гобелена, он повстречал Милли и полюбил ее, а она ведь была совершенно бездарна. И он понял, что быть волшебником в некоторых случаях, конечно, важно и полезно, но в других случаях — а они бывают — магия не значит ровным счетом ничего. И повелитель зомби так считал. Теперь Дор испытывал чувство стыда. Но стыдился он не за вчерашнее, а за то, как вел себя месяц назад, год назад. И месяц назад, и год назад он позволял себе смотреть на кого-то сверху вниз. И не оправдание, что важничал он не со зла. Ему, могущественному волшебнику, наследнику престола, просто нельзя не сочувствовать тем, кто обделен столь пышными дарами. Айрин, дочь могущественных волшебников — а их всего трое в прежнем поколении,— обречена быть никем только потому, что судьба вместо таланта подарила ей лишь кое-какие способности да еще плюс ко всему создала ее женщиной.

«А если бы я оказался на ее месте? — на минуту вообразил он.— Как бы мой отец чувствовал себя, если бы знал, что его дитя бездарно?»

— Айрин, я пришел к тебе, чтобы... чтобы извиниться,— робко проговорил Дор. И тут он вспомнил, как извинился ко-

роль Ругн перед повелителем зомби. Он сделал это искренне и свободно, хотя, в сущности, и не был виноват. Король может позволить себе и смирение.— Я не имел права делать то, что сделал. Я искренне прошу прощения. Впредь этого не повторится, обещаю вести себя иначе.

— Это ты о вчерашнем? — спросила она, насмешливо глядя на него.

— Обо всей моей жизни! — вспыхнул он.— У меня и в самом деле сильный талант. Это так. Ну и что? Просто я с ним родился, по воле случая. И нет тут никакой моей заслуги. А у тебя свой талант, очень хороший, выше среднего. Я умею разговаривать с неживыми предметами, ты умеешь выращивать живые растения. Могут возникнуть обстоятельства, в которых твой талант окажется куда полезнее моего. Я важничал перед тобой и за это себя виню. Я важничал — ты грубила. На твоем месте я бы тоже так поступал. Отваги тебе не занимать. Ты достойна уважения, Айрин. Ты еще ребенок, как и я, но и человек. И тебя нельзя не уважать. Вчера...— Тут Дор остановился. Он не знал, что вчера натворил Мозговитый Коралл. Надо же было разузнать у Гранди!..— В общем, мне жаль, я извиняюсь и...

Привычным жестом подняв пальчик, Айрин утихомирила его речь и спросила:

— Так ты берешь назад вчерашнее?

И тут картины вчерашнего, его собственного вчерашнего, предстали перед ним: вот он играет на дудочке, уводя за собой гоблинов и гарпий, вот раскачивается на шелковой нити в Провале; вот взрывается забудочное заклинание и заполняет сжатое отвесными стенами пространство; вот он на поле боя, собирает тела для повелителя зомби... Беспримерные подвиги, навсегда канувшие в прошлое. Его вчера было восемь веков назад...

— Нет, я не отказываюсь от вчерашнего,— сказал он.— Ведь это часть моей жизни.

— Слушай, ты думаешь, я какая-то наивная дурочка, которая ни в чем не разбирается?

— Ты ошибаешься, Айрин. Я так не думаю. Наоборот, себя считаю наивным...

— И не знаешь, что случилось вчера? Настаиваешь, что не знаешь?

«Откуда мне знать?» — мысленно вздохнул он.

— Да, я ничего не знаю, но согласен понести наказание. Ты имеешь право сердиться. Если хочешь, расскажи отцу...

— Ну при чем здесь отец! — взорвалась она.— Я сама о себе позабочусь. Сейчас с тобой расквитаюсь.

— Как хочешь,— покорно ответил Дор.— Это твое право.

— Закрой глаза и не двигайся,— распорядилась она.

Дор твердо знал, что сейчас получит оплеуху. К тому все и шло. Отдал Мозговитому Кораллу тело, теперь надо расплачиваться.

Дор стоял с закрытыми глазами, свесив руки по бокам. Он и не собирался сопротивляться. Может, это лучший способ все устроить.

Вот она подходит... уже близко... вот поднимает руки... Куда ударит? Только бы не туда, не вниз. Лучше уж в грудь или в лицо, хотя тоже мало хорошего... Что-то прикоснулось к губам. Странно мягкое... Но это же... Это же поцелуй! Она его целует!

От удивления Дор чуть не упал. Он обхватил Айрин. То ли чтобы удержаться на ногах, то ли потому, что полагается обнимать девушку, когда целуешься. Она прижалась к нему, шелковистые волосы коснулись его лица. От нее так приятно пахло, она была такая вкусная, такая милая.

Айрин чуть отстранилась и взглянула на него:

— Ну и что ты теперь скажешь?

— Если это и есть наказание, то оно тебе не удалось,— сказал он.— А целоваться ты умеешь здорово.

— И ты тоже. Вчера все было не так, вчера я испугалась. Подумала, что ты начнешь драться, стаскивать с меня трусы и все такое прочее. Поэтому подняла крик, все получилось неловко, суматошно. Но потом я всю ночь училась целоваться. На моей большой кукле. На этот раз лучше?

Училась целоваться? Так вот что произошло вчера — они целовались! Дор чуть не упал от неожиданности. Вот и верь после этого Гранди. Рассказал какую-то жуткую историю...

— Со вчерашним сравнить никак нельзя,— решил согласиться Дор.

— Ну а теперь мне надо... снять платье?

Дор что-то промычал, не зная, как поступить.

— А вот и не сниму! — рассмеялась она.— Если вчера не снята, то с какой стати сегодня? А ты как думал?

— Я и не думал,— ответил Дор, вздохнув с облегчением. Там, внутри гобелена, он вдоволь насмотрелся на обнаженных нимф, но сейчас все произошло бы в реальности.— Совсем не думал,— повторил он на всякий случай.— Совсем-пресовсем.

— Хочешь знать, что произошло вчера? — спросила Айрин.— Так слушай. Вчера я почувствовала, что ты по-настоящему обратил на меня внимание. Ты первый, кто обратил на меня внимание. Раньше я никому не была нужна. Одни интересовались моими растениями, другие ворчали, когда я шалила, обзывали дворцовым несчастьем. И для тех, и для других я была просто бездарной девчонкой, которая только и умеет, что выращивать глупые цветочки и листики. Ты и вообразить не можешь, что значит родиться в семье сильнейших волшебников и стать для отца и матери разочарованием. Потому что девчонка, потому что не волшебница...

— У тебя прекрасный талант,— горячо возразил Дор.— И вовсе не плохо быть девчонкой.

— Ну да, ну конечно! Но откуда тебе знать? Ты ведь никогда не ходил в бездарях! Ты никогда не был девчонкой! А я знаю, что такое, когда в глаза хвалят, потому что боятся родителей, а за спиной дразнят, обзывают капустницей, пустозвоном, водорослью...

— Я тебя никогда не обзывал! — воскликнул Дор.

— Если не говорил, так в уме разные слова придумывал. Ведь так?

Дор покраснел.

— Я больше не буду придумывать,— с трудом выговорил он.

— Но и это еще не все,— мрачным тоном продолжила Айрин.— Мои родители... Они защищают меня, потому что так им велит долг, а про себя думают как остальные...

— Король так не думает,— возразил Дор.— Он не может так думать.

— Помолчи уж! — крикнула принцесса. Глаза ее наполнились слезами. Дор послушался, и девочка постепенно успокоилась. Девочки и девушки во все века большие мастерицы быстро успокаиваться.— И вот вчера ты был совсем другой,—

продолжила она,— вчера ты задавал вопросы, интересовался, словно никогда и не был знаком с милочкой Милли-дух, обитающей у вас в домике. Ты не рассуждал о магии, не делал фокусов с дверями и креслами, вообще не делал ничего лишнего. Мы с тобой просто сидели и разговаривали. Ты и я. Тебе очень хотелось знать, что значит быть девочкой. Временами мне казалось даже, что через тебя говорит кто-то другой, кто-то ужасно умный, но несведущий; кто-то хочет, чтобы я его научила. Сначала я сомневалась. Подумала, что ты решил подшутить надо мной, подразнить, но ты был такой серьезный. Потом ты захотел поцеловать меня, и я подумала: ну вот, теперь он меня укусит или ущипнет, будет потешаться; но ты даже не улыбнулся. И тогда я решилась и поцеловала тебя, но получилось ужасно — я попросту расшибла нос. Я понадеялась, что ты знаешь, как целуются, но ты, оказывается, и сам ничего не знал, и сказал просто: «Благодарю, принцесса»,— и ушел. А я потом долго не могла уснуть, все лежала, все думала, в чем здесь была шутка и как ты будешь рассказывать мальчишкам...

— Я не рассказал,— возразил Дор.

— Знаю, что не рассказал. Я поверила. Ни ты, ни голем. Поэтому я и решила, что ты всерьез интересуешься мною.— Тут она улыбнулась, а улыбка всегда делала ее просто неотразимой.— В жизни не встречалась ни с чем подобным! Ты ведь самый настоящий волшебник и...

— Нет, волшебство здесь ни при чем...

— И вот я всю ночь разучивала, как целоваться. А потом ты явился и стал извиняться. Словно сделал что-то плохое. Теперь я сомневаюсь; может, ты и в самом деле устроил такую шутку...

— Нет! — крикнул Дор с болью в голосе.— Я не шутил!

— А я теперь и сама знаю. Не сердись на меня за то, что я любопытствовала.— Айрин опять улыбнулась.— Дор, я знаю, что завтра все будет по-старому и я опять стану для тебя лишь несносной девчонкой, живущей по соседству во дворце. И поэтому прошу: поцелуй меня еще раз.

— С радостью, Айрин,— чувствуя себя богачом после ее слов, ответил Дор и наклонился к ней. Они поцеловались. И в этом

поцелуе, совсем еще детском, было предчувствие будущей взрослой бури страстей.— Может, когда-нибудь еще.

— Я хочу с тобой целоваться — иногда,— мечтательно сказала Айрин.— Теперь мне почему-то понравилось, что я не мальчишка.

— Иногда,— согласился Дор.— Но нам придется отстаивать себя, чтобы над нами не насмехались. Ведь мы не взрослые.

«Но и не такие уж дети. Во всяком случае я,— добавил он мысленно.— После увиденного там, на гобелене, я уже знаю, куда ведут поцелуи».

— Не взрослые,— тихо повторила она.

Повисло молчание. Все уже было сказано. Подойдя к двери, Дор оглянулся. «...И стать для отца и матери разочарованием»,— вспомнились почему-то слова. Девочка сидела на кровати, погруженная в какую-то мечтательную радость.

— Король верит в тебя,— произнес он тихо.— Не сомневаюсь, что верит.

— Король верит,— улыбнулась Айрин.

— И я.

— Несомненно.

Он вышел из комнаты, закрыл дверь и вдруг понял, что теперь будет думать об Айрин. Будет думать и сегодня, и завтра. Вечно.

Гранди ждал его.

— Глаза целы? Зубы не выбиты? На шее ни царапины? — удивленно затараторил он.— За дверью было просто до ужаса тихо!

— Айрин — славная девочка,— сказал Дор, направляясь к библиотеке.— Странно, что я раньше этого не замечал...

— Братцы! — воскликнул Гранди.— Сначала душечка Милли, теперь эта сорвиголова! До чего ты докатишься?

«До взрослости»,— мысленно ответил Дор.

Он в самом деле становился взрослым, открывал неведомые стороны жизни и радовался этому.

Они подошли к дверям библиотеки.

— Входите,— раздался изнутри голос короля Трента. А Дор и постучать не успел!

Дор вошел и присел на указанный королем стул:

— Государь, по твоей воле я отправился в путь. И вот теперь вернулся.

Король поднял руку раскрытой ладонью вверх.

«Так приветствовал Прыгун»,— вспомнил Дор.

— Не буду хитрить с тобой, мальчик,— сказал король.— Хамфри дал мне совет, а я не смог устоять. Короче, я наблюдал за происходящим на гобелене и знаю обо всех твоих приключениях.

— Ты хочешь сказать, что видел на гобелене меня и все, что я там делал?

— Конечно, раз я знал, за каким персонажем наблюдать. Ты и паук — вы чуть не погибли в этом Провале! Но я не мог уничтожить заклинание, пока оно не расползлось на положенное ему расстояние. С ужасом думал, что скажу твоему отцу, если ты...

— Отец Айрин беспокоился обо мне, а я беспокоился об отце Айрин,— рассмеялся Дор как-то принужденно.

— Дор,— тоже улыбнулся король,— я в самом деле не любитель чужих тайн, но вот королева — она этим грешит. Вечно носится по дворцу, разузнает. И она-то быстро заметила, когда твое место занял Мозговитый Коралл, что ты вроде изменился: перестал, к примеру, разговаривать с вещами. Королева потянула за ниточку и размотала клубок. В комнате принцессы висит ее портрет. Она заменила живописное изображение собственной всеслышащей и всевидящей видимостью, устроила то, что среди обыкновенов носит название «наблюдательный пункт». Она видела все, что происходило вчера и сегодня. И сразу же доложила мне.

— Я отвечаю за свои поступки. И за вчерашние, и за сегодняшние.

— Я ни минуты в этом не сомневался. Ты становишься настоящим мужчиной. Но не думай, что королева — твой враг. Просто она хочет, чтобы дочь пошла по ее стопам, и знает, что для этого надо. Кстати, если ей сказать об этом, она может даже возмутиться, причем яростно. Там, в комнате принцессы, положение было не из простых. Но ты ловко взял управление в свои руки, как настоящий командир.

— Ловкость здесь ни при чем. Просто я говорил, что думал.

— Ловкость и честность могут идти рядом.

— Айрин вовсе не так плоха. Просто надо узнать ее получше. Она...— Тут Дор в смущении замолк.— Но зачем я говорю все это тебе! Ты же ее отец!

Король дружески хлопнул Дора по плечу и сказал:

— Я доволен тобой, волшебник. Именно благодаря тебе я узнал тайну дудочки и обруча, которые хранятся сейчас в арсенале замка. При случае эти волшебные средства могут очень пригодиться. У тебя остались дела, связанные с походом в прошлое. Я не стану тебя удерживать. Раз ты научился управлять Ксанфом, надо разобраться с делами прошлого и обратиться к заботам нынешним. А их немало.— С этими словами король подошел к книжной полке и вытащил оттуда свернутый в трубку кусок грубой материи.— Мы приберегли его для тебя,— сказал король.

Это был ковер-самолет.

— Благодарю, государь. Мне как раз надо исполнить одно дело.

Дор уселся на ковер.

— Мозговитый Коралл,— произнес он, и ковер поднялся в воздух.

Когда ковер достиг небес и земля нового Ксанфа развернулась внизу, подобно пестрому гобелену, Дор почувствовал внезапную острую, как боль, тоску по старому Ксанфу, который он недавно покинул. Дор понимал, что там не так уж хорошо, что магия прошлого грубее и имеющие власть большей частью коварны и жестоки, но именно в том мире ему были преподаны первые уроки настоящего мужества, подлинной дружбы, именно там остались тропы, по которым он шел бок о бок с Прыгуном. Нет, никогда не вернуть магического очарования тех дней. Но и в этом мире уже произошло нечто важное: неожиданная, поистине волшебная встреча с принцессой Айрин. Просто надо принять настоящее, как оно есть, и оценить по достоинству...

Теперь вниз, в подземный мир. Из коридора в коридор, все ниже и ниже. Здесь, во мраке, было царство гоблинов. В совре-

менном Ксанфе гоблины появлялись на поверхности очень редко. Что же с ними случилось? Ведь не все гоблины погибли в битве у замка Ругна, не всех уничтожило забудочное заклинание. Может, какое-то бедствие настигло их позднее?

А вот и подземное озеро. Дор опомниться не успел, а оно тут. Дор очутился на месте, так сказать, в мгновение ока. И все благодаря новейшим средствам передвижения. На каком-нибудь древнем пришлось бы ползти вечность.

— *Не настигло гоблинов никакое новое бедствие,*— подумало нечто внутри Дора. Мозговитый Коралл!..— *Это по-прежнему проклятие гарпий. Оно потеряло свою силу на поверхности, но в глубинах земли продолжало действовать. Поэтому на поверхности гоблины становились из поколения в поколение все умнее, все пристойнее, все краше. И в конце концов они так изменились, что их перестали называть чудовищами. Настоящие гоблины сегодня живут только здесь, во мраке подземных пещер.*

— Выходит, я уничтожил их род! — воскликнул Дор.— Но я и представить не мог, что так обернется!

— *Гоблины, как ты знаешь, были ужасны. Они страшили других, но и сами себя подчас страшились. Им жилось так плохо, что смерть представлялась лучшим выходом. Поэтому они с радостью хлынули на замок Ругна и с радостью гибли под ногами своих товарищей. Ты поступил мудро, избавив гоблинов от проклятия, вернув гарпиям их принца.*

— Об этом я и пришел сказать,— вспомнил Дор цель своего визита.— Когда-то ты сделал мне услугу — выпустил на волю принца Гарольда. Теперь я готов вернуть долг, как и обещал.

— *Не беспокойся, волшебник. К тому же тогда, восемьсот лет назад, у тебя было иное тело. Все в порядке. Ты уже вернул долг. И случилось это как раз восемьсот лет назад.*

— Но как же...

— *Ты принес победу королю Ругну. Поэтому его соперник волшебник Мэрфи удалился от дел. Он решил подождать лучших времен и пришел ко мне.*

— Мэрфи в изгнании? — спросил Дор, не веря собственным ушам.

— *В добровольном изгнании,*— уточнил Мозговитый Коралл.— *Король Руген хотел, чтобы он остался, но Мэрфи исполнил свой*

план. Теперь он в моей кладовой. Возможно, когда-нибудь Ксанфу понадобится его талант. Тогда я выпущу Мэрфи на свободу. Взамен принца я получил Мэрфи и Ведну. Они, кстати, прекрасно подходят друг другу. Ты ничего мне не должен.

— Ну раз так, то спорить не стану,— пробормотал Дор.

— *Если когда-нибудь ты опять соберешься в путь и некому будет оставить тело, вспомни обо мне,*— подумал Коралл.— *Я успел узнать многое о жизни. Вот только о мужской природе недопонял.*

— А это вообще туманно,— улыбнулся Дор.

— *Чувства мне недоступны. Но в твоем теле я почувствовал. Я полюбил маленькую принцессу.*

— Она достойна любви,— согласился Дор и вдруг вспомнил еще что-то: — Я обещал уменьшить обруч, но...

— *Прощаю, волшебник, и прощай.*

— Прощай, Коралл.

Скользнув вверх по мрачным подземным колодцам, ковер оказался на поверхности и снова взмыл в небо. Там он завис, ожидая дальнейших распоряжений своего седока.

— К замку доброго волшебника Хамфри,— скомандовал Дор, вспомнив, что ковру все время надо подсказывать, куда лететь.

Дор вспомнил, что замок Хамфри стоит на том самом месте, где некогда было жилище повелителя зомби. Но замок Хамфри ничем не напоминал то древнее строение. Наверное, оно многократно разрушалось, потом перестраивалось.

Хамфри сидел, углубившись в толстенную книгу, не обращая вроде бы ни малейшего внимания на происходящее вокруг. Обычная картина.

— Опять явился? — спросил он сердито.

— Эй, гном, послушай...— начал было Гранди.

— А зачем слушать, когда можно прочитать. Вон в той книге.— И Хамфри указал визитерам, в какой именно.

«— Но я же не убийца! — горячо возразил Дор.— Я всего-навсего двенадца...— Он опомнился, не зная, как загладить ошибку.

— Двенадцать лет воевал! — именно так поняла Милли.— Так тебе и прежде доводилось убивать!

В этом утверждении была значительная доля преувеличения, но и сочувствие, которое очень понравилось Дору. Его утомленное тело невольно потянулось к Милли. Левая рука обвилась вокруг бедер и привлекла девушку поближе. О, до чего мягкие у нее ягодицы!

— Дор,— проговорила она удивленно и обрадованно.— Я тебе нравлюсь?

Дор заставил себя отнять руку. Зачем он прикоснулся к девушке? Да еще к столь деликатному месту.

— Трудно выразить, как нравишься,— ответил он.

— И ты мне нравишься,— промолвила девушка и присела к нему на колени.

Тело опять включилось, руки обняли девушку. Никогда прежде Дор не испытывал ничего подобного. Он чувствовал: тело знает, как поступать, стоит только дать ему волю. И девушка желает этого. Это будет нечто абсолютно новое для него. Ему только двенадцать лет, но тело старше. Тело может сделать это.

— Любимый,— прошептала Милли, клоня головку, приближая губы к его губам. Какие сладкие у нее губы...

Блоха яростно укусила его в левое ухо. Дор прихлопнул ее. Прямо по уху! Мгновенная резкая боль пронзила его.

Дор поднялся, Милли тоже вынуждена была встать.

— Я устал,— проговорил Дор.— Хочу немного отдохнуть.

Девушка молчала, глядя в пол. Дор понял, что страшно обидел ее. Милли совершила поступок, непростительный для любой девушки,— первая призналась в любви и получила отказ. Но он не мог поступить иначе. Ведь он из другого мира. Вскоре он уйдет, а она никак не сможет последовать за ним. Между ними проляжет пропасть в восемь веков, по ту сторону которой ему снова будет всего лишь двенадцать лет. Он не имеет права увлекать и увлекаться».

— Значит, в этой книге про все написано, даже про мои чувства? — спросил Дор, вдруг покраснев от смущения.

Наверняка так и было.

— Разве мы могли бросить на произвол судьбы будущего короля Ксанфа? — вопросом на вопрос ответил Хамфри.— Ко всему прочему, это касалось нашей истории. Конечно, раз кол-

довство гобелена стало действовать, нам оставалось только наблюдать, но ты ведь не сидел там сложа руки...

— А то, что я не сидел сложа руки, сыграло какую-то роль? — задал новый вопрос мальчик.— Я и в самом деле изменил ход истории?

— Ну, это весьма спорный вопрос. У каждого может оказаться свое мнение. Я скажу — изменил, ты скажешь — нет.

— И в этом ответе весь гном Хамфри, как в зеркале,— съехидничал Гранди.

— Надо учитывать особенности ксанфской истории,— продолжил Хамфри.— То есть ни на минуту не забывать, что многочисленные нашествия обыкновенов непрерывно уничтожали обитателей Ксанфа. Когда царят мир и покой, люди живут долго, успевают обзавестись детьми и внуками и умирают в старости, оставляя наследников. Но прервать цепь поколений очень легко. Достаточно какой-нибудь катастрофы. То есть те, кто не успел обзавестись детьми и внуками, не прислали, образно говоря, своих потомков в наше время. В Ксанфе могло сейчас жить гораздо больше людей. Могли быть неведомые потрясения, но излишне ломать голову в догадках, когда нам наверняка известно главное бедствие Ксанфа — нашествия обыкновенов. Они сметали целые поколения, то есть в корне грубо перечеркивали возможный ход истории. И в этом случае нет никакой связи с нашим временем. Я скажу так: первоначальное устройство, связанное с замком Ругна, и было подлинным, а ты внес изменения. Ты как бы переписал сценарий событий. Переписывая, ты вносил изменения. Но они касались лишь деталей этого эпизода, а главный ход истории не изменился. Имеет ли это какое-нибудь значение?

— Думаю, что нет,— ответил Дор.

— Теперь о прочитанном вслух. Тебя беспокоило, что ты ведешь себя не слишком мужественно. А не кажется ли тебе, что отказ обнять девушку требует большего мужества, чем уступка?

— Не кажется,— признался Дор.

— Так знай же, что мужественность гораздо выше любовных утех.

И словно расслышав его слова, в комнату вошла горгона. Платье выгодно подчеркивало ее соблазнительную фигуру, но лица по-прежнему не было.

— Мужские бредни,— проговорили невидимые губы.— Женщины и в самом деле часто отказываются от любви во имя чего-то высшего, но мужчины куда проще. Попросту примитивные организмы.

— Ай, ну что ты говоришь! — воскликнул Гранди, осуждающе погрозив крохотным пальцем.

— Повторю — мужчины попросту примитивные организмы. И ты, голем, тому подтверждение.

— А ну-ка ступайте отсюда оба,— приказал Хамфри.— У нас с волшебником Дором важный разговор.

— А я как раз подумал: «Пора бы уже Хамфри меня прогнать»,— обрадованно заметил голем. Потом он вскочил к горгоне на плечо и уставился в пустоту, окаймленную кольцами змеек. Одна из них высунулась вперед и зашипела.— От такой слышу,— пискнул голем, и змейка вернулась на место. Голем заглянул в ошеломительный вырез горгониного платья.— Золотко,— пропел он,— пойдем на кухню, отведаем чего-нибудь.

И парочка удалилась.

Хамфри рассеянно перелистал страницы исторической книги:

— Я прочел, что на месте моего жилища когда-то стоял замок повелителя зомби. Это удивительное открытие. Если бы повелитель зомби был жив, я с радостью пригласил бы его к себе жить. Ведь он был замечательным волшебником и чудесным человеком.

— Ты прав,— согласился Дор.— Именно повелитель зомби помог королю Ругну одержать окончательную победу. Судьба оказалась к нему несправедлива.— И чувство раскаяния вновь охватило Дора.

— Прошлого не вернешь,— вздохнул Хамфри.

— Ну а горгона уже получила ответ на вопрос?

— Нет. Ведь год еще не прошел.

— Твоя расчетливость переходит все границы! — почти восхищенно произнес Дор.— Иногда мне кажется, что предел уже достигнут, но ты как ни в чем не бывало делаешь новый шаг. Собираешься ли ты жениться на горгоне?

— А ты что скажешь?

Дор представил себе тело горгоны с точки зрения своего недавнего опыта.

— Она просто сногсшибательная красотка. И если задалась целью покорить тебя, то держись! И без лица мужчины от нее просто столбенеют. Это образное выражение.

— У тебя появилась какая-то новая манера в разговоре,— заметил Хамфри.— Значит, как ты сказал, она задалась целью? Ты уверен?

— А зачем же она пришла сюда? — растерянно спросил Дор.

— Ее привело наивное незнание. А вот когда она узнает меня получше, что будет?

— Ну...— Дор замялся. С добрым волшебником и в самом деле трудно ужиться.

— Поэтому самое мудрое — дать ей время узнать меня,— опередив собеседника, подсказал Хамфри.

— Так вот для чего нужен год! — догадался вдруг Дор.— Так это ты ждешь ответа! Не она, а ты! Ты не торопишь ее, позволяя хорошенько обдумать, взвесить.

— Да,— согласился Хамфри.— И если она согласится, я, старый гном, сочту это попросту волшебным сном.

Хамфри не устоял против прелестной горгоны, как в свое время повелитель зомби — против очарования барышни Милли. В этом волшебники оказались очень похожи. Но любовь повелителя зомби завершилась трагически. Неужели и Хамфри ждет то же?

— Ну а теперь поговорим о тебе,— сказал Хамфри. Он сбросил оцепенение, словно не желал больше думать о том, что и так неизбежно.— Именно благодаря тебе я держу в руках эту бесценную книгу. Поэтому ни о какой дальнейшей службе и речи быть не может. Мы квиты. Считаю, что вложил капитал в весьма прибыльное дело и уже получил доход: теперь мне по силам разгадка многих древних тайн. Я уже знаю, допустим, где источник забудочного заклинания, под властью которого до сих пор находится Провал. Разрешаю тебе уйти, мой мальчик.

— Спасибо, волшебник. Я привез назад волшебный ковер.

— Это прекрасно, но я не брошу тебя просто так, без помощи. У меня есть перемещающее заклинание. Не помню, прав-

да, где оно лежит. Но ты попроси горгону. Она отыщет. И мгновенно окажешься дома.

— Тронут твоей заботой,— произнес Дор. Он был счастлив, что не придется вновь прокладывать путь сквозь чащу.— У меня еще одно важное дело: надо отнести живую воду зомби Джонатану.

— Дело это невероятно трудное,— сразу посуровел Хамфри,— но я верю, что ты поступил правильно. Когда ты станешь королем, дисциплина чувств и поступков, обретенная тобой за время этих поисков, сослужит тебе хорошую службу. Не исключено, что это даже более драгоценное качество, чем волшебный талант. И король Трент в свое время тоже сильно возмужал. Я считаю, что есть качества, которые вообще трудно воспитать в безопасном домашнем окружении. В тебе уже такая закалка, что многим и не снилась.

— Очень любезно с твоей стороны,— пробормотал Дор. Вот бы еще научиться отвечать на похвалы! Он искал слова, но Хамфри снова углубился в свою книгу.

Дор пошел к двери и уже на пороге расслышал слова Хамфри:

— Ты похож на своего отца.

На сердце у Дора вдруг стало легко и спокойно.

Гранди и горгона сидели в кухне и лакомились сладкой шипучкой. Как она шипела, Дор расслышал за несколько комнат. Потягивали воду через соломинки. Горгона втягивала напиток неизвестно чем — и он исчезал неизвестно где. Лицо у нее наверняка было, просто его никто не мог увидеть. Дор на минуту представил, что случится, если поцеловать горгону.

«Если в темноте,— решил он,— то ничего страшного. Только вот змейки...»

— Мне нужно переносящее заклинание,— объяснил Дор.— Оно похоже на вспышку.

Горгона отставила стакан, и водица перестала шипеть.

— Да, я знаю, где оно,— сказала горгона.— Все волшебные средства и заклинания я просмотрела и расставила по местам. Впервые за целое столетие в этом замке кто-то навел порядок.— Горгона потянулась к верхней полке. При этом стало более заметно, какая красивая у нее фигура. Если бы еще лицо нарисо-

вать, все мужчины были бы у ее ног. Правда, в виде груды камней. Нет, пусть уж лучше остается как сейчас.— Нашла,— сказала она и вытащила предмет, похожий на сложенную трубку. С одной стороны у трубки была линза, с другой — выключатель.— Когда захочешь исчезнуть, просто нажми на выключатель,— объяснила она.

— Я уже готов. Мне нужно очутиться в гостиной замка Ругна. Ты со мной, Гранди?

— Секундочку.— Голем сделал еще глоток и присоединился.

— Горгона, ты в самом деле согласна стать женой доброго волшебника, теперь, когда хорошо узнала его нрав? — поинтересовался Дор.

— А как же он без меня? Кто ему поможет разобраться с носками и заклинаниями? — вопросила она.— Замку нужна хозяйка.

— Всем замкам нужны хозяйки, но...

— Но представь себе, хорошенькая девушка поселяется в доме одинокого мужчины, живет почти год, а хозяин ведет себя безупречно. Он не торопит решение, он ждет и надеется, хотя знает, что девушка может передумать. Какого имени он заслуживает?

— Имени благородного человека. Терпеливого. Серьезного. Имени человека, достойного любви,— завершил Дор, неожиданно уразумев главный смысл ее вопроса.

— Сюда меня привело желание стать его женой. И теперь это желание только укрепилось. Старый ворчун обладает массой достоинств. Он замечательный волшебник и прекрасный мужчина.

Горгона сейчас едва не слово в слово повторила то, что сказал Хамфри о повелителе зомби! И все же беда должна в конце концов обойти доброго волшебника. Если сходство и существовало раньше, то теперь оно закончилось.

— Желаю тебе счастья,— сказал Дор.

— Ты не поверишь, но среди заклинаний там, на полке, есть и на счастье. Целых три заклинания!..— Горгона лукаво подмигнула.— А еще там есть заклинание для мужской силы. Но не думаю, что оно понадобится моему волшебнику.

Дор попытался взглянуть на горгону глазами обыкновена, в мощном варварском теле которого очутился восемь веков назад.

— Не понадобится,— согласился он.

— А по-настоящему для счастья Хамфри нужны только книги. Какой-нибудь роман с увлекательными историческими похождениями. Как раз сейчас он что-то подобное читает. Там идет речь о древнем Ксанфе. Когда Хамфри прочтет, за книгу возьмусь я. Уже предчувствую, сколько там любовных похождений, волшебства; сколько там неотразимых мужчин, этих простодушных варваров...

Дор поспешно нажал на спуск. Заклинание вспыхнуло — и он очутился перед гобеленом.

— Спаситель Ксанфа,— произнес он и почувствовал себя глупо.

Как только он произнес нужные слова, бутылочка возникла из гобелена и полетела прямо к нему. Заветная бутылочка, которая хранилась где-то там в неведомом месте целых восемь веков. Дор кинулся, хотел словить... Ему бы сейчас хоть чуточку прежней обыкновенской ловкости, но, увы!.. Еще секунда — и случится непоправимое... Но... бутылочка закачалась в воздухе, словно повисла на неведомой нити! Мэрфи просчитался. Но кто же привязал нить? Это Прыгун! А кто же еще! Но где же он сам? Как Дор ни вглядывался, отыскать паука не смог.

Дор вдруг понял, что секунду назад случилось нечто вдвойне удивительное. Он держит в руках бутылочку волшебного эликсира. Это чудо. Но бутылочка явилась не откуда-нибудь, а из гобелена. Из какого? Ведь восемь веков назад король Ругн поместил бутылочку в свой гобелен, в маленький, в тот, что изображен на этом, в гостиной, на большом. Бутылочка вылетела, кажется, именно из большого. Как же так? А может, существуют два одинаковых гобелена? Может быть, потому что... Нет, не может быть, ведь... Разгадка здесь, рядом, но ее невозможно уловить... А, ладно, живая вода все равно у него уже есть. Что касается разных вопросов, то лучше не докапываться, а то найдешь еще что-нибудь неприятное.

Но Дор не спешил уходить. Он наблюдал за событиями, разворачивающимися на гобелене... Древний замок Ругна. Воз-

вращаются слуги. Они очищают замок от мусора. Готовят место для кладбища зомби. Это кладбище находится поблизости от рва. Зомби спят на нем по сей день. Зомби веками защищали замок от врагов, но теперь, когда все тихо, их не видно. Только Джонатан никак не может успокоиться, все бродит. Странный он какой-то, не похожий на других зомби. Но и среди людей попадаются чудаки.

— В любой толпе он одинок,— прошептал Дор.

Он на минуту отвлекся, но теперь снова стал смотреть. Вот и он сам. Рядом Прыгун. Идут. Стараются подойти как можно ближе к тому месту, из которого явились в мир Четвертой волны нашествия. Они пытаются одолеть чащу, а чаща всячески сопротивляется: подсовывает разные косые заросли. Провал. Спускаются по нити и взбираются. К счастью, дракона в тот момент не было на месте. Наверное, отравился забудочным заклинанием и убрался куда-нибудь... И вот, перебравшись на северную сторону, они идут дальше. Чем ближе к входу в иное пространство, тем мощнее заклинание.

А кто это там, поблизости от входа? Уже знакомый богатырь обыкновен. Но теперь рядом с ним нет громадного паука. Разыскивая место для ночлега, обыкновен стучится в двери крестьянского дома. Выходит хозяйка, привлекательная молодая женщина. Крохотные фигурки разыгрывают какую-то сцену.

— О чем они говорят? — спросил Дор у голема.

— Ты же сказал, что переводчик тебе не нужен!

— Гранди...

— Я иноземец,— торопливо заговорил голем.— Меня только что расколдовали. А раньше меня превратили... посадили в тело какой-то блохи. Чужак завладел моим телом...

— Блоха! — воскликнул Дор.— Какое-то насекомое все время кусало меня. Так это был обыкновен!

— Помолчи! — шикнул на него Гранди.— Я с трудом разбираю, что они говорят. Это существо,— вернулся он к переводу,— всячески издевалось надо мной. Оно перебрасывало мое тело через Провал, бросало в толпу зомби, вынуждало один на один сражаться с целой армией чудовищ...

— Ну это уж враки! — не выдержал Дор.

— А еще там был ужасный паук, громадный паук,— невозмутимо продолжал голем.— Я все время дрожал, что он разыщет мое мушиное тело и убьет. Ужас! Однако теперь я свободен. Но мне жутко хочется перекусить и отдохнуть. Пустишь на ночлег?

— Такому сказочнику я позволю ночевать хоть три ночи,— сказала хозяйка, с любопытством разглядывая обыкновена.— А еще знаешь истории?

— Превеликое множество,— почтительно ответил обыкновен.

— Такие балагуры обычно не бывают разбойниками.

— Я смирный,— робко произнес обыкновен.

— Живу одна,— улыбнулась хозяйка.— Мужа дракон задрал. Без хозяина крестьянствовать трудно. Нужен мне такой... может, и не шибко смышленый, но чтобы сильный был, выносливый. И еще мечтаю я, чтобы он...— Тут женщина развела руками, тяжело вздохнула и отвернулась.

Обыкновен не пропустил этот тяжкий вздох. Раз обратил внимание, значит, душа у него добрая.

— Не буду утверждать, что я такой уж тихоня...

— Ладно, входи,— сказала женщина.

«Значит, все у моего прошлого обыкновенского тела будет хорошо»,— понял Дор с облегчением.

Эта сценка почему-то напомнила ему о кентавре Сердике. Интересно, как он поживает? Помирился ли со своей шаловливой подружкой? Может, взглянуть? Нет, не надо, ведь это не его дело.

И тут краем глаза Дор заметил что-то в углу гобелена. Прыгун! Крохотный паучок приветственно машет лапкой. А рядом с ним еще один паучок.

— Ты нашел друга! — радостно воскликнул Дор.

— Не друг это вовсе, а его жена,— перевел голем.— И она хочет знать, где ее муж пропадал пять лет. Когда вылетела бутылочка, он встревожился, явился сам и привел жену. Хочет, чтобы она на тебя посмотрела.

— Успокой ее, Гранди, скажи, что мы в самом деле странствовали с Прыгуном пять лет. *Пять* лет?

— Да. По-нашему две недели. И Прыгуну тоже так казалось, но когда он вернулся домой...

— ...выяснилось, что пропадал пять лет. Теперь понимаю.

Дор обменялся любезностями с госпожой Прыгунихой, пообещал Прыгуну, что они встретятся опять через несколько дней, помахал на прощание и с легким сердцем вышел из гостиной.

— Ты преодолеваешь трудности с завидной уверенностью,— заметил Гранди.— Это ново. Скоро я тебе вообще не понадоблюсь.

— Что поделаешь, взрослею,— вздохнул мальчик.— В один прекрасный день я женюсь, у меня родится сын, и ты будешь помогать ему, как когда-то мне.

— Прекрасно,— согласился голем. Будущее ему понравилось.

Они вышли из замка и направились к уютному коттеджу, выстроенному в приятном сырном стиле.

С каждым шагом Дор чувствовал все большую тоску и тревогу. Родители наверняка еще не вернулись из Обыкновении. Там, внутри, только Милли. Милли-служанка, Милли-призрак, Милли-нянька. Что успел ей рассказать Мозговитый Коралл, пока оживлял его тело? Что сказать ей теперь? Знает ли она, чем он занимался в прошедшие две недели?

Дор приказал себе успокоиться и открыл дверь. В собственный дом можно входить без стука. Кто он такой? Всего лишь мальчишка. А Милли просто заботится о нем. И она наверняка не знала и ни за что не узнает, что он и есть тот самый волшебник, тот обыкновенский солдат из канувших в прошлое времен.

«А вот ответь мне на такой вопрос,— вдруг спросил себя Дор,— там, внутри гобелена, ты как себя называл? Своим собственным именем, конечно. И использовал свое имя и талант...»

Стоп! Вот и попался. Ведь по таланту и имени в Ксанфе можно обнаружить кого угодно. Ну и дурак же он!

— Дор, это ты? — мелодичным голосом спросила Милли из кухни. Бежать поздно!

— Я,— глухо отозвался он. Ну что ж, надо идти, и будь что будет. Ну и дураки же эти двенадцатилетние мальчишки!..— Это я со стеной разговариваю. Скажи что-нибудь, стена,— велел он.

— Что-нибудь скажу,— услужливо отозвалась стена.

Милли показалась в дверях кухни. До чего она красива, просто королева, хоть и стала старше на двенадцать лет! В ней появились какая-то сдержанность, простота и вместе с тем гордая осанка. Милли состарилась, Дор помолодел. Теперь между ними пролегла пропасть, огромная, как Провал.

Но он все еще любил ее.

— А за прошлые две недели ты ни разу со стенами не разговаривал,— заметила Милли. Иначе и быть не могло. Коралл оживил его тело, но не сумел оживить талант.— Почему ты так странно смотришь на меня? — встревоженно спросила Милли.— Что-то случилось?

Дор опустил голову. Что он мог сказать?

— Я... мне кажется, я тебя где-то видел,— тихо сказал он.

Милли рассмеялась — смехом сладким и невинным. Как же он любил ее смех! Так смеялась та прежняя, юная Милли, девушка с гобелена.

— Ты видел меня утром, Дор, когда я подавала тебе завтрак.

Больше всего он боялся разоблачения. Но хватит медлить. Надо сделать решительный шаг и все выяснить.

— Милли, когда ты была молода, ну, до того, как стала призраком... у тебя были друзья?

Милли снова рассмеялась, сотрясаясь всем телом. За эти годы она, конечно же, располнела, округлилась.

— Были друзья.

— А кто они? Ты никогда о них не рассказывала.— Сердце его забилось сильнее.

Милли помрачнела:

— Дор, ты ведь не из пустого любопытства расспрашиваешь? Не сердись, но я ничего не могу рассказать. Поблизости от меня взорвалось забудочное заклинание. Я пробыла в его власти долгое время и теперь ничего не могу вспомнить. И друзей не помню.

Вот так сила у этого заклинания! Милли видела перед собой Дора-мальчика, подростка, и начисто забыла того Дора — из ее головы выветрилось, как они вместе стояли на крепостном валу, как она призналась ему в любви. Но какая-то сила толкала Дора расспрашивать дальше:

— А как ты... умерла?

— Кто-то заколдовал меня. Превратил в книгу.

КНИГА! Он ведь нашел ее в подъемнике, ведущем из дамской комнаты. Ведна превратила девушку в книгу, бросила в подъемник и подняла на верхний этаж. В замке тогда все было вверх дном, книги валялись повсюду. Никто и не подумал, что одна из них и есть несчастная Милли. Проклятие Мэрфи доживало последние часы, но еще действовало. Именно по его коварному наущению Дор, найдя книгу, пошел с ней в библиотеку и вежливенько поставил находку на полку. Там книга и простояла восемь веков в тишине и покое.

— Я забыла многое,— продолжала Милли.— Забыла свое тело — какое оно, где оно. Наверное, это опять власть заклинания. Все было так смутно, особенно вначале, а потом... потом я стала призраком. Призраки легче обходятся без воспоминаний; у призраков вообще легкое тело, легкая голова.— Милли смотрела на мальчика изучающим взглядом.— Но иногда случались проблески. И в их свете твой отец... глядя на твоего отца, я вспоминала кого-то давнего, мне кажется, я любила этого кого-то, но опять не могла вспомнить. Так или иначе. скрытый пеленой забвения умер, умер восемьсот лет назад. Со мной рядом неизменно был и есть Джонатан. Наша дружба длится с незапамятных времен, и нет для меня никого лучше его. Король Ругн правил долго и успешно, но все когда-нибудь кончается; король умер, замок стал приходить в упадок. И вот я осталась совсем одна, всеми покинутая, не знающая, как жить дальше. И в этот трудный час явился Джонатан и помог мне продержаться. Его не смущало, что я всего лишь бедный призрак. Если бы только можно было...

Милли любила Дора, но не могла вспомнить, потому что оказалась во власти заклинания. Он может не опасаться: ни его имя, ни талант ничего ей уже не смогут подсказать. Юный облик не насторожит ее, потому что она не помнит, откуда пришел тот, кому она открыла сердце восемь веков назад; никогда не свяжется в ее памяти этот худенький подросток с тем отважным воином.

Джонатан — вот ее единственное утешение, вечное утешение. Джонатана она не забыла, потому что он неизменно был рядом. Жалкий призрак и бесприютный зомби спасали друг друга, когда весь мир позабыл о них. Зачем воскрешать память о прошлой боли? Зачем терзать вопросами? Это жестоко.

— Милли, я принес снадобье. Оно вернет Джонатана к жизни,— сказал мальчик.

— Дор, знаешь, я кое-что вспомнила,— сказала Милли, глядя на него так, словно не верила своим глазам.— Вспомнила, кого напоминал твой отец. Тебя! И не столько даже внешностью, сколько...

— Ты не могла вспомнить, потому что мне всего лишь двенадцать лет! — резко ответил Дор, тем самым запрещая Милли тянуть за ниточку, которую сам же и дал ей в руки.— В этом случае надо рассуждать иначе: я напоминаю тебе моего отца, потому что... потому что становлюсь взрослым.

— Да, конечно,— как-то неуверенно согласилась она.— И все же иногда, когда ты разговариваешь с вещами, я начинаю вспоминать... ты беседуешь с драгоценностями... какое-то большое гнездо... нет, не помню...

— Возьми бутылочку,— сказал он,— и позови Джонатана.

«Джонатан,— с болью прозвучало в его душе,— знаешь ли ты, что сейчас займешь место ее любви, ее жениха. Подари ей счастье во имя человека, у которого судьба отняла это право!»

— Все же что-то мелькает передо мной,— говорила Милли, в растерянности не обращая внимания на бутылочку.— Большой, сильный иноземец...

— Джонатан! — заорал Дор во всю глотку.— Иди сюда!

Дверь отворилась. Вошел Джонатан. Он всегда был рядом с Милли как ее верный слуга на протяжении столетий. Джонатан прошаркал в кухню, усеивая свой путь кусками отваливающейся от него грязи. На зомби всегда просто тонны грязи! Так уж им полагается. Джонатан телом напоминал скелет, померкшие глаза гноились, он принес с собой ужасный запах.

— Я теперь знаю, что увлеклась таинственным иноземцем лишь на мгновение,— не успокаивалась Милли.— Он покинул меня, а Джонатан остался навсегда.

— Сейчас увидим! — крикнул Дор. Он открыл бутылочку и брызнул на Джонатана.

Тело стало изменяться прямо на глазах: оно пополнело, кожа расправилась, стала здоровой и гладкой. Джонатан распрямился, стал выше, стройнее.

— Джонатана я люблю, и больше никто мне не нужен,— произнесла Милли и вдруг поняла, что произошло.— Джонатан! — воскликнула она, по-давнему тряхнув волосами.

А превращение тем временем закончилось. Вместо ужасного зомби возник пусть и худой, но вполне здоровый, вполне живой человек.

— Повелитель зомби! — воскликнул Дор.— Я тогда не успел узнать твоего имени!

И он отошел в сторонку, позволяя настоящей любви занять надлежащее место. Джонатан и Милли — она забавно притопнула ножкой — удалились из кухни. А мальчик понял, что цель его странствий достигнута.

Содержание

Заклинание для хамелеона

Перевод Д. Прияткина

Глава 1. Ксанф 9
Глава 2. Кентавр 27
Глава 3. Провал 53
Глава 4. Иллюзия 81
Глава 5. Источник 104
Глава 6. Волшебник 127
Глава 7. Изгнание 145
Глава 8. Трент 159
Глава 9. Превращатель 174
Глава 10. Погоня 196
Глава 11. Глухоманъ 210
Глава 12. Хамелеоша 233
Глава 13. Логические доводы 254
Глава 14. Вжики 275
Глава 15. Дуэль 297
Глава 16. Король 320

Источник магии

Перевод С. Буренина

Глава 1. Скелет в чулане 347
Глава 2. Поиски сокровища 380
Глава 3. Стычка с полушками 402

Глава 4. Замок волшебника 425
Глава 5. Голем на высоте 444
Глава 6. Магическая пыль 469
Глава 7. Убийственные красотки 493
Глава 8. Взбесившиеся созвездия 520
Глава 9. Донные прокляторы 550
Глава 10. Нимфа драгоценностей 573
Глава 11. Мозговитый Коралл 605
Глава 12. Демон Ксанфа 631
Глава 13. Безволшебье 648
Глава 14. Парадоксальное желание 678

Замок Ругна

Перевод И. Трудолюбовой

Глава 1. Огр 715
Глава 2. Гобелен 733
Глава 3. Прыгун 771
Глава 4. Чудовища 801
Глава 5. Замок 838
Глава 6. Повелитель зомби 858
Глава 7. Осада замка 881
Глава 8. Договор 905
Глава 9. Путь в замок Ругна 924
Глава 10. Сражение 956
Глава 11. Бедствие 989
Глава 12. Возвращение 1026

Литературно-художественное издание

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Пирс Энтони

ЗАКЛИНАНИЕ ДЛЯ ХАМЕЛЕОНА

Ответственный редактор *А. Етоев*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *В. Сергеев*
Корректоры *М. Ахметова, В. Дроздова*

Иллюстрация на переплете *Geliografic*

Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательский дом «Домино».
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.
Тел./факс: (812) 272-99-39

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.*
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»: Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный). e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Подписано в печать 01.07.2009. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Бумага писч. Усл. печ. л. 55,44.
Тираж 5 000 экз. Заказ 8994

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат" 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-37156-3

Пирс

ЭНТОНИ

Piers Anthony

ISBN 978-5-699-37156-3

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ Ф